Н. Н. БУЛИЧЪ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ НАЧАЛА XIX ВѢКА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

съ предисловіемъ Н. К. Кульмана.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1912.

124847

Библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР
420
60

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

„Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка“ представляютъ собою курсы лекцій покойнаго профессора Николая Никитича Булича, составленные имъ и читанные студентамъ Казанскаго Университета въ семидесятыхъ годахъ.

Приступить къ изданію этого труда, такъ давно написаннаго, я рѣшился только въ 1901 г., по просмотрѣ рукописи глубокоуважаемымъ В. И. Семевскимъ и покойнымъ А. Н. Пыпинымъ, и по переработкѣ библіографическихъ указаній, любезно исполненной Н. К. Кульманомъ. Хотя нѣкоторый недостатокъ литературной отдѣлки, замѣтный въ иныхъ мѣстахъ лекцій, и давалъ поводъ думать, что авторъ не редактировалъ ихъ окончательно, а можетъ быть, и не предполагалъ печатать въ этомъ видѣ,— тѣмъ не менѣе я считалъ себя обязаннымъ въ этомъ изданіи, какъ посмертномъ, сохранить текстъ по возможности неприкосновеннымъ.

Б. Н. Булич.

1912 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второе изданіе „Очерковъ“ Н. Н. Булича печатается безъ перемѣнъ съ перваго изданія, успѣхъ котораго показываетъ, что лекціи покойнаго профессора Казанскаго университета оказались далеко нелишними на нашемъ книжномъ рынкѣ.

Конечно, время сдѣлало свое обычное дѣло, и кое-что въ „Очеркахъ“ Н. Н. Булича уже устарѣло. Но въ изобиліи появившіяся за послѣдніе годы историко-литературныя работы, какъ общія, такъ и спеціальныя, не могли заставить потускнѣть ни ясности мысли, ни живости изложенія, ни стройности плана и идейности содержанія „Очерковъ“. Вотъ почему ихъ можно попрежнему рекомендовать учащейся молодежи, которая найдетъ въ нихъ характеристику главнѣйшихъ литературныхъ явленій второй половины 18 и начала 19 столѣтій.

Большую пользу принесутъ „Очерки“ и тому, кто, не имѣя возможности заниматься подъ руководствомъ профессоровъ, идетъ по пути самообразованія: чтеніе „Очерковъ“ дастъ основу, необходимую для дальнѣйшей работы, болѣе углубленной въ спеціальные вопросы.

Критика, какъ извѣстно, встрѣтила первое изданіе съ единодушнымъ сочувствіемъ, но отмѣтила несамостоятельность нѣкоторыхъ отдѣловъ и зависимость ихъ отъ трудовъ А. Н. Пыпина. Это не дожно удивлять, если принять во вниманіе, что „Очерки“ составились изъ лекцій *общаго* курса литературы. Такія лекціи всегда находятся въ зависимости отъ работъ отдѣльныхъ изслѣдователей.

Однако Н. Н. Буличъ самъ былъ спеціалистомъ въ вопросахъ исторіи литературы 18 вѣка, и потому тѣ части курса, гдѣ ему приходилось говорить о 18 вѣкѣ, отличаются полной самостоятельностью: онѣ заключаютъ въ себѣ рядъ цѣнныхъ матеріаловъ и даютъ своеобразное освѣщеніе фактамъ литературы и общественности.

Н. Кульманъ.

30 марта 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ I.

СТРАН.

ЛЕКЦІЯ I. Значеніе литературы въ обществѣ.—Отношеніе ея къ жизни.—Зависимое положеніе нашей литературы.—Причина непрочности литературной славы нашихъ писателей.—Взгляды славянофиловъ . . . 1

ЛЕКЦІЯ II. Вступленіе на престолъ Александра I.—Отношеніе къ нему общества.—Воспитаніе Александра.—Замѣтки Протасова—Лагарпъ. Его юность 7

ЛЕКЦІЯ III. Прибытіе Лагарпа въ Россію — Дальнѣйшая судьба его.—Уроки Лагарпа.—Вліяніе ихъ на Александра.—Воспоминанія Адама Чарторыскаго.—Столкновеніе Александра съ жизнью 16

ЛЕКЦІЯ IV. Двойственность характера Александра.—Борьба принциповъ на Западѣ. — Отраженіе этой борьбы въ Россіи. — Направленіе нашего общественнаго движенія —Приближенные Александра 23

ЛЕКЦІЯ V. Роль императора Александра I въ „комитетѣ“.—Планъ организаціи народнаго образованія.—Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Правленія Училищъ.—Первый по времени министръ Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій и его сотрудники 30

ЛЕКЦІЯ VI. Заботы Главнаго Правленія Училищъ о развитіи просвѣщенія въ Россіи. — Уставы Университетовъ 1804 г. — Студенты и русскіе профессора въ Университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ 39

ЛЕКЦІЯ VII. Недостатокъ въ профессорахъ. — Профессора иностранцы и ихъ просвѣтительное вліяніе.—Значеніе нѣмецкой философіи въ то время.—Отношеніе русскихъ университетовъ начала XIX в. къ обществу и народному образованію. — Характеристика профессорской среды 47

ЛЕКЦІЯ VIII. Цензура и ея значеніе въ русской литературѣ.—Пушкинъ о цензорѣ Александровскаго времени.—Цензура при Екатеринѣ II и отзывъ о ней Радищева 55

ЛЕКЦІЯ IX. Проектъ Баккаревича.—С.-Петербургскій журналъ.—Начало литературной дѣятельности Карамзина 63

ЛЕКЦІЯ X. Вѣстникъ Европы 72

ЛЕКЦІЯ XI. Пнинъ.—„Петербургскій Журналъ“.—„Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ“.—„Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ 80

стран.

ЛЕКЦІЯ XII. Цензурное дѣло Пнина.—Смерть Пнина.—С.-Петербургскій журналъ.—Мартыновъ.—Сѣверный Вѣстникъ 89

ЛЕКЦІЯ XIII. Журналы: „Лицей", „Журналъ Россійской Словесности", „Журналъ для пользы и удовольствія".—Макаровъ и его журналъ 98

ЛЕКЦІЯ XIV. Безплодность сентиментальнаго направленія.—Князь Шаликовъ. — В. В. Измайловъ. — Его педагогическія идеи. — Журналъ „Патріотъ" 108

ЛЕКЦІЯ XV. Споръ о старомъ и новомъ слогѣ.—Принципіальное значеніе этого спора. — П. И. Голенищевъ-Кутузовъ. — Его доносъ на Карамзина —Шишковъ 117

ЛЕКЦІЯ XVI Взгляды Шишкова на русскій языкъ. — Полемика противъ Шишкова.—П. И Макаровъ.—Каченовскій. 126

ЛЕКЦІИ XVII и XVIII. Отвѣтъ Шишкова на критики. — И. И. Дмитріевъ.—Его литературная дѣятельность 135

ЛЕКЦІЯ XIX. Державинъ —Его отношенія къ царствованію Александра 153

ЛЕКЦІЯ XX. Отношеніе общественнаго мнѣнія къ западно-европейскимъ событіямъ.—Первая война съ Наполеономъ.—Аустерлицкое пораженіе.—Разгромъ Пруссіи и Тильзитскій миръ 163

ЛЕКЦІЯ XXI. Впечатлѣніе отъ Тильзитскаго мира —Удаленіе Чарторыскаго, Новосильцева и Кочубея.—Аракчеевъ.—Сперанскій.—Патріотическая литература.—„Геній временъ".—Ѳ. В. Растопчинъ.—Его дѣтство —Служба 172

ЛЕКЦІЯ XXII. Растопчинъ при Павлѣ. — Отставка Растопчина.—Занятія сельскимъ хозяйствомъ.—Брошюра „Плугъ и соха".—„Мысли вслухъ" 180

ЛЕКЦІЯ XXIII. Вліяніе Растопчина на литературу.—Повѣсть „Охъ, французы" —Комедія „Вѣсти или убитой живой".—Отношеніе Растопчина къ Сперанскому 190

ЛЕКЦІЯ XXIV. С. Н. Глинка.—Его дѣтство, пребываніе въ корпусѣ и служба —Первыя произведенія Глинки.—Перемѣна въ убѣжденіяхъ Глинки.—Программа „Русскаго Вѣстника" 199

ЛЕКЦІЯ XXV. Сотрудники Глинки: Растопчинъ, княгиня Дашкова.—Отношеніе публики и правительства къ „Русскому Вѣстнику".—Содержаніе журнала.—Отношеніе къ нему журналистики. — Эпиграммы на Глинку 208

ЛЕКЦІЯ XXVI. Новыя нападки Шишкова на современную литературу. — Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа — Д. В. Дашковъ и его критика на сочиненія Шишкова.—Отвѣтъ Шишкова 218

ЛЕКЦІЯ XXVII. Книга Дашкова „О легчайшемъ способѣ возражать на критики" —„Разговоры о словесности" Шишкова.—Критика Каченовскаго на первый разговоръ.—„Бесѣда" 227

ЛЕКЦІИ XXVIII и XXIX. Крыловъ —Комедіи его „Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ". — Озеровъ и его трагедіи „Ярополкъ и Олегъ", „Эдипъ въ Аѳинахъ", „Фингалъ" 237

ЛЕКЦІЯ XXX. „Димитрій Донской". — Служебныя непріятности Озерова. — Намѣреніе писать трагедію изъ русской исторіи — „Поликсена".—Неуспѣхъ пьесы.—Его причины —Кн. А. А. Шаховской . . . 256

СТРАН

ЛЕКЦІЯ XXXI. Интриги Шаховского противъ Озерова —Сумасшествіе Озерова.—Отзывъ Сперанскаго объ Озеровѣ.—Трагедіи Крюковскаго —Записка Карамзина „о древней и новой Россіи“. 265

ЛЕКЦІИ XXXII, XXXIII и XXXIV. Содержаніе „Записки“ Карамзина. 275

ЛЕКЦІЯ XXXV. Масонство и мистицизмъ —Новиковъ 301

ЛЕКЦІЯ XXXVI. Мистическая литература при Александрѣ I.—Судьба старыхъ масоновъ.—Лопухинъ.—Его „Разсужденіе о злоупотребленіи разума“.— Записки Лопухина —Защита духоборцевъ. 310

ЛЕКЦІЯ XXXVII. Лопухинъ въ царствованіе Павла и Александра — Эккартсгаузенъ 319

ЛЕКЦІЯ XXXVIII. Соч. Лопухина „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“. — Драма „Торжество правосудія и добродѣтели“ — „Отрывки“ 329

ЛЕКЦІИ XXXIX и XL Ковальковъ —Невзоровъ —Лабзинъ . . . 338

ЛЕКЦІЯ XLI. Литературная дѣятельность Лабзина.—Юнгъ Штиллингъ. 357

ЛЕКЦІЯ XLII Сочиненія Штиллинга.—Журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.—Заключеніе 366

Томъ II.

СТРАН

ЛЕКЦІЯ I. 1812 годъ.—Патріотическое направленіе литературы — С. Глинка —Растопчинъ.—Его афиши. 379

ЛЕКЦІЯ II.—„La vérité sur l'incendie de Moscou“ —Казнь Верещагина — Общая характеристика личности Растопчина. — Шишковъ.— „Опытъ славенскаго словаря“.—„Разсужденіе о любви къ отечеству“.— Назначеніе Шишкова государственнымъ секретаремъ 388

ЛЕКЦІЯ III. Шишковъ за границей.—Отставка.—Положеніе и направленіе общественнаго мнѣнія во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ.—Басни Крылова, какъ отголосокъ патріотическаго настроенія общества.—Зарожденіе мистицизма въ обществѣ —Манифестъ 1816 года. 398

ЛЕКЦІЯ IV и V Жуковскій —Его первые литературные опыты.— „Сельское кладбище“.—Редактированіе „Вѣстника Европы“.—„Людмила“. 408

ЛЕКЦІЯ VI и VII Романтизмъ на западѣ и романтизмъ Жуковскаго.—„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“.—„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“.—Отношенія Жуковскаго къ Протасовой.—„Долбинскіе“ стихотворенія —Посланіе къ имп. Александру 429

ЛЕКЦІЯ VIII. Жуковскій въ Петербургѣ и Дерптѣ —Придворная жизнь 449

ЛЕКЦІЯ IX Отношеніе къ Жуковскому его друзей —Батюшковъ — Его дѣтскіе и юношескіе годы 460

ЛЕКЦІЯ X Батюшковъ въ Финляндіи.—Отставка и жизнь въ деревнѣ —Увлеченіе Торквато Тассо.—Отношеніе къ спору о слогѣ и патріотическому направленію въ литературѣ. — „Видѣніе на берегахъ Леты“.—Переѣздъ въ Москву.—Сближеніе съ литературными кружками 470

СТРАН.

ЛЕКЦІЯ XI Батюшковъ въ Москвѣ — Поступленіе въ военную службу —Посланіе къ Дашкову —Походъ въ Европу 482

ЛЕКЦІЯ XII. Причины душевной тоски Батюшкова.—Выходъ въ отставку.—Арзамасъ —Сближеніе съ Уваровымъ.—Поѣздка въ Италію. 492

ЛЕКЦІЯ XIII. Душевная болѣзнь Батюшкова.—Причины ея.—Арзамасъ —Шаховской и полемика противъ него 503

ЛЕКЦІЯ XIV Возникновеніе и занятія Арзамаса —Члены его. . . 513

ЛЕКЦІЯ XV. Намѣреніе арзамасцевъ издавать журналъ.—Милоновъ 523

ЛЕКЦІЯ XVI В. П. Панаевъ.—Казанское общество любителей отечественной словесности.—„Идиллія“ Панаева 534

ЛЕКЦІИ XVII и XVIII. Н. И. Гнѣдичъ.—Переводные романы.—Нарѣжный. 543

ЛЕКЦІИ XIX и XX. Нарѣжный.—Его романы.—А. Е. Измайловъ. 565

ЛЕКЦІЯ XXI Общественное настроеніе послѣ 1812 г.—Россійское библейское общество. 587

ЛЕКЦІЯ XXII. Библейское общество —Возстановленіе масонскихъ ложъ.—Ланкастерскія школы. 597

ЛЕКЦІЯ XXIII. Реакціонное движеніе въ Западной Европѣ. . . . 607

ЛЕКЦІЯ XXIV. Отраженіе европейской реакціи въ Россіи 616

ЛЕКЦІЯ XXV. Реакція.—Магницкій 626

ЛЕКЦІЯ XXVI. Магницкій.—Преобразованіе Казанскаго университета 637

ЛЕКЦІЯ XXVII. Положеніе университетовъ во время реакціи. . . 647

ЛЕКЦІЯ XXVIII. Цензура во время реакціи.—Министерство князя Голицына 657

ЛЕКЦІИ XXIX и XXX Парротъ.—Паденіе Голицына.—Фотій. . . 667

ЛЕКЦІЯ XXXI. Исторія книги Госнера.—Паденіе Голицына.—Министерство Шишкова —Закрытіе библейскаго общества 687

ЛЕКЦІЯ XXXII. Филаретъ.—Судьба Магницкаго.—Заключеніе. . . 698

ТОМЪ I.

ЛЕКЦІЯ I.

Значеніе литературы въ обществѣ.—Отношеніе ея къ жизни.—Зависимое положеніе нашей литературы. — Причина непрочности литературной славы нашихъ писателей.—Взгляды славянофиловъ.

Приступая къ изложенію исторіи движенія русской мысли и литературы въ нашемъ отечествѣ съ первыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, я считаю необходимымъ предпослать этому изложенію нѣсколько общихъ мыслей и опредѣленій. Онѣ дадутъ намъ возможность лучше и яснѣе понять тотъ предметъ, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло.

Сравнительно съ вѣкомъ предшествовавшимъ понятіе о литературѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ общества и политическимъ ростомъ нашей страны, значительно измѣнилось. Измѣненіе это есть необходимое историческое явленіе, и намъ, въ теченіе настоящаго курса, придется указывать, какимъ образомъ совершалось это измѣненіе и какія явленія жизни вызывали его. Прежде главною стороною литературныхъ явленій была сторона *художественная*. Даже по взгляду Бѣлинскаго, литературное произведеніе должно было быть *плодомъ свободнаго вдохновенія* и „дружныхъ усилій людей, созданныхъ для искусства“. Конечно онъ уже требовалъ отъ литературы, чтобъ она выражала и духъ народа, и внутреннюю жизнь его, но прежде всего онъ требовалъ, чтобы произведенія ея были изящны. Онъ говорилъ, что литература есть народное самопознаніе, цвѣтъ и плодъ народной жизни, что ее невозможно отдѣлить отъ развитія общества, которому она служитъ выраженіемъ. Опредѣленія эти и теперь имѣютъ всю свою силу и значеніе, но значеніе литературы въ обществѣ, а слѣдовательно и понятіе о ней сдѣлалось гораздо шире. Въ наше время литература гораздо прямѣе и непосредственнѣе служитъ обществу и государственной жизни, чѣмъ было то прежде; она стоитъ ближе къ жизни. Едва ли будетъ справедливо требовать отъ литературы, посвящающей себя служенію жизни и обществу, занятой по

необходимости временнымъ, высокаго художественнаго совершенства. Многое въ этомъ отношеніи утрачено современною русскою литературою; слишкомъ малое въ ней носитъ на себѣ печать художественнаго творчества, но близость ея къ общественной и политической жизни очевидна для всякаго, кто слѣдитъ за современностью, и въ этомъ надо видѣть успѣхъ нашей литературы.

Указывая на этотъ успѣхъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, мы далеки однако отъ мысли, что она достигла полнаго совершенства, что не остается болѣе ничего желать для нея, и что она дѣлаетъ свое дѣло вполнѣ достойнымъ образомъ. Нѣтъ, многаго еще приходится желать ей и всѣми силами нужно содѣйствовать ей, потому что она составляетъ глубоко національное дѣло. Но дальнѣйшее развитіе ея обусловлено вполнѣ развитіемъ общества, въ которомъ она существуетъ. Чѣмъ больше жизни и мысли въ этомъ обществѣ, тѣмъ полнѣе и живѣе литературная дѣятельность. Она не создаетъ жизни и ея явленій, а содѣйствуетъ только правильному ходу ея; жизнь, напротивъ, создаетъ литературу и даетъ ей смыслъ и содержаніе. Стоитъ только вспомнить о замѣчательномъ пробужденіи русской мысли и литературы въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, чтобъ понять, какъ зависитъ литература отъ жизни общества.

Приписывать поэтому литературѣ сильное и преобладающее вліяніе на жизнь общества, говорить, напримѣръ, о томъ, что она можетъ измѣнить нравы и обычаи народа, было бы вполнѣ несправедливо. Въ XVIII вѣкѣ, во время процвѣтанія такъ называемой просвѣтительной литературы, когда свободная мысль, зародившись въ одномъ, болѣе другихъ свободномъ государствѣ, господствовала въ литературѣ европейскихъ странъ въ незначительномъ числѣ ея представителей, въ то время, какъ общества и государства европейскія не сбросили еще съ себя оковъ феодальнаго быта, литературѣ и ея вліянію приписывали слишкомъ много значенія, думали, что она въ состояніи измѣнить условія жизни и нравы общественные. Послѣ французской революціи, когда въ европейскихъ обществахъ стала господствовать реакція, представители этой реакціи обвиняли литературу за революцію, за всѣ ея преувеличенія и ошибки, даже за убійства и преслѣдованія. Во всемъ, что только не нравилось тогда реакціи, должны были быть виноваты Руссо и Вольтеръ. Нѣтъ, историческія событія не вызываются литературою; они приходятъ сами собою, вслѣдствіе неизбѣжныхъ условій жизни, и нравы народа измѣняются не словомъ, не мыслью, а историческими обстоятельствами самой народной жизни. Литература не создаетъ общественнаго мнѣнія, а можетъ только уяснить его, старается направить его въ ту или другую сторону, смотря по тому, изъ какой партіи раздается

голосъ литературы. Власти надъ жизнью литература не имѣетъ. Отсюда понятно, какъ нелѣпы вообще бываютъ нападенія на вредное будто бы дѣйствіе литературы, вызывающей страсти и волненія, какъ безцѣльно стѣснять ея голосъ цензурою и преслѣдованіями. Только свобода и независимость литературы даетъ ей возможность быть полезною и служить жизни и общественному развитію. Литература только тогда имѣетъ полное право назваться литературою и заслуживать общее уваженіе, когда она подаетъ свой голосъ обо всемъ, что̀ происходитъ важнаго въ общественной жизни, когда она смотритъ на явленія жизни свободно, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, когда она ничѣмъ не стѣсняется въ изслѣдованіи причинъ существованія факта. Такая литература въ состояніи руководить общественнымъ мнѣніемъ; она можетъ приготовить и облегчить улучшенія въ національной жизни, ея указанія и совѣты спасаютъ общество отъ ошибокъ и бѣдствій.

Всѣмъ извѣстно, что наша литература далеко не достигла еще такого положенія въ обществѣ; утверждать, что она руководитъ его мнѣніемъ, было бы слишкомъ преждевременно, и за то—слава Богу, если она успѣетъ развить достаточнымъ образомъ ту или другую мысль, зародившуюся въ обществѣ. Этотъ несмѣлый, нетвердый голосъ литературы зависитъ главнымъ образомъ отъ самого общества, отъ недостатка въ немъ развитія, отъ его вялости и косности. Литература развивается только параллельно съ нимъ, вслѣдъ за нимъ. При всякомъ пробужденіи общества, при болѣе дѣятельной жизни въ немъ—и въ литературѣ тотчасъ же проявляется жизнь и движеніе: она служитъ отголоскомъ имъ и говоритъ тѣмъ громче и убѣдительнѣе, чѣмъ важнѣе дѣло, ею защищаемое. Поэтому направленіе и содержаніе литературы служитъ намъ самою вѣрною мѣркою того, къ чему стремится общество, что̀ волнуетъ его, чего оно желаетъ и добивается. Но при этомъ необходимо условіе, чтобъ литература не стѣснялась разными посторонними обстоятельствами. Мысль сдавленная и прижатая — и робка, и нерѣшительна; невольно она искривляется въ одну сторону и дѣлается неправильною. Въ нашей исторической жизни мы не можемъ, къ сожалѣнію, указать ни на одну эпоху, въ которой мысль и слово пользовались бы широкимъ просторомъ и безусловною свободою. Такихъ счастливыхъ временъ не бывало, и мы можемъ говорить только о такихъ эпохахъ, когда положеніе мысли и слова облегчалось въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, когда самая власть, задумывая реформы, настоятельно требуемыя ходомъ событій, рѣшалась обращаться къ голосу своей страны и народа. Это благопріятное для жизни явленіе происходило въ началѣ трехъ царствованій: Ека-

терины II, Александра I и Александра II. Но вслѣдъ за этимъ непродолжительнымъ пробужденіемъ снова начиналась боязнь мысли и стѣсненіе слова. Эта боязнь мысли есть одинъ изъ главныхъ нравственныхъ недостатковъ нашего общества, — наслѣдіе отдаленной, еще византійской поры нашего развитія, и она преслѣдуетъ насъ до сихъ поръ. Слѣдствія этой боязни мысли были до крайности не выгодны для нашего духовнаго развитія. Она, по нашему мнѣнію, породила тотъ скептицизмъ, то жалкое недовѣріе къ силамъ и собственнымъ, и общественнымъ, которые такъ часто слышатся въ нашей литературѣ. Она отнимаетъ отвагу и смѣлость у голоса литературы. Рядомъ съ мелочностью, апатіей и равнодушіемъ, въ такой литературѣ развивается и невѣжественная, и безстыдная похвальба собою.

Болѣе полутораста лѣтъ, вслѣдствіе реформы Петра, мы, русскіе, вдвинуты въ общую духовную жизнь Европы, и сдѣлались участниками ея духовной дѣятельности и ея стремленій, а между тѣмъ много ли русскихъ именъ, въ особенности въ наукѣ, извѣстно европейскому міру? Сравнительно съ богатою областью западной науки, у насъ поражаетъ изобиліе посредственности, безсиліе и слабость. Нашей науки едва достаетъ на наши домашнія потребности, и гдѣ уже гордиться ею предъ Европою?

Національная исторія наша представляетъ другое, также въ высшей степени невыгодное обстоятельство: это слишкомъ малый, тѣсный кругъ для дѣйствія нашихъ литературныхъ идей. Напрасно обольщаемся мы громкими именами въ нашей литературѣ, говоримъ о народномъ значеніи того или другого писателя: всѣ эти громкіе слова въ концѣ концовъ оказываются пустыми и безсодержательными фразами. Посмотрите, какъ недолговѣчна слава нашихъ великихъ писателей, какъ скоро забываются имена ихъ, какъ то, что̀ было великимъ и прекраснымъ для одного поколѣнія, теряетъ все свое значеніе для послѣдующаго. Мы не должны сожалѣть объ этомъ столько извѣстномъ всѣмъ явленіи нашей общественной жизни; скорѣе явленію этому надобно радоваться, потому что въ немъ высказывается ростъ духовныхъ силъ и развитіе сознанія, этимъ явленіемъ восполняется мало-по-малу тотъ разрывъ въ обществѣ русскомъ, который произвела Петровская реформа. Эта реформа отдѣлила массу народа отъ такъ называемаго образованнаго общества, въ которомъ только и могло начаться дѣйствіе литературы, какъ выраженіе слишкомъ малаго и ограниченнаго круга. Народъ остался при своихъ вѣковыхъ идеалахъ, при бѣдной и грубой жизни, при своихъ заунывныхъ пѣсняхъ; образованное же общество ринулось въ путь преобразованій, открытый для него исторіей, и, увлекаясь европейскими идеалами,

постаралось вскорѣ создать для себя свою литературу, которая была бы его выраженіемъ. Вся послѣдующая со временъ реформы духовная дѣятельность русскаго общества направлена была и должна быть направлена въ будущемъ къ тому, чтобы первоначально незначительный по числу кругъ образованныхъ людей дѣлался все шире и шире, чтобъ болѣе и болѣе выходило личностей изъ массы народа и примыкало къ образованному кругу. Вмѣстѣ съ образованіемъ народа, которое теперь представляетъ сознанную государственную потребность, будетъ расширяться значеніе литературы, становиться плодотворнѣе ея дѣйствіе, а имена великихъ ея представителей станутъ получать по праву названіе народныхъ. Понятно теперь, что первый кругъ образованныхъ людей былъ весьма незначителенъ по числу, и тотъ писатель, который слылъ за великаго или, по крайней мѣрѣ, замѣчательнаго въ немъ, долженъ былъ потерять свое значеніе, какъ скоро кругъ дѣлался шире. Вотъ причина непрочности литературной славы нашихъ писателей и того, что они такъ скоро теряютъ свое значеніе, замѣняясь другими.

Но несмотря на это естественное и необходимое развитіе дѣйствія литературы, мы должны сознаться, что кругъ, въ которомъ она дѣйствуетъ, слишкомъ малъ и незначителенъ до сихъ поръ, особенно если мы сравнимъ его съ литературами западно-европейскими. Напрасно поэтому говорить о могущественномъ вліяніи литературы на общество. Вся масса нашего народа уходитъ изъ-подъ этого вліянія; народу совершенно нѣтъ дѣла до тѣхъ литературныхъ восторговъ, которыми мы пробавляемся; онъ не знаетъ прославленныхъ именъ въ нашей литературѣ. Все дѣйствіе нашей литературы происходитъ покуда въ кружкѣ, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ, а не въ народѣ. Оттого такими узкими представляются наши литературные взгляды, такими мелкими ея стремленія: она не опирается на народъ. Объемъ понятій, та или другая широта ихъ зависитъ отъ пространства, въ которомъ раздается голосъ литературы. Русскій народъ въ этомъ отношеніи уступаетъ много европейскимъ націямъ, литературы которыхъ превосходятъ нашу и широтою своего дѣйствія и глубиною своего содержанія, развитого болѣе богатою историческою и политическою жизнью.

Такимъ образомъ просвѣщеніе массы народа, поднятіе ея до образованія обще-человѣческаго, слитіе ея съ образованными кругами—представляется глубоко-національнымъ дѣломъ и приготовитъ широкое поприще для будущей литературы, которая уже не станетъ вращаться въ тѣсномъ кругу избранныхъ. Литература сопутствуетъ только образованію; она развивается только вмѣстѣ съ образованностью, и нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ развитіемъ круга своей

дѣятельности, съ приближеніемъ къ широкой массѣ народа, она ближе станетъ къ дѣйствительной жизни и будетъ заниматься интересами не мнимыми, не кажущимися только, а дѣйствительными и существенно-важными.

Говоря объ этомъ отношеніи литературы къ массѣ нашего народа, стѣсняющемъ кругъ литературнаго дѣйствія и отнимающемъ много силы у него, мы должны упомянуть здѣсь о взглядахъ партіи, извѣстной подъ именемъ славянофильской. Разсматривая отношеніе массы народа къ образованнымъ слоямъ его, славянофилы являются противниками нашего образованія и цивилизаціи, потому только, что они заимствованы. На начала народности смотрятъ они съ какимъ-то мистическимъ уваженіемъ, считаютъ ихъ вѣчными и неподвижными, считаютъ за грѣхъ нарушеніе ихъ. Такой взглядъ, прямо противоположный высказанному нами, останавливаетъ движеніе, мѣшаетъ прогрессу. Если начала нашей народности неподвижно-священны, то всякое нарушеніе ихъ, всякое удаленіе отъ нихъ есть дѣло анти-національное. Къ счастью, такой взглядъ логически не вѣренъ, и нѣтъ въ мірѣ ни одной народности, которая не уступила бы ходу впередъ исторіи и не промѣняла своихъ темныхъ преданій на свѣтъ цивилизаціи. Такимъ образомъ реформа Петра какъ въ концѣ XVII вѣка была дѣломъ спасительнымъ, такъ и теперь осталась таковымъ же. Вся будущая исторія нашего отечества должна идти по дорогѣ, имъ указанной, и внѣ ея нѣтъ спасенія. Какъ только Россія сбивалась съ этой дороги,—ея исторія останавливалась.

Реформа Петра, съ ея неисчислимыми послѣдствіями, составляетъ у насъ глубоко-національное дѣло, и ей должна по необходимости уступить наша народность, сама развиваясь и уступая цивилизаціи. Огорчаются потерею народности, сглаживаніемъ будто бы оригинальныхъ чертъ въ физіономіи нашего народа, но это сожалѣніе совершенно напрасно. Можно быть увѣреннымъ, что черты народности не сохраняются насильственно, что если и есть въ ней что-нибудь крѣпкое, не подвергающееся разложенію, то оно останется навсегда при народѣ и пріобрѣтетъ еще болѣе глубокое значеніе при свѣтѣ цивилизаціи. Посмотрите на англичанъ: это самый просвѣщенный и самый оригинальный народъ въ мірѣ. Можно надѣяться, что и мы, русскіе, со временемъ будемъ привѣтствовать свою народность, развитую цивилизаціей, а не темное преданіе, завѣщанное языческою стариною. Но до тѣхъ поръ надобно пройти еще длинную дорогу развитія, устраняя съ нея множество разныхъ препятствій. А препятствій этихъ въ самомъ дѣлѣ весьма много, особенно въ области мысли и слова, которая не можетъ похвалиться вполнѣ прочнымъ существованіемъ и должна выдерживать глухую борьбу съ обску-

рантизмомъ и невѣжествомъ и въ обществѣ и въ правящихъ сферахъ, которыя иногда святотатственно даже призывали на помощь „духъ народа“ и его византійскую простоту, чтобъ опереться на нихъ въ борьбѣ съ свободою мысли.

Передъ русскимъ развитіемъ, начиная съ XVIII вѣка, нѣтъ другой задачи, какъ сближеніе съ Европою, заимствованіе и усвоеніе отъ нея, какъ пріемовъ науки, такъ и господствующихъ идей въ европейскомъ обществѣ, вызванныхъ его движеніемъ. Но это усвоеніе чужого, что̀ мы будемъ наблюдать въ XIX вѣкѣ, усвоеніе необходимое и постоянное, не мѣшало, однако, особенно въ области художественнаго творчества, пробиваться самостоятельности, и чѣмъ больше зрѣла и воспитывалась мысль подъ европейскими вліяніями, тѣмъ попытки на самостоятельныя созданія были глубже и зрѣлѣе. Да, европейское вліяніе имѣло и будетъ имѣть значеніе воспитательное для нашего общества. Это не пустое подражаніе, на которое нападаютъ славянофилы, оно имѣетъ разумныя основанія, и за усвоеніемъ слѣдуетъ разработка и распространеніе заимствованнаго въ своей собственной средѣ, самостоятельное примѣненіе его къ русской жизни и ея содержанію.

Вотъ тѣ общія мысли и общіе взгляды на предметъ насъ занимающій, т.-е. на исторію русскаго умственнаго и литературнаго движенія, начиная съ XIX вѣка, изучить которое намъ предстоитъ. Въ ходѣ нашего изложенія мы не отступимъ отъ высказанныхъ нами началъ, они должны быть руководительными...

ЛЕКЦІЯ II.

Вступленіе на престолъ Александра I. — Отношеніе къ нему общества.—Воспитаніе Александра. Замѣтки Протасова. Лагарпъ. Его юность.

Двадцатипятилѣтнее царствованіе императора Александра, которымъ началось для Россіи новое столѣтіе, представляетъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ ея исторіи. Въ теченіе ея совершилось такъ много событій, измѣнившихъ нашу исторію, внутренняя жизнь страны была такъ разнообразна, подвергалась такимъ различнымъ, непохожимъ другъ на друга, вліяніямъ и колебаніямъ, что эта первая четверть вѣка есть какъ бы цѣлый міръ, въ которомъ началось и окончилось извѣстное развитіе. Въ исторіи развитія вообще трудно указывать на такую внѣшнюю раму, какъ царствованіе государя, и съ его годами соединять факты внутренней жизни страны, но въ государствахъ самодержавныхъ, какова Россія, жизнь страны тѣсно сли-

вается съ личностью правителя, и часто ходъ событій зависитъ отъ его воли. Ничѣмъ это положеніе такъ сильно не подтверждается, какъ царствованіемъ Александра I. Его характеръ, его личныя убѣжденія, его колебанія, его измѣнчивость подъ вліяніемъ событій и внутренней личной его исторіи отражаются на жизни государства, направляютъ въ немъ движеніе мысли и общественное развитіе. Говорить поэтому о внутренней исторіи страны безъ уясненія личности государя едва ли будетъ возможно.

Вступленіе на престолъ Александра I послѣ четырехлѣтняго страннаго царствованія Павла было привѣтствовано всею страною съ глубокимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ. По выраженію современника, „онъ возвратилъ Россіянамъ отечество“ [1]). Не одни высшіе классы общества, жалѣвшіе о льготахъ дней Екатерины и напуганные строгостями Павла, но весь народъ привѣтствовалъ молодого государя. „Всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, записываетъ другой современникъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе“ [2]). Въ запискахъ Ермолова, Комаровскаго, Вигеля, Саблукова можно познакомиться съ этимъ восторгомъ общества и народа. Незнакомые обнимались и цѣловались на улицахъ. Радость выражалась на всѣхъ лицахъ. Въ этой радости общества замѣчено было современниками очень много смѣшного легкомыслія, возможнаго только въ обществѣ, привыкшемъ къ рабству и лишенномъ тѣни свободы; пожилые и знатные люди походили на мальчишекъ, вырвавшихся изъ строгой школы [3]). Судить о восторгѣ общества по одамъ нашихъ стихотворцевъ того времени, конечно, нельзя, но къ чести этихъ поэтовъ нужно замѣтить, что муза ихъ все же молчала болѣе или менѣе въ царствованіе Павла и теперь вдругъ заговорила чрезвычайно громко. Ни по какому случаю не было написано столько разныхъ стихотвореній, какъ на восшествіе на престолъ и коронацію Александра [4]). Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ стихотвореній была „Ода“ Державина, которая по разнымъ намекамъ, высказаннымъ въ ней насчетъ царствованія Павла и по внушенію тогдашняго генералъ-прокурора Беклешова, могла быть напечатана только черезъ восемь лѣтъ. Правда, почти то же писалъ Державинъ и при воцареніи Павла (говорятъ, что самъ Александръ велѣлъ это замѣтить Державину), но тѣмъ не менѣе ода эта пользовалась большимъ уваженіемъ между современниками, и долго потомъ цѣнители

[1]) Р. Арх. 1863 г., 730. „Отрывокъ жизни Вас. Пассека, имъ самимъ сочин.“.

[2]) Р. Вѣстн. 1864 г. мартъ „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, 162.

[3]) Вигель. Р. Арх. 1869 г., 1947.

[4]) Русск. Архивъ 1867 г., 987—988.

Державина удивлялись въ ней смѣлости поэта. Надобно замѣтить, что Александръ при жизни отца очень хорошо видѣлъ и понималъ всю нелюбовь къ нему, слышалъ глухой, сдержанный ропотъ въ обществѣ, а съ другой стороны Александръ слышалъ постоянно кругомъ себя искреннія сожалѣнія и воспоминанія „о славныхъ дняхъ Екатерины“ отъ людей, которые видѣли въ порядкахъ того времени или источникъ личныхъ выгодъ и наживы для себя, или славныя военныя воспоминанія. Этимъ можно объяснить, почему Александръ въ манифестѣ, изданномъ имъ въ день своего восшествія на престолъ, обѣщается „править Богомъ врученный ему народъ по закону и по сердцу премудрой бабки своей“. Это обѣщаніе было по душѣ всѣмъ. Извѣстно, что онъ былъ любимъ Екатериною, что желая отстранить отъ престола родного сына, она хотѣла возвести на него внука, что въ этомъ смыслѣ было заготовлено ею завѣщаніе, истребленное при воцареніи Павла. Державинъ умѣлъ въ своей одѣ, гдѣ намекалъ на суровость Павла, воспользоваться и этими обстоятельствами. Въ ней выводитъ онъ Екатерину:

„Стоитъ въ порфирѣ—и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря
„Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя,
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли;
Я нынѣ васъ спасаю вновь“.

Несмотря на запрещеніе печатать, ода разошлась во множествѣ списковъ: такъ близко подходила она къ настроенію общества. Александръ, еще до вступленія своего на престолъ, былъ любимъ народомъ. Крутость Павла пріучила смотрѣть на наслѣдника престола, какъ на избавителя, а первыя его распоряженія еще больше увеличили къ нему любовь народную и общій восторгъ. Тотчасъ уничтожена была Тайная Экспедиція, возвращено до 12 т. сосланныхъ Павломъ; виновные по политическимъ преступленіямъ должны были судиться теперь въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ, а не особеннымъ судомъ; отмѣненъ былъ указъ Павла, которымъ запрещался ввозъ въ Россію всего печатнаго, даже музыкальныхъ произведеній, и т. п. Общество вздохнуло свободно; восторгъ его былъ неописанный, хотя, конечно, немногіе возлагали на молодого царя прогрессивныя надежды для всей Россіи. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“, по выраженію Пушкина, было дѣйствительно одною изъ свѣтлыхъ эпохъ русской политической жизни. Эти первые свѣтлые годы царствованія Александра были временемъ значительнаго возбужденія

общественной мысли и большихъ надеждъ. Общество проснулось отъ обычной апатіи своей и смутно ждало чего-то, неопредѣленно надѣялось на что-то... Мысль, запуганная реакціонными преслѣдованіями Екатерины въ послѣдніе годы ея царствованія, когда она такъ боялась французской революціи, и совершенно не находившая мѣста при Павлѣ, теперь стала возбуждаться; къ ней обратилась даже сама власть за совѣтами. Всѣ понимали, что настаетъ новое время, и что идти по прежнему направленію уже невозможно. Преобразованія внутри государства сознавались какъ крайняя необходимость, и первые годы правленія Александра до того времени, какъ Россія вступила въ борьбу съ Наполеономъ, по справедливости могутъ назваться эпохою преобразованій.

Обширныя завоеванія Екатерины и слава Россіи за границею въ ея царствованіе стоили государству громадныхъ пожертвованій, и необходимость лучшаго внутренняго устройства его, о которомъ заботилась Екатерина въ началѣ своего царствованія, была забыта въ ея увлеченіи внѣшнею политикою. Внутренняя администрація воеводъ и намѣстниковъ Екатерины напоминала нравы XVII вѣка, и внутри имперіи росло недовольство въ то время, когда не залѣчены еще были всѣ раны, нанесенныя Пугачевскимъ бунтомъ. Высшая власть находилась въ рукахъ бездарныхъ любимцевъ Екатерины, для которыхъ, на старости лѣтъ, она не жалѣла ничего; всѣ они отличались нечестностью, всѣ они грабили государство, прикрываясь именемъ императрицы, которая смотрѣла на этотъ грабежъ сквозь пальцы. Финансы были въ полномъ разстройствѣ, даже самые знаменитые и прославленные „орлы Екатерины“ отличались полною распущенностью. Екатерина, подъ конецъ царствованія, потеряла въ народѣ всю свою прежнюю популярность; ее любили, поминали и жалѣли при Павлѣ только придворные и сановники изъ-за личныхъ выгодъ своихъ, да распущенные офицеры гвардіи, для которыхъ была при ней такая легкая служба. Люди мысли, хотя число ихъ у насъ въ ту пору было крайне незначительно, отвернулись отъ Екатерины за ея подозрительное преслѣдованіе масоновъ, за ссылки и недовѣріе къ литературѣ. Понятно, что царствованіе Павла при его всѣмъ извѣстныхъ свойствахъ, не могло способствовать лучшему устройству государства, находившагося въ самомъ печальномъ положеніи. Александръ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины, видѣлъ и понималъ это печальное состояніе Россіи. Памятникомъ его скорбной мысли по этому поводу осталось извѣстное письмо его къ другу его юности графу Кочубею, напечатанное въ книгѣ барона Корфа [1]). „Наши дѣла, писалъ онъ

[1]) „Восшествіе на престолъ имп. Николая I“, 3 „Nos affaires sont dans un désordre incroyable; on pille de tous cotés; tous les départements sont mal

между прочимъ въ этомъ письмѣ,—въ неимовѣрномъ безпорядкѣ; грабежъ со всѣхъ сторонъ, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится только къ расширенію своихъ предѣловъ".

Трудная задача предстояла такимъ образомъ императору Александру при его вступленіи на престолъ. Всѣ надежды страны, все ея дальнѣйшее развитіе, вся жизнь ея зависѣли отъ него, самодержавнаго государя. Но былъ ли онъ на высотѣ своего призванія, могъ ли онъ выполнить тѣ надежды, которыя возлагались на него? На вопросъ этотъ можно отвѣчать тѣми свѣдѣніями, какія имѣемъ мы теперь о его воспитаніи и о характерѣ до восшествія на престолъ, о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложились и его характеръ, и его убѣжденія.

Александръ былъ любимымъ внукомъ Екатерины; ему предназначала она русскій престолъ вмѣсто сына, котораго не любила со дня его рожденія. Александра, какъ и прочихъ внуковъ своихъ и внучекъ, она разлучила съ отцемъ и матерью и взяла къ себѣ, чтобъ воспитывать подъ личнымъ надзоромъ. Философствующую государыню, знакомую съ просвѣтительными идеями своего вѣка, очень много занималъ вопросъ о воспитаніи, и она задумала примѣнить свои свѣдѣнія въ этомъ предметѣ къ воспитанію своихъ внучатъ. Такъ ею былъ написанъ „наказъ" или подробное наставленіе, какъ вести великихъ князей, въ которомъ замѣтны идеи Локка и Руссо, общія руководительныя идеи для воспитанія въ то время; съ этою же цѣлью она писала педагогическія сказки и нѣкоторыя другія сочиненія. Вообще, какъ видно, воспитаніе двухъ старшихъ внуковъ заботило Екатерину. Главный надзоръ за этимъ воспитаніемъ былъ ввѣренъ ею Никол. Ив. Салтыкову, потомъ графу и князю, который былъ также и попечителемъ великаго князя Павла Петровича въ его молодости. Это былъ человѣкъ, отличавшійся только придворными свойствами, вѣрный и точный исполнитель приказаній Екатерины, полезный для внѣшней стороны воспитанія, но не имѣвшій никакого вліянія на своего воспитанника въ умственномъ отношеніи, что̀ видно и изъ писемъ къ нему Екатерины по поводу великихъ князей [1]). О воспитаніи Александра, о первыхъ проявленіяхъ свойствъ его и характера мы имѣемъ краткія, но очень любопытныя замѣтки одного изъ русскихъ воспитателей его, Протасова [2]). Изъ записокъ этихъ

---

administrés; l'ordre semble être banni de partout, et l'Empire ne fait qu'accroître ses domaines".

[1]) Р. Арх. 1864 г., 477—542. Письма Имп. Ек. II къ Н И Салтыкову.

[2]) Р. Арх. 1866 г., 94—111. Замѣтки одного изъ русскихъ воспитателей Имп. Александра Павловича. Въ полномъ видѣ изданы кн. Авг. Голицынымъ въ изд. „Русская Библіотека" Лейпцигъ, 1853 г.

видно, какъ непродолжительно было воспитаніе Александра. Съ самаго пріѣзда невѣсты его, баденской принцессы, когда ему исполнилось только 15 лѣтъ, онъ почти отсталъ отъ всякихъ занятій; свиданія съ невѣстой, забавы и увеселенія придворныя совершенно развлекли его. Послѣ брака (28 сент. 1793 г.), когда ему не исполнилось и 16-ти лѣтъ, Александръ продолжалъ еще нѣкоторое время заниматься съ швейцарцемъ Лагарпомъ, но русское ученіе его кончилось. Зато, когда по „наказу“ Екатерины пришло время „открыть Александру свѣтъ, каковъ есть и каковъ быть долженъ“, то окружающіе вели каго князя, тѣ люди, съ которыми онъ обращался ежедневно, представляли собою такіе дурные примѣры, говоритъ тотъ же Протасовъ: „что мнѣ оставалось только показать Его Высочеству противныя окружающему свойства, чтобъ показать сколь ненавистны пороки, драгоцѣнна добродѣтель“ [1]). Такова была та придворная среда, которая окружала Александра. Тотъ же Протасовъ замѣчаетъ въ немъ различныя свойства: и честность, и лѣнь, и хитрость, и очень развитое самолюбіе, которое составило и потомъ одно изъ главныхъ свойствъ Александра. Больше замѣтокъ даетъ главный воспитатель Александра—Лагарпъ, но и по запискамъ Протасова замѣтна въ Александрѣ какая-то двойственность и невыдержанность характера. Вліяніе французскаго наставника сказывается въ замѣткѣ Протасова о спорѣ, который онъ имѣлъ съ своимъ воспитанникомъ, по вопросу о равенствѣ людей. Александръ хвалилъ равенство и осуждалъ въ 1791 г. французскихъ дворянъ, которые сожалѣли о своихъ прежнихъ привилегіяхъ; русскій воспитатель старался оспорить эти мысли и развить противное.

Собственно преподавателемъ русскаго языка у Александра былъ довольно извѣстный писатель въ концѣ XVIII вѣка, Мих. Никитичъ Муравьевъ, впослѣдствіи, въ царствованіе Александра, попечитель Московскаго университета и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, покровитель Карамзина и Батюшкова, который былъ ему родственникомъ. На умѣ и сочиненіяхъ Муравьева отразилось вліяніе философіи XVIII вѣка, особенно французской, съ которою онъ былъ лучше знакомъ. Сочиненія его, напоминающія слогомъ Карамзина, написаны всѣ въ любимомъ тогда философско-сентиментальномъ родѣ. Въ нихъ говорилъ онъ объ отвлеченной любви къ человѣчеству, высказывалъ уваженіе къ свободѣ, закону, ненависть къ деспотизму и проч., но все это говорилось болѣе отвлеченнымъ образомъ и въ чрезвычайно мягкомъ, сглаженномъ тонѣ. Своему царственному воспитаннику Муравьевъ читалъ собственныя сочиненія, заставлялъ его

[1]) Р. Арх. 1866 г., 107.

переводить „Эмиля“ Руссо, Монтескье, Гиббона и такимъ образомъ способствовалъ развитію въ Александрѣ того отвлеченнаго идеализма, главнымъ проводникомъ котораго были уроки швейцарца Лагарпа. Но Муравьевъ былъ слишкомъ мягокъ по характеру и ненастойчивъ и едва ли онъ могъ имѣть сильное вліяніе на своего ученика. Даже успѣхъ его собственнаго преподаванія русскаго языка болѣе чѣмъ сомнителенъ; Александръ писалъ неправильно по-русски и никогда не любилъ русской словесности; воспитаніе его, какъ русскаго человѣка, отличалось главнымъ недостаткомъ того времени: онъ былъ воспитанъ по современнымъ идеаламъ Европы вдали отъ родного содержанія.

Главнымъ лицомъ въ этомъ воспитаніи, имѣвшимъ весьма сильное вліяніе на умъ и образъ мыслей Александра, былъ швейцарецъ Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ [1]). Отношенія этого человѣка къ императору Александру не походили на обыкновенныя отношенія наставника къ своему воспитаннику; оба они, послѣ того какъ Лагарпъ принужденъ былъ противъ своей воли оставить еще не конченное дѣло воспитанія и Россію, были связаны другъ съ другомъ тѣсною, искреннею дружбою. Опубликованныя записки и письма Александра къ Лагарпу, писанныя въ то время, когда онъ принужденъ былъ съ нимъ разстаться, и потомъ, когда онъ сдѣлался императоромъ, когда онъ „всталъ во главѣ несчастной своей страны“ — по его собственному выраженію, даютъ намъ положительныя свѣдѣнія о привязанности, существовавшей между ними, и о томъ вліяніи, которое имѣлъ Лагарпъ на своего воспитанника, хотя письма эти, по всей вѣроятности, напечатаны не всѣ [2]). „Всѣмъ обязанъ я вамъ, пишетъ 19-лѣтній Александръ къ Лагарпу, моимъ нравомъ, принципами, нравственностью, немногими моими познаніями, которыя могли бы быть гораздо обширнѣе, если бы я лучше воспользовался неисчислимыми попеченіями вашими обо мнѣ и за которыя я не иначе могу расплатиться съ вами, какъ безграничною привязанностью и уваженіемъ къ вамъ, мой милый другъ“ [3]). Въ этихъ письмахъ выражается трогательная печаль Александра, когда онъ принужденъ былъ разстаться съ Лагарпомъ или когда императоръ Павелъ запретилъ ему съ нимъ переписываться.

---

[1]) Ф. Ц. Лагарпъ.—Сухомлиновъ. Изслѣд. и статьи т. II, 35—143.

[2]) Сб. рус. Ист. об. т. V, 1870 г., 1—121.

[3]) Ibid 25. C'est bien juste, vous devant tout: mes moeurs, mes principes, ma morale, le peu de connaissances que j'ai et qui auroit pu être, en plus grand nombre si j'avois profité d'avantage des peines sans nombre que vous vous êtes données pour moi, et que je ne saurois jamais être en état d'acquiter envers vous que par mon attachement et mon estime pour vous, qui sont sans bornes, mon cher ami.

Ему повѣряетъ онъ тайныя мысли свои, которыя, безъ сомнѣнія, не могъ высказывать своимъ окружающимъ, „когда онъ чувствовалъ, по словамъ его, себя одинокимъ при дворѣ, имъ ненавидимомъ и содрогаясь отъ одной мысли о своемъ будущемъ предназначеніи“. Онъ мечтаетъ не о царствѣ, которое онъ охотно готовъ уступить за ферму подлѣ Лагарповой; онъ въ высшей степени недоволенъ своимъ положеніемъ и высказываетъ твердое и неизмѣнное намѣреніе отдѣлаться со временемъ отъ предназначеннаго ему бремени. „Положеніе мое, пишетъ онъ къ Лагарпу, день ото дня становится все невыносимѣе для меня по всему, что я вижу вокругъ себя. Непостижимо, что происходитъ здѣсь; всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно“ [1]). Такія сердечныя изліянія, доказательства глубокаго дружескаго чувства, указываютъ на не совсѣмъ обыкновенныя отношенія Александра къ Лагарпу. Дружба ихъ не измѣнилась въ теченіе сорока лѣтъ, и на нее не имѣли вліянія ни люди, ни колебанія общественной и политической жизни, которыми такъ богато было вообще время Александра. Онъ былъ, какъ мы видѣли, по его собственному признанію, очень многимъ обязанъ Лагарпу. Дѣйствительно, все то, что возбуждало въ современникахъ страстную любовь къ Александру, всѣ либеральныя гуманныя стремленія его, широкая любовь къ человѣчеству, рыцарская честность характера, однимъ словомъ — вся свѣтлая сторона натуры Александра создалась подъ воспитательнымъ вліяніемъ Лагарпа. Видѣли это очень хорошо современники; они замѣтили, что всѣми своими конституціонными стремленіями императоръ Александръ былъ обязанъ урокамъ Лагарпа. Извѣстный французскій писатель реакціоннаго закала и сардинскій посланникъ при нашемъ дворѣ въ началѣ царствованія Александра, гр. Жозефъ де Местръ, высказываетъ это прямо, хотя и не безъ примѣси желчи. „Императоръ философъ, говоритъ онъ, и, если смѣю такъ выразиться, слишкомъ философъ. Лагарпъ произвелъ на его юное сердце неизгладимое впечатлѣніе и изъ этого вышло нѣчто совершенно непонятное для тѣхъ, кто не изучалъ этого явленія на мѣстѣ. Все, что окружаетъ императора, все, что пользуется его довѣріемъ, также расположено къ новымъ идеямъ“ [2]). По окончаніи воспитанія въ 1795 году Лагарпъ еще разъ воротился въ Россію, когда Александръ сдѣлался уже императоромъ; они не разъ видались другъ съ другомъ въ Европѣ, во время частыхъ путешествій Александра; пе-

[1]) Ibid. 23. Elle (ma charge) me devient de jour en jour plus insuportable par tout ce que je vois faire autour de moi C'est incompréhensible ce qui se passe tout le monde pille, on ne rencontre presque pas d'honête homme c'est affreux“.

[2]) Р. Арх 1871 г., 68. Письма изъ Петербурга въ Италію графа Жозефа де Местра.

переписка ихъ продолжалась безъ перерыва. Лагарпъ принималъ непосредственное участіе въ разработкѣ вопросовъ по главнѣйшимъ отраслямъ государственнаго управленія и даже въ дѣлахъ внѣшней политики. При его посредствѣ Александръ сближался съ замѣчательными людьми изъ умственной и политической сферы Европы и Америки. Лагарпъ пересылалъ и представлялъ своему воспитаннику разные и многочисленные проекты и планы реформъ и преобразованій въ государственной жизни Россіи, такъ что первая, хорошая пора царствованія Александра, когда онъ и его ближайшіе совѣтники заняты были преобразованіями, прошла не безъ значительной доли участія во всемъ этомъ со стороны Лагарпа. Невольно такимъ образомъ имя этого швейцарца соединяется съ историческою жизнью нашего отечества въ началѣ XIX столѣтія, и изслѣдователю этой жизни не безполезно познакомиться съ личностью этого не совсѣмъ обыкновеннаго человѣка и съ тѣмъ родомъ вліянія, которое онъ воспитаніемъ имѣлъ на императора Александра.

Лагарпъ родился въ 1754 году въ городкѣ Ролле на берегу Женевскаго озера и принадлежалъ къ дворянской фамиліи Ваатландскаго кантона. Это не помѣшало ему, по словамъ его автобіографіи, съ дѣтства питать ненависть ко всѣмъ, кто считаетъ себя въ правѣ быть несправедливымъ. Его рожденіе въ свободной странѣ Европы, его воспитаніе, идеи вѣка и историческія событія, особенно французская революція, сдѣлали Лагарпа республиканцемъ, напоминавшимъ своими свойствами гражданъ древней Греціи или Рима, хотя онъ и попалъ въ воспитатели самодержавнаго государя. Первоначальное ученіе его происходило въ училищѣ родного города, до 15-лѣтняго возраста, и здѣсь уже чтеніе „Древней исторіи“ Ролленя развило въ немъ восторженное уваженіе къ людямъ древности и республикамъ, которое не покидало его всю жизнь. Такой образъ мыслей еще болѣе утвердился въ немъ пребываніемъ въ Гальденштейнской семинаріи. Семинарія была устроена по образцу римской республики, со всею ея внѣшнею обстановкою. Глубокое знакомство съ классическимъ міромъ еще болѣе укрѣпило въ немъ его наклонности. Въ Тюбингенѣ пріобрѣлъ онъ степень доктора правъ и жилъ нѣкоторое время въ Лозаннѣ и Бернѣ, занимаясь адвокатурою. Не находя, по словамъ его, свободы на своей родинѣ, Лагарпъ собрался ѣхать въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда велась борьба за независимость, какъ вдругъ судьба привела его въ страну, по своимъ свойствамъ совершенно противоположную Америкѣ.

ЛЕКЦІЯ III.

Прибытіе Лагарпа въ Россію —Дальнѣйшая судьба его —Уроки Лагарпа —Вліяніе ихъ на Александра — Воспоминанія Адама Чарторыскаго. — Столкновеніе Александра съ жизнью.

Лагарпъ попалъ въ Россію совершенно случайно. Вѣроятно, о странѣ этой, гдѣ его дѣятельность оставила такіе глубокіе слѣды въ умѣ молодого государя, онъ не имѣлъ прежде никакого понятія. Лагарпъ собирался, какъ мы сказали, въ Америку, недовольный положеніемъ дѣлъ на своей родинѣ. Въ 1782 году, въ качествѣ ученаго, онъ провожалъ въ путешествіи по Италіи одного изъ русскихъ вельможъ, брата извѣстной княгини Дашковой, графа Сем. Роман. Воронцова, какъ въ Римѣ получилъ чрезъ Гримма приглашеніе Екатерины пріѣхать въ Россію, чтобы быть наставникомъ великихъ князей Александра и Константина, изъ которыхъ старшему было только пять лѣтъ. На другой годъ онъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ оставался около двѣнадцати лѣтъ.

Лагарпъ неожиданно очутился въ средѣ русской придворной жизни, которая такъ противорѣчила его республиканскимъ убѣжденіямъ и вовсе не отличалась чистотою и нравственностію, особенно въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Строго и честно понимая свою обязанность, Лагарпъ старался спасти своего питомца отъ растлѣвающаго вліянія придворной жизни. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Лагарпъ успѣлъ внушить Александру глубокую ненависть ко двору, которая высказывается въ интимныхъ письмахъ его къ наставнику и которая не покидала его всю жизнь. Но такъ какъ людей приближенныхъ, совѣтниковъ, помощниковъ въ работѣ государственной, Александру по необходимости приходилось искать около себя, въ той же ненавидимой имъ придворной сферѣ, то здѣсь же заключается источникъ его постояннаго недовѣрія къ людямъ. Понятно, какъ трудно было Лагарпу со своими взглядами и убѣжденіями, развитыми до фанатизма, ужиться при русскомъ дворѣ. Со всѣхъ сторонъ его окружали неудачи и противорѣчія, но онъ стойко держался, стараясь спасти ввѣренное ему дѣло, важность котораго онъ глубоко понималъ. Екатерина сначала благоволила къ Лагарпу и была довольна его воспитательною дѣятельностью, но когда началась французская революція, такъ сильно напугавшая старые дворы Европы и Екатерину, когда провозглашенные ею принципы стали поселять глубокій разладъ между людьми и поколѣніями, когда невольно при-

ходилось Лагарпу ежедневно спорить о принципахъ съ окружающими его и входить съ своими учениками въ разговоры о великихъ событіяхъ времени, положеніе Лагарпа измѣнилось. Ученики его, несмотря на все противодѣйствіе окружающей среды, увлеченные личностью своего учителя, раздѣляли его убѣжденія.

Это не могло нравиться Екатеринѣ, а враги Лагарпа, нажитые имъ при дворѣ изъ-за убѣжденій, старались чернить его въ ея глазахъ, какъ якобинца. Волненія революціи коснулись и его родины, Швейцаріи; онъ захотѣлъ издали служить своему кантону и отъ имени своихъ согражданъ написалъ просьбу къ Бернскому правительству, требуя собранія депутатовъ для уничтоженія существующихъ злоупотребленій. Эта просьба и другія сочиненія Лагарпа, памфлеты имъ написанные, вызвали республиканское движеніе въ Ваатландѣ, недовольство зависимостью отъ аристократовъ Берна и волненія, которыя со стороны Берна были подавлены силою. Лагарпъ былъ объявленъ главнымъ виновникомъ этихъ волненій, и аристократы бернскіе написали на него доносъ въ Петербургъ. Сначала Екатерина повидимому не придала значенія этому; она удовлетворилась объясненіями Лагарпа и потребовала отъ него, чтобъ онъ не мѣшался въ дѣла швейцарскія, пока находится въ русской службѣ; но новые доносы на него, новый разговоръ съ императрицею, гдѣ Лагарпъ высказалъ прямо и откровенно свои республиканскія убѣжденія, привели къ прекращенію его дѣятельности, какъ наставника. Занятія послѣ женитьбы Александра не продолжались уже безостановочно, и въ началѣ 1795 года Лагарпъ принужденъ былъ оставить Россію съ весьма незначительнымъ пенсіономъ; Павелъ, не любившій всѣхъ республиканцевъ, лишилъ его этого пенсіона и запретилъ сыну переписываться съ нимъ. Дальнѣйшая жизнь Лагарпа сначала вся посвящена была дѣламъ Швейцаріи, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе; былъ недолгое время директоромъ Гельветической республики, но потомъ оставилъ совершенно политическое поприще и жилъ въ своей фермѣ Плесси-Пике, въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ въ 1814 году посѣтилъ его императоръ Александръ. Здѣсь Лагарпъ просилъ его о помощи родному кантону, и въ самомъ дѣлѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ удовлетворилъ желаніямъ Лагарпа. Послѣ этого конгресса Лагарпъ поселился въ Лозаннѣ, гдѣ и умеръ въ 1834 году, не прерывая сношеній съ царскою фамиліей, особенно при жизни Александра.

Такова была личность человѣка, имѣвшаго глубокое вліяніе на императора Александра, а съ нимъ вмѣстѣ и на судьбу всей Россіи, на которую государь долго смотрѣлъ глазами Лагарпа. Конечно, дѣло воспитанія было насильственно прервано, но все же оно оставило

глубокій слѣдъ въ умѣ Александра, и вліяніе возобновилось, когда онъ вступилъ на престолъ и уже свободно снова могъ войти въ сношенія съ страстно любимымъ учителемъ своимъ. Эта любовь внушалась строгостью Лагарпа въ отношеніи къ своему дѣлу, чистотою нравственныхъ убѣжденій и ихъ устойчивостью. Эта любовь къ наставнику и это вліяніе его на учениковъ поддерживались и тѣмъ родомъ ученія, тѣмъ его направленіемъ и объемомъ, которые выбралъ Лагарпъ. Воспитаніе это, полное высокихъ идеальныхъ стремленій, подымало сердце юноши, соотвѣтствовало тѣмъ мечтамъ, которыя живутъ во всякомъ чистомъ молодомъ сердцѣ, и наполняло его душу возвышенными мечтами о свободѣ, равенствѣ и блаженствѣ человѣчества. Такимъ идеальнымъ воспитаніемъ былъ полонъ XVIII вѣкъ, весь направленный къ измѣненію прежнихъ общественныхъ порядковъ по мѣркѣ отвлеченной, но благородной идеи. Мы имѣемъ достаточно данныхъ для сужденія объ объемѣ и направленіи уроковъ Лагарпа [1]) и знаемъ, что это воспитаніе соотвѣтствовало общимъ руководительнымъ идеямъ вѣка въ этомъ отношеніи. Главный предметъ уроковъ Лагарпа, согласно духу времени, была исторія. Она преподавалась очень обширно, и преподаваніе состояло по большей части въ чтеніи самихъ сочиненій, древнихъ или новыхъ, но на языкѣ французскомъ. Исторія должна была дать главные уроки будущему царю. Лагарпъ былъ убѣжденъ, что „общественный дѣятель долженъ искать въ исторіи не безплодные разсказы о битвахъ, а нѣчто другое; онъ, по его собственнымъ словамъ, старался ознакомить великихъ князей съ знаменательными историческими событіями, и въ особенности съ тѣми, выходящими изъ ряда людьми, добродѣтели или пороки которыхъ, достойныя дѣла или ошибки должны главнымъ образомъ служить наставленіемъ для людей, призванныхъ играть роль на театрѣ свѣта“ [2]). „Исторія есть школа государственнаго человѣка“ повторяетъ Лагарпъ въ другомъ мѣстѣ [3]) и вообще исторія въ его преподаваніи является полнымъ курсомъ нравственной философіи; изъ нея почерпалъ Лагарпъ всѣ свои нравственные уроки великимъ князьямъ. Мы сказали, что на обязанность свою онъ смотрѣлъ очень строго; впереди его была благородная цѣль — не столько воспитаніе самодержца надъ тридцатью милліонами людей, сколько человѣка вообще. Этою цѣлью онъ оправдываетъ свою строгость съ учениками; онъ не льститъ ихъ недостаткамъ

---

[1]) Отчеты его Салтыкову Русск. Стар. 1870 г., Богдановичъ. „Учебныя книги и тетради А. П.“ Сборн р. ист общ, т I, 369—384

[2]) Русск. Стар. 1870 I, 43.

[3]) Ibid 130.

и порокамъ, какѣ сдѣлали бы на его мѣстѣ многіе придворные воспитатели, но настойчиво и упорно преслѣдуетъ ихъ и старается исправить. Ему не нравится привычка мѣшать игры съ серьезными занятіями, и вообще онъ расходится съ подобными взглядами Екатерины на воспитаніе. Строгіе воспитательные идеалы въ древнихъ греческихъ республикахъ больше всего нравятся Лагарпу, и вообще восхваленіе свободы и республиканскихъ учрежденій, съ полною откровенностью и искренностью со стороны учителя, составляли сущность воспитанія Лагарпа. Увлекаясь, подобно всѣмъ лучшимъ современникамъ, древнею Греціею и Римомъ, читая съ учениками своими очень часто жизнеописанія Плутарха и другихъ историковъ древняго міра, знакомя ихъ даже съ произведеніями греческихъ поэтовъ, конечно, въ переводахъ, Лагарпъ перечиталъ съ ними почти всѣхъ извѣстныхъ въ XVIII вѣкѣ историковъ. Вмѣстѣ съ ними онъ жалѣетъ о паденіи древняго міра и видитъ въ исторіи среднихъ вѣковъ только „жалкіе раздоры монаховъ“, которые смѣнили суевѣріемъ науки и искусства древняго міра [1]). Лагарпъ излагалъ великимъ князьямъ и тотъ вопросъ, который занималъ современниковъ, „о происхожденіи обществъ“, вѣроятно подъ вліяніемъ Contrat social Руссо, но изложеніе этого вопроса было прервано; онъ знакомилъ Александра съ сочиненіями Адама Смита, заставлялъ его читать газеты, и такимъ образомъ и современность не уходила отъ вниманія его питомца. Любовь къ политической экономіи и пониманіе ея пользы для государства были, безъ сомнѣнія, внушены Лагарпомъ Александру. Въ 1800 году, когда Александръ былъ наслѣдникомъ престола, онъ заказывалъ Мартынову, извѣстному потомъ переводчику греческихъ классиковъ, переводы нѣкоторыхъ англійскихъ сочиненій по политической экономіи, которые и были отчасти напечатаны въ журналахъ первыхъ годовъ его царствованія.

Изъ этого идеальнаго воспитанія Александръ вынесъ въ жизнь множество понятій, которыя были въ устахъ и въ сердцѣ лучшихъ людей XVIII столѣтія и развивались всею освобождающею литературою времени. Онъ мечталъ о благѣ человѣчества, о свободѣ, ненавидѣлъ деспотизмъ и рабство, жаждалъ благородной самоотверженной дѣятельности и проч. Жозефъ де Местръ замѣчаетъ, что „Александръ, будучи уже императоромъ, въ глубинѣ души уважаетъ республиканскій образъ правленія и по всей вѣроятности считаетъ его болѣе законнымъ, чѣмъ тотъ, къ которому онъ призванъ рожденіемъ“ [2]). Это философское воспитаніе сдѣлало Александра благороднымъ, чи-

---

[1]) Ibid. 129.

[2]) Р. Арх. 1871 г., 110. Письма Жоз де Местра.

стымъ мечтателемъ; идеальная любовь къ свободѣ была развита въ немъ чрезвычайно; онъ былъ полонъ энтузіазма и самыхъ благородныхъ стремленій. Эти чистыя мечты юноши составляли основаніе души и характера Александра; несмотря на постоянныя колебанія свои и измѣнчивость, несмотря на двусмысленность характера своего, происходящаго отъ глубокаго недовѣрія вообще къ людямъ, обманувшимъ его идеальныя ожиданія, несмотря на позднѣйшія проявленія деспотизма, самаго глухого и грубаго, онъ никогда открыто не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, вынесеннымъ имъ изъ воспитанія, и, если рѣшался впослѣдствіи на крутыя и дикія мѣры, то вѣроятно съ болью въ сердцѣ, увлекаемый совѣтами и требованіями тѣхъ консерваторовъ, которыми такъ изобильно было его царствованіе. Либеральныя мечты составляли святыню его сердца; онѣ были дороги ему, какъ старику счастливые дни его молодости и молодыя воспоминанія. Но все это было и оставалось только мечтами; у Александра не было силы воли и характера, чтобъ настойчиво реализировать и проводить въ жизнь свои стремленія. Воспитаніе, полученное имъ у Лагарпа, было слишкомъ идеально и отвлеченно; въ немъ незамѣтно было никакого положительнаго знакомства съ страною, обществомъ и народомъ, которое одно только можетъ дать человѣку настоящую, а не отвлеченную любовь къ нимъ, любовь, могущую превратиться въ сознательное дѣло добра. Онъ не зналъ страны, править судьбами которой былъ призванъ, и едва ли могъ любить ее. По крайней мѣрѣ, когда къ концу царствованія въ немъ сильно развились инстинкты самовластія, для умныхъ наблюдателей было ясно, что Александръ не уважалъ своего народа, что судьбы Европы были дороже ему бѣдной родины, и въ то время, когда онъ, превратившись, по выраженію поэта, въ „кочующаго деспота“, занимался на разныхъ конгрессахъ двадцатыхъ годовъ жалкими вопросами европейской реакціи, Россія страдала и корчилась въ грубыхъ и грязныхъ лапахъ Аракчеева,—Александръ допускалъ эти страданія и смотрѣлъ на нихъ хладнокровно.

Внутреннее настроеніе духа Александра, его мечты и стремленія тотчасъ послѣ уроковъ Лагарпа, въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, прекрасно рисуются въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени князя Адама Чарторыскаго, переведенныхъ на русскій языкъ [1]). Извѣстный польскій патріотъ князь Адамъ, который былъ семью годами старше Александра, человѣкъ съ широкимъ современнымъ образованіемъ и свободнаго направленія, уже въ молодыхъ лѣтахъ сра-

[1]) Р. Арх. 1871, 697. Разсказъ князя Адама Чарторыскаго о сближеніи его съ имп. Ал. Павл.

жался противъ Россіи, а въ 1795 году, по распоряженію Екатерины, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ, и оба они состояли при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ. Очень рано между Александромъ и старшимъ изъ Чарторыскихъ завязалась самая искренняя дружба; эта дружба длилась много лѣтъ. Адамъ принималъ живое и дѣятельное участіе въ первыхъ преобразованіяхъ государства, задуманныхъ Александромъ, долго былъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ, и, безъ сомнѣнія, особенная любовь къ Польшѣ, попытки возстановить ее и дать ей либеральныя учрежденія, все это благоволеніе къ Польшѣ, такъ сильно возмущавшее русскихъ патріотовъ, развились въ сердцѣ Александра подъ вліяніемъ друга его молодости. Адамъ Чарторыскій пережилъ Александра 40 годами; воспоминанія его молодости и его переписка съ Александромъ изданы были вскорѣ послѣ смерти Адама, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній, чтобъ заподозрить ихъ искренность и истину.

Въ воспоминаніяхъ Чарторыскаго о его весеннихъ прогулкахъ по аллеямъ Таврическаго сада, передъ нами возникаетъ образъ царственнаго юноши, полнаго самыхъ благородныхъ стремленій и идеальныхъ мечтаній. „Въ словахъ и поведеніи этого царственнаго юноши, говоритъ Адамъ, было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности, повидимому несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ показался мнѣ существомъ избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины“ [1]). Такая идеальная фигура тѣмъ болѣе должна была поразить Чарторыскаго, что до знакомства своего съ Александромъ онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго, особенно при деспотическомъ дворѣ Екатерины, гдѣ, разумѣется, тогдашнія либеральныя идеи предавались проклятію, гдѣ все дышало раболѣпствомъ и ненавистью къ новому. Александръ откровенно и съ увлеченіемъ высказывалъ свои тогдашнія либеральныя убѣжденія. Онъ говорилъ, что „ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди [2]). Онъ высказывалъ свое живое участіе къ французской революціи, за событіями которой слѣдилъ со вниманіемъ, и, осуждая ея ужасныя крайности, желалъ республикѣ успѣховъ и радовался имъ. Высказывая эти мнѣнія, Александръ съ глубокимъ уваженіемъ вспоминалъ Лагарпа и говорилъ, какъ много онъ обязанъ ему въ своемъ развитіи. Въ своихъ мечтахъ объ общемъ благѣ человѣчества онъ забывалъ свое положеніе. Такъ, „онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола есть установленіе несправед-

[1]) Р. Арх. 1871, 702.
[2]) Ibid 700.

ливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи“ [1]), которая сумѣла бы избрать достойнѣйшаго для управленія ею. Александръ боялся будущаго своего назначенія; онъ чувствовалъ всю тяжесть его и повидимому не сознавалъ, сколько бы могъ онъ сдѣлать добра странѣ своей, при самодержавной власти, въ соединеніи съ рѣшительностью и твердою волею—качествами, которыхъ у него, къ несчастію его и Россіи, не было. Мнѣнія и убѣжденія Александра, по словамъ Чарторыскаго, напоминали собою школьника 1789 года, на зарѣ революціи, который желалъ бы вездѣ видѣть республику и считалъ эту форму правленія самою справедливою и согласною съ правами и желаніями человѣчества. Онъ любилъ земледѣльцевъ, простые нравы ихъ, но онъ не зналъ русскихъ крестьянъ и смотрѣлъ на нихъ глазами поэтической идилліи XVIII вѣка. Онъ мечталъ о сельскихъ трудахъ, вдали отъ двора и отъ свѣта, но въ странѣ цвѣтущей, на хорошенькой фермѣ, нѣчто въ родѣ идеализированной швейцарской жизни въ буколикахъ Гесснера и Броннера. Естественно, что при русскомъ дворѣ того времени онъ оставался одинъ съ своими юношескими мечтами; онъ берегъ ихъ, какъ святыню, и боялся холода насмѣшки. Единственнымъ повѣреннымъ его была молодая жена, но необходимость дружбы и изліяній, столь понятная въ молодости, облегчающая душу, необходимость дѣлиться мечтами, соединила его съ Чарторыскимъ, и онъ беззавѣтно и отъ всего сердца повѣрялъ ему свои молодыя грезы. Павелъ при вступленіи на престолъ разорвалъ эту дружбу, пославъ Чарторыскаго повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Сардинію, и вокругъ Александра образовалась нравственная пустыня.

Таковъ былъ Александръ передъ самымъ вступленіемъ своимъ на русскій престолъ, такимъ воспиталъ и приготовилъ его Лагарпъ. Вліяніе идеальнаго наставника находило себѣ сильное противодѣйствіе въ нравахъ цѣлаго общества, во всемъ положеніи Россіи. Principes libérales, въ которые онъ вѣровалъ, мало находили сочувствія кругомъ его, и едва ли онъ былъ приготовленъ къ тому, чтобы проводить ихъ въ жизнь съ логическою послѣдовательностью. Онъ таилъ ихъ про себя и еще болѣе долженъ былъ скрывать ихъ, когда началось суровое царствованіе Павла... Извѣстно, какимъ холодомъ пахнуло на дворъ и петербургское общество при воцареніи Павла, когда онъ сталъ заводить вездѣ свои порядки. Время царствованія Павла имѣло сильное вліяніе на Александра, на образованіе его характера и увлекло его далеко въ сторону отъ республиканскихъ меч-

[1]) Ibid. 707.

таній. Въ первый разъ сошелся онъ теперь лицомъ къ лицу съ реальною жизнью и долженъ былъ забыть о всякой самостоятельности. Изъ сферы идеальныхъ мечтаній о благѣ человѣчества онъ долженъ былъ спуститься въ мелочныя подробности фронта и вахтъ-парада, за нарушеніе которыхъ Павелъ преслѣдовалъ жестоко. Военное губернаторство отнимало все время у Александра. Часто Александръ долженъ былъ выдерживать тяжелую внутреннюю борьбу, не разъ приходилось ему измѣнять человѣколюбивымъ принципамъ своего воспитанія, характеръ его портился. И онъ и братъ его были въ постоянномъ страхѣ капризовъ Павла. Въ качествѣ командировъ полковъ они ежедневно подвергались за малѣйшія ошибки на парадахъ и ученіяхъ выговорамъ, которые они вымещали на офицерахъ и солдатахъ [1]). Кромѣ того, Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты. Въ такой школѣ онъ получилъ вкусъ къ военнымъ упражненіямъ и воображалъ себя великимъ полководцемъ, экзерцируя гвардію. Жизнь вставала передъ нимъ въ уродливомъ видѣ, и, вступая на престолъ, онъ имѣлъ право назвать свою страну несчастною. Тѣми реформами, какія были задуманы при воцареніи, онъ желалъ доставить ей счастіе.

ЛЕКЦІЯ IV.

Двойственность характера Александра. — Борьба принциповъ на западѣ.—Отраженіе этой борьбы въ Россіи. — Направленіе нашего общественнаго движенія.— Приближенные Александра.

Намъ знакомо теперь то внутреннее развитіе, которое образовало характеръ Александра и должно было приготовить къ реформамъ, необходимымъ въ ту пору, къ преобразованію тогдашняго „безобразнаго зданія государственнаго —по выраженію самыхъ приближенныхъ къ Александру лицъ. Былъ ли по силамъ ему предстоящій трудъ, приготовленъ ли былъ самъ императоръ для упорнаго и настойчиваго преслѣдованія великой цѣли — реформы, намъ уже легко составить себѣ понятіе по внутренней исторіи его первой молодости. При самыхъ широкихъ мечтахъ объ общемъ благѣ, — онъ не способенъ на трудъ и тяготится имъ. У него нѣтъ ни знанія жизни дѣйствительной, ни энергіи; самые либеральные планы его и намѣренія чрезвычайно смутны; это то, что въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка носило общее неопредѣленное названіе principes. Съ другой стороны—проти-

[1]) Р. Арх. 1869 г, 1927. Изъ записокъ Н. А Саблукова.

воположныя привычки воспитанія, обстановка двора, преданія, вѣковое раболѣпство окружающихъ, крутость Павла, все говорило о деспотизмѣ, все напоминало Александру, что власть его не ограничена; онъ самъ повторялъ это, когда встрѣчалъ противодѣйствіе своей волѣ,— и либеральныя мечты мгновенно улетучивались. Вотъ отчего вторая половина Александрова царствованія такъ не похожа на первую; но начала, задатки позднѣйшей реакціи положены были рано.

Эти постоянныя колебанія Александра то въ одну, то въ другую сторону, эта двойственность его характера и убѣжденій имѣли источникомъ своимъ и общее политическое состояніе времени, ту борьбу идей, которая происходила кругомъ и въ сферѣ жизни государственной и въ сферѣ мысли въ Европѣ, и которая должна была отразиться и въ нашемъ обществѣ. Великій политическій переворотъ конца прошедшаго вѣка, разрушившій историческую жизнь старой Франціи и вызвавшій къ жизни такъ много началъ и основаній, на которыхъ должна была строиться новая общественная жизнь, оставилъ глубокій слѣдъ въ умахъ и долженъ былъ породить въ нихъ упорную борьбу, которая и теперь еще не прекратилась. Враждовали поколѣнія и убѣжденія, старое съ новымъ. Все молодое въ обществѣ, все дѣятельное въ немъ стояло за новыя революціонныя идеи; ихъ содержаніе должно быть примѣнено къ народной жизни. Съ другой стороны—новому движенію впередъ противодѣйствовали старыя партіи, партіи застоя и консерватизма. Онѣ стояли за старую жизнь, за старыя начала, старыя привилегіи, или подорванныя или разрушенныя; онѣ хотѣли возвратить назадъ исторію. Не слѣдуетъ думать, чтобъ консервативная партія имѣла источникомъ своимъ только личныя выгоды, въ чемъ ее обыкновенно обвиняютъ прогрессисты. Въ ней могли быть и дѣйствительно были люди высокой честности; разница та только, что они иначе, хотя и искренно, понимали исторію. Борьбою этихъ двухъ взглядовъ была полна тогда Европа, и она естественно должна была отразиться у насъ, такъ какъ мы шли за Европой и болѣе или менѣе участвовали въ ея духовной жизни. Эта борьба у насъ замѣтна была однако болѣе всего въ правительственныхъ сферахъ, въ тѣхъ людяхъ, которые ближе стояли къ власти и имѣли непосредственное вліяніе на дѣла. Что касается до общества, до литературы у насъ, то здѣсь великая борьба принциповъ была едва замѣтна. Общество не имѣло тогда, да и долго потомъ, никакой политической жизни, никакого мнѣнія и убѣжденія. Реформамъ, задуманнымъ и приводимымъ въ исполненіе въ началѣ царствованія Александра, оно не могло оказать никакой нравственной поддержки. Правительство съ своими планами преобразованій стояло совершенно одиноко, потому что и литература, это выраженіе обще-

ства, не имѣла голоса. И общество, и литература лишены были просвѣщенія, разумнаго развитія; умственное бездѣйствіе царило повсюду, и къ реформамъ новаго царствованія всѣ относились безсознательнымъ образомъ. Онѣ возбуждали или пустой, раболѣпный восторгъ, или, когда реформы затрогивали тѣ или другіе личные интересы и выгоды, наивный дѣтскій ропотъ, въ которомъ не могло быть ничего сознательнаго и политическаго. Правительство составляло все въ государствѣ; оно должно было отвѣчать за все. Первые годы царствованія Александра оживили общественную мысль; возбужденный въ обществѣ интересъ къ дѣламъ внутренняго устройства, пока войны съ Наполеономъ не уничтожили его, далъ оживленіе, какъ мы увидимъ, и литературѣ, въ особенности періодической, болѣе близкой къ непосредственной жизни общества; появилось даже множество рукописныхъ проектовъ по дѣламъ внутренняго устройства страны. Но это оживленіе общества и мысли, къ сожалѣнію, было у насъ и случайно, и недолговѣчно; оно не шло правильнымъ, стройнымъ путемъ, а походило скорѣе на неустановившееся броженіе, которое легко могло быть задавлено гнетомъ реакціи, что и случилось подъ конецъ царствованія Александра. Но тѣмъ не менѣе все оно, со всѣми своими колебаніями и противорѣчіями, замѣчательно и по людямъ и по идеямъ, которыя возникли тогда. Въ это двадцатипятилѣтіе совершилось болѣе прочное, болѣе близкое сближеніе съ Европою, передача ея идей, и духовныхъ и политическихъ, то-есть еще болѣе укрѣпился тотъ историческій путь, по которому суждено намъ идти. Главное направленіе въ общественномъ движеніи было политическое; оно было вызвано французской революціей, всеобщимъ стремленіемъ къ реформамъ и постояннымъ дѣятельнымъ участіемъ нашимъ въ дѣлахъ Европы, вслѣдъ за успѣхами нашего оружія въ продолжительной борьбѣ съ Наполеономъ. Наша общественная мысль крѣпла, число образованныхъ людей у насъ увеличивалось; ихъ мысль была занята вопросами политическими; она интересовалась внутренними дѣлами, ихъ устройствомъ. Правда, это возбужденіе общественной мысли, и высшее образованіе, и леберальное направленіе, и честныя гражданскія убѣжденія въ царствованіе Александра мы встрѣчаемъ только въ рядахъ привилегированнаго, дворянскаго сословія, и, страннымъ образомъ, преимущественно въ сферѣ военной, потому что для нея прежде всего открылась Европа, но и это былъ ужа значительный успѣхъ въ обществѣ, сравнительно съ прежнимъ.

Въ первые, преобразовательные годы своего царствованія Александръ былъ окруженъ двумя поколѣніями людей, между которыми раздѣлены были власть и вліяніе на дѣла и между которыми господствовали вражда и взаимное недовѣріе. Съ одной стороны стояли дѣльцы Ека-

терининскаго времени, старые, опытные, люди привычки и рутины, не возмущавшіеся недостатками и злоупотребленіями, къ которымъ они привыкли и среди которыхъ они выросли. Съ другой стороны, болѣе чѣмъ люди стараго поколѣнія, къ императору приближались новые люди, выросшіе и воспитанные въ томъ же широкомъ, либеральномъ кругу идей, въ которомъ воспитывался и онъ. Въ складѣ ума ихъ и въ объемѣ ихъ стремленій выразилось то же гуманитарное, общечеловѣческое содержаніе, та же проповѣдь свободы и развитія, которая господствовала въ литературѣ XVIII вѣка, только къ ней присоединились теперь начала болѣе практическія, выработанныя жизнью и въ особенности французской революціей. Понятно, что сердце Александра лежало на сторонѣ этихъ болѣе молодыхъ и свѣжихъ людей. Съ ними соединяли его дружба и одинаковость убѣжденій; ихъ совѣтамъ, ихъ участію въ дѣлахъ онъ обязанъ былъ блескомъ, окружавшимъ первые годы его царствованія, надеждами общества, любовью народа.

Первые указы и мѣры имѣли цѣлью поправить зло, произведенное царствованіемъ Павла. Александръ, казалось, такъ бодро шелъ впередъ; вмѣстѣ съ самодержавіемъ, открывалась ему широкая возможность дѣлать такъ много добра, онъ помнилъ недавній примѣръ всѣхъ неудобствъ произвола, а потому въ основу своихъ дѣйствій и распоряженій старался положить начало законности, то уваженіе къ закону, стоящему выше власти, которое онъ вынесъ изъ наставленій Лагарпа. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ послѣ воцаренія, какъ появился указъ объ устройствѣ „Коммиссіи для составленія законовъ“, подъ предсѣдательствомъ одного изъ фаворитовъ Екатерины, графа Завадовскаго; началось переустройство Сената, потерявшаго въ государствѣ всю власть и значеніе, а вскорѣ потомъ послѣдовало и образованіе министерствъ, которыя также вели къ одной цѣли, къ ограниченію произвола въ управленіи.

Знакомясь постепенно съ частями управленія, изучая его со всѣхъ сторонъ, Александръ самъ, при доброй волѣ, легко могъ видѣть и недостатки, и злоупотребленія. Государство и управленіе представлялись въ невообразимомъ хаосѣ, по выраженію однаго изъ первыхъ дѣятелей въ это царствованіе, графа А. Воронцова [1]). Онъ же высказываетъ замѣчательное убѣжденіе, что „Россія, къ сожалѣнію, никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было“ [2]). Правосудія въ ней не

---

[1]) Чт. въ Общ. Ист. и древн. Рос. 1859 г. I, 96. Примѣч. гр. А. Р. Воронцова на нѣкот. статьи, касающіяся до Россіи.

[2]) Ibid 91.

было никакого; несмотря на указы Екатерины, въ ней существовала даже пытка, уничтоженная снова въ первый годъ царствованія Александра.... Нужно было смягчить самодержавіе вообще, дать ему законную по возможности форму, распространить въ обществѣ страхъ передъ закономъ, а не передъ произволомъ, нужно было облегчить положеніе крѣпостного народа, необходимо было развязать робкую мысль, чтобъ она приносила пользу жизни, необходимо было создать науку, просвѣщеніе, общественное воспитаніе, которыхъ или вовсе не было, или которыя существовали по старой, сгнившей рутинѣ; однимъ словомъ, предстояла всеобщая ломка, радикальная перестройка „безобразнаго зданія государственнаго“. Тутъ едва ли можетъ быть рѣчь о правильномъ, постепенномъ ходѣ развитія. Помощниками въ великомъ дѣлѣ преобразованія всей страны и всего ея управленія является нѣсколько личностей, составляющихъ кружокъ близкихъ къ императору людей, связанныхъ съ нимъ по духу общими убѣжденіями, одинаковымъ воспитаніемъ, кружокъ, прозванный имъ въ шутку, но совершенно справедливо, „комитетомъ общественнаго спасенія“, потому что дѣло его заключалось въ спасеніи страны. Въ рукахъ ихъ сначала была дѣйствительная власть, хотя сами они стояли какъ бы на заднемъ планѣ. Въ этомъ кружкѣ обсуждались планы преобразованій и новые освободительные указы Александра. Люди эти выдвинулись впередъ не случайно, а по талантамъ, знаніямъ, убѣжденіямъ и по личной волѣ государя, а потому только въ немъ одномъ они и могли находить поддержку, несмотря на то, что сами по рожденію принадлежали къ высшимъ слоямъ общества. Приближенностью къ Александру, одинокостью своего положенія, стремленіемъ къ реформамъ и къ уничтоженію закоренѣлаго зла, они возбудили къ себѣ сильную вражду консервативнаго большинства, вражду, которая, выражаясь въ запискахъ ихъ современниковъ, пережила даже давно и ихъ, и всѣ слѣды ихъ дѣятельности, какъ это видно изъ книги Багдановича о царствованіи Александра. Богдановичъ не умѣлъ отдать имъ надлежащей справедливости и повторилъ общеизвѣстныя обвиненія, дышащія враждою современниковъ.

Всѣ лучшіе люди наши въ царствованіе Александра прошли общую французскую школу, потому что она имѣла широкое воспитательное значеніе, и одна только могла сдѣлать ихъ настоящими людьми. Всѣ они болѣе или менѣе воспитывались въ заграничныхъ университетахъ — путь, указанный еще Екатериною въ началѣ ея правленія. Въ ихъ-то средѣ, при участіи самого Александра, возникали планы конституціоннаго устройства государства, которое должно было положить конецъ всякому произволу. Конституціонныя стремленія Александра извѣстны; они не покидали его всю жизнь... и лучшая

либеральная и образованная часть общества долго ждала ихъ осуществленія отъ Александра, отъ времени котораго дошло до насъ даже нѣсколько проектовъ полныхъ конституцій.

Самыми близкими къ Александру лицами были: Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Чарторыскій. Умнѣе и дѣльнѣе прочихъ былъ Н. Н. Новосильцевъ, принимавшій самое главное участіе въ реформѣ просвѣщенія въ то время. Ему было уже сорокъ лѣтъ (род. въ 1762 г.), а потому никакъ нельзя назвать его неопытнымъ и рьянымъ юношей, жаждавшимъ только перемѣнъ. „Онъ головою выше своихъ товарищей, говоритъ о Новосильцевѣ Жозефъ де Местръ. Онъ знаетъ Францію наизусть, и сверхъ всего этого, онъ хватилъ не малую дозу нѣмецкаго яда“ [1])... Новосильцевъ, сынъ побочной сестры графа А. С. Строганова. извѣстнаго знатока и покравителя искусствъ и президента Академіи художествъ, получилъ блестящее воспитаніе въ домѣ своего дяди и отличался чрезвычайно тонкимъ и обширнымъ умомъ. При Екатеринѣ онъ довольно долго служилъ въ военной службѣ и даже участвовалъ въ кампаніяхъ, но при воцареніи Павла, тотчасъ же вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Англію, гдѣ и прожилъ все время его царствованія. Все свое пребываніе въ Лондонѣ онъ посвятилъ собственному своему образованію и наукѣ. и несмотря на лѣта свои, учился наравнѣ со студентами. Отсюда, когда онъ пріѣхалъ въ Россію по приглашенію Александра, знавшаго его прежде въ домѣ Строганова, онъ воротился совершеннымъ англоманомъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ либеральному устройству Англіи, которое онъ ставилъ въ образецъ для всякой страны. Кромѣ того въ Англіи онъ сошелся съ представителями науки, литературы, съ нѣкоторыми общественными дѣятелями и удивлялъ англичанъ своимъ умомъ и свѣдѣніями. Онъ отличался глубоко либеральнымъ направленіемъ, которому впослѣдствіи измѣнилъ въ концѣ царствованія Александра и при Николаѣ I, когда достигъ самаго высокаго званія въ имперіи· предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ. Новосильцевъ умеръ въ 1838 году. Въ началѣ царствованія Александра на него возложено было множество дѣлъ и должностей, и надобно удивляться его неутомимой, обширной дѣятельности по самымъ разнообразнымъ предметамъ, изъ которыхъ народное просвѣщеніе было главнымъ. Новосильцевъ былъ чрезвычайно близокъ къ Александру, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и имѣлъ всегда къ нему свободный доступъ.

Графъ П. А. Строгановъ, двоюродный братъ Новосильцева. Его воспитателемъ въ домѣ отца былъ французъ Роммъ, одна изъ передовыхъ личностей Горы во французскомъ конвентѣ, погибшій какъ

[1]) Р. Арх. 1871 г., 109 Письма Ж де М.

приверженецъ Робеспьера. Въ началѣ революціи Строгановъ былъ въ Парижѣ и, вѣроятно при посредствѣ прежняго наставника своего, участвовалъ въ засѣданіяхъ клуба якобинцевъ и былъ знакомъ со многими изъ извѣстныхъ республиканцевъ. Это дошло до свѣдѣнія Екатерины, не понравилось ей, и она вызвала Строганова изъ Парижа. Онъ былъ поклонникомъ Мирабо и, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывалъ свободный, республиканскій образъ мыслей. И онъ вѣрилъ въ конституцію и надѣялся, что она осуществится въ началѣ царствованія Александра. Впослѣдствіи онъ ненавидѣлъ Наполеона, какъ врага свободы. Съ Александромъ онъ и жена его были соединены самою тѣсною дружескою связью, но въ преобразовательной работѣ надъ государствомъ Строгановъ выдается менѣе другихъ. Онъ служилъ болѣе посредникомъ.

Графъ, потомъ князь, Викторъ Павловичъ Кочубей, по матери былъ роднымъ племянникомъ знаменитаго Екатерининскаго канцлера—графа Безбородка, въ домѣ котораго онъ воспитывался, а потомъ три года учился въ Женевѣ. Дядя приготовлялъ его къ дипломатическому поприщу и отправилъ учиться политикѣ къ нашему посланнику въ Лондонѣ — графу Сем. Ром. Воронцову. Жизнь его здѣсь принесла ему дѣйствительную пользу, такъ что будучи 24-хъ лѣтъ отъ роду, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Турцію, Кочубей при дворѣ султана могъ съ честью поддержать достоинство Россіи и императрицы. При Павлѣ, до смерти своего дяди, Кочубей получилъ въ короткое время высшія отличія, но благоволеніе Павла длилось обыкновенно недолго: онъ былъ уволенъ отъ службы и долженъ былъ уѣхать въ деревню. Александръ, давно знавшій Кочубея и дружески къ нему расположенный, тотчасъ по вступленіи на престолъ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ въ 1802 году министромъ внутреннихъ дѣлъ. Подъ его покровительствомъ въ первый разъ выдвинулся впередъ Сперанскій, котораго достоинства и способности онъ успѣлъ оцѣнить.

Князь Адамъ Чарторыскій, объ отношеніяхъ котораго къ Александру мы уже говорили, былъ, можетъ быть, самымъ ближайшимъ и довѣреннымъ другомъ его. И онъ, подобно другимъ совѣтникамъ, получилъ блестящее современное образованіе, которое еще больше укрѣпилось долговременнымъ пребываніемъ его въ Англіи, гдѣ онъ изучалъ ея политическія учрежденія. Александръ призвалъ его тотчасъ по вступленіи на престолъ; князь Чарторыскій принималъ участіе въ задуманныхъ въ первые годы преобразованіяхъ Россіи, но насколько искренно было это участіе,—судить теперь трудно. Чарторыскій былъ полякъ; судьба его родины была конечно для него дороже, чѣмъ судьба страны ему чуждой и враждебной; какъ всякій

полякъ, любящій свою родину, онъ мечталъ о прошедшемъ, о возстановленіи погибшаго прежняго, что̀ весьма понятно было тогда, въ первые годы XIX столѣтія, въ годы политическихъ переворотовъ. Въ Александрѣ онъ могъ видѣть и орудіе для осуществленія своихъ политическихъ и патріотическихъ надеждъ. Война 12-го года и занятіе Наполеономъ Польши, когда полякамъ казалось такъ близко осуществленіе ихъ надеждъ, раздѣлили Александра съ Чарторыскимъ, хотя онъ и продолжалъ состоять на русской службѣ, пока не эмигрировалъ во Францію, послѣ революціи 30-го года.

Таковы были личности, окружавшія Александра съ начала его вступленія на престолъ, хотя то, что̀ называется тайнымъ комитетомъ, просуществовало очень не долго—до конца 1803 или 1804 года. Всѣ эти люди раздѣляли взгляды и понятія Александра. Они составляли меньшинство общества и были лучшими, мыслящими представителями его. Въ ихъ планахъ, въ ихъ намѣреніяхъ не было ничего чуждаго, насильственно навязываемаго странѣ. Далеко не были они радикальны. А между тѣмъ эти лица и ихъ преобразовательныя стремленія возбудили къ себѣ сильную вражду въ представителяхъ поколѣнія Екатерининскихъ сановниковъ и въ массѣ общества, которой дорогъ ея покой, и которая всегда готова внимать консервативнымъ воплямъ. Эта вражда отражается и въ запискахъ современниковъ и въ литературѣ. Ихъ обвиняли въ незнаніи Россіи, въ неопытности, въ крутости задуманныхъ ими перемѣнъ и преобразованій, во вліяніи ихъ на государя, который будто бы безусловно подчинился имъ и во всемъ ихъ слушался, и т. п. Всѣ эти обвиненія большею частью ложны; весь этотъ комитетъ можно обвинить развѣ въ томъ, что онъ просуществовалъ недолго и мало сдѣлалъ для Россіи, не смотря на всѣ благія намѣренія лицъ, его составлявшихъ, но это уже зависѣло не отъ него, а отъ личной воли самого Александра, который соединилъ вокругъ себя людей одного съ нимъ направленія и распустилъ ихъ, когда пересталъ въ нихъ нуждаться и пошелъ по другой дорогѣ.

ЛЕКЦІЯ V.

Роль императора Александра I въ «комитетѣ».—Планъ организаціи народнаго образованія. — Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Правленія Училищъ.—Первый по времени министръ Народнаго Просвѣщенія графъ П. В Завадовскій и его сотрудники.

Слѣды дѣятельности лицъ, упомянутыхъ въ предыдущей лекціи, можно найти въ протоколахъ засѣданій комитета, писанныхъ на французскомъ языкѣ и сохранившихся въ бумагахъ одного изъ чле-

новъ—графа П. А. Строганова [1]). Разсматривая эти отрывки, мы видимъ, что въ засѣданіяхъ, или дружескихъ бесѣдахъ при императорѣ, вовсе не проявляется того незнанія Россіи, въ которомъ обыкновенно обвиняютъ друзей Александра того времени. Изъ нихъ видно также, что несмотря на свой умъ, на свое развитіе, на близость и дружбу къ государю, ни одинъ изъ этихъ людей и всѣ они вмѣстѣ не имѣли значительнаго вліянія на Александра. Онъ давалъ всему начало и ставилъ вопросы: его самодержавная воля господствовала. Воля эта въ самомъ дѣлѣ направлена была къ конституціонному устройству Россіи, но прежде конституціи должна была произойти реформа администраціи во всѣхъ ея частяхъ. Съ этою цѣлью замышлено было и отчасти приведено въ исполненіе переустройство Сената, что въ особенности привело въ негодованіе Державина и другихъ старыхъ сенаторовъ. Въ преобразованіи Сената послѣдніе видѣли „ограниченіе самодержавной воли монарха“, а въ этомъ и заключалось собственное желаніе Александра, ненавидѣвшаго тогда произволъ. Шли въ комитетѣ, и довольно часто, рѣчи о вопросѣ, задѣвавшемъ частные интересы самаго вліятельнаго тогда въ государствѣ сословія, единственнаго сословія, имѣвшаго въ немъ власть и голосъ, вопросѣ о крѣпостномъ владѣніи, составлявшемъ прерогативу дворянства. Но и Александръ и друзья его были слишкомъ робки и нерѣшительны; зная благородство послѣднихъ, мы не думаемъ обвинять ихъ въ своекорыстіи, но они боялись вообще переворота, боялись дворянскаго противодѣйствія. Этотъ крестьянскій вопросъ кажется и породилъ въ обществѣ тѣ мрачные толки и неудовольствіе, которые въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ стали доводить до свѣдѣнія Александра другіе его приближенные. Александръ дѣйствовалъ въ комитетѣ самостоятельно; характеръ его отличался упорствомъ, этимъ признакомъ слабости, но послѣдняя и была конечно причиною, почему толки, носившіеся въ обществѣ, должны были въ свою очередь повліять на него. Главный недостатокъ людей, окружавшихъ его въ первые годы царствованія, состоялъ въ томъ, что всѣ они, несмотря на свой умъ, блестящее образованіе и благія намѣренія, ихъ одушевлявшія, лишены были строго послѣдовательнаго, логическаго развитія; у нихъ не было общаго плана реформы государственнаго зданія, какъ выраженія одной теоретической идеи, строго проведенной по всѣмъ частямъ преобразованія. Этого плана добивался Александръ и, когда онъ встрѣтилъ человѣка съ такимъ планомъ въ головѣ, съ умомъ логическимъ, выработаннымъ въ настоящей

[1]) В. Евр. 1866 г. № 1, 155—194 и Богдановичъ, Исторія царствов. Александра I. Т. I, прилож. 88—91.

школѣ, онъ замѣнилъ имъ однимъ прежнихъ совѣтниковъ своихъ, друзей своей молодости, и съ нимъ однимъ, подъ шумъ европейской войны съ Наполеономъ, въ которой и онъ и Россія принимали участіе, разрабатывалъ планы дальнѣйшихъ преобразованій и будущей конституціи. Лицо это былъ извѣстный Сперанскій, единственный сотрудникъ во второмъ періодѣ преобразовательной дѣятельности Александра до 1812 года, когда отечественная война и потомъ европейскія событія, въ которыхъ мы участвовали, прекратили совершенно эту дѣятельность.

Но это первое время и тѣ первыя вліянія, подъ которыми Александръ вступилъ на престолъ, обратили его вниманіе къ вопросамъ внутренняго устройства, раскрыли передъ нимъ многія стороны жизни страны, до тѣхъ поръ ему неизвѣстныя, и должны были невольно и естественно возбудить движеніе мысли въ обществѣ, спавшемъ непробуднымъ сномъ. Конечно, оживленіе это было слишкомъ непрочно и случайно; только немногіе сочувствовали и новымъ идеямъ, и новому движенію, масса же общества попрежнему находилась въ бездѣйствіи; но и то уже должно было расшевеливать ее, что движеніе въ жизни исходило отъ правительства, въ которое она столько вѣковъ привыкла вѣровать. Притомъ молодое поколѣніе въ обществѣ воспитывалось подъ вліяніемъ этого новаго движенія идей и вносило ихъ въ жизнь; такимъ образомъ совершалось прогрессивное движеніе.

Прогрессивное движеніе русской жизни болѣе всего обязано этому времени Александрова царствованія, потому что въ теченіе его была задумана и приведена въ исполненіе самая полезная, самая долговѣчная и вліятельная мѣра. Это была реформа нашего образованія въ томъ почти общемъ видѣ, въ какомъ существуетъ у насъ оно и теперь, то-есть въ системѣ университетовъ, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Реформа эта, составляющая главную заслугу царствованія Александра, по всей справедливости есть трудъ членовъ его интимнаго комитета, которые понимали такимъ образомъ, въ чемъ заключался главный недостатокъ русской жизни, и что мѣшало ея дальнѣйшему развитію.

Вопросъ о народномъ образованіи поднятъ былъ въ интимномъ комитетѣ Александра въ концѣ 1801 года, когда приготовлялось первое устройство министерствъ, замѣнившихъ собою прежнюю коллегіальную форму. Иниціативою въ этомъ дѣлѣ послужила записка, полученная отъ Лагарпа, который предлагалъ для дѣла образованія въ странѣ учредить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра. Сотрудники государя доказывали, что у насъ дѣло образованія представляетъ необычайную смѣсь и пестроту, а потому не-

обходимо привести его въ одну систему и организовать по одной идеѣ. Гр. Строгановъ предлагалъ взять въ примѣръ Францію, съ ея системою заведеній для общаго образованія, за которымъ уже слѣдуетъ спеціальное. Александръ говорилъ, что не все удобно вводить у насъ изъ того, что хорошо за границею, что у насъ существуютъ уже старыя учрежденія, и что къ нимъ надобно присоединять новыя. Тогда положено было образовать особую коммиссію для этого дѣла. Оно было до того ново для самихъ членовъ комитета, что между ними вышелъ даже смѣшной споръ о томъ, какъ назвать будущее министерство, которое будетъ завѣдывать учеными и учебными учрежденіями: министерствомъ ли общественнаго *образованія* или *воспитанія?* Послѣ долгихъ споровъ остановились на названіи *просвѣщенія.*

Министерство народнаго просвѣщенія, попеченіямъ котораго ввѣрены были наука и образованіе всей страны, возникло, вмѣстѣ съ прочими министерствами, въ 1802 году. Оно должно было замѣнить собою учрежденную еще при Екатеринѣ въ 1782 году коммиссію объ училищахъ, состоявшую съ самаго начала подъ предсѣдательствомъ графа П. В. Завадовскаго. Учрежденіе новаго министерства не упраздняло однако этой коммиссіи; она явилась какъ бы органомъ самого министерства, личный составъ ея былъ усиленъ людьми частью изъ интимнаго комитета государя, частью другими, представителями науки и образованія, искренно любившими ихъ. Эти люди работали весьма дѣятельно надъ различными частями своей задачи. Коммиссія эта, подъ предсѣдательствомъ министра, должна была прежде всего разработать общій планъ устройства учебной части по всей имперіи. Планъ этотъ былъ готовъ очень скоро и утвержденъ 24 января 1803 года, подъ названіемъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія [1]). Въ этомъ планѣ опредѣлена была вся система ученія, т.-е. роды училищъ, отъ приходскаго училища до университета, ихъ взаимная зависимость и отношеніе ихъ другъ къ другу, ихъ общее устройство и управленіе. Въ нихъ впервые говорилось объ университетахъ, какъ главныхъ разсадникахъ просвѣщенія. Кромѣ существовавшихъ, въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, должны были быть открыты еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ; предназначались кромѣ того для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе, по мѣрѣ способовъ. Тогда же учреждались и учебные округа, и прежняя коммиссія училищъ переименовывалась въ „главное правленіе училищъ“, которое, будучи устроено въ коллегіальномъ порядкѣ, подъ предсѣ-

[1]) Сб. постановл. по Мин. Нар. Просв. I, 13—21.

дательствомъ министра, дѣлалось совѣщательнымъ и распорядительнымъ его органомъ по дѣлу народнаго просвѣщенія. Люди, бывшіе членами его, были назначены по личному выбору Александра, который захотѣлъ соединить въ немъ и старыхъ Екатерининскихъ дѣятелей и людей новаго поколѣнія, близкихъ къ нему.

Таковъ былъ широкій планъ народнаго просвѣщенія, задуманный и приведенный въ исполненіе близкими къ Александру людьми. Никто въ обществѣ, конечно, кромѣ самаго малаго числа людей, лично заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, не интересовался имъ; между посторонними умными людьми скорѣе замѣтно было къ нему какое-то недовѣріе. „Университетскія школы о сю пору всѣ въ упадкѣ, пишетъ къ пріятелю своему Македонцу извѣстный Евгеній, впослѣдствіи митрополитъ, а тогда префектъ Александро-Невской Академіи. Теперь готовятъ новый университету штатъ и жалованье умножаютъ вдвое. Что-то будетъ!... Но отъ русскихъ профессоровъ, каковы тамъ теперешніе, нельзя лишняго надѣяться“ [1]). „Правила предварительныя о просвѣщеніи хороши, продолжаетъ онъ же, но исполненіе еще далеко. Вспомните, что еще въ 1788 году былъ также указъ о учрежденіи университетовъ, но и о сю пору они не учреждены. Бездѣлицы недостаетъ—людей, могущихъ учить, да денегъ, могущихъ ободрить людей“ [2]).

Первымъ по времени министромъ народнаго просвѣщенія былъ у насъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1738—1812). Оффиціальные біографы его: Мартыновъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія при немъ [3]), Янъ Снядецкій, ректоръ Виленскаго университета [4]), затѣмъ Сухомлиновъ [5]) и оффиціальный историкъ царствованія Александра, генералъ Богдановичъ, слишкомъ много приписываютъ этому лицу въ дѣлѣ народнаго образованія и долго останавливаются на немъ. Завадовскій въ ту пору былъ уже старъ и послѣ долгой и исполненной разныхъ треволненій жизни, едва ли былъ способенъ къ дѣятельности, требовавшей свѣжихъ силъ. Судьба его, какъ многихъ людей Екатерининскаго времени, замѣчательна. Завадовскій былъ сыномъ казака или священника въ Малороссіи, именно въ Черниговской губерніи. Дѣдъ его, подкоморій Ширай, отдалъ его учиться въ іезуитское училище въ Оршу, откуда онъ

---

[1]) Р. Арх 1870, 812 Выдержки изъ писемъ Евгенія къ Васил. Иги. Македонцу.

[2]) Ibid. 821.

[3]) Сынъ Отеч 1831 г. № 19, 238—257.

[4]) Dziela, 1837, t. III.

[5]) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Ал. I. Изслѣдованія и статьи, т. I.

поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Завадовскій получилъ такимъ образомъ богословское образованіе того времени, а въ іезуитскомъ училищѣ и въ академіи онъ хорошо познакомился съ языкомъ латинскимъ, почему и слылъ при дворѣ Екатерины за человѣка ученаго. Гельбигъ разсказываетъ, что отецъ привезъ его въ Петербургъ на службу и оставилъ жить въ домѣ земляка своего, графа Разумовскаго, гдѣ онъ и знаменитый впослѣдствіи Безбородко, который былъ моложе его десятью годами, жили, какъ бѣдные люди, чѣмъ-то въ родѣ служителей. Разумовскій помѣстилъ ихъ обоихъ къ фельдмаршалу графу Румянцеву, подъ начальствомъ котораго Завадовскій сначала состоялъ въ военной службѣ, а потомъ былъ вмѣстѣ съ Безбородкомъ однимъ изъ главныхъ дѣльцовъ въ канцеляріи фельдмаршала. Когда Екатерина просила Румянцева рекомендовать ей кого-нибудь въ кабинетъ-секретари, Румянцевъ прислалъ ей Завадовскаго и товарища его, Кузьмина. Одно изъ важныхъ достоинствъ Завадовскаго для того времени состояло въ томъ, что онъ былъ очень красивъ собою и Екатерина замѣтила это. Румянцевъ рекомендовалъ его въ 1775 году, а уже въ концѣ этого года онъ сдѣлался оффиціально ея любимцемъ, хотя она и скрывала эти отношенія отъ Потемкина. Впрочемъ „фаворъ“, какъ говорили тогда, Завадовскаго не продолжался и двухъ лѣтъ, хотя онъ успѣлъ сдѣлаться графомъ, получить болѣе 100 т. крестьянъ и великолѣпное имѣніе въ Черниговской губерніи, прозванное имъ Екатеринодаромъ, съ домомъ-дворцомъ, выстроеннымъ собственно для него на казенныя деньги. Пользуясь своею силою и значеніемъ при дворѣ, Завадовскій увеличивалъ свои имѣнія и насиліемъ: онъ присвоивалъ себѣ монастырскія земли и отнималъ земли у сосѣдей. Когда при Екатеринѣ смѣнилъ его новый фаворитъ Зоричъ, Завадовскій былъ единственнымъ изъ всѣхъ ея фаворитовъ, который продолжалъ ѣздить ко двору и не потерялъ значенія. Онъ былъ главнымъ директоромъ государственнаго банка. Какъ человѣкъ, слывшій ученымъ, онъ долженъ былъ изготовлять указы и манифесты, и дѣловой слогъ его вообще хвалили. Въ качествѣ ученаго же, ему предоставлено было предсѣдательство въ Коммиссіи народныхъ училищъ. Павелъ сначала благоволилъ къ Завадовскому и сдѣлалъ его даже опекуномъ графа Бобринскаго, несмотря на то, что послѣдній былъ женатъ и самъ имѣлъ дѣтей, но потомъ сослалъ его въ деревню, подъ строгій надзоръ полиціи. Александръ возвратилъ ему всѣ прежнія его должности и сдѣлалъ его министромъ, но вовсе не по признаннымъ заслугамъ его, а въ угожденіе старикамъ Екатерининскимъ. Вотъ любопытный отзывъ самого Александра о Завадовскомъ въ письмѣ къ Лагарпу, который былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ: „Сожалѣнія ваши о на-

значеніи Завадовскаго министромъ Народнаго Просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибъ вамъ была извѣстна организація его министерства. Это совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторыскаго, Новосильцева и другихъ, который всѣмъ управляетъ; нѣтъ ни одной бумаги, которая не была бы ими обработана, нѣтъ человѣка, не назначеннаго ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними (т.-е. съ Чарторыскимъ и Новосильцевымъ), мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Вообще, мы сдѣлали его снисходительнымъ до нельзя, настоящею овцою; наконецъ онъ ничтоженъ и посаженъ въ министры только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ“ [1]). Изъ этого видно, какое дѣятельное личное участіе принималъ Александръ въ дѣлѣ и успѣхахъ молодого нашего просвѣщенія.

Вторымъ лицомъ въ этомъ министерствѣ былъ воспитатель Александра уже упомянутый нами М. Н. Муравьевъ. Онъ сдѣланъ былъ и попечителемъ Московскаго университета и товарищемъ министра. Несмотря на особую любовь свою къ классической филологіи, онъ не былъ однако исключительнымъ и, получивъ широкое образованіе, одинаково любилъ науки. Его кратковременная дѣятельность, какъ попечителя Московскаго университета (1803 — 1807), весьма замѣчательна въ исторіи этого университета. Подъ его наблюденіемъ университетъ былъ преобразованъ согласно новому уставу, и въ этомъ преобразованіи Муравьевъ самъ принималъ живое и дѣятельное участіе. Главный существенный недостатокъ преобразованнаго и вновь учрежденныхъ университетовъ состоялъ въ отсутствіи необходимаго числа профессоровъ для того, чтобы университетъ представлялъ собою дѣйствительно полноту наукъ и соотвѣтствовалъ тому понятію о высшемъ образовательномъ заведеніи, которое сложилось въ исторической жизни Европы. Муравьевъ вызвалъ въ Московскій университетъ во время своего управленія нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ изъ-за границы; этому помогли личныя сношенія Муравьева съ европейскими учеными. Его имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ. Эти вызванные изъ-за границы ученые должны были обра-

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ. V, 39. Vos regrets sur la nomination de Zavadovsky à la place de Ministre de l'Instruction publique, seraient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son Ministère. Il est nul. C'est un conseil composé de Mouravief, Klinguer, Czartoryski, Novosiltzoff etc. qui regit tout, il n'y a pas un papier qui ne soit travaille par eux, pas un homme qui ne soit placé par eux. La fréquence de mes rapports aves les deux derniers surtout, empêche le ministre d'apposer le moindre obstacle au bien que nous tachons de faire. Au reste, nous l'ovons rendu coulant au possible, un vray mouton, enfin il est nul et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en fût excln.

зовать новое поколѣніе молодыхъ русскихъ профессоровъ, о чемъ такъ сильно заботился Муравьевъ. По его мысли отправлено было нѣсколько лучшихъ молодыхъ людей изъ Московскаго университета для приготовленія къ профессорскому званію; въ судьбѣ ихъ Муравьевъ принималъ дѣятельное участіе; онъ близокъ былъ съ ними, переписывался съ ними, помогалъ ихъ работамъ и путешествіямъ [1]). Особое оживленіе университету придали ученыя общества, основаніе которыхъ даже вызывалось новымъ уставомъ. По мысли Муравьева и при его дѣятельномъ участіи учреждено было извѣстное „Общество исторіи и древностей Россійскихъ", труды и изданія котораго принесли такую громадную пользу разработкѣ отечественной исторіи.

Изъ остальныхъ членовъ Главнаго Правленія Училищъ въ первое время учрежденія министерства мы укажемъ. во-первыхъ, на личныхъ друзей Александра: Строганова, Новосильцева, Чарторыскаго, которымъ самъ государь предназначалъ дѣятельную роль въ новомъ министерствѣ. Изъ нихъ Новосильцевъ былъ попечителемъ С.-Петербургскаго округа, а Чарторыскій—Виленскаго. Въ первое время послѣдній оказывалъ большое содѣйствіе трудами своими Главному Правленію Училищъ. Ему собственно принадлежитъ планъ устройства учебныхъ заведеній во всей Имперіи, которымъ руководствовались члены. Какъ попечитель Виленскаго университета и округа, Чарторыскій, въ качествѣ польскаго патріота, задался идеею полонизаціи края, сдѣлался проводникомъ чисто польскихъ патріотическихъ началъ и стремленій. На этомъ поприщѣ, въ концѣ царствованія Александра, ему пришлось столкнуться съ прежнимъ другомъ своимъ Новосильцевымъ, которому поручено было разрушить или, по крайней мѣрѣ, ослабить задушевное дѣло Чарторыскаго въ Виленскомъ университетѣ.

Совсѣмъ другую польскую личность въ Главномъ Правленіи Училищъ представляетъ первый попечитель Харьковскаго университета, графъ Северинъ-Потоцкій. Заслуги его по водворенію просвѣщенія въ краѣ, которымъ онъ призванъ былъ управлять въ учебномъ отношеніи, были чрезвычайно велики и должны быть съ благодарностью помянуты въ исторіи просвѣщенія нашего отечества. Чуждый исключительно польскихъ тенденцій, въ чемъ нельзя не обвинить Чарторыскаго, Потоцкій считалъ распространеніе наукъ и образованія своимъ истиннымъ призваніемъ, дѣломъ души своей и убѣжденій. Онъ самъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ и съ искреннимъ участіемъ относился къ каждой наукѣ и поощрялъ ее, что воз-

---

[1]) Письма профессоровъ къ Муравьеву. Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс 1861, кн. III, 22—72.

буждало и оживляло дѣятельность въ молодомъ университетѣ. Въ особенности онъ усердно заботился объ образованіи и пріобрѣтеніи для него преподавателей, среди которыхъ встрѣчались и русскія имена, что было тогда большою рѣдкостью. Его рѣчи на торжественныхъ актахъ университета, въ которыхъ онъ такъ много говорилъ о наукѣ и ея значеніи, ставили университетъ въ близкое отношеніе къ обществу, которое пріучалось цѣнить и уважать его. Этому способствовало положеніе Потоцкаго въ обществѣ, гдѣ онъ являлся лицомъ вліятельнымъ по своему происхожденію, богатству, уму и блестящему образованію. „Свободный отъ всякаго рода предразсудковъ, чуждаясь сословной исключительности, онъ чуждъ былъ и религіознаго фанатизма", говоритъ о немъ г. Сухомлиновъ. „Вельможа и католикъ, онъ посѣщалъ хаты сельскихъ учителей и былъ усерднымъ ходатаемъ о лицахъ православнаго духовенства, сколько-нибудь послужившихъ дѣлу народнаго образованія. Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ. Попеченіе Потоцкаго объ университетѣ выразилось именно въ тѣхъ формахъ, которыя однѣ, не стѣсняя и не подавляя университета, содѣйствуютъ его движенію и процвѣтанію. Не вмѣшиваясь во всѣ нити администраціи, не нарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь то же, что тѣло безъ души, Потоцкій былъ достойнымъ вождемъ университета, открывалъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ дѣйствительнымъ представителемъ его" [1]).

Прочіе члены Главнаго Правленія Училищъ были болѣе или менѣе извѣстны тогда въ наукѣ и литературѣ. Таковы, напр., попечитель Дерптскаго университета, генералъ-маіоръ Клингеръ (1753—1831), извѣстный нѣмецкій писатель по части романовъ и комедій. Онъ былъ чтецомъ при Павлѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола. Первымъ попечителемъ Казанскаго университета былъ Румовскій, указанный и выбранный, какъ человѣкъ съ талантомъ, изъ студентовъ Невской Академіи еще Ломоносовымъ, который замѣтилъ въ немъ любовь къ наукѣ и взялъ его въ Академію Наукъ. Учился онъ математикѣ у Эйлера въ Берлинѣ и потомъ былъ въ Академіи Наукъ профессоромъ астрономіи. Онъ извѣстенъ учеными астрономическими путешествіями въ восточную Сибирь, разными мемуарами, трудами по россійской словесности и переводомъ Тацита.

Изъ старыхъ дѣятелей по просвѣщенію членомъ Гл. Пр. Училищъ былъ Янковичъ де Мирьево, ученый австрійскій сербъ, вызванный въ Россію Бецкимъ; онъ пріобрѣлъ видное мѣсто въ исторіи

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 25.

просвѣщенія устройствомъ у насъ при Екатеринѣ народныхъ училищъ. Правителемъ дѣлъ департамента и тоже членомъ Главнаго Правленія Училищъ былъ И. И. Мартыновъ, родомъ малороссъ, получившій свое образованіе въ Невской Академіи. Мартыновъ извѣстенъ какъ переводчикъ греческихъ классиковъ, но онъ зналъ и другіе языки, былъ знакомъ съ естественными науками, переводилъ по этой отрасли знаній, составлялъ словари и учебники, издавалъ два журнала, въ которыхъ высказывалось полное сочувствіе къ реформамъ Александра, и былъ вообще всесторонне-образованный человѣкъ. Какъ дѣлопроизводитель, Мартыновъ сочинялъ всѣ уставы министерства и былъ близокъ къ Завадовскому.

Были два члена изъ Академіи Наукъ: одинъ русскій ученый—Озерецковскій, путешествовавшій съ гр. Бобринскимъ за границей и учившійся въ Страсбургѣ и Лейденѣ, гдѣ онъ получилъ степень доктора медицины, и нѣмецъ Фусъ, ученикъ Эйлера и Бернулли—представитель чистой математики въ Академіи Наукъ и потомъ долго ея непремѣнный секретарь.

Вотъ тѣ личности, которымъ было ввѣрено дѣло просвѣщенія и науки въ первые годы царствованія Александра. Имена ихъ должны быть помянуты въ исторіи нашего образованія по результатамъ ихъ дѣятельности.

ЛЕКЦІЯ VI.

Заботы Главнаго Правленія Училищъ о развитіи просвѣщенія въ Россіи.—Уставы Университетовъ 1804 г.—Студенты и русскіе профессора въ Университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ.

Членамъ Главнаго Правленія Училищъ, которымъ ввѣрено было Александромъ дѣло образованія и просвѣщенія страны, предстояла усиленная дѣятельность. Программа этой дѣятельности высказана въ упомянутыхъ мною предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія. Они должны были преобразовать старые или открыть новые университеты, завести множество среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, вовсе не существовавшихъ во многихъ городахъ, двинуть, однимъ словомъ, впередъ все просвѣщеніе народа и вложить въ него новыя начала, которыя соотвѣтствовали бы требованіямъ жизни и духу времени. Это первое время существованія министерства, время управленія имъ Завадовскаго, вообще отличается организаторскою дѣятельностью. Конечно, самымъ важнымъ и главнымъ предметомъ вниманія новаго министерства должны были сдѣлаться и дѣйстви-

тельно были университеты. Они должны были быть центрами просвѣщенія въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ предполагалось ихъ учрежденіе; они должны были служить разсадниками просвѣщенія; отъ нихъ зависѣла цѣлая масса подчиненныхъ училищъ, и они же ставились въ очень близкое отношеніе къ обществу, въ жизнь котораго, кромѣ знанія, вносили новыя формы и обычаи, незнакомые прежде.

Наши университеты, вліяніе которыхъ на воспитаніе общества не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, не были продуктами саморазвивающейся общественной жизни, потребности науки и стремленія къ ней. Ни въ какомъ случаѣ не могли они походить на тѣ средневѣковые памятники—университеты, на судьбахъ, устройствѣ и нравахъ которыхъ такъ ярко отражается многовѣковая жизнь общества. Наши университеты—продукты новаго развитія и не общественной, а государственной потребности, а потому правительству обязаны они своимъ возникновеніемъ и существованіемъ. Со временъ Петра оно хлопотало о разсадникахъ образованныхъ и годныхъ людей для развивающейся государственной жизни. Но передъ началомъ XIX вѣка у насъ существовалъ только одинъ Московскій университетъ, основанный въ половинѣ XVIII вѣка по мысли и при участіи въ составленіи его устава Ломоносова, по образцу, хотя и въ слабомъ видѣ, средневѣковыхъ германскихъ университетовъ, хорошо знакомыхъ Ломоносову. Екатерининская коммиссія училищъ, въ которой главную роль игралъ Бецкій, проектировала было съ своей стороны нѣсколько новыхъ университетовъ въ Россіи; Потемкинъ тоже задумывалъ основать университетъ на югѣ Россіи; но все это осталось безъ осуществленія. Въ послѣдніе годы жизни Екатерина стала подозрительно смотрѣть на науку и просвѣщеніе; она пугалась мысли, да, кромѣ того, частыя и продолжительныя войны и безпрестанныя смѣны любимцевъ стоили государству и націи очень много денегъ, такъ что нельзя было думать о новыхъ и дорогихъ реформахъ.

Движеніе мысли въ наукѣ и литературѣ, широкое и свободное въ XVIII вѣкѣ, за которымъ послѣдовали такъ быстро политическіе перевороты, общее преслѣдованіе подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка и, наконецъ, совершенное изгнаніе изъ всѣхъ государствъ Іезуитовъ, имѣвшихъ до тѣхъ поръ въ рукахъ своихъ дѣло общественнаго воспитанія,—обратили особенное вниманіе, и мыслителей и государственныхъ людей на дѣло народнаго образованія. Оно стало считаться теперь государственнымъ дѣломъ; прежнія средневѣковыя формы его и условія не удовлетворяли новымъ идеямъ и новой жизни съ ея потребностями. Написано было нѣсколько плановъ общаго устройства народнаго просвѣщенія въ государствѣ, въ которыхъ всѣ учебныя заведенія являлись школами, приготовляющими другъ для друга,

тѣсно связанными между собою, и всѣ служили государству. Всѣ желали, чтобъ образованіе въ странѣ носило однообразный и національный характеръ. Таковъ былъ планъ знаменитаго французскаго министра при Людовикѣ XV—Тюрго (1775); тѣмъ же характеромъ проникнутъ и планъ, представленный Кондорсе въ 1792 году французскому законодательному собранію. Этотъ послѣдній планъ былъ знакомъ членамъ нашего Главнаго Правленія Училищъ и принятъ былъ въ соображеніе, но ошибочно было бы думать, что съ нашей стороны было только подражаніе. Общая система учебныхъ заведеній и общая зависимость ихъ другъ отъ друга была общею идеею времени. Всѣ училища находились подъ вѣдѣніемъ университетовъ; послѣдніе приготовляли преподавателей во всѣ мѣста, отъ университета зависѣвшія, ревизовали ихъ чрезъ своихъ членовъ и т. п.

Составленіе университетскихъ уставовъ требовало много труда и обдуманности. Члены Главнаго Правленія Училищъ не могли въ этомъ дѣлѣ положиться только на свои свѣдѣнія и опытность; они хотѣли пополнить ихъ со всѣхъ сторонъ. Они были знакомы вообще съ литературою этого вопроса и обращались за совѣтами къ спеціалистамъ этого дѣла, къ нѣмецкимъ ученымъ и профессорамъ. Ихъ мнѣнія, высказанныя и прежде въ литературѣ, подвергались тщательному обсужденію. Въ числѣ этихъ заграничныхъ ученыхъ въ особенности замѣчателенъ и по вліянію своихъ сочиненій, посвященныхъ преимущественно исторіи образованія и реформѣ нѣмецкихъ университетовъ, и по непосредственнымъ сношеніямъ съ составителями нашихъ университетскихъ уставовъ, геттингенскій профессоръ Мейнерсъ. Въ университетскомъ вопросѣ Мейнерсъ отличался свободнымъ, свѣтлымъ взглядомъ и, если его взгляды и мнѣнія имѣли какое-нибудь вліяніе на составителей нашихъ уставовъ, то, конечно, первоначальное устройство нашихъ молодыхъ университетовъ обязано Мейнерсу многими хорошими сторонами своими, напр., свободою преподаванія, которая такъ грубо потомъ была нарушена во вторую половину царствованія Александра I. Выборное начало, которое потомъ часто, къ сожалѣнію, примѣнялось не къ чести и не къ пользѣ университета, было порицаемо Мейнерсомъ, а такое положеніе попечителей, при которомъ они не могли бы нарушать своимъ вмѣшательствомъ автономіи университетской жизни, и свободныя отношенія корпораціи студентовъ, рекомендовались имъ. Мысли Мейнерса были очень здравы и очень важны, но ими не пользовались безусловно, а подвергали ихъ строгой и осмотрительной критикѣ; все то, что было несогласно съ условіями нашей жизни—не было принято.

На глазахъ у составителей уставовъ былъ и прежній опытъ въ русской жизни, прежнія рѣшенія этого вопроса. Такъ, при Екатеринѣ

еще былъ очень отчетливо разработанъ планъ будущихъ русскихъ университетовъ. Передъ ними былъ уже существующій, оправданный исторіей образецъ—университетъ Московскій; предполагаемымъ университетамъ въ XVIII вѣкѣ желали придать народный характеръ преподаваніемъ на языкѣ отечественномъ и замѣщеніемъ каѳедръ русскими профессорами, но главная основа преподаванія должна была заключаться въ изученіи классическаго міра. Къ чести этого стараго Екатерининскаго плана слѣдуетъ упомянуть, что и онъ признавалъ свободу преподаванія необходимымъ условіемъ университетской жизни и не дѣлалъ препятствій для вступленія въ университетъ ни въ возрастѣ, ни въ сословіи. Это должно было быть открытое, всѣмъ доступное заведеніе.

Такимъ образомъ новые уставы университетовъ разрабатывались членами Правленія Училищъ не на основаніи одной реформаторской горячки, а болѣе разумнымъ образомъ: передъ ними были и современные европейскіе труды по университетскому вопросу и опыты прежнихъ лѣтъ въ самой Россіи. Самое большое участіе въ написаніи уставовъ университетскихъ принимали академики—Фусъ и Озерецковскій, а связь университета съ подчиненными ему учебными заведеніями, отъ гимназіи до сельскаго училища, и устройство всѣхъ ихъ разработаны были Екатерининскимъ педагогомъ Янковичемъ де Мирьево. Уставы трехъ собственно русскихъ университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго были утверждены 5 ноября 1804 года.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ уставовъ, которые положили начало у насъ высшему образованію, не существовавшему прежде, кромѣ университета Московскаго. Намъ достаточно указать въ нихъ ту разницу, которая отличала ихъ отъ уставовъ настоящаго времени, и тѣ мѣры, которыя заключались въ нихъ, чтобъ вызвать въ обществѣ любовь къ наукѣ и стремленіе къ высшему образованію. Въ университетѣ были тѣ же четыре факультета, что и теперь, но въ нихъ не было ни подраздѣленій, ни полнаго состава каѳедръ, вызваннаго научнымъ развитіемъ послѣдующаго времени. Тогдашній университетъ имѣлъ, повидимому, больше правъ: совѣтъ былъ высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ, касательно подчиненныхъ ему лицъ и мѣстъ; на его рѣшенія можно было жаловаться только въ Сенатъ. Уставъ, такимъ образомъ, съ идеальной точки зрѣнія первыхъ годовъ царствованія Александра, предполагалъ въ лицахъ, призываемыхъ къ преподаванію высшихъ наукъ, полное безпристрастіе и большія нравственныя достоинства. Этому совѣту университета предоставлено было право цензуры надъ всѣми выходящими въ его округѣ сочиненіями; въ

членахъ его предполагалось и достаточно знаній, и достаточно уваженія къ мысли, чтобъ быть цензорами въ томъ смыслѣ, какъ послѣдніе тогда понимались. Главною цѣлью уставовъ, по отношенію къ профессорамъ, было вызвать къ жизни науку, поселить къ ней уваженіе. Имъ предоставлена была полная свобода преподаванія. Собраніямъ университетскаго совѣта уставъ старался придать ученый или научный характеръ. Онъ требовалъ, напр., чтобъ каждый мѣсяцъ устраивалось такое собраніе, въ которомъ профессора и почетные члены разсуждали бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, по предложенію ректора или кого-либо изъ членовъ. Обязанность профессоровъ заключалась въ томъ, чтобы читать лекціи лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ; они должны были пополнять ежегодно свои курсы тѣми открытіями, которыя дѣлались въ европейской наукѣ. Заботясь, такимъ образомъ, о расширеніи научной дѣятельности профессоровъ, о томъ, чтобъ вызвать въ нихъ самихъ любовь къ своему призванію, уставъ противорѣчилъ самому себѣ, давая университету еще обязанность управленія подвѣдомственными ему заведеніями, предоставляя ему опредѣленіе учителей и пр., наконецъ цензуру. Все это не научное содержаніе профессорскихъ обязанностей должно было отвлекать ихъ отъ прямого ихъ призванія, развивать въ нихъ стремленія, чуждыя наукѣ. Мейнерсъ, въ своихъ идеяхъ о реформѣ нѣмецкихъ университетовъ, не допускалъ за совѣтомъ даже права избранія своихъ членовъ посредствомъ баллотировки, основываясь на томъ, что большинство членовъ совѣта остается равнодушно къ выборамъ, а меньшинство не всегда дѣйствуетъ безпристрастно, руководясь личными разсчетами и намѣренно удаляя опаснаго соперника. Уставъ 1804 года поступилъ иначе: и право избранія, и широкую долю самоуправленія онъ предоставилъ нашимъ университетскимъ совѣтамъ, относясь къ нимъ съ уваженіемъ и не раздѣляя мыслей нѣмецкаго профессора, которому ближе было знакомо дѣло по собственному опыту.

Студенты, которымъ предоставлено было носить мундиръ и шпагу, составляли, по уставу 1804 года, корпорацію, вполнѣ зависимую отъ суда университета, и подчинялись только правиламъ, изданнымъ имъ; отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла и отношенія, напр, городской полиціи, ревниво оберегало ихъ свое начальство. Связь ихъ съ профессорами требовалась даже уставомъ, который установлялъ бесѣды между профессорами и студентами, бесѣды научныя, гдѣ профессора обязаны были исправлять сужденія студентовъ и самый образъ ихъ выраженія и пріучать ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли.

Уставъ требовалъ, чтобъ университетъ сближался съ обществомъ

и развивалъ бы такую учено-литературную дѣятельность, въ которой могло бы принимать участіе и общество. Съ этою цѣлью университетъ могъ открывать при себѣ ученыя общества, задавать темы для сочиненій и награждать ихъ преміями. Согласно характеру и направленію того времени, при всѣхъ университетахъ вскорѣ открылись литературныя общества, существовавшія долго.

Что касается до наукъ, предполагаемыхъ къ преподаванію въ университетахъ по уставу 1804 года, то въ этомъ отношеніи члены Главнаго правленія училищъ шли за современностью, какъ она существовала въ европейскихъ университетахъ, но были сдѣланы уступки и требованіямъ тогдашняго общества, не понимавшаго значенія науки въ жизни и съ неудовольствіемъ смотрѣвшаго на лишніе годы университетскаго курса, какъ на безполезную помѣху къ скорѣйшему открытію для молодого человѣка служебной карьеры. „Вы все дожидаетесь открытія Харьковскаго университета, пишетъ въ 1804 году Евгеній къ другу своему Македонцу, но и открытые едва дышатъ о сю пору. Ни учить, ни учиться некому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей на службу съ 15 лѣтъ; а университетскій курсъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти прохожденія (т.-е. съ гимназіею). Кто же будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ почти наукахъ твердятъ Иппократово слово: Ars longa, vita brevis, occasio momentosa, experientia periculosa. Родимся же мы на свѣтъ не умствовать, а дѣйствовать“ [1]). Дворянство русское, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій призвалъ его къ дѣятельной службѣ государству, всегда предпочитало службу военную, а такъ какъ большинство молодыхъ людей, поступавшихъ въ русскіе университеты того времени, принадлежало къ этому сословію, то и предположено было открытіе каѳедры военныхъ наукъ. Это было тѣмъ болѣе естественно, что дворянство, напр., Харьковской губерніи прямо заявило, что оно жертвовало значительныя суммы на университетъ Харьковскій въ той увѣренности, что въ немъ будутъ преподаваться военныя науки, необходимыя для дворянина. Съ другой стороны, предположено было и открытіе въ университетахъ богословскаго факультета, по примѣру университетовъ европейскихъ, но предположеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, нашло противодѣйствіе въ Св. Синодѣ, который сохранилъ богословіе для своихъ духовныхъ заведеній.

Приведеніе въ дѣйствіе новыхъ университетскихъ уставовъ возложено было на попечителей; имъ предстояла очень трудная и многосложная задача въ борьбѣ съ неприготовленнымъ и невѣжественнымъ обществомъ. Особенно трудно было въ этомъ отношеніи положеніе

---

[1]) Р. Арх. 1870 838.

попечителей въ Харьковѣ и Казани, тогда какъ попечителю московскому Муравьеву было сравнительно легче въ Москвѣ, гдѣ уже полвѣка существовалъ университетъ. Кругомъ ихъ была общественная среда, которая смутно сознавала и даже вовсе не сознавала потребности университетскаго образованія. „Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя о нихъ самое темное понятіе, пишетъ министру попечитель Харьковскаго университета, графъ Северинъ Потоцкій, не радѣли они (т.-е. харьковскіе дворяне) о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія: они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше четырнадцатилѣтняго возраста посѣщать гимназіи, которыя впрочемъ не приведены еще въ желаемое состояніе. Поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію. Убѣждаясь такими причинами, я нахожусь вынужденнымъ учредить при университетѣ приготовительный курсъ, въ которомъ молодые люди пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія къ слушанію высшихъ наукъ“. Это и было приведено въ исполненіе. Въ Казани, для того, чтобъ въ университетъ могли поступить съ открытіемъ его студенты, сочли нужнымъ воспитывать въ гимназіи на казенный счетъ сорокъ воспитанниковъ, съ обязательствомъ съ ихъ стороны сдѣлаться студентами. Какъ мало были приготовлены эти, вновь поступившіе въ Казанскій университетъ въ 1805 году, студенты, можно видѣть изъ извѣстныхъ „Воспоминаній“ Аксакова.

Если такъ трудно было наполнить молодые университеты студентами, то еще труднѣе было замѣстить каѳедры и найти для нихъ достойныхъ преподавателей. На первыхъ порахъ, до образованія университетскихъ совѣтовъ, это затруднительное дѣло было возложено Главнымъ Правленіемъ Училищъ на попечителей. Всѣ три попечителя русскихъ университетовъ: и Муравьевъ, и Потоцкій и Румовскій, были дѣятельны въ этомъ отношеніи и доставили новымъ университетамъ нѣсколько замѣчательныхъ и полезныхъ профессоровъ, получившихъ извѣстность въ наукѣ. Конечно, выборъ былъ не всегда удаченъ, встрѣчались ошибки, но на первыхъ порахъ онѣ были неизбѣжны. Стоитъ только вспомнить это время, когда только что зарождалась въ Россіи университетская жизнь, чтобы понять, что единственными людьми знанія, способными занять профессорское мѣсто въ университетѣ, могли быть или лица, приготовленныя къ тому Московскимъ университетомъ, или независимыя отъ него отдѣльныя

личности, сколько-нибудь извѣстныя въ наукѣ и литературѣ. Но университетъ Московскій и самъ нуждался въ преподавателяхъ, а науки и просвѣтительной литературы вовсе не было. Духовныя академіи наши приготовляли только схоластиковъ для спеціальныхъ своихъ цѣлей. Поэтому, естественно, на первыхъ порахъ пришлось обратиться за профессорами къ богатому наукой міру европейскому, и сначала перевѣсъ иностранныхъ профессоровъ преобладалъ, но потомъ отношеніе измѣнялось въ пользу русскаго элемента. Всѣхъ счастливѣе въ этомъ отношеніи былъ университетъ Московскій, гдѣ дѣятельность Муравьева и богатыя средства самого университета скоро доставили возможность образовать новое поколѣніе русскихъ ученыхъ. „Иначе нельзя завести своихъ профессоровъ, пишетъ Муравьевъ въ своихъ „Запискахъ“, какъ посылая ихъ въ чужіе края, чтобъ они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ“ [1]). Тогда образовались извѣстные профессора: Чеботаревъ, Двигубскій, Мудровъ и др., и при непосредственномъ участіи самого Муравьева—извѣстный критикъ, эстетикъ и замѣчательный поэтическій талантъ — профессоръ россійской словесности — Мерзляковъ, имѣвшій значительное вліяніе на литературу, группировавшуюся около университета.

Въ Харьковскомъ университетѣ мы встрѣчаемъ съ перваго года его открытія нѣсколько русскихъ именъ, профессорская дѣятельность которыхъ осталась не безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу этого университета. Таковы были: Рижскій, профессоръ россійской словесности, и Осиповскій, профессоръ чистой математики. Рижскій, первый ректоръ Харьковскаго университета, человѣкъ весьма солиднаго и разносторонняго образованія и обширныхъ знаній, авторъ „Реторики“, „Введенія въ кругъ словесности“ и др. сочиненій, которыя были приняты какъ руководства при преподаваніи словесности и въ другихъ университетахъ, до профессорства былъ выбранъ Россійской Академіей въ свои члены, что̀ и указало на него Потоцкому, пригласившему Рижскаго въ Харьковъ. Осиповскій получилъ свое образованіе первоначально во владимірской семинаріи, а потомъ въ петербургской учительской гимназіи, переименованной въ 1786 году въ Педагогическій институтъ, гдѣ онъ впослѣдствіи сдѣлался самъ профессоромъ. Съ этой должности, по приглашенію Потоцкаго, Осиповскій отправился въ Харьковъ. Здѣсь служилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ, напечаталъ нѣсколько сочиненій, уважаемыхъ въ наукѣ, и образовалъ нѣсколько поколѣній студентовъ математическаго факультета; въ числѣ ихъ былъ извѣстный математикъ Остроградскій.

---

[1]) Шевыревъ. Ист. Моск Унив. 344—345

Третьимъ замѣчательнымъ лицомъ Харьковскаго университета былъ профессоръ русской исторіи, извѣстный авторъ „Опыта повѣствованія о древностяхъ россійскихъ", книги, которая и теперь имѣетъ значеніе въ литературѣ,—Гавріилъ Успенскій. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ сѣвской семинаріи, а потомъ, подобно Осиповскому, учился въ петербургской учительской гимназіи, откуда, по окончаніи курса, получилъ мѣсто учителя главнаго народнаго училища (гимназіи) въ Воронежѣ. Отсюда приглашенъ онъ былъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ читалъ много самыхъ разнообразныхъ предметовъ, пользуясь общимъ уваженіемъ и дружбою извѣстныхъ ученыхъ и писателей.

Не такъ былъ счастливъ, въ началѣ своего существованія, Казанскій университетъ въ выборѣ русскихъ профессоровъ. Здѣсь не было ни одного имени, которое бы осталось въ наукѣ. Сколько-нибудь выдающеюся личностью былъ первый профессоръ русской исторіи, Илья Яковкинъ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ вятской семинаріи, а потомъ учился въ учительской гимназіи въ Петербургѣ, въ которой самъ былъ учителемъ. Яковкинъ извѣстенъ составленіемъ и переводомъ нѣсколькихъ учебниковъ и по французскому языку, и по русской исторіи и географіи. Въ 1799 году онъ переселился въ Казань, въ качествѣ директора гимназіи, а отсюда въ университетъ, соединенный долгое время съ гимназіей и представлявшій какъ бы высшіе классы ея. Здѣсь, какъ администраторъ, онъ былъ лицо самовластное и не всегда дѣйствовалъ съ чистыми побужденіями. Было нѣсколько преподавателей—воспитанниковъ Московскаго университета, но всѣ они не выдавались ничѣмъ.

Русскіе профессора могли быть приготовлены не вдругъ. По новому уставу, студенты, удостоенные степени кандидата, оставались при университетѣ для выдержанія экзамена на степень магистра и потомъ, для дальнѣйшаго образованія, отправлялись въ Москву, Петербургъ, Дерптъ и за границу.

ЛЕКЦІЯ VII.

Недостатокъ въ профессорахъ.—Профессора иностранцы и ихъ просвѣтительное вліяніе. — Значеніе нѣмецкой философіи въ то время. — Отношеніе русскихъ университетовъ начала XIX в. къ обществу и народному образованію.—Характеристика профессорской среды.

Главный недостатокъ только-что основанныхъ университетовъ заключался въ неимѣніи людей для пополненія каѳедръ. Причина этого недостатка лежала въ слабости, вообще, нашего научнаго обра-

зованія, въ неимѣніи школъ для высшихъ наукъ и въ томъ, что общество, не сознавая потребности въ наукѣ, относилось къ ней равнодушно, а иногда съ боязнью и подозрительно. Необходимость заставила поэтому обратиться къ единственному источнику науки и поручить каѳедры въ университетахъ, незамѣщенныя русскими преподавателями,—приглашеннымъ иностранцамъ. Недостатка въ европейскихъ ученыхъ для наукъ общаго содержанія не могло быть; мотивовъ для переселенія ихъ въ Россію было много: и то высокое значеніе, которое придавало наукѣ и знанію новое русское правительство, и матеріальныя выгоды, которыми оно окружало людей науки. Непрочное политическое состояніе Германіи, начинавшей тогда тяжелую и продолжительную борьбу съ Наполеономъ, побуждало еще болѣе нѣмецкихъ ученыхъ выселяться изъ отечества. Конечно, въ массѣ европейскихъ ученыхъ, появившихся на каѳедрахъ нашихъ только-что основанныхъ или преобразованныхъ университетовъ, были и безполезныя личности, привлеченныя въ Россію не любовью къ наукѣ, а хорошимъ жалованьемъ; но были и высоко одаренныя личности, съ безкорыстною любовью къ наукѣ и съ даромъ преподаванія, который, даже несмотря на незнаніе или плохое знаніе ими русскаго языка, увлекалъ русскихъ студентовъ въ ту или другую научную область. Они оставили по себѣ много хорошихъ воспоминаній въ университетахъ; нѣкоторые изъ нихъ давали даже надолго направленіе научной дѣятельности университета, и тѣ факультеты, въ которыхъ они дѣйствовали или оставили учениковъ,—на продолжительное время остались лучшими, сравнительно съ другими. Эти люди часто въ глуши тогдашней провинціальной жизни составляли для русскаго юноши идеальный типъ человѣка дѣйствительной науки, какого они не встрѣчали между русскими. Отъ нихъ узнавали они впервые о великихъ движеніяхъ европейской мысли и о знаменитыхъ представителяхъ его. Такъ, философскія системы Канта и Фихте, преслѣдуемыя потомъ съ такимъ ожесточеніемъ во времена реакціи, не разъ излагались съ каѳедръ тогдашнихъ русскихъ университетовъ и служили къ воспитанію молодой русской мысли. Изъ этихъ лучшихъ иностранныхъ ученыхъ, приглашенныхъ въ Россію въ то время, достойны упоминанія въ исторіи нашего образованія, по своему вліянію на развитіе у насъ науки и по собственной дѣятельности,—въ Московскомъ университетѣ: Буле, авторъ исторіи философіи и извѣстный издатель Аристотеля, Грельманъ, изслѣдователь загадочной исторіи цыганъ, Шлецеръ-сынъ—историкъ и статистикъ, Маттеи—филологъ, первый познакомившій Европу съ греческими рукописями Синодальной библіотеки, Фишеръ фонъ Вальдгеймъ—естествоиспытатель и др. Въ Харьковскомъ университетѣ: Шадъ, послѣдователь

Фихте и ненавистникъ клерикальнаго направленія, Роммель, профессоръ древнихъ литературъ, оставившій любопытныя воспоминанія объ этомъ первомъ времени Харьковскаго университета, и др. Въ Казани, вслѣдствіе собственной научной дѣятельности попечителя Румовскаго и его связей за границею, явились на каѳедру знаменитые европейскіе математики: Бартельсъ изъ Брауншвейга и Литтровъ, профессоръ астрономіи, изъ Кракова. Они создали здѣсь математическій факультетъ и оставили замѣчательныхъ учениковъ, которые въ свою очередь сдѣлались наставниками послѣдующихъ поколѣній математиковъ. Въ Казанскомъ же университетѣ дѣйствовалъ долгое время докторъ медицины, профессоръ естественной исторіи и ботаники—Фуксъ, извѣстный въ Казани какъ врачъ и авторъ разныхъ мѣстныхъ этнографическихъ сочиненій. Первое начало дѣятельности знаменитаго оріенталиста Френа происходило въ Казанскомъ университетѣ; онъ оставилъ здѣсь учениковъ и положилъ, такимъ образомъ, начало факультету восточныхъ языковъ.

Если между русскими профессорами первыхъ годовъ нашихъ университетовъ преобладало направленіе чисто литературное, исключительное занятіе россійской словесностью,—явленіе, происходившее вслѣдствіе долгаго преданія и всего того реторическаго характера, который имѣла наша литература въ XVIII вѣкѣ, чуждавшаяся жизненныхъ вопросовъ,—то, вслѣдствіе подобныхъ же историческихъ причинъ, дѣятельность заграничныхъ нашихъ ученыхъ, особенно профессоровъ — нѣмцевъ, приглашенныхъ въ наши университеты, была направлена къ философіи. Это было вполнѣ естественно. Главнѣйшее господствующее направленіе въ нѣмецкой наукѣ того времени было философское. Начала философіи проникали всѣ области знанія, всѣ науки, которыя являлись частью одного цѣлаго, звеномъ въ одной духовной цѣпи знанія. Въ началѣ XIX вѣка въ Германіи возникали одна за другою великія философскія системы, поражающія своимъ логическимъ построеніемъ и идеальнымъ синтезомъ всего существующаго, вдвинутаго въ стройныя рамы системы. Ни одна наука не ушла отъ вліянія философіи и не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ Европы; увлеченіе философіей было всеобщее, и заграничные профессора въ нашихъ университетахъ, какую бы науку ни излагали они съ каѳедры, непремѣнно были послѣдователями той или другой системы. Великія имена Канта, Фихте, Шеллинга дѣлались извѣстными русскому юношѣ; даже таинственный, не всѣмъ понятный языкъ тогдашней философіи, мистическій туманъ, закрывавшій ея формулы, за которымъ предчувствовалось что-то свѣтлое, всеобъемлющее и всеразрѣшающее, влекли его къ себѣ, тѣмъ болѣе, что жизнь не представляла ему никакихъ дѣйствительныхъ, реальныхъ интере-

совъ, могшихъ заинтересовать его. Нѣтъ сомнѣнія, что философское направленіе первой поры нашихъ университетовъ имѣло глубокое нравственное вліяніе на тогдашнихъ студентовъ.

Философія, въ первые годы существованія нашихъ университетовъ, преподавалась въ нихъ въ очень обширномъ видѣ. Ее любили и профессора и студенты. Ея идеи проникали почти всѣ науки, входившія въ составъ преподаванія; о реализмѣ, о чистомъ опытѣ не могло быть и рѣчи; философія съ своимъ синтезомъ вторгалась и въ науку о природѣ и даже въ медицину. Въ большинствѣ тогдашнихъ университетскихъ рѣчей каждый преподаватель считалъ своимъ долгомъ говорить о философіи, наукѣ наукъ. Одни изъ нихъ являлись поклонниками Канта, другіе—Фихте, третьи—Шеллинга. Впослѣдствіи вся эта философія обречена была на изгнаніе изъ нашихъ университетовъ, какъ продуктъ „лжеименнаго разума“, по тогдашнему выраженію; но на первыхъ порахъ она сдѣлала много добра для развитія молодыхъ поколѣній студентовъ.

Говорить много о научной дѣятельности профессоровъ того времени было бы большимъ преувеличеніемъ. Въ ту пору начала нашей университетской жизни печатная въ наукѣ дѣятельность нашихъ профессоровъ едва была замѣтна. Положеніе профессоровъ было совсѣмъ другое, чѣмъ теперь. Имъ приходилось очень часто защищать свою науку, посреди окружавшаго ихъ невѣжественнаго общества, говорить о ея пользѣ и значеніи для жизни, твердить ея азы, а потому вся ихъ учено-литературная дѣятельность ограничивается или составленіемъ учебниковъ по своему предмету, или чтеніемъ актовыхъ рѣчей. Въ послѣднихъ, обращенныхъ къ обществу, и выражается общій характеръ науки того времени, о которомъ мы говорили.

Съ тѣмъ же взглядомъ на науку и съ тою же цѣлью познакомить съ нею общество, нѣкоторые изъ тогдашнихъ профессоровъ основывали въ провинціальныхъ городахъ періодическія изданія и заводили литературныя собранія. Дѣйствіе этой періодической печати, особенно въ провинціи, было совершенно ничтожно, но въ литературныхъ кружкахъ при университетахъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли свои печатные, хотя и слабые, органы, поддерживалась связь профессоровъ съ молодымъ поколѣніемъ, и оно заохочивалось къ литературнымъ трудамъ въ духѣ того времени. Въ этихъ литературныхъ кружкахъ замѣчались лучшія изъ молодыхъ силъ, и тѣ, которые обнаруживали въ себѣ любовь къ наукѣ, охотно оставлялись при университетѣ для приготовленія къ профессорству. Число кандидатовъ, магистровъ и докторовъ, т.-е. развитіе университетской науки, увеличивалось съ каждымъ годомъ. Тамъ, гдѣ были лучшіе профес-

сора, оказывалось и больше успѣховъ со стороны студентовъ. Такъ, значительные успѣхи первыхъ студентовъ Казанскаго университета въ наукахъ математическихъ,—успѣхи, о которыхъ съ изумленіемъ вспоминаетъ Бартельсъ въ своихъ запискахъ, происходили отъ достоинства преподаванія его и Литтрова.

Въ этомъ общемъ видѣ представляется намъ собственно научная дѣятельность нашихъ университетовъ, составъ ихъ силъ, ихъ вліяніе на общество и на учащееся въ нихъ молодое поколѣніе. Но университеты того времени имѣли и другую цѣль: они служили центрами, къ которымъ примыкали всѣ училища округа, связанныя съ университетомъ и учебными и административными отношеніями; создавая это положеніе для университетовъ, власть руководствовалась уваженіемъ къ просвѣщенію и тою справедливою мыслью, что въ провинціи, въ мѣстностяхъ глухихъ вообще, только одни университетскіе преподаватели могли быть настоящими судьями въ дѣлѣ просвѣщенія. Безъ университетовъ, которые одни только могли дать хорошихъ преподавателей подчиненныхъ ему заведеній, прочное существованіе послѣднихъ было немыслимо. Едва ли поэтому будутъ справедливы нападенія Карамзина и другихъ, раздѣлявшихъ его образъ мыслей, на правительство Александра за то, что созданіе національнаго образованія оно начало сверху, съ высшихъ органовъ его и не позаботилось о просвѣщеніи народа. Вотъ, напр., какой упрекъ дѣлаетъ Гервинусъ: „Выстроена была блестящая верхушка университетовъ и академій, а необходимый фундаментъ — народныя и элементарныя школы—едва только были начаты; онѣ значились только на бумагѣ“ [1]). Упрекъ этотъ справедливъ безотносительно, но не въ связи съ только-что основанными университетами, безъ вліянія которыхъ долго бы еще дремала въ обществѣ мысль о необходимости просвѣщенія въ народѣ. Правительство Александра, дѣйствительно, ничего не сдѣлало для просвѣщенія народныхъ массъ даже и тогда, когда русскій народъ въ 1812 году принесъ такія великія жертвы отечеству. Это явленіе происходило оттого, что не пришло еще время сознать всю необходимость мысли о просвѣщеніи народа, что само общество не доразвилось до нея, а правительство чувствовало себя безсильнымъ бороться и со зломъ крѣпостного права, и съ произволомъ своихъ собственныхъ административныхъ органовъ, главныхъ охранителей народнаго невѣжества. Власть, принадлежавшая правительству императора Николая, какъ извѣстно, отличалась гораздо большею энергіею, но и она не сдѣлала ничего для образованія народа. Только тогда,

---

[1]) Gerwinus. Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Leipzig. 1856. B. II, 704.

когда пало крѣпостное состояніе, дѣло народнаго образованія нѣсколько двинулось впередъ.

Вотъ почему усилія первыхъ нашихъ университетовъ, поставленныхъ при Александрѣ во главѣ народнаго просвѣщенія, не могли имѣть ни силы, ни настойчивости тамъ, гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло съ первоначальнымъ образованіемъ народа. Эти усилія разбивались о слишкомъ крѣпкія преграды. Университетамъ приходилось дѣйствовать въ средѣ крайне неблагопріятной для научныхъ занятій, невѣжественной и даже враждебной наукѣ. Тѣмъ не менѣе первымъ нашимъ университетамъ общество должно быть обязано тѣмъ, что они внесли въ него и уваженіе къ труду умственному, и много здравыхъ понятій о воспитаніи. Нельзя утверждать, что они стояли въ обществѣ совершеннымъ особнякомъ, не возбуждая нисколько его сочувствія. Обществу, по крайней мѣрѣ высшему, было хорошо извѣстно то значеніе, какое Александръ придавалъ наукѣ и просвѣщенію вообще, положивъ ихъ въ основаніе всѣхъ предполагаемыхъ имъ реформъ, а потому оно, въ лицѣ своихъ представителей, не могло не отозваться сочувственно на все то, что̀ заводимо было въ государствѣ для просвѣщенія. Ни одно время въ нашей исторіи не отличается такимъ множествомъ пожертвованій на образованіе, какъ это время. Въ особенности много шуму надѣлало пожертвованіе богача Демидова и деньгами, и имѣніемъ, и библіотекою, и кабинетами, всего на сумму до милліона рублей,—пожертвованіе, сдѣланное имъ въ пользу университета Московскаго и другихъ, предположенныхъ къ открытію, и для основанія высшаго училища, получившаго названіе Демидовскаго Лицея. Демидовъ писалъ къ Завадовскому, что къ пожертвованію его возбудили „Предварительныя Правила Народнаго Просвѣщенія“, изданныя въ 1803 году. Другое подобное пожертвованіе сдѣлано было дворянствомъ Харьковскимъ въ пользу своего университета, въ количествѣ 400 т. р. Было множество мелкихъ пожертвованій, сдѣланныхъ лицами высшаго сословія въ пользу университетовъ и школъ, имъ подчиненныхъ по разнымъ губерніямъ: Потоцкимъ, Безбородкомъ, Голицынымъ, Дашковою и др. Сумма этихъ пожертвованій была весьма значительна. Не забудемъ, что ко времени же императора Александра относятся и богатыя пожертвованія, сдѣланныя графомъ Н. П. Румянцевымъ, на счетъ котораго были предприняты изданія, обогатившія тогда науку русской исторіи.

Внутренняя жизнь и распорядокъ нашихъ университетовъ въ Александровское время представляетъ много оригинальныхъ чертъ, и онѣ были отчасти подмѣчены нашею мемуарною литературою, несмотря на ея бѣдность, отчасти сохранились во множествѣ дѣлъ университетскихъ архивовъ, важныхъ для историка просвѣщенія. Поло-

женіе университета было и независимо и почетно въ обществѣ; отъ него вполнѣ зависѣло сохранить это положеніе.

Но, какъ это часто бывало и въ послѣдующіе, болѣе зрѣлые годы университетской жизни, корпорація профессоровъ представляла изъ себя неутѣшительное зрѣлище борьбы партій. Она мѣшала спокойному занятію наукой, и, къ сожалѣнію, въ борьбѣ этой наука и забывалась и оскорблялась. Главною причиною борьбы тогдашнихъ университетскихъ партій была племенная вражда, отголоски которой сохранились до сороковыхъ и до пятидесятыхъ годовъ, а тогда, когда нѣмцевъ и, вообще, иностранцевъ въ университетахъ было болѣе, чѣмъ русскихъ, эта вражда была естественно сильнѣе. Иностранцы составляли тогда совершенно отдѣльную колонію, не похожую на все, ихъ окружавшее, и по языку, и по обычаямъ, и по развитію. Съ ними завязывалась борьба партіи русскихъ, и часто споры и ссоры останавливали ходъ университетскихъ дѣлъ. Между иностранцами, конечно, много было превосходныхъ людей, принесшихъ пользу странѣ, ихъ призвавшей; нѣкоторыя имена ихъ нами упомянуты; но были и такіе, которые оставляли свое отечество только изъ матеріальныхъ выгодъ и думали только о нихъ однѣхъ. Многіе изъ нихъ безстыдно грабили казну въ свою пользу. Конечно нельзя сказать и о русскихъ профессорахъ, чтобы они отличались полнымъ безкорыстіемъ; воспоминанія современниковъ и архивныя дѣла могутъ раскрыть довольно отвратительной грязи; стоитъ только вспомнить о богатыхъ студентахъ-нахлѣбникахъ у профессоровъ, преимущественно изъ юридическаго факультета, о разныхъ экзаменахъ на ученыя степени, о писаніи кандидатскихъ диссертацій и т. п., для убѣжденія, что много было печальныхъ сторонъ въ частностяхъ благотворной для жизни Россіи реформы народнаго просвѣщенія. Къ этому надобно присоединить извѣстный указъ 6 августа 1809 года, изданный по проекту Сперанскаго съ благою цѣлью поднять уровень образованія и знаній въ средѣ чиновничьяго міра. По этому указу никто не могъ быть произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора или статскаго совѣтника, не выдержавъ въ университетѣ, если въ немъ не учился, особаго экзамена на эти чины. Указъ этотъ вызвалъ въ тогдашнемъ обществѣ много и смѣшныхъ и печальныхъ явленій. Нашлись профессора, которые не стыдились брать взятки съ экзаменующихся чиновниковъ, часто покрытыхъ сѣдинами. Этотъ неожиданный источникъ университетскихъ доходовъ поселилъ еще больше вражды между существовавшими уже партіями; тутъ люди, призванные къ дѣлу науки, грызлись изъ за кости. Русскіе профессора того времени отличались раболѣпными свойствами: чинопочитаніемъ, крючкотворствомъ, инсинуаціями всякаго рода противъ чести товарища и т. п. Нѣмцы, разумѣется, не

отставали, и передъ обществомъ провинціальнымъ, въ которомъ тогда не было ни жизни, ни развлеченій, завязывалась, на потѣху его, непристойная вражда. Нравы самого этого общества часто ставили его въ оригинальныя отношенія къ университету, теперь немыслимыя.

Нравы университетской молодежи того времени, при ея незначительномъ числѣ и при корпоративномъ духѣ, неизбѣжно связанномъ съ мундиромъ и шпагой, выдѣлялись тогда рѣзче на фонѣ общественной жизни, хотя неминуемо должны были носить на себѣ отпечатокъ ея содержанія. Эта молодежь, по своимъ духовнымъ стремленіямъ, стояла тогда въ извѣстной мѣрѣ выше общества. Современники сохранили прекрасныя воспоминанія о своей жизни въ прежнихъ университетахъ и съ восторгомъ говорятъ о томъ, какъ много добрыхъ началъ вынесли они изъ нея въ жизнь дѣйствительную. Бѣдности было тогда меньше въ университетахъ; учились или люди достаточные, или бѣдняки на полномъ университетскомъ хозяйствѣ, которое вполнѣ обезпечивало матеріальную жизнь студента, а потому и не встрѣчалось тогда той жадной погони за деньгами, которая, къ стыду общества, дѣлаетъ изъ молодого человѣка промышленника.

Въ то время, подъ общимъ вѣяніемъ идей, возбужденныхъ въ началѣ царствованія Александра, и его собственныхъ гуманныхъ стремленій, сама власть относилась гораздо снисходительнѣе къ университетской молодежи, чтобъ удержать ее въ предѣлахъ долга и обязанностей. Она прибѣгала къ нравственному вліянію, къ убѣжденіямъ, къ совѣтамъ, старалась возбудить и поддержать въ молодыхъ людяхъ чувство чести, и студенты перваго времени были лучше и чище, чѣмъ тогда, когда, подъ вліяніемъ реакціи, стали вводиться въ университеты репрессивныя мѣры Магницкихъ, Руничей и др.

Въ такомъ видѣ представляется намъ главная реформа первой, лучшей поры царствованія Александра, имѣвшая непосредственное вліяніе на возбужденіе мысли и литературной дѣятельности въ обществѣ. Правительство не ограничилось этимъ; оно обратило заботы свои и на другія образовательныя учрежденія: Россійскую Академію, Вольное Экономическое общество, Медико-Хирургическую Академію, Академію Художествъ, Академію Наукъ и пр. Ихъ уставы были расширены, штаты увеличены; они призывались къ новой жизни. Императоръ покровительствовалъ открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ, покровительствовалъ вообще наукѣ и литературѣ, щедро раздавая ученымъ и писателямъ ордена, награды, пенсіи. Его цѣль была вызвать образованіе, создать науку, двинуть мысль, чтобъ она помогала общественному развитію, а для этого надобно было освободить ее отъ разныхъ произвольныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, суще-

ствовавшихъ въ то время. Вопросъ о цензурѣ и о гарантіяхъ литературной мысли возникалъ самъ собою.

ЛЕКЦІЯ VIII.

Цензура и ея значеніе въ русской литературѣ. — Пушкинъ о цензорѣ Александровскаго времени.—Цензура при Екатеринѣ II и отзывъ о ней Радищева

Говорить о русской литературѣ, не упоминая о неизбѣжныхъ условіяхъ, въ которыя она поставлена, значило бы высказывать очень невѣрныя сужденія. Между разными жизненными явленіями, въ зависимости отъ которыхъ она находится, есть одно, перенесенное изъ Европы. Я говорю о цензурѣ. Кому неизвѣстна та внутренняя связь, какая существуетъ между литературными явленіями и цензурою? Кто не слыхалъ о временахъ безсмысленнаго преслѣдованія мысли, когда цензура дѣлалась жестокимъ орудіемъ полнаго презрѣнія къ странѣ и народу, неуваженія ея мысли и внутренней жизни? Были эпохи и въ русской духовной жизни, когда литература чуть дышала подъ гнетомъ и преслѣдованіями цензоровъ, когда существованіе ея было едва замѣтно, когда въ ней убивалась всякая, даже невинная мысль, преслѣдовалось, напр., стихотвореніе самаго благонамѣреннаго поэта потому только, что слишкомъ осторожному цензору вдругъ вздумалось видѣть въ немъ намеки на что-то, ни для кого неясные. Бывали и такія эпохи, когда тяжелая рука цензора дѣлалась легче, обращалась нѣжнѣе съ литературными произведеніями, и мысль становилась бодрѣе, и слово произносилось громче, звучнѣе. Направленіе цензуры, ея строгость и снисходительность зависѣли вполнѣ отъ направленія, господствовавшаго въ правительствѣ; цензура — это его послушное орудіе, слѣпая исполнительница его воли. Исторія нашей литературы не можетъ представлять вполнѣ свободнаго и самостоятельнаго развитія, ея голосъ часто былъ полузадавленъ, и жизнь мысли спутывалась и переплеталась съ анекдотами о цензурѣ. Общественное развитіе Россіи привело впослѣдствіи правительство къ убѣжденію во вредѣ предварительной цензуры; оно замѣнило ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ называемой карательной, гдѣ преступленіе печати не предупреждается, а наказывается судомъ, гдѣ литературѣ предоставлено право самозащиты. Безъ сомнѣнія, власть руководствовалась въ этомъ случаѣ уваженіемъ къ литературѣ и къ тому положенію, которое она заняла теперь въ обществѣ, способствуя его развитію и помогая самому правительству въ его начинаніяхъ. Власть хотѣла освободить мысль и литературу отъ произвола. Произволъ этотъ былъ

безграниченъ. Вотъ какъ Пушкинъ характеризуетъ его въ одномъ изъ своихъ энергическихъ обращеній къ цензору:

„А ты, глупецъ и трусъ! Что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь,
И чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежомъ, Куницина—Маратомъ.
Рѣшилъ, а тамъ поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
И, если говорить задумаютъ о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ Государь велитъ печатать безъ тебя...
...О, варваръ! Кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ;
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца „Пировъ“ [1]), столь чистый, благородный,
Ничто не трогаетъ души твоей холодной.
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ, во всемъ ты видишь ядъ“.

Самое положеніе цензора было оригинально:

„Все правда,—скажешь ты, не стану спорить съ вами,
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить,
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу.
Читаю, да крещусь, мараю на удачу:
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ;
А нынче и Миллотъ [2]) попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти“...[3]).

Зависимое положеніе литературы естественно должно было оказать вредное вліяніе на ея духъ и содержаніе. Могла ли она имѣть какое-либо значеніе, могъ ли голосъ ея быть властнымъ и громкимъ, когда случалось, что авторъ, отдавъ свою рукопись въ журналъ, потомъ не узнавалъ въ печати собственной статьи своей? Литература была робка и зависима.

Невыгодное положеніе нашей литературы, сравнительно съ богатыми и вліятельными литературами Европы, по отношенію къ цен-

---

[1]) Баратынскаго.
[2]) Всеобщая исторія аббата Миллота, 14 ч., Спб. 1820.
[3]) Соч. А. Пушкина. Первое посланіе къ цензору.

зурѣ, состояло въ томъ, что въ странахъ западныхъ и мысль, и слово, и свобода совѣсти, т.-е. свобода религіозная, успѣли развиться прежде, чѣмъ утвердилась центральная правительственная власть. Всѣ эти явленія духовной жизни націи окрѣпли въ независимости отъ нея, и ей уже трудно было бороться съ національнымъ достояніемъ, дорого стоившимъ народу. У насъ литература явилась въ обществѣ только тогда, когда приняла въ ней участіе сама власть; ее встрѣтили снисходительно, но власть, имѣя передъ глазами опытъ европейскихъ правительствъ, которыя ожесточенно боролись съ мыслью въ XVIII вѣкѣ, подозрѣвала и у насъ подобныя же уклоненія печати и съ этой цѣлью установила очень рано цензуру, забывая, что содержаніе нашей общественной жизни вообще было слабо, что литература ограничивалась интересами чисто художественными, не касаясь вовсе сколько-нибудь современныхъ вопросовъ.

Слово у насъ всегда было ограничено. Даже съ Петра В. старались сначала предупредить разномысліе религіозное, потомъ эта система ограниченія печати распространилась мало по малу и на сферы жизни гражданской. Екатерина, воспитанная въ идеяхъ свободной философіи вѣка, въ первые годы вступленія своего на престолъ старалась смотрѣть съ уваженіемъ на мысль и слово, въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ они могли существовать тогда въ Россіи. Доказательствомъ этого тогдашняго взгляда ея могутъ служить нѣкоторыя мѣста „Наказа“ и кратковременное развитіе журнальной сатирической литературы. Но самовластная Екатерина умѣла сдерживать всякое поползновеніе на большую свободу выраженія, и не прибѣгая къ организованной цензурѣ. Такъ, она допустила „вольныя типографіи“, какъ допускаютъ фабрики и рукодѣлія, на общихъ основаніяхъ, и этотъ совершенно естественный фактъ приводилъ въ восторгъ современниковъ. Надзоръ за ними и за печатаемыми въ нихъ книгами былъ ввѣренъ общей полиціи, а въ столицахъ — управамъ благочинія. Но вольныя типографіи скоро возбудили къ себѣ подозрѣніе Екатерины издательскою дѣятельностью Новикова, у котораго книги были отняты, а самъ онъ заключенъ въ крѣпость. Надѣлавшее столько шума появленіе книги Радищева, напечатанной, съ нарушеніемъ тогдашнихъ цензурныхъ правилъ, въ собственной типографіи автора, и успѣхи французской революціи увеличили еще болѣе подозрительность Екатерины; вольныя типографіи были закрыты, строгость внутренней цензуры была усилена, а въ различныхъ пограничныхъ пунктахъ учреждены были цензурныя управленія для разсмотрѣнія иностранныхъ книгъ, ввозимыхъ въ Россію, чего прежде не было. Причиною этого, кромѣ страха революціи, было и то обстоятельство, что свободная французская печать того времени слишкомъ

безцеремонно обращалась съ личностью самой Екатерины и не щадила ея частной жизни. Какъ отозвались на обществѣ эти стѣсненія, намъ не извѣстно; но, по свидѣтельству Шторха, строгое преслѣдованіе ввозимыхъ въ Россію иностранныхъ книгъ не достигало своей цѣли. „Строгость преслѣдованія, говоритъ онъ, именно была причиною, почему стоило рисковать ввозомъ самыхъ пикантныхъ сочиненій изъ подверженныхъ запрещенію; къ намъ привозились именно тѣ сочиненія, по поводу которыхъ состоялось запрещеніе. Нѣсколько книгопродавцевъ, между которыми были эмигранты, занимались этою выгодною торговлею съ чрезвычайною смѣлостью. Ихъ магазины почти всѣмъ были извѣстны, но однако не нашлось ни одного доносчика". До насъ дошелъ энергическій голосъ изъ конца царствованія Екатерины противъ всякаго цензурнаго стѣсненія мысли и слова. Онъ принадлежитъ Радищеву. Его рѣзкія нападенія на цензуру находятся въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву". Радищевъ понимаетъ, что дозволеніе, данное Екатериною, заводить вольныя типографіи — значитъ немного, при существованіи цензуры. „Теперь свобода имѣть всякому орудія печатанія; но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ, отъ чего у нихъ бываютъ нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калѣка. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе" [1]). Радищевъ возстаетъ противъ тогдашней цензуры, ввѣренной управѣ благочинія. „Одинъ несмысленный урядникъ благочинія, говоритъ онъ, можетъ сдѣлать величайшій просвѣщенію вредъ и на многія лѣта остановить шествіе разума, запретя полезное изобрѣтеніе, новую мысль и лишивъ всѣхъ чрезъ то великаго". „Мундирный цензоръ, по его выраженію, есть самый жестокій врачъ просвѣщенію". Радищевъ исходитъ изъ понятій, высказанныхъ „Наказомъ" Екатерины: „Слова не суть дѣянія, размышленія жъ не преступленія", и требуетъ полной свободы для печатнаго слова во всемъ, доказывая вредъ цензуры. По его убѣжденію она, своими запрещеніями, защищаетъ не Бога, не нравственность, не личность, но незаконную власть, но робкое правительство, для котораго страшна всякая вольность мыслей. Общій выводъ его заключается въ слѣдующемъ:

---

[1]) О поврежденіи правовъ въ Россіи, князя М. Щербатова, и Путешествіе А. Радищева. Съ предисловіемъ Искандера Лондонъ. 1858. стр. 247—49.

„Цензура печатаемаго принадлежитъ обществу; оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обертки; равно какъ одобреніе театральному сочиненію даетъ публика, а не директоръ театра. Наистрожайшая полиція не можетъ такъ запретить дурныхъ мыслей, какъ негодующая публика". „Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всѣмъ невозбранно, то естественно, что все придуманное и изобрѣтенное будетъ извѣстно; великое будетъ велико и истина не затмится. Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежомъ, прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительно, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка, но илъ на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность воды" [1]). Въ заключеніе Радищевъ представляетъ съ этой же свободной точки зрѣнія краткую исторію цензуры въ древности и въ европейскихъ государствахъ.

Эти *мысли* Радищева далеко опередили и время и общество, къ которому принадлежалъ Радищевъ.

Императоръ Павелъ въ теченіе кратковременнаго своего царствованія отличался еще большею ненавистью къ французской революціи, чѣмъ Екатерина. Во Франціи, въ ея литературѣ, видѣли источникъ зла, тотъ ядъ, который разливается по умамъ. Въ одномъ изъ указовъ Павла прямо говорится (II. С. З. XXV, № 18524), что правительство французское „старается распространить посредствомъ сочиненій свои безбожныя правила; они заключаются въ сочиненіяхъ и газетахъ. Газетчики, съ своей стороны, отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ подражать имъ и къ сожалѣнію власти нѣкоторыя взираютъ на сіе съ спокойнымъ духомъ". Павелъ видѣлъ, что запрещеніе тѣхъ или другихъ сочиненій не вело ни къ чему, и именно попадали въ Россію сочиненія запрещенныя, а потому и рѣшился запретить указомъ ввозъ въ Россію всего печатнаго, даже нотъ [2]). Первымъ изъ дѣйствій Александра, по вступленіи на престолъ, было возстановить прежній порядокъ вещей въ этомъ отно-

---

[1]) Ibid. стр. 25.

[2]) „Такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку" (Полн. Собр. Зак. т. XXVI № 19387).

шеніи. Внутренняя цензура сочиненій при Павлѣ отличалась самымъ крайнимъ произволомъ; въ ея дѣйствіяхъ не было ничего опредѣленнаго и разумнаго, гнетъ лежалъ на умахъ и литературѣ того времени, которая безмолвствовала. Карамзинъ, издававшій въ 1798 году свой невинный „Пантеонъ иностранной словесности", въ которомъ онъ помѣщалъ переводныя статьи изъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей, горько жаловался въ письмахъ своихъ къ И. И. Дмитріеву на притѣсненіе тогдашней цевзуры. „Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена, пишетъ онъ, которыя могли бы украсить „Пантеонъ"; но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно, и Цицерона также и Саллюстія также... grand Dieu! Что же выдетъ изъ моего Пантеона?..

Если бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіей, то я, положивъ руку на алтарь Музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами [1])... Цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придираются. Я, кажется, и самъ могу знать, что позволено и что не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное" [2]).

Въ новыхъ изданіяхъ прежняго цензоры вымарывали и поправляли въ запуски другъ передъ другомъ. Такъ, въ Ригѣ, напр., былъ запрещенъ къ напечатанію нѣмецкій переводъ „Писемъ Русскаго путешественника" Карамзина [3]). Державинъ въ своихъ „Запискахъ" также жалуется на строгости цензуры при Павлѣ. За нѣсколько стиховъ въ одѣ на „Рожденіе Михаила Павловича" въ обществѣ разнеслась молва, что его сошлютъ, и друзья его отвернулись отъ него... Московская цензура въ одѣ „Изображеніе Фелицы" не пропустила два стиха: „Самодержавства скиптръ желѣзный Моей щедротой позлащу" и едва согласилась оставить для нихъ пустое мѣсто [4]). Императоръ Павелъ, въ оригинальной заботѣ о русскомъ языкѣ, издалъ даже Высочайшее повелѣніе, въ которомъ одни русскія слова замѣнялись другими и запрещалось употребленіе нѣкоторыхъ. Такъ, между прочимъ, слово *общество* не велѣно было вовсе писать и печатать, а слова: *граждане* и *отечество* замѣнялись словами жители или обыватели и государство. Цензоры обязаны были строго смотрѣть за этимъ [5]). Преслѣдованіе тѣхъ или другихъ книгъ происходило случайно и не было ни на чемъ основано. Такъ, въ 1799 году по Вы-

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву СПБ. 1866, с. 97.
[2]) Ibid. 90.
[3]) Ibid. с. 115.
[4]) Державинъ. Соч. VI ст. 747—749.
[5]) Русс. Стар. 1871, ст. 531—532.

сочайшему повелѣнію С.-Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ Паленомъ были отобраны изъ книжныхъ лавокъ и истреблены 1211 экз. „Ябеды“ комедіи Капниста. Съ восшествіемъ на престолъ Александра должны были восторжествовать по отношенію къ печатному слову и мысли иныя болѣе гуманныя начала. Возстановленъ былъ на первыхъ порахъ цензурный порядокъ, существовавшій при Екатеринѣ. Но опредѣлить точнѣе отношеніе печатнаго слова къ государству и необходима ли вообще или нѣтъ—цензура, Александръ предоставилъ тому же учрежденію, которое составило планъ просвѣщенія цѣлой страны — Главному Правленію Училищъ. Либеральные члены его смотрѣли на цензуру, какъ на печальную необходимость; видѣли въ ней стѣсненіе мысли и вообще дѣятельности разума. Вліяніе свободныхъ идей XVIII вѣка и общій восторгъ, произведенный въ обществѣ воцареніемъ Александра и его первыми освободительными указами, господствовалъ и въ Главномъ Правленіи Училищъ. Можно было думать и надѣяться, что слову дана будетъ безусловная свобода, особенно когда Новосильцевъ по поводу устава о книгопечатаніи предлагалъ ввести къ намъ датское законоположеніе. Извѣстно, что датскій король Христіанъ VII (1766 — 1808), подъ вліяніемъ знаменитаго министра своего, потомъ казненнаго графа Струензе, воспитанника свободныхъ стремленій и духа философіи XVIII вѣка, далъ полную свободу печатному слову въ своемъ государствѣ. Манифестъ его по этому поводу говорилъ: „Находя въ высшей степени вреднымъ для безпристрастнаго изслѣдованія истины и открытія закоренѣлыхъ заблужденій и предразсудковъ запрещеніе гражданамъ, одушевленнымъ любовью къ отечеству и къ общему благу, свободно высказывать свои убѣжденія и обличать злоупотребленія и предразсудки, мы рѣшились дать неограниченную свободу книгопечатанію и окончательно уничтожить всякаго рода цензуру [1]). Но этотъ манифестъ былъ только временнымъ увлеченіемъ и имѣлъ силу недолго. Съ паденіемъ Струензе начались преслѣдованія мысли и писателей. Новый манифестъ, изданный въ 1799 году, хотя и говорилъ о свободѣ книгопечатанія, но указывалъ также и на пагубныя слѣдствія ея и установлялъ для нея разныя препятствія и ограниченія въ положительномъ законѣ, который назначалъ различныя кары и наказанія, и притомъ весьма строгія, за злоупотребленія печатнымъ словомъ. Слѣдовательно датскій законъ былъ законъ о цензурѣ карательной, т.-е. преслѣдовалъ преступленіе печати судомъ, и члены Правленія Училищъ, которымъ Новосильцевъ представилъ переводъ датскаго закона, просили его же написать, примѣняясь къ нему, и русское законо-

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣд. статьи, т. I, с. 405.

положеніе, что и было сдѣлано Новосильцевымъ; но свободное книгопечатаніе не распространялось однако на книги духовнаго содержанія, наблюденіе за которыми попрежнему было предоставлено Св. Синоду. Разсматривая этотъ проектъ, члены Главнаго Правленія Училищъ пришли къ убѣжденію, что устройство у насъ цензурныхъ комитетовъ скорѣе поведетъ къ цѣли, чѣмъ законоположеніе, подобное датскому. Они думали, что преслѣдованіе судомъ не вполнѣ предохраняетъ общество отъ вреда, наносимаго книгою, что полная свобода печати, въ соединеніи съ строгой отвѣтственностью по суду, убьетъ русскую литературу въ самомъ зародышѣ, и многія личности совсѣмъ не рискнутъ выйти на литературную арену подъ такими тяжелыми, грозящими условіями и что, наконецъ, весьма затруднителенъ судебный приговоръ надъ книгою за неимѣніемъ компетентныхъ для того судей. Учрежденіе цензурныхъ комитетовъ представляло гораздо больше удобствъ въ этомъ отношеніи; но чтобъ оградить сочиненіе и спасти мысль отъ произвольныхъ толкованій мнительнаго или робкаго цензора, должны быть составлены подробныя наставленія и правила для цензоровъ, ограждающія мысль. Въ такомъ видѣ цензура предупредительная почти не будетъ отличаться отъ датскаго закона о свободномъ книгопечатаніи. Проектъ такихъ постановленій о цензурѣ былъ составленъ, по порученію Гл. Пр. Училищъ, академиками Озерецковскимъ и Фусомъ, и изъ него образовался цензурный уставъ 1804 года, просуществовавшій до 1826 года. Это былъ самый мягкій изъ всѣхъ нашихъ цензурныхъ уставовъ, по крайней мѣрѣ онъ былъ составленъ съ цѣлью дать большій просторъ мысли и печатному слову, былъ выраженіемъ лучшей поры царствованія Александра. Цензурный комитетъ, по этому уставу, тогда только могъ преслѣдовать автора, когда въ его сочиненіи отвергалось положительно бытіе Божіе, когда авторъ возставалъ противъ вѣры и законовъ отечества, оскорблялъ верховную власть и высказывалъ мысли, совершенно противныя духу общественнаго порядка и спокойствія (§ 19). Уваженіе устава къ свободѣ научнаго изслѣдованія выразилось въ слѣдующихъ словахъ (§ 22): „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія“. Уставъ требовалъ отъ цензора совершеннаго безпристрастія и снисхожденія даже въ тѣхъ случаяхъ цензурныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія, которыя могли бы показаться сомнительными: „Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ“, говоритъ § 21, „въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное

выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать". Гуманнѣе этого, конечно, трудно было что либо придумать въ то время.

Уставомъ 1804 года остались довольны всѣ; послѣ недавнихъ строгостей цензуры, его мягкое отношеніе къ печатному слову и уваженіе мысли обрадовали писателей. Уставъ этотъ обѣщалъ быстрое развитіе и успѣхи литературы, и дѣйствительно, въ первые годы жизни цензурнаго устава 1804 г. между литературою и цензурою вовсе не видно разлада: онѣ помогаютъ какъ бы другъ другу. Конечно, были тогда въ обществѣ люди, которые шли гораздо дальше умѣренныхъ постановленій устава и становились на точку зрѣнія Радищева. Таковъ былъ неизвѣстный авторъ „Записки", представленной въ Гл. Пр. Училищъ [1]), требовавшей освобожденія печатнаго слова отъ всякаго рода цензуры. Авторъ доказываетъ здѣсь ничтожность русской литературы, безсиліе, слабость въ ней мысли; даже въ переводахъ философскихъ сочиненій, говоритъ онъ, рука русскаго цензора умѣла убить ихъ духъ. Съ большой энергіей и силою убѣжденія доказываетъ авторъ благія и прочныя слѣдствія свободы печати, доказываетъ, что вредъ отъ нея и случаенъ и скоропреходящъ, что строгость цензуры истребляетъ въ сердцѣ искренность, любовь къ истинѣ, задерживаетъ ходъ просвѣщенія, а что, напротивъ того, свобода мыслить и писать есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и пр. Записка эта не имѣла вліянія и составители устава были гораздо умѣреннѣе и не шли такъ далеко. Но и ихъ дѣло удовлетворяло потребностямъ времени и желаніямъ большинства.

ЛЕКЦІЯ IX.

Проектъ Баккаревича.—С.-Петербургскій журналъ.—Начало литературной дѣятельности Карамзина.

На первыхъ порахъ цензурный уставъ 1804 года, а скорѣе всего общій духъ времени и потребности общества вызвали появленіе *періодической литературы*.

Понятно, что правительство Александра не должно было чуждаться періодической печати, а стараться вызвать ее и развить. У насъ есть несомнѣнныя доказательства, что оно, а главнымъ образомъ молодые администраторы и въ ихъ числѣ первый министръ внутрен-

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просв. с. 18—21.

нихъ дѣлъ, Кочубей, сильно желали обсужденія дѣйствій власти, какъ это дѣлается во всѣхъ странахъ съ болѣе свободною печатью. Они были убѣждены, что правительство должно вести свои дѣла открыто, не скрывая отъ публики своихъ дѣйствій, и желали, чтобы въ странѣ развивалось и окрѣпло общественное мнѣніе, безъ котораго немыслима правильная государственная жизнь. Это доказывается тѣми оффиціальными періодическими журналами, которые стали появляться вслѣдъ за утвержденіемъ цензурнаго устава, опредѣлившаго болѣе правильнымъ и раціональнымъ образомъ отношенія печати. Самый этотъ уставъ цензурный былъ написанъ съ цѣлію вызвать общественное мнѣніе и дать свободу мысли. Тогдашнее правительство Александра желало поддержки и сочувствія людей мыслящихъ, которые могли бы объяснить обществу путемъ печати значеніе новыхъ мѣръ, предпринятыхъ для обновленія Россіи.

Что мыслящіе люди понимали это новое значеніе печатнаго слова, видно изъ проекта бывшаго адъюнкта Московскаго университета *Баккаревича*, составившаго еще до утвержденія цензурнаго устава, планъ обширнаго періодическаго изданія, которое онъ думалъ назвать „правительственнымъ журналомъ“. Планъ Баккаревича былъ очень широкъ и никогда впослѣдствіи не былъ исполненъ въ такой широтѣ. По этому плану въ предполагаемый журналъ должна была войти въ полной гласности вся внѣшняя и внутренняя жизнь государства. Въ составъ его входили всѣ государственные акты и бумаги, всѣ новые законы и уставы, отчеты министровъ и реляціи полководцевъ, примѣчательнѣйшія письма къ государю или знаменитымъ государственнымъ особамъ, голоса и мнѣнія сенаторовъ по важнымъ дѣламъ, примѣчательнѣйшія тяжбы и уголовные процессы и проч.

Предполагалось далѣе помѣщать въ журналѣ краткія біографіи великихъ россійскихъ патріотовъ и героевъ, прославившихъ или спасшихъ отечество; затѣмъ всѣ новые одобренные проекты, всѣ новыя полезныя открытія всякаго рода, всѣ разсужденія, имѣющія отношенія къ общественной пользѣ, всякія патріотическія мысли, всякія характеристическія черты россійскаго народа, примѣры добродѣтели и проч. „Словомъ, говоритъ составитель этого проекта, это будетъ хранилище всѣхъ домашнихъ, такъ сказать, важнѣйшихъ государственныхъ происшествій“. Проектъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ и дающій намъ понятіе о томъ, какъ понимали мыслящіе люди новую жизнь Россіи и чего ждали отъ нея. Сочинитель проекта смотрѣлъ на предполагаемое изданіе нѣсколько съ научной точки зрѣнія; онъ полагалъ, что его изданіе будетъ чѣмъ-то въ родѣ архива или сборника матеріаловъ для будущихъ русскихъ историковъ. „Ро-

дится, писалъ онъ, россійскій Тацитъ, россійскій Робертсонъ и найдетъ въ семъ обширномъ хранилищѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ". Журналъ такой поэтому долженъ былъ имѣть важное значеніе, и редактору его Баккаревичъ полагалъ представить званіе „исторіографа россійской имперіи". Матеріалы въ журналъ должны доставляться отъ министровъ и главноуправляющихъ разными частями государственнаго управленія.

Замѣчательный проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Баккаревичъ представилъ его черезъ Новосильцева министру народнаго просвѣщенія, которому и должно было быть подчинено все изданіе. Но Завадовскій, человѣкъ, какъ мы знаемъ, мало заинтересованный въ новой государственной жизни, современникъ Екатерины, по лѣтамъ и по связямъ своимъ принадлежащій къ приверженцамъ старины, не одобрилъ изданія и въ докладѣ своемъ государю представлялъ, что едва ли можно частному человѣку предоставить право печатать государственные акты и законы, такъ какъ онъ легко можетъ издать ихъ невѣрно и съ ошибками, и что слишкомъ трудно найти людей, довольно способныхъ и просвѣщенныхъ, чтобъ быть редакторомъ такого важнаго и обширнаго изданія и, наконецъ, что еслибъ даже и нашлись подобные люди, то они потребовали бы слишкомъ большого содержанія, почему и самое изданіе едва ли бы окупилось [1]). Эти причины, приводимыя Завадовскимъ противъ проекта, очевидно, весьма слабы. По всей вѣроятности была другая причина, гораздо болѣе сильная и уважительная и для государя и для представителей администраціи: это непривычка къ гласности, боязнь ея со стороны тѣхъ лицъ, которыя въ качествѣ начальства были прямо заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Правительство Александра, какъ мы знаемъ, состояло изъ двухъ противоположныхъ и даже враждебныхъ партій, самъ онъ склонялся то въ ту, то въ другую сторону; ни у него, ни у людей, его окружавшихъ, не было опредѣленной системы дѣйствій, единодушія и твердыхъ убѣжденій. Желали, можетъ быть, искренно, гласности, но не имѣли твердости духа рѣшиться на нее. Только одинъ изъ друзей государя, графъ Кочубей, какъ только былъ утвержденъ цензурный уставъ, отчасти осуществилъ широкій планъ Баккаревича въ замѣчательномъ изданіи, выходившемъ съ 1804 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ названіемъ „С.-Петербургскій Журналъ" (23 ч. 1804—1807 г.).

Что въ обществѣ русскомъ первыхъ годовъ царствованія Александра пробудилось желаніе знакомиться съ вопросами внутренней и внѣшней политики государства, явилась потребность судить о разныхъ

---

[1]) Истор свѣд. о ценз. въ Россіи, с. 12.

явленіяхъ государственной жизни и интересоваться не одними чисто литературными и эстетическими вопросами въ печати, доказывается замѣчательнымъ успѣхомъ „Вѣстника Европы“, журнала, издававшагося Карамзинымъ въ 1802 и 1803 годахъ, еще при старыхъ цензурныхъ условіяхъ, до появленія новаго цензурнаго устава. Карамзинъ угадалъ въ этомъ журналѣ вкусъ и направленіе публики и потому имѣлъ чрезвычайный по времени успѣхъ, придававшій еще больше извѣстности имени и блеска славѣ этого уже прославленнаго московскаго писателя.

Карамзинъ въ русской литературѣ того времени пользовался уже значительною извѣстностью; въ Москвѣ онъ составлялъ уже центръ литературный, вокругъ котораго группировались и друзья его молодости, бывшіе поклонниками его таланта и убѣжденій, и болѣе молодые его современники, подражавшіе ему и въ слогѣ и въ направленіи и мало по малу успѣвшіе уже образовать вокругъ него школу. Карамзину было уже 36 лѣтъ въ годъ изданія имъ „Вѣстника Европы“; его убѣжденія уже сложились, взгляды установились, и если и замѣтно потомъ незначительное измѣненіе въ нихъ, то измѣненіе это, по всей вѣроятности, только кажущееся, мнимое: Карамзинъ былъ слишкомъ осторожный человѣкъ, воспитанъ былъ въ томъ обществѣ, которое боится прямого и откровеннаго выраженія мысли и убѣжденія, и скорѣе скрываетъ ихъ подъ мягкими и красивыми формами выраженія, чѣмъ высказываетъ ихъ. И въ качествѣ публициста Карамзинъ является именно такимъ: онъ мягко и осторожно касается предметовъ обсужденія, но чѣмъ вкрадчивѣе его рѣчь, тѣмъ она сильнѣе дѣйствуетъ и тѣмъ больше находитъ себѣ сторонниковъ. Вліяніе, если не сочиненій, то имени и общественнаго положенія Карамзина, тѣхъ государственныхъ, тѣхъ нравственныхъ, тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые онъ указывалъ и развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ, было такъ велико и продолжительно, что вражда противоположныхъ убѣжденій, сталкивавшихся около этого имени, и возвеличиваемаго и ненавидимаго, дошла почти до нашихъ дней. Все это служитъ доказательствомъ значительнаго литературнаго таланта въ Карамзинѣ, а потому мы считаемъ необходимымъ вспомнить прошедшее этого человѣка, хотя въ общемъ краткомъ очеркѣ, пока мы не познакомимся съ нимъ болѣе подробно въ его литературныхъ отношеніяхъ къ новому времени, къ обновленной русской жизни.

Карамзинъ былъ одаренъ отъ природы значительнымъ литературнымъ талантомъ, который обнаружился въ немъ въ ранней молодости, и онъ выступилъ писателемъ въ ту пору своей жизни, когда образованіе его не кончилось, когда онъ не вынесъ изъ него никакихъ твердыхъ началъ и убѣжденій, и сталъ развиваться уже потомъ,

подъ вліяніемъ жизненныхъ впечатлѣній. Способность развитія, способность пониманія многаго и значительное общее образованіе вынесъ онъ изъ первоначальной школы своей въ университетскомъ пансіонѣ профессора Шадена и въ массонскомъ обществѣ Новикова и друзей его. Свѣдѣнія, вынесенныя Карамзинымъ изъ пансіона, не были ни глубоки, ни обширны, а стремленія, господствовавшія въ Новиковскомъ обществѣ, были слишкомъ туманны и неопредѣленны, чтобы остановить на себѣ его вниманіе болѣе продолжительное время. Карамзинъ былъ безспорно умный человѣкъ; онъ не могъ не понимать, что въ исторіи человѣческаго духа начиналась новая эпоха, чуждая мистицизму и тѣмъ алхимическимъ таинствамъ и формуламъ, которыми пробавлялись честные, но слабые люди, въ родѣ Новикова и друзей его. Тѣмъ не менѣе вліяніе на Карамзина увлеченій „Дружескаго общества“ сказалось въ немъ въ томъ тоскливомъ, чуждомъ всякой дѣйствительности, мистическомъ отношеніи къ жизни и природѣ, которое составило сущность его литературнаго направленія и извѣстно подъ именемъ сентиментальности. Еще больше, чѣмъ общее европейское литературное направленіе, еще больше, чѣмъ собственный фонъ характера, сказалось въ этомъ направленіи вліяніе Дружескаго общества. Дружескому же обществу Карамзинъ былъ обязанъ своимъ литературнымъ образованіемъ и, главнымъ образомъ, знакомствомъ съ нѣмецкою литературою, что было большою рѣдкостью тогда въ русскомъ обществѣ. Онъ былъ знакомъ также съ явленіями французской и англійской литературы, конечно, безъ связи, безъ системы, съ тѣми писателями, которые считались тогда модными и о которыхъ говорили въ обществѣ Новикова. Едва ли Карамзинъ былъ знакомъ съ тѣми, которыхъ оно не долюбливало. Рано получилъ Карамзинъ и наклонность къ поэзіи, но кому извѣстно, что такое была поэзія въ XVIII вѣкѣ и въ чемъ заключалось ея содержаніе, тотъ пойметъ, что и въ Карамзинѣ она была чѣмъ-то внѣшнимъ и не выражала ни внутренняго состоянія души его, ни его отношеній къ дѣйствительности. Въ его убѣжденіяхъ не могло быть ни твердости, ни стойкости. Его сомнѣніе никогда не доходило до сильнаго и убѣдительнаго скептицизма; его либерализмъ останавливался на полъ-дорогѣ и носилъ дилетантскій характеръ. Надъ всѣмъ этимъ неопредѣленнымъ внутреннимъ міромъ души его былъ разлитъ меланхолическій сентиментальный туманъ и эту сентиментальность онъ искалъ вездѣ въ знакомыхъ ему литературахъ. Положимъ, что многое въ этомъ содержаніи Карамзинскихъ взглядовъ и направленія можетъ быть объяснено внѣшнимъ вліяніемъ, но ни у кого это содержаніе, чуждое дѣйствительности, не выражается такъ полно и съ такимъ талантомъ, какъ у Карамзина. Было однакожъ въ немъ и нѣчто твердое и устой-

чивое, что составляло подкладку его убѣжденій и мыслей, когда онъ обращался къ дѣйствительности и начиналъ говорить о ея явленіяхъ. Этими твердыми началами Карамзинъ обязанъ былъ своему дворянскому, помѣщичьему происхожденію. Въ ту пору русское дворянство и не предчувствовало будущей исторіи своей; любимое и лелѣемое Екатериной, которую оно возвело на престолъ, оно представляло изъ себя, какъ выражаются на языкѣ оффиціальномъ, оплотъ трону, было дѣйствительнымъ сословіемъ, съ извѣстными правами и привилегіями, на которыя только оно одно имѣло въ государствѣ право. Дворянство сознавало ихъ и стояло за нихъ. Въ средѣ его образовалась особая, цѣльная система консервативныхъ идей, которая тоже была его привилегіей. Карамзинъ, какъ публицистъ, выражалъ эти идеи, и мы увидимъ потомъ, съ какимъ глубокимъ негодованіемъ возставалъ онъ противъ реформъ Сперанскаго, которыя были, разумѣется, гораздо прогрессивнѣе и дальновиднѣе его дворянскихъ идеаловъ. Сперанскій былъ для него и поповичъ и выскочка, какъ многіе болѣе грубые представители сословія и называли его. Русское дворянство, какъ сословіе, существовало не долго; никакихъ политическихъ правъ оно не имѣло, и единственная привилегія его, владѣніе крѣпостными, пала въ недавнее время. Но въ эпоху развитія Карамзина оно имѣло свой образъ мыслей, свои убѣжденія и они выразились въ тѣхъ статьяхъ, которыя онъ посвящалъ вопросамъ современной русской жизни и дѣйствительности. Съ этой общей литературной подготовкой и съ этими убѣжденіями молодой Карамзинъ отправился заграницу, чтобы окончить свое образованіе, какъ говорили въ то время. Опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ литературныхъ знакомствъ и наслажденія красотами природы и искусства, у него не было. Послѣ двухгодового путешествія, Карамзинъ воротился въ Москву и вскорѣ сталъ издавать „Московскій журналъ“, гдѣ помѣщалъ во все время изданія свои знаменитыя „Письма русскаго путешественника“ и повѣсти, которыя тотчасъ же доставили ему литературную извѣстность, значительную популярность, поклонниковъ и подражателей. Въ этотъ періодъ литературной дѣятельности своей Карамзинъ оказалъ тѣ услуги формальному развитію русской литературы, а отчасти и внутреннему ея содержанію, за которыя онъ пользуется почетнымъ мѣстомъ въ исторіи нашей литературы. Его „Бѣдная Лиза“ съ чувствительнымъ содержаніемъ въ первый разъ раскрыла передъ современнымъ обществомъ внутреннюю жизнь сердца и начала собою сентиментальное направленіе. Изъ міра ходульныхъ страстей и громкихъ трагическихъ тирадъ, которыми наполнялась поэзія наша въ XVIII вѣкѣ, она спустилась къ нѣсколько болѣе простому и болѣе понятному содержанію. Къ сожалѣнію, и здѣсь Карамзинъ отдалъ дань времени и сохранилъ

свою исключительность. Онъ старается изобразить нѣжныя чувства, любовь къ природѣ, простой бытъ, но все это совершенно не то, что люди находятъ въ дѣйствительности. Это Аркадія, идиллія, созданная болѣзненнымъ воображеніемъ, и съ этой аристократической точки зрѣнія Карамзинъ смотритъ на все. Спуститься до истинныхъ чувствъ и нуждъ простого народа было бы дико для Карамзина и его современниковъ.

Таково было внутреннее, общее содержаніе произведеній Карамзина въ это время. Мнѣ нечего говорить о внѣшней заслугѣ Карамзина въ литературѣ: о томъ, что онъ сдѣлалъ для русскаго языка, для слога, для литературной формы—извѣстно всѣмъ, и никакія нападенія Шишкова и другихъ старовѣровъ не подорвали этой заслуги. Самымъ важнымъ сочиненіемъ Карамзина изъ этого времени были его „Письма русскаго путешественника“, важнымъ потому, что въ немъ раскрывается его взглядъ на западный міръ и раскрывается самъ онъ весь, со всѣми своими убѣжденіями и взглядами. Изъ него мы видимъ, какъ незначительны вообще и мелки были восторги, наблюденія и симпатіи Карамзина, какъ неопредѣленны его стремленія, проникнутыя меланхоліей и сентиментальностью. Его философскія и литературныя убѣжденія неясны и туманны, въ нихъ нѣтъ ничего положительнаго и реальнаго, съ одинаковымъ равнодушіемъ или съ одинаковымъ уваженіемъ и любопытствомъ онъ заводитъ знакомства съ людьми самыхъ противоположныхъ убѣжденій. Для Карамзина равно дороги: и Кантъ, творецъ критической философіи, и Лафатеръ, фантазеръ-мистикъ, чуть не духовидецъ.

Въ „Письмахъ“ Карамзина мы найдемъ и его политическія убѣжденія или скорѣе взгляды, но и они такъ же смутны и неопредѣленны, какъ и все остальное. Въ Руссо, этомъ дикомъ пророкѣ страдающихъ массъ, онъ видѣлъ только цвѣты чувствительности; въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ въ 1790 году, во время самаго разгара революціонныхъ страстей, онъ не видалъ этой новой политической жизни и, если и замѣтилъ движеніе, которое нельзя было не замѣтить, такъ какъ имъ была полна вся Франція, то симпатіи его на сторонѣ прежней неограниченной монархіи и пораженной народнымъ движеніемъ аристократіи; имъ онъ только сочувствуетъ, объ нихъ онъ проливаетъ слезы. Революція для него — бунтъ, который надобно подавить и возстановить прежнее. И впослѣдствіи, когда торжество революціи сдѣлалось несомнѣннымъ, когда въ Парижѣ водворилось революціонное правительство, Карамзинъ въ разныхъ статьяхъ высказываетъ сентиментальную скорбь о разрушенномъ; всѣ его сожалѣнія относятся къ прошедшему, въ настоящемъ онъ видитъ только одно печальное разрушеніе. Всѣ его политическія консервативныя

убѣжденія уже созрѣли въ это время. Въ „Письмахъ“ онъ уже высказываетъ то, что высказывалъ и въ предисловіи къ своей „Исторіи“ и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Возьмемъ, напр., слѣдующую тираду: „Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ *несовершеннѣйшемъ* надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку... Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія *добродѣтель* необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во *всякомъ* правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны... Предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ свой планъ; въ Его рукѣ сердца государей и — довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; *мудрые* знаютъ опасность *всякой* перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ: подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное древо“... И этотъ приторно-сладкій, сентиментальный, отвлеченный консерватизмъ Карамзина соединяется у него страннымъ образомъ съ столь же сентиментальными мечтами о благѣ человѣчества, о развитіи правъ человѣческихъ, о свободѣ, обо всемъ томъ, чему учила философія XVIII вѣка и что не дается людямъ безъ борьбы и страданій. Карамзинъ говоритъ, что онъ любитъ человѣчество, что онъ въ душѣ республиканецъ, что онъ ненавидитъ неравенство, безправіе, произволъ и пр., и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ людямъ умѣренность и аккуратность, покорность судьбѣ и квіетизмъ. „Паситесь, мирные народы, блага развитія спадутъ на васъ безъ борьбы, какъ манна съ неба“. Не ясно ли, что великія слова у Карамзина о человѣчествѣ были фразами, которыя ему ничего не стоили и навѣяны были общимъ духомъ времени; домашняя же закваска ума держала его въ предѣлахъ добродѣтельной покорности.

По отношенію къ русской жизни и русской исторіи, сравнительно съ будущимъ его пониманіемъ ихъ, Карамзинъ въ эпоху своихъ „Писемъ“, увлеченный Европою, является космополитомъ и на реформу Петра смотритъ совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, какая развивается имъ въ „Запискѣ“ и за которую позднѣйшіе славянофилы причисляютъ его къ сонму своихъ предшественниковъ. Онъ въ восторгѣ отъ дѣла Петра В., сдѣлавшаго насъ европейцами; для него личность преобразователя является лучезарнымъ богомъ свѣта, освѣщающимъ вокругъ себя глубокую тьму. Карамзинъ — поклонникъ реформы Петра; онъ убѣжденъ, что путь просвѣщенія одинъ у всѣхъ

народовъ; онъ жестоко смѣется надъ тѣми, которые сожалѣютъ о русской старинѣ до преобразованія; онъ не видитъ въ ней ничего хорошаго и какъ бы мимоходомъ, но съ увлеченіемъ, бросаетъ свои знаменитыя слова: „Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, для выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ". И потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Карамзинъ не бросаетъ еще этой точки зрѣнія на реформу Петра. Онъ собирается писать похвальное слово преобразователю, въ которомъ хочетъ „доказать, что Петръ самымъ лучшимъ образомъ просвѣщалъ Россію, что измѣненіе народнаго характера, о которомъ твердятъ намъ его критики, есть ничто въ сравненіи съ источникомъ многихъ новыхъ благъ, открытымъ для насъ Петровою рукою". Этотъ взглядъ на реформу не былъ, однако, такимъ убѣжденіемъ Карамзина, которому бы онъ не измѣнялъ; напротивъ, кажется, что именно онъ и былъ случаенъ. Едва только воротился онъ изъ-за границы, какъ въ одной изъ повѣстей „Московскаго журнала" онъ уже высказываетъ сожалѣніе о прошедшемъ и жалобы на нашъ европеизмъ, а въ „Запискѣ" онъ унижаетъ все дѣло Петра В. Измѣнивъ прежнимъ своимъ взглядамъ на реформу, Карамзинъ долженъ былъ уже послѣдовательно сдѣлаться консерваторомъ, ибо въ европейскомъ развитіи для насъ онъ видѣлъ вредъ и несчастіе; онъ думалъ о какихъ-то устойчивыхъ началахъ въ древней Руси, искалъ въ нихъ противоположности западному развитію и смотрѣлъ уже не впередъ, а назадъ. Теперь уже онъ противополагаетъ народное общечеловѣческому, т.-е. не хочетъ возвышаться до послѣдняго. Изъ этого видно, какъ нетверды были политическія убѣжденія Карамзина. Императора Александра, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, Карамзинъ привѣтствовалъ одой, въ которой болѣе всего останавливался на обѣщаніи Александра подражать Екатеринѣ. Та же мысль заставила его, современника и поклонника дѣйствій и царствованія Екатерины, написать ей „Похвальное слово", въ которомъ онъ старался такъ представить событія и дѣйствія этого царствованія, чтобы они служили какъ бы образцомъ для новаго государя. Тутъ проводилъ онъ свои собственные взгляды и указывалъ на тѣ стороны Екатерининскихъ дѣлъ, къ которымъ питалъ сочувствіе. Гуманныя начала, высказываемыя, однако, съ должною умѣренностью, соотвѣтствовали въ этомъ сочиненіи Карамзина духу новаго времени. Больше всего онъ говоритъ о необходимости просвѣщенія въ народѣ. Карамзинъ прославляетъ Екатерину за ея *народныя училища*, онъ считаетъ ихъ „полезнѣе всѣхъ академій въ мірѣ", потому что они дѣйствуютъ на первые элементы народа. Этотъ взглядъ онъ развилъ потомъ до

нападенія на Александровскіе университеты. Вообще „Похвальное слово“ представляло для Александра какъ бы программу царствованія, но на него не было обращено вниманія, и Карамзинъ сталъ издавать „Вѣстникъ Европы“ уже съ прямымъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ настоящему.

ЛЕКЦІЯ X.

Вѣстникъ Европы.

Карамзинъ возобновилъ въ началѣ царствованія Александра свою самостоятельную литературную дѣятельность. При Павлѣ онъ издавалъ только незначительные сборники и занимался исключительно переводами, да и то съ сильными жалобами на цензуру. Новому императору онъ посвятилъ двѣ оды, одну на восшествіе на престолъ, другую на коронацію (не забудемъ, что и вступленіе Павла на престолъ онъ также привѣтствовалъ стихами). Въ одахъ Александру, зная образъ мыслей и направленіе государя, Карамзинъ старается высказать либеральныя мысли, говоритъ о святости закона, объ ужасѣ рабства, о свободѣ и пр. На эти оды мы не имѣемъ права смотрѣть иначе, какъ на всѣ подобнаго рода произведенія. Карамзинъ старался угадать мысли и желанія Александра и написать нѣсколько звучныхъ стиховъ подъ тонъ ихъ. За это получилъ онъ обычный подарокъ. Но стихи были стихами, фразами, и нисколько не убѣжденіями Карамзина.

Обѣщаніе Александра въ манифестѣ царствовать „по начинаніямъ премудрой бабки своей“, было, повидимому, поводомъ для Карамзина написать свой панегирикъ Екатеринѣ. Какая цѣль была у него при сочиненіи этого похвальнаго слова и зачѣмъ онъ выбралъ жалкую литературную форму, которая не рекомендуетъ его историческаго такта и историческаго пониманія? Какъ извѣстно, эта форма, согласно старинной реторикѣ, не допускаетъ критическаго, свободнаго отношенія къ предмету, и потому царствованіе Екатерины представлено въ однообразномъ розовомъ свѣтѣ, въ пышныхъ фразахъ, увлекательныхъ для современниковъ. И развѣ это была правда, и развѣ самъ Карамзинъ, какъ человѣкъ умный, полагалъ, что онъ говорилъ правду? Не говоря уже о томъ, что Карамзинъ, лично за себя, могъ жаловаться на Екатерину и дѣйствительно жаловался за стѣсненіе мысли въ своихъ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ, не говоря о томъ, что преслѣдованіе близкихъ ему масоновъ должно было горько отозваться въ его сердцѣ, всѣми называемомъ чувствительнымъ, неужели же онъ,

и въ это время сознававшій уже свое историческое призваніе, не могъ не видѣть тѣхъ бѣдствій, какія лежали на народѣ въ царствованіе Екатерины, несмотря на внѣшній блескъ и громкія, прославленныя поэтами дѣла? Не могло же недавнее царствованіе Павла, со всею его ненавистью къ дѣламъ и учрежденіямъ Екатерины, затмить въ глазахъ Карамзина столь недавнее прошлое, пережитое имъ самимъ? Полагать надобно, что Карамзинъ, ухватившись за фразу манифеста, думалъ, что онъ попалъ въ тонъ молодого государя, изобразивъ предъ нимъ его бабку въ самомъ привлекательномъ видѣ. Но Карамзину, безъ сомнѣнія, были неизвѣстны личные взгляды и убѣжденія Александра о временахъ Екатерины, давно уже созрѣвшіе въ немъ, когда его, еще юношу, приводилъ въ негодованіе развратъ Екатерининскаго двора и безстыдный грабежъ ея вельможъ и фаворитовъ. Мы знаемъ жалобы Александра, высказанныя въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, въ письмахъ къ Лагарпу и къ графу Кочубею, жалобы, доходившія въ немъ до глубокаго отчаянія, подъ вліяніемъ котораго онъ серьезно думалъ отказаться отъ русскаго престола. Александръ въ панегирикѣ Карамзина не могъ видѣть ничего другого, кромѣ лести, и хотя онъ наградилъ подаркомъ автора, когда сочиненіе было поднесено ему чрезъ Трощинскаго, но на Карамзина не обратилъ особаго вниманія.

Новое время съ большею относительно свободою слова, дававшее просторъ мысли, съ преобразованіями, уже совершившимися, и съ планами на новыя, привычка, наконецъ, къ литературнымъ предпріятіямъ, которыя давали Карамзину средства къ жизни, вызвали его въ 1802 году на поприще журналиста. Время, въ самомъ дѣлѣ, благопріятствовало тогда этого рода литературной дѣятельности и журналистъ съ убѣжденіемъ, съ знаніемъ внутренняго состоянія Россіи, могъ бы сказать очень многое русскому обществу, могъ бы научить его очень многому, какъ это и бывало у насъ въ тѣ времена, когда измѣнялся характеръ правительственной власти, и это измѣненіе давало толчекъ общественной мысли. „Вѣстникъ Европы“, издававшійся Карамзинымъ два года, имѣлъ успѣхъ въ обществѣ, какъ имѣло успѣхъ все писанное Карамзинымъ, но онъ далеко не былъ тѣмъ, чѣмъ бы могъ быть журналъ въ то время. Карамзинъ является въ этомъ журналѣ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ прежде. Новое время съ своими потребностями нисколько не обновило его убѣжденій и его направленія. Публикѣ онъ подноситъ прежнія консервативныя убѣжденія, выраженныя мягкимъ и вкрадчивымъ тономъ, или восхваленія новыхъ мѣръ новаго правительства, написанныя слогомъ панегирика, безъ всякаго сколько-нибудь критическаго отношенія къ нимъ. Цѣль своего изданія самъ Карамзинъ опредѣляетъ тѣмъ, что онъ

хотѣлъ „не учить, а единственно занимать русскую публику пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ слогомъ“ (объявленіе на 1803 годъ).

Сравнительно съ прежнимъ изданіемъ Карамзина „Московскимъ журналомъ“, „Вѣстникъ Европы“ имѣлъ болѣе широкую программу. Тамъ вовсе не было политическаго отдѣла и не заходила рѣчь о политическихъ событіяхъ, можетъ быть потому, что изданіе происходило въ самый разгаръ революціи и говорить о такихъ политическихъ событіяхъ при Екатеринѣ было не совсѣмъ удобно. Изъ политической жизни того времени Карамзинъ старался говорить только о важнѣйшихъ событіяхъ, высказывая о нихъ собственныя сужденія и давая иногда общія обозрѣнія; такимъ образомъ Карамзинъ является въ качествѣ публициста, хотя онъ и рѣдко былъ самостоятельнымъ судьею въ политикѣ, заимствуя свои свѣдѣнія и переводя цѣлыя статьи изъ современнаго нѣмецкаго политическаго журнала Архенгольца „Минерва“. Для такого журналиста, каковъ былъ Карамзинъ, время какъ бы благопріятствовало журнальной работѣ; тогда легко можно было дѣлать общія обозрѣнія и сводить итоги событіямъ. Въ Европѣ господствовалъ полный миръ, Франціею правилъ первый консулъ, который старался возстановить многое, разрушенное революціею, въ особенности католичество и внѣшнюю обстановку монархической власти; онъ уже готовился быть императоромъ. Карамзинъ доволенъ современнымъ положеніемъ Европы: оно удовлетворяетъ его охранительнымъ принципамъ и нелюбви къ политическимъ потрясеніямъ. Онъ доволенъ консуломъ; онъ восхваляетъ его за то, что онъ „умертвилъ чудовище революціи“, хотя и не особенно благоволитъ къ нему, конечно, за то, что Наполеонъ самъ все-таки былъ созданіемъ этой революціи, а не легитимнымъ монархомъ. Къ этой легитимной монархіи лежатъ всѣ симпатіи Карамзина, отсюда понятно, что онъ не долюбливаетъ ни Англіи, ни Америки, ни Швейцаріи, когда рѣчь коснется о событіяхъ въ этихъ странахъ.

Весь кодексъ его политическихъ взглядовъ высказывается въ слѣдующей тирадѣ, находящейся въ статьѣ „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени“, которая есть не что иное, какъ повтореніе прежняго: „Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ, даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти;... что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать законы нравственному и политическому міру, должны остаться *съ*

книгахъ;... что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно *время* и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ". По убѣжденію Карамзина, французская революція, вмѣсто того, чтобъ ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Съ половины XVIII вѣка всѣ лучшіе умы желали измѣненія общественнаго устройства, всѣ, недовольные зломъ настоящаго, мечтали объ измѣненіяхъ; всѣ ждали бури, и когда „грянулъ громъ во Франціи, говоритъ Карамзинъ, мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой, благодарить небо за цѣлость крова нашего *и быть разсудительнымъ*". Чѣмъ же кончилась эта эпоха волненій и политическихъ переворотовъ, по словамъ Карамзина? Убѣжденіемъ, что status quo лучше всего и что всякая перемѣна вредна: „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ". Такимъ образомъ, по словамъ Карамзина, революція была тяжелою эпидеміею, не принесшею никакой пользы человѣчеству. Между тѣмъ, говоря о современности, Карамзинъ замѣчаетъ, что правительства чувствуютъ важность союза между собою и народомъ, значеніе общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Откуда жъ это новое направленіе въ правительствахъ, неизвѣстное прежде? Конечно, этимъ новымъ отношеніямъ научилъ правителей жестокій опытъ революціи, и Карамзинъ не замѣчаетъ, что тутъ противорѣчитъ самъ себѣ. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не видно, чего собственно хочетъ Карамзинъ, такъ неясно, хотя и красиво онъ выражается. Видно, однако, что, говоря объ общественномъ мнѣніи и о союзѣ государей и народовъ, Карамзинъ останавливается на этомъ предметѣ неохотно, мимоходомъ и спѣшитъ перейти къ рѣзкому осужденію общественныхъ движеній.

Въ журналѣ Карамзина, конечно, должно было много говориться о современномъ положеніи Россіи. Правительство Александра, съ своими планами преобразованій, уже высказалось; Карамзинъ могъ понимать, чего хотятъ новые люди, и что въ самомъ дѣлѣ нужно было Россіи въ то время. Цензура не могла мѣшать ему много, какъ въ Павлово время. Что же Карамзинъ высказалъ, въ какой степени помогъ онъ обновляющейся русской жизни и объяснилъ ея явленіе обществу? Прежде всего насъ поражаетъ безсодержательность фразы Карамзина. Никакого другого тона не найдемъ мы у него, кромѣ панегирическаго. „Взоръ русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на

любезное отечество? Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими европейскими народами мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго монарха"? Говоря о событіяхъ внутренней жизни Россіи и о нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, Карамзинъ постоянно употребляетъ слова и выраженія похвальнаго слова, на все смотритъ въ розовомъ свѣтѣ, старается вовсе забыть явленія, которыя могли бы разрушить или, по крайней мѣрѣ, потрясти довольную вѣру и сладенькій квіетизмъ. Нѣтъ и помину о сколько-нибудь критическомъ отношеніи къ дѣйствительности. Лесть и лесть, возвышеніе самохвальства въ націи, отъ которой онъ требуетъ полной покорности—вотъ содержаніе фразъ Карамзина. Всѣ намѣренія и планы преобразованія Александра, по его мнѣнію, заключаются въ томъ, что, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, русскій царь положилъ себѣ за правило, „что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основой государственнаго благоденствія. Можетъ ли что-нибудь быть туманнѣе пониманія журналистомъ программы того времени? Много бы дѣльнаго могъ высказать въ то время умный человѣкъ, какимъ безспорно былъ Карамзинъ. Что же онъ сдѣлалъ? Вотъ, напр., совершается реформа или скорѣе созданіе просвѣщенія для всей Россіи—и Карамзинъ уже видитъ впередъ всѣ послѣдствія новаго указа Александра: „Свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ, разсудокъ утверждаетъ права свои и духъ Россіянъ возвышается" [1]). Указъ о просвѣщеніи Карамзинъ называетъ началомъ новой эпохи въ исторіи нашего *нравственнаго* образованія, великимъ *актомъ государственной филантропіи*, потому что просвѣщеніе есть единственное, вѣрнѣйшее средство для успѣха великодушныхъ намѣреній монарха: онъ „желаетъ просвѣтить россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія". Указъ о просвѣщеніи онъ называетъ безсмертнымъ, онъ „есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха", и, не входя въ разборъ его, Карамзинъ требуетъ отъ подданныхъ только исполненія. Доволенъ онъ въ особенности предположеніями объ устройствѣ сельскихъ школъ, которыя, однако, не осуществились, и то только съ точки зрѣнія нравственной, для развитія морали между крестьянами. Проектъ упоминалъ объ особомъ „нравственномъ катихизисѣ для крестьянъ", и Карамзинъ, сочувствуя этому, говоритъ, что онъ самъ сочинилъ книжку, въ которой объяснены „должности поселянина, необходимыя для его счастія". Едва ли не главная должность была

[1]) 1802 г. № 11

тутъ повиновеніе властямъ и помѣщику, если судить по тону статьи Карамзина „Письмо сельскаго жителя“ [1]), гдѣ онъ жалуется на лѣнь, пьянство русскаго крестьянина, на то, что онъ не сумѣетъ воспользоваться свободой, если получитъ таковую. Безъ сомнѣнія Карамзинъ зналъ о личномъ взглядѣ императора Александра на крѣпостное состояніе, слышалъ о готовящихся по этому вопросу измѣненіяхъ и, конечно, не могъ имъ сочувствовать. Выражать прямо и откровенно свои убѣжденія, противоположныя тѣмъ, которыя господствовали тогда въ правительственныхъ сферахъ, было не совсѣмъ удобно, и Карамзинъ выражался въ этомъ случаѣ чрезвычайно осторожно и уклончиво. Онъ разсказываетъ будто бы свой собственный опытъ о дарованіи имъ крестьянамъ свободы, которою они не умѣли воспользоваться. Едва ли это такъ было, насколько намъ извѣстна біографія Карамзина, тѣмъ болѣе, что свобода, о которой онъ говоритъ въ статьѣ, была весьма ограниченная, и выводить изъ этого фиктивнаго разсказа, какъ дѣлаетъ г. Галаховъ, утвержденіе, что Карамзинъ „прежде стоялъ за свободу крестьянъ, потомъ нашелъ ее преждевременною, приносящею больше вреда, чѣмъ пользы“ [2]), вполнѣ несправедливо. Мы говорили уже о дворянской основѣ политическихъ и экономическихъ убѣжденій Карамзина, съ которой онъ не сходилъ. Онъ былъ бы невѣренъ самому себѣ, если бы сталъ утверждать что-либо другое. Къ счастью, въ 1802 году онъ выражался прямо: „Главное право русскаго дворянина — быть помѣщикомъ, главная должность его — быть добрымъ помѣщикомъ, кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный: ибо Александръ желаетъ счастія земледѣльцевъ“. Дальше этого идеала *добраго помѣщика* Карамзинъ не шелъ. Конечно, не могъ онъ не знать, что были и есть не *добрые* помѣщики, но онъ говорилъ, что злоупотребленія господской власти истребляются просвѣщеніемъ, — „самая же эта власть помѣщика, по нашимъ законамъ, не есть тиранская и неограниченная“, забывая при этомъ, что сама администрація губерній дѣлала ее такою. „Россійскій дворянинъ, продолжаетъ Карамзинъ, даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры! Вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его права!“ Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, прикрываясь эластичностью фразы и любовью къ человѣчеству и нравственности, Карамзинъ не желалъ никакихъ

---

[1]) Ibid, 1803, № 17.

[2]) Галаховъ. Ист. р. слов. Т. II, 57. М. 1894 г.

перемѣнъ; впослѣдствіи, когда представился случай и когда Александръ не могъ уже, въ силу обстоятельствъ, думать о дѣйствительномъ освобожденіи крестьянъ, Карамзинъ сталъ высказываться гораздо опредѣленнѣе.

Такимъ образомъ въ своемъ журналѣ Карамзинъ не шелъ дальше лести и восхваленія тѣхъ немногихъ мѣръ правительства, которыя были обнародованы тогда. Мы привели уже его восторженной отзывъ о реформѣ просвѣщенія. Карамзинъ какъ бы увѣряетъ, что все уже сдѣлано, что ничего лучшаго и ожидать не слѣдуетъ. Московскій университетъ находился въ это время подъ управленіемъ попечителя М. Н. Муравьева, который любилъ и покровительствовалъ Карамзину, а потомъ, по близости своей съ государемъ, доставилъ ему званіе исторіографа. Карамзинъ, чтобъ сдѣлать ему удовольствіе, напечаталъ въ 1803 году въ своемъ журналѣ статью о публичныхъ лекціяхъ въ этомъ университетѣ и такъ расхвалилъ его, что сталъ утверждать: „Мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли учиться тому, что преподается въ нашихъ университетахъ“. И въ другихъ немногихъ случаяхъ, гдѣ Карамзинъ касается въ своемъ журналѣ реформъ новаго царствованія, онъ не разсуждаетъ, а только хвалитъ, не покидая тона панегирика. Такъ поступилъ онъ при указѣ о правахъ и должностяхъ сената, при манифестѣ объ учрежденіи министерствъ, которыми были вообще недовольны люди его партіи. Все хорошо, все прекрасно; всѣ новые министры умнѣйшіе люди въ свѣтѣ и первѣйшіе патріоты. „Кто не увѣренъ въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, говоритъ Карамзинъ, возвеличенныхъ именемъ министровъ Россіи, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ?.. Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсторфовъ... Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость государства, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II; теперь лестно и славно заслужить вмѣстѣ съ милостію государя и любовь просвѣщенныхъ Россіянъ!...“

Свободный ли это тонъ свободнаго гражданина-публициста? Въ теченіе двухлѣтняго изданія „Вѣстника Европы“ Карамзинъ не покидаетъ этого хвалительнаго тона и конечно онъ надоѣлъ бы своимъ читателямъ, еслибъ въ журналѣ не было другихъ статей, болѣе для нихъ интересныхъ. Безъ сомнѣнія, „Вѣстникъ“ имѣлъ относительный успѣхъ и пришелся по вкусу тогдашнихъ читателей не этими восхваленіями, напоминавшими приторныя оды прошлаго вѣка. Цѣль

журнала онъ высказывалъ въ предисловіи въ очень неясныхъ фразахъ: „сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей!“ Это цѣль не журнала, а скорѣе личный взглядъ Карамзина на свое авторство. Изъ-за этихъ-то фразъ, изъ-за эластичности выраженія мнѣній, Карамзина нельзя прямо обвинить въ ретроградности и отсталости. Тутъ есть все: и любовь къ наукѣ, и уваженіе къ правамъ личности, и признаніе „общаго мнѣнія“ и новыхъ лучшихъ идей, и желаніе примирить непримиримое, напр., гуманность и крѣпостное право, такъ что Карамзинъ можетъ быть причисляемъ даже и къ прогрессистамъ. Но собственно говоря, онъ представлялъ середину; онъ не хотѣлъ казаться приверженцемъ крайней политической реакціи и боялся углубляться въ новыя прогрессивныя идеи, боялся доводить ихъ логически до послѣднихъ выводовъ. Массѣ журналъ былъ по плечу: онъ нравился своимъ разнообразіемъ. Карамзинъ хотѣлъ сообщать въ немъ новости текущей литературы и политической жизни, а новости любятъ всѣ. Критики, которая сдѣлалась потомъ главной принадлежностью русскихъ журналовъ, въ „Вѣстникѣ“ было мало, и Карамзинъ вообще не очень любилъ ее; зато стихотвореній было довольно, и въ „Вѣстникѣ“ пріобрѣлъ себѣ первую извѣстность Жуковскій.

Собственно, по отношенію къ Карамзину, „Вѣстникъ Европы“ важенъ тѣмъ, что многія статьи его, здѣсь напечатанныя, показываютъ его обращеніе къ предмету, который надолго потомъ займетъ всю его дѣятельность, именно къ русской исторіи. „Должно пріучать россіянъ къ уваженію своего собственнаго“, говоритъ онъ, и пишетъ нѣсколько статей, посвященныхъ разработкѣ разныхъ вопросовъ отечественной исторіи, доказывающихъ, что онъ сильно отдался этому предмету. Даже въ повѣсти, въ этой формѣ, которая доставила ему литературную извѣстность, Карамзинъ переносится въ прошедшее Россіи и старается представить свои государственные и политическіе идеалы. Въ этомъ отношеніи очень любопытна историческая повѣсть „Марѳа Посадница или покореніе Новгорода“, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ ней вовсе нѣтъ сентиментальной любви, составлявшей сущность тогдашнихъ повѣстей: это скорѣе историческій отрывокъ, въ которомъ Карамзинъ какъ бы желалъ представить образчикъ своихъ воззрѣній на русскую исторію, хотя и не могъ освободиться отъ сентиментальнаго или скорѣе реторическаго тона, свойственнаго ему во всемъ. Карамзинъ хотѣлъ представить въ поэтическомъ свѣтѣ древнюю вольную жизнь Новгорода и послѣднюю

борьбу его за независимость. Но новгородцы были республиканцы; неловко было Карамзину сдѣлаться сторонникомъ и защитникомъ ихъ, и онъ весь на сторонѣ государственныхъ цѣлей Іоанна III. Онъ и въ исторіи его любимый государь, „однакожъ сопротивленіе новгородцевъ не есть бунтъ какихъ-нибудь якобинцевъ, говоритъ Карамзинъ; они сражались за древніе свои уставы и права, данные имъ отчасти самими великими князьями, напр., Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: *имъ должно было предвидѣть*, что сопротивленіе обратится въ гибель Новгороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы". Вотъ и все сочувствіе Карамзина къ древнему Новгороду. Надъ борьбою за свободу новгородцевъ звучитъ ироническая рѣчь князя Холмскаго, въ которой заключаются всѣ политическія убѣжденія Карамзина. Она начинается слѣдующими знаменитыми словами: „Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной"... Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудіе и безопасность суть три столпа гражданскаго счастія"...

Такова была программа будущей исторіи его, въ которой торжествовало начало государственное. Съ нею легко было ему просить себѣ мѣсто исторіографа. Первая мысль объ этомъ, какъ кажется, была внушена Карамзину другомъ его, И. И. Дмитріевымъ. Карамзинъ написалъ письмо къ Муравьеву, прося его ходатайства и доклада государю о его „ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія". Желаніе Карамзина исполнилось очень скоро, и въ послѣдней книгѣ „Вѣстника Европы" за 1803 г., въ которой онъ прощался съ публикой, былъ напечатанъ указъ о наименованіи его исторіографомъ и о пожалованіи ему пенсіона въ 2000 р. Съ этихъ поръ Карамзинъ уединился для продолжительнаго труда надъ исторіей, но въ трудное время русской исторической жизни онъ выступилъ передъ Александромъ съ своею чрезвычайно важною „Запискою".

ЛЕКЦІЯ XI.

Пнинъ.—«Петербургскій Журналъ».—«Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ».—«Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи».

Строгій судъ о дѣятельности Карамзина, какъ журналиста, возможенъ и необходимъ по тому значенію, которое вообще имѣетъ литературная дѣятельность Карамзина, по вліянію, которое онъ имѣлъ

не только на своихъ современниковъ-писателей, но даже на правительственныя сферы въ концѣ царствованія Александра и гораздо позднѣе, и въ особенности потому, что этотъ очень умный и съ большимъ литературнымъ талантомъ человѣкъ, привѣтствуя, какъ мы видѣли, восторженно, даже съ примѣсью лести, нѣкоторыя преобразовательныя мѣры Александра, восхваляя ихъ, потомъ, когда обстоятельства измѣнились, обрушился всею силою своего негодованія на то, что прежде хвалилъ, и, прикрываясь патріотическимъ чувствомъ, сталъ осуждать всякую реформу, всякое желаніе измѣненія. Содержаніе и направленіе его „Вѣстника Европы“ достаточно намъ извѣстны; но судить однако объ этомъ журналѣ съ точки зрѣнія нашего времени было бы очень несправедливо. Журналъ имѣлъ успѣхъ въ современной публикѣ; онъ читался съ большимъ удовольствіемъ, и самъ Карамзинъ говоритъ, что онъ приносилъ ему доходу до 6.000 руб.— цифра весьма значительная по тому времени. Было бы странно требовать отъ Карамзина такихъ журнальныхъ достоинствъ, какія возможны только въ настоящее время, но не забудемъ, что онъ первый началъ журнальную дѣятельность въ царствованіе Александра; въ послѣдніе годы Екатерины и при Павлѣ она почти не существовала, и ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не говорилъ о современности и особенно о политикѣ.

Успѣхъ журнальной литературы, имѣющей непосредственное отношеніе къ обществу, находился у насъ въ постоянной зависимости отъ цензуры. Мы говорили уже о цензурномъ уставѣ 1804 года, дававшемъ значительный просторъ мысли и печати. Сначала цензурные комитеты, подъ вліяніемъ общаго духа, господствовавшаго въ правительственныхъ сферахъ, дѣйствовали въ либеральномъ направленіи и весьма снисходительно. Но едва цензурный уставъ появился на свѣтъ, какъ былъ уже окруженъ разными условіями и ограниченіями. Положимъ, что общее настроеніе правительства, отъ котораго такъ много зависитъ характеръ предварительной цензуры, благопріятствовало сначала успѣхамъ литературы, помогало ей, защищало ее. Такъ, напр., еще до введенія въ дѣйствіе устава, случилась слѣдующая цензурная исторія. Въ 1803 году въ Москвѣ генералъ-губернаторъ Салтыковъ велѣлъ захватить въ книжныхъ лавкахъ и опечатать всѣ экземпляры сатирическаго сочиненія, переведеннаго съ французскаго, подъ названіемъ „Кумъ Матвѣй“, книги, дозволенной къ печати московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ она продавалась,—арестовать. Книгопродавцы принесли жалобу въ Петербургъ, и императоръ Александръ велѣлъ ихъ освободить, а книгу пустить въ продажу. Но на печать весьма немногіе могли смотрѣть съ полнымъ уваженіемъ: желаніе полной свободы ей, какъ мы видѣли,

было высказываемо очень немногими и самыми передовыми личностями, большинство же общества вовсе не привыкло видѣть въ ней самостоятельную независимую силу; оно просто боялось ея. А потому и возникли для цензурнаго устава разныя условія и ограниченія. Такъ, не все можно было говорить о такъ называемыхъ „государственныхъ предметахъ". Политическія событія времени, отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, конституціонныя начала и въ особенности крѣпостное право—были такими предметами, о которыхъ или почти вовсе нельзя было разсуждать въ печати, или можно было разсуждать чрезвычайно осторожно, съ точки зрѣнія правительственной власти. Во всемъ противоположномъ этой точкѣ зрѣнія видѣли „буйство печати". Такъ пріостановлена была дѣятельность одного изъ замѣчательныхъ писателей того времени, рано умершаго *Пнина.*

Литературный дѣятель этотъ никогда не появлялся на страницахъ оффиціальной исторіи русской литературы и только въ самое недавнее время, когда мало-по-малу стали выходить на Божій свѣтъ нѣкоторыя дѣла изъ инквизиціонныхъ архивовъ прежнихъ цензурныхъ комитетовъ, имя Пнина сдѣлалось извѣстно, несмотря на его кратковременную литературную дѣятельность. Онъ составлялъ совершенную противоположность Карамзину и по характеру, и по направленію своего таланта. Если Карамзинъ любилъ безсодержательную фразу, то Пнинъ старался говорить только о дѣлѣ; если у Карамзина мы замѣчаемъ нѣсколько своекорыстныя убѣжденія, напр., въ крестьянскомъ вопросѣ, конечно, прикрытыя красивыми словами о гуманности и о морали, то у Пнина мы найдемъ прямое и честное отношеніе къ этому вопросу и притомъ съ знаніемъ главной, т.-е. экономической стороны его. Пнинъ былъ воспитанъ на идеяхъ человѣколюбивой философіи XVIII вѣка; онъ былъ преданъ этимъ идеямъ совершенно искренно и старался проводить ихъ не только въ литературу, но и въ жизнь. Содержаніе его сочиненій, какъ небольшихъ литературныхъ статей, такъ и переводовъ, даже стиховъ,—все было посвящено вопросамъ государственнымъ, т.-е. тому, что болѣе всего занимало современниковъ; во всѣхъ его произведеніяхъ заключались намеки и на тогдашнее положеніе Россіи.

О жизни и отношеніяхъ Пнина мы почти не имѣемъ свѣдѣній, кромѣ самыхъ скудныхъ указаній. Намъ извѣстно, что онъ былъ побочнымъ сыномъ князя Петра Ив. Репнина, откуда и усѣченная фамилія его. Родился онъ въ 1773 году, воспитывался сначала въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, а потомъ въ инженерномъ училищѣ, служилъ въ военной службѣ нѣсколько времени, командовалъ даже пловучею батареею въ послѣднюю шведскую войну и затѣмъ, при образованіи министерствъ, поступилъ экспе-

диторомъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, куда былъ приглашенъ на службу, какъ кажется, И. П. Мартыновымъ, имѣвшимъ съ нимъ литературное знакомство. Здѣсь служилъ онъ не болѣе четырехъ лѣтъ, вышелъ по болѣзни въ отставку и умеръ 17 сентября 1805 г. отъ чахотки.

Литературная дѣятельность Пнина продолжалась не долго, но вся она имѣла одинъ общій характеръ, касаясь предметовъ государственнаго устройства и политической экономіи. Конечно, оригинальнаго въ этихъ сочиненіяхъ было очень мало, все дѣло ограничивалось по большей части переводами извлеченій изъ извѣстныхъ писателей по этому предмету въ XVIII вѣкѣ, но всюду проявляется желаніе примѣнить эти общія европейскія идеи публицистовъ, господствовавшія тогда въ литературѣ, въ русской жизни. „Не ограничиваясь метафизикой общественнаго устройства, говоритъ г. Сухомлиновъ, нѣкоторые писатели старались выйти на болѣе реальный путь, и мысли, вычитанныя изъ Монтескье, Беккаріи, Кондорсе и другихъ, пытались примѣнить, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, къ требованіямъ русской дѣйствительности“ [1]).

Первое литературное предпріятіе Пнина былъ „Петербургскій журналъ“, издававшійся имъ еще при Павлѣ, въ 1798 году. Въ немъ, конечно, было довольно и стиховъ, и всякой такъ называемой тогда журнальной смѣси, но по большей части печатались статьи политическаго и экономическаго содержанія—переводныя. Тутъ были переводы отрывковъ изъ Esprit des lois—Монтескье, извлеченіе изъ книги извѣстнаго итальянскаго экономиста, друга и сотрудника Беккаріи, графа Верри: объ умноженіи и уменьшеніи государственнаго богатства, главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣнъ, о купеческихъ и художническихъ обществахъ; подробное изложеніе политической экономіи Жака Стюарта и пр. Кто, кромѣ Пнина, былъ переводчикомъ—намъ неизвѣстно.

Съ воцареніемъ Александра, съ первыми планами государственныхъ преобразованій, съ толками о конституціи, которою молодой государь намѣревался подарить Россію, литературная дѣятельность Пнина по извѣстному политическому направленію получила какъ бы оправданіе, его желанія, повидимому, осуществлялись; это придало еще болѣе энергіи его дѣятельности, и онъ сталъ писать больше.

Въ самый первый годъ царствованія Александра, подъ вліяніемъ восторженнаго настроенія времени, въ Петербургѣ сошлось нѣсколько молодыхъ людей, близкихъ между собою дружескими связями и общимъ

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русск. лит. и просв., т. I, стр. 430.

направленіемъ, которые сначала частно, а потомъ съ разрѣшенія правительства, при посредствѣ Новосильцева, образовали „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ“. Изъ членовъ этого общества немногіе впрочемъ пріобрѣли себѣ потомъ извѣстность въ литературѣ, и самое общество просуществовало недолго; большинство членовъ было занято службою, и многіе поэтому и не жили въ Петербургѣ. Но общество заявило о своемъ существованіи и нѣкоторыми изданіями. Въ 1802 и 1803 годахъ оно издало два тома сборника „Свитокъ Музъ“, а въ 1804 году 1-ю часть своего „періодическаго изданія“. Въ этихъ изданіяхъ, кромѣ множества неизбѣжныхъ въ духѣ времени стиховъ, гдѣ главными вкладчиками были знаменитый впослѣдствіи филологъ А. Х. Востоковъ, писавшій тогда множество стиховъ съ самыми разнообразными размѣрами и казанскій поэтъ, умершій въ томъ же 1804 году,—Каменевъ, авторъ первой въ романтическомъ родѣ, съ видѣніями, съ волшебствами и провалами баллады „Громвалъ“ [1]), помѣщались и статьи политическаго и экономическаго содержанія, частью переводныя, частью оригинальныя. Переводчикомъ былъ Языковъ, а оригинальныя статьи писалъ В. Попугаевъ. Статьи послѣдняго, хотя и незначительныя по объему, очень разнообразны и, кромѣ предметовъ управленія и политики, посвящены русской литературѣ и вопросамъ о языкѣ. Въ изданіяхъ общества участвовали и сыновья Радищева, служившаго въ это время въ Петербургѣ. Радищевъ, возвращенный изъ ссылки въ Илимскъ Павломъ тотчасъ по вступленіи его на престолъ, жилъ однако все время царствованія его безвыѣздно въ своихъ деревняхъ, но въ первый же мѣсяцъ своего воцаренія Александръ дозволилъ ему возвратиться въ столицу, возвратилъ ему чинъ и крестъ и помѣстилъ его на службу въ коммиссію о составленіи законовъ, образованную тогда подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго. Изъ этого примѣра отношеній императора Александра къ одному изъ самыхъ отъявленныхъ и крайнихъ радикаловъ того времени, видно уже, куда клонились его симпатіи. Радищева, прямо изъ ссылки, засадили за составленіе законовъ и именно уложенія гражданскаго; составленіе уголовнаго кодекса было поручено также ему, и для этой цѣли онъ собирался въ Англію, чтобъ изучить тамъ уголовный порядокъ. Ни годы, ни ссылка не измѣнили убѣжденій Радищева, онъ оставался вѣренъ тому, что̀ вынесъ изъ знакомства съ французской мыслью XVIII вѣка и что̀ такъ отчаянно смѣло высказалъ въ своей книгѣ. Къ нему собирались молодые люди, раздѣлявшіе образъ его мыслей, и въ томъ числѣ Пнинъ, глубоко уважавшій Радищева. Не стѣсняясь ничѣмъ, свободно высказывалъ Радищевъ, даже передъ начальствомъ,

[1]) Період. изд. стр. 110—127.

всѣмъ извѣстные взгляды свои и убѣжденія. Но графъ Завадовскій смотрѣлъ иными глазами на Радищева, чѣмъ государь и его молодые друзья. Въ одномъ изъ своихъ проектовъ Радищевъ высказалъ такія радикальныя мысли, что Завадовскій попрекнулъ его прежними заблужденіями, за которыя онъ такъ дорого поплатился. Угроза, говорятъ, такъ сильно подѣйствовала на несчастнаго Радищева, что онъ задумался о возможности новой ссылки, сталъ говорить о ней безпрестанно съ своими дѣтьми, впалъ въ душевную болѣзнь и въ припадкѣ меланхоліи рѣшился на самоубійство.

Вольное общество любителей словесности и наукъ, въ которомъ Пнинъ былъ тогда предсѣдателемъ, посвятило памяти Радищева прозаическую статью, написанную однимъ изъ членовъ, Борномъ, и стихи Пнина, въ которыхъ этотъ поклонникъ Радищева говоритъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, доказывающимъ, что онъ былъ знакомъ съ его сочиненіями и мнѣніями, и что такимъ образомъ у насъ шла непрерывно традиція литературныхъ идей:

„То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ;
Уста, что истину вѣщали,
Увы навѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ,
Оставилъ и прешелъ къ покою...
Благословимъ его мы прахъ!
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался,
Я чаю—тотъ довольно жилъ [1]).

Изъ этого сочувствія къ Радищеву видно уже то направленіе, котораго держался въ литературѣ Пнинъ. Самыя оды Пнина,—а онъ писалъ оды въ угодность господствующему преданію,—похожи скорѣе на трактаты, въ которыхъ развивается какая-нибудь мысль и при томъ мысль живая, не отвлеченная, и проникнутая тою философіей, которой Пнинъ оставался вѣренъ. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на реторику прошлаго вѣка. Такова, напр., ода его „Человѣкъ“ [2]).

[1]) Свитокъ Музъ, 1803 г. ч. 2, стр. 116—144.
[2]) Брусиловъ, Журналъ Росс. Слов. 1805 г. ч. I, стр. 38—45.

Она замѣчательна и по глубинѣ мысли, и по силѣ выраженія. Кажется, что въ ней Пнинъ, въ противоположность Державину, написавшему свою прославленную оду о Богѣ, въ которой развиваетъ понятіе свое о его всемогуществѣ, желалъ представить идею о всемогуществѣ человѣка, опирающагося только на свои силы, на свой собственный духъ. „Какой умъ слабый, униженный, тебѣ дать имя *червя* смѣлъ?“ — спрашиваетъ поэтъ и отвѣчаетъ, что человѣка могъ назвать червемъ только рабъ несчастный, заключенный, который не имѣлъ чувствъ. Описавъ разнообразную творческую дѣятельность человѣка, названнаго имъ Зиждителемъ, Пнинъ спрашиваетъ: откуда въ человѣкѣ его творческая сила:

„Скажи мнѣ наконецъ· какою
Ты силой свыше вдохновенъ,
Что все съ премудростью такою
Творить ты въ мірѣ наученъ?“

Къ сожалѣнію, отвѣтъ человѣка зачеркнутъ тогдашнимъ цензоромъ, но изъ заключительныхъ стиховъ этой оды видна тайная мысль поэта, что человѣкъ самъ причина всѣхъ дѣлъ своихъ, что трудомъ и опытностью онъ пріобрѣлъ самъ собою мудрость.

Такова и другая его философская ода, еще болѣе замѣчательная по силѣ выраженія „На Правосудіе“, съ эпиграфомъ изъ Гольбаха: „правосудіе есть основаніе всѣхъ общественныхъ добродѣтелей“ [1]). Въ ней также Пнинъ высказывалъ самыя дорогія свои убѣжденія, напр., въ слѣдующей строфѣ:

„Гдѣ ты—тамъ вопль не раздается
Несчастныхъ, брошенныхъ сиротъ;
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобы насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ.
Любуется, смотря на ниву,
Въ ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляетъ твой покровъ“...
Гдѣ ты, тамъ геній просвѣщенья,
Лучами мудрости своей,
Открывъ зловредны заблужденья,
Ведетъ на путь прямой людей.
Науки храмы тамъ имѣютъ,
Художества, искусства зрѣютъ,
Торговля богатитъ народъ,
Тамъ духъ зиждительной свободы,

[1]) Ibid. ч. III, стр. 67—73.

Проникнувъ таинства природы,
Сторичный собираетъ плодъ,

И затѣмъ рисуетъ обратную картину:

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ всѣ несчастны,
Отъ земледѣльца до царя;
Законы дремлютъ и безгласны,
Тамъ всякъ живетъ лишь для себя.
Нѣтъ ни родства, союза, вѣры,
Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры;
Шипятъ пороки и язвятъ;
Тамъ выгодъ нѣтъ быть добрымъ, честнымъ,
Быть другомъ искреннимъ, нелестнымъ,
Тамъ чашу смерти пьетъ Сократъ...

Пнинъ былъ самыхъ свободныхъ убѣжденій насчетъ цензуры: онъ самъ пострадалъ отъ нея. Въ небольшомъ разговорѣ между цензоромъ и сочинителемъ, напечатанномъ уже по смерти его, онъ доказываетъ безполезность и вредъ цензуры. Авторъ приноситъ къ цензору свое сочиненіе, подъ названіемъ „Истина“; цензоръ отказывается пропустить ее, говоря, что „не всякая истина должна быть напечатана“.—„Почему же?“—спрашиваетъ сочинитель. „Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться ему счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобъ ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали“ [1]). Цензоръ, на всѣ доводы сочинителя, защищающаго свою книгу, выставляетъ себя, какъ власть: „Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ“—съ гордостью отвѣчаетъ онъ ему. „А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ“—замѣчаетъ ему сочинитель. „Какая дерзость!“ — послѣднее слово цензора.

Эта замѣчательная по духу и направленію статейка Пнина, вѣроятно, основывалась на его собственномъ горькомъ опытѣ. Въ 1804 г. онъ издалъ книгу, подъ названіемъ „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“. Книга эта, при второмъ ея изданіи, возбудила преслѣдованіе тогдашняго петербургскаго цензурнаго комитета.

Широкая реформа образованія, задуманная правительствомъ и высказанная въ „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣще-

[1]) Ibid. ч. III, стр. 166.

нія", изданныхъ главнымъ правленіемъ училищъ, естественно должна была вызвать сужденія писателей, интересовавшихся этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что реформа касалась такъ близко всей національной жизни. Мы видѣли, что Карамзинъ, въ качествѣ журналиста, ограничился только похвальнымъ отзывомъ объ этомъ предметѣ, сказавъ нѣсколько красивыхъ фразъ, и не пошелъ въ глубину предмета. Не такъ сдѣлалъ Пнинъ; подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, которымъ онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ, подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства своего съ русскою жизнью и ея условіями, онъ взглянулъ на вопросъ просвѣщенія съ соціальной точки зрѣнія. Онъ разсматривалъ подробно, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе, что̀ болѣе всего вызываетъ его и помогаетъ ему, и въ одинаковой ли степени должно оно быть распространяемо между всѣми слоями русскаго общества. Эпиграфомъ своего сочиненія онъ поставилъ слова Шапталя: l'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple, и еще слова: „Блаженны тѣ государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязнено сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное". Эти два положенія составляютъ содержаніе всего сочиненія Пнина и развиваются въ немъ подробно.

Просвѣщеніе народа, по словамъ Пнина, находится въ тѣсной связи съ политическимъ устройствомъ страны, съ образомъ правленія и управленія; нельзя успѣхи образованности измѣрять числомъ ученыхъ и писателей, ибо не въ нихъ заключается просвѣщеніе, а въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ непреложномъ исполненіи долга, лежащаго на каждомъ членѣ государственнаго организма. Такимъ образомъ, авторъ требуетъ нравственнаго содержанія отъ образованія страны и не довольствуется только однимъ наружнымъ видомъ, существованіемъ только извѣстнаго рода заведеній по учебной части, а желаетъ, чтобъ вліяніе ихъ распространялось на жизнь. Переходя къ сословіямъ, изъ которыхъ состоитъ русское общество, Пнинъ говоритъ, что различіе сословій и различіе потребностей каждаго изъ сословій происходитъ первоначально отъ неравенства человѣческихъ силъ. Сословія эти, законныя и неизбѣжныя въ обществѣ, состоятъ изъ четырехъ: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго. Пнинъ для каждаго изъ нихъ предлагаетъ планъ умственнаго и нравственаго образованія. Это раздѣленіе образованія, гдѣ каждое сословіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ образовательныхъ предметовъ, какъ бы навсегда ему предназначенныхъ, и гдѣ сословіе дворянское пользуется, разумѣется, самымъ широкимъ образовательнымъ кругомъ, стояло ниже либеральной программы правительства, которое вовсе не допускало разграниченія образованія по сословіямъ и всѣмъ

и каждому равно дозволяло пользоваться его благами. Какъ вошло это кастическое дѣленіе въ свѣтлую вообще мысль Пнина — не беремся объяснить; развѣ только тѣмъ, что самое дѣло всесословнаго образованія было молодо у насъ.

Законы въ государствѣ, несмотря на все свое многоразличіе, по мнѣнію Пнина, должны стремиться къ одной главной цѣли—охраненію правъ собственности и личной безопасности гражданина. О собственности авторъ говоритъ съ глубокимъ уваженіемъ: „Собственность—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ". Эта мысль о собственности, на которой основываются законы, повела Пнина далѣе къ разсмотрѣнію нравственнаго состоянія русскихъ сословій. Очень неодобрительно отзывается онъ о купцахъ и о гражданскихъ чиновникахъ, доказывая, какъ нужно и тому и другому сословію настоящее образованіе, не щадитъ и системы управленія вообще. Но дольше всего онъ останавливается на состояніи или сословіи земледѣльческомъ, какъ лишенномъ собственности. Это сословіе, по словамъ Пнина, находится въ страдательномъ состояніи, будучи отдано во власть рабовладѣльцевъ, поступающихъ съ подвластными людьми хуже, чѣмъ со скотомъ. Законодательство теперь необходимо должно озаботиться огражденіемъ правъ собственности земледѣльцевъ; безъ этого оно совершенно будетъ лишено возможности образованія. Вы видите, какъ далеко, въ противоположность Карамзину, смотрѣлъ болѣе молодой авторъ „Опыта о просвѣщеніи". Онъ понималъ, что безъ освобожденія отъ крѣпостного состоянія нечего и думать о просвѣщеніи собственно народа, и будущее оправдало его мысли.

ЛЕКЦІЯ XII.

Цензурное дѣло Пнина.—Смерть Пнина.—С.-Петербургскій журналъ.—Мартыновъ.—Сѣверный Вѣстникъ.

Книга Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи", содержаніе которой было передано нами, появилась въ 1804 году, еще до утвержденія цензурнаго устава. Она разошлась очень быстро, и въ томъ же году понадобилось другое изданіе, почему она и представлена была сочинителемъ съ разными дополненіями, сдѣланными, по объясненію самого Пнина цензурѣ, по волѣ Монарха. Но цензура не пропустила второго изданія книги именно за то, что онъ выста-

вилъ въ очень черномъ цвѣтѣ положеніе у насъ крѣпостныхъ. „Авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется, говоритъ цензурный комитетъ, на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ ни собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые наши Монархи усмотрѣли давно его, но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь чрезъ то еще бо̀льшаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу: мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполагаемой имъ цѣли, то-есть къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу“. Это была обыкновенная манера цензурныхъ комитетовъ, продолжавшаяся очень долго, если только они желали, какъ въ этомъ случаѣ, вступать въ объясненіе съ авторомъ. На первыхъ порахъ цензура должна была входить въ эти объясненія, тѣмъ болѣе, что Пнинъ былъ извѣстенъ самому государю, который принималъ участіе въ его сочиненіи. Пнинъ оправдывалъ и защищалъ свой образъ мыслей: „Всякій писатель, пишущій о предметахъ государственныхъ, говорилъ онъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ предусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ“... По его утвержденію онъ не высказалъ въ своей книгѣ ничего противозаконнаго: „Все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе“. Несмотря на оправданія, книга не была дозволена.

Извѣстность и мѣсто въ исторіи русской литературы доставила Пнину его книга, причемъ его таланты, образованіе, убѣжденія и трудолюбіе обѣщали замѣчательнаго писателя. Пнинъ былъ и лично

извѣстенъ императору Александру и, по словамъ его некролога, „былъ осыпанъ благодѣяніями монарха“. Онъ былъ въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ и полонъ разныхъ литературныхъ предпріятій. Кромѣ „Опыта о просвѣщеніи“ Пнинъ оставилъ еще неизданное разсужденіе: „Вопль невинности, отвергаемой закономъ“ и незадолго до смерти писалъ сочиненіе „О возбужденіи патріотизма“ и драму „Велизарій“. Въ 1806 г. онъ имѣлъ намѣреніе издавать журналъ „Народный Вѣстникъ“, программа котораго была уже имъ составлена; сочинитель некролога увѣренъ, что этотъ предполагаемый журналъ „далеко бы оставилъ за собою всѣ журналы, у насъ бывшіе“. Но сильная простуда, обратившаяся въ скоротечную чахотку, быстро унесла его въ могилу, въ сентябрѣ 1805 года.

Пнинъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовью литературныхъ друзей и вообще людей, близко его знавшихъ. Его любили какъ за литературный талантъ, такъ и за нравственныя свойства его характера и убѣжденія. Современники-писатели въ обществѣ литературномъ почтили его память торжественнымъ собраніемъ, на которомъ читали въ честь его и похвальное слово и стихи. По подпискѣ на общія деньги рѣшено было поставить Пнину надгробный памятникъ. Выставляли въ особенности человѣколюбіе Пнина, который, несмотря на свое небогатое состояніе, никогда не отказывалъ въ помощи несчастнымъ, къ нему обращавшимся, и деньгами и совѣтами. Это выражено въ стихахъ 18-лѣтняго Батюшкова, на смерть его:

„Несчастнымъ не одно онъ золото дарилъ,
Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ“ [1])

Скорбь друзей его была непритворна. Что касается до взгляда ихъ на литературныя заслуги Пнина, то и тутъ они правильно смотрѣли на его направленіе: „Пнинъ былъ рожденъ поэтомъ истины, говоритъ другъ его Брусиловъ. Лира его не гремѣла похвалъ лести — онъ хвалилъ иногда; но самая похвала его имѣла на себѣ печать истины. Осыпая похвалами, онъ умѣлъ давать уроки строгой добродѣтели“ [2]).

Для насъ важно литературное направленіе Пнина и характеръ, къ сожалѣнію, весьма немногихъ его литературныхъ произведеній въ томъ отношеніи, что на нихъ и на всемъ его стремленіи отразились идеи современности и пробужденіе жизни Россіи. Была же, слѣдова-

---

[1]) Соврем. 1856 г. № 6, 168—169.
[2]) Журн. Рос. Словесн. ч. 3, стр 61.

тельно, возможность писателю того времени идти по иной, а не Карамзинской только дорогѣ; была возможность, сочувствуя искренно начатымъ и задуманнымъ преобразованіямъ при Александрѣ, вести впередъ общество, развивая его правильнымъ образомъ и указывая настоящій путь прогресса. Къ сожалѣнію, прогрессивныя идеи времени въ періодической литературѣ, послѣ ранней смерти Пнина, не нашли себѣ сколько-нибудь талантливаго истолкователя, писателя съ литературнымъ именемъ и вліяніемъ. Петербургскіе журналы первыхъ годовъ царствованія Александра, въ которыхъ замѣтнѣе это прогрессивное направленіе, не были богаты литературными талантами, и зато тѣмъ сильнѣе господствовало и нравственное и литературное вліяніе на общество Карамзина.

Не надобно однакожъ придавать большого значенія этому прогрессивному направленію петербургскихъ журналовъ того времени... И желанія и надежды ихъ были очень скромны, никакъ не выходили изъ рамокъ цензуры и не шли дальше того, что̀ обѣщало и вызывало само правительство. Отъ него одного они ждали всякаго развитія и улучшенія жизни: уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія цензуры, освобожденія или, по крайней мѣрѣ, улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, лучшаго устройства безгласнаго, окруженнаго тайною суда и по крайней мѣрѣ печатанія рѣшеній по важнымъ тяжебнымъ дѣламъ, что̀ во Франціи дѣлалось гораздо прежде революціи, и наконецъ,—весьма понятное желаніе—лучшаго, болѣе разумнаго и мягкаго устройства административной власти, которая отличалась крайнимъ произволомъ. Всего этого желало и само правительство Александра, а потому искать въ тогдашней періодической печати какихъ-нибудь оппозиціонныхъ элементовъ или того, что̀ называется теперь „разнузданностью“ мысли, было бы очень несправедливо. Либерализмъ журналовъ былъ мягкій и сдержанный, при всякой мысли, казавшейся самимъ издателямъ смѣлою, они старались оговориться и объяснить, чего собственно они хотятъ. Но, къ сожалѣнію, и тогда были въ обществѣ люди, была партія, которая и въ этомъ робкомъ развитіи мысли видѣла или подозрѣвала опасность и хотѣла его остановить.

Правительство само желало гласности. Это доказывается тѣмъ, что послѣ образованія министерствъ и по введеніи цензурнаго устава, два министерства начали свои повременныя изданія, въ которыхъ хотѣли дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ обществу. Съ 1803 года министерство народнаго просвѣщенія начало свой журналъ, подъ названіемъ „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, редакторомъ котораго былъ первоначально академикъ Озерецковскій. Журналъ этотъ сообщалъ всѣ сколько-нибудь замѣчательные факты изъ исторіи тогдашнихъ университетовъ

и другихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, подмѣчалъ и отношеніе къ нимъ общества, такъ что служитъ хорошимъ сборникомъ матеріаловъ для исторіи нашего просвѣщенія въ царствованіе Александра.

Гораздо однако былъ замѣчательнѣе органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, обязанный, безъ сомнѣнія, своимъ существованіемъ мысли самого министра—Кочубея, друга государя. Это былъ „С.-Петербургскій Журналъ", выходившій ежемѣсячно и просуществовавшій въ первоначальномъ видѣ своемъ съ 1804 по конецъ 1809 года. Ежемѣсячное появленіе книжекъ журнала объясняется, по словамъ издателей, необходимостью давать публикѣ отчетъ, что̀ сдѣлано въ теченіе мѣсяца. Въ журналѣ было два отдѣла. Первый былъ собственно оффиціальный, но гораздо шире того, что̀ разумѣлось подъ этимъ именемъ потомъ. Онъ посвященъ былъ „разнымъ учрежденіямъ по министерству внутреннихъ дѣлъ", и все, что̀ дѣлалось въ этой области, начиная съ Высочайшихъ указовъ и другихъ дѣйствій и мѣръ правительства, до мелкихъ пожертвованій разныхъ лицъ по губерніямъ,—печаталось въ этомъ отдѣлѣ. Публика знакомилась здѣсь подробно съ теченіемъ дѣлъ. Второй отдѣлъ журнала составленъ былъ „изъ разныхъ сочиненій и переводовъ, вообще къ предметамъ управленія принадлежащихъ". Здѣсь, въ теченіе шести лѣтъ, обращено было вниманіе на весьма многіе предметы государственнаго управленія вообще, преимущественно однако на тѣ, которые входятъ въ область министерства внутреннихъ дѣлъ. Большею частью были это переводы извѣстныхъ писателей, авторитетовъ въ государственномъ управленіи. Статьи, имѣвшія отношеніе собственно къ Россіи, историческаго и географическаго содержанія, писанныя русскими, появлялись мало и то не въ первый годъ существованія журнала. Статьи переводныя были большею частью отрывки, но онѣ очень важны по содержанію и по желанію издателей примѣнить основанія ихъ къ русской государственной жизни. Въ самой первой книгѣ журнала помѣщены „Мысли, почерпнутыя изъ политическихъ разсужденій Бакона", съ краткою его біографіею. Издатели говорятъ съ уваженіемъ о творцѣ новой философіи и антагонистѣ схоластиковъ. Они согласны, что „политическія мнѣнія со времени его весьма много измѣнились", но находятъ, что „читателямъ не непріятно будетъ возобновить въ памяти сего славнаго человѣка, болѣе именемъ, нежели твореніями своими вообще нынѣ извѣстнаго". Особеннымъ уваженіемъ со стороны издателей пользовались сочиненія извѣстнаго англійскаго политическаго писателя *Бентама*, который при Екатеринѣ былъ въ Россіи. Въ 1802 году его сочиненія вышли во французскомъ переводѣ Дюмона и отсюда брали переводы свои на русскій языкъ издатели *„С.-Петербургскаго Журнала"* и другіе поклонники Бен-

тама въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ [1]). Дюмонъ, въ началѣ царствованія Александра, самъ былъ въ Петербургѣ и оставилъ любопытныя замѣтки о дѣлахъ и о лицахъ того времени. Изъ Бентама издатели журнала министерства внутреннихъ дѣлъ перевели мысли „О пользѣ обнародованія отчетовъ“ (1804 г. № 1), „О распространеніи познанія законовъ“, „О пользѣ просвѣщенія“, „О свободѣ книгопечатанія“, на которую однако помѣщено возраженіе, вооружающееся противъ безусловной свободы печати (№ 2), „О необходимости утверждать законы на причинахъ“ (№ 6), „О безопасности“ (№ 11), „Паноптика или новый образъ устроенія тюремныхъ зданій“, въ переводѣ Мартынова (1806 г. №№ 7—11). Издателей интересовали сужденія европейскихъ мыслителей по такимъ вопросамъ государственнаго устройства, которые требовали тогда у насъ рѣшенія, напр., объ общественной благотворительности, о госпиталяхъ, о тюрьмахъ, о полиціи, о привилегіяхъ, торговлѣ, вопросы финансовые и экономическіе и т. п. Обо всемъ этомъ сообщались мысли замѣчательныхъ современныхъ европейскихъ писателей. Вопросъ объ устройствѣ государства занималъ даже исторически; изложены были теоріи древнихъ философовъ объ этомъ предметѣ и даже Платонова республика. Было нѣсколько отрывковъ чисто историческаго содержанія.

Въ 1807 году, во время войны съ французами, напечатано было „разсужденіе одного англичанина о вліяніи французской революціи на мысли и поведеніе его соотечественниковъ“ (№№ 2 и 3), гдѣ дѣлается сильное нападеніе на революцію съ точки зрѣнія нравственности, и издатели прибавляютъ отъ себя, что эти нападенія можно отнести и не къ одной Англіи, а и къ другимъ государствамъ. Издатели вызывали любителей принять участіе въ ихъ журналѣ и присылать статьи, но такихъ нашлось очень немного. Можно указать развѣ на письмо, касавшееся одного изъ крупныхъ злоупотребленій того времени, именно *продажи людей въ рекруты*, въ чемъ участвовали главнымъ образомъ помѣщики (1804 г. № 7). Таково общее содержаніе журнала. Статьи его затрогивали важные вопросы внутренней политики и внутренняго устройства государства.

Цѣль издателей—познакомить общество съ лучшими европейскими мнѣніями и взглядами на эти вопросы, и если, конечно, статьи эти мало распространялись въ обществѣ того времени, не привыкшемъ ни думать, ни знать о своихъ нуждахъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ обязаны были читать лица оффиціальнаго міра — чиновники. Нельзя не замѣтить въ этомъ журналѣ желанія, принадлежавшаго самому правительству, содѣйствовать общественному образованію

[1]) *Пыпинъ*, „Русскія отношенія Бентама“. Вѣстн. Евр. 1869 г. Февраль, стр. 783—820.

и развитію общественнаго мнѣнія. Журналъ этотъ былъ замѣченъ и Жозефомъ де Местромъ. Онъ удивляется и обширности программы его и гласности. Говоря о первомъ отчетѣ Кочубея императору, этотъ писатель называетъ его документомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. „Все въ немъ раскрыто: и хорошее и дурное, даже небольшія частныя возмущенія, вызванныя неудовольствіемъ; все въ немъ выставлено на чистоту“ [1]). На изданіе журнала было ассигновано 6000 рублей.

Изъ журналовъ, которые стали появляться съ 1804 года въ Петербургѣ и въ которыхъ сохранялось прогрессивное направленіе, больше другихъ заслуживаетъ вниманія „Сѣверный Вѣстникъ“, издававшійся въ 1804 и 1805 годахъ *Мартыновымъ*. Этотъ писатель, извѣстный впослѣдствіи, какъ переводчикъ греческихъ классическихъ авторовъ, родился въ 1771 году въ Полтавской губерніи и, происходя изъ духовнаго сословія, получилъ образованіе въ Полтавской семинаріи, гдѣ въ особенности такъ хорошо изучилъ древне-греческій языкъ, что по окончаніи курса сдѣлался тутъ же преподавателемъ его. Въ 1788 году, вмѣстѣ съ товарищами своими, сдѣлавшимися потомъ извѣстными въ литературѣ, Илличевскимъ и Котляревскимъ (переводчикомъ на изнанку на малороссійское нарѣчіе Энеиды), Мартыновъ отправился въ С.-Петербургскую Александро-Невскую семинарію для приготовленія къ учительскому званію. Въ числѣ товарищей Мартынова, одновременно прибывшихъ изъ губернскихъ семинарій для той же цѣли по указу Екатерины въ Петербургъ, былъ и Сперанскій. Съ этого времени завязалась между ними дружба, и Сперанскій, быстро выдвинувшійся впередъ своими необычайными талантами, много способствовалъ потомъ и служебной карьерѣ своего пріятеля. Мартыновъ отличался сильною любознательностью и, занимаясь въ Александро-Невской семинаріи, находилъ время ходить пѣшкомъ почти чрезъ цѣлый Петербургъ въ Академію Наукъ—слушать тамъ лекціи по естественнымъ наукамъ, которыя были любимымъ занятіемъ его, наравнѣ съ греческими классиками, до самой смерти его. Въ 1792 году, въ одно время съ Сперанскимъ, Мартыновъ сдѣлался въ семинаріи преподавателемъ греческаго языка и тогда же пустился въ литературу, начавъ печатать стихи свои въ журналѣ Крылова и Клушина „С.-Петербургскій Меркурій“, а подъ конецъ 1793 года даже завѣдывалъ этимъ журналомъ. Съ большимъ трудомъ въ 1795 году удалось Мартынову выйти изъ духовнаго вѣдомства и поступить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1796 году онъ издаетъ уже свой собственный журналъ „Муза“, а на слѣдующій

[1]) Русск. Арх. 1871 г. № 6, стр. 67.

годъ поступаетъ учителемъ въ разныя женскія учебныя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ императрицы. Тогда же знанія языковъ, разнообразныя свѣдѣнія и дарованія сдѣлали Мартынова извѣстнымъ Александру, еще наслѣднику престола. Онъ и молодые друзья его рѣшили издать на русскомъ языкѣ нѣсколько извѣстныхъ сочиненій по политической экономіи; переводъ порученъ былъ Мартынову. Имъ переведено было, согласно его собственнымъ запискамъ, три части сочиненія англійскаго экономиста Стюарта, впрочемъ съ французскаго: Récherches sur l'économie politique, шесть частей сочиненія Кондорсе—Bibliotheque de l'homme publique и сочиненіе Верри: Economie politique. Всѣ эти переводы были напечатаны потомъ только въ отрывкахъ.

Царствованіе Александра подвинуло Мартынова впередъ по служебной карьерѣ. При образованіи министерствъ Муравьевъ и Сперанскій рекомендовали его графу Завадовскому, и въ 1803 году Мартыновъ былъ назначенъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи очень много сдѣлалъ для организаціи новаго министерства, особенно послѣ того, какъ сдѣлался правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ. Но Мартыновъ не покидалъ однако науки, и въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, открытомъ тогда вмѣсто университета, читалъ лекціи эстетики, на которыя, до самаго конца курса, собиралось много слушателей [1]).

Изданіе журналовъ „Сѣверный Вѣстникъ“ въ 1804 и 1805 гг. и потомъ „Лицей“—въ 1806 году могло быть предпринято Мартыновымъ только съ денежною помощью отъ правительства; иначе едва ли бы онъ былъ въ состояніи издавать; по широтѣ программы, по таланту исполненія, они далеко уступаютъ журналу Карамзина. Отдѣла политическаго здѣсь вовсе не было, критика была слаба, какъ и во всѣхъ журналахъ того времени; ея главное достоинство заключалось въ томъ, что она стояла за новый слогъ противъ нападеній Шишкова. Главное содержаніе журналовъ Мартынова, какъ и слѣдовало ожидать отъ директора департамента народнаго просвѣщенія, было просвѣщеніе и вообще наука. Здѣсь не только развивались общія понятія о просвѣщеніи, которое еще надобно было защищать отъ нападеній тогдашнихъ обскурантовъ, но сообщались свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ явленіяхъ въ области науки и просвѣщенія, печатались извѣстія о засѣданіяхъ разныхъ академій и ученыхъ обществъ, какъ нашихъ, такъ и заграничныхъ. Беллетристическій отдѣлъ состоялъ преимущественно изъ стиховъ. Если не было въ журналѣ политики, то взглядъ Мартынова выражался въ этомъ отно-

[1]) Колбасинъ, *Современникъ* 1856 г., №№ 3 и 4.

шеніи въ переводахъ изъ Тацита, Гиббона, Монтескье, Гольбаха и другихъ, и въ уваженіи къ государственному устройству Англіи, гдѣ авторъ доходитъ даже до аристократическихъ тенденцій. Такъ, въ статьѣ „Опытъ о Великобританіи“ [1]), неизвѣстный авторъ ея приходитъ въ восторгъ отъ англійской аристократіи, которая создала патріотизмъ, непреодолимую любовь къ своей родинѣ британца. Патріотизмъ британца имѣетъ однако особенныя основанія. „Британецъ привязанъ къ своему государю, говоритъ авторъ, потому что онъ участвуетъ съ нимъ въ постановленіи законовъ, столь ему полезныхъ, и потому что исполнительная власть сей главы его отечества, приводящая все въ стройное движеніе, есть власть для каждаго подданнаго любезная, творящая единое благо“... „Британецъ любитъ своихъ перовъ или преимущественныхъ главъ дворянскихъ семействъ, потому что они раздѣляютъ съ нимъ трудъ въ народныхъ постановленіяхъ, потому что существуетъ *одинъ законъ* для всѣхъ состояній“ и пр.

Любовь къ родинѣ англичанъ есть источникъ того блестящаго положенія, въ которомъ находится Англія. Съ восторгомъ говоритъ авторъ *о конституціи* англійской, объ этихъ „священныхъ, твердыхъ постановленіяхъ для народо-управленія и производства правосудія“. Обращаясь къ Россіи, авторъ говоритъ о ея будущемъ величіи, но прибавляетъ, что она „никогда не достигнетъ до него существенно *безъ временныхъ измѣненій въ порядкѣ* народо-управленія, въ преимуществахъ и правахъ, и безъ живительнаго патріотизма *преимуществующаго* (т.-е. аристократическаго) состоянія народа“. Это далеко не былъ status quo Карамзина. Описавъ физическое и политическое могущество Россіи, неизвѣстный авторъ спрашиваетъ, отчего бы и въ ней патріотизмъ не принесъ такой же пользы, какъ въ Англіи? Къ сожалѣнію, онъ не видитъ на своей родинѣ патріотизма и съ горькимъ упрекомъ обращается къ сынамъ Россіи: „Россіяне чужды народнаго честолюбія и славы; они, въ низкое угожденіе мимоходящимъ пришлецамъ, слагаютъ обезображенные стихи на полуиностранномъ языкѣ и небрегутъ оградить себя отъ той укоризны, которая начертается на самихъ могилахъ ихъ негодованіемъ истинныхъ сыновъ Россіи; небрегутъ оградить себя отъ такой укоризны, которая произведетъ живую скорбь въ сердцахъ дѣтей ихъ. Теперь служатъ они предметами скрытой насмѣшки Галловъ, а со временемъ будутъ они предметы гнѣва и презрѣнія самыхъ чадъ своихъ“. Какъ поправить это зло? Перемѣны должны быть сдѣланы радикальныя: „Правленію надлежитъ принимать не робкія, но дальновидныя и великодушныя мѣры“. Авторъ требуетъ у насъ созданія ари-

[1]) Сѣв. Вѣстн. 1805 г. № 2, стр. 150—156 и № 3, стр. 247—260.

стократіи, въ родѣ англійской, требуетъ „положить преграды пагубному размноженію для государства дворянъ“. Затѣмъ „законы должны быть для всѣхъ состояній равные и непоколебимые“. О крѣпостномъ состояніи говорится только темнымъ намекомъ: „рогатый скотъ, овцы, лошади *и прочія*, находясь въ чьемъ-либо исключительномъ владѣніи“... Но вредъ крѣпостного состоянія высказанъ журналомъ въ живомъ примѣрѣ. Кто-то сообщилъ объ игрѣ московскихъ актеровъ. Между ними была замѣчательная актриса Баранчеева, но она была крѣпостная... „Можетъ ли Баранчеева, при хорошихъ способностяхъ, быть хорошею актрисою?“ — спрашиваетъ авторъ — „пусть другой разсудитъ, а не я. Заключи Рубенса, Гаррика, Дица въ крѣпость, — они не были бы славою своего отечества“ [1]). Кѣмъ былъ написанъ панегирикъ Англіи и рекомендовалось аристократическое устройство государства, однако на свободномъ, конституціонномъ развитіи,—мы не знаемъ. Поклонникомъ англійской конституціи былъ у насъ въ то время Новосильцевъ; уваженіе къ англійской формѣ проглядываетъ и въ законодательномъ проектѣ Сперанскаго; многіе были не прочь отъ нея.

Главная и первая задача „Сѣвернаго Вѣстника“ было желаніе усовершенствовать воспитаніе и утвердить на прочныхъ основаніяхъ только что начавшееся въ государствѣ просвѣщеніе, у котораго естественно было въ то время много враговъ. Наука и разумъ имѣли тогда много дѣйствительныхъ враговъ, особенно между тѣми, которые связывали французскую революцію съ широкимъ и свободнымъ развитіемъ мысли въ XVIII вѣкѣ. „Привыкли мы уже слышать нареканіе, говоритъ издатель журнала, что просвѣщеніе въ наши дни произвело на Западѣ страшныя неустройства. Не оно, а невниманіе къ нему“. Сколько разъ приходилось повторять эту избитую мысль, но тогда она была еще новостью.

ЛЕКЦІЯ XIII.

Журналы: «Лицей», «Журналъ Россійской Словесности», «Журналъ для пользы и удовольствія».—Макаровъ и его журналъ.

Журналъ Мартынова „Сѣверный Вѣстникъ“ долженъ былъ защищать образованіе противъ тѣхъ враговъ, которыхъ у него было такъ много въ обществѣ, долженъ былъ и объяснять его значеніе и свойства. Журналъ этотъ хотѣлъ воспитанія, основаннаго на твердыхъ

[1]) Сѣв. Вѣстн. 1804 г., ч. I, стр. 387.

правилахъ. И онъ, подобно Пнину, предполагалъ извѣстныя границы образованія, сообразно сословіямъ въ государствѣ: „Чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствій какого состоянія, либо лица, тѣмъ болѣе и обширнѣе надлежитъ быть ихъ познаніямъ; чѣмъ ограниченнѣе сей кругъ, тѣмъ менѣе могутъ приносить пользы такія познанія, которыхъ имъ ни на что употребить не можно“ [1]). Любопытна полемика Мартынова противъ тѣхъ внутреннихъ враговъ нашего просвѣщенія, которые, допуская науку и образованіе по необходимости, хотѣли однако ослабить вредныя дѣйствія ихъ такимъ родомъ ученія, формальнымъ, однообразнымъ, который не допускалъ бы въ человѣкѣ ни малѣйшаго признака саморазвитія и свободной мысли, пришедшей извнѣ. Авторъ такого проекта [2]) требовалъ, чтобъ въ школы введена была единообразная и неизмѣнная метода, чтобъ учащіеся въ духовномъ отношеніи, т.-е. въ свѣдѣніяхъ и мысляхъ своихъ, представляли изъ себя нѣчто похожее на эскадронъ или полкъ, гдѣ каждый солдатъ пригнанъ къ другому. Тогда, какъ въ военномъ дѣлѣ, можно будетъ взыскивать только съ учителей, а не съ учениковъ, и надзоръ за первыми гораздо важнѣе. Какъ дикъ былъ взглядъ этого составителя проекта, видно изъ слѣдующей замѣтки его: „Отъ чего въ аглинскомъ парламентѣ большая часть узаконеній всегда почти бываютъ оспариваемы? Отъ чего между судьями объ одномъ дѣлѣ и по однимъ законамъ бываютъ разныя мнѣнія? Отъ чего между учеными объ одной наукѣ разныя утвержденія, причиняющія не одни споры, но великія и вредныя ссоры?.. Главная сему причина недостатокъ единообразнаго ученія отъ разномысленныхъ учителей“... [3]). Вотъ противъ чего приходилось спорить, какія простыя истины доказывать тому, кто бралъ на себя защиту просвѣщенія.

Другая мысль, которая довольно часто встрѣчается на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“, есть мысль о необходимости лучшихъ законовъ. И здѣсь журналъ не опережалъ правительства, а только шелъ за нимъ, развивалъ его намѣренія. „Общества человѣческія, говорилъ журналъ, подобно тѣламъ естественнымъ, подвержены перемѣнамъ, слѣдовательно, одни и тѣ же законы не могутъ приличествовать имъ въ разныхъ обстоятельствахъ“. Это не естественные законы, которые всегда и вездѣ остаются непреложными и неизмѣняемыми. Законы должны совершенствоваться, и журналъ требуетъ у насъ лучшихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и особенно суда. „Благо гражданскихъ обществъ, благо государствъ основывается на мудромъ

---

[1]) 1804 г. ч. I, стр. 4.
[2]) 1804 г., ч. I, стр. 39 сл.
[3]) Ibid. 48.

законодательствѣ; безъ онаго никакой народъ, никакое государство не можетъ быть благополучнымъ“ [1]). Журналъ стоялъ отчасти и за свободу печати и подавалъ такимъ образомъ голосъ, въ одномъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ современности, за прогрессъ. Въ немъ было напечатано „мнѣніе шведскаго короля Густава III о вольности книгопечатанія“ [2]). Мнѣніе это вполнѣ благопріятно свободѣ печати и доказываетъ благородный образъ мыслей короля, который принадлежалъ къ коронованнымъ лицамъ XVIII вѣка, раздѣлявшимъ убѣжденія тогдашней философіи и желавшимъ проводить ихъ въ жизнь государственную. Густавъ III особенно указываетъ на то, что публика должна знать все производство дѣлъ въ судахъ и всѣ приговоры, и переводчикъ въ этомъ мѣстѣ отъ себя дѣлаетъ примѣчаніе о необходимости обнародованія судебныхъ приговоровъ въ полномъ ихъ видѣ. Указъ 8 сентября 1802 года о краткомъ объявленіи въ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ дѣлахъ—не удовлетворяетъ его. Онъ желаетъ журнала съ полными приговорами, въ видѣ „Памятника Россійскаго правосудія“. „Поистинѣ, какой бы можно было ожидать пользы, говоритъ онъ, если бы публикѣ извѣстны были всякіе приговоры, а особливо по дѣламъ уголовнымъ! Судья, подписывающій рѣшеніе судьбы равнаго, а часто высшаго его степенемъ согражданина, подвергнувшаго себя суду, съ трепетомъ и съ чистою совѣстію принимался бы за перо, зная, что дѣло его, вмѣсто того, чтобы быть въ забвеніи въ архивѣ, извѣстно будетъ свѣту и потомству“.

Второй журналъ Мартынова „Лицей“, издававшійся имъ въ 1806 году, тоже съ пособіемъ отъ правительства, гораздо менѣе замѣчателенъ, чѣмъ прежній, несмотря на то, что въ немъ появлялись политическія извѣстія. Эти послѣднія чрезвычайно кратки и скудны; видно, что политика было непривычное дѣло для издателя и онъ не помѣстилъ даже ни одного политическаго обозрѣнія.

Несправедливо было бы предъявлять журналу того времени большія требованія и ожидать того, чего онъ не былъ въ состояніи дать. Въ этихъ журналахъ читателя настоящаго времени, ищущаго въ нихъ мысли и направленія прошлаго, поражаетъ вообще и бѣдность общественной мысли, и бѣдность реальнаго, чисто русскаго содержанія, и недостатокъ образованія, и скудость таланта. Все это разумѣется соотвѣтствовало характеру государственной жизни, недостатку самодѣятельности въ обществѣ и ничтожности интересовъ въ немъ. Такъ же слабъ, какъ „Сѣверный Вѣстникъ“, въ которомъ статьи и съ обществен-

---

[1]) Ibid. 1, 194.

[2]) 1804 г., ч. 3, стр. 201—206.

ными вопросами попадались весьма рѣдко и случайно, былъ уже упомянутый мною „Журналъ Россійской словесности“, выходившій въ 1805 году, подъ редакціей Брусилова, и наполнявшійся большею частью статьями самого редактора. Кто былъ этотъ Брусиловъ, неизвѣстно: о немъ кромѣ того, что онъ былъ друженъ съ Пнинымъ и былъ членомъ литературнаго общества, мы ничего не знаемъ. Видно, что въ литературѣ онъ былъ человѣкъ случайный, и имя его потомъ исчезаетъ совершенно безъ слѣда. Журналу придавало нѣкоторую жизнь участіе въ немъ Пнина, но статьи, въ немъ помѣщенныя, не имѣютъ общаго характера и направленія. Если что было въ немъ живого и имѣвшаго близкое и современное отношеніе къ обществу, такъ это было нападеніе на французское воспитаніе высшаго класса общества у насъ. Такого содержанія „Письмо деревенскаго жителя о воспитаніи“ [1]). „Нельзя безъ прискорбія видѣть, говоритъ авторъ, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ иностранцевъ, что оно ввѣряется у насъ бродягамъ, людямъ распутнымъ, зараженнымъ якобинскими правилами, вредными не только благоустроенному правительству, но и самому человѣчеству; часто, очень часто наставники сіи не имѣютъ понятія о чести и добродѣтели!“ Отсюда недостатокъ въ воспитанникахъ этихъ людей патріотизма, о которомъ тогда много было вообще говорено, тѣмъ болѣе, что уже начиналась наша борьба съ Наполеономъ: „Чему удивляться, что они всѣмъ своимъ пренебрегаютъ, когда, такъ сказать, съ молокомъ еще вперена въ нихъ мысль, что Россія есть земля варварская, обиталище суевѣрія и невѣжества?“ Отсюда и эта безумная расточительность, это незнаніе цѣны денегъ, которымъ отличалось дворянство того времени, наслаждавшееся жизнью на деньги, добытыя кровавымъ трудомъ крѣпостныхъ. „Если бы помышляли они о томъ, съ какою трудностію добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, если бы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдаютъ иногда послѣднее рубище для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему, можетъ быть, на какія-нибудь моды“, и проч. Сочувствіе къ крестьянамъ проглядываетъ и въ другихъ статьяхъ журнала, но очень неопредѣленно. Зато ясно высказывается сочувствіе къ свободному направленію тогдашняго правительства. Такова басня, кажется, одна изъ первыхъ басенъ плодовитаго потомъ баснописца и издателя журнала А. Е. Измайлова: „Истина во дворцѣ“. Однажды въ чертогъ къ царю забралась нагая истина и всѣ обрушились на нее съ негодованіемъ, призвали стражу и выгнали бѣдную истину изъ дворца. Въ другой разъ истина поступила гораздо благоразумнѣе: она пришла во дворецъ въ одеждѣ *вымысла* и царь плѣнился ею и послушался ея рѣчей.

---

[1]) I, стр. 9—28.

„Счастлива та страна, въ которой кроткій Царь
Правдиво говорить себѣ не запрещаетъ!
Счастливѣй мы стократъ; нашъ ангелъ Государь
Не только истину въ чертогъ себѣ пускаетъ,
Но даже ищетъ самъ ее“ [1]).

Все это отличалось большою невинностью, но все же въ петербургскихъ журналахъ того времени, напр., даже въ такомъ пустомъ и ничтожномъ, какъ издававшійся на 1805 годъ Варенцовымъ „Журналъ для пользы и удовольствія“ можно было найти статьи политическаго содержанія. Такъ, въ немъ помѣщенъ переводъ изъ Рейналя о конституціонномъ правленіи въ Англіи [2]).

Такова была въ началѣ царствованія Александра русская журналистика. Первый толчекъ ей данъ былъ Карамзинымъ и, конечно, духомъ новаго времени и реформами, замышляемыми правительствомъ. Съ ея стороны мы замѣчаемъ стремленіе понять это новое направленіе и разглядѣть, что̀ нужно странѣ. Но это было только безплодное стремленіе, хотя и похвальное въ сущности. Журналистикѣ недоставало очень многаго, а главное, самостоятельной мысли и жизни въ обществѣ, безъ чего она невозможна. Все же въ петербургскихъ журналахъ замѣчалось больше современности и движенія впередъ, чѣмъ въ московскихъ. Послѣдніе, изъ всего содержанія дѣятельности Карамзина, развивали болѣе всего *сентиментальность*. Къ числу первыхъ и болѣе другихъ даровитыхъ поклонниковъ и подражателей литературной дѣятельности Карамзина надобно отнести Петра Ивановича *Макарова*, который и писателемъ явился, кажется, только изъ подражанія прославленному литератору своего времени, а потому совершенно случайно. По крайней мѣрѣ, онъ нисколько не былъ приготовленъ къ авторской дѣятельности [3]). Современники оставили о немъ отрывочныя замѣтки, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ и отличавшемся многими странностями, но въ чемъ состояли онѣ, неизвѣстно. Краткое свѣдѣніе о его жизни было написано М. А. Дмитріевымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, и не даетъ о немъ никакихъ особенныхъ свѣдѣній. Макаровъ родился въ одинъ годъ съ Карамзинымъ и, подобно ему, принадлежалъ къ дворянскому сословію. Отецъ его былъ богатый казанскій помѣщикъ и исправлялъ должность губернскаго предводителя дворянства во время Пугачевскаго бунта. Какъ, чему и гдѣ учился молодой Макаровъ,—намъ неизвѣ-

---

[1]) I, стр 51.

[2]) I, стр. 183—211.

[3]) *Геннади*. „Макаровъ и его журналъ Московскій Меркурій“. *Соврем.* 1854 г., т. XLVII, № 10, Отд. III, 65—94.

стно, хотя біографъ и говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „прилежность и, можно сказать, страсть къ ученію сдѣлали его извѣстнымъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ“ [1]). Военная служба, въ которую онъ долженъ былъ вступить по исконному дворянскому обычаю, была, какъ извѣстно, очень облегчена во время Екатерины. Макаровъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ артиллерію и состоялъ или числился въ тѣхъ ротахъ, которыя постоянно находились въ Казани. Служба проходила удобно и спокойно. Дослужившись до чина поручика, Макаровъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Кажется, что около этого времени умеръ отецъ его, и Макаровъ, оставшись на свободѣ, повелъ въ столицѣ веселую жизнь и въ кругу кутящей военной молодежи того времени прожилъ почти все свое состояніе. У него осталась одна небольшая деревенька; все остальное было продано на уплату долговъ. Макаровъ вышелъ въ отставку, но на одномъ мѣстѣ не остался. Въ 1795 году онъ предпринимаетъ путешествіе въ Англію. Какая цѣль была этого странствованія и почему онъ выбралъ именно эту страну, ни языка, ни обычаевъ которой онъ не зналъ,—мы ничего не знаемъ. Вѣроятно, однако, что „Письма русскаго путешественника“ имѣли большую долю вліянія на воображеніе молодого Макарова, и онъ представлялъ себя сентиментальнымъ путешественникомъ, любимымъ типомъ времени.

Памятникомъ этого путешествія Макарова въ Англію остались письма его къ друзьямъ о Лондонѣ, подъ названіемъ „Россіянинъ въ Лондонѣ“, помѣщенныя частью въ „Московскомъ Меркуріи“, частью въ „Вѣстникѣ Европы“ 1804 года, издателемъ котораго онъ сдѣлался послѣ Карамзина, впрочемъ на очень короткое время. Письма эти написаны, очевидно, въ подражаніе Карамзину, хотя Макаровъ подражалъ болѣе слогу послѣдняго. О характерѣ этого путешествія самъ Макаровъ говоритъ, что онъ предпринялъ его „безъ рекомендательныхъ писемъ, безъ товарища, не зная англинскаго языка, и безъ денегъ“ [2]). Очутившись, такимъ образомъ, въ огромномъ незнакомомъ городѣ, путешественникъ обратился за помощью къ священнику русскаго посольства. Тотъ, дѣйствительно, помогъ ему и устроилъ его жизнь въ Лондонѣ. Макаровъ принялся изучать Лондонъ; городъ ему понравился. Онъ остался имъ вполнѣ доволенъ. „Начиная отъ земледѣльческихъ инструментовъ, говоритъ онъ, до самыхъ дорогихъ часовъ, отъ собаки, барана и быка до верховой лошади, отъ сапоговъ, которые носитъ слуга, до металла, блистающаго на прелестной груди молодой леди, отъ стола или стула бѣднаго мѣщанина до велико-

---

[1]) Сочиненія и переводы Макарова. М. 1817. Предисловіе.

[2]) Моск. Мерк. I, стр. 28.

лѣпныхъ уборовъ богача—здѣсь все хорошо“ [1]). Изъ этихъ словъ Макарова видно, что онъ обращалъ вниманіе только на внѣшнюю сторону лондонской жизни. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ замѣтку, что жизнь въ Лондонѣ дешевле московской и петербургской, и старается доказать это исчисленіемъ своихъ расходовъ. Нравится ему также и то, что въ Англію можно пріѣхать безъ всякаго паспорта, что, по его словамъ, правительство принимаетъ тамъ всякаго иностранца какъ *гостя*, какъ *добраго человѣка;* не дѣлаетъ ему никакихъ допросовъ, не оскорбляетъ его никакимъ подозрѣніемъ. Главный предметъ, который больше прочаго занималъ Макарова въ Лондонѣ, были женщины, и притомъ такія, съ которыми ему легче было познакомиться, это именно тѣ, которыхъ онъ попросту называетъ *дѣвками*, и которыя, по ихъ техническому выраженію въ Лондонѣ, *обязываются на вечеръ*“. Макаровъ довольно подробно и съ увлеченіемъ описываетъ ихъ. Надобно замѣтить, что эта сторона жизни европейскихъ столицъ составляла вообще главный предметъ наблюденій нашихъ богатыхъ заграничныхъ путешественниковъ, а въ Карамзинѣ и его школѣ, несмотря на всю ея сентиментальность и меланхолію, чувственная сторона была довольно сильно развита. Самъ Карамзинъ даже въ „Вѣстникѣ Европы“ началъ было писать романъ или повѣсть, подъ названіемъ „Герой нашего времени“, на которой слишкомъ замѣтно вліяніе знаменитаго романа Луве „Фобласъ“, а послѣдователи Карамзина довели это содержаніе до крайностей и уродства. У Макарова была значительно развита эта сторона карамзинскаго направленія въ его „Меркуріи“. Онъ замѣчаетъ, напр., слабое развитіе у насъ литературы и ищетъ причины этого явленія: „Въ числѣ обстоятельствъ, которыя донынѣ препятствовали успѣхамъ нашей литературы, говоритъ онъ, вполнѣ справедливо можно, кажется, полагать еще и то, что у насъ молодой человѣкъ весьма рано перестаетъ учиться, и по вступленіи въ свѣтъ не имѣетъ уже никакой побудительной причины обогащать ума своего: общества, которыя онъ посѣщаетъ, не требуютъ отъ него знаній; видъ пользы отдаленной слабо дѣйствуетъ на его сердце, оно наслаждается только удовольствіями настоящаго времени“ [2]). Разсматривая успѣхи и развитіе французской литературы въ XVIII вѣкѣ, Макаровъ все это развитіе приписываетъ вліянію образованныхъ женщинъ и тѣмъ литературнымъ салонамъ знаменитыхъ дамъ, въ которыхъ сосредоточивалось движеніе мысли. Онъ желаетъ того же и нашему обществу: „Если бы наши дамы выдумали подражать сему примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ заставили бы

---

[1]) Соч. и Пер. изд. 2, т. II, ч. III, стр. 37.
[2]) Ibid., т. I, ч. I, стр. 59.

всякаго учиться". „Тогда, говоритъ онъ, можетъ быть на землю воротились тѣ золотые вѣки, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ!!" Съ этой сентиментальной точки зрѣнія Макаровъ желаетъ и образованія нашимъ женщинамъ, желаетъ, чтобъ онѣ посѣщали и музей и лицеи, слушали лекціи профессоровъ. Онъ жалѣетъ, что у насъ, изъ всѣхъ французскихъ модъ, не перенимаютъ именно эту. Макаровъ совершенно согласенъ, чтобъ женщина училась столько же, сколько и мужчина; онъ утверждаетъ даже, что ея способности превосходнѣе нашихъ и требуютъ только развитія. Исторически разбираетъ онъ участіе женщинъ въ ходѣ общаго образованія и мечтаетъ о томъ времени, когда въ Россіи, въ восторгѣ благодарности, можно будетъ сказать: „женщины просвѣтили Россію!" [1]). Поэтому и журналъ свой Макаровъ преимущественно назначаетъ для дамъ; съ этою цѣлью онъ особенно заботится о модныхъ картинкахъ и о полнотѣ описанія современныхъ модъ: „Вамъ, любезныя читательницы, желаемъ предпочтительно угодить: *ваше* только одобреніе назовемъ *вѣнцемъ* и *счастіемъ* своимъ"... „О васъ, прекрасныя, станемъ думать безпрестанно" [2]). Это не были слова дѣйствительнаго уваженія къ женщинѣ и признанія ея правъ; это была нѣжная карамзинская манера, весьма близко граничащая съ грубой чувственностью, встрѣчающейся въ жизни. Изъ одной замѣтки лондонскихъ писемъ Макарова видно, что онъ былъ и въ Швейцаріи. Біографъ его говоритъ, что у него не было никакихъ средствъ выбраться изъ Англіи и что пришлось прибѣгнуть къ займу, но по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ гдѣ-то досталъ денегъ и честно расплатился съ добрымъ англичаниномъ, давшимъ деньги мало ему знакомому.

Воротившись изъ своего безцѣльнаго путешествія за границу, которое, однако, тогда придавало гораздо болѣе значенія и ученой репутаціи человѣку, чѣмъ теперь, Макаровъ поселился въ Москвѣ и сталъ жить литературою, не имѣя, повидимому, другихъ средствъ. Онъ перевелъ (съ 1796—1800 г.) съ французскаго модный тогда романъ „Графъ де Сенъ-Меранъ или новыя заблужденія сердца и ума"— 8 ч., а въ 1802 году „Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи", Лантье—вымышленныя, какихъ тогда, со времени знаменитой книги Бартелеми, издавалось много. Здѣсь описывался древній міръ. Въ слѣдующемъ году, увлеченный примѣромъ Карамзина, Макаровъ издавалъ свой журналъ „Московскій Меркурій", наполняя его, по условіямъ того времени, собственными своими трудами и переводами,

---

[1]) Ibid., стр. 72.
[2]) I, 70—71.

которые потомъ изданы отдѣльно въ небольшихъ 4-хъ частяхъ. (М. 1805 и 1817 г.). На слѣдующій годъ онъ издавалъ, какъ кажется, послѣ Карамзина, „Вѣстникъ Европы", а въ концѣ этого года съ какимъ-то изъ пріятелей своихъ, неизвѣстно съ какою цѣлью, поѣхалъ въ Польшу, и на дорогѣ, въ его деревнѣ, умеръ. Вотъ и вся біографія этого человѣка, въ характерѣ и въ обстоятельствахъ жизни котораго современники находили очень много странностей, не объясняя, однако, въ чемъ онѣ состояли. Біографъ его Дмитріевъ говоритъ о немъ общими фразами: онъ былъ добръ, чувствителенъ, пріятенъ въ обществѣ и любимъ всѣми, никогда не жаловался на свою бѣдность и чрезвычайно усердно заботился о своемъ слогѣ, поправляя нѣсколько разъ написанное. Въ этомъ слогѣ видно усердное подражаніе Карамзину. У Макарова та же мѣрность и плавность, тѣ же дактилическія окончанія, та же округленность періодовъ, но уже въ немъ, какъ въ подражателѣ, видна отчасти неестественность этого слога.

Журналъ Макарова пустъ содержаніемъ. Политика, современность, вопросы внутренняго устройства государства не существуютъ для него; его занимаетъ только изящное и желаніе угодить милымъ читательницамъ. Стиховъ немного. Повѣсти и мелкія статейки разнаго содержанія, всѣ большею частью переведены съ французскаго и насквозь проникнуты сентиментальностью, любимою обществомъ.

Макаровъ между современниками и въ курсахъ русской словесности оставилъ послѣ себя репутацію литературнаго критика. Современники не долюбливали критики Макарова: „Не спорно, говоритъ его некрологъ [1]), что критика его была ѣдка, не всегда справедлива и болѣе сатира, нежели критика; но и она, вѣроятно, послужила въ осторожность многимъ изъ нашихъ молодыхъ писателей. Онъ проигралъ симъ родомъ занятія, ибо нажилъ себѣ непріятелей; зато сдѣлался полезнымъ тѣмъ, кого судилъ". Критика Макарова была очень незлобна. У него не было никакихъ теоретическихъ началъ, подъ которыя онъ подводилъ бы разбираемое сочиненіе; онъ не опредѣлялъ ни внутренняго, ни художественнаго его значенія, не искалъ въ немъ ни главной мысли, ни цѣли, а обращалъ только вниманіе на внѣшнее выраженіе, на слогъ и слова. Но и этого тогда уже было много и всякій сочинитель или переводчикъ считалъ себя задѣтымъ за живое самымъ пустымъ замѣчаніемъ. Между тѣмъ Макаровъ, подобно Бѣлинскому, который не разъ высказывалъ ту же самую мысль, писалъ свои рецензіи, по его словамъ, „не для авторовъ и переводчиковъ, а единственно въ пользу тѣхъ любителей

[1]) Сѣв. В. 1804 г., ч. IV, стр. 333.

чтенія, которые для выбора книгъ не имѣютъ другого руководства, кромѣ газетныхъ объявленій". Это было полезное дѣло для публики, но тогдашніе писатели смотрѣли иначе. Они были недовольны вообще критикою Макарова. „Сѣверный Вѣстникъ" [1]) напечаталъ даже у себя разсмотрѣніе всѣхъ рецензій Макарова въ его „Московскомъ Меркуріи", гдѣ доказывалось, что критика пишется единственно для авторовъ и переводчиковъ, дабы нѣкоторыхъ изъ нихъ усовершенствовать въ сочиненіяхъ и переводахъ и высказывалось убѣжденіе, что было бы гораздо больше пользы, если бы „почтенные творцы *Россіяды*, *Сорены*, нашъ Горацій, воспѣвшій *Бога*, *Фелицу*, приняли на себя трудъ, въ свободные часы отъ безсмертныхъ дѣлъ своихъ, замѣчать, выправлять нѣкоторыя творенія юныхъ авторовъ, подающихъ о себѣ большую надежду. Кто, кто изъ таковыхъ писателей не вмѣнилъ бы себѣ въ законъ слѣдовать толь безпристрастнымъ, родительскимъ, можно сказать, совѣтамъ". Такъ смотрѣли тогда на критику.

Критика составляетъ, однако, самую живую сторону Макаровскаго журнала. Карамзинъ не любилъ ея, она была ему не по характеру, и онъ могъ писать только въ похвальномъ тонѣ. Макаровъ, напротивъ того, ввелъ критику въ моду; ни одинъ журналъ не обходился уже потомъ безъ нея. Несмотря на всю свою поверхностность, литературныя сужденія издателя „Меркурія" были полны здраваго смысла и стояли гораздо выше рецензій многихъ современныхъ журналовъ. Въ извѣстной борьбѣ между поклонниками Шишкова и Карамзина, Макаровъ стоялъ, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго. Онъ, какъ увидимъ, первый открылъ полемику.

Уваженіе къ прекрасному полу, съ примѣсью эротизма, въ школѣ Карамзина, довели до самыхъ крайнихъ предѣловъ, до смѣшного, два лица: М. Н. Макаровъ и князь Шаликовъ. Послѣдній, въ особенности прославившійся своимъ утрированнымъ сентиментализмомъ, издатель газетъ и журналовъ, сдѣлался мишенью множества эпиграммъ и своею дѣятельностью возбуждалъ искренній смѣхъ не одного поколѣнія. Макаровъ, умершій только въ 1847 году и въ послѣдніе годы много писавшій по русской старинѣ и народности, былъ въ началѣ своей литературной дѣятельности искреннимъ подражателемъ Карамзинской чувствительности. Въ 1804 году онъ издавалъ „Журналъ для милыхъ", содержаніе котораго уже понятно по заглавію. Если у Шаликова „нѣжная чувствительность сопряжена была еще съ моралью", то въ журналѣ Макарова сентиментальность доведена была до грубаго сладострастія и до изображеній разврата, прикрытыхъ, однако,

[1]) III, стр. 294—314.

нѣжнымъ слогомъ Карамзина. Въ особенности, по этимъ качествамъ, бросались въ глаза „Побѣда надъ нимфами“ (№ 2) и повѣсть „Аннушка“ (№ 3). Издатель поставилъ себѣ эпиграфомъ слова: „прелести нашихъ милыхъ читательницъ защитятъ отъ злыхъ насмѣшекъ критики“, но даже и современная робкая критика возмутилась [1]).

Вотъ куда вело Карамзинское направленіе.

ЛЕКЦІЯ XIV.

Безплодность сентиментальнаго направленія. — Князь Шаликовъ. — В. В. Измайловъ.—Его педагогическія идеи.—Журналъ «Патріотъ».

Безплодность литературнаго направленія и внутренняго содержанія дѣятельности Карамзина лучше всего раскрывается въ его литературныхъ друзьяхъ и подражателяхъ, которые сущность Карамзинскаго отношенія къ жизни и дѣйствительности довели до крайней приторности. Чувствительность этого писателя, имѣвшая еще значеніе въ первое время своего появленія, какъ контрастъ предшествовавшимъ, если можно такъ выразиться, героическимъ явленіямъ подражательной литературы нашей въ XVIII вѣкѣ, упала теперь до пошлости, до мелкихъ изліяній сердца, никому не нужныхъ и ни для кого, кромѣ друзей писателя, непонятныхъ. Литература получила какое-то домашнее содержаніе, вмѣсто служенія жизни и обществу она занималась дрязгами, возможными только въ домашнемъ быту. Что-то патріархальное проглядываетъ въ этихъ, къ счастью, теперь невозможныхъ отношеніяхъ литературы, которая писалась какъ бы сама для себя и находила свое ничтожное содержаніе въ замкнутомъ тѣсномъ кружкѣ литераторовъ, гдѣ одинъ хвалилъ или бранилъ другого, писалъ мадригалы или сатиры. Въ этомъ положеніи литературы, которая занималась только словами и формами, возможны были такіе типическіе представители, какъ петербургскій піита графъ Д. И. Хвостовъ и московскій Карамзинистъ — князь Шаликовъ. Оба они писали очень много и жили очень долго, такъ что личности ихъ укоренились въ литературныхъ преданіяхъ, окруженныя эпиграммами и множествомъ разсказовъ самаго забавнаго свойства. Упомянуть объ этимъ типѣ, созданномъ пустотою общественной жизни, крайнею бѣдностью мысли и недостаткомъ внутренняго развитія и образованія между самими писателями, стоитъ, конечно, въ исторіи нашей литературы, но говорить объ ихъ отношеніяхъ и ихъ дѣятельности— значило бы вдаваться въ такія анекдотическія подробности, которыя

[1]) Сѣв. В. 1804 г., ч. 3, стр. 259—261.

не могутъ имѣть значенія на страницахъ этой исторіи. Князь Шаликовъ, напр., умеръ только въ 1852 году, будучи 84 лѣтъ отъ роду. Въ этотъ длинный періодъ жизни, при его многочисленныхъ отношеніяхъ въ московскомъ обществѣ и литературныхъ кружкахъ Москвы, о немъ составилось множество самыхъ разнообразныхъ и по большей части, конечно, забавныхъ разсказовъ, въ которыхъ главнымъ содержаніемъ была чувствительность, доведенная до вялости. Карамзинъ, говоря о литературныхъ свойствахъ Шаликова и защищая его, говорилъ, что въ немъ есть *что-то тепленькое,* и это, кажется, самая лучшая характеристика его съ тогдашней точки зрѣнія. Между тѣмъ, разбирая произведенія Шаликова, мы не найдемъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ его ничего такого, что̀ было бы очень дурно, или стояло ниже Карамзина. Талантъ послѣдняго создалъ всѣ произведенія Шаликова, и смѣшное въ немъ заключается собственно въ томъ, что онъ остался вѣренъ очень долго одному и тому же направленію, которое надоѣло именно своею продолжительностью. Кругомъ его измѣнялись люди, идеи, жизнь, а онъ все твердилъ одну и ту же ребяческую ноту. Чтобъ познакомиться съ взглядомъ Шаликова на журнальную дѣятельность, достаточно привести его объявленіе о журналѣ.

„Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ россійскимъ дамамъ въ слѣдующемъ 1806 году будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ „Дамскій Журналъ“. Въ немъ помѣщены будутъ піэсы разныхъ родовъ въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: *нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью.* Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. *Критика и политика* исключаются. Издатель поставитъ себѣ за особливую честь, если будетъ удостоенъ отъ *почтенныхъ россійскихъ поэтовъ* присылкою ихъ произведеній“.

Нигдѣ нагляднѣе не выражается подражаніе Карамзину у Шаликова, какъ въ его „Путешествіи въ Малороссію“ въ формѣ писемъ. Это былъ сколокъ съ „Писемъ“ Карамзина, гдѣ главную роль играли чувствительность и меланхолія. Слабую сторону этого путешествія умѣли замѣтить и современники, и Макаровъ въ своемъ „Меркуріи“ высказалъ о немъ очень вѣрныя, не лишенныя здраваго смысла замѣчанія. „Читая книгу, говоритъ онъ, весьма часто плѣняешься фразою, реторическою фигурою, какимъ-то пріятнымъ, нѣжнымъ колоритомъ слога, какою-то чувствительностью... *розовою цвѣта!...* а прочтя до конца, мало удержишь въ памяти! Нѣтъ главнаго предмета, на которомъ бы весь *интересъ* былъ основанъ; нѣтъ *цѣли.* Это не что иное, какъ собраніе отрывковъ, какіе человѣкъ съ талантомъ могъ написать, не выѣзжая изъ Москвы... Издатель сказалъ: „въ семъ путешествіи нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ

описаній", а мы прибавимъ еще: *ни историческихъ, ни философическихъ*. „Авторъ не описываетъ даже ни нравовъ, ни образа жизни въ томъ краю, по которому онъ проѣхалъ, и предлагаетъ читателямъ... только *впечатлѣнія* свои!"... [1]). Путешествіе происходитъ какъ бы въ воздушномъ пространствѣ; всякая особенность личностей и мѣстъ—исчезаетъ, а если авторъ и вздумаетъ случайно говорить о Малороссіи, то у него выходитъ картина безъ всякой тѣни, и Малороссія является чѣмъ-то въ родѣ идиллическской Аркадіи. Забавнѣе всего въ этомъ путешествіи Шаликова откровенность его и подробности, передаваемыя имъ о себѣ читателямъ, возможныя только для самаго тѣснаго кружка друзей. Но ужъ это было условіемъ тогдашнихъ литературныхъ отношеній. Патріархальность ихъ доходила до смѣшныхъ размѣровъ. Въ 1804 году три поэта того времени: П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный врагъ Карамзина, писавшій на него доносы и обвинявшій его въ якобинствѣ и революціонномъ образѣ мыслей, бывшій тогда попечителемъ московскаго университета, бездарный переводчикъ Пиндара, Сафо, Гезіода и Теокрита и бездарный стихотворецъ, потомъ извѣстный, графъ Д. И. Хвостовъ, и третій графъ, С. Салтыковъ, согласились издавать журналъ только для помѣщенія своихъ собственныхъ произведеній и уговорили извѣстнаго тогдашняго издателя въ Москвѣ, Бекетова, печатать на его счетъ этотъ журналъ. Онъ издавался три года, безъ всякой выгоды для издателя. М. А. Дмитріевъ разсказываетъ, что всѣ три стихотворца собирались вмѣстѣ читать свои произведенія и рѣшать—достойны ли они помѣщенія въ журналѣ. При этомъ случалось, что двое всегда хвалили третьяго очень усердно, чтобъ и себѣ заслужить то же [2]). Журналъ поэтому наполнялся, главнымъ образомъ, плохими стихами; въ немъ не было ничего современнаго и даже въ чемъ состояло его направленіе—нельзя отгадать.

Самымъ умнымъ послѣдователемъ Карамзина и его направленія былъ Московскій литераторъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ. Онъ пережилъ это направленіе и идеалы карамзинской эпохи, но до самой смерти своей не потерялъ уваженія ни въ литераторахъ, ни въ людяхъ, знавшихъ его. Измайловъ родился въ Москвѣ въ 1773 году и все свое образованіе получилъ въ домѣ родительскомъ. Но образованіе его было значительно. Онъ зналъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій съ ихъ литературами, что̀ видно изъ выписокъ, встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ. Изъ наукъ особенно любилъ онъ ботанику и въ 1810 году перевелъ „письма о ботаникѣ"

---

[1]) Моск. Мерк., II, стр. 120—121.

[2]) „Мелочи изъ запаса моей памяти", 2-ое изд., стр. 83.

Ж. Ж. Руссо [1]), присоединивъ къ нимъ разныя дополненія изъ Турнефора и другихъ извѣстныхъ тогда ботаниковъ. Слѣды этой любви къ ботаникѣ замѣтны и въ томъ уваженіи, съ какимъ Измайловъ посѣтилъ во время своего путешествія въ южную Россію въ Николаевѣ жившаго тамъ бывшаго профессора ботаники въ Московскомъ университетѣ Афонина, ученика Линнея. Этотъ извѣстный профессоръ, по слабости здоровья, вышелъ въ отставку, чтобъ поселиться въ южномъ климатѣ, а Потемкинъ, его товарищъ по университету, тогда всемогущій, подарилъ ему около Николаева небольшое количество казенной земли, на которой и жилъ Афонинъ съ 1770 по 1810 г., занимаясь своей любимой наукой, вмѣстѣ съ другимъ знаменитымъ, естествоиспытателемъ Палласомъ, переселившимся тоже въ Крымъ. Измайловъ посѣтилъ ихъ обоихъ и съ восторгомъ говоритъ о нихъ [2]). Своимъ значительнымъ по тому времени образованіемъ Измайловъ былъ, безъ сомнѣнія, обязанъ богатымъ средствамъ своего отца. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, чѣмъ онъ, однако, не хвастался [3]). Отецъ его, по свидѣтельству сына, владѣлъ нѣсколькими тысячами душъ крестьянъ и, не получивъ большого образованія, отличался, однако, добрыми качествами души [4]). Учителемъ его былъ извѣстный литераторъ прошлаго вѣка Подшиваловъ (1765—1813), въ одномъ изъ журналовъ котораго „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798) были помѣщены первые литературные опыты Измайлова.

По обычаю, Измайловъ служилъ въ гвардіи, куда, вѣроятно, былъ записанъ еще въ дѣтствѣ, но служилъ не долго, только до перваго чина, и вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ. Тогда онъ поселился въ Москвѣ и жилъ большею частью въ своей подмосковной деревнѣ. Его образованіе и любовь къ умственному труду скоро сблизили его съ литературными представителями Москвы, Карамзинымъ и Дмитріевымъ, и онъ попалъ въ ихъ кружокъ. Карамзинъ въ своемъ стихотворномъ альманахѣ „Аониды“ (1796—1799) напечаталъ нѣсколько поэтическихъ опытовъ В. Измайлова, отличающихся подражаніемъ французскимъ поэтамъ того времени и преисполненныхъ нѣжной карамзинской чувствительности. Въ 1799 году Измайловъ отправился путешествовать по южной Россіи. Это путешествіе рекомендуетъ его любознательность. Онъ посѣтилъ Малороссію, Кіевъ, Полтаву, Ново-

---

[1]) „Руссовы письма о ботаникѣ, съ дополненіемъ его ботаническаго словаря, съ объясненіемъ трехъ лучшихъ методъ Турнефорта, Линнея и Жусье, и съ ботаническими часами, изобрѣтенными безсмертнымъ Линнеемъ. М. 1810.

[2]) „Путешествіе въ полуденную Россію“. М. 1805, ч. II, 29—32, 117—129.

[3]) Ib. II, 134.

[4]) „Патріотъ“, 1804 г., т. II, 15.

россійскія области, Крымскій полуостровъ, объѣхалъ весь южный берегъ Крыма, землю Черноморскихъ казаковъ, тогдашнюю Кавказскую линію и чрезъ Астрахань, Сарепту и Царицынъ вернулся въ Москву. Путешествіе это по достоинству стоитъ гораздо выше путешествія Шаликова, хотя и въ немъ сказалось подражаніе Карамзину: въ чувствительности описаній природы, въ патетическихъ обращеніяхъ къ ней, въ меланхоліи, въ нѣжныхъ восторгахъ при описаніи и видѣ женщины, кто бы она ни была, и въ желаніи изображать романическія встрѣчи и приключенія, о которыхъ слышалъ путешественникъ по дорогѣ. Всѣ эти слабыя стороны произведенія Измайлова и неумѣренное употребленіе французскихъ словъ были значительно ослаблены во второмъ изданіи „Путешествія“, вышедшемъ въ 1805 году, но и въ немъ очень замѣтны слѣды Карамзина. Для Измайлова чувства и впечатлѣнія были дороже всего видѣннаго и объ нихъ онъ главнымъ образомъ заботился. Уйти отъ карамзинскаго вліянія для него было невозможно: онъ былъ слишкомъ слабъ для того талантомъ. Но книга его читалась съ удовольствіемъ современниками и составила ему литературное имя. Измайловъ былъ вообще бѣденъ талантомъ; въ этомъ случаѣ не помогло ему и знакомство съ европейскими литературами Съ предшествовавшими явленіями русской литературы онъ почти вовсе не былъ знакомъ, и Карамзинъ въ 1800 году говорилъ объ Измайловѣ, что онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ „Моихъ Бездѣлокъ“.

Со времени изданія „Путешествія“, которое ввело Измайлова въ литературный кругъ, онъ сдѣлался очень усерднымъ писателемъ, началъ участвовать въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина, перевелъ знаменитый романъ Шатобріана „Атала или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ“, „Картину Европы“ — Сегюра и потомъ напечаталъ нѣсколько другихъ переводовъ. Въ 1804 году, тоже по примѣру Карамзина, Измайловъ является журналистомъ, но журналъ его былъ посвященъ одной исключительной цѣли, именно педагогической. Надобно замѣтить, что изъ всѣхъ литературныхъ вліяній на Измайлова сильнѣе другихъ было вліяніе Ж. Ж. Руссо, хотя, конечно, Измайловъ былъ далекъ отъ соціальныхъ теорій этого мыслителя и любилъ въ немъ то, что̀ любилъ и Карамзинъ, т.-е. его чувствительность и сочувствіе къ природѣ. М. А. Дмитріевъ въ своихъ „Мелочахъ“ [1]) говоритъ, что Измайловъ хотѣлъ осуществить во всей своей жизни Эмиля Руссо и что хотя это не дѣлало его страннымъ въ обществѣ при его хорошемъ воспитаніи и образованности, но имѣло вредное вліяніе на его благосостояніе и счастіе. И. И. Дмитріевъ, въ

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти. 2-е изд., стр. 101.

письмѣ своемъ въ Петербургъ, увѣдомляя о смерти Измайлова, называетъ его вообще безсчастнымъ [1]). Изъ этихъ неясныхъ указаній, при скудости біографическихъ свѣдѣній объ Измайловѣ, нѣтъ возможности составить какое-нибудь опредѣленное представленіе о личности этого человѣка. Но вліяніе Руссо на идеи Измайлова о воспитаніи, проводимыя имъ въ печати, онъ самъ признаетъ, выражаясь съ глубокимъ уваженіемъ о женевскомъ философѣ: онъ „одинъ опередилъ своихъ современниковъ въ открытіи истинъ, относящихся къ тайнѣ воспитанія, первый задалъ высокую мысль творить въ гражданинѣ человѣка, способнаго ко всѣмъ состояніямъ общества, ко всѣмъ превратностямъ жизни и судьбы“ [2]). Измайловъ говорилъ, что онъ обязанъ былъ Руссо „первой обработкой вкуса, слога и ума“. Онъ началъ даже переводить его „Новую Элоизу“, но не кончилъ. Идеи „Эмиля“ естественно должны были сказаться въ журналѣ Измайлова, посвященномъ воспитанію. Эти идеи господствовали тогда, и на нихъ основалъ свои педагогическія убѣжденія знаменитый Песталоцци, съ сочиненіями котораго былъ знакомъ Измайловъ и переводилъ изъ нихъ отрывки въ своемъ журналѣ. Эти идеи женевскаго мыслителя сказались и въ томъ взглядѣ Измайлова на воспитаніе, взглядѣ, довольно смѣломъ для того времени, что воспитаніе даетъ почувствовать истинное *равенство* людей. Но Измайловъ въ борьбѣ современныхъ мнѣній о воспитаніи, порожденной естественно отношеніями мыслящихъ людей къ французской революціи, въ которой очень многіе видѣли источникъ и корень зла, хотѣлъ однако держаться благоразумной середины: „никогда польза умственнаго образованія, говоритъ онъ въ введеніи къ своему журналу, не могла быть такъ чувствительна, какъ нынѣ, когда свѣжи еще въ памяти бѣдствія полупросвѣщенія. Невѣдѣніе истинныхъ благъ было источникомъ золъ революціонныхъ... Можно сказать, что Франція страдала безпримѣрнымъ образомъ отъ недостатка философіи. Сей великій примѣръ, вопреки врагамъ восьмагонадесять вѣка, оправдываетъ писателей-философовъ, которые хотѣли просвѣтить умы для великихъ должностей, прежде нежели даровать имъ великія права“... Посреди колебаній современныхъ въ мнѣніяхъ о воспитаніи, Измайловъ объясняетъ, чего онъ будетъ держаться: „не будемъ, говоритъ онъ, приставать ни къ ученикамъ энциклопедической школы, которая отвѣргаетъ христіанскія истины, ни къ послѣдователямъ Дюкре-Жанлисовой секты, которая не признаетъ философскихъ, но слѣдовать за знаменами тѣхъ истинныхъ мудрецовъ, которые умѣютъ чувствовать важность древнихъ учре-

[1]) Сочиненія И. И. Дмитріева. Спб. 1893, с. 300.
[2]) Ист. Хрест. Галахова. Спб. 1864, II, 139.

жденій, освященныхъ вѣками, не позволяютъ себѣ ускорять хода происшествій и не похищаютъ правъ у времени“ [1]). Изъ этого видно, какихъ умѣренныхъ убѣжденій былъ Измайловъ. Журналъ его „Патріотъ“ издавался только въ теченіе одного года. Объемъ его былъ незначителенъ, какъ и всѣхъ журналовъ того времени. Каждый небольшой номеръ его дѣлился на три части: первая назначалась собственно для чтенія родителей и воспитателей, вторая для дѣтей, третья для молодежи болѣе взрослой. „Учить забавляя“, было одно изъ правилъ издателя-педагога. Таковы, напр., „Уроки грамматики въ дѣйствіи“, въ родѣ образовательнаго лото, гдѣ дѣти узнаютъ части рѣчи посредствомъ жетоновъ, которые они должны ставить на рисунки. Помѣщались въ журналѣ переводы изъ Руссо и другихъ французскихъ писателей, которые имѣютъ отношеніе къ педагогикѣ. Были, разумѣется, стихи и даже библіографіи нѣкоторыхъ книгъ, вновь вышедшихъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Оригинальныхъ статей было весьма мало, кромѣ нѣкоторыхъ, написанныхъ самимъ издателемъ. Любопытна одна статья его „О русскомъ старинномъ воспитаніи“ [2]), гдѣ онъ смотритъ на воспитаніе болѣе, впрочемъ, со стороны физической и старается доказать, что старинные русскіе люди гораздо тверже здоровьемъ, выносливѣе и потому обладаютъ и болѣе крѣпкимъ духомъ и большими нравственными достоинствами. Различіе двухъ поколѣній людей и совершенную противоположность нравовъ въ томъ и другомъ, нигдѣ въ Европѣ нельзя наблюдать такъ близко, какъ у насъ. Это различіе происходитъ отъ разности въ воспитаніи. Въ старой Руси Измайловъ видитъ воспитаніе только спартанское, гдѣ развивалась одна физическая сторона человѣка. У старинныхъ русскихъ людей, какъ въ Спартѣ, были богатырскія игры: свайка, бабки, мячъ, качели, борьба, бѣгъ взапуски и, наконецъ, кулачный бой (Измайловъ не употребляетъ еще слова *гимнастика*). Старинные люди „не отягчали головы своей никакими трудами, кромѣ сельскаго хозяйства, которое текло всегда однимъ порядкомъ, по общей практикѣ, безъ заботъ новыхъ теорій“. Въ противоположность твердому типу людей старины, Измайловъ изображаетъ слабый и изнѣженный типъ новаго времени и склоняется, конечно, къ системѣ стариннаго воспитанія. Но онъ боится, чтобъ его не заподозрили въ невѣжествѣ, въ томъ, что онъ врагъ современнаго просвѣщенія, боится, чтобъ ему не сдѣлали упрека, что онъ снова хочетъ „погрузить русскихъ въ тотъ дикой хаосъ, изъ котораго съ такимъ трудомъ извлекла его сила творческаго генія“.

---

[1]) Ibidem.

[2]) „Патріотъ“, т. II, 3—19.

Нѣтъ, онъ далекъ отъ этой мысли и убѣжденъ, что „преимущества вѣка нашего неоспоримы“, но мы пріобрѣли недовольно еще просвѣщенія, „чтобы не подражать чуждымъ порокамъ“. Кровавый призракъ французской революціи встаетъ и передъ Измайловымъ; онъ, подобно Карамзину, видитъ въ этомъ переломѣ источникъ всѣхъ бѣдствіи настоящаго времени и желаетъ противодѣйствовать его вліянію: „умѣрять воспаленіе умовъ и утвердить начала воспитанія“. Онъ не желаетъ порвать разомъ всѣ связи съ прошедшимъ. Задача его заключается въ слѣдующемъ: „заимствовать отъ предковъ все, что было хорошаго въ ихъ простотѣ, добронравіи и физическомъ воспитаніи, какъ мы заимствовали отъ европейскихъ народовъ науки, искусства и вѣжливость; принять добродѣтели другихъ вѣковъ, не отказываясь отъ преимущества нашего — можетъ ли оскорбить справедливую гордость Русскихъ? Вотъ чего недостаетъ намъ, какъ и другимъ народамъ, среди блеска просвѣщенія“... Это только общія мысли, только однѣ черты, для полной картины необходимо и время и талантъ, но онѣ должны быть положены въ основаніе *практическаго опыта воспитанія*. Дѣйствительно, для Измайлова, какъ и для всякаго педагога по призванію, по страсти и убѣжденію, было чрезвычайно важно осуществить свои мысли на практикѣ. На другой же годъ послѣ изданія „Патріота“ Измайловъ завелъ въ своей подмосковной деревнѣ пансіонъ, въ воспитанникахъ котораго, подъ своимъ собственнымъ руководствомъ, онъ хотѣлъ осуществить идеалъ Руссо. Этому дѣлу онъ отдался всею душою, потому что любилъ его искренно. Для насъ сохранилось любопытное свидѣтельство одного изъ карамзинистовъ о томъ, какъ онъ видѣлъ Измайлова посреди его воспитательной дѣятельности въ его сельскомъ уединеніи: „Онъ былъ окруженъ своими питомцами, которыхъ любитъ болѣе, нежели отцы и матери, которыхъ образуетъ, какъ Руссо, какъ Песталоцій, которымъ посвящаетъ жизнь свою въ такихъ лѣтахъ, когда жизнь требуетъ всѣхъ удовольствій личности... Я находилъ удивительное сходство между симъ любимцемъ музъ и Ж. Ж. Руссо: тѣ же чувства, тѣ же вкусы, тотъ же образъ жизни и мыслей; подобно женевскому философу, онъ любитъ страстно ботанику, занимается ею всякій день, описываетъ цвѣты, дѣлаетъ травники, имѣетъ своего Эмиля — одного изъ питомцевъ, который неразлученъ съ нимъ и котораго учитъ столярному ремеслу“ [1]). Императоръ Александръ, за эти воспитательные труды Измайлова и въ особенности за то, что онъ первый изъ дворянъ завелъ у себя пансіонъ и посвятилъ себя усердно дѣлу воспитанія, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4 ст. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ

[1]) Аглая, 1808 г. № XI, с. 25—29.

свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Измайловскаго пансіона и даже объ устройствѣ его и о преподаваніи въ немъ. Въ этой сельской жизни онъ, рядомъ съ воспитаніемъ, посвящалъ свое время занятіямъ науками естественными, которыхъ педагогическое дѣйствіе онъ понималъ и доказывалъ въ своемъ журналѣ „Патріотъ“. Въ 1814 году Измайловъ оставляетъ свое сельское уединеніе, дѣлается редакторомъ „Вѣстника Европы“ и снова вступаетъ въ прежній литературный кругъ послѣдователей Карамзина. Но и потомъ, въ своихъ гораздо позднѣйшихъ литературныхъ трудахъ, Измайловъ не разъ обращался къ своему любимому предмету, воспитанію, и писалъ о немъ.

Была въ журналѣ Измайлова и литературная критика. Замѣчательна особенно одна статья, въ которой дѣлается нападеніе на современную и имѣвшую значительный успѣхъ драму Ильина „Великодушіе или рекрутскій наборъ“. За годъ до этого, въ 1803 году, имя Ильина, переводчика и передѣлывателя французскихъ комедій, сдѣлалось извѣстнымъ благодаря драмѣ „Лиза или торжество благодарности“. Это были первые опыты драмы изъ жизни народа, продолженіе тѣхъ опытовъ, которые дѣлали въ этомъ родѣ Екатерина и нѣкоторые писатели XVIII вѣка, разумѣется, съ примѣсью новой карамзинской чувствительности. На эту драму напалъ Измайловъ съ очень странной точки зрѣнія. „Главный порокъ Ильина былъ донынѣ тотъ, говоритъ онъ, что онъ выводилъ на сцену тѣхъ людей, которыхъ состояніе есть послѣднее въ обществѣ, которыхъ мысли, чувства и самый языкъ весьма ограничены, и которыхъ дѣла не могутъ служить намъ ни наставленіемъ, ни примѣромъ“. Критикъ непремѣнно хочетъ, согласно съ теоріей, чтобъ драма была нравоучительна, а какое же нравоученіе можно извлечь изъ жизни крестьянъ и ихъ разговоровъ; потому онъ и совѣтуетъ автору „почерпать образцы изъ того круга общежитія, гдѣ есть болѣе занимательныхъ физіономій, болѣе разнообразныхъ страстей, болѣе предметовъ, достойныхъ кисти живописца“ [1]). Совершенно справедливо критикъ не одобряетъ желаніе Ильина украсить простой языкъ крестьянъ, или, по его выраженію, „смягчить грубый разговоръ наборомъ словъ, пріятныхъ нѣжному слуху“, желаніе, между прочимъ, заставить крестьянъ разсуждать съ признательностью о благодѣяніяхъ просвѣщенія, введеннаго въ Россію Петромъ Великимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему не нравятся „одни грубыя выраженія грубыхъ понятій, которыя талантъ автора могъ бы прикрыть цвѣтами“, но чего нельзя было сдѣлать по условіямъ самой драмы, не нравится „подлый языкъ бурмистровъ и подъячихъ“, выведенныхъ на сцену, и пр. Однимъ словомъ, онъ вообще противъ дра-

[1]) Патріотъ, т. II, 239.

матическихъ представленій изъ народнаго быта; онъ думаетъ, что подражаніе простонароднымъ выраженіямъ будетъ имѣть вредное вліяніе на слогъ и языкъ автора. Замѣчательно, что за Ильина вступился, впрочемъ, только въ частномъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, старикъ Державинъ. Онъ видитъ въ Ильинѣ „человѣка молодого, весьма съ хорошими дарованіями“ и его оскорбляетъ диктаторскій тонъ Измайлова [1]).

ЛЕКЦІЯ XV.

Споръ о старомъ и новомъ слогѣ. — Принципиальное значеніе этого спора. — П. И Голенищевъ-Кутузовъ.—Его доносъ на Карамзина.—Шишковъ.

Литературное движеніе, начавшееся у насъ со времени вступленія на престолъ императора Александра и выражавшееся преимущественно въ нѣкоторыхъ журналахъ, было довольно слабо и незначительно. Оно очень мало отражало современную жизнь и безпрестанныя колебанія правительственныхъ сферъ и самого Александра то въ ту, то въ другую сторону, а также очень мало понимало и русскія потребности того времени. Литература тогда имѣла весьма мало значенія; общество не привыкло обращаться къ ней за свѣдѣніями, указаніями, мнѣніями въ данномъ вопросѣ или въ данномъ случаѣ, касающемся внутренней стороны государственной жизни. Правительство едва ли уважало ее, хотя новая либеральная партія его, близкая къ государю, желала вызвать ея развитіе. Но и это жалкое, незначительное движеніе литературы того времени было не по душѣ партіи отсталыхъ людей, остававшейся покуда за штатомъ отъ временъ Екатерины. Старики этого времени, украшенные сѣдинами, звѣздами, чинами и старинною важностью Екатерининскаго двора, столбы отечества, какъ ихъ называли тогда, подозрительно смотрѣли на новую государственную жизнь Россіи и реформы, начатыя при Александрѣ; вражда ихъ къ новому была непримирима. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ въ своей ненависти къ новымъ явленіямъ жизни дѣйствовали совершенно искренно, съ твердымъ убѣжденіемъ, что новое не „годится, потому что оно новое, и старое хорошо только потому, что оно старое, но другіе не любили новаго, потому что при

[1]) По поводу критики „Патріота“ было прислано въ „Сѣв. Вѣстн.“ (1804 г. ч. III, крит. с. 27—39), письмо неизвѣстнаго, который, защищая Ильина, заявляетъ, что если онъ написалъ новую драму, то новое правило съ него и начнется и нѣтъ нужды ссылаться на писателей отъ Аристофана до Плавта и отъ Мольера до Коцебу. „И я, добавляетъ критикъ, всѣмъ писателямъ отъ Аристофана до Плавта и отъ Мольера до Коцебу желаю вѣчной памяти“.

немъ потребовались въ правительствѣ новые люди, которые и оттерли стариковъ. И тѣ и другія основанія проглядываютъ въ запискахъ нѣкоторыхъ дѣльцовъ Екатерины, Державина, Шишкова, которые, конечно, и лично были недовольны императоромъ за то, что онъ предпочелъ ихъ испытанной опытности, ихъ долговременному обращенію съ государственными дѣлами—молодыя и рьяныя головы новыхъ людей, которые не задумывались бы надъ преобразованіями. Съ точки зрѣнія людей этихъ заподозривалось и осуждалось все новое движеніе; самъ Карамзинъ, который въ своемъ журналѣ привѣтствовалъ, повидимому, съ искреннимъ чувствомъ, нѣкоторыя мѣры и реформы новаго царствованія, казался имъ чуть не врагомъ отечества.

Вести печатный споръ въ литературѣ объ этихъ принципахъ, раздѣлявшихъ два поколѣнія людей въ обществѣ, было невозможно и по ничтожности самой литературы и по ея зависимому положенію въ государствѣ. Но мысль и потребность этой борьбы существовала, такъ или иначе она должна была высказаться и дѣйствительно высказалась подъ формою спора о языкѣ, о словахъ. Этотъ печатный споръ, гдѣ на одной сторонѣ стоялъ одинъ Шишковъ, а на другой—всѣ болѣе или менѣе талантливые поклонники Карамзина, тянулся очень долгое время и въ журнальной литературѣ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, принимая самыя разнообразныя формы, допускаемыя полемикою. Въ этой борьбѣ, которая для насъ, пережившихъ другое литературное развитіе, кажется столь смѣшною иногда, замѣшаны были всѣ писатели того времени; въ ней приняло даже участіе и общество, невольно привлеченное полемическимъ задоромъ противниковъ; по крайней мѣрѣ, со временъ этой борьбы въ обществѣ появились такъ называемые пуристы языка, которые преслѣдовали насмѣшками всякое слово, заимствованное изъ чужого языка или составленное по образцу чужому. Споръ этотъ придалъ оживленіе литературѣ и журналамъ. Что споръ этотъ былъ чуждъ наукѣ и въ основѣ своей заключалъ нѣчто другое, видно изъ того, что и самъ возбудитель его, и его противники полемизировали о предметѣ, имъ незнакомомъ съ научной точки зрѣнія.

Поднялъ споръ, какъ извѣстно, старикъ Александръ Семеновичъ *Шишковъ*, въ самую блестящую эпоху литературной дѣятельности Карамзина, когда имя его было на устахъ у каждаго, сколько-нибудь интересовавшагося литературой, когда онъ стоялъ въ апогеѣ своей славы и таланта и былъ окруженъ значительнымъ числомъ друзей, поклонниковъ и подражателей. Карамзинъ, какъ и всякій литературный дѣятель съ именемъ и талантомъ, начинавшій новое направленіе въ литературѣ, возбудилъ къ себѣ естественно съ самаго начала своей извѣстности, нелюбовь между представителями прежняго на-

правленія. Между ними Шатровъ, А. С. Хвостовъ, кн. Д. И. Горчаковъ, Кутузовъ и нѣкоторые другіе и печатно и рукописно выражали свое неодобреніе образу мыслей Карамзина. Въ особенности этою враждою къ нему отличался П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, сдѣлавшійся въ 1793 году куратором Московскаго университета. Для него, какъ и для другихъ его единомышленниковъ, болѣе молодой Карамзинъ, съ своими болѣе свѣжими мыслями, казался исчадіемъ французской философіи XVIII вѣка, представителемъ въ литературѣ безнравственности, матеріализма и безбожія; не долго думая, онъ называлъ Карамзина—якобинцемъ. Въ одѣ, написанной на него Кутузовымъ [1]), излагалась цѣлая система безнравственной философіи, будто бы извлеченной изъ сочиненій Карамзина. Екатерина смотрѣла подозрительно на него по поводу связей его съ мартинистами, а при Павлѣ, въ это царствованіе доносовъ и преслѣдованій, положеніе Карамзина сдѣлалось гораздо затруднительнѣе. Одновременно съ печатною одою, тотъ же, безъ сомнѣнія, Голенищевъ-Кутузовъ, съ тѣми же обвиненіями, послалъ на него доносъ къ Императору и только заступничество графа Растопчина, близкаго къ послѣднему, спасло Карамзина отъ гибели [2]). Его выставляли человѣкомъ вреднымъ, опаснымъ правительству. Даже потомъ, при Александрѣ, возобновлялись эти тайные доносы на Карамзина. Тотъ же Кутузовъ, въ 1810 году, когда врагъ его работалъ въ уединеніи надъ русской исторіей и получилъ орденъ Владиміра 3 ст., писалъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, что сочиненія Карамзина „исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда“, что въ нихъ Карамзинъ „явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе“, что не хвалить, а сжечь ихъ слѣдовало бы, что авторъ ихъ „цѣлитъ не менѣе какъ въ Сіесы или первые консулы“ и пр. [3]). Доносы эти не имѣли значенія; тѣ, кому они посылались, были гораздо умнѣе и дальновиднѣе доносчиковъ, и Кутузовъ только въ извѣстномъ стихотвореніи Воейкова „Домъ сумасшедшихъ“ заслужилъ себѣ сатирическое изображеніе: „Вотъ Кутузовъ: онъ зубами бюстъ грызетъ Карамзина. Пѣна съ устъ течетъ клубами, кровью грудь обагрена. И напрасно мраморъ гложетъ, только время портитъ въ томъ; онъ вредить ему не можетъ, ни зубами, ни перомъ“. Трудно объяснить себѣ эту ненависть доносчика: лично Карамзинъ ничѣмъ не досадилъ Кутузову, да и вообще у него личныхъ враговъ не было. Безъ сомнѣнія, эта злоба была не литературнаго свойства; источникъ ея надобно искать въ той ослѣпляющей

[1]) „Иппокрена“, 1799 г., ч. IV, с. 17—31.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли 1847 г., II, с. 133.

[3]) М. Погодинъ. Н. М. Карамзинъ. II, с. 62—64.

разумъ враждѣ поколѣній, которою, къ несчастью, отличается наше общество, при своей невѣжественности не привыкшее уважать чужое мнѣніе и въ ослѣпленіи не разбирающее средствъ для борьбы. Источникомъ этой вражды къ Карамзину было безсмысліе старой партіи отсталыхъ людей, доводившее ее до безнравственныхъ и низкихъ поступковъ.

Не таковъ былъ пресловутый врагъ карамзинскаго слога — Шишковъ. Его почтенное имя не соединено съ грязью доноса, и въ жизни своей онъ дѣйствовалъ прямо, откровенно и, главнымъ образомъ, искренно. Искренность его поступковъ, искренность его мнѣній, какъ бы ни были они наивны и мало основательны, не подлежатъ сомнѣнію. Но Шишковъ принадлежалъ къ отсталой партіи, къ старикамъ, въ началѣ царствованія Александра; онъ былъ оттертъ отъ участія въ дѣлахъ другими людьми съ болѣе свѣжими силами и убѣжденіями, и это накопило горечь въ его честолюбивомъ сердцѣ, а эта горечь заставляетъ подозрительно смотрѣть на его безпристрастіе. Во второй половинѣ царствованія Александра, во время реакціи, онъ является участникомъ ея темныхъ дѣлъ и потомъ, во времена еще болѣе мрачныя, послѣ 1825 года, онъ стоитъ въ главѣ просвѣщенія цѣлой страны. Шишковъ въ глубинѣ сердца полагалъ, что онъ стоитъ за правду, за просвѣщеніе, за добро, но у него недоставало ни ума, ни образованія понять, что онъ шелъ по ложной дорогѣ и ошибался. Зная честность характера Шишкова, его откровенную прямоту, люди свободнаго мнѣнія возлагали на него свои надежды и— ошибались. Отъ того дѣятельность Шишкова вызывала самыя противоположныя сужденія. Съ одной стороны онъ является честнымъ патріотомъ, въ свѣтѣ двухъ извѣстныхъ Пушкинскихъ стиховъ: „Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа священной памятью двѣнадцатаго года!“ Съ другой стороны, въ безчисленныхъ изображеніяхъ карамзинистовъ, онъ выступаетъ передъ нами въ смѣшномъ нарядѣ педанта-славянофила, какого-то безсмысленнаго русскаго донъ-Кихота, воюющаго съ мельницами, или въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ гасильника просвѣщенія, инквизитора, преслѣдующаго всякую мысль и ненавидящаго свободу убѣжденій. Въ сущности, это былъ человѣкъ прямой и честный, но обидчивый, не безъ литературнаго дарованія и нѣкоторыхъ познаній, съ значительною примѣсью честолюбія и желанія власти. Шишковъ готовился быть морякомъ, командовать фрегатомъ или кораблемъ и попалъ въ ученые по русской и сравнительной филологіи!

Подобныя отношенія Шишкова къ современной ему литературѣ были причиною того, что онъ, несмотря на то, что былъ адмираломъ и министромъ народнаго просвѣщенія, не удостоился въ нашей

литературѣ даже сколько-нибудь сносной біографіи [1]) и только вышедшія въ 1870 году за границею два тома его „Записокъ“ позволяютъ сдѣлать о немъ, его характерѣ и отношеніяхъ теперь болѣе вѣрное представленіе. Къ сожалѣнію, „Записки“ эти ограничиваются только служебными отношеніями Шишкова, дѣловою стороною жизни, тѣмъ, что онъ видѣлъ и замѣчалъ тогда, когда близко стоялъ у источника дѣлъ; литературныя отношенія его почти не упоминаются въ нихъ. Притомъ вся первая половина его жизни, его жизнь дома, пребываніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался, его образованіе литературное и научное, морскія и довольно отдаленныя путешествія Шишкова, все это или исчезло навсегда, или еще не издано. Шишковъ родился въ 1753 году и происходилъ изъ очень незнатнаго и небогатаго дворянскаго рода. По окончаніи воспитанія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Шишковъ поступилъ во флотъ; отправлялся въ разныя морскія экспедиціи, былъ въ Архипелагѣ, Средиземномъ и Черномъ моряхъ и въ странахъ, къ нимъ прилежащихъ. Живя въ Петербургѣ по зимамъ, онъ сталъ заниматься литературою, переводилъ разныя театральныя пьесы съ французскаго и нѣмецкаго во вкусѣ того времени. Имя Шишкова сдѣлалось извѣстнымъ при дворѣ только въ 1780 году, когда онъ, по поводу открытія С.-Петербургскаго намѣстничества, написалъ для торжественнаго представленія на придворномъ театрѣ драму въ 1 дѣйствіи „Невольничество“. Она основана была на дѣйствительномъ событіи и принадлежала къ числу пьесъ, прославляющихъ благодѣяніе императрицы. Какой-то русскій солдатъ, взятый въ плѣнъ турками и попавшій въ неволю въ Алжиръ, написалъ оттуда письмо къ Екатеринѣ съ просьбою о выкупѣ его изъ неволи. Императрица послала столько денегъ, что на нихъ выкупился не только этотъ солдатъ, но и многіе другіе плѣнные. Вотъ все содержаніе пьесы, неважной въ литературномъ отношеніи, но она имѣла, разумѣется, успѣхъ между придворною знатью. Второе представленіе ея происходило уже въ частномъ театрѣ и сборъ назначенъ былъ на выкупъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ должниковъ. На представленіи этомъ былъ и наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, оставшійся крайне недовольнымъ на автора за то, что въ пьесѣ, гдѣ прославляется его мать, о немъ не упомянуто ни слова, и не скоро забылъ это. Послѣ этого литературнаго опыта Шишковъ занялся исключительно морскимъ дѣломъ. Онъ составилъ „Морской треязычный словарь“ (1795 г.), опытъ, который мало-по-

[1]) Въ 1880 г. вышла біогр. Шишкова, написанная В. Стоюнинымъ. Ист. соч. Стоюнина. Ч. I. Александръ Семен. Шишковъ. См. также: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ“. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. А. Кочубинскаго. Од. 1887—8.

малу втянулъ его въ филологическія занятія, перевелъ „Морское искусство“ Ромма, составлялъ историческіе списки кораблей русскихъ и т. п. Одинъ изъ этихъ трудовъ, поднесенный Наслѣднику, какъ генералъ-адмиралу, сблизилъ Шишкова съ нимъ, такъ что, вскорѣ послѣ того какъ Павелъ сдѣлался Императоромъ, онъ назначилъ Шишкова состоять при себѣ для распоряженій по флоту. Въ этой должности онъ сопровождалъ Павла въ морскомъ путешествіи изъ Кронштадта въ Ревель, довольно забавномъ, какъ многое, происходившее въ царствованіе этого Императора. Характеристика этого царствованія и разные случаи изъ тогдашней исторіи представлены весьма вѣрно въ „Запискахъ“ Шишкова. По порученію Павла, въ это время ѣздилъ Шишковъ для найма рекрутъ-матросовъ въ Германію и до самой смерти его состоялъ при немъ въ качествѣ докладчика по флоту. Эта близость къ государю ничего, впрочемъ, не принесла для Шишкова; надобно удивляться только, какимъ образомъ онъ могъ удержаться при ежедневныхъ сумасбродствахъ того времени. Шишковъ, къ чести его, не умѣлъ воспользоваться своею близостью къ государю, чтобы нажиться, подобно другимъ. Онъ былъ и вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ, но вовсе не имѣлъ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы для придворныхъ успѣховъ. Чуждый лести, онъ не могъ выиграть при дворѣ Павла, царствованіе котораго изображено въ его „Запискахъ“ далеко не въ привлекательномъ видѣ. Систематически враждебное отношеніе Павла къ царствованію его матери возмущало Шишкова, и онъ, кажется, больше по упрямству своего характера, полюбилъ времена Екатерины, но не тѣ первые свѣтлые дни ея, когда подъ лучами европейской философіи XVIII вѣка писался ея гуманный „Наказъ“ (преданія этой поры давно исчезли), а послѣдніе годы ея. Что̀ видѣлъ въ нихъ хорошаго Шишковъ—мы не знаемъ; никакими личными успѣхами и личными сожалѣніями, подобно другимъ старикамъ при Александрѣ, онъ не былъ связанъ съ временемъ Екатерины, но въ новое царствованіе онъ вступилъ какимъ-то брюзгою, недовольнымъ всѣмъ, что происходило вокругъ него, съ тоскою о прошломъ.

Какимъ внутреннимъ процессомъ мысли развились и созрѣли въ Шишковѣ старообрядческія убѣжденія и недовольство настоящимъ—для насъ вполнѣ неизвѣстно, но посреди либеральныхъ стремленій первыхъ годовъ царствованія Александра, посреди новыхъ людей, думавшихъ только о преобразованіяхъ и о ломкѣ стараго, онъ стоялъ одинокій, угрюмый и всѣмъ недовольный. Шишковъ повѣрилъ на слово обѣщанію манифеста царствовать по образцу Екатерины и упрекалъ старыхъ екатерининскихъ вельможъ, которые при вступленіи на престолъ Александра снова получили вѣсъ и силу,—за-

чѣмъ они не поддержали молодого царя въ этомъ благомъ намѣреніи и тѣмъ не удержали его отъ пагубныхъ нововведеній. „Можетъ быть, не взирая на трехлѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ симъ новизнамъ (Павловымъ), и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя, пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣднія царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ; и какъ, напротивъ, второе, оставившее съ ненавистью пути великой Екатерины, устремившееся съ любовію по путямъ предшествовавшаго ей царствованія Петра третьяго, продолжалось столь же кратковременно, еще болѣе мятежно, и кончилось, равно какъ и то, такимъ же преступленіемъ ужаснымъ, но до такой степени для всѣхъ вожделѣннымъ, что виновники онаго не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы...“ Но что же дѣлала эта старая екатерининская аристократія и почему не удержала она въ рукахъ своихъ руль власти? Въ ихъ поведеніи сказались вся ихъ пустота и ребячество, все ихъ презрѣніе къ дѣлу.

„Обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, говоритъ Шишковъ, пустились они въ многолюдныя пиршества, на которыхъ за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли при всѣхъ служителяхъ гласно и громко низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія. Шумныя празднества сіи устрашили дворъ и дали время оставленному царю сблизиться съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто веселящихся и праздноющихъ“ [1]). Таковы были эти люди послѣдней половины царствованія Екатерины. Шишковъ сознается, что Александръ только окруженный молодыми наперсниками своими почувствовалъ свою самодержавную силу и явился настоящимъ повелителемъ, но онъ не благоволитъ въ своихъ „Запискахъ“ къ этимъ новымъ наперсникамъ, когда, по словамъ его, пришлось „умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежнія въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твер-

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ. 1870. I, 82—84.

диться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ по несчастію наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія“ [1]). Сначала Шишковъ продолжалъ быть докладчикомъ при государѣ: онъ ѣздилъ съ нимъ на коронацію въ Москву и съ глубокимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ учрежденіе министерствъ. Возвышеніе Чичагова, младшаго по службѣ и по лѣтамъ, сильно огорчило его, а безпрестанные съ нимъ споры дошли до свѣдѣнія государя и выставляли передъ нимъ Шишкова въ видѣ сварливаго брюзги и ненавистника всего новаго; его холодно приняли во дворцѣ, не пустили въ эрмитажный театръ, и обиженный Шишковъ совершенно удалился отъ двора. Онъ состоялъ на службѣ въ адмиралтействѣ, но это не отнимало у него времени, и онъ свободно могъ предаться литературнымъ занятіямъ. Еще въ 1796 году онъ сдѣлался членомъ Россійской Академіи, которая занималась тогда составленіемъ Словаря, въ которомъ и Шишковъ принималъ участіе; тогда же привыкъ онъ къ своему любимому корнесловію, навлекшему на него такъ много и остроумныхъ и глупыхъ насмѣшекъ. Къ филологіи и вообще къ церковно-славянскому языку притянуло Шишкова еще болѣе занятіе надъ знаменитою находкою гр. Мусина-Пушкина „Слово о полку Игоревѣ“, которое было издано въ 1800 году.

Общество литераторовъ, посреди котораго жилъ Шишковъ и съ которыми усердно игралъ въ карты, было все стараго закала. Онъ самъ называетъ самыми близкими къ себѣ писателями Державина, Муравьева и А. С. Хвостова. Послѣдній, двоюродный братъ піиты графа, былъ при Екатеринѣ въ 1791 году посланникомъ нашимъ въ Константинополѣ (1753—1820). Въ молодости онъ много переводилъ съ французскаго и печаталъ, но въ литературѣ русской извѣстенъ только своимъ остроуміемъ, эпиграммами на кузена и нѣсколькими непечатными стихами. Это было литературное общество Шишкова; они чередовались вечерами и изъ нихъ потомъ составилась „Бесѣда любителей русскаго слова“. И Шишковъ и друзья его, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, были, разумѣется, поклонниками старины. Новыя литературныя имена были для нихъ и непонятны и непріятны. Все въ этомъ движеніи, какъ ни слабо кажется оно на наши глаза, было для нихъ и вредно и пагубно; подъ невинными нововведеніями современнаго языка, неизбѣжными при развитіи жизни общественной и образованности, старовѣры эти, въ ослѣпленіи своего патріотизма, видѣли чуть не измѣну отечеству. Для Шишкова все еще звучали наслажденіемъ „лиры“ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина; изъ новыхъ поэтовъ онъ цѣнилъ и уважалъ

[1]) Ibid. 84—85.

только тѣхъ, которые подражали имъ: Боброва, Голенищева-Кутузова, кн. Ширинскаго-Шихматова и пр. Все новое онъ презиралъ. При живости и увлекательности своего характера, имѣя привычку къ труду литературному, занимаясь уже довольно долго языкомъ, Шишковъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ него, и выступилъ въ литературѣ поборникомъ любимой имъ старины. Но, увлекаясь, Шишковъ съ вопросомъ о чистотѣ языка смѣшалъ много посторонняго. Мы не думаемъ, чтобы онъ сознательно только спряталъ подъ наружный видъ филологическихъ разсужденій свою полемику противъ новыхъ нравственныхъ и политическихъ началъ, появившихся въ жизни послѣ французской революціи, которую онъ ненавидѣлъ. Напротивъ, мы убѣждены, что тутъ не было со стороны Шишкова личины и притворства, вопросъ языка былъ для него крайне дорогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искренно, наивно, пожалуй глупо убѣжденъ, что всѣ новыя слова, вошедшія въ языкъ, въ литературныхъ трудахъ Карамзина и его школы—суть признакъ нравственнаго паденія русскаго общества. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ „Домашнихъ Запискахъ“: „Молчаніе Академіи (Россійской) подало поводъ молодымъ неопытнымъ писателямъ возмечтать себя установителями и законодателями *новаго языка*, котораго изящество и красота, по мнѣнію ихъ, долженствуютъ состоять въ томъ, чтобъ *отвергая всѣ издревле употребительныя слова и выраженія*, наполнять новыя писанія своими словами и оборотами, почерпнутыми или изъ слова въ слово взятыми съ иностранныхъ языковъ, а болѣе всего съ французскаго. Богатство и плавность употребляемаго нынѣ нарѣчія вздумали они *основать на истребленіи славянскаго языка*, не разсуждая о томъ, что таковое безразсудное мнѣніе похоже на то, какъ бы кто для сдѣланія потока многоводнымъ, восхотѣлъ заграждать источники онаго... Слѣды языка и духа чудовищной французской революціи, доселѣ намъ неизвѣстные, мало-по-малу, но прибавляя отчасу скорость и успѣхи свои, начали появляться и въ нашихъ книгахъ. *Презрѣніе къ вѣрѣ стало оказываться въ презрѣніи къ языку славенскому.* Здравое понятіе о словесности и краснорѣчіи превратилось въ легкомысленное и ложное; сила души, высота мыслей, приличіе словъ, чистота нравственности, основательность и зрѣлость разсудка,—все сіе приносилось въ жертву какой-то *легкости слога*, не требующей ни ума, ни знаній...“ [1]). Вотъ изъ какихъ мыслей возникло знаменитое „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ (Спб., 1803 г.), въ которомъ онъ рѣзко выступилъ противъ Карамзина и его школы. На эту книгу Шишковъ смотрѣлъ,

[1]) Ibid., II, 4—5.

какъ на свой долгъ, въ качествѣ русскаго человѣка и патріота. Появленіе этого разсужденія не могло остаться безъ отпора со стороны тѣхъ, на кого сдѣлано было нападеніе; Шишковъ, въ свою очередь, пылко и сердито защищалъ свои убѣжденія, и вотъ передъ нами происходитъ продолжительная, многолѣтняя литературная борьба двухъ русскихъ поколѣній. Она замѣнила собою борьбу за принципы общественные, политическіе и нравственные. Но и здѣсь все же была жизнь, хотя и ничтожная. Посмотримъ, на что̀ нападалъ Шишковъ, и что̀ отстаивали его противники...

ЛЕКЦІЯ XVI.

Взгляды Шишкова на русскій языкъ. — Полемика противъ Шишкова. — П. И. Макаровъ. — Каченовскій.

Извѣстно въ чемъ состоитъ заслуга Карамзина по отношенію къ слогу и внѣшней сторонѣ выраженія: онъ первый приблизилъ письменную рѣчь къ разговорной, первый сталъ писать, какъ говорятъ, и старался изгнать изъ своего слога всѣ славянизмы, которые употреблялись въ рѣчи для приданія ей силы и особеннаго значенія со временъ Ломоносова. Языкъ послѣдняго казался уже Карамзину не соотвѣтствующимъ потребностямъ новаго времени; онъ называлъ его дикимъ, варварскимъ, невозможнымъ для употребленія въ обществѣ; для общества необходима въ слогѣ *пріятность*, то, что французы называютъ élégance, говорилъ Карамзинъ, и образцомъ этой пріятности слога для Карамзина, конечно, должна была сдѣлаться французская литература уже въ то время доведенная до высшей степени ясности, точности и красоты выраженія. Карамзинъ, какъ мы знаемъ, не былъ воспитанъ въ строгой классической школѣ, всѣмъ своимъ образованіемъ онъ обязанъ только языкамъ и литературамъ французской и нѣмецкой, и больше первой, чѣмъ второй; что̀ было совершенно естественно, при всеобщей распространенности французскаго языка въ достаточныхъ русскихъ семействахъ. Карамзинъ привыкъ къ нему съ дѣтства; его разговоръ пересыпался французскими словами; въ его слогѣ попадались галлицизмы, слова и обороты, переведенные съ французскаго, составленные по французскимъ образцамъ. Но Карамзинъ былъ умный писатель, въ своихъ заимствованіяхъ онъ былъ очень умѣренъ и боялся оскорбить геній языка; зато у его подражателей, при недостаткѣ ума и таланта, не могло быть такой сдержанности; французскія слова и выраженія сдѣлались модными; у людей безъ вкуса мода всегда доходитъ до нелѣпости, и

русскій слогъ запестрѣлъ самыми дикими нововведеніями и заимствованіями. Вотъ что́ собственно не понравилось Шишкову.

„Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ возникло, по словамъ его, изъ ежедневныхъ записокъ и замѣтокъ, всего того, что́ попадалось ему въ новыхъ русскихъ книгахъ, въ которыхъ теперь господствуетъ „странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ“. Въ этихъ новыхъ сочиненіяхъ мы, забывъ древній славянскій языкъ, корень и начало нашего русскаго, „начали вновь созидать его на скудномъ основаніи французскаго языка“. Карамзинъ, раздѣляя русскій слогъ на эпохи со временъ Кантемира, говоритъ о послѣдней, современной, четвертой эпохѣ, въ которой, по славамъ его, „образуется пріятность слога, называемая французами élégance“. „Нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностью! — восклицаетъ Шишковъ, рекомендуя перевести слово élégance по-русски—*чепухою*. Откуда же происходитъ въ насъ, доискивается Шишковъ, эта ненависть къ своему и любовь къ чужому, почитаемыя нынѣ достоинствомъ, это желаніе бросить коренной, древній и богатый языкъ и „основать новый на правилахъ чуждаго, не свойственнаго намъ и бѣднаго языка французскаго?“ Источникъ этого зла заключается въ образѣ воспитанія, по убѣжденію Шишкова. Нападенія на наше воспитаніе или, скорѣе, офранцуживанье — не новость въ нашей литературѣ; они знакомы намъ еще съ прошлаго вѣка; по мнѣнію Шишкова, даже мысли наши изображаются по правиламъ и понятіямъ чуждаго намъ народа: „Вмѣсто занятія отъ французовъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ стали перенимать мелочные ихъ обычаи, наружные виды, тѣлесныя украшенія и часъ отъ часу болѣе дѣлаться совершенными ихъ обезьянами. Все то, что́ собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кляняться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками“. „Французы научили насъ удивляться всему тому, что́ они дѣлаютъ, презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами. Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ чами,—а мы ихъ возимъ съ гордостію, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честію возить ихъ!“ Вотъ основные взгляды Шишкова, которые скрыты подъ разсужденіями его о языкѣ. Но интересъ языка былъ особенно дорогъ Шишкову: его изящество въ церковно-славянскихъ образцахъ и старыхъ нашихъ писателяхъ и его порча въ произведеніяхъ новой словесности составляетъ главное содержаніе книги Шишкова. Онъ недоволенъ во-первыхъ тѣмъ, что

въ русскій языкъ вводятся безъ перевода иностранныя слова и безобразятъ его, напр. моральный эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіазмъ, катастрофа и пр., а во-вторыхъ тѣмъ, что русскія слова передѣлываютъ на иностранный ладъ; напр. вмѣсто будущее время пишутъ—*будущность*; въ-третьихъ, наконецъ,—французскія слова и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ, „самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣми же чинами въ нашу службу", напр. influence *вліяніе на,* тогда какъ глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ* [1]). Такъ же переведены слова: переворотъ, развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно и пр. [2]). „По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, говоритъ Шишковъ, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, не догадаться, что оное значитъ revolution или по крайней мѣрѣ revolte", а между тѣмъ бѣда для нихъ, кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно, требище, рясна, зодчество, доблесть, прозябать* и т. п. [3]). И онъ старается доказать, что языки не похожи другъ на друга по составу своему, заключающемуся въ корняхъ и что подобные переводы одного слова изъ языка въ другой не передаютъ всей силы значенія слова. Но Шишковъ былъ филологомъ самоучкою, до своихъ положеній онъ доходилъ здравымъ смысломъ, а не наукою, а потому доказательства, имъ приводимыя, кружки, имъ рисованные, подвергались легко критикѣ.

Всего печальнѣе для Шишкова, при этомъ наплывѣ въ русскій языкъ новыхъ словъ, было забвеніе старыхъ: „Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей нимало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись. И такъ, съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ-то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами élégance".

Основаніемъ для русскаго слога долженъ служить славянскій

---

[1]) Собр. соч. и перев. адм. Шишкова, ч. II, Спб. 1824, с. 24—25.
[2]) Ibid., с. 26.
[3]) Ibid., с. 28.

языкъ; безъ него онъ не можетъ быть ни силенъ, ни важенъ. Пренебрегать имъ безсмысленно, безразсудно думать, что онъ вовсе не нуженъ для красоты новѣйшаго слога и что гораздо нужнѣе его французскій языкъ и какой еще? „не славныхъ по истинѣ и отличныхъ писателей ихъ, но худыхъ сплетателей нынѣшнихъ глупыхъ и нелѣпыхъ умствованій, клеветъ, небылицъ и романовъ. Не ихъ читать, не имъ послѣдовать, не изъ нихъ должно намъ почерпать красоту слога; но изъ собственныхъ твореній своихъ, изъ книгъ славянскихъ [1]). Примѣръ такой красоты слога, основанной на церковно-славянскихъ выраженіяхъ, Шишковъ представляетъ въ подробномъ разборѣ Ломоносовскаго переложенія изъ Іова и говоритъ, что „славенскій языкъ есть корень и основа россійскаго языка, онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. И такъ въ немъ упражняться и изъ него почерпать должно искусство краснорѣчія, а не изъ Боннетовъ, Вольтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ, и учась у нихъ русскому, на бредъ похожему языку, съ гордостью увѣряютъ, что *нынѣ образуется токмо пріятность нашего слога*“ [2]). Мысль, которую развивали Карамзинъ и его послѣдователи, что у насъ для современнаго автора нѣтъ хорошихъ образцовъ, вытекаетъ „отъ малаго разумѣнія языка своего“—по словамъ Шишкова. „Мы считаемъ себя бѣдными, потому что не знаемъ своего богатства“ [3]).

Въ доказательство общихъ положеній своего „разсужденія“ Шишковъ представляетъ двѣ выписки, изъ которыхъ въ одной онъ даетъ образцы нововведеній, оскорбляющихъ, по его мнѣнію, геній языка, выбранные имъ изъ современной литературы, при чемъ Шишковъ для того, чтобъ не подумали, что онъ ведетъ личную полемику или имѣетъ „намѣреніе кому-либо лично досаждать“, не указываетъ заглавій ни книгъ, ни авторовъ, гдѣ встрѣчаются попадавшіяся ему нелѣпости [4]), а вторая выписка, похожая на словарь, сдѣлана имъ изъ книгъ церковныхъ, съ тою цѣлью, чтобъ показать въ нихъ образцы красоты слога и настоящаго краснорѣчія. Здѣсь въ первый разъ Шишковъ дѣлаетъ опытъ замѣны нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, уже вошедшихъ въ употребленіе или чисто русскими, равнозначительными по содержанію, или составленными по славянскимъ корнямъ. Число такихъ словъ Шишковъ увеличивалъ постепенно, и особенная страсть къ нимъ возбуждала насмѣшки.

---

[1]) Ibid., с. 66.
[2]) Ibid., с. 81.
[3]) Ibid., с. 106.
[4]) Ibid., с. 139.

Намъ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшія подробности этого сочиненія Шишкова, которымъ начался извѣстный и продолжительный споръ о преимуществахъ стараго и новаго слога. Мы уже замѣтили, что споръ этотъ не имѣетъ никакого значенія для науки славянской филологіи; съ нею не были знакомы спорящія стороны и не о ней шла рѣчь въ ихъ полемикѣ. Карамзинъ, остававшійся въ сторонѣ отъ этого спора, но конечно слѣдившій за его измѣненіями, понималъ очень хорошо научную ничтожность этого спора: „Кажется, писалъ онъ къ И. И. Дмитріеву [1]), что наши петербургскіе авторы, и старые, и молодые, спорятъ о языкахъ славянскомъ и русскомъ безъ яснаго понятія о ихъ различіи“. Но споръ имѣлъ другое значеніе; въ немъ проявлялась борьба стараго съ новымъ; въ этомъ отношеніи онъ очень любопытенъ и имѣетъ свое мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія и движенія нашей мысли. Нельзя не сказать, что Шишковъ былъ во многомъ правъ, возставая противъ множества пестрившихъ нашу тогдашнюю рѣчь галлицизмовъ и французскихъ словъ, изъ которыхъ многія появились совершенно безъ всякой нужды, хотя въ замѣну ихъ Шишковъ съ своей стороны представлялъ такія составленныя имъ русскія слова, которыя были, пожалуй, гораздо хуже изгоняемыхъ имъ. Питая особенную ненависть ко всякому новому или изъ чужого языка заимствованному слову, Шишковъ утверждалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже невозможно обойтись безъ новаго слова для совершенно новаго понятія, гораздо лучше составить свое слово, сообразно однако съ духомъ языка, или отыскать какое-нибудь старинное слово, близкое по значенію своему къ иностранному и употреблять его.

Какъ смѣшны и нелѣпы иногда были эти замѣны въ сочиненіяхъ Шишкова, — объ этомъ и говорить нечего, хотя источникомъ ихъ была любовь къ языку и любовь искренняя. Конечно Шишковъ имѣлъ полное право хлопотать о чистотѣ русскаго языка, возставать на неумѣренный наплывъ въ немъ неологизмовъ, словъ и оборотовъ, пришедшихъ къ намъ вмѣстѣ съ модами изъ Парижа, осмѣивать наше обезьянство, но онъ не додумался, что это обезьянство существовало у насъ не какъ мода, не какъ повѣтріе, а скорѣе какъ историческая необходимость, что оно было слѣдствіемъ великой Петровской реформы. Въ этихъ заимствованіяхъ словъ и новыхъ понятій сказалась бѣдность нашей мысли и нашей литературы, которыя встрѣтились съ западнымъ богатствомъ той и другой; новый міръ идей, безъ котораго не могло продолжаться наше развитіе, такъ или иначе долженъ былъ выразиться; иностранный элементъ былъ неизбѣженъ;

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866 г., с. 159.

но Шишковъ, справедливо нападая на него, не вдумался въ тотъ законъ въ исторіи всякаго языка, по которому слова и выраженія создаются и остаются въ немъ, какъ результаты продолжительной борьбы за существованіе; привычка и употребленіе даютъ имъ право на жизнь, и никто не введетъ насильно ни одного слова; отсюда, изъ этого незнанія исторіи языковъ, у Шишкова смѣшеніе языка русскаго съ славянскимъ и особенное пристрастіе къ послѣднему, на который онъ смотрѣлъ, какъ на источникъ перваго.

Разсужденіе Шишкова не столько по своимъ нападеніямъ на новый слогъ, сколько по скрытой въ немъ враждѣ ко всему новому, должно было возбудить противъ себя отпоръ и быть началомъ длиннаго спора. По словамъ Шишкова, онъ поднесъ свою книгу чрезъ министра народнаго просвѣщенія Государю и былъ осчастливленъ за нее знакомъ монаршаго благоволенія. „Многія духовныя и свѣтскія особы, *службою, лѣтами и нравами почтенныя*, похвалили мое усердіе [1]). Впрочемъ Державинъ, принадлежавшій также къ этимъ особамъ и сдѣлавшійся потомъ сторонникомъ Шишкова не по убѣжденію въ преимуществахъ стараго слога, а по одинаковому образу мыслей, разсказываетъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву [2]) о своемъ замѣчаніи Шишкову, что его разсужденія слишкомъ пристрастны и что тотъ отошелъ отъ него съ неудовольствіемъ. Настоящую полемику противъ Шишкова изъ лагеря карамзинистовъ первый началъ издатель „Московскаго Меркурія“—П. И. Макаровъ.

Полемика этого карамзиниста была такая, какую могъ написать человѣкъ съ умомъ и здравымъ смысломъ, но не филологъ. Макаровъ не замѣтилъ многихъ странностей и промаховъ Шишкова, но онъ понялъ основную мысль Шишкова, скрытую подъ разсужденіями о слогѣ: „Неужели сочинитель, спрашиваетъ критикъ, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ *обычаямъ* и къ *понятіямъ* стариннымъ?“ [3]). Противъ этой мысли возстаетъ Макаровъ и заключаетъ съ убѣжденіемъ: „Не хотимъ возвратиться къ обычаямъ праотческимъ, ибо находимъ, что вопреки напраснымъ жалобамъ строгихъ людей, нравы становятся ежедневно лучше!“ [4]). Шишковъ, по древнимъ церковно-славянскимъ переводамъ греческихъ проповѣдниковъ, дѣлаетъ заключеніе, что народъ славянскій и въ древности былъ *ученъ* и глубокомысленъ... „Гдѣ остатки сей учености? спрашиваетъ Макаровъ: о какихъ наукахъ физическихъ

---

[1]) Соч., ч. III, с. 261.
[2]) Соч Державина, изд. Акад. наукъ, т. VIII, с. 862.
[3]) Соч П. Макарова, 1817 г., ч. 2, с. 29.
[4]) Ibid., с. 44.

или математическихъ писали наши предки?“ [1]). Отъ этого древняго времени осталось у насъ множество словъ, которыми однакожъ мы не умѣемъ изъяснить всего, что̀ думаемъ, и Макаровъ доказываетъ, что мы далеко отстали отъ другихъ народовъ Европы и что „до самаго царствованія Петра Великаго духъ упрямства и суевѣрія противился у насъ всякой полезной новости“ [2]). Обращаясь собственно къ вопросу о языкѣ и слогѣ, Макаровъ смотритъ дальше, чѣмъ Шишковъ. Онъ понимаетъ, что языкъ долженъ имѣть свою исторію, что онъ развивается и не можетъ остановиться въ одномъ положеніи: „Языкъ слѣдуетъ всегда за науками, за художествами, за просвѣщеніемъ, за нравами и обычаями—говоритъ онъ. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ“ [3]). Можно ли думать послѣ этого о возвращеніи нашего слога къ Ломоносовскому, какъ хочетъ Шишковъ? Просвѣщеніе идетъ впередъ. „Нѣтъ *вещи*, нѣтъ и *слова*, нѣтъ *понятія*, нѣтъ и *выраженія*, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей, чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій, противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія: что̀ дѣлать? Искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта“ [4]). Признавая необходимость существованія въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ, доказывая эту необходимость нѣкоторыми словами, вошедшими во всеобщее употребленіе, Макаровъ вовсе однакожъ не желаетъ пестрить языкъ безъ крайней необходимости, требуетъ для наукъ и художествъ такихъ словъ, въ которыхъ заключался бы смыслъ ясный и опредѣленный: переводъ ихъ, какъ у Шишкова, можетъ только испортить эти названія. Макаровъ совершенно противъ той смѣси языка славянскаго и русскаго, какую желалъ Шишковъ, думая придать этимъ величіе и силу слогу; онъ возстаетъ и противъ необходимости особаго письменнаго или книжнаго языка, въ противоположность разговорному. Нынѣшніе писатели, говоритъ онъ, стараются образовать языкъ *средній*, одинаковый для книгъ и для общества, „чтобы писать, какъ говорятъ и говорить, какъ пишутъ“. На что этотъ книжный языкъ? „Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и предъ лицомъ народа, или передъ его повѣренными такимъ языкомъ, которымъ всякій, если

[1]) Ibid., с. 17.
[2]) Ibid., с. 19.
[3]) Ibid., с. 23.
[4]) Ibid., с. 21—22.

умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ, а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и не *должны* говорить, хотя бы умѣли"... [1]). У Шишкова, въ его увлеченіи, были очень странныя понятія объ образцахъ слога, которые онъ рекомендовалъ русскимъ писателямъ, вмѣсто чтенія иностранныхъ книгъ. Такъ, напр., выписавъ изъ Четиминеи Димитрія Ростовскаго цѣлое житіе трехъ святыхъ дѣвъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры [2]), онъ спрашиваетъ: откудажъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искусствѣ слова" [3]). Макаровъ справедливо, хотя и иронически замѣтилъ, что вѣроятно это ошибка...

Критикъ Шишкова долженъ былъ заступиться за своего учителя Карамзина: „Всего непріятнѣе, говоритъ онъ, видѣть фразы г. Карамзина, перемѣшанныя въ сей книгѣ съ фразами ученическими, и писателя, которому наша словесность такъ много обязана, поставленнаго наравнѣ съ другими. По счастію, всеобщее и отличное къ нему уваженіе, котораго онъ ежедневно получаетъ новыя доказательства, не зависитъ отъ мнѣнія одного человѣка. Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ исторіи русскаго языка"...

Другая критика, появившаяся вслѣдъ за Макаровскою, помѣщена въ журналѣ Мартынова „Сѣверный Вѣстникъ" (1804 г. ч. I, 17—29). Она принадлежала Каченовскому, бывшему потомъ долгое время профессоромъ Московскаго университета и издателемъ „Вѣстника Европы". Имя этого столь извѣстнаго потомъ профессора, критика и издателя, тогда еще никому не было извѣстно. Каченовскій только начиналъ свою дѣятельность, помѣщая мелкія статьи свои въ сентиментальномъ родѣ въ тогдашнихъ московскихъ журналахъ. Родомъ онъ былъ грекъ, по фамиліи Качони изъ Харькова и учился тамъ въ коллегіумѣ, гдѣ познакомился со многими европейскими языками. Судьба этого профессора довольно странна. Онъ служилъ сначала въ гражданской и военной службѣ и только сдѣлавшись въ 1801 году библіотекаремъ и правителемъ дѣлъ у попечителя Московскаго университета, графа А. К. Разумовскаго, получилъ возможность примѣнить и употребить въ пользу свои разнообразныя свѣдѣнія. Въ 1806 году онъ сдѣлался профессоромъ.

Критика разсужденія Шишкова написана въ формѣ письма отъ неизвѣстнаго. Она не такъ подробна, какъ у Макарова, но Каченовскій, возставая противъ употребленія славянскаго языка, рекомендуемаго за образецъ Шишковымъ, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія,

---

[1]) Ibid., с. 39.
[2]) Шишковъ. Соч., ч. II, с. 88—106.
[3]) Ibid., с. 106.

что и Макаровъ, т.-е. защищаетъ новый слогъ и необходимыя заимствованія изъ языковъ иностранныхъ для новыхъ понятій. Критика Каченовскаго не лишена нѣкоторой насмѣшливости. Шишковъ, доказывая преимущества слога и умѣнья владѣть имъ у старыхъ нашихъ писателей, приводитъ, между прочимъ, въ примѣръ осторожности и наблюденія ясности въ рѣчахъ, слѣдующій отрывокъ изъ подражанія Ломоносова Анакреону:

Онъ (Купидонъ) чуть лишь ободрился,
Каковъ-то, молвилъ, лукъ:
Въ дождѣ *чатъ* повредился,
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ"...

Шишковъ говоритъ: „Потребно сильной въ языкѣ имѣть навыкъ, дабы чувствовать самомалѣйшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога, или сдѣлать его двусмысленнымъ и недовольно яснымъ. Въ просторѣчіи обыкновенно вмѣсто *чаять должно*, говорятъ сокращенно: *чай*. Ломоносовъ тотчасъ почувствовалъ, что выдетъ изъ сего *двумыслiе* глагола *чай* съ именемъ *чай*, т.-е. китайской травы, которую мы *по утрамъ* пьемъ; и для того, сокращая глаголъ *чаять*, поставилъ *чать*". Такихъ наивныхъ замѣчаній у старика Шишкова было довольно; ими онъ давалъ противъ себя оружіе въ руки враговъ и насмѣшниковъ. Каченовскій не безъ ироніи на это замѣтилъ: „Доказательство, не скажу слабое, а смѣшное! И не умѣющій читать пойметъ тотчасъ по смыслу пѣсни, что тутъ не означается напитокъ; а знающій исторію знаетъ также, что во время Анакреона *чаю* не только еще не пивали, но онъ былъ и неизвѣстенъ; слѣдственно, въ дождѣ ему повредиться никакъ нельзя было. Больше думать можно, что Ломоносовъ занялъ сіе слово отъ простолюдиновъ, которые въ его время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, употребляли оное". Этотъ образчикъ полемики достаточенъ для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ Шишковъ и его критикъ смотрѣли на науку филологіи.

Но Шишковъ вовсе не былъ такой человѣкъ, чтобы промолчать на критики, на него направленныя. У него были искреннія, горячія убѣжденія, защищать которыя онъ считалъ своею святою обязанностью. „Патріотическая ревность или, скажемъ по-русски, ревность къ отечеству, побудила меня издать книгу мою", говоритъ онъ. „Какъ? спрашиваетъ онъ: Меркурій думаетъ, что истину, основанную на чувствахъ любви къ отечеству, не въ слухъ говорить, но токмо въ кабинетѣ своемъ бормотать должно! Почему это? Неужъ ли опасаясь гнѣва писателей московскихъ журналовъ?" [1]). Между нимъ и его

[1]) Соч., ч. II, с. 465.

противниками не было ничего общаго; бездна раздѣляла ихъ убѣжденія, и это радикальное несогласіе Шишковъ выразилъ въ эпиграфѣ, взятомъ имъ изъ Ж. Ж. Руссо и поставленномъ на новой книгѣ его „Прибавленіе къ сочиненію, называемому „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“: „Pourquoi faut il que je vous écrive?.. Quelle langue commune pouvons nous parler?“ Въ этой книгѣ заключается подробный отвѣтъ на критики Каченовскаго и Макарова, называемыя имъ *злонамѣренныя брани*. Здѣсь защищаетъ онъ свои прежнія убѣжденія, не прибавляя ничего новаго къ нимъ, только развѣ усиливая свои доказательства и не уступая ни одного шага своимъ противникамъ, которыхъ онъ третируетъ съ большимъ презрѣніемъ.

ЛЕКЦІИ XVII и XVIII.

Отвѣтъ Шишкова на критики.—И. И. Дмитріевъ.—Его литературная дѣятельность.

Критику Каченовскаго Шишковъ перепечатываетъ всю и на каждое замѣчаніе его старается дать отвѣтъ. Всѣ отвѣты эти заключаются въ подтвержденіи положеній его, что русскій и славянскій языкъ—одно и то же, что всѣ новыя слова, заимствованныя съ языка французскаго, можно замѣнить своими, составленными изъ собственныхъ корней, и пр. Защищается Шишковъ и отъ утвержденій своихъ противниковъ, что онъ хочетъ обуть всѣхъ въ онучи и зипуны и не велитъ читать ни своихъ, ни иностранныхъ книгъ [1]).

Отвѣтъ Шишкова Макарову гораздо обстоятельнѣе. Этотъ критикъ задѣлъ его за живое и только главное обвиненіе Макарова понудило Шишкова отвѣчать ему; онъ говоритъ, что не отвѣчалъ бы критику, еслибъ онъ нападалъ только на его сужденіе о словесности и на его слогъ, но Макаровъ высказалъ мысль, что авторъ разсужденія о слогѣ, „для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ“. Это было обвиненіе въ нелюбви къ просвѣщенію, падавшее обыкновенно и потомъ, черезъ много лѣтъ, на славянофиловъ. И они также, подобно Шишкову, открещивались отъ этихъ обвиненій (въ сущности они были врагами невѣжества), но забывали, что ихъ слѣпая привязанность къ старинѣ логически ведетъ къ тому. „Какъ! восклицаетъ Шишковъ: кто совѣтуетъ перенимать у другихъ народовъ одно токмо полезное и доброе, а не легкомысленное и безполезное; кто желаетъ, чтобъ въ отечествѣ его было меньше Простаковыхъ

[1]) Соч., ч. II, с. 361.

и Вральмановъ; кто говоритъ, что надобно любить свою землю больше, нежели чужую: тотъ по-вашему презираетъ науки и хочетъ просвѣщеніе обратить въ невѣжество?“ [1]). Защита старины и родины, опозоренной, по его мнѣнію, французскимъ вліяніемъ, идетъ у него съ большимъ одушевленіемъ; всякій видитъ, что это человѣкъ искренно убѣжденный. „Почему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете и подумать о нихъ безъ крайняго отвращенія?—спрашиваетъ онъ своихъ критиковъ... „Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали царей и законы: свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе, Палицины, Минины, Долгорукіе и множество другихъ. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная связь, безкорыстіе, вѣрность, гостепріимство и иныя многія достоинства ихъ украшали...“ [2]). Понятія о просвѣщеніи у критиковъ и у Шишкова различны. „Просвѣщеніе не въ томъ состоитъ, говоритъ онъ, чтобъ напудренный сынъ смѣялся надъ отцемъ своимъ ненапудреннымъ. Мы не для того обрили бороды, чтобы презирать тѣхъ, которые ходили прежде или ходятъ еще и нынѣ съ бородами, не для того надѣли короткое нѣмецкое платье, дабы гнушаться тѣми, у которыхъ долгіе зипуны. Мы выучились танцовать миноветы, но за что же насмѣхаться намъ надъ сельскою пляскою бодрыхъ и веселыхъ юношей, питающихъ насъ своими трудами? Они такъ точно пляшутъ, какъ бывало плясывали наши дѣды и бабки. Должны ли мы, выучась пѣть итальянскія аріи, возненавидѣть подблюдныя пѣсни? Должны ли о святой недѣлѣ изломать всѣ лубки для того только, что въ Парижѣ не катаютъ яйцами? Просвѣщеніе велитъ избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велитъ, ѣдучи въ каретѣ, гнушаться телѣгою. Напротивъ, оно, соглашаясь съ естествомъ, рождаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже и къ безсловеснымъ вещамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами“ [3])... Эти упреки въ ненависти къ народу, обращенные Шишковымъ къ своимъ критикамъ, направлены были вовсе не туда, куда слѣдовало. Наша литература была невиновата въ презрѣніи къ народу; другое дѣло общество, увлеченное безсмысленнымъ подражаніемъ французскому; но что же было общаго между всѣмъ этимъ и тѣми французскими словами и выраженіями, которыя вторгались въ

---

[1]) Ibid., с. 458.
[2]) Ibid., с. 458—9.
[3]) Ibid., с. 459—60.

новыя произведенія? Въ жару полемики Шишковъ не хотѣлъ или не могъ различать предметы.

Въ отвѣтѣ Макарову находится и прямое нападеніе на Карамзина. Макаровъ, защищая его, говорилъ, что Карамзинъ составилъ въ нашей словесности эпоху и что имя его славно не только у насъ, но и за границею: „Меркурій напрасно меня винитъ, говоритъ Шишковъ, будто я стараюсь затмить славу писателя, котораго онъ именуетъ. Я ничьей славы затмевать не хочу, а желаю общаго добра, какое происходить можетъ отъ любленія природнаго языка своего [1]). (Я радъ вмѣстѣ съ Меркуріемъ восклицать, что „Бѣдная Лиза“ написана хорошимъ и пріятнымъ слогомъ, но желалъ бы, чтобъ пріятность слога въ таковыхъ сказочкахъ сопряжена была съ пользою нравоученія, и чтобъ худыя правила не назывались въ нихъ благовоспитанностью. „Наталья боярская дочь“ (не знаю, чьего она сочиненія, да и на что мнѣ знать это?) есть также легкимъ слогомъ написанная сказочка, но я бы вырвалъ ее изъ рукъ дочери моей, еслибъ она читать ее стала; ибо весьма вѣрю сему, что „тлятъ обычаи благи бесѣды злы)“ [2]). Онъ говоритъ впрочемъ, что нигдѣ не упоминалъ даже имени Карамзина и что если въ примѣрахъ, имъ приведенныхъ, и могли попасться нѣкоторыя фразы этого писателя, то онъ увѣренъ, что читатели не поставятъ этого ему въ преступленіе, какъ будто онъ оскорбилъ нѣчто священное и недостоинъ уже, чтобъ земля его носила“ [3])... Шишковъ умѣлъ найти и слабыя стороны критики своего противника. Такъ говоря о томъ, что языкъ нигдѣ не можетъ остановиться въ одномъ положеніи и безпрестанно мѣняется, Макаровъ пишетъ: „Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосѳеновъ (т. е. современные греки) должны какъ чужестранцы учиться тому языку, которымъ предки ихъ гремѣли на каѳедрѣ аѳинской“.... „Хорошій примѣръ для послѣдованія, замѣчаетъ на это Шишковъ. Господинъ Меркурій желаетъ насъ видѣть похожими на потомковъ Демосѳеновыхъ, у которыхъ нѣтъ уже ни языка, ни наукъ. Для того, что ихъ языкъ, уклоняясь отъ Гомерова языка, пришелъ въ упадокъ, такъ и нашему, уклоняясь отъ славенскаго, надобно придти въ упадокъ!“ [4]).

---

[1]) Ibid., с. 452.

[2]) Слова, поставленныя въ скобкахъ, были въ отдѣльномъ изданіи прибавленія. Въ собраніи сочиненій Шишкова ихъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ находимъ: „...и отнюдь не думаю, чтобъ человѣкъ справедливый и благомыслящій могъ въ примѣчаніяхъ моихъ находить какую-нибудь личность или пристрастіе. Мнѣніе мое не есть законъ; но и намѣреніе мое не есть злословіе“.

[3]) Ibid., с. 450.

[4]) Ibid., с. 431—2.

Такъ началась эта полемика между старымъ и новымъ, принимавшая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, самыя разнообразныя формы, пріобрѣтшая новыхъ дѣятелей и получившая новое ожесточеніе вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ и въ особенности войны нашей съ французами, войны несчастной, а потому возбудившей въ обществѣ сильную ненависть къ французамъ. Покуда Шишковъ былъ одинъ; онъ одинъ имѣлъ смѣлость поднять свой голосъ въ защиту старины, на осмѣяніе новыхъ словъ въ русскомъ языкѣ, а съ ними вмѣстѣ и новыхъ понятій, искренно имъ ненавидимыхъ. Эти понятія были въ связи съ французскимъ переворотомъ XVIII вѣка; Шишковъ видѣлъ ихъ въ нашей жизни, въ обществѣ, литературѣ. Онъ говоритъ это прямо: „Мы оставались еще, до временъ Ломоносова и современниковъ его, при прежнихъ нашихъ духовныхъ пѣсняхъ, при священныхъ книгахъ, при размышленіяхъ о величествѣ Божіемъ, при умствованіяхъ о христіанскихъ должностяхъ и о вѣрѣ, научающей человѣка кроткому и мирному житію, а не тѣмъ развратнымъ нравамъ, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ такого проліянія крови, и понынѣ еще во Франціи гнѣздятся“ [1]). Одинъ онъ высказывалъ печатно тогда эти мысли и никакъ конечно не ожидалъ, что у него будетъ скоро много сторонниковъ и что самъ Карамзинъ, глава школы или, по выраженію Шишкова, „нѣкоторой особливой *шайки* писателей, вооружившихся противъ славенскаго языка“, будетъ на его сторонѣ и станетъ высказывать прямо государю еще болѣе запугивающія мысли. Теперь онъ былъ одинъ въ литературѣ; его сторонники, его друзья старики, дѣлившіе его мысли и убѣжденія въ дружескихъ бесѣдахъ съ нимъ и на очередныхъ вечерахъ литературныхъ въ Петербургѣ, не поддерживали его въ печати. Все молодое, свѣжее стояло на сторонѣ, разумѣется, его противниковъ. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, какъ студенты Казанскаго университета были недовольны лекціями профессора русской словесности Городчанинова, поклонника старинныхъ писателей и жестокаго врага Карамзина и его нововведеній въ слогѣ, какъ онъ одинъ, въ которомъ съ дѣтства была дворянская закваска славянофильства, также не любилъ Карамзина, не умѣя дать себѣ отчета въ причинахъ этой нелюбви, какъ онъ одинъ только читалъ съ восторгомъ разсужденіе Шишкова, но зато встрѣчалъ упорное противодѣйствіе во всѣхъ своихъ товарищахъ [2]). Конечно, нѣкоторые журналы того времени, найдя извѣстную долю правды въ замѣткахъ

---

[1]) Ibid., с. 423.

[2]) Сем. Хрон. и Восп. 1856 г., 457—460.

Шишкова, стали противодѣйствовать варваризмамъ; въ этомъ отношеніи нельзя отрицать вліяніе Шишкова. Болѣе всего впрочемъ его убѣжденія раздѣляла Россійская Академія; на нее онъ хотѣлъ дѣйствовать. Онъ, Державинъ и Хвостовъ, настояли въ Академіи на изданіи книги, которая бы особенно была посвящена языку и словесности [1]) для назиданія молодымъ писателямъ и для истребленія въ русскомъ языкѣ словъ иностранныхъ, которыя Шишковъ хотѣлъ замѣнить вновь составленными изъ славянскихъ корней. Это былъ славянскій словарь, составленный самимъ Шишковымъ; напечатана была только первая его часть, а остальныя остались въ рукописи, потому что духовные члены Академіи не согласились на печать по цензурнымъ соображеніямъ.

Въ то время какъ Шишковъ началъ эту полемику съ новымъ слогомъ, съ тѣмъ, что̀ казалось ему въ новомъ направленіи нашей литературы пагубнымъ и вреднымъ, противъ него возстали люди болѣе молодого поколѣнія, воспитанники Карамзина, дѣти его слога и направленія. Но въ ту пору жили еще нѣкоторые писатели временъ Екатерины, окруженные славою и поклоненіемъ, какъ учители, какъ авторитеты для молодыхъ талантовъ. Изъ такихъ признанныхъ, старыхъ авторитетовъ большимъ вліяніемъ пользовались два поэта. Одинъ старикъ Державинъ въ Петербургѣ, пережившій и свою славу и свой талантъ, но писавшій въ ту пору очень много, чуть ли даже не гораздо больше, чѣмъ въ первые, свѣтлые дни своей извѣстности и славы. Другой—И. И. Дмитріевъ—въ Москвѣ,—другъ Карамзинской юности, первый наставникъ его въ литературномъ дѣлѣ, человѣкъ чрезвычайно остроумный, поэтъ-самоучка, но по уму стоявшій выше всѣхъ современныхъ ему писателей стиховъ и успѣвшій самъ себя образовать и поднять до уровня современности. Дмитріевъ жилъ очень долго; въ теченіе своей жизни онъ пережилъ очень многое; онъ былъ свидѣтелемъ первой славы Державина, пріобрѣтенной имъ одою къ Фелицѣ; по его совѣту, прислушиваясь къ его тонкому вкусу, Державинъ исправлялъ нѣкоторые стихи свои и замѣнялъ дикія слова и выраженія, которыми такъ богаты его стихи, другими, болѣе простыми и понятными. Дмитріевъ первый познакомилъ Карамзина съ авторствомъ и первый открылъ въ немъ талантъ; всю жизнь оставался онъ дружевъ съ нимъ и въ свою очередь сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ—въ поэзіи. Дмитріевъ встрѣтилъ привѣтомъ первые опыты Жуковскаго и былъ свидѣтелемъ лучшихъ его произведеній. Онъ пережилъ всю поэтическую и литературную жизнь Пушкина; онъ видѣлъ на сценѣ первую знаменитую комедію Гоголя.... Вѣдь это

[1]) Шишковъ. Записки. II, с. 5.

цѣлые періоды литературной жизни русскаго общества, въ которые и оно и Россія столько пережили; это цѣлая длинная исторія. Событія и люди проходили въ теченіе болѣе полувѣка сознательной и зрѣлой жизни передъ глазами этого умнаго, наблюдательнаго старика, интересовавшагося очень многимъ до послѣднихъ дней своей жизни. А какія событія, и какіе люди! Подобно Державину, Дмитріевъ, начавъ свою службу въ полковой казармѣ, сдѣлался министромъ; на этомъ высокомъ правительственномъ посту горизонтъ его зрѣнія былъ гораздо шире и ничѣмъ не стѣснялся. Изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ, старыхъ и новыхъ, Дмитріевъ болѣе прочихъ походилъ на европейскаго писателя по своей обширной и дѣятельной перепискѣ, прекратившейся кажется только за нѣсколько часовъ до его смерти. Все, что̀ только въ литературѣ и обществѣ было замѣчательнаго по уму и таланту, всѣ люди, выходящіе изъ ряда, вели переписку съ Дмитріевымъ и онъ дѣятельно поддерживалъ ее. Множество писемъ къ нему Державина, Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго, Блудова, Тургеневыхъ, Пушкина, Кн. Вяземскаго, А. Измайлова и др. позволяютъ намъ войти въ тотъ духовный внутренній міръ, которымъ жилъ этотъ замѣчательный старикъ, познакомиться съ интересами, которые занимали его въ теченіе полувѣка. Наконецъ Дмитріевъ оставилъ свои собственныя записки, свои наблюденія надъ жизнью и людьми, подъ названіемъ „Взглядъ на мою жизнь“. О нихъ печаталось много извѣстій; отрывки ихъ появлялись въ журналахъ давно уже, а въ цѣломъ видѣ „Записки“ долго не выходили вслѣдствіе цензурныхъ соображеній. Наконецъ онѣ вышли въ свѣтъ безъ предварительной цензуры и дѣйствительно безъ пропусковъ. Мысль и слово писателя передъ нами въ неискаженномъ видѣ и мы можемъ видѣть душу его въ самой глубинѣ его. Что же за человѣкъ былъ этотъ поэтъ Дмитріевъ? Что̀ его интересовало? Что̀ было ему дорого? Въ какомъ отношеніи стоялъ онъ къ жизни и обществу? Познакомившись съ одною такою типическою личностью въ нашей литературѣ, мы поймемъ, въ чемъ состояло тогда и ея собственное содержаніе, чѣмъ она наполнялась.

Дмитріевъ былъ шестью годами старше Карамзина, своего земляка по Симбирской губерніи. Онъ происходилъ также изъ дворянскаго рода этой мѣстности и первоначальное образованіе получилъ въ казанскомъ пансіонѣ какого-то француза Манженя, сдѣлавшагося потомъ домашнимъ учителемъ извѣстнаго намъ Макарова. Затѣмъ ученіе продолжалось уже въ Симбирскѣ, въ пансіонѣ отставного поручика Кабрита, котораго Дмитріевъ очень хвалитъ. Но тамъ и здѣсь ученье продолжалось не долго; оно прекратилось на одиннадцатомъ году, и Дмитріевъ едва узналъ кое-что изъ ариѳметики да научился

читать по-французски и по-нѣмецки, не понимая, разумѣется, прочитаннаго. Отецъ увезъ сына въ деревню и, такъ какъ онъ самъ не былъ далекъ въ наукахъ, то и заставлялъ его повторять по книгѣ то, что было выучено въ пансіонахъ. Зато Дмитріевъ усердно читалъ французскіе романы въ переводахъ и заинтересованный однимъ изъ героевъ ихъ—Маркизомъ Г., изъ описанія похожденій котораго были переведены только первыя части по-русски, дочиталъ остальныя съ помощью лексикона по-французски и выучился такимъ образомъ понимать этотъ языкъ. Мать познакомила его съ стихами Сумарокова, а отецъ—Ломоносова, и въ мальчикѣ очень рано пробудилось поэтическое чувство. Остальное образованіе докончено было уже въ Симбирскѣ разговорами отцовскихъ пріятелей помѣщиковъ, собиравшихся на партію виста и толковавшихъ то о хозяйствѣ, то о политическихъ, по большей части, придворныхъ дѣлахъ, то о турецкой войнѣ, свѣдѣнія о которой почерпались изъ московскихъ газетъ. Вотъ кругъ образованія тогдашняго провинціальнаго юноши; дальше шли немногіе.

Но эти „тихіе вечера“ посреди мирныхъ пенатовъ Симбирска, какъ выражается Дмитріевъ, прекратились вдругъ отъ грозы пугачевщины. Всякій скакалъ тогда туда, гдѣ было безопаснѣе, и семейство Дмитріевыхъ уѣхало въ Москву. Денегъ у отца не было, а потому и нельзя было думать о дальнѣйшемъ ученіи сыновей (у Дмитріева еще былъ старшій братъ, Александръ, также вступившій потомъ на литературное поприще). Пришлось читать только русскія книги и, конечно, не научнаго содержанія. Но и это скоро кончилось. Уже въ 1772 году оба брата были записаны солдатами въ гвардейскій Семеновскій полкъ и числились только въ отпуску дома до совершеннолѣтія, но въ 1774 году отецъ привезъ ихъ на службу въ Петербургъ, и четырнадцатилѣтній Дмитріевъ сталъ жить въ солдатской казармѣ и ходить въ полковую школу, гдѣ дѣло образованія ограничивалось слишкомъ немногимъ, необходимымъ для солдатъ. Пришлось ходить на караулы и на ученья. Вскорѣ Екатерина отправилась въ Москву торжествовать миръ съ Турціею; для праздника необходима была гвардія, и Дмитріевъ, пришедшій съ Семеновскимъ полкомъ, увидался въ Москвѣ съ родными и былъ свидѣтелемъ страшной казни Пугачева и Перфильева, которую и описалъ подробно. Какое впечатлѣніе произвело это зрѣлище на душу четырнадцатилѣтняго мальчика, изъ его описанія не видно. Онъ хладнокровно замѣчаетъ страшныя подробности, какъ будто любуется ими и только. Впрочемъ въ ту пору люди зрѣли гораздо раньше и физически и нравственно, нервы ихъ были крѣпче, а чувства и жестче и грубѣе.

Откуда же, спросятъ, у этихъ людей прошлаго вѣка „посреди строевъ и карауловъ“ появлялось поэтическое чувство, заставлявшее

ихъ писать стихи, подбирать риѳмы, хлопотать о размѣрѣ? Какіе интересы будили чувство поэзіи? Умный Дмитріевъ, впрочемъ, сознается самъ, что ему совѣстно назвать свои опыты—опытами въ поэзіи; это были скорѣе опыты въ риѳмованіи. Для поэзіи необходимо чувство, живое отношеніе къ дѣйствительности, а гдѣ ихъ было взять семнадцатилѣтнему солдату или фурьеру, лишенному почти всякаго образованія и живущему въ казармѣ? „Не видавъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія, говоритъ Дмитріевъ, не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами, это были стихи мои“ [1]). Семнадцати лѣтъ онъ сталъ уже печатать свои стихи, сталъ изучать различныя піитики и правила поэзіи, сталъ подражать мелкимъ французскимъ поэтамъ и въ особенности Дорату, одному изъ корифеевъ легкой поэзіи, сдѣлавшемуся любимцемъ Дмитріева. Вотъ, слѣдовательно, откуда бралось содержаніе для тогдашней нашей поэзіи; для него не нужно было ни поэтическаго чувства, ни живого отношенія къ дѣйствительности, а только механика стиха. Но не одними стихами занимался Дмитріевъ. Онъ переводилъ разныя мелкія прозаическія статьи съ французскаго для тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ; напечаталъ отдѣльно: „Жизнь графа Н. И. Панина“ (1787). За всѣ эти труды книгопродавцы платили ему книгами... Знакомство съ Карамзинымъ, его родственникомъ, близкія сношенія съ нимъ, когда онъ воротился изъ своего путешествія, и особенно знакомство съ умнымъ и образованнымъ гвардейскимъ офицеромъ одного съ нимъ полка—Козлятевымъ, у котораго была большая французская библіотека, расширили умственный горизонтъ Дмитріева. Онъ сталъ много читать и вполнѣ познакомился съ обширною французскою литературою. Знакомство съ Державинымъ во время его славы ввело Дмитріева въ кругъ тогдашнихъ петербургскихъ писателей; скоро онъ сдѣлался совѣтникомъ Державина по части разныхъ стиховъ и выраженій.

Настоящимъ вдохновителемъ поэзіи Дмитріева былъ, однако, Карамзинъ; его извѣстность и слава начинаются съ тѣхъ стиховъ, которые помѣщены были имъ въ „Московскомъ Журналѣ“ Карамзина, въ его сборникахъ, Аглаѣ, Аонидахъ, и въ книжкѣ, изданной Дмитріевымъ въ подражаніе Карамзину „И мои бездѣлки“. Вліяніе Карамзина, чувствительность, которою отличалось его направленіе, отличаетъ и первыя извѣстныя стихотворенія Дмитріева. Вотъ почему онъ, старшій шестью годами Карамзина, долженъ быть причисленъ къ его школѣ. Лучшія произведенія Дмитріева относятся

[1]) Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, с. 32.

къ послѣднему десятилѣтію прошлаго вѣка, т.-е. и къ лучшей порѣ дѣятельности Карамзина, когда создавалось его направленіе. Съ этихъ поръ Дмитріевъ сдѣлался авторитетомъ въ поэзіи. Его двѣ пѣсни: „Стонетъ сизый голубочекъ“ и „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ“—сдѣлались очень скоро модными и пѣлись очень долго. Но у Дмитріева, рядомъ съ этой вялой сентиментальностью шло и сатирическое направленіе, которое въ особенности проявляется въ двухъ первыхъ его сказкахъ: „Модная жена“ (1792) и „Причудница“ (1795). Послѣдняя есть подражаніе Вольтеру. Отличительный характеръ этихъ сказокъ заключается въ ловкости версификатора и удивительной для того времени легкости стиха, такъ что въ этомъ отношеніи у Дмитріева не могло быть соперниковъ. По его собственному признанію, главная его забота была направлена на внѣшнюю сторону стиха, на его плавность и богатство риѳмы. „Отъ того, можетъ быть, и примѣчается, говоритъ онъ, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ, скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы“. О чувствѣ и говорить нечего: всѣ стихотворенія Дмитріева, гдѣ онъ старается высказать свои сердечныя ощущенія, относящіяся къ различнымъ Прелестамъ, Филлидамъ, Хлоямъ—вялы и очевидно придуманы. Въ своей автобіографіи Дмитріевъ даже и не намекнулъ о какомъ-либо сердечномъ движеніи и всю жизнь свою былъ не женатъ. Отличительною чертою его характера былъ эгоизмъ; преобладала въ немъ также и значительная доля эпикуреизма, но не того грубаго, матеріальнаго эпикуреизма, который проявляется въ натурахъ неразвитыхъ и чувственныхъ, а эпикуреизма духовнаго—удѣла тѣхъ высоко развитыхъ умственно натуръ, которыхъ много представляло у насъ общество въ различныя эпохи своего существованія. Натуры эти, лишенныя возможности принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ страны, недовольныя дѣйствительностью, не похожею на ихъ идеалы, съ отчаяніемъ въ душѣ уходили въ міръ духовныхъ наслажденій или въ жизнь и стремленія чужихъ народовъ. Такихъ артистическихъ натуръ, продуктовъ нашего болѣзненнаго развитія, было много у насъ, особенно въ 30-ые и 40-ые годы. Къ ихъ числу принадлежалъ отчасти и Дмитріевъ, хотя чинолюбіе и служебная дѣятельность играли не малую роль въ его жизни.

Самымъ лучшимъ поэтическимъ и плодотворнымъ годомъ для Дмитріева былъ 1794 годъ, когда онъ, будучи уже капитанъ-поручикомъ гвардіи, посѣтилъ свою родину—Сызрань, плавалъ по Волгѣ для свиданія съ разными родными и жилъ и дышалъ воздухомъ

родныхъ полей своихъ. Какъ ни искусственна вообще поэзія Дмитріева,—въ этомъ смыслѣ она похожа на всякую другую поэзію XVIII вѣка,—но подъ впечатлѣніями образовъ широкой природы, родной и близкой сердцу поэта, она невольно получаетъ оживленіе. Въ своихъ „Запискахъ“ Дмитріевъ поддается искреннему чувству, вспоминая свои прогулки въ Сызрани, по берегамъ Волги или ея заливовъ. „Здѣсь-то, въ роскошную пору весны, говорилъ онъ, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера, мелькнули предо мною безмолвные признаки Ермака и двухъ шамановъ“ [1]). Отъ Сызрани Дмитріевъ проѣхалъ внизъ по Волгѣ до самой Астрахани (до Сарепты на парусномъ суднѣ). Удовольствія этого пути Дмитріевъ вспоминалъ и въ глубокой старости. Въ прозѣ его „Записокъ“ даже воспоминанія эти кажутся лучше, чѣмъ въ его одѣ „къ Волгѣ“, написанной тогда же, гдѣ онъ не кстати вызываетъ тѣни историческихъ событій, къ которымъ относится гиперболически-холодно. Такого рода воскрешеніе прошлаго является и въ знаменитой одѣ Дмитріева „Ермакъ“, написанной тогда же. Вѣроятно, Волга напомнила ему героя-завоевателя Сибири, но какъ ни нравилась эта ода современникамъ и послѣдующему поколѣнію, которое знало ее наизусть и приводило безпрестанно въ реторикахъ стихи изъ нея въ образецъ живописности слога,—для насъ это—холодное, придуманное созданіе, выраженіе того внѣшняго патріотизма, которымъ наполнялось царствованіе Екатерины. Тогда же имя Дмитріева сдѣлалось извѣстно и императрицѣ. Въ Сызрань дошелъ слухъ объ извѣстномъ штурмѣ и взятіи Варшавы Суворовымъ, прежде даже, чѣмъ это всѣми ожидаемое событіе совершилось, и Дмитріевъ тотчасъ написалъ свой „Гласъ патріота на покореніе Варшавы“ и послалъ его въ Петербургъ Державину для напечатанія... Тотъ напечаталъ и поднесъ оду эту Екатеринѣ и придворнымъ въ тотъ самый день, когда было получено дѣйствительно извѣстіе о взятіи Варшавы. Это удивило всѣхъ. Но какъ ни остроумно смѣялся самъ Дмитріевъ надъ одами, его собственныя произведенія въ этомъ родѣ ничѣмъ, кромѣ развѣ точности и лучшей отдѣлки стиха и выраженія, не отличаются отъ подобныхъ произведеній современниковъ. Холодный расчетъ въ нихъ виденъ на каждомъ шагу, и ни въ одной нѣтъ искренности, этого главнаго условія поэзіи. Какъ былъ чуждъ Дмитріевъ истинной поэзіи, видно изъ его передѣлки извѣстнаго стихотворенія Гёте: „Die Grenzen der Menschheit“, названной нашимъ перелагателемъ „Размышленіе по случаю грома“ (1795). Широкій эллинскій пантеизмъ нѣмецкаго поэта совершенно исчезаетъ въ этомъ переложеніи, напоминающемъ собою Ломоносова и его „Подражаніе Іову“.

[1]) Взглядъ на мою жизнь, с. 71.

Мы упоминали уже о сказкахъ Дмитріева, въ которыхъ онъ, по словамъ современныхъ раболѣпствующихъ передъ нимъ критиковъ, является „неподражаемымъ“. Еще Полевой, уже по смерти Дмитріева, называлъ его сказки превосходными. Для насъ онѣ ничего не говорятъ. Это передѣлки, подражанія французскимъ произведеніямъ этого рода поэзіи салоновъ, которою такъ богата была французская литература прошлаго вѣка. Легкіе нравы, легкая насмѣшка надъ свѣтскою жизнью — вотъ всѣ ихъ достоинства, которыя увеличиваются еще отъ вылощеннаго, обдуманнаго, безъ сомнѣнія, много разъ переправляемаго Дмитріевымъ стиха, который поражалъ современниковъ. Чрезвычайно рѣдко попадаются въ этихъ красивыхъ и легкихъ сказочкахъ черты изъ русской жизни. Приведемъ одно только изображеніе сосѣда Дмитріева по деревнѣ въ Сызранскомъ уѣздѣ — ротмистра Ивашева, который нарисованъ очень вѣрно, какъ свидѣтельствуетъ племянникъ поэта [1]).

„О, если бы возстать изъ гроба ты сейчасъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!.. Я помню какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ.
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи!
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ; дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтизною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ!
Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь... еще тому не вѣрилъ“.

Въ такомъ же родѣ написана довольно живая картинка изъ стариннаго русскаго быта „Каррикатура“, грустно-смѣшная идиллія въ русскомъ вкусѣ, героемъ которой является другой сосѣдъ Дмитріева, ротмистръ Шешминскаго полка. Но эти образы и картины ложились подъ перо поэта случайно; онъ не думалъ о нихъ, не заботился; для него дороже было подражаніе.

Что Дмитріевъ понималъ всю ложь того *одобрсія*, которымъ страдали наши поэты лирическіе со временъ Ломоносова и которое про-

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти, с. 125—6.

шло только съ развитіемъ въ обществѣ образованности, съ уничтоженіемъ меценатства, раболѣпства поэтовъ, съ пріобрѣтеніемъ литературою бо̀льшаго къ себѣ уваженія, — доказываетъ знаменитая сатира его „Чужой толкъ“ (1795), внушенная мыслью англійскаго поэта прошлаго̀ вѣка, Попа, въ его „Посланіи къ доктору Арбутноту“, которое Дмитріевъ также перевелъ съ французскаго въ 1793 году. Въ сочиненіяхъ Дмитріева находится очень много эпиграммъ и вообще разныхъ выходокъ противъ современныхъ слагателей стиховъ, которыми въ его время сильно изобиловалъ россійскій Парнасъ. Подъ вымышленными или огреченными именами можно узнать Хвостова, Боброва, Николева, Бухарскаго и другихъ жалкихъ піитъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Сатира „Чужой толкъ“ (это названіе дано Дмитріевымъ потому, что сужденія сатиры высказываются не отъ лица поэта, а отъ лица Аристарха, критика), есть общее выраженіе неудовольствія на торжественную, подкупную лирику и изображеніе тѣхъ условій, при которыхъ она могла тогда существовать. Сатирикъ жалуется, что мы давно уже пишемъ оды, но что поэты наши не дѣлаются отъ того славными, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться съ Горацiемъ. А какъ, кажется, не получить славы; древніе поэты писали небольшія оды „листочекъ, много два“, — мы же во сто разъ прилежнѣе и терпѣливѣе. Древніе писали рѣзвясь, долго не думая и не заботясь...

„Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ“.

Всѣ правила піитическія соблюдены въ этихъ одахъ, а между тѣмъ нѣтъ охоты читать:

„Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды.
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда—короче я скажу:
Въ стихамъ реляція! прекрасно!.. а зѣваю!“

Начнешь читать другія оды, напр., на какой-нибудь праздникъ, и то же впечатлѣніе:

„Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!“

Какія причины того, что поэзія одъ не нравится? Во-первыхъ: всѣ одописцы поэты не по призванью:

„Большая часть изъ нихъ—лейбъ гвардіи капралъ,
Асессоръ, офицеръ, какой-нибудь подьячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все нужный, должностной,
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, три дни рифму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ“..

Во-вторыхъ, у древнихъ была одна цѣль, а у насъ—другая. Горацій желалъ славы въ потомствѣ, а въ Римѣ, простого вѣнка...

„А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ“.

Подъ конецъ Дмитріевъ очень остроумно и очень зло смѣется надъ придуманными выраженіями тѣхъ или другихъ одъ. Насмѣшка поэта, конечно, очень тонкая, но не надобно забывать, что насмѣшка эта относилась только къ одному внѣшнему выраженію; самой сущности дѣла Дмитріевъ не затронулъ; его мысль не доросла еще до убѣжденія, что поэзія должна выражать дѣйствительность и что самая сущность похвальной оды есть уже нарушеніе ея достоинства. Да и всегда Дмитріеву дороже было литературное выраженіе, внѣшняя сторона. Онъ прожилъ очень долго; передъ его глазами нѣсколько разъ измѣнилась жизнь общества, а слѣдовательно и литература, а Дмитріевъ все думалъ, что дѣло только шло объ измѣненіи литературнаго вкуса...

Особенную славу и извѣстность Дмитріеву пріобрѣли его басни и апологи. Обыкновенно онъ считается, наряду съ Хемницеромъ и Крыловымъ, однимъ изъ лучшихъ нашихъ баснописцевъ. Прежде критика, при общей распространенности въ нашей литературѣ этого жалкаго рода поэтическихъ произведеній, очень подробно останавливалась на сравнительномъ изученіи басенъ трехъ нашихъ баснописцевъ и на опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства. Критика давно присвоила Дмитріеву названіе русскаго Лафонтена. И басни, какъ и всѣ прочія его произведенія, отличаются законченностью выраженія, отдѣлкою стиха, легкостью, умомъ и насмѣшливостью; все въ нихъ гладко; нигдѣ нѣтъ зацѣпины. Галаховъ соглашается, при оцѣнкѣ басенъ Дмитріева, съ мнѣніемъ Мерзлякова [1]): „Дмитріевъ

[1]) Галаховъ. Исторія русской словесности. М. 1894. Т. II стр. 187.

отворилъ баснямъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличавшіяся вкусомъ и языкомъ". Но какъ жалко то общество, гдѣ интересуются баснею, гдѣ прислушиваются къ ея закрытой, бѣдной морали. Дѣйствительно, въ этомъ обществѣ не было интереса ни къ чему живому; въ немъ только и можно было пріобрѣсти себѣ славу баснями. Замѣтимъ, что всѣ басни Дмитріева — переводныя съ французскаго; даже въ передѣлкахъ своихъ онъ не допустилъ, подобно Крылову, ни одной черты русской...

Мы передали такимъ образомъ въ общихъ чертахъ всю литературную дѣятельность Дмитріева, имя котораго стоитъ обыкновенно рядомъ съ Карамзинымъ и которому приписывается то же реформаторское значеніе въ нашей поэзіи, какое Карамзину въ прозѣ. Но у Карамзина были своего рода убѣжденія, было извѣстное отношеніе къ жизни, къ вопросамъ общественнымъ, которое онъ высказывалъ въ разныхъ случаяхъ. У Дмитріева мы не найдемъ ничего подобнаго: его отношенія къ современнымъ событіямъ высказываются только въ формѣ похвальной оды, попрежнему. Онъ весь занятъ отдѣлкою стиха.

Въ годъ смерти Екатерины Дмитріевъ достигъ тогдашней цѣли своихъ желаній, дослужился до чина капитана и поѣхалъ въ годовой отпускъ, съ твердымъ намѣреніемъ выйти въ отставку въ извѣстномъ чинѣ бригадира, какъ дѣлали тогда всѣ. При воцареніи Павла онъ исполнилъ свое намѣреніе и думалъ уже о мирной жизни въ отставкѣ, какъ неожиданный доносъ на него въ измѣнѣ сдѣлалъ имя его извѣстнымъ Павлу. Доносъ былъ конечно ложенъ, и Дмитріевъ разсказываетъ подробно въ своихъ „Запискахъ" всю передрягу по этому случаю [1]). Это обстоятельство доставило Дмитріеву, при участіи, впрочемъ, полюбившаго его наслѣдника престола Александра Павловича, званіе оберъ-прокурора въ сенатѣ, товарища министра удѣловъ, тогда только что учрежденнаго министерства, и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Все это произошло въ очень короткое время, и честолюбіе Дмитріева было удовлетворено болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. „Отсюда начинается ученичество мое въ наукѣ законовѣдѣнія и знакомство съ происками, эгоизмомъ, надменностью и раболѣпствомъ двумъ господствующимъ въ наше время страстямъ: любостяжанію и честолюбію" [2]). Не долго однако Дмитріевъ жилъ въ этой сферѣ; онъ говоритъ о непріятностяхъ, которыя долженъ былъ выносить по службѣ, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ былъ уволенъ въ отставку въ концѣ 1799 года съ пенсіономъ и съ чиномъ тайнаго

---

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр 125—132.

[2]) Ibid, стр. 134.

совѣтника. Онъ уѣхалъ въ любимую имъ Москву, къ Карамзину и другимъ друзьямъ.

Наблюденій надъ чрезвычайно любопытными обстоятельствами того времени, надъ людьми и надъ перемѣнами Дмитріевъ не оставилъ никакихъ. Онъ говоритъ только о себѣ самомъ. О Павлѣ осторожный Дмитріевъ не произноситъ никакого приговора: „Пусть судитъ его потомство, говоритъ онъ; отъ меня же признательность и сердечный вздохъ надъ его прахомъ!“ [1]). Идеаломъ Дмитріева была тихая жизнь посреди друзей, жизнь, преданная умственнымъ интересамъ „Читать, что̀ нравится и видѣть тѣхъ, что милы“, пишетъ онъ Жуковскому [2]). Онъ тотчасъ же въ Москвѣ купилъ домъ съ садомъ, который доставлялъ ему любимое занятіе до самой смерти, и возобновилъ свои литературныя связи и знакомства съ Карамзинымъ, Тургеневымъ, Херасковымъ и др.

Свои чувства восторга, при началѣ этой столь желанной для него жизни, какъ кажется, не притворныя, онъ выразилъ въ прочувствованномъ посланіи „Къ друзьямъ моимъ“. Свобода, дружба, покой и умственныя наслажденія,—вотъ къ чему хочетъ теперь стремиться Дмитріевъ. Тогда онъ началъ писать свои басни, помѣщая ихъ въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина. Онъ былъ такъ друженъ съ нимъ, что вмѣстѣ съ переходомъ Карамзина къ исторіи, прекратилъ и свои литературные труды. 1805 годомъ заканчивается его дѣятельность; дальше писалъ онъ однѣ мелочи и то рѣдко. „Часто приходило мнѣ на мысль, признается самъ Дмитріевъ, что я и совсѣмъ не поэтъ, а пишу только по какому-то случайному направленію, по одному навыку къ механизму [3]) и это была дѣйствительная правда. Но Дмитріевъ все же, какъ поэтъ, счелъ своею обязанностью привѣтствовать одою коронацію новаго царя. Для него, какъ и для Карамзина, очень дорого было обѣщаніе подражать Екатеринѣ:

„При ней корабль нашъ чрезъ пучины
Отважно къ счастію летѣлъ;
При ней Россіянинъ, сынъ славы,
Вселенной подавалъ уставы,
И жребіемъ ея владѣлъ“.

Такимъ образомъ и Дмитріевъ подобно Карамзину и другимъ современникамъ Екатерининскаго царствованія, смотрѣлъ не впередъ, а назадъ; движеніе новаго времени, планы и реформы, задумываемые и приводимые тогда въ исполненіе. не вызывали ни сочувствія его,

---

[1]) Ibid, стр. 157.
[2]) Русск. Арх. 1870 г., стр 1701
[3]) Взглядъ, стр. 92.

ни содѣйствія. Живя въ отставкѣ, въ томъ изящномъ уединеніи, которое онъ устроилъ себѣ въ Москвѣ, Дмитріевъ едва ли даже въ близкомъ кругу друзей высказывалъ свои мысли о положеніи тогдашнихъ дѣлъ. Онъ былъ слишкомъ остороженъ для того; притомъ всѣ интересы его сосредоточивались на стихахъ. Помощи той литературѣ, которая только что начиналась, вызываемая новою государственною жизнью, отъ этого писателя нечего было ждать. Свое сужденіе о времени Александра онъ выразилъ съ тою неопредѣленною уклончивостью, которая всю жизнь отличала его осторожную натуру: „Новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ *слегка* понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній.

„Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣла бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе“ [1]). Весьма трудно изъ этого неопредѣленнаго отзыва Дмитріева вывести заключеніе, которой сторонѣ онъ сочувствовалъ, — вѣроятно не молодымъ.

Тѣмъ не менѣе Александръ, знавшій лично Дмитріева, снова вызвалъ его къ служебной дѣятельности. Правда, это было уже въ ту пору, когда пылъ преобразованій потухъ и начавшаяся борьба съ Наполеономъ направила заботы правительства въ другую сторону. Въ началѣ 1806 года Дмитріевъ сдѣланъ былъ сенаторомъ, но остался въ Москвѣ. Въ 1807 году ему предлагали мѣсто попечителя Московскаго университета послѣ Муравьева, но онъ отказался. Какъ сенаторъ, Дмитріевъ исполнялъ разныя обязанности, ѣздилъ для ревизій нѣкоторыхъ губерній и въ началѣ 1810 года назначенъ былъ министромъ юстиціи; это былъ другой поэтъ Екатерининскаго времени въ этомъ званіи.

Министерство Дмитріева продолжалось около четырехъ лѣтъ; въ своихъ „Запискахъ“ онъ оставилъ довольно подробное изложеніе

---

[1]) Ibid., стр. 180—181.

своей дѣятельности въ этомъ званіи, которымъ, повидимому, тяготился. Оффиціальное положеніе удалило его отъ друзей; какъ человѣкъ строго честный и холодный, онъ не хотѣлъ имъ жертвовать для прежнихъ связей. Молодой Жуковскій жаловался друзьямъ своимъ на его эгоизмъ: „Онъ не имѣетъ того расположенія въ душѣ, чтобы воспользоваться силою для добра тѣхъ, которыхъ онъ ласкалъ и называлъ *своими* во время оно“ [1]). Получивъ отставку въ 1814 году, Дмитріевъ поспѣшилъ отправиться въ свою любимую, теперь обгорѣлую и разоренную Москву. Первымъ дѣломъ его было устроить пріютъ для старости; прежній домъ его сдѣлался также жертвою общаго пожара. Онъ началъ строить новый. Для него опять началась прежняя московская жизнь, „но я уже не могъ обѣщать себѣ, говоритъ онъ, тѣхъ пріятныхъ наслажденій, посреди коихъ текли счастливые дни мои въ продолженіе первой моей отставки“ [2]). Многихъ близкихъ уже не было; Карамзинъ совсѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Но ему оставалось еще много наслажденій того изящнаго одинокаго эгоизма, къ которому онъ всегда былъ склоненъ. Онъ любилъ свой домъ и его устройство, книги, эстампы, садъ, цвѣты. Не разъ ѣздилъ онъ на родину и въ Петербургъ. Съ отсутствующими друзьями и со всѣми сколько-нибудь замѣчательными личностями онъ поддерживалъ дѣятельную и любопытную переписку, которая даетъ прекрасные матеріалы для характеристики вкусовъ, направленія и образа мыслей литературнаго круга Дмитріева и друзей его. Самая замѣчательная въ этомъ отношеніи была переписка съ Карамзинымъ. Осторожный историкъ многое откровенно передавалъ старинному и искреннему другу. Прочіе писатели склонялись предъ его общественнымъ положеніемъ и всѣми признаннымъ авторитетомъ въ поэзіи. Болѣе дѣятельные изъ нихъ въ общественномъ стыслѣ, арзамасцы Блудовъ, Тургеневъ, кн. Вяземскій исполняли его порученія, хлопотали въ Петербургѣ за его друзей и знакомыхъ, доставляли ему французскія книги, запрещенныя и незапрещенныя, эстампы, бюсты и т. п., сообщали ему о дѣлахъ политическихъ, о перемѣнахъ и сплетняхъ при дворѣ, о безуміи цензуры, анекдотическую исторію современной литературы, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояли насмѣшливыя сообщенія о поэтѣ графѣ Хвостовѣ. Дмитріевъ интересовался очень многимъ въ умственномъ и общественномъ мірѣ, но самъ смотрѣлъ на все свысока, хладнокровно и равнодушно. Другіе льстили ему почти въ каждомъ письмѣ. Жуковскій называетъ его своимъ учителемъ въ поэзіи; Батюшковъ благодаритъ его за наставленія; Пушкинъ спѣшитъ отправить къ

[1]) Русск. Арх 1867 г., стр. 799.
[2]) Взглядъ, стр. 239.

нему каждое новое свое произведеніе при учтивомъ письмѣ; Гоголь даетъ ему титулъ „патріарха поэзіи“. Въ чемъ же заключалась тайна этого вліянія Дмитріева на молодыхъ литераторовъ, тайна того уваженія, которымъ они постоянно окружали этого старика Екатерининскаго времени? Кажется, что смыслъ этого явленія, которое не повторялось потомъ въ нашей литературной жизни, надобно искать въ преданіяхъ стараго времени, въ томъ меценатствѣ, которое развилось у насъ еще въ прошломъ вѣкѣ. Но кромѣ высокаго общественнаго положенія, занимаемаго Дмитріевымъ, къ нему влекъ его молодыхъ современниковъ его тонкій, развитый умъ и въ особенности преданія, разсказы о старомъ времени. Замѣтить надобно, что Дмитріева окружало преимущественно то поколѣніе писателей, которое принадлежало къ одному съ нимъ кругу, которое было связано съ нимъ семейными, общественными воспоминаніями. Здѣсь въ особенности связующимъ звеномъ былъ Карамзинъ. Въ этомъ кружкѣ господствовало особенное благоговѣніе къ его другу, представителю Екатерининской старины. За шесть лѣтъ до смерти своей, Дмитріевъ привѣтствовалъ нѣсколькими стихами Жуковскаго, прислашаго ему свое стихотвореніе на штурмъ и взятіе Варшавы Паскевичемъ, гдѣ вспоминалъ о томъ, что и онъ когда-то воспѣвалъ такое же событіе при Суворовѣ, но что теперь прошла его пора.

„Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчно-юный,

отвѣчалъ ему Жуковскій.

Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ,
Ты пробудилъ давно молчавши струны.
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.
Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.
Державина струнамъ родныя, пѣли
Опѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ“.

Съ нашей точки зрѣнія это была лесть Дмитріеву. И какое жалкое представленіе о содержаніи поэзіи: битвы и битвы! Но Жуковскій былъ искрененъ, писалъ отъ сердца.

„Мой вечеръ тихъ и ясенъ“, съ самодовольствомъ говорилъ о себѣ Дмитріевъ. Но самодовольство это было эпикурейское. Онъ составилъ себѣ такую умственную обстановку, которою былъ вполнѣ доволенъ. „Высокій ростомъ, худощавый, нѣсколько косой, говоритъ о немъ знавшій его Полевой, въ небольшомъ парикѣ, онъ ходилъ

тихо, говорилъ медленно, протяжно, умѣлъ говорить по своему умно, остро, но не краснорѣчиво, любилъ разсказывать, но не умѣлъ поддерживать разговора въ обществѣ. Всегда хладнокровный, всегда насторожѣ за своимъ умомъ, онъ являлся ласковымъ и снисходительнымъ по тонкому разсчету, когда видѣлъ, что уступкою больше выиграетъ. До самой кончины любилъ онъ общество и являлся вездѣ. Англійскій клубъ въ Москвѣ былъ постояннымъ мѣстомъ его вседневныхъ посѣщеній. Къ нему, въ уединенный домъ его, гдѣ жилъ онъ одинокимъ, часто собирались литераторы, люди его уважавшіе, наиболѣе по вечерамъ, и Дмитріевъ любилъ ихъ вечернія, уединенныя бесѣды, гдѣ главную роль играли его разсказы“ [1]). Замѣтить надобно, что въ кругу этомъ не было писателей такъ называемаго *плебейскаго* происхожденія. Дмитріевъ и друзья его не любили ихъ, а потому оставались чужды новому движенію литературныхъ идей, которое вызвано было реакціею въ послѣдніе годы царствованія Александра и потомъ послѣ 1825 года. „Либералисты“, какъ называлъ Карамзинъ передовыхъ людей того времени, были чужды кругу Дмитріева; онъ не любилъ ихъ. Ясно, что Дмитріевъ и не понималъ и не могъ сочувствовать новому общественному движенію. Его талантъ не умѣлъ служить общественному дѣлу; онъ отличался чисто внѣшними свойствами и далѣе отдѣлки стиха не шелъ. Только онъ былъ настолько уменъ, что, не сочувствуя новому, не желалъ ему противодѣйствовать и ставилъ выше всего свой изящный покой.

ЛЕКЦІЯ XIX.

Державинъ. Его отношенія къ царствованію Александра.

Другой поэтъ Екатерининскаго времени, спеціальный пѣвецъ императрицы, ея любимцевъ и военной славы нашего XVIII вѣка,— Державинъ, въ литературѣ окруженный почетомъ и всеобщимъ поклоненіемъ, еще менѣе, чѣмъ Дмитріевъ, могъ благосклонно смотрѣть на явленія новаго времени и на тѣ попытки правительства, которыми оно думало внести въ русскую жизнь и лучшее устройство ея, и уваженіе къ закону. Привыкнувъ къ старымъ порядкамъ и къ геніальному произволу своей любимой государыни, Державинъ, конечно, не могъ любить новыя формы и новыя отношенія, въ которыя не укладывалась его своенравная, неуклюжая натура. При томъ, давно уже поэзія не была для него дѣломъ души и сердечнаго чувства. Рядомъ съ дѣйствительнымъ выраженіемъ послѣдняго, напр., на

[1]) Полевой. Очерки Русск. Лит., 1839, т. II, стр. 458.

смерть Суворова, на смерть В. Зубова, шли у него холодныя риторическія оды, въ которыхъ прославлялось любимое дѣтище императора Павла—мальтійскій орденъ и многое другое, чему онъ никакъ не могъ искренно сочувствовать. Въ царствованіе Павла, Державинъ, давно уже ставившій честолюбіе выше поэзіи, для котораго и она сама служила только средствомъ, былъ сенаторомъ, но слава его честности, неподкупности и правдивости доставила ему множество частныхъ дѣлъ, гдѣ онъ являлся третейскимъ судьею. Однако въ царствѣ произвола, гдѣ законъ склоняется въ пользу того или другого сильнаго лица, жить надобно умѣючи, и Державинъ въ своихъ „Запискахъ“ прямо говоритъ, что ему приходилось *балансировать*, то въ ту, то въ другую сторону или сказываться больнымъ, чтобъ не сказать своего настоящаго мнѣнія [1]). Объ этомъ времени онъ высказывается такимъ образомъ: „Въ правленіи, гдѣ обладаютъ любимцы, со всею честностію и правотою души и при всемъ желаніи послѣдовать законамъ, не всегда можно устоять въ правдѣ, или по крайней мѣрѣ поднять на себя невинно людей сильныхъ, что̀ нерѣдко съ Державинымъ и случалось“ [2]). Павелъ впрочемъ благоволилъ къ нему и, незадолго до своей смерти, разсердившись за что-то на тогдашняго государственнаго казначея—Васильева, человѣка честнаго и вполнѣ знакомаго съ своимъ дѣломъ, назначилъ на его мѣсто Державина. Новый императоръ, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, возвратилъ Васильева къ прежнимъ его обязанностямъ, и Державинъ остался только сенаторомъ.

Повидимому, зная безпокойный, неуживчивый характеръ Державина и его образъ мыслей, далеко не соотвѣтствовавшій новому времени, Александръ и его совѣтники не любили поэта. Враговъ у него вообще было довольно. Какъ государственный казначей, Державинъ былъ членомъ государственнаго совѣта; теперь онъ не имѣлъ права являться въ его засѣданія, и это оскорбляло его самолюбіе, раздражало его. Не малую долю въ его отзывахъ о новомъ правленіи и новыхъ правителяхъ играло это чувство оскорбленнаго самолюбія: Державинъ былъ лично недоволенъ. Новые члены совѣта, по его словамъ, довели отечество до погибели въ 1812 году, и Державинъ говоритъ, что онъ этимъ „утѣшился и смѣялся тому“ [3]). Такъ наивно высказалось въ немъ самолюбивое чувство.

Мы говорили уже, какою одою, надѣлавшею шума и возбудившею множество толковъ въ обществѣ, привѣтствовалъ Державинъ воца-

---

[1]) Соч Изд. Ак. Н., т. VI, с 738—9.
[2]) Ibid, с. 741.
[3]) Ibid., с. 758.

реніе Александра. Его коронованіе было также воспѣто имъ. Вообще первый годъ этого царствованія сильно возбудилъ лиру Державина... Александръ нѣсколько разъ является въ его одахъ то олицетвореніемъ кротости, то въ образѣ солнца. Державинъ увлекался тогда образами классическаго міра и разъ изобразилъ даже Александра и его молодую супругу гуляющими по Невской набережной подъ видомъ Аполлона и Дафны. Но и старыя, привычныя формы оды къ Фелицѣ употреблялъ Державинъ, чтобы прославить молодого царя. Такова его ода „къ царевичу Хлору“ [1]), которая есть не что иное, какъ подражаніе прославившей его одѣ къ Фелицѣ; здѣсь, также въ шутливомъ тонѣ, Державинъ говоритъ лесть и воспѣваетъ нравственныя достоинства Александра. Но старыя шутки казались теперь устарѣлыми, а лесть слишкомъ приторною. Въ началѣ царствованія Александра еще не умѣли къ нему примѣниться, лесть не нашла еще для себя настоящей, пригодной къ обстоятельствамъ формы; но прошло немного лѣтъ, и Аракчеевъ, съ своимъ девизомъ: „преданъ безъ лести“, умѣлъ найти настоящее для нея выраженіе. Личное чувство участвовало во всѣхъ взглядахъ и сужденіяхъ Державина. Первый случай, когда онъ столкнулся въ мнѣніяхъ съ новымъ правительствомъ, былъ вопросъ о реформѣ или о новой организаціи Сената, не соотвѣтствующаго уже теперь времени. Реформа эта была указана новыми молодыми совѣтниками Александра; желаніе преобразованій не нравилось Державину; онъ говоритъ, что эти реформы „произвели, какъ впослѣдствіи увидимъ, много шуму и замѣшательствъ въ общихъ дѣлахъ Имперіи, которыхъ привесть въ прежній порядокъ едва ли безъ сильнаго переворота возможно будетъ“ [2]). Онъ самъ написалъ организацію Сената, въ которой разумѣется старался еще усилить прежнее значеніе этого учрежденія. Но молодые совѣтники государя смотрѣли иначе на это дѣло, и планъ Державина былъ неодобренъ государемъ. Это еще болѣе увлекло старика въ оппозицію. Но, зная честность Державина и желая употребить ее въ дѣло, Александръ поручилъ ему въ концѣ 1801 года, какъ сенатору, слѣдствіе надъ важными злоупотребленіями калужскаго губернатора Лопухина. Слѣдствіе это, какъ и всякое прежнее административное участіе въ дѣлахъ Державина, возбудило на него жалобы и создало новыхъ недовольныхъ, новыхъ враговъ. На него донесли, что онъ при допросахъ въ Калугѣ употреблялъ пытку. Конечно, это была неправда, но пылкость и строптивость нрава Державина давали поводъ къ подобнымъ обвиненіямъ. Александръ принялъ его по возвращеніи изъ

---

[1]) Ibid, II, c. 405.
[2]) Ibid, IV, c. 161

Калуги сурово, но скоро убѣдился въ клеветѣ, исходившей отъ обвиненнаго губернатора. Это видно изъ того, что въ сентябрѣ 1802 года, при образованіи въ первый разъ министерствъ, Державинъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Такимъ образомъ, честолюбіе его было вполнѣ удовлетворено; онъ сдѣлался членомъ высшаго управленія страною, но вмѣстѣ и товарищемъ людей, которымъ былъ совершенно чуждъ и по воспитанію, и по убѣжденіямъ, и по взгляду на дѣла государственныя. Вѣроятно, назначеніе Державина было уступкою старой партіи, какъ и назначеніе Завадовскаго. Онъ былъ противъ даже самаго учрежденія министерствъ. Новыхъ совѣтниковъ государя, тѣхъ людей, которые тогда вмѣстѣ съ нимъ задумывали и приводили въ исполненіе реформы, Державинъ называлъ „людьми, ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знающими“ [1]). Какъ, будучи совершенно противъ учрежденія министерствъ, Державинъ все-таки принялъ на себя должность министра юстиціи, — это надобно объяснять его честолюбіемъ, условіями самодержавнаго государства и нравами того времени. Но при самомъ началѣ своего министерства, Державинъ былъ глубоко недоволенъ всѣмъ тѣмъ, что вокругъ него дѣлалось. Онъ замѣчаетъ, что путаница увеличивается въ государствѣ съ каждымъ днемъ, что законы приходятъ въ неуваженіе, что правительство ослабѣваетъ, что надъ всѣмъ возвышается прихотливая воля министра, что съ министровъ „спала всякая обузданность, а потому и забота. Стали дѣлать, что кому захотѣлось“ [2]) и „всѣ дѣла потянули ко вреду государства, а не къ пользѣ“. Ясно, что Державинъ всталъ въ рѣшительную оппозицію къ новымъ учрежденіямъ и къ новому порядку вещей и долженъ былъ не поладить со всѣми своими товарищами — министрами. Онъ самъ говоритъ, что всѣ они пошли противъ него, „стараясь его разными навѣтами очернить въ мысляхъ Императора“. „Словомъ, разсказываетъ онъ о себѣ, по таковымъ съ одной стороны министровъ безпорядкамъ, а съ другой, то-есть Державина, безпрестаннымъ возраженіямъ и непріятнымъ государю докладамъ, и сталъ онъ скоро приходить часъ отъ часу у Императора въ остуду, а у министровъ во вражду“ [3]). Одно дѣло въ Сенатѣ увеличило еще болѣе это неловкое положеніе Державина весною 1803 года. Въ концѣ предшествовавшаго года военный министръ Вязмитиновъ представилъ въ Сенатъ Высочайшій указъ, которымъ подтверждались прежніе указы Петра III и Екатерины II, чтобы дворянъ, не получившихъ въ воен-

---

[1]) Ibid, VI, c. 777.
[2]) Ibid., VI, c. 780
[3]) Ibid, c. 785.

ной службѣ офицерскаго чина, не увольнять въ отставку ранѣе 12-ти лѣтъ. Указъ этотъ, по замѣчанію Державина, состоялся потому, что многіе изъ дворянъ, а особенно поляки, не хотятъ служить долго и, едва только поступивъ въ военную службу, тотчасъ выходятъ въ отставку. Указъ былъ принятъ Сенатомъ и уже отосланъ въ Военную Коллегію [1]) для исполненія, какъ вдругъ сенаторъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ С. Потоцкій, подалъ противъ него мнѣніе. Державинъ, какъ оберъ-прокуроръ Сената, нашелъ мнѣніе Потоцкаго незаконнымъ, потому что срокъ прошелъ для него, и кромѣ того наполненнымъ „непристойными выраженіями“ противъ государя, „который какъ бы въ какомъ народномъ правленіи сравненъ со всѣми гражданами“. Онъ не велѣлъ записывать мнѣніе Потоцкаго и доложилъ о немъ особо государю. Но „государь, какъ видно, зналъ о семъ мнѣніи, говоритъ Державинъ, и едва ли не съ позволенія его оно написано, ибо тогда всѣ окружающіе его были набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ“ [2]). По волѣ государя мнѣніе Потоцкаго было разсмотрѣно въ Сенатѣ. На сторонѣ Державина оказалось только двое сенаторовъ; всѣ остальные держались мнѣнія Потоцкаго. Державинъ пришелъ въ ужасъ и даже захворалъ отъ мысли, „что россійскій сенатъ не только позволилъ унижать себя пришельцу и врагу отечества (Потоцкому), но еще, защищая его, идетъ противъ своего государя и тѣмъ самымъ кладетъ начальное основаніе несчастію государства, допуская засѣвать сѣмя мятежей или революціи, подобной французской. По этому поводу было еще нѣсколько засѣданій сената; Державинъ всѣми законными средствами противился утвержденію мнѣнія Потоцкаго. Въ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій Сената, Державинъ, „чтобы придать важность дѣлу, коимъ такъ сказать боролось монархическое правленіе съ аристократическимъ“, окружилъ себя аттрибутами генералъ-прокурорской власти, которыя были еще въ употребленіи при Петрѣ В. Онъ поставилъ на свой столъ песочные часы и молотокъ, который держалъ въ рукахъ Петръ В. Во время самаго сильнаго шума Державинъ ударилъ имъ по столу, и всѣмъ „показалось, говоритъ онъ, что Петръ В. всталъ изъ гроба“ [3]). На него жаловались государю, что онъ превысилъ свою власть. Александръ оправдалъ его, но мнѣніе Потоцкаго восторжествовало. Замѣчательно, что эти споры въ Сенатѣ проникли и въ общество того

---

[1]) Въ военномъ министерствѣ, такъ же, какъ въ морскомъ и иностранныхъ дѣлъ, еще существовалъ въ это время коллегіальный порядокъ управленія

[2]) Ibid, 787.

[3]) Ibid, стр. 794.

времени, т.-е. общество дворянское, и тотъ образъ мыслей, который оно заявило, показываетъ, на сколько оно было образовано и какъ понимало вопросы государственные. Общество поняло, что Потоцкій защищаетъ права дворянъ, и его мнѣніе возбудило особенный восторгъ въ Москвѣ, этомъ гнѣздѣ стараго, лѣниваго и разгульнаго дворянства, гнѣздѣ всѣхъ, стоявшихъ въ оппозиціи съ правительствомъ и реформами. Державинъ разсказываетъ, что въ многолюдныхъ собраніяхъ въ Москвѣ многіе мнѣніе Потоцкаго клали себѣ на голову и пили за его здоровье, почитая его покровителемъ россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія, что „подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дермомъ для поруганія, не проникая въ то, что попущеніемъ молодого дворянства въ праздность, нѣгу и своевольство безъ службы, подкапывались враги отечества подъ главную защиту государства“ [1]). Какой-то неизвѣстный піита написалъ даже оду графу Потоцкому, въ которой выставляетъ его величайшимъ гражданиномъ въ мірѣ, другомъ истины и поборникомъ дворянскихъ правъ [2]). Она не была напечатана, но разошлась во многихъ спискахъ и хранилась въ дворянскихъ семействахъ.

Съ этихъ поръ Державинъ сталъ примѣчать къ себѣ со стороны государя холодность и неуваженіе. Это было понятно особенно потому, что онъ не стѣснялся въ своихъ рѣчахъ и осуждалъ все новое, тогда задумываемое. Такъ. напр., устройство министерства внутреннихъ дѣлъ, составленное Кочубеемъ и Сперанскимъ, онъ называлъ „несообразицею съ настоящимъ дѣломъ“. Сперанскаго, человѣка честнаго, какъ это доказало послѣдующее, Державинъ обвинялъ въ корыстолюбіи [3]). Но въ особенности разъединилъ Державина съ государемъ крестьянскій вопросъ. Мы уже говорили, что Александръ, при вступленіи на престолъ, мечталъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, тяжелое положеніе которыхъ было ему извѣстно, конечно, болѣе изъ филантропическаго чувства, чѣмъ сообразно съ цѣлями государственными. Это „была любимая мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ“—говоритъ Державинъ, ярый противникъ освобожденія. Въ стихотвореніи „Голубка“, написанномъ въ 1801 г. [4]), онъ вмѣстѣ съ тонкою лестью Александру высказываетъ любимую мысль защитниковъ крѣпостного состоянія, что дарованная воля будетъ хуже рабства.

---

[1]) Ibid., с. 790.

[2]) Русск. Арх. 1869 г., с. 1380—1383

[3]) Ibid., VI, с. 805.

[4]) Ibid., II, с. 391.

Какъ извѣстно, правительство остановилось предъ матеріальными затрудненіями практическаго рѣшенія этого вопроса. Только указъ о „вольныхъ хлѣбопашцахъ“ остался въ законодательствѣ памятникомъ человѣколюбивой мечты Александра. Проектъ этого указа составленъ былъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, который на основаніи его и превратилъ своихъ крестьянъ въ вольныхъ землепашцевъ. Державинъ говоритъ, что Румянцевъ сдѣлалъ это, „чтобы подольститься къ государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою—Чарторижскимъ, Новосильцевымъ и прочими“ [1]). По поводу этого указа, который нравился Александру, Державинъ имѣлъ съ нимъ горячее объясненіе, въ которомъ, разумѣется, оспаривалъ основанія этого указа и доказывалъ вредъ его для государства. Но „какъ государь учителемъ своимъ, французомъ Лагарпомъ, упоенъ былъ, говоритъ Державинъ, и прочими его окружавшими ласкателями, сею мыслію, по ихъ мнѣнію, великодушною и благородною, чтобъ освободить отъ рабства народъ, то остался непоколебимымъ въ своемъ предразсудкѣ“ [2]). Указъ состоялся, и Александръ сдѣлался еще холоднѣе къ Державину. Въ началѣ октября 1803 года онъ не принялъ его съ обычнымъ докладомъ и, когда чрезъ нѣсколько дней Державинъ добился свиданія и объясненія съ государемъ, онъ ему сказалъ; „ты очень ревностно служишь“ [3]), и Державинъ вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Такъ кончилась служебная дѣятельность стараго поэта, начатая еще при Екатеринѣ. Ни съ однимъ изъ трехъ государей однакожъ, при которыхъ пришлось служить Державину и быть съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, не умѣлъ онъ поладить; всѣ они оставались недовольны имъ. Въ разное время, съ разныхъ точекъ, смотрѣли на эту служебную дѣятельность Державина. Въ двадцатыхъ годахъ, когда эта дѣятельность была извѣстна только по преданію и изъ „объясненій“ къ его стихотвореніямъ, продиктованныхъ самимъ поэтомъ племянницѣ своей Львовой, для передовыхъ людей того поколѣнія, напр., для Рылѣева, въ его думѣ „Державинъ“, поэтъ являлся идеаломъ гражданскаго мужества, гражданской чести, борцемъ за истину, за попранныя права закона. Въ 1859 году, когда въ первый разъ появились въ „Русской Бесѣдѣ“ записки Державина, взглядъ на него былъ уже другой. При господствѣ въ тогдашней литературѣ обличительнаго направленія, записки Державина „по своей безразсчетной откровенности, говоритъ новый издатель ихъ, Гротъ [4]), подали про-

[1]) Ibid, VI, стр. 812
[2]) Ibid., стр. 817.
[3]) Ibid, стр 821.
[4]) Соч. Держ. II, с. 410

тивъ автора оружіе критикамъ, которые не затруднились къ дѣятелю другой эпохи примѣнить новые, хотя еще не совсѣмъ ясно сознанные, идеалы гражданской доблести и либерализма". Какъ извѣстно, въ тогдашнемъ увлеченіи Державину жестоко досталось. Какъ государственный и просто какъ честный человѣкъ, онъ былъ совершенно развѣнчанъ. Для насъ, при болѣе спокойномъ разсужденіи, не можетъ быть такихъ увлеченій. Державинъ былъ, конечно, честный человѣкъ, но его пылкій, чрезвычайно своенравный и строптивый характеръ приносилъ вредъ и дѣлу и ему самому. Государственнымъ человѣкомъ онъ не могъ быть, потому что для этого у него не было ни широты идей, ни образованія; онъ не могъ смотрѣть впередъ; все хорошее для него было позади, въ прошедшемъ, и идти за временемъ, понимать его новыя потребности и сочувствовать имъ Державинъ былъ не въ состояніи. Время его лучшей поэтической дѣятельности прошло безвозвратно; обществу, жизни русской, онъ никакой уже пользы не могъ принести своимъ ослабѣвшимъ талантомъ, особенно при нескрываемой имъ ненависти къ новымъ людямъ и къ новой жизни. Его плодовитое стихотворствованіе отъ отставки до смерти было только его личною забавою.

Въ письмахъ своихъ къ старому другу и родственнику, Капнисту, Державинъ высказываетъ свою радость, что освободился отъ тяготившаго его бремени дѣлъ и что теперь можетъ съ полною свободою отдаться любимому занятію своему — поэзіи. Намъ позволительно однако не вполнѣ вѣрить искренности его словъ. Въ душѣ его осталась горечь отъ неудовлетвореннаго честолюбія, увеличиваемая еще болѣе глубокимъ недовольствомъ новыми людьми, имѣвшими власть, и тѣми преобразованіями, которыя совершались тогда въ государствѣ, больше впрочемъ людьми, чѣмъ преобразованіями, а это и доказываетъ присутствіе въ недовольствѣ Державина личнаго чувства. Такъ, въ баснѣ „Жмурки", написанной въ 1805 году [1]), онъ желалъ представить Александра и его тріумвиратъ: въ баснѣ „Выборъ министра" [2]) подъ видомъ паука является Сперанскій, а подъ муравьемъ— Новосильцевъ.

Однимъ словомъ, Державинъ, какъ и Дмитріевъ, не могъ сочувствовать ничему новому, но онъ не могъ и противодѣйствовать, вопервыхъ, потому, что онъ не понималъ этого новаго, а потомъ еще и потому, что онъ „бѣдное свое риѳмачество"—по выраженію Ломоносова—ставилъ выше всего въ жизни. Правда, въ остальные годы своей жизни, отъ отставки и до смерти, Державинъ писалъ очень много, но съ каждымъ годомъ талантъ его и воображеніе слабѣли.

[1]) Соч. Держ., III, стр. 354.

[2]) Ibid., стр. 359.

Это уже была жалкая тѣнь прежняго, и очень часто стихи его вызывали улыбку сожалѣнія, если не насмѣшку,—ясное доказательство того, что поэтическій геній не старѣется только тогда, когда онъ получаетъ содержаніе изъ новой жизни, его окружающей, и обновляется ея стремленіями. Державину мѣшалъ въ этомъ случаѣ недостатокъ образованія; его духовные интересы были до крайности узки и мелки, всѣ они состояли въ жалкой погонѣ за риѳмами. Что писалъ Державинъ въ послѣдніе годы своей жизни? Прямо отъ управленія министерствомъ юстиціи Державинъ садится за сочиненіе своихъ „Анакреонтическихъ пѣсенъ“ (1804 г.); не зная древнихъ языковъ и знакомясь съ древними поэтами или по французскимъ переводамъ, или по русскимъ подстрочнымъ, которые дѣлали для него друзья его, Державинъ переводитъ или скорѣе подражаетъ Анакреону, представляя картинки весьма сьоромнаго свойства, неприличныя старику, подражаетъ Горацію, Пиндару, но сущность древней поэзіи и ея изящные образы совершенно исчезаютъ въ этихъ передѣлкахъ. На борьбу съ Наполеономъ и по случаю патріотическаго настроенія русскаго общества въ это тяжелое для Россіи время Державинъ написалъ много стиховъ, но за исключеніемъ очень немногихъ одъ, остальныя не производили никакого впечатлѣнія на тогдашнее общество: нашлись новые звуки, народились новые поэты, которые сумѣли то же патріотическое содержаніе выразить въ иныхъ, болѣе современныхъ образахъ. Религіозныя стихотворенія Державинъ писалъ въ это время въ большомъ количествѣ, но всѣ они въ высшей степени холодны и безжизненны; это реторика, вялая, скучная, только съ риѳмами.

Въ отставкѣ Державинъ получилъ особенную страсть къ драматической поэзіи, которая не покидала его до послѣднихъ дней жизни. Нѣсколько трагедій, конченныхъ и неоконченныхъ, нѣсколько комедій и оперъ, по большей части оригинальныхъ, составили цѣлый толстый четвертый томъ академическаго изданія. Многія изъ нихъ были напечатаны только въ этомъ изданіи, но Державинъ при жизни читалъ ихъ своимъ пріятелямъ, заставлялъ ихъ читать себѣ и повидимому оставался доволенъ новымъ родомъ поэзіи, съ которымъ познакомился только подъ старость. Современная критика изъ уваженія къ старой славѣ Державина или молчала, или отзывалась о его драматической прихоти весьма снисходительно, но прежніе друзья его, напр., Дмитріевъ, качали головой и смѣялись надъ послѣдними произведеніями Державина. „Вы удивитесь и вѣрно скажете про себя, писалъ онъ въ Москву къ Дмитріеву, что я подъ старость рехнулся съ ума, пустившись по неизвѣстной мнѣ понынѣ дорогѣ въ храмъ Мельпомены; но что дѣлать отъ бездѣлья? Оды уже наскучили;

и такъ я хотѣлъ испытать русскую пословицу: смѣлымъ Богъ владѣетъ! Пусть господа ваши критики цѣнятъ, какъ хотятъ, но дѣло уже сдѣлано“ [1]). Говорятъ, впрочемъ, что современные лавры Озерова, такъ легко имъ пріобрѣтенные тогда, не давали покоя Державину и вызвали его на драматическое поприще. Это была манія старца. Война съ Наполеономъ вызвала Державина и на практическое участіе въ дѣлахъ того времени. Въ 1806 и 1807 годахъ онъ представлялъ двѣ записки о томъ, какъ укротить, по его словамъ, наглость французовъ. На нихъ не обратили вниманія. „Меня обѣщали призвать и выслушать мой планъ, пишетъ онъ Попову, но послѣ пренебрегли и презрѣли, какъ стихотворческую горячую голову; но теперь, къ несчастію, все, что̀ я говорилъ, сбывается“ [2]). Въ 1812 году онъ также писалъ о мѣрахъ къ оборонѣ, но правительству было тогда не до него. О „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, литературномъ обществѣ старыхъ писателей, въ образованіи котораго принимали самое дѣятельное участіе Державинъ и Шишковъ, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Фигура Державина въ послѣдніе годы его жизни, его интересы и дѣятельность очень живо являются въ современныхъ воспоминаніяхъ Жихарева, Аксакова и В. Панаева. Это были молодые писатели, только что вступавшіе на литературное поприще, никому еще неизвѣстные, а потому видѣвшіе въ Державинѣ и знаменитаго „барда“ временъ Екатерины и недавняго министра. Они склонялись предъ нимъ съ глубокимъ раболѣпствомъ, какъ было прилично молодымъ людямъ того времени. Панаевъ передаетъ, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ онъ въ первый разъ увидѣлъ маститаго старца и бросился цѣловать его руку. Жихаревъ и Аксаковъ славились тогда, какъ чтецы или декламаторы. Державинъ заставлялъ ихъ безпрестанно читать вслухъ свои произведенія. Общество, собиравшееся къ нему, состояло все изъ чиновныхъ старцевъ, болѣе или менѣе его сверстниковъ, членовъ Бесѣды. Всѣ интересы этого общества вертѣлись около стиховъ и вдобавокъ плохихъ. Къ Карамзину, къ Московскому литературному кругу отношеніе было враждебное.

Державинъ доживалъ, такимъ образомъ, свой вѣкъ, какъ обломокъ старины, чуждый новой жизни и занятый совершенно безполезною и не имѣющею смысла дѣятельностью. Между тѣмъ политическія обстоятельства времени должны были измѣнить положеніе дѣлъ въ Россіи, характеръ общественнаго движенія и вызвать новыя литературныя явленія и новыя имена.

---

[1]) Ibid., VI, с 197.
[2]) Ibid, VI, с. 231

ЛЕКЦІЯ XX.

Отношеніе общественнаго мнѣнія къ западно-европейскимъ событіямъ — Первая война съ Наполеономъ. — Аустерлицкое пораженіе. — Разгромъ Пруссіи и Тильзитскій миръ.

Только пять лѣтъ продолжалось стремленіе Александра къ реформамъ и преобразованіямъ и желаніе переустроить свое царство на новыхъ лучшихъ началахъ. Какъ ни слабы были эти желанія, какъ ни незначительны были результаты задумываемыхъ реформъ, вслѣдствіе неразвитости и апатіи общества, все же эти первыя пять лѣтъ царствованія Александра были временемъ такихъ прочныхъ преобразованій, какъ, напр., устройство на широкихъ началахъ народнаго просвѣщенія и такого оживленія и возбужденія умовъ, замѣтнаго даже и въ бѣдной литературѣ того времени, которыя оставили глубокіе слѣды въ жизни общественной и не вдругъ могли исчезнуть въ сознаніи. Люди, которые принимали дѣятельное участіе въ духовной жизни и въ общественномъ оживленіи этихъ пяти лѣтъ, всегда съ глубокимъ чувствомъ вспоминали ихъ, какъ свѣтлую пору молодости; но даже и тѣ, которымъ были не по душѣ начала, появившіяся тогда въ государственной и общественной жизни, какъ, напр., Вигель, называютъ это время блаженнымъ и свѣтлымъ. Неожиданно для многихъ, конечно, не дальновидныхъ, но совершенно естественно, по исторической необходимости, и вниманіе правительства и движеніе общественнаго мнѣнія, выражавшагося въ литературѣ, направились въ другую сторону; реформы и благія начинанія были сначала отложены на время, а потомъ и позабыты. Настала пора внѣшнихъ войнъ нашихъ съ Наполеоновскою Франціею, продолжавшихся десять лѣтъ и имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи нашего внутренняго развитія. Продолжительное напряженіе всѣхъ силъ страны, то позоръ пораженія, то слава побѣдъ, все это кипучее время внѣшней дѣятельности, когда очень часто будущее страны зависѣло отъ прихотливыхъ случайностей сраженія,—все это сильно возбуждало и тревожило общественное мнѣніе, которое воспитывалось и крѣпло въ этихъ волненіяхъ. Указать на эти колебанія общественнаго мнѣнія, на его отношеніе къ великимъ тяжелымъ событіямъ необходимо, ибо безъ этого мы не поймемъ ни смысла литературныхъ явленій, какъ выраженій этого общественнаго мнѣнія, ни ихъ направленія, ни силы и значенія ихъ въ отношеніи общей жизни Россіи.

Французское вліяніе, французскія формы жизни и мысли, моды и литература Франціи господствовали въ нашемъ обществѣ съ по-

ловины прошлаго вѣка, чему въ особенности безспорно благопріятствовало то, что воспитаніе высшаго и средняго дворянства все находилось въ рукахъ французскихъ наставниковъ. Но мы имѣли дѣло съ старой Франціей, съ Франціей легитимной монархіи Бурбоновъ, бѣлаго знамени, лилій, аббатовъ, изящныхъ трагиковъ, свободныхъ мыслителей XVIII вѣка, которые нигдѣ не высказывали, какъ думаютъ они примѣнить на практикѣ, къ жизни человѣчества, свои широкія гуманныя идеи, и веселыхъ насмѣшливыхъ поэтовъ, воспѣвавшихъ легкіе нравы и легкую любовь. Отъ знакомства съ новыми идеями и формами, возникшими на развалинахъ старой Франціи послѣ революціоннаго переворота, въ которомъ погибло все прошедшее этой страны, насъ оберегали правительственныя распоряженія Екатерины и Павла, понимавшихъ очень хорошо всю радикальную противоположность новой Франціи съ коренными условіями ихъ власти. Это ревнивое оберегательство правительства не всегда достигало цѣли и не могло продолжаться долго, нельзя запереть идею и не давать ей ходу, ея природа слишкомъ неуловима и рано или поздно она вырвется наружу. При Александрѣ, какъ мы видѣли, это положеніе вещей измѣнилось. Онъ былъ, конечно, случайно, воспитанъ иначе. Еслибъ Екатерина могла предвидѣть результаты его воспитанія, то, конечно, повела бы его иначе, но дѣло въ томъ, что никогда люди не были такъ мало предусмотрительны, и никто въ Европѣ не предчувствовалъ тогда такой близости грозы и такихъ ужасающихъ формъ переворота. Александръ сдѣлался сыномъ вѣка противъ его воли, но все, что было въ немъ хорошаго, всѣ его искреннія желанія блага странѣ, всѣ его стремленія и надежды, все это своею жизнью обязано было началамъ французскаго переворота, разумѣется, безъ его обстановки. Онъ, дѣйствительно, походилъ на школьника 1789 года, съ идеалами братства, равенства и свободы въ сердцѣ. Молодые совѣтники его, передовые люди по своему образованію, были воспитаны и жили въ томъ же кругѣ идей, какъ и онъ; результаты, добытые переворотомъ Франціи, были для нихъ дороги, они хотѣли положить ихъ въ основаніе задумываемыхъ ими вмѣстѣ съ императоромъ преобразованій страны своей. Но людей, которые бы раздѣляли ихъ убѣжденія, и въ обществѣ и въ литературѣ было чрезвычайно мало. Послѣдняя была, какъ мы видѣли, въ высшей степени бѣдна, а общество жило поклоненіемъ формамъ старой Франціи и не понимало совершившагося въ ней переворота, пока тяжелыми потерями не убѣдилось въ томъ, что передъ нимъ другая Франція, враждебная старой.

Когда Карамзинъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“ привѣтствовалъ перваго консула, поразившаго „гидру“ революціи, начинавшаго воз-

становлять католичество и нѣкоторыя старыя формы, и онъ и большинство современниковъ не думали, что въ рукахъ этого консула будущее Европы, что онъ измѣнитъ ея исторію своими безпощадными войнами. Очень многіе мечтали видѣть въ немъ новаго генерала Монка, но никакъ не Кромвеля. Но вотъ на развалинахъ старой Европы постепенно воздвигается зданіе громадной воинственной державы. Европа превращается въ лагерь, точно во время Аттилы. Во власти перваго консула вся Италія, Голландія; онъ управляетъ по произволу сосѣднею съ нами Германіей, въ которой такъ много было родственныхъ связей у нашего двора; честолюбивые виды Бонапарте ширятся, все склоняется передъ его волей, и одна только далекая, сѣверная страна еще избѣгаетъ его вліянія. Ея положеніе бѣситъ перваго консула и недовольство его Россіей высказывается грубыми выходками противъословъ ея, которые, впрочемъ, и сами не понимали своего положенія и новой Франціи и ея властителя. Крикъ негодованія поднялся въ Европѣ, когда Бонапарте велѣлъ разстрѣлять во рву Венсенскаго замка одного изъ Бурбоновъ, герцога Ангіенскаго. Тогда только убѣдились, что изъ перваго консула не выйдетъ Монка, а въ отвѣтъ на проклятія всей Европы онъ объявляетъ себя императоромъ, и съ тѣхъ поръ ce soldat couronné, до самаго паденія своего, дѣлается предметомъ ненависти правительствъ и людей стараго режима, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народной партіи. Народное чувство вездѣ видѣло въ немъ врага свободы и независимости, оно окружило его глубокою ненавистью и ею умѣли пользоваться правительства.

Рядомъ съ уроками Лагарпа и филантропическими идеалами, созданными духомъ времени, въ душѣ Александра всегда присутствовало убѣжденіе, что онъ государь самодержавный, что воля его не ограничена ничѣмъ и кромѣ того онъ государь легитимный, Божій помазанникъ. Эти идеи, конечно, развиваются тамъ преимущественно, гдѣ ихъ питаютъ матеріальныя сила и могущество, и нигдѣ онѣ не были такъ сильны, какъ при нашемъ дворѣ. Александръ былъ воспитанъ ими; его мать, вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, всегда имѣвшая на сына сильное вліяніе, доводила эти идеи до крайности; все старое поколѣніе придворныхъ, эти „орлы Екатерины“, были того же образа мыслей, который еще болѣе укрѣплялся въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ присутствіемъ множества знатныхъ французскихъ эмигрантовъ и ихъ плачевными разсказами о вынесенныхъ ими страданіяхъ, объ ужасахъ революціи, о бѣдствіяхъ и гибели королевской фамилии, о развратѣ и неистовствахъ Бонапарта. Люди эти, по старому и вѣрному о нихъ выраженію, ничего не забыли и ничему не научились. Ихъ слушали въ нашемъ обществѣ,

дѣлили ихъ любовь къ прошлому и ненависть къ новому порядку вещей во Франціи.

Изъ дипломатическихъ соображеній, увлекшихъ насъ въ тяжелую войну съ Франціей, кажется, самымъ сильнымъ было неудовольствіе нашего двора на тотъ произволъ, съ которымъ Наполеонъ распоряжался мелкими нѣмецкими владѣніями, безпрестанно перетасовывая ихъ, отнимая у одного и давая другому, иногда просто лишая престоловъ ихъ владѣтелей, а всѣ они были близкими и дальними родственниками нашего двора. Участь ихъ озабочивала Александра. И вотъ онъ становится въ главѣ новой коалиціи противъ Франціи, вызывая и образовывая вездѣ въ Европѣ союзы и увѣряя дворы ея, что „самымъ опаснымъ оружіемъ французовъ было распространенное ими убѣжденіе, будто бы они ратуютъ за свободу и благосостояніе народовъ“ [1]). Въ этомъ убѣжденіи, дѣйствительно, состояла главная причина успѣха Наполеоновскихъ войнъ. Дѣло шло въ этой войнѣ со стороны нашего императора ни больше ни меньше, какъ объ изгнаніи хищника престола законныхъ государей Франціи и о возстановленіи Бурбоновъ. Нужно было остановить могущество Наполеона, пока еще возможна была борьба съ нимъ. Это настроеніе господствовало впрочемъ не при одномъ русскомъ дворѣ, и Австрія и Пруссія желали того же въ лицѣ своихъ дворовъ, но ихъ силы были слабѣе и у нихъ недоставало Александрова рыцарства.

Всякая война, въ которой напрягаются силы страны, могущественно возбуждаетъ умъ народа и общественное мнѣніе: вѣдь тутъ страна жертвуетъ лучшимъ своимъ достояніемъ, и самое существованіе ея ставится на карту. Самыя удачныя, полезныя по результатамъ своимъ войны бываютъ тѣ, которыя ведутся сознательно, которыхъ цѣль и средства понятны и извѣстны народу. Солдатамъ Наполеоновскихъ армій, съ которыми пришлось имѣть дѣло нашему народу, бюллетени ихъ императора и приказы постоянно твердили, что они сражаются за великое дѣло, что они призваны для того, чтобъ разнести по свѣту свободныя идеи французской революціи, чтобъ освободить и просвѣтить міръ. А у насъ, до отечественной войны, существовало ли какое-нибудь общественное мнѣніе, относилась ли сколько-нибудь сознательно страна къ напряженію своихъ силъ, знала ли она сколько-нибудь намѣренія и политическіе виды правительства и понимала ли она за что ведется война? На вопросы эти болѣе всего надобно отвѣчать отрицательно. Гдѣ нѣтъ политической жизни, гдѣ представители народа не принимаютъ въ ней никакого участія, тамъ не можетъ быть и знанія своего положенія,

---

[1]) Богдановичъ Исторія царств. имп. Александра I, т. I, с. 351.

тамъ не можетъ быть и того сознательнаго патріотизма, который производитъ чудеса, а является патріотизмъ пассивный, патріотизмъ жертвъ и терпѣнія. Публичности дѣйствій правительства не было вовсе; гласности, въ томъ даже смыслѣ, какъ она существуетъ теперь, тогда вовсе не существовало; газеты были самаго жалкаго свойства; въ нихъ помѣщались скудныя, отрывочныя извѣстія, не дававшія никакого понятія объ истинѣ, онѣ не слѣдили за событіями послѣдовательно; не объясняли причинъ ихъ и хода. Страна узнавала о потрясающихъ событіяхъ только то, что̀ считало нужнымъ сообщить странѣ правительство. Въ этомъ обстоятельствѣ сказывалось и недовѣріе правительства къ своему народу и боязнь. При отъѣздѣ въ первую Наполеоновскую кампанію Александръ счелъ необходимымъ учредить въ столицѣ какую-то *высшую полицію*, которая должна была наблюдать за состояніемъ умовъ и преслѣдовать всякіе толки, неумѣстные въ тѣхъ обстоятельствахъ [1]). Тогда же была учреждена и внутренняя стража по губерніямъ [2]). Всякіе политическіе толки о событіяхъ строго преслѣдовались; приходилось говорить о нихъ на ухо и то только въ интимномъ кругу. Жихаревъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ московскій главнокомандующій Беклешовъ призвалъ къ себѣ въ пріемный день нѣсколько молодыхъ дворянъ, политическій разговоръ которыхъ былъ подслушанъ, и, въ присутствіи всѣхъ, грозилъ имъ розгами [3]). То же самое было и въ Петербургѣ; и тамъ особенный комитетъ общественнаго спокойствія хлопоталъ объ обузданіи политической болтовни, появлявшейся всегда необходимо тамъ, гдѣ нѣтъ правильнаго выраженія общественнаго мнѣнія. О провинціальныхъ городахъ и говорить нечего; тамъ всякая жизнь спала сномъ непробуднымъ, въ блаженномъ невѣдѣніи всего, что̀ только подымалось хоть на вершокъ надъ мелкими интересами грубой и инстинктивной жизни. И вотъ полки и батальоны русскаго народа шли безмолвно и медленно куда-то далеко, въ неизвѣстную тогда Европу, на кровавыя поля сраженій, откуда немногіе возвратились домой, а большая часть погибла съ полнымъ невѣдѣніемъ за что̀. А между тѣмъ поборы, наборы и милиція тяжело ложились на народъ; бумажныя деньги падали, и все дорожало. Толки и общественное мнѣніе могли выражаться только въ высшихъ совѣтахъ государства и въ высшемъ обществѣ столицъ.

Отправляясь осенью 1805 года вслѣдъ за войскомъ, перешед-

---

[1]) Русск. Арх 1867 г., с. 754.
[2]) Ibid, с. 762.
[3]) Записки Жихарева, с. 115.

шимъ границу, Александръ уже не могъ думать о начатыхъ имъ преобразованіяхъ въ государствѣ: впереди его была война съ Наполеономъ, окруженнымъ славою непобѣдимаго полководца, а онъ не зналъ, кому поручить главное начальство русской арміи и рѣшился стать самъ въ главѣ ея. Народъ съ молитвами и благословеніями провожалъ его по петербургскимъ улицамъ, когда онъ отправился въ армію и онъ въ рескриптѣ своемъ къ генералъ-губернатору Вязмитинову высказалъ свое наслажденье „честью быть начальникомъ столь почтенной и отличной націи“ [1]).

Въ Москвѣ, при началѣ войны, въ обществѣ господствовала удивительная довѣренность къ Александру, и начиналась ненависть къ Наполеону, увеличившаяся въ сильнѣйшей степени послѣ нашихъ пораженій. Москва называла Александра „ангелъ во плоти“; всѣ сословія ея были увлечены общею къ нему любовью. Въ московскомъ англійскомъ клубѣ, гдѣ было главное средоточіе общественнаго мнѣнія этой столицы, всѣ были увѣрены въ побѣдѣ, всѣ полагались на Суворовскаго любимца Кутузова, всѣ хорохорились и храбрились, презирая *сухопарыхъ французишекъ* и ихъ геніальнаго вождя, который являлся въ представленіяхъ доморощенныхъ клубныхъ политиковъ чѣмъ-то въ родѣ мелкаго мазурика. „Подавай мнѣ этого мошенника Буонапартія, я его на веревкѣ въ клубъ приведу!“ кричалъ толстый помѣщикъ, отставной прапорщикъ Перхуровъ, и надобно замѣтить, что все общественное мнѣніе Россіи въ то время выражалось такими безсмысленными криками [2]). Это было понятно, потому что оно опиралось на громкую славу Екатерининскихъ войнъ и героевъ. Въ этомъ клубѣ господствовалъ только интересъ къ извѣстіямъ войны; въ этомъ отношеніи онъ походилъ, по выраженію современника, на воскресный базаръ, особенно въ тѣ дни, когда приходило извѣстіе изъ арміи. Всеобщее безпокойство увеличилось передъ главнымъ сраженіемъ всей кампаніи, но увѣренность въ побѣдѣ не покидала никого, пораженіе было немыслимо.

Та же самая самонадѣянность и презрѣніе къ врагу господствовали и въ войскѣ, главнымъ образомъ въ свитѣ государя, гдѣ господствовало настроеніе мыслей французскихъ эмигрантовъ, воображавшихъ, что они наканунѣ возстановленія Бурбоновъ, своихъ правъ и своихъ имѣній. Эта самоувѣренность поражала даже французовъ, посланныхъ въ нашъ лагерь Наполеономъ для переговоровъ о мирѣ. Требованія наши были до крайности неумѣренны. И вотъ послѣдовало неслыханное пораженіе русской арміи на поляхъ Аустерлица,

---

[1]) Богдановичъ, II, с. 50.

[2]) Записки Жихарева, с. 87.

разрушившее разомъ всю прежнюю самонадѣянность. Стыдъ и позоръ послѣдовали за неумѣренною гордостью и самоувѣренностью. Союзники разомъ оставили насъ, и чтобъ отплатить за позоръ пораженія и осуществить цѣль Александра — уничтоженіе могущества Наполеона, намъ приходилось уже однимъ вести, по его выраженію, une guerre de fantaisie. Де-Местръ разсказываетъ въ своихъ письмахъ, что тотчасъ послѣ Аустерлицкаго сраженія кто-то изъ придворныхъ свиты Александра сказалъ ему: „Кто знаетъ, что̀ въ это время дѣлается въ Петербургѣ?“ и государь тотчасъ же, съ поля сраженія поскакалъ въ свою столицу [1]). Съ этихъ поръ не общія преобразованія государства стали занимать его мысли и досугъ, а устройство арміи. Парады и смотры сдѣлались любимыми его занятіями. „Императоръ лично экзерцируетъ свою гвардію, говоритъ тотъ же де-Местръ, изобрѣли новый барабанъ, производящій страшную трескотню; всѣ смѣются, и въ особенности офицеры, и это великое зло“ [2]). Онъ заботится теперь преимущественно о военномъ воспитаніи.

Но опасенія императора и его близкихъ совѣтниковъ при возвращеніи въ Петербургъ послѣ Аустерлицкаго пораженія были напрасны. Народъ и общество не знали настоящей правды, и смутные разсказы объ Аустерлицѣ долго передавались только шепотомъ. Государь и его свита были встрѣчены въ столицѣ съ обычнымъ восторгомъ. „Ихъ величали, какъ героевъ, совершившихъ чудеса храбрости и самоотверженія“ [3]). Несмотря на это, ударъ, нанесенный нашей народный гордости пораженіемъ подъ Аустерлицомъ, былъ жестокъ и глубоко проникъ въ сердца многихъ. Для русскихъ, избалованныхъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ въ теченіе полувѣка, это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе. Но раздумье и печаль о потерѣ продолжались недолго; было на кого возложить заботы и успокоиться: „Государь знаетъ лучше насъ, *что̀ для чего* дѣлается, и если насъ потрепали, то видно, что такъ и надобно“, говорило тогда большинство [4]). Лица были пасмурны недолго и скоро прояснились; пошли разсказы объ отдѣльныхъ подвигахъ русскихъ воиновъ, куражъ вернулся снова, попрежнему стали третировать побѣдителя Наполеонишкой и Бонапартишкой: „сами не свои и чортъ намъ не братъ“, по выраженію современника. Въ англійскомъ клубѣ выпито было громадное количество бутылокъ шампанскаго. Въ Москву пріѣхалъ единственный герой этой кампаніи — Багратіонъ, за которымъ осталась кое-какая

---

[1]) Русск. Арх 1871 г., с. 107.
[2]) Ibid., с. 88.
[3]) Богдановичъ II, с. 106.
[4]) Записки Жихарева, с. 111.

слава успѣха. Ему устраивали торжественныя овацiи, давали обѣды со стихами, но безъ спичей, пѣли въ честь его гимны. Это была нѣкотораго рода оппозицiя; Багратiонъ командовалъ только арьергардомъ и игралъ второстепенную роль, но Москва въ прежнiе годы любила быть въ оппозицiи.

Такъ начались эти войны съ Наполеономъ, кончившiяся его нашествiемъ въ Россiю и, наконецъ, его паденiемъ. Пораженiе при Аустерлицѣ, если не по голосу всего народа, то по мнѣнiю правительства, должно было быть отмщено, и Россiя стала готовиться къ войнѣ, т.-е. увеличивать войско. Невольно воинственное увлеченiе стало проходить и въ общество, гдѣ теперь ненависть къ Наполеону начала раздувать и возникшая тогда политическая литература. Этой послѣдней еще не было времени у насъ сформироваться отъ непониманiя событiй и отъ равнодушнаго отношенiя къ нимъ, а потому все, что̀ являлось у насъ противъ французовъ въ первые годы войны съ ними, было переводимо съ нѣмецкаго. Униженiе Германiи чувствовалось въ ней очень многими. Наполеоновскiй гнетъ лежалъ на ней невыносимо, и ея государи видѣли въ русскихъ естественныхъ своихъ союзниковъ. Пруссiя первая захотѣла сбросить съ себя этотъ гнетъ; Александръ былъ въ искренней дружбѣ съ прусскимъ королевскимъ домомъ и обѣщалъ дѣятельную помощь. Но прежде нежели русскiя войска могли подоспѣть на помощь пруссакамъ, королевство это въ одинъ день 2-го (14) октября 1806 года въ двухъ сраженiяхъ, при Iенѣ и Ауэрштедтѣ, пало совершенно. Погромъ былъ страшный, неслыханный; военная слава Фридриха В. исчезла въ нѣсколько дней, и королю прусскому остался жалкiй клочокъ земли въ восточномъ углу его государства.

Мы рвались отмстить теперь за Iену. Паденiе Пруссiи ставило насъ лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, и приходилось думать не о наступленiи, а объ оборонѣ. Войнѣ придаютъ характеръ народный. Манифестомъ 30 ноября 1806 года собиралось огромное количество земскаго войска или ополченiя; Синодъ издалъ воззванiе къ народу, гдѣ говорилось объ оборонѣ отечества. Приближались великiя событiя, но значенiе и смыслъ ихъ понимали очень немногiе; общественнаго мнѣнiя не существовало, все облечено было глубокою тайной, и понятно поэтому, что, по замѣчанiю современниковъ, русскiе люди, призванные управлять событiями, оказывались стоящими гораздо ниже уровня современныхъ великихъ и страшныхъ обстоятельствъ. Недостатокъ людей, способныхъ на дѣло, чувствовался во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности. Александръ не зналъ даже кому ввѣрить начальство надъ русской армiей и сдѣлалъ самый неудачный выборъ, назначивъ главнокомандующимъ стараго орла Ека-

терининскихъ войнъ, на котораго указывало мнѣніе двора. Но у крыльевъ орла давно вылиняли перья. Выписанный изъ деревни графъ Каменскій оказался больнымъ и слѣпымъ старикомъ, который не могъ даже ѣздить верхомъ. Дворъ и Петербургъ проводили его съ восторженными надеждами въ армію, но Каменскій, испугавшись отвѣтственности, на немъ лежащей, сознавая ничтожность своихъ силъ, сдалъ самовольно начальство старшему по себѣ и бросилъ армію. Бороться съ первымъ военнымъ геніемъ времени всякому приходилось не подъ силу. Новый главнокомандующій Бенингсенъ былъ также старъ и болѣзненъ; онъ отличался слабостью и безхарактерностью; подчиненные ему генералы повиновались ему неохотно; безначаліе грозило нарушить всякую дисциплину въ арміи, и безъ того уже подорванную. Плохо одѣтые, плохо обутые, солдаты по цѣлымъ днямъ оставались безъ пищи, а лошади безъ фуража. Ихъ грабили интенданты, — имъ приходилось грабить страну, которую они пришли защищать отъ насилія Наполеона. Войско видимо слабѣло, и понятно, что ожидать успѣха было нельзя. Правда, нерѣшительныя сраженія мы выставляли за побѣды, но истина невольно раскрывалась въ бѣдственномъ положеніи арміи, которой одной, безъ союзниковъ, приходилось бороться съ Наполеономъ и его славными маршалами. Къ вождю ея не было никакого довѣрія, и Александръ счелъ необходимымъ отправиться самому къ войску. Такъ наступилъ 1807 годъ. Армія была утомлена переходами, сраженіями, безпрестранными стычками; еще болѣе, чѣмъ въ сраженіяхъ, солдаты гибли отъ ранъ и болѣзней въ лазаретахъ, которые образованные иностранцы называли тогда „ужасомъ человѣчества“. Жестокое пораженіе насъ при Фридландѣ 2-го (14) іюня должно было покончить эту бѣдственную для насъ войну, причина которой лежала въ рыцарскомъ чувствѣ Александра, а не въ необходимости. Это пораженіе и въ арміи, и въ государѣ, и въ большинствѣ лицъ, его окружавшихъ, развило убѣжденіе въ необходимости мира, и обращавшійся гордо и презрительно съ Наполеономъ императоръ Александръ долженъ былъ склониться передъ побѣдителемъ и просить о мирѣ. Онъ не замедлилъ, и Тильзитскій трактатъ положилъ конецъ войнѣ, унизилъ Россію, но возбудилъ ея общественное мнѣніе.

ЛЕКЦІЯ XXI.

Впечатлѣніе отъ Тильзитскаго мира. — Удаленіе Чарторыскаго, Новосильцева и Кочубея. — Аракчеевъ — Сперанскій. — Патріотическая литература — «Гений временъ». — Ѳ. В. Растопчинъ. Его дѣтство. Служба.

Неудачная война съ Наполеономъ и вслѣдъ за нею невыгодный Тильзитскій миръ произвели на русское общество того времени впечатлѣніе самое тяжелое. До сихъ поръ мы вели только счастливыя войны, шли отъ побѣды къ побѣдѣ; до сихъ поръ мы сами предписывали условія мира побѣжденнымъ; теперь въ свою очередь надобно было подчиниться. Сила обстоятельствъ привела насъ въ 1807 году къ этому невыгодному миру. Дѣйствующая армія была ослаблена тяжелыми сраженіями съ Наполеономъ и болѣзнями, еще болѣе упадкомъ дисциплины и казнокрадствомъ, отъ котораго наживался самъ фельдмаршалъ Бенингсенъ, богатѣвшій на счетъ грабимыхъ солдатъ [1]). Вслѣдствіе пораженій нашихъ Польша готовилась къ возстанію, а у насъ не было вовсе резервовъ, чтобъ продолжать войну, ибо на ополченія необученныхъ крестьянъ не надѣялся никто. Однимъ словомъ, миръ былъ заключенъ нами по необходимости; безъ него было бы хуже, а между тѣмъ онъ тяжело ложился на совѣсть всѣхъ въ немъ участвовавшихъ и самого Александра, который послѣ своего всемірно-историческаго свиданія съ Наполеономъ медлилъ въ Тильзитѣ, какъ бы подъ тяжестью стыда, несмотря на представленія всѣхъ приближенныхъ, торопившихъ его воротиться въ Имперію [2]). Никому неизвѣстно, о чемъ шла рѣчь между двумя императорами, въ рукахъ которыхъ были тогда судьбы міра, но Александръ не могъ не подчиниться геніальному уму Наполеона, и это подчиненіе вело только къ униженію Россіи, къ ея ослабленію; Наполеонъ льстилъ Александру, но думалъ только о своихъ выгодахъ и о своемъ честолюбіи.

Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя политика Александра должна была измѣниться теперь, послѣ Тильзитскаго мира. Наступило другое время, съ другимъ содержаніемъ, другими цѣлями и намѣреніями, и, наконецъ, другими людьми. Прежніе друзья молодости Александра должны были уступить свои мѣста другимъ. На ближайшаго друга Александра — Чарторыскаго, какъ на поляка, а слѣдовательно естественнаго врага Россіи, обрушилось негодованіе общества; все то, что было близко къ государю и имѣло какое-нибудь вліяніе на его рѣшенія, подвергалось тогда въ обществѣ самымъ разнообразнымъ

---

[1]) Русск. Арх. 1868 г., с. 182

[2]) Русск. Арх. 1868 г., с. 50.

обвиненіямъ. Современники говорятъ о тайной радости Чарторыскаго при нашихъ пораженіяхъ [1]); на него всѣ смотрѣли, какъ на измѣнника. Изъ писемъ Чарторыскаго видно, какъ Александръ, и по нерѣшительности своего характера, и по недостатку дѣльныхъ людей между тѣми, которые окружали его, долго колебался въ необходимости отдалить отъ управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Чарторыскаго. „Мнѣ нужно уважать тѣхъ, съ кѣмъ я работаю", писалъ онъ къ послѣднему [2]), и только уступая требованію общества, онъ удалилъ отъ себя Чарторыскаго, увѣряя его, что его личныя чувства къ нему не измѣнились. Дѣйствительно, хотя Чарторыскаго и смѣнилъ Будбергъ, онъ все-таки оставался близокъ къ Александру до самой отечественной войны и былъ главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Другіе прежніе совѣтники удалились тоже постепенно. Новосильцевъ, какъ мы знаемъ, былъ жаркимъ поклонникомъ Англіи, ея государственныхъ формъ; когда дѣло шло о союзѣ противъ Наполеона, Новосильцевъ былъ посланъ въ Лондонъ и своими свиданіями съ Питтомъ и Фоксомъ устроилъ этотъ союзъ. Новосильцевъ говорилъ самъ, что лично ненавидитъ Наполеона [3]), и послѣ Тильзитскаго мира убѣждалъ государя уволить его въ отставку. Хотя Александръ не согласился, но Новосильцевъ постепенно удалялся отъ двора, постепенно терялъ свое вліяніе и, часто громко и безцеремонно браня Наполеона и порицая новое направленіе нашей политики, принужденъ былъ, наконецъ, уѣхать за границу, вызвавъ противъ себя гнѣвъ Александра. Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей, также недовольный измѣнившимся ходомъ дѣлъ, принужденъ былъ уступить свое мѣсто князю Куракину и уѣхать въ безсрочный отпускъ. Графъ Строгановъ еще прежде перешелъ въ военную службу и храбро сражался въ кампанію 1807 года. Такъ одинъ за другимъ сошли со сцены тѣ близкіе люди къ императору Александру, которые вначалѣ его царствованія составляли знаменитый „комитетъ общественнаго спасенія", думали спасти Россію или, по крайней мѣрѣ, поднять и возвысить ее своими реформами и преобразованіями, возбудивъ этими послѣдними гнѣвъ и ненависть къ себѣ людей Екатерининскаго поколѣнія. Ихъ удаленіе отъ дѣлъ свидѣтельствуетъ о чистотѣ ихъ убѣжденій, о томъ, что они не хотѣли поступиться ими въ угодность новому направленію политики правительства. Но объясняютъ ихъ удаленіе и иначе. „Причину удаленія товарищей юности Александра, говоритъ Богда-

---

[1]) Записки Ф. Ф Вигеля. М. 1891, ч. II, с 206.
[2]) Русск. Арх. 1871 г., с 748.
[3]) Богдановичъ II, с. 310.

новичъ [1]), слѣдуетъ приписать не столько измѣненію его внѣшней политики, сколько нравственному перевороту, происшедшему въ немъ самомъ послѣ Тильзитскаго свиданія. Многократныя продолжительныя бесѣды съ тѣмъ, кого современники наперерывъ провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, должны были способствовать развитію самостоятельности Александра и *показать ему въ настоящемъ видѣ* благородныхъ, но мало опытныхъ и не всегда достаточно дальновидныхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде считалъ онъ умами превосходными". Объясненіе не совсѣмъ вѣрное, по нашему мнѣнію. И прежде Александръ былъ самостоятеленъ и выказывалъ передъ совѣтниками свою самодержавную власть; никогда, какъ мы видѣли, они не имѣли на него большого вліянія; но они были честные люди; ихъ желанія блага государства теперь не могли быть приведены въ исполненіе; на ихъ планы реформъ, которые оскорбляли консерваторовъ и затрогивали ихъ частные интересы, поднялся теперь крикъ со всѣхъ сторонъ. Неудачу военную приписывали разновременнымъ реформамъ. Самъ Александръ, подъ вліяніемъ этихъ неудачъ и еще болѣе подъ вліяніемъ унизительнаго мира, совершенно измѣнился въ своемъ характерѣ. Его подозрительность и недовѣріе ко всему его окружающему заставили его обратиться къ такимъ печальнымъ личностямъ, каковъ былъ Аракчеевъ, бросавшій много лѣтъ тѣнь на царствованіе его. Изъ разсказовъ и сообщеній современниковъ видно, что въ это время возникла въ обществѣ нелюбовь къ государю; онъ не могъ не сознавать этого, и отъ того увеличивались его внутреннія страданія и недовѣріе къ близкимъ, къ странѣ, къ народу. И вотъ онъ возвышаетъ около себя человѣка, на котораго потомъ обрушилось столько справедливыхъ проклятій. „Полагаю, что онъ захотѣлъ поставить съ собою рядомъ пугало пострашнѣе, говоритъ де-Местръ, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго". Обѣ императрицы, всѣ люди, близкіе къ императору, ненавидѣли Аракчеева. „Онъ все давитъ; передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія" [2]). Очень вѣрно сравниваетъ Аракчеева и Вигель съ бульдогомъ, который, не смѣя никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и загрызть тѣхъ, кои бы воспротивились его волѣ [3]). Въ тѣхъ военныхъ заботахъ и безпрестанныхъ войнахъ, которыя теперь наполнили восемь лѣтъ царствованія, такой человѣкъ былъ необходимъ Александру, тѣмъ болѣе, что онъ былъ глубоко убѣжденъ въ его достоинствахъ, какъ военнаго организатора, и мало-по-малу

---

[1]) Ibid, с. 311.
[2]) Русск Арх 1871 г., с. 120
[3]) Записки, ч. III, с. 14.

Аракчеевъ сдѣлался всѣмъ; за деспотизмомъ и ужасами Аракчеева прятался самъ Александръ, но народная ненависть обрушивалась не на него, а на его министра. Другое лицо, возвысившееся въ слѣдующія пять лѣтъ и столь же близкое къ государю, какъ Аракчеевъ, былъ Сперанскій. И у него была глубокая личная преданность государю; но раздѣляя прежде воззрѣнія и убѣжденія павшихъ теперь совѣтниковъ Александра, ему ничего не стоило измѣнить ихъ, сообразуясь съ измѣнившимися обстоятельствами. Онъ остался и возвысился, работая надъ преобразованіемъ внутренняго устройства Имперіи.

Таковъ былъ порядокъ вещей, возникшій изъ нашей неудачной войны съ Наполеономъ и изъ унизительнаго мира. Униженіе было забыто русскимъ обществомъ только послѣ окончательной побѣды надъ Наполеономъ и послѣ его паденія. „Тильзитъ! При словѣ семъ обиднымъ уже не поблѣднѣетъ Россъ"—восклицалъ молодой Пушкинъ въ одѣ своей на смерть Наполеона въ 1821 году. Но въ то время, когда правительство стало у насъ во многомъ подражать французскимъ порядкамъ, когда армію одѣли по французскимъ образцамъ, у солдатъ срѣзали косы, а на офицеровъ надѣли французскіе эполеты, когда цензура запрещала всякія выходки противъ Наполеона, запрещены были даже намеки о дурныхъ свойствахъ его характера, когда послѣ тильзитскаго мира нельзя было печатать даже о военныхъ неудачахъ французскаго императора, у насъ возникла патріотическая литература съ глубокою ненавистью къ французамъ и ко всему французскому. Эта литература встала, такимъ образомъ, по своему содержанію, въ оппозицію.

Стали появляться нападки на французовъ и на французское вліяніе, преимущественно въ воспитаніи нашего дворянства, высшаго и средняго. Наши неудачи стали приписывать паденію національнаго чувства отъ воспитанія. Мы укажемъ на цѣлый рядъ литературныхъ явленій въ этомъ духѣ и въ этомъ направленіи. Чѣмъ ближе становилась послѣдняя и упорная борьба наша съ Наполеономъ, тѣмъ направленіе это пріобрѣтало болѣе силы и наконецъ стало имѣть вліяніе на государя. Этому вліянію принесены были въ жертву и люди и системы. Не найдемъ мы въ этой патріотической литературѣ сильныхъ талантовъ и большого ума, развитія и политическаго знанія, но она имѣла все же возбуждающее дѣйствіе, хотя и походила иногда на тѣ безсмысленные крики клубныхъ ораторовъ нашихъ, о которыхъ было уже говорено. Политическаго знанія, политическаго такта здѣсь ожидать нельзя: дѣло шло о чувствѣ. Политическаго знанія событій почерпнуть было не откуда. Газеты и журналы наши давали читателямъ безсвязныя отрывочныя свѣдѣнія;

свободы въ разсужденіяхъ, вслѣдствіе цензурныхъ отношеній, не было никакой. Единственною сколько-нибудь порядочною газетою былъ „Геній временъ“, издававшійся два года, съ 1807 по 1809 г., Делакроа и Гречемъ, выступившимъ въ первый разъ тогда на издательское поприще. Политическое обозрѣніе этого журнала, въ которомъ высказывается какъ бы его программа, очень замѣчательно и какъ бы проникнуто сочувствіемъ къ реформамъ, о которыхъ скоро не будетъ слышно рѣчи. Авторъ сравниваетъ Россію и Францію дореволюціоннаго періода. Россія не томится тѣмъ зломъ, которое происходитъ отъ *застарѣлости*, тѣмъ именно зломъ, которое произвело революцію. Авторъ доказываетъ, что королевскій домъ Бурбоновъ палъ отъ того, что упорно держался своихъ застарѣлыхъ убѣжденій, что не могъ согласить своихъ законодательныхъ мѣръ съ духомъ времени, съ обновляющимися требованіями общества. Между тѣмъ это отношеніе къ духу времени и стараніе сообразовать его съ властью—необходимо; не надобно доходить до застарѣлости, т.-е. быть упорнымъ въ старинѣ. Взглядъ, конечно, правильный, и, еслибъ онъ постоянно развивался въ газетѣ, примѣнительно къ Россіи, она имѣла бы большое значеніе. Но программа осталась только программой, и дальнѣйшаго развитія не получила, а взглядъ на политическія событія Европы стѣснялся цензурою. Газета различно смотрѣла на Наполеона и наши къ нему отношенія до тильзитскаго мира и послѣ него, когда наша печать должна была соблюдать самое глубокое уваженіе къ особѣ Наполеона и стала льстить ему [1]). Журналисты, если имъ случалось промахнуться въ этомъ отношеніи, получали самыя строгія замѣчанія отъ цензурнаго комитета. Министръ народнаго просвѣщенія былъ убѣжденъ, какъ онъ пишетъ, что сочинители не могутъ близко видѣть „матерій политическихъ“, и „увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ“. Вотъ какъ быстро упало уваженіе къ печатному слову, о которомъ такъ много говорилось въ началѣ царствованія! Наконецъ министерство предписало всѣмъ учебнымъ округамъ, чтобы „цензоры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія“ [2]). Едва ли при такомъ положеніи печати можно было получить какое-либо понятіе о событіяхъ времени.

Собственная политическая мысль не пробуждалась. Приходилось довольствоваться тѣмъ, что̀ произведено чужимъ умомъ, и у насъ

---

[1]) Пятковскій, Изъ исторіи нашего лит. и общ развитія, изд. 2, ч. II, стр. 138—139.

[2]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр 428

явилось очень много переводныхъ, большею частію съ нѣмецкаго, книгъ и брошюръ политическаго содержанія, направленныхъ противъ французовъ и ихъ воинственнаго властителя. Содержаніе ихъ состояло въ нападеніи на личность Наполеона, на его завоеванія, неуваженіе къ правамъ народнымъ и пр., и въ защитѣ Россіи, которую Наполеоновскіе публицисты старались выставить страною грубою и невѣжественною. Весьма вѣроятно, что многія изъ этихъ произведеній издавались съ вѣдома и при помощи правительства, но послѣ тильзитскаго мира оно уже не принимало никакого участія въ этой литературѣ.

Первый съ своими рѣзкими и смѣлыми выходками и обвиненіями противъ французовъ выступилъ графъ Ѳ. В. Растопчинъ, имя котораго получило такую громкую извѣстность въ 1812 году. Его произведенія, дышащія современностію, имѣющія самое живое и близкое къ ней отношеніе, имѣли въ свое время сильное вліяніе на русское общество и много способствовали къ его возбужденію въ отечественную войну, а его политическія мнѣнія, весьма консервативнаго свойства, оказали вліяніе на государя, тѣмъ болѣе, что онъ старался доводить свои мнѣнія до государя не только литературнымъ путемъ, но и другими средствами. Въ эпоху 1812 года онъ играетъ одну изъ первыхъ ролей въ государствѣ и имя его извѣстно каждому русскому. По типу его сочиненій, живыхъ, бойкихъ, написанныхъ прекраснымъ, одушевленнымъ и простымъ языкомъ, сложился тотъ доморощенный патріотизмъ, которымъ отличались люди 12-го года и долго потомъ храбрившіеся консерваторы и ненавистники всякой чужеземщины.

Графъ Растопчинъ происходилъ изъ старой татарской фамиліи, выѣхавшей въ XVI столѣтіи изъ Крыма и служившей московскимъ царямъ, но никогда не занимавшей значительныхъ мѣстъ и важнаго положенія. Біографъ его, Бантышъ-Каменскій, производитъ родъ его отъ Чингизъ-Хана, и по этому поводу распространяется даже о жизни послѣдняго. Но самъ Растопчинъ, отличавшійся остроуміемъ и шутливостью, смотрѣлъ на свое происхожденіе гораздо проще. „Скажи мнѣ, отчего ты не князь“—спросилъ его однажды въ большомъ обществѣ очень любившій его императоръ Павелъ. Немного подумавши, Растопчинъ спросилъ Павла, можетъ ли онъ высказать настоящую причину, и получивши утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Предокъ мой, выѣхавши въ Россію, прибылъ сюда зимой“.—„Какое же отношеніе имѣетъ время года къ достоинству, которое ему было пожаловано?“—спросилъ императоръ. „Когда татарскій вельможа, отвѣчалъ Растопчинъ, въ первый разъ являлся ко двору, ему предлагали на выборъ или *шубу* или *княжеское достоинство.* Предокъ мой

пріѣхалъ въ жестокую зиму и отдалъ предпочтеніе шубѣ". Это заставило смѣяться Павла [1]). Отецъ Растопчина былъ маіоръ въ отставкѣ, жилъ въ своихъ деревняхъ въ подмосковныхъ губерніяхъ, имѣлъ довольно значительное состояніе и былъ простой и благодушный человѣкъ. Сынъ его родился въ Москвѣ 12 марта 1763 года и до 15-ти лѣтъ жилъ при отцѣ въ деревнѣ, воспитываемый разными иностранными гувернерами; это дало Растопчину возможность усвоить вполнѣ нѣсколько иностранныхъ языковъ. Несмотря на иностранцевъ гувернеровъ, въ Растопчинѣ сохранилось много чисто народныхъ чертъ характера и горячей любви ко всему родному. Это служитъ доказательствомъ, что не всегда французское воспитаніе извращало у насъ людей; чтобъ избѣжать вреда его, нужны были умъ и постороннее вліяніе. Перваго у Растопчина было довольно, а о второмъ онъ самъ говоритъ про себя, что „имѣлъ десятка съ три заморскихъ учителей: но, помня поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался русскимъ". Такая простая исторія повторялась очень часто. Этихъ мамъ или нянь Растопчинъ очень уважалъ. „Хотя мамы эти, хаживавшія за дѣтьми, говоритъ онъ (въ повѣсти „Охъ, французы!"), и были простыя барскія барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами, смертью курносской, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ приказчиковъ, дворецкихъ и конюшихъ?"

Въ 1775 году Растопчинъ сдѣланъ былъ пажемъ при дворѣ Екатерины, а потомъ служилъ въ преображенскомъ полку. Императрица рано обратила на него вниманіе и замѣтила его умъ и въ особенности даръ выставлять на показъ смѣшное. За это приглашали Растопчина въ самое отборное общество двора, гдѣ любили его остроуміе. Здѣсь, вмѣстѣ съ другими, игралъ онъ въ литературную игру и очень рано могъ образовать свой слогъ, простой и естественный, чуждый всякихъ реторическихъ украшеній.

Въ 1784 году, когда Растопчину было только двадцать одинъ годъ, онъ оставилъ службу и уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Мы не знаемъ цѣли его путешествія и тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ прожилъ все это время, даже неизвѣстно съ точностью время, проведенное имъ за границею. Памятникомъ его перваго путе-

---

[1]) Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. I, примѣч стр. 54.

шествія въ молодости осталось его описаніе путешествія по Пруссіи [1]), написанное имъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его, гораздо позднѣе, какъ воспоминаніе о прошломъ. Самый языкъ доказываетъ это: въ концѣ XVIII вѣка у насъ такъ не могли писать. Замѣчателенъ языкъ этотъ въ томъ отношеніи, что хотя сочиненіе писано очевидно въ первыхъ годахъ XIX вѣка, на немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія Карамзина: доказательство, что Растопчинъ писалъ не ex professo, не какъ литераторъ, а какъ умный только человѣкъ, не думая о формѣ выраженія. (Первоначальныя замѣтки писаны были по-французски, что̀ видно изъ его сочиненія: „Journal écrit à Berlin, les années 1786 и 1787“) [2]). Изъ путешествія по Пруссіи, гдѣ Растопчинъ разсказываетъ свою дорогу до Берлина и потомъ описываетъ эту столицу, видно, что онъ ѣхалъ, какъ знатный молодой человѣкъ того времени, и имѣлъ возможность сближаться съ самымъ высшимъ кругомъ общества. Умъ, веселость и наблюдательность являются на каждой страницѣ; Растопчинъ отлично изучилъ нѣмцевъ и смѣется надъ ними очень зло и остро. Въ особенности забавны его жалобы на медленность ѣзды на почтовыхъ и грубость почтмейстеровъ и жадность ихъ къ деньгамъ. Никакой затаенной мысли нѣтъ въ его описаніи; это просто замѣтки для себя. „Въ Берлинѣ (описаніемъ котораго собственно и ограничиваются записки Растопчина) я былъ три раза, говоритъ онъ, жилъ долго, знаю его какъ Москву и Петербургъ, но предпочту ему и Выборгскую сторону и Рогожскую“ [3]). Такого рода предпочтеніе родныхъ мѣстъ очень часто является въ описаніи Растопчина. Замѣтки его вообще очень разнообразны; въ нихъ входятъ и наблюденія надъ военнымъ строемъ Пруссіи, что̀ особенно должно было интересовать Растопчина послѣ семилѣтней войны, и характеристика знатнаго общества, и театръ, и Академія Наукъ, въ засѣданіи которой въ честь Фридриха Великаго онъ присутствовалъ, и нравственность народная, и образъ жизни, не похожій на русскій, и разные современные случаи, выходящіе изъ обыкновеннаго ряда. Даже замѣчанія его о художественныхъ произведеніяхъ показываютъ въ Растопчинѣ не восторженнаго дилетанта, какимъ былъ Карамзинъ въ Дрезденской галлереѣ, а очень тонкаго цѣнителя, умѣющаго превосходно описать содержаніе и смыслъ художественнаго произведенія. Таково его описаніе картины Тербурга: „Осужденіе на смерть графа Горна“ [4]). Онъ былъ въ

---

[1]) Москвитянинъ, 1849 г., №№ 1, 10, 13 и 15
[2]) Русск Арх. 1868 г., стр. 855.
[3]) Москвитянинъ, № 1, стр. 80.
[4]) Ibid., № 13, стр. 6—7

Санъ-Суси въ самый день смерти Фридриха Великаго (1786) и видѣлъ тѣло великаго короля тотчасъ по кончинѣ еще въ креслахъ и подъ синимъ плащомъ, который поднималъ для него стоящій на часахъ гусаръ. Описаніе мертваго короля дышитъ истиной и чувствомъ [1]). О Фридрихѣ часто говоритъ онъ съ глубокимъ уваженіемъ и сравниваетъ его не разъ съ нашимъ Петромъ Великимъ, на котораго смотритъ какъ на „преобразователя великаго и славнаго своего отечества“ [2]). Изъ извѣстныхъ людей того времени Растопчинъ встрѣчался въ Берлинѣ съ Мирабо, который былъ посланъ туда Людовикомъ XVI или скорѣе министромъ Калонномъ, но изображеніе Мирабо, кажется, написано Растопчинымъ позднѣе и на него, безъ сомнѣнія, имѣла вліяніе позднѣйшая роль знаменитаго оратора въ Національномъ Собраніи Франціи [3]). Въ Берлинѣ Растопчинъ сблизился съ нашимъ посланникомъ, графомъ С. П. Румянцевымъ (сыномъ Задунайскаго), что̀ помогло потомъ его служебной карьерѣ.

Воротившись изъ-за границы, Растопчинъ очень желалъ служить волонтеромъ во вторую нашу войну съ турками, но ему не удалось, по какой причинѣ, неизвѣстно [4]) Безбородко, тогдашній канцлеръ Имперіи, отправлявшійся на театръ военныхъ дѣйствій, взялъ съ собою Растопчина, какъ дипломатическаго чиновника при заключеніи мира. Съ этихъ поръ Растопчинъ сталъ служить по дипломатической части. По возвращеніи изъ Турціи онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, и бывая дежурнымъ въ этомъ званіи при наслѣдникѣ престола Павлѣ Петровичѣ, въ Павловскѣ и Гатчинѣ, онъ очень полюбился ему, что̀ и было причиною его необычайно-быстраго возвышенія при вступленіи на престолъ Павла.

ЛЕКЦІЯ XXII.

Растопчинъ при Павлѣ.—Отставка Растопчина.—Занятія сельскимъ хозяйствомъ.—Брошюра «Плугъ и соха».—«Мысли вслухъ»

День смерти Екатерины и восшествія на престолъ Павла, дружески расположеннаго къ Растопчину, былъ днемъ его возвышенія и началомъ его быстрыхъ успѣховъ по службѣ, что̀ было вовсе не необыкновенно въ то время и при условіяхъ характера Павла. Объ этомъ днѣ, столь замѣчательномъ въ исторіи русской, когда разомъ

---

[1]) Ibid, стр. 9—10.

[2]) Ibid., № 10, стр. 86.

[3]) Ibid., № 15, стр 122.

[4]) Впрочемъ, по замѣткамъ М. Н. Лонгинова, Растопчинъ былъ при осадѣ и штурмѣ Очакова (Русск. Арх. 1868 г., стр. 852).

перемѣнились и люди и правительственная система, Растопчинъ оставилъ любопытную записку: „Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствованія императора Павла“ [1]). Она, какъ и всякое другое сочиненіе Растопчина, свидѣтельствуетъ о его необыкновенномъ умѣ, наблюдательности, честномъ и благородномъ характерѣ, и, будучи написана по горячимъ слѣдамъ событій, живо переноситъ насъ въ среду ихъ и мѣтко очерчиваетъ и лица и тогдашнія отношенія (она помѣчена 15 ноября 1796 г.). Растопчинъ, скоро узнавшій объ ударѣ, поразившемъ Екатерину, былъ посланъ Александромъ Павловичемъ къ отцу въ Гатчину съ извѣстіемъ о томъ, встрѣтилъ новаго императора въ Софіи уже скачущаго въ Петербургъ, провожалъ его во дворецъ и былъ свидѣтелемъ, такимъ образомъ, первыхъ изліяній Павла, первыхъ его ощущеніи и первыхъ дѣйствій. Павелъ тотчасъ же при другихъ показалъ свои дружескія, близкія отношенія къ Растопчину, сказавъ о немъ. „Вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня нѣтъ ничего скрытнаго“, и всѣ видѣли уже въ немъ будущаго временщика, старались заранѣе подольститься къ нему и угодить. Смятеніе и нравственное безобразіе двора въ эту пору изображены въ запискѣ чрезвычайно вѣрно. Растопчинъ во многихъ мѣстахъ не можетъ сдержать своего негодованія и говоритъ о „живомъ омерзѣніи“, которое онъ чувствуетъ. Онъ видѣлъ посреди спальни на полу, на кожаномъ матрацѣ, съ едва замѣтными признаками жизни, умирающую Екатерину, которой прислуживала попрежнему преданная ей ея любимица Марья Савишна Перекусихина; другіе придворные были заняты единственно собой, „а сія минута была для нихъ всѣхъ тѣмъ, что Страшный судъ для грѣшника“ — говоритъ Растопчинъ. Онъ замѣтилъ отчаяніе послѣдняго фаворита Екатерины—Зубова; въ лицѣ и во всѣхъ его движеніяхъ изображалась увѣренность въ паденіи и ничтожествѣ. Онъ рыдалъ и сидѣлъ въ углу; „толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго,—говоритъ Растопчинъ,—и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды (Растопчинъ самъ подалъ ему стаканъ); та комната, въ коей давили другъ друга, чтобъ стать къ нему ближе, обратилась для него въ необитаемую степь“. Въ такомъ же положеніи находился и знаменитый графъ Орловъ-Чесменскій. Когда Растопчинъ ѣхалъ къ нему съ Архаровымъ, вскорѣ потомъ назначеннымъ Петербургскимъ губернаторомъ, чтобы по приказу Павла привести его къ присягѣ, этотъ Архаровъ, всѣмъ обязанный Орлову, видя въ Растопчинѣ новаго временщика, „не переставалъ говорить мерзости на счетъ графа Орлова“ Изъ этихъ отзывовъ и

[1]) Чтенія Москов Общ Ист. и Др. 1864 г, кн 2, Смѣсь, стр. 171—184.

замѣтокъ Растопчина легко видѣть его честный и благородный характеръ, чуждый интригъ придворной жизни, которую онъ никогда не любилъ.

Повидимому, Растопчинъ не искалъ почестей самъ. По его разсказу, императоръ Павелъ въ день своего восшествія позвалъ его въ кабинетъ и велѣлъ ему откровенно сказать—чѣмъ онъ желаетъ быть при немъ. „Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, я, не останавливаясь нимало, отвѣчалъ: „секретаремъ для принятія просьбъ". Но Павелъ противъ желанія Растопчина, которому не хотѣлось служить въ военной службѣ, назначилъ его генералъ-адъютантомъ, чтобъ управлять военной коллегіей. Ему оставалось только молча согласиться. Чины, звѣзды и крѣпостные крестьяне посыпались на новаго любимца, хотя вся его служба состояла въ объявленіи высочайшихъ приказовъ. Въ 1798 году на него однако обрушилась немилость Павла; онъ былъ отставленъ отъ службы, но опала продолжалась не долго, и Растопчинъ снова поступилъ на службу въ томъ же году и такъ быстро шелъ въ ней, что къ концу слѣдующаго года былъ сдѣланъ графомъ, получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и назначенъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т.-е. по нынѣшнему министромъ иностранныхъ дѣлъ; при этомъ остались за Растопчинымъ всѣ прежнія его должности. Какъ министръ, во время войны нашей съ Франціей при Суворовѣ, онъ получилъ множество иностранныхъ орденовъ, а Павелъ подарилъ ему 3.000 душъ крестьянъ и 33.000 дес. земли.

Такимъ образомъ Растопчинъ, вѣроятно, неожиданно для самого себя и только по прихотливой милости императора Павла сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Управленіе Растопчинымъ этою важною частью государственной жизни было слишкомъ непродолжительно, чтобъ можно было составить о немъ правильное понятіе и вѣрно судить дѣятельность Растопчина. Что было сдѣлано Растопчинымъ въ русской политикѣ того времени, какъ онъ управлялъ ею,—можно найти въ книгѣ Терещенки [1]) и въ біографіи его Б.-Каменскаго; на сколько дѣйствовалъ онъ самостоятельно—намъ неизвѣстно. Къ намъ дошелъ, впрочемъ, одинъ документъ внѣшней политики, составленный Растопчинымъ въ концѣ 1800 года: „Картина Европы въ началѣ XIX столѣтія и отношеніе къ ней Россіи" [2]), въ которомъ Растопчинъ возвращается къ прежнимъ Екатерининскимъ идеямъ въ нашей внѣшней политикѣ относительно юга Европы и Турціи. Съ планомъ

[1]) „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Спб. 1837 г., ч II, стр 205 слѣд

[2]) Пам. Нов. Русск. Исторіи. Сборникъ Кашпирева. Спб. 1871 г., т. I, стр. 102—111.

его совершенно согласился Павелъ и дѣйствительно, незадолго до его смерти политика наша вдругъ измѣнилась: послѣдовалъ разрывъ съ Англіей и сближеніе съ Франціей. Планъ Растопчина состоялъ въ раздѣлѣ турецкой территоріи между Россіей, Австріей, Пруссіей и Турціей, на которую онъ смотрѣлъ какъ на безнадежнаго больного. Исполненіе этого плана Растопчинъ принимаетъ на себя, хочетъ все обдѣлать въ тайнѣ и при помощи хитрости и вовсе не проявляетъ обширнаго государственнаго ума и соображеній. Какъ извѣстно, смерть Павла помѣшала исполненію этого плана.

Управляя иностранными дѣлами Россіи, Растопчинъ долженъ былъ вести переписку съ Суворовымъ, находившимся тогда съ войскомъ въ Италіи. Переписка эта свидѣтельствуетъ о близости ихъ. Растопчинъ еще прежде въ Турціи зналъ и любилъ Суворова. Въ оригинальныхъ умахъ обоихъ было очень много общаго и знаменитыя выходки Суворова очень нравились Растопчину. Коротенькія воспоминанія его о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ знаменитымъ полководцемъ, который „вездѣ побѣждалъ и одинъ умеръ непобѣжденнымъ“ [1]), даютъ, несмотря на свою краткость, очень вѣрное представленіе о знаменитомъ героѣ. Для Растопчина, это былъ герой-богатырь съ чисто-русскимъ характеромъ. Въ письмахъ къ нему [2]) высказываетъ онъ живое участіе къ его затруднительному положенію въ Италіи, гдѣ побѣдамъ его мѣшали интриги того же Вѣнскаго двора, на защиту и спасеніе котораго онъ пришелъ съ русскимъ войскомъ. Посреди непріятностей своего положенія Суворовъ думалъ бросить все и выйти въ отставку, и Растопчинъ употребляетъ въ письмѣ всѣ усилія убѣжденія, чтобъ отговорить его отъ этого шага. Суворовъ для Растопчина—герой его сердца; его слава, его подвиги близки ему и въ высшей степени дороги.

Растопчинъ не дослужилъ до конца царствованія Павла. Въ концѣ февраля 1801 г. Растопчинъ и Аракчеевъ, два самыя преданныя лица и самыя близкія къ Павлу, были имъ внезапно удалены и на мѣсто Растопчина назначенъ С.-Петербургскій военный губернаторъ графъ Паленъ, одинъ изъ участниковъ переворота [3]). Интригѣ, которой необходимо было удалить отъ Павла человѣка ему преданнаго, конечно было легко, при вспыльчивомъ характерѣ императора, убѣдить его въ томъ или другомъ, но въ чемъ состояли обвиненія противъ Растопчина—мы не знаемъ. Онъ уѣхалъ въ свою деревню, извѣстное очень село Вороново, и до самаго того времени, когда императоръ

[1]) Русск. Вѣстн. 1808 г № 3, стр. 241—249.

[2]) Соч. изд. Смирдина стр 147—160; Гр. Ѳ. В. Растопчинъ и литература въ 1812 г. Сочиненія Н. С. Тихонравова, М. 1898, т. III, ч. I

[3]) Русск Арх. 1863 г, стр 808.

Александръ назначилъ его въ 1812 году, передъ нашествіемъ Наполеона, главнокомандующимъ въ Москвѣ, Растопчинъ жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ по зимамъ, какъ богатый помѣщикъ. Впрочемъ, онъ бывалъ и въ Петербургѣ, гдѣ у него было много связей, но не служилъ. Въ Москвѣ его оригинальная личность, блестящее образованіе, богатство и остроуміе дѣлали его любимымъ гостемъ общества. Его разсказовъ и разговоровъ заслушивались. „Что это за увлекательный образъ изъясненія: анекдотъ за анекдотомъ, одной чертой такъ и обрисуетъ всего человѣка, и между тѣмъ о своей личности ни слова"—разсказываетъ современникъ [1]). Съ самаго начала войнъ съ Наполеономъ въ его разговорахъ безпрестанно слышалась ненависть къ французамъ и патріотическое чувство. „Графъ Растопчинъ, даже и въ отставкѣ, говоритъ тотъ же современникъ, не пропускаетъ ни одного случая, чтобы словомъ или дѣломъ содѣйствовать славѣ отечества" [2]). Съ этихъ поръ усвоилось ему названіе патріота. Растопчинъ былъ родственникомъ по женѣ (Протасовой)—Карамзину и очень часто проводилъ время въ его обществѣ, заговариваясь до утра. Въ эпоху возбужденія патріотическаго чувства и, слѣдовательно, недовольства прежнею политическою системою правительства, недовольства, въ особенности усилившагося передъ 12 годомъ, Растопчинъ и Карамзинъ были совершенно одинаковыхъ убѣжденій и дѣйствовали, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, заодно.

Занятія и жизнь Растопчина, со времени его отставки, рисуются въ его письмахъ къ другу, извѣстному кавказскому герою Ціціанову, убитому на Кавказѣ [3]). Главнымъ занятіемъ Растопчина, когда онъ жилъ въ деревнѣ, что̀ и случалось часто, потому что въ Москву пріѣзжалъ онъ на короткое время, были конскій заводъ и сельское хозяйство, особенно хлѣбопашество. Какъ и всѣмъ, онъ и этимъ занимался со страстью: „У меня въ полѣ, на дворѣ и въ домѣ дѣла множество, и какъ человѣкъ живетъ въ суетахъ, то и я отдаю сей долгъ природѣ" [4]). Эта дѣятельность тѣмъ понятнѣе, что Растопчинъ, выйдя въ отставку, несмотря на свой чинъ и на то, что имѣлъ уже самый высшій орденъ имперіи, былъ еще молодъ: ему было всего 37 лѣтъ и при энергическомъ характерѣ, его мучила жажда дѣятельности. Между нашими богатыми сельскими хозяевами, несмотря на крѣпостной трудъ, на которомъ основывалось все хозяйство, господствовало въ это время увлеченіе англійскою системою обработки пахотныхъ полей.

---

[1]) Записки С. П. Жихарева, М 1890, стр. 24.

[2]) Ibid., стр. 152.

[3]) Тихоправовъ, указанная выше статья, стр. 322—329, 336—350, 360—366.

[4]) Ibid, стр. 324

И Растопчинъ, по примѣру другихъ, выписалъ изъ Англіи фермера, завелъ плугъ, пробовалъ разныя системы удобренія и пр. Самымъ жаркимъ приверженцемъ и распространителемъ у насъ системы англійскаго хозяйства въ то время былъ богатый калужскій помѣщикъ Дм. Мар. Полторацкій; онъ славился какъ агрономъ, и о его хозяйствѣ писали тогда въ журналахъ. Растопчинъ былъ знакомъ съ нимъ, переписывался и посылалъ къ нему своихъ крестьянъ учиться новому способу сельскаго хозяйства, на англійскій ладъ. Но Растопчинъ, кажется, очень скоро разгадалъ непримѣнимость англійской системы къ русской почвѣ. Полторацкій, какъ англоманъ, ввелъ въ свое хозяйство плугъ, замѣнивъ имъ прежнюю соху. Его примѣру послѣдовали другіе; между приверженцами сохи и плуга началась жаркая полемика, которая выступила и въ печать. Растопчинъ находилъ, что система англійскаго хозяйства, съ ея сѣвооборотомъ и искусственнымъ удобреніемъ, можетъ быть съ успѣхомъ примѣнена у насъ тогда, когда народонаселеніе увеличится втрое, а до тѣхъ поръ гораздо лучше держаться старой предковской системы. Онъ смотрѣлъ въ этомъ случаѣ, какъ простой русскій человѣкъ и съ удовольствіемъ приводитъ отзывъ своего мужика Проньки о выписанныхъ англійскихъ работникахъ: „имъ противъ насъ не вынести; у нихъ кишка-то пожиже“.

По поводу этихъ сельско-хозяйственныхъ споровъ о преимуществахъ плуга и сохи, Растопчинъ въ первый разъ выступилъ въ печати на литературное поприще съ брошюрою „Плугъ и соха“, изданною степнымъ дворяниномъ (М. 1806 г.). Въ ней высказываетъ онъ то же консервативное направленіе, которое отличало его и въ вопросахъ политическихъ. Это видно даже изъ его эпиграфа: „Отцы наши не глупѣй насъ были“. Другой эпиграфъ, въ стихахъ, рисуетъ самую личность автора:

„Поболѣ другого я по свѣту шатался,
Ученіемъ, людьми, вещами занимался,
И оттого, что внѣ Россіи долго жилъ,
Узналъ всю цѣну ей и больше полюбилъ.
Какъ сынъ, я преданъ ей и сердцемъ и душой,
Служилъ въ войнѣ, дѣлахъ, теперь служу съ сохой.
И пользы общества всегда былъ вѣрный другъ,
Хочу увѣрить въ томъ и возстаю на плугъ“.

Кромѣ разсужденій о непримѣнимости у насъ плуга, Растопчинъ и вообще возстаетъ въ этой брошюрѣ на русскую страсть къ нововведеніямъ и заимствованіямъ, безъ положительнаго знанія о томъ, годится или нѣтъ для насъ заимствованное: „То, что содѣлалось въ другихъ земляхъ вѣками и отъ нужды, говоритъ онъ, мы хотимъ

посреди изобилія завести у себя въ годъ. Единственно по склонности къ новостямъ и въ подражаніе чужестраннымъ, по множеству перемѣнъ въ одеждѣ, въ строеніи, воспитаніи, даже и въ образѣ мыслей". Но онъ не желаетъ однако явиться передъ обществомъ отъявленнымъ и неразсудительнымъ противникомъ всего чужого, даже хорошаго. „Хотя я русскій и сердцемъ и душею, и предпочитаю отечество всѣмъ землямъ безъ изъятія; не изъ числа однакожъ тѣхъ, которые отъ упрямства, предразсудковъ и самолюбія пренебрегаютъ вообще все иностранное и доказательства отражаютъ словами: *пустое, вздоръ, негодится*".

Между тѣмъ у Растопчина подростали дѣти; онъ сталъ заботиться о ихъ воспитаніи и, несмотря на свой патріотизмъ и высказываемое имъ русское чувство, собирался ѣхать за границу, подобно всѣмъ богатымъ русскимъ людямъ того времени, съ намѣреніемъ тамъ воспитывать дѣтей. Онъ мечталъ о тепломъ климатѣ, о спокойной жизни посреди другихъ людей и интересовъ.

Общество, въ которомъ онъ жилъ въ Москвѣ, по всей вѣроятности, ему не нравилось. „Я всегда возвращаюсь изъ Москвы въ огорченіи отъ видѣннаго и слышаннаго, писалъ онъ къ Циціанову: развратъ достигъ до тѣхъ людей, кои почитались степенными". Въ самомъ дѣлѣ, жизнь тогдашняго московскаго общества, какъ это видно изъ современныхъ записокъ, походила на какую-то продолжительную безумную оргію, въ которой не было ни мысли, ни духовныхъ и нравственныхъ интересовъ. Пьянство въ огромныхъ размѣрахъ и развратъ, скаковыя лошади, азартная игра, въ одну ночь уносящая состоянія, медвѣжьи травли, пѣтушьи и гусиные бои—вотъ въ чемъ проводили время богатые и знатные представители московскаго общества, люди, игравшіе въ оппозицію съ властью. Растопчинъ чаще всего бывалъ у Карамзина и у Дашковой. Знаменитая княгиня очень полюбила Растопчина и всѣмъ твердила, что она въ своей жизни нашла лишь трехъ человѣкъ, кои дѣлаютъ честь людямъ: Фридриха В., Дидерота и Растопчина. Понятно, какъ хотѣлось Растопчину уѣхать за границу, но начавшаяся война съ Наполеономъ помѣшала его сборамъ и заставила его принять участіе въ общемъ возбужденіи Россіи.

Война эта была для него не новость. Знакомый съ современной исторіей Европы, слѣдя за событіями, Растопчинъ давно уже вѣрно смотрѣлъ на возраставшее могущество Наполеона, сдѣлавшагося наслѣдникомъ революціи. Еще въ 1800 году Растопчинъ замѣтилъ, какъ Франція „чрезъ непонятныя происшествія, произведенныя варварствомъ, сумасшествіемъ и геройствомъ, приведя не только себя, но и двѣ трети Европы въ совершенный хаосъ..., оканчиваетъ нынѣ

преданіемъ себя въ самовластіе иноземца Бонапарте“ [1]). Онъ понималъ, что съ Бонапарте во главѣ правленія французы ничего не выиграли отъ своей революціи: „Мнѣ то смѣшно, что люди не признаются никогда въ ихъ сумасшествіи, и стоило ли жизни близъ двухъ милліоновъ людей, потрясенія всѣхъ властей и произведенія непонятныхъ варварствъ и безбожія то, чтобы сдѣлать изъ пѣхотнаго капитана императора и короля?“—пишетъ онъ къ Циціанову [2]). Ему не нравилась наступающая война и союзъ съ Англіей, которой своекорыстіе онъ хорошо понималъ; онъ не желалъ, чтобы мы „набивались на драку“. Какъ и прежде, съ своей политической точки зрѣнія, онъ скорѣе былъ за союзъ съ Франціей и возвращался къ старой мысли своей о раздѣлѣ Турціи, съ тѣмъ, чтобъ дружбу Франціи купить уступкою ей Египта“ [3]). Но война началась, и бѣдствія ея вызвали Растопчина на публичное выраженіе своихъ мыслей, враждебныхъ французамъ и ихъ господствовавшему вліянію. Эта нелюбовь къ французамъ, которую Растопчинъ объяснялъ самъ тогдашнею войною съ ними, увеличивалась еще отъ мелкихъ непріятностей, которыя онъ долженъ былъ выносить дома отъ французскихъ гувернеровъ, нанимаемыхъ имъ для дѣтей. Несмотря на свою любовь ко всему русскому, Растопчинъ не могъ отказаться отъ общепринятаго обычая—воспитывать дѣтей по-французски. Неудачный выборъ воспитателей раздражалъ Растопчина, и онъ подробно описываетъ свои непріятности по этому поводу въ письмахъ къ Циціанову: „Не знаю, жалуется онъ ему, Сергуша (сынъ), когда меня не будетъ на свѣтѣ, будетъ ли знать цѣну всѣхъ моихъ пожертвованій для его воспитанія и *что терпѣть должно отъ этихъ иноземцевъ*“ [4]). Въ самомъ дѣлѣ нельзя было не раздражаться Растопчину, когда одинъ изъ его гувернеровъ вздумалъ обращать питомца своего въ католичество; другой былъ до крайности грубъ и заносчивъ; третій завелъ преглупую романическую исторію въ домѣ, такъ что пришлось разставаться со всѣми тремя въ короткое время. „Голова идетъ кругомъ, жалуется онъ; Богъ знаетъ, гдѣ сыскать человѣка. Какое несчастіе, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить этимъ нечестивымъ французскимъ языкомъ“ [5]). Отъ этихъ домашнихъ непріятностей больше скоплялась желчь его противъ французовъ, вылившаяся въ печати.

Первое произведеніе Растопчина въ ряду прочихъ этого рода произведеній, изобилующихъ выходками противъ французовъ, по-

---

[1]) Сборникъ Кашпирева, „Картина Европы“, стр. 105.
[2]) Тихонравовъ, указан. статья, стр. 342
[3]) Ib, стр. 363.
[4]) Ib., стр. 365.
[5]) Ib, стр 366.

явилось не задолго до тильзитскаго мира. То были „Мысли вслухъ на красномъ крыльцѣ, Россійскаго дворянина Силы Андреевича Богатырева". Спб. 1807 г. 4°). Этотъ небольшой памфлетъ ходилъ въ рукописи и, соотвѣтствуя настроенію общества, переписывался вездѣ. Одинъ экземпляръ его дошелъ до Петербурга, и А. С. Шишковъ, обрадовавшись, вѣроятно, тому, что нашелъ въ неизвѣстномъ для него авторѣ энергическаго поборника его идей о вредномъ вліяніи французскаго воспитанія, напечаталъ „Мысли" Растопчина безъ его вѣдома въ С Петербургѣ. Но онъ кое-что измѣнилъ въ первоначальномъ текстѣ, сгладилъ нѣкоторыя, показавшіяся ему *жестими* выраженія, ослабилъ выраженіе ненависти къ иностранцамъ и прибавилъ похвалу Бенингсену, о которой не думалъ Растопчинъ. Авторъ счелъ поэтому нужнымъ въ томъ же году издать свои „Мысли" въ Москвѣ, съ приложеніемъ „письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ", гдѣ онъ жалуется публикѣ на исправленія, сдѣланныя петербургскимъ издателемъ.

Что такое этотъ первый и знаменитый памфлетъ Растопчина, принятый съ восторгомъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ и доставившій автору громкую извѣстность? Передъ нами выходитъ любимый герой Растопчина, идеалъ, по его мнѣнію, настоящаго русскаго человѣка, съ древними доблестями, непохожій на людей современнаго поколѣнія. Это „Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ Георгіевскій и Владимірскій". Онъ „отправился изъ села Зажитова по случаю милиціи въ Тулу для закупки ружей и, узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими происшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать вслухъ". Такимъ образомъ, въ этомъ идеалѣ Растопчина соединяются тѣ доблести, которыя онъ желалъ бы видѣть въ настоящемъ русскомъ человѣкѣ: дворянство, военная храбрость, преданность государю, набожность и патріотизмъ.

Въ чемъ же главное содержаніе мыслей Богатырева, нашедшихъ такой сильный отголосокъ въ русскомъ обществѣ 1807 года? Эти мысли уже извѣстны намъ; онѣ направлены противъ иностраннаго, преимущественно французскаго вліянія, но никогда онѣ прежде не выражались такимъ простымъ, чисто русскимъ и энергическимъ языкомъ: „Господи, помилуй!—такъ начинаетъ свою думу Богатыревъ:

да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву, и плюнувъ, сказать Французу: сгинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ, или во свояси, все равно, только не будь на Руси". Главныя нападенія направлены на французскихъ воспитателей, которыхъ берутъ у насъ „на перехватъ" и которые своимъ вліяніемъ уничтожаютъ въ человѣкѣ всякое русское чувство. „Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, царя и отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей?" Воспитанники французовъ для Растопчина—дураки и дуры; онъ смѣется надъ ихъ понятіями, нарядами и развращенному поколѣнію идеалъ для подражанія представляетъ въ предкахъ. Имъ и слава и царство небесное! „Чего лучше быть русскимъ, не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ въ верьхъ, есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ". И Богатыревъ выставляетъ величіе Россіи, перечисляетъ ея славныхъ людей: воиновъ, спасителей отечества, духовныхъ, министровъ, писателей.. Вся ненависть Богатырева, впрочемъ, главнымъ образомъ направлена на послѣднюю французскую исторію и на новаго властителя Франціи, съ которымъ мы вели войну. Съ нравственнымъ характеромъ ихъ онъ не можетъ примириться: „въ французской всякой головѣ вѣтряная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать*". Революція представлена очень просто: „Вить что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!— отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ". Такъ же оригинально передается и возвышеніе Наполеона: „Погналъ Сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ". Разсказавъ по-своему завоеванія Бонапарта, Богатыревъ прибавляетъ: „А все мало! весь міръ захотѣлъ покорить, что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни видѣнья, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ. Ну, милости просимъ!"

ЛЕКЦІЯ XXIII.

Вліяніе Растопчина на литературу. Повѣсть «Охъ, французы».—Комедія «Вѣсти или убитой живой».—Отношеніе Растопчина къ Сперанскому.

Рѣзкія до чрезвычайности выходки Растопчина въ его „Мысляхъ вслухъ на красномъ крыльцѣ“ противъ французовъ и ихъ властителя объясняются тогдашнею войною съ ними, ихъ успѣхами и поэтому весьма понятнымъ чувствомъ ненависти, возбужденнымъ въ умахъ. Имя Наполеона тогда уже имѣло обаяніе для многихъ; Растопчинъ, безъ сомнѣнія, понималъ его не такъ, какъ выставилъ въ своей брошюрѣ. Происхожденіе и цѣль памфлета объясняетъ самъ Растопчинъ гораздо позже, въ сочиненіи, написанномъ имъ какъ бы въ защиту свою отъ нападеній европейскихъ публицистовъ, такимъ образомъ: „Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году, имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ, жившихъ въ Россіи, которые старались пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона“ [1]). Трудно сказать, насколько справедливо замѣчаніе Растопчина и дѣйствительно ли французы у насъ могли имѣть вліяніе на умы, но памфлетъ желалъ дѣйствовать на массу. Онъ и понравился массѣ, которая быстро раскупила его до 7000 экз., конечно, не масса народа, а большинство грамотнаго общества, въ которомъ и безъ того уже бродила ненависть къ французамъ, возбужденная войною, и ея неуспѣхомъ, отъ котораго падалъ духъ. „Мысли“ Растопчина скоро нашли подражателей въ литературѣ; онѣ какъ бы задавали тонъ, которому вторили другіе. Такъ, напр., двѣ комедіи Крылова изъ этого времени: „Модная Лавка“ и „Урокъ дочкамъ“ вполнѣ раздѣляютъ мысли Богатырева и направлены противъ французовъ и ихъ вліянія, модъ и легкихъ нравовъ. Левшинъ, очень плодовитый авторъ множества сочиненій по сельскому хозяйству, въ томъ же 1807 году издалъ сочиненіе: „Посланіе Русскаго къ французолюбцамъ“—съ тѣмъ же самымъ направленіемъ и содержаніемъ. Отъ этой литературы, порожденной взволнованнымъ чувствомъ, вдругъ возникшею ненавистью къ французамъ, вслѣдствіе войны съ ними, нельзя было ждать обдуманности и безпристрастія; увлеченіе было очень естественно. Такъ, плохая комедія „Высылка французовъ“ [2]) (1807 г) въ своемъ увлеченіи дошла даже до нападеній на просвѣщеніе. Для насъ важно, что начало этого литературнаго направленія, самобытнаго и рѣзкаго,

[1]) La vérité sur l'incendie de Moscou. Соч., изд. Смирдина, стр. 274.

[2]) Авторъ неизвѣстенъ.

было положено Растопчинымъ. Но въ немъ было одно достоинство, котораго не было у его подражателей—оригинальное пониманіе лицъ и событій и живое отношеніе къ нимъ; это выражалось и въ его блестящемъ свободномъ и чисто русскомъ языкѣ, которымъ никто, кромѣ Растопчина, не владѣлъ тогда въ такой степени. Самое сильное возбужденіе своимъ талантомъ и направленіемъ Растопчинъ произвелъ на С. Н. Глинку, который съ начала слѣдующаго 1805 г. сталъ въ Москвѣ издавать свой патріотическій журналъ „Русскій Вѣстникъ", посвященный исключительно Россіи и ея интересамъ. О немъ и его журналѣ мы скоро скажемъ, а теперь замѣтимъ, что Глинка тотчасъ сдѣлался поклонникомъ Растопчина, и тотъ помѣщалъ въ его журналѣ нѣкоторыя статьи въ томъ же родѣ. По разсказу самого Глинки, Растопчинъ, прочитавъ его объявленіе о журналѣ, въ которомъ опредѣленно высказывалось его будуще направленіе, и встрѣтившись съ издателемъ въ одномъ знакомомъ домѣ, высказалъ свое сочувствіе и обѣщалъ сотрудничество, но просилъ Глинку удерживать запальчивое перо его [1]).

Въ своемъ первомъ письмѣ къ издателю „Русскаго Вѣстника", адресованномъ изъ села Зипунова, подъ псевдонимомъ *Устина Вѣникова* [2]), высказываетъ Растопчинъ полное сочувствіе къ предпріятію Глинки и удивляется смѣлости его духа:

„Вы имѣете въ виду единственно пользу общую, пишетъ онъ, и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея исцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ, но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ изступленіе". Вѣниковъ думаетъ, что всѣ нападенія издателя „Русскаго Вѣстника" не будутъ имѣть успѣха: „Для сихъ, отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ", и совѣтуетъ насмѣшку и каррикатуру, которая лучше подѣйствуетъ на умы: „Представьте, напр., парикмахера, стригущаго русскаго, съ надписью. *подстриженный сиверный Самсонъ*, или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцовать, съ надписью: *сержусь, но поклонюсь*, или бѣса, раздѣвающаго русскаго, съ надписью; *облегчится и просвѣтится*".

Растопчинъ писалъ съ увлеченіемъ, со страстью; мысль о родинѣ въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она находилась тогда, наполняла всю его душу и выливалась подъ перо вполнѣ задушевно. Это видно изъ его частнаго письма къ Глинкѣ, въ которомъ онъ приглашалъ его къ себѣ въ Вороново, чтобъ сообщить анекдотъ о

---

[1]) Тихонравовъ, указанная статья, стр. 370

[2]) Русск. Вѣстн., ч I, стр. 68—72.

Суворовѣ, котораго онъ называетъ „чудакомъ героемъ“. Его образу, вызванному изъ памяти, приписываетъ Растопчинъ возбужденіе своей литературной дѣятельности: „онъ какъ будто и изъ могилы своей выкликиваетъ душу, разумѣется, душу русскую и вселяетъ въ нее гордость: „Пора духу русскому пріосаниться. Шопотъ—дѣло сплетницъ“. Такъ объясняетъ самъ Растопчинъ начало своей литературной дѣятельности. Главное содержаніе ея есть патріотическое чувство: „Что земля русская намъ не мачиха, объ этомъ готовъ спорить до тѣхъ поръ, пока не лягу въ матерь сырую землю. Чего нѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ *горячее къ ней сердце*, да обнимала бы ее покрѣпче душа русская; а то постоитъ она за себя“ [1]).

Отсюда, изъ этого горячаго чувства къ родинѣ, которое заставило Богатырева говорить свои мысли вслухъ, явилось въ самомъ Растопчинѣ желаніе создать въ литературѣ типъ настоящаго русскаго человѣка, не зараженнаго французскимъ духомъ и воспитаннаго прямо по-русски. Желаніе это онъ старался осуществить въ своей замѣчательной повѣсти „Охъ, Французы!“, которая была написана имъ, безъ сомнѣнія, въ періодъ времени до 1812 года, но напечатана чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ его смерти [2]) и не вошла въ собраніе его сочиненій, сдѣланное Смирдинымъ (Спб. 1853 г.). Повѣсть эта, названная имъ „наборкою изъ былей“, чрезвычайно оригинальна. Мы говорили, что Растопчинъ не былъ литераторомъ по призванію, а потому понятно, что его повѣсть не похожа ни на одно произведеніе такого рода. Ея живой, бойкій языкъ, оригинальный въ высшей степени, умъ и наблюдательность надъ жизнью, которые блещутъ на каждой страницѣ, живыя лица, выхваченныя изъ тогдашняго общества,— все это имѣло бы большое вліяніе на литературу и вѣрно породило бы въ ней подражателей, еслибъ повѣсть была напечатана въ то время, когда была написана. Но явившись въ ту пору, когда настроеніе общества, породившее ее, давно исчезло, когда совершенно измѣнилось литературное направленіе, она не могла уже имѣть вліянія, и на нее обратили вниманіе только тѣ, которымъ исторически была извѣстна дѣятельность Растопчина. Намъ кажется, что повѣсть „Охъ, Французы!“ заключаетъ въ себѣ и автобіографическія данныя, что въ лицѣ главнаго ея героя Богатырева или Кремнева изображенъ отецъ Растопчина; или, по крайней мѣрѣ, главныя лица повѣсти—снимки съ тѣхъ лицъ, которыя авторъ видѣлъ близко въ жизни и обществѣ и наблюдалъ ихъ.

---

[1]) Тихонравовъ, указан. статья, стр. 373.
[2]) От Зап 1842 г., № 10.

Главная цѣль, однако, Растопчина въ повѣсти была поучительная—выставить вредъ французскаго воспитанія и осмѣять его. Онъ самъ называетъ себя лѣкаремъ, снимающимъ катаракты. Посвящается повѣсть лицамъ разнаго возраста, „разумѣется благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне хотя подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристаетъ. Они и до сихъ поръ французовъ называютъ нѣмцами, вино ихъ — церковнымъ". Выходки противъ французовъ разбросаны по всей повѣсти, но остановившись на главномъ героѣ, Лукѣ Андреевичѣ Кремневѣ, на его семьѣ, на лицахъ, его окружающихъ, авторъ какъ бы позабылъ свою дидактическую цѣль. которую имѣлъ въ виду, и написалъ чрезвычайно живую, удачную и очень мѣткую картину изъ прежняго дворянскаго быта въ деревнѣ и Москвѣ конца XVIII и начала XIX вѣка. Конечно, герой его нѣсколько идеаленъ, но очень мало; зато всѣ другія лица дѣйствительны и взяты изъ жизни. Содержаніе очень просто: это собственно исторія любви, сватовства и потомъ женитьбы героя на бѣдной родственницѣ старой дѣвы, княжны Мишурской, проживающей въ Москвѣ посреди грязной, а подчасъ и забавной, живо схваченной обстановки крѣпостного быта. Юморомъ и наблюдательностью проникнута вся повѣсть съ начала до конца; очень можетъ быть, что лица ея—были портреты, но съ какою веселостью они написаны!

Къ тому же 1807 году, къ самому разгару войны относится комедія Растопчина: „Вѣсти или убитой живой" [1]). Это не комедія, а анекдотъ изъ того времени: московскіе сплетники и сплетницы распускаютъ вѣсть о томъ, что женихъ дочери Богатырева, находившійся въ дѣйствующей арміи офицеръ, убитъ въ сраженіи, и привозятъ эти вѣсти въ домъ старика, вызывая, конечно, и горе, и слезы. Но женихъ является здравъ и невредимъ, да еще съ отличіемъ; сплетники пристыжены. Очевидно, подобныхъ случаевъ было тогда довольно, и московскіе вѣстовщики и другія лица комедіи взяты изъ жизни, но они каррикатурны. Анекдотъ слишкомъ былъ обыкновенъ; характеровъ не было, и комедія, поставленная на сцену, не имѣла успѣха. Глинка выставляетъ и другую причину неуспѣха комедіи Растопчина; она, по его словамъ, заключалась въ томъ, что въ ней выведены были лица, знакомыя Растопчину и всей Москвѣ. Они обидѣлись и отмстили автору шиканьемъ и свистомъ на пред-

[1]) Сочиненія Растопчина, изд Смирдина, стр 25—134.

ставленіи. Растопчинъ счелъ нужнымъ вступиться за себя и издалъ тогда же въ Москвѣ маленькую брошюру: „Письмо Вѣникова къ Богатыреву и отвѣтъ Богатырева Вѣникову“ [1]). Изъ нея видно, что паденіе комедіи произошло отъ неудовольствія партіи приверженцевъ чужеземщины. „Ты не сердись, пишетъ Вѣниковъ къ своему другу, ты и на театрѣ тоже говорилъ, что на Красномъ Крыльцѣ, и я иногда воображалъ, что ты въ моихъ глазахъ. Досталось и модамъ, и мадамамъ, и сплетнямъ, и зараженнымъ заморскими проказами. Но объ Россіи ты говорилъ, какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ..., а потому ложная и кресельная публика не совсѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и что ты пересолилъ“. Вѣниковъ проситъ: „перестань проповѣдывать истину, ты ею дразнишь людей и надорвешься надъ порокомъ“... Въ отвѣтѣ своемъ Богатыревъ или Растопчинъ говоритъ о своемъ характерѣ и высказываетъ презрѣніе къ публикѣ, возставшей на него: „Меня на вѣку ужъ много разъ сквозь строй языками гоняли, а загонять не могутъ. Живъ по милости Божіей. Да я жъ не хочу быть въ числѣ тѣхъ людей, коихъ всѣ любятъ. Они или ничто, или все, а я по своей натурѣ иныхъ почитаю, иныхъ уважаю, другихъ презираю, и ничего не скрываю... Языкъ мой — врагъ мой; увижу дурное—кричу: разбой!“

Растопчинъ, говорятъ, написалъ еще нѣсколько комедій, дѣйствующими лицами въ которыхъ онъ выставлялъ своихъ знакомыхъ или людей, хорошо знакомыхъ Москвѣ, но, прочитавъ эти комедіи въ близкомъ кругу, истребилъ ихъ. Эти первыя патріотическія сочиненія Растопчина сдѣлали имя его извѣстнымъ между всѣми, которые болѣе или менѣе раздѣляли его убѣжденія. Скоро имя Растопчина стало становиться рядомъ съ именемъ Карамзина въ московскомъ обществѣ, которое слышало не разъ, какъ тотъ и другой высказывали свои убѣжденія, въ которыхъ были согласны между собою. Направленіе сочиненій Растопчина, доставившихъ ему громкую извѣстность, не было новостью; это былъ голосъ Москвы и ея особаго, мѣстнаго патріотизма, въ которомъ высказывались оппозиціонныя стремленія этого города, консерватизмъ московскихъ старовѣровъ и нелюбовь къ тѣмъ реформамъ, которыми было ознаменовано начало царствованія Александра. По мѣрѣ того, какъ союзъ нашъ съ Наполеономъ послѣ тильзитскаго мира близился къ разрыву, предвѣщавшему послѣднюю жестокую борьбу, и по мѣрѣ того, какъ развивались въ это же время государственныя преобразованія Сперанскаго, число недовольныхъ возрастало ежедневно. Во главѣ ихъ стояли Карамзинъ и Растопчинъ.

---

[1]) Соч., стр. 135—144.

Личный характеръ, прежнее воспитаніе, привычка съ самовластью при Павлѣ, положеніе въ свѣтѣ удалившагося отъ дѣлъ вельможи и большое богатство, основанное на крѣпостномъ трудѣ, — все это должно было поставить Растопчина въ ряды оппозиціи, въ ряды старой партіи. Въ характерѣ и въ дѣйствіяхъ Растопчина, какъ замѣчали современники, была грубая смѣсь утонченнаго лоска парижанина съ дикими выходками чисто русскаго произвола и грубыми замашками московскаго барства — смѣсь, характеризующая всѣхъ почти лучшихъ людей Екатерининской эпохи. Но нельзя, конечно, утверждать, что Растопчинъ, въ своихъ патріотическихъ сочиненіяхъ, только хлопоталъ прослыть кореннымъ русскимъ человѣкомъ и патріотомъ: въ немъ говорило настоящее, искреннее чувство, но только чувство. Очень можетъ быть, что подъ словами патріотическихъ думъ Богатырева, направленными противъ чужеземщины и французскаго вліянія, словами, понятными въ разгаръ войны, скрывались и консервативныя убѣжденія и взгляды Растопчина, но они такъ были скрыты, что ихъ трудно было разглядѣть. Что онъ былъ противъ преобразованій—видно изъ его удаленія отъ двора и отъ новаго императора до самаго того времени, когда критическія обстоятельства заставили сдѣлать его московскимъ главнокомандующимъ; какъ прошли эти обстоятельства, Растопчинъ снова долженъ былъ удалиться въ отставку. Извѣстныя всѣмъ консервативныя убѣжденія графа Растопчина заставили приписывать ему „Возраженія“ на книгу графа Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, русскій переводъ которой появился въ 1800 году. Такихъ возраженій изъ очень многочисленной рукописной литературы по этому предмету, сильно занимавшему умы помѣщиковъ и государственныхъ людей въ первую половину царствованія Александра, съ именемъ Растопчина напечатано у насъ два [1]), изъ которыхъ первое нападаетъ только на общую мысль освобожденія, а второе входитъ въ подробности дѣла. Издатель не объяснилъ, почему онъ эти сочиненія считаетъ принадлежащими Растопчину. Россіи, по мнѣнію автора, при освобожденіи крестьянъ грозитъ погибель, что-то въ родѣ французской революціи—государство не въ состояніи будетъ собрать подати, когда крестьяне разбредутся. Кромѣ редактора „Чтеній“, возраженіе на книгу Стройновскаго приписываетъ Растопчину и Тихонравовъ [2]) потому, вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ мысляхъ „Возраженій“ и въ брошюрѣ „Плугъ и соха“ есть сходство. Надобно думать, что

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и др. рос., 1859 г., кн. III, отд. V, стр. 37—42, 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 203—217.

[2]) Указанная статья, стр. 309.

извѣстный всѣмъ консервативный образъ мыслей Растопчина въ ту тяжелую пору между несчастною войною и грозящимъ нашествіемъ, когда всякая либеральная мысль и каждая реформа казались внушенными французскимъ вліяніемъ и чуть не измѣною, заставилъ соединить „Возраженія“ съ именемъ Растопчина. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, подобно Карамзину, былъ противъ освобожденія крестьянъ, и мы не отрицаемъ принадлежности „Возраженій“ ему. Но сынъ Растопчина положительно отрицаетъ ее и смотритъ на это, какъ на выдумку [1]); доказательства его однако не убѣдительны вполнѣ. Аѳанасьевъ, которому принадлежитъ редакція „Возраженій“ въ „Чтеніяхъ“, увѣряетъ, что, по всѣмъ преданіямъ образованнаго русскаго общества, они дѣйствительно принадлежатъ ему [2]), что во всѣхъ спискахъ ихъ стоитъ его имя. То же подтверждаетъ и Сушковъ, на основаніи одного мѣста самихъ возраженій, гдѣ Растопчинъ говоритъ о своихъ сосѣдяхъ по имѣнію [3]), извѣстному Воронову.

Итакъ, Растопчинъ былъ противникомъ всякой мысли объ освобожденіи. Говоря въ своихъ „Мысляхъ“ о французскомъ вліяніи на молодое поколѣніе, Растопчинъ или Богатыревъ говоритъ, что у него всему дано свое названіе, гдѣ извращаются коренныя русскія понятія, а именно: Богъ помочь—Bon jour, отецъ—monsieur, старуха мать—maman, холопъ—mon ami, Москва—Ridicule, Россія—Fidonc [4]). Въ ту тяжелую пору Россіи всѣ эти Растопчины, Кремневы, Богатыревы и другіе консервативные столбы отечества не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ защитниками рабства. Но на Растопчина пало въ тѣ же годы болѣе тяжелое обвиненіе: это участіе его въ паденіи Сперанскаго въ началѣ 1812 года. До сихъ поръ этотъ печальный случай изъ новой русской исторіи, гдѣ самодержавный государь принесъ въ жертву слѣпому, раздраженному мнѣнію консервативнаго большинства русскаго общества своего любимца, человѣка искренно ему преданнаго, исполнявшаго только его волю и оказавшаго дѣйствительныя услуги государству,—представляется темнымъ и необъясненнымъ, потому что раскрытіе его есть психологическая загадка, разрѣшеніе которой было бы возможно, еслибъ для насъ ясна была двусмысленная натура самого Александра. До самаго послѣдняго времени писавшіе о Сперанскомъ высказываютъ разныя, часто противорѣчащія догадки и предположенія. Мнѣніе объ участіи Растопчина въ этомъ темномъ дѣлѣ давно сложилось. По своему богатству и своему вліянію въ обществѣ, по уму и положенію, Растопчинъ

[1]) Русск. Вѣстн. 1860 г., XXVI. Соврем. Лѣтопись, стр. 37.
[2]) Чтенія, 1860 г, кн II, отд V, стр 193
[3]) Чтенія, 1861 г, кн IV, отд V, стр. 181—182.
[4]) Соч., стр 9—10.

представлялъ выдающуюся фигуру въ это смутное время. О немъ говорили всѣ; на него и на Карамзина указывали, какъ на вождей. консерваторы. Его ненависть къ Сперанскому и къ реформамъ была извѣстна, и въ это время послѣдовало сближеніе съ нимъ Александра, который, посѣтивъ въ 1809 году Москву, „говорилъ съ Растопчинымъ и былъ восхищенъ силою и живостью его рѣчи“ [1]). Въ Твери жила любимая сестра Александра — Екатерина Павловна, ненавидѣвшая революцію, французовъ, Наполеона, женщина консервативныхъ и легитимныхъ убѣжденій, большая поклонница Карамзина, сблизившая его съ царственнымъ братомъ. Мужъ ея, принцъ Георгъ Ольденбургскій, былъ генералъ-губернаторомъ въ Твери, и ея маленькій дворъ здѣсь сдѣлался центромъ соединенія людей, враждебныхъ реформамъ и Сперанскому. Здѣсь Карамзинъ читалъ Александру свою знаменитую „Записку“; здѣсь любили слушать пылкія рѣчи пріѣзжавшаго изъ Москвы Растопчина, уже получившаго довѣріе Александра. Растопчинъ доставлялъ Екатеринѣ Павловнѣ разныя рукописныя свои сочиненія, и письма его къ ней [2]) доказываютъ ихъ близость. Передъ нею выигрывалъ онъ своею преданностью къ Павлу. Въ это время мнѣнія Растопчина имѣли большой вѣсъ. „Онъ излагалъ въ откровенныхъ письмахъ къ государю, говоритъ біографъ его Бантышъ-Каменскій [3]), свои опасенія, средства, какія употреблялъ Наполеонъ, чтобы вредить Россіи, проложить себѣ дорогу къ сердцу ея, поколебать и разрушить основаніе, на которомъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, утверждено государство сильное, страшное врагамъ вѣрою и любовью. Можетъ быть Растопчинъ далеко распространялъ свое усердіе и, какъ человѣкъ, ошибался; но онъ говорилъ не за себя одного, за древнюю столицу, которая избрала его представителемъ, уполномочила ходатайствовать у престола, въ пользу и защиту отечества (письмо къ государю графа Растопчина. отъ 17 марта 1812 года)“. Это послѣднее письмо [4]) и есть именно то, гдѣ Сперанскій и человѣкъ десять близкихъ къ нему людей обвиняются въ прямой измѣнѣ отечеству, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ и въ полученіи отъ него подарковъ. Растопчинъ будто бы говоритъ здѣсь, какъ избранникъ „первѣйшаго сословія“, говоритъ, что „время заняться исправленіемъ монархіи и критическаго ея положенія“. Въ заключеніе онъ прибѣгаетъ къ угрозамъ: „Письмо сіе есть послѣднее и если останется не дѣйствительнымъ, тогда сыны отечества необходимостью себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія имп. Александра I, т. III, стр 202.
[2]) Русск. Арх. 1869 г., стр. 759—762.
[3]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, т. III, стр. 124.
[4]) Русск. Ист. Сборн Лонд 1859 г. I, стр. 42—45

открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія [1]). Сперанскій, какъ извѣстно, оправдывался противъ этихъ обвиненій и ему не трудно было оправдаться, такъ какъ обвиненія придумала слѣпая ненависть. Письмо объ измѣнѣ Сперанскаго должно быть причислено къ тѣмъ подметнымъ, т.-е. анонимнымъ письмамъ, которыя расходились тогда во множествѣ списковъ по Петербургу и Москвѣ; въ нихъ отражалось возбужденное, встревоженное мнѣніе, но мнѣніе общества темнаго, грубаго, невѣжественнаго, лишеннаго всякаго политическаго пониманія обстоятельствъ. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, Растопчинъ писалъ нѣсколько писемъ къ государю, всѣ они, какъ и содержаніе ихъ—неизвѣстны и только одно, упомянутое нами, приписывается ему. Сынъ Растопчина, конечно, опровергаетъ принадлежность письма отцу, но его доводы и въ этомъ случаѣ не совсѣмъ убѣдительны. Біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ, кажется, положительно доказалъ, что письмо это не было писано Растопчинымъ. Вопросъ о принадлежности письма этому послѣднему, по мнѣнію барона Корфа, и существовать не можетъ. „Растопчинъ при извѣстной заносчивости и строптивости характера, былъ, однако, человѣкъ чрезвычайно умный, чрезвычайно образованный и искусно владѣвшій перомъ, а письмо съ мнимою его подписью, несмотря на нѣкоторое, правда, подражаніе его тону и слогу, представляетъ, по всему своему содержанію, верхъ грубаго невѣжества, нелѣпости, незнанія политическихъ обстоятельствъ и безграмотства"—говоритъ баронъ Корфъ По его словамъ, письмо это „родилось въ самыхъ низшихъ слояхъ чиновничества, въ томъ сословіи, надъ которымъ разразился указъ 1809 года объ экзаменахъ. Это подтвердилось отчасти и изслѣдованіемъ" [2]). Въ оставленныхъ Растопчинымъ запискахъ на языкѣ французскомъ [3]) онъ говоритъ, что ссылка Сперанскаго была для него новостью, причину ея онъ приписываетъ другимъ лицамъ и измѣну Сперанскаго называетъ клеветою. Но записки эти были писаны гораздо позднѣе, подъ конецъ жизни, а въ ту пору Растопчинъ, по всему видимому, раздѣлялъ народное убѣжденіе объ измѣнѣ Сперанскаго. Это видно изъ письма его къ Александру, уже настоящаго, отъ 23 августа 1812 года, гдѣ онъ говоритъ о вредѣ пребыванія Сперанскаго въ Нижнемъ, называя его ce misérable Speransky, пишетъ, что онъ чрезъ Злобина и Столыпина старается дѣйствовать въ губерніяхъ Пензенской и Саратовской и что нужно страхомъ ослабить ихъ ревность. Это былъ, конечно, вздоръ, но вслѣдствіе извѣстія,

[1]) Отрывокъ изъ этого письма помѣщенъ также въ Русск. Арх 1892 г., № 8, стр. 405.

[2]) Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго, т. II, стр. 9—10

[3]) Memoires du comte Rostoptchine, écrits en dix minutes Paris. 1839.

сообщеннаго Растопчинымъ, Сперанскій былъ удаленъ дальше, именно въ Пермь [1]).

Такова была жизнь и литературная дѣятельность Растопчина до 1812 года, когда онъ въ самый разгаръ отечественной войны явится снова передъ нами съ своими прославленными афишами, освѣщенный зловѣщимъ блескомъ зарева московскаго пожара. Тогда въ полномъ свѣтѣ явятся передъ нами и темныя, и свѣтлыя стороны этого характера, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ. Его первыя патріотическія попытки, съ рѣзкими выходками противъ французовъ, могли появиться только до тильзитскаго мира; послѣ него онъ замолчалъ, но война 12 года снова пробудила его и заставила обратиться къ народу. Для насъ важно, что Растопчинъ первый заговорилъ въ этомъ патріотическомъ тонѣ, первый положилъ начало этого рода литературѣ. Подражателей у него нашлось довольно. Впереди ихъ долженъ быть упомянутъ Глинка.

ЛЕКЦІЯ XXIV.

С. Н. Глинка —Его дѣтство, пребываніе въ корпусѣ и служба. — Первыя произведенія Глинки. — Перемѣна въ убѣжденіяхъ Глинки. — Программа «Русскаго Вѣстника».

Послѣ Растопчина, этого знатнаго барина, воспитаннаго французами и французскою литературою, но явившагося во время неудачныхъ первыхъ войнъ нашихъ съ Наполеономъ какъ бы основателемъ патріотическаго направленія въ русской литературѣ, выступившаго съ простою русскою рѣчью, проникнутою глубокою ненавистью къ французамъ и ихъ вліянію, это патріотическое направленіе, вызванное изъ жизни отношеніями времени, стало на нѣсколько лѣтъ господствующимъ. Имъ проникались самыя разнообразныя произведенія литературы, оно доставило извѣстность, правда, недолговѣчную, нѣсколькимъ литературнымъ именамъ, которыя безъ этой патріотической струи, прямо попадающей въ сердце возбужденнаго общества, остались бы совершенно безвѣстными. Направленіе это имѣло жизнь, находило сочувствіе, потому что стояло въ близкомъ отношеніи къ времени, но, съ другой стороны, эта близость къ времени доводила до преувеличеній и до увлеченій, которыя дѣйствовали вреднымъ образомъ на мысль общества, возбуждая его къ самохвальству и самодовольству, мѣшающимъ здравому и хладнокровному сужденію и возбуждающимъ въ обществѣ презрѣніе къ

[1]) Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго, т. II, стр. 67.

тому не избѣжному единственному пути, по которому пошло наше просвѣщеніе со временъ Петра В. Народность, которая вызывалась теперь патріотическою литературой, очень часто прикрывала своимъ знаменемъ глубокое невѣжество, безсмысленную любовь къ старинѣ и преданію и ненависть ко всякому улучшенію жизни. Не надобно забывать, что при жалкомъ состояніи нашей періодической печати и при цензурныхъ отношеніяхъ, всякая литературная борьба съ этимъ направленіемъ была почти невозможна; дѣло ограничивалось только легкими, случайными замѣтками, да рукописными эпиграммами, ходившими въ кругу писателей, и людей, интересовавшихся литературой. Историческія обстоятельства, къ счастью, не допустили укорениться въ нашей литературѣ этому патріотическому направленію, грозившему, повидимому, пріостановить наше развитіе. Счастливая борьба съ Наполеономъ, европейскіе походы, въ теченіе которыхъ такъ много замѣчательныхъ личностей познакомились съ Европою, самая великость переживаемыхъ событій, и прежнія хорошія вліянія первыхъ лѣтъ царствованія Александра, все это будило мысль и не дозволяло ей отупѣть и опошлѣть посреди криковъ патріотическаго самодовольства.

Громкую извѣстность въ этотъ періодъ патріотическихъ увлеченій получило имя С. Н. Глинки, издававшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который появился непосредственно вслѣдъ за памфлетами Растопчина, вызвавшими какъ бы къ жизни и это направленіе, и этотъ журналъ. Глинка жилъ очень долго и всю жизнь свою писалъ и печаталъ множество сочиненій, проникнутыхъ, впрочемъ, однимъ направленіемъ, которое онъ рѣшительно высказалъ въ своемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ первый разъ. Этому направленію онъ оставался вѣренъ всю жизнь и высказывалъ его съ пыломъ страсти, очень часто доходившимъ до смѣшного. Но при всей своей увлекательности, натура Глинки была честная; свои убѣжденія онъ цѣнилъ дорого, ставилъ ихъ выше всѣхъ матеріальныхъ выгодъ, о которыхъ почти всегда забывалъ. Какъ въ его характерѣ, такъ и въ его жизни и литературной дѣятельности было что-то до крайности безпорядочное, что̀ и составляетъ причину, почему имя его, несмотря на чрезвычайную плодовитость его въ литературномъ отношеніи, не имѣетъ почти мѣста въ исторіи нашего литературнаго развитія. Вся его дѣятельность высказалась вполнѣ въ первые годы изданія имъ „Русскаго Вѣстника“, потомъ онъ только повторялся. Эта крайняя безпорядочность мысли Глинки, зависѣвшая отъ ея пылкости, отразилась и въ „Запискахъ“ о его жизни, составленныхъ имъ въ позднюю пору жизни и представляющихъ воспоминанія. Память измѣняла ему не столько отъ лѣтъ, сколько отъ пыл-

кости; часто смѣшивалъ онъ событія и лица, а потому пользоваться его записками нужно съ большою осторожностью, хотя онѣ даютъ прекрасный матеріалъ для знакомства съ личностью самого Глинки.

С. Глинка, родомъ изъ дворянъ помѣщиковъ Смоленской губерніи, родился въ деревнѣ Духовщинскаго уѣзда въ 1775 году. Помѣщичій бытъ, съ дѣтства окружавшій его въ семействѣ, представленъ Глинкою въ воспоминаніяхъ совершенно идеально. Помѣщичья семья Глинки представляетъ собою патріархальныя достоинства: „Алчная роскошь, говоритъ онъ, не отдѣляла еще тогда рѣзкими чертами помѣщиковъ отъ почтенныхъ питателей рода человѣческаго“ (по выраженію Княжнина), т. е. отъ крестьянъ [1]). Жизнь деревенская кажется ему раздольемъ, и оборотная сторона медали вполнѣ ускользаетъ отъ его вниманія. Историческія воспоминанія совпадаютъ для Глинки съ царствованіемъ Екатерины, на которое онъ смотритъ, какъ на эпоху славы и счастія Россіи. Все, что имѣло отношеніе къ этому времени,—дорого для Глинки. Недалеко отъ ихъ села была родина Потемкина, онъ самъ часто ѣзжалъ мимо въ Петербургъ окруженный баснословно роскошною обстановкою, и Глинка считаетъ своимъ долгомъ защитить знаменитаго временщика отъ нареканій въ расхищеніи казеннаго достоянія. На первоначальное развитіе Глинки имѣлъ вліяніе, хотя и непродолжительное, дядя—масонъ, но домашнее воспитаніе скоро должно было окончиться. Въ 1781 году Екатерина, возвращаясь изъ Бѣлоруссіи въ Петербургъ, ѣхала на Смоленскъ мимо родины Потемкина и недалеко отъ деревни Глинокъ. Вся семья устроила ей на перемѣнѣ лошадей деревенское угощенье, которымъ распоряжался отецъ Глинки, бывшій капитанъ-исправникомъ. Императрица осталась очень довольна, обласкала дѣтей исправника и велѣла записать трехъ въ кадетскій корпусъ. Эта встрѣча Екатерины, вѣроятно по семейнымъ разсказамъ, осталась самымъ дорогимъ воспоминаніемъ Глинки. Его дѣтство прошло такимъ образомъ въ деревнѣ посреди патріотическихъ восторговъ отъ царствованія Екатерины и довольства помѣщичьею жизнью, на которую онъ смотритъ, какъ на благословенную идиллію, хотя и записываетъ о какомъ-то общемъ возстаніи крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ окрестностяхъ и замѣчаетъ только, что „какая-то невидимая сила волновала села и деревни“ [2]).

Черезъ годъ послѣ проѣзда Екатерины, Глинку и брата его повезли въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ, въ тотъ извѣстный

---

[1]) Записки С. Н. Глинки. Спб 1895, стр. 2—3.
[2]) Ibid., стр. 29.

шляхетный сухопутный корпусъ, гдѣ въ продолженіе почти всего прошлаго вѣка воспитывались для военной службы и свѣтской жизни дѣти лучшихъ дворянскихъ фамилій государства. Воспитаніе, совершенно на французскій ладъ и на языкѣ французскомъ, находилось подъ главнымъ вліяніемъ извѣстнаго Бецкаго. Дѣти, по вступленіи въ корпусъ, тотчасъ попадали въ руки надзирательницъ француженокъ, и подъ ихъ вліяніемъ скоро забывались и родной языкъ и воспоминаніе о прежней жизни. Въ высшемъ возрастѣ также и начальники и гувернеры всѣ были французы. Понятно, что участіе къ этой странѣ развилось очень рано въ Глинкѣ, отъ одного изъ своихъ наставниковъ онъ узналъ о приближающемся переворотѣ во Франціи и скоро сталъ жадно слѣдить за политическими событіями.

Однимъ изъ лучшихъ воспоминаній корпусной жизни Глинки было время управленія корпусомъ графа Ангальта, о которомъ онъ говоритъ съ глубокимъ уваженіемъ. Это былъ идеальный воспитатель въ духѣ гуманной философіи XVIII вѣка, внушавшій къ себѣ страстную любовь и воспитанниковъ и воспитателей. Ангальтъ самъ былъ увлеченъ образами классической древности, идеалы людей существовали для него только въ исторіи Греціи и Рима; это было общее направленіе того времени. Всѣ учители Глинки, за исключеніемъ трагика Княжнина, были французы, даже русскую исторію преподавали извѣстные французы Леклеркъ и Левекъ. Французскій языкъ господствовалъ даже между самими кадетами, они безпрестанно декламировали на этомъ языкѣ и разыгрывали французскія театральныя пьесы. Будущій пылкій патріотъ, Глинка увѣрялъ всѣхъ въ корпусѣ, что онъ родился во Франціи, а не въ Россіи.. Тогда же, при врожденной пылкости характера, въ Глинкѣ сильно развилось воображеніе, онъ сталъ писать стихи, много сочинялъ и зачитывался французскими книгами. Если вѣрить его воспоминаніямъ, то кадеты его времени жили современною жизнью и слѣдили за тогдашними великими событіями по французскимъ журналамъ и газетамъ, чего никогда потомъ не бывало не только въ корпусахъ, но даже и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Графъ Ангальтъ завелъ въ корпусной залѣ столъ со всѣми современными заграничными извѣстіями, такъ что Глинка, не выходя изъ корпуса, познакомился съ политикою и со всѣми главными лицами политической исторіи того времени. Передъ этою жизнью жалкими казались Глинкѣ тогдашнія періодическія русскія изданія, которыя тутъ же рядомъ лежали на столѣ: „Зритель“ Крылова, „Меркурій“ Клушина, „Московскій журналъ“ Карамзина. Въ нихъ, говоритъ Глинка, „особенно вооружались противъ казенной ябеды и заразы роскоши и модъ, истощавшихъ бытъ сельской, а о

политической борьбѣ европейской въ нихъ не было и помину; она какъ будто не существовала для Россіи“ [1]).

Изъ русскихъ учителей больше всѣхъ остался въ памяти Глинки Княжнинъ. Ему посвятилъ онъ нѣсколько страницъ своихъ воспоминаній. „Никто изъ нашихъ писателей не уважалъ трудовъ земледѣльцевъ болѣе Княжнина“—замѣтилъ онъ объ немъ между прочимъ [2]). Другимъ учителемъ словесности былъ извѣстный актеръ и писатель—Плавильщиковъ. Умственная жизнь корпуса, благодаря Ангальту, была вообще замѣчательна въ то время, судя по воспоминаніямъ Глинки. По его разсказу, между кадетами была даже борьба мнѣній: были двѣ партіи—матеріалистовъ и спиритуалистовъ. Но преобладающимъ увлеченіемъ была страсть къ французскому театру. Однимъ словомъ, кадеты получали широкое въ духѣ вѣка образованіе, при чемъ военная сторона составляла въ немъ вовсе не главное. Все это гуманное направленіе измѣнилось вдругъ, когда по смерти графа Ангальта начальникомъ корпуса назначенъ былъ М. И. Кутузовъ, извѣстный фельдмаршалъ въ 1812 году. Это было въ послѣдніе годы царствованія Екатерины: ей не нравилось свободное направленіе корпуса; она и въ немъ боялась революціонныхъ идей, и Кутузовъ былъ призванъ водворить строгій военный порядокъ въ распущенномъ, по мнѣнію властей, заведеніи. Но это было уже въ послѣдній годъ пребыванія Глинки въ корпусѣ. Онъ вышелъ изъ него въ 1795 году въ чинѣ поручика, но въ душѣ совершеннымъ французомъ, съ большими симпатіями къ французской революціи, событія которой онъ зналъ очень хорошо. Онъ сильно интересовался современной политикой и любилъ заговаривать о ней въ гостинныхъ большого свѣта, куда попалъ по выходѣ изъ корпуса. Но его сразу остановилъ покровитель его, извѣстный Екатерининскій вельможа Л. А. Нарышкинъ, словами, въ которыхъ выражался общій взглядъ Екатерининскихъ сановниковъ на современныя событія: „до политики не касайся—это не твое дѣло, наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать да веселиться“ [3]).

Изъ корпуса, съ головою, полною великихъ европейскихъ событій того времени, Глинка отправился съ братомъ на родину къ отцу въ отпускъ, послѣ котораго возвратился на службу въ Москву, гдѣ стоялъ его полкъ. Въ это время онъ былъ еще французомъ. „Во второй разъ для меня Москвы не было въ Москвѣ, говоритъ онъ въ „Запискахъ“. Русское было далеко отъ моихъ мыслей, а въ настоящемъ затерялся я въ шумѣ большого свѣта, также далеко отъ древней

[1]) Ibid., стр. 76.
[2]) Ibid., стр. 88.
[3]) Ibid, стр. 126.

Москвы и отъ старобытной Россіи“ [1]). Глинка попалъ въ адъютанты къ князю Ю. В. Долгорукому, что̀ познакомило его съ высшимъ московскимъ свѣтомъ. Служба была легкая, и все занятіе Глинки заключалось, кажется, въ усердномъ посѣщеніи театра, который онъ страстно полюбилъ.

Тогда же Глинка познакомился съ литературнымъ міромъ Москвы и его представителями: Шатровымъ, Николаевымъ—стариками и болѣе молодыми: И. И. Дмитріевымъ, Карамзинымъ, В. Л. Пушкинымъ. Глинка самъ пустился-было тогда въ поэзію и написалъ оду *о суевѣріи,* въ которой высказались тѣ идеи вѣротерпимости и христіанскаго милосердія, которыя составляли общую проповѣдь философіи XVIII вѣка, но цензоръ, профессоръ Чеботаревъ, не пропустилъ ее въ печать.

Глинка жилъ въ водоворотѣ большого московскаго свѣта. Это общество тогда отличалось широкимъ, но дикимъ барскимъ разгуломъ; Москва пировала день и ночь, и Глинку оскорбляло, что никто въ этомъ обществѣ не думалъ о будущемъ, не интересовался великими событіями современной исторіи. Въ домѣ князя Долгорукова, московскаго главнокомандующаго, никогда не велось разговора о политикѣ, и о Наполеонѣ стали говорить тогда уже, когда онъ сдѣлался первымъ консуломъ. А между тѣмъ Глинка весь былъ занятъ этими событіями. „Въ 1796 году не наступило еще, говоритъ онъ, перерожденіе души моей въ жизнь *отечественную,* въ жизнь *русскую*“ [2]).

Тогда же, въ послѣдній годъ жизни Екатерины, Глинка выступилъ-было съ полкомъ своимъ въ походъ. Екатерина стала собирать войска, чтобы двинуть ихъ подъ предводительствомъ Суворова противъ ненавидимой ею французской республики, но полкъ Глинки дошелъ только до Ржева тверской губерніи; воцареніе Павла пріостановило эти воинственные планы. Глинка воротился въ Москву на прежнюю службу къ Долгорукому, т. е. на жизнь въ свѣтскихъ и литературныхъ кружкахъ Москвы. Глинка много говоритъ о своихъ близкихъ отношеніяхъ и дружбѣ къ знаменитому богачу и остроумцу Ѳ. Г. Карину. Одинъ случай изъ ихъ отношеній рисуетъ честный и независимый характеръ Глинки. Состоянія у него не было никакого, и Каринъ подарилъ ему однажды дарственную запись на калужскую деревню въ шестьдесятъ душъ. Глинка изорвалъ запись и сказалъ: „Не возьму; я никогда не буду имѣть человѣка какъ собственность, и притомъ не понимаю сельскаго быта“ [3]). Это безкорыстіе и презрѣніе матеріальныхъ выгодъ отличали Глинку въ теченіе всей жизни.

---

[1]) Ibid, стр. 146

[2]) Ibid., стр. 167.

[3]) Ibid., стр. 177.

Въ царствованіе Павла Глинка снова выступилъ-было въ походъ въ тѣхъ войскахъ, которыя назначены были идти на помощь къ Суворову, но походъ въ Италію не состоялся: война кончилась. Въ 1800 году онъ вышелъ въ отставку капитаномъ, средствъ для жизни у него не было никакихъ, и онъ разсчитывалъ на литературу. Первое произведеніе его, доставившее ему средства, была героическая драма „Наталья боярская дочь", игранная тогда же и съ успѣхомъ на московской сценѣ. Ея содержаніе, взятое изъ временъ царя Алексѣя Михайловича, показываетъ уже стремленіе Глинки къ русской старинѣ. За нею слѣдовало еще нѣсколько подобныхъ, незамѣчательныхъ, однако, по литературнымъ достоинствамъ произведеній. Музыку для нихъ сочинялъ Кашинъ, крѣпостной человѣкъ Бибикова, освобожденію котораго помогалъ Глинка. Около того времени умерли отецъ и мать Глинки; небольшое оставшееся ему наслѣдство онъ отдалъ единственной сестрѣ своей и сталъ жить, по словамъ его, „съ довѣренностію и безусловной надеждой на Провидѣніе" [1]).

Но пылкій характеръ Глинки безпрестанно вводилъ его въ новыя увлеченія: всѣ деньги, какія были у него, онъ проигралъ въ карты и принужденъ былъ отправиться въ Малороссію къ какому-то богатому помѣщику Х. въ качествѣ домашняго учителя, никогда не будучи имъ и никогда не приготовляясь къ этому званію. Впрочемъ, онъ разсказываетъ объ успѣхѣ своихъ уроковъ, состоявшихъ въ томъ, что онъ читалъ съ своими учениками великихъ писателей. Три года продолжалось это учительство, но отъ него ничего не осталось у Глинки. Снова, по возвращеніи въ Москву, ему пришлось работать для театра и на выработанныя деньги онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ жилъ предметъ его платонической страсти. Въ 1803 году онъ переложилъ въ стихи съ французскаго прозаическаго перевода „Юнговы Нощи". Въ 1806 году явилась его трагедія „Сумбека или покореніе царства Казанскаго", въ слѣдующемъ—другая трагедія, „Михаилъ князь Черниговскій". Около того же времени совершился переворотъ въ душѣ Глинки; онъ оставилъ свои европейскія увлеченія и явился вдругъ самымъ пылкимъ патріотомъ. Еще недавно любимымъ героемъ Глинки былъ Наполеонъ, напоминавшій ему героевъ Греціи и Рима; еще недавно любимою мечтою его было служить подъ его знаменами. Теперь ему пришлось забыть всѣ вліянія своего обще-европейскаго образованія и сдѣлаться *истымъ* русскимъ, какъ называли его современники.

Переворотъ этотъ, какъ и въ Растопчинѣ, совершился подъ вліяніемъ политическихъ событій, въ которыхъ находилась тогда Россія. Послѣ Аустерлицкаго пораженія приходилось напрягать силы, воз-

[1]) Ibid., стр 187.

буждать народный духъ. Въ концѣ 1806 года въ народъ пущено было воззваніе о составленіи милиціи и къ числу возбужденныхъ принадлежалъ и Глинка.

„Въ то время отечество для меня было новою мечтой, говоритъ онъ, и воображеніе мое горѣло, какъ чувство юноши, согрѣтое первымъ пламенемъ любви“ [1]). Въ запискахъ своихъ Глинка пишетъ, что еще въ 1806 году, въ письмѣ какому-то пріятелю, онъ увѣрялъ, что Наполеонъ будетъ въ Москвѣ, и тогда уже поохладѣлъ его восторгъ отъ этого имени. Изъ Петербурга, гдѣ онъ хлопоталъ объ успѣхѣ своихъ литературныхъ произведеній и нѣкоторыя изъ нихъ, чрезъ разныхъ покровителей, подносилъ Государю, Глинка поѣхалъ на родину. „Что влекло меня на родину, гдѣ у меня не было ничего, кромѣ сердечныхъ воспоминаній, спрашиваетъ онъ. Въ душѣ родилась новая мысль и не у меня одного. Всѣхъ и каждаго вызывала она къ защитѣ отечества и къ оборонѣ гробовъ праотеческихъ“ [2]). Глинка записался въ милицію. Въ 1807 году онъ собиралъ старыхъ отставныхъ солдатъ, вновь призванныхъ на службу, дѣятельно хлопоталъ объ устройствѣ милиціоннаго войска и о снабженіи его, входилъ даже въ личныя отношенія къ фельдмаршалу Каменскому, но неудачныя сраженія повели къ тильзитскому миру, и Глинка, не оказавъ никакихъ подвиговъ на войнѣ, долженъ былъ воротиться въ Москву къ литературнымъ трудамъ.

Но это тревожное время, при пылкости характера Глинки, совершенно измѣнило его прежніе взгляды, симпатіи и убѣжденія. Онъ полюбилъ русскія свойства, которыхъ вовсе не зналъ до того времени. „Въ необычайный годъ, среди русскаго народа, ознакомился я съ душею нашихъ воиновъ. Служа въ полку, я зналъ доброе сердце солдатъ нашихъ. Что же почувствовалъ я, видя порывъ души богатырей русскихъ? Они подарили меня сокровищемъ обновленія мысли. Мнѣ стыдно стало, что доселѣ, кружась въ какомъ-то невидимомъ мірѣ, не зналъ я ни души, ни коренного образа мыслей русскаго народа. Въ шумѣ большого свѣта, на балахъ и вечерахъ этого не было. Но время, могучею силой, вывело духъ русскій передъ лицомъ нашего отечества и передъ лицомъ Европы. Онъ повелъ меня, какъ далѣе увидимъ, къ новой жизни. И этотъ первый урокъ повелъ меня постепенно къ изданію „Русскаго Вѣстника“. Глинка разсказываетъ, что тогда же въ первый разъ, на тридцатомъ году жизни, у Сычевскаго городничаго онъ узналъ о существованіи лѣтописи Нестора,—въ такомъ невѣдѣніи родного воспитывались тогда русскіе писатели [3]).

[1]) Ibid, стр. 195.
[2]) Ibid., стр. 211.
[3]) Ibid, стр. 216—217.

Въ такомъ настроеніи духа воротился Глинка въ Москву къ прерваннымъ литературнымъ занятіямъ. Нечего и говорить, что на Москву онъ сталъ смотрѣть теперь глазами восторженнаго патріота, все въ ней представлялось ему въ обновленномъ видѣ: „На каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ представлялся мнѣ новый міръ, вызываемый воображеніемъ изъ прошедшаго. Словомъ, Москва явилась мнѣ въ своемъ подлинномъ видѣ, то-есть завѣтною, живою лѣтописью земли русской. Я спѣшилъ ознакомиться съ каждымъ ея памятникомъ, и каждый день для меня былъ новымъ открытіемъ, новымъ пріобрѣтеніемъ. Въ этомъ расположеніи духа задумалъ я издавать „Русскій Вѣстникъ“ [1]).

Цѣлью задуманнаго журнала, по словамъ Глинки, было возбужденіе народнаго духа и приготовленіе русскихъ къ новой и неизбѣжной борьбѣ. Онъ былъ увѣренъ, что эта борьба впереди, что тильзитскій миръ есть только перемиріе. Глинкѣ хотѣлось говорить съ публикою, дѣлиться съ нею своими новыми патріотическими мыслями. Не безъ вліянія на содержаніе и тонъ статей Глинки была предшествовавшая литературная дѣятельность Растопчина, онъ самъ это сознаетъ: „Справедливость требуетъ сказать, что графъ первый еще въ 1807 году своими „Мыслями вслухъ на красномъ крыльцѣ“ вступилъ, такъ сказать, въ родственное сношеніе съ мыслями всѣхъ людей русскихъ. Его листокъ облетѣлъ и чертоги и хижины, и какъ будто былъ передовою вѣстью великаго 1812 года“ [2]).

Но на изданіе предполагаемаго журнала нужны были деньги, а ихъ никогда не было у Глинки. Его выручилъ извѣстный московскій издатель и содержатель типографіи, двоюродный братъ И. И. Дмитріева—Пл. П. Бекетовъ, который вызвался напечатать на свой счетъ первыя двѣ книжки журнала и, если онъ не пойдетъ,—принять расходы на себя. Обрадованный этимъ предложеніемъ, Глинка тотчасъ же напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе о своемъ будущемъ журналѣ, гдѣ высказывалъ цѣль его и направленіе. Это объявленіе произвело, по словамъ его, и недоумѣніе и удивленіе въ обществѣ. Рѣчи и убѣжденія Глинки были чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ. Глинка становился въ противоположность съ господствующимъ мнѣніемъ, говорилъ о томъ, что̀ было забыто—о русскомъ духѣ и направленіи, о русской старинѣ, о необходимости своеобразнаго развитія, о вредѣ подражанія Европѣ. Тонъ, господствовавшій до него въ русской журналистикѣ, былъ совершенно иного свойства, а потому понятно, что рѣчи Глинки приводили невольно въ удивленіе.

---

[1]) Ibid, стр. 219—220.
[2]) Ibid, стр. 222—3.

Издатель обѣщался предлагать читателямъ только то, что̀ „непосредственно относится къ Русскимъ“, что̀ „можетъ услаждать сердца русскія“. Въ первый разъ, первый Глинка вздумалъ говорить о русской старинѣ, о древней русской исторіи, отодвинутой новымъ развитіемъ: „Въ сихъ листахъ, говорилъ онъ, найдутъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи. Бесѣда съ праотцами, бесѣда съ героями и друзьями отечества питаетъ душу, и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше. Настоящее объясняется прошедшимъ, будущее—настоящимъ“. Это прошедшее, отъ котораго мыслящіе люди того времени думали навсегда отдѣлаться, для издателя „Русскаго Вѣстника“ становится снова очень дорогимъ источникомъ развитія: „Примѣръ добродѣтелей и нравовъ праотеческихъ заключается въ древнихъ преданіяхъ; въ нихъ означено то *особое воспитаніе*, о которомъ говорятъ извѣстнѣйшіе наши писатели“.

Правда, Глинка не прямо возстаетъ на новое развитіе Россіи; онъ видитъ въ немъ довольно истинно полезнаго и требуетъ, повидимому, только, чтобъ пріобрѣтенное было соединено съ своимъ собственнымъ, чтобъ мы были „богаты не чужимъ, не заимствованнымъ, но своимъ роднымъ добромъ“, но онъ возстаетъ противъ реформъ, вооружается противъ мысли XVIII вѣка, требовавшей преобразованій.

Такова была программа патріотическаго журнала Глинки.

ЛЕКЦІЯ XXV.

Сотрудники Глинки: Растопчинъ, княгиня Дашкова.—Отношеніе публики и правительства къ «Русскому Вѣстнику».—Содержаніе журнала.—Отношеніе къ нему журналистики.—Эпиграммы на Глинку.

Тотъ писатель, которому ближе всего было направленіе зарождавшагося журнала Глинки, именно Растопчинъ, выказалъ полное ему сочувствіе, предложилъ себя въ сотрудники, но называлъ предпріятіе Глинки отважнымъ, въ виду, конечно, современныхъ политическихъ обстоятельствъ и мира съ Франціей Наполеона, вслѣдствіе чего трудно было нападать на недавняго и будущаго врага. Растопчинъ, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ нѣсколько небольшихъ статеекъ подъ псевдонимомъ Устина Вѣникова въ духѣ его мыслей и въ томъ направленіи, въ какомъ Глинка хотѣлъ издавать свой журналъ. Самъ издатель писалъ иныя свои статьи подъ вліяніемъ разсказовъ Растопчина. Послѣдній часто приглашалъ къ себѣ Глинку, и тотъ разставался съ Растопчинымъ увлеченный его словами и мыслями. Другимъ знаменитымъ сотрудникомъ Глинки, на первыхъ порахъ его журнала, была

извѣстная княгиня Дашкова, проводившая, послѣ ссылки въ деревню при Павлѣ, свою старость въ Москвѣ, въ воспоминаніяхъ о своемъ значеніи при Екатеринѣ и вообще о блестящемъ прошломъ, которое было ей дороже настоящаго. Княгиня вызвалась писать статьи для Глинки, но по своенравію своему требовала, чтобъ въ этихъ статьяхъ онъ никогда не перемѣнялъ ничего. Двѣ или три статьи ея были политическаго содержанія; будучи давнишней поклонницей Англіи, гдѣ она воспитывала и сыновей своихъ, княгиня не могла не отзываться съ сочувствіемъ объ этой любимой странѣ своей, а она была враждебна намъ, вслѣдствіе тильзитскаго мира. Одна статья ея въ этомъ родѣ не была пропущена цензоромъ; княгиня жестоко разсердилась и съ тѣхъ поръ болѣе не давала своихъ статей Глинкѣ. Вскорѣ потомъ издатель разошелся и съ Растопчинымъ, который при началѣ журнала, обѣщая свое сотрудничество въ немъ, просилъ Глинку сдерживать его запальчивость. Обиженный московской публикой на представленіи его комедіи „Вѣсти или убитой живой“, графъ Растопчинъ прислалъ Глинкѣ нѣсколько писемъ противъ этой публики; Глинка не напечаталъ ихъ, ссылаясь на рѣзкій тонъ, и Растопчинъ ничего уже болѣе не посылалъ въ „Вѣстникъ“. Но они сошлись снова въ 1812 году.

„Русскій Вѣстникъ“ имѣлъ успѣхъ не столько по таланту издателя, который отличался только своею рьяностью и пылкостью, сколько по направленію статей своихъ, соотвѣтствующихъ духу общества, недовольнаго потерями въ послѣдней войнѣ и унизительнымъ для насъ тильзитскимъ миромъ. Впрочемъ, судить объ успѣхѣ журнала съ современной точки зрѣнія нельзя. Глинка разсказываетъ, что даже въ самую сильную эпоху возбужденія народнаго духа, въ 1812 году, разошлось „Вѣстника“ не болѣе ста экземпляровъ, а потому можно судить, какъ незначительно было то общество, въ которомъ могло существовать какое-нибудь мнѣніе. Вся прочая масса была безгласна, и надобно замѣтить, что успѣхъ журнала главнымъ образомъ обусловливался Москвою; въ Петербургѣ едва ли были довольны имъ — и правительство, желавшее сдержать свое обѣщаніе передъ Наполеономъ, и небольшое число издателей тогдашнихъ журналовъ, пріучавшихъ все-таки общество, какъ мы видѣли, къ просвѣщенію, открытому для русскихъ дѣломъ реформы Петра В. Глинка разсказываетъ, что журналъ его имѣлъ большой успѣхъ въ Москвѣ, что всѣ знакомые говорили ему *спасибо* за „Вѣстникъ“, что студенты московскаго университета спѣшили ловить книжки журнала при выходѣ ихъ; главные, впрочемъ, читатели журнала были члены англійскаго клуба и знатные вельможи, которымъ, конечно, болѣе всего пріятна была въ „Вѣстникѣ“ консервативная привязанность къ старинѣ. Впрочемъ,

безъ сомнѣнія, журналъ имѣлъ вліяніе, если даже посолъ Наполеона считалъ нужнымъ принести нашему правительству жалобу на направленіе Глинки. Поводомъ къ жалобѣ послужила одна изъ статей издателя въ 1808 году, гдѣ говорилось о тильзитскомъ мирѣ, высказывалась неизбѣжность новой войны между Франціей и Россіей и убѣжденіе, что „будутъ приняты всѣ надлежащія мѣры къ отраженію властолюбиваго завоевателя“. Любопытенъ отвѣтъ Александра Коленкуру, что онъ не зналъ даже о существованіи этого журнала. Въ угоду французскому послу, цензору Мерзлякову сдѣланъ былъ выговоръ, а Глинка, имѣвшій мѣсто съ казеннымъ жалованьемъ при московскомъ театрѣ, былъ уволенъ отъ этой службы. Тогда же сдѣлано было распоряженіе по цензурѣ о недозволеніи печатать статей политическаго содержанія. Изъ этого видно, что сила „Русскаго Вѣстника“ состояла вовсе не въ политическихъ статьяхъ; область политики была возбранена цензурою, да въ ту пору съ политикою были знакомы и занимались ею только люди, оффиціально къ тому призванные. Бѣдный русскій журналистъ былъ вообще далекъ отъ политическаго міра, потому что самая страна не жила политическою жизнью; интересы его были вообще очень ничтожны и жалки, какъ и во всей нашей литературѣ того времени.

Сила „Русскаго Вѣстника“ заключалась въ патріотическомъ чувствѣ и въ возбужденіи его въ читающей публикѣ. Чувство это родилось подъ вліяніемъ современныхъ событій; источникъ его заключался скорѣе въ сердцѣ и увлеченіи, чѣмъ въ сознаніи, чѣмъ въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности. Возбужденное неудачными и тяжелыми внѣшними войнами нашими, это чувство видѣло вокругъ себя въ обществѣ сильное увлеченіе иностраннымъ и въ особенности французскимъ, — увлеченіе, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нашей внутренней исторіи со временъ Петра. Пылкому издателю „Русскаго Вѣстника“ это увлеченіе стало казаться измѣною роднымъ началамъ, и онъ всѣми силами старался ему противодѣйствовать. Понятно, что только въ русской, преимущественно древней, до-петровской исторіи, Глинка находилъ и указывалъ свои идеалы; все новое было для него подражаніемъ, заимствованіемъ и потому осуждалось. Въ увлеченіи своемъ онъ нападалъ на новое просвѣщеніе и ставилъ его гораздо ниже древняго. Всѣ статьи „Русскаго Вѣстника“ были полны этимъ содержаніемъ, выражали это направленіе и посвящены были исключительно Россіи; говорить о чемъ-либо иностранномъ — казалось неуваженіемъ къ родинѣ. Общая тема — о любви къ отечеству — повторяется въ журналѣ безпрерывно. Герои этой любви и русской доблести, извѣстныя лица, преимущественно древней Руси, и о нихъ издатель говоритъ очень часто и при всякомъ случаѣ. Это: Мининъ,

Авраамъ Палицынъ, Князь Пожарскій, бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, кн. Александръ Невскій, кн. Яковъ Долгорукій, древнія московскія царицы, московскіе бояре и проч. Главная мысль издателя, что Россія до Петра В. не была страною варварскою, доказывается всѣми способами: и выписками изъ разныхъ писателей нашихъ, говорившихъ объ этомъ предметѣ [1]), и цѣлыми статьями, посвященными спеціальной разработкѣ вопроса о томъ, напр. „О просвѣщеніи Русскихъ до временъ Петра Великаго“ [2]) или „О свойствахъ Россіянъ и замѣчанія о измѣненіи коренного свойства народовъ“ [3]) и проч. Мысль о поднятіи умственнаго и нравственнаго значенія древней Руси была господствующею мыслью журнала Глинки: „Съ удовольствіемъ читалъ я въ разныхъ мѣстахъ вашего журнала, пишетъ къ издателю одинъ изъ случайныхъ его сотрудниковъ, опроверженія выставленнаго Вольтеромъ и иностранцами слѣпо принятаго мнѣнія, будто наши предки были погружены въ невѣжество и варварство.—Эта неосновательная мысль давно меня огорчаетъ, ибо многія дѣянія отечественной нашей исторіи доказываютъ, что древнее наше правительство было не только просвѣщенное и человѣколюбивое, но и образованнѣе многихъ европейскихъ, признаваемыхъ таковыми“ [4]). Разумѣется, все это древнее русское просвѣщеніе представляется въ свѣтѣ благочестія и истиннаго христіанства: „Возрастая въ страхѣ Божіемъ и простотѣ нравовъ, говоритъ издатель, предки наши заимствовали всѣ понятія свои *отъ наставленія отцовскаго* и изъ духовныхъ книгъ. Они не спорили о какомъ-то первобытномъ природномъ состояніи, о безпредѣльномъ усовершенствованіи ума человѣческаго, но старались исполнять обязанности человѣка, гражданина и христіанина [5]). Глинка доказываетъ, что во времена Рюрика ни одна страна европейская не была просвѣщеннѣе Россіи *въ нравственномъ и политическомъ образованіи* [6]), и что вообще до Алексѣя Михайловича и до Петра Великаго Россія „едва ли уступала какой странѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, въ законодательствѣ, въ чистотѣ нравовъ, въ жизни семейственной, и во всемъ томъ, чѣмъ благоденствуетъ народъ, чтущій обычаи праотеческіе, отечество, царя и Бога [7]).

Въ этомъ увлеченіи русскою до-Петровскою стариною, о которой Глинка, къ чести его, заговорилъ первый, хотя и безъ знанія поло-

---

[1]) Русск Вѣстн. 1808 г., ч. I, стр. 43—52.
[2]) Ч. III, стр. 17—48.
[3]) Ч. III, стр. 49—64.
[4]) Ч. II, стр. 343
[5]) Ч III, стр. 17.
[6]) Ib , стр. 41.
[7]) Ib., стр 42.

жительнаго, и основываясь только на одномъ чувствѣ, естественно должны были встрѣчаться и въ самомъ дѣлѣ встрѣчались иногда даже очень забавныя преувеличенія. Мы знаемъ изъ біографіи Глинки, что онъ былъ воспитанъ современно, на идеяхъ французской мысли XVIII вѣка, что онъ скорѣе былъ французъ, а не русскій. Не могъ онъ забыть этого образованія; оно было дорого ему и, страннымъ образомъ, его идеи, его содержаніе онъ искалъ въ древней Руси. Тутъ былъ очевидный недостатокъ логики и сообразительности, сопровождавшій всегда Глинку въ его патріотическихъ статьяхъ. Отъ того у него бояринъ Матвѣевъ умствовалъ о душѣ точно такъ же, какъ Локкъ и Кондильякъ [1]), а предки наши мыслили о человѣкѣ, душѣ и чести подобно древнимъ Сократамъ и Маркамъ Авреліямъ; учрежденіе Ярославомъ I въ 1131 году училищъ соотвѣтствуетъ цѣли Александра I, изъявленной въ 1803 году [2]). Зотовъ, наставникъ и учитель Петра Перваго, руководствовалъ своего питомца способами ученія Кондильяка и Песталоцци, хотя въ то время ихъ и не было на свѣтѣ потому же и „добродѣтели Марка Аврелія сіяли въ лицѣ нашихъ вѣнценосцевъ“ [3]). Однимъ словомъ, воспоминанія общаго европейскаго образованія, полученнаго Глинкою въ корпусѣ, постоянно жили въ его головѣ, они были дороги ему, и знакомые ему по образованію и ученію образы и идеи онъ желалъ или мечталъ найти въ незнакомой ему до того родной жизни.

Русь рисовалась въ умѣ издателя „Русскаго Вѣстника“ не въ своемъ настоящемъ, а совершенно идеальномъ, созданномъ воображеніемъ, образѣ. Лучшимъ примѣромъ этого отношенія можетъ служить разборъ Глинки „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“, тогда только что въ первый разъ изданныхъ Якубовичемъ. Онъ сравниваетъ ихъ съ поэмами Оссіана и древними французскими балладами [4]). Въ нихъ, по его словамъ, „изображены всѣ добродѣтели, которыя хранятъ и подкрѣпляютъ общества и области. Сіи добродѣтели суть: человѣколюбіе, правота, защищеніе слабаго и невиннаго отъ хищной и сильной руки, гостепріимство, богобоязненность, нѣжность, состраданіе къ злополучію и усердіе къ отечеству“. Въ „Древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ“ Глинка ищетъ нравы и „праотеческія добродѣтели“. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ представляетъ доказательство, что въ старину понимали ремесла и искусства [5]); былина о женитьбѣ князя Владиміра даетъ поводъ разсуждать о свя-

[1]) Ч. III, стр 19
[2]) Ib, стр. 23
[3]) Ib, стр. 33
[4]) Ч. I, стр. 374.
[5]) Ibid., стр 377—380.

тости гостепріимства и о пагубномъ слѣдствіи страстей [1]); Ермакъ— о мужествѣ и великодушіи русскихъ [2]); Глинка сравниваетъ Ермака съ Сципіономъ Африканскимъ. Вотъ, по словамъ Глинки, краткое начертаніе добродѣтелей временъ богатырскихъ: ненарушимость даннаго слова, смѣлость и неустрашимость духа, богобоязненность, скромность, простота нравовъ, усердіе къ службѣ государевой и проч. Глинка былъ какъ бы влюбленъ въ древнюю Русь и, не имѣя, разумѣется, никакихъ о ней положительныхъ знаній, онъ сознательно желалъ видѣть въ ней только хорошее. „Странно, говоритъ онъ, что у насъ всякой почти старается отыскать что нибудь худое въ своемъ отечествѣ; лучшее же остается безъ примѣчанія, или умышленно представляется въ видѣ невыгодномъ“ [3]). Глинка впадалъ въ другую крайность: онъ умышленно все изображалъ въ розовомъ свѣтѣ и очень часто доходилъ до смѣшного. Таково, напр., его разсужденіе о „Кормчей книгѣ“, которую онъ называетъ „хранилищемъ божественныхъ и нравственныхъ преданій“; въ ней, по утвержденію его, „заключается все то, на чемъ зиждется истинное благо каждаго человѣка особенно и цѣлыхъ обществъ“ [4]). Естественно, что при такомъ взглядѣ, Глинка долженъ былъ высоко ставить авторитетъ автора „Разсужденія о древнемъ и новомъ слогѣ“ и повторять часто его мысли.

Журналъ съ такимъ содержаніемъ и направленіемъ посвященными исключительно только русскому и древности русской, долженъ былъ естественно смотрѣть враждебными глазами на все иностранное и даже на просвѣщеніе европейское, которому самъ Глинка былъ такъ много обязанъ. Вызывая образы старины, журналъ долженъ былъ найти сочувствіе во всѣхъ, тѣхъ, которымъ была дорога эта старина и ненавистно все новое: „Старики русскіе васъ благодарятъ, да и раскольники русскіе хвалятъ: будетъ время, когда и они поблагодарятъ“ — пишетъ къ издателю одинъ поклонникъ старины изъ Казани [5]), выставляющій на показъ глубокую ненависть къ *дѣтямъ*, которыя съ своимъ французскимъ воспитаніемъ сдѣлались будто бы умнѣе отцевъ. Такого же содержанія и письмо *Старовѣрова* къ издателю [6]). Старинный идеалъ воспитанія сдѣлался дорогъ Глинкѣ; время увлеченія общимъ образованіемъ, европейскими началами — прошло, и Аракчеевъ, котораго Глинка называетъ „знаменитымъ

[1]) Ч. I, стр. 380—389.
[2]) Ч. II, стр. 206—214,
[3]) Ibid, стр. 250
[4]) Ч III, стр. 189—200.
[5]) Ч. II, стр. 186
[6]) Ч. III, стр 201 сл

Россіяниномъ", приглашенный подписаться на „Русскій Вѣстникъ", могъ уже открыто и съ сознательною гордостью выставлять себя всѣмъ на образецъ: „А я, какъ бѣдный дворянинъ, пишетъ онъ къ Глинкѣ, воспитанъ былъ совершенно по-русски: учился грамотѣ по Часослову, а не по рисованнымъ картамъ. Потомъ выученъ будучи читать Псалтырь за упокой по своимъ родителямъ, посланъ на службу государя и препорученъ въ С.-Петербургѣ чудотворной Казанской иконѣ, съ такимъ родительскимъ приказаніемъ, дабы я всѣ мои дѣла начиналъ съ ея соизволенія, чему слѣдую и по сіе время" [1]). Вотъ что было теперь дорого Глинкѣ, дороже того общаго, съ широкимъ содержаніемъ образованія европейскаго, которое давалъ ему въ молодости корпусъ при Ангальтѣ.

Намъ нѣтъ надобности продолжать далѣе изложеніе идей Глинки въ его журналѣ, нашедшемъ сочувствіе и отголосокъ въ обществѣ. Достаточно познакомиться съ однимъ первымъ годомъ „Русскаго Вѣстника" чтобъ знать и дальнѣйшее его содержаніе. Ничего особенно дѣльнаго не могъ высказать издатель ни въ первый, ни въ послѣдующіе годы своего журнала: для этого нужно было имѣть знанія и таланта болѣе, чѣмъ сколько было у него. „Русскій Вѣстникъ" былъ порожденіемъ патріотическаго чувства Глинки, вспыхнувшаго для самого его неожиданно и вдругъ; какъ выраженіе одного чувства, онъ долженъ быть по своему содержанію однообразенъ и утомителенъ. Въ самомъ дѣлѣ: стихи, помѣщенные въ „Русскомъ Вѣстникѣ", вполнѣ соотвѣтствуютъ общему его содержанію и направленію: это или выраженіе патріотическихъ чувствъ издателя, или воспѣваніе древнихъ русскихъ доблестей или современныхъ военныхъ подвиговъ. Повѣсти „Вѣстника" — понятно чужды вполнѣ современной жизни и берутъ свое содержаніе, по рецепту Шишкова,— изъ Четьихъ Миней или изъ древней русской исторіи, и тогда въ нихъ сказывается господствующая въ литературѣ Карамзинская сентиментальность. Разумѣется, больше всего журналъ говорилъ о коренныхъ свойствахъ русскаго характера, восхваляя ихъ, и разсуждалъ на темы, въ которыхъ выражалось современное патріотическое направленіе: о благоговѣніи къ русскимъ царямъ, о вѣрности русскихъ дворянъ отечеству и престолу, о благодѣтельныхъ помѣщикахъ и т. п. Народа, т.-е. простого крестьянина, съ его жизнью, страданіями и лишеніями, въ журналѣ все-таки незамѣтно, несмотря на то, что Глинка и говорилъ о немъ; слова его были только фразы; чувство, выражавшееся въ „Вѣстникѣ", былъ узко сословный патріотизмъ, глубоко консервативный и ненавидящій все новое, а вмѣстѣ

[1]) Ч. II, стр. 245.

съ нимъ, понятно, и просвѣщеніе, возможное для насъ только на европейскихъ началахъ. Это упорное ретроградное направленіе и призывъ къ возвращенію исчезнувшей старины, эта пылкая проповѣдь русскихъ началъ, неясныхъ, неопредѣленныхъ, туманныхъ для самого Глинки, конечно, не сознававшаго вполнѣ къ чему онъ призывалъ общество, должны были, несмотря на всю ничтожность нашего тогдашняго литературнаго развитія, вызвать отпоръ въ тѣхъ людяхъ, которымъ сколько-нибудь дорого было просвѣщеніе и новое русское развитіе, начавшееся въ Россіи съ воцареніемъ Александра. Какъ ни далеки были тогда другъ отъ друга журналы, одинокіе и разрозненные, выражавшіе не мысль общественную, а личные вкусы своихъ издателей,—все же мы можемъ въ нихъ встрѣтить полемику, хотя и скромную противъ направленія и проповѣди Глинки. Такъ „Московскій Вѣстникъ“, еженедѣльный журналъ, издававшійся въ 1809 году карамзинистомъ Макаровымъ, возсталъ вообще противъ криковъ современныхъ патріотовъ и въ особенности журнала Глинки: „Большая часть сихъ самопроизвольныхъ заступниковъ отечественнаго, говоритъ издатель, нашли всю пользу свою или находятъ ее въ томъ, чтобъ бранить иностранное, проклинать чужихъ учителей или ученыхъ, довольствоваться единственно своимъ, хотя бы и худымъ и невѣжественнымъ; но отнюдь не перенимать ничего хорошаго и необходимаго со стороны чуждой... Лучшая система добродѣтели ихъ основывается на томъ, чтобъ учиться отъ какого-нибудь Ульяна Березкина и Вѣникова (псевдонимы Растопчина въ „Вѣстникѣ“), не спрашивая того, какъ они учены и чему учены“... Для Макарова крикуны эти — фальшивые патріоты. Онъ указываетъ имъ на примѣръ настоящаго патріота, Петра В., „который ѣздилъ нарочно по бѣлому свѣту для того, чтобъ все узнавать, все испытывать, всему научиться“... Онъ увлекся-было криками Березкиныхъ и Вѣниковыхъ и самъ сдѣлался-было патріотомъ въ ихъ родѣ, но „нѣкоторые изъ пріятелей моихъ доказали фальшь моего патріотизма, открыли мнѣ многое хорошее въ чужомъ, и я согласился, что намъ не мѣшаетъ и еще перенимать и еще научаться доброму и хорошему отъ иностранцевъ“ [1]). Около этой мысли только и вертѣлось опроверженіе; политической стороны тенденцій Глинки возражатель не касался.

Другой современный журналъ „Цвѣтникъ“, издававшійся Бенитцкимъ и А. Е. Измайловымъ, ограничился простою насмѣшкою надъ направленіемъ Глинки. Неизвѣстный авторъ этой насмѣшки разсказываетъ, что онъ видѣлъ во снѣ болото и въ немъ множество

[1]) Моск. Вѣстн., 1809 г., стр. 277.

завязшихъ людей, которыхъ вытаскиваютъ другіе. Одинъ изъ вытащенныхъ, бывшій даже суше другихъ, снова „стремглавъ бросился въ болото, увязъ въ грязь, такъ что виденъ былъ лишь воротникъ его *зеленаго* кафтана (обвертка „Русскаго Вѣстника“) и закричалъ: „Что вы, друзья нашли хорошаго на солнцѣ? Оно только что палитъ васъ; возвратитесь опять въ болото; здѣсь прохладно и спокойно! то то раздолье! Всѣ смотрѣли на чудака, но никто за нимъ не слѣдовалъ... Увязшій кричалъ безъ умолку, а что — того право я не могъ разобрать“ [1]). Эта насмѣшливая выходка показываетъ, что въ петербургской журналистикѣ были люди, которые понимали смѣшную сторону увлеченій Глинки и видѣли недолговѣчность его направленія, не придавая ему большого значенія. Подъ патріотическими выходками Глинки легко могло скрываться самодовольное невѣжество. Это было выражено въ той французской эпиграммѣ, конецъ которой приводитъ самъ Глинка въ своихъ запискахъ [2]):

A présent sur un ton rempli de suffisance,
A ses concitoyens il prêche l'ignorance“...

Молодые, болѣе образованные литераторы того времени, при томъ, вовсе не серьезномъ взглядѣ вообще на нашу литературу, господствовавшемъ въ кружкахъ, не желали вести полемику съ Глинкой и не придавали его дѣятельности важнаго значенія. Умный Дашковъ прямо говоритъ о бѣдности мыслей у Глинки [3]). Батюшковъ въ своемъ сатирическомъ „Видѣніи на берегахъ Леты“ чрезвычайно вѣрно схватилъ личность издателя Русскаго Вѣстника“ и его любовь къ фразамъ. Передъ адскимъ судьею Миносомъ, одна за другой являются тѣни русскихъ писателей, каждая въ немногихъ, но довольно забавныхъ стихахъ высказывая содержаніе своей дѣятельности. За княземъ Шаликовымъ является Глинка·

„Уфъ! я усталъ; подайте стулъ!—

говоритъ онъ,—

Позвольте мнѣ, я очень славенъ!
Безсмертенъ я пока забавенъ!“
Кто-жъ ты? „*Я русскій и поэтъ*
Я самъ бѣгу, лечу за славой;
Мнѣ врагъ—чужой разсудокъ здравый,
Для русскихъ правъ—мой толкъ кривой.
И въ томъ клянусь моей душой!“
Да кто же ты?—Жанъ Жакъ я русскій,
Распнъ и Локкъ и Юнгъ я русскій!

[1]) Цвѣтникъ 1810 г, ч VI, стр. 358—359.
[2]) Стр. 247
[3]) Русск. Арх. 1866 г, стр. 495.

Три драмы русскихъ сочинилъ,
Для русскихъ—нѣтъ ужъ болѣ спицъ!
Писалъ для русскихъ драмы слезны,
Труды мои всѣ безполезны:
Вина тому развратъ умовъ!
Сказать, въ рѣку, и былъ таковъ!“ [1]).

Больше всего и остроумнѣе досталось Глинкѣ отъ Воейкова, который сначала даже самъ участвовалъ въ его „Вѣстникѣ“. Въ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ“ Воейкова, Глинка „снабжаетъ отхожій кабинетъ патріотической русской музы мягкою бумагою [2]), но лучше всего изображенъ онъ въ „Домѣ Сумасшедшихъ“:

„Нумеръ третій на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ,
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверста
И уста отворены
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
О, Распнъ! Откуда слава
Я тебя, дружокъ, поймалъ
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гофолію укралъ
Чувствъ возвышенныхъ сліянье,
Выраженья красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота!“

Такъ тѣшились наши писатели того времени другъ надъ другомъ, и мы нарочно привели часть эпиграммъ, сыпавшихся на Глинку и его направленіе, чтобъ показать характеръ тогдашней полемики.

Самъ Глинка считалъ себя „сторожемъ духа народнаго“. Это, конечно, преувеличено, но его „Русскій Вѣстникъ“ все-таки имѣетъ историческое значеніе въ русской литературѣ, и статьи его, односторонніе, но страстно преданныя одному направленію, имѣли смыслъ, приготовляя духъ народный къ тяжкимъ испытаніямъ 1812 года. Весь трудъ изданія журнала, послѣ перваго года, лежалъ на одномъ Глинкѣ. Онъ самъ говоритъ, что у него не было сотрудниковъ. Эта преданность Глинки единой, всего его поглотившей мысли была источникомъ его чрезвычайной популярности въ московскомъ простонародьи въ 1812 году; онъ велъ толпы народа на встрѣчу государя въ его пріѣздъ въ Москву, весною этого года. Московскіе студенты

[1]) Соч Спб 1887 г., т. I, кн. 2, стр 81.
[2]) Русск Арх 1866 г, стр. 763.

любили Глинку, благодарили его за возбужденіе въ нихъ патріотизма. Но этимъ патріотическимъ 12 годомъ и кончилась историческая роль Глинки въ литературѣ. Все, что̀ печаталъ онъ съ тѣхъ поръ, все это не имѣло значенія, писалось только для денегъ, для пріобрѣтенія средствъ. „Русскій Вѣстникъ“ не возбуждалъ прежняго восторга; онъ падалъ; число подписчиковъ уменьшалось: „Вызовы Минина, Пожарскаго и другихъ старожиловъ лѣтописей, говоритъ онъ самъ съ грустью, утомляли слухъ. Духъ времени требовалъ освѣженія словесности“ [1]), но Глинка былъ уже не способенъ на это, онъ остался при старомъ, и вся послѣдующая долгая жизнь его представляетъ только борьбу съ бѣдностью, тяжелую работу перомъ изъ-за куска хлѣба.

ЛЕКЦІЯ XXVI.

Новыя нападки Шишкова на современную литературу.—Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа — Д. В. Дашковъ и его критика на сочиненія Шишкова. — Отвѣтъ Шишкова.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ патріотическаго настроенія общества и зародившейся патріотической литературы снова появился въ печати и Шишковъ съ новыми статьями своими, наполненными однако старымъ содержаніемъ. Усиленный тѣми голосами, которые теперь, казалось, раздавались въ литературѣ въ его защиту, подкрѣпляли или раздѣляли его мнѣніе, онъ думалъ, что настало удобное время снова напасть на своихъ враговъ, т.-е. на писателей, употреблявшихъ въ своихъ сочиненіяхъ новый слогъ и подражавшихъ Карамзину. Другого, внѣшняго повода къ печатному высказыванію его мыслей—не было. Онъ видѣлъ, что его убѣжденія, искренно имъ исповѣдуемыя, теперь получили перевѣсъ; онъ самъ говоритъ, что его первое извѣстное „разсужденіе“ расположило къ себѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ „службою, лѣтами и нравами почтенныхъ“, что даже иностранцы отозвались о ней съ почтеніемъ и „только въ господахъ журналистахъ нашихъ“ онъ не былъ такъ счастливъ. Но вся сила ихъ критики и доказательствъ, по словамъ Шишкова, заключается въ словахъ: „онъ одинъ, а насъ много“. Онъ не боится однако этого множества; за личныя оскорбленія Шишковъ не считаетъ нужнымъ вступаться... „Но когда вижу распространеніе мнѣній, способствующихъ къ упадку языка нашего и словесности, тогда ничто не удержитъ меня доказывать нелѣпость и лживость сихъ умствованій, ко-

[1]) Записки, стр. 309.

торыя смѣшны и странны при свѣтѣ разума, но весьма вредны и заразительны при мракѣ усиливающихся заблужденій"... Эти заблужденія, заключающіяся въ *новомъ слогѣ*, Шишковъ ставитъ въ связь съ французской революціей и въ новыхъ словахъ, употребляемыхъ карамзинскою школою, онъ видитъ или желаетъ видѣть глубоко ненавидимыя имъ понятія: „когда чудовищная французская революція, поправъ все, что̀ основано было на правилахъ вѣры, чести и разума, произвела у нихъ новый языкъ, далеко отличный отъ языка Фенелоновъ и Расиновъ, тогда и наша словесность, по образу ихъ новой и нѣмецкой, искаженной французскими названіями словесности, стала дѣлаться непохожею на русскій языкъ" [1]). Вотъ гдѣ источникъ ожесточенныхъ нападеній Шишкова на новую русскую словесность. Онъ стоитъ за старый авторитетъ; ему не нравится, что молодые писатели позволяютъ себѣ имѣть мнѣніе. „Вскорѣ появились у насъ не два или три, но цѣлые полки сочинителей, которые, ничего не написавъ, ничего не прочитавъ, вдругъ возмечтали о себѣ, что они Лонгины, Квинтиліаны, Лагарпы, и стали обо всемъ судить и рядить по-своему; стали проповѣдывать, что языкъ нашъ грубъ, бѣденъ, неустановленъ, удаленъ отъ просторѣчія; что надобно всѣ старыя слава бросить, ввести съ иностранныхъ языковъ новыя названія, новыя выраженія, разрушить свойство прежняго слога, перемѣнить словосочиненіе его и однимъ словомъ писать не по-русски" [2]). Вотъ на что̀ собственно нападаетъ Шишковъ; старая цѣль постоянно у него передъ глазами: это языкъ, испорченный подражаніемъ французскому, а подражаніе начинается у насъ, по словамъ Шишкова, съ Петра. Зло глубоко пустило корень и бороться съ нимъ онъ считаетъ своею обязанностью. Съ этою цѣлью Шишковъ въ 1808 году перевелъ изъ Лагарпа: a) сравненіе французскаго языка съ древними и b) о краснорѣчіи и напечаталъ ихъ тогда же, снабдивъ ихъ разными примѣчаніями, въ которыхъ высказывалъ прежнее: старую борьбу свою съ новымъ слогомъ. Можетъ быть самый Лагарпъ, этотъ знаменитый критикъ и историкъ литературы XVIII вѣка, нравился ему своею ненавистью къ французской революціи. Извѣстно, что сначала Лагарпъ раздѣлялъ всѣ ея мнѣнія, оправдывалъ всѣ ея дѣйствія, но послѣ паденія Робеспьера, которому онъ льстилъ при жизни, круто измѣнилъ свои убѣжденія и сталъ ожесточенно нападать на все, чему прежде поклонялся.

Шишковъ воспользовался мыслями Лагарпа о богатствѣ латинскаго языка сравнительно съ бѣдностью французскаго, чтобъ повто-

---

[1]) Соч. и перев, ч. III, стр. 259—263.

[2]) Ib, стр. 259—260.

рить свои старыя утвержденія о богатствѣ славянскаго языка, т.-е. языка перевода книгъ священнаго писанія. Этотъ древній языкъ долженъ быть постояннымъ источникомъ новаго, какъ источникъ родной, а не чуждый. Нашъ же современный языкъ удалился отъ этого источника, и наши сочиненія начинаютъ быть похожими на переводы. Это оттого, что забытъ древній славянскій языкъ, отличающійся богатствомъ и зрѣлостью понятій. На него онъ смотритъ какъ на что-то священное; по его словамъ, онъ представляется „плодомъ долговременнаго умствованія“ [1]). Шишковъ предполагаетъ даже, что до перевода на славянскій языкъ на немъ существовали сочиненія, теперь утраченныя; иначе нельзя объяснить его силу и богатство.

Въ предисловіи своемъ ко второй Лагарповой статьѣ Шишковъ развиваетъ любимую тему объ иностранныхъ словахъ, введенныхъ и вводимыхъ насильственно новыми писателями въ русскій языкъ и не соотвѣтствующихъ его генію. Приводя разные примѣры этихъ иностранныхъ словъ, Шишковъ въ особенности останавливается на тѣхъ, совершенно техническихъ выраженіяхъ, которыя давно уже употребляются въ наукѣ реторики, будучи заимствованы изъ языка греческаго. Почтенный ревнитель чистоты русскаго языка утверждаетъ, что и ихъ слѣдуетъ отбросить и замѣнить соотвѣтствующими русскими выраженіями. Съ этою цѣлью, чтобы показать примѣръ, въ переводѣ своемъ второй Лагарповой статьи онъ не употребляетъ ни одного иностраннаго слова и всѣ извѣстныя техническія выраженія переводитъ по-русски. Исполненіе такой задачи не обходится, разумѣется, безъ натяжекъ, иногда довольно забавныхъ, которыя и были тотчасъ замѣчены критикою. Враговъ своихъ Шишковъ даже затронулъ впередъ выходкою, которая не имѣла ничего общаго съ предметомъ спора и старалась выставить защитниковъ новаго слова въ видѣ не очень нравственномъ. Представитель ихъ у Шишкова, по словамъ его, „не читавъ ничего, кромѣ переводимыхъ по два тома романовъ въ недѣлю и не бывавъ сроду ни у заутрени, ни у обѣдни, не хочетъ вѣрить, что *благодатный, неискусобрачная, тлетворный, злокозненный, багрянородный* — суть русскія слова, и утверждаетъ это тѣмъ, что онъ ни въ *Лизѣ* ни въ *Анютѣ* ихъ не читалъ“ [2]). Разумѣется, больше всего возстаетъ Шишковъ противъ французскаго воспитанія нашего общества, противъ всеобщаго употребленія въ нашемъ обществѣ французскаго языка, языка нашихъ враговъ. Политическія отношенія времени придавали особенную

---

[1]) Ib, стр. 249.
[2]) Ibid, стр. 316

силу этимъ нападеніямъ. Съ грустью замѣчалъ Шишковъ, что „осьмилѣтнее дитя читаетъ у насъ, какъ самъ Лекень, стихи Вольтеровы, и не умѣетъ, не только наизусть, ниже по книгѣ прочитать *блаженъ мужъ* или *отче нашъ*“ [1]), или: „наша женщина съ русскою въ рукахъ книгою, или съ письмомъ по-русски написаннымъ, хотя бы то было къ старику ея дѣдушки, опасается быть выключенною изъ избраннаго общества и попасть въ толпу тѣхъ непросвѣщенныхъ людей, которые думаютъ, будто въ своей землѣ надобно умѣть говорить по-своему“ [2]).

Въ этомъ нападеніи Шишкова на слогъ новыхъ писателей, какъ и въ прежнемъ его „разсужденіи“ заключались и вѣрныя замѣчанія и преувеличенія. Послѣднихъ, разумѣется, было больше, ибо критикъ невольно увлекался пристрастіемъ къ основной своей мысли. Какъ и прежде, такъ и теперь нападенія Шишкова не остались безъ опроверженія. Новымъ критикомъ явилось лицо совершенно до того неизвѣстное въ литературѣ, случайно выступившее въ ней и потомъ скоро промѣнявшее ее на государственную службу, гдѣ пріобрѣло себѣ высокое значеніе и имя. Это былъ отличавшійся умомъ, широкимъ образованіемъ и твердостью своихъ убѣжденій Д. В. Дашковъ, принадлежавшій къ числу немногихъ замѣчательныхъ государственныхъ людей въ царствованіе Николая, когда онъ былъ министромъ юстиціи.

Дашковъ происходилъ изъ богатаго дворянскаго рода и получилъ образованіе свое въ концѣ прошлаго вѣка въ благородномъ Московскомъ пансіонѣ при университетѣ; онъ былъ младшимъ товарищемъ Жуковскаго, которому даже былъ порученъ своими родителями. Служба его по окончаніи курса въ пансіонѣ, гдѣ воспитанники слушали университетскія лекціи, началась въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; однимъ изъ товарищей его по Архиву былъ Блудовъ; съ нимъ Дашковъ подружился надолго и вмѣстѣ потомъ, почти одновременно и неразлучно, они сдѣлали свою служебную карьеру и оба стали министрами при Николаѣ.

Близкія отношенія Дашкова къ Жуковскому познакомили его, съ другой стороны, съ литературнымъ кругомъ: Дашковъ былъ друженъ съ Батюшковымъ, Тургеневыми, княземъ Вяземскимъ и поклонялся талантамъ Карамзина и Дмитріева. Литературные вопросы и интересы были дороги ему довольно долгое время, хотя онъ измѣнялъ имъ ради службы или, скорѣе, служебной карьеры. Въ молодости, какъ это видно изъ немногихъ писемъ его къ пансіонскому товарищу Грам-

[1]) Ibid, стр. 330
[2]) Ibid, стр. 333.

матину, Дашковъ очень уважалъ Вольтера; онъ былъ вообще отлично знакомъ съ французской литературой XVIII вѣка, зналъ и англійскій языкъ и цѣнилъ Шекспира [1]). Переселившись изъ Москвы въ Петербургъ на службу, гдѣ ему въ особенности покровительствовалъ И. И. Дмитріевъ, Дашковъ довольно долго не покидалъ еще ни своихъ литературныхъ друзей, ни своихъ литературныхъ симпатій; къ литературѣ его влекло образованіе и тотъ кругъ пріятельскій, въ которомъ онъ жилъ. Дашковъ случайно участвовалъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ, живо интересовался современною литературною борьбою невиннаго, но остроумнаго „Арзамасскаго общества", членами котораго были всѣ друзья его, съ „Бесѣдою", гдѣ главными дѣйствующими лицами были Шишковъ и Державинъ, писалъ самъ эпиграммы и въ прозѣ и въ стихахъ на Шаховскаго, Шишкова, Хвостова и другихъ. Но всѣ эти литературные вкусы и стремленія оставлялись Дашковымъ постепенно, по мѣрѣ успѣховъ его служебной карьеры и его возвышенія. Такая измѣна литературному дѣлу случалась тогда очень часто и была вполнѣ естественною. Въ самомъ дѣлѣ, какую привлекательность могла представлять въ то время наша литература, нѣмая, безгласная, не имѣющая никакого вліянія на общество, почти презираемая или только терпимая властью, нищая въ лоскутьяхъ, оборванныхъ безсмысленною цензурою—для человѣка съ талантами, съ образованіемъ, съ честолюбіемъ. Литературная дѣятельность не могла привлекать подобныхъ людей. На этомъ поприщѣ подвизались тогда люди полуобразованные, которымъ особенно дороги были ихъ жалкіе интересы, чуждые жизни и дѣйствительности. Это было даже замѣчено современными журналистами. „Наблюдая образованіе нашихъ писателей, говоритъ одинъ изъ нихъ, всякъ долженъ удивляться, что у насъ ихъ такъ много и довольно хорошихъ. Большая часть изъ нихъ, какъ портной Тришка, учились самоучкою. Рѣдкіе получили ученое воспитаніе. Выучившись читать и писать по-русски (иногда и тому весьма плохо), затвердивъ наизусть нѣсколько французскихъ стишковъ, зная, что во Франціи писали трагедіи Расинъ и Корнель, а комедіи Мольеръ, наши молодые люди почитаютъ себя совершенными и начинаютъ переводить, сочинять, печатать, издавать"... [2]). Онъ же указываетъ на тотъ фактъ, что лучшіе люди удаляются отъ литературной дѣятельности, хотя и выставляютъ тому другую причину: „Не довольно внимательная къ истиннымъ достоинствамъ публика наша (то есть многочисленнѣйшая часть) причиною, что многіе люди съ талантомъ

[1]) Библ. Зап 1895 г., т. II, стр. 257—263.
[2]) Цвѣтникъ 1810 г., ч. VI, стр. 349.

и познаніями вскорѣ начинаютъ скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ. Многіе изъ нынѣшнихъ полезныхъ чиновниковъ государства (изъ которыхъ большая часть училась въ Московскомъ и нѣкоторые въ иностранныхъ университетахъ) въ молодости своей успѣшно занимались словесностью.

Хладнокровіе публики, не умѣющей цѣнить ихъ талантовъ, заставило ихъ бросить ученыя занятія. Еслибъ я смѣлъ, то назвалъ бы таковыхъ человѣкъ двадцать и больше, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ государствѣ. Вообще рѣдкій писатель трудится у насъ болѣе пяти лѣтъ сряду. Одобреніе и награда публики столь слабы, а досады и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобъ заниматься ею долго“ [1]).

Къ числу этихъ отставшихъ отъ латературы образованныхъ и талантливыхъ людей принадлежалъ и Дашковъ. Его увлекло служебное честолюбіе, и по мѣрѣ своихъ успѣховъ, онъ забывалъ старыхъ друзей и товарищей по воспитанію и службѣ. Такъ Милоновъ, довольно замѣчательный сатирикъ, товарищъ ему по московскому пансіону, жалуется очень горько на его надменность [2]). Въ 1817 году Дашковъ получилъ мѣсто совѣтника при посольствѣ въ Константинополѣ, гдѣ пробылъ около пяти лѣтъ и съ тѣхъ поръ не принималъ уже никакого участія въ литературномъ движеніи Но въ эпоху появленія „Двухъ статей изъ Лагарпа“, переведенныхъ Шишковымъ, литература сильно занимала умъ Дашкова. Споръ Шишкова съ Карамзинистами и нападенія его на новый слогъ придали ей нѣкоторое оживленіе; тутъ была борьба мнѣній, столкновеніе стараго съ новымъ, и Дашковъ явился на сторонѣ послѣдняго и потому, что уважалъ талантъ Карамзина и придавалъ его реформѣ слога большое значеніе, и потому, что въ нападеніяхъ Шишкова было много несправедливаго. Дашковъ, конечно, не былъ филологомъ, но въ его критикѣ [3]) очень много здраваго смысла и правды. Она отличается и достоинствомъ и безпристрастіемъ. Онъ совершенно согласенъ съ Шишковымъ относительно излишняго введенія въ языкъ нашъ несвойственныхъ ему словъ и оборотовъ, но замѣчаетъ, что требованія Шишкова въ этомъ отношеніи слишкомъ парадоксальны, слишкомъ широки, хотя и повторяютъ то же самое, что̀ высказано

---

[1]) Ib VI, стр 349—351
[2]) Библ. Зап. 1895 г., т. II, стр. 301—2
[3]) Цвѣтн. 1810 г, ч. VII.

было уже имъ въ его прежнемъ разсужденіи. Дашковъ справедливо замѣчаетъ преувеличеніе Шишкова въ томъ, что онъ совершенно смѣшиваетъ, соединяетъ въ одно два языка: славянскій и русскій въ *славяно-русскій*, хотя самъ совершенно ложно увѣряетъ, что русскій языкъ отдѣлился отъ славянскаго *введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій*, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ. Соглашается Дашковъ съ Шишковымъ и въ томъ, что употребленіе славянскаго языка необходимо для возвышеннаго слога (это была дань господствующей теоріи), но употребленіе славянскихъ словъ и для этой цѣли требуетъ большой осторожности. Богатство языка, въ противность утвержденію защитника стараго слога, Дашковъ видитъ не въ его древнемъ и неизмѣняемомъ видѣ, а въ обогащеніи его новыми понятіями, а слѣдовательно и словами, только бы слова эти были хороши и точно выражали понятіе. Самъ защитникъ старыхъ словъ употребляетъ иногда выраженія, заимствованныя вовсе не изъ славянскаго языка, и употребляетъ съ большимъ успѣхомъ [1]).

„Хотѣть все вдругъ перемѣнить, хотѣть переводить всякое слово безъ разбора, есть также погрѣшность: ибо вмѣсто извѣстнаго и значительнаго иностраннаго слова, вездѣ употребляемаго, мнѣ вбиваютъ въ голову другое *славенорусское*, или лучше сказать—славено-варварское, совсѣмъ того смысла не выражающее“ [2]). Дашковъ указываетъ нѣсколько такихъ переведенныхъ Шишковымъ словъ, которыя не сохраняютъ смысла подлинника, напр. лицедѣй—актеръ, краснословъ—ораторъ, вещесловіе — матерія, произношеніе — просодія, художественныя, вмѣсто техническія названія и пр. Необходимо поэтому согласиться, что есть такія слова иностранныя, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись, потому что не имѣемъ соотвѣтственныхъ имъ русскихъ выраженій. Чѣмъ замѣнить, напр., слова критикъ, парадоксъ, синонимъ и т. п.? Шишкову очень нравилась, и совершенно справедливо, способность русскаго языка къ составленію сложныхъ словъ; это доказываетъ богатство и особую упругость языка; но примѣры, имъ приводимые, были не совсѣмъ удачны, напр. онъ хвалилъ взятое имъ изъ священныхъ пѣсней прилагательное къ дереву — *благосѣнномлиственное*, при чемъ забывалъ, что это буквальный переводъ съ языка греческаго, который скорѣе допускаетъ подобныя сложныя слова, чѣмъ русскій. Дашковъ въ насмѣшку приводитъ составленныя по этому образцу сложныя слова изъ одного современнаго рукописнаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“: *длинноустозакоптилая*

[1]) Ibid, стр. 277.
[2]) Ibid., стр 296.

брада, *христогробопокланяемая* страна — и доказываетъ этими примѣрами, какъ надобно быть осторожнымъ при составленіи новыхъ словъ.

У самого Шишкова критикъ находитъ тяжесть и неправильность слога и приводитъ довольно большое число примѣровъ, гдѣ онъ самъ, переводя изъ Лагарпа, не могъ удержаться отъ галлицизмовъ, отъ словъ, составленныхъ совсѣмъ не по-русски. Примѣры эти приведены были очень ловко и должны были задѣть за живое защитника чистоты русскаго слога, произвольно нарушившаго ее. Очень умно отвѣтилъ Дашковъ и на косвенный упрекъ въ неуваженіи къ религіознымъ обрядамъ, сдѣланный Шишковымъ всѣмъ Карамзинистамъ: „Показывать ошибки и опровергать ложныя умствованія писателей позволено всякому, говоритъ онъ; но не должно касаться до чести и мнѣній о вѣрѣ какого бы то ни было человѣка, даже и не называя его. Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны о неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковью? Г. переводчикъ, конечно, самъ не захочетъ, чтобъ мы, подражая ученымъ протекшихъ вѣковъ, при малѣйшемъ спорѣ называли другъ друга безбожниками и богохульниками [1]).

Такимъ образомъ становится довольно яснымъ, что подъ споромъ о словахъ скрывался споръ о понятіяхъ и убѣжденіяхъ, но высказывать послѣднія свободно и открыто и защищать ихъ было невозможно въ ту пору. Какъ бы то ни было, и писатели и журналисты раздѣлились въ то время на два лагеря: къ Шишкову, къ старикамъ литературнаго преданія, къ заслуженнымъ генераламъ литературы, у которыхъ образовался вскорѣ центръ соединенія въ „Бесѣдѣ любителей Россійскаго слова“, пристало все, что̀ въ литературѣ было бездарнаго или приниженнаго и искательнаго, въ надеждѣ выиграть искательствомъ и лестью у знатныхъ стариковъ. Другая сторона, гдѣ находились люди съ дѣйствительными знаніями и талантами, образовала противоположный центръ въ такъ называемомъ „Арзамасскомъ обществѣ“. Но люди эти смотрѣли на литературу, какъ на забаву между дѣлъ, какъ на отдыхъ послѣ болѣе трудныхъ и болѣе уважаемыхъ занятій; вся ихъ дѣятельность ограничивалась насмѣшкой и пародіей на внѣшнюю обстановку литературныхъ занятій „Бесѣды“ и въ особенности на слогъ ея членовъ. Здѣсь, именно въ трудахъ „Бесѣды“, нашелъ себѣ пріютъ тотъ слогъ, который рекомендовалъ съ такимъ усердіемъ Шишковъ. Здѣсь находили полное одобреніе напыщенные, насыщенные славяно-церковными выраженіями вирши Боброва, кн. Ширинскаго-Шихматова, переводы Захарова и подобныя произведенія еще болѣе бездарныхъ писателей, въ родѣ доносчика Гера-

[1]) Ibid., стр. 430—431.

кова. Все это, разумѣется, давало обширный матеріалъ для насмѣшекъ, но дѣло и ограничивалось только ими.

Упорный Шишковъ не могъ и теперь не отвѣтить своему новому критику, какъ отвѣчалъ онъ прежнимъ. Онъ твердо стоялъ на своемъ и считалъ своимъ долгомъ защищать высказанныя имъ разъ убѣжденія. Этотъ отвѣтъ вошелъ въ его новое „Разсужденіе о краснорѣчіи священнаго писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно“. Разсужденіе это было имъ читано въ годовомъ собраніи Россійской Академіи въ декабрѣ 1810 года, а потомъ, печатая его въ слѣдующемъ году, онъ присоединилъ къ нему „присовокупленіе“, въ которомъ и заключенъ отвѣтъ его критику. Разсужденіе это было писано на двѣ темы, заданныя Академіей, т.-е. по всей вѣроятности, самимъ Шишковымъ; темы эти онъ соединилъ въ одно, а самое разсужденіе представляетъ слѣдующія три части: a) о превосходныхъ свойствахъ нашего языка, b) о краснорѣчіи священныхъ писаній и c) какими средствами словесность наша обогащаться можетъ, и какими приходитъ въ упадокъ.

Нѣтъ никакой надобности входить въ подробное изложеніе этого новаго произведенія Шишкова; настоящимъ филологомъ онъ не былъ и отличался только платоническою любовью къ славянскому языку. По его собственнымъ словамъ, этотъ языкъ былъ для него „нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и не разрѣшенная“. Онъ говорилъ о языкѣ или наивныя или безсодержательныя фразы; на языкъ славянскій смотрѣлъ, какъ на первоначальный. Подражаніе звукамъ природы, впечатлѣнія предметовъ на органы слуха и зрѣнія—вотъ источники словъ. Поэтому Шишковъ говорилъ, напр.: „ежели умъ примѣчалъ въ какой-либо видимой вещи круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы такой же образъ имѣющія: *око*“. Онъ останавливается на богатствѣ въ русскомъ языкѣ такихъ многозначущихъ словъ, неимѣющихся ни въ нѣмецкомъ, ни въ французскомъ языкахъ. Богатство это особенно проявилось въ древнемъ славянскомъ переводѣ книгъ Священнаго Писанія, а потому-то въ нихъ и заключаются образцы истиннаго краснорѣчія. Чтобъ показать эти образцы, Шишковъ представляетъ довольно много выписокъ изъ книгъ священнаго писанія; въ словахъ этого древняго перевода заключены корни всѣхъ русскихъ словъ, а потому „для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія остается только черпать изъ онаго“. Такъ и поступали всѣ поклонники Шишкова, раздѣлявшіе его взглядъ на *новый* слогъ. Оба языка, и славянскій и русскій—одно и то же; толки, распространенные во многихъ нынѣшнихъ книгахъ о разно-

сти этихъ двухъ языковъ, не даютъ процвѣтать нашей словесности. А потому всѣ усилія новаго разсужденія Шишкова направлены къ тому, чтобъ доказать единство обоихъ языковъ и опровергнуть ихъ мнимое различіе, утверждаемое его противниками. Русскій языкъ, отдѣльно отъ словенскаго—мечта, загадка, по словамъ Шишкова; но славянскій языкъ стоитъ выше русскаго; это высокій, книжный, ученый языкъ, образецъ для краснорѣчія. Не понимаютъ этого и не хотятъ понять люди, испорченные французскимъ воспитаніемъ, „нѣсколько журналистовъ, неизвѣстныхъ ни именами своими, ни трудами, нѣсколько молодыхъ людей, научившихся превратно видѣть вещи". Противъ этихъ-то людей, къ числу которыхъ принадлежитъ, разумѣется, и новый критикъ Шишкова, направлено его „присовокупленіе". Здѣсь Шишковъ прямо приводитъ слова его авторитета Лагарпа, который доказываетъ вредъ, нанесенный Франціи журналами, появившимися въ ней со временъ революціи. То же видитъ Шишковъ и у насъ. Во многихъ статьяхъ нашихъ журналовъ, по словамъ его, не щадится ни нравственность, ни разсудокъ. Хлопочатъ о раздѣленіи русскаго языка отъ славянскаго для тою, „чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности". „Какое намѣреніе, спрашиваетъ Шишковъ, полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумителенъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей?" Вотъ до какихъ преувеличеній, до какихъ инсинуацій доходилъ Шишковъ въ своемъ рвеніи къ словенскому языку, обвиняя современную литературу и нашу невинную журналистику въ безбожномъ революціонномъ направленіи...

ЛЕКЦІЯ XXVII.

Книга Дашкова «О легчайшемъ способѣ возражать на критики».—«Разговоры о словесности» Шишкова.—Критика Каченовскаго на первый разговоръ.—«Бесѣда».

Новое сочиненіе Шишкова по языку или новый отвѣтъ его критикамъ, какъ мы видѣли, не прибавлялъ ничего къ высказанному уже имъ нѣсколько разъ, не усиливалъ его доказательствъ, но выражалъ только его раздраженіе, въ пылу котораго онъ забывалъ приличія литературной критики и удалялся отъ дѣла, нападая на воображаемые имъ нравственные недостатки своихъ противниковъ. Причина этихъ нападеній заключалась въ томъ, что у Шишкова вовсе не было

знаній, необходимыхъ для того предмета, который онъ взялся доказывать и защищать. Болѣе серьезнымъ образомъ доказать незнаніе Шишкова старался тотъ же Дашковъ въ своей небольшой книжкѣ, которая должна была служить отвѣтомъ Шишкову на его новыя нападенія. Эта книжка вышла въ 1811 году подъ заглавіемъ: „О легчайшемъ способѣ возражать на критики“ и могла бы считаться лучшимъ полемическимъ русскимъ сочиненіемъ того времени, еслибъ предметъ ея не былъ такъ далекъ отъ современности и общественности. Во всякомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о познаніяхъ, умѣ и авторскомъ талантѣ Дашкова. Можно пожалѣть, что онъ промѣнялъ поприще писателя на государственную службу.

Отвѣтъ Дашкова направленъ собственно противъ „Присовокупленія“ Шишкова, въ которомъ онъ нападалъ вовсе не литературнымъ образомъ на своихъ противниковъ. „Отвѣчать бранью на учтивую, благонамѣренную критику, значитъ признать себя торжественно не въ состояніи отвѣчать на оную доказательствами, говоритъ Дашковъ, но къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру, въ неукротимой запальчивости называть противниковъ своихъ *имѣющими поврежденное сердце* и укорять ихъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры, забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу всякаго гражданина — есть разительный примѣръ, сколь сильно дѣйствуетъ оскорбленное самолюбіе и желаніе властвовать въ республикѣ словесности“... „Человѣкъ, упражняющійся въ словесности, оставляетъ почтенное сіе занятіе, вступаетъ въ поприще ругательства, присвоиваетъ себѣ право обвинять своихъ согражданъ, и все сіе, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противорѣчить, что смѣли показать его ошибки!“... Дашковъ доказываетъ, что Шишковъ собственно объ ошибкахъ, указанныхъ ему критикою „Цвѣтника“, старается вовсе не говорить. Это и есть *легчайшій способъ возражать на критики!* „Къ сему не нужны ни ученость, ни знаніе языка, ни даже здравая логика!“ [1]). Онъ ставитъ рѣзкую противоположность между стариками, съ младенчества пріучившими себя къ нескладному сборищу славенскихъ выраженій, и юношами, воспитанными въ правилахъ здраваго вкуса. Конечно, при характерѣ критики Шишкова спорить съ нимъ трудно: „Онъ почитаетъ всякое оружіе противъ соперниковъ своихъ законнымъ, по произволенію перемѣняетъ значеніе словъ и смыслъ рѣчи, и употребляетъ насмѣшку тамъ, гдѣ самъ ошибается“ [2]), но Дашковъ очень умно и съ знаніемъ дѣла разбиваетъ всѣ слабые доводы Шишкова въ пользу

[1]) Ibid., стр. 14.
[2]) Ibid., стр. 30.

его мнѣнія о тождествѣ славянскаго и русскаго языковъ; онъ старается выставить его дѣйствительно незнающимъ того предмета, о которомъ такъ давно и съ такою горячностью Шишковъ толкуетъ публикѣ. Дашковъ присоединяетъ его къ числу „мнимыхъ нашихъ Квинтиліановъ, которые, ничему не учившись въ молодости и привыкнувъ писать на удачу, обо всемъ судятъ, все знаютъ, переводятъ съ французскаго и другихъ языковъ, не понимая оныхъ, и никакъ не хотятъ признаться въ своемъ невѣжествѣ“ [1]). Положенія и утвержденія Шишкова онъ называетъ *видѣніями*. Въ самомъ дѣлѣ, не видѣніе ли утвержденіе Шишкова, что древній славянинъ для составленія имени круглой вещи выбиралъ и буквы круглыя, напр. *око*. „Прекрасно! замѣчаетъ въ этомъ случаѣ Дашковъ: поэтому буква *о* есть несомнѣнный признакъ *круглости* во всѣхъ словахъ, гдѣ только она находится: отчего же нѣтъ ея въ названіяхъ *круга и шара*, фигуръ самыхъ круглѣйшихъ? Неужели Славенинъ, умѣвшій столь искусно разсуждать при составленіи языка своего, забылъ при названіи сихъ образцовъ круглости любимую свою систему?“ [2]). Такъ молодой и талантливый писатель разрушалъ авторитетъ Шишкова, разбивая его положенія и доказывая его незнаніе. Но Шишковъ не сдавался; въ его писательствѣ было удивительное упорство, онъ все твердилъ одно и то же. Онъ какъ будто не слушалъ ни возраженій, ни справедливыхъ критикъ, на него направленныхъ, и очень часто снова повторялъ свои парадоксальныя утвержденія. Въ томъ же 1811 году, когда появилась книжка Дашкова, Шишковъ напечаталъ новое сочиненіе „Разговоры о словесности между двумя лицами Азъ и Буки“. Разговоровъ этихъ два: одинъ о русскомъ правописаніи, другой о русскомъ стихотвореніи. Въ первомъ, согласно общему убѣжденію Шишкова, доказывается, что достаточныя и твердыя правила для русскаго правописанія заключаются въ церковныхъ книгахъ, что поэтому желаніе отдѣлить славянскій языкъ отъ русскаго есть только незнаніе и невѣжество, что языкъ книжный отъ словеснаго долженъ быть необходимо отдѣленъ, что порча того и другого происходитъ отъ нашего воспитанія: „Еслибъ воспитаніе наше было такое, говоритъ онъ, чтобъ мы отъ самаго дѣтства своему языку основательно учились, своимъ языкомъ говорили, свои книги читали, тогда бы разговорный языкъ сталъ возвышаться и чиститься отъ книжнаго, на разумѣ основаннаго, а не книжной упадать и портиться отъ разговорнаго, невѣжественнаго языка“ [3]). Весь этотъ первый разго-

---

[1]) Ibid., стр. 50.
[2]) Ibid., стр. 73.
[3]) Разговоры, стр. 26—7.

воръ Шишкова касается мелкихъ вопросовъ правописанія, употребленія нѣкоторыхъ буквъ въ предлогахъ, сложныхъ съ глаголами, измѣненія ихъ и т. п. Въ немъ встрѣчаются тѣ же словопроизводства, которыя всегда любилъ Шишковъ, напр. *граница* отъ храненіе, *мѣстница* отъ лезу, *обоняніе* отъ обвоняніе и пр., то же, какъ и прежде, отдѣленіе высокаго слога отъ низкаго и т. п. Словомъ, упорный ненавистникъ новаго слога стоялъ на прежнемъ; для него какъ бы не существовали критическія замѣчанія его противниковъ.

Второй разговоръ „о русскомъ стихотвореніи“ посвященъ собственно народной поэзіи и надобно поставить въ заслугу Шишкову, что онъ заговорилъ въ ту пору объ этомъ забытомъ или вовсе неизвѣстномъ для современныхъ писателей предметѣ. Онъ говорилъ о необходимости примкнуть искусственной поэзіи къ народной, говорилъ, что первая уклонилась отъ второй не только мѣрою, но слогомъ, мыслями, выраженіями и даже словами, и даетъ, наконецъ, образцы языка въ народной поэзіи, приводя ея отрывки. Шишковъ глубоко убѣжденъ въ достоинствѣ народной поэзіи, утверждаетъ, что первоначальный видъ нашихъ пѣсенъ и сказокъ былъ превосходный, любуется ихъ образами и выраженіями. Онъ первый указалъ на нѣкоторыя характеристическія особенности языка нашей народной поэзіи, которыя потомъ повторяли только изслѣдователи, напр.: повтореніе, постоянные эпитеты, сокращенныя прилагательныя, употребленіе уменьшительныхъ и ласкательныхъ, вводныя поговорки, отрицаніе, выражающееся въ сравненіяхъ, простота и естественность этихъ сравненій и т. п. Изъ довольно длиннаго разговора Шишкова видно, что онъ глубоко и искренно любилъ народную поэзію и понималъ ея красоты. Онъ требовалъ отъ современной литературы знакомства съ нею. „Мы бросились на новѣйшіе иностранные языки, заключаетъ онъ этотъ разговоръ свой, и переводя съ нихъ, стали придерживаться ихъ свойствамъ. Чего у нихъ въ языкѣ нѣтъ, того уже и мы въ сочиненіяхъ своихъ употреблять не смѣемъ. Сіе излишнее подражаніе имъ отводитъ насъ отъ собственныхъ красотъ языка нашего и, стѣсняя предѣлы онаго, служитъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ словесности“ [1]). То, что̀ высказалъ Шишковъ въ этомъ разговорѣ о народномъ языкѣ, составляетъ его дѣйствительную заслугу, и современная критика, преслѣдовавшая всякое его сочиненіе, не задѣла это; напротивъ, отозвалась съ полнымъ одобреніемъ его мысли. Зато первый разговоръ, гдѣ снова повторялись его мысли о единствѣ славянскаго, т.-е. церковнаго языка съ русскимъ, встрѣ-

[1]) Ibid., стр. 156.

тилъ новаго и очень дѣльнаго критика въ издателѣ „Вѣстника Европы“—Каченовскомъ (1811 г., №№ 12 и 13). Онъ оспаривалъ главное положеніе Шишкова, доказывалъ, что не въ церковныхъ книгахъ заключаются правила русскаго правописанія, а въ грамматикахъ, что славянскій языкъ нашихъ церковныхъ книгъ очень удаленъ отъ современнаго русскаго и несходствомъ словъ, и разностью въ спряженіяхъ и даже въ синтаксисѣ, что русскій языкъ не нарѣчіе славянскаго, а другой самостоятельный языкъ, что на немъ излагаются законы, пишутся книги и пр. Каченовскій доказывалъ и всю неестественность словопроизводства у Шишкова, но, конечно, не могъ убѣдить своего противника никакими доводами. Попрежнему далъ онъ отпоръ и въ „Прибавленіи къ разговорамъ о словесности“ отвѣтилъ Каченовскому (Спб., 1812 г.), опровергая его, хотя и весьма слабо. На этотъ разъ онъ по крайней мѣрѣ не затрагивалъ личностей.

Въ такомъ видѣ представляется этотъ продолжительный и, по правдѣ сказать, безполезный для жизни и литературы споръ о языкѣ, поднятый Шишковымъ; онъ велъ этотъ споръ до 1812 года, когда новыя обязанности отвлекли Шишкова отъ любимаго предмета и когда потомъ, послѣ великихъ событій времени, общество и литература не могли уже воротиться къ прежнему. Разбирая фазисы этого спора и содержаніе рѣчей противниковъ, мы могли видѣть, что споръ этотъ былъ какъ бы чисто внѣшняго характера, касался словъ, а не идей и не понятій. Подъ словами однакожъ, какъ мы замѣчали не разъ, скрывались понятія; спорящіе ихъ подразумѣвали только, но не высказывали. Шишковъ раздѣлялъ понятія и убѣжденія Глинки. Онъ самъ это высказывалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бардовскому, большому поклоннику его идей. Этотъ Бардовскій перевелъ одно изъ сочиненій Лагарпа, въ которомъ тотъ нападалъ на философію XVIII вѣка: „Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія“ (М. 1810 г.). Шишкову нравится „Русскій Вѣстникъ“ за то именно, что журналъ этотъ не любитъ новаго просвѣщенія. „Для того весьма охотно читаю „Русскій Вѣстникъ“—пишетъ онъ къ Бардовскому — который не твердитъ о словахъ *эстетика*, *образованіе*, *просвѣщеніе* и тому подобныхъ, но говоритъ всегда объ истинной и чистой нравственности, отъ которой въ нынѣшнія времена родъ человѣческій, къ злополучію своему, далѣе и далѣе отпадаетъ. Онъ не смотритъ на то, что таковыя его писанія многимъ, у которыхъ голова вскружена *новыми понятіями*, не нравятся; онъ продолжаетъ, исполняя долгъ свой, и сѣетъ сѣмена общаго и давно проповѣдываемаго благомыслія, не угадывая предбудущаго и не зная, дождь ли ихъ

зальетъ или солнце согрѣетъ“ [1]). Такъ точно смотрѣлъ и Шишковъ на свою дѣятельность: „Господа журналисты и большая часть молодыхъ людей (нынѣшняго образа мыслей) крайне меня не жалуютъ; но признаюсь, что изъявляемая ими ненависть ко мнѣ есть самое то, чѣмъ я горжусь; знакъ, что я различно съ ними думаю, а они такъ худо и вредно думаютъ, что быть съ ними различнаго мнѣнія дѣлаетъ человѣку честь“ [2]). Изъ этихъ словъ Шишкова очевидно для всякаго, что, несмотря на всю его любовь къ корнямъ русскаго языка, было ему что-то другое дороже. Это другое—старыя понятія и ненависть къ идеямъ прогресса и развитія, ненависть, соединявшаяся въ то время съ патріотизмомъ.

Кажется, съ цѣлью распространенія въ обществѣ своихъ понятій и убѣжденій, Шишковъ придумалъ организовать собранія своихъ единомышленниковъ по литературнымъ взглядамъ въ нѣчто правильное, не случайное, а періодически повторяющееся. Мы говорили уже о литературныхъ друзьяхъ Шишкова, людяхъ болѣе извѣстныхъ въ литературѣ своею привязанностью къ старымъ формамъ и идеямъ, чѣмъ талантомъ. Часто собирались они другъ у друга; наконецъ, по предложенію князя Голицына [3]), Шишкову или Державину пришло на мысль сдѣлать эти частныя собранія общественными. Частныя собранія эти возникли гораздо раньше. Писатели одного закала, поклонники Державина и Шишкова, собирались еще съ 1806 года то у того, то у другого На собраніяхъ этихъ, кромѣ записныхъ литераторовъ, старыхъ и молодыхъ, публики впрочемъ не было. Общій характеръ ихъ и содержаніе нѣкоторыхъ чтеній съ ихъ обстановкою представлены довольно подробно въ запискахъ Жихарева, принадлежавшаго къ числу молодыхъ литераторовъ, начинающихъ свою карьеру подъ покровительствомъ старшихъ. Жихаревъ прославился въ этомъ обществѣ, какъ чтецъ и декламаторъ, и старикъ Державинъ любилъ слушать изъ устъ его свои оды, и часто заставлялъ его читать. Мысль сдѣлать чтенія публичными возникла въ 1810 году, по разсказу Вигеля, въ то время, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о томъ, что Карамзинъ въ Твери у В. К. Екатерины Павловны читалъ свою исторію и еще какое-то другое произведеніе императору Александру, который будто бы склонился къ его образу мыслей. Мы знаемъ, что Шишковъ, въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, все еще продолжалъ смотрѣть на Карамзина, какъ на якобинца; вѣроятно, въ публичности

---

[1]) Записки. Берлинъ 1870 г. II, стр. 319.

[2]) Ibid., стр. 317.

[3]) Это былъ князь Борисъ Владимiр. Голицынъ (1769 — 1813). См. Соч. Держ. Изд. Ак. Н. т. VIII, стр. 905.

„Бесѣды“ онъ думалъ образовать противодѣйствіе возникшему вліянію Карамзина. Какъ ни былъ онъ преданъ русской словесности, какъ ни любилъ онъ старый слогъ и изслѣдованіе корней, все же, сколько можно видѣть изъ его „Записокъ“, въ немъ была значительная доля честолюбія и онъ считалъ нужнымъ жаловаться, что его забыли. Въ это время, послѣ тильзитскаго мира, государь, по его словамъ, былъ въ негодованіи на него за какіе-то имъ написанные французскіе стишки по поводу этого мира. Шишковъ не любилъ ни Сперанскаго, ни его преобразованій; безъ сомнѣнія, онъ рѣзко отзывался въ обществѣ о томъ и другомъ; образъ мыслей его былъ извѣстенъ, и въ этомъ, конечно, надобно искать причину, почему онъ не могъ участвовать въ высшемъ управленіи. Когда въ 1810 году, по проекту Сперанскаго, образовался Государственный Совѣтъ, Шишковъ не былъ назначенъ его членомъ по личному нежеланію Александра. Одному изъ близкихъ къ Шишкову людей — Философову Александръ будто бы сказалъ, что „лучше согласится не царствовать, нежели сдѣлать его членомъ“ [1]). Тогда, говоритъ Шишковъ, я попрежнему обратился къ любимымъ своимъ занятіямъ словесностью. И организованная „Бесѣда“ съ своими публичными засѣданіями скоро выдвинула его впередъ.

„Бесѣда любителей Русскаго слова“ была Высочайше утверждена 17 февраля 1811 года, и первое публичное чтеніе ея съ торжественною обстановкою происходило 14 марта того же года. Организацію этого любимаго дѣтища Шишкова и Державина можно узнать изъ 1 и 13 книжки „Чтеній“, которыхъ вышло 20 книжекъ (1811—1815 г.). „Бесѣда“ имѣла четыре разряда и у всѣхъ ихъ вмѣстѣ были попечители, принадлежавшіе къ самымъ знатнымъ лицамъ по служебной іерархіи. Эти попечители были, при основаніи „Бесѣды“: Н. С. Мордвиновъ, Графъ А. К. Разумовскій, И. И. Дмитріевъ, В. С. Поповъ и С. К. Вязьмитиновъ,—не всѣ, какъ видно, литераторы. Предсѣдателями разрядовъ были: Шишковъ, Державинъ, А. С. Хвостовъ и И. М. Муравьевъ-Апостолъ. Затѣмъ шли дѣйствительные члены, члены-сотрудники и наконецъ почетные члены, къ числу которыхъ принадлежали лица духовныя и, между прочимъ, нѣкоторыя дамы-писательницы, которыя подъ покровительствомъ Державина и Шишкова получили тогда литературную извѣстность, какъ княжна Урусова и дѣвицы Бунина и Волкова. Нельзя не замѣтить, что старики организаторы „Бесѣды“, по привычкѣ служебной и согласно своимъ понятіямъ, ввели въ собраніе нѣсколько чиновничій характеръ, что,

---

[1]) Зап. I, стр. 114—115.

разумѣется, не могло понравиться нѣкоторымъ молодымъ писателямъ. Тогда Гнѣдичъ, извѣстный впослѣдствіи какъ переводчикъ Иліады, а тогда только что начинающій поэтъ, завелъ по поводу этого чинопочитанія довольно забавную переписку съ Державинымъ. Онъ замѣтилъ, что члены второго разряда подъ предсѣдательствомъ Державина, куда и его помѣстили, *разставляются по чинамъ*.

„Отдавая всю справедливость и уваженіе заслугамъ по службѣ, писалъ онъ, я тогда только позволю себѣ видѣть имя свое ниже нѣкоторыхъ господъ, послѣ какихъ внесенъ я въ списокъ, когда дѣло будетъ идти о чинахъ“. Онъ не понималъ также разности между званіемъ дѣйствительнаго члена и члена-сотрудника и просилъ позволенія не называться просто членомъ-сотрудникомъ, а или „членомъ-сотрудникомъ Его Высокопревосходительства Державина“ или только *членомъ*. „Если-жъ на это или не дадутъ согласія гг. члены, или не буду я въ правѣ по моему чину, то въ обоихъ случаяхъ мнѣ ничего не остается, кромѣ заслуживать еще и лучшее о себѣ мнѣніе и большій чинъ“ [1]). Такихъ, впрочемъ, независимыхъ молодыхъ писателей въ „Бесѣдѣ“ было немного.

Не безъ мысли противодѣйствовать Карамзину и его школѣ и проводить въ общество свои любимыя идеи и убѣжденія была задумана и организована со стороны Шишкова „Бесѣда“. Въ печатномъ планѣ „Бесѣды“ высказывался намекъ на Карамзина и почему публика такъ любитъ его сочиненія: „Временная слава возрастаетъ отъ нѣкотораго стеченія обстоятельствъ, говорилось здѣсь [2]), отъ случайнаго расположенія умовъ и часто отъ размноженія пустыхъ голосовъ, повторяющихъ одинъ другого“. Въ „Бесѣдѣ“ есть и прямая выходка противъ Карамзина, написанная не безъ злости и не безъ правды, въ посланіи Марина [3]).

„И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться?
На свѣтѣ можетъ всякъ, чѣмъ хочетъ заниматься.
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь,
И вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добренькихъ Славянъ и милую Россію“...

„Бесѣда“ была то же, что и Россійская академія; большинство членовъ первой было и членами послѣдней, но Академія не имѣла тогда никакого значенія и никакого вліянія на общество; тамъ въ эту пору засѣдали удрученные лѣтами маститые старцы; молодыхъ

---

[1]) Соч. Державина. Изд. Ак. Н. т. 8, стр. 909.
[2]) Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русск. слова, кн. I, стр. IV.
[3]) Ibid., кн. III, стр. 121.

и дѣятельныхъ членовъ не было, а между тѣмъ Шишкову, который только въ 1813 году сдѣлался президентомъ Россійской Академіи, хотѣлось имѣть вліяніе на общество: главная цѣль „Бесѣды“ состояла „въ чтеніи произведеній своихъ предъ посѣтителями обоего пола“. Патріотическія стремленія времени, все болѣе и болѣе увеличивающіяся по мѣрѣ приближенія грознаго 12 года, способствовали участію общества къ этому учрежденію. „Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патріотизма, говоритъ въ своихъ „Запискахъ“ Вигель, видимо однако нерасположенный къ „Бесѣдѣ“, потому что самъ принадлежалъ къ „Арзамасу“, подѣйствовало, наконецъ, и на высшее общество: знатныя барыни на французскомъ языкѣ стали восхвалять русскій... Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами и оборотами, заимствованнными у иностранныхъ языковъ, и что „Бесѣда“ составилась единственно съ цѣлью возвратить ему его чистоту и непорочность“... Конечно въ этомъ поворотѣ общественнаго мнѣнія въ высшемъ кругу была виновата вовсе не пропаганда, дѣлаемая сочиненіями Шишкова, быстро слѣдовавшими одно за другимъ, но обстоятельства времени, мода и наконецъ образъ дѣйствій самой власти, которая желала воспользоваться этимъ патріотическимъ настроеніемъ общества. Наивно было бы повѣрить Шишкову, что послѣ перваго чтенія въ „Бесѣдѣ“ „многія присутствовавшія на немъ госпожи почувствовали, что не похвально языкъ свой презирать и многихъ, прекрасныхъ на немъ сочиненій не читать и не знать“ [1]). Изъ всѣхъ русскихъ писателей того времени въ знатныхъ кружкахъ петербургскаго общества вращался только одинъ Крыловъ, начавшій съ 1806 года писать и печатать свои знаменитыя басни. Ихъ, конечно, слушали съ удовольствіемъ въ разныхъ домахъ, но любили Крылова въ то время вовсе не за басни, а за его шутливость и другія свойства характера.

Собранія членовъ „Бесѣды“ были частныя и публичныя. Послѣднія происходили обыкновенно по вечерамъ; посѣтители съѣзжались не иначе, какъ по пригласительнымъ билетамъ и этимъ собраніямъ старались придать какъ можно болѣе торжественный видъ. Въ домѣ Державина была нарочно приспособленная къ этимъ собраніямъ зала, которая ярко освѣщалась. По срединѣ залы стоялъ большой круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, вокругъ котораго сидѣли члены, обыкновенно подъ предсѣдательствомъ Державина, по „мановенію котораго начиналось и перемежалось занимательное чтеніе вслухъ и часто образцовое“, говоритъ современникъ (Стурдза). Слушатели помѣщались на сѣдалищахъ, возвышавшихся уступами вокругъ залы.

---

[1]) Записки I, стр. 117.

На часть внѣшнюю, декоративную было обращено особенное вниманіе. Она, конечно, была гораздо красивѣе самаго содержанія чтеній, которыя до 1812 года ничѣмъ не отличались отъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ Глинки. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всего, что̀ было прочитано въ „Бесѣдѣ“ и потомъ напечатано въ ея изданіи, кромѣ нѣсколькихъ басенъ Крылова, ничего не удержалось въ исторіи нашей литературы. Едва ли большая часть публики могла слушать съ удовольствіемъ эти скучныя чтенія, въ которыхъ не было ничего живого. Самый большій вкладъ въ „Бесѣду“ вложили главные ея представители и учредители: Державинъ и Шишковъ. Первый въ продолженіе цѣлаго ряда чтеній излагалъ здѣсь свое длинное разсужденіе „о лирической поэзіи“—старческую компиляцію изъ разныхъ нѣмецкихъ эстетикъ, которая никого не могла интересовать. Одно мѣсто этого разсужденія подало поводъ къ продолжительнымъ насмѣшкамъ надъ легковѣріемъ Державина. Въ Петербургѣ былъ тогда какой-то любитель и собиратель древностей Селакадзевъ, плохой знатокъ древностей или, можетъ быть, плутъ [1]), который продалъ Державину кожаный свитокъ, на которомъ было написано якобы славено-рунное стихотвореніе I вѣка и нѣсколько произреченій новгородскихъ жрецовъ V вѣка. Державинъ напечаталъ эти рѣдкости особенными буквами—точнымъ снимкомъ съ мнимыхъ рунъ, съ переводомъ на русскій и разсуждалъ о нихъ, какъ объ остаткахъ древнѣйшей лирической поэзіи славянъ [2]). Кажется, что всѣ члены „Бесѣды“ вѣрили подлинности рунъ. Вообще Державинъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ „Бесѣды“. Всѣ послѣднія его стихотворенія помѣщены въ этомъ изданіи, которое и прекратилось вмѣстѣ съ его смертью. Шишкова еще раньше отвлекли отъ „Бесѣды“ другія обязанности. Но онъ открылъ эти собранія. Его рѣчь при открытіи „Бесѣды“ [3]) говорила вообще о словесности, и служила какъ бы введеніемъ въ предстоящія чтенія. Она наполнена множествомъ отрывковъ изъ любимыхъ имъ прозаиковъ и поэтовъ русскихъ, которыми онъ хотѣлъ возбудить любовь къ нашему языку и чтенію на немъ собственныхъ нашихъ произведеній. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова читалъ свою извѣстную рѣчь, или „Разсужденіе о любви къ отечеству“ [4]). Онъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что долго не рѣшался читать этой рѣчи, зная неблаговоленіе къ себѣ государя, боясь французскаго посла Коленкура и опасаясь „чтобъ не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе, безъ воли правительства возбуждать гордость народну“, но наконецъ рѣшился

[1]) Зап. Жихарева, стр. 360—361.
[2]) Чтеніе въ Бесѣдѣ люб. русск. слова, кн. VI, стр 5—7.
[3]) Соч. IV, стр. 108—146.
[4]) Чтеніе, кн. V, стр. 1—54.

послѣ долгихъ колебаній. Рѣчь эта, конечно, имѣетъ отвлеченный характеръ, но онъ получилъ реальное содержаніе, въ виду близившихся событій 1812 года. Рѣчь исполнена пылкаго чувства; съ силою говорилъ Шишковъ о народной гордости, о вѣрѣ, воспитаніи, языкѣ. Собраніе было многочисленно; рѣчь имѣла успѣхъ; о ней заговорили въ столицѣ и безъ сомнѣнія она была причиною, что въ мартѣ 1812 года, тотчасъ по паденіи Сперанскаго, Александръ послалъ за Шишковымъ и сдѣлалъ его государственнымъ секретаремъ. Тогда сталъ онъ писать свои знаменитые манифесты, которые возбуждали народъ и общество въ эпоху отечественной войны.

ЛЕКЦІИ XXVIII и XXIX.

Крыловъ.—Комедіи его «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» —Озеровъ и его трагедіи. «Ярополкъ и Олегъ», «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Фингалъ».

Патріотическое возбужденіе общества въ годы съ 1806 по 1812 было до такой степени сильно, что люди съ несомнѣннымъ талантомъ въ какомъ-нибудь литературномъ родѣ увлекались невольно общимъ настроеніемъ и пытали свои силы въ томъ, что̀ находило къ себѣ сочувствіе, что̀ нравилось большинству. Къ числу такихъ талантовъ въ литературѣ, заплатившихъ дань времени, принадлежалъ Крыловъ. Имя его, правда, было уже извѣстно въ литературныхъ кружкахъ и между лицами интересовавшимися литературою, но дѣйствительный родъ поэзіи, который доставилъ ему славу, еще не вполнѣ былъ сознанъ имъ. Литературная дѣятельность знаменитаго баснописца началась давно; уже въ 1789 году онъ является издателемъ-журналистомъ, писателемъ для театра, поэтомъ, но недостатокъ серьезнаго образованія, лѣнь—характеристическая черта Крылова, различныя мелкія увлеченія, бродячая жизнь по Россіи, которая унесла безслѣдно нѣсколько лѣтъ его жизни, не позволяли Крылову ни на чемъ сосредоточиться. Первые годы царствованія Александра, не принимая ни въ чемъ участія, относясь совершенно безразлично къ признакамъ новой жизни, которая началась тогда въ Россіи, Крыловъ прожилъ въ саратовской деревнѣ стараго своего покровителя князя Голицына, вдали отъ всякаго умственнаго движенія и, повидимому, чуждый всякимъ современнымъ вопросамъ,—не то въ качествѣ учителя при дѣтяхъ, не то въ качествѣ веселаго домашняго человѣка и собесѣдника, посреди приволья и жирныхъ блюдъ крѣпостной помѣщичьей жизни. Въ 1806 году, къ счастью Крылова, эта лѣнивая и беззаботная деревенская жизнь кончилась для него и онъ поѣхалъ въ Петербургъ, безъ сомнѣнія, искать мѣста, разсчитывая на преж-

нія занятія и связи литературныя. Этотъ годъ замѣчателенъ въ жизни Крылова въ томъ отношеніи, что тогда написаны были имъ первыя басни и онъ нашелъ такимъ образомъ тотъ литературный родъ, который доставилъ ему извѣстность. Проѣздомъ Крыловъ остановился въ Москвѣ; здѣсь возобновилъ онъ прежнее литературное знакомство съ Дмитріевымъ, который уже тогда имѣлъ славу русскаго Лафонтена. По разсказамъ біографовъ Крылова (Соч. Спб. 1859 г. I, XLVI—XLVII), Дмитріевъ, которому на судъ представилъ Крыловъ свои первыя двѣ басни, переведенныя имъ изъ Лафонтена, первый увѣрилъ его, что басня есть настоящее его призваніе.

„Дубъ и трость", „Разборчивая невѣста", „Старикъ и трое молодыхъ"—были первыя печатныя басни Крылова. Онѣ появились въ 1 и 2 №№ за 1806 годъ журнала Шаликова „Московскій Зритель" и были переданы издателю Дмитріевымъ съ одобреніемъ, о чемъ печатно заявилъ въ журналѣ и самъ Шаликовъ. Съ этихъ поръ Крыловъ почти ничего уже не писалъ до самой смерти своей, кромѣ басенъ. Вернувшись, однако, въ 1806 году въ Петербургъ, онъ поставилъ въ слѣдующемъ году двѣ комедіи и еще волшебную оперу. Кажется, впрочемъ, что пьесы эти были имъ написаны ранѣе и онъ привезъ ихъ съ собою въ Петербургъ. Еще въ прежнюю эпоху своей литературной дѣятельности, когда онъ являлся журналистомъ, Крыловъ любилъ писать комедіи и оперы, литературный родъ, который завелся у насъ было въ концѣ XVIII вѣка. Въ 1793 году Крыловъ напечаталъ комическую оперу „Бѣшеная семья" и комедію „Проказники", а въ 1794 году—прозаическую комедію „Сочинитель въ прихожей". Зная Крылова по его баснямъ, любуясь въ нихъ его тонкимъ, наблюдательнымъ умомъ, насмѣшливостью и многими, чисто русскими, вполнѣ народными свойствами характера, казалось, можно было бы ожидать отъ комедій Крылова высокихъ поэтическихъ и вообще литературныхъ достоинствъ. Выходило однакожъ совсѣмъ не то, и комедіи Крылова стоятъ неизмѣримо ниже писанныхъ значительно ранѣе комедій Фонъ-Визина. Общая, рутинная подражательность погубила эти комедіи. Напрасно стали бы мы искать въ нихъ наблюденія надъ русскою общественною жизнью, ея пониманія, сознательной, прочувствованной сатиры, какъ у Фонъ-Визина. Это какіе-то „образы безъ лицъ", а не характеры, грубая карикатура на нравы, на случаи, а не наблюденія ихъ. Интрига комедій ведена по общепринятому, господствовавшему тогда французскому образцу. Всѣмъ дѣйствіемъ заправляютъ ловкій слуга или служанка, чуждые нашимъ нравамъ; это дѣйствіе вертится обыкновенно на пустомъ волокитствѣ. Ни жизни, ни правды не было въ этомъ комическомъ мірѣ, который занималъ тогда Крылова; это былъ міръ нелѣпый и вдобавокъ еще скучный и до крайности утомительный.

Всѣми этими недостатками отличаются и двѣ комедіи Крылова, которыя были имъ поставлены на сцену въ 1807 году: „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“. Очень вѣроятно, что уродливое искаженіе нашей всеобщей тогда подражательности французскому, утировка этого недостатка въ провинціи, гдѣ жилъ Крыловъ до того времени, навели его на главную идею и содержаніе этихъ комедій. Безъ сомнѣнія также, что патріотическое чувство и ненависть къ французамъ, возбужденныя современными обстоятельствами и начинавшей имѣть вѣсъ патріотической литературой, коснулись и Крылова; современное содержаніе придало имъ жизнь и значеніе и способствовало успѣху комедій на сценѣ. Комедія „Модная лавка“, какъ уже показываетъ самое названіе, имѣетъ цѣлью осмѣять пристрастіе къ моднымъ, т.-е. французскимъ товарамъ. Представительницею этой страсти является деревенская помѣщица Сумбурова, пріѣхавшая въ Москву закупать приданое для падчерицы. Модная лавка, куда является эта Сумбурова, скорѣе похожая на каррикатурную дуру, чѣмъ на живое лицо, выставлена притономъ разнаго мошенничества и нечистыхъ дѣлъ. Французы, введенные въ пьесу, конечно, плуты. Мужъ Сумбуровой, ненавистникъ модныхъ товаровъ и поклонникъ всего русскаго, изъ-за чего у него происходятъ безпрестанныя ссоры съ женою, не внушаетъ къ себѣ симпатіи, потому что весьма недалекъ, да и самое дѣйствіе поглощено любовной интригой, такъ что выходки противъ подражательности русскихъ и слѣпого поклоненія всему иностранному, встрѣчаются очень рѣдко. Комедія, однако, несмотря на всѣ свои недостатки, имѣла большой успѣхъ. Современникъ замѣчаетъ, что на сценѣ Сумбуровъ, жена его и деревенскій лакей ихъ Антропка являли собою настоящіе провинціальные, всѣмъ знакомые типы, но это, вѣроятно, происходило отъ искуснаго выполненія ролей на сценѣ [1]).

Другая комедія Крылова съ тѣмъ же современнымъ патріотическимъ направленіемъ „Урокъ дочкамъ“ кажется намъ еще неудачнѣе. Цѣль ея—осмѣять исключительное воспитаніе на французскомъ языкѣ и неумѣренное пристрастіе къ нему. У помѣщика Велькарова—двѣ дочери; самъ онъ вдовъ и на службѣ, а дочерей отдалъ воспитывать къ теткѣ въ Москву. Онѣ и воспитались „на послѣдній манеръ“. По возвращеніи со службы Велькаровъ пріѣхалъ посмотрѣть на дочерей, „чтобы до замужества ими полюбоваться“. „Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика!—говоритъ горничная Даша.—Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ, всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Баринъ

[1]) Зап. Жихарева, стр. 443.

не знаетъ языковъ, а онѣ пакликали въ домъ такихъ не-Русей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что̀ говорятъ и чему хохочутъ". Старикъ разсердился и увезъ ихъ изъ дома московской тетки въ деревню, гдѣ строго запретилъ имъ между собою и съ кѣмъ бы то ни было изъ гостей разговаривать по-французски. Собственно „урокъ дочкамъ" состоитъ въ томъ, что съ вѣдома отца имъ приходится принимать простого россійскаго лакея за французскаго маркиза, разговаривать съ нимъ, приходить отъ него въ восторгъ, за которымъ слѣдуетъ жестокое разочарованіе. Обѣ дочери Велькарова—характеры преувеличенные и каррикатурные, но „Урокъ дочкамъ" нравился той части русскаго общества, которая была настроена патріотически. Конечно, урокъ этотъ не послужилъ никому въ пользу, и комедія Крылова, когда прошла мода на патріотическое направленіе, скоро забылась—вѣрное доказательство той мысли, что для успѣха литературное произведеніе, кромѣ живого сочувствія къ современности, нуждается еще и въ талантѣ.

Къ этимъ же годамъ патріотическаго возбужденія въ обществѣ относится непродолжительная, но громкая слава трагическаго поэта *Озерова,* прогремѣвшаго своимъ именемъ и немногими драматическими произведеніями и потомъ вдругъ неожиданно удалившагося отъ успѣховъ и славы, въ глушь уединенія, гдѣ его постигло сумасшествіе за нѣсколько лѣтъ до смерти. Эта злополучная судьба Озерова, постигшая его послѣ необычайныхъ, до тѣхъ поръ неслыханныхъ успѣховъ на русской сценѣ, гдѣ долгіе годы послѣ его смерти давались съ успѣхомъ его пьесы, возбуждала къ нему общее сочувствіе, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ о тѣхъ дѣйствительныхъ нравственныхъ причинахъ, которыя привели несчастнаго поэта къ катастрофѣ; о ней существуютъ въ литературѣ только неясные намеки и неопредѣленныя догадки, такъ что дѣло останется, вѣроятно, навсегда темнымъ. Единственная біографія поэта „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова", приложенная къ изданію его сочиненій, была написана княземъ Вяземскимъ еще въ 1817 году, вскорѣ послѣ смерти поэта; съ тѣхъ поръ къ неопредѣленнымъ, высказываемымъ въ видѣ предположеній и догадокъ фактамъ этой біографіи не прибавилось до сихъ поръ почти ничего. Друзья Озерова,—а онъ, будучи двоюроднымъ братомъ Блудова и даже чѣмъ-то въ родѣ опекуна его въ молодости, принадлежалъ къ кружку карамзинистовъ,—оставили о немъ и о судьбѣ его въ своихъ произведеніяхъ искреннія сожалѣнія, но ни одного положительнаго факта. Его имя, съ неясными намеками, встрѣчается въ стихахъ Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина и др. Его, по

ихъ понятіямъ, необыкновенный геній и несчастная судьба интересовали ихъ живо.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ былъ дворянскаго происхожденія. Онъ родился 29 сентября 1769 года въ деревнѣ зубцовскаго уѣзда тверской губерніи. Отецъ его былъ старый офицеръ гвардіи временъ Елисаветы Петровны, жилъ очень долго, говорятъ, пережилъ своего несчастнаго сына и имѣлъ отъ двухъ женъ 22 человѣка дѣтей. Кажется, что писатель былъ отъ первой жены, которая умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ. О судьбѣ другихъ дѣтей намъ ничего неизвѣстно, равно какъ и объ отношеніяхъ ихъ къ писателю. Въ раннемъ дѣтствѣ отецъ отвезъ его въ тотъ сухопутный кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывался нѣсколько позднѣе и С. Глинка. Здѣсь Озеровъ пробылъ двѣнадцать лѣтъ, до 1788 года, учился, какъ видно, отлично, получилъ при выпускѣ изъ корпуса чинъ поручика и въ награду первую золотую медаль. По другимъ свѣдѣніямъ онъ пробылъ въ корпусѣ десять лѣтъ и выпущенъ изъ него въ концѣ 1787 года [1]). Выпущенный изъ корпуса Озеровъ опредѣлился въ дѣйствующую армію, былъ адъютантомъ у графа де Бальмена и подъ начальствомъ Потемкина участвовалъ во взятіи Бендеръ въ 1789 году. По заключеніи мира съ турками Озеровъ поступилъ на службу въ тотъ же корпусъ, гдѣ воспитывался, адъютантомъ къ извѣстному намъ графу Ангальту. Такія сухія оффиціальныя свѣдѣнія дошли до насъ о молодости поэта, пріобрѣтшаго потомъ такую громкую извѣстность. Такъ мало эта извѣстность и слава возбудила интересъ къ его личности, несмотря на его слишкомъ печальную трагическую судьбу. Это свидѣтельствуетъ о томъ маловажномъ значеніи, которое общество и тогда, и долго потомъ придавало литературѣ. „Повѣритъ ли кто, говоритъ Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“, напечатанномъ вскорѣ послѣ смерти Озерова, что мнѣ невозможно было получить свѣдѣній о жизни и службѣ В. А. Озерова, при всемъ моемъ стараніи, при всемъ желаніи его родственниковъ“. А между тѣмъ, по выраженію критиковъ, писавшихъ о немъ, „жизнь Озерова, богатая особенностями, была игралищемъ враждующей судьбы и людей, коихъ злоба бываетъ еще изобрѣтательнѣе и постояннѣе“ (Вяземскій). Даже самая исторія его поэтическаго развитія для насъ неизвѣстна и приходится довольствоваться сухими свѣдѣніями.

Мы знаемъ, что тотъ корпусъ, въ которомъ воспитывался Озеровъ, давалъ своимъ питомцамъ вполнѣ французское воспитаніе и что литература Франціи была имъ гораздо извѣстнѣе своей родной, по-

[1]) Карабановъ, Основаніе русскаго театра. Спб. 1849, стр. 68.

истинѣ жалкой и незначительной. Мы знаемъ также, что въ корпусѣ еще со временъ Сумарокова была развита между учащимися особенная страсть къ театральнымъ представленіямъ; притомъ учителемъ Озерова былъ знаменитый тогда трагикъ Княжнинъ, драматическую славу котораго онъ и наслѣдовалъ. Глинка въ своихъ „Запискахъ“ передаетъ, что Озеровъ зналъ наизусть трагедіи Корнеля, Расина, Вольтера, что онъ самъ участвовалъ въ театральныхъ французскихъ представленіяхъ въ домахъ русскихъ вельможъ, гдѣ исполнялъ трагическія роли [1]), и такимъ образомъ приготовлялся къ своей будущей дѣятельности. Міръ греческихъ и римскихъ героевъ, изъ которыхъ состоялъ персоналъ французскихъ трагедій XVIII вѣка, былъ такимъ образомъ рано усвоенъ Озеровымъ, но, разумѣется, въ одеждѣ двора Людовика XIV. Съ этимъ увлеченіемъ французскимъ трагическимъ міромъ, по свидѣтельству біографа его князя Вяземскаго, соединилось для Озерова страстное влеченіе къ женщинѣ, имени которой никто не назвалъ, и это влеченіе „рѣшило судьбу почти всей его жизни“. Этой любви онъ отдалъ всю свою молодость, для нея онъ игралъ во французскихъ трагедіяхъ и писалъ французскіе стихи. Эта женщина принадлежала, кажется, къ высшему кругу; она была замужняя и добродѣтельная, говоритъ біографъ. Французскіе стихи къ ней Озерова не дошли до насъ. Намъ извѣстны французскіе стихи его, написанные въ 1794 году на смерть его начальника и покровителя—графа Ангальта [2]). Несмотря на условныя ходячія выраженія этихъ чисто отдѣланныхъ александрійскихъ стиховъ, позволительно видѣть въ нихъ искреннее чувство поэта, тѣмъ болѣе, что Ангальтъ былъ вполнѣ достоинъ его. По всей вѣроятности, вскорѣ послѣ смерти Ангальта, когда начальство и самый характеръ воспитанія въ корпусѣ измѣнились, Озеровъ долженъ былъ оставить въ немъ службу и перейти въ другую. Князь Куракинъ далъ ему мѣсто въ лѣсномъ департаментѣ тогдашняго министерства финансовъ, гдѣ онъ и служилъ до самой отставки. Трагическій поэтъ долженъ былъ объѣзжать казенные лѣса Казанской и Симбирской губерніи, писать отчеты о ревизіи ихъ и придумывать средства объ извлеченіи изъ нихъ доходовъ.

Первое печатное произведеніе Озерова появилось въ томъ же 1794 году, когда были написаны и французскіе стихи на смерть Ангальта. Это былъ стихотворный переводъ Ироиды или придуманнаго, по образцу Овидія, посланія Элоизы къ Абеляру изъ незначительнаго французскаго поэта Колардо, съ довольно длиннымъ пре-

---

[1]) Записки, Спб. 1895, стр. 60.

[2]) Караб., стр. 69—70.

дисловіемъ переводчика, гдѣ онъ говоритъ о причинахъ, побудившихъ его къ этому труду, и излагаетъ довольно подробно жизнь знаменитаго схоластика, сдѣлавшагося жертвой несчастной любви. Эта Ироида была уже у насъ переведена прозою въ 1786 году, но Озеровъ не доволенъ этимъ переводомъ; онъ не узнаетъ въ немъ знакомаго ему произведенія, а главное — находитъ въ немъ болѣе ума, нежели *чувства* и потому рѣшается издать свой переводъ. Озеровъ самъ говоритъ, что это первый его опытъ въ стихахъ. „У меня спросятъ: зачѣмъ для перваго опыта я выбралъ столь трудное твореніе? Съ обработаннаго и совершеннаго языка предпріять перевесть лучшую героиду на нашъ языкъ, начинающій образовываться, конечно, было дерзко. Но на сіе отвѣчаю, что природа въ томъ виновна. Читая Колярдо, я былъ восхищенъ; мнѣ открылся путь парнасскій и я почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ“ [1]). Признаніе это любопытно; оно показываетъ какимъ искусственнымъ образомъ зародилось въ Озеровѣ желаніе быть поэтомъ. Можетъ быть впрочемъ, — но Озеровъ не говоритъ о томъ, — героида понравилась ему, какъ выраженіе несчастной любви. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ переводъ этотъ ничѣмъ не замѣчателенъ, но стихъ его выгодно отличается отъ современниковъ; онъ значительно глаже другихъ. Можетъ быть къ этому же начальному періоду поэтической дѣятельности Озерова относятся нѣсколько мелкихъ его стихотвореній (кромѣ, разумѣется, плохихъ одъ его: на смерть Екатерины и на восшествіе на престолъ Александра), но во всѣхъ ихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго и ничего не прибавляютъ они къ поэтической характеристикѣ Озерова.

Воспитаніе, чтеніе и игра на домашнихъ театрахъ влекли его къ сценѣ и, разумѣется, къ трагедіи, какъ къ господствующему въ XVIII вѣкѣ роду драматической поэзіи, тѣмъ болѣе, что онъ подходилъ и къ сердечному настроенію Озерова. У насъ трагедія давно уже получила господство въ литературѣ; ихъ писалось очень много; онѣ доставляли извѣстность и деньги поэтамъ; притомъ писать ихъ въ ту пору, по общепринятымъ правиламъ и утвердившемуся шаблону, было дѣломъ вообще не труднымъ, особенно тому, кто былъ хорошо знакомъ съ обширнымъ репертуаромъ французскаго театра и могъ оттуда черпать и заимствовать смѣлою рукою, что̀ было тогда вполнѣ въ литературныхъ нравахъ, ни для кого не считалось предосудительнымъ, а напротивъ, даже дѣлало честь автору. Озерову легко было выбрать эту карьеру, имѣя множество русскихъ предшественниковъ и при отличномъ знакомствѣ съ ложноклассическими

[1]) Соч. Озерова. Изд. 5-ое. Спб. 1828 г., 8° ч III, стр. 64—65.

образцами. Первая трагедія его была „Ярополкъ и Олегъ“, поставленная имъ на сцену въ 1798 году. И заимствованіемъ сюжета изъ древней русской исторіи, и всѣмъ развитіемъ трагедіи, и даже стихомъ онъ стоитъ здѣсь на почвѣ Сумарокова и Княжнина и видимо имъ подражаетъ. И неизбѣжная любовная страсть въ этой трагедіи, и соперничество братьевъ, и имѣющія притязаніе на возвышенность поэтическія тирады, и самый языкъ, который ничѣмъ не хуже прочихъ трагедій Озерова, все дѣлало эту пьесу не лучше и не хуже прочихъ современныхъ, а между тѣмъ она не имѣла успѣха и была принята публикою неблагосклонно. Догадываются, что причиною этого была нетрагическая развязка трагедіи, но ей недоставало вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго элемента, внесеннаго уже въ литературу Карамзинымъ; чувствительности, безъ которой долго съ тѣхъ поръ не могло обойтись и не могло имѣть успѣха литературное произведеніе. Послѣ паденія своей театральной пьесы, Озеровъ нѣсколько лѣтъ не является въ литературѣ, если не считать его весьма обыкновенную оду на восшествіе на престолъ Александра I. Въ это время онъ былъ усердно занятъ службою въ своемъ лѣсномъ департаментѣ и, кажется, служилъ успѣшно; по крайней мѣрѣ въ 1804 году онъ былъ уже въ чинѣ генералъ-маіора. Литературныя знакомства Озерова въ это время намъ неизвѣстны, кромѣ, какъ кажется, близкихъ и давнишнихъ отношеній его къ Державину. Въ обществахъ, гдѣ появлялся Озеровъ, онъ не блисталъ ничѣмъ. О немъ говорили, что это человѣкъ ума весьма обыкновеннаго, какъ вдругъ въ 1804 году, поставленная на петербургской сценѣ его трагедія „Эдипъ въ Аѳинахъ“ окружила имя его необычайной громкой славой и разнесла это имя по всей Россіи. Успѣхъ трагедіи былъ полный; ему въ особенности способствовала молодая, талантливая, чрезвычайно красивая актриса—Семенова, имя которой неразрывно связано съ именемъ Озерова въ литературныхъ воспоминаніяхъ, какъ и въ извѣстномъ стихѣ Пушкина о русскомъ театрѣ:

Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ.

Сама она, для которой какъ бы нарочно были писаны трагедіи Озерова, представлявшія прекрасныя женскія роли, только и блистала въ нихъ; вскорѣ послѣ послѣдней трагедіи Озерова „Поликсена“ Семенова, сдѣлавшись княгиней Гагариной, навсегда оставила сцену.

Изъ всѣхъ литературныхъ знакомствъ своихъ того времени, Озеровъ выше всѣхъ ставилъ Державина и склонялся передъ его *геніемъ*. Державину посвятилъ онъ своего „Эдипа“. Въ чрезвычайно льстивыхъ напыщенныхъ фразахъ восхвалялъ онъ въ этомъ посвященіи характеръ поэзіи Державина. „Вдохновеннымъ пѣснямъ вашей музы, писалъ онъ, величественнымъ какъ стройное теченіе вселенной, плѣнительнымъ, какъ свѣтлый *ключъ Гребеневской*, быстрымъ, блистательнымъ, какъ *водопадъ Суны*, поучительнымъ, какъ смерть, современница міровъ, и безсмертнымъ, какъ герои, предметы хвалы вашей, я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни; и, можетъ быть, сіянію вашей славы буду обязанъ я спасеніемъ труда моего отъ мрака забвенія“. Но Державинъ не раздѣлялъ общихъ восторговъ публики по отношенію къ трагедіи Озерова. Правда, онъ отвѣчалъ одою на посвященіе Озерова, но эта плохая ода [1]) была имъ написана черезъ годъ, притомъ Державинъ, какъ самъ онъ пишетъ въ своихъ объясненіяхъ [2]), соглашаясь съ тѣми „многими знатоками“, которые „находили въ сей трагедіи слабости“. отозвался при свиданіи съ Озеровымъ объ „Эдипѣ“ довольно критически и обѣщалъ автору ея прислать на нее даже примѣчанія по разсмотрѣніи ея *съ пріятелями*. Этимъ Державинъ объясняетъ поводъ на неудовольствіе къ нему со стороны Озерова. Дѣло въ томъ, что къ числу пріятелей, о которыхъ говоритъ Державинъ, принадлежалъ сторонникъ его старческихъ взглядовъ на литературныя произведенія—Шишковъ, который „встрѣчалъ недоброжелательно всякое новое дарованіе“ (Гротъ), потому что видѣлъ въ немъ и новый слогъ и вредную новизну. Его отзывы имѣли вліяніе на сужденіе Державина и разстроили добрыя прежде отношенія поэтовъ. Потомъ Державинъ отзывался о другой трагедіи Озерова „Димитрій Донской“ весьма неблагосклонно, говорилъ что она не имѣетъ порядочнаго плана, и „характеры великихъ князей весьма въ ней подлы“, а Шишковъ написалъ даже подробный неблагопріятный разборъ „Димитрія“. Шишковъ видѣлъ въ новомъ, вдругъ прославившемся трагикѣ, — пріятелѣ и родственникѣ ненавистныхъ ему карамзинистовъ,—представителя новаго слога, и этого было довольно для него. Озеровъ же неблагосклонность къ нему Державина объяснялъ, и довольно справедливо, завистью къ быстро возникшей его славѣ. До сихъ поръ Державинъ еще не встрѣчалъ

---

[1]) Соч., изд Акад. Наукъ, II, стр. 580 582.
[2]) Ibid., III, стр. 698.

соперниковъ своей славѣ; потомъ онъ привыкъ къ паденію своего таланта, а въ тѣ годы это было для него чувствительно. Онъ самъ сознается, что изъ соревнованія сталъ писать трагедіи; но мы уже говорили объ этихъ жалкихъ попыткахъ его.

Неслыханный, всеобщій восторгъ публики и хвалебныя привѣтствія журналовъ и другихъ поэтовъ совершенно вознаградили Озерова за эти непріятности. Уже тогда въ стихахъ его поклонниковъ говорилось о зависти къ нему. Такъ у Капниста:

„Теки-жъ, любимецъ музъ! Во храмѣ Мельпомены,
Къ которому взошелъ по скользкой ты горѣ,
Неувядаемый, рукой ея сплетенный,
Лавровый ждетъ тебя вѣнокъ на алтарѣ.
Теки и, презря ядъ зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай;
Внемли плесканью рукъ, и ввѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ отличныхъ,
Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предметъ,
Уродливу на долъ и мрачну тѣнь кладетъ".

(*Озеровъ*, Соч., стр. 438).

Трагедіи Озерова, за исключеніемъ одной изъ нихъ, и по достоинству своему стоящей ниже другихъ, именно „Димитрія Донского", берутъ свое содержаніе изъ поэтическихъ преданій, принадлежащихъ обще-европейскому міру, но отъ насъ удаленныхъ пространствомъ времени и мѣста; ничего общаго съ нашею жизнью и этимъ содержаніемъ въ трагедіяхъ Озерова не было. Казалось бы поэтому, что современная публика не могла интересоваться внутреннимъ міромъ трагедій Озерова и должна была безучастно отвернуться отъ его героевъ, съ которыми у ней не было ничего общаго. Какое ей дѣло было до трагической судьбы Эдипа, до борьбы чувствъ и страстей въ душѣ Фингала, до проклятій Кассандры, до слезъ и стоновъ Поликсены? А между тѣмъ, содержаніе это въ высшей степени нравилось, и публика съ восторгомъ принимала трагедіи Озерова и имя его окружила славою. Это происходило отъ того, что міръ чувства, изображаемый трагикомъ, заключая въ себѣ общечеловѣческое содержаніе, въ сильной степени интересовалъ ее, что она уже выросла до пониманія этого міра чувства, что чувствительность или сентиментальность, отличавшая всѣ тогдашнія произведенія литературы, входила, какъ существенный элементъ, въ трагедіи Озерова. Но все это не составляетъ большой заслуги со стороны нашего трагика; все историческое и все литературное содержаніе своихъ трагедій онъ заим-

ствовалъ изъ французскихъ образцовъ, съ которыми только и былѣ знакомъ; всѣ знаменитыя фразы и тирады онъ по большей части только переводилъ; въ наше время сказали бы съ насмѣшкою — укралъ, но въ ту пору на это дѣло смотрѣли иначе и не ставили въ вину автору вольныя и невольныя его заимствованія. „Подражаніе не всегда бываетъ удѣломъ низкихъ писателей, говоритъ современный рецензентъ Озерова; нерѣдко геніи не стыдились заимствовать изъ сочиненій другихъ, не говорю высокихъ, но весьма посредственныхъ“ [1]). Заимствованіе хорошаго, усвоеніе того, что̀ твердила вся Европа, было честью для писателя.

„Эдипъ въ Аѳинахъ“ передаетъ послѣднюю судьбу знаменитаго героя греческихъ сагъ и преданій. „Доселѣ злоключенія грековъ, говоритъ тотъ же современный критикъ, не извлекали у насъ слезъ на русскомъ театрѣ“. Дѣйствительно, за исключеніемъ „Демофонта“, трагедіи Ломоносова, которая по своему характеру и не могла имѣть успѣха на сценѣ, Эдипъ Озерова былъ первою у насъ греческою трагедіею; для пониманія „злоключеній“ Эдипа нужно было нѣкоторое развитіе, знакомство съ содержаніемъ преданія. Эти требованія общество могло уже выполнить. Судьба Эдипа давно сдѣлалась предметомъ сценической передачи, начиная съ безсмертной трилогіи Софокла. У Озерова для его пьесы было весьма много образцовъ, изъ которыхъ главными были: „Эдипъ въ Колонѣ“, послѣдняя часть Софокловой трилогіи, и пьеса посредственнаго французскаго трагика Дюси — „Эдипъ у Адмета“. Изъ той и другой пьесы Озеровъ заимствовалъ одинаково, но не повторилъ однако буквально ни той, ни другой. По словамъ современной критики „въ его твореніи нѣтъ ни *сухости* (!) трагика греческаго, ни любовныхъ шалостей французскихъ“. Эти слова показываютъ, какъ смотрѣли тогда, согласно реторической теоріи французовъ, на греческій театръ. И Озеровъ былъ воспитанъ въ тѣхъ же понятіяхъ. Было бы очень долго указывать здѣсь подробно отношенія трагедіи Озерова къ двумъ названнымъ нами пьесамъ Софокла и Дюси, у которыхъ заимствовалъ Озеровъ, у перваго — общій планъ и частью характеры дѣйствующихъ лицъ, у другого — тоже характеры и подробности. Русская критика давно уже и подробно обратила вниманіе на эту сторону вопроса. О немъ говорится и въ статьѣ „Сѣвернаго Вѣстника“, но болѣе подробно и съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла — Мерзляковымъ на его публичныхъ лекціяхъ о трагедіяхъ Озерова [2]), а также и въ большой критической статьѣ Галахова о сочиненіяхъ

---

[1]) Сѣв. Вѣстн., 1805 г. Іюль, стр. 25.

[2]) Вѣстн. Евр. 1817 г., ч. XCII, стр. 267—295.

Озерова [1]). Нечего и говорить, что ни для самого сочинителя, ни для его восторженныхъ поклонниковъ — зрителей его трагедіи, вовсе не существовало того глубокаго, религіознаго и патріотическаго содержанія, которое заключено въ Софоклѣ. Очень хорошо сказалъ объ этомъ уже очень давно князь Вяземскій въ статьѣ своей объ Озеровѣ: „трагедія греческая заимствовала свою силу отъ всего, что было священно для греческаго сердца. Слава предковъ и современныхъ гражданъ, народные преданія и обычаи, таинства религіи, торжественные обряды богослуженія были, такъ сказать, сокровищемъ греческихъ трагиковъ. Мы можемъ постигать красоту ихъ искусства, но и постигнувъ ее, будемъ единственно холодными зрителями дѣйствія, а не участниками онаго. Смерть Эдипа, залогъ благоденствія Аѳинъ, можетъ ли производить надъ зрителями чуждыми то дѣйствіе, которое имѣла она на аѳинскомъ театрѣ?“ [2]). Чѣмъ же восторгались наши зрители въ греческой трагедіи Озерова? Ихъ влекло въ театръ прекрасное, одушевленное для времени, выраженіе обще-человѣческаго содержанія, человѣческихъ чувствъ и страстей, согласное съ новымъ развитіемъ современнаго общества. По глубинѣ душевнаго содержанія, по силѣ и интенсивности сердечнаго чувства, по красотѣ выраженія въ языкѣ — трагедія Озерова далеко ушла впередъ отъ всего предшествовавшаго ей на русской сценѣ. Не страданія Эдипа, какъ Эдипа греческаго, печальной жертвы неумолимаго древняго фатума, вызывали сочувствіе въ сердцахъ зрителей, а страданія отца, оставленнаго злыми и неблагодарными сыновьями, его душевная скорбь при воспоминаніяхъ о нихъ, его прощеніе раскаявшемуся сыну, его нѣжныя отношенія къ Антигонѣ, характеръ которой принадлежитъ къ самымъ плѣнительнымъ созданіямъ трагической музы грековъ. Изящныя скульптурныя черты греческой Антигоны, ея беззавѣтная преданность отцу, ея нѣжное отношеніе къ братьямъ повторились и въ Антигонѣ Озерова, но она нѣсколько потеряла свою древнюю простоту, то безмолвіе греческой женщины, которое составляло ея достоинство въ гинекеяхъ. Она — трагическая героиня новаго времени: она дѣйствуетъ и разсуждаетъ; она высказываетъ сознаніе самой себя и того, что ее окружаетъ. Озеровъ не зналъ греческаго подлинника, и если былъ знакомъ съ пьесою Софокла, то, по всей вѣроятности, во французскомъ переводѣ іезуита Brumoy. Главнымъ образцомъ поэтому былъ для него Дюси, и его пьеса скроена по эстетической теоріи французовъ. Это

---

[1]) Отеч. Зап., 1847 г., т. LII, стр. 3—14.

[2]) Соч. Озерова, изд. 5-ое, ч. III, стр. 140—141. Эта біографія вошла въ собраніе Соч. Вяз., т. I, стр. 24—60.

очевидно по многимъ отступленіямъ отъ греческаго первообраза. У Софокла, напр., Эдипъ умираетъ въ концѣ трагедіи; смерть является для него желанною, давно жданною гостьею, исполнительницею воли боговъ, примирительницею послѣ долгихъ, неслыханныхъ бѣдствій и страданій; этою смертью онъ примиряется съ богами, а прахъ его, оставшійся въ аѳинскомъ предмѣстьи Колонѣ, по обѣщанію оракула, дѣлается залогомъ счастія и будущаго цвѣтущаго развитія гостепріимныхъ Аѳинъ. Даже у Дюси—Эдипа поражаетъ громъ небесный. У Озерова же знаменитый страдалецъ остается въ живыхъ, и этимъ фактомъ ослабляется общее окончательное впечатлѣніе трагедіи. Что̀ Эдипу жизнь, на что̀ она ему послѣ всего того, что̀ онъ выстрадалъ? Современный критикъ передаетъ объ этомъ обстоятельствѣ любопытный разсказъ, свидѣтельствующій о могуществѣ теоріи для тогдашнихъ авторовъ. Озеровъ желалъ первоначально кончить Эдипа такъ, какъ онъ оканчивается у Софокла, т.-е. смертью, но одинъ актеръ, воспитанный въ школѣ Сумарокова (по всей вѣроятности Дмитревскій) напугалъ его своимъ предсказаніемъ, что публика дурно приметъ конецъ, противный тогда господствующимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ произведеній, по которымъ порокъ долженъ быть наказанъ, а добродѣтель восторжествовать въ трагедіи И Эдипъ остался жить, а жертвою трагическаго возмездія является Креонъ—лицо, находящееся и у Софокла, гдѣ оно необходимо и служитъ для объясненія и развитія дѣйствія; въ трагедіи же Озерова этотъ Креонъ, братъ Эдиповой жены,— ходульный злодѣй, какихъ любили выставлять ложно-классическіе трагики, а не живое лицо: онъ гордится, хвалится на каждомъ шагу зломъ и преступленіями. Зато воспоминаніемъ греческаго театра и очень удачнымъ нововведеніемъ у Озерова являются хоры, которые онъ написалъ не столько въ подражаніе трагедіи Софокла, сколько въ подражаніе современной французской оперѣ „Эдипъ въ Колонскомъ предмѣстіи“, излагавшей то же самое содержаніе.

Какъ бы мы ни разсматривали эту первую трагедію Озерова, для насъ на первомъ планѣ стоитъ та мысль, что, несмотря на все свое греческое содержаніе, она не даетъ опредѣленнаго представленія о духѣ личностей древняго театра и кромѣ внѣшней ткани греческой басни, не заключаетъ въ себѣ ничего греческаго. Трагедія Озерова ближе всего подходитъ къ своему французскому образцу; изъ пьесы Дюси вышелъ и Эдипъ, болѣе похожій на резонирующаго отца XVIII вѣка, чѣмъ на печальную жертву боговъ, и Антигона съ своею изысканною нѣжностью, и сынъ Эдипа—Полиникъ, обратившійся на путь добра и чистосердечно выпрашивающій себѣ прощеніе у ногъ отца. Заслуга Озерова заключалась въ хорошемъ усвоеніи

французской пьесы, въ умѣньи передать ея содержаніе сильными и прекрасными для того времени стихами, которыми любовались его современники. Заслуга, конечно, не очень большая, чисто относительная, но этими стихами передавались на сценѣ выраженія трогательныхъ чувствъ и они, удерживаясь въ памяти, невольно способствовали воспитательному элементу театра и его вліянію на общество. Очень многія изъ французскихъ трагедій XVIII вѣка, въ особенности у Вольтера, у М. Ж. Шенье, проникнуты были вполнѣ современнымъ содержаніемъ и направленіемъ мысли: нѣкоторыя изъ нихъ являлись вдохновенною проповѣдью политической свободы, гражданскаго равенства, вѣротерпимости и другихъ идей, волновавшихъ современное общество. Мы не имѣемъ права искать этого широкаго общечеловѣческаго содержанія въ трагедіяхъ Озерова: онъ самъ былъ не настолько образованъ, чтобъ сочувствовать полнотѣ современной мысли, да и русская литература вся страдала тогда бѣдностью ея. Выраженія, сентенціи и отдѣльныя мысли трагедіи Озерова были слишкомъ общаго содержанія, но они были написаны прекраснымъ языкомъ и невольно удерживались въ памяти. Чуткая публика, а это было въ первые годы царствованія Александра, когда мы еще не начинали пагубныхъ войнъ, съ жадностью ловила въ пьесѣ всѣ современные намеки. Государственныя реформы того времени приводили въ восторгъ мыслящее молодое поколѣніе и, напр., при слѣдующихъ словахъ Тезея:

Мой мечъ—союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ;
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна“,—

при стихахъ этихъ, въ которыхъ видѣли современный намекъ на государя,—театръ московскій ломился отъ рукоплесканій и криковъ [1]).

Разбирая взгляды, сужденія и отношенія современниковъ къ этой первой трагедіи Озерова, мы должны сказать, что, несмотря на общій восторгъ, возбужденный ею, мнѣнія вообще раздѣлились, и безусловными поклонниками „Эдипа“ являлись представители молодого поколѣнія, на сторонѣ которыхъ были, впрочемъ, и болѣе умные писатели, какъ напр., Карамзинъ, Дмитріевъ, Мерзляковъ, Капнистъ, тогда какъ старое поколѣніе стояло все еще за трагическія преданія временъ Сумарокова и Княжнина: этимъ объясняется и враждебное отношеніе къ пьесѣ Державина и Шишкова. Но господствующій взглядъ, однако, состоялъ въ томъ, что до „Эдипа“ не встрѣчается въ нашей литературѣ трагедіи, столь превосходной въ теоретиче-

[1]) Записки Жихарева, стр. 82.

скомъ отношеніи, что стихи трагедіи безподобны, выражая прекрасныя мысли, и главное—множество чувства, что умилительныя сцены трагедіи невольно исторгаютъ слезы, что дѣйствіе ея просто и естественно [1]). Словомъ, успѣхъ трагедіи былъ полный, а восторгъ отъ нея публики вездѣ единодушный; театръ былъ постоянно полонъ при ея представленіи. Необыкновенный успѣхъ Эдипа, казалось, указывалъ Озерову, что его призваніе есть трагическая поэзія и черезъ годъ послѣ первой трагедіи его явилась на петербургской сценѣ (8 декабря 1805 года) вторая—„Фингалъ"—также съ хорами и даже пантомимными балетами, которыхъ не знала прежде русская трагедія, но которые, однако, оживляли сцену. На этотъ разъ содержаніе трагедіи взято было Озеровымъ изъ міра, очень далекаго къ Греціи и совершенно чуждаго ей по содержанію, по характеру дѣйствующихъ лицъ, по природной обстановкѣ и религіознымъ понятіямъ. Содержаніе новой трагедіи взято изъ Оссіановыхъ поэмъ, которыя были въ большомъ уваженіи въ концѣ прошлаго и даже началѣ нынѣшняго вѣка въ европейскихъ литературахъ и вызвали много подражательныхъ явленій. Поэмы Оссіана, кромѣ множества различныхъ отрывковъ, появлявшихся въ журналахъ, конечно, въ переводахъ съ французскаго, были у насъ извѣстны еще въ 1792 году въ переводѣ Кострова. Озеровъ заимствовалъ содержаніе своей трагедіи изъ 3 пѣсни. Дѣйствіе ея раздѣлено между немногими лицами. На первомъ планѣ является старикъ *Старнъ*, царь локлинскій, бывшій плѣнникомъ *Фингала*, царя Морвенскаго. Фингалъ убилъ когда-то въ сраженіи сына Старнова — Тоскара, и старикъ, постоянно оплакивая сына, только живетъ и дышитъ мыслью о мщеніи, а между тѣмъ Фингалъ влюбленъ страстно въ сестру убитаго Тоскара и дочь Старна—*Моину*, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Любовь Фингала и Моины исполнена лирическаго чувства и идилліи, а Старнъ скрываетъ отъ дочери свое негодованіе и приготовленія къ мести. Моина колеблется между любовью къ отцу и любовью къ Фингалу; она спасаетъ его отъ меча отцовскаго, но сама падаетъ отъ его руки. Вотъ содержаніе новой трагедіи Озерова, у которой, въ противность правиламъ классической теоріи, только три дѣйствія: очевидное доказательство, что у поэта недостало содержанія на два. Справедливо въ этомъ случаѣ замѣтилъ князь Вяземскій объ Оссіанѣ: „Ровное и, такъ сказать, одноцвѣтное поле его поэмъ обѣщаетъ ли богатую жатву для трагедіи, требующей дѣйствія сильныхъ страстей, безпрестаннаго ихъ боренія и великихъ послѣдствій? Не думаю" [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 81.

[2]) Соч. Озерова 5-е изд., ч. III, стр. 147

Не оставляя своихъ классическихъ воспоминаній, Озеровъ, въ посвященіи „Фингала“ А. Оленину, съ которымъ онъ былъ соединенъ многолѣтнею дружбою, говоритъ, что и въ этомъ отношеніи содержаніе новой трагедіи получено имъ не самостоятельно, а что по его совѣту онъ рѣшился „народовъ сѣверныхъ Ахилла описать“. Оленинъ, указавшій на этотъ разъ Озерову содержаніе для новой трагедіи, принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ людей въ царствованіе Александра и Николая, хотя собственно въ литературѣ имя его встрѣчается и на брошюрахъ самаго разнообразнаго содержанія, доказывающихъ, что онъ, какъ человѣкъ русскій, брался за многое, говорилъ о многомъ поверхностно, не изучивъ глубоко предмета, о которомъ говорилъ. Оленинъ получилъ образованіе за границею. Въ царствованіе Екатерины онъ прожилъ пять лѣтъ въ Дрезденѣ, обучаясь воинскимъ и словеснымъ наукамъ; въ этомъ городѣ, гдѣ собрано такъ много произведеній искусства и гдѣ вообще развита художественная жизнь, Оленинъ полюбилъ искусство. Его успѣхи по службѣ начались при Александрѣ и были довольно быстры, хотя Оленинъ ничѣмъ не выдавался, кромѣ любви къ художествамъ и поэзіи, къ художникамъ и литераторамъ. Это влеченіе Оленинъ могъ удовлетворять въ сильной степени, когда въ 1808 году онъ сдѣлался помощникомъ главнаго директора Императорской публичной библіотеки, а вскорѣ потомъ и директоромъ ея и наконецъ президентомъ Академіи художествъ. Его домъ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ господствовала умная жена его Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая, и красивыя и образованныя дочери, былъ пріютомъ художниковъ и писателей. Самъ Оленинъ, при своей чрезвычайной любознательности, сочуствовалъ весьма многому и былъ очень полезенъ совѣтами собиравшимся къ нему писателямъ. Представитель Екатерининскаго поколѣнія, онъ не принадлежалъ однакожъ къ тѣмъ старикамъ, которые навсегда остаются при воспоминаніяхъ своей молодости и смотрятъ подозрительно и угрюмо на новыя явленія жизни. Гостиная Олениныхъ была нейтральною, гдѣ сходились представители обоихъ поколѣній. Оленинъ былъ друженъ, какъ сверстникъ, съ Державинымъ, Шишковымъ и другими литераторами стараго закала; затѣмъ онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и его послѣдователями: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Озеровымъ и другими. Гнѣдичъ и Крыловъ были домашними людьми въ домѣ Олениныхъ. И потомъ, когда послѣ 1815 года началось у насъ быстрое развитіе либеральныхъ идей, вызванное какъ противодѣйствіе правительственному гнету, въ гостиныя Оленина радушно принимались и молодой Пушкинъ и представители новаго порядка идей, враждебныхъ идеаламъ Ка-

рамзина. Вообще имя Оленина тѣсно связано съ біографіями нашихъ писателей въ царствованіе Александра. Прибавимъ, что единственныя достовѣрныя свѣдѣнія о біографіи Озерова заключаются въ нѣсколькихъ письмахъ послѣдняго къ Оленину [1]).

Совѣтъ, данный Олениным Озерову, воспользоваться для новой трагедіи пѣснями Оссіана былъ, однако, не совсѣмъ удаченъ. „Фингалъ“ вышелъ гораздо слабѣе „Эдипа“. Въ послѣднемъ Озеровъ имѣлъ дѣло съ содержаніемъ давно разработаннымъ всемірною литературою. Образы древняго преданія стояли предъ нимъ ясно очерченные, выразительные, точные. какъ статуи изъ мрамора. Таланту его оставалось немногое; воспользоваться чужою работою было ему легко. Расплывающіеся же, неясные, туманные образы Оссіановой поэзіи, созданные болѣзненною фантазіей человѣка XVIII вѣка, требовали гораздо болѣе глубокой обработки: имъ вообще недоставало трагическаго содержанія, а дать его Озеровъ былъ не въ состояніи по недостатку таланта. Мерзляковъ справедливо замѣтилъ въ своемъ разборѣ „Фингала“, что изъ поэмъ Оссіана обыкновенно составляли тогда на парижскихъ театрахъ оперы или балеты, ибо, говоритъ онъ, „почитали сіи басни совсѣмъ неспособными для образованной сцены по отдаленности и странности обычаевъ и по самой дикости нравовъ“ [2]). И Озеровъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы придать разнообразіе трагедіи, ввелъ въ нее хоры и танцы, что̀ придавало особую красоту исполненію трагедіи на сценѣ. Это исполненіе, однако, многимъ было обязано, по свидѣтельству современниковъ, талантливой игрѣ въ пьесѣ Яковлева и Семеновой, произносившихъ звучные для того времени стихи Озерова [3]). Вся прелесть трагедіи заключалась только въ этихъ стихахъ да въ сценической обстановкѣ, которая изображала дикія скалы, грозное море и мрачную сѣверную природу. Самая же трагедія была вообще плоха и по слабому развитію дѣйствія и по неопредѣленности, невыдержанности и даже безсмыслію. Фингалъ и Моина—лица вовсе не трагическія; одна только Моина, съ ея любовью, съ ея страданіямя печальной жертвы, возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе и выкупаетъ своимъ прекраснымъ образомъ общую бѣдность содержанія трагедіи. Но пьеса нравилась публикѣ. „Самая новость сцены, дикость характеровъ и мѣстъ, старинные храмы, игры и тризна, скалы и вертепы: все вмѣстѣ съ арфою и стихами Озерова, облеченное сѣверными туманами, придаетъ пьесѣ этой какую-то меланхолическую занимательность“ — говоритъ Мерзляковъ [4]). Это, какъ ви-

[1]) Гротъ. Соч Держ. II, стр. 493 сл.
[2]) Вѣстн. Евр. 1817 г., ч XCIII, стр. 37.
[3]) Записки Жихарева, стр. 265—266.
[4]) Вѣстн. Евр. Ibid., стр 46—47.

дите, были чисто внѣшнія достоинства; замѣтимъ, что трагедія „Фингалъ“ произвела сильное впечатлѣніе на воображеніе Жуковскаго, который оставилъ въ стихахъ своихъ полученное имъ впечатлѣніе.

Съ небольшимъ черезъ годъ (январь, 1807 г.) послѣ „Фингала“ появилась на сценѣ и третья трагедія Озерова „Димитрій Донской“, посвященная имъ въ сознаніи патріотическаго чувства императору. Представленіе происходило во время самаго разгара нашей войны съ Наполеономъ, въ 1807 году. Эти обстоятельства придали трагедіи Озерова особое значеніе, да и самъ сочинитель, создавая свою трагедію, имѣлъ ихъ въ виду. Въ своемъ посвященіи онъ сравнивалъ Александра съ Димитріемъ передъ битвою съ Мамаемъ на Задонскихъ поляхъ, говорилъ, что Александръ принялъ оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига честолюбиваго завоевателя, для защищенія свободы европейскихъ державъ, называлъ Александра покровителемъ угнетенныхъ и пр. Все это патріотическое содержаніе посвященія выражалось на каждомъ шагу въ самой трагедіи: она была написана для обстоятельствъ и общества того времени.

Эти чисто внѣшнія причины способствовали необыкновенному успѣху трагедіи; онѣ подкупили современниковъ, и пьеса приводила ихъ въ неописанный восторгъ. Многіе изъ нихъ смотрѣли на это новое произведеніе Озерова, какъ на геніальное. „Я въ восторгѣ! записываетъ въ свой дневникъ одинъ современникъ, воротившійся съ репетиціи „Димитрія Донского“. У насъ не слыхано и невидано такой театральной пьесы, какою завтра будетъ подчивать публику Озеровъ. Роль Димитрія превосходна отъ перваго и до послѣдняго стиха. Какое чувство и какія выраженія!.. Оттого ли, что стихи въ трагедіи мастерски приноровлены къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, или мы всѣ вообще теперь еще глубже проникнуты чувствомъ любви къ государю и отечеству, только дѣйствіе, производимое трагедіею на душу,—невообразимое.

Стоя у кулисы... я плакалъ, какъ ребенокъ, да и не я одинъ: мнѣ показалось, что самъ Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей роли какъ будто захлебывался и глоталъ слезы“ [1]).

„Димитрій Донской“ имѣлъ громадный успѣхъ, какого не помнятъ наши театральныя лѣтописи. Нѣкоторые стихи этой трагедіи, очевидно, разсчитанные на обстоятельства времени, были привѣтствуемы тогда всеобщимъ восторгомъ, напр.

Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!

---

[1]) Зап. Жихарева, стр. 265—266.

Или

Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!

Посланникъ Мамая являлся для публики посланникомъ Наполеона, Димитрій—Александромъ.

„Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному“

Или

„Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой—

говорилъ Димитрій послу Мамая, и публикѣ казалось, что передъ ней происходило современное дѣйствіе.

Восторженное чувство зрителей доходило до крайнихъ предѣловъ, когда въ концѣ трагедіи, послѣ побѣды надъ татарами израненный Димитрій, поддерживаемый князьями, становится на колѣни и говоритъ:

„Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ
Языки! вѣдайте· великъ Россійскій Богъ!“

Такое патріотическое содержаніе новой трагедіи „Димитрій Донской“, гдѣ заключалось такъ много намековъ на современность, всѣхъ занимавшую, должно было совершенно скрыть отъ глазъ современниковъ всѣ недостатки ея. Относиться скептически къ достоинствамъ трагедіи, отыскивать въ ней разныя погрѣшности, выражать открыто свое мнѣніе о томъ, чѣмъ грѣшитъ она, — значило вооружать противъ себя общественное мнѣніе, являться не патріотомъ. Такое несвободное отношеніе критики къ „Димитрію“ продолжалось довольно долгое время. Замѣчательно, что Мерзляковъ, уже по смерти Озерова, сдѣлавшій въ 1817 году на своихъ публичныхъ лекціяхъ подробный и весьма справедливый по тому времени разборъ всѣхъ трагедій Озерова, не подвергалъ однако разсмотрѣнію „Димитрія Донского“, безъ сомнѣнія, по тому соображенію, что безпристрастное сужденіе о трагедіи было бы непріятно его слушателямъ. Еще въ то время всѣ были убѣждены, что „Озеровъ возвратилъ трагедіи ея истинное достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, благотворителей современникамъ, служащихъ образцомъ для потом-

ства“ [1]). Въ 1812 году повторился вновь чрезвычайный успѣхъ „Донского“. Современники говорили, что въ этой трагедіи были предсказаны многія событія года отечественной войны.

ЛЕКЦІЯ XXX.

«Димитрій Донской». — Служебныя непріятности Озерова. — Намѣреніе писать трагедію изъ русской исторіи.—«Поликсена».—Неуспѣхъ пьесы.—Его причины.—Кн. А. А. Шаховской.

Трагедія Озерова „Димитрій Донской“ имѣла временное значеніе, которому помогали историческія событія, вызвавшія патріотическое настроеніе общества. Но, какъ художественное произведеніе, она стоитъ гораздо ниже прочихъ его драматическихъ произведеній и не выдержитъ самой снисходительной критики. Въ другихъ трагедіяхъ у Озерова было содержаніе, чрезвычайно разработанное европейскими литературами; трагическія лица и событія стояли передъ нимъ вполнѣ готовыя и отдѣланныя; Озерову оставалось только брать смѣлою рукою и переводить на русскій языкъ, на свой звучный, для того времени, стихъ. Здѣсь, въ событіяхъ отечественной исторіи, въ ихъ отношеніи къ его поэтическому пониманію было совершенно другое дѣло. Озерову, трагическому поэту начала XIX вѣка, воспитанному вполнѣ по-французски и на классическихъ образцахъ французской литературы, содержаніе и характеръ родной исторіи были совершенно неизвѣстны; разумѣется, онъ не читалъ ни одного лѣтописнаго разсказа о побѣдѣ Димитрія надъ Мамаемъ, ни одной древне-русской повѣсти о ней; сраженіе Куликовское представлялось въ его воображеніи въ образахъ совершенно общихъ, лишенныхъ мѣстнаго колорита, чѣмъ-то въ родѣ сраженія Марѳонскаго. Озеровъ не зналъ русской исторіи, а если онъ и зналъ что-нибудь о настоящемъ историческомъ Димитріи, то считалъ себя въ правѣ измѣнить эту личность дѣйствительную въ небывалую и идеальную фигуру средневѣковаго рыцаря, влюбленнаго въ столь же небывалую и фантастическую княжну Ксенію, прибывшую въ русскій лагерь для брака съ княземъ тверскимъ, по волѣ отца и противъ стремленія своего сердца, влекущаго ее къ Димитрію, свободно расхаживающую со своею наперсницею и безпрестанно толкующую о своей страстной любви. Озеровъ имѣлъ, впрочемъ, право измѣнить дѣйствительное содержаніе на фантастическое, потому что и его зрители были

[1]) Соч. Озерова, изд. 5, ч. III, стр. 150.

совершенно равнодушны къ первому, подобно поэту не знали русской исторіи, и ихъ національное чувство нисколько не могло оскорбиться грубымъ искаженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Значеніе этой трагедіи Озерова должно было быстро исчезнуть, вмѣстѣ съ обстоятельствами времени; для насъ содержаніе, состоящее изъ нелѣпой любви, наполняющей всѣ пять дѣйствій, и напыщенныя тирады о любви къ отечеству, долгѣ, рыцарскихъ чувствахъ и т. п. дѣлаютъ ее невыносимою. Для тѣхъ зрителей, которые въ сонмѣ россійскихъ князей, бояръ и воеводъ, собиравшихся въ трагедіи для разсужденій о благѣ отечества, для рѣшеній вопроса о войнѣ или мирѣ, воображали видѣть личностей, напоминающихъ сенаторовъ древняго Рима, — ихъ рѣчи звучали и величіемъ и патріотизмомъ. Но для людей, искусившихся знаніемъ своего прошлаго, читавшихъ, что эти князья, бояре и воеводы въ княжеской московской думѣ сидѣли большею частью молча, уставя брады или грызясь между собою изъ-за мѣстъ, — ихъ рѣчи въ трагедіи Озерова звучатъ ходульной декламаціей и возбуждаютъ только смѣхъ. Не то было во время представленія трагедіи. Современники были возбуждены патріотически, громкая рѣчь о любви къ отечеству казалась имъ близкою къ дѣлу.

Даже „любовныя шалости“, столь изобильно наполняющія трагедіи Озерова, за исключеніемъ одного „Эдипа“, не казались тогда приторными. Общество того времени уже было воспитано чувствительностью Карамзина; Озеровъ принадлежалъ къ его школѣ, былъ увлеченъ общимъ направленіемъ и хлопоталъ въ своихъ трагедіяхъ объ изображеніи чувства. Оно было выражено въ самомъ дѣлѣ съ значительною вѣрностью и глубиною, хотя уже, согласно духу времени, переходило въ тотъ мечтательный, неопредѣленный, расплывающійся *романтизмъ*, представителемъ котораго вскорѣ сдѣлался у насъ Жуковскій. Озеровъ можетъ быть названъ въ этомъ смыслѣ его предшественникомъ. Оттого у Жуковскаго было такое сочувствіе къ Озерову. Онъ говоритъ о немъ:

„Чувствительность его сразила!
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была“...

Эта чуствительность была наслѣдіемъ Карамзина; Жуковскій придалъ ей туманный характеръ современнаго европейскаго романтизма. У Карамзина дѣло шло только о чувствительности сердца, искушеннаго любовными страданіями; у Жуковскаго эта скорбь расширялась и распространялась на всю жизнь, на весь міръ, въ которомъ человѣкъ

не видѣлъ для себя мѣста для дѣйствія, гдѣ были только разбитыя надежды, печальныя, напрасныя жертвы, гдѣ было все невѣрно, обманчиво, гдѣ человѣкъ пріучался только мечтать о грядущемъ, объ очарованномъ *тамъ*, которое замѣнитъ и искупитъ земныя страданія. Начало этого болѣе широкаго романтизма, который, въ свою очередь, подобно Карамзинской чувствительности, сдѣлался однимъ изъ воспитательныхъ элементовъ нашего общества, замѣтно и у Озерова. Женскія лица всѣхъ его трагедій вполнѣ романтическія героини.

Необычайный успѣхъ „Димитрія Донского“ былъ однако послѣднимъ сценическимъ успѣхомъ Озерова. Вскорѣ начались его неудачи въ жизни, кончившіяся такъ печально. „Частныя неудовольствія, легкія можетъ быть для другого, но нестерпимыя для нѣжной и благородной души, удалили Озерова въ деревню“—говоритъ кн. Вяземскій. Въ чемъ заключались эти „частныя неудовольствія“, мы не знаемъ положительно. По разсказу двоюроднаго брата Озерова, Блудова, слышанному Гротомъ, выходитъ, что неудачи эти были служебныя. Мы говорили уже, что Озеровъ дослужился до чина генералъ-маіора, будучи совѣтникомъ въ лѣсномъ департаментѣ по министерству финансовъ, которымъ управлялъ государственный казначей Голубцевъ. Озеровъ терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника и былъ въ 1808 году уволенъ вовсе отъ службы, безъ прошенія и безъ пенсіи [1]). За что нападалъ Голубцевъ на Озерова, мы не знаемъ, но честный характеръ этого Голубцева извѣстенъ намъ изъ записокъ современниковъ. Изъ писемъ самого Озерова къ пріятелю его Оленину видно, что обвиненія падали не на него одного; онъ раздѣлялъ ихъ съ прочими лѣсными чиновниками, заподозрѣнными, какъ видно, во взяточничествѣ. Слава поэта-патріота не спасла Озерова. „Мою обязанность къ отечеству исполнилъ, пишетъ онъ къ Оленину, находяся въ службѣ болѣе тридцати лѣтъ и служивъ оберъ-офицеромъ болѣе 20 лѣтъ. Если не могъ быть ему полезенъ столько, сколько желалъ, тому не я причиною, а судьба, стѣснявшая всегда кругъ моихъ обязанностей. По лѣсному же департаменту я имѣлъ случай доставить казнѣ, въ продолженіе семи лѣтъ, болѣе милліона трехъ сотъ тысячъ рублей дохода новою и мною найденною и обработанною статьею сборовъ, которая ежегодно приноситъ отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Но вмѣсто поощреній и награжденій я чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости и подвергнулся со всѣми лѣсными чиновниками подозрѣнію правительства. Послѣднее довершило мое негодованіе на службу, когда я увидѣлъ, что ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ не могли меня

[1]) Соч. Держ. II, стр. 581.

исключить изъ-подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій, не можетъ быть честнымъ человѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и совѣсти“ [1]). Эти искреннія слова вполнѣ оправдываютъ Озерова и заставляютъ убѣдиться, что общее обвиненіе, можетъ быть, въ сущности и справедливое, не должно было касаться его. Всѣ хлопоты Озерова о пенсіонѣ, который былъ ему необходимъ, чтобы имѣть возможность, при его незначительномъ состояніи, жить въ Петербургѣ, кончились неуспѣхомъ, и онъ долженъ былъ уѣхать въ тверскую деревню отца своего, которому шелъ тогда 73-й годъ.

Къ этимъ служебнымъ непріятностямъ, которыя повели къ несчастной отставкѣ Озерова и заставили его оставить Петербургъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе года своей жизни, гдѣ онъ наслаждался славою поэта и блестящими сценическими успѣхами и гдѣ были всѣ его созданныя годами привязанности, присоединился неуспѣхъ его послѣдней трагедіи „Поликсена“, почти оконченной до отъѣзда-его въ деревенскую глушь. Этотъ неуспѣхъ нанесъ окончательный нравственный ударъ Озерову. Изъ писемъ къ Оленину видно, что несчастный поэтъ уѣхалъ бодрымъ изъ Петербурга. Онъ сообщаетъ насмѣшливыя замѣчанія о своей деревенской обстановкѣ, объ эстетическомъ развитіи и вкусѣ своихъ сосѣдей. Пославъ къ Оленину изъ тверской деревни осенью 1808 года свою „Поликсену“, въ чисто переписанномъ экземплярѣ и возложивъ на него всѣ заботы о постановкѣ этой трагедіи на петербургской сценѣ, съ условіемъ взять за нее съ театральной дирекціи не менѣе 3 тысячъ рублей и не уступать изъ этой суммы ни рубля, потому что „пора признать въ Россіи, что таланты не для дневнаго пропитанія трудятся“ [2]), Озеровъ наполняетъ свои письма заботами о своемъ послѣднемъ трагическомъ дѣтищѣ и спѣшитъ поправить въ ней изъ деревни тотъ или другой стихъ, который ему не нравится. Изъ тверской деревни Озеровъ долженъ былъ уѣхать дальше, именно въ деревню Красный Яръ, въ 30 верстахъ отъ г. Чистополя, Казанской губерніи. По его словамъ, это была его единственная собственность и въ ней требовалось необходимо его присутствіе для устройства хозяйственныхъ дѣлъ. Даль и глушь не пугали его сначала: „Исключая нѣкоторое малое число милыхъ пріятелей, которыхъ я покинулъ въ Петербургѣ, я ни о комъ и ни о чемъ, тамъ оставленномъ, не тужу, — пишетъ онъ уже изъ чистопольской деревни. Здѣсь живу я въ настоящей хижинѣ, потому что мой домъ не отдѣланный стоитъ, безъ печей и окон-

[1]) Русск. Арх. 1869 г, стр. 139—140.
[2]) Ibid, стр 131.

чинъ, но признаюсь вамъ, что мою безпечную и свободную жизнь не промѣняю ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто“ [1]). Пославъ свою „Поликсену“ въ Петербургъ къ Оленину, Озеровъ составляетъ планы и выбираетъ содержаніе для будущихъ трагедій. Онъ слѣдитъ за текущею русскою литературою по журналамъ. Впереди всѣхъ шумѣлъ тогда „Русскій Вѣстникъ“ Глинки, который, какъ мы знаемъ, писалъ передъ тѣмъ трагедіи съ содержаніемъ, взятымъ изъ русской исторіи. Это требованіе Глинки — обращаться за содержаніемъ къ родной жизни — сначала, повидимому, вызываетъ ироническія замѣчанія Озерова. „Изъ его разсужденій, пишетъ онъ, выводится заключеніе, что ни Корнель, ни Расинъ, ни Вольтеръ, ни Кребильонъ не были истинными трагиками, хотя мы всѣ, упражняющіеся въ трагическомъ искусствѣ, почитаемъ ихъ своими учителями“. Но мало-по-малу теорія Глинки овладѣваетъ умомъ Озерова, и онъ думаетъ писать трагедію изъ русской исторіи, но не въ томъ, далекомъ отъ истины видѣ, въ какомъ написанъ былъ „Димитрій Донской“, а съ разработкою дѣйствительнаго историческаго содержанія; съ этою цѣлью Озеровъ обращается за совѣтомъ и помощью къ Оленину. Содержаніе думаетъ онъ взять теперь изъ царствованія Анны Ивановны, именно смерть Волынскаго „пострадавшаго отъ Бирона за правду и защиту русскаго народа“. Мысль о такомъ содержаніи занимала Озерова еще въ Петербургѣ; оно было весьма благопріятно для трагедіи и надо удивляться, что такая мысль пришла на умъ Озерову, для котораго дороже всего были его французскіе образцы. Но Волынскій все-таки была личность неясная для трагика, для разработки матеріала въ этомъ родѣ тогда вовсе недоставало источниковъ, и, чтобы добыть ихъ, онъ обращается къ Оленину: „По вашимъ связямъ съ министрами и другими сильными людьми въ довѣріи и власти, не можете ли открыть производство слѣдственнаго дѣла надъ Волынскимъ и мнѣ о томъ сообщить?“ Но Озеровъ понималъ тогдашнее положеніе литературы, съ ея робкимъ и ничтожнымъ содержаніемъ, понималъ ея печальную зависимость отъ цензуры и высказывалъ грустное убѣжденіе, что его трагедія съ этимъ избраннымъ имъ содержаніемъ *никогда* не можетъ быть играна на нашемъ театрѣ, а потому онъ и намѣревался писать ее только для своихъ пріятелей. А между тѣмъ его взглядъ на содержаніе и развитіе предполагаемой трагедіи былъ широкъ и свободенъ: „И какое широкое поле для сочинителя, говоритъ онъ, чтобъ показать во всемъ блескѣ правду русскаго боярина, должность вельможи и сенатора, и противоположить злоупотребленія временщика-

[1]) Ibid., стр. 139

иностранца, алчущаго одной своей корысти и, можетъ быть, ненавидящаго народъ, ввѣренный управленію его слабою государынею; и наконецъ представить настоящее положеніе народа подъ слабымъ и недовѣрчивымъ правленіемъ“ [1]). „Вы чувствуете, какія истинныя картины можно изобразить, заимствуя кое-что изъ нашихъ временъ“. Но для такой картины, вдали отъ Петербурга и безъ помощи архивовъ, у Озерова, въ его глуши, недоставало матеріаловъ. Оленинъ же не совѣтовалъ ему приниматься за Волынскаго, и Озеровъ снова обратился къ вѣчнымъ сюжетамъ классической трагедіи. По словамъ кн. Вяземскаго, онъ сжегъ написанныя имъ три дѣйствія новой трагедіи „Медея“, въ припадкѣ унынія и оскорбленнаго самолюбія отъ неуспѣха его „Поликсены“. Онъ не хотѣлъ болѣе ничего писать: „Ни сей трагедіи, ни другихъ писать болѣе не хочу“ — говоритъ онъ — „тысячи непріятностей, навлеченныхъ мнѣ званіемъ автора и *обиды, которыя, можетъ быть, оное навело мнѣ по службѣ* (любопытный намекъ) заставляютъ меня отстать отъ стихотворства, бросить перо, приняться за заступъ и, обработывая свой огородъ, возвратиться въ толпу обыкновенныхъ людей“.

Содержаніе послѣдней трагедіи Озерова „Поликсена“, представленной въ первый разъ на петербургской сценѣ, въ отсутствіе автора, 14 мая 1808 года, взято имъ снова изъ классическаго міра, изъ круга троянскихъ сказаній. Современные критики считали эту трагедію лучшимъ изъ произведеній Озерова, а слѣдовательно, лучшею изъ всѣхъ русскихъ трагедій. Можетъ быть, въ этомъ сужденіи участвовала и значительная доля сожалѣнія о несчастной судьбѣ Озерова, соединенной съ этою трагедіею. У трагика въ обработкѣ содержанія „Поликсены“ было много предшественниковъ, какъ и въ „Эдипѣ“. Кто не пользовался, кто не обработывалъ вѣчное содержаніе Гомеровыхъ поэмъ! Три образца въ особенности лежали передъ Озеровымъ: „Гекуба“ — трагедія Эврипида, „Троада“ — Сенеки и „Троянки“—тогда молодого и пользовавшагося уже большою славою французскаго писателя, Шатобріана. О своемъ подражаніи Эврипиду говоритъ самъ Озеровъ: „Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей, то обязаны они симъ удовольствіемъ Эврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ“ [2]). Кромѣ Эврипида, и Сенека, и Шатобріанъ доставили также много матеріала Озерову. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности о содержаніи „Поликсены“. Всякому образованному человѣку извѣстны вѣчныя преданія, связанныя съ троянскою сагою. Здѣсь дѣло идетъ

---

[1]) Ibid., стр. 143.
[2]) Ibid., стр. 149.

о жертвоприношеніи Поликсены, дочери Пріама и Гекубы, когда-то невѣсты Ахилла, въ угоду тѣни греческаго героя, требовавшей жертвы, которая нужна была еще и потому, что съ этою жертвою соединенъ былъ счастливый возвратъ грековъ на родину изъ-подъ стѣнъ разрушенной Трои. На троянскомъ берегу ихъ держало безвѣтріе и принесенная жертва должна была умилостивить разгнѣванныхъ боговъ. Въ трагедіи нѣтъ той уже опошленной любовной страсти, которая такъ портила „Димитрія Донского". Все сосредоточено на чувствѣ любви материнской и дочерней, и эта сосредоточенность чувства придаетъ особую простоту дѣйствію. Лучшій характеръ, конечно, Поликсена, какъ и другія женскія лица трагедій Озерова. Но и другіе характеры трагедіи, окружающіе Поликсену: ея мать Гекуба, сестра Кассандра, Агамемнонъ, скорѣе, впрочемъ, похожій на рыцаря, чѣмъ на древняго грека, Пирръ, Улиссъ—характеры также вѣрные себѣ въ развитіи пьесы. На отдѣлкѣ характера Поликсены сосредоточился, однако, весь талантъ Озерова. Изъ рукъ его она вышла вполнѣ романтическою дѣвою. Прощаясь съ матерью передъ тѣмъ, какъ идти на закланіе, она произноситъ слѣдующія слова, полныя романтическаго чувства:

„Благослови меня послѣднимъ цѣлованьемъ!
Но духа моего ты не смущай рыданьемъ,
И слезъ не лей: я ихъ не въ сплахъ отереть
Повѣрь: не стоитъ жизнь, чтобы о ней жалѣть.
И Гекторъ и Пріамъ и смертный, сердцу милый,
Всѣ ждутъ меня, всѣ тамъ, за темною могилой.
Тамъ мы увидимся! О, матерь! отпусти,
Прости въ послѣдній разъ! и ты, сестра, прости!"

Такое представленіе древней гречанки съ романтическими сторонами характера было уже въ духѣ времени, то же чувство разлито въ балладахъ Шиллера, посвященныхъ Греціи, напр., въ балладѣ „Торжество побѣдителей". Конечно, оно одно и могло быть понимаемо, и могло нравиться зрителямъ, для которыхъ и сцена дѣйствія, и содержаніе его не представляли никакого интереса. Въ душу типовъ древней Греціи вливалось новое чувство, понятное современникамъ. Пониманія древней жизни нельзя требовать отъ Озерова. То же самое романтическое чувство слышится и въ послѣднихъ словахъ Нестора, заключающихъ трагедію:

„Какой постигнетъ умъ боговъ совѣты чудны!
Жестоки-ль были мы, иль были правосудны!
Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы
Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
Счастливѣе стократъ, кто къ жизни не родится!"

Современный критикъ слышалъ въ словахъ этихъ отголосокъ души самого поэта. „Обманувшійся во многихъ надеждахъ, говоритъ онъ, растерзанный въ живѣйшихъ чувствахъ сердца, онъ взоромъ разочарованнымъ глядѣлъ на жизнь и съ удовольствіемъ думалъ о смерти, спокойномъ убѣжищѣ утомленныхъ странниковъ земли“ [1]).

„Поликсена“, представленная въ первый разъ 14 мая 1808 года, появлялась на сценѣ только два раза, и въ оба раза театральный сборъ былъ неполонъ. Отчего публика такъ неблагосклонно встрѣтила послѣднюю трагедію Озерова, тогда какъ она только годъ тому назадъ привѣтствовала его единодушнымъ восторгомъ на представленіяхъ „Димитрія Донского“, объяснить едва ли возможно. Дѣло это представляется до того темнымъ, до того закрытымъ разными современными и послѣдующими намеками и догадками, что теперь, за неимѣніемъ положительныхъ свидѣтельствъ, о немъ ничего нельзя сказать точнаго. По заведенному порядку, директоръ театровъ послѣ второго представленія пьесы долженъ былъ дать предписаніе кому слѣдуетъ о выдачѣ Оленину 3 тысячъ р., которые Озеровъ просилъ за „Поликсену“; два представленія были даны, а деньги, которыя такъ нужны были Озерову, не выдавались, и разсерженный трагикъ писалъ въ Петербургъ къ своему другу, чтобъ онъ не допускалъ трагедіи до третьяго представленія и взялъ ее обратно изъ дирекціи. Это были послѣднія слова послѣдняго письма его, написаннаго къ Оленину. „Для моей славы довольно и двухъ представленій“—говорилъ онъ. Изъ дѣлъ театральной дирекціи видно, что „Поликсена“ была отдана ей за 3 тысячи р. съ условіемъ получить ихъ „если она будетъ имѣть успѣхъ и принесетъ выгоды дирекціи“. Въ два представленія „Поликсена“ дала сбору только 1846 р. 25 к., изъ чего дирекція, заключая, что представленія трагедіи невыгодны, пріостановилась давать ее, но „дабы у автора, сдѣлавшаго уже себѣ имя прежними твореніями, не отнять охоты къ сочиненію впредь, говорилось въ докладѣ директора Нарышкина императору Александру, несмотря на малый успѣхъ его трагедіи, дирекція, не имѣя суммъ на заплату, испрашивала на то Высочайшаго соизволенія“. Докладъ Нарышкина представленъ былъ черезъ кн. А. Н. Голицына Государю, но Александръ не разрѣшилъ уплаты, основываясь на точномъ исполненіи условія [2]).

Все это дѣло и восхожденіе его на утвержденіе императора, который отказываетъ въ незначительномъ количествѣ рублей Озерову, только годъ тому назадъ написавшему имѣвшую чрезвычайный успѣхъ патріотическую трагедію, и самая оцѣнка „Поликсены“ послѣ двухъ

---

[1]) Соч. Озерова, ч. III, стр. 156.

[2]) Русск. Арх. 1869 г, стр. 2031—2032.

представленій, куда публика могла собраться не въ полномъ количествѣ и совершенно случайно,—представляется чрезвычайно страннымъ. Въ ходѣ этого дѣла, отъ условія, заключеннаго Озеровымъ и до доклада императору, все кажется естественнымъ, нигдѣ не проглядываетъ та личная къ Озерову вражда, способствовавшая неуспѣху „Поликсены“, а слѣдовательно, и погубившая поэта, о которой единогласно говорятъ современники. Изъ разсмотрѣнія всего этого дѣла сдѣланнаго княземъ Вяземскимъ [1]), является очевиднымъ, что къ Озерову не были враждебно расположены ни Нарышкинъ, ни Голицынъ, ни самъ императоръ, что подъ всею этою вполнѣ законною обстановкою скрывается, однако, какая-то темная пружина, руководившая всѣми обстоятельствами, враждебными Озерову, что было какое-то лицо, которое желало вредить ему и имѣло на то средства. Всѣ показанія современниковъ единогласно указываютъ на такое лицо; одно только странно, что обвиненія стали высказываться не ранѣе 1815 года, т.-е. за годъ до смерти Озерова, а до тѣхъ поръ никто ни слова не говорилъ въ теченіе семи лѣтъ. Лицо, которое называли сознательнымъ врагомъ Озерова, былъ князь Александръ Александровичъ *Шаховской* (род. 24 апр. 1777 года), извѣстный авторъ множества комедій и водевилей, весьма долго державшихся на русской сценѣ и любопытныхъ для изученія, такъ какъ изъ нихъ можно извлечь многія черты для характеристики общества во вторую половину царствованія Александра [2]). Шаховской былъ самъ страстнымъ поклонникомъ театра, вообще сцены и закулиснаго міра; онъ самъ имѣлъ большой комическій талантъ и, по разсказамъ современнымъ, былъ превосходнымъ актеромъ, такъ что игра его заставляла совершенно забывать о неуклюжей и безобразной его фигурѣ [3]). Эта страсть къ театру и сценическія способности сдѣлали Шаховского извѣстнымъ директору императорскихъ театровъ Нарышкину; онъ сдѣлалъ Шаховского начальникомъ репертуарной части, что̀ придало ему большое значеніе, такъ что судьба авторовъ, актеровъ и пьесъ находилась вполнѣ въ его рукахъ. Шаховской принадлежалъ къ тремъ разнымъ кругамъ общества: и къ знатному по рожденію, и къ литературному, и къ закулисному. Изъ этихъ круговъ сосредоточивались въ домѣ Шаховского всевозможныя сплетни. Самъ онъ отличался удивительною раздражительностью характера и, по свидѣтельству современниковъ, завистливостью ко всякому таланту, обра-

---

[1]) Русск. Арх. 1869 г., стр. 2036—2041.

[2]) „О заслугахъ кн. Шаховского въ драматической словесности“. Полное собраніе соч. С. Т. Аксакова, СПБ. 1886 г., т. IV, стр. 144—149.

[3]) Записки Вигеля, III, стр. 126.

щавшему на себя вниманіе общества. При всемъ томъ, всѣ свидѣтельствуютъ о его добротѣ и мягкости: виною всѣхъ его выходокъ была раздражительность, которая однако скоро проходила. По своимъ литературнымъ вкусамъ и убѣжденіямъ, Шаховской былъ съ самаго начала своего писательства сторонникомъ Шишкова и врагомъ Карамзина и его школы. Въ своей комедіи „Новый Стернъ“ онъ прежде всего вывелъ на сцену Карамзина и старался осмѣять его сентиментальность; разумѣется, это было непріятно поклонникамъ Карамзина. Въ другой, позднѣйшей комедіи „Липецкія воды“ онъ осмѣивалъ Жуковскаго и его романтизмъ. Говорятъ, вообще въ его комедіяхъ много современныхъ личностей, почему либо возбудившихъ къ себѣ неблаговоленіе Шаховского. Понятно, что поклонники Карамзина и Жуковскаго, такъ называемые „Арзамасцы“ не любили Шаховского и сдѣлали его мишенью для выстрѣловъ своихъ многочисленныхъ эпиграммъ, въ которыхъ онъ обыкновенно назывался *Шутовскимъ*. Другое литературное имя его, за современные намеки въ комедіяхъ, было Аристофанъ. Вдругъ возникшая слава, дѣйствительный талантъ и необыкновенный успѣхъ трагедій Озерова должны были сильно подѣйствовать на завистливый характеръ Шаховского; эти неожиданные лавры раздражали его воображеніе; этихъ успѣховъ Шаховской перенесть не могъ. Были ли какія-нибудь личныя причины вражды его къ Озерову, намъ неизвѣстно, но самое мягкое объясненіе дѣйствій Шаховского (въ чемъ они состояли, мы также положительно не знаемъ) будетъ то, что онъ, какъ человѣкъ другихъ литературныхъ убѣжденій, думалъ, что „въ самомъ дѣлѣ оказываетъ услугу русской литературѣ, затормозивъ дальнѣйшее движеніе Озерова. Во всякомъ случаѣ было бы непростительно допустить, что онъ могъ предвидѣть пагубныя и плачевныя послѣдствія, которыя повлекло за собою противодѣйствіе его успѣхамъ Озерова“ [1]).

ЛЕКЦІЯ XXXI.

Интриги Шаховского противъ Озерова.—Сумасшествіе Озерова.—Отзывъ Сперанскаго объ Озеровѣ.—Трагедіи Крюковского.—Записка Карамзина «о древней и новой Россіи».

Всѣ современники согласны въ томъ, что причиною несчастья, постигшаго Озерова, и причиною сознательною—былъ князь Шаховской. По разсказамъ Блудова, переданнымъ въ его біографіи Ковалевскимъ, Шаховской „затѣялъ противъ него интригу“ и для паде-

[1]) Рус. Арх. 1869 г., стр. 2044.

нія „Поликсены“ „подготовилъ общественное мнѣніе, а можетъ быть и самихъ актеровъ“ [1]). Какъ дѣйствовалъ Шаховской и какія средства употреблялъ онъ для достиженія своей цѣли—намъ неизвѣстно. Всѣ однакожъ говорятъ въ одинъ голосъ объ интригахъ, сгубившихъ Озерова, и о зависти, породившей ихъ. Батюшковъ, въ своей баснѣ „Пастухъ и Соловей“, посвященной Озерову, намекаетъ на „зоиловъ строгихъ, богатыхъ завистью, талантами убогихъ“. Въ своей статьѣ о Петраркѣ тотъ же Батюшковъ, говоря о „любимцѣ Мельпомены“, упоминаетъ о завистникахъ дарованія и заключаетъ мыслью, выражающею взглядъ его на поэзію: „Великое дарованіе и великое страданіе почти одно и то же“. Жуковскій также говоритъ о зависти [2]):

„Увы! Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
Въ нихъ зависть тернія вплела;
И торжествуетъ: растерзали
Ихъ иглы славное чело“.

Дашковъ, въ своемъ ироническомъ „письмѣ къ новѣйшему Аристофану“, подъ названіемъ котораго онъ и друзья его разумѣли кн. Шаховского, остроумно подсмѣивается надъ нимъ, увѣряя, что онъ совершенно не причастенъ зависти: „Зависть! Можетъ ли сіе слово вамъ приличествовать! Подобно Вольтеру, который Вамъ однимъ, вашему участію въ переводѣ его трагедій обязанъ истинною своею славою, подобно ему вы чуждаетесь низкихъ страстей человѣчества. De qui dans l'univers peut il être jaloux“; говоритъ онъ также и объ отношеніяхъ Шаховского къ Озерову: „Явился писатель, коего образованію природа и искусство равно содѣйствовали, который заслужилъ безсмертное имя въ лѣтописяхъ русскаго театра, и разительными красотами своихъ трагедій заставилъ забыть свои недостатки. Такъ мы судили: Вы одни, М. Г., открыли грубую ошибку нашу и всѣми силами стремились сокрушить несправедливую славу творца Поликсены и Димитрія... Ахъ! Вы ли виною, что небольшія огорченія (можетъ быть, съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ причиненныя) раздражили глубокую чувствительность, неразлучную съ геніемъ, и погубили его. О, несправедливость! о, суета славы!“ [3]). Когда пришло

---

[1]) Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, стр. 37

[2]) „Посланіе къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину“.

[3]) Сынъ Отеч. 1815 г., ч. XXV, № 42, стр. 143—144.

въ Петербургъ первое извѣстіе о смерти Озерова, въ томъ же „Сынѣ Отечества“ появилась слѣдующая эпиграмма [1]):

„Угасъ нашъ Озеровъ, лучъ славы Россіянъ·
Умолкъ пѣвецъ Фингала, Поликсены!
Рыдайте, невскія камены!
Ликуй, *Аристофанъ*!“

Молодой, только что начинающій Пушкинъ, въ своемъ посланіи къ Жуковскому, зоветъ даже литературныхъ друзей своихъ на месть за Озерова:

„Смотрите! Пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!“

Такимъ образомъ, всѣ современники, болѣе другихъ интересовавшіеся литературою, желавшіе ей успѣха, новаго содержанія и новыхъ формъ, сходились въ общемъ мнѣніи, что зависть была причиною гибели Озерова и что лицомъ, способствовавшимъ ей какими-то темными продѣлками и интригами, былъ князь Шаховской. Можетъ быть, все это было бы преувеличено; можетъ быть, поклонники таланта Озерова въ своемъ рвеніи заходили далеко, и на нихъ могла имѣть вліяніе несчастная судьба Озерова. Онъ былъ до крайности самолюбивъ и раздражителенъ и „чувствительность его сгубила“ — по выраженію Жуковскаго. Мы приводили уже мѣсто изъ писемъ его къ Оленину, гдѣ онъ совершенно отказывается отъ поэзіи, въ первое время по полученіи извѣстія о неуспѣхѣ на сценѣ его „Поликсены“. За недовольствомъ и раздраженіемъ наступило отчаяніе; вѣроятно, деревенское уединеніе развило больше это отчаяніе и сомнѣніе въ своемъ талантѣ и все кончилось тѣмъ, что Озеровъ сошелъ съ ума въ своей чистопольской деревнѣ. Оттуда старикъ отецъ перевезъ его въ Зубцовскій уѣздъ и лѣтъ семь, до смерти своей въ ноябрѣ 1816 года, несчастный поэтъ не приходилъ въ сознаніе. Озеровъ долженъ быть, такимъ образомъ, причисленъ къ тѣмъ напраснымъ и несчастнымъ жертвамъ, которыхъ довольно представляетъ русская литература. Нельзя, однако, припоминая печальную судьбу Озерова, не сдѣлать замѣчанія о положеніи поэта въ тогдашнемъ обществѣ. Неужели возможно въ болѣе развитомъ состояніи послѣдняго такое обстоятельство, что чиновничьи продѣлки могутъ возвысить и уронить славу поэта, что литературная судьба его можетъ зависѣть отъ канцелярскихъ отношеній и отъ формы доклада, хотя бы и самому государю?

[1]) Ibid., 1816 г., ч. XXXIII, стр. 267.

Судить о значеніи Озерова и о его положеніи въ исторіи нашей литературы, конечно, можно только съ современной ему точки зрѣнія, принимая во вниманіе тогдашніе вкусы, тогдашнія требованія отъ поэзіи и литературы. Для насъ даже тотъ родъ произведеній, въ которомъ упражнялся Озеровъ, не существуетъ; мы требуемъ отъ поэзіи и вообще отъ искусства, чтобъ они изображали передъ нами жизнь дѣйствительную, жизнь настоящую, а такой родъ поэзіи, гдѣ эта жизнь является въ преувеличенныхъ, неестественныхъ размѣрахъ, гдѣ передъ зрителями выходятъ на сцену не простые люди, а герои, — не можетъ удовлетворить насъ. Господство французской теоріи и французскихъ образцовъ, которымъ Озеровъ подражалъ и по воспитанію и по убѣжденіямъ, — давно прошло. Но въ свое время трагедіи Озерова были дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, потому что онѣ вносили новыя понятія и новыя представленія на сцену и расширяли сферу ея содержанія, трактуя о томъ чувствѣ, котораго не было въ прежнихъ трагедіяхъ, и выражая его прекраснымъ для того времени языкомъ и звучнымъ стихомъ. Въ этомъ смыслѣ, по словамъ современнаго критика, Озерова можно дѣйствительно назвать „преобразователемъ“ нашего театра; но говорить о немъ, какъ о геніи, могли только увлеченные современники. Въ Озеровѣ не было ничего самобытнаго, ничего оригинальнаго; онъ былъ созданіемъ французской теоріи и французскихъ образцовъ, и только совершенно случайныя, временныя обстоятельства придали ему чрезвычайное значеніе и увеличили восторгъ современниковъ, подкупаемыхъ, кромѣ того, и изяществомъ стиха Озерова, и романтическимъ выраженіемъ. Приведемъ, однако, въ заключеніе сужденіе объ Озеровѣ одного изъ чрезвычайно умныхъ современниковъ, чуждаго, впрочемъ, литературѣ. Оно доказываетъ, что и тогда были люди, не увлекавшіеся общимъ восторгомъ и смотрѣвшіе на дѣло другими глазами: „Эдипъ Озерова точно таковъ, какъ ты его понимаешь, — пишетъ въ частномъ письмѣ къ своей дочери Сперанскій. Слабое, натянутое подражаніе, сборъ разныхъ мѣстъ изъ французскихъ трагедій. Озеровъ никогда и ни въ чемъ не имѣлъ истиннаго таланта. Это трудолюбивая посредственность. Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по-французски и весьма поздно принялся за русскій. Но, еслибъ онъ и ранѣе началъ, то не болѣе бы сдѣлалъ. Меня раздражаетъ не то, что онъ могъ ошибиться въ своемъ родѣ, но то, что вкусъ нашей публики такъ еще мало образованъ, въ такомъ ребячествѣ, что всякая мишура его веселитъ и восхищаетъ. Впрочемъ, мы поздно пришли, чтобъ желать или надѣяться имѣть у себя драматическихъ стихотворцевъ; родъ сей вообще проходитъ или уже прошелъ во всей Европѣ (надобно ду-

мать, что Сперанскій говоритъ здѣсь о ложно-классической трагедіи). Поэзія, языкъ боговъ, перелилась нынѣ вся въ политику. Нынѣ не стихи строятъ воображеніемъ, но государства“ [1]). Отзывъ этотъ, конечно, одностороненъ, такъ какъ принадлежитъ человѣку, для котораго интересы литературы составляли второстепенное дѣло, но нельзя отказать ему въ нѣкоторой доли справедливости.

Что обстоятельства времени могли способствовать въ ту пору успѣху даже нисколько не замѣчательной по таланту и выраженію пьесѣ, только потому, что въ ней заключалось много намековъ на современныя событія и высказывалось сильно возбужденное патріотическое чувство, — можетъ служить доказательствомъ чрезвычайный успѣхъ трагедіи Крюковскаго „Пожарскій или освобожденная Москва“, поставленной на сцену въ одинъ годъ съ „Димитріемъ Донскимъ“ Озерова. Авторъ этой трагедіи, тогда еще очень молодой человѣкъ (род. 1781 г.), Матвѣй Васильевичъ Крюковскій, не былъ замѣчателенъ ничѣмъ, но вдругъ, отъ восторга публики, поднялся на верхъ человѣческой славы. Подобно Озерову, онъ учился въ томъ же кадетскомъ корпусѣ и также былъ выпущенъ изъ него въ чинѣ поручика. Служилъ онъ переводчикомъ въ комиссіи для составленія законовъ, а потомъ въ банкѣ и до своей трагедіи не писалъ ничего. Трагедія его имѣла необычайный успѣхъ на сценѣ; всѣ называли Крюковскаго вторымъ Озеровымъ, а были и такіе, которые ставили его по таланту выше. Самое содержаніе пьесы высказано въ заглавіи ея, но исторіи, какъ и у Озерова, здѣсь искать не слѣдуетъ. Въ трагедіи нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни страстей; вся она состоитъ изъ патріотическихъ тирадъ и возгласовъ, отъ которыхъ трепетали сердца современниковъ. Крюковской вдругъ сдѣлался знаменитостью, его приглашали въ дома знатныхъ нарасхватъ. Службу свою онъ забылъ, къ должности пересталъ являться и былъ за то уволенъ; но императоръ Александръ, которому была поднесена трагедія, смотрѣлъ благосклонно на Крюковского и даже велѣлъ спросить у него: чего бы онъ желалъ [2]). Крюковской сознавалъ свой талантъ и высказалъ желаніе быть отправленнымъ за границу. Дѣйствительно, онъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Парижъ „для усовершенствованія трагическаго таланта“. Но изъ этого путешествія не вышло ничего, онъ прожилъ въ Парижѣ два года совершенно безполезно, закутился тамъ, повидимому, и вывезъ оттуда болѣзнь, которая и свела его въ могилу въ 1811 году, на 30-мъ году жизни. Вторая трагедія Крюковского

[1]) Русск. Арх. 1868 г., стр. 1730—1731.

[2]) Карабановъ. Основаніе русск. театра, стр 81.

„Елисавета, дочь Ярослава“, содержаніе которой составляетъ любовь норвежскаго принца Гаральда къ русской княжнѣ, такъ слаба вообще, что даже не могла быть поставлена на сценѣ. Она напечатана въ 1820 г. „Пожарскій“ — тоже слабое произведеніе въ художественномъ отношеніи, поставленъ былъ *кстати*, во-время, и оттого имѣлъ чрезвычайный успѣхъ на сценѣ; стихи, которые кажутся намъ напыщенной декламаціей, приводили слушателей въ полный восторгъ, особенно, когда произносилъ ихъ звучнымъ голосомъ знаменитый трагическій актеръ того времени — Яковлевъ. Стихи эти говорили о любви къ отечеству: „Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть“ — или о ненависти къ врагамъ, говорили о томъ, что чувствовалъ въ то время каждый мыслящій русскій. Поэтъ все-таки былъ человѣкъ умный. Онъ умѣлъ понять данное настроеніе общества и выразить его въ звучныхъ стихахъ. Та же ненависть къ иностранцамъ и нападенія на нравственный вредъ ихъ вліянія, которыя обильно заключались въ произведеніяхъ патріотической литературы, у Шишкова, Растопчина, Глинки, проповѣдуется и Крюковскимъ:

„Они и въ сердце намъ разврата ядъ вливаютъ,
И нравы нѣгою постыдной разслабляютъ.
Обычай суетный почто перенимать
И рабски чуждому примѣру подражать?
Не пользу отъ сего, какъ мыслятъ, обрѣтаемъ,
Но русскій духъ въ мнѣ толь низкой мы теряемъ,
Издѣлій роскоши не зная Россъ цѣнить,—
Умѣлъ карать порокъ и добродѣтель чтить“.

Тѣ же и упреки въ недостаткѣ патріотизма, котораго было гораздо больше встарину, чѣмъ теперь:

„Прошли на вѣкъ сіи счастливы времена,
И истинныхъ сыновъ Россія лишена:
Отечество у насъ одно лишь изреченье“.

Стихи оставались надолго въ памяти современниковъ и многіе изъ нихъ, имѣвшіе отношеніе къ Москвѣ, потомъ въ эпоху 1812 года, считались пророческими, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ между обѣими знаменательными эпохами русской исторіи было много общаго. Такова, напримѣръ, слѣдующая тирада Пожарскаго:

„Погибни лучше все! и градъ, порабощенный
Въ отеческой странѣ рукой иноплеменной,
Готовъ разрушить я, въ прахъ зданія попрать,
Во храмы бросить огнь и пламенемъ объять
Ихъ гордыя главы, что въ золотѣ сіяютъ,
И блескъ протекшаго величія являютъ“.

Когда Москва въ 1812 году была уступлена Кутузовымъ безъ боя французамъ, и когда это событіе сильно поразило и огорчило современниковъ, а въ депешахъ Кутузова и въ тогдашней печати выражалось убѣжденіе, что съ потерею Москвы не соединяется еще гибель отечества, — то же говорилось и въ стихахъ Пожарскаго, въ трагедіи Крюковского, гдѣ было столько словъ и фразъ, посвященныхъ Москвѣ:

„Россія не въ Москвѣ—среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна..“

Самый сильный, однако, восторгъ производилъ тотъ знаменитый стихъ, который произноситъ Пожарскій, узнавшій въ одно время и объ измѣнѣ Заруцкаго и объ опасностяхъ, въ которыхъ находится его семейство. Онъ жертвуетъ семейными привязанностями общему чувству любви къ Москвѣ, не слушаетъ друзей своихъ, уговаривающихъ его спѣшить на помощь къ семьѣ:

„Родные!—но Москва не мать ли мнѣ?“

Все подобное могло имѣть мѣсто только въ извѣстное время. Прошли годы возбужденія, перемѣнились обстоятельства и трагедія Крюковского, въ которой не было почти художественнаго достоинства, была совершенно забыта. Мы видѣли, что онъ и самъ не былъ въ состояніи написать что-либо другое. Возбужденія достало у него только на „Пожарскаго“.

Не то бываетъ съ произведеніями, написанными авторомъ съ дѣйствительнымъ талантомъ и опирающимися на положительное знаніе и опытъ. Къ тому же кругу идей, вызванныхъ къ жизни обстоятельствами времени, къ тому же патріотическому возбужденію, которое проникало большинство литературныхъ произведеній времени, принадлежитъ сочиненіе, написанное также въ виду грозныхъ, современныхъ обстоятельствъ, передъ страшною войною съ Наполеономъ, уже грозившимъ своимъ нашествіемъ, сочиненіе, не предназначенное, однако, для печати, для обращенія въ публикѣ, для дѣйствія на общественное мнѣніе, но, по таланту и положенію автора, несмотря на эту таинственность происхожденія, имѣвшее гораздо болѣе вліянія, чѣмъ даже иное талантливое сочиненіе въ печатной литературѣ. Сочиненіе это, если оно и не предназначалось для печати, то было написано съ цѣлью произвести вліяніе на образъ мыслей и на образъ дѣйствій человѣка, котораго мнѣніе значило гораздо больше, чѣмъ все общественное мнѣніе тогдашней Россіи. Записка Карамзина „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“, ибо объ этомъ сочиненіи будетъ те-

перь рѣчь, имѣла вліяніе и на того, для кого она была писана, и на высшія правительственныя сферы послѣдующаго царствованія, которыя какъ бы соображали свои дѣйствія, свои мѣры съ сужденіями и мнѣніями, высказанными Карамзинымъ. Мы очень далеки отъ мысли придавать его „Запискѣ“ именно такое значеніе; она была написана для другого времени, для другихъ обстоятельствъ; но кодексъ консервативныхъ идей, въ ней заключающійся, но ея взглядъ на направленіе и содержаніе русской исторіи остались надолго въ употребленіи у извѣстной партіи. Вокругъ этого сочиненія до сихъ поръ сосредоточивается борьба противоположныхъ взглядовъ на русское развитіе и на русскую политическую жизнь, на цѣли и стремленія въ будущемъ. Эта борьба мнѣній изъ-за „Записки“ Карамзина высказывалась однако не совсѣмъ полно и не совсѣмъ ясно, потому что самое сочиненіе, о которомъ спорили, было не вполнѣ извѣстно публикѣ или было извѣстно въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ невѣрно. Только изданіе „Записки“ въ „Русскомъ Архивѣ“ позволило наконецъ познакомиться съ мыслями Карамзина во всей ихъ полнотѣ. Постараемся представить, по возможности безпристрастно, содержаніе этого замѣчательнаго сочиненія Карамзина, гдѣ онъ является публицистомъ-историкомъ и говоритъ, какъ власть имѣющій.

Карамзинъ, прекративши изданіе „Вѣстника Европы“ и получивъ по ходатайству Муравьева, при посредствѣ друга своего И. И. Дмитріева, званіе исторіографа, отдался весь съ любовью избранному имъ труду надъ русской исторіей. Онъ жилъ въ Москвѣ и до 1810 года не былъ лично извѣстенъ государю. Но друзья Карамзина и, главнымъ образомъ, Дмитріевъ, назначенный министромъ юстиціи и близкій къ государю, часто говорили о немъ съ Александромъ, интересовавшимся ходомъ его труда. Въ 1810 году Карамзинъ былъ награжденъ орденомъ и чиномъ. Сближенію его съ государемъ способствовала сестра Александра, Екатерина Павловна. Воспитанная въ консервативныхъ убѣжденіяхъ и въ ненависти къ французской революціи и къ новому Наполеоновскому господству во Франціи своею матерью, императрицею Маріею Ѳеодоровною, великая княгиня, женщина очень умная и образованная, любила являться патріоткою, покровительницею всего русскаго, а въ томъ числѣ и литературы. Мѣстопребываніе ея было въ Твери, при мужѣ, принцѣ Георгѣ, который былъ главнымъ директоромъ путей сообщенія. Здѣсь у нихъ былъ небольшой дворъ, къ которому Екатерина Павловна любила собирать избранное общество и людей почему-либо замѣчательныхъ. Карамзинъ былъ первымъ лицомъ въ тогдашней литературѣ. Не могла она не обратить на него вниманія, а позна-

комившись съ нимъ, не могла не полюбить его, такъ какъ во взглядахъ ихъ и убѣжденіяхъ было очень много общаго. Въ Москвѣ въ 1810 году она узнала Карамзина и пригласила его посѣтить ее въ Твери. Карамзинъ воспользовался этимъ приглашеніемъ въ первый разъ въ февралѣ 1810 года, пробылъ тамъ шесть дней и читалъ отрывки изъ своей исторіи ей и великому князю Константину Павловичу, цесаревичу. Объ этомъ чтеніи Карамзина счелъ нужнымъ сообщить своему правительству сардинскій посланникъ Ж. де-Местръ, передавшій при этомъ случаѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей о самой великой княгинѣ. Дворъ ея, по его словамъ, походитъ на монастырь; по вечерамъ тамъ нѣтъ другого развлеченія, кромѣ чтенія. Она сама учитъ своего мужа русскому языку и знакомитъ его съ простолюдинами. „Ея голова способна на дальновидные планы и на сильную рѣшимость“ — прибавляетъ де-Местръ. Константинъ Павловичъ, вернувшись въ Петербургъ послѣ чтенія, разсказывалъ со смѣхомъ, что онъ изъ русской исторіи только и знаетъ то, что̀ узналъ въ тотъ вечеръ [1]). Послѣ того Карамзинъ былъ еще два раза въ Твери, въ декабрѣ 1810 года, и въ февралѣ 1811 года. Карамзинъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ пріема великой княгини и отъ своихъ отношеній съ нею. Ея дворецъ онъ называетъ „очарованнымъ замкомъ“; онъ не нахвалится ея любезностью, ангельскою добротою и „необыкновенными познаніями“ принца, ея мужа [2]). Карамзинъ, кромѣ чтенія своихъ отрывковъ изъ исторіи, долго и много бесѣдовалъ съ великою княгинею. То было время общаго патріотическаго настроенія умовъ; ни о чемъ другомъ не могла быть ихъ бесѣда, какъ о современномъ состояніи Россіи, въ виду великихъ приближающихся событій и грозной тучи нашествія, которая подымалась на дальнемъ западѣ. Всѣ умы были заняты однимъ, и Екатерина Павловна съ перваго знакомства со Карамзинымъ оцѣнила его консервативные убѣжденія и взгляды, основанные, по ея мнѣнію, на глубокомъ изученіи прошедшей исторіи Россіи. Она смотрѣла на него, какъ на человѣка государственнаго и, конечно, много толковала съ нимъ о современныхъ государственныхъ реформахъ въ Россіи, полезности которыхъ она не вѣрила. Когда во второй разъ Карамзинъ посѣтилъ Тверь въ декабрѣ 1810 года, она просила его изложить свои мысли о современномъ положеніи Россіи на бумагѣ и даже торопила его этою работою. Такъ возникла эта знаменитая „Записка“ Карамзина, которую онъ въ февралѣ 1811 года, переписанную рукою жены, отвезъ въ Тверь и прочиталъ великой княгинѣ, долго бесѣдуя съ нею о ея содержаніи.

---

[1]) Русск. Арх. 1871 г., стр. 0192.

[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 137.

По прочтеніи „Записки“ она взяла рукопись у Карамзина и оставила у себя. Цѣль ея была передать „Записку“ своему брату, сблизить его съ Карамзинымъ. Она думала, что факты, изложенные въ „Запискѣ“ краснорѣчивымъ языкомъ Карамзина, сужденія и мнѣнія его о современномъ положеніи Россіи, вполнѣ ею раздѣляемыя, произведутъ впечатлѣніе на государя, и не ошиблась. Заинтересованный разсказами и рекомендаціей сестры, Александръ самъ пожелалъ сблизиться съ Карамзинымъ и послушать его. Александръ долженъ былъ въ Мартѣ того же 1811 года быть въ Твери у сестры, и великая княгиня пригласила Карамзина пріѣхать также къ этому времени. Сближеніе послѣдовало, и Карамзинъ, разумѣется, былъ въ восхищеніи отъ пріема государя, какъ это видно изъ писемъ его къ Дмитріеву [1]). Онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ, болѣе двухъ часовъ читалъ ему свою исторію, говорилъ съ нимъ о самодержавіи, при чемъ даже былъ не согласенъ съ нѣкоторыми мыслями государя (вѣроятно, Карамзинъ былъ въ этомъ разговорѣ plus royaliste que le roi). Александру понравился и Карамзинъ и его исторія. Онъ любезно звалъ его въ Петербургъ съ женою, предлагалъ для житья комнаты въ Аничковскомъ дворцѣ и сдѣлалъ какое-то милостивое предложеніе, о содержаніи котораго Карамзинъ, однако, умалчиваетъ. Вообще, Карамзинъ пишетъ, что государь выѣхалъ изъ Твери съ благопріятнымъ къ нему расположеніемъ. Въ сущности это было не совсѣмъ такъ и Александръ былъ сначала недоволенъ Карамзинымъ и недоволенъ именно за „Записку“, о чемъ тотъ не могъ писать Дмитріеву, потому что знаменитая записка эта тогда, да и долго потомъ, считалась государственною тайною. Карамзинъ не читалъ ея самъ императору. Великая княгиня передала ее брату наканунѣ его отъѣзда изъ Твери и, вѣроятно, онъ успѣлъ познакомиться съ ея содержаніемъ тогда же, потому что на другой день онъ „обошелся съ исторіографомъ холодно, не говорилъ съ нимъ ни слова, какъ будто не замѣчалъ его, и уѣхалъ не простившись съ Карамзинымъ“ (Гротъ). Чѣмъ прочтеніи „Записки“ Карамзина остался тогда недоволенъ Александръ: оскорбила ли его самая форма сочиненія, гдѣ подданный принималъ смѣлость свободно говорить съ своимъ самодержавнымъ монархомъ, не разглядѣлъ ли онъ, подъ наружнымъ видомъ свободной грубости рѣчи того фиміама лести, который курилъ здѣсь Карамзинъ самодержавной власти, или ему дороги еще были тогда его учрежденія первыхъ лѣтъ царствованія, его реформы, о которыхъ онъ когда-то мечталъ, будучи юношей, и онъ былъ недоволенъ

---

[1]) Ibid., стр. 139—141.

за нихъ на Карамзина? Отвѣчать положительно на вопросъ этотъ невозможно.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и самыхъ замѣчательныхъ, конечно, въ русской исторіи. Ходъ событій, европейскія вліянія, люди, окружавшіе Александра, исчезновеніе прежнихъ либеральныхъ друзей его молодости, появленіе новыхъ совѣтниковъ, которые подъ наружнымъ видомъ преданности, умѣли на пользу себѣ льстить, самая слабость характера, все влекло Александра по другой, совершенно противоположной дорогѣ, на которой онъ могъ только раздражительно осуждать идеальныя стремленія своей молодости. Тогда, въ эти годы нравственнаго поворота, онъ оцѣнилъ консервативное содержаніе „Записки“ Карамзина, оно пришлось ему по мыслямъ, а Аракчеевъ успѣлъ его примирить не только съ Карамзинымъ, но и со многимъ другимъ, гораздо худшимъ. Александръ приблизилъ къ себѣ Карамзина; послѣдній считалъ государя своимъ искреннимъ другомъ. Въ 1816 году, пожаловавъ Карамзину ленту, Александръ замѣтилъ, что онъ награждаетъ его *не за исторію, а за записку*. Тогда онъ вполнѣ уже раздѣлялъ ея сужденія. Странная судьба, однакожъ, этой „Записки“, имѣющей такую историческую важность по своему вліянію на правительство. Отдавая рукопись Екатеринѣ Павловнѣ, Карамзинъ не оставилъ у себя съ нея копіи. Она стала дѣлаться извѣстною въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества только въ 1826 году. Первые, весьма незначительные отрывки ея были напечатаны въ „Современникѣ“ 1837 года [1]) и только въ 1871 году она появилась вполнѣ. А между тѣмъ, вокругъ нея сталкиваются до сихъ поръ противоположные взгляды на русское развитіе.

ЛЕКЦІИ XXXII, XXXIII и XXXIV.

Содержаніе «Записки» Карамзина.

Для знакомства съ самимъ Карамзинымъ, для изученія его взглядовъ и убѣжденій по исторіи русскаго развитія и по внутренней политикѣ государства „Записка“ представляетъ очень много, такъ какъ, по всей вѣроятности, несмотря на ея вылощенный, гладкій языкъ, составляющій особенность Карамзина, какъ писателя, онъ менѣе думалъ въ ней о сочинительствѣ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Въ ней высказываетъ онъ свои убѣжденія вполнѣ искренно, не стараясь скрывать ихъ подъ формою придуманной фразы; нельзя не

[1]) Т. V, стр. 89—112.

отдать также полной справедливости смѣлости его выраженія, желанію высказать въ ней вполнѣ то, что онъ думалъ, желанію не скрывать своей мысли. Очевидно, Карамзинъ писалъ не для цензуры, какъ привыкли писать всѣ русскіе сочинители, и эта смѣлость выраженія была причиною того, что „Записка“ такъ долго не могла появиться въ печати. Кромѣ того, „Записка“ весьма важна и въ томъ отношеніи, что въ ней высказался вполнѣ опредѣленно весь кодексъ тогдашней охранительной партіи, ея взгляды и убѣжденія относительно прошлаго и настоящаго Россіи и въ особенности относительно реформъ, въ которыхъ преимущественно выражалась государственная дѣятельность Сперанскаго, единственнаго совѣтника Александра со времени эрфуртскаго свиданія. На этомъ человѣкѣ, поднявшемся такъ быстро въ Имперіи, сосредоточилась вся ненависть консервативной партіи, дошедшая до крайностей въ началѣ 1812 года, когда Александръ долженъ былъ уступить ея крикамъ и рѣшиться на ссылку Сперанскаго. Конечно, Карамзинъ нигдѣ въ своихъ нападеніяхъ на реформы не говоритъ о Сперанскомъ прямо, не называетъ его имени, но эти охуждаемыя имъ реформы были созданіемъ Сперанскаго, и охужденіе, разумѣется, падало косвенно и на него. Карамзинъ, мы сказали, въ „Запискѣ“ своей является выразителемъ мнѣнія тогдашнихъ охранителей; онъ представилъ въ изящной литературной формѣ, что̀ выражалось болѣе просто и грубо въ разговорахъ партіи, всю ту ненависть къ реформамъ, которая накипѣла въ сердцахъ этой партіи. Если мы употребляемъ здѣсь слово *партія*, то считаемъ, однако, необходимымъ оговориться. Партія охранителей, партія консерваторовъ, — выраженія эти предполагаютъ существованіе партіи либераловъ и прогрессистовъ; но послѣдней-то мы и не видимъ въ тогдашнее время. Мы знаемъ уже, какъ слаба была тогда либеральная печать наша, которая могла бы оправдывать и защищать реформы, задумываемыя правительствомъ, и приготовлять къ нимъ общественное мнѣніе. Все, что слабо говорилось въ этомъ духѣ и въ этомъ родѣ, все это смолкло вдругъ въ эпоху войны, и раздавался громко только голосъ патріотической литературы, которая, нападая на наши заимствованія отъ иностранцевъ, требуя возвращенія къ роднымъ началамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно осуждала все то, что было сдѣлано правительствомъ въ послѣдніе годы. Если и находились люди, вступавшіе въ споръ съ господствовавшимъ направленіемъ, то мысль ихъ не могла быть ясно формулирована и представлена въ полномъ видѣ. Споръ шелъ, какъ мы видѣли, о старыхъ и новыхъ словахъ, а не о томъ, что̀ занимало мысль каждаго, не о тѣхъ реформахъ, которыя касались коренныхъ основъ государственной жизни. Гдѣ же тутъ могла быть прогрессив-

ная партія, которая бы защищалась и вступила въ борьбу съ охранителями? Ея не было. Прогрессивную партію собственно составляло одно правительство, но у него не было нравственной точки опоры, не было и силы убѣжденія, которой не допускалъ слабый, колеблющійся характеръ самого Александра. Правда, у правительства были цѣлые полки чиновниковъ-исполнителей, орудій его воли, но это была безмолвная масса, слѣпое орудіе, которое, исполняя порученное ему дѣло, могло относиться къ нему совершенно равнодушно и даже враждебно. Правительство было одиноко. Реформы, задуманныя имъ, не смотря на всю ихъ неотложную необходимость, стояли выше понятій невѣжественнаго большинства общества, всегда защищающаго свои эгоистическія цѣли, и вотъ, когда подзадоренное войною и грубыми криками патріотической литературы, не встрѣчая ни въ чемъ себѣ отпора, громко поднялось невѣжественное мнѣніе этого большинства,—правительство должно было уступить ему и пойти по противоположной дорогѣ, на которую оно уже отчасти вступило при началѣ войны. Александръ не былъ Петромъ Великимъ и не могъ до конца вести свое дѣло, одолѣвая препятствія и вѣря въ могущество идеи, вводимой имъ въ русскую жизнь. Какъ прежде онъ безусловно вѣрилъ преобразовательнымъ планамъ Сперанскаго, такъ теперь онъ повѣрилъ Карамзину и его ненависти къ реформамъ, высказанной въ „Запискѣ“. Сочиненіе это принадлежитъ къ тѣмъ же явленіямъ патріотической литературы передъ войною 1812 года, но оно стоитъ выше ихъ всѣхъ и по полнотѣ содержанія, и по силѣ выраженія, и по вліянію, которое оно получило впослѣдствіи.

Карамзинъ въ своей „Запискѣ“ хотѣлъ представить общій ходъ всего русскаго развитія, всей русской исторіи со времени основанія государства, разумѣется, съ своей исключительной точки зрѣнія, руководствуясь мыслью, высказанною имъ въ самомъ началѣ: „Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобъ судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее“. Очеркъ древняго русскаго развитія не отличается у Карамзина, однако, полнотою и обстоятельностью; вся сила его краснорѣчія и убѣжденія оставлена для новаго времени. Но и въ прошедшемъ Россіи Карамзинъ старается выставить событія въ свѣтѣ своей любимой теоріи и доказать ее. Взглядъ его здѣсь тотъ же, что и въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Все древнее величіе Руси заключалось въ самодержавіи, оно одно только спасало ее въ трудные моменты исторической жизни, и Карамзинъ поэтому останавливается съ особеннымъ уваженіемъ и любовью на политическомъ возвышеніи и развитіи Москвы и на дѣйствіяхъ ея князей. Для „мудрой политики“ ихъ онъ не находитъ

достаточно похвалъ, равно какъ для описанія величія и благоденствія московскаго государства. Отсюда онъ не замѣчаетъ вовсе разложенія этого государства въ эпоху самозванцевъ и междуцарствія, и ограничивается только слѣдующими сентенціями по поводу низложенія Самозванца. „Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти; одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей". Карамзинъ, разумѣется, не на сторонѣ бояръ или „мятежной аристократіи", и съ восторгомъ привѣтствуетъ Романовыхъ на престолѣ. Время царей изъ этого рода вызываетъ новыя похвалы публициста. „Отечество успокоилось подъ сѣнію самодержавія". „Народъ не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ не спорилъ о правахъ"...

Карамзинъ замѣтилъ сближеніе наше съ Европою и вслѣдствіе этого постепенное измѣненіе нашей государственной жизни и въ періодъ прежнихъ царей и царей изъ дома Романовыхъ. „Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ"... Но „сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія: мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ". Съ этой точки зрѣнія Карамзинъ смотритъ и на реформу Петра. Ея насильственный, рѣзкій характеръ не могъ ему нравиться. Онъ забылъ, что источникъ этой рѣзкости надобно искать въ томъ же самодержавіи, отъ котораго онъ приходитъ въ восторгъ, и его взглядъ на реформу совершенно соотвѣтствуетъ тому, который принадлежитъ позднѣйшимъ славянофиламъ.

Карамзину, съ его консервативными убѣжденіями, которыя никогда его не покидали, съ его привязанностью къ старинѣ и преданію, натура и дѣйствія Петра должны были казаться въ высшей степени антипатичными. Петръ былъ величайшимъ реформаторомъ, крутымъ и радикальнымъ революціонеромъ, не задумывающимся надъ средствами, и Карамзинъ, въ жертву своего идеала *тихаго* и постепеннаго развитія, не обращая вниманія на историческія обстоятельства, какъ это было бы желательно для настоящаго историка, сводитъ Петра съ пьедестала. Правда, онъ ссылается на исторію, но, очевидно, это только одна пустая оговорка. „Мы, Россія, не имѣя предъ глазами свою исторію, говоритъ онъ, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть

творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную, и, что̀ не менѣе важно, учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?"

Но Карамзинъ не „славитъ славное" въ Петрѣ, не видитъ исторической необходимости реформы, не хочетъ сознать, что она была единственнымъ нашимъ выходомъ изъ душнаго китаизма московскаго государства, а напротивъ, сваливаетъ на Петра всевозможныя обвиненія. „Страсть Петра къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія". Онъ оскорбилъ народный духъ, тѣ особенныя свойства народа, которыми онъ отличается отъ другихъ. „Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя и иностранные, государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ". И Карамзинъ отстаиваетъ тѣ русскія особенности, которыя старался уничтожить Петръ, желая, чтобъ и по наружному виду его подданные походили на европейцевъ. Доказательства Карамзина, повидимому, имѣютъ на своей сторонѣ справедливость: „Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные". Послѣднее положеніе, впрочемъ, вовсе несправедливо: просвѣщеніе находится въ полной зависимости отъ нравовъ и обычаевъ, и Петру, именно, нужно было бороться съ нравами и обычаями, чтобъ проложить широкую дорогу для просвѣщенія. Что за бѣда, если на этой дорогѣ попались и мелочи, которыя пришлось устранить, а говорить объ униженіи народнаго духа и упрекать за него Петра едва ли было справедливо со стороны историка, тѣмъ болѣе, что и въ московской Руси, которая ему такъ нравится, едва ли онъ могъ замѣтить со стороны царей особенное уваженіе къ народу. Уваженія этого не было никогда, ни прежде Петра Великаго, ни потомъ. Воюя съ мелочными наружными формами народности, Петръ, конечно, понималъ, что не въ нихъ заключается истинное величіе народа, что послѣднее создается только развитіемъ, просвѣщеніемъ, успѣхами гражданственности, и на нихъ было обращено его главное вниманіе. Карамзинъ былъ, по меньшей мѣрѣ, сентименталенъ и здѣсь, какъ и вездѣ, сожалѣя о бородѣ, кафтанѣ и т. п. Не то говорилъ онъ въ своихъ „Письмахъ", когда находился подъ обаяніемъ европейской жизни и развитія.

Петру онъ приписываетъ разладъ въ русской жизни, разъединеніе между собою классовъ народа, потому что онъ ограничилъ свое

преобразованіе дворянствомъ. „Со временъ Петровыхъ, — говоритъ онъ, — высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ, увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній". „Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ *уничиженіемъ*, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя во храмъ Божій, или на совѣтъ къ государю"... Эта идиллическая картинка въ сентиментальномъ родѣ едва ли свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древней Руси не было розни сословій. Карамзину не нравится, что Петръ уничтожилъ бояръ и понадѣлалъ чиновниковъ. Вмѣстѣ съ боярами онъ сожалѣетъ о патріархѣ и жалуется, что съ уничтоженіемъ патріаршества упало въ народѣ достоинство духовенства. И здѣсь, на патріаршество онъ смотритъ съ своей сентиментальной точки зрѣнія. „Первосвятители имѣли у насъ одно право,—говоритъ онъ:—вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать, право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастіе состоитъ въ справедливости". Но мы хорошо знаемъ, пользовались ли представители высшаго духовенства нашего правомъ „вѣщать истину царямъ", знаемъ также и то, что именно въ нихъ-то Петръ встрѣтилъ самыхъ сильныхъ противниковъ задуманнаго имъ преобразованія. Представители духовенства отличались невѣжествомъ и недостаткомъ развитія. Духовенство должно было пасть не потому, что было уничтожено достоинство патріарха, а потому, что свѣтская образованность опередила его. И даже самая столица Петра, на которую сыпались проклятія позднѣйшихъ славянофиловъ, вызываетъ сентиментальное осужденіе Карамзина. „Основаніе новой столицы, на сѣверномъ краѣ государства, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ"—онъ считаетъ ошибкою Петра.

Забывая исторію и законы исторической необходимости, игнорируя время и его условія, Карамзинъ собираетъ всевозможныя обвиненія на дѣло Петра и старается унизить его преобразованія; онъ сходится въ этомъ протестѣ противъ реформы съ славянофилами, но послѣдніе не признаютъ въ немъ своего, по различію своихъ идеаловъ. Если славянофилы цѣнятъ народное самоуправленіе, уважаютъ форму вѣча, судъ и голосъ народный, то для Карамзина нѣтъ спасенія внѣ самодержавія, „ибо нѣтъ порядка безъ власти самодержавной",—говоритъ онъ. Во всемъ остальномъ они сходятся. „Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе". Русь пала, а не возвысилась, утративъ прежнія, коренныя добродѣтели. „Чѣмъ

болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія". И сюда ввелъ Карамзинъ свою чувствительность, какъ ни была она не у мѣста.

Нравственный вредъ реформы Петра, по словамъ Карамзина, состоитъ въ томъ, что въ насъ исчезло всякое патріотическое чувство. „Должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. Имя русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ *многія выгоды* иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*. Спрашивается: кому бы легче было покорить Россію (намекъ на собиравшуюся грозу): *невѣрнымъ* или *братьямъ*, т.-е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ навѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи,— виною Петръ". Всѣ эти громкія фразы для безпристрастнаго, критическаго взгляда должны показаться только преувеличеніемъ. Въ русскомъ обществѣ того времени такъ мало былъ развитъ космополитизмъ, въ такомъ жалкомъ видѣ представлялось просвѣщеніе, на которое будто бы мы промѣняли древнія гражданскія доблести, что іереміады Карамзина и его сожалѣнія о старинѣ и о святой Руси— скорѣе смѣшны, чѣмъ заслуживаютъ опроверженія. Черезъ годъ слова Карамзина получили блестящее опроверженіе въ историческихъ фактахъ, и если масса народа, нетронутая европейскимъ развитіемъ, въ 1812 году выказала свой старинный религіозный патріотизмъ и ту же ненависть къ иноземцамъ, которая отличала ее въ эпоху междуцарствія, то и образованные по-европейски общественные классы, которыхъ Карамзинъ укорялъ въ недостаткѣ патріотизма вслѣдствіе просвѣщенія, твердо стояли за Русь и одинаково, вмѣстѣ съ народомъ, умѣли умирать.

„Онъ великъ, безъ сомнѣнія,—говоритъ Карамзинъ свои заключительныя слова о Петрѣ,— но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей". Въ немъ онъ охуждаетъ даже самовластіе, даже самодержавіе, которому поетъ хвалебный гимнъ во всей древней Россіи. „Предписывать уставы обычаямъ,— говоритъ онъ,— есть насилие беззаконное и для монарха самодержавнаго". Но кто же можетъ писать уставы для самодержавія, если въ немъ все благо народа и государства, по мнѣнію Карамзина, и кто же осмѣлится спорить, если это самодержавіе пойдетъ по одной дорогѣ, а не по другой? Кто имѣетъ право судить его? Очевидно, Карамзинъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ былъ невѣренъ себѣ. Остальныя царствованія, до Александра, Карамзинъ обозрѣваетъ довольно бѣглымъ образомъ, представляя только общія заключенія или останавливаясь на самыхъ рельефныхъ фактахъ, но все-таки удерживая главную мысль, что Россія была потрясена насильственными перемѣнами, и видя въ нихъ источникъ зла. „Пигмеи спорили о наслѣдіи великана. Аристократія, олигархія губили отечество...", а потому самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка... Несмотря, однако, на торжество этого самодержавія при Аннѣ, положеніе Россіи не стало лучше; при Елизаветѣ тоже было не хорошо. Переходя къ царствованію Екатерины, которую онъ называетъ „истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи", Карамзинъ оставляетъ, однако, тонъ панегирика, которымъ онъ описалъ это царствованіе при вступленіи Александра и находитъ въ немъ много темныхъ пятенъ. Онъ хвалитъ Екатерину, что „ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей". „Ея душа, гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ, и страхи тайной канцеляріи исчезли". Похвала эта, конечно, преувеличена, и публицистъ не принялъ въ соображеніе различные періоды этого царствованія и различные случаи, которые опровергли бы его мысль. Не смотря на это увлеченіе, Карамзинъ смотритъ на царствованіе Екатерины правильно „Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ.. Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое?... Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время... Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности, избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ... Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйствіи оныхъ; дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія... Екатерина... дремала на

розахъ, была обманываема, или себя обманывала, не видѣла, или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій...“ Всѣ эти вѣрно подмѣченныя черты царствованія Екатерины очень далеки отъ панегирика, а между тѣмъ, по словамъ Карамзина, „время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время...“ Откуда это противорѣчіе? Вѣроятно, происходило оно отъ слабости мысли, подкупленной внѣшнею славою Екатерининскаго царствованія. Время Павла представлено зато съ полною откровенностью; Карамзинъ какъ бы забылъ о томъ, что онъ говорилъ сыну объ отцѣ, и это дѣлаетъ ему большую честь. „Что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго“. По словамъ Карамзина, Павелъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV: „онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ“. Царствованіе Павла есть „царствованіе ужаса“, по выраженію Карамзина. Но въ обществѣ жило „великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти“, а потому, когда узнали о смерти Павла, то „вѣсть о томъ въ цѣломъ государствѣ была вѣстью искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія“. Несмотря на это изображеніе крайностей самодержавія, Карамзинъ, однако, не подвергаетъ его критикѣ, не думаетъ о возможности устранить на будущее время злоупотребленія самодержавной власти, которая въ Павлѣ дошла до полнаго, все отрицающаго произвола, какъ того желалъ Александръ, вступая съ тяжелою думою на отцовскій престолъ послѣ катастрофы 11 марта. Карамзинъ говоритъ, что „благоразумнѣйшіе россіяне сожалѣли, что зло вреднаго царствованія было пресѣчено способомъ вреднымъ“. Этотъ вредный способъ былъ заговоръ, и Карамзинъ возстаетъ, и совершенно справедливо, противъ этого способа. „Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу государствъ, говоритъ онъ, и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи, и должно скоро обратиться въ безначаліе“... Эти заговоры были, однако, такъ часты у насъ въ XVIII вѣкѣ, что прямо указывали на постоянную причину ихъ—безграничный произволъ самодержавія, приводившій людей къ самоуправству, а между тѣмъ Карамзинъ ни слова не говоритъ объ этихъ историческихъ причинахъ, а старается проповѣдать обществу, вмѣсто пріисканія дѣйствительныхъ, законныхъ средствъ,

только пассивную покорность неисповѣдимымъ путямъ провидѣнія: „кто вѣритъ провидѣнію, говоритъ Карамзинъ, да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго! Снесемъ его, какъ бурю, землетрясеніе, язву, феномены страшные, но рѣдкіе, ибо мы въ теченіе 9 вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ... Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія государей! Да устрашаютъ и государей для спокойствія народовъ!“ Въ словахъ этихъ слышится полное отрицаніе всего того, что̀ занимало Александра при вступленіи его на престолъ, именно желанія ограничить произволъ самовластія, опредѣлить власть закономъ. Мы знаемъ, что Александръ и тогдашніе либеральные друзья его желали конституціи. Этого послѣдняго понятія, какъ мы увидимъ далѣе, Карамзинъ не могъ переварить. Не понимая дѣйствительности, строго держась своихъ консервативныхъ взглядовъ и теоріи божественнаго права, Карамзинъ отнималъ у народа возможность даже мысли объ улучшеніи порядка вещей, подъ властью котораго ему пришлось жить, отнималъ всякую идею совершенствованія и проповѣдывалъ безусловную, слѣпую покорность судьбѣ или случаю, смотря потому, какъ кто понимаетъ. На основаніи этой теоріи понятно, какими глазами долженъ онъ былъ смотрѣть на все, сдѣланное въ царствованіе Александра для развитія государственной жизни.

Вторая и самая важная половина „Записки“ Карамзина имѣла тогда живой современный интересъ; она относилась къ царствованію Александра, къ тому, что̀ было сдѣлано имъ и его совѣтниками для преобразованія государства, и вообще къ современному состоянію Россіи, котораго Александръ, конечно, не зналъ вполнѣ или смотрѣлъ на него глазами тогдашнихъ своихъ приближенныхъ. Особенный вѣсъ словамъ Карамзина придавали великія современныя событія и то грозное ополченіе, которое уже собиралъ Наполеонъ противъ Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ тогдашней, совершенно естественной тяжелой думѣ о будущихъ судьбахъ своей страны, Александръ долженъ былъ обратить вниманіе на слова Карамзина, долженъ былъ подчиниться ихъ вліянію, тѣмъ болѣе, что въ ту пору около него не было ни одного человѣка, который бы могъ парализовать вліяніе Карамзина и опровергать печальные выводы его одинокой проповѣди. А между тѣмъ грозная туча все ближе и ближе подвигалась на горизонтѣ. Россія была въ опасности; нужны были крутыя рѣшительныя мѣры. Карамзинъ принималъ на себя судъ дѣлъ Александра, строгую критику всего совершеннаго въ его царствованіе и принималъ на себя видъ искренняго патріота. „Какое имѣю право? спрашивалъ онъ. — Любовь къ отечеству и монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами вели-

кими, то-есть въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что̀ мнѣ кажется справедливымъ и что̀ нѣкогда скажетъ исторія".

И онъ даетъ рѣзкую критику либеральныхъ начинаній и различныхъ мѣръ, предпринятыхъ при Александрѣ. Въ началѣ царствованія, замѣчаетъ онъ, было два мнѣнія, двѣ партіи. Одни желали, чтобъ „Александръ взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ"; другіе желали возстановленія Екатерининской системы. Карамзинъ, понятно, съ своей стороны, высказываетъ мнѣнія, принадлежавшія второй партіи; онъ противъ всякаго ограниченія самодержавія, откуда бы оно ни шло, и съ замѣчательною логикою и силою убѣжденія возстаетъ противъ конституціонныхъ порядковъ, введеніе которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, было затруднительно въ тогдашнемъ положеніи общества и государства. Но Карамзинъ считаетъ эту затруднительность постоянною, вѣчною, онъ знать не хочетъ ни о какомъ послѣдующемъ развитіи. „Самодержавіе основало и воскресило Россію, говоритъ онъ, съ перемѣною государственнаго устава ея она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія?" Въ этомъ вопросѣ Карамзинъ остался неподвижнымъ. Онъ былъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые думали въ то время не о полной конституціи для Россіи, что̀, разумѣется, было невозможно, а только объ исправленіи стараго. Съ этою цѣлью Карамзинъ совѣтовалъ государямъ только править *добродѣтельно* и довольствовался совершенно этою вялою сентиментальною фразою.

Приступая къ характеристикѣ современнаго царствованія, Карамзинъ говоритъ о добрыхъ, человѣческихъ свойствахъ Александра и объ общей любви къ нему всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „собираетъ твердость духа", чтобъ „сказать истину". Эта „истина" заключается въ слѣдующемъ изображеніи того времени: „Россія наполнена недовольными, жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры". Недовольство это, выставляемое Карамзинымъ, какъ всеобщее, было нѣсколько преувеличено; недовольны были, конечно, всѣ ретрограды, но причины ихъ недовольства легко объяснить: онѣ были чисто личныя. Карамзинъ въ своей „Запискѣ" объясняетъ это горестное расположеніе умовъ „несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками правительства". Очень рѣзко осуждаетъ Карамзинъ нашу тогдашнюю внѣшнюю политику и отношенія къ Европѣ: ошибки дипломатіи, вмѣшательство въ войну,

проигранныя сраженія, постыдный тильзитскій миръ. Осужденія эти легко было сдѣлать Карамзину, потому что они высказывались уже послѣ совершившихся событій, когда судить можетъ всякій. Тутъ не нужно было ни особаго ума, ни знанія дѣла; такія сужденія оправдываетъ успѣхъ или неуспѣхъ дѣйствія, а потому сужденія Карамзина, въ родѣ, напр., слѣдующихъ словъ: „Никто не увѣритъ Россіянъ, чтобы совѣтники трона, въ дѣлахъ внѣшней политики слѣдовали правиламъ истинной мудрой любви къ отечеству и къ доброму государю"—ничего не доказываютъ. Карамзинъ обвиняетъ этихъ совѣтниковъ или „сихъ несчастныхъ", какъ онъ выражается, въ томъ, что они „думали единственно о пользѣ своего личнаго самолюбія". Намъ извѣстно, насколько было это справедливо.

Переходя къ внутреннимъ дѣламъ государства, т.-е. къ тѣмъ немногимъ преобразованіямъ, которыя допустили сдѣлать обстоятельства времени, Карамзинъ откровенно высказываетъ свои охранительныя убѣжденія и свою нелюбовь ко всякаго рода преобразованіямъ: „Вмѣсто того, чтобы немедленно обращаться къ порядку вещей Екатеринина царствованія, утвержденному опытомъ 34 лѣтъ и, такъ сказать, оправданному безпорядками Павлова времени, вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ *исправлять* по основательному разсмотрѣнію, — совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правила мудрыхъ, что *всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло*, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ". Идеаломъ Карамзина, слѣдовательно, было время Екатерины, но онъ самъ уже представилъ въ „Запискѣ" темныя стороны этого времени, а Александръ еще при жизни Екатерины видѣлъ всю тогдашнюю неурядицу: и всеобщій грабежъ, и бѣдствія угнетеннаго народа, и царствовавшее вездѣ и во всемъ неправосудіе и пр. Можно ли было, зная все это и сочувствуя бѣдствіямъ массъ, не затыкая ушей и не закрывая глазъ, оставаться при старыхъ порядкахъ? Но Карамзинъ считаетъ правленіе Екатерины лучшимъ, нежели реформы, введенныя въ началѣ царствованія Александра. „Сія система правительства, говоритъ онъ, не уступала въ благоустройствѣ никакой иной европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами Имперіи. Такъ Карамзинъ нападаетъ на министерства и ихъ учрежденіе въ 1802 году, и, повидимому, на поверхностный взглядъ, замѣчанія его кажутся справедливыми. Прежде всего онъ замѣчаетъ „излишнюю поспѣшность" въ учрежденіи министерствъ. Съ своей точки зрѣнія онъ убѣжденъ, что съ этимъ

учрежденіемъ правительство лишилось консервативнаго характера и потеряло послѣдовательность въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ доказываетъ, что Сенатъ утратилъ прежнее свое правительственное значеніе (эту мысль раздѣлялъ съ Карамзинымъ и Державинъ), и жалѣетъ о прежнихъ коллегіяхъ и ихъ порядкахъ. Карамзинъ нападаетъ также и на Государственный Совѣтъ, придуманный, по словамъ его, чтобы ограничить нѣсколько неограниченную власть министровъ. Онъ даже впередъ осуждаетъ всѣ нововведенія, всѣ новыя преобразованія, которыя разрабатывались тогда главнымъ образомъ Сперанскимъ. Все сдѣланное доселѣ, по словамъ его, имѣетъ характеръ неожиданности. „Спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ, и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло: учрежденіе министерствъ и совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапное". Карамзинъ требуетъ, чтобъ для этихъ новыхъ учрежденій были приготовлены умы, чтобъ объяснены были намѣренія, цѣли правительства и смыслъ вводимаго, забывая, что все это несообразно съ самодержавіемъ. Противорѣчія его мнѣній особенно вѣрно выставлены въ біографіи Сперанскаго барона Корфа, въ статьѣ о Сперанскомъ Дмитріева [1]) и въ книгѣ Пыпина „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". Останавливаться подробно на критикѣ противорѣчій Карамзина и указывать то, что было въ его замѣчаніяхъ вѣрнаго и невѣрнаго,—не стоитъ, да и далеко отъ нашей цѣли. То онъ нападаетъ на всемогущество министровъ, на ихъ безотвѣтственность, то недоволенъ тѣмъ, что въ учрежденіи о министерствахъ говорится о возможности суда надъ ними. Этотъ судъ нарушаетъ самодержавіе; отвѣтственность министровъ несовмѣстна съ послѣднимъ, потому что выборъ ихъ зависитъ отъ государя. „Пусть государь награждаетъ достойныхъ своею милостью, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скрытно. Худой министръ есть ошибка государева; должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобъ народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ царскимъ".

На каждомъ шагу въ „Запискѣ" Карамзина сквозитъ не только недовѣріе ко всему тому, что было до сихъ поръ сдѣлано въ царствованіе Александра съ искреннимъ желаніемъ добра и блага народу и государству, но и рѣзкое осужденіе всѣхъ реформъ въ соединеніи съ сожалѣніемъ о старомъ. Къ преобразователямъ относится онъ съ глубокимъ презрѣніемъ, какъ къ людямъ только одной теоріи:

---

[1]) Р. А. 1868.

„Вообще новые законодатели Россіи, говоритъ онъ, славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною". Понятно, что прежде все было лучше, и Россія болѣе была счастлива: „Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ Сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины". Въ своемъ консерватизмѣ Карамзинъ доходитъ до тупости: „Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, *а новому добру какъ-то не вѣрится*; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ; ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около 1000 лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, а въ видѣ государства великаго. А намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ американскихъ. Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой". Всякое нововведеніе, по мысли Карамзина, благопріятствуетъ произволу. Пугая Александра будто бы всеобщимъ недовольствомъ противъ правительства, Карамзинъ старается доказать, что одна изъ главныхъ причинъ этого неудовольствія есть „излишняя любовь правительства къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною". Таковъ общій взглядъ Карамзина на значеніе совершившихся преобразованій. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ разбираетъ. Въ особенности сильно досталось отъ Карамзина министерству народнаго просвѣщенія и преобразованіямъ, сдѣланнымъ по этой части, что̀ составляетъ самое лучшее дѣло изъ царствованія Александра. „Онъ употребилъ *милліоны* для основанія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Для выписанныхъ профессоровъ не было учениковъ приготовленныхъ; ученики, по незнанію латинскаго языка, не понимаютъ профессоровъ"... „У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ"; „выгоды ученаго состоянія у насъ неизвѣстны". По Карамзину, ни одно сословіе, ни одна профессія въ Россіи не нуждается въ высшемъ образованіи, и потому нужно было заводить его въ размѣрахъ втрое меньшихъ. „Строить, покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ, есть—пускать пыль въ глаза. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани". Такъ скептически смотрѣлъ Карамзинъ на то, что̀ было сдѣлано правительствомъ для образованія вообще и высшаго въ особенности. Онъ былъ недоволенъ и уставомъ

внутренняго устройства университетовъ, тѣмъ, что профессора должны заниматься дѣлами хозяйственными или ѣздить осматривать училища. „Вообще, говоритъ онъ, министерство *такъ называемаго* просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности и какъ бы не вѣдая, что̀ ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя". Конечно, въ словахъ Карамзина заключалась часть правды, но насъ поражаетъ въ нихъ это неуваженіе къ наукѣ и просвѣщенію цѣлой страны, болѣе чѣмъ странное въ писателѣ, пользовавшемся заслуженною извѣстностью.

Гораздо болѣе Карамзинъ былъ правъ, нападая на извѣстный указъ объ экзаменахъ 1809 года, хотя и здѣсь нельзя не сказать, что пренебрежительный отзывъ его страдаетъ преувеличеніемъ. Государство желало, чтобъ его органы-чиновники были люди сколько-нибудь образованные. Указъ былъ задуманъ и приведенъ въ исполненіе по волѣ государя только однимъ Сперанскимъ и потому на него одного обрушилось негодованіе заинтересованныхъ въ немъ людей. Указъ этотъ, объясняя предпринимаемую мѣру, говорилъ, что „всѣ части государственнаго служенія требуютъ свѣдущихъ исполнителей, и чѣмъ далѣе будетъ отлагаемо твердое и отечественное образованіе юношества, тѣмъ недостатокъ впослѣдствіи будетъ ощутительнѣе". Причина, по словамъ указа, заключалась въ легкости достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы. Чтобъ прекратить этотъ вредный порядокъ вещей, было постановлено не производить никого въ чинъ коллежскаго ассесора безъ университетскаго свидѣтельства объ окончаніи курса или вообще о знаніяхъ. То же самое требовалось и для производства въ статскіе совѣтники. При указѣ приложена была довольно обширная программа предметовъ общаго образованія, знаніе которыхъ требовалось отъ чиновника, желавшаго пріобрѣсти высшій чинъ. Понятно, какое сильное негодованіе долженъ былъ произвести этотъ неожиданный указъ въ многочисленной арміи нашихъ невѣжественныхъ чиновниковъ того времени, въ странѣ, которая была лишена тогда всякихъ средствъ для высшаго образованія. Старики чиновники, долго служившіе, лишались вдругъ возможности дальнѣйшаго повышенія. Злоба противъ Сперанскаго, противъ этого выскочки-поповича, изъ столицъ распространилась по провинціямъ. На него посыпались злобные сарказмы, анонимныя письма, ругательныя стихотворенія. Но не одни чиновники нападали на указъ; съ ихъ голоса стали кричать въ обществѣ и тѣ, которые были недовольны реформами Сперанскаго. Указъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, отчасти несправедливъ, потому что онъ нисколько не цѣнилъ

продолжительную опытность чиновника и требовалъ отъ него только общихъ теоретическихъ знаній, которыя, повидимому, вовсе ни на что не годились въ его спеціальной службѣ. Когда для такихъ стариковъ чиновниковъ открыты были особенные экзаменные комитеты при университетахъ, то понятно, что экзамены эти превратились въ пустую формальность, а профессора-экзаменаторы брали съ чиновниковъ взятки. Началась торговля университетскими свидѣтельствами. Самый главный недостатокъ этого указа Сперанскаго состоялъ въ томъ, что онъ былъ очень крутъ и касался не только будущаго, но и настоящаго; онъ вводился тотчасъ же; не было положено срока, послѣ котораго слѣдуетъ требовать университетскаго свидѣтельства. Но это былъ единственный недостатокъ указа 1809 года. Сперанскій явился настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, требуя отъ чиновника общаго университетскаго свидѣтельства, а не спеціальнаго административнаго экзамена, который былъ рѣшительно невозможенъ при тогдашнемъ состояніи у насъ спеціальной науки. Служба, однако, во всякомъ случаѣ, выигрывала, когда пріобрѣтала людей, развитыхъ умственнымъ и нравственнымъ образомъ. Другихъ требованій невозможно было и дѣлать въ ту пору. Въ этомъ отношеніи указъ Сперанскаго составилъ дѣйствительную эпоху и принесъ несомнѣнную пользу. Съ него начинается паденіе сословія подъячихъ и невѣжественныхъ чиновниковъ-взяточниковъ, этой старинной язвы нашего общества. Въ темный міръ брошена была искра свѣта, начала честности и правды, которыя даются общимъ развитіемъ.

Карамзинъ, нападая на этотъ указъ, который онъ называетъ *несчастнымъ*, не выказалъ ни такта государственнаго человѣка, который смотритъ не на одно настоящее, ни любви къ просвѣщенію и наукѣ. Онъ говоритъ объ одномъ только настоящемъ и дѣлается, такимъ образомъ, отголоскомъ всеобщаго вопля невѣжественныхъ чиновниковъ. Карамзинъ ограничивается только сарказмами, правда, злыми и язвительными, но едва ли справедливыми съ широкой государственной точки зрѣнія. Онъ согласенъ на спеціальный, административный экзаменъ, который, какъ мы сказали, не былъ возможенъ тогда въ Россіи, и негодуетъ на требованіе общаго образованія.

„У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита; секретарь сенатскій — свойства оксигена и всѣхъ газовъ; вице-губернаторъ—Пиѳагорову фигуру; надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ—римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками... Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія столь несогласнаго съ ихъ цѣлью!“ Кромѣ вреда Карамзинъ ничего хорошаго не ожидаетъ отъ этого указа и въ особен-

ности налегаетъ на *принудительный* характеръ его, вызванный, впрочемъ, бездѣйствіемъ, инерціей самого общества.

Далѣе Карамзинъ разсуждаетъ о крѣпостномъ вопросѣ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя задумывались въ началѣ царствованія Александра для облегченія участи крѣпостного сословія. Достаточно зная уже Карамзина, мы не имѣемъ никакого права ожидать, чтобъ въ этомъ случаѣ онъ былъ особенно либераленъ и шелъ въ своихъ требованіяхъ впереди общественнаго мнѣнія. Напротивъ, какъ помѣщикъ и строгій консерваторъ, онъ раздѣлялъ и поддерживалъ мнѣніе большинства, стоялъ за statu quo, вовсе не желалъ освобожденія, такъ что невольно приходитъ въ голову весьма естественная мысль: не привело ли Карамзина желаніе сохранить statu quo въ крестьянскомъ вопросѣ вообще къ его консерватизму. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ умный и талантливый писатель своими отсталыми мнѣніями по крестьянскому вопросу въ то время, когда все живое и молодое было предано идеямъ свободы и хлопотало объ облегченіи угнетенныхъ массъ. Мы привыкли съ XVIII вѣка говорить, что наша литература шла впереди общественнаго развитія, что она всегда проповѣдовала любовь къ человѣчеству и развитіе. На этотъ разъ вышло не такъ, и человѣкъ, который такъ много въ своихъ сочиненіяхъ наговорилъ сентиментальныхъ фразъ о свободѣ, о любви къ человѣчеству, о просвѣщеніи и пр., дѣлается защитникомъ темнаго дѣла и стоитъ за принципъ крѣпостного права.

Прежде всего, въ своей защитѣ крѣпостного права, Карамзинъ осуждаетъ указъ, которымъ запрещалась продажа и купля людей съ цѣлью отдать ихъ въ рекруты; это былъ обычай, который велъ ко многимъ злоупотребленіямъ, какъ всякая торговля людьми. Карамзинъ посмотрѣлъ на этотъ указъ весьма односторонне; онъ жалѣетъ, что онъ отнялъ средство у „небогатыхъ владѣльцевъ“ сдавать дурныхъ людей въ рекруты и у хорошей крестьянской семьи возможность нанять за себя рекрута. Собственно объ освобожденіи крестьянъ Карамзинъ не могъ говорить прямо и открыто, потому что желанія правительства, въ началѣ, повидимому, весьма широкія, ограничились въ этомъ дѣлѣ слабыми полумѣрами, но онъ считалъ своею обязанностью высказать въ запискѣ свои мнѣнія вообще по предмету освобожденія.

„Нынѣшнее правительство, говоритъ онъ, имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу“. Поэтому онъ исторически разбираетъ у насъ рабство и старается доказать, что крестьяне никогда не имѣли права на землю, всецѣло принадлежащую помѣ-

щику. Онъ не допускаетъ даже мысли о возможности освобожденія крестьянъ съ землею, а на освобожденіе безъ земли, по его словамъ, не рѣшится „благоразумный самодержавецъ“. Карамзинъ рисуетъ бѣдственное положеніе государства и самихъ крестьянъ въ случаѣ, если послѣдуетъ освобожденіе. Онъ какъ бы старается напугать правительство ужасающими для порядка послѣдствіями. Связь между помѣщиками и крестьянами разрушится. „Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ“. Начнутся безконечныя тяжбы между тѣми и другими, когда придется юридически опредѣлять отношенія или заключать контракты. Когда крестьянинъ не будетъ болѣе прикрѣпленъ къ землѣ, казна неминуемо потерпитъ убытокъ въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, самое земледѣліе потерпитъ. Поля останутся не обработанными, житницы пустыми. Крестьяне, не имѣя надъ собою безденежнаго суда помѣщичьяго, станутъ ссориться между собою, судиться въ городахъ; отсюда ихъ общее разоренье. Лишенные помѣщичьей опеки, лучшей чѣмъ всѣ земскіе суды, крестьяне станутъ пьянствовать, злодѣйствовать: „какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности!“ Карамзинъ пугаетъ даже правительство его безсиліемъ, если оно лишится содѣйствія дворянъ-помѣщиковъ. „Дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!“ Свобода земледѣльцевъ вредна для государства. Освобожденные отъ власти господской, они не будутъ счастливы, „преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ“. Помѣщичьи крестьяне и теперь гораздо счастливѣе казенныхъ. „Знаю, что теперь неудобно возвратить крестьянамъ свободу — говоритъ Карамзинъ, а что если и есть злоупотребленія помѣщичьей властью, то лучше *подъ рукою* взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ. Въ заключеніе своей защиты крѣпостного состоянія Карамзинъ считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ доброму монарху съ слѣдующими словами: „Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ!“

Такимъ образомъ, въ вопросѣ столь важномъ, такъ глубоко затрогивающемъ всѣ основы государственной и народной жизни, въ вопросѣ, который занималъ лучшихъ людей того времени, воспользо-

вавшихся идеями гуманной и просвѣтительной философіи прошлаго вѣка, Карамзинъ стоялъ на неподвижной, строго консервативной точкѣ зрѣнія. Онъ отсталъ отъ передовыхъ писателей, даже русскихъ. Пусть онъ не былъ человѣкомъ съ государственнымъ тактомъ и широкимъ взглядомъ, смотрѣвшимъ въ даль будущаго, но онъ былъ писатель — филантропъ, воспитанный въ гуманной масонской школѣ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ безпрестанно твердилъ о любви къ человѣчеству и свободѣ, а когда пришлось примѣнять слова къ дѣлу, оказалось, что всѣ красивыя слова, имъ когда-то произнесенныя, были только фразами безъ содержанія, оказалось, что вмѣсто филантропа-писателя передъ нами риторъ — помѣщикъ, изъ низкихъ эгоистическихъ цѣлей старающійся защищать даже торговлю людьми!

Въ защитѣ крѣпостного права, въ виду уже созрѣвшей мысли передовыхъ людей и даже самого правительства, которое относилось къ угнетенной массѣ простого народа болѣе гуманно, чѣмъ человѣкъ, считавшійся первымъ писателемъ своего времени, высказался весь тупой консерватизмъ Карамзина. Аргументы, приводимые имъ, конечно, не принадлежали ему собственно; они составляли кодексъ убѣжденій рабовладѣльческаго большинства. Съ тою же силою и убѣжденіемъ они высказывались еще недавно, и несправедливость ихъ доказана временемъ. Мы не знаемъ, насколько аргументы Карамзина подѣйствовали въ этомъ вопросѣ на умъ и волю Александра, но при извѣстной слабости его характера, надобно полагать, что теоретически сочувствуя бѣдственному положенію крѣпостного сословія, онъ едва ли рѣшился бы на практическое рѣшеніе вопроса: такъ много было вокругъ него совѣтниковъ, раздѣлявшихъ изъ личныхъ выгодъ мнѣнія, высказанныя Карамзинымъ.

Но „Записка“ не оканчивается крѣпостнымъ вопросомъ. Карамзинъ далъ себѣ задачу разобрать всѣ главныя правительственныя мѣры въ царствованіе Александра, оцѣнить ихъ критически и во всемъ представить бѣдственное положеніе государства. Далѣе слѣдуетъ разборъ *финансовыхъ мѣръ*, о которомъ упомянемъ коротко, вслѣдствіе его спеціальности. Карамзинъ осуждаетъ множество ассигнацій, неравномѣрность и увеличеніе налоговъ, расточительность казны, въ противоположность съ личною, дворцовою бережливостью самого Александра. „Сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ! Здѣсь три генерала стерегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ человѣкъ беретъ изъ пяти мѣстъ жалованье; всякому столовыя деньги; множество пенсій излишнихъ; даютъ взаймы безъ отдачи и кому? Богатѣйшимъ людямъ!“ Расточительность, казнокрадство, тунеядство и роскошь — вотъ черты финансоваго поло-

женія Россіи въ то время, по словамъ Карамзина. Но между средствами ограничить лишнюю расточительность казенныхъ денегъ Карамзинъ рекомендуетъ между прочимъ: „отказывать невѣждамъ, требующимъ денегъ для мнимаго успѣха наукъ“. Это былъ прямой упрекъ тогдашнему министерству народнаго просвѣщенія, котораго Карамзинъ не любилъ.

Послѣ осужденія финансовыхъ мѣръ и неудовлетворительности тогдашняго финансоваго положенія Россіи, самыя сильныя обвиненія Карамзина падаютъ на законодательныя мѣры того времени, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ Сперанскій. Нельзя сказать, чтобъ въ этихъ нападеніяхъ его присутствовали только желчь и раздраженіе; было въ нихъ и довольно правды, потому что законодательное дѣло при Александрѣ шло весьма поспѣшно и необдуманно, для него недоставало у насъ тогда людей съ научнымъ юридическимъ образованіемъ, на что горько жаловался и Сперанскій, первый человѣкъ, который сталъ дѣятельно заботиться о развитіи у насъ юридическаго образованія. Поговоривъ о прежнихъ попыткахъ законодательства у насъ, съ самыхъ древнихъ временъ, Карамзинъ переходитъ къ разбору того, что̀ сдѣлано было при Александрѣ. „Александръ, ревностный исполнить то, чего всѣ монархи россійскіе желали, образовалъ новую коммиссію, набрали многихъ секретарей, редакторовъ, помощниковъ, не сыскали одного и самаго необходимѣйшаго—человѣка способнаго быть ея душою“. Этимъ человѣкомъ, главнымъ дѣятелемъ въ коммиссіи до Сперанскаго былъ Розенкампфъ. На его работы нападать было не трудно. Томъ предварительныхъ работъ его Карамзинъ характеризуетъ такъ: „Множество ученыхъ словъ и фразъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, ни одной мысли, почерпнутой въ созерцаніи особеннаго гражданскаго характера Россіи. Добрые соотечественники наши ничего не могли понять, кромѣ того, что голова авторовъ въ лунѣ, а не на землѣ русской!“ Но „вотъ опять новая декорація: видимъ законодательство въ другой рукѣ“. Это былъ Сперанскій. Онъ напечаталъ двѣ первыя книжки „Проекта новаго уложенія“, и хотя онѣ были предназначены только для членовъ совѣта, но сдѣлались извѣстными и въ публикѣ, которая изъ ненависти къ Сперанскому находила въ ней одни недостатки. Достоинство законодательныхъ работъ Сперанскаго, какъ предварительныхъ при Александрѣ, такъ и послѣдующихъ, при составленіи „Свода“ въ царствованіе Николая, признано наукою. Карамзинъ отнесся къ нимъ, однако, съ крайнимъ порицаніемъ и раздражительно, и видѣлъ въ нихъ только недостатки. Въ двухъ томахъ „Проекта“ онъ находитъ „Переводъ Наполеонова кодекса!“ „Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя;

у насъ еще не Вестфалія, не итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно предъ лицемъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю или 7-ю эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами!" Такъ презрительно третируетъ Карамзинъ, — конечно, не юристъ и даже не ученый — лучшій законодательный памятникъ той эпохи, который „вполнѣ соотвѣтствовалъ всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ науки и общества" — по словамъ барона Корфа [1]). Конечно, трудъ Сперанскаго былъ слишкомъ поспѣшенъ, но это былъ только проектъ и высокомѣрное отношеніе къ нему Карамзина, съ разнообразными мелкими натяжками въ обвиненіяхъ, не оправдывается ничѣмъ. Баронъ Корфъ въ своей біографіи Сперанскаго приписываетъ только раздражительности Карамзина его упрекъ Сперанскому въ томъ, что въ его проектѣ говорится *о правахъ гражданскихъ* (т.-е. о правѣ собственности, завѣщаніяхъ и т. п.). Ихъ, по словамъ Карамзина, „въ истинномъ смыслѣ не бывало и нѣтъ въ Россіи". У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній: у насъ дворяне, купцы, земледѣльцы и пр.; всѣ они имѣютъ свои особенныя права. При поспѣшности работы Сперанскаго, легко было Карамзину нападать на ошибки перевода съ французскаго, но ненависть его къ кодексу Наполеона можно объяснить только тогдашними нашими политическими отношеніями и общимъ тономъ всей патріотической литературы того времени, къ которой принадлежала и „Записка" Карамзина. „Оставляя все другое, говорилъ онъ, спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ законы французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданскому состоянію? Мы всѣ—всѣ любящіе Россію, государя ея, славу, благоденствіе,—такъ ненавидимъ сей народъ, обагренный кровію всей Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ. И въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святой олтарь отечества!"

Вмѣсто систематическаго кодекса, основаннаго на современныхъ понятіяхъ науки и болѣе развитого общества, Карамзинъ предлагалъ только систематическое собраніе и изложеніе законовъ, заключающихся въ указахъ и постановленіяхъ, изданныхъ отъ временъ царя

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго. Спб., 1861 г., т I, стр. 162.

Алексѣя Михайловича до нашихъ: „вотъ содержаніе кодекса"—говорилъ онъ.—„Для стараго народа не нужно новыхъ законовъ". Нужно было только кое-что исправить, кое что прибавить. Этотъ же самый способъ предлагалъ и Сперанскій, но это, по его мнѣнію, былъ худшій родъ законодательства; у Карамзина это лучшій. „Сей трудъ великъ,—говорилъ онъ,—но онъ такого свойства, что его нельзя поручить многимъ. Одинъ человѣкъ долженъ быть главнымъ, истиннымъ творцемъ Уложенія Россійскаго; другіе могутъ служить ему только совѣтниками, помощниками, работниками. Здѣсь единство мыслей необходимо для совершенства частей и цѣлаго, единство воли необходимо для успѣха; или мы найдемъ такого человѣка, или долго будемъ ждать кодекса". Замѣчательно,—и это служитъ доказательствомъ вліянія „Записки" Карамзина въ послѣдующее время,—что дѣло законодательное приняло у насъ такой ходъ, какой совѣтовалъ Карамзинъ, хотя единственнымъ составителемъ „Свода Законовъ" въ царствованіе Николая является тотъ же Сперанскій, на котораго Карамзинъ нападалъ.

Разобравъ такимъ образомъ и осудивъ внутреннее состояніе Россіи въ то время, Карамзинъ опять возвращается къ тому, съ чего началъ, т.-е. къ общему недовольству правительствомъ въ Россіи. „Удивительно ли, спрашиваетъ онъ, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ правительству? Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и государя, не будемъ твердить, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ: сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ государствѣ". Но Карамзинъ не отчаивается въ будущемъ Россіи, хотя и видитъ въ ней „еще обширное поле для всякихъ новыхъ твореній самолюбиваго неопытнаго ума". Онъ предлагаетъ для излѣченія всеобщаго зла нѣсколько цѣлебныхъ средствъ, по его словамъ, самыхъ простѣйшихъ. Возвратиться къ прежнему, т.-е. къ системѣ Екатерины, составлявшей идеалъ Карамзина, уже поздно; надобно искать другихъ средствъ. „Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности", а потому надобно перемѣнить систему, думать и хлопотать не о формахъ, *а о людяхъ*. Главное правило — *искать людей*; „теперь всего нужнѣе люди" — говоритъ Карамзинъ. Люди эти нужны вездѣ и въ особенности на губернаторскихъ мѣстахъ. Пусть будутъ вездѣ хорошіе губернаторы, и министрамъ, и совѣту можно тогда „отдыхать на лаврахъ". Губернаторами того времени Карамзинъ совершенно недоволенъ, но, несмотря на то, онъ желаетъ увеличенія губернаторской власти, сожалѣетъ, что много частей въ составѣ губерніи не принадлежатъ къ вѣдомству губер-

натора, требуетъ возвысить его санъ и сдѣлать его похожимъ на Екатерининскаго намѣстника. Карамзинъ хлопоталъ, такимъ образомъ, объ усиленіи власти, о ея централизаціи, что̀ соотвѣтствовало его представленію о неограниченномъ самодержавіи. Та же мысль является и во второмъ его правилѣ: „умѣйте обходиться съ людьми“. Здѣсь требуетъ онъ силы правительственной, а не мягкости,—грозы и страха, но только изъ рукъ монарха. Личная строгость монарха—все въ государствѣ. Онъ самъ—„живой законъ“. „Сирены могутъ пѣть вокругъ трона: „Александръ! воцари законъ въ Россіи“ и пр. Карамзинъ это объясняетъ такъ: „Александръ, дай намъ именемъ закона господствовать надъ Россіею, а самъ покойся на тронѣ, изливай единственно милости, давай намъ чины, ленты и деньги!“ Карамзинъ возстаетъ, такимъ образомъ, противъ силы закона; въ нее онъ не вѣритъ и все спасеніе видитъ въ *хорошихъ людяхъ*. Но кому неизвѣстно это, рекомендуемое имъ средство, и не приготовляются ли сами люди, для настоящаго исполненія своихъ обязанностей хорошими законами, высшимъ образованіемъ, наконецъ, личнымъ участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ, согласно конституціоннымъ порядкамъ,—а Карамзинъ не признаетъ силу первыхъ, считаетъ ненужнымъ для Россіи второе и рѣшительно вооружается противъ третьяго. Не отзываются ли его *цѣлебныя средства* тѣмъ же вялымъ сентиментализмомъ, какъ и вся его прежняя литературная дѣятельность?

Подъ конецъ своей „Записки“ Карамзинъ считаетъ почему-то нужнымъ вставить цѣлую патетическую тираду въ пользу дворянства, какъ будто на него было сдѣлано особое нападеніе или Александръ особенно не благоволилъ къ нему. „Самодержавіе есть палладіумъ Россіи, говоритъ онъ; цѣлость его необходима для ея счастія; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія“. Дворянству предоставляетъ онъ единственно служебное поприще, а потому совѣтуетъ государю какъ можно болѣе „возвышать санъ дворянина“. Блескъ его „можно назвать отливомъ царскаго сіянія“. Для этого хорошо бы монарху являться самому въ торжественныхъ собраніяхъ дворянства и не въ гвардейскомъ мундирѣ, а въ дворянскомъ. Точно также Карамзинъ желаетъ поднятія значенія духовенства, чтобъ, по крайней мѣрѣ, синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и дѣйствіяхъ, чтобы іереи были лучше и образованнѣе, чтобъ по закону они болѣе „пеклись о нравственности прихожанъ“ и пр. Вотъ программа исцѣленія язвъ Россіи, по правдѣ сказать, слишкомъ неопредѣленная и не глубокая. „Дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилища законовъ,

надъ всѣми государь, единственный источникъ властей,—вотъ основаніе россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ". При наличности этихъ условій Карамзинъ не вѣритъ въ возможность бѣдствій Россіи, не видитъ близкой гибели для нея; но Александру нужно быть „осторожнѣе въ новыхъ государственныхъ твореніяхъ, стараясь всего болѣе утвердить существующія и думая болѣе о людяхъ, нежели о формахъ". Это любимая мысль Карамзина. Онъ не любитъ *формы*, нападаетъ на нихъ и хочетъ остаться при старомъ произволѣ. Подъ поклоненіемъ формамъ разумѣется Карамзинымъ конституціонный проектъ Сперанскаго, опередившій далеко то общество, для котораго онъ былъ писанъ, и раздѣляемый только государемъ и самымъ ничтожнымъ меньшинствомъ развитыхъ людей.

Таково было общее содержаніе знаменитой „Записки" Карамзина. Долго она являлась чѣмъ-то запретнымъ, таинственнымъ; это обстоятельство придавало ей особое значеніе и воображаемыя достоинства. Теперь запретъ снятъ; мысль Карамзина знакома намъ въ полнотѣ, а не въ преднамѣренныхъ пересказахъ. Критика свободно можетъ разбирать это произведеніе; для общества же не безполезно прошли годы развитія и его не подкупятъ красивыя фразы Карамзина. Мы знаемъ мысль Карамзина и видимъ, что она не была ни глубока, ни блестяща по своему содержанію, не отличалась ни знаніемъ дѣла, ни безкорыстіемъ. „Записка" была выраженіемъ цѣлой системы консерватизма въ обществѣ невѣжественномъ, своекорыстномъ, напуганномъ задуманными и отчасти начатыми реформами. Но консерватизмъ этотъ, по характеру литературной дѣятельности Карамзина, получилъ какой-то туманный, сентиментальный видъ, облекся въ красивыя, но крайне безсодержательныя фразы. „Несмотря на странныя несообразности и недомолвки, „Записка" Карамзина имѣетъ для насъ, потомковъ, большую историческую цѣну, говоритъ біографъ Сперанскаго, вовсе не по внутреннему ея достоинству и не по краснорѣчивому изложенію въ ней индивидуальныхъ его мыслей, но какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ, гораздо болѣе литераторъ, нежели человѣкъ государственный или вообще политическій, говорилъ здѣсь, разумѣется, не одно свое. Если современная ему публика нашла въ его „Запискѣ" свое собственное темное неудовольствіе, облеченное въ форму изящной рѣчи, то нѣтъ сомнѣнія, что взаимно и та среда, въ которой онъ жилъ, не могла остаться безъ широкаго на него вліянія. Въ этомъ смыслѣ „Записка о старой и новой Россіи", представляя собою общій, такъ сказать, итогъ толковъ тогдашней консервативной оппозиціи и тѣхъ массъ, которыя, обветшавъ, требовали обновленія, еще

болѣе подтверждаетъ мысль, выше нами высказанную, что Александръ и первый его министръ, въ порывѣ высокихъ своихъ увлеченій, опережали возрастъ своего народа даже между образованнѣйшими его классами“ [1]).

Существованіе „Записки“ Карамзина и ея содержаніе сдѣлались извѣстными, къ сожалѣнію, въ такую эпоху русской жизни, когда ея начала и мысли стали господствующими и когда свободное отношеніе къ ней критики было немыслимо. Все, что̀ только въ обществѣ и литературѣ было либеральнаго по взглядамъ и убѣжденіямъ, все это было разсѣяно бурею или задавлено новымъ тяжелымъ порядкомъ вещей. А между тѣмъ имя Карамзина, глубоко уважаемое по личному характеру и по разнымъ другимъ отношеніямъ, напр., хотя бы потому, что, будучи другомъ Александра, онъ ничего не искалъ лично для себя и отклонялъ разныя блестящія предложенія, окружено было въ передовомъ литературномъ кругу славою и почетомъ. Уваженіе къ нему перешло въ массу общества, и каждое слово Карамзина принималось какъ откровеніе свыше, — тѣмъ болѣе, что никто не вникалъ въ настоящій смыслъ его „Записки“, никто не зналъ даже вполнѣ ея текста; принимали на вѣру, какъ авторитетъ. Только одинъ русскій изгнанникъ, Н. И. Тургеневъ, счастливо избѣгнувшій послѣдствій катастрофы 14 декабря, уже въ поздніе годы могъ свободно разсуждать за границею о содержаніи „Записки“ Карамзина. Но онъ, подобно прочимъ современникамъ, относится съ особеннымъ піэтетомъ къ личности Карамзина, говоритъ о его благородной и возвышенной душѣ и отдаетъ справедливость той смѣлости, съ какою онъ говорилъ Александру, хотя послѣдній легко и скоро, конечно, могъ простить грубость Карамзина, именно потому, что источникъ этой грубости заключался въ его любви къ абсолютизму. Но Тургеневу не нравится въ „Записке“ защита дворянскихъ привилегій, желаніе возвысить это сословіе, неуваженіе къ русскому народу, для котораго Карамзинъ считалъ какъ бы невозможнымъ всякій прогрессъ, и видѣлъ прогрессъ только въ дѣйствіяхъ абсолютной власти, безъ которой онъ считалъ невозможнымъ существованіе и развитіе Россіи. Въ особенности Тургеневу, всю жизнь мечтавшему объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и положившему̀ такъ много труда для этого дѣла, не нравились взгляды Карамзина на крѣпостной вопросъ. Но критика Тургенева была единственною справедливою критикой „Записки“; къ сожалѣнію, у насъ она не имѣла вліянія, будучи напечатана за границею. Первый баронъ Корфъ въ своей біографіи Сперанскаго, вышедшей въ 1861 г.,

[1]) Корфъ. Жизнь Сперанскаго, I, стр. 143.

сказалъ о запискѣ Карамзина нѣсколько дѣльныхъ и мѣткихъ замѣчаній и наконецъ Пыпинъ въ 1870 году (Вѣстникъ Евр., кн. V, стр. 202—246) [1]) подробно и вѣрно разобралъ ея содержаніе и указалъ значеніе ея для того и послѣдующаго времени. Всѣ остальныя лица, писавшія объ этомъ произведеніи Карамзина, только хвалили его.

Мы должны перейти теперь къ совершенно иному кругу идей, который не имѣетъ ничего общаго ни съ современными вопросами государственнаго устройства, ни съ общимъ содержаніемъ патріотической литературы, господствовавшей въ описываемое время въ обществѣ, но который, тѣмъ не менѣе, имѣетъ право на существованіе, потому что выражаетъ извѣстную духовную потребность общества, и заслуживаетъ быть упомянутымъ въ исторіи русскаго умственнаго развитія. Мы говоримъ о массонствѣ и мистицизмѣ, которые возродились къ жизни въ первые годы царствованія Александра, чему способствовалъ нѣкоторый относительный просторъ мысли и гуманный взглядъ на это направленіе ума со стороны самого императора. Направленіе это высказалось въ литературѣ цѣлымъ рядомъ сочиненій, переводовъ и даже періодическихъ изданій, проникнутыхъ одною мыслью, преимущественно мыслью и содержаніемъ христіанскаго піэтизма, примкнувшаго тогда къ нѣкоторымъ именамъ мистиковъ-піэтистовъ Германіи, сдѣлавшихся у насъ неопровержимыми авторитетами. Сочиненія ихъ были переведены почти въ полномъ объемѣ. Въ сущности, эта мистическая литература первыхъ временъ царствованія Александра была продолженіемъ такого же движенія, начавшагося еще въ XVIII вѣкѣ въ кружкѣ Новикова и друзей его, составившихъ тогда общество масоновъ и мистиковъ, разогнанное преслѣдованіями Екатерины въ послѣдніе годы ея правленія. Теперь, однако, и самый характеръ цѣлей и стремленій мистиковъ нашихъ долженъ былъ измѣниться, сообразно обстоятельствамъ. Не было дѣтски-нелѣпыхъ увлеченій прежняго времени розенкрейцерствомъ, не было слишкомъ пестраго внѣшняго ритуала и обрядности, но зато не было также и прежнихъ широкихъ филантропическихъ и педагогическихъ цѣлей, которыми отличалось „Дружеское общество“ Новикова. Все дѣло ограничивалось чисто-нравственными стремленіями, исключительно христіанскимъ мистицизмомъ, возникшимъ изъ недовольства догматическою стороною религіи, плохо объясняемою грубымъ и невѣжественнымъ духовенствомъ оффиціальной церкви, и изъ желанія развить и усвоить себѣ это христіанство болѣе разумнымъ, внутреннимъ и сердечнымъ образомъ. Тутъ стрем-

[1]) См. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“.

ленія нашихъ мистиковъ, встрѣтились съ одинаковыми же стремленіями мистиковъ протестантскихъ, идущихъ и развивающихся непрерывнымъ рядомъ со временъ знаменитаго Якова Бема. Но связь этого литературнаго мистицизма первой половины царствованія Александра (во второй его половинѣ, при другихъ обстоятельствахъ, появился правительственный мистицизмъ) съ нашимъ московскимъ масонствомъ XVIII вѣка была, однако, очевидна. Тогда жилъ еще знаменитый страдалецъ Новиковъ. Удрученный болѣзнями, онъ слѣдилъ за этимъ движеніемъ въ своемъ сельскомъ уединеніи, куда являлись на поклонъ болѣе молодые мистики. Въ этомъ движеніи принималъ участіе и товарищъ его—старикъ Лопухинъ. Въ мистической литературѣ дѣйствовали ихъ прямые ученики и воспитанники. Мы укажемъ главныхъ представителей и главныя черты этой мистической литературы.

ЛЕКЦІЯ XXXV.

Масонство и мистицизмъ.—Новиковъ.

Масонство и мистицизмъ XVIII вѣка, съ Новиковымъ во главѣ, облеченное тайной и окруженное преслѣдованіями, долго въ сознаніи общества являлось чѣмъ-то неяснымъ, неопредѣленнымъ и до крайности отрывочнымъ; содержаніе этого движенія долго было неуловимо. Только въ недавнее время, изъ довольно многочисленныхъ изслѣдованій и документовъ, опубликованныхъ по дѣлу и дѣятельности Новикова и друзей его, выяснилось достаточнымъ образомъ это нравственно-общественное движеніе, въ которомъ сказалось такъ много различныхъ сторонъ времени, выяснились всѣ дурныя и хорошія стороны этого движенія, обусловливаемаго, разумѣется, обстоятельствами. Въ особенности ясно выступила передъ нами въ масонствѣ XVIII вѣка цѣль филантропическая и педагогическая, служеніе общему благу, которое имѣли въ виду главные и самые энергическіе представители масонства и мистицизма—Новиковъ и Шварцъ, хотя, конечно, и эти цѣли и это служеніе они понимали одностороннимъ мистическимъ образомъ. Обстоятельства времени и безсмысліе правительства ввели нашихъ масоновъ, людей честныхъ и искреннихъ, но не глубокихъ, и легкомысленныхъ по своимъ увлеченіямъ, въ политическій процессъ и сдѣлали изъ нихъ напрасныя жертвы, пріостановивъ внутреннее движеніе масонства и не позволивъ ему развиваться дальше. Это преслѣдованіе сдѣлало еще болѣе загадочнымъ для мысли масонское движеніе, которое выражало собою, ко-

нечно, одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ состоянія нашего общества въ прошломъ вѣкѣ. Масонство обусловливалось у насъ не подражаніемъ, не модою, не увлеченіемъ личностью одного человѣка, хотя бы эта личность была и Новиковъ. Тутъ были болѣе глубокія общественныя причины. Конечно, главная причина появленія у насъ масонскихъ ученій заключалась въ той общей съ Европою духовной жизни, которою мы стали пользоваться болѣе сознательнымъ и глубокимъ образомъ въ концѣ XVIII вѣка. Самое явленіе масонства, въ основѣ котораго лежала идея личнаго дѣятельнаго нравственнаго совершенствованія, возникло въ самой Европѣ не ранѣе начала этого вѣка, богатаго вообще идеями, и очень скоро, въ первой его половинѣ, перешло уже и на нашу грубую и необработанную общественную почву: и у насъ, какъ и въ Европѣ, люди, конечно, лучшіе, стали искать въ масонскихъ ложахъ отвѣта на свои индивидуальныя нравственныя стремленія. Этотъ переходъ масонскихъ идей въ нашу жизнь доказываетъ уже значительное духовное общеніе наше съ Европою. Въ нравственныхъ, въ общественныхъ идеяхъ, которыми руководилось европейское масонство XVIII вѣка, господствовалъ тотъ же духъ деизма, гуманности и филантропіи, которымъ была проникнута вся литература того времени, только онъ получилъ въ масонскихъ ложахъ осязательное выраженіе въ различныхъ формулахъ и обрядахъ, говорившихъ фантазіи и сердцу, потому что масонство удовлетворяло болѣе всего этимъ сторонамъ человѣческаго существа. Очень скоро, однако, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, къ масонству, какъ выраженію чистаго нравственнаго стремленія, привились посторонніе факторы: подражаніе, мода, обманъ. Почвою самаго разнообразнаго движенія масонства сдѣлалась въ XVIII вѣкѣ особенно Германія, гдѣ для этого было много благопріятныхъ обстоятельствъ, и оттуда заимствовали мы и піэтизмъ и мистицизмъ, и наконецъ различныя бредни, которыми такъ богата была эта страна въ концѣ того вѣка, напр. дѣланіе золота, добываніе жизненнаго элексира и т. п., что̀ проповѣдывалось, какъ чудеса вѣры въ безчисленныхъ тайныхъ сектахъ иллюминатовъ, розенкрейцеровъ, тампліеровъ и т. п. Эти бредни, эта экзальтація были крайнимъ развитіемъ піэтистической вѣры, которая въ своемъ увлеченіи могла видѣть чудеса въ природѣ. Это было, слѣдовательно, извращеніе религіознаго протестантскаго движенія, но не въ немъ заключалась главная сущность масонства. Кромѣ восторженныхъ піэтистовъ въ общество шли и другіе люди, въ особенности, какъ мы увидимъ потомъ, у насъ въ XIX вѣкѣ, люди, недовольные оффиціальною церковностью, ея неподвижностью и безжизненностью. Въ обществѣ

масоновъ было много людей дѣйствительно просвѣщенныхъ, которые искали въ немъ себѣ духовнаго удовлетворенія, не находя его въ дѣйствительности. Конечно, не стоитъ говорить о тѣхъ, которые искали въ ложахъ развлеченія, моды, веселыхъ собесѣдниковъ. Масса искала въ ложахъ какого-то высшаго знанія, которое давалось легко, безъ большихъ трудовъ и усилій, требуемыхъ дѣйствительною наукою. Здѣсь, для пріобрѣтенія этого высшаго знанія, которымъ открывалось все,—стоило только исполнить нѣкоторыя обрядности въ ложахъ.

Нѣмецкое масонство, сказали мы, перешло къ намъ въ концѣ XVIII вѣка. Лучшіе люди нашего общества того времени, нскавшіе и желавшіе развитія, должны были невольно увлечься идеями, до которыхъ дошла Европа, тѣмъ болѣе, что въ тогдашнихъ условіяхъ, при слабости научнаго образованія, при ничтожности нашей несамостоятельной литературы, это увлеченіе было легко. Общественная русская жизнь въ XVIII вѣкѣ представляла такъ много мрачныхъ, возмущающихъ душу явленій, что они невольно вызывали на протестъ. Самостоятельнымъ образомъ, законными и естественными средствами бороться съ ними, при недостаткѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ въ обществѣ, было невозможно, и вотъ лучшіе люди наши ухватились за масонское движеніе Германіи, видя въ немъ якорь спасенія. Бороться противъ этого наплыва чужихъ идей, весьма темныхъ, туманныхъ, дикихъ и фантастическихъ, были тогда не въ состояніи у насъ даже такія энергическія личности, какъ Новиковъ, потому что у нихъ недоставало образованія и науки, спасающихъ вообще отъ такого рода увлеченій. У насъ, къ тому же, было просвѣщеніе призрачное, а не настоящее, не допускавшее самостоятельной умственной работы; недостатокъ знанія и логики естественно влекъ, такимъ образомъ, нашихъ лучшихъ людей къ печальному явленію масонства, къ дикой фантастикѣ мистицизма, которыя даже въ кружкѣ Новикова доходили до крайней нелѣпости. Все нелѣпое нѣмецкихъ ложъ было имъ усвоено почти цѣликомъ. Новиковъ и друзья его увлеклись самымъ дикимъ толкомъ нѣмецкаго масонства—розенкрейцерствомъ, или какъ у насъ переводили тогда—„златорозоваго креста“. Увлеченіе этихъ лучшихъ нашихъ людей того времени крайними нелѣпостями — представляется въ исторіи нашего духовнаго развитія прошлаго вѣка чрезвычайно печальнымъ явленіемъ: оно свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ нашемъ были и жизнь и стремленія, но лишенныя всякаго основанія, всякаго сознанія, и люди бросались въ туманъ, не имѣя руководительной идеи. Удивительное дѣтство и легкомысліе этихъ людей, при множествѣ хорошихъ другихъ сторонъ,—свидѣтельствуетъ только о

слабости нашего умственнаго развитія, Умъ молчалъ въ нихъ, но это забвеніе и неразвитость мысли искупались другими дѣйствительно благородными сторонами нашего масонства. Кружокъ Новикова представлялъ лучшихъ по нравственному развитію, искреннеубѣжденныхъ людей: для нихъ служеніе общественному благу было не пустою фразою и филантропическія цѣли ихъ, вытекавшія изъ братской любви къ людямъ, заставляютъ невольно смотрѣть сквозь пальцы на ихъ умственныя заблужденія. Тутъ были они вполнѣ безпомощны; Новиковъ самъ говорилъ, что не имѣя точки опоры, онъ неожиданно попалъ въ масонское общество. Онъ искалъ въ немъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, нравственнаго совершенствованія, о которомъ такъ много говорили масонскія ложи на своемъ вычурномъ языкѣ. Это исканіе нравственнаго совершенствованія составляло завѣтную думу Новикова, оно выразилось въ его волненіяхъ, въ его безпрестанныхъ колебаніяхъ, въ переходѣ отъ одной системы къ другой, пока онъ не успокоился на дикомъ розенкрейцерствѣ, въ составъ упражненій котораго входили и алхимія и каббалистика. Понятно, что съ такимъ жалкимъ духовнымъ запасомъ, наше масонство прошлаго вѣка было почти безплодно для общественнаго развитія, оно не давало обществу никакого здороваго содержанія; оно было совершенно безсильно при рѣшеніи вопросовъ о религіи, о нравственности, объ общественной жизни. Въ особенности печально было это явленіе масонства и мистицизма по отношенію къ наукѣ, которая едва только зарождалась тогда въ нашей жизни. Естественно, что мистицизмъ долженъ былъ бояться здравой научной критики, потому что разлетался въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ нею, но эту боязнь онъ замѣнялъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ наукѣ, презрѣніемъ къ ней, старался выставить всю ея недостаточность для познанія истины. Между людьми съ сколько-нибудь строгимъ научнымъ образованіемъ мистицизмъ не могъ найти сочувствія. Онъ распространялся, подобно суевѣрію, въ той средѣ, гдѣ умъ уступаетъ воображенію, между людьми, не знакомыми съ наукою, и это главнымъ образомъ обусловливало успѣхъ масонства и мистицизма въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка. Этотъ кругъ идей, въ родѣ популярной философіи, удовлетворялъ вполнѣ людей съ незавиднымъ образованіемъ. Его гораздо легче было заимствовать изъ Европы, чѣмъ другія, болѣе строгія, научныя явленія; послѣднія были тогда не по плечу нашему обществу. Главное содержаніе въ этомъ заимствованномъ кругу идей составлялъ піэтизмъ, но у Новикова онъ не могъ быть ни смѣлымъ, ни послѣдовательнымъ, какъ у нѣмецкихъ піэтистовъ, опиравшихся на протестантизмъ; ему хотѣлось только болѣе разумнаго или, скорѣе, болѣе сердечнаго пониманія православнаго ученія, хотѣлось болѣе

простора, самостоятельности, поменьше оффиціальнаго отношенія къ церкви, однимъ словомъ—самодѣятельности. Но въ этомъ мистицизмѣ, къ сожалѣнію, очень часто сказывалось недовѣріе къ наукѣ и даже враждебное отношеніе къ ней.

Была, однакожъ, въ масонствѣ и мистицизмѣ прошлаго вѣка одна сторона, по котсрой они занимаютъ въ исторіи нашего общественнаго развитія почетное мѣсто. Въ нихъ мы видимъ первыя попытки общественной самодѣятельности, желаніе служить нравственнымъ интересамъ общества свободно, безъ вызова, безъ правительственной указки, по одному внутреннему убѣжденію въ пользѣ дѣла. Въ Новиковѣ и друзьяхъ его присутствовала дѣятельная любовь къ человѣчеству, и въ этомъ отношеніи эти натуры были чистыя натуры, рѣзко выдѣлявшіяся на общемъ мрачномъ фонѣ грубой жизни, гдѣ царили чувственность, своекорыстіе и презрѣніе къ людямъ. За эту нравственную, чистую сторону можно простить нашимъ мистикамъ и масонамъ разныя вздорныя бредни ихъ и увлеченія.

Въ своихъ двухъ главныхъ проявленіяхъ, въ мистицизмѣ и нравственно-общественной иниціативѣ, масонство у насъ было заимствовано, какъ уже сказано выше, съ Запада. Мистицизмъ былъ стариннымъ явленіемъ христіанской жизни Европы. Онъ вытекалъ изъ религіознаго чувства, недовольнаго положительною религіею, и проповѣдывалъ чудесное соединеніе съ Богомъ, безъ всякаго участія разсудочной дѣятельности,—однимъ чувствомъ и экстазомъ. Естественно, что мистицизмъ, въ этихъ стремленіяхъ своихъ, постоянно твердилъ о тщетѣ и недостаточности человѣческаго разума. Онъ увлекался и до галлюцинацій и до фанатическаго преслѣдованія науки, до обскурантизма, какъ это всегда бываетъ съ разсужденіями, основанными только на чувствѣ. Но мистицизмъ гораздо понятнѣе и увлекательнѣе для неразвитыхъ массъ всякаго сколько-нибудь раціональнаго отношенія къ предмету, и это способствовало его обширному распространенію и существованію чрезвычайно плодовитой мистической литературы, явленія которой идутъ до нашего времени. Она не признаетъ раціональной науки, нападаетъ на нее, считаетъ ее вредною и опасною. Это направленіе, къ сожалѣнію, было усвоено и нашими мистиками и по преемственности мистической литературы породило у насъ, во второй половинѣ царствованія Александра, когда мистицизмъ проникъ въ правительственныя сферы и сдѣлался такъ сказать оффиціальнымъ, — весьма печальныя явленія. Таковы были дѣйствія Магницкаго.

Хотя главнымъ представителемъ мистицизма для нашихъ масоновъ былъ французскій мистикъ Сенъ-Мартенъ, имѣвшій много личныхъ знакомыхъ и адептовъ между членами высшей русской аристо-

кратіи [1]), масоны наши увлекались и мистицизмомъ нѣмецкаго розенкрейцерства. Это было общество, возникшее въ Германіи въ началѣ XVIII вѣка, въ противоположность школьному протестантскому богословію, желавшее основываться только на словахъ Писанія и хлопотавшее о преобразованіи общества на христіанскихъ началахъ, объ усовершенствованіи человѣчества и объ улучшеніи всѣхъ общественныхъ отношеній. Впослѣдствіи это общество, въ которомъ сначала господствовалъ чистый кальвинистскій мистицизмъ, вслѣдствіе разнообразныхъ условій нѣмецкой исторіи, дошло до величайшихъ нелѣпостей, стало принимать участіе въ іезуитскихъ происках и играть политическую роль. Новиковъ, увлеченный Шварцемъ, думалъ черпать въ этомъ мутномъ источникѣ, конечно, не будучи знакомъ со всею его грязью.

Не говоря о ложахъ, дѣйствіе которыхъ на общество совершалось болѣе внѣшнимъ образомъ, при иниціативѣ Новикова и его кружка возникла у насъ обширная литература для распространенія масонскихъ идей въ обществѣ, для приготовленія его къ тайнамъ масонства. Правда, дѣйствіе этой литературы было насильственно остановлено, но она, съ нѣсколько измѣненнымъ характеромъ, продолжалась во все время царствованія Александра. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой литературы, вызывателемъ ея является Новиковъ. Масонскія убѣжденія пришли къ нему совершенно естественно. Человѣкъ этотъ, безъ сколько-нибудь серьезнаго образованія, не зная даже иностранныхъ языковъ, выступилъ въ очень молодыхъ еще годахъ сатирическимъ журналистомъ и, возмущенный многими явленіями русской общественной жизни, обличалъ ихъ съ энергіею и страстью. Недовольный жалкимъ состояніемъ русскаго просвѣщенія того времени, онъ требовалъ отъ русской литературы гораздо больше, чѣмъ всѣ современники. Вспомнимъ, что онъ первый заговорилъ съ настоящей точки зрѣнія о крѣпостномъ вопросѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же въ его журналѣ высказывалось и недовольство наукою вообще съ ея „физическими доказательствами“, и вражда къ французской просвѣтительной философіи того вѣка, и недовѣріе къ духовнымъ учителямъ, т.-е. къ священникамъ оффиціальной церкви. Всѣ эти убѣжденія его выходили изъ глубины сердца, и онъ былъ преданъ имъ всею душею. Недовольный современной наукой, въ которой онъ видѣлъ только грубый матеріализмъ, Новиковъ искалъ религіозно-нравственнаго идеала. Этотъ идеалъ представился ему въ масонствѣ, облеченномъ тайною, разу-

[1]) Сочиненіе Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“ было напечатано у насъ въ переводѣ въ 1785 г

крашенномъ восторженными описаніями друзей его, бывавшихъ и въ русскихъ и въ заграничныхъ ложахъ. Относиться критически къ масонству и даже къ увлеченіямъ розенкрейцерства Новиковъ не могъ по недостатку своего образованія и сдѣлался масономъ, потому что масонство вполнѣ удовлетворяло его и въ религіозномъ отношеніи своимъ мистицизмомъ, и въ научномъ, открывая ему легкій доступъ къ самымъ таинственнымъ и казавшимся столь глубокими знаніямъ, и въ политическомъ, такъ какъ масонство примирялось со всѣми государственными формами, а Новиковъ былъ слишкомъ вѣрноподданный, чтобъ примириться съ такою системою идей, которая отрицала существующій у насъ порядокъ вещей. Такова была исторія и всѣхъ нашихъ мистиковъ и масоновъ, друзей Новикова, ихъ учениковъ и послѣдователей.

Мистицизмъ ихъ, однако, не доходилъ до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ доходило розенкрейцерство въ Германіи. Наши мистики не думали о дѣланіи золота, не искали философскаго камня, не бредили алхиміей. Можетъ быть, это потому, что они не были посвящены въ такъ называемые „высшіе градусы“, но, кажется, все ихъ направленіе было чуждо этихъ увлеченій. Главная дѣятельность Новикова и друзей его была литературная; для нея образовывали они „Дружеское типографское общество“ и ею думали они приготовить публику къ пониманію масонскихъ идей и распространить ихъ. Такъ возникла наша обширная мистико-масонская литература, существовавшая и въ XIX вѣкѣ. Надобно сказать вообще объ этой литературной дѣятельности, что въ ней было весьма мало самостоятельнаго и что она отличалась эклектическимъ характеромъ. Кромѣ сочиненій общаго содержанія, которыя естественно выходили изъ типографіи Новикова, какъ изъ всякой другой, онъ печаталъ книги по христіанской философіи и по аскетизму и въ особенности много чисто мистическихъ книгъ и съ христіанскимъ и съ не-христіанскимъ содержаніемъ, такъ какъ масоны всякую древнюю отдаленную мудрость старались представить какимъ-то откровеніемъ свыше. Разумѣется, что главное мѣсто въ этой мистической библіотекѣ занимали сочиненія знаменитыхъ протестантскихъ мистиковъ Арндта, Я. Бёма, Таулера и др., въ особенности Бёма, сочиненія котораго были давно переведены у насъ и обращались въ рукописи въ масонскихъ кругахъ. Они же были оракуломъ и для мистиковъ Александровскаго времени. Собственно масонскія сочиненія, напечатанныя Новиковымъ, тоже были эклектическаго содержанія и тоже всѣ почти переводныя. Они говорили намеками, неопредѣленно, языкомъ туманнымъ, не открывали всей *тайны* масонства, а какъ бы давали предчув-

ствовать ее тому, для котораго она вполнѣ раскроется въ ложахъ. Наконецъ къ этой масонской литературѣ принадлежало также много сочиненій, написанныхъ розенкрейцерами и трактовавшихъ объ алхиміи, съ самымъ фантастическимъ и нелѣпымъ содержаніемъ. Оригинальныхъ русскихъ масонскихъ сочиненій было очень мало, и всѣ они не выдерживаютъ никакого сравненія съ переводными, — ясно, что явленіе у насъ масонства было скорѣе случайно, чѣмъ коренилось въ дѣйствительныхъ потребностяхъ русскаго общества. Вся эта литература доказываетъ, что понятія нашего масонства были чрезвычайно смутны и скорѣе походили на мистическую теософію въ общемъ своемъ составѣ. Новиковъ самъ думалъ, что посредствомъ масонства онъ достигнетъ лучшаго пониманія Бога и христіанства; онъ былъ глубоко религіозный человѣкъ, но лишенный образованія и науки.

Лучшею стороною нашего масонства прошлаго вѣка было, конечно, то, что̀ перешло къ нимъ отъ англійскихъ масоновъ: идеи естественной религіи и братская любовь къ человѣчеству — филантропія. Въ этомъ масонствѣ воспитывались уваженіе ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и космополитическое чувство. Филантропія нашла свое примѣненіе у московскихъ масоновъ въ разныхъ человѣколюбивыхъ заведеніяхъ, основанныхъ Новиковымъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ воспитаніи молодыхъ людей, которымъ масоны давали всѣ средства, и въ обширномъ благотвореніи неимущимъ. Всѣ старые масоны отличались нищелюбіемъ. Походяшинъ роздалъ почти все свое имѣніе на помощь народу во время голода, Лопухинъ прожилъ свое на нищихъ. Въ масонствѣ воспитывалась нравственная человѣческая личность, а это было важнымъ пріобрѣтеніемъ для тогдашняго русскаго общества, которое нигдѣ на практикѣ не встрѣчало глубокихъ нравственныхъ понятій. Къ сожалѣнію, мистическій элементъ преобладалъ въ масонствѣ и затемнялъ то немногое въ немъ, что̀ было сдѣлано въ нравственно-человѣческомъ направленіи.

Нельзя отрицать, такимъ образомъ, того, что русское масонство имѣло нравственное вліяніе на общество. Наша русская жизнь въ XVIII вѣкѣ была крайне бѣдна въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, не говоря уже о сторонѣ политической. Наука и литература занимали немногихъ и были ничтожны по своему содержанію и вліянію на общество. Внѣшность, стремленіе къ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, матеріализмъ, рядомъ съ внѣшнею обрядностью церкви — вотъ чѣмъ жило наше общество. Въ такомъ обществѣ и масонскіе идеалы, при всей своей неопредѣлен-

ности и неясности, были уже значительнымъ успѣхомъ; сравнительно съ грубымъ содержаніемъ общества, они были и широки и прогрессивны. Кромѣ того въ нашемъ масонствѣ проявилась, какъ мы сказали, общественная самодѣятельность, индивидуальная свобода мысли и проявилась въ первый разъ, хотя это проявленіе и шло рядомъ съ проповѣдью обскурантизма. Вотъ въ чемъ историческое значеніе нашего масонства прошлаго вѣка.

Дальнѣйшее развитіе нашего масонства въ XVIII вѣкѣ, очевидно, невозможное и по самому ходу общественнаго развитія, которое вскорѣ уже не могла удовлетворить эта туманная и неопредѣленная форма, было однако пріостановлено насильственно дѣйствіями правительства, вслѣдствіе различныхъ, вовсе неосновательныхъ опасеній его. Два враждебныя начала встрѣтились здѣсь лицомъ къ лицу: начало авторитета и государственной опеки, и начало общественной иниціативы; первая давно уже, и въ особенности въ царствованіе Екатерины, все брала на себя и не могла терпѣть рядомъ съ собою свободы и простора выбора со стороны общества. Рядомъ съ правительствомъ въ масонствѣ возникла свободная нравственная сила, гдѣ главнымъ двигателемъ былъ Новиковъ; его изданія выражали образъ мыслей, появившійся совершенно независимо отъ иниціативы правительства, и Екатерина, конечно, не могла помириться съ этимъ. Съ другой стороны и масса неразвитого русскаго общества смотрѣла съ недовѣріемъ и подозрительностью на возникшее въ средѣ его явленіе, видѣла въ немъ что-то вредное и опасное. Въ угоду этимъ общественнымъ толкамъ и по противоположности своего внутренняго развитія, Екатерина давно преслѣдовала масонство и сатирическими сочиненіями и комедіями. Этотъ литературный способъ борьбы былъ единственно справедливъ. Но европейскія тайныя общества, къ которымъ передъ революціей примѣшались политическіе элементы; и разнообразныя обвиненія противъ нихъ обскурантовъ въ литературѣ—увеличили подозрѣніе и нелюбовь Екатерины къ русскимъ масонамъ, и она сочла ихъ якобинцами. Началось преслѣдованіемъ и запрещеніемъ масонскихъ книгъ, кончилось ссылками, допросами и тюрьмами для главныхъ представителей масонства. На Новикова преимущественно обрушилось гоненіе, именно потому, что онъ главнымъ образомъ развилъ общественный характеръ масонства, онъ способствовалъ нравственному пробужденію общества и вызывалъ всю филантропическую и образовательную дѣятельность кружка. Кружокъ масоновъ, конечно, рѣзко выдѣлялся изъ всего общества своими особенностями. Всѣ они считались „братьями“, несмотря на различіе своего общественнаго положе-

нія,—а это нарушало укоренившіяся въ обществѣ понятія. Всѣ масоны были болѣе или менѣе оригиналами, и на глаза, привыкшіе къ обыкновеннымъ общественнымъ типамъ, должны были казаться чрезвычайно странными, тѣмъ болѣе, что образомъ жизни и мыслей своихъ они выражали твердое убѣжденіе, а его въ массѣ не было. Не нравилось обществу также и вліяніе масонства на молодое поколѣніе, что̀ масоны считали необходимымъ для пропаганды своихъ идей. Все это увеличивало къ нимъ непріязнь общества. Началось революціонное движеніе во Франціи, и близорукіе современники сваливали всю вину его на личности. Такъ возникло нелѣпое подозрѣніе невинныхъ масоновъ въ революціонныхъ замыслахъ, началось, по выраженію Лопухина, „сраженіе съ тѣнью“, кончившееся пораженіемъ и страданіемъ слабыхъ.

ЛЕКЦІЯ XXXVI.

Мистическая литература при Александрѣ I.—Судьба старыхъ масоновъ.—Лопухинъ.—Его «Разсужденіе о злоупотребленіи разума».—Записки Лопухина.—Защита духоборцевъ.

Памятникомъ русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ осталась для потомства обширная мистическая и масонская литература, стоившая много трудовъ, много усилій, которые могли быть употреблены съ гораздо большею пользою. Въ этой массѣ произведеній съ самымъ дикимъ и нелѣпымъ содержаніемъ, писанныхъ тяжелымъ непонятнымъ языкомъ, похоронено много стремленій честныхъ, благородныхъ людей, не находившихъ, къ несчастью, въ тогдашней русской жизни лучшей, болѣе полезной для общества дѣятельности. Едва ли есть какая-нибудь возможность въ настоящее время читать всѣ эти масонскія и мистическія книги; во всей этой массѣ произведеній только съ величайшимъ трудомъ можно выслѣдить общую первоначальную мысль масонства: такъ много постороннихъ наростовъ появилось на ней. Но литература эта, съ своимъ страннымъ содержаніемъ, находила, однако, читателей, ея произведенія покупались. Послѣ нѣсколькихъ годовъ преслѣдованія, она возродилась снова въ царствованіе Александра, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но въ столь же многочисленныхъ произведеніяхъ, какъ и прежде и также не самостоятельныхъ, а по большей части переводныхъ. На эту мистическую литературу и ея представителей при Александрѣ мы обратимъ теперь вниманіе.

Послѣ Екатерининскаго преслѣдованія наше масонство замолкло на нѣсколько лѣтъ. При Павлѣ, хотя онъ освободилъ изъ крѣпости Новикова, и многіе прежніе масоны получили при немъ важныя мѣста въ служебной іерархіи, время было вообще неблагопріятно для возстановленія дѣятельности ложъ, тѣмъ болѣе, что вмѣсто масонскаго ордена, новый Императоръ покровительствовалъ ордену мальтійскихъ рыцарей, который изъ политическихъ видовъ выбралъ его гросъмейстеромъ. Естественно было, что съ воцареніемъ Александра, любившаго свободу, отличавшагося мягкостью характера и ненавидѣвшаго на первыхъ порахъ всякое преслѣдованіе, масонскія ложи должны были открыться и выказать свою дѣятельность. Открытію ложъ и ихъ дѣятельности способствовало то обстоятельство, что многіе старые московскіе масоны были въ живыхъ; вокругъ нихъ, какъ около учителей, группировалось нѣсколько болѣе молодыхъ учениковъ ихъ, приготовленныхъ ими прежде для спеціальныхъ цѣлей масонства, было много и другихъ разрозненныхъ членовъ прежнихъ ложъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени и новаго общественнаго развитія, старыя преданія, конечно, должны были ослабѣть или измѣниться, тѣмъ болѣе, что старые масоны почти не участвовали въ новыхъ ложахъ. Въ нихъ мы не видимъ ни Новикова, ни Гамалѣи, ни Лопухина, ни Поздѣева, ни Карнѣева и др., несмотря на то, что эти лица пользовались большимъ авторитетомъ и глубокимъ уваженіемъ между братьями новыхъ ложъ; этотъ авторитетъ поддерживался главнымъ образомъ письмами и личными бесѣдами. Въ началѣ царствованія Александра не было дано оффиціальнаго разрѣшенія на открытіе масонскихъ ложъ, но тѣмъ не менѣе онѣ скоро возникли и существовали сначала тайно. Говорятъ, что при вступленіи на престолъ Александръ возобновилъ указъ Павла противъ масонскихъ ложъ, но въ 1803 году самъ сдѣлался масономъ, подъ вліяніемъ убѣжденій стараго масона Бебера. Это обстоятельство должно было дать свободное движеніе масонскимъ ложамъ и, дѣйствительно, вскорѣ начали возобновляться старыя ложи и основываться новыя. Исторія этихъ ложъ еще невполнѣ извѣстна. Оффиціальное разрѣшеніе ложъ послѣдовало только въ 1810 году, когда онѣ сдѣлались извѣстными министру полиціи, а до тѣхъ поръ на нихъ смотрѣли сквозь пальцы. Почти всѣ сколько нибудь выдающіяся личности царствованія Александра были тогда членами ложъ, но о внутреннемъ содержаніи ихъ дѣятельности мы мало имѣемъ свѣдѣній. Одно только можно сказать, что характеръ масонства измѣнился. Въ немъ было гораздо меньше того пустого розенкрейцерскаго суевѣрія, которое занимало простодушныхъ московскихъ масоновъ, но попрежнему въ ложахъ господствовали чужія вліянія, теперь новыя нѣмецкія, и эти вліянія отра-

зились въ возникшей тогда между учениками старыхъ масоновъ религіозно-мистической литературѣ, проповѣдывавшей обществу вмѣсто розенкрейцерства—піэтизмъ и аскетизмъ.

Взглянемъ сначала на судьбу прежнихъ масоновъ, доживавшихъ свой вѣкъ, но оказывавшихъ замѣтное вліяніе на новыя движенія. Освобожденный изъ крѣпости Павломъ въ 1797 году, Новиковъ, съ разстроеннымъ отъ заключенія здоровьемъ, все остальное время до самой смерти своей въ 1818 году провелъ подъ Москвою въ небольшомъ имѣніи своемъ Бронницкаго уѣзда въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ процессъ и потомъ тюрьма прервали весь ходъ его предпріятій и запутали всѣ дѣла. Старое масонство походило нѣсколько на секту, гдѣ члены были связаны между собою искреннею, почти родственною любовью. Въ домѣ своемъ Новиковъ пріютилъ стараго друга своего, масона С. И. Гамалѣю (1743—1822), малороссіянина. воспитанника Кіевской духовной академіи, человѣка глубоко-религіознаго, честнаго и безкорыстнаго, получившаго за свои душевныя качества прозваніе „Божьяго человѣка“. Гамалѣя очень много переводилъ изъ мистической литературы и часть его переводовъ была напечатана Новиковымъ; но большая часть осталась въ рукописи. Вмѣстѣ съ нимъ у Новикова жила вдова его друга Шварца, такъ какъ у нея не было другихъ средствъ къ существованію. Образъ жизни Новикова и его занятія въ этотъ послѣдній періодъ ея довольно подробно описаны въ книгѣ Лонгинова [1]). Повидимому, знаменитый вождь стараго масонства былъ преданъ тогда исключительно набожности и благотворительности. Онъ не принималъ уже участія въ новомъ движеніи масонскихъ ложъ и въ мистической литературѣ того времени. Тогда не вышло ни одного его сочиненія въ печать, но онъ писалъ очень много и велъ обширную переписку, изъ которой опубликована весьма незначительная и незамѣчательная часть; всѣ прочія рукописи, по словамъ Лонгинова, неизвѣстно куда дѣвались. Думалъ онъ было въ 1805 году снова взять на откупъ университетскую типографію и начиналъ дѣло, но оно почему-то не состоялось. Въ 1812 году онъ опять было сдѣлался подозрительнымъ въ глазахъ Растопчина, потому что по человѣколюбію не различалъ среди раненыхъ и больныхъ—своихъ отъ враговъ. Посѣщали его нѣкоторые друзья и сотрудники по прежней его дѣятельности; посѣщали и нѣкоторые ученики его, напр. Карамзинъ, къ которому остались два очень замѣчательныя письма Новикова, рисующія ихъ прежнія отношенія, но вообще о связяхъ Новикова и о его дѣятельности въ продолженіе болѣе, чѣмъ двадцати послѣд-

[1]) Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867.

нихъ лѣтъ его жизни, мы знаемъ очень мало. Онъ умеръ въ глубокомъ уединеніи.

Гораздо больше свѣдѣній за это время мы имѣемъ о другомъ вождѣ масоновъ прошлаго вѣка,—Лопухинѣ, благодаря тому, что, служа при Александрѣ сенаторомъ, онъ входилъ въ сношенія съ разными лицами и оставилъ намъ довольно любопытныя „Записки“ о своей дѣятельности масонской и служебной, которыя могутъ служить матеріаломъ для опредѣленія нравственнаго вліянія масонства на тогдашнихъ людей. Лопухинъ былъ годами тринадцатью моложе Новикова. Онъ родился въ Москвѣ въ 1756 году, принадлежалъ къ знатной и богатой фамиліи, родственной по женѣ Петру I. Его первоначальное домашнее воспитаніе и образованіе по его собственному разсказу, было крайне недостаточно. „Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По-французски училъ Савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка. По-нѣмецки Берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ, и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ моемъ для одного виду“. Этому языку онъ выучился уже послѣ „отъ сильнаго желанія читать духовныя книги“. Съ такимъ плохимъ образованіемъ Лопухинъ поступилъ на 17-мъ году въ военную службу, къ которой приготовлялъ его отецъ, старый служака. Онъ разсказываетъ, что здоровье его было вообще очень слабо, что ему часто приходилось быть больнымъ, и онъ пользовался этимъ временемъ болѣзни для чтенія. Такимъ образомъ всѣ познанія Лопухина, до поступленія въ масоны, были ничтожны, пріобрѣтались случайно, самоучкою, и мы не видимъ на немъ никакого сколько-нибудь сильнаго духовнаго вліянія. Въ началѣ 1782 года, когда масонская дѣятельность Новикова уже получила развитіе, Лопухинъ вышелъ въ отставку полковникомъ и пріѣхалъ въ Москву на житье. Безъ сомнѣнія, до этого времени встрѣчался онъ съ Новиковымъ и другими масонами; по крайней мѣрѣ, по его разсказу, еще въ 1780 году съ нимъ совершился умственный и нравственный переворотъ, и онъ сталъ вдругъ писателемъ. По разсказу Лопухина, до того времени онъ былъ вольнодумцемъ, т.-е. раздѣлялъ идеи французской философіи прошлаго вѣка, читалъ Вольтера, Руссо и др. и даже перевелъ изъ извѣстной тогда книги Système de la Nature, въ которой проповѣдывался матеріализмъ, „Уставъ Натуры“, а такъ какъ по цензурнымъ отношеніямъ его напечатать было нельзя, то онъ рѣшился раздавать его въ рукописи знакомымъ. Когда онъ сталъ для этого переписывать рукопись, имъ овладѣло, по его собственному наивному признанію, сильное раскаяніе. Рукопись свою

онъ сжегъ и въ очищеніе совѣсти написалъ опроверженіе того, что̀ такъ недавно ему нравилось. Это небольшое его „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями, и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ, и чтущимъ Бога и любящимъ добродѣтель усердно посвящаемое“ напечатано въ 1780 году. Содержаніе его видно изъ самого заглавія. Хотя Лопухинъ и не называетъ именъ тѣхъ писателей, на которыхъ нападаетъ, но ясно, что это представители свободной философіи того вѣка, которые „разумъ свой содѣлываютъ орудіемъ погубленія людей“. Разсужденіе Лопухина похоже на дѣтское реторическое упражненіе; онъ опирается на одно нравственное чувство и старается доказать бытіе Бога и безсмертіе души, опровергаемыя авторомъ Système de la Nature. Эта точка зрѣнія Лопухина была совершенно масонская, и дѣйствительно, черезъ два года онъ сдѣлался масономъ. Но образъ мыслей его имѣли большое вліяніе двѣ, весьма уважаемыя масонами книги: Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“. Съ этихъ поръ Лопухинъ полюбилъ чтеніе духовныхъ книгъ, удовлетворявшихъ его религіозной потребности и приготовившихъ его къ масонству. Вскорѣ онъ вступилъ въ масонское общество и сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ его, но на дѣло масоновъ и мартинистовъ смотрѣлъ, повидимому, только съ религіозной стороны. „Цѣль сего общества, говоритъ онъ въ „Запискахъ“ [1]), была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ въ великою признательностію“. Все дѣло масоновъ, по его словамъ, было „упражненіе въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ премудрости (VII, 17—22), науки, содержащейся въ библіи, и писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, открывающей начало всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда *натура вещей* истинно извѣстна быть не можетъ“. Наука эта, какъ видите, всеобъемлющая, дается откровеніемъ, т.-е. чувствомъ, серд-

---

[1]) Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. сов. сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860. Изъ II и III книжекъ Чтеній въ Общ. ист. и древн., стр. 15.

Другое изданіе, съ предисловіемъ А. Герцена, въ Лондонѣ 1860 г.

цемъ. Изъ его объясненій и признаній видно, что масонство имѣло для него религіозно-нравственный характеръ, и Лопухинъ не увлекался тѣми алхимическими бреднями розенкрейцеровъ, которыя излагались во множествѣ масонскихъ книгъ. Онъ удивляется, какъ мало даже самые разумные люди занимаются тѣмъ, что̀ необходимо нужно для ихъ вѣчнаго благополучія и для истиннаго блага въ здѣшней жизни. Это необходимое есть духъ Христовъ, духъ чистой любви къ Богу и ближнему, источникъ настоящей добродѣтели. „Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ, говоритъ Лопухинъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать“. Человѣку нужно переродиться нравственно, и это перерожденіе достигалось въ масонствѣ. „Тогда евангельская нравственность будетъ ему возможна и природна, тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго“. Что слова эти о любви къ ближнему не были для Лопухина ничего не значащими фразами, а вошли въ содержаніе всей его жизни, сдѣлались твердыми убѣжденіями его ума, свидѣтельствуютъ многія стороны его жизни. Въ томъ же 1782 году, когда Лопухинъ вступилъ въ общество масоновъ, онъ сдѣлался совѣтникомъ Московской уголовной палаты, а въ 1784 году предсѣдателемъ ея. Стоитъ только вспомнить общую грубость и жестокость нравовъ того времени, то презрѣніе къ человѣчеству, которымъ было проникнуто тогда общество, чтобъ убѣдиться, сколько человѣкъ съ нравственно-чистыми взглядами и христіанскою любовью къ ближнему, какую высказывалъ Лопухинъ, могъ сдѣлать добра людямъ по мѣсту своего служенія. „Въ должности сей принялъ я за правило наблюдать, говоритъ онъ, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія, но по человѣколюбію сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ“. Лопухинъ считалъ цѣлью наказанія—исправленіе преступника. Онъ возставалъ противъ жестокости въ наказаніяхъ, которую называлъ „плодомъ злобнаго презрѣнія къ человѣчеству“ и „безполезнымъ тиранствомъ“. Лопухинъ былъ, конечно, самый гуманный судья въ тотъ желѣзный вѣкъ; это человѣколюбіе было въ немъ воспитано не „Наказомъ“ Екатерины, а масонскими книгами; съ ихъ помощью ему легче было понять нравственное ученіе христіанства. У Лопухина это была единственная точка зрѣнія. Въ ту пору, въ уголовной палатѣ, очень часто шла рѣчь о количествѣ ударовъ кнутомъ преступнику, и Лопухинъ всегда стоялъ за меньшее число ихъ и входилъ по этому въ споры съ своими сослуживцами и московскими

генералъ-губернаторами, смотрѣвшими на такую мягкость, какъ на нарушеніе строгости законовъ. Надобно думать, что сила убѣжденія и искренность чувства не разъ давали перевѣсъ словамъ и доводамъ Лопухина, о чемъ онъ и самъ говоритъ. Свой взглядъ на человѣколюбиваго судью Лопухинъ высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ силы свои, чтобъ найти виноватаго, для того только, чтобъ его наказать, и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ, спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный совершенно бы возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самой видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого-нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому-нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ“ [1]). Смертную казнь Лопухинъ называетъ безполезною и возстаетъ противъ нея изъ христіанскаго чувства. И впослѣдствіи, когда Лопухинъ, уже при Александрѣ сдѣлался сенаторомъ въ Москвѣ, онъ не измѣнялъ своимъ прежнимъ взглядамъ и человѣколюбію. „Большаго труда стоило мнѣ, говоритъ онъ, успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что государю будто угоденъ судъ самый строгій“ [2]). И тутъ много разъ приходилось ему защищать человѣчество передъ сенаторами, которые, по его выраженію, часто не могутъ разглядѣть „мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной или скудной благами земли“. Лопухинъ умѣлъ объяснять преступленія тою средою, къ которой принадлежалъ преступникъ; онъ не смотрѣлъ безусловно и допускалъ многія извиняющія обстоятельства. Онъ позволялъ себѣ ставить на одни вѣсы, съ одной стороны судью-сенатора съ его привилегированною обстановкою, а съ другой „какого нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ, который, заворовавшись, укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ на каторгу“... [3]). Но въ Сенатѣ Лопухину было гораздо труднѣе дѣйствовать, чѣмъ прежде въ уголовной палатѣ. Сенаторы рѣдко поддавались его убѣжденіямъ, особенно когда прошли лучшіе годы

---

[1]) Ibid., стр. 4—5.
[2]) Ibid., стр. 71.
[3]) Ibid., стр. 82.

царствованія Александра. Консерваторы пріободрились и явились строгими защитниками и исполнителями законовъ. „Были голоса, чтобъ сѣчь по жеребью десятаго“—говоритъ Лопухинъ. Его называли „мартинистомъ и спорщикомъ“. „На ихъ языкѣ мартинистомъ называется тотъ, говоритъ онъ, кто вѣритъ Христу и Евангелію, а спорщикомъ—кто не соглашается на все изъ угожденія Двору и имъ не притакиваетъ“ [1]).

Такъ практическое пониманіе христіанства въ масонствѣ привело Лопухина къ дѣятельному человѣколюбію, къ желанію видѣть ближняго и въ преступникѣ. Съ другой стороны, тотъ же образъ масонскихъ мыслей развилъ въ Лопухинѣ вѣротерпимость, конечно, рѣдкую въ томъ обществѣ, потому что въ устахъ Екатерины, преслѣдовавшей раскольниковъ, она была только фразою. Въ 1801 году Лопухинъ, въ качествѣ сенатора, съ товарищемъ своимъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, ревизовалъ Слободско-Украинскую губернію. Тамъ встрѣтился онъ въ первый разъ съ сектою *духоборцевъ*. Въ мѣстномъ архіереѣ онъ нашелъ только строгаго для нихъ судью. Земскій исправникъ называлъ ихъ „злодѣями“, потому что они не похожи на христіанъ: „кровинки въ лицѣ нѣтъ“. Лопухинъ захотѣлъ познакомиться съ тѣми изъ нихъ, которые въ началѣ воцаренія Александра были возвращены изъ каторги и поселенія, куда они были сосланы указами Екатерины и Павла. Ихъ велѣно было водворить на прежнихъ мѣстахъ жительства и наставлять ихъ, въ случаѣ нужды, безъ принужденія. Но архіерей послалъ тотчасъ же для увѣщанія духоборцевъ двухъ, по его словамъ, ученѣйшихъ священниковъ, и при нихъ отправился засѣдатель земскаго суда съ командою—по распоряженію губернатора. Слѣдствіемъ этихъ дѣйствій было непослушаніе раскольниковъ, названное бунтомъ; они отказались отъ уплаты податей и отъ рекрутъ, а засѣдатель прислалъ ихъ религіозные стихи, какъ доказательство безбожія. Лопухинъ взялся поправить дѣло и представилъ Александру особый докладъ о духоборцахъ, послужившій поводомъ человѣколюбивыхъ для нихъ мѣръ. Кротость отношеній къ сектѣ и стремленіе какъ можно менѣе насиловать совѣсть сектантовъ—вотъ что̀ рекомендуетъ Лопухинъ, какъ главный образъ дѣйствій въ сношеніяхъ съ духоборцами. Любопытенъ отзывъ Лопухина о нихъ въ донесеніи къ императору, свидѣтельствующій о томъ, что масоны видѣли во всякой сектѣ искреннюю вѣру и за нее прощали увлеченія: „Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о

[1]) Ibid, стр. 125.

христіанствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякой о законѣ говоритъ какъ книга“ [1]). По представленію Лопухина, всѣ харьковскіе духоборцы избѣгли дальнѣйшихъ преслѣдованій и были переселены въ особую мѣстность, извѣстную подъ именемъ „Молочныя Воды“, съ щедрымъ пособіемъ отъ правительства. Защита Лопухинымъ духоборцевъ, полное любви и чуждое фанатизма отношеніе къ нимъ возбудили противъ него недовольство высшаго духовенства, что̀ было совершенно естественно, такъ какъ послѣднее не понимало широкаго взгляда его и не могло отказаться отъ своихъ узкихъ обличеній и преслѣдованій. Противъ Лопухина кричали, его называли покровителемъ раскольниковъ и даже раскольникомъ. Первенствующій членъ синода въ письмѣ своемъ прямо обвинялъ Лопухина, что отъ его именно дѣйствій увеличивается число духоборцевъ. По словамъ Лопухина, за духоборцевъ возстало противъ него большинство общества, что̀ и свидѣтельствуетъ, на какомъ низкомъ уровнѣ развитія оно стояло. „Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, говоритъ онъ, которые думаютъ, что все, касающееся религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть сый вездѣ и вся исполняяй“. Эта замѣтка Лопухина, къ великому несчастью русскаго общества, гдѣ религія существуетъ только какъ внѣшняя обрядность, употребляемая въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, и до сихъ поръ не утратила своей свѣжести. Люди безъ клобука и рясы у насъ не могутъ писать о религіи. Извѣстный Хомяковъ, для котораго религіозные вопросы составляли потребность духа, долженъ былъ первоначально печатать статьи свои въ защиту православія за границею и по-французски, а когда ихъ напечатали по-русски, то книга была недопущена цензурою къ обращенію въ русскомъ обществѣ. Естественно, Лопухинъ долженъ былъ вызвать осужденіе этого общества своимъ гуманнымъ обращеніемъ съ духоборцами. „Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ, рыба ли вязига и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него-де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго“ [2]). Лопухинъ принужденъ былъ оправдывать свой образъ мыслей и дѣйствій въ особой книжкѣ,

---

[1]) Ibid, стр. 98.
[2]) Ibid., стр. 105—106.

оставшейся въ рукописи, „Отзывъ искренности“, любопытной потому, что въ ней раскрывается взглядъ масона на секты. Между масонами было въ большомъ уваженіи извѣстное сочиненіе протестанта Арнольда „Исторія ересей и расколовъ“. Оно воспитало ихъ вѣротерпимость и ихъ уваженіе къ ересямъ, въ которыхъ они замѣчали присутствіе живой вѣры. За эту вѣру Лопухинъ и защищалъ духоборцевъ. Для насъ важно то, что эта вѣротерпимость, уваженіе къ чужому вѣрованію воспитаны въ немъ масонствомъ. Точно также и дѣятельная помощь неимущимъ составляла отличительную черту нравственнаго характера Лопухина, также воспитанную въ немъ масонствомъ. Правительство смотрѣло даже на милостыню, раздаваемую Лопухинымъ, подозрительно. Онъ раздавалъ ее въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что московскій главнокомандующій при Екатеринѣ, князь Прозоровскій, думалъ, не дѣлаетъ ли онъ фальшивыхъ денегъ. Въ своихъ „Запискахъ“ Лопухинъ безусловно стоитъ за милостыню изъ чувства человѣколюбія. Что за бѣда, если иной пропьетъ нѣсколько поданныхъ копѣекъ? Лопухинъ роздалъ все свое имѣніе неимущимъ. Карамзинъ называетъ его „нищелюбивымъ“. Его дворъ былъ полонъ всегда нищими и ни одинъ не уходилъ отъ него безъ помощи—говоритъ о немъ Н. И. Тургеневъ.

ЛЕКЦІЯ XXXVII.

Лопухинъ въ царствованіе Павла и Александра.—Эккартсгаузенъ.

Въ разныхъ сторонахъ характера и общественной дѣятельности Лопухина, какъ мы видѣли, отразилось сильное нравственное вліяніе масонства, котораго онъ былъ дѣятельнымъ членомъ, принимая участіе во всѣхъ издательскихъ, педагогическихъ и благотворительныхъ предпріятіяхъ Новикова. Мы уже видѣли, какую цѣль искалъ Лопухинъ въ масонствѣ: это было нравственное совершенствованіе человѣка, какъ онъ самъ высказывалъ; средства для этой цѣли давались религіознымъ, въ духѣ масонства, воспитаніемъ. На эту сторону масонской дѣятельности больше всего обращалъ вниманіе Лопухинъ и жертвовалъ для нея своимъ состояніемъ. Онъ имѣлъ даже своихъ собственныхъ воспитанниковъ, имъ самимъ выбранныхъ. Такъ онъ отправилъ на свой счетъ за границу учиться медицинѣ двухъ молодыхъ воспитанниковъ Новиковской семинаріи, Невзорова и Колокольникова, изъ которыхъ первый сдѣлался въ Александровское время весьма дѣятельнымъ мистическимъ писателемъ и въ своихъ изданіяхъ отзывался самымъ восторженнымъ образомъ о благодѣтелѣ своемъ

Лопухинѣ. Въ исторіи масонства, кромѣ того, Лопухинъ извѣстенъ своимъ усердіемъ къ распространенію новыхъ ложъ въ провинціи и завербованію членовъ въ братство, чему способствовали его богатство, связи, частыя поѣздки въ имѣнія и общительный характеръ. Вмѣстѣ съ прочими мартинистами и онъ подвергнулся допросамъ и преслѣдованіямъ, но избѣжалъ, однако, ссылки. Его оставили въ Москвѣ, кажется, изъ уваженія къ престарѣлому отцу его, заслуженному генералу, когда-то очень любимому прусскимъ королемъ Фридрихомъ В. Онъ и жилъ въ Москвѣ до самой смерти Екатерины, впрочемъ, окруженный шпіонами.

Царствованіе Павла, отмѣнявшаго всѣ распоряженія своей матери, выдвинуло впередъ Лопухина, но на короткое время. Вскорѣ послѣ вступленія Павла на престолъ Лопухинъ получилъ письмо отъ своего пріятеля, близкаго къ новому императору — Плещеева, тоже масона, съ увѣдомленіемъ, что Павелъ желаетъ поступленія на службу Лопухина. Это было вскорѣ послѣ освобожденія Новикова. Затѣмъ Лопухинъ получилъ уже именное повелѣніе императора ѣхать въ Петербургъ и лично явиться къ нему. Павелъ давно зналъ о дружбѣ Лопухина съ Плещеевымъ и извѣстнымъ масономъ, княземъ Н. В. Репнинымъ, которыхъ уважалъ. Онъ настоятельно требовалъ къ себѣ Лопухина и торопилъ его, принялъ его въ высшей степени ласково и сдѣлалъ тотчасъ же статсъ-секретаремъ. Довѣріе Павла къ Лопухину, согласно свойствамъ его увлекающейся натуры, на первыхъ порахъ было безгранично, но Лопухинъ, лишенный всякаго честолюбія и изъ христіанскаго смиренія, не воспользовался своимъ положеніемъ, не искалъ ни почестей, ни наградъ. Зная человѣколюбіе Лопухина, Павелъ поручилъ ему, конечно, пріятное для него дѣло. Въ его вѣдѣніе перешли всѣ дѣла по тайной канцеляріи, ему открытъ былъ свободный доступъ ко всѣмъ заключеннымъ и дано право присутствовать при всѣхъ слѣдствіяхъ. Но Лопухину, не имѣвшему свойствъ придворнаго человѣка, нельзя было долго удержаться въ милости при Павлѣ.

Близость къ императору возбудила сначала зависть, но завистники, по словамъ Лопухина, успокоились вскорѣ, видя неспособность его характера для придворной жизни. Вскорѣ Павелъ, дѣйствительно, сталъ выказывать холодность Лопухину; объясниться откровенно и положить конецъ недоразумѣніямъ было невозможно, да и друзья Лопухина не совѣтовали. Притомъ, несмотря на свою холодность къ Лопухину, самъ Павелъ долго не рѣшался отпустить его отъ себя. Наконецъ придворная служба его кончилась благополучно и, конечно, къ полному удовольствію Лопухина. Онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ

Москву. Онъ вынесъ, какъ и слѣдовало ожидать, не совсѣмъ благопріятное представленіе о придворной жизни. „Картина ея, говоритъ онъ, весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою перемѣною въ тѣняхъ. Корысть—идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчекъ ближнему—верхъ его“ [1]).

Мы уже говорили, что служебная дѣятельность Лопухина въ Москвѣ происходила по уголовному департаменту, гдѣ онъ старался по возможности смягчать тяжесть наказаній и облегчать участь преступниковъ. Въ послѣдній годъ царствованія Павла Лопухинъ, вмѣстѣ съ другимъ сенаторомъ, Спиридовымъ, отправленъ былъ для ревизіи Вятской губерніи. Памятникомъ этой ревизіи осталась небольшая книжка, напечатанная Лопухинымъ въ 1800 году, „Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи“. Она представляетъ первый, хотя, конечно, довольно ограниченный, опытъ примѣненія гласности къ дѣламъ административнымъ и судебнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное изображеніе губерніи въ этихъ отношеніяхъ. Лопухинъ очень подробно обревизовалъ ее, нашелъ въ ней множество злоупотребленій, и послѣдствіемъ ревизіи, уже при Александрѣ, было строгое наказаніе виновныхъ. Въ губерніи было много взяточничества, и вотъ какъ Лопухинъ, съ своей точки зрѣнія, смотритъ на эту язву: „Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, если можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли, чтобъ наконецъ боялись Бога, какъ свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно, или весьма ненадежно“. Это былъ идеальный, масонскій взглядъ.

По вступленіи на престолъ Александра Лопухинъ исполнялъ, въ качествѣ сенатора, тоже нѣсколько порученій императора. О его поѣздкѣ въ Харьковскую губернію и о его отношеніи къ духоборцамъ мы уже говорили. По окончаніи этой ревизіи Лопухинъ былъ выбранъ въ Москвѣ въ совѣстные судьи, но Александръ почему-то не утвердилъ этого выбора и, неожиданно для Лопухина, назначилъ его предсѣдателемъ коммиссіи для разбора споровъ и опредѣленія повинностей на Крымскомъ полуостровѣ. Это удалило его на нѣсколько лѣтъ на неизвѣстный ему югъ Россіи и заставило изучать также совершенно неизвѣстныя ему отношенія края. Несмотря на успѣхи предпринятыхъ имъ мѣръ, Лопухину не нравилась эта слу-

[1]) Ibid., стр. 70.

жебная дѣятельность. Ему хотѣлось отставки, которую онъ и получилъ въ 1805 году, воротившись снова къ сенаторскимъ обязанностямъ. Въ концѣ 1806 года Лопухинъ снова выступаетъ, однако, на государственную дѣятельность. Въ это время, по поводу войны съ Наполеономъ, была учреждена въ Россіи милиція. Нѣсколько сенаторовъ было послано въ разныя губерніи для наблюденія за сохраненіемъ порядка и тишины. Надзору Лопухина ввѣрены были губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская. Изъ донесеній его къ государю, писанныхъ имъ въ это время и включенныхъ въ „Записки“, видно, что Лопухинъ не раздѣлялъ общаго восторженнаго взгляда правительства на милицію и видѣлъ въ ней чрезвычайную тягость для народа.

„Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ личными видами выгодъ, пишетъ онъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни. Кто скажетъ Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ“. Точно также Лопухинъ возстаетъ и противъ возбужденія къ денежнымъ пожертвованіямъ, которыми выказывалось тогдашнее патріотическое увлеченіе. Такъ онъ былъ свидѣтелемъ громаднаго приношенія московскаго купечества посредствомъ общей раскладки по гильдіямъ. „Видѣлъ я отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ, говоритъ Лопухинъ, а у послѣдняго видѣлъ я и слезы отчаянія. Впрочемъ, они же за это наложатъ на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится общественная трата“ [1]). Такая откровенность Лопухина, впрочемъ, не понравилась Александру и онъ далъ ему это замѣтить. Къ этому времени относятся также нѣсколько мыслей Лопухина по поводу крѣпостного вопроса, изложенныхъ въ донесеніяхъ къ государю. Лопухинъ былъ противникомъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, и такой взглядъ на вещи кажется весьма страннымъ и необъяснимымъ въ человѣкѣ, столь гуманномъ и воспитанномъ по масонскимъ идеаламъ. Объяснить такой взглядъ можно, кажется, только преувеличенною боязнью Лопухина за спокойствіе государства при общемъ недовольствѣ тяжелымъ бременемъ милиціи. „Усердствуя именно о спокойствіи“, по его словамъ, Лопухинъ представляетъ государю о томъ, чтобъ „не возобновлялся указъ, раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ, несходно съ общею пользою, — указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его, и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія“ [2]). Лопухинъ былъ

[1]) Ibid., стр. 136.
[2]) Ibid., стр. 137.

человѣкъ осторожный; онъ близко видѣлъ положеніе вещей въ губерніяхъ и, можетъ быть, причина его страха была нѣсколько основательна въ то время; до взглядовъ настоящаго государственнаго человѣка онъ не могъ возвыситься, но онъ старается отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ чисто личныхъ, эгоистическихъ, помѣщичьихъ разсчетахъ: „Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ, говоритъ онъ, опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости можетъ быть снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было; и наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ долговъ моихъ, не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Лопухинъ высказываетъ свою боязнь мятежей и волненій, которые ему были также страшны, какъ и „ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное“. Послѣднее онъ не любилъ, какъ масонъ. Эти мысли и убѣжденія привели Лопухина къ консерватизму и къ нелюбви вообще европейскаго просвѣщенія, въ которомъ онъ видѣлъ ни болѣе ни менѣе, какъ заразу для своей родины: „Главное искусство россійской политики должно состоять въ томъ, говоритъ онъ, чтобъ сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ“ [2]). Мысль объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, по его мнѣнію, принадлежитъ также къ этой европейской заразѣ, и Россіи она можетъ принести только вредъ. Когда въ московскомъ сенатѣ, гдѣ Лопухинъ присутствовалъ, разбирались дѣла крѣпостныхъ, ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ, какихъ дѣлъ во время существованія крѣпостного права было у насъ вообще много, и когда прочіе сенаторы, въ угоду мысли объ освобожденіи, которая никогда не покидала Александра, старались угодить государю, поддерживая, иногда съ натяжками, права ищущихъ вольность, то Лопухинъ, „никогда не соглашался удовлетворять просьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго, по законамъ, ихъ на то права“. Вообще въ мысляхъ о крѣпостномъ состояніи Лопухинъ сходился во взглядѣ

[1]) Ibid., стр. 137—138.
[2]) Ibid., стр. 153.

па тотъ же предметъ съ Карамзинымъ. Дѣйствительно, можно сказать, что идея освобожденія не была у насъ въ то время глубоко сознаваема лучшими представителями русскаго общества, не была воспитана собственнымъ развитіемъ, а существовала только какъ общая идея, была плодомъ свободной европейской философіи прошлаго вѣка. Лопухинъ *боялся* освобожденія въ видахъ государственной пользы.

„Еще скажу, что я первой, можетъ быть, желаю, говоритъ онъ, чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ (то же говорилъ и Карамзинъ). Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губерній, при обузданіи тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество или пристрастіе, и столькожъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство“.

„И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и ѣсть только то, что имъ велятъ лекари, свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени, было бы ихъ же уморить“ [1]). Изъ приведенныхъ мыслей и словъ Лопухина очевидно, что масоны никогда не думали о совершеніи какихъ-нибудь реформъ въ государственномъ строѣ страны, хотя бы эти реформы совершенно соотвѣтствовали нравственнымъ цѣлямъ масонства. Они, какъ это извѣстно, примирялись съ государственными формами всякаго рода, со всякимъ правительствомъ, что́ и доказываетъ, какъ безсмысленно было преслѣдованіе ихъ со стороны власти. Масоны хлопотали только о нравственномъ и религіозномъ совершенствованіи внутренняго человѣка. Такова была вся масонско-мистическая литература; такова, въ особенности, и замѣчательная литературная дѣятельность Лопухина. Она очень цѣнилась мистическими писателями Александровскаго времени.

Мы уже говорили, что писательская дѣятельность Лопухина началась нападками съ его стороны на матеріальныя ученія француз-

---

[1]) Ibid., стр. 158—159.

скихъ философовъ. Самое масонство отчасти возникло изъ противодѣйствія этому матеріализму, а потому Лопухинъ, еще не будучи масономъ, уже раздѣлялъ мысли масоновъ. Дальнѣйшая его литературная дѣятельность развилась въ особенности во время преслѣдованія масоновъ. Его возмущало невѣжественное недовѣріе власти къ тѣмъ мыслямъ, которыя занимали масоновъ. Въ разговорахъ съ митрополитомъ Платономъ, который также не одобрялъ масоновъ, возникла, по словамъ Лопухина, первая мысль небольшого сочиненія, въ которомъ онъ выступилъ на защиту ученія своихъ единомышленниковъ и гдѣ хотѣлъ „представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества". То былъ „Нравоучительный Катехизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ", сочиненіе, переведенное Лопухинымъ по-французски и анонимно напечатанное въ компанейской типографіи, а потомъ пущенное въ продажу будто книга, присланная изъ-за границы. Въ этомъ катехизисѣ Лопухинъ старается доказать, что въ масонствѣ и заключается истинное пониманіе христіанства и что оба понятія равнозначущи. Онъ доказываетъ, что масоны отличаются духомъ братства, одинаковымъ съ христіанствомъ, что цѣли ихъ одинаковы, что истинный масонъ долженъ также любить Бога больше всего и ближняго, какъ самого себя, подобно христіанину, что главное упражненіе масоновъ есть послѣдованіе Іисусу Христу. Далѣе слѣдуетъ уже собственное ученіе масоновъ и ихъ представленія, выраженныя на не совсѣмъ понятномъ языкѣ. Искусство франкъ-масоновъ состоитъ въ наукѣ вѣдать тайны царствія Божія; живутъ они въ обновленномъ Эдемѣ и таинство ордена пріобрѣтается *возрожденіемъ*. Это таинство открываетъ „то, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило". Затѣмъ идутъ опредѣленія, какихъ нравственныхъ свойствъ долженъ быть настоящій франкъ-масонъ, въ чемъ заключаются его обязанности къ государю, къ властямъ, къ правительственной церкви, къ подвластнымъ, къ людямъ вообще, къ врагамъ и проч., затѣмъ къ роднымъ, къ женѣ, дѣтямъ и къ самому себѣ, — правила, которыя легко могутъ найти мѣсто и во всякомъ катехизисѣ, изданномъ оффиціальною церковью. Дѣятельность масоновъ опять излагается языкомъ мистическимъ, понятнымъ только для однихъ посвященныхъ. Истинная работа въ нравственности начинается тогда, когда человѣкъ начнетъ „совлекаться ветхаго Адама, а оканчивается, когда ветхій Адамъ совлеченъ совершенно. Всякой трудъ и работа (т.-е. дѣло масонства) перестанутъ тогда, „когда не останется на землѣ ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хочетъ прежде внутренне возстановить, въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, рас-

пространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца". Такими неопредѣленными широкими фразами, повидимому, удовлетворялись масонскіе братья; подъ ними можно было разумѣть какое угодно содержаніе. А въ заключеніе они говорили: „Могій вмѣстити да вмѣститъ". Впрочемъ, всѣ эти опредѣленія „Нравственнаго Катехизиса франкъ-масоновъ" были подкрѣплены текстами, почерпнутыми Лопухинымъ изъ Св. Писанія, такъ что, присоединяя это сочиненіе къ другому, нѣсколько позднѣе вышедшему, „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви", Лопухинъ могъ справедливо назвать этотъ катехизисъ, составленный въ вопросахъ и отвѣтахъ, „Краткое изображеніе качествъ и должностей истиннаго христіанина, почерпнутое изъ Слова Божія". Небольшое сочиненіе это, какъ апологію масоновъ, Лопухинъ считалъ очень важнымъ. Онъ присоединилъ его и къ другому сочиненію, вышедшему также въ 1791 году, подъ названіемъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости", подъ которымъ разумѣется также масонъ. Сочиненіе это написано тѣмъ непонятнымъ и туманнымъ языкомъ, которымъ привыкли писать масоны, и потому даетъ, къ сожалѣнію, самое неопредѣленное представленіе о догматической сторонѣ масонскаго ученія. По словамъ самого Лопухина, въ этой книгѣ представлены имъ „главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали" [1]). Все это изложено туманнымъ мистическимъ языкомъ, и читатель, конечно, не пойметъ изъ этой книги, что̀ такое герметическая или тайная наука. Лопухинъ, повидимому, нападаетъ на тайную науку. Онъ называетъ въ этомъ сочиненіи членами Антихристовой церкви тѣхъ „духовныхъ сластолюбцевъ", которые „прилежатъ къ тайнымъ наукамъ *не по любви къ истинѣ*, но для удовлетворенія самолюбію своему", которые „прилѣпляются къ златодѣланію, къ продолженію грѣховной своей жизни, къ упражненію въ буквахъ теософіи, каббалы, алхиміи". Отсюда однако легко вывести заключеніе, что Лопухинъ не причисляетъ къ Антихристовой церкви тѣхъ, кто занимается этими предметами не изъ самолюбія, а по любви къ истинѣ. Слѣдовательно, въ ту пору и Лопухинъ вѣрилъ въ возможность тайныхъ наукъ и, подобно Новикову, былъ зараженъ вздоромъ нѣмецкаго розенкрейцерства. Общія правила „духовнаго рыцаря"—тѣ же, что и въ катехизисѣ. Очень любопытно постановленіе, что масонами могутъ быть только христіане.

---

[1]) Ibid., стр. 30.

Самымъ важнымъ для масонства и мистицизма сочиненіемъ Лопухина, весьма уважаемымъ мистиками нашими, были „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели". Сочиненіе это напечатано было въ первый разъ уже въ царствованіе Павла (СПБ., 1798), когда прекратились преслѣдованія масоновъ, но написано оно было, по разсказу Лопухина, еще въ 1791 году, вмѣстѣ съ другими сочиненіями, посвященными защитѣ и объясненію масонства. Книгѣ этой вообще посчастливилось между мистиками. Въ 1799 году она была переведена на французскій языкъ, подъ наблюденіемъ самого Лопухина и напечатана въ Петербургѣ; въ 1801 году въ Парижѣ была сдѣлана перепечатка этого перевода, и вышло второе русское изданіе. Въ 1803 и 1804 годахъ оно было переведено Эвальдомъ на языкъ нѣмецкій и напечатано въ его духовномъ журналѣ „Cristliche Monatsschrift", а потомъ отдѣльно (Нюренбергъ, 1809 г.). Самъ Лопухинъ считаетъ это свое сочиненіе лучшимъ и важнѣйшимъ. Сочиненіе этой книги будетъ для Лопухина, по его словамъ, всегдашнимъ утѣшеніемъ, онъ увѣренъ въ пользѣ ея и убѣжденъ, что помощь Божія присутствовала при сочиненіи этой книги. И ученики Лопухина, напр. Невзоровъ, не находили словъ для похвалы этой книги. „Необходимымъ долгомъ почитаю, говоритъ Невзоровъ, единственную въ своемъ родѣ въ нынѣшнія времена сію книгу совѣтовать читать всѣмъ, кто не хочетъ довольствоваться одною поверхностью и наружностью христіанства, а желаетъ быть участникомъ внутреннихъ сокровищъ" [1]). Но для Невзорова, и въ особенности Лопухина, чрезвычайно важна была похвала этому сочиненію, сдѣланная Эккартсгаузеномъ, величайшимъ авторитетомъ для мистиковъ Александровскаго времени, котораго всѣ сочиненія были переведены тогда ими и котораго самъ Лопухинъ считаетъ однимъ изъ „величайшихъ свѣтилъ божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени" [2]). Лопухинъ съ этого времени сталъ съ нимъ переписываться. Здѣсь стоитъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ забытомъ теперь и не упоминаемомъ въ курсахъ исторіи нѣмецкой литературы имени. Вся его дѣятельность принадлежитъ XVIII вѣку, но его теософическія и мистическія сочиненія, изложенныя туманнымъ и дикимъ языкомъ, были писаны имъ подъ конецъ жизни и сдѣлались у насъ извѣстны преимущественно въ переводахъ Лабзина и другихъ мистиковъ. Карлъ Эккартсгаузенъ, баварецъ, былъ побочнымъ сыномъ какого-то

---

[1]) Др. Юн. 1811 г. Мартъ, стр. 112.
[2]) Зап., стр. 31

графа, родился въ 1752 году и получилъ сначала блестящее домашнее воспитаніе, которое развило въ немъ духовныя стремленія и жажду знанія. Потомъ изучалъ онъ въ Мюнхенѣ и Ингольштадтѣ юридическія науки, поступилъ на службу и до самой смерти своей, въ 1803 году, жилъ въ Мюнхенѣ въ довольно скромной должности перваго архиваріуса двора баварскаго курфюрста. Эккартсгаузенъ оставилъ послѣ себя множество литературныхъ произведеній и его справедливо называютъ самымъ плодовитымъ писателемъ Баваріи. Извѣстность литературную и уваженіе общества Эккартсгаузенъ пріобрѣлъ своими первыми сочиненіями, посвященными распространенію чистой нравственности и вообще просвѣщенію. Въ нихъ старался онъ опредѣлить отношеніе религіи и науки между собою, не нарушая правъ ни той, ни другой. Сочиненія эти проникнуты любовью къ человѣчеству. Въ особенности имѣли успѣхъ посвященныя защитѣ оскорбленныхъ правъ человѣчества „Судейскія исторіи“ (Rittergeschichten, Munch., 1782), написанныя для молодыхъ юристовъ. Потомъ написаны были имъ „Нравственное ученіе для всѣхъ сословій“ (1784), „Рѣчи о благѣ человѣчества“ (1784), посвященныя общей нравственности; въ томъ же духѣ издавалъ онъ еженедѣльный журналъ „Sittenblatt“. Но самымъ извѣстнымъ его сочиненіемъ, переведеннымъ на нѣсколько языковъ, было сочиненіе, напечатанное въ Мюнхенѣ въ 1790 году, „Gott ist die reinste Liebe“ (Богъ есть любовь чистѣйшая“. Перев. Як. Уткинъ, СПБ., 1817). Уже въ этихъ сочиненіяхъ Эккартсгаузена проглядываетъ мистицизмъ, но въ болѣе чистомъ видѣ; зато въ послѣдніе годы своей жизни онъ отдался ему съ особеннымъ увлеченіемъ и сталъ писать и издавать множество сочиненій, посвященныхъ магіи и теософско-алхимическимъ бреднямъ. Онъ сдѣлался авторитетомъ въ тайныхъ наукахъ и думалъ, что ему раскрыты таинства природы. Сочиненія его въ этомъ родѣ отрицали всякую возможность мысли, были въ постоянномъ спорѣ съ разумомъ, распространяли самый туманный и вредный мистицизмъ, и между тѣмъ эти-то именно сочиненія Эккартсгаузена пользовались у насъ величайшимъ уваженіемъ, переводились и распространялись въ обществѣ нашими мистиками. Они даже вѣрили въ дѣйствительность его видѣній, о которыхъ онъ печаталъ, и старались объяснить ихъ разумнымъ образомъ, а не какъ галлюцинаціи. Вообще у Эккартсгаузена, какъ у всѣхъ мистиковъ, преобладало сердце надъ головою и оказывался недостатокъ положительныхъ знаній.

ЛЕКЦІЯ XXXVIII.

Соч. Лопухина «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви».—Драма «Торжество правосудія и добродѣтели».—«Отрывки».

Сочиненіе Лопухина „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“, столь уважаемое мистиками, было написано имъ въ защиту и объясненіе масонства, подобно упомянутому нами прежде сочиненію его, „Ὁ Ζηλωσοφος, Искатель премудрости или духовный рыцарь“. По словамъ Лопухина, сочиненіе это навлекло ему много непріятностей, особенно со стороны духовенства, и только похвала Эккартсгаузена ободрила его. Оно очень важно и любопытно для знакомства съ тѣмъ понятіемъ о масонствѣ, которое имѣли Новиковъ и его друзья. Къ сожалѣнію, въ немъ, какъ и въ прочихъ писаніяхъ нашихъ масоновъ, мистическія и теософическія увлеченія смѣшаны съ дикими представленіями объ алхиміи, магіи и каббалѣ, такъ что понятіе о „внутренней церкви“ дается слишкомъ смутное и нисколько не соотвѣтствующее христіанству Очень вѣрно рецензентъ по богословію въ Goetting. gelehrte Anzeigen 1804 г., когда вышелъ нѣмецкій переводъ книги Лопухина, замѣтилъ, что она написана въ духѣ и языкомъ Арндта и что всѣ подобныя слова, какъ „возрожденіе, вѣчная любовь, распинаніе плоти, совлечь съ себя ветхаго Адама“ и т. п. заимствованы у Арндта,—замѣчаніе не понравившееся поклонникамъ Лопухина [1]). Для насъ любопытно познакомиться съ общимъ очеркомъ и главнымъ содержаніемъ книги Лопухина, чтобъ понять, какъ смутны вообще представленія мистиковъ, нашихъ въ особенности, и какъ неопредѣленъ и фантастиченъ ихъ языкъ, въ которомъ люди увлеченные видѣли что-то чрезвычайно глубокое. Глава I говоритъ „О началѣ и продолженіи внутренней церкви“. Тутъ общія христіанскія представленія о грѣхопаденіи, о первородномъ грѣхѣ и пр. выражаются мистическими образами и языкомъ. Начало идетъ съ Адама, съ его блаженнаго состоянія въ раю. „Злоупотребленіе воли, преслушаніе Адамово, изгнало его изъ рая, погасило въ умѣ его свѣтильникъ Небесной Премудрости, и низринуло его и въ немъ весь человѣческій родъ въ царство болѣзней, труда и смерти—на землю, покрытую терніемъ и волчцами“ (§ 4). Но „вѣчная любовь“ въ самую минуту паденія Адама уже думала о его возстановленіи и „премудростію своею уготовляла средство возжечь въ душѣ его искру того свѣтильника, который освѣщалъ его до паденія“ (§ 5). „Первый

[1]) Др. Юн. 1811 г. Мартъ, стр. 105, сл.

вздохъ покаянія Адамова былъ, можно сказать, первый лучъ возсіянія въ немъ онаго Свѣта (онъ же и Слово), и первая точка основанія *внутренней церкви* Божіей на земли". Эту церковь составляютъ патріархи, праведники, души благочестивыя. Въ ней Богъ творитъ великое дѣло обновленія. Съ другой стороны создалась на землѣ *церковь Антихристова;* ее составляютъ „воспаленные духомъ Каиновымъ" (§ 7). Главное содержаніе книги Лопухина составляетъ изложеніе противоположныхъ свойствъ двухъ этихъ церквей. Церковь Христова описывается мистически въ видѣ Соломонова храма. Это и есть масонство, въ которомъ сохраняется лучшее пониманіе христіанства. Церковь Антихристову составляютъ главнымъ образомъ: „духовные сластолюбцы", прилежащіе къ тайнымъ наукамъ *не по любви къ истинѣ,* но для удовлетворенія самолюбію своему". Они ищутъ познаній изъ любопытства, корысти и эгоизма, стремятся къ дѣланію золота, ищутъ средствъ для продолженія грѣховной жизни своей, упражняются въ теософіи, каббалѣ, алхиміи, тайной медицинѣ и магнетизмѣ. Изъ этого видно, что Лопухинъ не вводилъ всѣ эти такъ называемыя тайныя науки въ область предметовъ занятій настоящихъ масоновъ, а между тѣмъ, какъ извѣстно, они не только писали объ этихъ предметахъ, но дѣйствительно занимались ими: разница та только, что масоны думали заниматься этимъ не для удовлетворенія самолюбія или изъ эгоистическихъ разсчетовъ, а по любви къ истинѣ, упражняться „не въ буквахъ только, а въ самой сущности", какъ говорилъ Лопухинъ. Тутъ же онъ придаетъ большое значеніе какой-то *истинной* химіи для высшаго просвѣтленія человѣка; но всякому понятно, что такое была эта истинная химія у масоновъ, для которыхъ вовсе не существовало положительной науки; они были врагами ея [1]).

Главныя орудія въ Антихристовой церкви, по Лопухину, суть *духовные фарисеи* (III, § 3), а дѣйствительными орудіями и проповѣдниками ея являются *модные философы,* старающіеся доказать, что душа смертна, что основаніе всѣхъ дѣйствій человѣческихъ—самолюбіе, что христіанство есть фанатизмъ (III, § 4). Подъ этими словами Лопухинъ разумѣлъ просвѣтительную философію вѣка. Эти же *пустословы* „содѣйствовали къ порожденію буйнаго стремленія ко мнимому равенству и своеволію, въ противность порядка небеснаго и земнаго благоустройства... Сей духъ круженія воцарился въ погибающей Франціи" (III, § 6). Изъ этого видно, въ какомъ отношеніи находился масонскій мистицизмъ къ современной мысли и къ современному политическому движенію, которое было антипатично ему.

---

[1]) Ешевскій, Соч. III, стр. 427.

Въ главѣ IV Лопухинъ разсуждаетъ „О знакахъ“ (т.-е. признакахъ) истинной церкви Божіей и членовъ ея. Всѣ свойства, которыя можно бы было назвать свойствами истинной натуры христіанской, напр., вѣра, молитва, постъ, видѣнія, чудеса, могутъ являться и безъ нея. Дѣйствительный признакъ настоящаго члена церкви Христовой составляетъ только одна любовь, начальное свойство божественной натуры. Посредствомъ любви человѣкъ возрождается или обновляется въ Іисусѣ Христѣ и посредствомъ этого возрожденія освобождается отъ преобладанія Антихристовой церкви. Главный факторъ этого возрожденія есть глубокое самоотверженіе, гдѣ должно быть совершенно забыто свое Я, и здѣсь Лопухинъ пускается въ такую глубину мистицизма и выражается такъ темно, что дѣлается рѣшительно непонятнымъ. Путь возрожденія человѣка есть путь Христовъ въ душѣ, состоящій въ подражаніи Іисусу Христу, образу и ученію его, которые открыты въ Евангеліи. „На семъ пути должно упражнять волю свою *въ насилованіи всѣхъ естественныхъ свойствъ* и силъ своихъ на исполненіе заповѣдей Христовыхъ, на подражаніе внутренне и внѣшне его примѣру“ (VII, § 1). Совершающій этотъ путь къ Христу долженъ искренно любить добро. „Наипаче должно упражняться въ любленіи ближняго“, говоритъ Лопухинъ, выдвигая такимъ образомъ впередъ практическую сторону масонскаго мистицизма (§ 4). На пути къ божественной жизни или на пути къ началу возрожденія во Христѣ, рекомендуются слѣдующія упражненія: a) насилованіе своей воли, b) молитва, c) воздержаніе, d) дѣла любви и e) поученіе въ познаніи натуры и самого себя (VIII, § 1). Изъ этого очевидно, что мистицизмъ Лопухина граничитъ близко съ монашескимъ аскетизмомъ. Таково, напр., предписаніе относительно разума: „Разумъ должно воздерживать не только отъ упражненія въ томъ, что явно вредно; но и отъ всякихъ размышленій безполезныхъ и отъ изученія того, что токмо служитъ къ удовлетворенію любопытства, а не нужно для преуспѣянія въ жизни христіанской и для отправленія должностей человѣка, живущаго въ обществѣ, гражданина или подданнаго“ (VIII, § 15). Съ этимъ легко было дойти до отрицанія всякой науки, кромѣ мистической. Зато въ возможность послѣдней Лопухинъ вполнѣ вѣритъ. Онъ убѣжденъ, что „сотворшая премудрость“ открыла избраннымъ тайну творенія, что имъ доступенъ „внутреннѣйшій составъ и различныя дѣйствія глубоко сокровеннаго духа натуры“, но что такое „истинное, живое познаніе тайны творенія“ открывается только при свѣтѣ благодати, озаряющемъ душу въ новой жизни возрожденія“ (VIII, § 21, 22). Наука эта, слѣдовательно, не похожа на общепринятую и идетъ совершенно инымъ путемъ. Весьма немногимъ избранникамъ дано было это по-

знаніе тайнъ природы: „Многимъ и святымъ, и угодникамъ Божіимъ, не опредѣлено было созерцать сіяніе онаго свѣта въ натурѣ“. Посредствомъ этой науки люди ею просвѣщенные „раздѣляютъ, разрушаютъ существа, развиваютъ ихъ составъ и возвращаютъ въ источныя (первоначальныя) ихъ стихіи; и при семъ дѣйствіи собственными очами своими созерцаютъ таинства Іисуса Христа, послѣдствіе страданія Его, и въ сокращеніи и въ химическихъ явленіяхъ видятъ все происшествіе и слѣдствія Его воплощенія!“ (VIII, § 24). Науки, преподаваемыя въ обыкновенныхъ школахъ, напр., математика, физика, химія и пр., даютъ познаніе только самыхъ, такъ сказать, наружныхъ нитей грубой, стихійной одежды натуры. Если и это познаніе полезно, „то колико уже полезно для ищущихъ царства Божія должно быть изученіе теоріи познанія натуры, происходящаго изъ училища небеснаго?“ Не всѣмъ дано упражняться въ этомъ изученіи таинствъ натуры. Эта наука есть только средство къ пути въ царствіе Божіе. Съ этою наукою нужно обращаться осторожно и не обращать ее на нечистые виды собственности. „Да страшатся даже и для удовлетворенія только любопытству своему, или для забавы, упражняться въ таинственномъ семъ ученіи!“ (VIII, § 27). Оно только для избранныхъ, а для массы довольно познаніе самого себя, которое постепенно открывается человѣку, при совлеченіи ветхаго Адама.

Вотъ положительное ученіе нашихъ масонскихъ мистиковъ, проповѣдуемое ими съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою вѣрою въ дѣйствительность и глубину содержанія ихъ туманныхъ фразъ и находившее такъ много вѣрующихъ прозелитовъ. Лопухинъ только намекнулъ, только указалъ на это высшее знаніе, которымъ, путемъ благодатнаго осіянія свыше, открывается счастливому избраннику познаніе глубочайшихъ тайнъ природы, закрытыхъ для глазъ непосвященныхъ. Другіе пошли дальше и увѣровали въ тайныя науки, посредствомъ которыхъ открывается „первое то вещество, нетлѣнная та персть, изъ коея все сотворено“. Мысли Лопухина и его понятіе о таинственномъ знаніи—не новость въ исторіи человѣческихъ заблужденій и не представляютъ ничего оригинальнаго, сколько-нибудь характеризующаго наше русское общество масоновъ и мистиковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ христіанская мистика, даже еще раньше, въ теософическихъ экстазахъ неоплатониковъ, мы найдемъ тѣ же самыя представленія. Въ особенности много ихъ въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ протестантскихъ мистиковъ, начиная съ эпохи Возрожденія. Въ XVIII вѣкѣ въ Германіи мистицизмъ этотъ былъ въ большомъ развитіи, онъ такъ былъ силенъ, что даже философія природы Шеллинга заразилась довольно сильно этими мистическими представленіями. Изъ Германіи они перешли и къ намъ. Понятно,

какой вредъ они должны были приносить нашему неразвитому и лишенному всякихъ положительныхъ знаній обществу и какъ много, можетъ быть, хорошихъ и дѣятельныхъ натуръ погибло въ этихъ туманныхъ, нелѣпыхъ стремленіяхъ, которыми самообольщались наши наивные масоны. Выдается, однако, во всѣхъ этихъ неопредѣленныхъ фразахъ Лопухина, напоминающихъ таинственныя изреченія древнихъ гіерофантовъ, одна, хотя и не оригинальная, особенность, которую мы встрѣтимъ и у позднѣйшихъ мистиковъ нашихъ, — это частое употребленіе чисто христіанскихъ образовъ и представленій въ смѣшеніи съ неопредѣленными масонскими понятіями. Примѣры этого смѣшенія можно было видѣть изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ мною мѣстъ Лопухинской книги. Это служитъ намъ доказательствомъ, что увлеченія нашихъ масоновъ и бредни нашихъ мистиковъ вытекали изъ чистаго источника—изъ желанія объяснить себѣ праотеческую вѣру, изъ стремленія придать наивному вѣрованію болѣе глубокій смыслъ, уяснить его до такой степени, чтобъ оно могло удовлетворять умъ. Но, лишенные настоящаго философскаго и богословскаго образованія, которое боится мистическихъ толкованій, они запутались въ собственныхъ представленіяхъ, встали въ противорѣчіе и съ оффиціальною церковью и съ положительною наукою, возбудили недовѣріе и той и другой, и сами презрительно относились и къ той и къ другой, не имѣя на то никакого права. Этотъ мистицизмъ не могъ принести русскому обществу ничего иного, кромѣ вреда. Онъ сталъ въ отрицательное положеніе къ политическимъ теоріямъ времени.

Сочиненій Лопухина, написанныхъ противъ этихъ теорій и въ особенности противъ французской революціи,—нѣсколько. Они напечатаны въ 1794—1796 годахъ и не заслуживали бы вовсе упоминанія—такъ мало въ нихъ достоинства мысли и изложенія, еслибъ не доказывали ту мысль, что мистицизмъ дѣлалъ человѣка совершенно неспособнымъ къ пониманію положительной стороны жизни. „Изліяніе сердца, чувствующаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія, равенства и буйной свободы“ и пр. (Калуга, 1794), или „Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ дивнаго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ“ (Москва, 1796), какъ показываютъ сами длинныя названія ихъ, суть не что иное, какъ небольшія статейки въ родѣ реторическихъ упражненій. „Равенство! Свобода буйная! мечты, порожденныя чадомъ тусклаго свѣтильника лжемудрія, распложденныя безумными писаніями нечестивыхъ татей философскаго имени, адскимъ пламенемъ стремящихся отвращать взоръ человѣче-

скій даже отъ тѣни пресвѣтлаго Софіина лица“ [1]). Таковъ слогъ и тонъ этого рода статей Лопухина. Ненависть къ французской революціи и фантастическое преувеличеніе ея злодѣйствъ—полныя. „Безначаліе и своеволіе Франціи — исчадіе папистическаго изувѣрія и новой философіи“. Лопухинъ старается доказать, что единоначаліе самый лучшій образъ правленія. Ни одна страна въ мірѣ больше счастливой Россіи не „насладилась отъ рѣкъ милосердія Монаршаго“ [2]). Французовъ Лопухинъ пугаетъ гнѣвомъ Екатерины: „А вы, варвары, расторгшіе узы законной священной власти и покорившіе себя нечестивому самовластію многоглавнаго чудовища звѣрскихъ тирановъ,— трепещите побѣдительнаго Екатеринина скипетра. Несчастные! трепещите“... [3]). Лопухинъ доказываетъ, что въ природѣ и въ жизни нѣтъ и не можетъ быть равенства, что это только буйная мечта, что на землѣ не можетъ быть и ничего похожаго на золотой вѣкъ. Какъ мистикъ, онъ не цѣнилъ дѣйствительность, съ презрѣніемъ относился къ міру. „Что̀ есть міръ сей? Зеркало тлѣнности и смерти. Сонмъ немощей и внезапно подсѣкаемой силы, здравія, какъ сельный цвѣтъ увядающаго, и скорбей ежедневныхъ, смѣховъ мгновенныя радости, которыя съ болью изъ груди вылетая, въ туманѣ печалей исчезаютъ, и горестей, многіе годы душу терзающихъ“ [4]). Мистика доводила именно до этого мрачнаго аскетическаго взгляда на міръ, и понятно, что всякое въ немъ движеніе на ея глаза казалось подозрительнымъ и грѣховнымъ.

Юридическіе вопросы, въ особенности по уголовному праву, сильно занимали Лопухина. Лопухинъ не былъ однако настоящимъ юристомъ; для этого недоставало у него ни образованія, ни свѣдѣній. Его интересовали не частные случаи, а общая внутренняя нравственная сторона дѣла. Не имѣя никакого литературнаго таланта, Лопухинъ написалъ драму въ пяти дѣйствіяхъ: „Торжество правосудія и добродѣтели или доброй судья“. (М. 1798 г.). Она не была вовсе представлена на сценѣ, да вѣроятно, и не имѣла бы сценическаго успѣха. Цѣль этой драмы была совершенно дидактическая. Русскому обществу, воспитанному на безправіи, на незаконности отношеній, привыкшему къ тайному суду и взяткамъ, авторъ желалъ показать идеалъ безкорыстнаго и честнаго судьи, неподкупнаго и строгаго, жертвующаго даже собственными выгодами, даже счастіемъ своего сына, только для того,

---

[1]) Др. Юн. 1809 г Апрѣль, стр. 32.
[2]) Ibid., Мартъ, стр. 38.
[3]) Ibid, стр. 45.
[4]) Ib., Апр., стр. 40.

чтобъ торжествовала истина. Лопухинъ самъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи къ драмѣ, что у него была эта нравственная поучительная цѣль, и нисколько не претендуетъ на драматическій талантъ: „Говорятъ, что драма сія неудобна для театра, что много въ ней противнаго его правиламъ и пр., но ежели чтеніе ея можетъ принести хотя малую пользу, то весьма награжденъ будетъ трудъ автора, который никогда не занимался театромъ и его правилами, и который всегда думалъ, что если не единственный, то, по крайней мѣрѣ, главный предметъ всѣхъ книгъ долженъ быть *польза* или умноженіе способовъ распространяться добродѣтели“ [1]). Къ пользѣ необходимо, однако, долженъ присоединяться талантъ, чтобы литературное произведеніе дѣйствовало на массу, а его не было у Лопухина, и драма его совершенно забыта. Честный судья, выведенный имъ на сцену, чрезвычайно далекъ отъ дѣйствительности; его рѣчи, въ которыхъ онъ безпрерывно говоритъ о правосудіи, законности и любви къ истинѣ и людямъ, похожи на сухую мораль, легко наскучивающую; дѣйствіе и развитіе въ драмѣ совершенно ничтожно, а изъ лицъ ни одно не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія живостью изображенія и характеромъ.

То же желаніе представить въ настоящемъ свѣтѣ достоинство судьи въ томъ обществѣ, которое не могло его цѣнить и уважать, видно въ небольшомъ сочиненіи Лопухина „Отрывки. Сочиненіе одного стариннаго судьи“ (М. 1809. 12°) [2]), посвященномъ имъ юношеству. Онъ предлагаетъ ему въ этихъ „Отрывкахъ“, написанныхъ въ видѣ небольшихъ афоризмовъ, „нѣчто, могущее не безполезно занять размышленіе о гражданскомъ званіи“. Этому юношеству, которое тогда, въ XVIII и началѣ XIX вѣка, все стремилось въ военную службу, пренебрегая должностью и званіемъ судьи, Лопухинъ говоритъ о достоинствѣ этого званія: „Добродѣтели судьи, блюстителя земскаго устройства, законоискусника, правосудіе однимъ предметомъ имѣющаго, не меньше для отечества нужны, не меньше почтенны, какъ и доблести воинскія“. Для строгаго, настоящаго исполненія этой обязанности нужно не меньше мужества, какъ и для войны съ врагами внѣшними. „Тысячами считаемъ мы людей, неустрашимо жертвующихъ своею жизнію на битвахъ съ непріятелями, и сколь не часты тѣ, кои бы не только ею, но какими нибудь выгодами собственной корысти жертвовали правдѣ въ судахъ“. „Отрывки“ говорятъ въ общихъ словахъ объ обязанностяхъ судьи, повторяютъ то, что въ своихъ „Запискахъ“ Лопухинъ показалъ жиз-

---

[1]) Изд. 1798 г., стр. 131.

[2]) Др. Юн 1808 г. Октябрь, стр. 9—30.

неннымъ примѣромъ. И въ нихъ нашелъ онъ случай напасть на политическія теоріи вѣка; онъ возстаетъ противъ „Contrat social“ Руссо и совѣтуетъ подданнымъ пассивное подчиненіе всякой власти, какъ бы жестока и тяжела ни была она. „Не только зло, во всякомъ правленіи человѣческомъ неотвратимое, терпѣливо сносить должно, говоритъ онъ; но лучше терпѣть величайшее притѣсненіе и тиранство, нежели возмущаться и частнымъ людямъ предпринимать перемѣну правленія“. Такія скромныя правила гражданскихъ отношеній требовало масонство отъ своихъ членовъ. Старость, кажется, прекратила служебную дѣятельность Лопухина, но онъ считался на службѣ до самой смерти своей. По словамъ его „Записокъ“, послѣдніе годы онъ жилъ въ Москвѣ, какъ въ пустынѣ. „Лучшіе друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертью или отсутствіемъ“. Но литературное движеніе мистицизма при Александрѣ было не чуждо ему; напротивъ, онъ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе, вызывалъ его, возбуждалъ его. Съ новымъ заграничнымъ оракуломъ мистицизма—Юнгомъ Штиллингомъ, котораго сочиненія были переведены тогда на русскій языкъ, Лопухинъ даже вступилъ въ переписку. Онъ, кажется, гордился нѣсколько этою перепискою и называлъ Штиллинга „сей небомъ просвѣщенный проповѣдникъ истины и предвѣстникъ явленій ея царства“ [1]). Мы дадимъ понятіе объ этомъ теософѣ, когда будемъ говорить о русскихъ переводахъ его сочиненій. Для мистиковъ нашихъ онъ стоялъ выше Эккартсгаузена. Когда въ началѣ царствованія Александра стали заводиться и въ Москвѣ масонскія ложи, то Лопухинъ смотрѣлъ на это неблагосклонно и не желалъ имѣть никакого сношенія съ этими новыми ложами. Его примѣру слѣдовали и его ученики. Они считали ложи въ это болѣе свободное время ненужными. „Люди, представлявшіе себя правителями ихъ здѣсь (въ Москвѣ), по репутаціи своей не могли быть для меня приманкою для вступленія съ ними въ масонскій союзъ“, говоритъ Невзоровъ [2]). „Это были не Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ) и подобные ему свободные каменщики“. Главное вниманіе Лопухина и его единомышленниковъ было обращено на мистицизмъ, на распространеніе мистическихъ сочиненій, которыхъ тогда выходило много. Любопытно, что Лопухинъ желалъ даже посвятить въ мистическую литературу Сперанскаго, съ которымъ находился въ перепискѣ и по дѣламъ службы и по своимъ собственнымъ о долгахъ по имѣнію, хлопоча о нихъ у государя. Изъ снисходительности ли или изъ научнаго любопытства интересовался Сперанскій мистическою литературою, мы не знаемъ, но онъ просилъ

---

[1]) Зап, стр. 169

[2]) Библ. Зап., т. I, 1858 г., стр. 658.

у Лопухина о доставленіи ему разныхъ книгъ и указаній. Лопухинъ посылалъ ему множество книгъ съ своими о нихъ заключеніями. „Тому вкусу въ чтеніи, который вы, любезный другъ, описываете, пишетъ онъ къ Сперанскому, надобно радоваться... Главное искусство, если можно такъ сказать, въ этомъ дѣлѣ не знать стараться о свѣтѣ и истинѣ, но умѣть стараться о соединеніи съ ними или о способахъ давать имъ въ насъ раскрываться и дѣйствовать, не мѣшая только имъ“ [1]). Лопухинъ хлопоталъ у Сперанскаго о помощи въ его разстроенныхъ дѣлахъ. Причиною этого разстройства была собственно его благотворительность: онъ нажилъ долги, которые лежали на его имѣніи, и сталъ тягаться объ этихъ долгахъ, желая, вѣроятно, сохранить свое имѣніе. До насъ дошло одно очень жестокое письмо Сперанскаго къ Лопухину по поводу этихъ хлопотъ его. Оно наполнено горькими истинами: „Быть богатымъ и употреблять богатство на благотворенія, конечно, хорошо, пишетъ Сперанскій, но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было впрочемъ ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло непохвальное, а въ васъ оно и совсѣмъ непонятно... Развѣ все дѣло наше состоитъ въ томъ, чтобы исповѣдовать словами имя Христово и услаждаться въ кабинетѣ размышленіемъ о семъ великомъ имени, а внѣшнія дѣла попускать идти такъ, какъ бы они шли и безъ него по внѣшнему движенію страстей? Развѣ на крестъ надобно смотрѣть съ умиленіемъ, а несть его не наше дѣло? Развѣ словами только надобно намъ здѣсь считать себя изгнанниками и пришельцами, а на дѣлѣ за каждый кусокъ земли воевать съ цѣлымъ свѣтомъ и всѣхъ, съ нами разномыслящихъ, считать за беззаконниковъ?“ [2]). Мы не знаемъ хорошо обстоятельствъ жалобъ Лопухина на его кредиторовъ, но нельзя не признать справедливости словъ Сперанскаго, хотя съ другой стороны намъ извѣстно, что въ жизни Лопухина не было замѣтно противорѣчія между словомъ и дѣломъ.

Послѣдніе годы своей жизни Лопухинъ дѣятельно заботился о распространеніи мистическихъ сочиненій и изданій, которыя стали тогда появляться. Онъ самъ писалъ очень много въ этомъ родѣ и печаталъ преимущественно въ журналѣ Невзорова „Другъ Юношества“. Въ статьяхъ его замѣтно что-то дѣтское; о прежнемъ масонствѣ не было и помину, и все содержаніе ихъ какой-то добродушный, старческій религіозный мистицизмъ. Онъ вѣрилъ въ возможность распространенія и пользу „благодатнаго свѣта“ и совершенно чуждъ

---

[1]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 610—611.

[2]) Ibid., стр. 623—625.

дѣйствительности. „Надобно пользоваться модою на благочестіе“, пишетъ онъ къ Руничу. „Она, конечно, подвержена перемѣнѣ, но непрочна быть не можетъ. Что̀ издано, то издано. А чтеніе такое — тинктура, которая неприметными капельками дѣлаетъ спасительныя превращенія въ тысячахъ, и многіе годы“... [1]).

ЛЕКЦІЯ XXXIX и XL.

Ковальковъ.—Невзоровъ.—Лабзинъ.

Мистики Александровскаго времени и во главѣ ихъ старикъ Лопухинъ вели какую-то почти монастырскую жизнь, вдали отъ волненій свѣта, и чуждаясь совершенно вопросовъ общественныхъ. Крѣпостное владѣніе и его удобства помогли обставить Лопухину свое деревенское уединеніе разными художественными затѣями въ мистическомъ родѣ. Было въ этомъ что-то добродушное и даже забавное на глаза современнаго человѣка, но мистикамъ нравилась эта обстановка, они приходили отъ нея въ умиленіе, и въ журналахъ того времени встрѣчались описанія жизни Лопухина въ его деревнѣ. „Живучи въ глубокомъ уединеніи, пишетъ онъ къ пріятелю своему Руничу, утѣшаюсь только упражненіями въ своей *маленькой домашней церкви*, которая продолжаетъ заниматься сочиненіями и переводами“ [2]). Сюда, въ эту „маленькую церковь“, въ изящное уединеніе Лопухина, недалеко отъ Москвы, являлись молодые мистическіе писатели на поклонъ къ нему, жили у него, пользуясь гостепріимствомъ и бесѣдами его въ извѣстномъ родѣ. Тутъ сообща сочинялись, по выраженію Лопухина, разныя деревенскія проповѣди. Самымъ дѣятельнымъ и плодовитымъ писателемъ этой домашней Лопухинской церкви былъ его воспитанникъ, дитя его сердца, племянникъ жены его, Александръ *Ковальковъ*, который сталъ писать подъ руководствомъ Лопухина чуть-ли не съ дѣтскаго возраста и писалъ изумительно много. „Онъ написалъ тысячи листовъ, пишетъ о немъ Лопухинъ, и всякій день пишетъ или, лучше сказать, выливаетъ“. Для него онъ былъ „чудо въ своемъ родѣ“. Его первое печатное произведеніе „Плодъ сердца, полюбившаго истину, или собраніе краткихъ разсужденій о ея сущности, написанныхъ пламенною къ ней любовью“ (М. 1811 г.) появилось въ печати на счетъ Лопухина и съ портретомъ автора, когда ему было только 17 лѣтъ. Оно было встрѣ-

---

[1]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 1219.
[2]) Русск. Арх. 1870 г, стр. 1233.

чено восторгомъ со стороны мистиковъ. Невзоровъ говорилъ, что эта книга „принесла бы честь и самому почтенному старцу писателю“ [1]). Содержаніе ея, по словамъ ея издателя Лопухина, есть „сущность христіанства, которую составляютъ: любовь къ Богу и смерть самолюбію“. Въ дѣйствительности, это какая-то аскетическая проповѣдь, весьма печальная для юноши 17-ти лѣтъ, говорящая о покаяніи, о принесеніи въ жертву воли, о крестѣ, объ умерщвленіи ветхости, т.-е. плоти и пр. Ковальковъ былъ слабый, болѣзненный юноша, подвергнувшійся вполнѣ вліянію Лопухина. Онъ писалъ очень много и все въ одномъ и томъ же родѣ. Въ кругу мистиковъ впрочемъ сочиненія его находили и порицаніе, а не одни хвалебные отзывы. Изъ словъ самого Лопухина видно, что нѣкоторые изъ того же круга, разумѣется, письменно, нападали на непонятность, кудреватость, темноту его сочиненій, а одинъ пріятель Лопухина даже писалъ къ нему: „сдѣлайте милость, запретите ему писать!“ такъ что послѣдній, въ защиту своего воспитанника, долженъ былъ напечатать большую статью: „Нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ“ [2]), доказывающую способности и талантъ Ковалькова и нападающую на несправедливыхъ критиковъ, которые осуждали въ Ковальковѣ его молодость. Въ 1815 году Лопухинъ напечаталъ въ Орлѣ мистическія сочиненія своего воспитанника въ двухъ томахъ, писанныя имъ на 18 и 19 году жизни: „Созиданіе церкви внутренней и царства свѣта Божія“, „Іисусъ пастырь добрый своего стада, свѣтъ и камень, глава, жрецъ и жертва своея церкви“ и „Мысли о мистикѣ и ея писателяхъ“. Сочиненія эти, по словамъ издателя, заключаютъ въ себѣ внутреннюю сущность христіанства и ни слова не говорятъ о его внѣшности, о его обрядахъ. Конечно, этимъ никто не долженъ соблазняться, говоритъ Лопухинъ. „Описаніе путей духа и внутренняго поклоненія души не отвергаетъ пользу толико нужныхъ средствъ внѣшняго и образовъ; но нѣтъ надобности всегда писать вмѣстѣ о томъ и о другомъ“. Для насъ любопытно въ этихъ твореніяхъ Ковалькова, которыя ведутъ ожесточенную войну съ разумомъ и его свободною дѣятельностью, то представленіе о мистикѣ, которое онъ самъ высказываетъ. „Мистика или изліяніе духа языкомъ человѣческимъ должна имѣть своимъ непремѣннымъ закономъ любовь чистую, отдаленную отъ корыстей и собственности, дабы изреченіе ея не смѣсилось съ *плотскимъ естественнымъ мудрованіемъ*, и гласъ бы ея чистѣйшій проникалъ въ самый мракъ нечистоты и запустѣнія и *заглушалъ бы всякой гласъ ума соб-*

---

[1]) Др Юн 1811 г., Авг., стр. 111.
[2]) Др Юн 1812 г., Ноябрь, стр. 88—136

ственнаго“ [1]). Умъ даетъ одну только теорію, а мистика есть вмѣстѣ съ тѣмъ и практика. Эта практика есть соединеніе съ вѣчнымъ Словомъ, съ Іисусомъ. „Философія міра сего и собственнаго ума есть самая жестокая, гнилая, противная, вредная пища душъ и изліяніе духа нечистоты“ [2]). Разумъ, эта игра чувствъ и воображенія, нуженъ только тому, кто не имѣетъ истиннаго свѣта. Познанія, исходящія отъ тварей, исполнены мертвенности и слабости ученія [3]), потому что они произведенія собственнаго разума; для мистическаго познанія нуженъ разумъ человѣка возрожденнаго, тогда онъ дѣлается премудростію [4]). Все, что̀ разумъ производитъ отъ самого себя и въ самомъ себѣ, безъ помощи премудрости Іисуса, — чуждо истины, есть буйство, заблужденіе и одна мертвенность, злобныя идеи. Сущность ихъ заключается въ слабости или пустотѣ и въ ядовитости [5]). Ученіе такого ума есть пища плоти [6]). Три свойства заключаются въ этомъ ученіи: 1) буйство, исполненное невѣрія, матеріализма или атеизма: тогда разумъ есть ехидна [7]); 2) ученіе страстей, совѣтъ слѣдовать ихъ наклонностямъ и ни въ чемъ не противиться побужденіямъ натуры, называя ее матерью, которой слѣдуетъ повиноваться; такое ученіе есть похоть очесъ и похоть плоти и гордость житейская [8]); 3) неполное понятіе истины, потому что ученіе основывается на одномъ собственномъ умозрѣніи; такое ученіе учитъ добродѣтелямъ не христіанскимъ, а фарисейскимъ [9]). Всего этого нечистаго дѣла разума стоитъ неизмѣримо выше мистика, опредѣленію сущности которой авторъ посвящаетъ большую часть своихъ разсужденій. Руководителями его являются Бемъ, Дютуа и „божественная“ Гіонша (Гіонъ де ла Мотъ—мистическая писательница). Мистика эта даетъ совершенное познаніе существъ движущихся и вещей бездыханныхъ и сокровенныхъ, но оно невозможно безъ содѣйствія той *магіи*, которою они сотворены; она открываетъ ихъ истинную квинтъ-эссенцію, ихъ тинктуру. Познать эту силу можетъ только человѣкъ свыше просвѣщенный [10]). Ему дается настоящее познаніе не только натуры нижней, но и высшей — натуры ангеловъ и всей небесной іерархіи и даже духа Іисусова или „тинктуры всей

[1]) Мысли о мистикѣ, стр. 5—6.
[2]) Ibid., стр. 20.
[3]) Ibid., стр. 36.
[4]) Ibid., стр. 42.
[5]) Ibid., стр. 57.
[6]) Ibid., стр. 58.
[7]) Ibid, стр. 62.
[8]) Ibid., стр. 65.
[9]) Ibid., стр. 74,
[10]) Ibid., стр. 130—131.

вѣчной натуры“ [1]). До такихъ неясныхъ опредѣленій договорилась наша мистика, объявивъ непримиримую вражду наукѣ и разуму. И это писалъ юноша едва двадцати лѣтъ. Мы не знаемъ, что̀ вышло изъ него впослѣдствіи. Умирая въ 1816 году, Лопухинъ поручилъ его извѣстному покровителю мистиковъ въ Александровское время, человѣку, увлекавшемуся всякимъ религіознымъ движеніемъ, А. Н. Голицину; о Ковальковѣ хлопоталъ также Жуковскій, изъ уваженія къ Лопухину [2]). Кажется впрочемъ, что Ковальковъ умеръ въ молодыхъ годахъ, а то изъ него вышелъ бы непремѣнно такой же гонитель просвѣщенія и науки, какимъ былъ Магницкій и другіе ему подобные.

Для того, чтобъ погружаться въ эти волны мистическаго познанія, надобно было имѣть совершенно спокойное существованіе, безъ заботъ внѣшнихъ. Способы для этого, какъ мы сказали, давало тогда крѣпостное право. Лопухинъ былъ большой охотникъ до садовъ и разводилъ ихъ съ помощью своихъ крестьянъ дешевымъ способомъ въ своихъ имѣніяхъ. И въ стихахъ и въ прозѣ описывали его друзья и поклонники эти сады, украшенные мистическими символами и посвященные мистическимъ удовольствіямъ. Таково „прозо-поэмическое твореніе“ того же Ковалькова: „Мирное уединеніе въ садахъ сельца Савинскаго, во время нашествія враговъ“ [3]). Тутъ былъ знаменитый Юнговъ островъ, о которомъ часто упоминали друзья и поклонники, съ памятниками, сооруженными тѣмъ героямъ, кои „отличались терпѣніемъ на крестномъ пути своемъ во слѣдъ крестоносцу Іисусу“: Гіоншѣ, Фенелону и Дютуа. Подъ памятниками этими хранились волосы ихъ. На холмѣ, окруженномъ сосновымъ кустарникомъ, стоялъ крестъ съ мистическими фигурами, поставленный въ честь знаменитаго теософа Бема, а бюстъ его находился у подножія креста. Оттуда идетъ дорожка къ холму, на которомъ опять стоитъ урна въ честь Гіонши, Дютуа и Фенелона; далѣе хижина, посвященная имени Ж. Ж. Руссо; затѣмъ большой мраморный столбъ съ урною и съ надписью: „памяти мудраго“, посвященный Эккартсгаузену. Тутъ же памятникъ и извѣстному протестантскому мистику XVII вѣка Квирину Кульману, который, по настоянію пасторовъ и ортодоксовъ протестантизма, былъ сожженъ въ Москвѣ въ 1689 году. Рядомъ *пустынька*, посвященная уединенію и мистическому размышленію. На стѣнѣ ея крестъ съ надписью: „крестъ дражайшій! вождь вѣрный мой!“ На столѣ въ пустынькѣ *письмо*, содержащее въ себѣ „правила душамъ, желающимъ побѣдить

---

[1]) Ibid., стр. 148.
[2]) Русск Арх. 1867 г., стр. 804, 807.
[3]) Др. Юн. 1813 г., Февраль, стр. 1—127.

міръ со всѣми его прелестями". *Колоколъ* на верху пустыньки, конечно, напоминаетъ „спасительную силу божественнаго гласа, возбуждающаго отъ сна грѣховнаго ко бдѣнію во храмъ истины и любви". Въ гротѣ два памятника: одинъ Тихону Задонскому, незадолго передъ тѣмъ признанному святымъ, другой — мистику Краевичу, другу Лопухина. Въ такомъ же родѣ была и „Орлиная пустынь", англійскій садъ, устроенный и описанный самимъ Лопухинымъ [1]). Эта пустынь находилась въ другомъ имѣніи Лопухина, въ селѣ Воскресенскомъ или Ретяжи, Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда. Эта пустынь была устроена какъ *памятникъ* страданіямъ какого-то *Андрея*, „знаменитаго твердостью духа въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка". По всей вѣроятности, это былъ Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій, знаменитый своимъ энергическимъ отпоромъ только что вступившей на престолъ Екатеринѣ, послѣдній защитникъ старыхъ правъ духовенства, разрушенныхъ регламентомъ Петра В. Извѣстно, что въ мартѣ 1763 года онъ послалъ въ синодъ пространный протестъ противъ распоряженія Екатерины, которымъ учреждался надзоръ за доходомъ съ имѣній духовенства; въ этомъ протестѣ онъ нападалъ также очень рѣзко на современное равнодушіе къ религіи. Въ апрѣлѣ того же года Арсеній былъ лишенъ архіерейства и сосланъ въ Никольскій Корельскій монастырь подъ Архангельскомъ. Здѣсь онъ сдѣлался въ мнѣніи народа мученикомъ и пророкомъ; его пророчества были направлены всѣ противъ Екатерины, которую онъ ненавидѣлъ. Черезъ четыре года какой-то монахъ подалъ доносъ на Мацѣевича; было произведено слѣдствіе и его лишили монашества и по собственному распоряженію Екатерины переодѣли въ простое крестьянское платье и подъ нарочно-придуманнымъ императрицею именемъ *Андрея Враля*, заперли въ Ревельскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ въ 1772 году, до самой смерти своей не видя при себѣ ни одного живого существа. Эта чрезвычайная жестокость окружила Арсенія вѣнцемъ мученичества и святости; о немъ сложилась легенда, и въ представленіяхъ народа онъ является страдальцемъ за правду, хотя въ сущности защищалъ неправое дѣло. Какимъ образомъ этотъ представитель прерогативъ духовенства, котораго сочиненія имѣютъ чисто церковный характеръ, сдѣлался достойнымъ особаго уваженія и поклоненія со стороны масона и мистика Лопухина? Повидимому, въ характерѣ и дѣятельности Арсенія не было для Лопухина ничего сочувственнаго; всего вѣроятнѣе, онъ видѣлъ въ немъ поборника независимости церкви отъ государства и религіознаго человѣка, искренно преданнаго церкви, и сверхъ того врага современнаго просвѣщенія.

---

[1]) Др. Юн. 1814 г., Мартъ, стр. 20—38 и Августъ, стр 113—128.

Но главнымъ образомъ, страданія Мацѣевича, жестокое обращеніе съ нимъ власти и его христіанское смиреніе влекли къ себѣ Лопухина. Въ его тюрьмѣ остались написанными углемъ на стѣнѣ слова: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“, и эти слова повторены Лопухинымъ на его памятникѣ Андрею [1]). Лопухинъ въ своемъ памятникѣ Арсенію Мацѣевичу сдѣлалъ его какимъ-то розенкрейцеромъ: изъ мертвой головы выростаетъ роза; на стѣнахъ изображеніе розоваго креста, по угламъ гіероглифическія изображенія: оковы, переломленный посохъ, закрытая книга и горящій трисвѣчникъ. Вверху надпись: „вѣрному до смерти, вѣнецъ живота“. Эта Андреева пустынь была любимымъ мѣстомъ для прогулокъ Лопухина: въ ней все символически изображало страданія Мацѣевича. Вообще у Лопухина была особая какая-то любовь къ памятникамъ и монументамъ, которые онъ ставилъ по разнымъ случаямъ. Такъ въ томъ же Орловскомъ имѣніи были памятники въ честь русскихъ побѣдъ въ 1812 году, въ память убитыхъ на этой войнѣ воиновъ изъ окрестныхъ жителей, въ память взятія Парижа въ 1814 году и проч. Вообще Лопухинъ незадолго до своей смерти впалъ въ дѣтство. Въ письмѣ къ Руничу онъ передаетъ, какъ онъ праздновалъ у себя торжественно похороны славы Бонапартовой, лѣтъ за семь до настоящей смерти Наполеона, созывая на этотъ праздникъ своихъ деревенскихъ сосѣдей особыми для того приготовленными пригласительными билетами. Лопухинъ самъ является на этомъ торжествѣ какимъ-то первосвященникомъ. Онъ громко провозглашаетъ слова: „И память вражія погибе съ шумомъ“, велитъ стрѣлять изъ домашнихъ пушекъ и раздаетъ крестьянамъ 500 крестиковъ для обыкновеннаго ношенія въ память торжества о побѣдѣ и одолѣніи врага [2]). Такъ забавлялись наши мистики.

Самымъ пылкимъ и восторженнымъ поклонникомъ Лопухина былъ дѣйствительно многимъ ему обязанный Максимъ Ивановичъ *Невзоровъ;* изъ своей преданности Лопухину онъ сдѣлалъ какъ бы особый культъ, которому оставался вѣренъ до самой смерти своей. Онъ не былъ ревностнымъ мистическимъ писателемъ, мало вообще пускался въ мистическій туманъ, былъ скорѣе практическимъ человѣкомъ и честнымъ дѣятелемъ, довольно полезнымъ по времени журналистомъ и оригинальною личностью, всѣмъ хорошо знакомою въ Москвѣ, но тѣмъ не менѣе, его можно считать распространителемъ мистическихъ убѣжденій и врагомъ свободнаго просвѣщенія, основаннаго не на исключительно религіозныхъ началахъ. Воейковъ въ своемъ

---

[1]) Лонгиновъ. День, 1862 г., № 19.

[2]) Русск. Арх. 1770 г., стр. 1226—1227.

знаменитомъ „Сумасшедшемъ Домѣ“ съ насмѣшливой ироніей отозвался о немъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ.
Если-бъ такъ, какъ на Вольтера,
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала-бъ только вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.

Воейковъ становится какъ-бы на сторону оффиціальной церкви, враждебной мистикѣ.

Невзоровъ родился въ 1762 или 1763 году, слѣдовательно, онъ принадлежалъ уже къ молодому поколѣнію масоновъ и мистиковъ Новиковскаго кружка, да и вся его дѣятельность принадлежитъ къ Александровскому времени. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія, былъ сыномъ священника изъ окрестностей Рязани и первое образованіе получилъ въ семинаріи этого города. Какъ самый лучшій ученикъ ея, онъ былъ присланъ епархіальнымъ начальствомъ въ 1779 году въ Москву по вызову „Дружескаго общества“ Новикова; на его счетъ и подъ его надзоромъ поступилъ онъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, а потомъ перешелъ на медицинскій, такъ что въ университетѣ онъ пробылъ около девяти лѣтъ. Безъ сомнѣнія, въ эти годы Невзоровъ слушалъ вліятельныя лекціи Шварца, вербовавшаго членовъ въ масонское общество: отрывки этихъ лекцій были помѣщены потомъ Невзоровымъ въ его журналѣ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ также участникомъ въ собраніяхъ масонскихъ ложъ. Въ своемъ „убѣдительномъ“ посланіи къ Поздѣеву, своему товарищу и также масону, Невзоровъ положительно говоритъ о своемъ масонскомъ воспитаніи. Масонство и И. В. Лопухинъ — вотъ два источника, отъ которыхъ Невзоровъ, по его словамъ, получилъ все: „отъ незабвеннаго и одного Ивана Владиміровича получилъ все наружное свое состояніе, такъ какъ отъ свободнаго каменщичества внутреннее, гдѣ также всего главнымъ и для меня, можно сказать, единственнымъ орудіемъ былъ тотъ же Иванъ Владиміровичъ“ [1]). Посланіе это писано черезъ много лѣтъ послѣ его масонскаго воспитанія; въ немъ сохранились его прежнія воспоминанія и для насъ любопытны слова его о томъ, чѣмъ онъ обязанъ масонству. „Мое исповѣданіе объ орденѣ свободнаго каменщичества, говоритъ онъ, въ которомъ мнѣ по волѣ Бога милосердаго посчастливилось учиться, есть таковое, что я его собственно для себя почитаю истинною женою, облеченною въ солнце,

[1]) Библ. Зап. I, стр. 645.

о коей упоминается въ 22 главѣ Апокалипсиса, и породившею во мнѣ чадо истины"... Это, конечно, мистическое и неопредѣленное выраженіе. „Болѣе же всего къ таковому рожденію во мнѣ истины служилъ поводомъ бывшій мой великій мастеръ въ ложѣ Блистающей Звѣзды, неподражаемый мой благодѣтель во всемъ И. В. Лопухинъ, который истинно одинъ изъ не послѣднихъ, и, можно сказать, изъ первыхъ драгоцѣнныхъ камней, украшающихъ корону вышеозначенной жены"... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „послѣ Бога и простыхъ бѣдной матери моей наставленій, ежели есть во мнѣ что хорошаго, я всѣмъ обязанъ ему" [1]). Гораздо положительнѣе говоритъ Невзоровъ о значеніи для него масонства въ слѣдующихъ словахъ: „Орденъ свободныхъ каменщиковъ, въ которомъ я былъ членомъ, для меня былъ лучшимъ училищемъ христіанскимъ, и я по милости Бога не хотѣлъ иначе понимать его" [2]). Каноническою книгою масонства Невзоровъ считаетъ „Пастырское Посланіе" (Спб., 1806). Ученіе и обязанность масона должны состоять въ подражаніи Христу... Затѣмъ говоритъ онъ съ полнымъ одобреніемъ о практической или филантропической сторонѣ масонства и о его литературѣ, которой призваніе есть борьба съ философскимъ невѣріемъ вѣка". Самая же лучшая услуга тогдашнихъ членовъ свободнаго каменщичества россійскому отечеству въ особливости, а христіанству вообще, состояла въ *изданіи безчисленныхъ душеспасительныхъ* книгъ, которыхъ цѣлое море на россійскомъ и другихъ языкахъ противопоставили они адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ книгъ, прорвавшейся тогда со всѣхъ сторонъ. Словомъ сказать, Богъ явилъ тогдашнихъ свободныхъ каменщиковъ въ Россіи точно въ самое нужное время, дабы противопоставить ихъ антихристовскому племени, со всѣхъ сторонъ начавшему воевать противъ истинной церкви Христовой" [3]). Эту же цѣль предполагаетъ онъ и для своей литературной дѣятельности.

Въ 1788 году, будучи такимъ образомъ увлеченнымъ поклонникомъ масонства, Невзоровъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Колокольниковымъ, также воспитанникомъ Дружескаго общества, былъ отправленъ за границу на счетъ общества, какъ для усовершенствованія въ наукахъ, такъ, по всей вѣроятности, и для спеціальныхъ цѣлей масонства. Цѣлью ихъ путешествія былъ знаменитый тогда Лейденскій университетъ, гдѣ оба они выслушали полный курсъ наукъ и получили степень доктора медицины. Довольно долго про-

---

[1]) Др. Юн., 1812 г., Авг.
[2]) Библ. Зап. т. I, стр. 646.
[3]) Библ. Зап., т. I, стр. 649.

жилъ Невзоровъ въ Германіи и познакомился со многими нѣмецкими университетами, въ которыхъ остался недоволенъ анти-христіанскимъ духомъ и направленіемъ науки. Конечно, человѣку, воспитанному въ школѣ Новикова, нечего было дѣлать въ нѣмецкихъ университетахъ, гдѣ преподавалась свободная протестантская наука; онъ явился туда уже съ сложившимися убѣжденіями, и московское вліяніе было сильнѣе заграничнаго, тѣмъ болѣе, что Невзоровъ не былъ хорошо знакомъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Отсюда постоянная ненависть его къ профессорамъ и къ наукѣ нѣмецкихъ университетовъ, которая такъ часто проглядываетъ въ его сочиненіяхъ, особенно въ его журналѣ. Точно также и въ политическомъ отношеніи масонскія вліянія остались преобладающими. Осенью 1790 года былъ онъ вмѣстѣ съ Колокольниковымъ въ Страсбургѣ. Весь Эльзасъ былъ полонъ тогда революціоннымъ движеніемъ. Въ Страсбургѣ образовалось патріотическое общество для революціонной пропаганды, и нашихъ масоновъ приглашали посѣтить его не только нѣкоторые жители Страсбурга, но и бывшіе тогда въ немъ русскіе путешественники, но они рѣшительно отъ того отказались, почитая, по словамъ Невзорова, „всѣ таковыя заведенія плодомъ мятежнаго буйства“, и не поѣхали въ Парижъ, куда имъ слѣдовало ѣхать, потому что тамъ господствовала революція [1]). У нихъ были масонскія цѣли и порученія. Въ чемъ они состояли однако, кромѣ продажи и покупки книгъ, намъ неизвѣстно. Находясь подъ вліяніемъ московскихъ масоновъ, даже наслаждаясь чтеніемъ масонскихъ книгъ за границею, Невзоровъ однако не сближался съ заграничными масонами и, по совѣту Лопухина, избѣгалъ посѣщенія тамошнихъ ложъ. Въ 1791 году его приглашали посѣтить ложу въ Гетингенѣ, но онъ отказался и потомъ высказывалъ свою радость, что отказался, потому что въ собраніи этой ложи великій мастеръ, профессоръ Бюргеръ, говорилъ похвалу французскому равенству. Нѣмецкіе университеты и въ особенности Гетингенскій, по словамъ Невзорова, „сіе молодое, но слишкомъ далѣе другихъ забѣжавшее въ новомъ безуміи дитя Германіи (замѣтимъ, что въ немъ учились нѣкоторые лучшіе люди царствованія Александра) были первѣйшими орудіями, разсадниками и распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго оттого несчастія своего отечества“. Все это Невзоровъ писалъ въ спокойное время, въ частномъ письмѣ, въ полномъ убѣжденіи, а не изъ боязни преслѣдованія.

Несмотря, однако, на такой безвредный образъ мыслей молодыхъ масоновъ, ихъ пребываніе за границею во время революціоннаго

---

[1]) Библ. Зап., I, стр. 650.

движенія, напугавшаго уже правительство Екатерины, ихъ связи съ мартинистами, противъ которыхъ начались тогда преслѣдованія, сдѣлали ихъ людьми подозрительными для власти. По пріѣздѣ Невзорова и Колокольникова въ февралѣ 1792 года въ Ригу, ихъ тотчасъ взяли подъ стражу и повезли въ Петербургъ въ Невскій монастырь, подъ именемъ якобинцевъ, а оттуда въ Петропавловскую крѣпость. Началось слѣдствіе, веденное пресловутымъ Шешковскимъ. Въ его допросахъ было много забавнаго, напр., онъ спрашивалъ у Невзорова: „отчего произошла французская революція?“ Невзоровъ доказывалъ, что революція, „сіе чудовищное произведеніе кровопійственной философіи просвѣщенной политики“, не имѣетъ ничего общаго съ масонствомъ, что, напротивъ того, всѣ дѣйствія масонства имѣютъ цѣлью борьбу съ нею. На слѣдствіи Невзоровъ показалъ большую твердость духа и достоинство характера, даже тогда, когда Шешковскій грозилъ пыткою; онъ ничего не хотѣлъ отвѣчать безъ депутата отъ университета, къ которому принадлежалъ, ссылаясь на законъ. Слѣдствіе, однако, несмотря на то, что не привело ни къ какимъ результатамъ, произвело такое сильное впечатлѣніе на умъ молодыхъ людей, что оба они изъ крѣпости переведены были въ домъ сумасшедшихъ при Обуховской больницѣ, гдѣ Колокольниковъ вскорѣ и умеръ, а Невзоровъ подъ тяжестью душевной болѣзни оставался нѣсколько лѣтъ, до самаго воцаренія Павла и одновременнаго освобожденія Новикова. Невзоровъ разсказываетъ, что Павелъ самъ посѣтилъ его въ больницѣ пять разъ и однажды съ императрицею и наслѣдникомъ [1]). Только въ 1798 году можно было взять Невзорова изъ больницы, и по Высочайшему повелѣнію онъ былъ отправленъ въ Москву на попеченіе прежняго его воспитателя—Лопухина. Онъ жилъ въ его домѣ, какъ родственникъ. Это пребываніе его въ домѣ Лопухина напоминало ему прежнее время: Невзоровъ жилъ въ обществѣ масоновъ и мистиковъ, которыхъ давно привыкъ уважать,—слѣдовательно, онъ не разрывалъ связей съ прошедшимъ, не могъ понять новаго времени, и никакая другая дѣятельность не могла замѣнить той, которая ему была такъ хорошо знакома. Литературная дѣятельность Невзорова (до тѣхъ поръ онъ ничего не печаталъ) началась стихотвореніями, которыя были собраны имъ потомъ въ одну книжку (М., 1804). Это были обычныя оды на разныя событія или въ честь лицъ, которыхъ особенно уважалъ Невзоровъ, но поэтическаго таланта въ немъ не было.

Невзоровъ, нигдѣ не служившій и не имѣвшій никакихъ средствъ къ существованію, жилъ въ домѣ Лопухина и на его счетъ. Въ

---

[1]) Библ Зап. I, стр. 653—654.

1800 году Лопухинъ взялъ его съ собою въ качествѣ секретаря во время ревизіи имъ Вятской губерніи. Плодомъ этого путешествія съ Лопухинымъ было описаніе его, изданное въ 1803 году: „Путешествіе въ Казань, въ Вятку и Оренбургъ въ 1800 году", въ формѣ писемъ, въ подражаніе Карамзину и В. Измайлову, но безъ сентиментальнаго направленія, господствовавшаго у нихъ. По плану Невзорова должно было появиться пять частей этого описанія, но все дѣло ограничилось первой. Авторъ остановился на описаніи Казани. Описаніе его путешествія отличается преобладаніемъ въ немъ фактической стороны; Невзоровъ сообщаетъ факты по исторіи, географіи и статистикѣ, но весьма кратко. Почему не продолжалось изданіе— намъ неизвѣстно.

По возвращеніи изъ этой поѣздки Невзоровъ по ходатайству Лопухина опредѣленъ былъ въ канцелярію Московскаго университета, съ употребленіемъ по ученой части, и съ тѣхъ поръ служилъ этому университету въ разныхъ должностяхъ, особенно въ качествѣ начальника типографіи, шестнадцать лѣтъ, до самой отставки своей въ 1816 году. На этой службѣ Невзоровъ отличался рѣдкимъ въ нашемъ обществѣ безкорыстіемъ и презрѣніемъ къ матеріальнымъ выгодамъ. Два раза жертвовалъ онъ значительныя суммы изъ денегъ, слѣдовавшихъ ему по закону съ доходовъ университетской типографіи: разъ въ пользу университета, а въ другой бѣднымъ чиновникамъ и наборщикамъ типографіи, потерпѣвшимъ отъ непріятельскаго нашествія въ 1812 году, 6.000 р. Въ это время онъ до самой послѣдней крайности въ виду непріятеля оставался при типографіи и своими заботами спасъ ее отъ разоренія, хотя и съ трудомъ выбрался изъ Москвы. Свои испытанія и волненія этого времени Невзоровъ описалъ въ замѣчательной статьѣ. „Исходъ мой изъ Москвы во время нашествія французовъ" [1]). По возвращеніи въ Москву онъ съ тѣмъ же рвеніемъ отдался своей службѣ, жертвуя собственными средствами на устройство и приведеніе въ порядокъ типографіи послѣ непріятельскаго нашествія. Личный характеръ Невзорова отличался прямотою, соединенною съ нѣкоторою раздражительностью, что̀ приводило его нерѣдко въ непріятныя столкновенія съ разными лицами и въ особенности съ начальниками. Непріятности эти увеличивались съ годами и повели къ тому, что онъ долженъ былъ покинуть службу въ 1816 году, оставивъ по себѣ память вполнѣ честнаго человѣка.

Почти вся литературная дѣятельность Невзорова, почти все дѣло его жизни, на которое онъ употреблялъ всѣ свои способности и

[1]) Др. Юн., 1812 г., Октябрь.

всѣ свои познанія, соединены съ изданіемъ журнала „Другъ Юношества“, къ чему впослѣдствіи онъ прибавилъ: „и всякихъ лѣтъ“. Большую помощь въ основаніи и распространеніи этого журнала оказалъ Невзорову извѣстный тогдашній попечитель Московскаго университета Муравьевъ, который именно желалъ, чтобъ университетъ имѣлъ свое педагогическое изданіе. Съ 1807 года Невзоровъ и сталъ издавать свой журналъ, посвященный М. Н. Муравьеву, котораго онъ называетъ „другомъ юношества“. По разсказу Невзорова, онъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудники „двухъ старинныхъ своихъ почтенныхъ пріятелей“, но именъ ихъ назвать не желаетъ [1]). Это были Багрянскій и Дмитріевскій. Кромѣ нихъ былъ Лопухинъ, всегда и во всемъ помогавшій Невзорову. Изданіе, впрочемъ, шло не вполнѣ удачно. Въ первый годъ помогалъ деньгами Лопухинъ, да и въ остальные годы число подписчиковъ было незначительно. Невзоровъ говоритъ, что онъ вовсе не ищетъ выгодъ и прибылей отъ журнала, а желалъ бы только, чтобъ онъ окупался, но и этого едва ли всегда достигалъ: журналъ былъ слишкомъ серьезенъ, отвлеченъ, не по-плечу тогдашней публикѣ и совершенно чуждъ современнымъ вопросамъ. Сначала въ первые годы онъ былъ исключительно посвященъ вопросамъ и предметамъ воспитанія, но многіе ли тогда могли интересоваться этимъ? „Хотя съ большимъ сожалѣніемъ, однако должно сказать, говоритъ издатель, что у насъ многіе называютъ воспитаніемъ дѣтей то, когда они отдадутъ сына въ какую школу или пенсіонъ, или наймутъ въ домъ учителя, и особливо иностранца, и заплатя деньги, сами никогда не хотятъ болѣе имъ заниматься“ [2]). По смерти Муравьева, въ 1813 году журналъ былъ посвященъ Лопухину и сталъ называться „Другъ юношества и всякихъ лѣтъ“. Еще прежде измѣнился исключительно педагогическій характеръ изданія и стали помѣщаться статьи мистическаго содержанія, въ особенности принадлежащія Лопухину. Самъ Невзоровъ сталъ писать въ этомъ родѣ, не забывая, однако, первоначальной цѣли изданія. Онъ былъ глубоко преданъ этому дѣлу. Въ 1814 году, по собственному его признанію, онъ былъ такъ утомленъ препятствіями, встрѣчавшимися при изданіи журнала, что желалъ совсѣмъ прекратить его, какъ вдругъ въ Августѣ мѣсяцѣ того года вышелъ указъ Александра въ комиссію духовныхъ училищъ, въ которомъ уже проглядывалъ правительственный мистицизмъ, и Невзоровъ счелъ своимъ долгомъ продолжать изданіе.

Поддержку своему журналу, какъ нравственную, такъ и матеріальную—въ подписчикахъ, Невзоровъ находилъ преимущественно въ лю-

[1]) Др. Юн., 1809 г., Январь.
[2]) Ibid., V—VI.

дяхъ одного съ нимъ направленія, частью въ тѣхъ, которые принадлежали къ старому кругу Новикова, частью въ ихъ послѣдователяхъ и воспитанникахъ. Это было понятно потому, что „Другъ Юношества“ былъ совершенно чуждъ современности, и, имѣя задачею сначала улучшеніе воспитанія, распространеніе пригодныхъ для юношества свѣдѣній и чисто нравственно-христіанское направленіе, склонился потомъ къ содержанію масонскому и высказывалъ постоянно на страницахъ своихъ недовѣріе къ современной наукѣ и просвѣщенію. Общество уходило впередъ въ своемъ развитіи, а Невзоровъ не думалъ удовлетворять его потребностямъ. Никто изъ сколько-нибудь извѣстныхъ тогда литературныхъ талантовъ не принималъ участія въ журналѣ, и Невзоровъ принужденъ былъ довольствоваться писателями только что начинающими, неизвѣстными. Весь трудъ изданія лежалъ на одномъ издателѣ, но у него не было вовсе художественнаго таланта, а научныя статьи его писаны были исключительно съ педагогическими цѣлями. Въ объявленіяхъ своихъ о журналѣ Невзоровъ постоянно повторялъ, что не принимаетъ къ напечатанію эпиграммы, сатиры, комедіи, романы, ссылался въ этомъ случаѣ на нравственный долгъ свой и говорилъ, что не намѣренъ служить вкусу. Можно сказать положительно, что онъ боролся въ своемъ журналѣ со вкусомъ времени, съ духомъ вѣка, презиралъ ихъ, какъ и человѣческую науку. основанную на доводахъ и доказательствахъ, а не на мистикѣ, а потому и былъ все время изданія своего журнала цѣлью насмѣшекъ и эпиграммъ.

Невзоровъ былъ человѣкъ ученый, воспитанный въ строгой классической школѣ, а потому въ журналѣ его встрѣчается много статей, посвященныхъ древнему міру, миѳологіи, исторіи и проч., но правильному и свободному взгляду на этотъ предметъ мѣшала исключительно религіозная точка зрѣнія, которая вела его къ поученію, да и статьи его не были самостоятельны, а составлялись по французскимъ переводамъ. На исторію всемірную Невзоровъ также смотрѣлъ съ нравственной точки зрѣнія, выдѣляя изъ нея только тѣ лица, которыя по содержанію своему сколько-нибудь соотвѣтствовали его масонско-мистическому воспитанію въ школѣ Новикова и Шварца: таковы были вообще реформаторы и протестантскіе мистики, о которыхъ онъ говоритъ съ особеннымъ уваженіемъ. Но вся исторія новой Европы казалась ему только приготовленіемъ къ французской революціи, которую онъ ненавидѣлъ всѣми силами души своей. Постоянная война идетъ въ его журналѣ противъ энциклопедистовъ и вообще французской философіи XVIII вѣка. Здѣсь онъ высказывалъ свои собственныя сужденія, обязанныя существованіемъ масонскому воспитанію его. Статей, написанныхъ имъ противъ знаменитыхъ пред-

ставителей мысли въ XVIII вѣкѣ и противъ нѣмецкой науки, зараженной, по мнѣнію Невзорова, тѣмъ же нехристіанскимъ направленіемъ,—въ журналѣ много. Нападенія его на западную науку особенно сильны въ статьѣ: „Все ли хорошо, что̀ въ чужихъ земляхъ водится?“ [1]). Съ своей точки зрѣнія онъ нападалъ на чрезвычайное развитіе преподаванія въ университетахъ и гимназіяхъ классическихъ писателей и почти совѣтовалъ замѣнить изученіе древнихъ поэтовъ изученіемъ псалмовъ Давида и другихъ священныхъ пѣсенъ, которыя, конечно, были гораздо нравственнѣе произведеній древней музы.

Современное развитіе естественныхъ наукъ въ Германіи было также не по вкусу Невзорову. Онъ не могъ примириться съ чисто опытнымъ ихъ направленіемъ и совѣтовалъ лучше вѣрить, чѣмъ прибѣгать къ какимъ-нибудь научнымъ гипотезамъ. Такъ же своеобразно смотрѣлъ онъ на созданія нѣмецкой литературы. Шиллера бранилъ за то, что разбойниковъ сдѣлалъ героями, Гёте за его „безнравственнаго“ Вертера и за подобострастіе къ Наполеону. Онъ пророчилъ умственное паденіе Германіи. „Германія! говорилъ Невзоровъ. Я гласомъ соотчича твоего, сочинителя предлагаемой здѣсь статьи, реку тебѣ и всему бѣдотворною мудростію міра упоенному Вавилону, что ежели не престанутъ въ васъ толикія безумства и ослѣпленія порождать горестные плоды свои, то вся мнимо-великая громада Вавилона, какъ брошенный въ море тяжелый жерновъ, погрязнетъ въ немъ и во всемъ пространствѣ владѣній его лживыя хитрости и изящества исчезнутъ, цвѣты поблекнутъ, свѣтъ погаснетъ и не будетъ слышно ни веселаго пѣнія, ни гласа жениха и невѣсты; взыщется кровь всѣхъ истинныхъ учителей, учащихъ словомъ и дѣломъ, избіенныхъ и избиваемыхъ мнимо-мудрыми вашими философами-мудрецами“ [2]). А для Германіи начиналось тогда только-что время политическаго возрожденія. Яркій лучъ свѣта истиннаго просвѣщенія Невзоровъ обѣщалъ Европѣ отъ Сѣвера, только-что побѣдившаго второго Навуходоносора. Отсюда и славянофильство Невзорова и постоянные совѣты презрѣть западною наукою и западнымъ образованіемъ, остерегаться слѣпого подражанія. Онъ убѣжденъ, что иностранцы принесли намъ больше вреда, чѣмъ пользы. „Любезные юноши! говоритъ Невзоровъ. Уважайте просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ иностранцевъ, но не перенимайте всего того, что̀ водится, дѣлается и славится въ чужихъ краяхъ, а слѣдуйте во многомъ простодушнымъ своимъ предкамъ, подражайте имъ особливо въ томъ, что̀ надлежитъ до Богопочитанія и будьте по

[1]) Другъ Юношества. 1811 г., Ноябрь.
[2]) Ibid., 1819 г., Апрѣль.

примѣру ихъ привержены къ вѣрѣ, закону и религіи“ [1]). Эти убѣжденія и мысли особенно усилились въ Невзоровѣ со времени отечественной войны. Въ 1813 году онъ взялъ на свою отвѣтственность, кромѣ „Друга Юношества“, еще изданіе „Политическаго журнала“. Онъ издавался отъ московскаго университета, но издатель его, профессоръ Гавриловъ во время Наполеонова нашествія уѣхалъ изъ Москвы, и журналъ прекратился. По изгнаніи французовъ онъ отказался отъ продолженія изданія, и дѣло это добровольно и безвозмездно взялъ на себя Невзоровъ, по словамъ его, „для сохраненія чести университета и не желая лишить удовольствія читателей прерваніемъ столькихъ лѣтъ современной исторіи“. Невзоровъ продолжалъ изданіе журнала полтора года и наполнялъ его статьями противъ Наполеона, французовъ и „философіи міра сего“. Лучшія статьи его въ этомъ родѣ составили потомъ особое сочиненіе: „Наполеонова политика или царство гибели народной и состояніе Европейскихъ государствъ до войны 1812 года“. (М. 1813).

Въ „Другѣ Юношества“ Невзоровъ является и сатирикомъ-памфлетистомъ, рѣзко нападающимъ на современные нравы и на то, что̀ казалось ему уклоненіемъ отъ настоящей нравственности. Въ журналѣ его встрѣчается множество мелкихъ замѣтокъ, высказанныхъ имъ по разнымъ поводамъ, нападеній на разныя мелкія слабости окружавшей жизни. Нападенія эти, впрочемъ, рѣдко попадали въ цѣль и едва ли могли имѣть какое-либо вліяніе на читателей по недостатку таланта въ ихъ авторѣ. Ихъ, конечно, любопытно изучить тому, кто желалъ бы всестороннимъ образомъ познакомиться съ тогдашней эпохой, но вообще примѣръ Невзорова и его журнала, несмотря на твердость и честность его убѣжденій, несмотря порою даже на оригинальность его мысли, служитъ намъ доказательствомъ безплодности масонско-мистическаго направленія въ литературѣ. Невзоровъ не понималъ современности, и, оставаясь вѣренъ полученному имъ направленію, онъ является какою-то аномаліей въ эпохѣ, какъ и вся мистика.

Вполнѣ мистическимъ писателемъ Невзоровъ не былъ; онъ не употреблялъ даже туманный и вычурный языкъ мистики, но, конечно, уважалъ ее и даже писалъ о ея значеніи и содержаніи. Такъ въ статьѣ своей, заключающей разборъ задачи, данной Гетингенскимъ ученымъ обществомъ, написать разсужденіе объ исторіи мистицизма, гдѣ мистицизмъ называется *родомъ философствованія*, Невзоровъ опровергаетъ это, говоритъ о сочиненіяхъ Таулера, Парацельза, Арндта и доказываетъ, что мистика есть „не что иное, какъ христіанское

[1]) Ibid., 1808 г., Ноябрь.

ученіе о дѣятельномъ послѣдованіи Іисусу Христу, или, что̀ одно и то же, о любви къ Богу и ближнему“ [1]). Такимъ образомъ, Невзоровъ желалъ какъ бы практическаго христіанства, но вмѣстѣ съ тѣмъ мистика, по его словамъ, должна учить не прямому, а таинственному смыслу св. Писанія, а это давало естественно широкое поприще личному произволу. Впрочемъ, чисто-мистическихъ статей, гдѣ бы простой смыслъ христіанства смѣшивался съ мистическими выраженіями, и опредѣленнаго мистическаго направленія въ журналѣ Невзорова не было, и это спасло его отъ цензурныхъ преслѣдованій въ началѣ царствованія Александра, когда императоръ самъ еще не любилъ мистики, и она строго преслѣдовалась нашимъ духовенствомъ.

Бартеневъ, въ своей большой статьѣ, посвященной М. И. Невзорову [2]), дѣлаетъ изъ него какого-то героя, исполненнаго высокой доблести и глубокаго сознанія своего долга не только въ жизненныхъ его отношеніяхъ, но и во всей литературной его дѣятельности. Въ жизни своей Невзоровъ былъ дѣйствительно глубоко честный человѣкъ, исполненный сознанія долга, безкорыстный и прямой, чуждый эгоистическихъ цѣлей, человѣкъ, какихъ вообще было очень мало въ нашемъ обществѣ, съ нѣсколько оригинальными особенностями, какъ у многихъ старыхъ масоновъ,—лицо типическое въ своемъ родѣ. Въ запискахъ современнаго московскаго студента (Жихарева) сохранилось нѣсколько воспоминаній объ этой оригинальной личности, которая влекла къ себѣ даже вѣтренаго молодого человѣка: „Что за умный и добрый человѣкъ этотъ Максимъ Ивановичъ! какихъ гоненій онъ ни натерпѣлся за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ, какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе. При всей своей бѣдности онъ не ищетъ ничьей помощи, хоть многіе старинные сотоварищи его (масоны) принимаютъ въ немъ живое участіе и желали бы пособить ему. Ходитъ себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частью изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ. Говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его* [3]). Въ такомъ же родѣ, какимъ-то стоикомъ является Невзоровъ и въ замѣткахъ о немъ Лопухина [4]). По выходѣ въ отставку, получая пенсію по университетской службѣ, Невзоровъ постоянно однако нуждался, потому что всѣ деньги свои раздавалъ бѣднымъ. Изъ этихъ послѣднихъ лѣтъ жизни сохранилось о немъ нѣсколько анекдотовъ, рисующихъ

[1]) Ibid., 1812 г, янв., стр. 132.
[2]) Русск. Бес. 1856 г, III.
[3]) Записки Жихарева, стр. 21.
[4]) Др. Юн. 1812, Ноябрь.

его какъ оригинала. Разсказываютъ, что онъ каждый день ходилъ къ обѣднѣ и послѣ словъ „оглашенніи изыдите“ всегда спѣшилъ выйти изъ церкви, считая себя недостойнымъ быть при окончаніи обѣдни. Невзоровъ дожилъ до 1827 года и умеръ въ крайней бѣдности, такъ что при смерти нашлось у него нѣсколько копѣекъ, и друзья похоронили его на свой счетъ.

Что касается до значенія литературной дѣятельности Невзорова, то мы уже отчасти говорили о ней. Еслибъ онъ былъ вполнѣ мистическимъ писателемъ, то мы и имѣли бы съ нимъ дѣло, какъ съ представителемъ этого рода идей, и смотрѣли бы на его сочиненія, какъ на извѣстное заблужденіе ума человѣческаго, подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ и общественныхъ обстоятельствъ. Но Невзоровъ желалъ быть публицистомъ, думалъ статьями своего журнала дѣйствовать на развитіе общества и вести его къ опредѣленной цѣли. Для этого недостало у него ни таланта, ни знаній, ни достаточнаго знакомства съ духомъ времени. Положимъ, что онъ хотѣлъ бороться съ послѣднимъ, но во имя чего? Цѣль у него была неясна. Воспитанный европейскою наукою, всѣмъ обязанный ей, Невзоровъ сдѣлался потомъ недоволенъ ею и нападалъ на нее при всякомъ удобномъ случаѣ. За что же онъ не любилъ ее, были ли у него какія-нибудь для того основанія? А не любилъ онъ науку за то, что она была наука и противорѣчила его сердечнымъ вѣрованіямъ. Примирить эти два противорѣчія онъ былъ не въ состояніи. Нападая на западное образованіе, онъ не сознавалъ однакожъ ясно, въ чемъ заключаются коренныя русскія основы, потому что не зналъ ихъ и не вдумывался въ нихъ. Источникомъ всѣхъ его сатирическихъ выходокъ было масонско-мистическое воспитаніе, но мы знаемъ, какъ неопредѣленно было содержаніе его. Однимъ словомъ, во всей литературной дѣятельности Невзорова было что-то недосказанное; вся она имѣетъ какой-то неопредѣленный и вмѣстѣ съ тѣмъ несимпатичный характеръ и о ней не стоило бы долго говорить въ исторіи русской литературы, еслибъ не нужно было на этомъ оригинальномъ публицистѣ показать, какъ безплодно было вліяніе на общество масонско-мистическихъ началъ.

Съ гораздо болѣе опредѣленными чертами дѣятельности и стремленія является передъ нами въ Александровское время другой воспитанникъ стараго московскаго общества масоновъ, глава петербургскихъ мистиковъ, дѣйствовавшій чрезвычайно энергически и плодовито въ мистической литературѣ во все время царствованія Александра—А. Ѳ. *Лабзинъ*. Человѣкъ большого ума и значительнаго образованія, отличавшійся, по разсказамъ современниковъ, силою воли, энергіею характера и практическою дѣятельностью, Лабзинъ образо-

валъ вокругъ себя довольно значительный кружокъ единомышленниковъ въ мистическомъ направленіи, изъ которыхъ сдѣлалъ своихъ сотрудниковъ, какъ въ журналѣ имъ издаваемомъ, такъ и въ многочисленныхъ переводахъ нѣмецкихъ мистическихъ сочиненій. Обладая значительною духовною силою, Лабзинъ господствовалъ въ этомъ кружкѣ деспотически и всѣ подчинялись его власти. Онъ давалъ тонъ и направленіе; онъ имѣлъ вліяніе. Лабзинъ пережилъ при Александрѣ гоненіе, торжество и снова гоненіе мистицизма. Когда онъ палъ и долженъ былъ отправиться въ ссылку, то извѣстный представитель ортодоксальной партіи духовенства, архимандритъ Фотій, сломившій министра духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына, называлъ его „гордый Лабзинъ, отецъ и ересіархъ“ [1]). Съ этой стороны и съ другихъ Лабзинъ нажилъ себѣ много враговъ, но онъ былъ истинно увлеченный человѣкъ и глубоко преданный своему дѣлу — своеобразному пониманію христіанства. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи, конечно, должна была возбуждать разные толки въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что Лабзинъ вездѣ, не разбирая источниковъ, искалъ удовлетворенія своей духовной потребности. „Писатель, который въ теченіе двадцати лѣтъ непрестанно занимается изданіемъ христіанскихъ книгъ, по необходимости долженъ быть ненавидимъ и злословимъ, пишетъ о немъ Сперанскій къ Столыпину; для меня сіе не новость и сіе злословіе именно составляетъ его достоинство. Люди безъ религіи никакъ не понимаютъ, какъ можно ею заниматься постоянно, не бывъ сумасшедшимъ или лицемѣромъ“ [2]). Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ происходилъ изъ дворянъ и родился въ Москвѣ въ 1766 году. Первоначальное образованіе получилъ онъ дома и, по разсказу его воспоминаній, съ дѣтства полюбилъ ариѳметику, что̀ сдѣлало его потомъ хорошо знакомымъ вообще съ математикою. Изъ дѣтства же, въ которомъ пробудилось въ немъ религіозное чувство, Лабзинъ вынесъ любопытное воспоминаніе о томъ, въ какомъ положеніи находилось тогда, да и теперь находится, въ образованныхъ русскихъ семействахъ чтеніе книгъ Св. Писанія, сравнительно не только съ протестантскими, но и съ католическими семействами. „Библію, если кто и не презиралъ вовсе, разсказываетъ Лабзинъ, то по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною... Никто къ чтенію Библіи не увѣщевался, и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль,

[1]) Русск. Арх 1863 г. I, стр. 851.
[2]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 1152.

что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей *изъ набожности* (?) за то, что читалъ Библію и перелагалъ въ стихи плачъ Іереміинъ“ [1]). Воспоминаніе очень любопытное и весьма характерное.

Лѣтъ десяти Лабзинъ поступилъ въ гимназію, находившуюся при университетѣ, а въ 1780 г. сдѣлался уже студентомъ (четырнадцати лѣтъ). По разсказу самого Лабзина, въ университетѣ онъ занимался больше древними писателями, но изучалъ ихъ не для содержанія, а для языка и по выходѣ изъ университета, разумѣется, забылъ ихъ и не принимался за нихъ. Потомъ, впрочемъ, случайно прочитавъ сочиненіе Цицерона „О должностяхъ“ (de officiis), пораженный его чистыми понятіями о нравственности, Лабзинъ сталъ читать и другихъ древнихъ писателей и убѣдился, что „древніе вообще были ближе къ понятіямъ и истинамъ христіанскимъ, нежели мы, имѣющіе писанное евангеліе и называющіеся христіанами“. Лабзинъ сравниваетъ мысли Цицерона съ мыслями Бентама и ставитъ послѣдняго, конечно, гораздо ниже [2]). Очень рано, еще въ университетѣ, Лабзинъ подчинился нравственному вліянію кружка московскихъ масоновъ, которое воспитало его и на всю жизнь дало направленіе его духовной дѣятельности, сдѣлало его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, — мистикомъ. Вѣроятно, его способности и успѣхи обратили на него вниманіе со стороны профессора Шварца, набиравшаго умныхъ молодыхъ людей для масонскихъ цѣлей. Вліянію Шварца Лабзинъ обязанъ всѣмъ внутреннимъ содержаніемъ своимъ и съ глубокимъ чувствомъ передавалъ онъ потомъ, по воспоминаніямъ, какимъ образомъ Шварцъ спасъ его отъ современной философіи. „Издатель имѣлъ счастіе, говоритъ Лабзинъ о себѣ, бывъ еще 15 лѣтъ, предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго иного призыва, по сему единственно возбужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами, и показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными

[1]) Сіонск. Вѣстн. VII, стр. 223—224.
[2]) Сіонск. Вѣстн. I, стр. 22—23.

чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, со какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую библію"... [1]). Лекціи Шварца читались сначала у него на квартирѣ, а потомъ въ болѣе обширномъ помѣщеніи, въ домѣ Новикова. Онѣ служили приготовительнымъ курсомъ для масонства. Нѣкоторые отрывки ихъ были напечатаны Невзоровымъ, тоже его слушателемъ, въ журналѣ „Другъ Юношества". Эти лекціи возбудили недовѣріе университетскаго начальства и московскаго духовенства и были прекращены, но вліяніе ихъ на мистиковъ осталось на всю жизнь.

ЛЕКЦІЯ XLI.

Литературная дѣятельность Лабзина.—Юнгъ Штиллингъ.

Литературную дѣятельность свою Лабзинъ началъ подъ вліяніемъ того же Новиковскаго кружка, которому былъ обязанъ своимъ нравственно-религіознымъ направленіемъ и отчужденіемъ отъ идей современной философіи. Первыя студенческія произведенія его были напечатаны въ періодическомъ изданіи Новикова „Вечерняя Заря" съ нравственно-религіознымъ содержаніемъ (М. 1782 г., 3 ч.), въ которомъ участвовали всѣ воспитанники Новиковской семинаріи. Одно изъ стихотвореній Лабзина, напечатанное въ этомъ журналѣ, именно „Французская Лавка" [2]), удостоилось даже перепечатки въ „Собесѣдникѣ", издававшемся подъ покровительствомъ Екатерины [3]). Оно замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ направленіе мысли Лабзина въ эту пору, выражающее нелюбовь къ французскому вліянію на русскіе нравы. Содержаніе этой небольшой пьесы то же, что и комедіи Крылова „Модная Лавка", и осмѣиваетъ тѣхъ, которые покупаютъ за дорогую цѣну гнилой французскій товаръ. Смерть Шварца, оплакиваемая всѣми почитателями и учениками его, была почтена торжественнымъ собраніемъ единомышленниковъ, на которомъ произносились рѣчи и читались стихи въ честь его. И Лабзинъ написалъ также по этому поводу стихи, въ которыхъ говоритъ объ общемъ и

[1]) Сіон. Вѣстн. VII, стр 222.
[2]) Вечерн. Заря, ч. II, стр. 230.
[3]) Собесѣдникъ, XI, стр. 23—26.

своемъ собственномъ горестномъ чувствѣ. Такимъ образомъ, Лабзинъ, подобно многимъ другимъ, началъ свою литературную дѣятельность стихотвореніями. Одно изъ нихъ обратило даже на него вниманіе власти. Это была „Торжественная Пѣснь Екатеринѣ II“, написанная Лабзинымъ и поднесенная вмѣстѣ съ другими подобными одами отъ Университета, отъ благороднаго университетскаго пансіона, отъ Духовной Академіи по случаю пріѣзда императрицы въ Москву изъ ея извѣстнаго путешествія въ Крымъ (М. 1787). За эту оду Лабзинъ получилъ награду. Лабзинъ и потомъ часто употреблялъ стихи въ своихъ сочиненіяхъ, но случайно, не стараясь писать много. Тогда же для типографіи Новикова, а всего вѣроятнѣе для денегъ, онъ сдѣлалъ два перевода, въ которыхъ, однако, не было ничего общаго съ послѣдующею его литературною дѣятельностью мистическаго содержанія. То были „Фигарова женитьба“ комедія Бомарше (М. 1787) и „Судья“ комедія Мерсье (М. 1788). Лабзинъ былъ еще очень молодъ, не писалъ ничего въ масонско-мистическомъ направленіи, повидимому, не былъ въ близкихъ дружескихъ связяхъ ни съ кѣмъ изъ старыхъ мартинистовъ, когда разразилось надъ ними преслѣдованіе власти, такъ что оно нисколько не коснулось его, даже имя Лабзина не встрѣчается въ процессѣ. Лабзинъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, до самой ссылки своей, служилъ по разнымъ вѣдомствамъ и былъ очень усерднымъ и исполнительнымъ чиновникомъ. Его служебной дѣятельности не мѣшали, однако, литературные труды, его изданія и переводы въ мистическомъ родѣ, которые онъ предпринималъ въ очень значительномъ количествѣ. Это соединеніе двухъ жизненныхъ работъ, изъ которыхъ одна не мѣшала другой, можно объяснить, мы думаемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что мистико-литературная дѣятельность Лабзина, несмотря на то, что она удовлетворяла его сердечному влеченію и соотвѣтствовала его вкусамъ и направленію, не была, однакожъ, оригинальною, а потому и не могла всецѣло поглотить его.

Познакомившись въ университетѣ, а всего болѣе въ Новиковской семинаріи съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, Лабзинъ, по выходѣ изъ университета, поступилъ на службу переводчикомъ въ Московское губернское правленіе, черезъ три года перешелъ къ той же должности въ конференцію Московскаго университета, а въ 1789 году перешелъ на службу въ Петербургъ, изъ котораго и не выѣзжалъ до самой ссылки своей. Здѣсь служилъ онъ сначала въ секретной экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта (т.-е. онъ долженъ былъ слѣдить за иностранными газетами, чтобъ не проскользнуло въ русскую публику что-нибудь для нея непригодное, и, безъ сомнѣнія, перечитывать подозрительныя письма). Царствованіе Павла нѣсколько вы-

двинуло его впередъ. Въ 1799 году онъ перемѣщенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и назначенъ исторіографомъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, т.-е. мальтійскихъ рыцарей, гросмейстеромъ которыхъ, къ полному своему удовольствію, сдѣлался тогда императоръ Павелъ. Въ качествѣ исторіографа ордена Лабзинъ издалъ, вмѣстѣ съ А. Вахрушевымъ, исторію ордена (С.-ПБ. 1799—1801, 5 ч.), за что получилъ значительные подарки отъ Павла, хотя и эта исторія не была самостоятельнымъ трудомъ Лабзина, а переводомъ сочиненія Верто. Императоръ Александръ также обратилъ на него вниманіе, и Лабзинъ быстро возвышался по службѣ, получая чины, ордена и высочайшіе подарки. Въ 1804 году Лабзинъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и сдѣлался директоромъ департамента военныхъ морскихъ силъ. Еще прежде, при Павлѣ, по Высочайшему повелѣнію онъ сдѣлался конференцъ-секретаремъ Академіи художествъ и по этому званію часто приводилось ему произносить рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ академіи. Эту должность Лабзинъ не оставлялъ до конца своей дѣятельности, а впослѣдствіи былъ даже вице-президентомъ Академіи. До 1804 года, когда служебное положеніе Лабзина упрочилось, когда онъ сталъ пользоваться уваженіемъ и извѣстностью въ соединеніи съ достаточнымъ жалованьемъ, когда онъ завелъ знакомства и литературныя связи, мы не видимъ въ дѣятельности его, какъ писателя, ничего особеннаго. Онъ не выказывалъ ни литературнаго таланта, ни направленія, которое пріобрѣло ему потомъ такую извѣстность. Въ 1804 году Лабзинъ напечаталъ переводъ съ французскаго „Диѳирамбъ на безсмертіе души“ Делиля, въ которомъ не было ничего, кромѣ обыкновенныхъ поэтическихъ фразъ. Но тогда уже началась усиленная литературная дѣятельность Лабзина въ мистическомъ направленіи, состоявшая во множествѣ переводовъ съ нѣмецкаго и въ оригинальномъ собственномъ изданіи, — дѣятельность, которая сдѣлала имя Лабзина всѣмъ извѣстнымъ, пріобрѣла ему враговъ и поклонниковъ, вызывала то преслѣдованіе, то сочувствіе со стороны власти, а главное представила нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ исторіи русскаго общества. На новыхъ переводахъ и изданіяхъ Лабзина мы не встрѣчаемъ даже его имени; оно скромно замѣняется буквами: *У. М.*

Литературная дѣятельность Лабзина въ мистическомъ направленіи удовлетворяла прежде всего его самого, человѣка, воспитаннаго предшествовавшимъ масонствомъ, искренне преданнаго христіанству и искавшему разными способами, не разбирая ихъ сущности и содержанія, удовлетворить своему религіозному исканію истины. Такъ, впослѣдствіи, когда послѣ великихъ всемірныхъ событій, которыя пришлось пережить и русскому обществу, оно, потрясенное этими со-

бытіями, невольно впало въ мистическое состояніе, думало видѣть воочію Бога посреди громадныхъ волненій времени и склонялось естественно къ мистическому міросозерцанію, когда Александръ, на верху возможной человѣческой славы, сталъ прислушиваться къ голосу разныхъ пророковъ и пророчицъ, всегда появляющихся посреди великихъ историческихъ переворотовъ, когда большинство, чуждое крѣпкаго умственнаго образованія и лишенное положительныхъ знаній, бросилось въ экстатическую молитву и религіозный восторгъ — и Лабзинъ сталъ искать удовлетворенія своей религіозной потребности въ пророческихъ собраніяхъ г-жи Татариновой [1]). Эти колебанія и эти заблужденія были совершенно естественны при сильно возбужденномъ религіозномъ чувствѣ. У Лабзина не было богословскаго образованія, да и никакое богословіе не въ состояніи удовлетворить сердечному чувству вѣры; въ оффиціальной церкви, въ сношеніяхъ съ ея представителями, всего менѣе могло быть удовлетворено это чувство, а между тѣмъ масонское воспитаніе постоянно твердило ему о таинственномъ смыслѣ христіанства, о „внутренней“ церкви, такъ не похожей на наружную, приготовило его къ туманнымъ представленіямъ, къ неопредѣленнымъ, но говорящимъ неясному чувству символамъ и фигурамъ, и онъ нашелъ удовлетвореніе въ современныхъ ему мистическихъ писателяхъ Германіи, въ которыхъ такъ же, какъ и въ немъ, господствовало броженіе религіозной мысли, произведенное масонствомъ и иллюминатствомъ прошлаго вѣка. Эти писатели, въ противоположность ортодоксальному протестантскому богословію, обращались не къ наукѣ, а къ простому чувству народа и умѣли заинтересовать его содержаніемъ своихъ сочиненій, въ которыхъ весьма часто неподдѣльное поэтическое чувство соединялось съ экстатическими видѣніями о загробной жизни, всегда интересовавшими народное воображеніе. Къ этому содержанію произведеній тогдашнихъ нѣмецкихъ мистиковъ надобно присоединить еще свойственное имъ мистическое представленіе о современномъ революціонномъ переворотѣ, только что пережитымъ европейскимъ міромъ, представленіе о тяжкой бурѣ, въ видѣ гнѣва Божія разразившейся надъ человѣчествомъ, но произведенной *буйствомъ разума*, вышедшаго изъ опредѣленій религіи. Эта мистическая ненависть къ французской революціи, весьма ясно высказываемая въ каждомъ сочиненіи нѣмецкихъ мистиковъ, сдѣлала ихъ весьма любезными для тогдашнихъ потентатовъ Европы, и въ годы начинавшейся реакціи мистицизмъ сдѣлался однимъ изъ дѣйствительныхъ полицейскихъ средствъ для вящшаго усыпленія „мирныхъ

[1]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1863 г., III, стр. 175—176.

народовъ". Вотъ почему онъ и у насъ пользовался покровительствомъ правительства. Лабзинъ и нѣсколько писателей одного съ нимъ направленія, людей имъ возбужденныхъ, были главными проводниками этого рода мистическихъ идей въ нашу литературу. Оригинальная дѣятельность ихъ была крайне ничтожна. Весь трудъ этихъ людей заключался главнымъ образомъ въ переводахъ съ нѣмецкаго двухъ прославленныхъ и возвеличенныхъ ими мистиковъ, Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга. Эти переводы наводняли русскую литературу съ первыхъ годовъ нашего вѣка до послѣднихъ годовъ царствованія Александра и представляютъ, посреди другихъ болѣе жизненныхъ теченій и явленій, какой-то мутный источникъ, ни съ чѣмъ не соприкасавшійся, но въ которомъ тонули умы, къ сожалѣнію, не малаго числа читателей. Эта переводная мистическая литература изъ вліятельной и преобладающей очень скоро перешла на толкучіе рынки или хранилась какъ драгоцѣнность въ библіотекахъ старыхъ мистиковъ, пережившихъ ея рожденіе, процвѣтаніе и смерть. Но въ свое время она шумѣла, имѣла большое общественное значеніе, а потому вполнѣ заслуживаетъ нѣсколькихъ страницъ въ исторіи умственнаго движенія нашего общества.

Эккартсгаузенъ и Юнгъ Штиллингъ—вотъ два авторитета нашихъ мистиковъ, которымъ они слѣпо подчинялись, два вдохновенные небесною силой мыслителя, два христіанскіе пророка, которыхъ каждое слово было драгоцѣнно для нихъ. О первомъ и его значеніи въ умственномъ развитіи Германіи мы уже имѣли случай говорить. Юнгъ Штиллингъ гораздо болѣе оригинальная и талантливая личность; его сочиненія имѣли въ свое время большое вліяніе на читателей, а его разнообразная, исполненная самыхъ пестрыхъ приключеній жизнь, чрезъ которую постоянно проходитъ религіозно-мистическое, страстное увлеченіе, невольно приковывала къ себѣ вниманіе лучшихъ людей времени. Объ этой личности необходимо сказать нѣсколько словъ, хотя бы для того, чтобъ сравнить богатство нѣмецкой духовной жизни съ чрезвычайною бѣдностью нашей, для доказательства существенной разности между волненіями мысли въ Германіи и неподвижностью ея у насъ. Жизнь Штиллинга описана довольно подробно имъ самимъ и друзьями его по смерти; она занимательна какъ романъ [1]).

Юнгъ Штиллингъ былъ сынъ народа и вышелъ изъ среды его, но было бы весьма ошибочно представлять поэтому, что онъ внесъ въ литературу здоровое, крѣпкое содержаніе. Нѣмецкій народъ въ

[1]) Русскій переводъ—Лабзина, части 1—3. Спб. 1816—1818 г., 12°.

своей долгой исторической жизни подчинялся такимъ разнообразнымъ вліяніямъ, что въ немъ трудно искать непосредственной простоты и естественности, да и духовная сфера всякаго простого народа окружена такимъ суевѣріемъ и такими нездоровыми вліяніями, что только сильные умы выбиваются изъ нея и то тогда, когда они попадутъ на настоящій путь развитія. Они стремятся вырваться изъ этихъ жалкихъ отношеній, возбужденные случайнымъ чтеніемъ, которое остается для нихъ на половину понятнымъ и даетъ очень смутный идеалъ для жизни и дѣятельности. Почти вездѣ религіозное чувство или піэтизмъ является посредствующимъ звеномъ между бѣдною грубою жизнью и образованіемъ. Ремесленники, крестьяне въ земляхъ протестантскихъ недовольны проповѣдью пастора, которая не раскрываетъ передъ ними глубокихъ божественныхъ тайнъ и не удовлетворяетъ ихъ возбужденнаго религіознаго чувства. Библія дѣлается ихъ любимымъ предметомъ чтенія, по-своему истолковываютъ они ея изреченія и приходятъ въ мистическій восторгъ. Почти то же происходитъ и въ нашемъ такъ называемомъ расколѣ. Это даетъ возможность такимъ людямъ говорить о религіи съ извѣстнымъ оттѣнкомъ поэзіи и не безъ нѣкотораго образованія—слѣдствія начитанности. Понемногу пріучаются они говорить, разсуждать и спорить о предметахъ религіозныхъ, получаютъ авторитетъ и слушателей. Такая духовная жизнь распространена почти во всей Германіи; въ ней суевѣріе, піэтизмъ и шарлатанизмъ всякаго рода соединяются въ одно смутное цѣлое. Такая жизнь господствовала и въ той мѣстности, гдѣ родился Юнгъ Штиллингъ (деревня Грундъ, Нассау Зигенскаго великаго герцогства, въ Вестфаліи). Юнгъ родился въ 1740 году въ простой семьѣ, въ которой уже давно господствовалъ такого рода мистицизмъ. Его дѣдъ съ отцовской стороны былъ угольщикъ, но былъ начитанъ и въ библіи и въ народныхъ книгахъ и любилъ богословскіе споры; къ тому-жъ онъ былъ духовидцемъ; другой дѣдъ со стороны матери занимался алхиміей; дядя мечталъ о квадратурѣ круга, а отецъ, болѣзненный, робкій портной, съ ранней юности былъ знакомъ съ послѣдователями Бема и Парацельза. Такимъ образомъ Юнгъ Штиллингъ стоялъ какъ бы на распутьи между піэтистами и свободными умами, которыхъ мысли проникали и въ мастерскую его отца. Но онъ рѣшительно всталъ на сторону піэтизма. Движенія свободной мысли и просвѣщенія, которое наполняло Германію въ XVIII вѣкѣ, какъ бы не существовало для него, вліяніе среды и семейныхъ преданій было гораздо могущественнѣе, и Штиллингъ сдѣлался мистикомъ. Чахоточная мать Штиллинга умерла очень скоро; онъ почти не помнилъ ея, и заботы о его воспитаніи легли на отца, дѣда и бабку. Строгость отцовская пріучила мальчика ко лжи, а дѣдъ познакомилъ его съ

богословскими вопросами, такъ что пасторъ, экзаменовавшій его на девятомъ году, пораженный знакомствомъ Штиллинга съ библейскими текстами, принужденъ былъ сказать семьѣ: „Сынъ вашъ перещеголяетъ всѣхъ своихъ предковъ, продолжайте только держать его подъ розгою, и онъ будетъ великимъ человѣкомъ“. Была рѣчь и о томъ, чтобъ учить Штиллинга, но бѣдность семьи и опасенія отца и пастора, чтобъ это не было безполезно, разрушили это намѣреніе. Пришлось ему учиться портняжному ремеслу отца, къ которому онъ не чувствовалъ никакой охоты, сознавая въ душѣ другія наклонности и стремленія и жалуясь на провидѣніе, что оно не давало возможности удовлетворить ихъ. Его безпорядочное и разнообразное чтеніе, состоявшее изъ библіи, средневѣковыхъ романовъ, Фенелона, Гомера, Ѳомы Кемпійскаго, сильно возбудило его воображеніе; Штиллингъ представлялъ себя героемъ чудесныхъ приключеній, а бѣдная мастерская портного наполнялась странными, фантастическими образами. Міръ внѣшній за ея предѣлами лежалъ въ неясныхъ смутныхъ очеркахъ для его представленія. Этотъ міръ былъ ему вовсе неизвѣстенъ; онъ казался ему нехристіанскимъ, языческимъ,—особенно большой свѣтъ.

Попалъ, наконецъ, Штиллингъ и въ сельскую школу, выучился латинскому языку по собственному методу, безъ грамматики, но все ученіе его, какъ и чтеніе книгъ, шло безпорядочно. На 17 году доставили Штиллингу по сосѣдству мѣсто школьнаго учителя; это былъ первый опытъ его практической дѣятельности; онъ возобновлялъ его нѣсколько разъ, но всегда безъ успѣха. То не нравилось сельской общинѣ, что онъ училъ дѣтей азбукѣ по игральнымъ картамъ, то пасторъ приходилъ въ негодованіе, что онъ посвящаетъ учениковъ въ таинства ариѳметики. Нѣсколько разъ лишали его должности школьнаго учителя, и Штиллингъ принужденъ былъ возвращаться снова въ отцовскую мастерскую, пребываніе въ которой сдѣлалось ему невыносимо, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ отецъ его женился во второй разъ. Въ душѣ его затаилась глубокая печаль; ему казалось, что онъ живетъ въ чужой землѣ, оставленный всѣми. Его душевное состояніе въ ту пору, по его собственному изображенію, было чрезвычайно оригинально: когда свѣтило солнце, Штиллингъ чувствовалъ, что его страданія удваивались; перемѣна свѣта и тѣни осенью возбуждала въ немъ самое горькое чувство; когда же, напротивъ, была ненастная, бурная погода, ему чувствовалось лучше; ему казалось, что онъ сидитъ въ глубокой горной пещерѣ, и хорошо ему было въ сознаніи полной безопасности. Такое настроеніе духа выразилъ онъ въ пѣсняхъ своихъ, въ которыхъ находилъ полное утѣшеніе. Разъ встрѣтилъ онъ умнаго пастора, который ему доказалъ, что его стра-

данія суть испытанія, ниспосланныя Богомъ, котораго онъ оскорбилъ своею гордостью и честолюбіемъ. Въ полномъ душевномъ сокрушеніи воскликнулъ тогда Юнгъ: „Ахъ! сердце мое есть самое лживое созданіе на землѣ, созданной Богомъ. Я всегда думалъ, что у меня есть искреннее желаніе служить своими познаніями Богу и высшимъ интересамъ, но въ дѣйствительности выходитъ это неправда: я хочу сдѣлаться только великимъ человѣкомъ".

Послѣ разныхъ неудачныхъ опытовъ на родинѣ, Юнгъ весною 1761 года, когда ему исполнилось 21 годъ, пустился въ странствіе, безъ всякой опредѣленной цѣли, просто искать счастія. Одинъ богатый человѣкъ сдѣлалъ его у себя домашнимъ учителемъ дѣтей, но въ его домѣ Юнгъ чувствовалъ себя вполнѣ несчастнымъ человѣкомъ и черезъ годъ, послѣ разныхъ колебаній и нерѣшительности, бѣжалъ изъ этого дома. Разъ, во время странствованія, Юнгъ зашелъ въ семью портного и тамъ услышалъ, какъ хозяинъ объяснялъ ученикамъ своимъ, что отъ собственной воли человѣческой зависитъ главнымъ образомъ возможность непосредственнаго дѣйствія Спасителя на душу. Глубокая радость, по разсказу Штиллинга, наполнила его душу, онъ узналъ, что находится посреди набожныхъ людей, онъ не могъ болѣе удерживаться и началъ плакать, безпрестанно восклицая: „Господи! я дома, я дома!" Разъ на прогулкѣ посѣтила его благодать свыше. Онъ шелъ задумавшись и, нечаянно взглянувъ вверхъ, увидѣлъ легкое облако прямо надъ своею головою. Съ этимъ вмѣстѣ какая-то непонятная для него сила проникла въ его душу, ему сдѣлалось необыкновенно хорошо; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва могъ удержаться, чтобъ не упасть. Съ этой минуты Штиллингъ почувствовалъ въ себѣ непобѣдимое стремленіе посвятить всю жизнь свою для прославленія Бога и для блага людей. Любовь его къ Отцу всѣхъ людей и къ божественному Искупителю, какъ и вообще ко всѣмъ людямъ, въ эту минуту была такъ велика, что онъ охотно пожертвовалъ бы своею жизнію, еслибъ то было нужно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощущалъ непреоборимое стремленіе—наблюдать за своими мыслями, дѣлами и словами, чтобъ они, соотвѣтствуя божественной волѣ, были пріятны и полезны. Тотчасъ же заключилъ Штиллингъ твердый и неразрывный союзъ съ Богомъ и далъ обѣтъ подчиняться съ этихъ поръ единственно его руководству, не имѣть въ душѣ никакихъ пустыхъ желаній, но, если Богу будетъ угодно, чтобъ онъ на всю жизнь остался ремесленникомъ, то онъ долженъ подчиниться этому охотно и съ полною радостью.

Въ другой разъ Штиллингъ очутился въ лѣсу, безъ копѣйки въ карманѣ. „Пришелъ часъ, восклицаетъ онъ, когда великое слово Спасителя должно исполниться надо мною: „ни одинъ волосъ съ

главы вашей не упадетъ безъ воли моей". Если это правда, то ко мнѣ должна явиться скорая помощь, ибо я до сихъ поръ на нее надѣялся и вѣрилъ этому слову. Я такое же созданіе Божіе, какъ та птичка, которая поетъ на деревьяхъ и находитъ себѣ пищу, когда въ ней нуждается". Богъ, въ самомъ дѣлѣ, помогъ Штиллингу. Черезъ нѣсколько времени онъ поселяется у богатаго купца и этому приходитъ въ голову однажды, что настоящее призваніе Штиллинга быть врачемъ. Это открытіе поражаетъ Штиллинга какъ молнія; онъ падаетъ въ обморокъ. „Да, восклицаетъ онъ, я чувствую въ душѣ своей, что это и есть то великое дѣло, которое постоянно было скрыто для меня, которое я такъ долго искалъ и не могъ найти. Для него небесный отецъ приготовлялъ меня тяжелыми испытаніями. Да прославится имя премилосерднаго Бога, что онъ открылъ, наконецъ, мнѣ волю свою; смѣло пойду я теперь впередъ по его указанію".

Это „божеское указаніе" подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ для ума Штиллинга, что какой-то чахоточный старикъ завѣщаетъ ему рецептъ противъ глазныхъ болѣзней. Другое божеское указаніе такого же рода приводитъ Штиллинга довольно неожиданнымъ образомъ къ браку съ болѣзненною дочерью одного купца. Теперь рѣшается онъ изучать науку на тридцатомъ году жизни. Онъ не выбралъ еще мѣста, гдѣ учиться, и ждетъ для того указаній отъ небеснего Отца; ибо, если онъ вздумалъ учиться изъ „искренней вѣры", то уже ни въ чемъ не долженъ слушаться своей воли. О средствахъ онъ не заботится.

Штиллингъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „Богъ ничего не начинаетъ, а если начнетъ, то приводитъ къ концу какъ слѣдуетъ: истина въ томъ, что онъ устроилъ мое настоящее положеніе, безъ всякаго содѣйствія моей воли, а слѣдовательно, справедливо, что онъ доведетъ до конца мое призваніе... Тотъ, кто тотчасъ же выслушиваетъ молитву человѣческую и видимымъ образомъ и чудесно руководитъ судьбою человѣческою, долженъ быть безспорно настоящимъ Богомъ, и ученіе его есть слово Божіе. Отъ самаго дѣтства я поклонялся Іисусу Христу, какъ моему Богу и Спасителю, и молился ему; онъ слышалъ меня въ моихъ нуждахъ и чудеснымъ образомъ помогалъ мнѣ. Слѣдовательно Іисусъ Христосъ безспорно есть истинный Богъ, его ученіе есть слово Божіе и его религія — истинная". Издатель автобіографіи Штиллинга, знаменитый Гете, совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу этихъ мыслей: „Я охотно предоставляю каждому устраивать его жизнь, какъ ему кажется лучше, но все доброе, что встрѣчается намъ на дорогѣ жизни посреди различныхъ приключеній, приписывать непосредственному божественному вліянію, кажется мнѣ

довольно дерзкимъ и притязательнымъ, а представленіе—всѣ тяжелыя и дурныя послѣдствія, вытекающія изъ нашего легкомыслія и заблужденія, считать за божественное воспитательное средство, никакъ не примиряется съ моею мыслію".

Съ такими убѣжденіями и съ такимъ приготовленіемъ въ 1769 году Юнгъ Штиллингъ явился въ Страсбургъ изучать медицину.

Легкомысліе, съ какимъ онъ дѣлалъ здѣсь долги въ томъ убѣжденіи, что казначеемъ у него Богъ, является весьма страннымъ въ человѣкѣ тридцати лѣтъ, въ нѣмцѣ, конечно, а не въ русскомъ. Здѣсь Штиллингъ познакомился съ Гете и Гердеромъ, которые приняли въ немъ дружеское участіе. Первый рельефно нарисовалъ его фигуру на двухъ страницахъ въ своихъ „Dichtung und Wahrheit"; ему нравились наивные разсказы Штиллинга, и онъ побудилъ его описать свою жизнь. Въ 1772 году Штиллингъ окончилъ свой экзаменъ и поселился въ Эльберфельдѣ въ качествѣ врача. Мѣсто это не приносило доходовъ, но Штиллингъ пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ глазной врачъ, и это дало поводъ одному богатому франкфуртскому купцу въ началѣ 1775 г. пригласить его за значительное вознагражденіе сдѣлать ему операцію. Операція эта не удалась, и Гете, у котораго онъ жилъ тогда, очень наглядно описываетъ тѣ совершенно естественные упреки совѣсти, которые мучили Штиллинга, когда онъ понялъ, какъ легкомысленно взялся безъ всякаго приготовленія за трудное дѣло. Онъ узналъ, что пребываніе его въ Эльберфельдѣ не можетъ быть продолжительно, и Богъ снова выручилъ его изъ бѣды. Чтобъ поправить свое стѣсненное положеніе, Штиллингъ издалъ нѣсколько сочиненій по технологіи, по сельскому хозяйству и по лѣсоводству. На основаніи этихъ сочиненій въ 1778 году правительство Пфальца пригласило его въ качествѣ профессора камеральныхъ наукъ въ Кайзерслаутернъ: новую науку онъ зналъ такъ же мало, какъ и прежнюю. Здѣсь началась его литературная дѣятельность.

ЛЕКЦІЯ XLII.

Сочиненія Штиллинга.—Журналъ «Сіонскій Вѣстникъ».—Заключеніе

Литературная дѣятельность Юнга Штиллинга, кромѣ довольно значительнаго числа руководствъ, которыя онъ составлялъ для своихъ слушателей въ качествѣ преподавателя по лѣсоводству, сельскому хозяйству, фабричному дѣлу, наукѣ о торговлѣ, ветеринарному искусству, полицейскому праву, камеральнымъ наукамъ, а также множества статей по вопросамъ экономическимъ и статистическимъ, находилась въ довольно близкомъ отношеніи къ духовнымъ волне-

ніямъ въ Германіи, которыя онъ самъ пережилъ. Какъ спеціалистъ по камеральнымъ наукамъ, Штиллингъ не получилъ никакой извѣстности. То, о чемъ писалъ онъ, узналъ онъ самоучкою и случайно. Другія его сочиненія, которыя находились въ близкомъ отношеніи къ тому, что̀ онъ пережилъ внутри себя, нашли ему много поклонниковъ, особенно тѣ, которыя были имъ писаны впослѣдствіи, когда онъ сталъ самоувѣреннѣе въ своихъ убѣжденіяхъ; почти всѣ они были переведены у насъ Лабзинымъ и кружкомъ его поклонниковъ и печатались каждое по нѣскольку разъ.

Штиллингъ, несмотря на свою добродушную натуру, началъ полемикою. Къ такого рода литературной дѣятельности побудили его извѣстные піэтисты прошлаго вѣка — братья Якоби, и онъ выступилъ защитникомъ піэтизма* противъ очень извѣстнаго тогда раціоналиста въ Берлинѣ, Николаи, котораго вся литературная дѣятельность посвящена была борьбѣ съ піэтизмомъ. Въ этой полемикѣ противъ Николаи Штиллингъ борется съ невѣріемъ и раціонализмомъ не логикою, не разумными доводами, а ссылается на чудесныя событія своей жизни, на то, что Іисусъ Христосъ видимо услышалъ его вздохи. Это было для него важнѣе всевозможныхъ доказательствъ; живая вѣра присутствовала въ его сердцѣ и онъ утверждалъ, что христіанство основывается только на историческихъ фактахъ и на собственномъ душевномъ опытѣ, а потому изъ всѣхъ доказательствъ не выйдетъ ничего, кромѣ языески-морально-философскаго христіанства, которое будетъ нисколько не лучше религіи Магомета, Конфуція и т. п. Это, конечно, удовлетворяло вполнѣ нашихъ мистиковъ.

Штиллингъ не допускалъ голоса разума въ предметахъ вѣры, и вся полемика его противъ современнаго раціонализма служитъ тому доказательствомъ: она выразилась во многихъ статьяхъ и въ особенности въ извѣстной „Великой панацеѣ противъ болѣзни невѣрія“ (1776). Штиллингъ писалъ очень легко и много; сочиненія его съ этимъ содержаніемъ, которое онъ сталъ считать теперь призваніемъ своей жизни, быстро слѣдовали одно за другимъ. Формою для своихъ произведеній онъ выбралъ теперь романъ. Основою этихъ романовъ всегда былъ нравственно-религіозный интересъ; въ нихъ является онъ ожесточеннымъ противникомъ философскаго атеизма, хотя самъ онъ, страннымъ образомъ, послѣ изданія своей автобіографіи былъ подозрѣваемъ жителями Эльберфельда въ свободомысліи. Для оправданія себя въ такомъ обвиненіи онъ напечаталъ „Исторію господина Моргентау“ (1779), романъ, въ которомъ онъ упрекаетъ и піэтистовъ за ихъ удаленіе отъ міра и за недостатокъ общественнаго смысла. За нимъ слѣдовалъ „Флорентинъ фонъ Фаллендорнъ“ (1781—1783),— сочиненіе, во многомъ напоминающее его жизнеописаніе, которое онъ

вообще любилъ повторять, но, по выраженію Гервинуса, тутъ была только капля его прежней наивности, разведенная уже въ ведрѣ воды; тенденціозность становится на первомъ планѣ. Также точно изъ жизненнаго своего опыта Штиллингъ взялъ содержаніе для своего новаго, болѣе другихъ замѣчательнаго романа: „Ѳеобальдъ или мечтатели, истинная повѣсть“ (1784—1785) съ эпиграфомъ: „По срединѣ дороги идти всего безопаснѣе“ (русскій переводъ Ѳ. Лубяновскаго, 4 ч. М. 1819. 8°). Цѣль этого сочиненія, по словамъ Штиллинга, заключается въ томъ, чтобъ „показать соотечественникамъ моимъ, что путь къ временному и истинному благополучію проходитъ посредине между невѣріемъ и мечтаніемъ“. Разсматривая произведеніе это съ художественной стороны, мы не найдемъ въ немъ ничего, кромѣ безсвязнаго матеріала, взятаго изъ жизненнаго опыта самого автора; онъ не далъ ему почти вовсе обработки. Ему казалось, что и не стоитъ труда обрабатывать содержаніе, интересное само по себѣ. Все содержаніе „Ѳеобальда“ направлено, казалось, противъ злоупотребленій піэтизма, а между тѣмъ Штиллингъ защищаетъ здѣсь піэтизмъ, какъ поэзію жизни. „Вѣрить въ библію, со всѣмъ чуднымъ ея содержанія, говоритъ по поводу этого романа Гервинусъ, есть уже требованіе некритической, совершенно неспособной къ сравнительному мышленію головы, и такую безполезную жизнь, какъ жизнь піэтиста — называть хорошею, — свидѣтельствуетъ объ умѣ, который недалеко ушелъ въ политической экономіи“. „Зачѣмъ, спрашиваетъ Юнгъ, вы считаете великимъ геніемъ того человѣка, котораго душа постоянно носится въ царствѣ фантазіи и выводитъ оттуда поэтическія созданія? Его вы не порицаете; напротивъ, если богатая фантазіей голова считаетъ религію за предметъ, достойный себя, и имѣетъ о ней *романическія* представленія— вы осуждаете такого человѣка“. Едва ли, однако, можно согласиться съ Штиллингомъ, даже примиряясь съ поэтическою стороною піэтизма, что въ представленіи, напр., близкаго Страшнаго Суда заключается какое-то сладкое чувство.

Въ Кайзерслаутернѣ, гдѣ Штиллингъ никакъ не могъ освободиться отъ долговъ, онъ потерялъ первую свою жену, постоянно больную, но нѣжно имъ любимую. Не прошло, однако, года послѣ ея смерти, какъ онъ женился на другой; впослѣдствіи Штиллингъ былъ женатъ и въ третій разъ. Въ 1787 году рескриптомъ Гессенскаго ландграфа Штиллингъ былъ переведенъ профессоромъ экономіи, финансовъ и камеральныхъ наукъ въ Марбургскій университетъ. Здѣсь сталъ онъ получать жалованье въ 1200 тал. и съ помощью второй жены своей успѣлъ выпутаться изъ долговъ и привести дѣла свои въ порядокъ. Въ Марбургѣ Штиллингъ былъ почти исключительно занятъ препода-

ваніемъ и читалъ много лекцій. Здѣсь посѣтилъ его старый отецъ, попрежнему портной, который теперь съ уваженіемъ смотрѣлъ на своего ученаго сына, сдѣлавшагося между тѣмъ уже гофратомъ. Въ это же время Штиллингъ познакомился съ „Критикою чистаго разума". Философія для нѣмцевъ въ то время была второю религіею; каждый изъ нихъ подчинялся какой-нибудь системѣ, которая навсегда опредѣляла не только образъ мыслей его, но даже и образъ жизни. Философія Канта освободила Штиллинга отъ оковъ детерминизма, господствовавшаго въ Лейбнице-Вольфіанской системѣ. Въ ученіи Канта, что человѣческій разумъ за предѣлами чувственнаго міра ничего не знаетъ и что въ сужденіяхъ о предметахъ сверхчувственныхъ онъ всегда впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ думалъ видѣть комментарій къ словамъ Ап. Павла: „Душевный человѣкъ не понимаетъ яже суть духа Божія" и пр. Но другія сочиненія Канта: „Критика практическаго разума" и „Религія въ предѣлахъ разума" не удовлетворили, однако, Штиллинга, потому что Кантъ „источника сверхчувственныхъ истинъ искалъ не въ Евангеліи, а въ моральномъ чувствѣ". Штиллингъ даже переписывался съ Кантомъ по поводу христіанства.

Между тѣмъ съ Штиллингомъ произошелъ новый, по его словамъ, важнѣйшій и послѣдній нравственный переворотъ, который далъ ему новое направленіе и приготовилъ къ истинному его назначенію. Этотъ нравственный переворотъ въ немъ произвели политическія событія времени, волненія французской революціи, которыя онъ близко могъ наблюдать, живя на границѣ Франціи. Эти великія событія, по нашему мнѣнію, скорѣе сбили съ толку его мысль, и безъ того болѣзненно направленную. По его словамъ, онъ давно уже замѣчалъ существованіе какого-то тайнаго союза, цѣлью котораго было ниспровергнуть откровенную религію и монархическое правленіе. Когда началась революція, онъ сталъ сравнивать событія настоящаго времени съ библейскими пророчествами; его мысль постепенно стала наполняться апокалиптическими образами и онъ издалека предчувствовалъ приготовленіе царства „человѣка беззаконія". Съ этихъ поръ задачею литературной дѣятельности Штиллинга сдѣлалась борьба съ этою разразившеюся грозою. Явилось нѣсколько сочиненій его въ этомъ направленіи, сочиненій, которыя одинъ историкъ нѣмецкой литературы справедливо назвалъ „Verdummungsschriften", свидѣтельствующихъ о крайней болѣзненности мысли Штиллинга и наполненныхъ туманомъ мистицизма. Сочиненія эти очень помогли послѣдующей реакціи; они имѣли чрезвычайный успѣхъ, и къ Штиллингу за нихъ со всѣхъ сторонъ, отъ престола до сохи, шли письма, выражавшія искреннюю за нихъ благодарность. Замѣча-

тельно, что эти именно сочиненія и удостоились перевода со стороны Лабзина.

Первое изъ этихъ произведеній было „Heimweh — Тоска по отчизнѣ“, съ ключемъ къ нему (1794—1796) Русскій переводъ этого сочиненія сдѣланъ былъ въ 1807 году Ѳ. П. Лубяновскимъ, и первыя двѣ части уже были напечатаны. Но въ то время мистицизмъ и Штиллингъ не были еще у насъ въ модѣ, за переводы подобныхъ сочиненій не давались ордена и, по воспоминаніямъ переводчика [1]), министръ графъ Кочубей, у котораго онъ служилъ, нѣсколько разъ не былъ принятъ государемъ съ докладомъ по поводу этого перевода. Александръ говорилъ, что за эту книгу переводчику мѣсто въ Якутскѣ, и все напечатанное въ типографіи было истреблено. Впослѣдствіи переводъ Лубяновскаго былъ напечатанъ весь (5 ч., М., 1818).

Это сочиненіе Штиллинга по своему содержанію носитъ на себѣ слѣды вліянія тайныхъ обществъ масоновъ, иллюминатовъ, розенкрейцеровъ и пр., которыми была полна Германія во второй половинѣ XVIII вѣка, и организація которыхъ интересовала многихъ. Въ ней видѣли что-то поэтическое и чудесное. Множество современныхъ литературныхъ произведеній, особенно романовъ, имѣютъ въ основѣ своей подобныя таинственныя братства. Такъ и въ „Тоскѣ по отчизнѣ“ являются таинственные рыцари, составляющіе братство. Каждый изъ рыцарей совершаетъ путь покаянія, обращенія и освященія истиннаго христіанина. Все это заканчивается въ храмѣ Іерусалимскомъ, при чемъ рыцари подвергаются различнымъ испытаніямъ. Штиллингъ говоритъ, что на сочиненіе этого романа имѣли большое вліяніе, во-первыхъ, „Жизнь Тристрама Шанди“ — извѣстное сатирическое произведеніе Стерна и сочиненіе англійскаго піэтиста XVII вѣка Буньяна „Путешествіе христіанина къ вѣчности“. Приключенія этихъ христіанскихъ рыцарей, тоскующихъ по отчизнѣ, такъ однообразны, что естественно думать, что и здѣсь въ основу разсказа положена собственная жизнь автора, но все это закрыто такимъ густымъ аллегорическимъ покровомъ, что чтеніе этого романа утомляетъ до крайности. Аллегорія такъ подробна, такъ мелочна, что Штиллингъ нашелъ даже необходимымъ написать къ ней объяснительный ключъ, но до того запутался, что самъ не понималъ уже себя.

„Тоска по отчизнѣ“ написана противъ современнаго просвѣщенія и пробужденнаго тогда духа свободы. Штиллингъ выставляетъ себя въ ней какимъ-то пророкомъ и борцемъ за христіанство. „Духъ ложнаго просвѣщенія, какъ въ Апокалипсисѣ лже-пророкъ, говоритъ онъ, служитель звѣря, началъ собирать воинство подъ знамена его

[1]) Русск. Арх. 1872 г., стр 489—490.

чудовища". „Чувства мои и чувства всѣхъ истинныхъ христіанъ въ дни наши весьма схожи съ естественною тоскою по родинѣ: желалось бы тотчасъ идти въ путь и возвратиться во-свояси. И поистинѣ! тяжко становится жить въ землѣ чуждой, гдѣ общая склонность, общій долгъ есть терпимость ко всему и ко всѣмъ, но только не къ христіанамъ; гдѣ каждый можетъ громко поносить Христа, но никто уже не смѣетъ явно исповѣдывать его передъ людьми, гдѣ проповѣдуются вольность, равенство, братство, и одни только христіане исключаются изъ числа братій" [1]). Какъ съ невѣріемъ времени, такъ очень легко раздѣлался здѣсь Штиллингъ и съ Кантовой философіей: онъ представилъ ее въ видѣ подземнаго лабиринта: „Кто не возьметъ туда съ собою масла посвященныхъ и свѣта не будетъ сохранять бережно—тотъ погибнетъ".—„Тоска по отчизнѣ" имѣла чрезвычайный успѣхъ и была переведена на всѣ европейскіе языки. По его словамъ, даже ученые невѣрующіе были обращены ею въ христіанство. Штиллингъ сталъ выставлять себя защитникомъ христіанства посреди господствующаго невѣрія, и сочиненія его въ этомъ направленіи слѣдовали одно за другимъ. Не упоминая о всѣхъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ многія и не были переведены по-русски, мы укажемъ на „Побѣдную повѣсть христіанской религіи" (1799), которая появилась въ русскомъ переводѣ и считалась у насъ самымъ важнымъ сочиненіемъ Штиллинга. „Побѣдная повѣсть" представляетъ апокалиптическіе взгляды на революцію, которые развились тогда въ мистически настроенныхъ умахъ. Многіе, какъ у насъ Державинъ, примѣняли мечтанія Апокалипсиса къ современности; многіе думали, что „звѣрь изъ бездны" уже вышелъ и „человѣкъ грѣха" уже явился, считали французскую трехцвѣтнук кокарду за „знаменіе звѣря" и т. п. Въ особенности большую извѣстность и распространеніе въ обществѣ пріобрѣли его „Сцены изъ царства духовъ" (1797—1801) и его „Теорія познанія духовъ" (1808). Первое изъ этихъ произведеній переведено было Лабзинымъ, подъ названіемъ „Приключенія по смерти" (Спб. 1805, 3 ч.). „Русскій издатель перемѣнилъ сей титулъ по обстоятельствамъ того времени, говоритъ Лабзинъ въ 1817 году, неблагопріятствовавшаго духамъ и духовному, и дававшаго всему таковому удивительно странные толки, до того странные, что, напримѣръ, одна весьма значущая особа не постыдилась и не посовѣстилась сдѣлать представленіе противъ „Угроза" [2]), чтобы взять на замѣчаніе и книгу сію и издателя оной, у котораго есть-де какіе-то злые умыслы, ибо де самое названіе „Угрозъ" показываетъ, что онъ стращать хо-

[1]) Ч. V, стр XVI—XVII.

[2]) Угрозъ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Тоскѣ по отчизнѣ".

четъ“ [1]). „Приключенія по смерти“ написаны тоже противъ господствующаго невѣрія, съ полною вѣрою въ загробную жизнь, которую Штиллингъ изображаетъ сообразно своей собственной фантазіи. Главная мысль сочиненія заключается въ томъ, чтобъ доказать необходимость для гражданскаго общества ученія о наградахъ и наказаніяхъ по смерти и опровергнуть свободную мысль, что быть добродѣтельнымъ должно не изъ страха наказаній и не въ надеждѣ наградъ. Приключенія, придуманныя Штиллингомъ, не имѣютъ поэтическаго достоинства, но онъ убѣжденъ, что они не противорѣчатъ ни разуму, ни Св. Писанію, хотя въ сущности они противорѣчатъ и тому и другому. Штиллингъ говоритъ, что душа по выходѣ изъ тѣла, до дня воскресенія, носится надъ своимъ тѣломъ, какъ бы привлекаемая магнитомъ, а если тѣло раздроблено на части, то надъ зародышемъ или сѣменемъ будущаго тѣла, и носится до тѣхъ поръ, пока при воскресеніи не соединится съ новымъ тѣломъ — къ вѣчной жизни или къ вѣчной смерти. Штиллингъ совершенно убѣжденъ въ этомъ; онъ говоритъ, что у него есть на то даже чувственныя доказательства. На книгу свою онъ смотритъ какъ на нравственную поэму, которая ничего не можетъ принести людямъ кромѣ добра и пользы. Въ „Теоріи познанія о духовъ“, для которой со всѣхъ сторонъ Штиллингъ собиралъ разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ, онъ является непреложно убѣжденнымъ. Онъ снова возвращается къ той „вѣрѣ угольщика“, къ тому народному суевѣрію, которое окружало его дѣтство. Творческой фантазіи, какъ у Парацельза, нѣтъ у Штиллинга, но зато сочиненіе полно какою-то досадою и духомъ оппозиціи противъ философіи и просвѣщенія времени, которыхъ онъ не былъ въ состояніи понять.

Революціонныя войны отозвались на границахъ Германіи большими бѣдствіями и опустошеніями. Разоренье народа, которымъ сопровождалось нашествіе французовъ, возбуждало къ нимъ сильную ненависть, идеи, проповѣдуемыя революціей, въ виду дѣйствительныхъ несчастій, производимыхъ ею, скоро потеряли для многихъ свое обаяніе. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить чрезвычайный успѣхъ періодическаго изданія Штиллинга, писаннаго имъ для народа и посвященнаго имъ борьбѣ съ началами французской революціи и съ духомъ времени. Сочиненіе это носило названіе „Der graue Mann“ — сѣрый человѣкъ, сѣрокафтанникъ (1795—1815). Въ русскомъ переводѣ (1806 — 1815), который имѣлъ и второе изданіе (Спб. 1815. 12°), сочиненію этому дано было переводчикомъ его Лабзинымъ названіе „Угрозъ Свѣтовостоковъ“. „Der graue Mann“, т.-е.

[1]) Жизнь Штиллинга, II, стр. 245—246.

сѣрый, суровый и грозный человѣкъ есть одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ „Тоскѣ по отчизнѣ". Это, конечно, аллегорія. Страшное и благотворное, оно наводитъ ужасъ, но помогаетъ странствующимъ въ отчизну достигать ее. Вѣроятно въ немъ Штиллингъ желалъ олицетворить совѣсть. Все сочиненіе идетъ какъ бы отъ его лица. Русское названіе, данное этому лицу, Лабзинъ объясняетъ такимъ образомъ: Угрозъ—по главному его качеству, а Свѣтовостоковъ—по его происхожденію. Мы не знаемъ изъ словъ Штиллинга, какой успѣхъ имѣло это популярное изданіе въ народѣ, для котораго собственно оно писалось, но что оно понравилось различнымъ владѣтельнымъ особамъ Германіи и знатнымъ лицамъ, которыя желали бы держать народъ въ рукахъ посредствомъ мыслей, проповѣдуемыхъ Штиллингомъ,—это вѣрно. И у насъ эта книга имѣла чрезвычайный успѣхъ. Говорятъ, что Лабзинъ доходы отъ нея назначалъ на благотворительныя цѣли [1]). Весьма вѣроятно, что нападенія на революцію и французовъ здѣсь совпадали съ патріотическимъ настроеніемъ общества и способствовали успѣху изданія. У Штиллинга не было этого патріотическаго настроенія, его занимали болѣе общіе вопросы, но во всякомъ случаѣ книга эта весьма замѣчательна, какъ выраженіе духа того времени. Она имѣла большое вліяніе на духовные вопросы, на содержаніе духовныхъ стремленій реакціонныхъ годовъ и удовлетворяла той страсти ко всему таинственному и мистическому, которая наполняла душу современниковъ, потрясенную великими тогдашними событіями. Образы и выраженія Апокалипсиса играли въ ней главную роль, какъ и въ „Побѣдной повѣсти христіанства".

Но между тѣмъ въ Марбургѣ Штиллингу становилось трудно жить. Студенты университета, которые шли за временемъ, проникнутые современнымъ скептицизмомъ и либерализмомъ, перестали уважать своего профессора, по мѣрѣ того, какъ въ его сочиненіяхъ высказывалась упорная борьба со временемъ и его надеждами. На него нашло раздумье, и онъ наконецъ отказался отъ профессорства и въ 1803 году переселился на службу къ новому покровителю своему, тогдашнему курфюрсту, а потомъ великому герцогу Баденскому въ Гейдельбергъ. Ему дано было здѣсь приличное содержаніе, какъ глазному оператору, но Штиллингъ обязанъ былъ только продолжать свое дѣло — т.-е. начатую борьбу съ духомъ вѣка. Великій герцогъ въ 1806 году взялъ съ собою Штиллинга въ Карлсруэ; онъ долженъ былъ жить въ его дворцѣ и обѣдать съ нимъ. Какъ поборникъ престоловъ и алтарей, онъ сдѣлался теперь важною личностью и въ своихъ запискахъ тщеславится постепеннымъ увеличеніемъ числа своихъ зна-

[1]) Русск Арх. 1866 г., стр. 827.

комыхъ въ знатныхъ кругахъ. До глубокой старости Штиллингъ пользовался завиднымъ здоровьемъ, продолжалъ издавать своего „Угроза Свѣтовостокова“ и велъ обширную кореспонденцію съ многочисленными поклонниками своими въ различныхъ частяхъ свѣта. Великій герцогъ баденскій, полюбившій Штиллинга и пріютившій его въ своемъ дворцѣ, былъ дѣдомъ тогдашней нашей императрицы Елисаветы Алексѣевны. Когда императоръ Александръ посѣтилъ въ Карлсруэ герцога, то онъ чрезвычайно благосклонно обращался съ Штиллингомъ и потомъ посылалъ ему значительные подарки. Съ этихъ поръ снято было запрещеніе съ его сочиненій, и они вошли у насъ въ моду. Больше и больше принималъ на себя Штиллингъ пророческій тонъ и употреблялъ въ своихъ сочиненіяхъ апокалиптическія выраженія, особенно въ томъ, что̀ писалось имъ противъ революціоннаго духа. Онъ умеръ въ 1817 году въ полномъ убѣжденіи, что въ позднѣйшіе годы его жизни въ немъ воплотился Христосъ. Но намъ въ оригинальномъ жизненномъ поприщѣ Штиллинга гораздо привлекательнѣе личность его, когда онъ является передъ нами легкомысленнымъ и добродушнымъ подмастерьемъ портного и школьнымъ учителемъ, чѣмъ въ образѣ полнаго умиленія и святости придворнаго тайнаго совѣтника, оффиціальнаго пророка и любимца государей.

Такова была личность этого человѣка, который выставлялся у насъ за какого-то просвѣтленнаго пророка и учителя христіанскаго, и таковы были сочиненія этого новаго апостола, появлявшіяся у насъ въ переводахъ, выдерживавшихъ по нѣскольку изданій и распространявшихся въ обществѣ всѣми возможными средствами. Всякій легко можетъ составить себѣ сужденіе, здоровая ли это была пища, такъ усердно заимствуемая изъ больной среды нѣмецкаго мистицизма и піэтизма, которую обогналъ духъ времени, и годилась ли она для русскаго общества, только-что сдѣлавшаго первые робкіе шаги на пути реформъ? Мы нарочно нѣсколько подробно остановились на Юнгѣ Штиллингѣ, чтобъ не ограничиваться одними именами и общими фразами, а познакомиться съ самою сущностью предмета, мало знакомаго вообще и теперь почти забытаго, а между тѣмъ этотъ кругъ идей и эти сочиненія, съ тѣхъ поръ какъ они получили у насъ оффиціальное одобреніе, вошли въ духовную исторію нашего общества. Мы не будемъ говорить о многочисленныхъ переводахъ сочиненій Эккартсгаузена, который раздѣлялъ вмѣстѣ съ Штиллингомъ почетъ и уваженіе нашихъ мистиковъ, потому что и они имѣли такое же общее содержаніе, какъ и сочиненія Штиллинга. Названія множества его странныхъ сочиненій не прибавятъ ничего къ уразумѣнію нашего мистицизма. Притомъ вообще о нихъ можно сказать, что по тяжелому изло-

женію своему они не пользовались такою распространенностью и популярностью, какъ сочиненія Штиллинга, хотя Лабзинъ и отдаетъ имъ преимущество за глубину мыслей.

Сравнительно съ богатствомъ у насъ переводной мистической литературы въ первую половину царствованія Александра, оригинальная дѣятельность нашихъ мистиковъ была, конечно, весьма незначительна. Единственнымъ почти или, по крайней мѣрѣ, самымъ виднымъ въ ряду этихъ явленій былъ журналъ Лабзина „Сіонскій вѣстникъ", издававшійся имъ въ 1806 году; его появилось тогда только девять книжекъ. Но и въ немъ, главнымъ образомъ, вниманіе обращалось на западныя духовныя явленія, потому что въ русскомъ обществѣ этихъ духовныхъ стремленій не оказывалось, помѣщались переводы нѣмецкихъ мистическихъ статей, а изъ оригинальныхъ вошли незначительные отрывки изъ сочиненій Рѣпнина, Лопухина, Сковороды и самого Лабзина. Журналъ желалъ удовлетворить своимъ содержаніемъ религіозной потребности самого издателя, который говоритъ, что у насъ не было еще подобнаго христіанскаго изданія; но едва ли онъ находилъ большое распространеніе въ русскомъ обществѣ: читали его и были имъ довольны преимущественно лица духовныя. Митрополитъ Евгеній въ частномъ письмѣ къ кому-то, нападая на догматическіе промахи издателя, несоотвѣтствующіе православію, очень, однако, хвалитъ „Сіонскій Вѣстникъ": „Онъ многихъ обратилъ, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи, и это уже великое благодѣяніе человѣчеству" [1]). Кажется, это преувеличено. Въ нѣсколько мѣсяцевъ не могъ оказать вліянія журналъ, имѣвшій главной задачей борьбу съ философіей міра сего и по направленію совсѣмъ не соотвѣтствовавшій духу времени. Притомъ „Сіонскій Вѣстникъ" былъ вскорѣ запрещенъ тѣмъ самымъ оберъ-прокуроромъ Синода, который впослѣдствіи, когда мистицизмъ сдѣлался у насъ правительственнымъ орудіемъ борьбы съ либерализмомъ, стоялъ во главѣ самыхъ дикихъ религіозныхъ стремленій — кн. А. Н. Голицынымъ. Тогда и „Сіонскій Вѣстникъ" возродился къ жизни и не съ тою уже робостью и запуганностью мысли, какая отличала его въ первый годъ изданія. Объ этомъ самоувѣренномъ мистицизмѣ другого времени мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь мы оканчиваемъ изложеніе этого явленія въ первые годы царствованія Александра.

Россіи пришлось въ 1812 году выдержать много тяжелыхъ испытаній, изъ которыхъ она возродилась къ новой жизни и дѣятель-

---

[1]) Москвитянинъ, 1848 г., № 8

ности. Величайшимъ плодомъ этихъ испытаній народныхъ было измѣненіе отношеній между двумя факторами развитія, изъ которыхъ слагалась наша умственная и гражданская жизнь, отношеній между властью и обществомъ. До сихъ поръ правительство шло впереди развитія, тянуло общество, какъ бы на буксирѣ; теперь само общество, потрясенное великими событіями своей исторіи, пробудилось къ жизни болѣе сознательной, стало въ болѣе близкія отношенія къ западному развитію и заимствовало изъ него болѣе свѣжее содержаніе, а правительство заподозрило это движеніе, стало сдерживать его, противодѣйствовать ему. Глухая борьба этихъ двухъ началъ происходитъ во всю вторую половину царствованія Александра.

ТОМЪ II.

ЛЕКЦІЯ I.

1812 годъ.—Патріотическое направленіе литературы.—С. Глинка.—Ростопчинъ.—Его афиши.

Въ половинѣ царствованія Александра Россіи суждено было вынести тяжелое испытаніе, которое значительно повліяло на историческія судьбы ея, на духъ общества и поставило власть въ другія отношенія къ народу. Мы говоримъ о 12-мъ годѣ и объ исполинской борьбѣ съ Наполеономъ, взволновавшей государство и общество до самаго основанія и сильно, хотя и не надолго, поднявшей общественное сознаніе. Тяжелый ударъ упалъ на безмолвную до тѣхъ поръ страну и возбудилъ вдругъ всѣ ея силы и въ особенности чувство національнаго достоинства и оскорбленной народной гордости, которая потомъ вполнѣ удовлетворилась нашими побѣдами и политическимъ преобладаніемъ въ Европѣ. Не могли эти великія событія, переживаемыя съ трепетнымъ волненіемъ современниками, не отразиться на идеяхъ, и на умственной дѣятельности, какъ бы ни была незначительна эта послѣдняя. Въ эту замѣчательную эпоху общаго народнаго напряженія мы видимъ какъ бы поворотную точку, съ которой начинается измѣненіе и въ направленіи власти и въ направленіи общества. Нельзя отрицать вліянія войны 1812 года на народное сознаніе, потому что война эта была народная, потому что въ ней ставился вопросъ о существованіи. Съ голоса патріотической литературы, которая начала имѣть вліяніе на наше общественное мнѣніе съ первыхъ неудачныхъ встрѣчъ съ Наполеономъ, въ массу народа проникла глубокая ненависть къ врагу. Это чувство было общимъ и господствовавшимъ въ то время. Нашествіе французовъ, наши потери, занятіе Москвы и пожаръ ея произвели глубокое впечатлѣніе на сознаніе народа; оно не вдругъ прошло и не вдругъ уступило мѣсто ходу событій. Изгнаніе врага и побѣды подняли и возбудили родную гордость, тѣшили народное самолюбіе. Но утверждать, что эпоха

12-го года имѣла другое, болѣе рѣшительное и глубокое вліяніе на всю нашу исторію и наше развитіе, что съ нея измѣнился самый ходъ послѣдняго и вмѣсто прежней подражательности и прежнихъ заимствованій изъ Европы начинается пора самостоятельнаго развитія и въ жизни и въ мысли и въ литературѣ—будетъ не совсѣмъ справедливо. Порывъ чувства былъ слишкомъ силенъ и стремителенъ; но онъ прошелъ такъ же скоро, какъ и пришелъ. Самостоятельнаго и глубоко-національнаго развитія въ жизни мы не увидимъ, но увидимъ, что самая жизнь эта стала глубже и многостороннѣе: вліянія европейскія сдѣлались гораздо сильнѣе; болѣе тѣсное сближеніе и знакомство съ Европою, въ томъ обновленномъ и полномъ движенія видѣ, въ какомъ она вышла изъ революціонной борьбы, еще болѣе распространили у насъ эти вліянія. Съ помощью ихъ и въ нашей мысли началось болѣе глубокое движеніе; она съ болѣе рѣшительною смѣлостью принялась за разработку внутреннихъ общественныхъ вопросовъ, получила оттѣнокъ политическій и пыталась даже выступить на практическое поприще.

Съ этимъ ходомъ нашего общественнаго развитія въ эпоху тяжелой борьбы съ Наполеономъ сообразовалась и литература наша. На ней отражался ходъ событій и знаменія времени, несмотря на всю ея слабость и подцензурное безсиліе. Мы довольно подробно говорили о нашемъ литературномъ движеніи въ замѣчательную эпоху начала царствованія Александра. Мы видѣли слабыя. несвободныя и неумѣлыя попытки литературы въ эпоху первыхъ надеждъ на лучшее устройство,—во время первыхъ преобразованій, о которыхъ мечталъ Александръ и его молодые и либеральные совѣтники. Требовать отъ этой литературы больше, чѣмъ дала она при общей незрѣлости мысли, при совершенной непривычкѣ общества заниматься вопросами дѣйствительной жизни—мы не имѣемъ права. Явившись въ эпоху реформы Петра, эта литература служила только дѣлу реформы; ея главное вниманіе обращено было на Европу, художественнымъ явленіямъ которой она должна была по необходимости подражать, усвоивая своей странѣ общія начала цивилизаціи. Необходимо должна она была находиться подъ вліяніемъ явленій болѣе могущественныхъ и даже съ чужой точки зрѣнія смотрѣть на свою собственную, народную жизнь. Въ такомъ положеніи, за самыми ничтожными исключеніями, литература наша находилась въ теченіе всего XVIII вѣка. Въ концѣ этого вѣка и началѣ XIX мы познакомились съ крупнымъ литературнымъ явленіемъ—произведеніями Карамзина, въ которыхъ уже замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, успѣхъ, заключающійся въ томъ, что онъ проще и естественнѣе взглянулъ на жизнь, что онъ ближе подвинулся къ

дѣйствительности, чѣмъ его предшественники, хотя все содержаніе его литературной дѣятельности разработывало вялый сентиментализмъ, тупую привязанность къ неподвижнымъ формамъ государственной жизни и ненависть къ реформамъ, задуманнымъ лучшими людьми въ началѣ царствованія Александра. Эти реформы дали нѣкоторое оживленіе русской мысли, особенно въ журналистикѣ, чему способствовали, разумѣется, самые взгляды правительства и желаніе дать относительный просторъ мысли. Но это кратковременное оживленіе не составляло еще значительнаго успѣха, литература не понимала народной жизни, потому что не изъ нея и вытекала она; правда жизни, какъ и дѣйствительныя потребности ея были далеки отъ нея. При томъ прежній тонъ литературной похвальбы и самовосхваленія, тонъ напыщенной оды, представителемъ которой была Державинская поэзія, продолжалъ господствовать попрежнему. Немногіе понимали его безсодержательность, и критика не смѣла еще возставать на прославленные авторитеты. У Державина было много послѣдователей и тонъ его поэзіи, состоящій въ восхваленіи самодержавія, побѣдъ и героевъ, несмотря на пробужденіе въ русской жизни болѣе высокихъ потребностей, продолжалъ господствовать и въ первую половину царствованія Александра. При преобладаніи такого тона и такихъ идеаловъ, которые совершенно приходились по плечу большинству общества, слабый голосъ журнальной литературы, касавшейся вопросовъ общественныхъ и робко трактовавшей о задуманныхъ реформахъ, былъ едва слышенъ въ обществѣ. Эта литература была слишкомъ незрѣла, долго шла на помочахъ у власти и была слишкомъ запугана, чтобъ имѣть независимый голосъ и говорить свободно именно о томъ, что составляетъ главное содержаніе литературы—о вопросахъ общественныхъ—и тѣмъ служить развитію страны.

Прежняя литературная рутина была такъ сильна, что пробудившійся голосъ новыхъ идей былъ совершенно заглушенъ *патріотическимъ направленіемъ*, усилившимся во время неудачныхъ войнъ нашихъ съ Наполеономъ. Въ ряду другихъ литературныхъ явленій того времени: художественной поэзіи, мистицизма и журналистики, патріотическое направленіе стало самымъ сильнымъ и тонъ его проникъ во всѣ литературныя области. Мы познакомились уже отчасти съ дѣятельностью представителей патріотической литературы передъ самою войною 12-го года: съ Шишковымъ, Растопчинымъ и Глинкою. Всѣ трое въ эпоху 12-го года являются во главѣ движенія.

Мы довольно подробно говорили о борьбѣ Шишкона съ Карамзинистами, гдѣ выступаетъ тоже это патріотическое направленіе, гдѣ, повидимому, дѣло шло о словахъ и формахъ языка, но въ сущности происходила борьба стараго съ новымъ. Шишковъ былъ представи-

телемъ старыхъ Ломоносовскихъ и Сумароковскихъ преданій въ языкѣ; въ языкѣ Карамзина были видны новыя, свѣжія силы, въ немъ замѣтно французское вліяніе, а этого было довольно Шишкову, чтобъ видѣть въ Карамзинѣ и въ его школѣ революціонеровъ и вредныхъ людей, обвинять ихъ въ вольнодумствѣ и даже въ измѣнѣ отечеству, тогда какъ въ дѣйствительности между идеями Шишкова и идеями Карамзина, по отношенію къ государственной жизни, не было существенной разницы. И тотъ и другой говорили одинаково въ пользу консервативныхъ идей и уваженія къ старинѣ, какова бы она ни была. Съ голоса Шишкова наша литература наполнилась выходками противъ всего французскаго, противъ нашихъ французскихъ учителей, въ рукахъ которыхъ, по необходимости, было такъ долго воспитаніе русскаго юношества. Теперь, подъ вліяніемъ неудачъ и пораженій, подъ вліяніемъ нелюбви къ преобразованіямъ и новой жизни, нелюбви, которая въ каждомъ французѣ заставляла видѣть революціонера и цареубійцу, раздраженіе противъ всего французскаго достигло высшей степени, хотя въ немъ и замѣтно было много дѣтскаго и нелѣпаго.

Но Шишковъ, какъ личность, въ своихъ увлеченіяхъ и нападеніяхъ на все французское былъ искренень, хотя и нелѣпъ; таково было его воспитаніе и таковъ былъ складъ его ума. Едва ли можно говорить объ искренности убѣжденія въ литературно-патріотической дѣятельности Растопчина, хотя онъ по таланту стоялъ выше Шишкова. Простодушнѣе и наивнѣе Шишкова былъ С. Глинка съ своимъ дѣтски патріотическимъ журналомъ „Русскій Вѣстникъ“. Журналъ этотъ, который онъ сталъ издавать въ одно время съ патріотическими брошюрами Растопчина и подъ его вліяніемъ, былъ и задуманъ имъ для пробужденія въ русскомъ обществѣ національнаго чувства и патріотизма, посвященъ прославленію старинныхъ добродѣтелей и достоинствъ русскаго народа, желанію поднять во что бы то ни стало людей древней Руси, при чемъ Глинка, въ наивномъ увлеченіи своемъ, иногда чрезвычайно забавно сравнивалъ мысли древнихъ русскихъ людей съ европейскою наукою, которую онъ зналъ гораздо лучше, чѣмъ древнюю Русь. Промахи Глинки не замѣчались тогдашнимъ неразвитымъ русскимъ обществомъ; оно безраздѣльно подчинилось его пылкому увлеченію, и въ эпоху борьбы съ Наполеономъ онъ имѣлъ большое значеніе и нравственный авторитетъ. Онъ даже пожалованъ былъ орденомъ „за любовь къ родинѣ“, какъ сказано въ рескриптѣ. Это былъ вполнѣ цѣльный и честный характеръ, чѣмъ и объясняется его вліяніе даже на молодое поколѣніе. Произведенія Растопчина въ ту пору пользовались также большою популярностью, хотя подъ слоемъ патріотизма въ нихъ выступало наружу

личное честолюбіе, а не искреннее и глубоко убѣжденное чувство. Теперь, когда прошло уже много времени, легко замѣтить даже въ самомъ слогѣ его что-то натянутое и придуманное Растопчинъ былъ человѣкъ вовсе не воспитанный по-русски; народъ и его положеніе были не близки ему; онъ тупо и упорно стоялъ за старыя формы жизни и защищалъ крѣпостное право, видя въ освобожденіи вредъ для государства. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ скорѣе поддѣлывался подъ народный тонъ, чѣмъ понималъ его.

Съ такимъ общимъ характеромъ представляется намъ русская литература въ первую половину царствованія Александра I. Она была слабымъ выраженіемъ слабаго и неопредѣленнаго общественнаго мнѣнія. Въ этомъ обществѣ только самая ничтожная часть его, и то поддерживаемая сначала правительствомъ, думала о лучшемъ будущемъ, о реформахъ, необходимыхъ для государства и народа. Но само правительство, по личному характеру Александра, колебалось и выражало постоянно нерѣшительность; оттого мнѣнія меньшинства не имѣли ни твердости, ни возможности дѣйствовать на жизнь. Приверженцы стараго порядка, удалившіеся было отъ дѣлъ въ началѣ царствованія, недовольные новыми людьми, окружавшими молодого императора, и новыми идеями, грозившими измѣнить старину, отчаявались недолго и скоро опять подняли голову. 12-й годъ помогъ имъ очень много.

Съ этого времени правительство покидаетъ путь реформъ и улучшеній, и представители стараго порядка снова управляютъ дѣлами. Посреди тревожныхъ ожиданій общественнаго мнѣнія, въ виду близящагося нашествія Наполеона, правительство должно было уступить напору консервативной партіи; оно испугалось; идеи Карамзина, которыми онъ грозилъ власти въ своей знаменитой „Запискѣ“ и которыя были приняты сначала неблагосклонно, теперь восторжествовали и сдѣлались руководящими. Создатель всѣхъ реформъ и преобразованій въ администраціи — Сперанскій, на голову котораго сыпалось столько проклятій, палъ къ общей радости консерваторовъ; его реформы и конституціонные планы заслужили теперь ему названіе „измѣнника“, съ которымъ соглашался и самъ Александръ, принесшій его въ жертву всеобщему раздраженію. „Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость“, говоритъ современникъ о паденіи и ссылкѣ Сперанскаго [1]). Изъ этого уже можно видѣть, какъ настроено было тогда общественное мнѣніе въ Россіи, хотя оно не имѣло ни голоса, ни выраженія и ничтожныя газеты того времени не смѣли даже напечатать извѣстія о такой перемѣнѣ.

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, вып. IV, стр. 33.

Въ самую эпоху 12-го года, въ это время порывовъ и патріотическаго увлеченія, ненависть къ иностранцамъ и въ особенности къ французамъ достигаетъ своего полнаго развитія и естественно ожидать, что знакомое намъ патріотическое направленіе должно торжествовать въ литературѣ. Извѣстенъ чрезвычайный успѣхъ новаго журнала, появившагося въ 1812 году и посвященнаго возбужденію патріотизма и описанію подвиговъ русскихъ въ отечественную войну. Редакторомъ его былъ въ то время еще молодой и мало кому знакомый литераторъ Н. И. Гречъ. Журналъ этотъ—„Сынъ Отечества“, самое названіе котораго уже достаточно показываетъ его направленіе. Хотя впослѣдствіи онъ много разъ измѣнялъ этому направленію, но въ ту пору все оно состояло въ ожесточенномъ преслѣдованіи Наполеона и французовъ, въ дикихъ насмѣшкахъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Ненависть къ завоевателю и французамъ перешла въ ненависть къ идеямъ, созданнымъ французскою литературою XVIII вѣка, и къ принципамъ, которые создала революція. И то и другое смѣшивалось.

Такимъ же успѣхомъ, вслѣдствіе всеобщаго возбужденія въ разныхъ слояхъ общества, пользовались знаменитыя *Теребеневскія* каррикатуры (по имени художника ихъ исполнявшаго, хотя у него были и другіе помощники). Это были политическія каррикатуры того времени во всей своей грубой непосредственности. Подняться выше онѣ не могли, потому что настоящая политическая каррикатура развивается только въ странахъ съ свободною государственною жизнью и немыслима при существованіи цензуры. Теребеневскія каррикатуры издавались съ разрѣшенія цензуры и все ихъ немудреное содержаніе заключалось въ грубой насмѣшкѣ надъ побѣжденнымъ врагомъ, въ желаніи возбудить къ нему ненависть. Тутъ была лесть животнымъ инстинктамъ народа, а въ подписяхъ подъ каррикатурами мы встрѣчаемъ поддѣлку подъ народный складъ языка, на манеръ Растопчина. Правительство поддерживало подобныя литературныя и художественныя явленія, потому что старалось и съ своей стороны о возбужденіи народнаго чувства. Патріотическая ненависть къ французамъ и Наполеону достигла высшей степени въ пресловутыхъ *афишахъ* или печатныхъ объявленіяхъ графа Растопчина, въ которыхъ онъ разговаривалъ съ московскими жителями о приближающемся къ столицѣ врагѣ. Мы говорили уже о предшествовавшей литературной дѣятельности Растопчина, возникшей во время первыхъ несчастныхъ войнъ нашихъ съ Наполеономъ, подъ вліяніемъ внутренняго недовольства преобразованіями и неудовлетвореннаго честолюбія, такъ какъ Растопчинъ не пользовался милостью Александра. Растопчинъ находился въ оппозиціи, и въ обществѣ московскомъ разноси-

лись его остроумныя выраженія, которыя не могли нравиться правительству. Его личный характеръ тоже не располагалъ къ нему. Чрезвычайно впечатлительная, желчная и раздражительная натура его во многомъ напоминала императора Павла, любимцемъ котораго онъ былъ и которому онъ обязанъ былъ какъ своимъ возвышеніемъ въ служебной іерархіи, такъ и жалованнымъ богатствомъ.

Александръ сблизился съ нимъ незадолго до войны 12-го года. Въ этомъ сближеніи, какъ это было и по отношенію къ Карамзину, принимала участіе В. К. Екатерина Павловна, недовольная Сперанскимъ и преобразованіями, сдѣланными имъ. Родство и дружба Растопчина съ Карамзинымъ, одинаковость ихъ взглядовъ и убѣжденій обратили на него вниманіе Великой Княгини, а въ началѣ 12-го года, когда все общественное мнѣніе было встревожено близящимся грознымъ нашествіемъ Наполеона, когда послѣдовало неожиданное паденіе Сперанскаго, всѣ указывали на Растопчина, какъ на главу консервативной партіи, какъ на будущаго спасителя отечества. Всѣ приписывали ему извѣстное подложное письмо къ императору, весьма грубое по формѣ и выраженію, гдѣ Сперанскій выставлялся главою заговора, желавшаго предать Россію въ руки Наполеона и лишить ее всякихъ средствъ къ оборонѣ. Какъ бы то ни было, Растопчинъ, если не прямо, то своими словами и дѣйствіями много способствовалъ паденію Сперанскаго. Въ ту тяжелую пору всеобщаго страха и недоумѣнія, когда напуганное мнѣніе вездѣ и во всемъ видѣло измѣну, когда, уступая подозрѣніямъ подобнаго рода, Александръ назначилъ, противъ своего желанія, Кутузова главнокомандующимъ вмѣсто Барклая де-Толли, почитаемаго измѣнникомъ, назначеніе Растопчина на важный постъ московскаго главнокомандующаго было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ. Онъ былъ дѣйствительно въ то время на своемъ мѣстѣ. Страстный по своей впечатлительной натурѣ и деспотъ въ душѣ, Растопчинъ сжалъ первопрестольную столицу въ своихъ крѣпкихъ рукахъ и распоряжался въ ней самовластно; это былъ диктаторъ, которому обстоятельства придавали силу. Къ этому времени, именно къ 12-му году, къ двумъ или тремъ мѣсяцамъ передъ тѣмъ, какъ Наполеонъ занялъ Москву, относятся его *Афиши* или объявленія къ народу, которыя въ нашихъ исторіяхъ литературы обыкновенно считаются за образцовыя произведенія. Онѣ, дѣйствительно, были тогда замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей жизни: появленіе ихъ доказываетъ, какъ необходимо для правительства и власти печатное слово, и надобно только сожалѣть, что такъ рѣдко и то только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгаютъ къ этому средству.

Всѣхъ афишъ 10 или 12. Болѣе полное ихъ изданіе находится у

Богдановича [1]). Содержаніе этихъ объявленій къ народу заключается въ увѣдомленіи москвичей о движеніи нашихъ и непріятельскихъ войскъ, о числѣ ихъ, при чемъ, конечно, главная цѣль Растопчина была воодушевить и ободрить народъ и въ особенности успокоить его, такъ какъ Москва въ то время была полна волненіемъ въ виду приближавшагося нашествія. Изъ Москвы Растопчинскія афишки переходили и въ ближайшія губерніи и вездѣ читались съ жадностью. Растопчинъ находился въ довольно затруднительномъ положеніи. Несмотря на то, что онъ старался въ своихъ афишахъ удержать москвичей отъ выселенія изъ города, смѣялся надъ тѣми, которые выѣзжали, какъ надъ трусами, „жизнью отвѣчалъ, по его выраженію, что злодѣй въ Москву не будетъ", выселеніе людей достаточныхъ, дворянъ, купцовъ и чиновниковъ было очень значительно, да и само правительство выводило и вывозило изъ Москвы государственныя драгоцѣнности, присутственныя мѣста, воспитательныя заведенія, монаховъ, монахинь и пр. Все это раздражало народъ и противорѣчило утвержденіямъ Растопчина. Тѣ, которые вѣрили его увѣреніямъ, раскаялись жестоко потомъ, что остались въ Москвѣ, и въ этомъ въ особенности надобно искать причину того, что Растопчинъ такъ скоро потерялъ свою популярность. Часто эти афиши приводили народъ въ недоумѣніе: онъ не зналъ, чему вѣрить — словамъ ли главнокомандующаго или тому, что онъ зналъ изъ другихъ источниковъ. Надобно думать, что самъ Растопчинъ, какъ онъ и говоритъ въ своемъ рапортѣ Сенату [2]), былъ вполнѣ убѣжденъ, что русская армія отстоитъ Москву и не допуститъ въ нее непріятеля, и полагался на утвержденія Кутузова въ этомъ смыслѣ: „моя цѣль, говоритъ онъ, состояла единственно въ томъ, чтобъ спокойствіемъ Москвы сохранить спокойствіе и во всей Россіи, спасти жителей столицы и оставить ее на погибель непріятеля безъ людей и безъ пищи: въ чемъ, благодареніе Всевышнему! успѣлъ совершенно!" Въ противоположность Кутузову, Растопчинъ видѣлъ въ паденіи Москвы погибель всей Россіи. „Каждый теперь изъ русскихъ, писалъ онъ къ Кутузову, полагаетъ всю силу въ столицѣ и справедливо почитаетъ ее оплотомъ царства; но съ ея впаденіемъ въ руки злодѣя, цѣпь, связывающая все мнѣніе и укрѣпленная къ престолу государей нашихъ, разорвется, и общее рвеніе, раздѣлясь на части, останется бездѣйственно". Онъ воображалъ, что Наполеонъ, утвердившись въ Москвѣ, будетъ безпрепятственно править Россіею [3]). И Растопчинъ хотѣлъ отстоять Москву, возбуждая ея населеніе къ

---

[1]) „Исторія Александра I, т III, Прил., стр. 69—73".
[2]) „Русск. Арх." 1868 г., стр. 884.
[3]) „Русск. Стар." 1870 г., II, стр. 305.

оборонѣ, унижая въ его глазахъ врага шутками, въ которыхъ поддѣлывался подъ грубый тонъ народа. „Какъ! Къ намъ? — говоритъ Растопчинъ устами московскаго мѣщанина Карнюшки Чихирина, выпившаго лишній крючекъ на тычкѣ, „милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масленицу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться; молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгинешь! Сиди-ка дома, да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить; вить солдаты-то твои карлики да щеголки: ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться“... [1]). Онъ увѣрялъ народъ, что легко побѣдить французовъ, даже однимъ москвичамъ: „И выйдемъ сто тысячъ молодцевъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150 т. человѣкъ, кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ“... „Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ“... „Мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа ржанаго“... [2]) Изъ этихъ отрывковъ Растопчинскихъ воззваній видно, что національное чувство, имъ возбуждаемое, походило скорѣе на раздражительность и ненужное хвастовство, напоминающее извѣстное выраженіе: „шапками закидаемъ!“ Въ афишахъ не было уваженія ни къ врагу, ни къ русскимъ. Народа и не могъ уважать Растопчинъ по всему складу своихъ убѣжденій и по характеру. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на безсмысленную толпу, которую можно обманывать бойкими фразами въ псевдо-народномъ духѣ и ложными извѣстіями.

[1]) Соч Растопчина, изд Смирдина, стр. 163—164.
[2]) Богдановичъ, т. III, прил., стр. 69—73.

ЛЕКЦІЯ II.

«La vérité sur l'incendie de Moscou». — Казнь Верещагина. — Общая характеристика личности Растопчина. — Шишковъ. «Опытъ славенскаго словаря». «Разсужденіе о любви къ отечеству». — Назначеніе Шишкова государственнымъ секретаремъ.

Двѣнадцатымъ годомъ и прославленною историческою дѣятельностью въ Москвѣ въ званіи генералъ-губернатора заканчивается собственно литературная слава Растопчина, какъ и вообще его роль въ русской исторіи, ему современной. Скоро онъ удаляется отъ дѣлъ и событій и если не покидаетъ своего пера, то написанное имъ, большею частью не по-русски, не имѣетъ уже прямого отношенія къ времени и касается только его одного. Въ заревѣ всемірно-историческаго пожара Москвы, который можно считать скорѣе случайнымъ произведеніемъ народнаго грабежа и обстоятельствъ, чѣмъ сознательнымъ и обдуманнымъ патріотическимъ подвигомъ, мрачная и желчная фигура Растопчина освѣщена какимъ-то зловѣщимъ блескомъ. Этотъ пожаръ Москвы, который обыкновенно приписываютъ патріотической дѣятельности и распоряженіямъ Растопчина, сдѣлался потомъ причиною всеобщаго неудовольствія на него, особенно со стороны многочисленнаго населенія москвичей, разоренныхъ пожаромъ и принужденныхъ возвращаться на груды развалинъ. Манифесты 12-го года приписывали пожаръ Москвы поджогамъ французовъ. Патріотическое значеніе его выступило въ сознаніи гораздо позже; на первыхъ порахъ онъ возбуждалъ только ненависть и раздраженіе, признаніе пожара какъ подвига даже сдѣлано было не русскими, а иностранцами. И самъ Растопчинъ, уже гораздо позже, въ 1823 году, когда толки объ этомъ событіи и вопросы, поднимаемые имъ, стали часто встрѣчаться въ иностранной печати и когда усилились обвиненія его со стороны русскихъ, почелъ своею обязанностью издать въ Парижѣ книжку „La vérité sur l'incendie de Moscou", въ которой онъ отрицалъ фактъ своихъ распоряженій и снималъ съ себя всякую отвѣтственность за пожаръ. Поклонники Растопчина думаютъ, что эта странная книжка была написана имъ изъ уваженія къ русскому народу [1]), что въ ней Растопчинъ не желалъ приписывать себѣ одному честь высокаго патріотическаго самопожертвованія, а хотѣлъ ее раздѣлить съ народомъ русскимъ... Но мы знаемъ, что онъ не уважалъ этотъ народъ. Скорѣе можно думать, что Растопчинъ, жившій тогда

[1]) „Русск. Арх.", 1869 г., стр. 1443.

въ Парижѣ и читавшій французскіе газеты и журналы, въ которыхъ московскій пожаръ выставлялся какъ величайшее варварское дѣло, недостойное XIX вѣка, желалъ снять съ себя общія обвиненія.

Другое обстоятельство того же 12-го года еще болѣе въ зловѣщемъ свѣтѣ выставляетъ мрачную личность Растопчина. Это трагическая смерть Верещагина, несчастнаго молодого человѣка, попавшагося въ руки раздраженной московской черни съ рукописнымъ переводомъ Наполеоновской прокламаціи, сдѣланнымъ имъ изъ праднаго любопытства. Обстоятельства этого дѣла, много разъ изложеннаго въ нашей печати въ воспоминаніяхъ современниковъ, не дѣлаютъ вовсе чести Растопчину. Послѣ кратковременныхъ и недостаточныхъ вопросовъ онъ выставилъ Верещагина передъ разъяренною чернью измѣнникомъ и шпіономъ французовъ (это было наканунѣ входа французовъ въ Москву) и выдалъ его на растерзаніе народу. Это былъ необдуманный поступокъ произвола, который составлялъ существенную черту характера Растопчина, и нельзя поэтому согласиться съ Фарнгагеномъ фонъ-Энзе, представившимъ замѣчательную характеристику Растопчина, что онъ рѣшился на казнь Верещагина обдуманно и сознательно „для усиленія народнаго негодованія“. Казнь Верещагина, безъ суда и слѣдствія, была произведеніемъ только дикаго разгула власти, до котораго дошелъ Растопчинъ съ своими инстинктами чисто татарскаго свойства. Современники разсказывали, что эта казнь Верещагина стояла грознымъ призракомъ въ памяти Растопчина до самой смерти его, что тѣнь убитаго являлась ему въ сонныхъ видѣніяхъ и мучила его совѣсть, наводя по временамъ на его далеко не чувствительную натуру неописанный ужасъ [1]). Говорятъ также, что отецъ несчастнаго Верещагина, какой-то капитанъ, уже въ 1813 году, бросился къ ногамъ императора Александра и просилъ суда и слѣдствія, желая оправдать память невиннаго сына, и это было между прочимъ причиною усилившагося нерасположенія Александра къ Растопчину. Но главный источникъ неудовольствія заключался въ московскомъ пожарѣ, на который смотрѣли тогда, какъ на совершенно безполезную жертву, какъ на страшное дѣло, погубившее столько имущества и богатствъ и разорившее такъ много народа. Александръ и прежде не любилъ Растопчина; теперь эта нелюбовь усилилась и Растопчинъ былъ уволенъ отъ званія московскаго главнокомандующаго 30 августа 1814 года. На другой годъ онъ поѣхалъ за границу какъ для лѣченія, такъ и для воспитанія своихъ дѣтей и оставался тамъ лѣтъ восемь. Его сыномъ изданы

---

[1]) *Свербеевъ*, Записки, т. I, стр, 464—8; Ф. ф.-Энзе.—„Моск. Вѣд.“, 1859 г, № 234.

отрывки изъ его „путевыхъ замѣтокъ“ [1]), которыя, какъ кажется, были первоначально писаны на языкѣ французскомъ. Въ нихъ попрежнему виденъ живой и наблюдательный умъ его и удивительная легкость выраженія. Недовольство и желчь, которыя составляли существенную черту этихъ записокъ, не мѣшали однако высказывать ему очень мѣткія наблюденія, гдѣ рядомъ съ признаками неудовлетвореннаго честолюбія заключалось много замѣтокъ весьма вѣрныхъ, какъ о нѣкоторыхъ людяхъ, такъ и объ обстоятельствахъ времени. То же можно сказать о собраніи его писемъ къ извѣстному кавказскому герою, его другу—Циціанову, писанныхъ еще до начала его авторства [2]). Въ нихъ очень много любопытнаго, какъ для характеристики самого Растопчина, такъ и для характеристики времени и общества, разумѣется, подъ условіемъ личнаго его взгляда.

Большую часть своей заграничной жизни Растопчинъ естественно провелъ въ Парижѣ, гдѣ слава его имени, значительное богатство, умъ, превосходное умѣнье владѣть французскимъ языкомъ и выражаться на немъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ, пріобрѣли ему всеобщую извѣстность и знакомства въ различныхъ слояхъ общества. Его нарочно приходили смотрѣть, какъ личность чрезвычайно оригинальную, и потому очень много замѣтокъ о немъ и его характерѣ встрѣчается въ запискахъ иностранцевъ. Къ сожалѣнію, нельзя ничего сказать похвальнаго о нравственномъ характерѣ послѣднихъ годовъ его жизни. Снѣдаемый оскорбленнымъ самолюбіемъ, при пылкости, дикихъ и грубыхъ инстинктахъ своего татарскаго характера, Растопчинъ пускался въ увлеченія, несвойственныя ни его лѣтамъ, ни его положенію. Онъ скрывалъ однако то чувство, которое грызло его, и распорядился выгравировать свой портретъ съ характеристическою надписью: „Безъ дѣла и безъ скуки—сижу, поджавши руки“. Вигель оставилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ нѣсколько непривлекательныхъ намековъ о томъ, какъ этотъ старикъ „оставивъ неохотно бремя государственныхъ дѣлъ, чувственными наслажденіями хотѣлъ заглушить сожалѣнія о потерянной власти“ [3]). Вигеля подтверждаетъ и Ф. фонъ-Энзе, разсказывая объ увлеченіяхъ Растопчина штутгардскою актрисою Бреде [4]). Дикій баринъ, испорченный крѣпостнымъ правомъ, хотя и съ лоскомъ парижанина, выходилъ наружу. Въ 1823 году Растопчинъ воротился въ Москву, гдѣ прожилъ недолго. Онъ умеръ 18-го января 1826 года. Послѣднее впечатлѣніе его и по-

---

[1]) Девятн. Вѣкъ, II, стр. 121—140
[2]) Ibid., стр. 1—113.
[3]) Записки, вып. V, стр. 126.
[4]) „Моск. Вѣд.“, 1859 г., № 234.

слѣднія остроумныя слова его относились къ людямъ извѣстнаго петербургскаго событія 14 декабря 1825 года, которыхъ онъ судилъ съ своей точки зрѣнія: „Обыкновенно сапожники дѣлаютъ революціи, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“ [1]). Растопчинъ жилъ довольно долго и стоялъ часто на самомъ верху событій, любилъ наблюдать и умно наблюдалъ, писалъ много и было о чемъ ему писать, а потому трудно предположить, чтобъ послѣ него не осталось подробныхъ воспоминаній о пережитомъ имъ. Сынъ его свидѣтельствуетъ [2]), что всѣ его бумаги, тотчасъ по смерти, взяты были въ Петербургъ.

Надобно замѣтить, что славу Растопчина составили сначала главнымъ образомъ иностранцы. Ихъ интересовала въ высшей степени эта во всякомъ случаѣ оригинальная и замѣчательная личность и роль ея въ московскомъ пожарѣ 12 года. Конечно, французы въ то время и долго спустя смотрѣли на этотъ пожаръ, какъ на поступокъ вполнѣ варварскій, свойственный только дикарямъ, а не образованному народу; но другіе иностранцы, воспитанные въ ненависти къ Наполеону, видѣли въ Растопчинѣ героя. Многіе изъ нихъ разглядѣли однако въ немъ „неумолимую жестокость башкира съ любезностью француза нашего вѣка“, сужденіе, повторенное и Ф. фонъ Энзе, который имѣлъ случай говорить съ нимъ въ 1817 году. И онъ замѣтилъ въ немъ также эти характерныя черты: произволъ и сильную волю, прикрытые внѣшнимъ лоскомъ, и неудовлетворенное честолюбіе. Когда Растопчинъ говорилъ, что отечество было неблагодарно къ нему, то, по словамъ Фарнгагена, его страшно было слушать. Онъ замѣтилъ въ немъ и дикую основу характера. По его характеристикѣ извѣстный англійскій историкъ Карлейль составилъ о Растопчинѣ понятіе, какъ о фигурѣ въ родѣ Микель-Анджеловскихъ [3]). Естественно, что для нѣмцевъ временъ освобожденія изъ-подъ власти Наполеона Растопчинъ являлся величайшимъ патріотомъ и героемъ въ духѣ древней Греціи или Рима. Въ замѣткахъ извѣстнаго нѣмецкаго патріота Арндта, бывшаго въ Россіи въ 1812 году вмѣстѣ съ барономъ Штейномъ, онъ и представляется такимъ, а пожаръ Москвы величайшимъ патріотическимъ подвигомъ [4]). Эти взгляды перешли и къ нашимъ историкамъ Отечественной войны и сдѣлались общимъ достояніемъ. Что касается до литературной дѣятельности Растопчина и до значенія ея въ исторіи нашего развитія, то, не отнимая у него

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1868 г., стр. 1675.
[2]) Дев. Вѣкъ, II, стр. 114.
[3]) „Рус. Арх.“, 1866 г., стр. 509.
[4]) „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 940.

блестящаго таланта и замѣчательной легкости выраженія, мы далеки отъ того однакожъ, чтобъ приписывать его сочиненіямъ безукоризненно народный характеръ. Сознаніе и въ наукѣ и въ обществѣ растетъ съ годами, и увлеченія прежнихъ сужденій уступаютъ мѣсто взглядамъ болѣе строгимъ и обдуманнымъ. Всѣ произведенія Растопчина имѣли значеніе временное, а слѣдовательно, одностороннее. Видѣть въ нихъ что-нибудь больше—будетъ преувеличеніе. Онъ сдѣлалъ свое дѣло въ свое время, но не былъ народнымъ писателемъ, потому что не любилъ народа, не уважалъ ни его ума, ни сердца, а смотрѣлъ на народъ, какъ на грубую и темную массу, съ которою можно поступать деспотически и произвольно. Растопчина выдвинули впередъ обстоятельства; вмѣстѣ съ ними онъ сошелъ съ исторической сцены.

Та же знаменательная эпоха 12 года выдвинула на новый родъ дѣятельности и Шишкова. И онъ, подобно Растопчину, да и вообще большинству своихъ современниковъ, страдалъ служебнымъ честолюбіемъ. Его огорчало удаленіе отъ государя, которому нужны были новые люди съ новымъ взглядомъ на вещи. Его мѣсто заступилъ молодой, чрезвычайно образованный, либеральный и лично любимый Александромъ—Чичаговъ, которому потомъ пришлось въ 12 году сыграть довольно двусмысленную и до сихъ поръ не вполнѣ выясненную роль при извѣстной переправѣ Наполеона чрезъ Березину, за что тяжко обрушилось на него тогдашнее общественное мнѣніе Россіи. И Чичаговъ и Шишковъ не терпѣли другъ друга и недовольный Шишковъ весь отдался своимъ полемическимъ трудамъ, *корнерытію*, какъ называли тогда, и борьбѣ противъ новаго слога, въ которомъ онъ видѣлъ развращеніе вѣка. Мы видѣли, какой дѣльный и рѣзкій отпоръ получилъ онъ отъ карамзинистовъ, которые потрудились отвѣчать на каждое изъ полемическихъ сочиненій Шишкова. Но его преслѣдовала и въ другомъ мѣстѣ неудача, гдѣ онъ, повидимому, не могъ бы ожидать ее. Въ качествѣ члена Россійской Академіи, въ которой засѣдали всѣ старики тогдашней литературы, на ряду съ членами высшаго духовнаго сана, Шишковъ въ 1808 году представилъ въ нее для напечатанія „Опытъ славенскаго словаря“, гдѣ ему „вздумалось собирать и толковать не всѣмъ вообще извѣстныя слова, часто весьма сильныя и для высокаго слога необходимо нужныя, но забытыя или незнаемыя, по причинѣ малаго употребленія оныхъ въ просторѣчіи“ [1]). Академія рѣшила напечатать подобный словарь, но послѣ напечатанія нѣсколькихъ листовъ продолженіе было пріостановлено, вслѣдствіе замѣчаній двухъ членовъ—епископовъ, которые,

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870 года, т. II, стр. 1. (Быль, достойная нѣкотораго любопытства).

разбирая нѣкоторыя слова, требовали все сочиненіе подвергнуть особой духовной цензурѣ, несмотря на то, что Академія имѣла право печатать безъ всякой цензуры. Обиженный Шишковъ потребовалъ объясненій и получилъ довольно объемистую тетрадь примѣчаній на свой „Словарь“, которыя онъ, разумѣется, призналъ неосновательными, тѣмъ болѣе, что его заподозривали въ неправославныхъ мнѣніяхъ и въ незнаніи церковно-славянскаго языка. Шишковъ не преминулъ вступить въ рукописную полемику съ двумя духовными сочленами по Академіи, своими критиками, при чемъ „не могъ воздержаться отъ удивленія и печали, видя людей, которые въ почтенномъ архипастырскомъ санѣ, напрягаясь желаніемъ очернить трудъ человѣка, ищущаго принесть пользу языку своему, начинаютъ съ важностью обвинять его“ [1]). Полемика эта не привела ни къ чему и словарь былъ напечатанъ лѣтъ восемь спустя. Изъ нея Шишковъ, въ своемъ увлеченіи, вынесъ только слѣдующее убѣжденіе: „Доселѣ Ѳеофаны, Платоны и другіе наши церковные пастыри, говорили поученія свои языкомъ священныхъ книгъ; свѣтскіе же писатели—Ломоносовы и имъ подобные, почерпали изъ нихъ важность слога и красоту выраженій. Нынѣ, напротивъ, не токмо свѣтскіе журналисты, не читая ничего истинно высокаго и краснорѣчиваго, отстаютъ отъ великолѣпія и силы языка своего, но и духовныя особы въ томъ имъ послѣдуютъ“ [2]). Всю эту полемику Шишковъ подробно записалъ въ своихъ „Домашнихъ запискахъ“ [3]).

Неудачи по службѣ, самолюбіе, немолодыя лѣта и воспитаніе, имъ полученное, сдѣлали его консерваторомъ, врагомъ людей и преобразованій, задуманныхъ въ первую половину царствованія Александра. Мы знаемъ, что подобныхъ ему было много. Онъ отличался, однако, выгодно отъ другихъ своимъ простодушіемъ и искренностью, дѣйствительною любовью къ языку нашихъ богослужебныхъ книгъ, уваженіемъ народныхъ преданій и наивною враждою ко всему чужеземному, въ чемъ видѣлъ, по обыкновенію, развращеніе нравовъ и слѣды ненавистной ему французской революціи. Самодержавію, подобно Державину, онъ былъ преданъ вполнѣ, всею душею и видѣлъ въ немъ единственный якорь спасенія. Въ его сердцѣ самымъ искреннимъ образомъ, хотя и безсознательно, въ неопредѣленномъ видѣ, жила та формула, которую извѣстный министръ, графъ Уваровъ, въ глухую пору нашей внутренней исторіи старался положить въ основу всего народнаго просвѣщенія Россіи: православіе, самодержавіе и на-

---

[1]) Ibidem, стр. 15.
[2]) Ibidem, стр. 25.
[3]) Ibidem, стр. 1—42.

родность. Я говорилъ уже о томъ, какъ, при главномъ участіи Шишкова и Державина, образовалась въ Петербургѣ, по преимуществу изъ старыхъ литераторовъ съ Ломоносовскими преданіями и консервативными убѣжденіями, такъ называемая „Бесѣда любителей россійскаго слова“, какъ противодѣйствіе новому слогу и новому направленію въ словесности. Это литературное общество, котораго торжественныя собранія съ большою внѣшнею помпою происходили въ нарочно для того устроенной залѣ дома Державина и привлекали лицъ вышаго общества, всегда консервативнаго и въ пору старавшагося выказать свой патріотизмъ, было Высочайше утверждено въ началѣ 1811 года. „Бесѣда“ была открыта вступительною рѣчью Шишкова о красотахъ нашихъ стихотворцевъ. Въ декабрѣ этого года, когда отношенія наши къ Наполеону достаточно опредѣлились и когда для многихъ стала ясною неизбѣжность новой и рѣшительной борьбы съ нимъ, Шишковъ читалъ въ „Бесѣдѣ“ свое извѣстное „Разсужденіе о любви къ отечеству“ [1]). Онъ написалъ его ранѣе, но читать долго не рѣшался по политическимъ обстоятельствамъ. Шишковъ самъ объясняетъ, почему онъ не смѣлъ читать своего разсужденія. „Времена казались мнѣ такія, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванствѣ посланника его, Коленкура, а при томъ зная и неблаговоленіе ко мнѣ государя императора, опасался, чтобъ не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе, безъ воли правительства возбуждать гордость народную“ [2]). Слова замѣчательныя! Они показываютъ, какъ принижена мысль у нашихъ писателей, которые не смѣютъ, безъ воли правительства, говорить о народной гордости. Для огражденія себя отъ нападеній Шишковъ потребовалъ, чтобы публичное чтеніе его разсужденія было опредѣлено всѣми отдѣлами „Бесѣды“. Собраніе, въ которомъ читалъ Шишковъ, было очень многочисленно. Все высшее общество столицы и представители духовенства, болѣе 400 человѣкъ, привлеченные содержаніемъ рѣчи и ея отношеніемъ къ времени, собрались сюда. Успѣхъ чтенія былъ чрезвычайный; самъ Шишковъ, какъ онъ передаетъ это въ письмѣ къ своему пріятелю Бардовскому, не ожидалъ ничего подобнаго [3]).

„Тутъ увидѣлъ я, говоритъ онъ, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ“. Слѣдовательно причину успѣха разсужденія Шишкова надобно искать въ обстоятельствахъ времени. Это было полное тор-

---

[1]) Соч. т. IV, стр. 147 сл.
[2]) Записки I, стр. 117—118.
[3]) Ibidem II, стр. 321—322.

жество „Бесѣды“ и ея идей; тогда были лучшіе дни ея, какихъ не случилось уже болѣе пережить ей. Намъ нѣтъ надобности входить въ разборъ этого разсужденія Шишкова, напоминавшаго по своему содержанію такое же разсужденіе Карамзина; это были общія мѣста, проникнутыя, однако, неподдѣльнымъ чувствомъ, что и составляетъ главное достоинство всѣхъ сочиненій Шишкова: тутъ было повтореніе всего того, что Шишковъ прежде высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ въ болѣе общей формѣ и въ извѣстныхъ рамкахъ ораторской рѣчи. Онъ говорилъ о народной гордости и развивалъ тѣ основныя начала, которыя составляютъ народность: языкъ, воспитаніе, вѣра. Но повторяемъ: разсужденію придавали значеніе обстоятельства времени; ихъ величіе, трепетное чувство ожиданія — усиливали впечатлѣніе. Разсужденіе это не прошло даромъ; оно выдвинуло Шишкова на новый родъ государственной и авторской дѣятельности, который доставилъ ему почетную извѣстность въ 12 году и за который Пушкинъ почтилъ Шишкова двумя извѣстными стихами своими. Вскорѣ послѣ паденія Сперанскаго, обязанностью котораго было сочинять всѣ манифесты, выходящіе отъ Высочайшаго имени, императоръ Александръ позвалъ къ себѣ Шишкова, котораго не видалъ лѣтъ десять. Онъ сказалъ Шишкову, что читалъ его „разсужденіе о любви къ отечеству“, что чувства, высказанныя въ немъ, ему нравятся, что онъ можетъ быть полезенъ, и предложилъ ему написать первый манифестъ о рекрутскомъ наборѣ по поводу предстоящей войны съ французами. Манифестъ былъ скоро готовъ, государь остался доволенъ его выраженіями и, несмотря на свое личное чувство нелюбви къ составителю, послѣ нѣкоторыхъ калебаній (выборъ могъ еще остановиться на Карамзинѣ, но вѣроятно, неблагопріятное впечатлѣніе его „записки“ не совсѣмъ еще изгладилось) назначилъ Шишкова государственнымъ секретаремъ и предложилъ ему ѣхать съ собою въ армію. Два года провелъ Шишковъ при особѣ государя, въ сообществѣ Аракчеева и Балашева; эти три новыя приближенныя лица очень не походили на прежнихъ любимцевъ Александра. Обстоятельства времени требовали другихъ, болѣе подходящихъ къ нимъ, людей. Реформаторы не годились.

Съ этого времени, съ самаго начала войны, съ первыхъ неудачъ нашихъ, которыя произвели общій испугъ, и до торжественныхъ извѣщеній объ изгнаніи врага изъ предѣловъ отечества, о нашихъ побѣдахъ на поляхъ Германіи и Франціи, о *вшествіи* въ Парижъ и объ общемъ умиротвореніи народовъ по заключеніи Священнаго Союза, которымъ, казалось тогда, навсегда упрочивались спокойствіе и счастіе государствъ — всѣ манифесты, рескрипты, указы, извѣщенія и проч., касавшіеся великихъ событій исполинской борьбы, писаны

были Шишковымъ. Конечно, не прямо выливались они изъ головы его; большая доля участія въ нихъ принадлежитъ самому императору, который давалъ тонъ и направленіе мысли Шишкова, исправлялъ выраженія, но въ этихъ памятникахъ государственнаго краснорѣчія въ великую эпоху Шишкову открывался полный просторъ всенародно высказывать любимыя свои убѣжденія. Это была самая лучшая пора литературной дѣятельности Шишкова, когда имя его, какъ государственнаго секретаря и автора манифестовъ, сдѣлалось извѣстнымъ всей Россіи. Современники оставили намъ любопытныя воспоминанія о томъ сильномъ впечатлѣніи на умы и сердца, которое производили тогда Шишковскіе манифесты. Почти изъ нихъ только однихъ глухая страна получала понятіе о смыслѣ всего переживаемаго ею. Впервые выступилъ на сцену и забытый народъ въ рѣчахъ царя, впервые пришли на память и историческія воспоминанія. „Мы уже возвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, говорится въ извѣстномъ манифестѣ изъ Полоцка отъ 6 Іюля, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражскихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Русской! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!“ [1]). Мы не знаемъ—Шишкову или Александру принадлежатъ знаменитыя слова рескрипта графу Салтыкову: „Я не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“ [2]). Всѣ нападенія, направленныя противъ французовъ, какъ народа, принадлежатъ, разумѣется, самому Шишкову. „Могъ ли бы онъ (Наполеонъ) духъ ярости и злочестія своего вдохнуть въ милліоны сердецъ, если бы сердца сіи сами собою не были развращены и не дышали злонравіемъ?—говорится въ оффиціальномъ извѣстіи изъ Москвы послѣ бѣгства фран-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXXII, стр 388.

[2]) Ibidem, стр. 354.

цузовъ. „Хотя конечно во всякомъ и благочестивомъ народѣ могутъ быть изверги, однакоже когда сихъ изверговъ, грабителей, зажигателей, убійцъ невинности, оскорбителей человѣчества, поругателей и осквернителей самой святыни появится въ цѣломъ воинствѣ почти всякъ и каждый, то невозможно, чтобъ въ народѣ такой державы были благіе нравы. Человѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и безбожною, она становится таковою мало-по-малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго и долговременно разливающагося яда безвѣрія и развращенія. Сами французскіе писатели изображали нравъ народа своего сліяніемъ тигра съ обезьяною; и когда же не былъ онъ таковъ? Гдѣ, въ какой землѣ весь царскій домъ казненъ на плахѣ? Гдѣ, въ какой землѣ столько поругана была вѣра и самъ Богъ? Гдѣ, въ какой землѣ самыя гнусныя преступленія позволялись обычаями и законами? Взглянемъ на адскія изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудрованія, на распутство жизни, на ужасы революціи, на кровь, пролитую ими въ своей и чужихъ земляхъ: слыхано ли когда, чтобъ столѣтніе старцы и нерожденные еще младенцы осуждались на казнь и мученіе? Гдѣ человѣчество? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло! И посему должны разсуждать, можетъ ли прекращена быть вражда между безбожіемъ и благочестіемъ, между порокомъ и добродѣтелью? Долго мы заблуждались, почитая народъ сей достойнымъ нашей пріязни, содружества и даже подражанія. Мы любовались и прижимали къ груди нашей змѣю, которая, терзая собственную утробу свою, проливала къ намъ ядъ свой, и наконецъ насъ же, за нашу къ ней привязанность и любовь всезлобнымъ жаломъ своимъ уязвляетъ“ [1]). Это были уже личныя увлеченія Шишкова. Онъ какъ бы торжествовалъ, что все имъ прежде высказываемое подтверждалось событіями.

Пожаръ Москвы долженъ открыть намъ глаза, убить нашу подражательность. О своихъ литературныхъ противникахъ онъ говоритъ: „Теперь я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы, и громко имъ сказалъ: вотъ чего вы хотѣли!“ [2]).

---

[1]) Записки А. С. Шишкова, т. I. Приложенія, стр. 441—44.

[2]) Записки II, стр. 327, письмо къ Я. І. Бардовскому отъ 4 мая 1813 г.

ЛЕКЦІЯ III.

Шишковъ за границей. — Отставка. — Положеніе и направленіе общественнаго мнѣнія во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ. — Басни Крылова, какъ отголосокъ патріотическаго настроенія общества. — Зарожденіе мистицизма въ обществѣ.—Манифестъ 1816 года.

Въ своихъ „Запискахъ“ [1]), какъ и въ „Письмахъ къ женѣ во время похода“ [2]) Шишковъ оставилъ подробныя воспоминанія о своемъ пребываніи при лицѣ государя и въ главной квартирѣ, о всѣхъ тѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, по поводу которыхъ были писаны его манифесты. Эти воспоминанія раскрываютъ передъ нами ту же знакомую намъ личность, исполненную оригинальныхъ, преувеличенныхъ, но совершенно искреннихъ чувствъ. Его неподатливая натура была неспособна къ придворной жизни, а потому, несмотря на близость его къ императору Александру, несмотря на частыя свиданія съ нимъ и ежедневный обмѣнъ мыслей, Шишковъ нисколько не выигралъ въ благорасположеніи государя. Очевидно, что Александръ только терпѣлъ его, понуждаемый силою обстоятельствъ, и выслушивалъ славянофильскія, архипатріотическія тирады своего государственнаго секретаря, не убѣждаясь ими. Вліяніе Шишкова выразилось въ убѣжденіи Александра оставить армію, не мѣшать своимъ присутствіемъ распоряженіямъ главнокомандующаго и уѣхать сначала въ Москву, а потомъ въ Петербургъ, но и здѣсь доводы Шишкова были подкрѣплены авторитетомъ Балашева и Аракчеева. Шишковъ, не надѣясь словами убѣдить Александра, рѣшился обратиться къ нему письменно; бумагу эту, подписанную имъ и другими двумя приближенными лицами, хранили въ тайнѣ, но Шишковъ сообщилъ ее потомъ, какъ онъ самъ признается, изъ авторскаго самолюбія, сестрѣ государя — Екатеринѣ Павловнѣ; Александръ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ и оно было причиною еще бо̀льшаго охлажденія къ Шишкову и наконецъ удаленія его отъ должности государственнаго секретаря.

12-й годъ усилилъ въ Шишковѣ тѣ убѣжденія, которыя потомъ развивались въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ славянофиловъ. Бѣдствія того времени онъ приписывалъ несамостоятельности нашей и духу подражанія. Не разъ онъ развивалъ эту любимую свою тему передъ Александромъ. „Государь! не вы тому причиною, говорилъ онъ ему, и едва ли въ царствованіе ваше могли отвратить сіе слишкомъ уси-

[1]) I, стр. 123—309.

[2]) Ibidem, стр. 313—419.

лившееся зло, котораго начало идетъ отъ великаго впрочемъ, но въ семъ случаѣ не предусмотрѣвшаго послѣдствій, прародителя вашего, Петра Перваго. Онъ, вмѣстѣ съ полезными искусствами и науками, допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренные обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка ваша, напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ, но то уже было поздно и требовало немалыхъ и долговременныхъ усилій“ [1]). Шишковъ самъ признается, что подобныя разсужденія весьма не нравились тѣмъ, которые уже заразились новизною, т.-е. стояли за прогрессъ и просвѣщеніе.

Вслѣдъ за бѣгущею арміею Наполеона Александръ поѣхалъ въ Вильно въ сопровожденіи Шишкова, въ декабрѣ 1812 года. Русское войско должно было идти въ Европу. Шишковъ, подобно Кутузову, не желалъ европейскаго похода; онъ ожидалъ, хотя и ошибочно, пораженія, и совѣтовалъ довольствоваться сдѣланными уже успѣхами и изгнаніемъ врага изъ предѣловъ Россіи. Убѣжденія Шишкова не подѣйствовали, и онъ долженъ былъ сопровождать государя при главной квартирѣ. Быстрое путешествіе для больного старика было очень утомительно; ему не разъ случалось отставать, и онъ просился домой, но государь не отпускалъ его. Болѣзнь помѣшала ему быть вслѣдъ за нашими войсками во Франціи и въ ненавистномъ ему Парижѣ. Все это время онъ пробылъ въ Карльсруэ, гдѣ жила у родныхъ и наша императрица Елисавета Алексѣевна. Но онъ слѣдилъ за событіями, радовался окончательному пораженію французовъ на ихъ же почвѣ, съ мистическимъ чувствомъ подбиралъ библейскіе тексты, примѣняя ихъ къ современнымъ событіямъ и, привыкнувъ писать манифесты и воззванія, онъ для собственнаго своего удовольствія, воображая себя, какъ онъ самъ признается весьма наивно, фельдмаршаломъ соединенныхъ армій, сочиняетъ воззваніе къ французскому народу, гдѣ ему достается такъ, какъ не доставалось ни въ одномъ печатномъ манифестѣ, и гдѣ онъ старается вылить все лѣтами накопившееся въ сердцѣ его огорченіе и желчь. Это воззваніе отзывается, по словамъ его, „тѣмъ отвращеніемъ или, лучше сказать, омерзѣніемъ, какое чувствовалъ я всегда ко многимъ издаваемымъ французскими писателями злочестивымъ сочиненіямъ, распространившимъ между ними безвѣріе и безнравственность, за которыми послѣдовали гнусныя, богомерзкія дѣла ихъ“ [2]).

---

[1]) Ibidem, стр. 160—161.
[2]) Ibidem, стр. 269—277.

Изъ заграничныхъ воспоминаній Шишкова любопытны тѣ встрѣчи съ западными славянами, которыя его радовали, какъ филолога, и пребываніе его въ Прагѣ, гдѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ Добровскимъ, съ которымъ потомъ, какъ и съ другими славянскими учеными, велъ дѣятельную переписку въ званіи президента Россійской Академіи. Но вообще Шишковъ тосковалъ за границею и сильно желалъ воротиться домой. Это возвращеніе послѣдовало почти одновременно съ государемъ, въ іюлѣ 1814 года. Нѣсколько манифестовъ и очень важныхъ, особенно тѣхъ, гдѣ, подъ вліяніемъ пережитыхъ событій, высказывалось новое, уже сложившееся воззрѣніе, съ примѣсью мистицизма, развивавшагося въ душѣ Александра, пришлось еще написать Шишкову, но все менѣе и менѣе онъ пользовался расположеніемъ и вскорѣ былъ уволенъ отъ званія государственнаго секретаря. Съ этихъ поръ онъ снова обратился къ литературнымъ трудамъ, которые приняли теперь чисто филологическое направленіе, къ Россійской Академіи, гдѣ онъ дѣятельно предсѣдательствовалъ, и къ „Бесѣдѣ“, которая теперь доживала послѣдніе дни свои, не возбуждая уже никакого участія въ обществѣ и сдѣлавшись постоянною цѣлью насмѣшекъ и юмористическихъ выходокъ болѣе молодого литературнаго общества „Арзамасъ“. Къ сожалѣнію, записки Шишкова прерываются по возвращеніи его въ Петербургъ въ 1814 году и такимъ образомъ теряется возможность уяснить его дальнѣйшія жизненныя отношенія. Въ качествѣ сенатора онъ не разъ еще подавалъ мнѣнія по разнымъ дѣламъ, но мнѣнія эти, выражая собою личный, давно сложившійся и хорошо всѣмъ извѣстный взглядъ стараго адмирала, не представляютъ государственнаго интереса.

Только въ концѣ царствованія Александра, уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, по паденіи мистическаго министерства князя Голицына, Шишковъ снова является государственнымъ человѣкомъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, и оказываетъ свое вліяніе на духовную жизнь страны. Тогда мы встрѣтимся съ нимъ.

Если бы мы захотѣли судить о положеніи общественнаго мнѣнія и о его направленіи по тѣмъ литературнымъ явленіямъ, которыя относятся ко времени послѣдней и рѣшительной борьбы нашей съ Наполеономъ, по газетнымъ извѣстіямъ, по толкамъ немногихъ тогдашнихъ журналовъ, то мы должны были бы положительно сказать, что передъ нами общество, глубоко проникнутое національными стремленіями, сознательно понимающее себя и свои отношенія и ненавидящее подражательность.

Переворотъ въ мнѣніяхъ и въ характерѣ жизни былъ поразительный. Люди становились неузнаваемыми, и современники часто говорятъ, какъ многіе изъ легкомысленныхъ и пустыхъ людей ста-

новились серьезными и мыслящими. Слова патріотизма и самопожертвованія были на устахъ у всѣхъ. Всѣ, казалось, хотѣли быть русскими, никому и ни въ чемъ не подражая, стараясь не говорить по-французски въ высшемъ обществѣ, презирая французскія моды, французскую литературу и т. п. Это направленіе представляется однако ничѣмъ инымъ, какъ скоропреходящимъ порывомъ; люди ходили въ какомъ-то чаду отъ событій; вѣтеръ развѣялъ этотъ чадъ и все стало попрежнему.

Въ эту эпоху, какъ и во всякую другую, когда въ жизни народа по какой-либо причинѣ совершается историческій переломъ, подняты были снова и властью и литературою толки о воспитаніи, такъ какъ оно оказываетъ самое сильное вліяніе на народную жизнь и ея направленіе. Мѣры, принятыя правительствомъ въ первые годы царствованія Александра, оказались недостаточными. За малымъ развитіемъ у насъ науки русскихъ воспитателей не находилось или было чрезвычайно мало, а потому попрежнему воспитателями у насъ были иностранцы; они, какъ люди гораздо болѣе приготовленные къ педагогическому дѣлу, чѣмъ русскіе, заняли даже главныя мѣста во вновь учрежденныхъ училищахъ. Это сознавала сама власть и еще за годъ до войны 12-го года указывала на такое положеніе вещей, какъ на зло.

„Въ отечествѣ нашемъ давно простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое, говоритъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій въ докладѣ своемъ отъ 25 мая 1811 года. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся“ [1]), и министръ указываетъ на средства, которыя могутъ, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить это зло. Если уже правительство сознавало зло и съ своей стороны собиралось бороться съ нимъ, то естественно ожидать, что литература того времени и въ особенности журналы должны были, подъ вліяніемъ усилившагося патріотизма воевать съ этимъ зломъ. Дѣйствительно—нападенія на иностранныхъ воспитателей и въ особенности на французовъ, какъ педагоговъ — составляютъ любимую тему въ тогдашней литературѣ. Ихъ усиливали ненависть къ врагу и факты, которые возмущали тогдашнихъ патріотовъ. Множество

[1]) Полн. Собр Зак., XXXI.

плѣнныхъ французовъ было разослано партіями по всѣмъ русскимъ губерніямъ. Журналы, настроенные на одинъ ладъ, сообщали съ чувствомъ негодованія извѣстія, что эти плѣнные, сосланные французы, скоро сдѣлались любимыми гостями въ дворянскихъ домахъ провинцій, что въ нихъ скоро были забыты недавніе враги, что ихъ берутъ въ учители къ дѣтямъ, что нѣсколько дворянскихъ дѣвицъ вышло замужъ за тѣхъ, на рукахъ которыхъ не успѣла еще обсохнуть кровь ихъ родственниковъ и ближнихъ.

„Вотъ достойная награда родителямъ, говоритъ „Сынъ Отечества“ [1]), столь много пекущимся о томъ только, чтобъ дѣти ихъ болтали по-французски! вотъ плоды воспитанія, введеннаго у насъ въ XVIII столѣтіи, воспитанія, въ которомъ отцы и матери, отрекшись отъ священной обязанности своей, отъ должнаго присмотра за своими дѣтьми, „слѣпо“ ихъ предаютъ въ руки иноплеменныхъ, ибо безъ сего коварнаго условія ни одинъ французскій гувернеръ или гувернантка въ русскій домъ не вступаетъ. Нерѣдко случается, что въ провинціяхъ парижская судомойка становится наставницею молодыхъ благородныхъ дѣвицъ. И чему тутъ удивляться, когда здѣсь, въ столицѣ мы часто видимъ французскую горничную дѣвку, вдругъ возведенную въ почтенное достоинство наставницы“. Почти то же самое говорилось Гнѣдичемъ и Олениным въ рѣчахъ ихъ при открытіи Императорской Публичной Библіотеки. Это были чувства, возбужденныя войною и нашими бѣдствіями. Самое понятіе о французскомъ народѣ измѣнилось. „Нынѣшнее слово „французъ“ есть синонимъ чудовищу, извергу, варвару“ и пр. [2]). Безнравственность Наполеновскихъ солдатъ приписывалась безнравственности ихъ воспитанія; нравственныя основы въ характерѣ французскаго народа, по словамъ нашихъ журналовъ, были разрушены энциклопедистами. Отъ французовъ отнимали всякое гражданское достоинство; ихъ называли подлымъ, низкимъ народомъ, націею комедіантовъ и пр. Все это повторялось безпрерывно и въ стихахъ и въ прозѣ. Патріотическое настроеніе въ литературѣ дошло до крайностей. Нечего и говорить, что, начиная отъ старика Державина, написавшаго свой вялый, длинный, полный старческаго безсилія и мистицизма“ „Гимнъ лироэпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества“ [3]), всѣ и всякія считали обязанностью изъявить свое негодованіе на враговъ отечества и прославить ихъ изгнаніе и наши побѣды. Цѣлый сборникъ

---

[1]) 1813 г., № 26, стр. 301—305.
[2]) Сынъ Отеч., 1812 г., ч. 8, стр. 90.
[3]) Сочиненія Державина, т. III, стр. 137—161.

„Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году“ [1]), свидѣтельствуетъ объ усиліяхъ нашихъ поэтовъ въ этомъ патріотическомъ настроеніи. Не имѣя никакихъ основаній говорить о подобныхъ эфемерныхъ произведеніяхъ, мы упомянемъ здѣсь о литературной дѣятельности Крылова въ этомъ направленіи; онъ стоялъ выше другихъ по таланту, и его басни сдѣлались также отголоскомъ тогдашняго общественнаго мнѣнія.

Крыловъ писалъ свои басни и до 1812 года [2]), но лишь къ этому времени опредѣлился вполнѣ талантъ его, нашедшій самое удобное выраженіе въ баснѣ. Она доставила ему вдругъ громкую извѣстность. На чтеніяхъ „Бесѣды“, членомъ которой онъ состоялъ, каждая новая басня его встрѣчалась общимъ восторгомъ. Тогда же опредѣлилось и служебное положеніе Крылова. Въ 1812 году открылась Имп. Публичная Библіотека и директоръ ея, Оленинъ, большой любитель искусствъ и литературы, пригласилъ въ числѣ другихъ писателей и Крылова на должность библіотекаря. Въ этой должности онъ и оставался лѣтъ 30, до послѣдней отставки своей. Знаменательная эпоха отечественной войны не могла не отразиться въ басняхъ Крылова. Талантъ его былъ весьма чутокъ къ явленіямъ жизни и современности; только надобно разглядѣть эти черты въ басняхъ, гдѣ онѣ скрыты подъ условною формою выраженія. Крыловъ вторилъ общему направленію литературы. Еще гораздо раньше, когда онъ издавалъ сатирическіе журналы, ему не разъ случалось писать статьи противъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ и въ особенности французскимъ. То же самое онъ высказывалъ и въ своихъ комедіяхъ „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“. Послѣ событій 12-го года это направленіе Крылова усилилось. Такова его басня „Червонецъ“, очевидно вызванная современными разсужденіями о необходимости народнаго воспитанія, гдѣ онъ доказываетъ, что

„Просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье“.

Безъ сомнѣнія, Крыловъ имѣлъ въ виду просвѣщеніе, заимствованное у французовъ, модное, гдѣ, по его выраженію, сдирая кору грубости съ людей, можно растерять и добрыя свойства ихъ. Фран-

---

[1]) 2 ч., М., 1814 г.

[2]) Теперь доказано, что первыя басни Крылова помѣщены были въ „Утреннихъ Часахъ“ 1788 года. См. Ѳ. А. Витбергъ. Первыя басни И. А. Крылова. Извѣстія отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. V, 1900 г., кн. 1-ая, стр. 204—259.—*Прим. ред.*

цузскій учитель въ баснѣ „Крестьянинъ и Змѣя“ представленъ въ образѣ змѣи, которая просится у крестьянина въ домъ и, чтобъ не жить безъ дѣла, обѣщается няньчить у него дѣтей. Хоть крестьянинъ и согласенъ, что именно эта змѣя добрая, но

„Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ“.

Крыловъ самъ указываетъ на смыслъ этой басни въ заключительномъ стихѣ:

„Отцы, понятно-ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?“

Подобно многимъ своимъ современникамъ, Крыловъ приписывалъ бѣдствія революціи и слѣдовавшихъ за нею войнъ ученію французскихъ философовъ. Этихъ „мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы“ вооружили народъ противъ божества и приблизили часъ его гибели. Такъ и въ баснѣ „Водолазы“ онъ былъ противъ смѣлости и дерзости ума, бросающагося въ пучину знанія.

„Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,—

говоритъ онъ,—

Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою“.

Въ баснѣ „Бочка“, написанной около того же времени, Крыловъ снова обращается къ отцамъ, представляя имъ примѣръ бочки, навсегда пропитавшейся виннымъ запахомъ: стоитъ только разъ заразиться „вреднымъ ученіемъ“ съ юности и вліяніе его будетъ отзываться во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ. Хотя толкователи Крылова понимаютъ подъ „вредными ученіями“—мистическіе толки, но вѣрнѣе и ближе къ правдѣ будетъ видѣть въ нихъ—французскую философію XVIII вѣка и государственные идеалы революціи, кредитъ которыхъ сильно палъ тогда въ мнѣніи русскаго общества.

За шумомъ событій, сначала столько бѣдственныхъ, а потомъ столько славныхъ для Россіи, за громкими восклицаніями поэтовъ и патріотическими возгласами газетъ трудно, конечно, было разслышать голосъ дѣйствительной жизни; едва ли кому приходила въ голову оборотная сторона дѣла, едва ли кто сомнѣвался во всеобщности и дѣйствительности патріотическаго увлеченія. Газеты, разумѣется, не смѣли указывать на темныя стороны современности; можетъ быть,

даже извѣстія о нихъ не доходили до тогдашнихъ журналистовъ, а въ стихахъ одъ того времени, конечно, ничего подобнаго и предполагать было нельзя. Тѣмъ не менѣе, проявленія высокаго патріотизма стояли, какъ всегда бываетъ въ жизни, рядомъ съ эгоистическими, корыстными разсчетами. Едва ли не на эту сторону тогдашнихъ обстоятельствъ указываетъ басня Крылова „Раздѣлъ“, написанная въ 1812 году и оканчивающаяся слѣдующимъ нравоученіемъ:

„Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей?“

Въ этомъ смыслѣ смотрятъ на басню и толкователи Извѣстно, что въ отечественную войну всѣ бѣдствія, всѣ тягости, все разоренье пали на простой народъ. Ни одно сословіе тогда не принесло столько жертвъ и человѣческими жизнями и достояніемъ, какъ этотъ до того неизвѣстный народъ. Онъ вынесъ на плечахъ свою родину изъ пожара. Много говорятъ о самоотверженіи и жертвахъ дворянства и купечества, но первому легко было быть великодушнымъ, опираясь на крѣпостное право, а купечеству всегда представляется столько средствъ для наживы. Конечно, слѣдующій отзывъ современника о дворянствѣ нашемъ въ то время представляется какъ бы съ умысломъ преувеличеннымъ—въ такой рѣзкой противоположности онъ находится со всѣмъ, что̀ мы привыкли слышать: „Въ годину испытанія, т. е. 12-го года, не покрыло ли оно себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая, какъ и теперь, все, что̀ расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратниковъ и рекрутъ и плѣнныхъ, — несмотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго дѣйствительно не было ни искры, что̀ бы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ исключеніяхъ“... [1]) Вигель тоже приводитъ въ своихъ запискахъ нѣсколько фактовъ подобнаго грабительства, но вообще эта сторона того времени сравнительно мало извѣстна.

Крыловъ въ своихъ басняхъ обрисовывалъ не только общій характеръ времени и идеи, возбужденныя событіями, но самыя эти событія историческія. Такъ басня „Волкъ на̀ псарнѣ“ относится прямо ко времени послѣ Бородинскаго сраженія, когда Наполеонъ старался завязать съ Кутузовымъ переговоры о мирѣ. Въ своемъ ловчемъ этой басни Крыловъ выставилъ Кутузова, въ которомъ онъ всего болѣе, вмѣстѣ со многими современниками, цѣнилъ хитрость. „Ты сѣръ, а

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1867 г., кн 2, стр. 197.

я, пріятель, сѣдъ“—говоритъ этотъ ловчій волку—Наполеону. Кутузовъ вообще былъ любимымъ героемъ Крылова. Извѣстно, что послѣ Бородина и послѣ оставленія Москвы безъ боя непріятелю государь, нѣкоторые изъ его приближенныхъ и даже значительная часть общества стали упрекать Кутузова въ медленности и нерѣшительности. Ропотъ былъ значительный, потому что никто не зналъ Кутузовскаго плана. Крыловъ защищалъ своего героя въ баснѣ „Обозъ“, гдѣ Кутузовъ сравнивается съ добрымъ конемъ, который спокойно, не обращая вниманія на насмѣшки молодой лошади, понесъ подъ гору на крестцѣ свой тяжелый возъ. Планъ Кутузова указывается Крыловымъ въ современной баснѣ „Ворона и Курица“, гдѣ выставленъ голодъ французской арміи:

„Когда Смоленскій князь
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ“—

тогда начались ихъ бѣдствія.

„Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама (ворона) къ нимъ въ супъ попалась“

Къ 12 году также относится Крыловская басня „Щука и Котъ“, поводъ къ которой данъ былъ извѣстною неудачею адмирала Чичагова подъ Березиною, гдѣ онъ долженъ былъ остановить и окончательно истребить бѣгущую армію Наполеона. Эта неудача возбудила сильно противъ Чичагова общественное мнѣніе; всѣ называли его измѣнникомъ, и Крыловъ въ своей баснѣ сдѣлался выразителемъ общественнаго мнѣнія, хотя онъ и не говоритъ въ ней объ измѣнѣ, а приписываетъ неудачу неумѣнью морского генерала распорядиться на сушѣ:

„Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ·
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй.

Въ баснѣ разсказываются даже подробности Чичаговской неудачи. При его отступленіи потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, много экипажей, наши больные и раненые. Когда котъ, наѣвшись пойманной рыбой, пошелъ провѣдать кумушку—Щуку на ея ловлѣ:

„А щука чуть жива лежитъ разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли“.

Въ этомъ случаѣ басня Крылова шла за современными событіями, подобно каррикатурѣ, и дѣлала то же дѣло. Попадаются и другіе намеки въ ней на лица и случаи того времени, но они не такъ важны.

Между тѣмъ счастливый исходъ тяжелой борьбы съ Наполеономъ, истребленіе его арміи въ Россіи, перенесеніе борьбы съ всемірнымъ завоевателемъ сначала въ Германію, а потомъ въ самое сердце Франціи, возбудившей всеобщую ненависть народовъ, успѣхи нашего оружія и оружія союзниковъ, окончательное паденіе Наполеона, взятіе Парижа, возстановленіе на французскомъ престолѣ династіи Бурбоновъ и умиротвореніе Европы, — событія великія и неожиданныя, быстро слѣдовавшія другъ за другомъ, въ которыхъ главное участіе принималъ русскій народъ и въ главѣ его царь, окруженный славою побѣдъ, царь „вождь народовъ“, по единогласному выраженію всѣхъ поэтовъ,—все это, полное восторга и удовлетвореннаго чувства народной гордости, должно было мало-по-малу измѣнить общественное мнѣніе и замѣнить чувства ненависти и раздраженія, возникшія въ волненіяхъ борьбы, другими, болѣе благородными и спокойными. Для большинства этого общества счастливый исходъ исполинской борьбы, послѣ тяжелыхъ потерь и пораженій, отозвавшихся въ цѣлой странѣ, казался какимъ-то чудомъ, ниспосланнымъ свыше; въ величіи событій, въ ихъ роковой послѣдовательности, стали видѣть перстъ Божій, правящій судьбами народовъ и царствъ, волю Провидѣнія, и для многихъ, умственное развитіе которыхъ было не очень сильно, именно теперь начинался періодъ мистической вѣры. Здѣсь надобно искать начала мистицизма и въ государѣ, и въ его приближенныхъ, мистицизма, который сдѣлался даже правительственною системою. Паденіе Наполеона казалось торжествомъ охранительныхъ началъ. Тѣ, для кого ненавистна была революція, а они составляли тогда большинство, думали, что время волненій и бѣдствій кончилось, что революція, со всѣми ея ужасами, прошла и не воротится вновь, что „миръ мирови дарованъ“ и что источникъ этой благодати идетъ изъ нашего отечества, отъ народа, который своею кровью искупилъ свободу и счастіе другихъ народовъ. Онъ, въ сознаніи многихъ, сталъ являться теперь избраннымъ сосудомъ Божіемъ, а царь его — непосредственнымъ исполнителемъ воли Божіей. На той парижской площади, гдѣ было пролито столько крови въ революціонные дни, гдѣ скатилась голова Людовика XVI, въ день Пасхи, по повелѣнію Александра, русское духовенство, окруженное войсками и множествомъ зрителей, служило торжественный молебенъ на языкѣ нашей церкви. Православіе являлось такимъ образомъ носителемъ мира и любви въ самомъ страшномъ мѣстѣ революціи. Было отъ чего приходить въ радостный восторгъ русскимъ. Люди, пережившіе впечатлѣнія того времени, навсегда

сохранили о нихъ воспоминаніе. Но не человѣческое дѣло, не волю и умъ человѣка видѣли въ этихъ событіяхъ современники, а волю Провидѣнія. „Рука Господня, ему единому извѣстными, но явными очамъ смертнаго путями, вела ихъ (событія), сорасполагала, сцѣпляла, устрояла,—говоритъ манифестъ 1816 года [1]),—да исправитъ людскія неустройства, да утѣшитъ колеблющіяся волны умовъ и сердецъ, и да изъ нѣдръ смѣси и боренія изведетъ порядокъ и покой. Богъ сильный низложилъ гордость; Премудрый разогналъ тьму; Источникъ милосердія и благости не допустилъ людямъ во мракѣ страстей своихъ погибнуть". Возвѣщая русскому народу событія съ самаго начала революціи, царскій манифестъ говоритъ: „Да прочтетъ онъ дѣла и судъ Божій; да воспалится къ нему любовію, и вмѣстѣ съ Царемъ своимъ во глубинѣ сердца и души своей воскликнетъ: „Не намъ, не намъ Господи, но имени Твоему;" — слова эти были отчеканены на медали 12-го года.

ЛЕКЦІЯ IV и V.

Жуковскій.—Его первые литературные опыты.—«Сельское кладбище».—Редактированіе «Вѣстника Европы».—«Людмила».

Манифестъ всю исторію времени представляетъ въ мистическихъ образахъ, видитъ въ ней на каждомъ шагу чудеса, непонятныя для обыкновеннаго человѣческаго разсудка. „Начало и причины сей войны, безпрестанно тлѣвшей, многократно вновь и вновь возгаравшейся, потухавшей иногда, но для того токмо, дабы съ повою силою и лютостью воспылать, возвеличиться, усилиться и скоро потомъ изъ величайшей силы упасть, сокрушиться, опять возстать и опять низринуться,— являютъ нѣчто непостижимое и чудесное". Многолѣтняя, только что прекратившаяся война не была простою войною царствъ и народовъ между собою. „Нѣтъ—она есть порожденное злочестіемъ нравственное чудовище, въ отпадшихъ отъ Бога сердцахъ людскихъ угнѣздившееся, млекомъ лжемудрости воспитанное, таинствомъ злоухитренія и лжи облеченное, долго подъ личиною ума и просвѣщенія изъ страны въ страну скитавшееся и медоточными устами въ неопытныя сердца и нравы сѣмена разврата и пагубы сѣявшее". Разсказавъ съ этой точки зрѣнія французскую революцію, возвышеніе Наполеона, его завоеванія и потомъ гибель его въ русскихъ предѣлахъ, манифестъ съ особенною силою останавливается на томъ призваніи, которое выпало на долю рускимъ въ этихъ великихъ событіяхъ, когда

[1]) 1 Янв. 1816 г.

„россійскіе, какъ бы крылатые воины, изъ-подъ стѣнъ Москвы, съ окомъ Провидѣнія на груди и со крестомъ въ сердцѣ, являются подъ стѣнами злочестиваго Парижа... Тамъ—о, чудное зрѣлище!—тамъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изрыгнутое адомъ злочестіе свирѣпствовало и ругалось надъ вѣрою, надъ властью царей, надъ духовенствомъ, надъ добродѣтелью и человѣчествомъ, гдѣ оно воздвигало жертвенникъ и курило фиміамъ злодѣйству, гдѣ несчастный король Людовикъ XVI былъ жертвою буйства и безначалія, гдѣ въ страхъ добронравію и въ ободреніе неистовству повсюду лилась кровь невинности, тамъ, на той самой площади, посреди покрывавшихъ оную въ благоустройствѣ различныхъ державъ войскъ и при стеченіи безчисленнаго множества народа, россійскими священнослужителями, на россійскомъ языкѣ по обрядамъ православной нашей вѣры, приносится торжественное пѣснопѣніе Богу, и тѣ самые, которые оказали себя явными отъ него отступниками, вмѣстѣ съ благочестивыми сынами церкви, преклоняютъ предъ нимъ свои колѣна, во изъявленіе благодарности за посрамленіе дѣлъ ихъ и низверженіе ихъ власти“. Это дѣло кажется выше средствъ и способовъ людскихъ: „Кто человѣкъ, или кто люди могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явенъ ли здѣсь Промыселъ Божій? Ему единому слава!“ „Вѣчная правда Божія допустила возрасти оному (чудовищу), да накажется родъ человѣческій за преступленіе свое, да постраждетъ и научится изъ сего ужаснаго примѣра, что *въ единомъ страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и безопасность людей*“. Что же этотъ манифестъ предоставляетъ народу русскому, котораго, по его же словамъ, „Богъ избралъ совершить великое дѣло“? Молитву и смиреніе. „Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ нимъ сердца свои, дѣла и мысли!..“ Вся сила подвига, весь успѣхъ событій принадлежитъ намъ; „но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ, для совершенія сего нашими руками, далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око“. Отсюда русскому народу необходимо избрать не гордость, а смиреніе; не земной награды слѣдуетъ ждать ему за претерпѣнныя бѣдствія и совершенные подвиги, а небесной. „Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ и что можетъ ему воздать?“ Такимъ образомъ въ манифестѣ этомъ высказывалась не необходимость улучшеній, въ которыхъ нуждалась жизнь народа и которыя, кажется, онъ заслужилъ пролитою кровью и вынесенными бѣдствіями,—они откладывались на неопредѣленное время и туманъ мистицизма, какъ выраженіе власти, сталъ покрывать страну.

Въ самомъ характерѣ Александра, отъ котораго зависѣла судьба нашего отечества, послѣдовала значительная перемѣна, и въ испы-

таніяхъ 12-го года и въ неожиданной славѣ европейскихъ походовъ и всеобщаго умиротворенія надобно искать начала той набожности и того мистицизма, которые наполняли его душу до самой смерти. Столкновеніе идеаловъ его молодости съ тяжелою дѣйствительностью глубоко потрясло его духъ. Всѣ надежды, которыя онъ носилъ въ груди своей при началѣ царствованія, разлетѣлись; планы преобразованій были оставлены; кругомъ его не было прежнихъ людей, любимыхъ сподвижниковъ его; кругомъ его были теперь люди, имъ нелюбимые, которыхъ навязала ему сила обстоятельствъ; кругомъ его была пустыня и, вмѣсто полезной и необходимой для государства внутренней дѣятельности, являлась кипучая и трудная дѣятельность внѣшняя, гдѣ на каждомъ шагу приходилось встрѣчаться съ людскою злобою и эгоистическими стремленіями. Вмѣстѣ съ мистицизмомъ, въ душѣ его развилось глубокое презрѣніе къ людямъ и привязанность къ такимъ личностямъ, которыя вовсе не стоили его довѣрія. Этимъ можно объяснить и деспотизмъ его и вспышки произвола, которыя заставляли забывать первую, гуманную пору его царствованія. Страшное напряженіе во время французскаго нашествія было поводомъ физическаго и духовнаго измѣненія его натуры. Говорятъ, что во время занятія Москвы французами, у него посѣдѣли волосы; онъ быстро сталъ старѣть. Пожару московскому онъ самъ приписывалъ просвѣтленіе души своей. Съ этихъ поръ религіозная пустота, оставленная въ сердцѣ его французскимъ воспитаніемъ, стала наполняться. Въ событіяхъ войны онъ видѣлъ перстъ Божій и освобожденіе Европы сталъ считать своимъ собственнымъ освобожденіемъ [1]). „Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, говорилъ онъ самъ въ 1818 году, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не чувствовалъ“ [2]). Съ этихъ поръ онъ часто искалъ уединенія, часто прибѣгалъ къ чтенію Священнаго Писанія. Въ этой книгѣ онъ находилъ множество намековъ на свою жизнь и на свою судьбу. Когда Шишковъ въ Германіи составилъ для него изъ библейскихъ текстовъ всю исторію современныхъ событій и войны, онъ плакалъ надъ нею, а изъ темныхъ главъ пророка Даніила онъ почерпнулъ первую идею „Священнаго Союза“. Изъ чувства смиренія, изъ убѣжденія, что онъ только слѣпое орудіе Промысла, онъ отказался отъ монумента въ честь его и отъ названія „благословеннаго“, которое поднесъ ему сенатъ Имперіи. Указомъ Синода запрещено было священникамъ говорить въ церквахъ въ словахъ проповѣди похвалы Императору. Но покуда вся эта внутрен-

[1]) Gervinus. Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. II, S. 716—717
[2]) Русск. Арх. 1869 г, стр 75

няя перемѣна въ характерѣ и образѣ мыслей Александра не выходила наружу и не проявлялась въ дѣйствіи. Въ сознаніи русскаго народа и общества, какъ и въ Европѣ, онъ стоялъ на недоступной высотѣ величія, какъ побѣдитель всеобщаго врага, какъ умиротворитель Европы. Въ обществѣ господствовалъ полный энтузіазмъ, жажда жизни и наслажденія, полнота ощущеній и впечатлѣній. Какое-то молодое, свѣжее, беззаботное чувство наполняло сердца всѣхъ, и старыхъ и молодыхъ. Всѣ были довольны временемъ и событіями, не думая о будущемъ и не заглядывая въ него. Никогда прежде Россія, даже въ лучшіе годы Екатерины, не стояла на такой высотѣ въ сознаніи общества какъ своего, такъ и европейскаго. Не было конца восторгамъ и упоенію. Когда Александръ въ іюлѣ 1814 года, покрытый славою, изъ Парижа пріѣхалъ въ Петербургъ, его окружила любовь народная и всеобщій восторгъ. Не было русскаго поэта, который не привѣтствовалъ бы его въ эту пору вполнѣ искренно. „Вы помните, какъ нашъ Агамемномъ—говоритъ Пушкинъ своимъ товарищамъ—въ своей послѣдней Лицейской годовщинѣ

Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался,
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!“ [1])

Казалось, начиналась новая эра русской исторіи: впереди открывалась безконечная будущность развитія, навстрѣчу ему неслись горячія желанія, раскрывались молодыя сердца и никто не могъ ожидать, что эти свѣтлыя надежды смѣнятся, и очень скоро, общимъ недовольствомъ лучшихъ людей времени, и восторгъ замѣнится разочарованіемъ и скукою.

Къ этому времени общественнаго одушевленія и восторга относится громкая извѣстность и слава поэзіи Жуковскаго, человѣка новаго поколѣнія, сочувствующаго новому. Онъ въ стихахъ своихъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ времени и событіямъ, явился выразителемъ того, что чувствовали всѣ; отсюда успѣхъ его и извѣстность. Эти четыре или пять лѣтъ, слѣдующія за отечественною войною, принадлежатъ къ лучшей порѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго. Никогда, ни прежде, ни послѣ, онъ не стоялъ такъ близко къ событіямъ дѣйствительности, какъ въ эту пору. Правда, Жуковскій вообще не былъ поэтомъ дѣйствительности, но замѣчательный талантъ его, удивительная красота выраженія, до которой прежде него никогда не достигалъ русскій стихъ, вся его жизнь и множество произведеній, имъ

[1]) „19 окт 1836 г.“

написанныхъ, выдвигаютъ его впередъ между писателями. Вокругъ него, какъ около центра, сосредоточивается поэтическая и вообще литературная дѣятельность многихъ, съ нимъ вмѣстѣ мы входимъ въ кругъ литературныхъ идей и стремленій, которыя могли существовать при условіяхъ того времени, и знакомимся съ фигурою поэта, какъ она сложилась при этихъ условіяхъ. Его долгая жизнь видѣла разные фазисы и разныя направленія въ нашей исторіи и въ нашемъ общественномъ развитіи. По своему положенію, таланту. по общему уваженію, которымъ вездѣ пользовался Жуковскій, его мнѣнія и убѣжденія должны были имѣть вліяніе. Въ ту пору его жизни, о которой говоримъ мы, когда онъ вдругъ пріобрѣлъ извѣстность и славу, Жуковскій не былъ уже начинающимъ писателемъ, ему уже было тридцать лѣтъ, внутренно онъ развился вполнѣ и писалъ съ опредѣленною цѣлью, совершенно сознавая свой талантъ, свои идеалы и будущія цѣли свои.

Послѣ сочиненія доктора Зейдлица, который зналъ Жуковскаго болѣе сорока лѣтъ, и біографія его и факты литературной дѣятельности, въ связи съ жизнью, достаточно оцѣнены [1]), а довольно значительное собраніе писемъ поэта, къ сожалѣнію, однако, изъ болѣе поздняго времени его жизни, позволяютъ намъ взглянуть и въ интимный міръ души его, познакомиться съ нимъ такимъ, какимъ былъ онъ не въ однихъ стихахъ его, писанныхъ для свѣта. Жуковскій родился 29 января 1783 года; слѣдовательно, по отношенію къ Карамзину, онъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію, которое пережило другія событія и другія впечатлѣнія. Жуковскій былъ побочнымъ сыномъ богатаго Бѣлевскаго помѣщика (Тульской губерніи) Аѳанасія Ивановича Бунина, въ пору рожденія Жуковскаго уже старика. Отъ законной жены своей, которая была жива при рожденіи Жуковскаго, у Бунина было одиннадцать человѣкъ дѣтей и между ними былъ только одинъ сынъ, умершій въ Лейпцигскомъ университетѣ за два года до рожденія Жуковскаго. Матерью Жуковскаго была красивая, плѣнная турчанка, привезенная въ домъ Бунина его крестьянами, бывшими маркитантами въ арміи Румянцева, фамилію же свою Жуковскій получилъ отъ крестнаго отца, бѣднаго кіевскаго дворянина, жившаго въ домѣ Буниныхъ и потомъ законно усыновившаго мальчика. Такое положеніе мальчика, при нашихъ общественныхъ понятіяхъ, должно было довольно грустно отозваться на внутреннемъ настроеніи Жуковскаго, когда онъ выросъ и понялъ себя. Впослѣдствіи онъ жаловался въ дружескомъ письмѣ къ Тургеневу, на „двухъ тѣхъ (т.-е. отца и мать), ко-

[1]) Опубликованные къ 50-лѣтію со дня смерти Жуковскаго матеріалы дали много новаго и вызвали обширное изслѣдованіе академика А. Н. Веселовскаго.—*Прим. ред.*

торые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали“ [1]). Отецъ его умеръ, когда ему было только восемь лѣтъ, а мать, простая и необразованная, хотя и добрая женщина, не могла имѣть никакого вліянія на него. Объ отцѣ Жуковскій никогда не говорилъ. Мальчикъ въ семьѣ, гдѣ были все женщины, скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Старикъ Бунинъ сталъ заботиться о воспитаніи сына, выписалъ для него какого-то нѣмца, но скоро прогналъ его за жестокое обращеніе съ мальчикомъ. Затѣмъ зимою, когда все семейство переселилось въ Тулу, Жуковскаго посылали въ пансіонъ другого нѣмца Роде, но и здѣсь пребываніе его было непродолжительно и едва ли вынесъ онъ оттуда что-нибудь, будучи 8-ми лѣтъ.

Старикъ Бунинъ умеръ въ 1791 году. Онъ не желалъ передать Жуковскому населеннаго имѣнія, но однако позаботился о сынѣ, оставивъ его на попеченіе жены и дочерей, изъ которыхъ каждая должна была изъ приданаго, ей назначеннаго, удѣлить 2.500 р. въ его пользу. По смерти старика, вся семья переѣхала въ Мишенское, куда она переѣзжала обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, по зимамъ возвращаясь въ Тулу. Ученье не могло идти успѣшно при такихъ перерывахъ. Старшія, законныя сестры Жуковскаго давно повыходили замужъ; съ ихъ уже дѣтьми, которыя почти всѣ были дѣвочки, росъ Жуковскій, какъ сверстникъ. Въ домѣ одной изъ старшихъ сестеръ своихъ, Юшковой, у которой было довольно дѣтей и воспитывались племянницы Вельяминовы, поселился въ Тулѣ и Жуковскій. Отсюда сталъ онъ ходить въ народное училище, но и тутъ ученье шло плохо и неудачно; главный учитель Покровскій принужденъ былъ уволить Жуковскаго „за неспособность“. Пришлось ограничиться домашними средствами воспитанія, и прибѣгнуть къ иностраннымъ гувернанткамъ, которыхъ было много, но онѣ не отличались должными качествами. Надобно замѣтить, однако, что домъ Юшковыхъ былъ весьма образованный домъ по тому времени въ Тулѣ. Сама Варвара Аѳанасьевна Юшкова, хозяйка дома, читала много, любила музыку и литературу. Она устраивала у себя музыкальные и литературные вечера, на которые собирался весь городъ и гдѣ читались всѣ новыя русскія произведенія. Юшкова управляла даже тульскимъ театромъ, куда вся семья, разумѣется, ѣздила часто. Въ этой семьѣ, посреди такихъ вліяній духовныхъ, могли развернуться первые литературные вкусы и наклонности Жуковскаго. Двѣ сверстницы — племянницы Жуковскаго, дочери Юшковой: Зонтагъ и Елагина, потомъ тоже выступали въ литературѣ. На 12-мъ году, при такихъ вліяніяхъ, Жуковскій написалъ трагедію, которая и была разыграна съ успѣхомъ его моло-

[1]) „Русск. Арх.“, 1867 г., стр. 794.

денькими соученицами. Онъ началъ писать въ томъ родѣ, который былъ чуждъ его таланту. Біографъ разсказываетъ [1]), что вторая его рукописная трагедія, также разыгранная домашними, потерпѣла полную неудачу и съ тѣхъ поръ Жуковскій не писалъ трагедій.

Таковы были первыя литературныя попытки Жуковскаго въ семействѣ его старшей сестры и крестной матери Юшковой. На его долю выпало семейное воспитаніе, со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ былъ женщинами и выросъ на ихъ рукахъ. Отсюда въ его характерѣ замѣчаются много чисто женскихъ сторонъ, которыя невозможны въ публичной школѣ, посреди мальчиковъ. Робость, застѣнчивость, привычка къ мягкимъ, женскимъ формамъ обращенія, рано развили въ немъ какую-то мечтательность и нѣжность характера, которыя отличали его въ жизни и сдѣлались существенными чертами и его поэзіи. Біографъ говоритъ [2]), что уже здѣсь, въ этомъ семейномъ кружкѣ, Жуковскій привыкъ отдавать на судъ близкихъ ему людей первыя свои произведенія, и это сдѣлалось потомъ его потребностью. Впослѣдствіи свои стихотворенія онъ любилъ подвергать обсужденію друзей молодости: Тургенева, Блудова, Дашкова, Вяземскаго, Батюшкова и др. Что касается положительныхъ свѣдѣній, которыя онъ могъ вынести изъ этого семейнаго воспитанія, то едва ли они были значительны и имѣли какой-либо порядокъ и систему. Одно только можно сказать вѣрное: Жуковскій познакомился хорошо съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, которыми преимущественно ограничивался кругъ стараго дворянскаго образованія, и полюбилъ чтеніе. Все это имѣло значеніе для дальнѣйшаго его развитія и направленія.

Между тѣмъ года уходили. Жуковскій дошелъ уже до того возраста, когда надобно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ его и когда оставаться ему одному посреди дѣвочекъ въ семьѣ было уже не совсѣмъ ловко. Сначала, по старинному обычаю, думали было его опредѣлить въ службу. Одинъ знакомый семейства Юшковыхъ повезъ было его въ полкъ, расположенный въ Финляндіи, но вернулся съ нимъ обратно. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла запрещено было принимать въ военную службу малолѣтнихъ. Тогда рѣшено было везти Жуковскаго въ Москву и старуха Бунина въ началѣ 1797 года помѣстила его въ благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ, гдѣ онъ оставался три года. Это было почти закрытое заведеніе, но находившееся въ связи съ университетомъ и отъ него зависѣвшее. Оно было учреждено собственно для дѣтей дво-

[1]) Зейдлицъ. Изд. 1883 г, стр. 15.
[2]) Ibidem, стр. 15—16.

рянскихъ и долго пользовалось большою извѣстностью, въ особенности за то, что ученики его получали свѣтское, чуждое педантизма воспитаніе, но такъ какъ преподаватели въ пансіонѣ были тѣ же, что и въ университетѣ, то и учебная сторона не отставала, разумѣется, сообразно съ временемъ.

Главные предметы преподаванія, впрочемъ, заключались въ словесности, т.-е. въ упражненіи воспитанниковъ въ сочиненіяхъ, въ стихахъ и прозѣ, и въ изученіи иностранныхъ, то-есть живыхъ языковъ, безъ которыхъ немыслимъ былъ образованный человѣкъ тогдашняго общества, такъ какъ при бѣдности нашей науки и литературы, дальнѣйшее развитіе могло происходить только съ помощью чужого языка. Литературныя упражненія составляли главное. Преподавателями словесности въ пансіонѣ были два профессора: Сохацкій и Подшиваловъ, большіе, разумѣется, поклонники литературнаго таланта и направленія Карамзина, которому все стремилось подражать тогда, считая каждую строчку его образцовою. Сохацкій и Подшиваловъ вмѣстѣ были издатели литературныхъ журналовъ: „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ [1]) и „Иппокрена или утѣхи любословія“ [2]), въ которыхъ помѣщались статейки воспитанниковъ пансіона, конечно, исправленныя учителями, и гдѣ напечатаны также и первые опыты въ стихахъ и прозѣ Жуковскаго. Въ то время литературныя требованія были не велики, писателемъ сдѣлаться было легко, и вотъ причина, почему многіе изъ замѣчательныхъ впослѣдствіи государственныхъ людей нашихъ, воспитывавшихся въ этомъ пансіонѣ, начинали съ литературныхъ трудовъ, которые потомъ постепенно оставляли, по мѣрѣ успѣховъ въ служебномъ поприщѣ. Изъ такихъ людей товарищами Жуковскому по пансіону были два брата Тургеневы, Андрей и Александръ, изъ которыхъ первый умеръ очень рано, Блудовъ, Дашковъ, Уваровъ, послѣдніе три—министры при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Эти люди остались навсегда самыми близкими друзьями Жуковскаго, который умѣлъ какъ-то пріобрѣтать и поддерживать дружбу. Особенно былъ онъ друженъ съ дѣтьми И. П. Тургенева, замѣчательнаго человѣка предшествовавшей эпохи, одного изъ основателей „дружескаго ученаго общества“ и „типографической компаніи“, друга Новикова, человѣка, которому многимъ былъ обязанъ и Карамзинъ. Съ воцареніемъ Павла Тургеневъ сдѣланъ былъ директоромъ университета; Юшковы и Бунины были близки съ его семействомъ и въ его домѣ молодой Жуковскій имѣлъ случай встрѣчать тѣхъ представителей литературы, которымъ онъ издали поклонялся и которымъ

---

[1]) 20 частей. М. 1794—1798 г.

[2]) 11 частей. М. 1799—1801 г

подражалъ въ первыхъ своихъ деревенскихъ и пансіонскихъ опытахъ — Карамзина и Дмитріева. Старикъ Тургеневъ, сыновья котораго сдѣлались друзьями его, остался навсегда въ его воспоминаніяхъ личностью чрезвычайно привлекательною и симпатичною:

„Бывало онъ (Андрей) съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась;
Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась..
О, нѣтъ! Онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ—его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не розницъ съ сыновьями“ [1]).

Съ сыномъ его, Александромъ, Жуковскій велъ до конца жизни самую интимную, сердечную переписку.

Первые литературные опыты Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ, помѣщенные въ журналахъ Сохацкаго и Подшивалова, несмотря на свою юношескую слабость, сентиментальное направленіе, въ которомъ онъ видимо подражалъ Карамзину, любопытны однакожъ въ томъ отношеніи, что выборъ предметовъ въ нихъ имѣетъ общее соотвѣтствіе съ тѣмъ, что было имъ написано потомъ.

Общій тонъ направленія сказывался и здѣсь. Для насъ страннымъ кажется это болѣзненное направленіе, эта тоска не по жизни и ея наслажденіямъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а по смерти, это недовольство жизнью въ молодомъ человѣкѣ, которому едва минуло 16 лѣтъ:

„Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ“ [2])

Смерть, кладбище, могилы, надгробные памятники,—вотъ предметы, на которыхъ съ какою-то любовью останавливается воображеніе молодого поэта. То же самое можно сказать и о прозаическихъ статьяхъ Жуковскаго въ лирическомъ тонѣ, безъ сомнѣнія — переводахъ нѣмецкихъ или французскихъ стихотвореній. Первое прозаическое сочиненіе Жуковскаго озаглавлено „Мысли при гробницѣ“ (1797 г.). Конечно, страннымъ должно было казаться такое направленіе и такіе темы стихотвореній въ молодомъ поэтѣ и пришлось бы

[1]) „А. И Тургеневу въ отвѣтъ на его письмо“
[2]) „Майское утро“.

искать источникъ этого въ жизни его, еслибъ мы не знали, что тогда господствовало сентиментальное направленіе, что предметы такого рода были тогда въ модѣ, и что избѣгнуть подражательности Жуковскому было нельзя. Что онъ началъ подражаніемъ, это доказываетъ и его стихотвореніе „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“ (1799), написанное по поводу побѣдъ Суворова въ Италіи.

Все оно проникнуто духомъ Державина и Дмитріева, ихъ образами и выраженіями. Достаточно одной строфы:

„На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ
Златый шеломъ, огнепернатый
Блистаетъ на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осѣняетъ
Ея высокое чело,
Лежитъ на шуйцѣ
Щитъ алмазный;
Расширивши крилѣ свои,
У ногъ ея орелъ полночный
Почіетъ—громъ его молчитъ“.

Эти подражательные опыты, которые самъ Жуковскій считалъ недостойными перепечатки въ собраніяхъ своихъ стихотвореній, даже значительность числа ихъ показываетъ, что онъ полюбилъ занятія литературою; вскорѣ, въ противоположность всѣмъ своимъ товарищамъ, онъ сталъ считать ихъ главнымъ призваніемъ своей жизни, источникомъ средствъ для существованія. Еще въ пансіонѣ, какъ это было въ ту пору въ обычаѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, Жуковскій образовалъ изъ товарищей литературное общество и составилъ его уставъ. Кончивъ курсъ въ 1801 году, онъ тогда же поступилъ на службу въ Московскую соляную контору, но службою онъ жертвовалъ литературѣ. Общество, имъ основанное, увеличилось числомъ членовъ, его собранія сдѣлались чаще. Въ немъ, кромѣ Жуковскаго и Тургеневыхъ, участвовалъ впослѣдствіи столь извѣстный профессоръ словесности московскаго университета Мерзляковъ и др.

Извѣстные писатели, конечно, не бывали въ немъ, но Жуковскій посѣщалъ ихъ кружокъ, и Карамзинъ такъ полюбилъ его, что по смерти первой жены своей пригласилъ его къ себѣ и жилъ съ нимъ цѣлое лѣто на дачѣ.

Служба, какъ видно, не давала Жуковскому достаточнаго содержанія; родные тоже присылали ему мало и тогда онъ принялся за переводы для книгопродавцевъ. Первымъ такимъ переводомъ былъ

романъ Коцебу „Мальчикъ у ручья“ [1]), а за нимъ послѣдовали и другіе, изъ которыхъ въ особенности замѣчателенъ по языку переводъ Донъ-Кихота (1802—1804) съ французскаго перевода Флоріана. Въ стихахъ переводилъ онъ тогда не однѣ элегіи, а и басни изъ Лафонтена и Флоріана, писалъ эпиграммы, но ни тѣмъ, ни другимъ недостаетъ главныхъ свойствъ, составляющихъ ихъ принадлежность: легкости разсказа, ироніи, насмѣшливости. Все это было чуждо таланту Жуковскаго и надобно отдать справедливость его художественному такту, что онъ не перепечатывалъ такихъ произведеній. Только для одной пьесы не въ элегическомъ родѣ Жуковскій сдѣлалъ исключеніе. Это была „Пѣснь надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей“, написанная въ 1806 году въ пору пробужденія въ нашей литературѣ патріотическаго направленія. Ее Жуковскій считалъ достойною перепечатки, слѣдовательно придавалъ ей цѣну, вѣроятно потому, что она была одинаковаго содержанія съ „Пѣвцомъ въ станѣ“, доставившимъ ему такую славу. Въ „Пѣснѣ барда“ Жуковскій въ первый разъ становился ближе къ дѣйствительности; пьеса написана подъ впечатлѣніями Аустерлица; содержаніе ея говоритъ о мести за пораженіе, но какъ далека эта пьеса отъ настоящей исторической дѣйствительности, которую поэтъ, повидимому, вовсе не понималъ. Сцена дѣйствія, образы, обстановка—все заимствовано у Оссіана. Русскіе солдаты сражаются мечами, умираютъ на щитахъ, на головахъ ихъ шлемы и т. п. Все стихотвореніе отличается высокопарностью и надутостью и Державинъ легко бы могъ подписаться подъ нимъ, но Жуковскій и сюда внесъ свою элегическую струю, которая еще дальше отводитъ отъ дѣйствительности. На могилу воина приходитъ „краса славянскихъ дѣвъ“ и въ ея душѣ воскресаютъ воспоминанья

„О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой“.

Служба Жуковскаго въ соляной конторѣ, надъ которою онъ потомъ смѣялся, продолжалась недолго. Онъ вышелъ въ отставку въ 1802 году и уѣхалъ на родину, въ село Мишенское, гдѣ жила его мать, гдѣ у него было такъ много родныхъ, куда онъ ѣздилъ изъ Москвы на вакаціи и куда манили его воспоминанія дѣтства. Онъ ѣхалъ въ деревню работать, приготовлять себя къ литературной дѣятельности, развивать себя, образовывать. Онъ увезъ съ собой много книгъ. Здѣсь и въ Бѣлевѣ, гдѣ онъ выстроилъ домъ для своей ма-

[1]) М. 1801 г. 4 части.

тери, онъ прожилъ до 1808 года, здѣсь были написаны его лучшія молодыя стихотворенія, полныя искренняго чувства и любви къ незамысловатой, но дорогой ему по воспоминаніямъ сельской природѣ. Его привязанность къ деревнѣ отзывается искренностью и сердечностью:

„Ты помнишь ли, какъ подъ горою—

пишетъ онъ въ поэтическомъ посланіи къ одной изъ подругъ своего дѣтства—

Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?
Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойный
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройный,
И въ волнѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?“ [1])

Образы сельской природы не разъ встрѣчаются въ стихотвореніяхъ Жуковскаго. Первое произведеніе его, написанное въ деревнѣ и встрѣченное общими похвалами тогдашнихъ писателей, былъ переводъ Греевой элегіи „Сельское кладбище“, напечатанный въ послѣднемъ № „Вѣстника Европы“ за 1802 годъ.

Поэтическіе переводы Жуковскаго, которые составляютъ главное его право на славу, замѣчательны тѣмъ, особенно въ первую и лучшую пору его дѣятельности, что каждая пьеса, имъ переведенная, не была чуждою душѣ поэта, а выражала его внутреннее настроеніе, не говоря уже о томъ, что въ каждую изъ переводныхъ его пьесъ, несмотря на удивительную близость перевода къ подлиннику, онъ всегда вносилъ что-то личное, субъективное, исключительно ему принадлежащее. Такъ и знаменитая элегія англійскаго поэта, написанная въ половинѣ прошлаго вѣка и пользовавшаяся извѣстностью въ европейскихъ литературахъ за новое задушевное, полное меланхоліи чувство, соотвѣтствовала знакомой уже намъ болѣзненности внутренняго настроенія Жуковскаго. Послѣдніе заключительные стихи „Сельскаго Кладбища“ нѣсколько отступаютъ отъ подлинника и выражаютъ личное чувство Жуковскаго, любимые образы его:

„А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой,
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,

[1]) Вольное подражаніе роману Шатобріана. „Combien j'ai douce souvenance“.

Чувствительный придетъ услышать жребій твой.
Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною,
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить;
Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой,
Тамъ часто въ горести безпечной, молчаливой
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой...
Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не усладить"

Біографъ Жуковскаго говоритъ [1]), что въ подобномъ меланхолическомъ настроеніи души Жуковскаго, кромѣ подражанія господствующему тону тогдашней европейской поэзіи, надобно видѣть и слѣды общественнаго положенія Жуковскаго. Несмотря на то, что средства позволяли молодому человѣку жить въ деревнѣ независимо, безъ службы, свободно пользуясь поэтическимъ вдохновеніемъ и работая собственно для себя, для своего внутренняго развитія, несмотря на общую любовь къ нему семьи, особенно между младшими членами ея, все же Жуковскій чувствовалъ себя пріемышемъ въ этой семьѣ, гдѣ бѣдная, простая мать его должна была стоя принимать отъ господъ приказанія. Скоро это грустное чувство усилилось еще несчастною любовью, которая длилась долго и имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу и поэзію Жуковскаго.

Въ исторіи русской поэзіи „Сельское кладбище" очень замѣчательно. Тутъ не было еще того романтизма, о которомъ привыкли говорить, разбирая поэтическія произведенія Жуковскаго; это было выраженіе той же сентиментальности, которую внесъ въ нашу литературу Карамзинъ и которая составляла больную сторону европейскаго общества въ концѣ XVIII вѣка, неудовлетвореннаго въ своемъ духовномъ развитіи лишеніемъ практической дѣятельности. Но „Сельское кладбище" важно для насъ въ томъ отношеніи, что теперь всякій читатель получалъ уже право требовать отъ поэта естественности выраженія, простоты чувствъ и простоты обстановки. Весь ненужный и надоѣвшій всѣмъ аппаратъ миѳологическаго Парнасса долженъ былъ исчезнуть безвозвратно. Помѣщеніе „Сельскаго кладбища" въ „Вѣстникѣ Европы" Карамзинымъ еще болѣе сблизило Жуковскаго съ нимъ, и съ этихъ поръ онъ сдѣлался сотрудникомъ Карамзина и еще больше подчинился его вліянію. Въ 1803 году онъ помѣ-

[1]) Зейдлицъ, изд. 1883 г., стр. 26—27

стилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ прозаическую повѣсть свою „Вадимъ Новгородскій“—подражаніе подобнымъ произведеніямъ французскаго писателя Флоріана или „Маріѣ Посадницѣ“. Еще больше подражанія Карамзину сказалось въ позднѣйшей его повѣсти „Марьина Роща“ (1808 г.).

Меланхолическое настроеніе поэзіи Жуковскаго увеличилось еще болѣе отъ смерти друга его Андрея Тургенева, ровесника ему и товарища по пансіону, неожиданно умершаго на службѣ въ Петербургѣ. Повидимому, ихъ связывала нѣжная, поэтическая дружба, примѣры которой были нерѣдки въ прошломъ вѣкѣ. Впрочемъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ его, Андрей Тургеневъ былъ человѣкъ съ необыкновенными дарованіями и возбуждалъ къ себѣ общее чувство любви. Такъ же сильно, какъ и на Жуковскаго, подѣйствовала смерть Тургенева на Мерзлякова, человѣка четырьмя годами старше его, друга обоихъ. Съ этихъ поръ воспоминанія о потерянномъ другѣ, скорбь о его утратѣ часто встрѣчаются въ стихотвореніяхъ Жуковскаго. Печаль, разочарованіе, мысль о смерти—любимыя его представленія:

„О, дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!
Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зрѣть соединенья?
Ужель изсякнули всѣхъ радостей струи?
О, вы, погибшія наслажденья!...
Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать...
Такъ, пѣть есть мой удѣлъ... но долго-ль? . Какъ узнать?..
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой,
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!“ [1])

Самымъ любопытнымъ произведеніемъ для знакомства съ тою неопредѣленною тоскою, которая наполняла душу Жуковскаго въ это время, является посланіе его „Къ Филалету“ (Тургеневу). Его разочарованіе доходитъ здѣсь до крайняго выраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ стихахъ слышится искренность и задушевность:

„Придешь ли ты назадъ,
О, время прежнее, о, время незабвенно?
Или веселіе навѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ протекшимъ протекло? .

[1]) „Вечеръ“.

Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю;
Конецъ всему—души покой,
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой".

Мысль о смерти—любимая мечта Жуковскаго:

„..кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится,
Унылость тихая въ душѣ моей хранится.
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
Зоветъ меня... зоветъ.. куда зоветъ?. не знаю;
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю,
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влечетъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима—
Повсюду вѣстники могилы предо мной"..

Нельзя не видѣть въ стихахъ этихъ замѣчательнаго таланта, красоты выраженія, какой не было ни у одного изъ живущихъ тогда русскихъ поэтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искренности чувства. Но откуда это больное, неудовлетворенное жизнью чувство? Какимъ образомъ оно могло зародиться въ душѣ молодого человѣка, почти юноши? Такое неестественное направленіе въ Жуковскомъ объясняется между прочимъ господствовавшими въ эту эпоху литературными вкусами, крайнимъ развитіемъ сентиментальнаго направленія, внесеннаго въ нашу литературу предшественникомъ и учителемъ Жуковскаго—Карамзинымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ больной, надорванный сантиментализмъ вытекалъ также изъ воспитанія исключительно литературнаго и лишеннаго всякой реальной основы. Не было и не передавалось никакихъ знаній, кромѣ литературныхъ, и потому у человѣка отнималась всякая возможность жить въ ладу съ дѣйствительностью и имѣть на нее вліяніе. Жуковскій любилъ въ своей жизни повторять фразу, казавшуюся ему аксіомою: „жизнь и поэзія—одно"; фраза вѣрна можетъ быть по отношенію къ личному чувству поэта, но между поэзіею Жуковскаго и русскою жизнью, его окружавшею, не было ничего общаго. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, не могла удовлетворить ни въ какомъ отношеніи сколько-нибудь развитого человѣка; она не давала ничего для развитія; она не допускала даже возможности дѣйствовать въ ней такъ, чтобъ находить въ дѣйствіи удовлетвореніе, не подрывая въ развитомъ человѣкѣ дорогихъ ему убѣжденій. Оттого люди, подобные Жуковскому, т. е. лучшіе люди тогдашняго общества, жили не въ дѣйствительности, а въ мірѣ любимой мечты, въ мірѣ завѣтномъ и доро-

гомъ для нихъ, но мірѣ фантастическомъ, который былъ имъ дороже дѣйствительности. Тутъ-то совершалось саморазвитіе, но не для жизни, а для себя; тутъ-то развивалось то „прекраснодушіе“, которымъ эти люди отличались отъ простыхъ людей времени. О поэзіи, какъ выраженіи дѣйствительности, не могло быть и помину тогда. Отсюда такое сильное вліяніе на талантъ господствовавшаго литературнаго вкуса, отъ котораго онъ никакъ не можетъ освободиться; отсюда недовольство жизнью и разочарованіе, толки о пустотѣ и „грязи дѣйствительности“, повторяемые нѣсколькими поколѣніями нашихъ поэтовъ. Жуковскій ничего не ждетъ отъ жизни:

„Мнѣ ужасовъ могила не являетъ;
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало наслаждался,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ“... [1])

Время отъ 1802 до 1808 года Жуковскій провелъ большею частью въ деревнѣ, уѣзжая оттуда по временамъ въ Москву, гдѣ у него было много друзей и литературныя связи и предпріятія. Около 1805 года у него явилось еще занятіе, которое было ему особенно дорого. Одна изъ сестеръ его, Екатерина Аѳанасьевна Протасова, овдовѣла и, имѣя разстроенное состояніе, поселилась въ Бѣлевѣ, гдѣ и Жуковскій выстроилъ домъ для матери. Съ нею были двѣ дочери: Марья Андреевна—12 лѣтъ и Александра—10 лѣтъ. Жуковскій самъ вызвался быть учителемъ этихъ дѣвочекъ; занятія эти продолжались около трехъ лѣтъ. Планъ образованія, составленный Жуковскимъ, былъ очень широкъ и выполнялся имъ усердно. Жуковскій и своимъ занятіямъ, и своимъ ученицамъ отдался всею душою. Старшая, съ годами, стала для Жуковскаго самымъ дорогимъ существомъ; онъ питалъ къ ней глубокую, продолжительную, но несчастную привязанность, которая, какъ мы уже говорили, имѣла большое вліяніе на его жизнь и придала еще болѣе элегическаго чувства его стихотвореніямъ.

Но покуда литературная дѣятельность побѣдила въ немъ зародившееся чувство. Друзья, въ особенности Мерзляковъ, давно звали его въ Москву на разныя литературныя предпріятія. Вѣроятно, не безъ участія Карамзина, которому былъ дорогъ имъ основанный журналъ, съ 1808 г. Жуковскій сдѣлался редакторомъ

[1]) „Къ Филалету“.

„Вѣстника Европы“ и издавалъ его вмѣстѣ съ Качеѣовскимъ, завѣдывавшимъ политическимъ отдѣломъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Это время было временемъ самой усиленной литературной дѣятельности Жуковскаго. Обязанности редактора были тогда гораздо труднѣе, чѣмъ теперь; ему одному приходилось работать за многихъ. Но и въ журналистикѣ, какъ и въ направленіи своей поэзіи, Жуковскій шелъ только по слѣдамъ Карамзина и считалъ его программу единственно возможною. Конечно, о современномъ намъ, политическомъ значеніи журналистики Жуковскій не имѣлъ тогда понятія. Его задачею было доставить своимъ подписчикамъ запасъ пріятнаго и полезнаго чтенія. Программа Жуковскаго высказывается имъ довольно опредѣлительно въ вступительной статьѣ журнала [1]) „Письмо изъ уѣзда къ издателю“, гдѣ заключено то же, что̀ говорилъ и Карамзинъ при началѣ своего журнала. Значеніе журнала—образовательное для публики. „Существенная польза журнала,—не говоря уже о пріятности минутнаго занятія,—состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса, и—главное—приманкою новости, разнообразія, легкости, нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать, и читать съ цѣлью, съ выборомъ, для пользы“. „Обязанность журналиста: подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное“. Главное содержаніе журнала должно заключаться въ словесныхъ произведеніяхъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ. Въ этомъ сказывается и вкусъ тогдашней публики и то исключительно литературное направленіе, которое получилъ Жуковскій при своемъ образованіи. Политическій и критическій отдѣлы, самые существенные въ современномъ журналѣ, являлись у Жуковскаго чѣмъ-то почти ненужнымъ. „Политика въ такой землѣ, говоритъ онъ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ; она питаетъ одно любопытство“. Жуковскій хочетъ поэтому сообщать въ журналѣ только о самыхъ важныхъ и о самыхъ новыхъ случаяхъ міра. Какъ политику, такъ и критику Жуковскій считаетъ почти безполезною для своего журнала. „Критика, но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика?—спрашиваетъ онъ. Что̀ прикажете критиковать? посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатства; а мы еще не Крезы въ литературѣ! Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое бы требовало вѣр-

[1]) Вѣстн. Евр. 1808 г. № 1.

наго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая — ничто безъ образцовъ". Критикѣ предоставляется только право „обращать вниманіе читателя на нѣкоторыя новыя, замѣчательныя—и потому самому рѣдкія явленія словесности". Что касается до произведеній современной русской литературы, то въ этомъ письмѣ высказывается полное сочувствіе къ представителю тогдашняго патріотическаго направленія—Растопчину; монологи старика Силы Андреевича Богатырева письмо желало бы видѣть въ журналѣ.

Узкіе идеалы Карамзина, его взгляды на просвѣщеніе, на значеніе писателя и его отношеніе къ обществу повторяются и Жуковскимъ. Значеніе просвѣщенія и дѣйствіе его онъ видитъ не въ массѣ цѣлаго развивающагося народа, у котораго совершенствуется матеріальная и духовная сторона быта, а въ семействѣ. Когда разольется вездѣ просвѣщеніе, „тогда увидите людей менѣе разсѣянныхъ въ шумномъ, обширномъ кругу свѣта, всему предпочитающихъ мирный и тѣсный кругъ семейства" [1]). Семейное счастіе, о которомъ часто и много говорилъ Жуковскій, было для него выше всякаго другого. Въ статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ" [2]) добрымъ и счастливымъ человѣкомъ рисуется только тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью. Все счастіе только въ семействѣ, оно выше счастія человѣка-гражданина. Въ семьѣ только совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги и просвѣщеніе должно работать для семьи же. Эти мысли, очевидно, развитыя воспитаніемъ въ школѣ Карамзина, составили неизмѣняемый кодексъ мнѣнія Жуковскаго, повторялись имъ всегда. Это программа для всей жизни, для каждаго.

Но въ біографическомъ отношеніи любопытно, что мечта о семейномъ счастіи сдѣлалась самою дорогою личною мечтою Жуковскаго: онъ сталъ повторять ее съ этого времени очень часто и въ стихахъ и въ прозѣ: его ученицѣ-племянницѣ Протасовой минуло 15 лѣтъ, и онъ уѣхалъ въ Москву чтобъ составить себѣ прочное литературное положеніе съ мечтою о семейномъ счастіи именно съ нею. Разсуждая о томъ положеніи, которое имѣетъ въ обществѣ писатель, въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, говоря, что писатель не можетъ играть дѣятельной роли въ большомъ свѣтѣ, ни по своимъ занятіямъ, ни по ограниченному состоянію своему, и не жалѣя о томъ, Жуковскій развиваетъ слѣдующее мнѣніе: „Для писателя, болѣе нежели для когонибудь, необходимы семейственныя связи; привязанный къ одному

[1]) Письмо изъ уѣзда къ издателю „Вѣстника Европы"
[2]) Вѣстн. Евр. 1808 г. № 12.

мѣсту своими упражненіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой; въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любезныхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; *не имѣя вдали ничего достойнаго искания*, онъ долженъ вблизи, около себя, соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца; вселенная со всѣми ея радостями должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ". Такимъ образомъ Жуковскій свои личныя надежды и стремленія возводилъ въ общее правило для всѣхъ писателей.

Какъ журналистъ и издатель, Жуковскій былъ очень дѣятеленъ. Почти вся работа журнала въ первый годъ лежала на немъ одномъ; только на слѣдующій 1809 годъ онъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудники профессора Каченовскаго, имя котораго въ 1810 году стоитъ на заглавномъ листѣ журнала въ качествѣ соредактора и ему же съ 1811 года Жуковскій передалъ уже все изданіе. Статей въ разномъ родѣ, написанныхъ Жуковскимъ, было довольно. Несмотря на то, что въ программѣ журнала, высказанной въ „Письмѣ изъ уѣзда", критикѣ отдавалось мало мѣста, Жуковскій, подобно Карамзину, писалъ критическія статьи въ томъ же духѣ и направленіи, съ тою же эстетическою осторожностью. О критикѣ онъ имѣлъ тогдашнее современное понятіе. „Критика, говорилъ онъ, есть сужденіе, *основанное на правилахъ образованнаго вкуса*, безпристрастное и свободное" [1]). Польза критики „состоитъ въ распространеніи вкуса". Вкусъ этотъ есть „чувство и знаніе красоты въ произведеніяхъ искусства, имѣющаго цѣлью подражаніе природѣ нравственной и физической". Распространяя истинныя понятія вкуса, критика „образуетъ въ то же время и самое моральное чувство". Такая именно критика, называемая эстетическою, была въ ходу тогда. Съ этой точки зрѣнія написаны были Жуковскимъ три статьи критическія: „О баснѣ и басняхъ Крылова" (1809 г.), „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира" (1809 годъ) и разборъ трагедіи Кребильона „Радамистъ и Зенобія", переведенной Висковатовымъ (1810). Что касается до первыхъ двухъ, то онѣ даютъ ясное понятіе о томъ, какъ нужно было писать критику въ то время. Методъ, употребленный Жуковскимъ, господствовалъ очень долго. Онъ начинаетъ съ теоріи, т.-е. сначала излагаетъ тѣ теоретическія требованія, которыя обыкновенно дѣлаютъ извѣстному роду произведеній, затѣмъ показываетъ исторически образцовыя произведенія въ томъ же родѣ и наконецъ

[1]) „О критикѣ".

уже сравниваетъ съ ними разбираемое имъ произведеніе. О томъ, что теперь называется историческою критикою, Жуковскій не имѣлъ понятія, но онъ хорошо былъ знакомъ съ современными эстетическими теоріями. Въ исторіи нашей критики онъ занимаетъ довольно видное мѣсто; онъ первый старался утвердить ее на точныхъ, научныхъ началахъ.

Уже въ то время имя Жуковскаго пользовалось извѣстностью, какъ превосходнаго переводчика чужихъ поэтическихъ произведеніи. Оригинальнаго у него очень немного и въ исторіи нашего литературнаго развитія Жуковскій занимаетъ почетное мѣсто именно какъ поэтъ-переводчикъ за то, что онъ познакомилъ насъ со многими великими созданіями всемірной литературы. Поэтому намъ любопытно будетъ познакомиться съ тѣми мнѣніями, которыя Жуковскій высказывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ объ этомъ призваніи своемъ. „Переводчикъ стихотворца, говоритъ онъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ творецъ оригинальный“. Конечно, творецъ стоитъ выше, потому что ему принадлежитъ идея, планъ созданія, но „переводчикъ остается творцемъ выраженія, ибо для выраженія имѣетъ онъ уже собственные матеріалы, которыми пользоваться долженъ самъ, безъ всякаго руководства и безъ всякаго пособія посторонняго“. Выраженія оригинальнаго автора онъ долженъ сотворить. „А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда наполнившись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія; когда руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія“ [1]), это уже сама по себѣ есть творческая способность. Переводчика въ стихахъ Жуковскій ставитъ гораздо выше переводчика въ прозѣ.

„Не опасаясь никакого возраженія, говоритъ онъ, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не писалъ ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ; переводчикъ *въ стихахъ*—соперникъ... Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ *у себя въ воображеніи;* поэтъ-подражатель въ такой же степени воспламеняется образцомъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго: слѣдственно переводчикъ, уступая образцу своему пальму первенства, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ... Находитъ у себя въ во-

[1]) Разборъ траг Кребильона „Радамистъ и Зенобія“, переведенной Висковатовымъ

ображеніи такія красоты, которыя бы могли служить *за нѣчто*, слѣдовательно производить *собственное*, равно и превосходное: не значитъ ли это быть творцомъ?“ [1]). Такъ смотрѣлъ въ то время, да вѣроятно и послѣ Жуковскій на главное содержаніе своей поэтической дѣятельности. Но это требованіе самостоятельности и нѣкотораго рода творчества отъ переводчика въ стихахъ, чѣмъ Жуковскій хотѣлъ какъ бы поднять свое призваніе, по отношенію къ его собственнымъ переводамъ имѣло и свои невыгодныя стороны. Извѣстно, что Жуковскій, по крайней мѣрѣ въ пору своей молодой и лучшей дѣятельности, бралъ для перевода изъ европейскихъ литературъ такія произведенія, которыя отвѣчали всего болѣе его личнымъ вкусамъ, его направленію и сентиментальнымъ наклонностямъ, въ которыхъ онъ воспитался. Отъ этого все переведенное Жуковскимъ носитъ на себѣ печать его собственныхъ взглядовъ и убѣжденій и скорѣе выражаетъ его самого, его личное чувство, чѣмъ сущность и духъ чужихъ произведеній. Нѣкоторые изъ нихъ онъ передѣлывалъ по-своему до неузнаваемости. Нѣсколько поэтическихъ произведеній, большею частью переводныхъ, напечатанныхъ имъ въ „Вѣстникѣ Европы“, отличаются общимъ тономъ элегіи, въ которомъ попрежнему слышится скорбь о минувшемъ, жалобы на утраченное счастье любви и желаніе смерти...

Самымъ любопытнымъ поэтическимъ произведеніемъ Жуковскаго во время редактированія имъ „Вѣстника Европы“ былъ не переводъ, а скорѣе передѣлка баллады Бюргера „Ленора“, которую Жуковскій назвалъ „Людмила“—русская баллада [2]). Этимъ произведеніемъ, которое имѣло чрезвычайный успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ, открывается въ нашей поэзіи новый и неизвѣстный до тѣхъ поръ рядъ явленій, называемыхъ балладами, за которыя самъ Жуковскій въ литературныхъ кружкахъ и въ критикѣ получилъ названіе „балладника“. Впечатлѣніе этой знаменитой „Людмилы“ на читающую публику равнялось впечатлѣнію „Бѣдной Лизы“—Карамзина. Восторгамъ и подражанію не было конца. Особенное значеніе балладѣ придавало нѣкоторое отношеніе къ современности; она переносила читателя на поля тогдашнихъ сраженій и выражала сердечныя утраты, которыхъ было немало. Съ нею вторгался въ русскую литературу новый незнакомый ей прежде міръ, міръ балладъ, міръ мертвецовъ, видѣній, фантастическихъ чудесъ, міръ соприкосновенія жизни дѣйствительной съ загробною, то, однимъ словомъ, что Жуковскій называлъ романтизмомъ. Остановимся на этомъ понятіи.

---

[1]) О баснѣ и басняхъ Крылова

[2]) „Вѣстн Евр,“, 1808 г., № 9

ЛЕКЦІЯ VI и VII.

Романтизмъ на западѣ и романтизмъ Жуковскаго — «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». — «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» — Отношенія Жуковскаго къ Протасовой —«Долбинскія» стихотворенія.—Посланіе къ имп Александру.

Съ передѣлкою нѣмецкой Леноры поэта Бюргера въ русскую „Людмилу“, которая такъ понравилась тогдашнему обществу, въ русской литературѣ въ первый разъ появляется то направленіе, которое извѣстно у насъ во всѣхъ учебникахъ подъ названіемъ *романтизма.* Это движеніе, вступивъ въ ожесточенную борьбу съ господствовавшимъ прежде классицизмомъ, вытѣснило его и овладѣло полемъ. Вводителемъ этого новаго направленія у насъ называютъ обыкновенно Жуковскаго и съ него начинается исторія нашего романтизма, процвѣтавшаго главнымъ образомъ въ двадцатые и тридцатые годы. Самъ Жуковскій признаетъ это: „я во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“—пишетъ онъ къ Стурдзѣ [1]). Говорить о романтизмѣ и соединять съ этимъ понятіемъ имя Жуковскаго, мы давно привыкли, особенно со времени критики Бѣлинскаго. Это былъ любимый терминъ его, хотя онъ далъ самое неопредѣленное понятіе о романтизмѣ, слишкомъ узкое съ одной и слишкомъ широкое съ другой стороны.

Нѣтъ ничего неопредѣленнѣе и туманнѣе того понятія о литературномъ движеніи, извѣстномъ у насъ подъ именемъ романтизма, какое вообще мы встрѣчаемъ въ нашихъ курсахъ и критическихъ обозрѣніяхъ литературы. Причина этого заключалась обыкновенно въ томъ, что о романтизмѣ мы привыкли судить по тѣмъ явленіямъ его, какія были въ нашей литературѣ, а въ нее попадали только жалкіе, оборванные лоскутки европейскаго умственнаго движенія. Но и это движеніе, извѣстное подъ именемъ романтизма, захватывающее собою весьма длинный періодъ времени, почти всѣ сферы жизни, начиная политикой и кончая искусствомъ, заключало въ себѣ столько сложнаго, столько разнообразнаго, столько противорѣчиваго, было такъ непохоже само на себя въ теченіе своего развитія, что его невозможно опредѣлить въ немногихъ, точныхъ словахъ. Считать романтизмъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, однимъ противодѣйствіемъ господствовавшему до него въ литературѣ и искусствѣ классицизму или смотрѣть на него, какъ на особенное поклоненіе идеаламъ и формамъ среднихъ вѣковъ, значитъ имѣть о немъ недостаточное понятіе.

---

[1]) Письмо отъ 10 марта н. ст. 1849 г

Романтизмъ не былъ только эстетическою теоріею; нѣтъ, онъ обнималъ собою всю жизнь, проникалъ всѣ ея сферы.

Человѣческій духъ, начиная со второй половины XVIII вѣка до конца его, представляетъ намъ такую общую, дѣятельную, глубокую критическую работу мысли, какую едва ли можетъ представить другой историческій періодъ, за исключеніемъ эпохи Возрожденія. Результатомъ этой усиленной, смѣлой и радикальной работы (напр. въ философахъ Франціи и въ Кантѣ), и въ сферѣ государства и практики, и въ религіи, и въ нравственности былъ рѣшительный пересмотръ прошедшаго. Человѣчеству пришлось выбросить за бортъ, какъ ненужный балластъ, массу такого содержанія, которое создавалось вѣками, къ которому люди привыкли длиннымъ путемъ развитія историческаго. Въ этомъ разрѣженномъ критикою воздухѣ, на высотѣ побѣдившей мысли, было ужъ слишкомъ просторно, не за что было держаться руками. За работою мысли, въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX вѣка, произошелъ тотъ могущественный историческій катаклизмъ, волненія котораго не вдругъ могли стихнуть. Падали старыя формы жизни, падали, вызывая въ душѣ то восторженные крики освобожденія, то боль и страданіе. Мѣнялись съ чрезвычайною быстротою границы государствъ и народностей, отстраняя старыя изжившія явленія, выдвигая новыя и непривычныя. Когда успокоивалось волненіе, мысль естественно должна была обращаться назадъ: она видѣла предъ собою развалины и броженіе. Многаго не досчитывалась она, обо многомъ жалѣла, доходила до ненависти къ недавнимъ увлеченіямъ, до неисторическаго, до нелогичнаго, но часто страстнаго желанія возстановить невозвратное прошедшее. Она пугалась добытой борьбою свободы, боялась крайнихъ выводовъ, робко пряталась отъ самой себя. Скорбь и раздвоенія, раздраженіе и разочарованіе наполняли сердце у романтика, изъ котораго вѣтеръ критики выдулъ вѣковыя иллюзіи. Ему страшно идти впередъ, не оглядываясь, а старая вѣра подорвана. Онъ стоитъ въ тяжеломъ раздумьи на распутьи двухъ міровъ: назадъ его манятъ волшебные образы прошедшаго, гдѣ живутъ его воспоминанія, а впереди страшно свободно развертываются—безграничныя дали будущаго, ему незнакомыя. Это-то и была общая болѣзнь вѣка, сказавшаяся въ Европѣ въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ философіи, литературы, искусства, что̀ было совершенно естественно при ея богатой и сложной исторической жизни.

Что-то больное и раздвоенное всегда присутствуетъ въ романтизмѣ. Мы увидимъ потомъ, какъ это общее историческое недовольство Европы преобразилось въ наше внутреннее недовольство, когда правительство Александра пошло по дорогѣ крайней реакціи, не

оправдавъ надеждъ и стремленій развитого меньшинства. То была лучшая пора нашего романтизма.

Съ романтизмомъ европейскимъ соединяются самыя разнообразныя идеи и порывы духа. Подъ этимъ знаменемъ мы видимъ и свободную мысль и рабское поклоненіе авторитету; отъ романтизма вѣетъ и вольнымъ воздухомъ новаго времени и спертою атмосферою кельи средневѣковаго монастыря. Въ „Фаустѣ“ Гете и въ „Манфредѣ“ Байрона выражено самое глубокое пониманіе романтическихъ стремленій; но сколько въ этихъ величавыхъ фигурахъ раздвоенности, страданія и вѣчной неудовлетворенности! Ихъ скорбь—скорбь цѣлаго вѣка. Эти два типа, созданные двумя величайшими поэтами, какъ выраженіе времени, сдѣлались любимыми типами и находили себѣ подражателей и въ литературѣ, и въ жизни. Поэтъ въ понятіяхъ романтизма не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ былъ не отъ міра сего, стоялъ высоко надъ толпою, отъ ея жизни, отъ ея стремленій былъ отдѣленъ непроходимою бездною. Это была избранная натура, но ея удѣлъ на землѣ были страданіе и гибель. Въ подражаніе поэту и обыкновенные люди силились подняться надъ массою и явиться тоже избранными натурами. Всякій желалъ явить изъ себя героя. Воображеніе господствовало надъ разсудкомъ; реальнаго пониманія жизни почти вовсе не существовало, и въ романтизмѣ возникло множество заблужденій и нелѣпостей, невозможныхъ въ здоровую пору жизни. Въ романтизмѣ, котораго начало надобно искать въ мистическихъ увлеченіяхъ XVIII вѣка, въ недовольствѣ слишкомъ смѣлою и отрицающею мыслью французскихъ философовъ того времени, сильно было развито недовѣріе къ „сухой разсудочности“, по выраженію Гегеля, и отсюда легко объясняется такъ называемая *романтическая вѣра*, полная сердечности, мистики, піэтизма, а такъ какъ такая вѣра господствовала преимущественно въ католицизмѣ и въ эпоху среднихъ вѣковъ, то идеалы этихъ послѣднихъ и въ религіи, и въ искусствѣ, и въ литературѣ особенно нравились романтикамъ. Старая вѣра въ чудесное, сверхъестественное, въ возможность сообщеній міра земного съ міромъ загробнымъ снова оживала въ романтизмѣ. Если въ вѣрѣ было такое обращеніе къ отжившей старинѣ среднихъ вѣковъ, то подобная же реакція существовала и въ практическихъ вопросахъ жизни и государства.

Но какимъ образомъ произошло, что духъ человѣческій, передъ которымъ была такая широкая, свободная дорога, послѣ усилій своей крѣпкой мысли въ XVIII вѣкѣ, снова повернулъ съ тоскою къ мечтательнымъ образамъ прошедшаго, казалось навсегда исчезнувшаго? Какъ въ исторической жизни народовъ, такъ и въ царствѣ духа, за революціонными, слишкомъ смѣлыми попытками, является трудъ

реакціи и реставраціи, но добытое прежде не гибнетъ; напротивъ, вслѣдствіе противодѣйствія, его значеніе становится глубже и яснѣе.

И друзья, и враги романтизма пытались опредѣлить его значеніе и приходили къ различнымъ результатамъ, потому что не въ состояніи были найти корни этого сложнаго явленія. Романтизмомъ опредѣляли мечтательную любовь къ природѣ и страстное религіозное влеченіе души, и тоскливую привязанность къ нравамъ и формамъ прошедшаго, и сердечное стремленіе въ даль, къ неизвѣстному, къ очарованному *тамъ*. Подъ знаменемъ романтизма дѣйствовали и консервативные и либеральные умы, и стремленіе къ лучшимъ формамъ жизни, и боязливая запуганность передъ движеніемъ, и демократическій энтузіазмъ съ мечтами о народной свободѣ, и озлобленіе и вражда къ настоящему. Романтизмъ похожъ на неуловимый образъ Протея. Но эта неуловимость происходитъ отъ того, что романтизмомъ привыкли называть то или другое явленіе въ области духовной или жизненной, ту или другую партію въ литературѣ или искусствѣ, тогда какъ подъ романтизмомъ надобно разумѣть цѣлую историческую форму духовной жизни европейскихъ народовъ, цѣлую и длинную эпоху. Романтизмъ, какъ эпоха, похожъ на голову древняго Януса съ двойнымъ лицомъ; одна сторона смотритъ назадъ, въ прошедшее, другая—впередъ, въ будущее. Съ одной стороны въ туманной дали голубыя горы съ волшебными замками и съ волшебными садами прошедшаго, съ другой—свободныя, широкія поля будущаго. Человѣка, уже тронутаго духомъ новаго времени, но который вздумалъ бы средствами новаго образованія возстановлять старину и отжившее въ литературѣ или искусствѣ, въ религіи или наукѣ, въ жизни или политикѣ, который захотѣлъ бы на измѣнившейся жизненной почвѣ новаго времени возстановлять міръ прошедшаго,—мы называемъ обыкновенно романтикомъ. Не первоначальное романтическое міросозерцаніе (въ духѣ среднихъ вѣковъ), когда человѣческое сознаніе наполнялось всецѣло міромъ сверхчувственнаго, который не былъ еще ни подрытъ сомнѣніемъ, ни разогнанъ рефлексіей,—потому что такой сверхчувственный міръ, при совершенномъ незнакомствѣ съ законами міра чувственнаго, одинъ только имѣлъ дѣйствительность и значеніе,—не эту давно исчезнувшую ступень развитія называемъ мы романтизмомъ, какъ историческое явленіе, но сознательное, преднамѣренное возстановленіе прошедшаго, посреди вѣка, по внутреннему содержанію своему вполнѣ чуждаго этой давно исчезнувшей формѣ развитія. Міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ было романтическое. Но отцы церкви и схоластики среднихъ вѣковъ, мистики и реформаторы, для которыхъ это міровоззрѣніе составляло убѣжденіе сердечное и которые доказывали его научнымъ образомъ, вовсе не были романтиками.

Они были убѣждены въ томъ, во что вѣрили. Начавшееся съ XVI вѣка въ Европѣ, подъ вліяніемъ древней мысли, изученіе природы и развитіе естественныхъ наукъ, затѣмъ свободное движеніе духа въ просвѣтительную эпоху въ XVII и XVIII вѣкахъ разсѣяли это романтическое воззрѣніе, въ оковахъ котораго такъ долго находилось европейское человѣчество, а критическая философія Канта, какъ послѣднее звено свободнаго движенія ума, казалось, ясно опредѣлила границы человѣческаго разума. Духъ освободился отъ чуждаго ему содержанія; міръ сверхчувственный онъ понялъ теперь, какъ свое собственное созданіе. Это уже окончательно разрушало романтическое міровоззрѣніе. Но сердце, которое не умѣло уяснить себѣ свои потребности, и фантазія, вырвавшаяся изъ-подъ власти разсудка, пытались въ новое время возстановить и удержать это исчезнувшее міровоззрѣніе въ сознаніи новаго человѣчества, снова ввести и въ науку и въ различныя сферы духовной жизни этотъ старый балластъ, но въ новой одеждѣ. Это и былъ европейскій романтизмъ новаго времени.

При чрезвычайной сложности процесса историческаго движенія новаго европейскаго романтизма, весьма трудно опредѣлить и начало его и исходъ, поставить въ особенности пограничные столбы тамъ, гдѣ кончается романтизмъ и начинается реализмъ. Человѣческое развитіе происходитъ не вдругъ; отъ сознающаго меньшинства мысль постепенно переходитъ къ массѣ и что для одного является уже пройденною пережитою ступенью, съ того для другого начинается только развитіе. Вообще приблизительно можно опредѣлить начало романтизма съ первымъ реакціоннымъ движеніемъ въ ходѣ французской революціи XVIII вѣка, но зачатки романтизма можно видѣть и въ мистицизмѣ этого вѣка и въ сочиненіяхъ Руссо съ его идеализмомъ и тоскою по природѣ. Не нужно забывать, что въ каждой европейской странѣ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и историческихъ условій ея, романтизмъ принялъ особую форму, особый оттѣнокъ. Страною, однакожъ, гдѣ романтизмъ больше и полнѣе всего господствовалъ, была Германія, въ особенности въ сферахъ поэзіи и литературы, а потомъ и въ философіи. Фантазія заступила мѣсто здраваго разсудка, сердце взяло преобладаніе надъ умомъ. Жизнь среднихъ вѣковъ сдѣлалась любимымъ представленіемъ нѣмецкихъ романтиковъ. Въ ней только одной была свѣжесть, сила и непосредственность. Поэзію Гёте обвиняли въ матеріализмѣ, требовали, чтобъ искусство удалялось отъ „пошлой“ дѣйствительности. Старые законы нравственности презирались всѣми; чувство и страсть получили оправданіе, создались новые законы морали. Фантазія явилась разнузданною, и личность, которая сама только ставила себѣ законы, стала презирать дѣйствительность и всѣ ея права.

Печальныя политическія отношенія времени, сначала господство французовъ въ Германіи, а потомъ общая правительственная реакція невольно увлекали мысль и фантазію отъ настоящаго, отъ очень некрасивой дѣйствительности.

Духъ, недовольный настоящимъ, уходилъ въ прошедшее, которое казалось и лучше, и дороже. На это прошедшее смотрѣли безъ всякой критики, въ ложномъ свѣтѣ идеала; оно должно было замѣнить собою пустоту настоящаго. Правда, потомъ и это обольщеніе принесло свою пользу для науки о прошедшемъ и въ этомъ же чувствѣ начались попытки изученія старины и народности у Гриммовъ. Романтизмъ служилъ и наукѣ, и противникамъ ея, какъ служилъ онъ свободѣ и репрессивнымъ мѣрамъ правительствъ.

Таковъ былъ романтизмъ на европейской почвѣ; посмотримъ, какія стороны его перешли къ намъ, въ нашу жизнь.

Съ самой реформы Петра Вел. наша историческая задача заключалась въ усвоеніи европейскихъ началъ цивилизаціи и духовной жизни. Съ каждымъ десятилѣтіемъ нашего развитія задача эта понималась все глубже и шире, тѣмъ болѣе, что и самая жизнь европейская не стояла на одномъ мѣстѣ, а развивалась, а потому одно европейское вліяніе шло послѣдовательно къ намъ за другимъ; мы переживали у себя разныя фазы чужой внутренней жизни, пережили псевдо-классицизмъ, философію Вольфа, скептическую мысль XVIII вѣка и вольнодумство, затѣмъ масонство и какъ противодѣйствіе скептицизму и отрицанію — мечтательность и сентиментальность, съ которыми въ близкомъ отношеніи находится только-что вступившій на нашу почву романтизмъ. Это былъ необходимый и естественный ходъ впередъ нашего русскаго развитія, но на фонѣ европейской жизни. Понемногу къ этому движенію присоединяется наконецъ стремленіе къ самостоятельности. Мы долго жили такимъ образомъ заимствованіемъ и подражаніемъ, но мы развивались, мы воспитывались, мы шли тѣмъ же путемъ внутренняго развитія, какъ и европейскія націи, мы логически и послѣдовательно шли съ ними одинаковымъ путемъ.

Къ сожалѣнію, условія нашей политической и вообще общественной жизни были таковы, что этотъ прямой путь развитія безпрестанно нарушался, переходъ европейскихъ вліяній затруднялся, да и сами они очень часто съуживались въ своихъ размѣрахъ, а иногда входили къ намъ просто контрабандою. Европейское вліяніе и наше умственное развитіе были бы гораздо глубже, и конечно прочнѣе, еслибъ пользовались бо́льшею свободою и бо́льшимъ уваженіемъ со стороны власти. Но еще больше препятствій заключалось въ невѣжествѣ общества, для котораго вовсе не дороги были умственные инте-

ресы. Что же касается до народа, то онъ оставался внѣ всего этого движенія и развитія. Понятно, что при такихъ невыгодныхъ условіяхъ европейскія вліянія переходили къ намъ клочками, обрывками. Мы воспитывались на европейскихъ идеяхъ, но и эти идеи доходили къ намъ также не въ цѣломъ видѣ, и часто случалось, что мы начинали переживать ту фазу, которая была давно уже пройдена Европою.

Такъ и европейскій романтизмъ, который появился у насъ при Карамзинѣ, подъ именемъ сентиментализма и подъ видомъ мечтательности, а при Жуковскомъ сталъ называться у насъ собственнымъ именемъ, былъ на нашей почвѣ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ въ Европѣ. У насъ, какъ извѣстно, долго понимали подъ словомъ романтизмъ только противоположность классицизму, всѣмъ надоѣвшему. Той широкой исторической основы, какая была у европейскаго романтизма, у насъ не существовало. Мы заимствовать могли изъ него только то, что̀ приходилось намъ по плечу (и больше худыхъ его сторонъ, чѣмъ хорошихъ).

Первымъ вводителемъ у насъ элементовъ романтизма былъ, какъ мы сказали уже, Карамзинъ, хотя при немъ не существовало еще самаго названія. Въ сентиментальности его надобно видѣть зародыши романтизма. Несмотря на малое развитіе тогдашняго современнаго общества, несмотря на то, что въ массѣ этого общества было самое ничтожное число не только людей образованныхъ, но и читающихъ вообще, сочиненія Карамзина, въ нравственномъ, но не политическомъ отношеніи, имѣли образовательное или воспитательное значеніе для тогдашняго общества. Какъ моралистъ, какъ проповѣдникъ свободы страстей, какъ распространитель, хотя и въ узкихъ границахъ, идей Руссо, Карамзинъ былъ передовымъ человѣкомъ въ нащемъ обществѣ того времени и Жуковскій въ этомъ отношеніи не пошелъ дальше его и является только продолжателемъ Карамзина. Но Жуковскій былъ болѣе, чѣмъ Карамзинъ, знакомъ съ нѣмецкою романтическою школою, явленіемъ новымъ для Карамзина въ литературѣ, обязаннаго своимъ воспитаніемъ болѣе французамъ. Вліянію этой нѣмецкой романтической школы и подчинился Жуковскій. Переводомъ ея произведеній, усвоеніемъ ихъ намъ, при удивительной художественности своего стиха и изящности выраженія, Жуковскій вносилъ въ нашу литературу новое романтическое содержаніе, дѣлался популяризаторомъ его.

Но цвѣты романтической поэзіи не были, несмотря на всю свою наружную прелесть, произведеніемъ здороваго развитія. Почва, ихъ воспитавшая, была нездоровая почва. Эти цвѣты похожи на тѣ весьма красивые цвѣты-паразиты, которые развиваются на гнію-

щихъ остаткахъ растительнаго царства: подъ ними трупы. И Жуковскій вынесъ изъ этого больного міра только то, что подходило къ его личной настроенности: меланхолическое, но весьма неопредѣленное по содержанію своему чувство, вѣчную жалобу о непрочности всего земного, вѣчное порываніе куда-то, въ туманную даль, поэтическую вѣру, со всею ея обстановкою, съ сердечнымъ убѣжденіемъ въ существованіе призраковъ, привидѣній и другихъ явленій загробнаго міра, между которымъ и землею, казалось, не существовало границъ. Съ привычкою къ этому содержанію, Жуковскій, касаясь русской народности, умѣлъ понять въ ней поэтически только одно суевѣріе въ „Свѣтланѣ“. Увлекаясь сочувствіемъ къ исчезнувшей старинѣ, напр. среднихъ вѣковъ, воспроизводя въ поэзіи ея образы, романтики невольно подчинялись обаянію и исчезнувшихъ понятій, и предразсудковъ, безплодныхъ вѣрованій и даже монастырскаго аскетизма. Все это, какъ видите, находилось въ глубокомъ разладѣ съ дѣйствительною жизнью, которая какъ бы не существовала для поэта. Напротивъ, онъ щеголялъ равнодушіемъ къ этой жизни, онъ презиралъ ея интересы. Такая поэзія, какая была у Жуковскаго, конечно ничего здороваго не внесла въ общественную жизнь; она растлѣвала умы, дѣлала человѣка тряпкою, но ея содержаніе удивительно приходилось по сердцу тому больному, разочарованному поколѣнію русскихъ людей, которое, послѣ потрясающихъ событій, послѣ великихъ жертвъ и напряженій, очутилось въ тискахъ реакціи. Только сильные и практическіе умы старались освободиться изъ нихъ и не поддавались дѣйствительности, боролись съ этою одуряющею поэзіею. Среднимъ же людямъ, большинству поколѣнія, оставалась только надежда на „очарованное тамъ“. Таковъ былъ романтизмъ, который велъ къ намъ Жуковскій; съ другимъ родомъ его, но тоже обязаннымъ началомъ своимъ Европѣ, мы познакомимся въ поэзіи Пушкина.

Передѣлывая „Ленору“ на русскіе нравы, подъ именемъ „Людмилы“, Жуковскій сгладилъ въ этомъ произведеніи всѣ народныя черты, но и своей „Людмилѣ“ не далъ опредѣленнаго очерка. Самое характеристическое въ этой балладѣ, что, вѣроятно, соотвѣтствовало личному настроенію поэта—это выраженіе скорби разлуки. Ропотъ Людмилы на Провидѣніе за смерть своего возлюбленнаго наказывается тотчасъ же въ русской балладѣ, но этотъ скорый судъ вредитъ ея поэтическому впечатлѣнію. Зато вѣра въ чудесное вполнѣ удовлетворялась и описаніе скачки Людмилы съ мертвецомъ на далекое кладбище производило въ современникахъ и въ особенности современницахъ трепетъ и замираніе сердца. Успѣхъ „Людмилы“ какъ будто воодушевилъ Жуковскаго къ поэтическимъ переводамъ и передѣлкамъ. Рядомъ съ незначительными, впрочемъ, собственными

его произведеніями стали съ 1809 года одинъ за другимъ являться переводы нѣмецкихъ поэтовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе то, что̀ переводилось изъ Гете и Шиллера.

Между тѣмъ, несмотря на свои литературные успѣхи и редакторство журнала, который отнималъ много времени, Жуковскій порывался опять въ деревню къ своимъ роднымъ. По всей вѣроятности, теперь влекло его туда реальное чувство любви къ ученицѣ его—старшей Протасовой. Уже на другой годъ изданія „Вѣстника Европы“ онъ взялъ въ помощники себѣ Каченовскаго; въ концѣ 1810 года мы находимъ уже Жуковскаго на родинѣ, въ Мишенскомъ, въ усиленныхъ занятіяхъ поэзіей, которую онъ считалъ теперь своимъ призваніемъ, и въ стремленіяхъ пріобрѣсти поболѣе свѣдѣній и тѣмъ восполнить пробѣлы, оставленные школой. Въ письмѣ къ А. Тургеневу Жуковскій раскрываетъ всѣ тогдашніе свои планы и намѣренія. Онъ хочетъ много учиться, чтобъ сдѣлаться славнымъ авторомъ, и обѣщаетъ „дѣлать только минутные набѣги на парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ храму славы. Три года будутъ посвящены труду приготовительному, необходимому, тяжелому, но услаждаемому высокою мыслью быть прямо тѣмъ, что̀ должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ, но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго“ [1]). Серьезно смотря на свое призваніе, Жуковскій хочетъ серьезно приготовиться къ нему. Въ то время (1810 г.) его особенно занимала исторія. Тургеневу, который любилъ исторію и занимался ею, Жуковскій признается, что въ ней онъ совершенный невѣжда. „Но я хочу, пишетъ онъ, получить объ исторіи хорошее понятіе; не быть въ ней ученымъ, ибо я не располагаюсь писать исторію, но пріобрѣсть философическій взглядъ на происшествія въ связи“. И онъ совѣтуется съ Тургеневымъ о выборѣ книгъ историческихъ и сообщаетъ, какъ онъ читаетъ Герена и Гаттерера, входитъ въ подробности. На занятія русской исторіей, съ которою онъ вовсе не знакомъ, Жуковскій смотритъ иначе. „Тутъ уже нечего думать о классикахъ и надобно добираться самому до источниковъ“.

Въ это время, да и нѣсколько лѣтъ послѣ, Жуковскій мечталъ о большой эпической поэмѣ „Владиміръ“, для которой онъ даже хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ. „Владиміръ“—говоритъ онъ, будетъ моимъ фаросомъ (въ морѣ русской исторіи); но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искусству море-

[1]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 796.

плаванія. Вотъ что я теперь и дѣлаю". Жуковскій весь въ трудѣ— для собственнаго образованія, а ему уже было 27 лѣтъ. „Я нахожу удовольствіе, пишетъ онъ, даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что со временемъ буду читать Виргилія и Тацита". Онъ проситъ Тургенева безъ отлагательства прислать ему латинскую и греческую грамматики, проситъ и другихъ книгъ. Часы занятій его распредѣлены „со всею точностью трудолюбиваго нѣмца. Для каждаго есть особенное, непремѣнное занятіе"; даже „восхищенію стихотворному назначенъ часъ особый, свой". Повидимому, онъ совершенно доволенъ своею обстановкою и началомъ трудолюбивой и дѣятельной жизни. „Я всегда говорю себѣ: настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный. Такъ, милый другъ, дѣятельность и предметъ ея польза— вотъ что меня теперь одушевляетъ". Но эта преданность и увлеченіе трудомъ вдругъ нарушается сомнѣніемъ: „Что, если предпринятая мною дѣятельность будетъ безплодна?" Жуковскій жалѣетъ о томъ, что онъ не умѣлъ воспользоваться временемъ: „Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна" [1]).

Причина недѣятельности, на которую жалуется Жуковскій въ дружескомъ письмѣ къ Тургеневу, заключалась въ любви къ Протасовой: „Если романическая любовь, говоритъ онъ, можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ какъ царь сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время" [2]). Мы видѣли, какъ онъ желалъ всѣми силами избавиться отъ своей бездѣятельности, какъ онъ хлопоталъ о своемъ самообразованіи, какъ распредѣлялъ планы своихъ занятій и собиралъ со всѣхъ сторонъ матеріалы. Кажется, это было самое бодрое время въ жизни Жуковскаго. Онъ надѣялся на будущее, смотрѣлъ на него съ довѣріемъ. Успѣхъ „Людмилы" побудилъ его продолжать въ томъ же направленіи. Въ 1810 году была имъ написана первая часть повѣсти „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", подъ особеннымъ названіемъ „Громобой". Баллада эта, основанная на распространенной у всѣхъ народовъ средневѣковой легендѣ о грѣшникѣ, продавшемъ свою душу сатанѣ за земныя наслажденія, была заимствована Жуковскимъ не прямо изъ народныхъ преданій, а изъ нѣмецкаго современнаго ро-

---

[1]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 790—799.

[2]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 794.

мана Шписа „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, произведенія самаго романтическаго свойства. Жуковскій перенесъ, впрочемъ, дѣйствіе въ Россію, на берега Днѣпра, хотя сдѣлано это весьма неопредѣленно.

Съ задушевнымъ міромъ поэта баллада эта была связана главнымъ героемъ ея. „Вадимъ“ (это вторая часть повѣсти, написанная лѣтъ черезъ шесть послѣ первой)—искупитель спящихъ дѣвъ,—идеалъ Жуковскаго:

...„Тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, *житейское призрѣвъ*,
Въ забвенну ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель“.

Въ Вадимѣ заключено все, что нравилось Жуковскому въ то время, что составляло для него призваніе человѣка:

„...скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томленіе разлуки“.

Это фигура романтическая; это образъ средневѣковаго рыцаря изъ круга бретонскихъ романовъ о Граалѣ. Этотъ идеалъ выражалъ сердечное стремленіе Жуковскаго, его романтическую любовь, о которой онъ много говорилъ въ неясныхъ стихахъ, хотя у него уже созрѣло желаніе жениться на предметѣ своей любви:

„Есть *одна* во всей вселенной,
Къ *ней* душа, и мысль объ *ней*;
Къ *ней* стремлю, забывшись, руки —
Милый призракъ прочь летитъ“ [1]).

Вотъ то чувство, которое наполняло душу Жуковскаго, рядомъ съ занятіями наукой и переводами нѣмецкихъ балладъ, преимущественно изъ Шиллера и Гёте,—по личному его выбору. Однообразіе таланта Жуковскаго доказывается и тѣмъ, что, передѣлавъ „Ленору“ въ Людмилу, онъ снова повторилъ ее въ своей „Свѣтланѣ“, прибавивъ только описаніе русскихъ гаданій на святкахъ.

Что касается до матеріальныхъ условій жизни до 1812 года, то Жуковскій не могъ пожаловаться на судьбу. Обстановка его была вполнѣ благопріятна. Онъ купилъ себѣ имѣніе недалеко отъ родныхъ; у него было много сосѣдей; жизнь была веселая, довольная,

---

[1]) „Жалоба“.

въ которой удовлетворялись даже эстетическіе вкусы. Всему этому средства давались конечно крѣпостнымъ правомъ. Какъ самодовольна была эта жизнь, видно изъ разсказа біографа Жуковскаго Зейдлица [1]) объ отношеніяхъ поэта къ сосѣду своему и Протасовыхъ—помѣщику Плещееву. Этотъ Плещеевъ, родственникъ и сынъ друга Карамзина, человѣкъ съ значительнымъ состояніемъ, былъ большой любитель искусствъ, въ особенности музыки и театра. Онъ самъ прекрасно игралъ на віолончели и писалъ музыку, не только на романсы Жуковскаго, но и цѣлыя оперы. Кромѣ того, онъ былъ превосходнымъ актеромъ и отлично читалъ по-русски и по-французски, славясь вообще умѣньемъ подражать разнымъ лицамъ и разнымъ голосамъ. Это умѣнье доставило ему впослѣдствіи мѣсто чтеца при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. У Плещеева была своя труппа актеровъ, свои крѣпостные музыканты,—такъ что эстетическія наслажденія стоили недорого. Къ нему, какъ человѣку богатому, веселому и гостепріимному, съѣзжалось множество сосѣдей и Жуковскій часто бывалъ въ ихъ числѣ. Съ Плещеевымъ велъ онъ дружескую переписку въ стихахъ; Жуковскій писалъ по-русски, а другъ его по-французски. Стихи Жуковскаго, согласно воспоминаніямъ князя Вяземскаго [2]) и судя по образцамъ нѣсколько позднѣйшаго времени, не заключали въ себѣ ничего меланхолическаго; напротивъ, они отличались полнымъ, свободнымъ юморомъ, конечно не широкаго свойства, юморомъ, выросшимъ въ домашней обстановкѣ. На домашнемъ театрѣ Плещеева ставились и забавныя драматическія произведенія Жуковскаго, которыя, впрочемъ, не дошли до насъ. Эта веселая жизнь такъ занимала тогда все общество помѣщиковъ, собиравшееся у Плещеевыхъ, что еще 3 Августа 1812 года, въ то время, когда войско Наполеона шло по большой московской дорогѣ слѣдомъ за отступающею русскою арміею, у Плещеева, въ Орловской губерніи, гдѣ праздновался день рожденія хозяина, собрались веселые сосѣди на концертъ и театральное представленіе на домашней сценѣ. Такъ мало было въ этихъ людяхъ сознательнаго чувства, такъ полна была по-своему ихъ жизнь, что буря не была имъ страшною, что она шумѣла, казалось, далеко. Здѣсь, на этомъ праздникѣ, Жуковскій пѣлъ свое стихотвореніе „Пловецъ", положенное на музыку другомъ его Плещеевымъ. Въ этомъ романсѣ выражалась скорбь—личное чувство поэта, вѣроятно, понятное и извѣстное въ кругу знакомыхъ и родныхъ. Не задолго до того времени, его ученицѣ исполнилось 19 лѣтъ и Жуковскій рѣшился просить у ея матери согласія на бракъ, но получилъ рѣшительный и

---

[1]) Зейдлицъ, изд. 1883 г., стр. 44.

[2]) Русск. Арх. 1866 г., стр. 875—876.

суровый отказъ. Причина отказа, со стороны Протасовой, выставлялась та, что Жуковскій приходится роднымъ дядею ея дочерямъ.

Въ томъ же августѣ 1812 года Жуковскій, вѣроятно подъ вліяніемъ полученнаго отказа, а не патріотическаго чувства, какъ привыкли говорить его біографы, вступилъ въ московское ополченіе. Онъ присутствовалъ при Бородинѣ и Тарутинѣ, но издали и не принималъ никакого участія въ сраженіяхъ. Черезъ товарища своего по пансіону—Кайсарова, директора типографіи при главной квартирѣ Кутузова, Жуковскій попалъ въ штатъ фельдмаршала и работалъ въ его канцеляріи; помогалъ ли онъ писать реляціи Скобелеву (?) [1]) или нѣтъ—неизвѣстно. Еще до Тарутинскаго сраженія Жуковскій успѣлъ побывать на нѣсколько дней въ Муратовѣ у Протасовой и снова вернуться въ армію. Подъ Тарутинымъ, подъ вліяніемъ тогдашняго настроенія войска и общественнаго мнѣнія, былъ задуманъ имъ планъ „Пѣвца въ станѣ“ и тогда же вѣроятно написаны первыя строфы. Жуковскій пошелъ вмѣстѣ съ арміей за отступающими французами, но въ Вильнѣ захворалъ горячкою, пролежалъ тамъ въ госпиталѣ и только въ январѣ 1813 года вернулся на родину, къ роднымъ и друзьямъ. Этимъ кончилась его военная карьера, продолжавшаяся такимъ образомъ менѣе полугода.

„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, написанный, по словамъ Жуковскаго, въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, выражаетъ собою то патріотическое настроеніе, ту ненависть къ врагу, жажду мщенія и надежду на побѣду, которыя послѣ отчаянія были теперь въ сердцахъ у большинства. Одушевленіе и вѣра въ побѣду проникаетъ все это довольно длинное стихотвореніе, которое и появилось въ печати въ концѣ 12-го года; встрѣченное общимъ восторгомъ, оно было выучено наизусть тогдашнимъ поколѣніемъ.

„Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села въ пепелъ; грады въ прахъ;
Въ мечи—серпы и плуги“.

Это были чувства всѣхъ въ то время. Впереди уже видѣлись избавленіе и побѣда:

Веди-жъ своихъ царей-рабовъ,

обращается поэтъ къ Наполеону,

Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...

---

[1]) Русск Арх. 1863 г., стр. 857; 1866 г., стр. 1348.

Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье".

Пѣвецъ въ станѣ, окруженный товарищами, подымая кубокъ, возглашаетъ одинъ за другимъ разные тосты: въ честь историческихъ воспоминаній, за родину, за царя, за побѣдителей-героевъ, за падшихъ въ сраженіи, перечисляя ихъ по именамъ и указывая на главные ихъ подвиги; затѣмъ слѣдуютъ тосты: мщенью, братству, любви, музамъ, пѣвцамъ и, наконецъ — прощанью передъ сраженіемъ. Современники были не строги въ своихъ требованіяхъ и въ общемъ восторгѣ отъ событій, къ которымъ относились звучные стихи, не замѣтили разныхъ недостатковъ ихъ. Какъ въ прежней патріотической пьесѣ своей, такъ и здѣсь, Жуковскій вставилъ дѣйствительность въ чуждыя рамки, которыя требовались поэтической теоріей времени. Снова передъ нами щиты, копья, кольчуги, стрѣлы и т. п. вмѣсто современной военной обстановки. Воспоминанія Оссіана попрежнему не покидаютъ поэта: „по миѳологіи сѣверныхъ народовъ, говоритъ онъ въ примѣчаніи, витязи, сраженные во брапяхъ, переселялись въ Валгаллу, къ отцу своему Одену. Стихотворецъ замѣнилъ здѣсь баснословнаго Одена безсмертнымъ Суворовымъ... Герой Италійскій съ отеческою нѣжностью пріемлетъ въ жилища небесныя вождей, запечатлѣвшихъ кровью своею одержанныя побѣды"... Говорить ли о томъ, что Жуковскій ни разу не вспомнилъ о русскомъ народѣ, какъ будто война эта была не народная, какъ будто не народъ этотъ вынесъ на плечахъ своихъ всѣ ея бѣдствія? Но вспоминалъ ли тогда кто-нибудь о народѣ? Самое понятіе объ отечествѣ, родинѣ не отличается широкимъ чувствомъ, а съужено до личныхъ воспоминаній:

„Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Чтó вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?"

Это была дань сентиментальному направленію. Какъ-то плохо вяжутся съ торжественнымъ тономъ „Пѣвца“ и представленія романтической любви, любопытныя для біографіи Жуковскаго:

„Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды;
Чего, чего ни совершитъ
Для сладостной награды...
Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный,
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный:
Она на бранныхъ знаменахъ;
Она въ пылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!..
О, сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ; о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ;
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслитъ. „Скоро-ль дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки“.

Это было рыцарское чувство, возрожденное тогдашнимъ романтическимъ направленіемъ, но въ немъ заключалось и личное настроеніе Жуковского. „Пѣвецъ въ станѣ“, появившійся въ печати въ концѣ 1812 или январѣ 1813 года, былъ причиною и первой извѣстности Жуковскаго при дворѣ, что̀ въ ту пору имѣло большое значеніе. Императрица Марія Ѳеодоровна расхвалила Дмитріеву эту пьесу и поручила ему достать отъ Жуковскаго экземпляръ его рукописи, съ тѣмъ чтобъ сдѣлать на свой счетъ великолѣпное изданіе; кромѣ того она подарила ему драгоцѣнный перстень, но отказала въ позволеніи напечатать при второмъ изданіи особое ей посвященіе Жуковскаго. Поэтъ, какъ мы увидимъ, любилъ покровительство.

Между тѣмъ, по возвращеніи на родину изъ похода, Жуковскій исключительно и тревожно былъ занятъ своими сердечными дѣлами, которыя не подвигались впередъ, хотя предметъ его страсти Марья Андреевна и узнала о чувствахъ его. Она подчинялась совершенно волѣ матери, но это еще болѣе затруднительными сдѣлало взаимныя отношенія. Чтобъ подѣйствовать на мать, Жуковскій прибѣгалъ къ такимъ авторитетамъ, какъ И. В. Лопухинъ и Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій; но все было напрасно. Жизнь Жуковскаго въ этомъ семействѣ сдѣлалась чрезвычайно затруднительною, особенно когда въ немъ появилось новое лицо въ качествѣ жениха младшей Протасовой—Александры. Это былъ товарищъ Жуковскаго по пансіону Алекс. Өед. Воейковъ, впослѣдствіи профессоръ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, переводчикъ Делиля и Виргилія, издатель разныхъ журналовъ и остроумный сатирикъ. Тогда онъ ничѣмъ еще не былъ извѣстенъ въ литературѣ, кромѣ изданія хрестоматіи прозаической изъ русскихъ писателей [1]), которая появилась около того же времени, когда Жуковскіи, въ тѣхъ же размѣрахъ, издалъ хрестоматію поэтическую [2]). Воейковъ случайно заѣхалъ къ Жуковскому на пути съ Кавказа; тотъ познакомилъ его съ родными и сосѣдями, открылъ ему свою сердечную печаль, но Воейковъ, сдѣлавшись вскорѣ женихомъ меньшой Протасовой, сталъ на сторону матери и измѣнилъ дружбѣ. По собственнымъ признаніямъ Жуковскаго, то было для него самое тяжелое время, полное даже оскорбленій со стороны близкихъ родныхъ. „Одно холодное *жестокосердіе* въ монашеской рясѣ, говоритъ онъ, съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленною весьма неискусно изъ словъ *суевѣріе)*, сидѣло противъ меня и страшно сверкало на меня глазами“... [3]) Оскорбленія дошли до того, что Жуковскій долженъ былъ уѣхать изъ сосѣдства Протасовыхъ въ Калужскую губернію, но его привязанность къ роднымъ была такъ сильна, что когда свадьба Воейкова замедлилась по недостатку приданаго у невѣсты, онъ продалъ свою деревню въ сосѣдствѣ Протасовыхъ и всѣ полученныя деньги 11 т. отдалъ на приданое. Теперь у него не было ничего и нужно было работать и писать.

Жуковскій уѣхалъ въ концѣ 1814 года къ родственницамъ своимъ Юшковымъ, которыя покровительствовали его сердечной привязанности. Одна изъ нихъ Авдотья Петровна, тогда уже овдовѣвшая,

---

[1]) Собраніе образцовыхъ сочиненій въ прозѣ 5 ч. М. 1811.

[2]) Собраніе русск. стихотвореній, изд. В. Жуковскимъ въ 5 част. М. 1810—1811. Дополненіе къ собр. (6-ой томъ) вышло въ Москвѣ въ 1815 г.

[3]) Зейдлицъ, стр. 61—62.

была замужемъ за Кирѣевскимъ, отцемъ писателя, и въ имѣніи ея Долбинѣ, Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда, Жуковскій прожилъ два года.

Долбино было недалеко однакожъ отъ Бѣлева и Муратова, имѣнія Протасовыхъ, и Жуковскій ѣздилъ туда. Существуетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ *Долбинскихъ* стихотвореній его, въ которыхъ вполнѣ раскрывается веселая сторона характера поэта, его радостное отношеніе къ жизни. Здѣсь онъ какъ будто совсѣмъ забылъ свою тоску и страданія; жизнь улыбается ему; онъ доволенъ собою и всѣмъ окружающимъ и такъ добродушно смотритъ на всѣхъ.

Долбинскія стихотворенія носятъ интимный характеръ; поэтъ не печаталъ ихъ при жизни и они дороги были преимущественно по воспоминаніямъ его роднымъ и друзьямъ. Даже къ Воейкову, который, по разсказу Зейдлица [1]), надѣлалъ ему незадолго до того столько непріятностей, Жуковскій пишетъ самыя веселыя и добродушныя посланія, наполняя ихъ насмѣшками надъ литературными друзьями Шишкова—членами „Бесѣды“. Уединеніе и дружба какъ-будто возстановили упавшія нравственныя силы Жуковскаго и онъ благословлялъ „Долбинскій уголокъ“ за то спокойное вдохновеніе, которое онъ испыталъ въ немъ.

„Мои уединенны дни—

пишетъ онъ въ стихахъ къ Плещееву,

Довольно сладко протекаютъ!
Меня и музы посѣщаютъ
И Аполлонъ доволенъ мной!
И подъ перстомъ моимъ налой
Трещитъ,—и планъ и мысли есть,
И мнѣ осталось лишь присѣсть,
Да и писать къ царю посланье!
Жди славнаго, мой милый другъ,
И не обманетъ ожиданье!
Присыпало все къ сердцу вдругъ!
И напередъ я, въ восхищеньи,
Предчувствую то наслажденье,
Съ какимъ безъ лести, въ простотѣ,
Я буду говорить стихами
О той небесной красотѣ,
Которая въ вѣнцѣ предъ нами“...

Эти послѣднія строки въ дружеской перепискѣ, никогда не предназначавшейся въ печать, доказываютъ, съ какимъ искреннимъ чув-

[1]) Ibibem., стр. 62

ствомъ Жуковскій писалъ свое знаменитое „Посланіе къ императору Александру“. Мы уже говорили, почему современники были полны восторга и почему имя царя произносилось тогда всѣми съ энтузіазмомъ.

Посланіе это, которое онъ писалъ довольно долго, Жуковскій посылалъ въ рукописи на просмотръ къ своимъ друзьямъ въ Петербургъ. Батюшковъ и кн. Вяземскій сдѣлали нѣсколько критическихъ замѣчаній; Жуковскій написалъ по этому поводу большую стихотворную пьесу „Ареопагу“, въ которой одни изъ замѣчаній опровергалъ шутливо, другія же принималъ. Въ письмѣ къ Тургеневу Жуковскій говоритъ, что это „Посланіе“ было „написано съ искреннимъ, безкорыстнымъ чувствомъ, безъ всякой другой побудительной причины, кромѣ удовольствія писать“ [1]).

„Сохрани Богъ, продолжаетъ онъ, мою чистую, посвященную благороднымъ друзьямъ моимъ лиру отъ всякой заразы корысти!“ Намъ надобно вѣрить этимъ словамъ Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что „Посланіе“ выражало собою общія тогдашнія чувства Европы и Россіи, восторгъ при имени Александра, о которомъ мы уже говорили. Поэтъ соединилъ свой голосъ съ общимъ голосомъ и въ первый и въ послѣдній разъ выражалъ дѣйствительность:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, Тебя зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ?..

Все „Посланіе“ старается выразить величіе исторической роли, которая выпала на долю Александра, смотритъ на него, какъ на орудіе Промысла:

„Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой ты достигъ по тернамъ испытанья...
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ“...

Когда въ страшный годъ погибъ на поляхъ Россіи Наполеонъ, и Александръ впереди своего войска двинулся на освобожденіе Европы,—тогда

„Какъ къ возвѣстителю небесной благодати
Во срѣтенье тебѣ народы потекли,
И вайями твой путь *смиренный* облекли“...

Среди рукоплесканій народныхъ онъ былъ

„... не гордый побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель“...

---

[1]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 802.

Жуковскій представляетъ его молящимся Богу такою молитвою,— за Россію и свой народъ:

„Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, царь земли, колѣна предъ тобой,
Безстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..“

„Посланіе“ Жуковскаго есть торжественный гимнъ самодержавію; никогда потомъ въ русской поэзіи не говорилось о царѣ съ такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ и съ такою красотою выраженія. Самое время удивительно способствовало этому увлеченію, никогда Россія не стояла на такой высотѣ, какъ въ ту пору, и никогда любимый ею царь не могъ такъ много сдѣлать для ея счастія, какъ въ то время. Жуковскій былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ говоритъ правду, а не обычную лесть царю:

„О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь!“...

Но это поклоненіе царю есть уваженье, свободная дань сердца:

„Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань“.

Это было общее чувство минуты, общій голосъ:

„Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ:
На праздникахъ семей, украшенный твой ликъ,—
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель—
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ тебѣ“...

Разсказавъ въ очень звучныхъ стихахъ и въ образахъ, которые были почти повторены многознаменательнымъ манифестомъ 1816 года, нами упомянутымъ—новое доказательство, что „Посланіе“ нашло отголосокъ въ современныхъ умахъ—начало революціи, возвышеніе Наполеона, его завоеванія и самовластительство, исполненное глубокаго презрѣнія къ народамъ, — Жуковскій изображаетъ общее состояніе Европы въ лучшую пору владычества Наполеона:

„Погибло все,—окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы;
Унылость на сердца народовъ налегла“...

Но вотъ пасталъ 12-й годъ и съ нимъ всемірное владычество Наполеона пало.

Орудіемъ Промысла явился русскій народъ и Жуковскій впервые заговорилъ о немъ, хотя и съ своей точки зрѣнія:

„За сей могилою народовъ цвѣлъ народъ—
О, царь нашъ, твой народъ—могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ царю и въ славѣ тишиной“ .
„Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей
И тихій гробъ отцевъ и колыбель дѣтей“..

Александръ въ этомъ „Посланіи“ является благовѣстникомъ свободы міра.

Понятно, что „Посланіе“, въ которомъ такими прекрасными стихами былъ возвеличенъ Александръ и его историческое призваніе въ то время, должно было имѣть чрезвычайный успѣхъ при дворѣ въ ту пору общихъ восторговъ.

Самъ императоръ былъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, но друзья Жуковскаго поднесли экземпляръ этого стихотворенія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. А Тургеневъ, въ письмѣ своемъ къ поэту, передаетъ подробно о томъ, какъ происходило чтеніе „Посланія“ при дворѣ [1]). Восторгъ царской семьи былъ полный. Императрица пожаловала Жуковскому перстень, сама вызвалась послать къ сыну это стихотвореніе, приказала сдѣлать великолѣпное изданіе „Посланія“ все въ пользу Жуковскаго и назначила его своимъ лекторомъ, требуя непремѣнно пріѣзда его въ Петербургъ.

Этимъ собственно началась придворная служба Жуковскаго. Самъ онъ конечно былъ чрезвычайно доволенъ своимъ успѣхомъ и сообщая о немъ своимъ роднымъ, переписалъ все письмо Тургенева.

Въ томъ же настроеніи духа онъ написалъ тогда же столь извѣстное „Боже, Царя храни!“ и началъ большую лирическую пьесу „Пѣвецъ въ Кремлѣ“, которую впрочемъ онъ кончилъ нескоро. Въ ней онъ хотѣлъ представить пѣвца, поющаго славу и торжество Россіи послѣ минувшихъ испытаній, но у него недостало вдохновенія и пьеса, по его собственному сознанію, вышла слабою [2]). Это было вялое повтореніе прежняго. Воспѣвая славу Россіи, онъ говоритъ и о ея будущемъ, но чрезвычайно сентиментально:

„Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ миръ веселый;

---

[1]) Русск. Арх. 1864 г., стр. 884—888.

[2]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 801.

Да правовъ *древнихъ* чистотой
Союзъ семей хранится;
Да въ нихъ съ *невинной простотой*
Свѣтъ знаній водворится"

Русскому народу онъ рекомендуетъ „умѣренность, покорность"...

„Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога"...

Это собственно значило соединеніе знаній съ невинною простотою. Съ этихъ поръ Жуковскій чаще и чаще развиваетъ въ стихахъ программу и желанія „Записки" Карамзина.

Императрица и друзья требовали непремѣнно, чтобъ Жуковскій ѣхалъ въ Петербургъ. Основываясь на своихъ успѣхахъ, онъ еще разъ попытался уговорить Протасову-мать дать согласіе и опять не имѣлъ успѣха. Воейковы, а съ ними и Протасова съ дочерью поѣхали въ Дерптъ и Жуковскій насилу выпросилъ у нея позволеніе проводить ихъ, но Протасова поспѣшила выпроводить его изъ Дерпта въ Петербургъ и съ этихъ поръ прежняя спокойная и свободная жизнь Жуковскаго кончилась. О деревнѣ не было уже и рѣчи. Въ маѣ 1815 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и Уваровъ тотчасъ же представилъ его Маріи Ѳеодоровнѣ, нетерпѣливо желавшей его видѣть. Это представленіе въ первый разъ ко двору Жуковскій описалъ въ письмѣ къ роднымъ [1]).

ЛЕКЦІЯ VIII.

Жуковскій въ Петербургѣ и Дерптѣ.—Придворная жизнь.

Представившись ко двору въ маѣ 1815 года, Жуковскій тотчасъ же воротился въ Дерптъ, гдѣ жили Протасовы въ домѣ Воейкова, уже профессора. Петербургскіе друзья его, особенно Уваровъ и Тургеневъ, привыкшіе къ придворной жизни и искавшіе всего въ ней, были недовольны Жуковскимъ за его пренебреженье къ земнымъ благамъ, звали его воротиться въ Петербургъ и хлопотали очень усердно, чтобы пристроить его при дворѣ.

„Лови день"—пишетъ ему тогда очень ловкій придворный Уваровъ, переводя Гораціево правило, а Тургеневъ прибавляетъ: „лови день тамъ, гдѣ твое солнце. Здѣсь, въ потемкахъ мы за тебя ловить будемъ. Мы привыкли играть въ жмурки. Будь увѣренъ, что я и за

[1]) Русск. Ахр. 1865 г., стр. 1297 сл. Письмо отъ 11 іюня 1815 г.

тебя и для тебя ловить буду; этотъ разъ постараюсь быть проворнѣе“ [1]). Но Жуковскій въ то время, сдаваясь на милостивое предложеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая велѣла ему сообщить, что у нея въ головѣ des grands projets на счетъ Жуковскаго, колебался, опасаясь придворной жизни и боялся за свою независимость. „Боюсь я этихъ grands projets,—пишетъ онъ къ А. Тургеневу. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ все“... [2]) Свои тогдашнія желанія онъ формулируетъ опредѣленно, разумѣется, не отказываясь отъ помощи двора, но даже разсчитывая на нее:

„Тебѣ кажется не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что мнѣ надобно. Независимость да и только. Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что и гдѣ и когда писать — мнѣ на волю. Я не буду жильцемъ петербургскимъ; но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно... Если писать сдѣлается для меня обязанностью непремѣнно, то сказываю напередъ, что написано ничего не будетъ“... [3]) Мысли его попрежнему заняты будущею поэмою—„Владиміръ“; онъ думаетъ о ней много.

„Мнѣ бы хотѣлось въ половинѣ будущаго года сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для Владиміра. Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе, а послѣдніе на путешествіе, но еще уговоръ, чтобы не давать чувствовать, что я пишу Владиміра, ищу покровительства для Владиміра“ [4]).

Тѣмъ не менѣе осенью того же 1815 года Жуковскій сдался на убѣжденія друзей своихъ, снова пріѣхалъ въ Петербургъ и явился при дворѣ, но столица и жизнь въ ней сильно были не по сердцу ему, сколько можно судить по интимному письму его къ роднымъ (Юшковымъ) въ Бѣлевъ. „Неужели намъ никогда на томъ мѣстѣ не будетъ хорошо, на которомъ мы находимся! Неужели вѣчно намъ бѣжать за этимъ недостижимымъ *тамъ*, которое никогда *„здѣсь* не будетъ!..“ „Мое *теперь* хуже прежняго. Здѣшняя жизнь мнѣ тяжела и я не знаю, когда отсюда вырвусь... Работать безъ всякаго разсѣянія въ кругу *своихъ*, отдѣляясь отъ прошедшаго и будущаго (слѣдовательно и отъ жизни и дѣйствительности)—вотъ чего мнѣ хочется“... Родные просили Жуковскаго писать къ нимъ о его петербургскихъ впечатлѣніяхъ, увѣряя, что все его окружающее интересно...

Жуковскій опровергаетъ эти взгляды на прелести и интересы

---

[1]) Русск. Арх. 1871 г., стр. 165—166.
[2]) Русск. Арх. 1864 г., стр 891.
[3]) Ibidem
[4]) Ibidem., стр. 891—892.

Петербурга: „Или *все*, меня окружающее ничтожно; или *я* самъ ничто, потому что у меня ни къ чему не лежитъ сердце, и рука не подымается взяться за перо, чтобы описывать то, что мнѣ какъ чужое. И воображеніе поблѣднѣло—такъ пишетъ ко мнѣ и Батюшковъ. Поэзія отворотилась. Не знаю, когда она опять на меня взглянетъ. Думаю, что она бродитъ теперь или около Васьковой горы или у Гремячаго, или въ какой-нибудь Долбинской рощѣ, несмотря на снѣгъ и холодъ! Когда-то я начну ее тамъ отыскивать! А здѣсь она откликается рѣдко, да и то осиплымъ голосомъ“ [1])...

Онъ жалуется на разсѣянность, которой у него много, несмотря на уединенную жизнь, на неспособность заниматься, которая его „давитъ“ и отъ которой онъ не можетъ отдѣлаться. „О, рощи, о, друзья, когда увижу васъ!“ Всѣ желанія и всѣ исканія Жуковскаго заключались въ томъ, чтобъ добиться независимаго положенія въ жизни, для того, чтобъ имѣть средства писать. Положеніе писателя въ обществѣ было въ ту пору незавидно, хотя оно немногимъ возвысилось и въ наше время; жить доходами съ стихотвореній нельзя было и думать (тогда писали больше для славы и для высочайшихъ подарковъ; служить — службою, чуждою убѣжденіямъ ума и сердца развитому человѣку не слишкомъ хотѣлось: вотъ источникъ заботъ и огорченій Жуковскаго въ то время: „Что же, если не удастся сгородить себѣ какого-нибудь состоянія? Если надобно будетъ рѣшиться здѣсь оставаться и служить для того, чтобы чѣмъ-нибудь жить, тогда прощай поэзія и все! Авось!“ [2]). Такая жизнь въ высшей степени тяжела для Жуковскаго: „О, Петербургъ, проклятый Петербургъ съ своими мелкими, убійственными разсѣяніями! Здѣсь, право, нельзя имѣть души! Здѣшняя жизнь давитъ меня и душитъ! Радъ бы все бросить и убѣжать къ вамъ, чтобы приняться за *доброе будущее*, котораго у меня здѣсь нѣтъ и быть не можетъ... Здѣсь у меня нѣтъ настоящаго, но возвратясь къ вамъ, я буду имѣть его [3])... Только очень рѣдко слетаетъ на него вдохновеніе.

Противодѣйствіемъ пустой и разсѣянной петербургской жизни, на которую такъ жаловался Жуковскій, была для него жизнь въ Дерптѣ, гдѣ онъ находился вблизи къ предмету любви своей и въ хорошей умственной атмосферѣ небольшого, чисто нѣмецкаго университетскаго города. Этотъ уголокъ въ то время характеромъ жизни, нравами лицъ, принадлежавшихъ къ университету, умственными, литературными и художественными интересами, совершенно напоминалъ

---

[1]) Ibid., стр. 893—894.
[2]) Ibid, стр. 896.
[3]) Ibid., стр. 899—900.

собою Германію, и Жуковскій, хорошо знакомый съ нѣмецкимъ языкомъ и литературою, какъ человѣкъ образованный и умный, совершенно освоился съ этими интересами и всею душею вошелъ въ новый, вполнѣ удовлетворявшій его кругъ общества. Скоро стало у него много знакомыхъ между нѣмецкими дворянами, профессорами, студентами. Вліяніе нѣмецкой науки и поэзіи стало сказываться на него еще сильнѣе; знакомство съ ними сдѣлалось еще глубже Это общество и эти духовные интересы тѣмъ болѣе удовлетворяли Жуковскаго, что въ нихъ въ ту пору не было ничего политическаго; всѣ стремленія носили вполнѣ идеальный характеръ. Жуковскій поэтому искренно радовался, „вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ", т.-е. студентовъ и смотрѣлъ съ глубокимъ уваженіемъ на 80-лѣтняго профессора богословія Эверса, который на студенческомъ праздникѣ, пилъ съ нимъ на *ты*. Жуковскій написалъ ему поэтическое привѣтствіе [1]). Онъ явился даже защитникомъ университета, когда въ Петербургѣ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія разсердились на весь университетъ за неправильности, допущенныя при выдачѣ дипломовъ въ юридическомъ факультетѣ: „Если можно спасти честныхъ людей отъ тяжкаго незаслуженнаго поношенія, не нарушая справедливости, то ты это сдѣлать долженъ—пишетъ онъ къ А. Тургеневу. Обвиняй профессоровъ (виноватыхъ), называй ихъ какъ хочешь, но чтобы эта анаѳема не падала на всѣхъ безъ изъятія и на весь университетъ. Здѣсь есть прекрасные люди (онъ называетъ Паррота, Эверса историка, Мойера и др.)... Самъ университетъ долженъ быть для васъ святымъ: за что разрушать его?" [2]).

Подъ вліяніемъ нѣмецкой науки и зародившагося тогда въ ней стремленія къ старинѣ и народности, Жуковскій въ Дерптѣ узналъ, что такое народная поэзія и ея значеніе. Съ этою цѣлью онъ предлагалъ Долбинскимъ роднымъ своимъ собирать народныя русскія сказки и русскія преданія. Дѣло это и самому ему казалось слишкомъ новымъ. „Не смѣйтесь—пишетъ онъ. Это—національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія; суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени просвѣщенія и о старинѣ" [3]). Можно полагать, что это предложеніе Жуковскаго дало первый толчокъ Кирѣевскому.

Два года прожилъ Жуковскій въ Дерптѣ, уѣзжая на короткое время въ Петербургъ. Конечно не одни только занятія нѣмецкой

---

[1]) „Старцу Эверсу".
[2]) Русск Арх., 1867 г., стр. 809—810.
[3]) Русск. Арх., 1864 г., стр. 902.

наукой и литературой и не одно общество профессоровъ были причиною жизни Жуковскаго въ Дерптѣ. Его влекла сюда и привязанность попрежнему безнадежная. Протасова мать не была однако довольна близостью Жуковскаго къ дочери, она не довѣряла обоимъ; Воейковъ, за котораго Жуковскій всегда являлся ходатаемъ и прежде и послѣ, поддерживалъ подозрѣнія Протасовой. Напрасно увѣрялъ Жуковскій въ своихъ братскихъ чувствахъ; ему не вѣрили; отношенія были натянуты; жизнь казалась въ высшей степени невыносимою. Жуковскій приходилъ въ полное отчаяніе.

„О себѣ ничего не пишу, сообщаетъ онъ изъ этого времени. Старое все миновалось, а новое никуда не годится. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались (съ Тургеневымъ), я не оживалъ. Душа какъ будто деревянная! Что изъ меня будетъ, не знаю! А часто-часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ! Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля“ [1]).

Это душевное состояніе Жуковскаго отразилось и на его произведеніяхъ изъ этого времени. „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ вышелъ очень слабъ. Другія поэтическія произведенія его, переводы, сдѣланные большею частью въ эти три года, не велики числомъ и объемомъ и незначительны по содержанію. Жуковскій, уѣзжая изъ Дерпта въ Петербургъ, твердо рѣшился не возвращаться туда болѣе, но это было выше нравственныхъ его силъ. „Тамъ быть невозможно“. Но судьба его, послѣ безпрерывно возрождающейся надежды и отчаянія, слѣдующаго за нею, рѣшилась наконецъ. Съ Протасовыми сблизился недавній дерптскій знакомецъ Жуковскаго—профессоръ Мойеръ, ихъ домашній врачъ, которому Жуковскій поручилъ это семейство, и откровенно разсказалъ всѣ свои отношенія. Этотъ Мойеръ, человѣкъ съ рѣшительнымъ характеромъ и большими научными свѣдѣніями въ своей спеціальности — хирургіи, очень скоро посватался за Протасову; мать дала полное согласіе, но молодая невѣста рѣшила еще посовѣтоваться съ Жуковскимъ и написала ему письмо въ Петербургъ о сватовствѣ Мойера и о своемъ намѣреніи выйти за него замужъ, находя въ этомъ замужествѣ единственный и спокойный исходъ изъ того неопредѣленнаго и тяжелаго положенія, въ которомъ оба они находились. Она разсчитывала теперь только на одно спокойствіе и тихую дружбу съ Жуковскимъ. Получивъ письмо, Жуковскій не вѣрилъ искренности словъ молодой Протасовой, думалъ, что на нее дѣйствовали принудительно, старался разувѣрить ее, молилъ объ

---

[1]) Русск. Арх., 1867 г., стр. 813.

отсрочкѣ на годъ и пр. Между ними по этому поводу завязалась дѣятельная переписка, которой біографъ [1]) приписываетъ высокое художественное значеніе. Только воротившись въ Дерптъ, Жуковскій убѣдился, что намѣреніе невѣсты вполнѣ обдуманно и неизмѣнно, что свадьба необходима для счастья ихъ обоихъ. Онъ вполнѣ и даже радостно примирился съ этою необходимостью. „У меня теперь прекрасная цѣль въ жизни, пишетъ онъ къ невѣстѣ. У меня руки развязаны дѣлать все, что̀ отъ меня зависитъ, для Машина счастья. Маша, смотри же, не обмани меня! Чтобы намъ непремѣнно вмѣстѣ состряпать твое счастье, тогда и все прекрасно“ [2]). Съ матерью Протасовой Жуковскій совершенно и искренно помирился; на Мойера смотрѣлъ, какъ на друга и товарища. Всякое личное желаніе онъ, казалось, побѣдилъ въ себѣ, хотя конечно не безъ горечи. „Тяжелыя минуты были и будутъ, говоритъ онъ, но славное чувство пропасть не можетъ“ [3]). Глубокое примиреніе онъ находилъ въ просвѣтленномъ, спокойномъ взглядѣ на жизнь, въ томъ греческомъ міросозерцаніи, которое онъ выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ изъ баллады Шиллера:

Все въ жизни къ великому средство!
И горесть, и радость—все къ цѣли одной!
Хвала жизнодавцу Зевесу!“ [4])

а также и въ поэзіи. „Поэзія—славный громовой отводъ, говоритъ онъ. Теперь мнѣ будетъ легче бесѣдовать съ моею музою. Даже и все, что̀ есть печальнаго въ моей судьбѣ, теперь не убійственно и близко своею породою къ безсмертной музѣ. Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью,—товарищъ несравненный! Вотъ мое расположеніе!“ [5])... Когда наконецъ прошелъ и срокъ свадьбы, Жуковскій долженъ былъ успокоиться: „Вокругъ меня все устроено,—пишетъ онъ къ А. Тургеневу.—Свадьба кончена (14 января 1817 г.) и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ. Благослови Господи!“ [6]).

Такъ кончилась эта долголѣтняя романическая привязанность, которой самъ Жуковскій приписывалъ большое вліяніе на свою жизнь и которая находится въ непосредственной связи, какъ съ направленіемъ его поэзіи, такъ и съ ея содержаніемъ. Она, по своей неудовлетворенности, еще болѣе способствовала развитію въ немъ сентиментальнаго чувства, еще больше удаляла его отъ дѣйствительности.

---

[1]) Зейдлицъ, стр. 98.
[2]) Ibidem, стр. 99
[3]) Ibidem, стр. 102.
[4]) „Теонъ и Эсхинъ“.
[5]) Зейдлицъ, стр. 103.
[6]) Русск. Арх., 1867 г., стр. 816.

Между тѣмъ его матеріальное положеніе значительно улучшилось: съ помощью своихъ дѣятельныхъ и преданныхъ друзей Жуковскій, пристроившись ко двору, добился того, чего желалъ—и средствъ, и независимости. Въ 1815 г. онъ сблизился съ царскимъ семействомъ. Пробывъ три дня въ Павловскѣ, у императрицы Маріи Ѳеодоровны, Жуковскій вернулся оттуда „съ сердечною къ ней привязанностью". Онъ повѣрилъ на слово придворной любезности и былъ въ восторгѣ отъ вниманія и высочайшихъ ласкъ. Надобно замѣтить, что Марія Ѳеодоровна любила русскую литературу или, по крайней мѣрѣ, покровительствовала писателямъ и собирала вокругъ себя въ Павловскѣ тѣхъ изъ нихъ, конечно, которые, сверхъ литературнаго имени, имѣли положеніе въ свѣтѣ и отличались благонамѣренностью.

Ея главнымъ приближеннымъ лицомъ и чтецомъ былъ Нелединскій-Мелецкій, извѣстный своими пѣснями и чувствительными романсами въ концѣ прошлаго вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и статсъ-секретарь. Она приглашала къ себѣ Дмитріева—министра, Карамзина—оффиціальнаго исторіографа, Крылова, Гнѣдича. Разумѣется, въ этотъ кругъ не допускались люди, жившіе журнальною критикою, на которую въ аристократическомъ кругу смотрѣли съ презрѣніемъ, и разные нечесанные поэты, какихъ тогда было довольно между мелкими чиновниками.

Жуковскій, попавъ въ придворный кругъ, скоро получилъ оффиціальное положеніе: онъ былъ назначенъ чтецомъ при императрицѣ. Мы видѣли однако, что онъ жаловался роднымъ на свою петербургскую жизнь и тосковалъ по деревенскимъ рощамъ: причина этихъ жалобъ вѣроятно заключалась въ послѣдней борьбѣ за независимость поэта и въ томъ, что, несмотря на полученіе званія лектора, положеніе его не было упрочено. Вскорѣ однако и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ. По совѣту своихъ вліятельныхъ друзей Жуковскій издалъ въ двухъ томахъ (Спб. 1815) лучшія свои произведенія, до того имъ написанныя.

Это изданіе сопровождалось письмомъ Жуковскаго къ императору Александру, въ которомъ заключался очень тонкій намекъ о необходимости одобренія, о значеніи для писателя высочайшаго покровительства:

„Смѣю думать, всемилостивѣйшій государь, что писатель, уважающій свое званіе, есть такъ же полезный слуга своего отечества, какъ и воинъ, его защищающій, какъ и судья, блюститель закона. Одобреніе государя освящаетъ трудъ его: быть достойнымъ сей награды есть добродѣтель писателя; стремиться къ сей прекрасной цѣли есть обязанность. Въ священномъ одобреніи государя заключено одобреніе отечества: оно даетъ право на уваженіе современниковъ и потомства" [1]).

---

[1]) Русск. Арх., 1867 г., стр. 801.

Слова любопытныя для насъ и въ высшей степени замѣчательныя. Они даютъ понятіе о положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, объ отношеніи его къ правительству и къ обществу и къ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомятъ насъ съ тѣмъ взглядомъ, какой имѣлъ самъ Жуковскій на свое поэтическое призваніе.

Это первое собраніе стихотвореній Жуковскаго было поднесено, при настойчивомъ ходатайствѣ друга его А. Тургенева, черезъ министра народнаго просвѣщенія князя Голицина—императору Александру. Въ концѣ 1816 г. Жуковскому назначена пенсія по смерть въ 4.000 рублей, что̀ давало ему возможность не служить и писать стихи, когда ему вздумается. Еще не задолго до полученія этой милости онъ жаловался на свое положеніе, на то, что его „странническая жизнь еще не кончилась“; теперь онъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и сознательно смотритъ на свое призваніе. „Вниманіе государя есть святое дѣло“ — пишетъ онъ въ дружескомъ письмѣ къ Тургеневу. „Имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія! Этимъ она можетъ быть только для петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней, значитъ заслуживать одобреніе государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлью— есть счастье, а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль — вотъ награда!“ [1]).

Таково было понятіе Жуковскаго о своемъ призваніи. Что такое поэзія, какъ народное воспитаніе и къ какой цѣли ведетъ это воспитаніе? Жуковскій высказывается неясно, но для насъ очевидно, что онъ стоитъ на нравственной точкѣ зрѣнія; для него поэзія, по его собственному выраженію, есть добродѣтель. Въ этихъ словахъ высказывается вліяніе сентиментальной, отвлеченной морали Карамзина. Жуковскій никогда не выходилъ изъ круга идей послѣдняго; для него Карамзинъ былъ предметомъ сердечнаго поклоненія. Въ это время, въ 1816 году, историкъ государства россійскаго пріѣхалъ въ Петербургъ съ 8-ю томами исторіи—хлопотать о ихъ напечатаніи. Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на умъ Александра нѣсколько лѣтъ тому назадъ его „Запискою“, теперь изгладилось. Императоръ Александръ

[1]) Русск. Арх., 1867 г, стр. 803—804.

смотрѣлъ теперь на русскую жизнь, на свое призваніе и на свой народъ—его глазами.

Карамзинъ былъ обласканъ дворомъ, между нимъ и государемъ начиналась сердечная дружба, основанная на одинаковости убѣжденій. И для Жуковскаго вліяніе Карамзина какъ будто обновилось; о немъ онъ не можетъ говорить безъ особеннаго чувства любви и pietas.

„Карамзинъ тебя любитъ—мудрено ли?—пишетъ онъ къ Тургеневу. Но любовь его есть счастіе. И для меня она также нужна, какъ счастіе. Скажи ему при первомъ случаѣ, что я, сколько могъ, сдержалъ свое обѣщаніе, что мнѣ будетъ можно спокойно показаться на его глаза и пожать отъ всей души ему руку. Время, которое мы провели розно съ послѣдняго нашего разставанія, не оставило на мнѣ пятна. Я бывалъ недоволенъ собою; но поступки и побудительныя ихъ причины были чисты. Теперь все устроилось. Дай Богъ *чистаго* будущаго! Кажется, что оно теперь для меня вѣрнѣе. Писать какъ можно лучше, съ доброю цѣлью, и жить какъ пишешь—вотъ и все!“ [1]).

„Мнѣ весело необыкновенно объ немъ (Карамзинѣ) говорить и думать—сообщаетъ Жуковскій въ то же время И. И. Дмитріеву.—Я благодаренъ ему за счастіе особеннаго рода: за счастіе знать и (что еще болѣе) чувствовать настоящую ему цѣну. Это болѣе, нежели что-нибудь, дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется *Карамзинымъ*: тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго [2]). Я желаю быть ему подобнымъ въ стремленіи къ хорошему. Во мнѣ живо желаніе произвести что-нибудь такое, что бы осталось памятникомъ доброй жизни. По сію пору ни дѣятельность, ни обстоятельства не соотвѣтствовали желанію; но оно не умирало, а только иногда засыпало“ [3]).

Къ работѣ, по его словамъ, обязываетъ его и полученный имъ пенсіонъ.

„Я принялся за работу и шутить не хочу... Я чувствую новую необходимость дѣятельности, а это побужденіе святое: благодарность къ государю, который далъ мнѣ лучшее благо — независимость и имѣетъ на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно! Я теперь въ службѣ и долженъ служить по совѣсти!“ [4]).

Но поэтическіе планы и намѣренія Жуковскаго не должны были

---

[1]) Русск. Арх., 1867 г., стр. 806—807
[2]) Русск. Арх., 1866 г., стр. 1630.
[3]) Ibidem, стр. 1631.
[4]) Русск. Арх., 1867 г., стр. 815—816.

осуществиться: онъ не писалъ ничего болѣе самостоятельнаго, ничего имѣвшаго отношеніе къ дѣйствительности, ничего такого, что бы, по его собственнымъ словамъ, имѣло воспитательное вліяніе на народъ. Общество восхищалось его „Вадимомъ", т.-е. второю частью „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ", который написанъ былъ имъ въ 1817 году. Это было высшее выраженіе той туманной романтической поэзіи, которую перенесъ къ намъ Жуковскій, и за которую онъ едва ли заслуживалъ имя воспитателя народа. Съ другой стороны онъ начиналъ въ это время рядъ художественныхъ переводовъ, въ которыхъ для общества тоже ничего, кромѣ художественности, не давалось. Таковъ былъ знаменитый „Овсяный кисель", которымъ самъ Жуковскій былъ чрезвычайно доволенъ:

„Это переводъ изъ Гебеля, вѣроятно, тебѣ не извѣстнаго поэта, — пишетъ онъ Тургеневу, — ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ" [1]).

Но скоро и эти художественные переводы должны были прекратиться; Жуковскій надолго забылъ поэзію, возвращаясь къ ней только въ дни семейной радости или семейнаго горя двора и до 1840 года, когда онъ освободился отъ своихъ обязанностей, выпуская весьма немногіе и то незначительные стихотворные переводы. Въ концѣ 1817 г. онъ сдѣланъ былъ учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, сначала невѣстѣ, а потомъ супругѣ Николая Павловича. Своимъ новымъ обязанностямъ онъ отдался съ полнымъ увлеченіемъ; имъ посвящаетъ онъ свое время, не жалѣя даже о своей независимости и свободѣ.

„Должность, мнѣ теперь порученная, есть счастливая должность, — пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву, — счастливая не по тѣмъ выгодамъ, которыя могутъ быть соединены съ нею, но по той необыкновенно пріятной дѣятельности, которой она меня подчиняетъ. Для поэта это главное. Имѣю передъ собою цѣль прекрасную, къ которой буду идти безъ всякихъ посторонникъ безпокойныхъ видовъ, могу быть обезпеченъ насчетъ всего, кромѣ моего долга, а этотъ долгъ привлекательный" [2]).

Мечты о уединенной жизни въ деревнѣ — навсегда покинули его. Жуковскій дѣлается членомъ царской семьи и вездѣ сопровождаетъ ее. Только изрѣдка въ стихахъ его попрежнему слышится

---

[1]) Ibidem, стр. 805.

[2]) Русск. Арх., 1870 г., стр. 1704.

скорбь о минувшемъ; воспоминанія о друзьяхъ, ихъ образы воскресаютъ въ его сердцѣ и какъ живые стоятъ передъ нимъ:

И всѣхъ друзей душа моя узнала...
Но гдѣ-жъ они? На мигъ съ путей земныхъ
На сѣверъ мой мечта васъ прикликала
Сопутниковъ младенчества родныхъ..
Васъ жадная рука не удержала
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, загихъ.
О, будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья [1]).

Это были минутныя воспоминанія; они не надолго нарушали довольство настоящимъ у Жуковскаго. Настоящее казалось ему теперь тѣмъ „очарованнымъ тамъ“, о которомъ онъ мечталъ въ годы своей молодости:

„Изъ сѣверной, любовію избранный,
И промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;
Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный;
Что младости мечты совершены;
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что *теперь* плѣнительно какъ *прежде*“ [2]).

Стихи эти, которые Жуковскій влагаетъ въ уста своей высокой ученицы, могутъ быть отнесены къ нему. Жуковскій сталъ писать теперь „Для немногихъ“, какъ назывались книжки его стихотворныхъ переводовъ, печатаемыя въ немногихъ экземплярахъ для царской семьи и высокихъ придворныхъ лицъ. Самый выборъ прежнихъ переводныхъ пьесъ не имѣетъ уже прежняго близкаго отношенія къ внутреннему міру поэта, хотя онъ и выражаетъ характеръ его. Зато переводъ дѣлается точнѣе и художественнѣе, и Жуковскій не позволяетъ уже себѣ въ чужую пьесу вводить стихи съ чисто личнымъ свойствомъ, личные намеки.

Внѣшняя сторона его стиха достигаетъ удивительнаго совершенства; въ этомъ онъ оказываетъ сильное вліяніе на русскую поэзію того времени и въ особенности на молодого Пушкина, который смотритъ на него съ глубокимъ уваженіемъ и часто называетъ его, за участіе къ бурной судьбѣ своей, своимъ геніемъ-хранителемъ. Но для содержанія русской поэзіи Жуковскій уже ничего болѣе не сдѣлалъ;

---

[1]) „Цвѣтъ завѣта“.
[2]) Ibidem.

его историческая роль, вмѣстѣ съ началомъ придворной жизни, кончилась. Поэзія стала являться Жуковскому въ видѣ „Лалла Рукъ“, т.-е. великой княгини Александры Ѳеодоровны, которая изображала лицо этой героини поэмы Т. Мура въ берлинскомъ придворномъ маскарадѣ. Онъ сталъ писать стихи вродѣ „Посланія о Лунѣ“ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, гдѣ перечисляетъ, когда и въ какомъ видѣ является луна въ его произведеніяхъ или, подчиняясь господствующему тогда мистицизму, переводитъ такія пьесы, какъ „Смерть Іисуса“—Рамлера, въ которой уже виденъ мрачный піэтизмъ послѣднихъ дней его жизни.

ЛЕКЦІЯ IX.

Отношеніе къ Жуковскому его друзей. — Батюшковъ. — Его дѣтскіе и юношескіе годы.

Какъ ни слабо было развито въ тогдашнихъ нашихъ писателяхъ чувство самостоятельности и независимости, какъ ни неопредѣленно смотрѣли они на свое литературное призваніе, на отношеніе его къ власти, къ обществу, къ народу, причемъ каждый изъ нихъ конечно съ охотою промѣнялъ бы свое жалкое бумагомарательство, не дававшее ни извѣстности, ни денегъ, на блестящее придворное положеніе Жуковскаго—все же, хотя главнымъ образомъ въ кругу друзей его, этотъ переходъ къ придворной жизни и къ званію учителя казался измѣною поэзіи. Дѣло ограничивалось, впрочемъ, одною шуткою. Жуковскаго называютъ „эксъ-балладникомъ“, смѣются надъ тѣмъ, что онъ учитъ грамотѣ принцессъ, а самъ учится придворному искусству [1]).

Дмитріевъ жалуется, что Жуковскій, пріѣхавъ въ Москву съ дворомъ, въ началѣ 1818 года, рѣдко посѣщаетъ его. „Ревность друзей его почти достигла своей цѣли—пишетъ онъ: кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды“ [2]). Все время первоначальныхъ занятій его съ великою княгинею посвящено было грамматикѣ и составленію „грамматическихъ таблицъ“ для облегченія ея изученія; ихъ Жуковскій ставилъ очень высоко. Онъ даже написалъ для этой цѣли по-французски русскую грамматику, которая была напечатана только въ десяти экземплярахъ. „Трудно повѣрить, чтобъ въ грамматиче-

[1]) Русск. Арх. 1866 г., стр. 1653, 1657.
[2]) Русск. Арх 1867 г., стр. 1092.

скихъ его таблицахъ было много поэзіи"—съ ироніей говоритъ Дашковъ [1]). Даже Карамзинъ насмѣшливо отзывается о новомъ положеніи Жуковскаго: „Жуковскій не можетъ нахвалиться своею Августѣйшею ученицею—сообщаетъ онъ Дмитріеву; но между тѣмъ пишетъ однѣ грамматическія таблицы" [2]) или „Жуковскій пишетъ стихи къ фрейлинамъ" [3]). Самое опредѣленное выраженіе этого недовольства придворною жизнью Жуковскаго, забывшаго поэзію, находится въ эпиграммѣ А. Бестужева, приписанной Пушкину, который только въ дружескихъ письмахъ называлъ его „покойникомъ". Бестужевъ принадлежалъ къ либеральному кружку, который мало видѣлъ значенія въ произведеніяхъ Жуковскаго:

„Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ—
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею,
Бѣдный пѣвецъ".

Но Жуковскій, впрочемъ, и не подавалъ либеральныхъ надеждъ; не имъ измѣнилъ онъ, а поэзіи. Другіе люди, чуждые литературы, искренно жалѣли его. „Какъ живо я чувствую всѣ неудобства его положенія, пишетъ Сперанскій къ своей дочери, когда та сообщила отцу о свиданіи съ Жуковскимъ, всю страдательность его жизни. Я слишкомъ близко видѣлъ сей родъ неволи, чтобъ не сострадать, и что́ всего хуже, нѣтъ почти средства пособить ему" [4]). Но всѣ эти сожалѣнія и друзей и людей постороннихъ относились больше къ тому обстоятельству, что Жуковскій, сдѣлавшись придворнымъ и взявъ на себя обязанности, которыя отвлекали его отъ поэзіи, долженъ былъ забыть послѣднюю, составлявшую его истинное призваніе. О самомъ содержаніи и направленіи его поэтическихъ произведеній, о томъ, что давалъ онъ ими современности и русскому обществу и много ли потери въ томъ, что онъ сталъ менѣе писать—объ этомъ не говорили; о немъ сожалѣли, какъ о поэтѣ, поэзіей котораго наслаждались. „Его стиховъ плѣнительная сладость пройдетъ вѣковъ завистливую даль"—повторяли всѣ съ увлеченіемъ слова Пушкина [5]).

---

[1]) Русск. Арх. 1868 г., стр. 593.
[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву Спб. 1866 г., стр. 253.
[3]) Ibidem, стр. 269
[4]) Русск Арх. 1868 г, стр. 1699—1700.
[5]) „Къ портрету Жуковскаго".

Отъ поэзіи тогда и не требовали ничего другого, кромѣ художественности выраженія, а ея было довольно у Жуковскаго. Какъ писатель, обязанный по своему таланту внести новую мысль въ общественное развитіе своей страны, Жуковскій ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Онъ не пошелъ дальше Карамзина, пожалуй сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ. Его міросозерцаніе было слишкомъ узко, слишкомъ несвободно; его мораль не выходила изъ догматическихъ рамокъ. Этого не могли разглядѣть современники и друзья его. Только въ лагерѣ такъ называемыхъ „либералистовъ“ того времени составилось уже тогда правильное понятіе о значеніи поэзіи Жуковскаго. „Не совсѣмъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ—пишетъ къ Пушкину Рылѣевъ.—Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за „вліяніе его на духъ нашей словесности“, какъ пишешь ты. Къ несчастью, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его“ [1]).

Въ то самое время, какъ Жуковскій уходилъ постепенно отъ дѣйствительности въ придворную жизнь, которая мало-по-малу сдѣлала его глухимъ къ требованіямъ русской жизни и общества, совершенно скрыла отъ него ихъ стремленія и желанія,—другой поэтъ, его современникъ, человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ внѣшняго выраженія, съ болѣе обработанною формою по точности и опредѣленности, чѣмъ даже у Жуковскаго, уходилъ тоже отъ дѣйствительности и погибалъ для русской жизни, но не добровольно, какъ Жуковскій, а вслѣдствіе душевнаго недуга, который былъ удѣломъ его жалкаго существованія болѣе тридцати лѣтъ. Мы говоримъ о Батюшковѣ, человѣкѣ того же поколѣнія, что и Жуковскій, даже нѣсколько моложе его. Его трагическая печальная судьба, эта темная долгая ночь сумасшествія, которая постигла его въ цвѣтѣ лѣтъ и развитія,—невольно приковываютъ къ нему вниманіе. Но и въ исторіи русской поэзіи Батюшковъ занимаетъ видное мѣсто; для современниковъ, для ближайшихъ поэтическихъ потомковъ онъ былъ классическимъ писателемъ; ему подражали; его стихъ имѣлъ вліяніе; безъ него не могъ бы сформироваться легкій и чрезвычайно опредѣлен-

[1]) Соч. К. Рылѣева, стр. 234.

ный стихъ молодого Пушкина, который еще на лицейской скамейкѣ подражалъ ему. Батюшкова въ нашихъ курсахъ исторіи литературы обыкновенно выставляютъ по способу и формѣ выраженія, какъ противоположность Жуковскому. Если послѣдняго называютъ романтикомъ, то Батюшковъ является классикомъ, представителемъ яснаго, спокойнаго и умѣющаго наслаждаться жизнью міросозерцанія древнихъ. Ему приписываютъ возрожденіе древне-греческой поэзіи въ нашей литературѣ „во всей ея художественной простотѣ, съ ея пластическимъ представленіемъ жизни и природы“, ему приписываютъ самостоятельное творчество въ духѣ древней греческой поэзіи. Пушкинъ, въ своемъ лицейскомъ посланіи къ нему (1814 г.) считаетъ необходимостью употреблять имена классическихъ боговъ и древнихъ поэтовъ, хотя и называетъ его „Парни россійскій“. „Муза Батюшкова была сродни древней музѣ“, говоритъ о поэзіи Батюшкова Бѣлинскій. Жаль только, что духъ времени и французская эстетика лишили этого поэта свободнаго и самобытнаго развитія. До Пушкина не было у насъ ни одного поэта съ такимъ классическимъ тактомъ, съ такою пластичною образностью въ выраженіи, съ такою скульптурною музыкальностью, если можно такъ выразиться, какъ Батюшковъ“... Съ своею искреннею, даже слишкомъ горячею любовью къ русской литературѣ Бѣлинскій, особенно въ позднѣйшихъ статьяхъ своихъ, напр., въ обширномъ введеніи къ разбору Пушкина, приписывалъ Батюшкову слишкомъ большое художественное значеніе, забывая вполнѣ, что при всемъ реализмѣ, при всей естественности и простотѣ чувства, выражаемаго въ его поэзіи, эта послѣдняя была совершенно чужда жизни и дѣйствительности и что Батюшковъ, несмотря на классическіе образы и предметы, на имена миѳологическихъ боговъ, богинь, нимфъ и геніевъ и пластичность выраженія, не былъ однако знакомъ съ классическимъ міромъ непосредственно, а черезъ французскихъ поэтовъ, которые давно уже подражали древнему міру, и это подражаніе въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX еще болѣе усилилось, вслѣдствіе того, что французская революція пародировала внѣшнія формы древнихъ республикъ. Но Батюшковъ, несмотря на то, что онъ ничего не подарилъ русской жизни, все-таки крупная личность въ нашей литературѣ. На ней и его произведеніяхъ стоитъ остановиться, чтобъ познакомиться съ тѣмъ, какимъ образомъ могъ развиться такой классическій поэтъ посреди русской дѣйствительности.

Батюшковъ происходилъ изъ довольно стариннаго дворянскаго рода, который жилъ въ Новгородской и Вологодской губерніи. Отецъ его былъ образованный по тогдашнему времени человѣкъ, т.-е. воспитанный на французскихъ классикахъ прошлаго вѣка и знакомый, ко-

нечно поверхностно, съ свободною мыслію энциклопедистовъ и другихъ философовъ того времени. Но на нравственное и духовное развитіе своего сына онъ не имѣлъ никакого вліянія. Мать писателя умерла, когда ему было только десять лѣтъ, но сынъ еще раньше былъ лишенъ ея: она умерла въ сумасшествіи. Надобно замѣтить, что, вѣроятно, психическая болѣзнь была наслѣдственною въ семьѣ: кромѣ матери и самого писателя, одна изъ сестеръ его, наиболѣе любимая имъ—Александра—умерла въ дѣвицахъ, тоже въ помѣшательствѣ. Поэтому очень можетъ быть, что сумасшествіе самого Батюшкова, представляемое чрезвычайно таинственно въ нашихъ литературныхъ воспоминаніяхъ и объясняемое самыми разнообразными причинами, такъ что нѣкоторые сравнивали судьбу его даже съ судьбою любимаго имъ поэта—Тасса,—объясняется очень просто и естественно.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 18 мая 1787 года, слѣдовательно онъ былъ четырьмя или пятью годами моложе Жуковскаго, но онъ не воспитывался и не росъ подобно ему въ домашней обстановкѣ. Отецъ его, вслѣдствіе умопомѣшательства жены, еще до ея смерти, отвезъ четырехъ дочерей и единственнаго сына въ петербургскіе пансіоны, а самъ по смерти жены женился въ другой разъ, что еще болѣе сдѣлало его чуждымъ дѣтямъ отъ перваго брака. Сынъ попалъ въ пансіонъ француза Жакино, у котораго воспитывались дѣти богатыхъ и знатныхъ семействъ; содержаніе и обстановка соотвѣтствовали ихъ положенію въ обществѣ, такъ что Батюшкова можно назвать въ этомъ отношеніи баловнемъ; школа жизни у него была вовсе не трудная. Воспитаніе, конечно, было во французскомъ духѣ; ученіе тоже происходило на языкѣ французскомъ, такъ что даже первый печатный литературный опытъ Батюшкова, изданный во время пребыванія его въ пансіонѣ Жакино, когда ему было только четырнадцать лѣтъ, былъ французскій переводъ извѣстной рѣчи митрополита Платона на коронацію императора Александра [1]).

Въ пансіонѣ Жакино, кромѣ французскаго языка, какъ видно изъ письма его къ отцу, онъ занимался также итальянскимъ языкомъ или по крайней мѣрѣ училъ его грамматику. Ученье, разумѣется, носило общій характеръ и приготовляло богатаго мальчика только къ свѣтской жизни и ничего не давало серьезнаго. То же самое повторилось и въ другомъ пансіонѣ учителя морского училища Триполи, куда Батюшковъ перешелъ, будучи уже четырнадцати лѣтъ,—не извѣстно, по какой причинѣ. Онъ занимался и геометріей, и рисованіемъ, и игрою на гитарѣ; сталъ знакомиться и съ нѣмецкимъ языкомъ; но

[1]) Спб. 1801.

въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ не подчинился нисколько вліянію нѣмецкой романтической поэзіи, какъ Жуковскій. Въ качествѣ коренного русскаго, Батюшковъ высказывалъ какую-то слѣпую даже ненависть къ нѣмцамъ: „Хозяинъ мой нѣмецъ, не поколотить ли его?“—пишетъ онъ въ дружескомъ письмѣ къ Гнѣдичу съ похода изъ Риги. Или въ другомъ мѣстѣ: „Я теперь въ Ригѣ, царствѣ табака и чудаковъ,—нѣмцевъ иначе называть и не можно... Я нѣмцевъ болѣе еще возненавидѣлъ: ни души, ни ума у этихъ тварей нѣтъ“ [1]).

Говорятъ, что въ пансіонѣ у Триполи онъ узналъ и латинскій языкъ, но едва ли познанія его въ этомъ языкѣ были значительны; переводы Тибулловыхъ элегій ничего не доказываютъ; они могли быть сдѣланы и съ французскаго языка, а какъ мало онъ былъ знакомъ съ латынью, доказываетъ трижды повторенный имъ Гнѣдичу уже въ 1809 году въ письмѣ вопросъ: „Что значитъ ex fulgore?“ [2]).

Стихотворные русскіе опыты свои Батюшковъ началъ очень рано, еще будучи въ пансіонѣ. Стремленіе къ писательству было возбуждено въ немъ безъ всякаго сомнѣнія родственною близостью и частымъ посѣщеніемъ имъ дома и семейства двоюроднаго брата его отца, извѣстнаго писателя и преподавателя русскаго языка великому князю Александру Павловичу—Михаила Никитича Муравьева, человѣка весьма замѣчательнаго по своему уму, образованію, доброму сердцу и авторскому таланту, напоминающему собою чрезвычайно манеру и талантъ Карамзина. Батюшковъ въ письмѣ къ другому родственнику своему И. М. Муравьеву-Апостолу, извѣстному въ нашей литературѣ своимъ дѣйствительнымъ знакомствомъ съ классическимъ міромъ и своими переводами съ греческаго, говоря о сочиненіяхъ своего двоюроднаго дяди, самъ сознается, какъ онъ много обязанъ ему и что память этого человѣка будетъ ему драгоцѣнна „до позднихъ дней жизни и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго!“ [3]).

Батюшковъ выражается о немъ съ глубокимъ уваженіемъ: „Кто зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, тотъ могъ легко угадывать самыя тайныя помышленія его души. Они клонились къ пользѣ общественной, къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ, и особенно къ успѣхамъ отечественной словесности. Онъ любилъ отечество и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея любовникъ, и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, оставался вѣренъ своей благородной страсти“ [4]).

[1]) „Русск. Стар.“, 1870 г., I, стр. 549—550.
[2]) „Русск. Стар.“ 1871 г., III, стр. 219—220.
[3]) Письмо къ И. М. М.-А. о сочиненіяхъ Г. Муравьева, стр. 123.
[4]) Ibidem, стр. 104—105.

Муравьевъ является такимъ образомъ воспитателемъ Батюшкова въ литературѣ; отъ него, говорятъ, перешла къ нему любовь къ произведеніямъ классической и итальянской поэзіи. Отъ Муравьева Батюшковъ заимствовалъ, по словамъ Бартенева, лучшіе свои гражданскіе и литературные идеалы [1]).

Въ домѣ Муравьева сначала, пока онъ не переѣхалъ въ Москву, развились литературные вкусы Батюшкова и въ немъ же онъ познакомился съ литературными представителями того времени. Жена Муравьева любила Батюшкова какъ сына и въ ихъ семействѣ онъ забывалъ свое сиротское положеніе.

Семнадцати лѣтъ Батюшковъ кончилъ курсъ своего пансіонскаго ученія. Онъ вынесъ изъ него немного свѣдѣній, кое-какія знанія въ языкахъ и въ особенности французскомъ, которымъ владѣлъ въ одинаковой степени съ русскимъ, и любовь къ литературнымъ занятіямъ, развиваемую всѣми тогдашними учебными заведеніями. Кончивъ ученіе, Батюшковъ началъ служить, но, въ противность господствующему обычаю, не въ военной, а гражданской службѣ. Служба эта была, однако, только номинальная, она не требовала отъ Батюшкова труда и оставляла ему полную свободу и много времени для литературныхъ занятій и для собственнаго дальнѣйшаго образованія. Батюшковъ, по протекціи дяди своего Муравьева, поступилъ на службу въ канцелярію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Завадовскаго, а оттуда уже прямо къ дядѣ—письмоводителемъ. Тотчасъ же по поступленіи на службу, Батюшковъ сталъ печатать въ 1805 г. свои первые поэтическіе опыты. Не безъ вліяній на развитіе классическихъ вкусовъ Батюшкова остался И. И. Мартыновъ, извѣстный впослѣдствіи переводчикъ греческихъ классиковъ, а тогда директоръ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, гдѣ служилъ Батюшковъ, и издатель журнала „Сѣверный Вѣстникъ“, гдѣ сталъ печатать свои стихи молодой поэтъ. Самостоятельнаго въ нихъ было мало. Первымъ французскимъ поэтомъ, въ особенности любимымъ Батюшковымъ, изъ котораго онъ много переводилъ и любовь къ которому онъ передалъ молодому Пушкину, былъ Парни (1753—1814). Это былъ поэтъ переходнаго времени, съ замѣчательнымъ талантомъ и красотою стиха. Въ немъ уже слышатся звуки новаго времени; элегическое настроеніе дѣлало его любимцемъ людей молодого поколѣнія — онъ ближе подходилъ къ нимъ; Парни можно бы, пожалуй, назвать и романтикомъ, еслибъ въ его поэзіи было побольше мечтательныхъ элементовъ и, еслибъ свойственная французамъ любовь къ опредѣленной формѣ и чувственность не удерживали его на землѣ. Въ

[1]) „Русск. Арх.“, 1867 г., стр. 1350.

Парни осталось много слѣдовъ скептицизма прошлаго вѣка; это былъ прямой наслѣдникъ Вольтера и его насмѣшки надъ миѳологіями всѣхъ странъ, а также надъ христіанствомъ, въ духѣ своего учителя, отличаются рѣзкою насмѣшливостью и весьма нескромными выраженіями, хотя и заключенными въ изящный стихъ. Въ особенности Парни былъ большой мастеръ на сладострастныя картины изъ жизни боговъ и богинь классическаго міра. Картины эти сильно нравились нашимъ поэтамъ и переводились ими, хотя и съ большими пропусками, сдѣланными русскою цензурою. Первая переводная пьеса, сдѣланная Батюшковымъ изъ Парни въ 1805 году, была элегія. Въ ней выражается полное разочарованіе жизни, говорится о ея утратахъ и пр. Но Батюшковъ не поддался этому направленію, подобно Жуковскому. Рядомъ съ элегическимъ настроеніемъ, въ немъ сказалось и сатирическое. Въ „Посланіи къ моимъ сочиненіямъ“ онъ смѣется надъ множествомъ расплодившихся у насъ поэтовъ, надъ ихъ одами, посланіями, пѣснями, драмами и т. п., надъ всею этою стихотворною стряпнею, въ которой не было вовсе дѣйствительнаго содержанія. Не безъ вліянія на эту сатиру былъ „Чужой толкъ“—Дмитріева. Кромѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ первые стихотворные опыты Батюшкова помѣщались и въ другомъ журналѣ его начальника Мартынова „Лицей“ въ 1806 году. Связи Батюшкова ограничивались тогда петербургскими литераторами. Онъ былъ знакомъ, напр., съ Пнинымъ, рано умершимъ, и напечаталъ по поводу его смерти стихи, въ которыхъ отзывается о немъ съ большимъ уваженіемъ, какъ и другіе знавшіе его люди.

Въ 1807 году и начавшаяся служба Батюшкова и его поэтическіе опыты были вдругъ прерваны по собственному его желанію. Когда въ ноябрѣ 1806 года манифестомъ была объявлена милиція, дворянское сердце Батюшкова не выдержало, и онъ поступилъ въ стрѣлковый батальонъ петербургскаго ополченія, а въ началѣ 1807 года выступилъ въ походъ въ западный край. Батюшковъ отдался тревогамъ военной жизни со всѣмъ пыломъ молодости; ему было только двадцать лѣтъ; онъ былъ полонъ силъ и здоровья. Его письма, которыя онъ писалъ съ этого похода къ другу своему и сослуживцу Гнѣдичу, оказавшему значительное вліяніе на классическое образованіе Батюшкова, и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, письма, исполненныя веселости, юмора и молодого задора, свидѣтельствуютъ, что молодой Батюшковъ былъ въ эту пору вполнѣ доволенъ собой и своимъ положеніемъ. „Мнѣ очень нравится военное ремесло—пишетъ онъ Гнѣдичу. Что будетъ впередъ, Богъ вѣсть. Брани меня, а я штатскую службу ненавижу, чернила надоѣли, а стихи все люблю хотя они меня не любятъ“ [1])... Ему хочется соединить ремесло воина

[1]) Русск. Стар. 1870 г., т. I, стр. 550.

съ ремесломъ поэта; въ эту пору онъ только что познакомился съ поэмою Торквато Тассо, которая вообще была любимымъ его произведеніемъ. Отрывки изъ нея, и прозой и стихами, онъ печаталъ часто и хотѣлъ издать полный переводъ. Поэма Тасса была съ нимъ въ походѣ. „Вообрази себѣ меня ѣдущаго на рыжакѣ — сообщаетъ онъ Гнѣдичу,—по чистымъ полямъ, и я счастливѣе всѣхъ, всѣхъ королей; ибо дорогою читаю Тасса или что подобное. Случалось, что раскричишься и съ словомъ „о, доблесть дивная, о, подвиги геройски!“ прямо на бокъ и съ лошади долой. Но это не бѣда! лучше упасть съ буцефала, нежели падать, подобно Боброву—съ пегаса“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „вздѣлъ кафтанъ Ареевъ“ невзначай. Главные интересы его въ письмахъ сосредоточены почти исключительно на литературѣ и въ особенности на современныхъ ея явленіяхъ въ Россіи. На походѣ онъ непремѣнно хочетъ знать, что дѣлается въ этомъ мірѣ въ Петербургѣ. Онъ спрашиваетъ объ Озеровѣ, о врагахъ его, о представленіи Донского, о Капнистѣ, о переводѣ Гнѣдичемъ Гомера, проситъ о присылкѣ новыхъ русскихъ книгъ, посылаетъ поклоны, кромѣ упомянутыхъ лицъ, Крылову, Шаховскому и др. Видно, что у него были уже значительныя литературныя связи. Но съ другой стороны, въ этихъ же письмахъ, совершенно откровенныхъ и дружескихъ, высказывается Батюшковымъ полный восторгъ при впечатлѣніяхъ военной и бивачной жизни; поэтическіе отрывки, сообщаемые въ этихъ письмахъ, говорятъ только о ней. Напрасно стали бы искать въ этихъ письмахъ Батюшкова какихъ-нибудь политическихъ чувствъ, болѣе глубокихъ наблюденій надъ положеніемъ тогдашнихъ дѣлъ, свѣдѣній о краѣ, которымъ онъ шелъ походомъ, и т. п. Ничего подобнаго не найдемъ мы здѣсь. Батюшковъ былъ слишкомъ молодъ и съ самозабвеніемъ отдавался тревогамъ войны; она вполнѣ удовлетворяла его. Только мимоходомъ можно найти у него свѣдѣнія о незавидномъ положеніи нашей арміи, о томъ, какъ нерасположены къ намъ поляки въ своемъ краю и пр. Письма пересыпаны поэтическими отрывками, въ которыхъ иногда случайно проскользнетъ картина дѣйствительности, напр. Это изображеніе несчастнаго финна около Нарвы:

„Тамъ финна бѣднаго сума
Съ усталыхъ плечъ валится;
Несчастный къ уголку садится
И, слезы утеревъ раздраннымъ рукавомъ,
Догладываетъ хлѣбъ мякинной и голодной...
Несчастный сынъ страны холодной!
Онъ съ голодомъ, войной и русскими знакомъ“ [2]).

[1]) Ibidem, стр. 551.
[2]) Ibidem.

Скоро, однакожъ, къ пріятностямъ переходовъ и бивачной жизни, радовавшей Батюшкова, присоединились и трудности и невыгодныя стороны войны. Въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, въ Сѣверо-Восточной Пруссіи, въ маѣ 1807 года, Батюшковъ былъ тяжело раненъ пулею на вылетъ въ ногу. Надобно вспомнить тогдашнее устройство медицины въ нашей арміи, чтобъ представить себѣ какія страданія долженъ былъ вынести Батюшковъ вслѣдствіе этой раны. Его привезли въ Ригу. „Что могъ вытерпѣть дорогою, лежа на телѣгѣ, того и понять не могу“ [1]). Голодъ, боль и ни гроша денегъ въ карманѣ должны были разочаровать Батюшкова въ прелестяхъ военной жизни, но онъ былъ молодъ и здоровъ, а потому легко переносилъ невзгоды. Что̀ онъ вытерпѣлъ, легко составить себѣ представленіе по его собственному разсказу о другѣ его Петинѣ, которому посвящено имъ нѣсколько лучшихъ стихотвореній и цѣлая статья воспоминаній, свидѣтельствующая о томъ нѣжномъ чувствѣ, которое соединяло обоихъ, несмотря на всю противоположность ихъ наклонностей и вкусовъ. Петинъ учился въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ при университетѣ, а потомъ въ Пажескомъ корпусѣ. Его занятія направлены были къ изученію наукъ математическихъ, и Батюшковъ говоритъ, что въ нихъ онъ показывалъ рѣдкую гибкость ума. Онъ служилъ въ гвардейскомъ егерскомъ полку и вмѣстѣ съ Батюшковымъ выступилъ въ походъ. Въ одно почти время оба они были ранены. „Въ тѣсной лачугѣ, на берегахъ Нѣмана, безъ денегъ, безъ помощи, безъ хлѣба (это не вымыселъ), въ жестокихъ мученіяхъ, я лежалъ на соломѣ и глядѣлъ на Петина, которому перевязывали рану... Кругомъ хижины толпились раненые солдаты, пришедшіе съ полей несчастнаго Фридланда, и съ ними множество плѣнныхъ. Весь берегъ покрытъ ранеными; множество русскихъ валяется на сыромъ песку, на дождѣ, многіе товарищи умираютъ безъ помощи, ибо всѣ дома наполнены“ [2]). Батюшковъ скоро поправился отъ своей раны при хорошемъ уходѣ, который онъ нашелъ въ Ригѣ. „Меня принимаютъ въ прекрасныхъ покояхъ, кормятъ, поятъ изъ прекрасныхъ рукъ, я на розахъ!.. Я пью изъ чаши радостей и наслаждаюсь“ — пишетъ онъ Гнѣдичу [3]). При такой обстановкѣ легко было вылѣчиться скоро молодому и крѣпкому Батюшкову. Совершенно автобіографическимъ интересомъ проникнуто стихотвореніе „Воспоминаніе“, написанное въ 1807 году, въ которомъ, разсказавъ о Гейльсбергскомъ сраженіи, о ранѣ, о восторгѣ, съ какимъ онъ переплылъ на родную границу чрезъ Нѣманъ, Батюшковъ

---

[1]) Ibidem, стр. 552.

[2]) Воспоминанія мѣстъ, сраженій и путешествій, Москвитянинъ 1851 г. № 5, стр. 13—14.

[3]) Русск. Стар. 1870 г., т. I, стр. 553.

воспоминаетъ тотъ мирный и гостепріимный кровъ, который пріютилъ его въ Ригѣ:

Семейство мирное! ужель тебя забуду,
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду?..
Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный Эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ-подъ косы и дивно исцѣлилъ
Меня, борющагось уже съ смертельной мукой"...

Въ этомъ гостепріимномъ пріютѣ ждала его и молодая любовь, которая оставила довольно продолжительное впечатлѣніе на его сердце:

„Ужели я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою
У ложа горькихъ мукъ, отчаянья и слезъ,
Какъ утѣшителя, какъ вѣстника небесъ,
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: ней здравье и любовь!"

И въ послѣдующіе годы Батюшкову были дороги эти воспоминанія:

„Воспоминанія!
Лишь вами окрыленный,
Къ ней мыслію лечу
И въ часъ полуночи туманной
Мечтой очарованной,
Я слышу въ вѣтеркѣ, принесшемъ на крылахъ
Цвѣтовъ благоуханье —
Эмиліи дыханье"... и пр.

Впрочемъ любовь эта, повидимому, недолго задержала Батюшкова въ Ригѣ; еще въ 1807 году онъ воротился въ Петербургъ; не совсѣмъ оправившись отъ раны, онъ долженъ былъ снова лѣчиться. Муравьевы въ это время были въ Москвѣ, но Батюшковъ нашелъ другой совершенно родной пріютъ въ семьѣ Олениныхъ.

ЛЕКЦІЯ X.

Батюшковъ въ Финляндіи.—Отставка и жизнь въ деревнѣ.—Увлеченіе Торквато Тассо.—Отношеніе къ спору о слогѣ и патріотическому направленію въ литературѣ.—«Видѣніе на берегахъ Леты».—Переѣздъ въ Москву.—Сближеніе съ литературными кружками.

По возвращеніи въ Петербургъ изъ похода 1807 года, Батюшковъ не оставлялъ военной службы; напротивъ, онъ сдѣлался настоящимъ гвардейскимъ офицеромъ, будучи переведенъ въ тотъ полкъ, гдѣ служилъ другъ его Петинъ и получивъ награды за свою рану. Недолго, однако, онъ жилъ въ Петербургѣ на покоѣ; началась фин-

ляндска война, и Батюшковъ снова долженъ былъ выступить въ походъ. Это было весной 1808 года, и въ Финляндіи Батюшковъ оставался до лѣта слѣдующаго года. Въ войнѣ этой онъ не отличился ничѣмъ и, кажется, насколько можно судить по его дружескимъ письмамъ къ Гнѣдичу, война эта порядочно надоѣла ему, и съ самаго ея начала онъ сталъ думать объ отставкѣ. „Мнѣ такъ грустно, такъ я собой недоволенъ и окружающими меня,—пишетъ онъ,—что не знаю, куда дѣваться. Повѣришь ли? Дни такъ единообразны, такъ длинны, что самая вѣчность едва ли скучнѣе. А вы, баловни, жалуетесь на свое состояніе!“ [1]). Повидимому, онъ былъ боленъ и физически и нравственно и скоро подалъ въ отставку. „Такъ нездоровъ,—жалуется онъ,—что къ службѣ вовсе не гожусь, хотя и желалъ бы продолжать“... Съ другой стороны и „люди мнѣ такъ надоѣли и все такъ наскучило, а сердце такъ пусто, надежды такъ мало, что я желалъ бы уничтожиться, уменьшиться, сдѣлаться атомомъ“ [2])... Онъ мечталъ и стремился въ эти минуты грусти и тоски поскорѣе въ деревню; тогда же онъ просилъ сестеръ сшить ему „щеголеватый халатъ на ватѣ“. Даже вопросы его о явленіяхъ петербургской литературы и просьбы къ Гнѣдичу о присылкѣ новыхъ книгъ встрѣчаются гораздо рѣже и лишены прежней энергіи.

Природа Финляндіи, довольно грандіозная, но бѣдная, не произвела, повидимому, никакого впечатлѣнія на Батюшкова. „Ужасное единообразіе!—пишетъ онъ къ Оленину:—Скука стелется по снѣгу, и безъ затѣй сказать, такъ грустно въ сей дикой, безплодной пустынѣ, безъ книгъ, безъ общества и часто безъ вина, что мы середы съ воскресеньемъ различить не умѣемъ“ [3]). Какъ объяснить послѣ этого его восторженное описаніе природы Финляндіи, которое онъ назвалъ отрывкомъ изъ писемъ русскаго офицера. Оказывается, что отрывокъ этотъ, напечатанный Батюшковымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1810 года, есть не что иное, какъ переводъ изъ описанія „общей физіогноміи Скандинавскаго Сѣвера“, сдѣланнаго французскимъ естествоиспытателемъ Ласепедомъ въ его „Ages de la Nature“. Батюшковъ все, что говорится здѣсь о Скандинавіи, о характерѣ природы и ея жителей, о поэзіи скальдовъ и миѳологіи Одина — отнесъ къ Финляндіи. Невзыскательные современники не замѣтили этого наивнаго подлога и твердили наизусть знаменитое описаніе Финляндіи: „Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма“,—вошедшее потомъ во всѣ риторики. Отъ себя Ба-

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 211.
[2]) Іb., стр. 212—213.
[3]) „Русск. Арх. 1867 г., стр. 1444.

тюшковъ прибавилъ только нѣсколько строкъ, какъ общее воспоминаніе о трудностяхъ финляндской войны, о рядахъ русскихъ могилъ, обозначенныхъ крестами, которые тянутся вдоль дороги или вдоль песчанаго морского берега. Самая война потеряла для Батюшкова всѣ свои пріятности; въ его стихотвореніяхъ почти нѣтъ о ней воспоминаній:

„Помнишь ли, питомецъ славы
Индесальми страшну ночь?
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я, и съ музой прочь!
Между тѣмъ, какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ приготовлялъ“ [1])...

Но и здѣсь, въ этой негостепріимной Финляндіи, которая ему такъ не нравится,

„Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ природы,
Гдѣ плещутъ о скалы ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ“ [2])...

Батюшковъ вспоминаетъ, что онъ былъ вполнѣ счастливъ мечтой, т.-е. поэзіей. Тассо и Петрарка сопровождали его.

Вышедши въ отставку, изъ Финляндіи Батюшковъ уѣхалъ въ вологодскую деревню къ отцу. Здѣсь пробылъ онъ мѣсяцевъ пять, весь конецъ 1809 года, въ большомъ уединеніи, радуясь только письмамъ, которыя получалъ по временамъ. Сначала, повидимому, онъ былъ доволенъ своею жизнью

„Въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ“ [3]),

доволенъ „безвѣстностью въ сабинскомъ домикѣ своемъ, посреди глиняныхъ пенатовъ“ [4]); онъ приглашалъ сюда пріятеля своего Гнѣдича:

„Тебя и нимфы ждутъ, объятья простирая,
И фавны дикіе, кроталами играя,
Придешь — и всѣ къ тебѣ навстрѣчу прибѣгутъ
Изъ древъ гамадріады,
Изъ рѣкъ обмытыя наяды,
И даже сельскій попъ, сатиръ и пьяный плутъ“ [5]).

---

[1]) „Къ П. А. Петину“.
[2]) „Мечта“.
[3]) „Мои пенаты. Посланіе къ М. и В.“.
[4]) „Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу“.
[5]) Русск. Стар. 1877, т. III, стр. 214

Но мало-по-малу деревенская жизнь одолѣвала его скукой и однообразіемъ своимъ, а онъ не могъ изъ нея вырваться, ожидая, какъ кажется, оброка съ крестьянъ. Онъ проситъ о присылкѣ ему книги о псовой охотѣ. Онъ жалуется на то, что не знаетъ чѣмъ наполнить свое время въ деревнѣ: „Если-бъ зналъ, что здѣсь время за вещь? Что крылья его—свинцовыя? Что убить нечѣмъ? Ужъ я принужденъ читать *пряники* Долгорукова, за неимѣніемъ лучшаго“ [1]). Въ деревнѣ онъ перечитываетъ старыхъ писателей: „Я читалъ все это время Княжнина сочиненія. Сколько хорошаго, сколько ума и соли!—и какое холодное, мерзлое дарованіе!“ [2]). Чтеніе иныхъ произведеній приводитъ Батюшкова иногда въ полное довольство: „Я иногда веселъ, веселъ, какъ царь... Недавно читалъ Державина „Описаніе Потемкинскаго праздника“. Тишина, безмолвіе ночи, сильное устремленіе мыслей, пораженное воображеніе, все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ передъ собой людей, толпу людей, свѣчки, апельсины, брильянты, царицу, Потемкина, рыбъ и Богъ знаетъ чего ни увидѣлъ, такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Внѣ себя побѣжалъ къ сестрѣ... Что съ тобой?.. Оно! Они! Перекрестись, голубчикъ! Тутъ-то я насилу опомнился. Но это описаніе сильно врѣзалось въ мою память. Какіе стихи! Прочитай, прочитай, Бога ради, со вниманіемъ. Ничѣмъ никогда я такъ пораженъ не былъ!..“ [3]). Несмотря на бездѣйствіе и скуку, на которыя жалуется Батюшковъ въ деревнѣ, съ этого именно времени начинается болѣе плодовитая дѣятельность его и въ стихахъ и въ прозѣ. Изъ деревни посылаетъ онъ свои произведенія для помѣщенія въ два журнала: „Цвѣтникъ“ и „Вѣстникъ Европы“. Торквато Тассъ,—попрежнему любимый поэтъ Батюшкова. Онъ помѣщаетъ въ журналахъ отрывки въ прозѣ и стихахъ своего перевода его поэмы. Несчастія и слава Тасса преслѣдуютъ его воображеніе. Въ своемъ Посланіи „Къ Тассу“ онъ разсказываетъ эту судьбу:

„Торквато! Кто испилъ всѣ горькія отравы
Печалей и любви, и въ храмъ безсмертной славы,
Ведомый музами, въ дни юности проникъ,
Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ“.

Повидимому, онъ доволенъ этою дѣятельностью: „Я весь итальянецъ, т.-е. перевожу Тасса въ прозу,—пишетъ онъ къ Гнѣдичу (хотя онъ переводилъ отрывки и стихами).—Хочу учиться и дѣлаю исполинскіе успѣхи. Стихи свои переправилъ такъ, что самому любо.

---

[1]) Ib., стр. 218.
[2]) Ib., стр. 219.
[3]) Ib, стр. 225.

Право, лучшій судья, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, самъ сочинитель, если онъ не зараженъ величайшимъ порокомъ и величайшею добродѣтелью—самолюбіемъ“ [1]). Но было и въ эту пору какое-то раздвоеніе въ натурѣ Батюшкова, не позволявшее ему надолго оставаться довольнымъ и собою и своими трудами. Такъ было и съ переводомъ Тасса. Болѣе скромный въ своихъ желаніяхъ, болѣе ограниченный въ жизненныхъ требованіяхъ, пріятель его Гнѣдичъ нѣсколько лѣтъ сидѣлъ надъ переводомъ Иліады, продолжая сначала трудъ Кострова александрійскими стихами, а потомъ уже переводя самостоятельно—гекзаметрами и былъ вполнѣ доволенъ своей работой. Не таковъ былъ Батюшковъ; самолюбіе его, повидимому, было всегда развито въ высшей степени. Онъ скоро разочаровался въ достоинствѣ и значеніи своего перевода и отзывался о немъ уже саркастически. „Ты мнѣ твердишь объ Тассѣ или Тазѣ,—пишетъ онъ къ Гнѣдичу,—какъ-будто я сотворенъ по образу и подобію Божьему затѣмъ, чтобъ переводить Тасса. Какая слава, какая польза отъ этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лѣни“ [2])... Чѣмъ былъ недоволенъ Батюшковъ—мы не знаемъ: такъ неопредѣленны его жалобы, хотя въ основѣ ихъ, вѣроятно, заключено сильно развитое самолюбіе. Но чѣмъ было задѣто оно—тоже неизвѣстно. „И я могъ думать, что у насъ дарованіе безъ интригъ, безъ ползанья, безъ какой-то разсчетливости, можетъ быть полезно! И я могъ еще дѣлать на воздухѣ замки и ловить дымъ!..“ „А ты мнѣ совѣтуешь переводить Тасса въ этомъ состояніи! Я не знаю, но и этотъ Тассъ меня огорчаетъ... Знаю и то, что мой Тассъ или Тазъ не такъ хорошъ, какъ ты думаешь... Но, если онъ и хорошъ, то какая мнѣ отъ него польза? Лучше ли пойдутъ мои дѣла (о которыхъ мнѣ не только говорить, но и слышать гадко), болѣе или менѣе я буду счастливъ?..“ [3]). Впослѣдствіи Батюшковъ однако снова обратился къ прежнему любимцу своему Тассу и въ своей знаменитой элегіи „Умирающій Тассъ“ (1817 г.), написанной превосходными стихами, изобразилъ блестящую, глубоко прочувствованную его апотеозу.

Принадлежа къ молодому поколѣнію, Батюшковъ, конечно, не могъ остаться вдали отъ того литературнаго спора, который именно въ это время съ бо̀льшею ожесточенностью происходилъ между представителями древняго и новаго слога. Между Карамзинистами были у него пріятели, хотя самъ онъ въ то время вовсе не былъ такимъ набожнымъ поклонникомъ Карамзина, какъ Жуковскій, и въ друже-

---

[1]) Ib., стр. 219.
[2]) Ib., стр. 230.
[3]) Ib., стр. 231.

скихъ письмахъ зло смѣялся надъ его манерою. Впрочемъ не видно, чтобъ онъ уважалъ и высоко ставилъ современную русскую словесность—и справедливо. Батюшковъ очень хорошо понималъ всю ея мелочность, всю ея ничтожность, и извѣстность, пріобрѣтенная въ этой области, вовсе не казалась ему завидною. Но особенно не расположенъ онъ былъ конечно къ представителямъ стараго слога, которые въ то время не собирались еще въ „Бесѣду", а были только членами Россійской Академіи. „У меня есть сосѣдъ, который пишетъ, читаетъ церковную подъ титлами и гражданскую печать, не примутъ ли его въ академію? Знаешь ли какія этимъ членамъ надобны кресла? Стульчаки. О, варвары, о, Крашенинниковы, о, Тредіаковскіе!.. Эта академія не всегда была запакощена, въ ней были, сіяли люди, истинно съ дарованіями" [1]). Съ какою заботою Батюшковъ старается удалить Гнѣдича отъ этихъ людей, литературные вкусы которыхъ должны, по его мнѣнію, вредно повліять на переводъ Иліады: „Разстанься, удались отъ писателей. Повѣрь мнѣ, это нужно. Я знаю этихъ людей; они вблизи гораздо болѣе завидуютъ. Хорошо съ ними водиться тому, кто ищетъ одной извѣстности, а не славы... Я думаю, что вечеръ, проведенный у Самариной, или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, нежели чтеніе нашихъ варваровъ... Я не знаю, поймешь ли меня, но мнѣ кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы изъ Маріы Посадницы, нежели Шишкова холодныя творенія [2])... Я слогъ ихъ сравниваю съ рѣкой, въ которую нельзя погрузиться, не омочивъ себя... Мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе чтеніе Библіи, нежели всѣхъ нашихъ академическихъ сочиненій, ибо въ первой есть поэзія" [3])... Въ эту пору господствовало въ литературѣ патріотическое направленіе. Растопчинъ печаталъ свои „Мысли на Красномъ Крыльцѣ"; С. Глинка шумѣлъ съ своимъ журналомъ. Батюшковъ очень хорошо разглядѣлъ всю фальшь этого направленія. Вотъ что онъ пишетъ Гнѣдичу: „Любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и что еще болѣе—цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь, и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жаркіе декламаторы—не любятъ, или не умѣютъ любить русской земли. Имѣю право сказать это, и всякій пусть скажетъ, кто добровольно хотѣлъ принести

---

[1]) Ib., стр. 220.
[2]) Ib., стр. 221.
[3]) Ibidem.

жизнь на жертву отечеству... Да дѣло не о томъ: Глинка называетъ Вѣстникъ свой „Русскимъ“, какъ будто пишетъ въ Китаѣ, для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: русское, русское, русское... а я потерялъ вовсе терпѣніе“ [1])... Естественно, что при такомъ разладѣ съ господствовавшимъ въ тогдашней литературѣ патріотическимъ направленіемъ, Батюшковъ и на всю русскую исторію смотрѣлъ не ихъ глазами. Она начиналась для него только съ вѣка нашего просвѣщенія. „Невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т.-е. съ разсужденіемъ,—говоритъ онъ.—Я сто разъ принимался; все напрасно. Она дѣлается интересной только со временъ Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ; читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и пр. и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины. *Великій*, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, *мелкій*, ибо занимаешься пустяками“ [2])... Батюшковъ смѣется надъ такими любителями исторіи, какъ тогдашній литераторъ Писаревъ, издатель сборника „Калужскіе Вечера“, который „пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на *скомонѣхъ*, былъ лицомъ бѣлъ, сѣкъ рынду батогами и пр.“ [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Батюшковъ имѣлъ свои опредѣленныя политическія убѣжденія, былъ вообще человѣкъ очень развитой и относился ко многому вовсе не равнодушно, не предпочитая всему свой стихотворный талантъ: напротивъ, онъ много разъ высказывалъ, какъ онъ мало цѣнитъ этотъ талантъ свой. Что же мѣшало Батюшкову, человѣку съ умомъ и литературнымъ талантомъ, какъ мы видѣли, излагать свои мнѣнія и убѣжденія тамъ, гдѣ они могли сдѣлаться достояніемъ цѣлаго общества, а не беречь ихъ про себя или для интимной бесѣды вдвоемъ? Въ литературѣ онъ являлся только какъ поэтъ-проповѣдникъ эпикурейскаго наслажденія жизнью или въ прозѣ высказывалъ незначительныя общія мѣста и разсуждалъ о вопросахъ, не имѣющихъ вовсе прямого отношенія къ русской жизни; ее онъ почти игнорировалъ. Причина такого обстоятельства заключалась конечно, во-первыхъ, въ томъ, что литература наша не привыкла сколько-нибудь съ участіемъ обращаться къ дѣйствитель-

---

[1]) Ib., стр. 228—229.
[2]) Ibidem, стр. 227.
[3]) Ibidem.

ности и къ вопросамъ общественной жизни, что она преимущественно занята была формальною стороною, что она только тогда обращалась къ дѣйствительности и къ общественнымъ вопросамъ, когда на нихъ указывала власть, а при молчаніи власти литературѣ не было никакого дѣла до жизни. Съ другой стороны, это происходило и отъ того постояннаго стѣсненія русской мысли, которое она испытывала отъ цензуры. Подъ ея парализующимъ вліяніемъ мысль въ печати являлась совершенно безучастною къ жизни, приличною, но безсодержательною; ея энергія и сила сохранялись только для интимной бесѣды съ друзьями и здѣсь надобно искать происхожденіе и необходимость существованія тѣхъ кружковъ, которые поддерживали свободныя преданія мысли нашей и не дозволяли ей совсѣмъ заглохнуть. Такъ и Батюшковъ жилъ въ кружкѣ лучшихъ умственныхъ представителей того поколѣнія, къ которому принадлежалъ онъ. Конечно не одна формальная сторона литературы, не отдѣлка стиха соединяла въ одинъ кружокъ съ Батюшковымъ и Жуковскимъ такихъ людей, какъ Блудовъ, Дашковъ, Вяземскій и др., которые слѣдили за духовнымъ развитіемъ Европы и были въ ней, какъ дома. Если-бъ они оставались при однихъ вопросахъ литературы, то нѣкоторые изъ нихъ не могли бы сдѣлаться такими замѣчательными государственными людьми, какими они были. Къ сожалѣнію, въ печати отъ этой умственной жизни кружка остался ничтожный слѣдъ.

Батюшковъ поэтому цѣнилъ свободную мысль, которой впрочемъ не давали хода. Однимъ изъ издателей журнала „Цвѣтникъ“, въ которомъ онъ помѣстилъ нѣсколько эпиграммъ, въ то время былъ Беницкій, молодой человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, умершій въ 1809 г. отъ чахотки. Получивъ извѣстіе о его смерти, Батюшковъ искренно пожалѣлъ его: „Больно жаль Беницкаго!—пишетъ онъ Гнѣдичу. Жильбертъ въ немъ воскресъ и умеръ. Большія дарованія, рѣдкій, свѣтлый умъ; жаль, что залилось желчью; а его болѣзнь, я думаю, превратилась въ нервическую; я на себѣ испыталъ это ужасное положеніе: чувствовать все гораздо сильнѣе, но съ меньшими тѣлесными силами!“ [1]). „Я читалъ нынѣ „умнаго и дурака“ въ „Таліи“. Онъ какъ предвидѣлъ конецъ свой. Все, что ни написано, сильно, даже ужасно, слишкомъ сильно, написано желчью“ [2]). „Талія“, о которой говоритъ Батюшковъ, былъ сборникъ въ стихахъ и прозѣ, котораго первую часть Беницкій издалъ въ 1807 году; вторая часть была отпечатана, незадолго до смерти издателя, въ 1809 году, но задержана цензурой.

---

[1]) Ibid., стр. 210.

[2]) Ibid, стр. 222.

Естественно, что при такомъ взглядѣ на литературу, Батюшковъ смѣялся надъ современными ея представителями, особенно надъ тѣми, которые принадлежали къ отживающему поколѣнію, къ партіи Шишкова. Кромѣ эпиграммъ на нихъ, Батюшковъ написалъ тогда въ деревнѣ довольно большое стихотвореніе „Видѣніе на берегахъ Леты“, которое не было тогда напечатано, вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ и сдѣлалось извѣстно въ полномъ видѣ только въ 1861 году [1]). Батюшковъ переслалъ его къ Гнѣдичу изъ деревни и тотъ распространилъ его въ петербургскомъ кружкѣ литераторовъ. Авторъ разсказываетъ свой фантастическій сонъ, который тяжело спустился на него вслѣдствіе утомленія отъ чтенія поэмъ Боброва. Ему мерещится, что внезапная смерть постигла нашихъ писателей, вѣсть объ этой смерти Меркурій приноситъ въ Элизіумъ, гдѣ находятся тѣни нашихъ писателей прошлаго вѣка и говоритъ, что всѣ они сейчасъ придутъ на берега тихой Леты и будутъ погружать въ ея волнахъ свои сочиненія:

„Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
Здѣсь опытъ будетъ правосуденъ.
Стихи и проза безразсудны
Потонутъ въ мигъ“...

Всѣ они собираются на встрѣчу своихъ новыхъ сотоварищей:

„Вотъ они

говоритъ Батюшковъ, пародируя разсказъ о тѣняхъ изъ VI пѣсни Энеиды:

„Подобно, какъ въ осенни дни,
Поблекши листія древесны
Что буря въ долахъ разнесла,
Такъ тѣнямъ симъ не вѣсть числа!
Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ;
Идутъ подъ бременемъ трудовъ,
Безгласны, блѣдны приступаютъ,
Любезныхъ дѣтищей купаютъ
И болѣе не зрятъ въ волнахъ...“

Изъ массы этихъ тѣней выдѣляются: Мерзляковъ, какъ переводчикъ Виргилія („Эклоги“ 1807 г.), Захаровъ, Князь Шаликовъ и Макаровъ, какъ представители карамзинской сентиментальности:

„Какія странныя обновы!
Отъ самыхъ ногъ до головы

[1]) Библіографическія Записки 1861 г., стр. 638—643.

Обшиты платья ихъ листами.
Гдѣ прозой дѣтской и стихами
Иной кладбище мавзолей,
Другой журналъ души своей,
Другой Меланію, Зюльмису,
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Луну, Веспера, голубковъ,
Барановъ, кошекъ и котовъ
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ
На всякій ладъ, для женщинъ *милыхъ*".

Затѣмъ выступаетъ С. Глинка съ своимъ хвастливымъ патріотизмомъ, потомъ три женщины-писательницы, изъ которыхъ одна Бунина, потомъ Бобровъ „виноносный геній". За нимъ

„Призракъ чудесный и великій
Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ
Тихонько тянется къ рѣкѣ.
На мѣсто клячей запряженны
Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
И тянутъ кое-какъ гужомъ"

На вопросъ адскаго судьи: кто они—

„Мы академіи поэты росски"—

отвѣчаетъ главная тѣнь, а несчастные, превращенные въ клячей

„Сочлены юные мои (т.-е. Шишкова)
Любовью къ славѣ воспаленны,
Они Пожарскаго поютъ
И топятъ старца Гермогена.
Ихъ мысль на небеса вперенна,
Слова-жъ изъ Библіи берутъ.
Стихи ихъ хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски".

Самъ Шишковъ говоритъ о себѣ:

„Я также членъ;
Кургановымъ писать ученъ,
Извѣстенъ сталъ не пустяками,
Терпѣньемъ, потомъ и трудами.
Я есмь зело Славенофилъ!
Сказалъ и книгу растворилъ"..

Изъ всѣхъ сочиненій не утонули въ рѣкѣ забвенія только сочиненія Крылова, личность котораго выставилъ Батюшковъ очень забавно, зная его хорошо и часто встрѣчая его у Олениныхъ:

„Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:

Въ широкомъ плафонѣ издранномъ,
Въ пуху, съ нечесаной главой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой;
„Меня врасплохъ, она сказала,
Въ обѣдъ нарочно смерть застала,
Но съ вами я опять готовъ
Еще хоть съизнова отвѣдать
Вина и адскихъ пироговъ;
Теперь же часъ, друзья, обѣдать,
Я вамъ знакомый, я Крыловъ!"

Баснописецъ прямо пошелъ обѣдать въ рай. На это шуточное произведеніе, которое должно было разсердить многихъ, Батюшковъ и смотрѣлъ какъ на шутку. „Этакіе стихи слишкомъ легко писать и чести большой не приносятъ"—говорилъ онъ [1]). Но онъ интересовался тѣмъ впечатлѣніемъ, которое должно было произвести „Видѣніе" между петербургскими литераторами и спрашивалъ о томъ Гнѣдича. „Замѣть, кто всѣхъ глупѣе, тотъ болѣе и прогнѣвается" [2]). Онъ собирался помѣстить въ „Видѣніи" Висковатаго, Станевича, Захарова, Шаховского и др., „но Карамзина, писалъ онъ, я топить не смѣю, ибо его почитаю [2])... Я бы могъ написать все гораздо злѣе..., но убоялся, ибо тогда не было бы смѣшно" [3]).

Естественно, что Батюшковъ не могъ высоко ставить свое литературное призваніе, именно потому, что оно было безцвѣтно и не могло приносить пользы обществу, которому вовсе не нужны были стихи въ классическомъ вкусѣ: „Я гривны не дамъ за то, чтобы быть славнымъ писателемъ, ниже Расиномъ, а хочу быть счастливъ" [4]). Оттого, что литературная дѣятельность не имѣла у Батюшкова опредѣленной цѣли, на него находятъ сомнѣніе и тоска: „Я теперь-то чувствую, что дарованію нужно побужденіе и одобреніе; бѣда, если самолюбіе заснетъ, а у меня вздремало. Я становлюсь въ тягость себѣ и ни къ чему не способенъ. Не знаю, въ прокъ ли то раннія несчастія и опытность? Бѣда, когда разсудка не прибавятъ, а сердце высушатъ. Я пилъ горести, пью и буду пить. Если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно" [5]). Въ выборѣ дѣятельности онъ не знаетъ на чемъ остановиться, а ему только 22 года. Служить онъ считаетъ необходимостью, ибо безъ службы у него нѣтъ средствъ для жизни; но гдѣ и какъ? Просить и хлопотать о себѣ препятствуетъ гордость. То ему хочется въ иностранную миссію, въ Италію, то просто путе-

[1]) Ibid., стр. 227.
[2]) Ibid., стр. 230.
[3]) Ibid., стр. 230.
[4]) Ibid., стр. 234.
[5]) Ibid, стр. 220.

шествовать, то снова смѣется онъ надъ своими планами и намѣреніями. „Съ моею *дѣятельностью* и лѣнью, говоритъ Батюшковъ, я буду совершенно несчастливъ въ деревнѣ, и въ Москвѣ и вездѣ"...[1]) Онъ жалуется, что предъ этимъ служилъ онъ несчастливо, служилъ изъ-за креста и того не получилъ. „Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума. Право, жизнь скучна, ничего не утѣшаетъ. Время летитъ то скоро, то тихо, зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?.. Въ домѣ у меня такъ тихо, собака дремлетъ у ногъ моихъ, глядя на огонь въ печкѣ; сестра въ другихъ комнатахъ перечитываетъ, я думаю, старыя письма... Я сто разъ бралъ книгу и книга падала изъ рукъ. Мнѣ не грустно, не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что дѣлать?.." [2]). Холодомъ грусти и безотраднымъ отчаяніемъ вѣетъ отъ этой небольшой картинки въ русскомъ вкусѣ, гдѣ изображается тоска души, неудовлетворяемой дѣйствительностью. А еще говорятъ, что Батюшковъ былъ поэтомъ изящнаго довольства и наслажденія жизнью. Скорѣе передъ нами крупный образчикъ представителя тоскующихъ поколѣній, какихъ немало вырабатывала русская жизнь. Это полная неудовлетворенность: ни дѣятельности, ни цѣли, ни намѣреній. Батюшковъ, отъ скуки, начинаетъ читать метафизику. Онъ собирается въ Москву, затѣмъ на Кавказскія минеральныя воды. „Путешествіе сдѣлалось потребностью души моей,—пишетъ онъ къ Гнѣдичу [3]). Это убѣжище отъ скуки.

Получивъ, какъ кажется, деревенскій оброкъ, что̀ давало ему средства и освобождало отъ необходимости жить въ глуши, Батюшковъ въ декабрѣ 1809 года поѣхалъ въ Москву, гдѣ жило родственное ему семейство Муравьевыхъ: вдова его дяди съ дѣтьми. Муравьева давно вызывала его изъ деревенскаго бездѣйствія; дѣти ея были еще малы и Батюшковъ въ качествѣ родственника былъ необходимъ въ семьѣ, къ которой привязывала его благодарность за заботы о дѣтствѣ ея. На К. Ѳ. Муравьеву онъ смотрѣлъ, какъ любящій сынъ, а письма его къ ней изъ послѣдующаго времени свидѣтельствуютъ о той глубокой привязанности, какую питалъ онъ къ ней и ея дѣтямъ. Священнымъ долгомъ считалъ онъ изданіе сочиненій своего дяди, которое и выполнилъ потомъ. Кромѣ Муравьевой, Батюшковъ нашелъ въ Москвѣ въ эту пору Жуковскаго, Вяземскаго, которые потомъ познакомили его съ Дашковымъ, Блудовымъ, ввели къ Карамзину и Дмитріеву.

---

[1]) Ibidem, стр. 223.
[2]) Ib., стр. 224.
[3]) Ib., стр. 234.

ЛЕКЦІЯ XI.

Батюшковъ въ Москвѣ. — Поступленіе въ военную службу. — Посланіе къ Дашкову.—Походъ въ Европу.

Съ годъ прожилъ Батюшковъ въ Москвѣ и это время считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни, всегда вспоминая его и сожалѣя о немъ: „Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, пишетъ онъ въ 1814 году къ Жуковскому, когда у Дѣвичьяго монастыря ты жилъ съ музами въ сладкой бесѣдѣ! Не узнаю, былъ ли ты тогда счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени“... [1]) Въ самомъ дѣлѣ, послѣ однообразія и скуки деревенской жизни, съ достаточными средствами въ карманѣ, Батюшковъ, очутился въ тогдашней веселой Москвѣ, а ему было только 23 года! Его ждали здѣсь новыя литературныя связи и дружба. Въ домѣ Муравьевой онъ познакомился съ Карамзинымъ, который смотрѣлъ на эту замѣчательную женщину, мать трехъ братьевъ декабристовъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія, какъ на жену своего благодѣтеля. Карамзинъ познакомилъ его съ Дмитріевымъ, Жуковскій и Вяземскій—съ Блудовымъ и Дашковымъ. Составился такимъ образомъ близкій и тѣсный кружокъ писателей-друзей, вдали однако отъ другихъ представителей литературы, кружокъ съ болѣе возвышенными стремленіями людей единомысленныхъ. Этотъ кружокъ людей мыслящихъ и преданныхъ литературѣ былъ дороже всѣхъ удовольствій Москвы для Батюшкова.

„Который посреди разсѣяній столицы
Тихонько замѣчалъ характеры и лицы
Забавныхъ москвичей,
Который съ годъ зѣвалъ на балахъ богачей.
Зѣвалъ въ концертѣ и въ собраньѣ,
Зѣвалъ на скачкѣ, на гуляньѣ,
Вездѣ равно зѣвалъ,
Но дружбы и тебя нигдѣ не забывалъ“ [2]).

И съ прежнимъ петербургскимъ другомъ своимъ и товарищемъ походовъ—Петинымъ, который лѣчился отъ ранъ, встрѣтился Батюшковъ въ Москвѣ [3]). Плодомъ этого пребыванія Батюшкова въ Москвѣ,

[1]) Рус. Арх. 1867 г., стр. 1468.
[2]) „Прогулка по Москвѣ“.
[3]) Москвитянинъ 1851 г., № 5, стр. 14.

можетъ служить небольшое произведеніе, не вошедшее въ собраніе его сочиненій и найденное впослѣдствіи въ бумагахъ, оставшихся послѣ Оленина „Прогулка по Москвѣ“ [1]). По всей вѣроятности это было письмо къ Гнѣдичу, который и передалъ его Оленину.

Умъ и наблюдательность, съ замѣчательнымъ искусствомъ представившіе контрасты Москвы и ея общества, которыми она всегда отличалась, сквозятъ здѣсь въ каждой строчкѣ, несмотря на то, что Батюшковъ вовсе не думалъ объ описаніи Москвы, и сообщилъ другу въ письмѣ нѣсколько отрывочныхъ наблюденій. Онъ оправдывается тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній для подробнаго описанія Москвы и притомъ страшно лѣнивъ для этого дѣла: „И такъ, мимоходомъ, странствуя изъ дома въ домъ, съ гулянья на гулянье, съ ужина на ужинъ, я напишу нѣсколько замѣчаній о городѣ и о нравахъ жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку“... Но сколько въ этихъ наброскахъ ума и таланта! Въ такихъ-то именно сочиненіяхъ и въ письмахъ въ особенности надобно искать Батюшкова настоящаго; а не въ стихотворныхъ изліяніяхъ классическаго эпикуреизма, въ которыхъ не было ничего общаго съ окружавшею его русскою жизнью.

Москва, какъ всегда, представляла и въ то время для Батюшкова, странное смѣшеніе противоположностей. Мѣстное наблюденіе ихъ составляетъ всю сущность характеристики. „Странное смѣшеніе древняго и новѣйшаго зодчества, нищеты и богатства, нравовъ европейскихъ съ нравами и обычаями восточными! Дивное, непостижимое сліяніе суетности, тщеславія и истинной славы и великолѣпія, невѣжества и просвѣщенія, людскости и варварства. Не удивляйся, мой другъ. Москва есть вывѣска или живая картина нашего отечества... Петръ Великій много сдѣлалъ и ничего не кончилъ“. Съ удивительною наблюдательностью Батюшковъ подмѣтилъ ту общую подражательность Европѣ, которою страдало тогдашнее русское общество и [illegible]ставилъ нѣсколько типовъ этихъ подражателей англичанамъ нѣмцамъ, французамъ... „Отчего же они всѣ хотятъ прослыть иностранцами, спрашиваетъ онъ, картавятъ и кривляются? — отчего? Я на это буду отвѣчать послѣ“... Къ сожалѣнію, этого отвѣта нѣтъ въ сочиненіяхъ Батюшкова, а очевидно, что онъ могъ бы дать его. „Вотъ большая карета, которую насилу тянетъ четверня: въ ней чудотворный образъ, передъ нимъ монахъ съ большою свѣчей. Вотъ старинная Москва и остатокъ древняго обряда прародителей... Посторонись! Этотъ ландо насъ задавитъ: въ немъ сидитъ щеголь и красавица; лошади, лакей, кучера — все въ послѣднемъ вкусѣ.

[1]) Рус. Арх. 1869 г., стр. 1191—1208.

Вотъ и новая Москва, новѣйшіе обычаи!..“ Москва до пожара 12 года представляла много оригинальныхъ типовъ, теперь давно исчезнувшихъ. Сюда пріѣзжали на отдыхъ послѣ честолюбивой карьеры въ Петербургѣ, которая вдругъ почему либо прекратилась; сюда пріѣзжали наслаждаться жизнью послѣ широкаго и безнаказаннаго грабительства въ провинціи. „Здѣсь мы видимъ тѣни великихъ людей, говоритъ Батюшковъ, которые, отыгравъ важныя роли въ свѣтѣ, запросто прогуливаются въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ пережили свою славу. Eheu fugaces!..“ Вотъ изображеніе одного изъ этихъ великихъ людей, проживающаго громадное состояніе: „Здѣсь предъ нами огромныя палаты, съ высокими, мраморными столбами, съ большимъ подъѣздомъ. Этотъ домъ открытъ для всякаго... Хозяинъ цѣлый день зѣваетъ у камина, между тѣмъ, какъ вокругъ его все въ движеніи, роговая музыка гремитъ на хорахъ, вся челядь въ галунахъ, и роскошь опрокинула на столъ полный рогъ изобилія. Въ этомъ человѣкѣ всѣ страсти исчезли, его сердце, его умъ и душа износились и обветшали“... Или вотъ еще картина изъ жизни старинныхъ москвичей: „Большой дворъ, заваленный соромъ и дровами, позади огородъ съ простыми овощами, а подъ домомъ большой подъѣздъ съ перилами, какъ водилось у нашихъ дѣдовъ. Войдя въ домъ, мы могли бы увидать въ прихожей слугъ оборванныхъ, грубыхъ и пьяныхъ, которые отъ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, на одной стѣнѣ большіе портреты въ ростъ царей русскихъ, а напротивъ Юдиѳь, держащая окровавленную голову Олоферна надъ большимъ серебрянымъ блюдомъ, и обнаженная Клеопатра съ большой змѣею—чудесныя произведенія кисти домашняго маляра. Сквозь окны мы можемъ видѣть столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ, по правую сторону приходской попъ, приходской учитель и шутъ, а по лѣвую толпа дѣтей, старуха колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ. О! Это домъ стараго москвича, богомольнаго князя, который помнитъ страхъ Божій и воеводство“... Или вотъ еще старинный московскій типъ: „Посторонитесь! Посторонитесь! Дайте дорогу кумѣ-болтуньѣ—спорщицѣ, пожилой бригадиршѣ, жарко нарумяненной, набѣленной и закутанной въ черную мантилью. Посторонитесь, вы, господа, и вы, молодые дѣвушки! Она вашъ Аргусъ неусыпный, ваша совѣсть, все знаетъ, все замѣчаетъ и завтра же поѣдетъ разсказывать по монастырямъ“... Еще нѣсколько подобныхъ типовъ замѣчаетъ Батюшковъ; ихъ было конечно множество: „Самый Лондонъ бѣднѣе Москвы по части нравственныхъ каррикатуръ—замѣчаетъ онъ. Здѣсь всякій можетъ дурачиться, какъ хочетъ, жить и умереть чудакомъ“... Москва

въ ту пору была рудникомъ для комедіи нравовъ и Батюшковъ не пропустилъ замѣтить это: „Какое обширное поле для комическихъ авторовъ, говоритъ онъ и какъ они мало чувствуютъ цѣну собственной неистощимой руды!“ Къ сожалѣнію, русская литература была далека тогда отъ жизни и не понимала ея; только лѣтъ тринадцать спустя комедія Грибоѣдова овладѣла нѣкоторыми московскими типами. Въ ту пору господствовало сентиментальное направленіе, которое витало въ заоблачныхъ сферахъ и презрительно относилось къ жизни. Батюшковъ очень умно смѣется надъ тогдашними „модными писателями, которые, по словамъ его, проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ... и предаются мрачнымъ разсужденіямъ о бренности вещей, которыя позволено дѣлать всякому въ *нынѣшнемъ вѣкѣ меланхоліи*“... О книжной торговлѣ въ Москвѣ Батюшковъ говоритъ, что въ этомъ городѣ есть „фабрика переводовъ, фабрика журналовъ и фабрика романовъ“, и что онъ боится заглянуть въ книжную лавку, „ибо къ стыду нашему думаю, что ни у одного народа нѣтъ и никогда не бывало столь безобразной словесности“... Признаніе весьма печальное для писателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливое. Какъ же послѣ этого Батюшковъ смотрѣлъ на собственное свое призваніе и могъ ли онъ сколько-нибудь цѣнить его?

Москва для Батюшкова была самымъ своеобразнымъ городомъ; она не похожа ни на какой другой въ мірѣ. Это городъ крайностей и контрастовъ. „Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи въ вѣчномъ несогласіи и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣлое, которое мы знаемъ подъ общимъ именемъ: *Москва*“...

Но эта безобразная масса страннаго города и общества жила только фиктивною, а не настоящею жизнью; послѣдняя только дается болѣе свободными государственными учрежденіями и участіемъ въ общихъ дѣлахъ. Избытокъ жизни уходилъ въ безобразія разнаго рода и кутежи, которыми славилась старинная Москва, о которыхъ оставили воспоминанія современники. Подъ этою фиктивною жизнью, подъ этими кутежами, какъ справедливо замѣтилъ и Батюшковъ, скрывались два фактора нашей жизни, издавна ее сопровождающіе: праздность и скука. „Праздность есть нѣчто общее, исключительно принадлежащее сему городу, говоритъ онъ; она болѣе всего примѣтна въ какомъ-то безпокойномъ любопытствѣ жителей, которые безпрестанно ищутъ новаго разсѣянія. Въ Москвѣ отдыхаютъ; въ другихъ городахъ трудятся менѣе или болѣе, и потому-то въ Москвѣ знаютъ скуку, со всѣми ея мученіями... Однимъ словомъ, здѣсь скуку можно

назвать великою пружиною: она поясняетъ много странныхъ обстоятельствъ". Батюшковъ говоритъ, что недавно пріѣзжавшая въ Москву знаменитая трагическая актриса, госпожа Жоржъ, очень скоро наскучила большому московскому свѣту. „Сію холодность къ дарованію издатель Русскаго Вѣстника готовъ приписать къ патріотизму; онъ весьма грубо ошибается"...

Надобно согласиться, что эти очерки Москвы, сдѣланные Батюшковымъ, даютъ намъ довольно ясное представленіе о его талантѣ и показываютъ, какъ могъ бы онъ обращаться съ дѣйствительностью и изображать ее, если-бъ не мѣшали тому условія тогдашней литературы. Но несмотря на недовольство Москвою, несмотря на томившую его скуку, Батюшковъ былъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Большая часть его прозаическихъ и стихотворныхъ переводовъ были напечатаны въ московскомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы" 1810 года. Но, вѣроятно, онъ не могъ найти въ Москвѣ приличной для себя дѣятельности и съ намѣреніемъ служить переѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1812 года. По старой связи своей съ Олениннымъ, который былъ директоромъ Публичной библіотеки, Батюшковъ скоро получилъ въ ней мѣсто библіотекаря и сдѣлался товарищемъ по службѣ друга своего Гнѣдича и Крылова. Служба эта конечно была номинальная, что̀ было легко при покровительствѣ Оленина. Нельзя же предположить, что Батюшковъ усердно занимался составленіемъ каталоговъ и разстановкою книгъ по полкамъ. Въ домѣ Олениныхъ, гдѣ собиралась та часть высшаго петербургскаго общества, которая интересовалась словесностью и искусствами, Батюшковъ сблизился, особенно при посредствѣ московскихъ друзей своихъ, съ Блудовымъ, Тургеневыми и Уваровымъ. Въ этомъ же домѣ онъ встрѣтилъ небогатую дѣвицу Фурманъ, которая скоро сдѣлалась предметомъ его сердечнаго влеченія. Послѣднее осталось неудовлетвореннымъ, намъ неизвѣстно по какой причинѣ, и эта неудовлетворенность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣла свое невыгодное вліяніе на душу Батюшкова и безполезно только раздражала его. Не былъ доволенъ Батюшковъ также и своею службою. Повидимому, она не удовлетворяла его дѣятельности и недостаточно обезпечивала его, такъ какъ его отецъ, управляя материнскимъ имѣніемъ, немного вообще давалъ дѣтямъ отъ перваго брака.

Долго ли онъ служилъ въ библіотекѣ и когда вышелъ въ отставку—мы не знаемъ; извѣстно только, что въ августѣ 1812 года, незадолго до занятія Москвы французами, Батюшковъ былъ въ этомъ городѣ, вѣроятно для того, чтобъ быть при Муравьевой и оказать ей и ея семейству помощь, столь необходимую въ то трудное время, которое переживала Россія. Его друзей ужъ не было въ Москвѣ.

Батюшкову, что̀ совершенно понятно, очень хотѣлось скакать въ ту горячую пору въ армію, но ему нельзя было бросить на произволъ судьбы Муравьеву, какъ онъ писалъ вскорѣ послѣ Бородина къ князю Вяземскому, который въ это время уѣхалъ съ своею семьею отъ французовъ въ Вологду [1]). Батюшкову пришлось провожать Муравьеву изъ Москвы до Нижняго. Въ этомъ городѣ онъ прожилъ недолго, порываясь въ армію, гдѣ онъ, по словамъ его, „хотѣлъ жить физически", гдѣ онъ надѣялся „забыть на время собственныя горести и горести друзей" [2]).

Паденіе Москвы сильно отозвалось въ его сердцѣ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія онъ становился даже несправедливымъ: „Москвы нѣтъ. Потери невозвратныя! Гибель друзей, святыни, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ. Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды? Чѣмъ наслаждаться?" [3]). Оставивъ и устроивъ Муравьеву и семейство ея въ Нижнемъ, Батюшковъ поѣхалъ въ Вологду, вѣроятно для свиданія съ отцомъ и сестрами и для полученія денегъ, съ которыми надобно было ѣхать въ армію. Ему дольно долго пришлось тогда по возвратѣ прожить въ Нижнемъ, гдѣ собрались московскіе эмигранты. Скука мучила его; его бездѣйствіе объясняется тѣмъ, что, поступивъ снова въ военную службу, Батюшковъ назначенъ былъ адъютантомъ къ генералу Бахметеву и долженъ былъ ждать, пока онъ вылѣчится отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Бородинскомъ сраженіи. Въ это время написано было Батюшковымъ знаменитое посланіе къ Дашкову, въ которомъ яркими красками выражается дѣйствительность и глубокое чувство любви къ родинѣ, жившее въ груди поэта и стоявшее для него тогда выше наслажденія и поэзіи:

„Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,

---

[1]) Русск. Арх 1866 г., стр. 222
[2]) Ib., стр. 223.
[3]) Ibidem.

Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ"...

Разсказавъ свои ужасныя московскія впечатлѣнія, когда онъ увидѣлъ Москву, опустошенную, разоренную, обгорѣлую, и тамъ, гдѣ прежде было величіе, роскошь и торжествующая святыня—

„Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!"...

Батюшковъ обращается съ упрекомъ къ своему другу за то, что онъ велитъ ему

..„пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ хороводъ"...

Подобный совѣтъ, если онъ дѣйствительно былъ данъ поэту Дашковымъ въ ту тяжелую пору, вовсе не рекомендуетъ послѣдняго и его развитіе. Дашковъ не понималъ Батюшкова, и поэтъ имѣлъ полное право презрительно отнестись къ его совѣту:

„Мнѣ пѣть коварныя забавы—

говоритъ онъ съ глубокимъ чувствомъ—

Армидъ и вѣтреныхъ цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ
— Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ"!

Но „израненный герой“, съ которымъ Батюшковъ долженъ былъ ѣхать къ арміи, т.-е. Бахметевъ не поправлялся; бездѣйствіе томило его и, по согласію съ своимъ начальникомъ, получивъ отъ него письмо, Батюшковъ рѣшился ѣхать къ извѣстному въ войну 1812 года генералу Раевскому, котораго и нагналъ въ Германіи. Остальную часть похода онъ сдѣлалъ при немъ, въ качествѣ его адъютанта. Ему пришлось участвовать въ сраженіи подъ Кульмомъ и при Лейпцигѣ Въ послѣднемъ онъ потерялъ друга своей молодости Петина, который былъ убитъ на 26 году жизни. Эта смерть глубоко поразила его. Какъ нашелъ Батюшковъ мертвое тѣло своего друга и какъ онъ похоронилъ его въ небольшой нѣмецкой деревнѣ, поблизости Лейпцига, обо всемъ этомъ онъ разсказалъ подробно въ своемъ „воспоминаніи о Петинѣ“ [1]). Петинъ былъ дорогъ для Батюшкова „памятью сердца“; съ нимъ связанъ онъ былъ не литературными и художественными интересами, а молодостью и воспоминаніями бивачной жизни. Его молодая смерть нравилась Батюшкову. „Что теряемъ мы, умирая въ полнотѣ жизни, на полѣ чести, славы, въ виду тысячи людей, раздѣляющихъ съ нами опасность? спрашиваетъ онъ. Нѣсколько наслажденій краткихъ, но зато лишаемся съ ними и терзаній честолюбія, и сей опытности, которая встрѣчаетъ насъ на срединѣ пути, подобно страшному призраку. Мы умираемъ; но зато память о насъ долго живетъ въ сердцѣ друзей, не омраченная ни однимъ облакомъ, чистая, свѣтлая, какъ розовое утро майскаго дня“...

Воспоминаніе о немъ осталось на всю жизнь. На кораблѣ, когда онъ плылъ на родину изъ Англіи, онъ вспомнилъ о немъ въ прекрасной элегіи „Тѣнь друга“, которая явилась ему въ мечтахъ:

„Но видъ не страшенъ былъ:
Чело глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало“...

Онъ вспомнилъ, какъ онъ хоронилъ Петина „съ мольбой, рыданьемъ и слезами“...

„Я ношу сей образъ въ душѣ, какъ залогъ священный; онъ будетъ путеводителемъ къ добру, — говорилъ Батюшковъ впослѣдствіи; съ нимъ неразлучный, я не стану блѣднѣть подъ ядрами, не измѣню чести, не оставлю ея знамени, здѣсь мнѣ осталось одно воспоминаніе о другѣ: воспоминаніе—прелестный цвѣтъ посреди пустыней, могилъ и развалинъ жизни“.

---

[1]) Москв. 1851 г., № 5, стр. 11—20.

Еслибы не скорбь о потерѣ друга, Батюшковъ былъ бы вполнѣ доволенъ и окружающимъ его міромъ и своими впечатлѣніями и своею службою, въ которой онъ видѣлъ тогда высокое призваніе. Онъ шелъ за арміей, идущею освобождать Европу отъ рабства и отмстить кровную народную обиду. Передъ его глазами развертывались картины новыхъ, никогда не виданныхъ странъ, въ ушахъ звенѣлъ народный восторгъ. Съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ о томъ, какъ поилъ своего боевого коня историческою волною Рейна въ торжественной элегіи „Переходъ чрезъ Рейнъ“; передъ нимъ возникаютъ вѣковыя историческія воспоминанія:

„О, радость! Я стою при Рейнскихъ водахъ!
И жадные съ холмовъ въ окрестность брося взоры,
Привѣтствую поля и горы
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
Ты льешься Рейнъ величавый!“

Человѣку однообразныхъ равнинъ и пустынныхъ пространствъ, который не натыкается въ нихъ ни на какія историческія воспоминанія, были особенно дороги эти берега и волны Рейна, полные широкою жизнью прошедшаго. И передъ его жадными взорами мелькаютъ тѣни этого прошлаго: и римскіе легіоны, переходящіе, съ Цезаремъ во главѣ, его волны, и суровые рыцари подъ знаменемъ креста, и турниры, и пѣсни трубадуровъ въ нагорныхъ замкахъ. Все на этихъ берегахъ

„И видъ полей, и видъ священныхъ водъ...
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ,
И силу новую и крылья придаетъ“...

Но все это прошлое исчезаетъ для Батюшкова въ величіи настоящаго, того, что онъ самъ съ такою радостью переживаетъ въ душѣ:

„Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и громами
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!
Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ
И береговъ благословенныхъ“...

Надобно замѣтить, что для Батюшкова, да и вообще для того молодого поколѣнія, походъ этотъ, кровавый и торжественный, имѣлъ много образовательныхъ свойствъ. Люди сражались и учились въ Европѣ. Европейскій міръ дѣйствовалъ на побѣдителей своими политическими и образовательными началами, какъ порабощенная Греція на древнихъ Римлянъ. „Знаешь ли новую страсть?—пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ—нѣмецкій языкъ. Я нынѣ, живучи въ Германіи, выучился говорить по-нѣмецки, и читаю все нѣмецкія книги; не удивляйся тому: Веймаръ есть отчизна Гёте—сочинителя Вертера, славнаго Шиллера и Виланда". Точно такъ же, едва войско вступило въ Шампанью, какъ Батюшковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пріятелями, отдѣлился отъ отряда и поскакалъ въ замокъ Сирей, гдѣ когда-то у Маркизы Шатле жилъ Вольтеръ, занимаясь Ньютоновой философіей и поэзіей подъ покровительствомъ дружбы своей прекрасной хозяйки, „чтобъ поклониться тѣнямъ Вольтера и его пріятельницы". Имена ихъ „отъ дѣтства намъ драгоцѣнны"—говоритъ Батюшковъ. Столовая Вольтера, гдѣ обѣдали русскіе офицеры, была украшена русскими знаменами. „Но мы утѣшили пугливыя тѣни сирейской нимфы и ея друга—говоритъ Батюшковъ, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ „Альзиры". Послѣ обѣда они читали письма Вольтера, гдѣ онъ говоритъ о маркизѣ. Такимъ образомъ на исторической почвѣ Европы они находили дорогое ихъ духу — воспоминанія своего образованія и идеалы молодости. Еще больше впечатлѣній доставилъ Батюшкову Парижъ, куда въ теченіе двухъ вѣковъ, со времени Петровской реформы, стремились мысли всѣхъ образованныхъ нашихъ людей. Въ Парижъ вступилъ онъ торжественно съ войсками союзниковъ, на которыхъ сыпались тогда благословенія вѣтреныхъ Парижанъ, измѣнившихъ побѣжденному и развѣнченному корсиканцу, когда русскій генералъ былъ губернаторомъ Парижа и когда по бульварамъ его, по выраженію Батюшкова, „леталъ съ нагайкою казакъ". Русскимъ французы невольно отдавали преимущество и ласкали ихъ, какъ побѣдителей: „Я, вашъ маленькій Тибуллъ, или проще капитанъ русской императорской службы, пишетъ Батюшковъ къ пріятелю своему Дашкову, что въ нынѣшнее время важнѣе, нежели бывшій кавалеръ или всадникъ римскій (ибо, по словамъ Соломона, „живой воробей лучше мертваго льва") [1])... Эти люди, восторгаясь Парижемъ, гуляя по его бульварамъ, садамъ и площадямъ, посѣщая театры и музеи, куда Наполеонъ во время своего могущества свезъ всѣ лучшія художественныя произведенія всѣхъ завоеванныхъ странъ, присутствуя на засѣданіяхъ академій, эти люди, слѣпыя орудія исторической Немезиды, сами хоро-

[1]) Р. Архивъ 1867 г., стр. 1459.

шенько не понимали, что происходитъ передъ ними; они были какъ бы въ чаду. „Повѣрите ли, пишетъ Батюшковъ, мы, которые участвовали во всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, что Наполеонъ исчезъ, что Парижъ нашъ, что Лудовикъ на тронѣ и что сумасшедшіе соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кутона, Дантона и Наполеона, поютъ по улицамъ: „Vive Henri quatre, vive le roi vaillant!“ Такія чудеса превосходятъ всякое понятіе. И въ какое короткое время, и съ какими страшными подробностями, съ какимъ кровопролитіемъ, съ какою легкостью и легкомысліемъ! Чудны дѣла твоя Господи!“ [1]) Событія слѣдовали быстро другъ за другомъ и не давали опомниться. Батюшковъ жаловался на усталость, но жизнь его была полна и онъ доволенъ ею: „Ни одного дня истинно покойнаго не имѣлъ, пишетъ онъ Вяземскому. Безпрестанные марши, биваки, сраженія, ретирады,... однимъ словомъ, вѣчное безпокойство: вотъ моя исторія“ [2])... Изъ Парижа Батюшковъ проѣхалъ въ Англію, гдѣ пробылъ недолго, успѣвъ однако замѣтить консерватизмъ страны, которая „заваленная богатствами всего міра, иначе не можетъ поддержать себя, какъ совершеннымъ почитаніемъ нравовъ, законовъ гражданскихъ и божественныхъ“ [3]). И въ Англіи, и на кораблѣ его чествовали, какъ русскаго. На морѣ онъ читалъ Гомера и Тасса „вѣрныхъ спутниковъ воина“. Попавъ на берегъ Швеціи, онъ проѣхалъ по странѣ (тогда написалъ Батюшковъ элегію „На развалинахъ замка въ Швеціи“) и изъ Стокгольма, вмѣстѣ съ Лудовымъ, воротился въ іюлѣ 1814 года въ Петербургъ.

ЛЕКЦІЯ XII.

Причины душевной тоски Батюшкова.—Выходъ въ отставку.—Арзамасъ.—Сближеніе съ Уваровымъ.—Поѣздка въ Италію.

Едва только Батюшковъ, послѣ участія въ мировыхъ событіяхъ и послѣ европейской жизни, столь полной для него новыми и глубокими впечатлѣніями, воротился въ Петербургъ, какъ имъ снова овладѣла та душевная тоска, которая его мучила въ деревнѣ, и томительная пустота жизни. Не думаю, чтобъ Батюшковъ относился сознательно и понималъ то реакціонное движеніе, которое начиналось тогда въ обществѣ и поддерживалось властью. Оно явилось нѣсколько

---

[1]) Ibidem, стр. 1457.
[2]) Ibidem, 1866 г., стр. 859—860.
[3]) Письмо къ С. изъ Гогенбурга отъ 19 іюня 1814 г.

позднѣе и не имѣло никакого отношенія къ литературной дѣятельности Батюшкова. Послѣднюю, какъ мы знаемъ, онъ почти вовсе не цѣнилъ, и не былъ доволенъ вообще своими литературными успѣхами, считая ихъ ничтожными. Его недовольство жизнью и обстановкою имѣло чисто личную причину. „Меня здѣсь (въ С.-Петербургѣ) ласкаютъ добрые люди, пишетъ онъ къ кому-то, я на розахъ, какъ авторъ, и на шипахъ, какъ человѣкъ. Успѣхи словесности ни къ чему не ведутъ, и ими восхищаться не должно. Тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 р. доходу“ [1]). Онъ числился все еще въ военной службѣ, но не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, а потому, конечно, тосковалъ, не удовлетворяясь своимъ положеніемъ. „Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не посидится на мѣстѣ, что я сдѣлался совершеннымъ Калмыкомъ съ нѣкотораго времени,—пишетъ онъ къ Жуковскому,—и что пріятелю твоему нуженъ *осѣдлокъ*, какъ говоритъ Шишковъ, пристанище, гдѣ онъ могъ бы дышать свободнѣе, въ кругу такихъ людей, какъ ты, напримѣръ. И много ли мнѣ надобно?“ [2]). Между тѣмъ Батюшковъ жалуется, что у него и этого немногаго нѣтъ и что на долю его выпали „однѣ заботы житейскія и горести душевныя, которыя лишаютъ всѣхъ силъ и способовъ быть полезнымъ себѣ и другимъ“ [3])... Недавно пережитое представляется ему неизмѣримо великимъ по сравненію съ тѣмъ, что̀ его теперь окружаетъ: „Въ Парижъ я вошелъ съ мечемъ въ рукѣ, говоритъ онъ. Славная минута. Она стоитъ цѣлой жизни“ [4])... Батюшковъ сравниваетъ судьбу лицъ, участвовавшихъ въ великихъ событіяхъ того времени, съ судьбою героевъ Гомера, постигшею ихъ послѣ покоренія Трои: „Поистинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель-богъ. Кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а меня Скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что̀ въ немъ, мой милый другъ? И чѣмъ замѣню утраченное время?“ [5])... Онъ проситъ совѣта для жизни у Жуковскаго: „Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ?“ [6]). Удивительное и печальное

---

[1]) Р. Архивъ 1867 г., стр. 1467.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem, стр. 1468.
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem, стр. 1469.

время, когда человѣкъ съ умомъ, съ талантомъ, съ образованіемъ, не знаетъ, какую пользу онъ можетъ принесть обществу, на какое полезное дѣло употребить свои духовныя силы. „Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ, и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ: я не Плутархъ, къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобъ заняться бездѣлками. Что жъ дѣлать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысяча надеждъ, тысяча очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя“ [1])... Самое дорогое, по его словамъ, для него дѣло, были хлопоты объ изданіи сочиненій его дяди и благодѣтеля Муравьева, котораго онъ ставилъ очень высоко и какъ писателя и какъ человѣка, называя его Фенелономъ. Онъ приглашалъ настойчиво къ этому дѣлу друга своего Жуковскаго. Не могли же удовлетворять его такіе стихи, какъ написанные имъ въ 1812 году, по заказу Нелединскаго-Мелецкаго „На выпускъ воспитанницъ Смольнаго монастыря“. Деревня, гдѣ жили его сестры и отецъ, также не могла наполнить той душевной тоски, которой страдалъ Батюшковъ. А между тѣмъ ему необходимо нужно было служить для того только, чтобъ имѣть средства. Въ Петербургѣ оставаться ему не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ жаловаться на испорченное здоровье, да и нужно было отказаться отъ женитьбы на любимой дѣвушкѣ, потому что, по собственному сознанію Батюшкова, онъ не могъ сдѣлать ее счастливою и по своему характеру, и по небольшому состоянію своему. Тотъ знакомый ему генералъ, съ которымъ онъ намѣревался въ 1812 году ѣхать изъ Нижняго въ армію, Бахметевъ, былъ въ это время генералъ-губернаторомъ на югѣ Россіи, въ Каменецъ-Подольскѣ. Батюшковъ поѣхалъ къ нему въ качествѣ адъютанта и уже съ начала іюля 1815 года былъ въ городѣ совершенно для него новомъ, но и здѣсь онъ даже на первыхъ порахъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ и повторялъ прежнія жалобы въ письмахъ къ близкимъ. Сначала, по европейскимъ привычкамъ, Батюшковъ и здѣсь обратилъ было вниманіе на мѣстность города, ея характеръ, на историческія воспоминанія, которыми довольно богатъ тотъ край. „Здѣсь, въ Каменцѣ, я вижу развалины замка и укрѣпленій турецкихъ, польскихъ и русскихъ; прогуливаюсь по ветхимъ бастіонамъ и замѣчаю ихъ живописныя стороны. Виды развалинъ старой крѣпости и новыхъ укрѣпленій прелестны. ...Сколько воспоминаній историческихъ!“ [2]) говоритъ Батюшковъ, но они не удовлетворяютъ его,

---

[1]) Ibidem.

[2]) Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій.

и онъ переходитъ отъ нихъ къ болѣе свѣжимъ и къ болѣе дорогимъ ему воспоминаніямъ о недавнемъ европейскомъ походѣ. Скука начинаетъ его мучить снова; онъ жалуется, что „тянетъ день за днемъ, что читаетъ очень рѣдко, что тѣ книги, которыя онъ привезъ съ собою, составляютъ для него только тягость, что онъ всѣ перечиталъ ихъ, а въ Каменцѣ ничего, кромѣ календаря, достать нельзя. Онъ жалуется на недостатокъ общества, на то, что онъ въ теченіе шести недѣль не говорилъ ни съ одною женщиной.

„Всѣ мои радости и удовольствія въ воспоминаніи“—пишетъ онъ къ Муравьевой. „Настоящее скучно, будущее Богу извѣстно, а протекшее наше“ [1]). А тоска по любимой дѣвушкѣ, которую онъ покинулъ добровольно, еще болѣе подливала горечи въ его сердце. Недовольный всѣмъ, онъ подалъ въ отставку и въ началѣ 1816 года выѣхалъ изъ Каменца. „Горестно я провелъ этотъ годъ“ [2])—говоритъ онъ. Служебныя неудачи мучили его, а онъ самъ сознается и въ честолюбіи и въ суетности. Служить онъ хотѣлъ непремѣнно, но не умѣлъ ни на что рѣшиться и откровенно признавался, что самъ не знаетъ что будетъ дѣлать [3]).

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ случайное счастье, казалось, улыбнулось ему; онъ получилъ награду за походъ и былъ зачисленъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ; говорили даже, что онъ будетъ назначенъ адъютантомъ къ в. к. Николаю Павловичу, но это не состоялось почему-то и снова въ письмахъ Батюшкова, единственномъ источникѣ для его біографіи, появляются безпрерывныя, однообразныя жалобы на судьбу и на службу и нерѣшительныя заботы о томъ, чтобъ какъ-нибудь устроиться. Если судить по этимъ письмамъ, то у него не было въ эту пору никакого другого интереса, кромѣ совершенно личнаго. Продолжать военную службу Батюшковъ не желаетъ: „По всѣмъ моимъ разсчетамъ я долженъ оставить службу, если захочу сохранить кусокъ насущнаго хлѣба и искру здоровья“ [4])... Это было понятно: съ раненою ногою онъ насилу могъ ходить. Служить на войнѣ онъ еще согласенъ, но „въ мирное время лучше заниматься своимъ дѣломъ, нежели безпрестанными бездѣлицами“ [5])... Онъ желалъ отставки, чтобъ „заниматься книгами и мараніемъ бумаги“ [6]). Его главное затрудненіе заключалось въ необезпеченности состоянія. Вышедши въ отставку изъ военной службы и получивъ

---

[1]) Русск. Арх. 1867, стр. 1480.
[2]) Ibidem, стр 1485.
[3]) Ibidem.
[4]) Русск. Арх. 1867 г., стр 1486.
[5]) Ibidem, стр. 1488.
[6]) Ibidem, стр. 1489.

мѣсто почетнаго библіотекаря Публичной библіотеки, Батюшковъ сдѣлался совершенно свободенъ для литературныхъ занятій, но не обезпеченъ въ денежномъ отношеніи. Въ это время онъ сталъ собирать свои стихи и прозу, которые и были изданы въ 1817 году подъ редакціей Гнѣдича, подъ названіемъ „Опыты"—2 т. Въ 1817 году Батюшковъ довольно долго прожилъ въ своей Вологодской деревнѣ. Онъ намѣревался тамъ писать и много писать: „Авось напишу что-нибудь путное и достойное людей, которые меня любятъ" [1]), но планы остались безъ исполненія. У него умеръ отецъ, оставившій разстроенныя дѣла; нужны были хлопоты, не имѣвшіе ничего общаго съ поэзіей; необходимо было устроить наслѣдство сестеръ. „До стиховъ ли?—спрашиваетъ Батюшковъ. Издавши свои „Опыты", онъ интересовался мнѣніемъ Жуковскаго о нихъ и спрашивалъ его о томъ или другомъ произведеніи: „Понравился ли мой Тассъ? Я желалъ бы этого. Я писалъ его сгоряча, исполненный всѣмъ, что прочелъ объ этомъ великомъ человѣкѣ. А Рейнъ?" [2]). Очевидно, онъ считалъ эти поэтическія произведенія лучшими и въ самомъ дѣлѣ они были таковы. Впрочемъ, вообще онъ былъ правильнаго мнѣнія о своихъ произведеніяхъ и не обольщался ихъ достоинствами. „Что скажешь о моей прозѣ? спрашиваетъ онъ Жуковскаго. Съ ужасомъ дѣлаю этотъ вопросъ. Зачѣмъ я вздумалъ это печатать? Чувствую, знаю, что много дряни; самые стихи, которые мнѣ стоили столько, меня мучатъ. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я велъ для стиховъ! Три войны, все на конѣ, и въ мирѣ на большой дорогѣ. Спрашиваю себя: въ такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное? Совѣсть отвѣчаетъ: нѣтъ. Такъ зачѣмъ же печатать? Бѣда, конечно, не велика: побранятъ и забудутъ. Но эта мысль для меня убійственна; убійственна, ибо я люблю славу и желалъ бы заслужить ее, вырвать изъ рукъ Фортуны. Не великую славу, нѣтъ, а ту маленькую, которую доставляютъ намъ и бездѣлки, когда онѣ совершенны. Если Богъ позволитъ предпринять другое изданіе, то я все переправлю: можетъ быть напишу что-нибудь новое. Мнѣ хотѣлось бы дать новое направленіе моей крохотной Музѣ и область элегіи расширить" [3])... Скоро однакожъ заботы о здоровьи и желанье убѣжать какъ можно дальше отъ всего окружающаго стали преобладать въ намѣреніяхъ Батюшкова. Постоянно жалуется онъ на свои болѣзни: то на грудь, то на ногу; говоритъ, что сѣверная зима убиваетъ его, и собирается лѣчиться на югѣ Россіи: или на кавказскихъ водахъ или въ Крыму, а потомъ

[1]) Ibidem, стр. 1494

[2]) Русск Арх. 1870, стр. 1712.

[3]) Ibidem. стр. 1713.

мечтаетъ о путешествіи по Италіи. „Здѣсь, право, холодно во всѣхъ отношеніяхъ“—пишетъ онъ. Мысль объ Италіи стала въ особенности занимать его и, пріѣхавъ въ концѣ 1817 года въ Петербургъ, Батюшковъ началъ черезъ друзей своихъ хлопотать о томъ, чтобъ пристроиться къ какой-нибудь итальянской миссіи. Дѣло это, впрочемъ, не скоро было приведено къ желанному концу.

Въ Петербургѣ Батюшкова снова окружили литературные интересы. Въ это время туда переселился уже Карамзинъ, собиравшій вокругъ себя писателей однихъ съ нимъ убѣжденій. Арзамасское общество, куда приняли Батюшкова съ распростертыми объятіями, подъ именемъ Ахилла, было въ полномъ разгарѣ своей шутливой дѣятельности. У Жуковскаго тоже собирались по субботамъ друзья писатели и Батюшковъ познакомился на этихъ собраніяхъ съ новою, возникающею славою Пушкина, который писалъ тогда свою поэму „Русланъ и Людмила“ и читалъ изъ нея отрывки. Батюшковъ скоро замѣтилъ въ немъ поэтическій талантъ и, говорятъ, съ досадою слушалъ пьесы его, написанныя въ антологическомъ родѣ, томъ самомъ, въ которомъ и онъ былъ первымъ мастеромъ. Батюшковъ разглядѣлъ и всю вѣтренность Пушкина, и весь недостатокъ того пустого образованія, которое онъ вынесъ изъ Лицея и его увлеченіе разсѣянною жизнью въ свѣтѣ. „Сверчокъ что дѣлаетъ, спрашиваетъ онъ у Н. Тургенева. Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Гетингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство... Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его Музы и молитвы наши!“ [1]). Къ этому же времени относится сближеніе Батюшкова съ Уваровымъ по одинаковости вкусовъ и любви къ изящной формѣ древняго классическаго, въ особенности греческаго міра. Уваровъ былъ дѣятельнымъ членомъ Арзамаса и въ его домѣ собирались его члены. Въ этихъ собраніяхъ, посреди своихъ товарищей и друзей молодости, онъ забывалъ свое высокое положеніе въ свѣтѣ и оставилъ о нихъ живыя и теплыя, хотя, къ сожалѣнію, краткія воспоминанія. Между Арзамасцами Уваровъ былъ, безспорно, самый блестящій, самый ученый и самый богатый членъ, для котораго жизнь вполнѣ улыбалась: онъ съ дѣтства былъ ея баловнемъ. Говоря объ его учености, Батюшковъ въ стихотворномъ посланіи къ Уварову пишетъ:

„Отъ древней Спарты до Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима

[1]) Русск. Арх., 1867 г, стр. 1534—35.

До стѣнъ Пальмиры и Солима
Умомъ ты міра гражданинъ“...

а о счастіи въ жизни;

„Тебѣ легко, ты награжденъ,
Благословленъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ“..

Этотъ впослѣдствіи столь извѣстный въ царствованіе Николая Павловича министръ народнаго просвѣщенія, первый вводитель у насъ системы классическаго образованія, въ широкомъ и благороднѣйшемъ ея значеніи, былъ и въ то время лицомъ важнымъ, сановникомъ, несмотря на свою молодость. Счастіе, казалось, стало улыбаться ему съ колыбели.

Происходя изъ не очень знатной, но богатой фамиліи, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ имѣлъ дальнимъ родственникомъ своимъ любимца императоровъ Павла и Александра — Ѳ. П. Уварова и съ его помощью очень рано сдѣлалъ чрезвычайно блестящую карьеру. Уваровъ родился въ Петебургѣ, въ 1786 году и былъ воспитанъ дома, на французскій манеръ, аббатомъ Мангенемъ, собственно для жизни въ высшемъ кругу общества, къ которому принадлежалъ по рожденію. Красивый по наружности, ловкій въ обращеніи, онъ славился умѣньемъ владѣть французскимъ языкомъ и писалъ на немъ съ удивительною легкостью и прозу и блестящіе стихи. Уваровъ вообще былъ одаренъ способностью къ изученію языковъ, но, владѣя обширнымъ умомъ, онъ рано понялъ, что изученіе языковъ даетъ прекрасныя средства для цѣлей болѣе широкихъ. Его любимымъ предметомъ сдѣлалась исторія, понимаемая вовсе не въ узкомъ смыслѣ, а какъ полная картина разносторонней цивилизаціи народовъ. Въ такомъ широкомъ смыслѣ онъ и изучалъ исторію. Не знаемъ, какими путями и какими средствами его молодое вниманіе остановилось на языкахъ классическихъ, которые, какъ средство для изученія древняго міра, сдѣлались его любимымъ занятіемъ. Новые языки, французскій, нѣмецкій, Уваровъ усвоилъ легко, съ дѣтства, въ домашнемъ воспитаніи. На нихъ онъ писалъ съ одинаковою легкостью; древніе языки пришлось изучать уже съ большимъ трудомъ и не вдругъ.

Свое служебное поприще Уваровъ началъ пятнадцати лѣтъ въ иностранной коллегіи. Въ 1806 году онъ былъ уже чиновникомъ посольства въ Вѣнѣ, а въ 1809 году секретаремъ при миссіи въ Парижѣ. Богатый, умный, образованный Уваровъ вездѣ за границею старался сближаться съ представителями науки и литературы, съ писателями, съ академиками. Какъ зналъ онъ современныя требованія

науки и на какой политической высотѣ стоялъ онъ, доказывается тѣмъ, что, подъ вліяніемъ тогдашняго стремленія филологіи къ Востоку, Уваровъ, понимая вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизующее призваніе Россіи на Востокѣ, издалъ въ 1810 году по-французски: „Essai d'une académie asiatique", мысли котораго онъ постоянно потомъ, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, приводилъ въ исполненіе, основывая въ нашихъ университетахъ каѳедры восточныхъ языковъ и литературъ и поощряя занятія ими въ молодыхъ людяхъ. Сочиненіе это обратило на него вниманіе европейскихъ ученыхъ обществъ.

Въ русскомъ высшемъ обществѣ и по службѣ онъ сталъ выигрывать чрезвычайно выгодною женитьбою на дочери тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, которая принесла ему, вмѣстѣ съ громаднымъ богатствомъ, блестящее положеніе въ служебной карьерѣ. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду онъ былъ назначенъ попечителемъ Петербургскаго университета, въ 1811 году Петербургская академія наукъ выбрала его въ почетные члены свои, а въ 1818 году онъ получилъ званіе ея президента.

Сближеніе съ Академіей Наукъ, въ качествѣ ея почетнаго члена сначала, а потомъ въ званіи президента, еще болѣе увеличили въ Уваровѣ любовь къ научнымъ занятіямъ и желаніе составить себѣ имя въ наукѣ. Всестороннее изученіе классическаго міра сдѣлалось любимымъ его занятіемъ. Издавая въ 1812 году свое новое сочиненіе „Объ Элевзинскихъ таинствахъ", Уваровъ высказалъ слѣдующій взглядъ свой на изученіе классическихъ языковъ, взглядъ, замѣчательный по глубинѣ своей и по широкому содержанію. „Изученіе древности, говоритъ онъ, не есть занятіе отдѣленное отъ другихъ: всякій разъ, когда оно поднимается выше мертвой буквы, это благородное изученіе становится исторіею ума человѣческаго. Оно не только умѣстно во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, но еще открываетъ уму столь обширное поле, что мысль съ удовольствіемъ тутъ останавливается, и хоть на короткое время забываетъ дѣйствія, неразлучныя съ великими переворотами политическими и нравственными" [1]). Въ Петербургскомъ университетѣ и въ Академіи Уваровъ сблизился съ профессоромъ греческаго языка и словесности Грефе, вызваннымъ имъ изъ-за границы. Плодомъ занятій Уварова съ нимъ явилось новое его сочиненіе въ 1817 году на нѣмецкомъ языкъ „Nonnos von Panopolis der Dichter", посвященное Гёте. Это было историко-критическое изслѣдованіе объ александрійскомъ поэтѣ V вѣка, послѣднемъ греческомъ поэтѣ, въ которомъ умерла греческая поэзія въ избыткѣ силы и выраженія, а не въ старческомъ безсиліи. Сочиненіе это было на-

[1]) Essai sur les mystères d'Eleusis. S.-Pétersbourg 1812, Préface XI.

писано съ большою ученостью и прекрасныхъ языкомъ. На другой годъ Уваровъ назначенъ былъ президентомъ Академіи Наукъ,—званіе чрезвычайно важное въ его лѣта, когда ему было только 32 года. Понятно, что человѣкъ съ такимъ пониманіемъ формъ классическаго міра и съ такимъ умомъ долженъ былъ обратить вниманіе на талантъ Батюшкова, именно съ его художественной стороны и подмѣтить въ Батюшковѣ особенное умѣнье выражать изящную, пластическую форму древней Греціи. Батюшковъ и Уваровъ встрѣтились въ домѣ Оленина, а сблизились на веселыхъ собраніяхъ Арзамаса. Плодомъ этого сближенія обоихъ была статья „О греческой Антологіи", предназначавшаяся, по словамъ Уварова, для журнала предполагаемаго Арзамасомъ къ изданію, которое впрочемъ, не состоялось [1]). Статья вышла однако въ 1820 году отдѣльною брошюрою и потомъ стала помѣщаться въ изданіяхъ сочиненій Батюшкова, хотя текстъ въ ней, заключающій въ себѣ глубокое пониманіе мелкой антологической поэзіи древнихъ грековъ, принадлежитъ Уварову. Батюшковъ собственно перевелъ 12 небольшихъ антологическихъ стихотвореній—съ французскаго; въ нихъ стихъ его и сочувствіе къ изящной греческой формѣ достигаетъ самаго блестящаго выраженія. Между тѣмъ Батюшковъ собирался въ Италію, надѣясь, что хлопоты друзей его доставятъ ему тамъ мѣсто при посольствѣ, хотя и смотрѣлъ на эту страну разочарованными глазами: „Я знаю Италію, не побывавъ въ ней— пишетъ онъ въ концѣ 1818 года къ Муравьевой. Тамъ не найду счастія: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ... Но первое условіе жить, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно" [2]). Лѣтомъ этого года, по смерти отца своего, Батюшковъ весь занятъ былъ устройствомъ своихъ дѣлъ передъ предполагаемою поѣздкою. Она все-таки была отрадна для него. Но пока согласился на его опредѣленіе тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Капо д'Истрія, пока это опредѣленіе было утверждено государемъ, время уходило и Батюшковъ, больной и тревожимый ожиданіями, рѣшился воспользоваться лѣтомъ для поѣздки въ Крымъ съ цѣлью излѣченія болѣзни. Эту поѣздку онъ сдѣлалъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, который провожалъ его до Одессы. Батюшкова, кромѣ климата и возможности вылѣчиться, манили въ Крымъ и на берега Чернаго моря воспоминанія исчезнувшихъ греческихъ городовъ, памятники древности, которые онъ надѣялся найти тамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что развитію въ немъ любви къ классическому міру и пониманія его много содѣй-

---

[1]) Современ 1851 г., № 6, стр. 38.

[2]) Рус Арх. 1867 г., стр. 532.

ствовалъ своими разговорами Уваровъ. Батюшковъ самъ сознаетъ это: „Поклонитесь Уварову—пишетъ онъ къ А. Тургеневу изъ Полтавы.— Не могу утаить передъ вами, сколько я ему благодаренъ! Сколько я ему обязанъ за его вниманіе и снисхожденіе! Онъ ободрялъ меня, какъ поэта и человѣка, хвалилъ меня прежде чѣмъ узналъ, и узнавъ, конечно, полюбилъ. Ему обязанъ я лучшими минутами въ вашемъ Питерѣ, и воспоминаніе о нихъ сохраню долго въ умѣ и сердцѣ“ [1]). Въ Крымъ, впрочемъ, Батюшковъ не поѣхалъ и ограничился только купаньемъ въ морѣ въ Одессѣ, гдѣ ему было весело, и гдѣ у него было много знакомыхъ. Но и въ окрестностяхъ Одессы онъ нашелъ много классическихъ воспоминаній и древностей, о которыхъ пишетъ съ большимъ увлеченіемъ: „Здѣсь недавно я бродилъ по развалинамъ Ольвіи: сколько воспоминаній! Если успѣю, то спишу сіи священные останки, сію могилу города, и покажу вамъ въ Петербургѣ... Я срисовалъ все, что могъ и успѣлъ. Жалѣю, что нашъ Карамзинъ не былъ въ этомъ краю. Какая для него пища! Можно гулять съ мѣста на мѣсто съ однимъ Геродотомъ въ рукахъ. Я невѣжда, и мнѣ весело. Что же должны чувствовать люди ученые на землѣ классической? Угадываю ихъ наслажденія“ [2])... Въ другомъ письмѣ Батюшковъ сообщаетъ Муравьевой: „Я недавно былъ на могилѣ Ольвіи; нашелъ множество медалей, вазъ, обломковъ и дышалъ тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали Мелезійцы, Аѳинцы Азіи“ [3]). Оленину Батюшковъ предлагаетъ покупать для библіотеки вазы, медали и пр. Когда пришло, наконецъ, столь долго ожидаемое имъ опредѣленіе его при неаполитанскомъ посольствѣ, Батюшковъ поспѣшилъ оставить Одессу и, заѣхавъ на короткое время въ деревню, чтобы проститься съ сестрами, пріѣхалъ въ Петербургъ. Къ Италіи и къ новой службѣ своей Батюшковъ готовился весьма добросовѣстно. Онъ покупалъ книги по географіи, исторіи, литературѣ Италіи, просилъ о помощи въ этомъ отношеніи у Н. Тургенева и у чрезвычайно развитого молодого родственника своего, Никиты Муравьева. Въ ноябрѣ того же года онъ уѣхалъ въ Неаполь.

О трехлѣтнемъ почти пребываніи Батюшкова въ Неаполѣ, о томъ, что онъ могъ написать тамъ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Съ отъѣздомъ его въ Неаполь, повидимому, прекратилась его литературная дѣятельность. Передъ нами только три короткія письма его къ А. Тургеневу, Уварову и Жуковскому, написанныя еще въ 1819 году, т.-е. первомъ году неаполитанской жизни Батюшкова; далѣе уже недостаетъ извѣстій.

[1]) Ibidem, стр. 1518.
[2]) Ibidem, стр. 1519—20.
[3]) Ibidem, стр. 1523.

Изъ писемъ этихъ видно, что Батюшковъ, кажется, былъ доволенъ своею неаполитанскою жизнью, хотя ни слова не говорилъ о своей службѣ и о своихъ занятіяхъ. Письма главнымъ образомъ наполнены вопросами о томъ, что дѣлается съ друзьями его на родинѣ, и о русской словесности. Батюшковъ жалѣетъ, что не можетъ слѣдить за нею. Онъ проситъ Тургенева прислать „чего-нибудь русскаго, новостей книжныхъ, стиховъ и прозы“ [1])... Онъ интересуется узнать, вышла ли въ свѣтъ поэма Пушкина, съ которою онъ познакомился въ отрывкахъ. Симпатіи его всѣ направлены въ сторону родины и ея литературы. „Въ общества я заглядываю, какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книгами; посѣщаю Помпею и берега залива, наставительные, какъ книга; страшусь только забыть русскую грамоту“ — пишетъ Батюшковъ къ Уварову [2]). „Я здѣсь, милый другъ, въ страхѣ забыть языкъ отечественный — пишетъ онъ то же самое къ Жуковскому — совершенно безъ книгъ русскихъ, и по нынѣшнему образу занятій моихъ, не часто заглядываю въ двѣ или три книги русскія, которыя ненарокомъ взялъ съ собою“ [3])... Описывая Жуковскому красоты неаполитанскихъ видовъ, которыя приводятъ его въ восхищеніе, Батюшковъ жалуется, что талантъ его слишкомъ слабъ, чтобы достойно описать эти великія зрѣлища. „Посреди сихъ чудесъ удивись перемѣнѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе не могу писать стиховъ!“ [4]) Сохранился, но только въ памяти друзей, однако, отрывокъ, писанный въ 1819 году, гдѣ Батюшковъ поэтически обращается къ развалинамъ Байи, на берегу Неаполитанскаго залива [5]). Зато онъ разсказываетъ, что пишетъ „записки о древностяхъ окрестностей Неаполя“. „Мнѣ когда-нибудь послужитъ этотъ трудъ, — говоритъ онъ, ибо трудъ, я увѣренъ въ этомъ, никогда не потерянъ“ [6])... Здоровье его не поправляется, несмотря на климатъ Италіи. Въ ней жалуется онъ на холодъ, но, повидимому, доволенъ собою и окружающимъ его. „Если прибавить, что я совершенно доволенъ моею участью, безъ роскоши, но выше нужды, ничего не желаю въ мірѣ; имѣю или питаю по крайней мѣрѣ надежду возвратиться въ отечество, обнять васъ и быть еще полезнымъ гражданиномъ, и это меня поддерживаетъ въ часы унынія“ [7])...

---

[1]) Соч. Батюшкова Изд. 1850 г., т. I, стр. 358
[2]) Ibidem, стр. 361—362.
[3]) Ibidem, стр. 364.
[4]) Ibidem, стр. 365.
[5]) Лонгиновъ, Библ. Зап. XXXV. Соврем. 1857 г., № 3, стр. 823.
[6]) Соч. Батюшкова, изд. 1850 г., т. I, стр. 367.
[7]) Ibidem.

ЛЕКЦІЯ XIII.

Душевная болѣзнь Батюшкова.—Причины ея.—Арзамасъ.—Шаховской и полемика противъ него.

Съ отъѣздомъ Батюшкова въ Италію въ 1818 году, т.-е. одновременно съ тѣмъ, какъ Жуковскій вступилъ въ свои придворныя обязанности, литературная дѣятельность его прекращается, и если что-нибудь и было имъ написано въ Италіи, то не дошло до насъ. Какъ извѣстно, скоро постигла его душевная болѣзнь, наслѣдственная въ семьѣ, но, вѣроятно, были къ ней и ближайшіе поводы, и объ этихъ-то поводахъ существуютъ разнорѣчивыя показанія. Мы не знаемъ даже опредѣленно, сколько времени прожилъ Батюшковъ въ Неаполѣ. Въ половинѣ 1820 года въ Неаполѣ, вслѣдствіе усилій карбонаровъ, произошло возстаніе. Король Фердинандъ I, изъ дома Бурбоновъ, возстановленный чужеземными штыками въ своемъ достоинствѣ въ 1815 году, послѣ казни Мюрата, долженъ былъ уступить теперь народному движенію и выдать либеральную конституцію. Но это не могло быть терпимо тѣми великими державами, которыя составляли Священный Союзъ. На конгрессахъ въ Троппау и Лайбахѣ, собравшихся именно по поводу революціи въ Неаполѣ, рѣшено было вооруженное вмѣшательство въ дѣла этого королевства. Короля пригласили въ Лайбахъ, и въ мартѣ 1821 года онъ вступилъ, подкрѣпляемый австрійскимн войсками, въ свое королевство. Народное движеніе было подавлено, либеральная конституція уничтожена и началась самая сильная реакція, съ казнями и прочими ужасами, обыкновенно ее сопровождающими. Это время неаполитанской революціи было, конечно, весьма любопытнымъ временемъ для жизни и наблюденій. Но Батюшковъ въ началѣ 1821 года былъ уже въ Римѣ, выѣхавъ туда вѣроятно съ миссіей. „Батюшковъ пишетъ изъ Рима, сообщаетъ Карамзинъ Дмитріеву, что революція *глупая* надоѣла ему до крайности. Хорошо, что онъ убрался изъ Неаполя бурнаго, гдѣ уже было, какъ сказываютъ, рѣзанье“ [1])...

Италія не поправила его здоровья и, выѣхавъ въ началѣ 1821 г. изъ нея, онъ долженъ былъ лѣчиться на богемскихъ водахъ и вѣроятно не возвращался болѣе въ Неаполь. Съ водъ онъ переѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ прожилъ всю зиму, занимаясь мистикой и астрономіей и переводя трагедію Шиллера „Мессинскую невѣсту“, изъ которой въ его сочиненіяхъ напечатанъ только отрывокъ [2]).

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 304.

[2]) Konig. H. Literarische Bilder aus Russland. 1837, S. 125.

Въ началѣ 1822 года онъ явился въ Петербургъ, полный болѣзненнаго раздраженія, въ состояніи близкомъ къ помѣшательству, подозрѣвая вездѣ враговъ, составившихъ противъ него союзъ, чтобы уронить его славу. Онъ говорилъ, что ѣдетъ на Кавказъ или Крымъ. „Странный и жалкій меланхоликъ Батюшковъ ѣдетъ на Кавказъ“ — пишетъ къ Дмитріеву Карамзинъ въ маѣ 1822 г. [1]). Въ петербургскомъ обществѣ говорили тогда, что помѣшательство Батюшкова произошло вслѣдствіе служебныхъ непріятностей; въ чемъ они состояли — неизвѣстно. „Недавно возвратился сюда изъ чужихъ краевъ К. Н. Батюшковъ, — пишетъ А. Е. Измайловъ 6 апрѣля 1822 года къ Дмитріеву въ Москву. Съ нимъ случилось величайшее несчастіе. Онъ, какъ говорятъ, почти помѣшался и даже не узнаетъ коротко знакомыхъ. Это слѣдствіе полученныхъ имъ по послѣднему мѣсту непріятностей отъ начальства. Его упрекали тѣмъ, что онъ писалъ стихи, и потому считали неспособнымъ къ дипломатической службѣ“... [2]). Это извѣстіе подкрѣпляется и послѣднею запискою Батюшкова къ Жуковскому, написанною, очевидно, уже въ болѣзненномъ состояніи, если подобная записка можетъ служить доказательствомъ. Въ ней Батюшковъ называетъ Нессельроде, тогда управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, т.-е. своего главнаго начальника — своимъ убійцею. „*Я ему никогда не прощу*,—*ни я, ни Богъ правосудный, ни люди добрые и честные*“ [3]). Въ такомъ душевномъ состояніи Батюшковъ въ маѣ 1822 года вмѣсто Кавказа поѣхалъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ около года. Что онъ тамъ дѣлалъ—намъ неизвѣстно. Есть извѣстія, что именно въ Крыму сумасшествіе его достигло полнаго развитія, такъ что онъ нѣсколько разъ покушался на свою жизнь; но есть и другія противоположныя извѣстія. Пушкинъ пишетъ въ 1823 году брату своему изъ Кишинева: „Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ онъ *изъ ума шутитъ*“ [4]). Какъ бы то ни было изъ Крыма вернулся онъ въ безнадежномъ состояніи. Говорятъ, что употребляли много усилій для его излѣченія; пробовали музыку, но при ея звукахъ онъ приходилъ въ бѣшенство; возили его въ Пирну, въ извѣстное заведеніе для умалишенныхъ Зонненштейна, и все напрасно. Какъ извѣстно, онъ прожилъ до 1855 года въ тихомъ помѣшательствѣ въ Вологдѣ у родныхъ. Пенсіонъ, назначенный ему государемъ Николаемъ Павловичемъ, обезпечивалъ его положеніе.

---

[1]) Ibidem, стр. 329.
[2]) Русск. Арх, 1871, 7 и 8, стр. 970—971.
[3]) Ibidem, 1870 г., стр. 1718.
[4]) Библиогр. Зап., I, стр. 14.

Существуютъ въ разсказахъ и чисто нравственные поводы къ его помѣшательству. Говорятъ, что онъ узналъ о существованіи заговора, который разразился черезъ нѣсколько лѣтъ катастрофою 14 декабря. Въ тайномъ обществѣ участвовали всѣ дѣти К. Ѳ. Муравьевой, на которую онъ смотрѣлъ какъ на родную мать и благодѣтельницу и всѣ дѣти И. М. Муравьева-Апостола, котораго онъ уважалъ и какъ человѣка и какъ писателя. Всѣхъ этихъ молодыхъ людей, которые выросли на глазахъ его, ближайшихъ родственниковъ своихъ, Батюшковъ любилъ какъ родныхъ братьевъ, хотя они были нѣсколько моложе его. Его положеніе было затруднительно. Повидимому, онъ не раздѣлялъ либеральныхъ стремленій своихъ родственниковъ, а выдать ихъ не могъ и по чувствамъ къ нимъ и по благородству своего характера [1]). Впрочемъ въ такомъ разладѣ съ самими собою и съ убѣжденіями находились тогда многіе. Батюшковъ принадлежалъ, какъ мы знаемъ къ впечатлительнымъ и раздражительнымъ натурамъ; онъ и прежде пророчилъ себѣ сумасшествіе, да и во времени, и въ обстоятельствахъ было такъ много элементовъ для того, чтобы помѣшательство казалось естественнымъ.

Какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что такая несчастная судьба постигла Батюшкова въ то время, когда ему было только 34 года и когда при лучшихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы многое еще сдѣлать для русской поэзіи и русской литературы. Мы нарочно останавливались на разнообразныхъ обстоятельствахъ его жизни, которыя тогда никому не казались странными въ обществѣ, останавливались для того, чтобъ показать, какъ отъ этихъ обстоятельствъ зависѣлъ и талантъ его, и самое содержаніе его произведеній. Званіе писателя еще не пользовалось почетомъ и уваженіемъ въ обществѣ. Оно не давало собственно говоря, ничего существеннаго человѣку, кромѣ развѣ уваженія и привязанности въ томъ интимномъ кругу друзей, одинаково настроенныхъ, который любилъ искусство и литературу. Человѣку-писателю нужно было искать другую какую-либо профессію, чтобы получить средства для жизни, но какую найти, чтобъ она удовлетворяла писателя, чтобъ онъ былъ доволенъ ею? Вопросъ затруднительный и мы видимъ, что Батюшковъ нѣсколько лѣтъ жизни посвящаетъ его разрѣшенію и все напрасно. Отсюда его постоянныя колебанія, недовольство собою и окружающимъ. Мы видѣли, что въ немъ былъ сильный, самобытный талантъ, что нельзя отказать ему ни въ умѣ, ни въ пониманіи дѣйствительности. Но различныя обстоятельства, житейскія и общественныя, мѣшали ему въ спокойномъ созерцаніи жизни, дѣлали это со-

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 149.

зерцаніе порывистымъ, неустановившимся. Обстоятельства житейскія еще больше имѣли вліянія на Батюшкова, чѣмъ положеніе дѣлъ общественныхъ, въ которое онъ, повидимому, не вдумывался. Вѣчно безпокойная жизнь съ волненіями, происходящими то отъ болѣзни, то отъ неудовлетвореннаго честолюбія, выпала на его долю и помѣшала полному развитію его таланта. Онъ растратилъ свой талантъ то въ тревогахъ бивачной жизни, которая давала ему только мимолетныя впечатлѣнія, то въ кибиткѣ, скача изъ одного конца Россіи въ другой противоположный. Отъ того въ стихахъ Батюшкова, во всемъ направленіи его таланта замѣчается что-то недодѣланное, недосказанное.. Сочувствіе его къ классическимъ формамъ и образамъ было случайное; оно вытекало не изъ его собственнаго непосредственнаго знакомства съ классическимъ міромъ, а подъ вліяніемъ личностей, близко знакомыхъ съ нимъ, съ которыми Батюшковъ сближался: Гнѣдича, И. М. Муравьева-Апостола, Уварова. Наслажденье любовью и паѳосъ сладострастія, которые обыкновенно считаютъ признаками „классической Музы“ Батюшкова, заимствованы имъ не изъ классическихъ, а изъ французскихъ поэтовъ, въ родѣ Парни, и какъ-то плохо вяжутся со всѣмъ знакомымъ намъ содержаніемъ его жизни. Образованіе его вообще было незавидно, какъ и у прочихъ нашихъ писателей. Саморазвитіемъ сдѣлаешь вообще мало, если школа не дала никакихъ идеаловъ, ни умственныхъ ни нравственныхъ, ни политическихъ, а Батюшкову учиться приходилось или въ лагерѣ, или въ кибиткѣ. Отъ этого въ его прозѣ, тамъ, гдѣ онъ начинаетъ разсуждать о предметахъ общихъ, сколько-нибудь отвлеченныхъ, его рѣчь страдаетъ ограниченностью и пониманія и сужденія. Онъ обязанъ своими идеалами Карамзину, хотя и менѣе, чѣмъ Жуковскій. Въ то время, какъ молодой его родственникъ Никита Муравьевъ благородно и смѣло разбиралъ политическія тенденціи „исторіи государства россійскаго“, Батюшковъ сравниваетъ свое впечатлѣніе при чтеніи исторіи Карамзина съ впечатлѣніемъ Ѳукидида, слушавшаго на Олимпійскихъ играхъ—Геродота:

„И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ сладкомъ умиленьи“ [1]).

Собственныя понятія о поэзіи у Батюшкова удаляли его отъ дѣйствительности: „Удались отъ общества, окружи себя природою, совѣтуетъ онъ поэту: въ тишинѣ сельской, посреди грубыхъ, неисторическихъ нравовъ, читай исторію временъ протекшихъ, поучайся

[1]) „Карамзину“.

въ печальныхъ лѣтописяхъ міра, узнавай человѣка и страсти его, но исполнись любви и благоволенія ко всему человѣчеству: да будутъ мысли твои важны и величественны, движенія души твоей нѣжны и страстны, но всегда покорены разсудку, спокойному властелину ихъ"... [1]). Самое значеніе писателя у него только художественное; онъ пишетъ не для народа, не для общества. „Мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои, говоритъ онъ, въ сладостной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для которыхъ сильное и благородное чувство, счастливое выраженіе, прекрасный стихъ и страница живой, краснорѣчивой прозы—суть сокровища истинныя"... [2]). Такое убѣжденіе было общимъ, господствовавшимъ между лучшими образованными людьми нашими въ то время, между талантливыми, передовыми писателями.

Лучшимъ примѣромъ этой мысли и пустоты того содержанія, которое разработывала тогдашняя литература, совершенно чуждавшаяся общественныхъ вопросовъ, можетъ служить литературное общество „Арзамасъ", о которомъ мы уже не разъ упоминали. Его обыкновенно связываютъ съ дѣятельностью Жуковскаго, и дѣйствительно, насколько можно судить по печатнымъ документамъ, Жуковскій былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ въ этомъ обществѣ, хотя первая мысль о немъ и оригинальное устройство принадлежатъ Блудову. Происхожденіе этого общества надобно искать въ тѣхъ литературно-критическихъ спорахъ, которые давно велись по поводу нападеній Шишкова на слогъ Карамзина; Арзамасъ былъ продолженіемъ этихъ споровъ и возникъ тогда, когда нападеніе противной стороны, къ которой принадлежали всѣ члены Шишковской и Державинской „Бесѣды", приняли личный характеръ. Самый Арзамасъ вслѣдствіе этого получилъ также личный характеръ, а потому преобладающими свойствами его были насмѣшливость и пародія. Напрасно поэтому современники, участвовавшіе въ этомъ обществѣ, стараются придать ему какое-то научное значеніе, сдѣлать его выраженіемъ строгой критики и пр. „Направленіе этого общества или, лучше сказать, этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно критическое, говоритъ графъ Уваровъ. Лица, составлявшія его, занимались: строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и пр. [3]). Такое представленіе о

---

[1]) „Нѣчто о поэтѣ и поэзіи".

[2]) Ibidem.

[3]) Современ. 1851 г. № 6, II, стр. 38.

трудахъ этого дружескаго общества, которое сохранилось въ памяти одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ его, преувеличено значительно. Конечно, большинство участниковъ Арзамаса были люди умные и образованные, но серьезной цѣли они не имѣли.

Арзамасское общество образовалось, какъ противодѣйствіе „Бесѣдѣ любителей русскаго слова", въ то время, когда послѣдняя оканчивала уже свое существованіе и образовалось въ средѣ поклонниковъ Карамзина, котораго выбрали какъ бы невидимымъ вождемъ своимъ. Слѣдовательно, это было продолженіе прежняго спора между двумя литературными партіями старой и новой. Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію самаго общества и къ выбору для него оригинальнаго названія „Арзамасъ" послужили слѣдующія обстоятельства.

Между писателями, принадлежавшими къ партіи Шишкова и „Бесѣды" — самымъ оригинальнымъ и самымъ живымъ лицомъ былъ князь Шаховской, чрезвычайно плодовитый драматическій писатель, дѣйствовавшій на этомъ поприщѣ около полувѣка. О немъ намъ уже случалось говорить нѣсколько прежде. И Шаховской воспитывался въ томъ же благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ учился и Жуковскій, но былъ нѣсколько старше его (род. въ 1777 г.). Вѣроятно, и онъ въ пансіонѣ получилъ любовь къ литературнымъ занятіямъ, подобно прочимъ, хотя и вышелъ изъ него для поступленія въ военную службу на шестнадцатомъ году. Въ гвардейскомъ полку, гдѣ Шаховской служилъ, онъ продолжалъ образовывать себя, по его собственнымъ признаніямъ. Тогда уже онъ полюбилъ театръ и эта страсть заставила его оставить военную службу и поступить въ другую, которая вполнѣ удовлетворяла его наклонностямъ — въ театральную дирекцію по репертуарной части. Русскій театръ и труппа въ Петербургѣ были тогда въ незавидномъ положеніи. Главное вниманіе театральнаго начальства, конечно, въ угоду большинства образованнаго общества, было обращено на французскій театръ, улучшить и устроить который заботились сильно. Эти заботы дирекціи дали возможность князю Шаховскому въ 1801 и 1803 годахъ съѣздить на казенный счетъ за границу, съ цѣлью приглашенія нѣкоторыхъ французскихъ актеровъ для пополненія труппы; это путешествіе развило и укрѣпило театральные вкусы князя Шаховского. Онъ видѣлъ лучшихъ представителей театральнаго искусства и съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ авторитетность въ этотъ дѣлѣ. Съ этихъ поръ онъ съ большою энергіею отдался усовершенствованію русскаго театра, который дѣйствительно любилъ. Имъ была задумана и устроена театральная школа, которая должна была приготовлять молодые таланты. Въ 1812 году Шаховской снова поступилъ въ военную службу — въ ополченіе, но заграничныхъ походовъ не дѣлалъ и вскорѣ снова за-

нялъ прежне мѣсто. Къ русскому театру онъ былъ привязанъ службою до 1826 года, но, и вышедши тогда въ отставку, до самой смерти своей въ 1846 году, не охладѣвалъ къ драматической литературѣ и къ театральному искусству. Его литературная дѣятельность въ драмѣ, начавшаяся въ 1807 году, продолжалась почти до самой смерти его. Онъ писалъ много комедій и драмъ, число которыхъ доходитъ до ста, и хотя эти театральныя пьесы Шаховского потеряли теперь всякое значеніе, въ виду какъ измѣнившихся вкусовъ, такъ и самаго общества, но онѣ долго давались на сценѣ и были любимы. Не имѣя большихъ художественныхъ достоинствъ, всѣ онѣ служатъ, однако, доказательствомъ какъ прекраснаго знанія условій театра, такъ и значительной наблюдательности со стороны Шаховского. Всѣ онѣ любопытны для исторіи общества.

Имя Шаховского, который сталъ писать въ самый разгаръ литературной и полемической борьбы между Шишковымъ и Карамзинистами, будучи членомъ Шишковскихъ собраній, а потомъ „Бесѣды“, сдѣлалось въ первый разъ извѣстнымъ въ литературѣ шуточною эпико-комическою поэмою „Расхищенныя Шубы“, написанною довольно легкими стихами и не безъ одушевленной веселости. Такихъ пародій на эпическія поэмы писалось довольно въ XVIII вѣкѣ. Въ началѣ нашего вѣка появленіе ихъ у насъ, какъ и настоящей поэмы Шаховского объясняется вообще бѣдностью литературнаго содержанія. Содержаніе поэмы высказывается въ заглавіи. Это шуточный разсказъ о происшествіи, бывшемъ въ нѣмецкомъ клубѣ вслѣдствіе ссоры старшинъ между собою. По своему содержанію поэма эта могла быть только прочитана и забыта, но нѣкоторую долговѣчность ей придали находящіяся въ ней выходки Шаховского противъ Карамзинистовъ и пародированіе стиховъ В. Пушкина въ посланіи его къ Жуковскому, что̀, конечно, не могло понравиться противной партіи, которая мстила за себя также эпиграммами и насмѣшливыми намеками на Шаховского въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ эпиграммахъ князь Шаховской сталъ называться „злымъ Гашпаромъ“, по имени главнаго дѣйствующаго лица его поэмы, но общее его названіе было обыкновенно Шутовской.

Еще болѣе нерасположенія къ себѣ возбудилъ Шаховской своею комедіею „Новый Стернъ“ (1805 г.), въ которой онъ старался осмѣять не столько самого Карамзина, сколько малоталантливыхъ подражателей его чувствительности, именно родъ „сентиментальныхъ вояжеровъ“ и въ особенности князя Шаликова. Слабая сторона карамзинскаго направленія, даже вычурный слогъ писателей этой школы, ихъ любимыя выраженія осмѣяны были довольно удачно. Конечно, въ сентиментальности, господствовавшей тогда въ литературѣ, былъ

дальнѣйшій шагъ въ развитіи гуманности, общество дѣлало нравственный успѣхъ и съ этой точки зрѣнія и защищались совершенно справедливо Карамзинисты, но здравый смыслъ не могъ не видѣть въ немъ и слабыхъ сторонъ.

Полемика послѣдователей Карамзина съ Шишковымъ прекратилась на время войны и великихъ событій, слѣдовавшихъ за 1812 годомъ, когда самъ основатель „Бесѣды", первый врагъ Карамзина былъ занятъ не тѣмъ. Но она неминуемо должна была возобновиться снова, такъ какъ порядокъ вещей остался все тотъ же и литературѣ не откуда было взять болѣе живое и глубокое содержаніе. Взаимные нападки продолжались, но остроуміе и настоящая насмѣшливость были на сторонѣ Карамзинистовъ, къ лагерю которыхъ невольно и естественно приставало все, что было талантливо и смотрѣло впередъ. Въ этомъ же лагерѣ появились теперь два лица, получившія вдругъ большую извѣстность въ литературѣ: Батюшковъ и Жуковскій, которые должны были скоро присоединить и свой голосъ къ прежней полемикѣ, потому что и образованіе ихъ и литературные вкусы дѣлали ихъ сторонниками реформы, произведенной Карамзинымъ. Мы познакомились уже съ тѣми горячими нападками, которые въ дружескихъ письмахъ высказывалъ Батюшковъ на счетъ Шишкова и членовъ тогдашней Россійской Академіи. Въ его „Видѣніи на берегахъ Леты" Шишковъ съ своею свитою игралъ главную роль. Конечно во всемъ этомъ не высказывалось полной приверженности къ манерѣ Карамзина, надъ преувеличеніями которой Батюшковъ смѣялся довольно зло, но зато очевидно было, что онъ вовсе не былъ на сторонѣ „Бесѣды". Съ другой стороны и Жуковскій, до своего пріѣзда въ Петербургъ и до распространенія своей славы, воспитанный вмѣстѣ съ сторонниками Карамзина—Блудовымъ, Дашковымъ, А. Тургеневымъ, и самъ привыкшій смотрѣть съ глубокимъ уваженіемъ на главу и вводителя у насъ сентиментальнаго направленія, съ которымъ его собственная мечтательность была въ непосредственной связи, необходимо долженъ былъ пристать къ противникамъ Шишкова и смѣяться надъ членами „Бесѣды" и ихъ сочиненіями. Онъ былъ соединенъ дружескими связями съ В. Пушкинымъ, который одновременно съ полемикою Дашкова въ журналѣ „Цвѣтникъ" принялъ печатное участіе въ общемъ спорѣ своими двумя стихотвореніями „Посланіями" (къ Жуковскому, 1810 г. и къ Дашкову — 1811 года) и съ Вяземскимъ, зятемъ Карамзина, преслѣдовавшимъ враговъ его эпиграммами; въ своихъ дружескихъ посланіяхъ онъ и самъ не отказывалъ себѣ дѣлать злыя выходки противъ враждебной партіи. Шишковъ и въ его воображеніи представлялся противникомъ всего новаго и безсмысленнымъ приверженцемъ старины. Въ шутливомъ посланіи

къ Воейкову, написанномъ имъ въ 1814 году въ Долбинѣ, Жуковскій, разсказывая свои литературные сны и изображая въ забавномъ видѣ всю старую литературную партію, дольше всего останавливается на Шишковѣ и на его членахъ „Бесѣды“:

„Зрѣлъ въ ночи, какъ въ высотѣ,
Кто-то грозный и унылый,
Избоченясь на котѣ,
Ѣхалъ рысью—въ шуйцѣ вилы,
А въ десницѣ грозный Икъ.
По-славянски котъ мяукалъ,
А внимающій старикъ,
Въ тактъ съ усмѣшкой Икомъ стукалъ!“ [1])

Парнасъ забавно представленъ въ русскомъ вкусѣ и въ русской обстановкѣ:

„Фебъ въ ужасныхъ рукавицахъ,
Въ русской шапкѣ и котахъ,
Кички на его сестрицахъ (т.-е. музахъ)!“

Амуры—въ стихаряхъ, хариты—въ черевикахъ; рядомъ съ старикомъ въ овчинѣ (т.-е. Шишковымъ) стоитъ Вкусъ съ бѣльмомъ, Ѳебъ играетъ въ гудокъ, а Мельпомена и Купидонъ пляшутъ голубца... Къ престолу старика... „подошли стихотворцы для присяги (все изъ „Бесѣды“):

Тѣ подъ мышками несли
Расписныя съ квасомъ фляги;
Тотъ тащилъ кису морщинъ,
Тотъ прабабушкину мушку,
Тотъ старинныхъ словъ кувшинъ,
Тотъ кавыкъ и юсовъ кружку,
Тотъ перину изъ бородъ,
Древле бритыхъ въ Петроградѣ,
Тотъ славянскій переводъ
Басенъ Дмитрева въ окладѣ.
Всѣ возрѣвъ на старину,
Персты въ верхъ и ставши рядомъ,
„Брань и смерть Карамзину!“
Грянули, сверкая взглядомъ
„Зубы грѣшнику порвемъ;
Ощримимъ хребетъ строптивый,
Задъ во утро избіемъ,
Намъ обиды сотворивый!“ [2])

---

[1]) Русск. Арх. 1864 г., стр 920.
[2]) Ibidem., стр. 919—922.

Насмѣшки эти доходили, разумѣется, до тѣхъ, къ кому онѣ относились и безъ сомнѣнія возбуждали въ врагахъ ненависть къ насмѣшнику.

Самое направленіе Жуковскаго въ поэзіи, которое принесло ему извѣстность, — мечтательность и такъ называемый романтизмъ не могли нравиться тѣмъ, которые нападали уже на Карамзина. Они справедливо видѣли въ Жуковскомъ не только сторонника Карамзина, но и продолжателя его направленія. Для друзей же своихъ Жуковскій сдѣлался новымъ кумиромъ, и они поклонялись ему.

Въ то время, когда Жуковскій, послѣ чрезвычайнаго успѣха своего „Пѣвца въ станѣ“ и патріотическаго „Посланія къ императору Александру“, явился окруженный извѣстностью въ Петербургѣ, вызванный друзьями для придворной карьеры и обласканный дворомъ, у него было много тайныхъ и явныхъ враговъ. Жуковскій по внѣшнему виду и по характеру своего обращенія представлялъ изъ себя чрезвычайно скромную, даже запуганную натуру. Къ ней шло мечтательное содержаніе его поэзіи, и все это невольно вызывало насмѣшку въ тѣхъ, которые смѣялись надъ чувствительностью Карамзина. Самый злой ударъ нанесъ князь Шаховской въ своей комедіи „Урокъ кокеткамъ или Липецкія Воды“ (1815 г.), написанной и поставленной на сцену въ то самое время, когда Жуковскій наслаждался первою своею славою въ Петербургѣ. Поэтъ выставленъ въ смѣшной, хотя нѣсколько утрированной, какъ всякая пародія, фигурѣ жалкаго *балладника* Фіалкина, безполезно ухаживающаго за петербургскою графиней-кокеткою и являющагося на сцену всегда со вздохами, стихами и гитарою за плечами. „Я выбралъ модный родъ балладъ“, говоритъ онъ графинѣ, желая прочитать посвященное ей свое стихотвореніе. Онъ даже поетъ на сценѣ балладу, очень напоминающую „Ахилла“ Жуковскаго и по размѣру и по выраженіямъ. Довольно близко изложено и то, что нужно автору, по понятіямъ Карамзина и Жуковскаго. Для поэта мало таланта, воображенія, познаній:

„Въ немъ сердце быть должно, которо бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ—какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей,
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ...
Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ;
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ“...

Баллады, родъ поэтическихъ произведеній, введенный въ нашу

поэзію Жуковскимъ, были жестоко осмѣяны. Фіалкинъ говоритъ про баллады:

„Ими я свой нѣжный вкусъ питаю;
И полночь и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу! все страшно въ нихъ, но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно"...

„И въ сказкахъ тоже гиль" — говоритъ на это слуга Семенъ. Это нападеніе было уже не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Содержаніе новой комедіи Шаховскаго, примѣчательной, какъ многія изъ его драматическихъ произведеній и по языку и по характерамъ лицъ и по сценическому искусству, вѣроятно, было извѣстно въ литературныхъ кружкахъ. И Жуковскій и друзья его рѣшились встрѣтить ударъ противника, какъ рыцари, лицомъ къ лицу. Вигель, въ своихъ „Воспоминаніяхъ" разсказываетъ, что всѣ они собрались въ театръ на первое представленіе, что положеніе Жуковскаго было весьма незавидно [1]). Онъ старался казаться равнодушнымъ. Въ письмѣ къ роднымъ тогда же онъ пишетъ: „Здѣсь есть авторъ князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною. Друзья за меня вступились... Теперь страшная война на Парнасѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали — городъ раздѣлился на двѣ партіи, и франпузскія волненія забыты при шумѣ парнасской бури" [2])...

ЛЕКЦІЯ XIV.

Возникновеніе и занятія Арзамаса. — Члены его.

Комедія князя Шаховского „Липецкія Воды или урокъ кокеткамъ", въ которой довольно остроумно, хотя и преувеличенно, задѣта была личность Жуковскаго и его баллады, произвела въ 1815 году, за неимѣніемъ другого, болѣе живого и дѣйствительнаго содержанія, цѣлую литературную бурю. Друзья Жуковскаго взялись отомстить за оскорбленнаго поэта, и личность комика въ свою очередь подверглась ихъ нападеніямъ. Такъ, князь Вяземскій въ одномъ изъ тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ [3]) въ статьѣ подъ названіемъ: „Письмо съ Липецкихъ водъ", разсказавши скучное, по мнѣнію автора, со-

[1]) Русск. Вѣстникъ, т. LIV, стр. 172—173.
[2]) Русск. Арх 1864 г., стр. 894.
[3]) *Россійскій Музеумъ*, 1815 года, № 12, стр. 257—265.

держаніе комедіи князя Шаховского, подъ очень прозрачными намеками рисуетъ даже наружность комика, какъ лицо, пріѣхавшее вмѣстѣ съ прочими на воды, его плѣшивый лобъ, его толстую фигуру и глумится надъ его литературными трудами и надъ тѣмъ обществомъ писателей, къ которому онъ принадлежалъ, т.-е. „Бесѣдою“, называя ихъ гагарами. Дашковъ также написалъ статью, подъ названіемъ „Письмо къ новѣйшему Аристофану“ [1]), гдѣ онъ на Шаховского взводитъ общее обвиненіе въ зависти къ литературнымъ успѣхамъ и къ талантамъ, говоритъ, что эта зависть погубила Озерова, что Шаховской, по своему вліянію на управленіе театромъ, заставляетъ всего чаще играть свои пьесы и мѣшаетъ успѣху другихъ [2]). Множество эпиграммъ посыпалось тогда на Шаховского, какъ водится въ этихъ случаяхъ, и остроумныхъ и пошлыхъ; нашлись и защитники у него. Даже молодой Пушкинъ, который не оставлялъ еще тогда Лицея, принялъ, вѣроятно, по существовавшимъ уже у него тогда литературнымъ связямъ съ Жуковскимъ и друзьями его, участіе въ этой чернильной войнѣ, но впослѣдствіи совершенно благоразумно отказался отъ этого увлеченія и раскаялся въ задорѣ [3]).

Какъ бы то ни было, но изъ этой полемики, болѣе личной, чѣмъ общей, очевидно, что комедія Шаховского имѣла большой успѣхъ на сценѣ и давалась въ теченіе многихъ лѣтъ, хотя и потомъ возбуждала постоянно неблагопріятные отзывы молодыхъ литераторовъ [4]). Друзья Жуковскаго даже, кажется, принудили Шаховского извиниться публично передъ оскорбленнымъ поэтомъ [5]). Но Шаховской все-таки остался побѣдителемъ: публика была на его сторонѣ и наполняла театръ, когда давались „Липецкія воды“. „Бесѣда“ торжествовала.

Друзья Карамзина и Жуковскаго и сторонники новаго литературнаго направленія видѣли, что противники ихъ представляютъ компактное общество и дѣйствуютъ соединенными силами, въ которыхъ больше значенія, чѣмъ въ единичныхъ усиліяхъ. Тогда образовался „Арзамасъ“, названіе котораго произошло отъ шуточной статьи Блудова, которая не была напечатана: „Видѣніе во градѣ“; она была написана въ подражаніе пьесы аббата Мореле La Vision, направленной противъ комедіи Палиссо Les philosophes, гдѣ послѣдній осмѣивалъ личности и мнѣнія энциклопедистовъ. Вигель разсказываетъ, что Блудовъ ѣздилъ въ Оренбургскую губернію для полученія

---

[1]) *Сынъ Отеч.* 1815 г., № 42, стр. 140 и сл.

[2]) *Лонгиновъ* „Библ Зап.“ XIX, *Современникъ* 1856 г., № 7, стр. 11—15.

[3]) *П. Анненковъ.* Матеріалы для біогр. Пушкина, т. I, стр. 22 — 23 и 56.

[4]) *А. Бестужевъ*, въ Сынѣ Отеч 1819, №. 6, стр. 252—273.

[5]) *Вяземскій.* „Мнѣніе постороннаго“ Сынъ Отеч. 1815 г., № 46, стр. 35.

наслѣдства и по дорогѣ, въ Арзамасѣ, гдѣ онъ остановился въ какомъ-то трактирѣ, въ смежной съ нимъ комнатѣ собралось нѣсколько людей, и ему показалось, что они разсуждаютъ о литературѣ. Воспоминаніе объ этихъ разсужденіяхъ, конечно, забавныхъ, Арзамасскихъ, послужило содержаніемъ статьи. Она была написана библейскимъ слогомъ. Главное дѣйствующее лицо въ ней былъ князь Шаховской, разсказывающій въ магнетическомъ снѣ свои забавныя видѣнія о томъ, что происходило въ пустой залѣ дома Державина, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ собирались члены „Бесѣды“. Сочиненіе это быстро распространилось и разумѣется дошло по адресу, особенно при существованіи и въ обществѣ литераторовъ, какъ и вездѣ, сплетниковъ. Оно, вѣроятно, и дало названіе обществу друзей Карамзина и Жуковскаго. Усиленію въ немъ вражды къ Шаховскому послужила еще смерть Озерова въ сумасшествіи, которое объяснили интригами противъ него Шаховского.

Весьма дѣятельнымъ лицомъ въ этомъ начинавшемся походѣ противъ представителей старой литературной партіи, несмотря на свои спеціальныя занятія и высокое тогда положеніе въ обществѣ, оказался Уваровъ, который и безъ того былъ близокъ съ карамзинистами. Онъ также былъ немного задѣтъ въ комедіи Шаховского и имѣлъ право считать себя обиженнымъ. При томъ, ему хотѣлось и здѣсь первенствовать. Онъ и сдѣлалъ начало. Въ его домѣ было первое засѣданіе общества, собравшееся по его приглашенію и состоявшее изъ немногихъ сначала членовъ—въ октябрѣ 1815 года. На немъ составленъ былъ уставъ общества, не писанный, но сохранявшійся въ памяти; уставъ этотъ, въ противоположность уставамъ многихъ существовавшихъ въ ту пору литературныхъ обществъ и въ столицахъ и въ провинціи, отличался шутовствомъ и скорѣе походилъ на ихъ пародію. Прочія общества были утверждены властью; это, напротивъ, составляло свободное соединеніе людей, имѣвшихъ цѣлью позабавиться на счетъ литературныхъ своихъ противниковъ. Въ шуткѣ и пародіи самое дѣятельное участіе принялъ Жуковскій. Онъ придумывалъ забавные параграфы устава и онъ же былъ чаще всего избираемъ въ секретари. По словамъ друзей его, онъ „какъ бы нарочно сотворенъ для сего званія“ [1]). Жуковскій говорилъ, что „арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ“ [2]), — это уже даетъ понятіе о характерѣ засѣданій дружескаго общества. Сохранился даже одинъ протоколъ засѣданія Арзамаса, написанный Жуковскимъ стихами, размѣромъ гекзаметра, но это было одно изъ послѣднихъ засѣданій [3]).

[1]) Дашковъ, Русск. Арх. 1866 г., стр. 499.

[2]) Ibidem, стр 500

[3]) Русск Арх., 1868 г., стр. 830—838.

Другимъ, чаще прочихъ избираемымъ секретаремъ Арзамаса былъ главный виновникъ его Блудовъ. Что касается до предсѣдателя, то онъ выбирался по жребію въ каждое собраніе и не былъ безсмѣннымъ. Чаще всего имъ бывали Уваровъ и Блудовъ, въ квартирахъ которыхъ, какъ людей женатыхъ, и собирались члены. Для поступленія въ члены Арзамаса требовались: рекомендація одного изъ принятыхъ уже членовъ, знакомства въ этомъ кружкѣ и, вѣроятно, главнымъ образомъ, литературный талантъ и убѣжденія, противоположныя „Бесѣдѣ“. Число членовъ увеличивалось постепенно; Лонгиновъ въ статьѣ своей объ этомъ обществѣ насчитываетъ ихъ 19 дѣйствительныхъ и 5 почетныхъ. Всѣ они принадлежали къ поклонникамъ Карамзина и Жуковскаго, къ среднему поколѣнію того времени, но между ними не было ни одного, который бы принадлежалъ къ болѣе молодому поколѣнію умовъ либеральныхъ, мечтавшихъ о преобразованіяхъ и о политической дѣятельности. Послѣдніе, правда, выступившіе нѣсколько позднѣе, не нашли бы предмета для своего вниманія въ собраніяхъ Арзамаса, которыя по характеру и по направленію всѣхъ своихъ членовъ, были совершенно чужды политическихъ тенденцій. Повидимому, Арзамасцы сознательно избѣгали послѣднихъ и занимались невинною пародіею и шутками. Самымъ младшимъ членомъ между Арзамасцами былъ А. С. Пушкинъ, принятый въ собраніе по рекомендаціи Жуковскаго, тогда уже оцѣнившаго талантъ, и потому еще, что онъ былъ роднымъ племянникомъ В. Л. Пушкина, который носилъ названіе „старосты Арзамаса“. Впрочемъ, онъ успѣлъ уже и тогда напечатать много стиховъ, написанныхъ имъ въ Лицеѣ, и свою вступительную рѣчь въ собраніи Арзамаса онъ произнесъ также стихами. Всѣ члены Арзамаса носили имена, заимствованныя изъ балладъ Жуковскаго. Самъ онъ, напр., назывался Свѣтланою, Блудовъ—Кассандрою, Дашковъ—чу! Уваровъ—старушкою и пр.

Арзамасское общество было пародіей на ученыя академіи, на другія литературныя общества того времени. имѣвшія опредѣленный уставъ, пожалуй, какъ сообщаетъ Вигель, и на масонскія ложи и тайныя политическія общества, въ то время уже образовавшіяся. Изъ членовъ Арзамаса Орловъ Михаилъ и Тургеневъ Николай перешли въ послѣднія, вѣроятно, сознавая всю безплодность и однообразіе пародіи. Ближайшею цѣлью пародіи и насмѣшливыхъ выходокъ была Шишковская „Бесѣда“ и ея члены. Принято было, чтобы каждый новый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей, какъ это заведено въ академіи французской, научныя и литературныя заслуги своего покойнаго предшественника, но такъ какъ въ Арзамасѣ всѣ члены были налицо и не умирали, то брали *живыхъ покойниковъ* „Бесѣды“ или Россійской Академіи „заимообразно и на прокатъ“ и говорили

имъ похвальныя надгробныя рѣчи, разумѣется, въ насмѣшливомъ родѣ. Такъ Жуковскій говорилъ подобную рѣчь въ честь Хвостова, и современники были въ восторгѣ отъ его юмора. Какъ пародія тайныхъ обществъ, были введены въ Арзамасъ и испытанія и отбираніе клятвеннаго обѣщанія со стороны вступающаго. Собраніе, полное шутокъ и веселости, потому что людямъ этимъ не было надъ чѣмъ задумываться (всѣ они были люди со средствами, часто даже очень большими, или имѣли на службѣ прекрасное содержаніе) обыкновенно оканчивалось хорошимъ ужиномъ, на которомъ непремѣнно требовался жареный гусь, представитель города Арзамаса, славящагося этими птицами. Ясно, что все дѣло ограничивалось шуткою. „Съ каждымъ засѣданіемъ общество становилось веселѣе, разсказываетъ современникъ, за каждой шуткой слѣдовала новая, на каждое острое слово отвѣчало другое. Съ какою цѣлью составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, съ тѣмъ, чтобы проводить время пріятнымъ образомъ и про себя смѣяться глупостямъ человѣческимъ. Не совсѣмъ прошелъ еще вѣкъ, въ который молодые люди, какъ умныя дѣти, отъ души умѣли смѣяться, но конецъ его уже близился“ [1]). Современникъ, повидимому, жалѣетъ объ этомъ „добромъ старомъ времени“, но онъ забываетъ, что эта беззавѣтная веселость тогдашнихъ людей происходила отъ пустоты жизни и дѣйствительности. Самая веселая пародія, прочитанная въ собраніи Арзамаса, принадлежала Батюшкову. Намъ неизвѣстно, впрочемъ, какъ смотрѣлъ на нее Жуковскій, ибо это было пародія на его любимое и прославленное произведеніе „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“. Пародія называлась „Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славянороссовъ“ и заключала въ себѣ обычную насмѣшку надъ „Бесѣдою“. Ея куплеты, впрочемъ, не всѣ извѣстны [2]). Остроуміе пародіи заключалось и въ томъ, что Батюшковъ подсмѣялся и надъ паѳосомъ Жуковскаго. Его „Пѣвецъ“ въ „Бесѣдѣ“ говоритъ, напр., такимъ образомъ:

„Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья! уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди бесѣды.
Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями.
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:

---

[1]) Вигель, Русск. Вѣстникъ, ч. LIV, стр, 177.
[2]) Лонгиновъ, Библ Зап. Современ. 1856 г., № 5.

Мы всѣ для славы дышемъ,
Равно здѣсь въ прозѣ и стихахъ,
Какъ Тредьяковскій, пишемъ".

Или слѣдующее мѣсто, гдѣ пародируются извѣстные стихи Жуковскаго о родинѣ:

Друзья! большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шахматова лихова.
Родного крова милый свѣтъ,
Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ—
Невинны мадригалы.
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, лавка дорогая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?"

и проч.

Но шутка, какъ ни бываетъ она остроумною, подъ конецъ надоѣдаетъ, какъ сладкое блюдо пріѣдается и дѣлается приторнымъ. Вѣроятно, для многихъ членовъ Арзамасскаго общества истина эта скоро уяснилась, особенно, когда стали въ него вступать новые члены, приготовленные послѣднимъ развитіемъ общества, для которыхъ въ жизни не все казалось шуткою, и которые смотрѣли на литературу не какъ на одно только забавное препровожденіе времени. Арзамасъ естественно не могъ долго просуществовать на прежнихъ началахъ, но былъ ли онъ въ состояніи принять въ себя новыя начала и идти впередъ вмѣстѣ съ требованіями времени? Уже самъ Жуковскій, уѣхавшій въ Дерптъ, вскорѣ послѣ открытія общества, писалъ оттуда Арзамасскимъ друзьямъ своимъ упреки за ихъ неподвижность въ оказаніи помощи несчастному писателю; слѣдовательно, онъ сознавалъ, что у общества могла быть и благотворительная цѣль. „Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ!—пишетъ онъ.—Хвастайте, хвастайте, голубчики!... Но, милые друзья! Надобно помнить и о томъ, что̀ ближе къ Арзамасу. Мещевскій въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! (Мещевскій—поэтъ, который, кажется, былъ товарищемъ по пансіону Жуковскому и Воейкову; онъ печаталъ свои стихотворенія съ 1809 года, но мы знаемъ изъ нихъ только одно—1817 года, приведенное Шишковымъ въ своихъ запискахъ [1]) подъ названіемъ „Посланіе къ артельнымъ друзьямъ"; Шишковъ разбираетъ его, какъ призывъ къ революціи и ищетъ въ немъ указаній

[1]) II, стр. 266—267.

на тайное общество; это стихотвореніе выставляется однако за написанное человѣкомъ, уже четыре года умершимъ [1]). За что онъ былъ сосланъ въ Сибирь также намъ неизвѣстно). Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество! Если-жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это... что это? Я не знаю, какъ назвать это! На чтожъ намъ толковать о добрѣ, объ общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими... Какъ не взбѣситься, подумавъ, что десять человѣкъ добрыхъ, имѣющихъ чувство и дружныхъ между собою, не могутъ найти свободной минуты, чтобы подумать о судьбѣ несчастнаго человѣка, ожидающаго отъ нихъ помощи и можетъ быть спасенія?“ [2]).

Арзамасцы дѣлали, какъ кажется, сборъ для изданія въ 1817 г. какой-то поэмы этого Мещевскаго, но она не явилась въ печати и чѣмъ кончились хлопоты Жуковскаго—не знаемъ. Жуковскій же, какъ кажется, въ 1817 году думалъ пригласить Арзамасцевъ къ составленію періодическаго изданія, но предлагаемый имъ планъ изданія представлялъ что-то въ родѣ альманаха, съ содержаніемъ исключительно литературнымъ, и изданіе не состоялось. Этотъ 1817 годъ былъ, какъ кажется, послѣднимъ въ существованіи самаго Арзамасскаго общества. Забава не могла долго продолжаться въ прежнемъ своемъ видѣ, тѣмъ болѣе, что еще въ 1816 году, со смертью Державина, прекратила свои собранія и враждебная Арзамасу „Бесѣда“. Арзамасъ необходимо долженъ былъ или уступить новымъ требованіямъ вѣка, которыя приносились въ него вновь завербованными членами, и тѣмъ отказаться отъ первоначальной, вовсе не серьезной цѣли своихъ соображеній, или разойтись. При томъ большинство первоначальныхъ основателей Арзамаса, все болѣе и болѣе успѣвавшее въ государственной службѣ, давно перестало смотрѣть на литературу, какъ на свое призваніе; она была вовсе не дорога ему. Эти основатели Арзамаса приходили въ его собранія для отдохновенія, для остроумной забавы, а вовсе не изъ участія къ литературѣ. Самъ Жуковскій, членъ самый дѣятельный, обезпеченный теперь пенсіономъ и получившій придворныя обязанности, на которыя онъ смотрѣлъ серьезно, сталъ писать гораздо меньше прежняго и рѣже являлся на собранія. Съ другой стороны всѣ эти первоначальные члены Арзамаса, люди высшаго общества, старались вводить въ него своихъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣли почти никакого понятія о русской литературѣ и нисколько не интересовались ею, живя очень долго по служебнымъ обязанностямъ за границею, какъ напр. два дипло-

---

[1]) Русск. Арх., 1868 г., стр. 938—939.

[2]) Русск. Арх., 1867 г., стр. 511—813.

мата—Сѣверинъ и Полетика. Для нихъ, какъ и для другихъ, болѣе развитыхъ членовъ, плоскія шутки надъ В. Л. Пушкинымъ, который былъ въ Арзамасѣ чѣмъ-то въ родѣ шута, могли казаться вовсе не забывными. Новые члены, которыхъ, благодаря усиліямъ Жуковскаго, безпрерывно прибывало, должны были поселить разладъ въ обществѣ. Кавелинъ, напр., впослѣдствіи извѣстный клевретъ Магницкаго—человѣкъ, почти ничего не писавшій и принятый только потому, что былъ товарищемъ Жуковскаго въ пансіонѣ—что было общаго у него съ прежними членами Арзамаса? Но еще менѣе общаго можно было найти съ шутливыми тенденціями Арзамаса у новыхъ членовъ, которые были представителями тогдашней либеральной партіи, мечтавшей о реформахъ и практической дѣятельности. Подъ именемъ Варвика былъ введенъ въ общество меньшой изъ братьевъ Тургеневыхъ, Николай, тотъ самый, котораго постигла бы жестокая судьба послѣ 14 декабря, еслибъ его не спасло пребываніе во время катастрофы и слѣдствія за границею. Это былъ человѣкъ съ серьезнымъ закаломъ мысли, съ очень солиднымъ образованіемъ, полученнымъ имъ въ Геттингенскомъ университетѣ, направленнымъ болѣе къ вопросамъ экономическимъ и финансовымъ, что доказываетъ его считавшееся классическимъ сочиненіе „Опытъ теоріи налоговъ“ [1]).

Въ теченіе всей долгой жизни Николая Тургенева его любимою мечтою, которую онъ разработывалъ въ теоріи, было освобожденіе крестьянъ и планъ конституціоннаго устройства государства. Онъ учился въ Германіи въ то тяжелое время, когда она стонала подъ игомъ Наполеона и когда мечты объ освобожденіи отечества проникали во всѣ сколько-нибудь чувствующія головы, когда профессора съ каѳедръ, несмотря на преслѣдованія французской полиціи, призывали молодежь къ патріотической борьбѣ за свободу, а студенты образовывали съ тою же цѣлью тайныя общества. Нѣсколько лѣтъ въ этой экзальтированной сферѣ, вдали отъ ничтожныхъ интересовъ русской жизни, должны были оказать сильное вліяніе на умъ и убѣжденія Тургенева, а сближеніе его съ великимъ прусскимъ патріотомъ, впослѣдствіи знаменитымъ министромъ Пруссіи и настоящимъ основателемъ этого государства, Штейномъ, съ которымъ Тургеневъ познакомился въ Германіи и при которомъ состоялъ оффиціально въ 1813 году, когда Штейнъ былъ въ Россіи, открыло ему широкіе горизонты современнаго политическаго міра. Въ качествѣ дипломатическаго чиновника онъ сопровождалъ русскую армію въ ея освободительномъ походѣ по Европѣ и воротился въ Россію съ могучими впечатлѣніями и съ планами преобразованій. Тургеневъ

[1]) Спб., 1818.

отличался сильнымъ характеромъ и упорною волею; онъ имѣлъ большое вліяніе на людей, умѣлъ подчинять ихъ себѣ и управлять ими. Не будь онъ замѣшанъ въ дѣло, Россія вѣрно имѣла бы въ немъ блестящаго государственнаго человѣка, который оставилъ бы глубокій слѣдъ въ ея исторіи. Вступивши въ общество Арзамаса, въ которомъ былъ уже членомъ его старшій братъ и гдѣ было у него много близкихъ людей, Николай Тургеневъ, конечно, долженъ былъ смотрѣть на Арзамасъ, какъ на пустую забаву и не могъ ожидать отъ него ничего серьезнаго, сколько-нибудь соотвѣтствовавшаго его тайнымъ планамъ и надеждамъ. Ихъ осуществленія онъ искалъ потомъ, подобно другимъ, въ тайномъ обществѣ.

Другой новый членъ, вступившій въ Арзамасъ вмѣстѣ съ Николаемъ Тургеневымъ и раздѣлявшій его убѣжденія, былъ блестящій гвардейскій полковникъ Михаилъ Орловъ. Это былъ любимецъ императора Александра принимавшій уже довольно важное участіе въ событіяхъ нашего европейскаго похода, кончившагося взятіемъ Парижа. Въ Арзамасѣ, его приняли подъ именемъ Рейна. Онъ былъ воспитанъ совершенно на европейскій ладъ, и мечталъ и о конституціонномъ устройствѣ, и о политической дѣятельности. Вступивъ въ Арзамасъ и найдя въ немъ довольно много талантливыхъ и, какъ казалось ему тогда, людей съ свободными убѣжденіями, Орловъ задумалъ придать этому безобидному и невинному обществу политическій характеръ. Вигель довольно подробно и какъ очевидецъ разсказываетъ, какъ принялся Орловъ за осуществленіе своего плана [1]). Его одушевленная рѣчь въ собраніи, бывшемъ на дачѣ Уварова, клонилась къ тому, чтобъ расширить число членовъ общества, чтобы предоставить также каждому члену право заводить тамъ, гдѣ онъ живетъ, новое общество, которое подчинено было бы главному, находящемуся въ столицѣ; разумѣется, съ этимъ расширеніемъ общество теряло уже первоначальный характеръ свой; оно превращалось въ систему распространенія свободныхъ идей и должно было возбуждать и приготовлять общественное мнѣніе. Съ этою же цѣлью приготовленія общественнаго мнѣнія Орловъ предлагалъ издавать журналъ съ либеральнымъ направленіемъ. Но Орловъ ошибся; онъ не понималъ тѣхъ людей, къ которымъ обращался съ этими планами и естественно встрѣтилъ въ нихъ противодѣйствіе. Его противникомъ явился Блудовъ, который не желалъ никакихъ преобразованій въ Арзамасѣ и упорно стоялъ за первоначальный характеръ этого общества, намекая даже на предосудительность, противозаконность намѣреній Орлова. „Когда вспомнишь это преніе, приба-

[1]) „Русск. Вѣстн.“ т. LV, стр. 204—206.

вляетъ Вигель, кажется, что будущій жребій сихъ людей былъ написанъ въ ихъ рѣчахъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, Блудовъ умеръ графомъ и всѣми уважаемымъ первымъ государственнымъ человѣкомъ Россіи, а Орловъ, котораго блестящая карьера была пріостановлена въ 1826 году и который спасся отъ болѣе жестокой судьбы благодаря своему происхожденію, доживалъ дни свои въ Москвѣ, скучающій и больной. Неудача Орлова въ преобразованіи Арзамаса повела къ выходу его изъ членовъ. Съ этого засѣданія Арзамасъ сталъ быстро клониться къ упадку; его дни были сочтены. „Неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ,— говоритъ современникъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось вдругъ перейти отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ“ [2]). Само время и развивающееся общественное сознаніе должны были устранить Арзамасъ съ его шутливыми литературными цѣлями, какъ это же время устранило рондо, тріолеты, мадригалы и тому подобныя литературныя забавы.

Къ этому послѣднему времени существованія Арзамасскаго общества, когда въ немъ происходили толки о журналѣ и о необходимости дѣйствовать на общественное мнѣніе, вѣроятно, относится „протоколъ двадцатаго засѣданія въ Арзамасѣ“, написанный стихами Жуковскимъ [3]). Несмотря на образы имъ введенные, которые тогда друзьямъ членамъ казались можетъ быть весьма остроумными, а теперь кажутся только пошлыми, напр., брюхо толстаго Тургенева, съ котораго „какъ Моисей съ горы Синая“, говоритъ свою рѣчь Блудовъ, прозванный Кассандрою, въ этомъ протоколѣ довольно опредѣленно выражается характеръ тогдашнихъ толковъ, а равно и безплодіе, какъ видно уже надоѣвшей всѣмъ шутки. По протоколу однако видно, что мысль о журналѣ первоначально принадлежала Тургеневу. Вотъ какъ излагаетъ ее Блудовъ, въ качествѣ секретаря:

„Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльникомъ! Полно
Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на каткѣ и шить на халдеевъ,
Сгорбясь, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ.
Время проснуться!.. Время, время летитъ
Насъ доселѣ сбирала безпечная шутка;
Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у *безплодной*
Жизни. Но что же? Она ужъ устала, иль скоро устанетъ!
Смѣхъ безъ веселости только кривлянье! Старыя шутки—
Старыя дѣвки! Время прошло, когда по слѣдамъ ихъ
Рой обожателей мчался!...“

---

[1]) Ibidem
[2]) Ibidem
[3]) Русск Арх., 1868 г., стр. 829—838.

И ораторъ предсказываетъ такую же судьбу Арзамасу, если онъ останется при старой шуткѣ и не сочетается законнымъ бракомъ со славою, т.-е. не уступитъ новому времени и его требованіямъ. Повидимому, въ этой рѣчи высказывалась и необходимость расширенія общества для другой, лучшей и плодотворнѣйшей дѣятельности:

„О, Арзамасцы! Всѣ мы судьбу испытали У всѣхъ насъ
Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго тайна. Но каждый,
Жизнью своей охлажденный, къ сей тайнѣ ужъ вѣру теряетъ
Въ каждомъ душа, какъ свѣтильникъ, горящій въ пустынѣ,
Свѣтъ одинокій окрестныя мглы не освѣтитъ. Напрасно
Намъ онъ горитъ; онъ лишь мрачность для нашихъ очей озаряетъ.
Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то, въ такой же пустынѣ,
Такъ же тускло и тщетно братскій пылаетъ свѣтильникъ?
Намъ отъ того не свѣтлѣе“.

И онъ взываетъ къ соединенію разразненныхъ силъ въ одно цѣлое. Превосходно рисуется безплодіе одиночныхъ усилій:

„Иной, самому себѣ незнакомецъ,
Полный жизни мертвецъ, себя и свой даръ загвоздившій въ гробъ,
Имъ самимъ сотворенный, бьется въ своемъ заточеньи:
Силенъ свой гробъ разложить, но силѣ не вѣритъ—и гибнетъ
Тотъ, великимъ желаньемъ волнуемый, силой богатый,
Радъ бы разлить по вселенной, въ сіяньи-ль, въ пожарѣ-ль, свой пламень,
Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но... голосъ въ пустынѣ.
Отзыва нѣтъ“...

Это голосъ дѣйствительности и чувствующихъ и мыслящихъ людей времени, когда было обмануто столько прекрасныхъ надеждъ, когда

„Предъ нами во дни упованья
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали разстилалась“...

И все покрылось туманомъ.

ЛЕКЦІЯ XV.

Намѣреніе арзамасцевъ издавать журналъ.—Милоновъ.

Судя по стихотворному протоколу этого послѣдняго Арзамасскаго засѣданія, составленному Жуковскимъ, планъ будущаго журнала изложенъ былъ Михаиломъ Орловымъ. Это былъ только общій планъ, который въ протоколѣ называется воротами. На нихъ изъ звѣздъ сіяла надпись: „Журналъ Арзамасскій“.

„За ними (воротами) кипѣли
Въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ; какъ гиганты смотрѣли
Лики славныхъ изъ сей оживленныя тучи; надъ нею

Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ неслось,
Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ, божество: *Просвѣщенье*
Къ грозной и мирной богинѣ: *Свободѣ*".

Протоколъ говоритъ, что по поводу этого предложенія были споры въ собраніи:

„Совѣщанье начали члены.
Пріятно было послушать, какъ вмѣстѣ
Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину".

Рѣшено было, быть Арзамасскому журналу. Могли ли, однако, члены этого по большой части шутливаго общества, каждый занятый своимъ дѣломъ, которое онъ считалъ гораздо важнѣе литературы, представляющей для него только минутную забаву, въ самомъ дѣлѣ издавать журналъ? На вопросъ этотъ приходится отвѣчать отрицательно. Немногіе изъ членовъ Арзамаса понимали настоящее значеніе журнала, какъ органа общественнаго развитія, какъ такое орудіе, которымъ создается общественное мнѣніе, но они очень хорошо понимали также, что журналъ съ подобнымъ направленіемъ и съ подобнымъ содержаніемъ, т.-е. въ европейскомъ смыслѣ этого слова, былъ невозможенъ въ то время въ Россіи, при характерѣ правительственой власти и при безсмысленной цензурѣ, которая тогда существовала. Большинство членовъ однако, оставалось при старыхъ понятіяхъ; они не сходили съ точки зрѣнія Карамзина, слишкомъ общей, сентиментальной и неопредѣленной, и программа задумываемаго въ Арзамасѣ журнала, казалось, была повтореніемъ, только въ другихъ словахъ, программы Карамзинскаго „Вѣстника Европы". Вотъ какъ одинъ изъ членовъ (А. Тургеневъ, тотъ самый въ уста котораго Жуковскій влагаетъ поэтическія рѣчи объ единеніи), говорилъ о содержаніи предполагаемаго журнала: „Я вижу ваше, наше будущее; я вижу Арзамасъ въ величественномъ собраніи. Онъ опредѣляетъ образъ занятій, общій для всѣхъ, но разновидный какъ различны вкусы и таланты. Единство и разнообразіе—вотъ девизъ Арзамаса и журнала его; единство въ правилахъ, ибо всѣ арзамасцы горятъ любовью къ добру и изящному... Все принадлежитъ намъ, пока можетъ принадлежать словесности и — не заблуждайтесь, друзья мои!— литератору открыто не тѣсное поле. Его область—мысли и чувства, а въ нихъ—мы сказали—весь нравственный міръ, и работа его есть не безплодная побѣда надъ трудностью. Нѣтъ! Нѣтъ! Кто объясняетъ и умножаетъ понятія, кто дѣйствуетъ на сердца умиленіемъ и восторгомъ, тотъ исправляетъ природу въ человѣкѣ, тотъ полезенъ не одному народу, не одному поколѣнію и такою да будетъ судьба Арзамаса... Наше скромное правило: *истина* и *справедливость* въ карти-

нахъ и сужднiяхъ, цѣль—удовольствiе современниковъ, и, можетъ быть, польза потомства"... Едва ли на этихъ неопредѣленныхъ и нѣсколько туманныхъ фразахъ можно было основать программу журнала? За журналъ брались и о журналѣ толковали въ Арзамасскихъ собранiяхъ, безъ сомнѣнiя, подъ вляниемъ убѣжденiя, что собранiя эти становились съ каждымъ днемъ безцвѣтнѣе и однообразнѣе, что нужно было создать себѣ какое-нибудь дѣло, но для журнальной цѣли едва ли были и способны эти члены Арзамаса, взысканные въ жизни счастiемъ и только забавлявшiеся литературой? Арзамасъ не могъ продолжать свое существованiе дальше на прежнихъ началахъ; онъ былъ живъ, когда была жива „Бесѣда", и умеръ вмѣстѣ съ нею. Его призванiе—была борьба съ старыми литературными преданiями, съ представителями отживающаго поколѣнiя литераторовъ, которые, не имѣя таланта, поддерживали всѣми способами эти старыя преданiя. Какъ только сошли со сцены эти лица, новое должно было восторжествовать; борьба становилась ненужною. Но Арзамасъ въ два-три года своего существованiя успѣлъ однако пережить самого себя. Онъ понималъ, что вокругъ него, воспитаннаго мыслью и талантомъ Карамзина, зарождалось что-то новое, чего онъ порядочно и не понималъ и чему онъ никакимъ образомъ не могъ сочувствовать. Рано ли поздно — этому новому было предоставлено будущее, и Арзамасъ въ пору разошелся подъ разъѣдающимъ вляниемъ времени. По своему интимному, исключительному характеру, по своей замкнутости, Арзамасъ не могъ имѣть вляния на общество. Его настоящее мѣсто—въ литературныхъ преданiяхъ... Но для участвовавшихъ въ немъ онъ представлялъ самыя дорогiя воспоминанiя.

Лица, принадлежавшiя къ обществу Арзамаса, были или высоко-даровитыя натуры, съ признаннымъ всѣми талантомъ, или любители-диллетанты, обладающiе и наслѣдственными средствами къ жизни и общественными связями и такимъ выгоднымъ положенiемъ въ службѣ, что имъ ничего не стоило бросить для нея свои временныя занятiя поэзiей и вообще литературнымъ дѣломъ. Это общество носило аристократическiй характеръ; не даромъ же они сами себя въ шутку называли „ихъ превосходительства генiи Арзамаса". Но какъ жили и къ чему стремились другiе люди, не осыпанные, подобно „генiямъ Арзамаса", дарами фортуны и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежавшiе также къ литературѣ, писавшiе много и стихами и прозой, преимущественно стихами? Какое значенiе имѣло для нихъ литературное дѣло; было ли оно ихъ настоящимъ призванiемъ или тоже совершалось между другимъ, болѣе важнымъ жизненнымъ дѣломъ? А такихъ людей было много. Мы уже говорили, что въ учебныхъ заведенiяхъ нашихъ, съ конца прошлаго вѣка, господствовало пре-

имущественно литературное образованіе, причемъ обращалось большое вниманіе на искусство выражать свои мысли и писать стихами и прозой. Едва ли не каждый студентъ нашихъ университетовъ въ десятыхъ годахъ писалъ стихи, хотя послѣдніе не были ни потребностью души его, ни выраженіемъ его пониманія дѣйствительности. Внѣшняя фактура стиховъ была усвоена и писать можно было о чемъ угодно: поэзія была раздѣлена на извѣстные теоретическіе роды и виды; условія каждаго, требованія каждаго были заранѣе опредѣлены строго теоріей, и поэту стоило только присѣсть, чтобъ въ готовыя уже рамки ввести болѣе или менѣе удачно придуманное имъ содержаніе. Отъ этого въ ту пору расплодилось у насъ такое множество поэтовъ во всѣхъ вѣдомствахъ. Надобно замѣтить, что литературные труды открывали молодому человѣку путь къ службѣ и способствовали нѣкоторымъ образомъ успѣхамъ въ ней, на что было много достаточныхъ причинъ. Съ примѣра императрицъ Елисаветы и Екатерины въ нашемъ обществѣ господствовала покровительственная система по отношенію къ литературѣ; въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы, она была еще въ значительной силѣ. Поэты еще подносили свои стихотворенія лицамъ знатнымъ и высокимъ, писали въ стихахъ о гражданскихъ заслугахъ своихъ начальниковъ, прославляли ихъ доблести и т. п. Предержащія власти смотрѣли снисходительно на подобную невинную литературу, даже поощряли ее наградами и повышеніемъ по службѣ. Съ другой стороны и новыя преобразованія вызывали отчасти изобиліе литературныхъ талантовъ; именно въ это время Сперанскій въ своихъ реформахъ администраціи и вообще чиновничьяго міра требовалъ отъ вновь поступающихъ на службу образованія и свѣдѣній; ему хотѣлось истребить, вывести столько лѣтъ существовавшее „крапивное сѣмя“, существованіе котораго обусловливалось невѣжествомъ. Человѣкъ, окончившій курсъ въ тогдашнемъ университетѣ, очень скоро и охотно принимался на службу въ Петербургѣ, если онъ успѣлъ написать какое-нибудь, хоть даже плохонькое стихотвореніе, басню, идиллію или похвальное слово. Административныя реформы Сперанскаго требовали чиновниковъ, умѣющихъ излагать ясно и правильно свои мысли на бумагѣ; чего же лучше, если попадался юноша, пишущій стихи, что̀ считалось тогда труднымъ дѣломъ, и вотъ стихи составляли юношѣ служебную карьеру. Случалось, что даже грубые, необразованные генералы обращали вниманіе на литературный талантъ молодого человѣка и приглашали его къ себѣ на службу, зная, что онъ напишетъ хорошимъ слогомъ, ясно и правильно, что̀ требовалось въ тѣхъ высшихъ сферахъ власти, куда пойдетъ эта бумага. Только впослѣдствіи, когда разлетѣлись всѣ эти иллюзіи Александровскаго времени и въ житейскихъ отношеніяхъ стала господствовать проза,

на поэтовъ-чиновниковъ распространился другой, совершенно противоположный взглядъ: ихъ почти перестали терпѣть на службѣ. Но въ описываемое время произведенія ихъ наполняли тогдашніе жалкіе журналы и газеты, они считались дюжинами, но изъ множества именъ ихъ немногіе, весьма немногіе, развѣ только для характеристики времени могутъ быть упомянуты въ исторіи.

Поэтомъ называли и какъ поэта помѣщали обыкновенно въ исторію русской литературы *Милонова*, дѣятельность котораго относится именно къ описываемому нами времени. Современники, но не тѣ, которые принадлежали къ Арзамасу, смотрѣли на него, какъ на настоящаго поэта и чрезвычайно уважали талантъ его. У него было довольно друзей въ литературныхъ кружкахъ, которые очень любили его и по поводу ранней смерти Милонова высказывали искреннее сожалѣніе о томъ, что обстоятельства его кратковременной жизни, „назначили слишкомъ ограниченные предѣлы его дѣйствіямъ“ [1]). „Дружба была кумиромъ души его“ [2]), говорятъ эти современники, но довольно ли дружбы для того, чтобъ получить названіе настоящаго поэта? Милонова обыкновенно причисляютъ къ нашимъ сатирическимъ поэтамъ. „Онъ привыкъ быть грозою порока,—говорили скоро послѣ смерти его,—и не можемъ говорить о немъ мало или равнодушно“ [3]). Такое мнѣніе основано на томъ, что Милоновъ написалъ шесть сатиръ; всѣ онѣ суть только подражанія и отчасти передѣлки; но тогда находили, что онѣ передѣланы на наши нравы и видѣли въ нихъ черты современности. Такой взглядъ происходилъ отъ господства классической теоріи; на русскую словесность смотрѣли съ ея точки зрѣнія; мѣсто сатирика было вакантно и его предоставили Милонову. Въ сатирахъ Милоновъ является передъ нами человѣкомъ съ честнымъ характеромъ и умомъ, но едва ли найдемъ въ его сатирахъ живое негодованіе на современность, ту „злобу дня“, которая составляетъ достоинство настоящаго сатирика. Всѣ они скорѣе похожи на безцвѣтныя общія мѣста. „Къ Рубеллію“, сатира, написанная въ подражаніе Персію [4]), говорятъ, намекаетъ на Аракчеева. Но какое дѣло послѣднему, что когда-то въ Римѣ былъ

„Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души—пронырствомъ вознесенный“...

---

[1]) Благонамѣренный, 1821 г. XVI, стр. 207.
[2]) Ibidem, стр. 212.
[3]) Ibidem, стр. 233.
[4]) Соч., изд. Смирдина, стр. 15—18.

Подобныя явленія встрѣчались въ исторіи мильоны разъ и будутъ еще встрѣчаться; могъ ли Аракчеевъ принять слова эти на свой счетъ? Содержаніе второй сатиры „Къ Луказію“ [1]), гдѣ Милоновъ говоритъ о множествѣ современныхъ риѳмотворцевъ и, разумѣется, смѣется надъ ними, было уже достаточно исчерпано сатирою Дмитріева и представляетъ только слабое подражаніе ему. Можетъ быть современники находили и здѣсь указанія на дѣйствительныя лица, но всѣ эти Балдусы, Вралевы, Бавіи, Мидасы, Мевіи и пр. были отвлеченными только аллегоріями и дѣлали сатиру Милонова весьма невинною. Что литературное покровительство было тогда въ нравахъ и существовало попрежнему, можно заключить изъ слѣдующихъ стиховъ Милонова:

„Съ огромною своей поэмою спѣши
Въ домъ Клита, и ему усердно припиши·
Онъ знатный господинъ, талантовъ покровитель,
И просвѣщенія въ отечествѣ ревнитель.
Страницей лести лишь пожертвуй—и твой трудъ
На счетъ его казны тисненью предадутъ!
Лишь книга добрая явиться въ свѣтъ не смѣетъ“... [2]).

Какъ и прежде, во время Дмитріева, было и теперь множество поэтовъ:

„У насъ кто захотѣлъ—въ поэты записался,
Хоть новый рекрутъ сей съ грамматикой не знался,
Нѣтъ нужды до того! отвага, дерзость, лесть.
Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводятъ въ честь!“ [3]).

Но всѣ эти черты были высказываемы много разъ и многими. Это блѣдные образы. При томъ самъ Милоновъ, какъ впрочемъ и всѣ сатирики, очень хорошо понималъ всю безполезность этого ремесла.

„Сатира для людей худое наставленье“...

— говоритъ онъ:

„Исправишь ли порокъ насмѣшкою одною?
Стихи-ль подѣйствуютъ надъ звѣрскою душою“... [4]).

Другіе предметы сатиры Милонова, напр. „На модныхъ болтуновъ“, „На женитьбу въ большомъ свѣтѣ“ — были еще безобиднѣе. Нѣтъ, тутъ нѣтъ ни русскихъ нравовъ, ни очерковъ современности, и сатирикомъ Милоновъ сдѣлался потому, что въ піитикахъ, по которымъ

---

[1]) Ibidem, стр. 23—29
[2]) Ibidem, стр. 24—25.
[3]) Ibidem, стр. 25
[4]) Къ моему разсудку (сатира третья), стр 42.

онъ усердно учился, стояла рубрика: Сатира. Онъ и взялся за этотъ родъ, не имѣя къ нему вовсе призванія.

Выражалось ли въ стихахъ Милонова какое-нибудь личное чувство, ему принадлежащее? И на это надобно отвѣчать отрицательно. Въ его стихотвореніяхъ отражалась общая чувствительность, начало которой было положено Карамзинымъ, и Милоновъ весьма рѣдко могъ отдѣлаться отъ нея. Милоновъ подражалъ или переводилъ. Образцами ему были преимущественно мелкіе французскіе поэты того времени. Лучшими подражаніями его могутъ назваться пьесы: „Паденіе листьевъ“ изъ Мильвуа, которой подражалъ и Батюшковъ и которую мастерски перевелъ потомъ Баратынскій, и „Бѣдный Поэтъ“ изъ Сенъ-Жильбера, самое удачное подражаніе его, потому что въ участи французскаго поэта Милоновъ находилъ много общаго со своею. Есть у него переводы изъ Шиллера — доказательство, что онъ зналъ нѣмецкій языкъ, но его „Къ юности“, какъ онъ озаглавилъ извѣстную пьесу Шиллера „Die Ideale“—еще слабѣе слабаго перевода этого стихотворенія, сдѣланнаго Жуковскимъ. Большое стихотвореніе его „Монастырь“ [1]) есть очевидное подражаніе „Сельскому Кладбищу“ Жуковскаго. Болѣе задушевнымъ чувствомъ проникнуто стихотвореніе Милонова „Къ сестрѣ моей“ [2]), гдѣ онъ жалуется на судьбу свою и на погибшую молодость. Все остальное не стоитъ упоминанія. Талантъ Милонова былъ невеликъ и не разнообразенъ; не будь теоріи, съ которою онъ познакомился въ школѣ, не получи онъ общаго литературнаго образованія, о вліяніи котораго мы уже говорили, едва ли бы сталъ онъ писать стихи и воображать себя поэтомъ, а былъ бы простымъ и честнымъ дѣльцомъ-чиновникомъ. Разладъ, сознаваемый имъ между своимъ поэтическимъ талантомъ и дѣйствительностью, кажется и былъ причиною его житейскихъ неудачъ и ранней смерти, о которой жалѣли его друзья.

Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ, родился въ 1792 году въ Задонскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи въ деревнѣ своего отца. Объ этой степной родинѣ Милоновъ вспоминалъ иногда въ стихахъ своихъ, писанныхъ среди невзгодъ петербургской служебной карьеры. Онъ мечталъ кончить жизнь свою на родныхъ берегахъ Дона [3]), быть похороненнымъ въ монастырѣ, „средь обители отцовъ“ [4]). Онъ вспоминалъ о томъ времени, когда съ любимою сестрою онъ шелъ

„На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,

[1]) Сочиненія, стр 80—83.
[2]) Ibidem, стр. 67—69.
[3]) „Къ Н. Ѳ. Г.....у“.
[4]) „Ночь на могилѣ друга“.

Растлавъ широко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ!“ [1])

Учился Милоновъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ въ 1809 году курсъ со степенью кандидата. Товарищи его были Грамматинъ, Мещевскій, Родзянко, Петинъ— всѣ писавшіе стихи. Первый бывшій самымъ близкимъ другомъ Милонова, въ перепискѣ съ которымъ сохранилось нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Милоновѣ, занялся-было усердно литературою; въ 1809 году онъ издалъ „Разсужденіе о древней русской словесности“, а въ 1811 году первую часть собранія своихъ сочиненій, подъ названіемъ „Досуги“, но потомъ бросилъ литературное дѣло и поселился безвыѣздно въ деревнѣ, занимаясь только хозяйствомъ. Всѣ эти молодые люди своею любовью къ словесности и общимъ стремленіемъ къ авторству обязаны были урокамъ профессора Мерзлякова.

По окончаніи курса Милоновъ, который еще въ пансіонѣ сталъ печатать стихи свои въ „Утренней Зарѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“, долженъ былъ служить и по желанію отца своего и потому, что у него не было другихъ средствъ для жизни. Съ этою цѣлью онъ и поѣхалъ въ Петербургъ въ томъ же 1809 году. Какъ кончившему курсъ въ университетѣ, и съ отличіемъ, Милонову было легко найти службу, но нелегко было ему со своимъ исключительно литературнымъ образованіемъ и съ претензіями на поэтическое призваніе, примириться съ нею. Разладъ съ дѣйствительностью сказался тотчасъ же. Милоновъ началъ свою службу въ какой-то экспедиціи министерства внутреннихъ дѣлъ и уже на первыхъ порахъ сталъ на нее жаловаться: „Я попрежнему хожу въ экспедицію, и счастливые дни, въ которые въ ней не бываю—весьма рѣдки. Братецъ твой открылъ недавно самую неоспоримую истину, „что служба дѣлаетъ людей пустыми и безсмысленными“—пишетъ Милоновъ къ Грамматину [2]). Служба производила на него отталкивающее впечатлѣніе; сидѣть каждый день „между приказною челядью“ кажется Милонову убійственнымъ бездѣліемъ, „терять самое драгоцѣнное и лучшее въ жизни время“. Необходимость служить онъ называетъ „проклятыми предразсудками“. Департаментъ кажется ему „ненавистнымъ“, дежурство въ немъ „адскимъ“ [3]). Служба для Милонова была невыносима и производила на него самое тягостное впечатлѣніе. „Рѣдкій день проходитъ, чтобы не было непріятностей, — пишетъ онъ къ Грамматину, — и я часъ отъ часу

[1]) „Къ сестрѣ моей“
[2]) Библіогр Записки, II, стр. 289,
[3]) Ibidem, стр 289—292

деревенѣю. За всякій вздоръ оглушаются уши отъ брани. Что дѣлать! Если уже судьба не даетъ *жить*, то *доживать* надобно“ [1]). Сослуживцевъ своихъ Милоновъ называетъ „мерзавцами“ и говоритъ, что онъ отмстилъ имъ въ своихъ стихахъ, которые, безъ сомнѣнія, остались только въ рукописи. Неудовольствія служебныя не прекратились и тогда, когда онъ, кажется по рекомендаціи Дашкова, поступилъ на службу къ И. И. Дмитріеву, бывшему тогда министромъ юстиціи и знавшему его еще въ Москвѣ, какъ писателя. Это видно изъ того, что Милоновъ скоро поссорился съ Дашковымъ изъ-за чего-то и, встрѣчаясь съ нимъ на службѣ, не кланялся ему. Онъ говоритъ, что ему противно видѣть „его обезображенную надменностью харю“ [2]). Когда послѣ московскаго пожара на Дмитріева, уже вышедшаго тогда въ отставку, возложено было раздавать пособія пострадавшимъ жителямъ, онъ взялъ къ себѣ въ правители канцеляріи этого комитета—Милонова. Передъ этимъ, въ 1812 году, Милоновъ, слѣдуя общему чувству, взялъ-было отпускъ и хотѣлъ поступить въ военную службу, считая, что „это необхдимо для безопасности“ [3]), но воротился въ Петербургъ. Въ московской коммиссіи служба его продолжалась недолго; онъ вышелъ въ отставку въ 1815 году. Года черезъ три Милоновъ снова пріѣхалъ на службу въ Петербургъ; Дмитріевъ и Жуковскій принимали въ немъ и теперь участіе, и при ихъ посредствѣ въ концѣ 1819 года онъ поступилъ въ департаментъ духовныхъ исповѣданій, гдѣ директоромъ былъ А. Тургеневъ. Тогда же онъ издалъ свои стихотворенія. Но и въ этой службѣ Милоновъ оставался очень недолго. Тургеневъ опредѣлилъ его къ себѣ изъ сожалѣнія, но принужденъ былъ скоро прогнать его. Тогда поступилъ Милоновъ еще разъ и въ послѣдній къ генералъ-провіантмейстеру Абакумову, который обходился съ нимъ не какъ начальникъ съ подчиненнымъ, а какъ отецъ съ сыномъ. „Человѣкъ простой и добрый, безъ дальнихъ обѣщаній сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ всѣ прежніе мои начальники, покровители, меценаты словесности, не исключая высокопревосходительнаго И. И. Дмитріева“ [4]). Здѣсь служилъ Милоновъ недолго, однако уже не по своей винѣ. Онъ умеръ въ октябрѣ 1821 года.

Причина этихъ служебныхъ неудачъ заключалась не въ неуживчивости Милонова. По временамъ онъ очень здраво и разумно смотрѣлъ на свои служебныя обязанности. „Съ службою своею поми-

---

[1]) Ibidem, стр. 302.
[2]) Ibidem, стр. 301.
[3]) Ibidem, стр. 298.
[4]) Ibidem, стр. 303.

рился, пишетъ онъ къ Грамматину, потому что пересталъ искать въ ней химерныхъ отличій, а должно нести ее, какъ вещь полезную и нужную въ обществѣ. Нѣкоторыя неудовольствія и непріятности, въ ней встрѣчаемыя, переношу съ возможнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, почитая сіи качества настоящею мудростью жизни, въ которой необходимо должны быть разнообразія“ [1]). Причина, которая мѣшала службѣ Милонова, несмотря на всю необходимость служить, и дѣлала въ ней такіе большіе перерывы, заключалась въ несчастной страсти къ вину. Милоновъ былъ горькій пьяница. Онъ самъ сознается, что любитъ выпить лишнюю чарку и за нею объятія жрицъ Венериныхъ [2]). Пьянство и развратъ были причиною его болѣзней, служебныхъ неудачъ и наконецъ смерти. „Онъ умеръ отъ невоздержанія, — пишетъ о немъ хорошо и давно его знавшій Е. А. Измайловъ, — за два только часа передъ смертью, какъ пришелъ священникъ исповѣдывать его и пріобщать, пересталъ онъ пить“. По свидѣтельству Измайлова, Милоновъ сдѣлался пьяницею еще въ училищѣ. Нѣсколько разъ онъ допивался до сумасшествія, до религіозной маніи, „только молился да пилъ“,—говоритъ Измайловъ. Увѣщанія друзей и самыхъ близкихъ родныхъ на него не дѣйствовали [3]). Такова была несчастная судьба этого человѣка, сдѣлавшагося поэтомъ случайно, только потому, что онъ получилъ исключительно литературное образованіе и привыкъ еще въ училищѣ писать стихи, не имѣя никакихъ положительныхъ знаній. Современники видѣли въ элегическомъ настроеніи нѣкоторыхъ стихотвореній Милонова отголоски его жизни. „Онъ страдаетъ,—говоритъ одинъ критикъ того времени,—отъ жизни, въ которой нѣтъ того, чего онъ искалъ“ [4]). Это можно сказать развѣ объ общемъ направленіи, но самыя его стихотворенія были или переводы или подражанія. Какъ версификаторъ по слогу и выраженію, Милоновъ стоитъ ниже современниковъ своихъ, Батюшкова и Жуковскаго; онъ второстепенный поэтъ и его относительная извѣстность зависѣла отъ бѣдности нашей литературы.

Милоновъ не могъ принадлежать къ литературному кружку Арзамаса ни по таланту своему, ни по общественному положенію, ни, наконецъ, по безпорядочному образу своей жизни. У него однако былъ свой кружокъ литературный, даже цѣлое общество людей, занимавшихся словесностью и въ особенности поэзіей, общество, которое подъ разными названіями существовало съ самаго начала царствованія

---

[1]) Ibidem, стр. 294.
[2]) Ibidem, стр. 291.
[3]) Рус Арх., 1871 г., стр. 967—968.
[4]) Плетневъ, Соревнователь просв. 1822 г. XVII, стр. 45.

Александра и издавало даже свои журналы. И Милоновъ участвовалъ своими стихами въ этихъ журналахъ: „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ и „Соревнователѣ Просвѣщенія“. Впрочемъ онъ считалъ небольшою честью быть членомъ этого общества: „Меня выбираютъ членомъ здѣшняго Императорскаго общества любителей наукъ и словесности,— пишетъ онъ къ Грамматину,—хотя оно и пустое, но все лучше быть его членомъ, нежели засѣдателемъ какого-нибудь нижняго суда“ [1]). Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Милоновъ вышелъ изъ него неизвѣстно по какой причинѣ, и говорилъ, что хорошо сдѣлалъ. Изъ литераторовъ, кромѣ молодыхъ, совершенно неизвѣстныхъ, которыхъ стишки канули въ Лету, Милоновъ былъ знакомъ съ Измайловымъ, Воейковымъ и съ сыномъ извѣстнаго Радищева, который тоже писалъ. Онъ и жилъ, слѣдовательно, въ обществѣ второстепенныхъ литераторовъ. Намъ неизвѣстенъ даже образъ мыслей Милонова, его взгляды. то, чѣмъ онъ интересовался. Едва ли онъ интересовался многимъ. Пріятель просилъ его о сообщеніи новыхъ политическихъ извѣстій и Милоновъ отвѣчаетъ ему слогомъ Брюсова Календаря: „Политическія вѣсти такъ непріятны, что и писать объ нихъ больно: все еще войны, новые короли, наши сосѣди, отклоненіе мира; не желалъ бы этого и слышать“ [2]). Положимъ, что это шутка, но всѣ письма Милонова свидѣтельствуютъ, что его ничто не интересовало, кромѣ самого себя...

Если Милонову поэтическій талантъ и умѣнье писать стихи не доставили дальнѣйшаго хода по служебной карьерѣ, въ чемъ онъ самъ былъ виноватъ, то были и такіе писатели, которые именно стихами составляли себѣ первоначальную служебную карьеру и выигрывали въ ней, несмотря на то, что ихъ поэтическій талантъ былъ вполнѣ чуждъ жизни и дѣйствительности и также, какъ у Милонова, образовался только вслѣдствіе исключительнаго литературнаго образованія и усерднаго изученія теоріи. Въ примѣръ этого можно привести В. И. Панаева, который извѣстенъ былъ въ двадцатыхъ годахъ въ качествѣ идиллика, какъ Милоновъ слылъ сатирикомъ. Его довольно любопытныя „Воспоминанія“, напечатанныя послѣ смерти его, позволяютъ познакомиться подробно съ типомъ подобнаго рода поэта. Панаевъ родился въ Тетюшахъ, Казанской губерніи, въ 1792 году. Отецъ его принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ людей XVIII вѣка; бывалъ въ кругу Новикова и въ дружескихъ отношеніяхъ ко всѣмъ замѣчательнымъ людямъ этого общества и ко многимъ профессорамъ Московскаго университета, хотя самъ не

---

[1]) Библіогр. Зап., II, стр. 296.

[2]) Ibidem, стр. 293.

учился тамъ. По женѣ онъ сдѣлался родственникомъ Державина и черезъ него познакомился съ петербургскими литераторами. Когда онъ былъ прокуроромъ въ Перми, то въ народномъ училищѣ этого города отыскалъ даровитаго мальчика, пишущаго стихи и доставилъ ему возможность получить дальнѣйшее образованіе и извѣстность подъ именемъ профессора Мерзлякова. Отецъ Панаева, впрочемъ, умеръ, когда сыну его, идиллику, было только четыре года.

ЛЕКЦІЯ XVI.

В. И. Панаевъ.—Казанское общество любителей отечественной словесности.—«Идилліи» Панаева.

Панаевъ учился въ Казанской гимназіи. И здѣсь исключительно господствовало литературное образованіе, такъ что, будучи еще мальчикомъ, онъ сталъ писать стихи. Въ университетѣ это направленіе еще болѣе укрѣпилось. Университетъ не давалъ тогда никакихъ положительныхъ знаній, а одно только общее образованіе. „Все свободное время отъ классовъ и забавъ посвящали мы сужденіямъ о предметахъ высокихъ или изящныхъ,—говоритъ Панаевъ:—подвиги героевъ, черты самоотверженія, торжество добродѣтели, творенія великихъ писателей и поэтовъ,—вотъ что составляло преимущественно предметъ нашихъ разговоровъ, нашихъ помышленій, наполняло сердца наши и души...“ [1]). Другое любимое занятіе Панаева и его товарищей-студентовъ было собираніе растеній, бабочекъ, букашекъ. Строго научной цѣли и тутъ не было, хотя таково было тогда направленіе естественныхъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ. Все это располагало молодого человѣка къ идиллическому настроенію. Къ этому нужно присоединить сентиментальное направленіе, господствовавшее тогда въ литературѣ, которое развивало мечтательность и приторную чувствительность. Чтеніе Карамзина и переводныхъ сентиментальныхъ журналовъ Лафонтена, Жанлисъ было любимымъ чтеніемъ. Панаевъ самъ разсказываетъ, какъ подъ вліяніемъ такихъ произведеній возникла его первая платоническая любовь къ дочери профессора Яковкина и какъ, вслѣдствіе ея, увеличилась склонность его къ поэзіи и сочувствіе къ природѣ. Тогда онъ сталъ писать *идилліи*. Но еще болѣе расположило Панаева къ этому неестественному роду

[1]) Вѣстн. Европы 1867 г., III, стр. 220—221.

поэзіи существовавшее тогда въ Казанскомъ, какъ и въ другихъ университетахъ нашихъ, „общество любителей отечественной словесности“.

Общество это, которое вполнѣ отвѣчало духу и направленію того времени и выражало собою стремленіе къ общенію, къ единенію силъ, которымъ было проникнуто все время царствованія Александра, образовалось скоро, на другой годъ существованія молодого университета. Тогда оно не было еще утверждено, но зато собиралось часто и работало на первыхъ порахъ больше, чѣмъ въ послѣдующіе оффиціальные годы своей жизни, несмотря на весьма ограниченное число своихъ первыхъ сочленовъ, которыхъ тогда было всего пять человѣкъ. Въ числѣ этихъ пятерыхъ были и старшіе братья Панаева. Аксаковъ, какъ видно изъ его „Хроники“, былъ также въ ихъ числѣ и тогда уже получилъ любовь къ литературѣ [1]).

Общество это пріостановилось было въ своей закрытой дѣятельности во время отечественной войны, хотя съ 1811 года при университетѣ стали издаваться „Казанскія Извѣстія“, выходившія еженедѣльно и заключавшія въ себѣ и литературныя статьи, даже отчасти сатирическаго содержанія. Въ 1814 году послѣдовало преобразованіе университета и тогда же полученъ былъ отъ министра народнаго просвѣщенія уставъ общества, который давно былъ посланъ на утвержденіе, въ болѣе расширенномъ видѣ, такъ что въ немъ уже могли принимать участіе не одни только члены университета или гимназіи, а и лица постороннія. Въ декабрѣ этого года было торжественное собраніе общества, которое привлекло въ университетскую залу много постороннихъ слушателей и на которомъ Панаевъ читалъ свое „Похвальное слово императору Александру“, отзывавшееся общимъ восторгомъ того времени. Въ отчетѣ секретаря общества и въ историческомъ обозрѣніи его дѣйствій съ самаго начала до времени оффиціально утвержденнаго устава неречисляются занятія общества, высчитываются всѣ засѣданія его и сколько въ какомъ году было прочитано сочиненій, но не говорится, въ чемъ они состояли, хотя и можно составить о нихъ представленіе по содержанію первой и единственной книги „Трудовъ Казанскаго общества любителей отечественной словесности“ [2]). Самый характеръ общества хорошо выражается въ слѣдующихъ словахъ секретаря его: „Хотя общество наше и не принесло еще особенной пользы для публики, однакоже оно многихъ любителей словесности соединяя дружественно бесѣдовать о

---

[1]) Изд 1870 г., стр. 284.
[2]) Казань 1815—17 гг

своихъ занятіяхъ, чрезъ то возбуждало въ нихъ бо̀льшую *любовь къ изящному* и непримѣтно содѣйствовало къ распространенію *правильнаго и лучшаго вкуса*, равномѣрно поощряло нѣкоторыхъ молодыхъ людей къ дальнѣйшему себя усовершенію и старалось не быть безполезнымъ для высшаго ученаго мѣста, при коемъ находится“ [1]).

Общество это, какъ видно изъ словъ его секретаря Кондырева, задавалось въ то время разнообразными цѣлями, изъ которыхъ главною было сближеніе университета съ публикою и развитіе „въ согражданахъ любви къ учености“.

Кругъ собственныхъ занятій общества любителей отечественной словесности былъ очерченъ очень широко; въ него входило и то, что не предоставлено было по уставу даже Россійской Академіи, т.-е. „изслѣдованіе россійскаго языка и касательно россійской грамматики, истолкованіе сословъ или синонимовъ, значеній разныхъ словъ, изобрѣтеніе техническихъ терминовъ, переводы и разборъ твореній классическихъ древнихъ и новыхъ писателей, критическій разборъ примѣчательнѣйшихъ сочиненій, извѣстія о таковыхъ твореніяхъ, о знаменитыхъ писателяхъ, свѣдѣнія по части исторіи словесности нашей и иностранной, въ разсужденіи обществъ словесности (?), отечественная и часто чужеземная исторія, изслѣдованіе касательно древностей и изящныхъ искусствъ, славенскій языкъ и славенская словесность вообще“ [2]). Изъ этого видно, какъ много научныхъ цѣлей, которыя были бы въ пору и по силамъ любой академіи, брало на себя общество любителей россійской словесности въ Казани. Къ сожалѣнію, однако, уровень науки въ немъ самомъ былъ довольно низокъ, а въ окружающемъ его обществѣ еще ниже, такъ что оно нѣсколько лѣтъ могло пробавляться тѣми пустячками, которые напечатаны въ первой книгѣ его трудовъ. Когда поднялась повыше наука въ нашемъ отечествѣ, когда нѣсколько поняли ея настоящее значеніе и содержаніе, широкія цѣли, которыми задавалось казанское общество, оказались только претензіями.

Кромѣ этихъ общихъ цѣлей Казанское общество словесности мечтало и о спеціальныхъ; оно сознавало свое географическое положеніе и думало воспользоваться имъ для этнографическихъ изслѣдованій, самыхъ разнообразныхъ и широкихъ. „Мы живемъ между многими иноплеменными народами,—говорилось въ рѣчи секретаря,—въ древнемъ татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей древней болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіане, Башкирцы, Калмыки, Бухарцы и Китайцы

---

[1]) „Труды“ стр. 38.
[2]) Ibidem, стр. 44.

ближе къ намъ, нежели къ другимъ обществамъ. Мы удобнѣе можемъ имѣть касательно языка или и словесности ихъ сношенія и изъ онаго дѣлать употребленіе. Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п., и все сіе еще весьма ново. Въ Астрахани можно познакомиться болѣе съ древностями кавказскихъ горъ, съ грузинскою, армянскою и персидскою словесностью; въ Оренбургѣ—съ Бухарою и Хивою; въ Иркутскѣ и Троицко-Савской крѣпости—съ китайскою словесностью; въ первомъ городѣ—съ бурятскими и другихъ народовъ памятниками. Составленіе словарей сихъ языковъ, филологическое изслѣдованіе ихъ также не безполезно“ [1]). Выполненіе даже сотой доли этихъ широкихъ цѣлей было совершенно не по силамъ Казанскому обществу словесности. Съ его стороны это были только pia desideria, фразы безъ содержанія, никогда не получавшія осуществленія, такъ какъ общество не имѣло даже понятія о тѣхъ трудностяхъ и о тѣхъ требованіяхъ, которыя соединялись съ научными вопросами, такъ легко имъ выдвинутыми. Потому понятно, что главнымъ предметомъ занятій Казанскаго общества по необходимости должна была быть отечественная словесность, которою пробавлялись и другія современныя столичныя общества.

„Отечественная словесность,—говорится въ этомъ отчетѣ,—есть весьма важный предметъ не для одной народной образованности, но и для нравственности“ [2]). Она ставится въ связь съ патріотизмомъ и авторъ въ особенности призываетъ къ занятію отечественной словесностью россіянокъ, образованіе которыхъ разумѣется было ничтожно. Общество приглашало быть членами и любителей, которые ничего не печатали еще и не рѣшаются печатать своихъ произведеній. Имъ оно предлагало дружескій судъ, безпристрастную критику, которая „необходима для улучшенія таковыхъ умопроизведеній. Но въ особенности общество хлопотало о молодыхъ людяхъ „съ дарованіями по части словесности отличными: часто, какъ прекрасный цвѣтокъ въ пустынѣ, дарованія сіи увядаютъ въ неизвѣстности“ [3]). Общество желало „цвѣтки сіи пересаживать въ свой садъ и воспитывать“. Тѣ же почти самыя мысли, но гораздо подробнѣе, повторялъ въ своей рѣчи „О вліяніи словесности *въ* нравственное образованіе человѣка“ адъюнктъ философіи Срезневскій, читавшій послѣ секретаря въ торжественномъ собраніи Казанскаго общества въ томъ же 1814 году. Замѣтимъ, что соединеніе слова *вліяніе* съ предлогомъ *въ* сдѣлано

[1]) Ibidem, стр. 45.
[2]) Ibidem, стр. 47.
[3]) Ibidem, стр 47.

было имъ согласно требованіямъ Шишкова, хотя самое содержаніе рѣчи напоминаетъ неизбѣжныя тогда для всѣхъ Карамзинскія понятія. „Добродѣтель есть *единственная цѣль* всѣхъ произведеній истинно изящной словесности“ [1]), говоритъ онъ. Науки словесныя способствуютъ нравственному образованію человѣка—вотъ тезисъ, доказываемый исторіею всѣхъ тогдашнихъ обществъ словесности, въ которой отражалось еще общее стремленіе къ гуманности въ предшествовавшую эпоху, когда словомъ думали поправить всякое зло, даже общественное. И Казанское общество, несмотря на свои этнографическія стремленія, могло остаться только на эстетической точкѣ зрѣнія. Торжественное собраніе общества, гдѣ прочитанъ былъ уставъ, рѣчь Срезневскаго и исторія общества, посвящено было исключительно Александру I, которому читались и оды и похвальное слово. Это было въ духѣ времени и императоръ, въ блескѣ тогдашней славы, былъ на устахъ у каждаго. Тогда еще можно было хвалить его либеральныя реформы... Послѣ того было еще нѣсколько засѣданій Казанскаго общества; одно изъ нихъ было посвящено памяти Державина, когда было получено извѣстіе о его смерти.

Въ литературѣ, однако, это общество заявило себя немногимъ. Оно издало только одну книжку „трудовъ“ своихъ и на томъ покончило. Разсматривая эту книжку, составленную изъ статей мѣстныхъ членовъ и немногихъ писателей, завербованныхъ обществомъ въ свои сочлены изъ петербургскихъ литераторовъ, напр., графа Хвостова, Капниста, Воейкова, Анастасевича, мы видимъ, что общество осталось вѣрно своей эстетической или теоретической цѣли и взгляду на нравственное содержаніе словесности. Мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же общія разсужденія по словесности, напр. „Опытъ о средствахъ плѣнять воображеніе“—В. Перевощикова или „О словесности“—Анастасевича. Все остальное, кромѣ разбора синонимовъ или сословъ русскаго языка, чѣмъ любили заниматься и общества словесности того времени и Россійская Академія, составляло стихотворную часть, распредѣленную по рубрикамъ теоріи. Тутъ были и оды, и отрывки дидактическихъ поэмъ, и идилліи, и сатиры, и посланія, и басни, и пѣсни. Все это было, конечно, не выше посредственности; мѣстные литераторы обрадовались случаю увидѣть свои произведенія въ печати, но все это, однако, свидѣтельствовало и о потребности духовной жизни въ нашей провинціи и выражало общія стремленія времени къ образованію. На Казанскомъ обществѣ, на его цѣляхъ, планахъ и намѣреніяхъ, отразилась лучшая пора царствованія Александра, хотя, конечно, въ слишкомъ слабой степени, согласно условіямъ провинціаль-

[1]) Ibidem, стр. 67.

ной жизни. Долго, однакожъ, на прежнихъ основаніяхъ не могло существовать Казанское общество,—оно должно было бы уступить необходимому появленію и развитію научныхъ цѣлей, но въ дѣйствительности оно прекратилось и измѣнилось въ общество, не имѣвшее ничего общаго съ литературою подъ гнетомъ вскорѣ наступившей реакціи [1]).

Панаевъ своею первою литературною извѣстностью обязанъ былъ этому обществу родного города. Его литературный талантъ не былъ потребностью для него необходимою, а развился, какъ и у Милонова, вслѣдствіе усерднаго занятія теоріей поэзіи и, конечно, чтенія такъ называемыхъ тогда образцовыхъ сочиненій въ разныхъ родахъ. Безъ сомнѣнія, на эти занятія и на любовь къ литературнымъ упражненіямъ долженъ былъ имѣть большое вліяніе также и профессоръ русской словесности въ университетѣ.

Панаевъ, мы сказали, читалъ на торжественномъ собраніи Казанскаго общества любителей словесности „Похвальное слово императору Александру". Чтеніе это вызвало особенныя похвалы пріѣхавшаго въ Казань важнаго генерала Желтухина, который пригласилъ его къ себѣ въ адъютанты и послалъ сочиненіе къ разнымъ высокимъ лицамъ въ Петербургъ. Но опредѣленіе въ военную службу Панаева не состоялось. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Конечно, онъ не могъ жить только для одной литературы, которая не давала ни чиновъ, ни почестей, а все русское общество ставило высоко одно служебное честолюбіе. И оно сдѣлалось цѣлью стремленій Панаева. Но между служебными обязанностями онъ занимался, однако, и литературою, которая въ свою очередь служила ему, при существованіи покровительственной системы. Весьма любопытный эпизодъ въ его „Воспоминаніяхъ" представляетъ описаніе его перваго знакомства съ Державинымъ, который приходился ему дальнимъ родственникомъ. Въ домѣ дяди своего Страхова Панаевъ привыкъ къ глубокому уваженію къ „казанскому барду"; Казанское общество любителей словесности носилось съ этимъ именемъ въ теченіе многихъ лѣтъ; первыя свои идилліи, чистенько переписанныя, Панаевъ при почтительномъ письмѣ послалъ въ Петербургъ къ Державину и удостоился получить отъ него отвѣтъ, въ которомъ онъ одобрилъ стихотворныя попытки Панаева въ идиллическомъ родѣ; называлъ талантъ его прекраснымъ, но давалъ и наставленія, которыя рисуютъ передъ нами доброе старое время и тотъ господствовавшій въ немъ взглядъ на литературное произведеніе, по которому оно являлось чѣмъ-то механическимъ. „Совѣтую дружески не торопиться,—писалъ Державинъ,—вычищать хорошенько слогъ, тѣмъ паче когда онъ въ свободныхъ (т.-е. безъ

[1]) Н. Поповъ, Русск. Вѣстникъ, XXIII, стр. 52—98.

риѳмъ) стихахъ заключается. Въ семъ родѣ у насъ мало писано. Возьмите образцы съ древнихъ, если вы знаете греческій и латинскій языки, а ежели въ нихъ неискусны, то нѣмецкія Геснера могутъ вамъ послужить достаточнымъ примѣромъ въ описаніи природы и невинности нравовъ. Хотя климатъ нашъ суровъ, но и въ немъ можно найти красоты и въ физикѣ и въ морали, которыя могутъ тронуть сердце“ [1]). Изъ писемъ Державина, изъ объясненія самого Панаева въ его предисловіи къ „Идилліямъ“ [2]), видно, что главное дѣло въ этомъ поэтическомъ родѣ заключалось въ „невинности нравовъ“. Это требованіе удаляло идиллію вполнѣ отъ современности, и сцена дѣйствія переносилась въ золотой вѣкъ человѣчества, въ поля Аркадіи и Сициліи; главнымъ содержаніемъ ихъ была чувствительность сердца. Отчего нельзя переселить идилліи въ наши времена? — спрашиваетъ Панаевъ. „Тогда она совершенно бы лишилась своего достоинства,— отвѣчаетъ онъ,—даже правдоподобія, а писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Извѣстно, каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Такими ли привыкли воображать счастливыхъ обитателей Аркадіи?“ [3]).

Письмо Державина съ теоретическими наставленіями въ поэзіи къ молодому университетскому кандидату произвело чрезвычайный эффектъ. Нечего и говорить, что авторъ „цѣлую зимнюю ночь не могъ сомкнуть глазъ отъ пріятнаго волненія“, но „и самый университетъ принялъ въ томъ участіе, профессора, товарищи, всѣ поздравляли“ счастливца. „Такъ цѣнили тогда великихъ писателей, людей государственныхъ!“ — прибавляетъ отъ себя Панаевъ въ поученіе непочтительному потомству [4]). Любопытно въ „Воспоминаніяхъ“ Панаева то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ свое первое представленіе Державину и какъ онъ хотѣлъ поцѣловать его руку [5]). Онъ былъ и на собраніяхъ „Бесѣды“, и, разумѣется, по убѣжденіямъ своимъ принадлежалъ къ ней. По смерти Державина Панаевъ познакомился съ нѣкоторыми другими молодыми второстепенными литераторами, къ кругу которыхъ принадлежалъ и Милоновъ, и довольно подробно, хотя съ недѣлающею чести его уму и сердцу откровенностью останавливается въ „Воспоминаніяхъ“ на своихъ отношеніяхъ къ Пономаревой, женщинѣ весьма образованной, молодой и энергичной, блестящей представительницѣ средняго круга петербургскаго общества, у которой въ ту пору

---

[1]) Вѣстн. Европы, 1867 г., III, стр. 242—243.
[2]) СПБ. 1820.
[3]) XIII—XIV.
[4]) Вѣстн. Европы 1867 г., III, стр. 242.
[5]) Ibidem, стр. 246

собиралось много писателей, привлекаемыхъ ея характеромъ и прелестью обращенія. О ней намъ придется еще сказать нѣсколько словъ, какъ и о тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ столицы. Вся фальшь, однако, этихъ разсказовъ Панаева о Пономаревой была обнаружена современниками тотчасъ по выходѣ его записокъ.

Службою Панаевъ не пренебрегалъ такъ, какъ Милоновъ. „По обѣимъ частямъ (своихъ служебныхъ обязанностей) занимался я съ полнымъ усердіемъ,—говоритъ онъ,—являлся къ должности въ опредѣленный часъ, отправлялъ въ свою очередь ночное въ департаментѣ дежурство, ночевалъ тамъ съ клопами, утѣшаясь одобреніемъ и ласкою Деканскаго (главнаго регистратора), но не удостоиваясь никакого вниманія со стороны исправляющаго должность директора“ [1]). По переходѣ въ другую службу Панаевъ не оставлялъ, однако, своихъ занятій литературою, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ устроился въ департаментѣ путей сообщенія и дана была ему „казенная квартира, чистенькая, просторная“. Панаевъ помѣщалъ свои стихи и прозу въ „Вѣстникѣ Европы“, „Сынѣ Отечества“, а больше всего въ „Благонамѣренномъ“, журналѣ, издаваемомъ А. Е. Измайловымъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ сдѣлался членомъ двухъ литературныхъ обществъ, существовавшихъ тогда въ Петербургѣ и судя по „Воспоминаніямъ“ составилъ себѣ обширный кругъ знакомыхъ между писателями. Онъ сблизился „съ нѣкоторыми, въ которыхъ находилъ болѣе простоты и менѣе самолюбія — довольно коротко, съ другими — только слегка. Литература и тогда дѣлилась на нѣсколько партій или приходовъ. Не любя этого, я не принадлежалъ ни къ одному...“ [2]). Въ особенности Панаеву не нравились лицеисты, т.-е. товарищи Пушкина, изъ которыхъ нѣсколько по окончаніи курса, тоже вслѣдствіе полученнаго ими образованія, взялись за литературу; къ нимъ примкнули другіе молодые люди одинаковыхъ съ ними лѣтъ. Это была либеральная партія и Панаевъ не благоволитъ къ ней. По его словамъ, „они были (оставляя въ сторонѣ геніальнаго Пушкина), по большей части, люди съ дарованіями, но и непомѣрнымъ самолюбіемъ. Имъ хотѣлось поскорѣе войти въ кругъ писателей, поравняться съ ними“ [3]). Въ особенности Панаевъ разошелся съ ними по отношенію къ С. Д. Пономаревой.

Въ 1820 году Панаевъ издалъ книжку своихъ „идиллій“, съ историческимъ и теоретическимъ введеніемъ объ этомъ родѣ поэзіи. Всѣ его идилліи суть подражанія Геснеру и въ этомъ отношеніи Па-

---

[1]) Ibidem, стр. 259.
[2]) Ibidem, стр. 264.
[3]) Ibidem.

наевъ послѣдовалъ совѣту, данному ему Державинымъ. Происхожденіе этихъ идиллій, конечно, надобно объяснять только теоріей; нужно было молодому писателю выбрать себѣ какой-нибудь родъ, какъ это дѣлалось тогда, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Панаева, онъ видѣлъ недостатокъ этого рода въ нашей словесности, гдѣ со временъ Сумарокова мало писалось идиллій. Онъ думалъ, по взгляду того времени, принести существенную пользу нашей литературѣ и наполнить своими идилліями существующій пробѣлъ. Но выборъ идиллическаго рода Панаевъ объяснялъ и личными причинами, собственною склонностью,| „образомъ первоначальнаго своего воспитанія, мирною семейственною жизнью и частымъ пребываніемъ въ деревнѣ“ [1]). Нечего и говорить, что образы и нравы послѣдней не встрѣчаются въ его идилліяхъ и что всѣ картины, всѣ характеры, имъ изображаемые, не имѣютъ ничего общаго съ жизнью и совершенно искусственны. Несмотря на это, идилліи были торжествомъ для Панаева: „Лучшіе писатели и бо̀льшая часть читающей публики,— говоритъ онъ съ самодовольствомъ, — приняли ихъ съ отраднымъ для меня одобреніемъ; журналы отозвались благосклонно; Россійская Академія наградила меня золотою медалью; императрица Елисавета Алексѣевна—золотыми часами“ [2]). Все это не могло не содѣйствовать успѣху служебной карьеры Панаева. Въ 1823 году Панаевъ издалъ свое „Похвальное слово Кутузову“. И оно также послужило ему въ пользу, конечно не безъ хлопотъ со стороны автора. Оно сблизило его съ Шишковымъ, который вскорѣ послѣ того былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и взялъ автора къ себѣ на службу. Одинъ экземпляръ онъ послалъ къ статсъ-секретарю Лонгинову для поднесенія императрицѣ. „Спустя недѣлю,—разсказываетъ Панаевъ,— вижу сонъ, будто входитъ ко мнѣ придворный лакей и подаетъ красную сафьянную коробочку; раскрываю—три брильантовые кружка. Въ это самое время (въ 8 часовъ утра) человѣкъ мой будитъ меня, говоря, что пріѣхалъ придворный ѣздовой. Надѣваю халатъ; выхожу— ѣздовой подаетъ мнѣ пакетъ; распечатываю—письмо отъ Лонгинова съ препровожденіемъ фермуара, пожалованнаго императрицею моей невѣстѣ!.. Чѣмъ объяснить сей сонъ, такъ вѣрно и такъ быстро сбывшійся?“—спрашиваетъ Панаевъ. Онъ отрицаетъ, что много думалъ о посланномъ государынѣ экземплярѣ и надѣялся на новую отъ нея милость. „Выходитъ, что сонъ этотъ принадлежитъ, — говоритъ авторъ, — къ числу многихъ подобныхъ неизъяснимыхъ явленій нашей жизни, гдѣ гордый, пытливый умъ человѣческій долженъ

---

[1]) Вмѣсто предисловія, XIX.

[2]) Русск. Арх., 1867 г., III, стр. 267.

умолкнуть и гдѣ начинается область одной вѣры“ [1]). Но и государь подарилъ за то же похвальное слово Панаеву богатый брилліантовый перстень. „Судя по тогдашнимъ цѣнамъ и небольшому чину моему—коллежскаго ассесора,—говоритъ Панаевъ,—милость эта была всѣми признана значительною, даже неожиданною, тѣмъ болѣе, что сочиненіе мое заключало въ себѣ мѣста щекотливыя, именно тамъ, гдѣ говорилось о постигшей Кутузова опалѣ“ [2]). Изъ этого видно, что литература была очень удачнымъ дѣломъ для Панаева и что онъ умѣлъ поступать такъ, чтобъ извлекать изъ нея всевозможныя выгоды, на что, конечно, не всякій способенъ. Литературные труды Панаева, при невзыскательности тогдашней критики и при существованіи системы покровительства, которая не умѣла хорошенько разобрать, за что̀ слѣдуетъ наградить, составили служебную карьеру Панаева, положили основаніе его успѣхамъ по службѣ, но по мѣрѣ расширенія этихъ успѣховъ онъ постепенно охладѣвалъ къ литературному дѣлу, которое не могло уже приносить ему прежней пользы. Литература, которая въ Панаевѣ не была сознательнымъ служеніемъ обществу и необходимою потребностью души его, а только упражненіемъ въ томъ или другомъ родѣ или просто въ слогѣ, должна была быть скоро забыта имъ. Въ высокихъ чинахъ и звѣздахъ, онъ долженъ былъ смотрѣть на нее свысока, какъ на забаву молодости, и когда въ ту канцелярію, которой онъ былъ директоромъ, поступали молодые люди съ призваніемъ къ литературѣ, съ желаніемъ заниматься ею, онъ совѣто̀валъ имъ бросить это занятіе и требовалъ отъ нихъ только службы, только одной службы. И этотъ типъ писателя, который уясняется намъ, благодаря собственнымъ запискамъ Панаева, приводитъ къ тому же нѣсколько разъ повторенному заключенію о бѣдности нашей литературы въ царствованіе Александра, о ея печальномъ удаленіи отъ жизни и дѣйствительности. Одобреніе властью литературныхъ трудовъ Панаева объясняется тѣмъ, что, по всей вѣроятности, цензура не вымарала изъ нихъ ни одной строчки.

ЛЕКЦІИ XVII и XVIII.

Н. И. Гнѣдичъ.—Переводные романы.—Нарѣжный.

Между людьми, сдѣлавшимися поэтами и литераторами совершенно случайно, было весьма немного людей, смотрѣвшихъ серьезно на литературное свое призваніе, искренно преданныхъ ему во всю жизнь и получившихъ такое солидное образованіе, которое выдвигало

[1]) Вѣстн Европы 1867 г., IV, стр. 90—91.

[2]) Ibidem.

ихъ изъ ряда. Это образованіе, исключительно направленное въ одну сторону, отодвигало ихъ также отъ живыхъ интересовъ времени и общества, не давало имъ возможности хорошо понять ихъ, но за то позволило имъ оказать дѣйствительныя услуги русской литературѣ внесеніемъ въ нее элементовъ, прежде неизвѣстныхъ. Къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній принадлежалъ Гнѣдичъ, писатель, хотя и одаренный небольшимъ поэтическимъ талантомъ, но знакомый, и вслѣдствіе полученнаго имъ первоначально образованія и потомъ вслѣдствіе усиленнаго труда почти цѣлой жизни, съ классическимъ міромъ и съ древней греческой поэзіей, что̀ позволило ему обогатить русскую литературу замѣчательнымъ переводомъ Иліады. Вдали отъ литературныхъ партій того времени, не принадлежа всецѣло ни къ представителямъ „Бесѣды“, ни къ *геніямъ* „Арзамаса“, Гнѣдичъ одинокій и большею частью болѣзненный, дѣлалъ свое дѣло, которое любилъ всею душою. Это не мѣшало ему находить искреннихъ и преданныхъ друзей въ разныхъ партіяхъ и поколѣніяхъ писателей того времени. Его любили за прекрасное, довѣрчивое сердце, за свѣтлый умъ, за страстныя и искреннія увлеченія міромъ искусства, которое онъ цѣнилъ во всѣхъ формахъ и видахъ его и за готовность служить при всякихъ обстоятельствахъ друзьямъ своимъ въ литературномъ мірѣ. Это заставляло смотрѣть всѣхъ снисходительно на его странную, педантическую фигуру, съ его классическими увлеченіями и вѣчнымъ Гомеромъ, напоминавшую старика Тредьяковскаго. Гнѣдичъ былъ некрасивъ собой, но имѣлъ претензію нравиться; его лицо было изуродовано оспой, которая сдѣлала его кривымъ, но подъ этою невзрачною и отталкивающею наружностью скрывалась прекрасная душа, которая заставляла всѣхъ любить его и забывать его наружность. Гнѣдичъ нисколько не былъ ослѣпленъ на счетъ размѣровъ своего поэтическаго таланта, онъ очень вѣрно опредѣлялъ стихи свои

„Дары небогатые строго-скупой моей музы“.

Но въ этихъ немногихъ стихахъ его, повторимъ его собственныя выраженія, всякій—

„Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы иль гордой свободы,
Что съ юности нѣжной, любовію къ музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я, что бывши не разъ искушаемъ

Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ“ [1]).

Дѣйствительно, Гнѣдичъ былъ глубоко честною натурою. Біографъ его, впрочемъ представившій о Гнѣдичѣ самыя скудныя свѣдѣнія, приводитъ одну фразу его, которая можетъ служить его характеристикою: „Умомъ моимъ я не всегда доволенъ: онъ нерѣдко увлекается; но душею—всегда: она ни разу меня не обманула“ [2]).

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ былъ родомъ изъ Малороссіи. Онъ родился въ Полтавѣ въ 1784 году и происходилъ изъ очень небогатыхъ дворянъ того края. Первоначальное воспитаніе Гнѣдичъ получилъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ, вѣроятно, положено было прочное основаніе для знакомства съ древними языками. Въ 1800 году онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ прилежно продолжалъ заниматься древними языками и познакомился съ французскимъ и нѣмецкимъ. Современникъ разсказываетъ, что въ университетѣ и товарищи и профессоры любили добраго, умнаго и миролюбиваго Гнѣдича, хотя и подсмѣивались надъ его педантическимъ видомъ, надъ привычкою говорить свысока и придавать значеніе самымъ пустымъ обстоятельствамъ. Еще въ университетѣ онъ полюбилъ чтеніе гекзаметровъ въ Телемахидѣ Тредьяковскаго и выдерживалъ изъ-за нея споры съ своими товарищами, которые удивлялись его странному вкусу и не могли понять его. Тамъ же Гнѣдичъ пріучился декламировать, что̀ продолжалъ онъ дѣлать и потомъ, славясь мастерскимъ чтеніемъ и кромѣ того получилъ искреннюю страсть къ театру, которая не оставляла его до самой смерти. Гнѣдичъ полюбилъ Шекспира, хотя и не былъ знакомъ съ нимъ въ подлинникѣ, и Шиллера. Его страстью сдѣлалась трагедія. Первые литературные труды его, за которые онъ взялся еще въ университетѣ, чтобы получить деньги, были переводы трагедій: Дюсиса „Абюфаръ или арабская семья“ [3]) и Шиллера „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“ [4]). Тогда же онъ написалъ плохой подражательный романъ: „Донъ Коррадо де Геррера или Духъ мщенія и варварства испанцевъ“ [5]). Преобладающею страстью его была однако трагедія. Основываясь на примѣрахъ мистерій среднихъ вѣковъ и Шекспировыхъ историческихъ хроникъ, которыя дѣлятся на нѣсколько частей, Гнѣдичъ задумалъ-было самъ написать

[1]) Къ моимъ стихамъ.
[2]) *Лобановъ*, Біографія Н. И. Гнѣдича. „Сынъ Отеч.“ 1842, XI, стр. 26.
[3]) М. 1802.
[4]) М. 1803.
[5]) М. 1803.

драму въ 15 дѣйствіяхъ, но предпріятіе его осталось неоконченнымъ: нужно было ѣхать служить въ Петербургъ [1]). На студенческомъ театрѣ Гнѣдичъ любилъ выбирать для себя трагическія роли.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отыскивая мѣсто, Гнѣдичъ находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Разсказываютъ, что, не имѣя денегъ, онъ принужденъ былъ обратиться за помощью къ графу Хвостову и написалъ ему стихотворное посланіе [2]). Ему помогъ его соотечественникъ, тоже классикъ, извѣстный намъ И. И. Мартыновъ, давшій ему мѣсто подъ своимъ начальствомъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ оставался на службѣ до 1817 года. Съ этого времени онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ петербургской литературѣ и помѣщалъ свои стихи сначала въ журналахъ, издаваемыхъ Мартыновымъ: „Сѣверный Вѣстникъ“, „Лицей“, а потомъ и въ другихъ. Съ этихъ поръ онъ сближается съ разными писателями, и съ молодыми и съ старыми и живетъ постоянно въ литературномъ кругѣ. Мы уже видѣли, въ какой тѣсной дружбѣ находился онъ съ Батюшковымъ; вмѣстѣ съ нимъ онъ участвовалъ въ „Цвѣтникѣ“, издававшемся молодыми писателями. Онъ принадлежалъ къ обществу любителей русской словесности, которое подъ разными названіями существовало очень долго. Дружбу съ Батюшковымъ и поэтическія мечты съ нимъ Гнѣдичъ цѣнилъ очень высоко, какъ это видно изъ его стихотвореній [3]). Но и со старыми писателями онъ сблизился съ самаго пріѣзда своего въ Петербургъ. Гнѣдичъ былъ знакомъ съ Капнистомъ, тоже малороссомъ и близкимъ другомъ и родственникомъ Державина. Когда образовалась „Бесѣда“ онъ сдѣлался ея членомъ, хотя на первыхъ порахъ чуть-было не разошелся съ Державинымъ. Послѣдній, какъ и многіе другіе, любилъ въ Гнѣдичѣ талантъ отличнаго чтеца и приглашалъ его читать въ собраніяхъ свои трагедіи. Но Гнѣдичъ смѣялся надъ „Бесѣдою“ и ея членами. „У насъ заводится названное сначала Ликей, потомъ Аѳиней и наконецъ Бесѣда или общество любителей россійской словесности“, пишетъ онъ къ Капнисту... Разсказавъ ея внѣшнее устройство въ домѣ Державина, Гнѣдичъ продолжаетъ: „Чтобы въ случаѣ пріѣзда вашего и посѣщенія Бесѣды не прійти вамъ въ конфузію, предувѣдомляю васъ, что слово проза называется у нихъ *говоръ*, билетъ—*значекъ*, номеръ—*число*, швейцаръ—*вѣстникъ*; другихъ словъ еще не вытвердилъ, ибо и самъ новичекъ. Въ залѣ Бесѣды будутъ публичныя чтенія, гдѣ *будутъ совокупляться знатныя особы обоего пола*—подлинное

---

[1]) Жихаревъ, Записки, стр. 158.

[2]) Вигель, Записки, ч. III, стр. 146.

[3]) Къ К. Н. Батюшкову и Дружба.

выраженіе одной статьи устава Бесѣды“ [1]). Бесѣда задѣла и самолюбіе Гнѣдича. Члены различныхъ разрядовъ ея въ спискахъ, составленныхъ по выбору, были разставлены по старшинству чиновъ. Это не могло понравиться Гнѣдичу: „Отдавая всю справедливость и уваженіе заслугамъ по службѣ, писалъ онъ Державину, я тогда только позволю себѣ видѣть имя свое ниже нѣкоторыхъ господъ, послѣ какихъ внесенъ я въ списокъ, когда дѣло будетъ идти о чинахъ“ [2]). Несмотря на это недоразумѣніе, кажется, однако, что Гнѣдичъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Бесѣды и читалъ въ нихъ до самаго конца ея существованія.

Существуетъ очень мало стихотвореній Гнѣдича, въ которыхъ выражалось бы личное чувство его. Человѣкъ скромный, тихій, одинокій, любившій уединеніе, онъ рѣдко высказывался, да едва ли и могъ. Какъ во всякомъ южно-руссѣ, и въ Гнѣдичѣ сильно развито было чувство любви къ своей родинѣ и въ особенности къ роднымъ. Впрочемъ, его семейныя отношенія намъ почти неизвѣстны. Изъ Петербурга онъ ѣздилъ нѣсколько разъ на родину. Такъ, въ 1805 году, онъ посѣтилъ гробъ матери, которую, кажется, потерялъ еще въ дѣтствѣ:

„Отъ колыбели я остался
Въ печальномъ мірѣ сиротой,
На утрѣ дней моихъ разстался,
О мать безцѣнная, съ тобой“.

Онъ жалуется на свою печальную судьбу: ...„Оставленный тобою, говоритъ онъ о матери, я отъ пеленъ усыновленъ суровой мачихой— судьбою“ [3]). Была у Гнѣдича сестра, которой онъ передалъ небольшое отцовское наслѣдство. Она умерла молодой женщиной и Гнѣдичъ перенесъ всѣ свои сердечныя привязанности на ея единственную маленькую дочь, которую онъ называетъ своей „послѣдней земной привязанностію“.

„Тебя далекую, невиданную мною,

говоритъ онъ въ исполненномъ грусти стихотвореніи, написанномъ имъ по случаю смерти племянницы,

Любилъ, лелѣялъ я во глубинѣ души,
Какъ лучшую мечту, какъ сладкую надежду“ [4]).

---

[1]) Соч. Державина, т. VI, стр. 375.
[2]) Ibidem, стр. 203.
[3]) На гробѣ матери.
[4]) На смерть дочери покойной сестры.

Не имѣя, такимъ образомъ, близкихъ людей, привязанность къ которымъ могла бы наполнить его сердечную пустоту, Гнѣдичъ постоянно жаловался на свое одиночество. Оно томило его. Въ стихотвореніи „Дума“ онъ высказываетъ свою личную жалобу:

„Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской водѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ.
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!“

Всю жизнь Гнѣдичъ мечталъ о семейномъ счастіи. Свидѣтельствомъ желаній этихъ могутъ служить разные наброски, въ которыхъ онъ записывалъ мысли и чувства или собственныя, или навѣянныя чтеніемъ чужихъ произведеній. Нѣсколько такихъ афоризмовъ, изъ бумагъ Гнѣдича, напечаталъ Лобановъ въ своей статьѣ о немъ. „Долго испытывая, что такое счастіе, или лучше сказать — на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его — вотъ источники счастія, мною воображаемаго. Только воображаемаго! Какъ я бѣденъ!... Главный предметъ моихъ желаній—домашнее счастіе... но, увы! я бездоменъ, я безроденъ. Кругъ семейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что могло бы меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустотѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней, безъ всякаго изъ ея наслажденій“... [1]). Къ тому же и здоровье Гнѣдича было плохое; онъ часто хворалъ. Но зато въ этомъ невольномъ уединеніи и отчужденіи отъ всего внѣшняго міра Гнѣдичъ тѣмъ съ бо̀льшимъ увлеченіемъ и страстью погружался въ міръ поэзіи, преимущественно классической, и въ міръ искусства. Гнѣдичъ страстно любилъ и живопись и музыку и тѣмъ сильнѣе были его увлеченія, что рѣдко удавалось ему съ кѣмъ-нибудь раздѣлять ихъ. Изъ міра поэзіи и искусства Гнѣдичъ любилъ больше всего театръ, это была его страсть исключительная, и хотя самъ онъ не написалъ ни одной оригинальной пьесы, но мы видѣли, что, еще будучи московскимъ студентомъ, онъ переводилъ трагедіи.

[1]) „Сынъ Отеч“, 1842, XI, стр. 28—29.

Эта страсть нашла еще больше удовлетворенія въ Петербургѣ. Какъ литераторъ, какъ знатокъ искусства, какъ отличный чтецъ и декламаторъ, Гнѣдичъ получилъ большую извѣстность въ литературныхъ и близкихъ къ театру кружкахъ. Его вкусъ и сужденія уважались. Изъ всѣхъ трагическихъ поэтовъ Гнѣдичъ выше ставилъ Шекспира и приходилъ въ восторгъ отъ характера Гамлета, хотя онъ знакомъ былъ съ произведеніями англійскаго драматурга по французскому переводу Дюсиса [1]). Мнѣнія Гнѣдича вообще были правильны въ этомъ вопросѣ.

Но классическая теорія, въ которой онъ былъ воспитанъ, брала, разумѣется, перевѣсъ, и съ ея точки зрѣнія Гнѣдичъ долженъ былъ смотрѣть и на Шекспира. Въ 1807 году онъ поставилъ на петербургскую сцену, а въ слѣдующемъ году напечаталъ свою трагедію „Леаръ“, „взятую изъ Шекспира“. Конечно, съ большимъ трудомъ можно узнать въ ней знаменитаго „Короля Лира“. Это не переводъ, а подражаніе или скорѣе передѣлка. Гнѣдичъ былъ недоволенъ ни Шекспиромъ, ни переводчикомъ его Дюсисомъ. Ему не нравится сумасшествіе Лира въ Шекспировомъ оригиналѣ; ему не нравится, что Дюсисъ, въ своей передѣлкѣ, сдѣлалъ Лира „легкомысленнымъ, возмутительнымъ, властолюбивымъ“. Это заставило Гнѣдича, по его собственнымъ словамъ, „прибѣгнуть къ изобрѣтенію“; даже развязка трагедіи переиначена у него [2]). Публика, конечно, была такъ мало знакома съ настоящимъ Шекспиромъ, что Гнѣдичу не стоило и оправдываться въ своихъ передѣлкахъ; „Леаръ“ имѣлъ большой успѣхъ на сценѣ, точно такъ, какъ и другая переводная трагедія Гнѣдича, на этотъ разъ взятая изъ псевдоклассическаго театра „Танкредъ“ — Вольтера [3]). Къ этому времени литературныхъ успѣховъ Гнѣдича на театрѣ относится сближеніе его съ знаменитой трагической актрисой того времени Семеновой, которая возбуждала восторгъ публики въ пьесахъ Озерова и въ „Лирѣ“, передѣланномъ Гнѣдичемъ,—въ роли Корделіи. Скоро, впрочемъ, Семенова, сдѣлавшись благодаря своей классической красотѣ, княгинею Гагариною, оставила сцену. По словамъ современниковъ своимъ талантомъ, пониманіемъ трагическихъ сторонъ характеровъ, да и вообще своею славою Семенова обязана была исключительно Гнѣдичу. Съ глубокою преданностью, можетъ быть съ затаенною страстью къ прекрасной женщинѣ, Гнѣдичъ слѣдилъ за ея развитіемъ и проходилъ съ ней усердно главныя трагическія роли, въ которыхъ она появлялась на сценѣ. Труда и усердія

---

[1]) Жихаревъ, Записки, стр. 350.

[2]) Леаръ, траг. въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1808. Предисловіе.

[3]) Спб. 1810.

на это любимое дѣло, въ которомъ удовлетворялась его страсть къ театру и любовь къ изящному, Гнѣдичъ положилъ очень много, зато и добился блестящихъ результатовъ. Говорятъ даже, что частая и усиленная декламація, чтеніе вслухъ и сильное напряженіе при этомъ положили въ немъ начало той болѣзни, которая свела его въ могилу—расширенію артеріи сердца.

„Свершай путь начатый; онъ труденъ, но почтенъ,—

говоритъ Гнѣдичъ въ своемъ стихотворномъ посланіи къ Семеновой:

Дается свыше даръ, и всякій даръ священъ!
Но ихъ природа намъ не втунѣ посылаетъ.
Природа даръ даетъ, а трудъ усовершаетъ;
Цѣни его и уважай,
Искусствомъ, опытомъ, трудомъ обогащай,
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь за славой.

Скоро, однако, другая могучая, уединенная страсть наполнила душу Гнѣдича и не оставляла его до самой смерти. Мы говоримъ о его замѣчательномъ переводѣ Иліады, трудѣ, которому онъ посвятилъ много лѣтъ своей жизни и который дѣйствительно составляетъ пріобрѣтеніе нашей литературы. Переводъ этотъ, къ счастью самого Гнѣдича, даже на первыхъ порахъ нашелъ одобреніе и матеріальную помощь, такъ что онъ безпрепятственно и спокойно могъ продолжать его. Писатели, любившіе Гнѣдича, также смотрѣли на трудъ его съ уваженіемъ и одобряли тѣ отрывки, которые появлялись въ тогдашнихъ журналахъ. А сначала Гнѣдичъ отчаявался. „Карабкаться до столбовъ Геркулесовыхъ до тѣхъ поръ, пока отъ дороги и труда упаду ободраннымъ и изнеможеннымъ? Какіе усладительные виды, а особливо для старости!“ писалъ Гнѣдичъ къ Капнисту въ 1811 году [1]). Онъ собирался было ѣхать при посольствѣ въ Сѣверную Америку, но „убоялся, говоритъ онъ, чтобъ при повтореніи Виргиліевой бури меня не замутило и не потерпѣть бы мнѣ судьбы Палинура“ [2]). Гимны Гомера въ переводѣ онъ сталъ печатать съ 1808 года и тогда же принялся за продолженіе перевода Иліады, сдѣланнаго александрійскими стихами еще въ прошломъ вѣкѣ Костровымъ. Этотъ старый переводчикъ напечаталъ при жизни своей шесть пѣсенъ; трудъ его ставили очень высоко въ литературѣ и Гнѣдичъ, хорошо знакомый съ Гомеромъ еще въ университетѣ, по совѣту ли другихъ или по собственному убѣжденію, рѣшился продолжать его. До 1812 года онъ пере-

[1]) Соч. Державина, т. VI, стр. 375.
[2]) Ibidem, стр. 376.

велъ около пяти пѣсенъ, печатая отрывки ихъ въ журналахъ и читая ихъ въ разныхъ литературныхъ обществахъ, какъ вдругъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811 года [1]) появилось случайно найденное продолженіе перевода Кострова, состоящее изъ 7-й, 8-й и 9-й части пѣсенъ Иліады. Гнѣдичъ сталъ отчаяваться, говорилъ, что начинаніе труда его было напрасно, жаловался, что онъ суетно потерялъ на этотъ трудъ шесть лѣтъ жизни [2]). Незадолго до этого онъ получилъ новое служебное мѣсто и матеріальную помощь для перевода Гомера. Въ 1811 году Гнѣдичъ поступилъ на службу въ Публичную Библіотеку, не оставляя, однако, своей должности въ департаментѣ до 1817 года. Директоромъ Библіотеки былъ тогда графъ А. С. Строгановъ, большой любитель искусствъ. Онъ былъ искренно расположенъ къ Гнѣдичу и труду его и понималъ все его значеніе для русской литературы. Въ домѣ его Гнѣдичъ былъ принятъ съ истиннымъ радушіемъ. Мѣсто Строганова, скоро умершаго, занялъ Оленинъ, о которомъ намъ не разъ уже приходилось говорить. Въ его домѣ Гнѣдичъ былъ также принятъ какъ родной, вмѣстѣ съ Крыловымъ, своимъ сослуживцемъ; дружба ихъ завязалась тутъ и длилась до самой смерти Гнѣдича. Ласкамъ и радушію Оленина и жены его, извѣстной Елизаветы Марковны, Гнѣдичъ былъ многимъ обязанъ. Въ своемъ стихотвореніи „Пріютино“ (такъ называлось имѣніе Олениныхъ подъ Петербургомъ), посвященномъ имъ женѣ своего начальника, Гнѣдичъ разсказываетъ свои уединенныя прогулки по его лѣсамъ въ теченіе многихъ лѣтъ:

„Здѣсь часто по холмамъ бродилъ съ моей мечтою,
И спящее въ глуши безжизненныхъ лѣсовъ
Я эхо сѣвера вечернею порою
Будилъ гармоніей Гомеровыхъ стиховъ“.

И тотъ и другой начальники Гнѣдича, говоритъ Лобановъ, не столько службы требовали отъ него, сколько Иліады. Безъ сомнѣнія, при ихъ посредствѣ предпринятый Гнѣдичемъ переводъ Иліады дошелъ до свѣдѣнія Высочайшихъ особъ. Покровительница Карамзина, великая княгиня Екатерина Павловна, назначила Гнѣдичу въ 1812 году пенсію въ 1.000 рублей, которую онъ получалъ по самую смерть свою. Онъ удостоился приглашенія и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и читалъ въ ея присутствіи свой переводъ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ своихъ стихотвореніяхъ. По смерти великой княгини онъ написалъ „Приношеніе“, въ которомъ высказываетъ свою

---

[1]) Ч. 58, № 14.
[2]) Соч. Державина, т. VI, стр. 376.

печалѣ, что ему не удалось поднести ей оконченный переводъ Иліады. Но Гнѣдичъ посвящаетъ его ея памяти, ея имени:

„Такъ имя твое да украситъ мой свитокъ;
И пусть оно скажетъ потомкамъ, что я,
Избранный тобой проповѣдникъ Гомера,
Не вовсе пѣвцовъ недостойную жертву
Принесъ на священный отчизны алтарь“ [1]).

Нѣсколько лѣтъ труда надъ продолженіемъ перевода Иліады, начатаго Костровымъ александрійскими стихами, хотя и казались сначала Гнѣдичу напрасно потерянными, не были, однако, безплодными. Онъ успѣлъ полюбить Гомера и не могъ уже съ нимъ разстаться. Въ годъ появленія найденнаго продолженія Кострова, когда Гнѣдичъ колебался, на его трудъ обратилъ вниманіе Уваровъ, научно знакомый съ содержаніемъ и характеромъ греческой поэзіи. Онъ убѣдилъ Гнѣдича оставить совершенно александрійскій стихъ, который требовался необходимо для эпической поэмы ложно-классической теоріей, и приняться за новый переводъ Иліады—размѣромъ подлинника, т.-е. гекзаметромъ, неудачный опытъ котораго былъ представленъ въ прошломъ вѣкѣ Телемахидою. Кажется, и самъ Гнѣдичъ съ самаго начала сознавалъ достоинство гекзаметра для русскаго перевода Гомера: „Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, говоритъ онъ въ предисловіи, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій—гекзаметръ... Люди образованные (Уваровъ) одобрили мой опытъ и вотъ что̀ дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредіаковскимъ“ [2]). Дѣйствительно, по настоянію Уварова Гнѣдичъ сталъ переводить Гомера гекзаметрами. Уваровъ написалъ съ этою цѣлью письмо къ Гнѣдичу, помѣщенное въ „Чтеніяхъ Бесѣды“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ послѣдняго и отрывками перевода уже въ новомъ размѣрѣ [3]). Нашлись писатели, которые стояли за прежній александрійскій размѣръ, напр., Капнистъ, доказывавшій въ своемъ письмѣ къ Уварову, что гекзаметръ невозможенъ въ русскомъ языкѣ. Онъ предлагалъ переводить Гомера размѣромъ русской пѣсни или былины. Его поддерживали и другіе. Эта полемика или „вопли старовѣровъ литературныхъ“—по выраженію Гнѣдича, напе-

---

[1]) Приношеніе Екатеринѣ Павловнѣ, покойной королевѣ Виртембергской.

[2]) Илiада, изд. 1839 г., стр. XVI.

[3]) Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Чтеніе тринадцатое. Спб. 1813 г., стр. 56—86.

чатана также въ чтеніяхъ [1]). Она вызвала даже сатирическіе стихи Воейкова:

„Вотъ ямбовъ защищая честь,
Не зная, что гекзаметръ есть,
Въ филиппикѣ многорѣчивой,
Капнистъ разсказываетъ намъ,
Что въ музыкѣ Горацій самъ
Не зналъ ни толку, ни размѣра,
Что ухо грубо у Гомера“ [2]).

Переводъ Иліады стоилъ Гнѣдичу нѣсколько лѣтъ жизни и большого труда. Онъ изучалъ не одинъ языкъ Гомера, а все что только было писано о поэмахъ его въ европейской наукѣ, знакомился со всѣми разнообразными толкованіями Гомера. Гнѣдичу хотѣлось снабдить свой переводъ объясненіями, которыя онъ считалъ тѣмъ болѣе необходимыми, что наше общество совершенно незнакомо съ классическою литературою и съ содержаніемъ древняго міра. „Фоссъ могъ издать свой переводъ Гомера безъ всякихъ примѣчаній—говоритъ Гнѣдичъ; онъ не опасался никакихъ недоразумѣній со стороны читателя... Но древняя тьма лежитъ на рощахъ русскаго Ликея“ [3]) и Гнѣдичъ жалуется на господство въ нашей литературѣ односторонихъ французскихъ сужденій, которыя не позволяютъ правильно смотрѣть на Гомера. Свой собственный вглядъ на Гомера Гнѣдичъ достаточно высказалъ въ своемъ „предисловіи“ къ переводу. Взглядъ этотъ, конечно, соотвѣтствовалъ научному уровню того времени, но теперь онъ значительно измѣнился, какъ измѣнился самый языкъ, которымъ переводилъ Гнѣдичъ и о которомъ онъ много заботился. Какъ извѣстно, языку перевода Гнѣдича недостаетъ простоты и естественности, которыя очевидны въ подлинникѣ; на переводѣ его отразилось сильное вліяніе „Бесѣды“ и господствовавшаго въ ней вкуса; Гнѣдичъ не желалъ ограничиваться „языкомъ гостиныхъ и скудными еще нашими словарями“. Онъ употреблялъ и слова малоизвѣстныя, областныя, но болѣе всего матеріала доставилъ ему языкъ церковно-славянскій. Отъ этого его Иліада имѣетъ нѣсколько торжественный тонъ, не вполнѣ соотвѣтствующій подлиннику; въ этомъ сказался старинный теоретическій взглядъ на эпическую поэму. Недостатки эти, конечно, значительны, но въ нихъ надобно видѣть вліяніе времени и образованія, полученнаго Гнѣдичемъ; притомъ они не такъ важны, чтобъ читатель не могъ изъ-за нихъ познакомиться съ содержаніемъ всемірно-исторической поэмы и полюбить Гомера. Трудъ Гнѣдича во

[1]) Чтеніе семнадцатое. Спб. 1815 г., стр. 18—42 и 47—66.
[2]) Современ. 1857 г., № 3.
[3]) Иліада, изд. 1839 г., стр. I—II.

всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго и глубокаго уваженія, потому что онъ дѣлалъ достояніемъ русской литературы такое великое произведеніе, съ которымъ она вовсе не была до него знакома и такимъ образомъ способствовалъ обогащенію ея содержанія, развитію художественнаго вкуса. Скромный и уединенный труженикъ сдѣлалъ много. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ переводъ Гнѣдича ставился очень высоко. „Русскіе владѣютъ едва ли не лучшимъ въ мірѣ переводомъ „Иліады", восторженно говоритъ Бѣлинскій. Этотъ переводъ, рано или поздно, сдѣлается книгою классическою, настольною и станетъ краеугольнымъ камнемъ эстетическаго воспитанія. Не понимая древняго искусства, нельзя глубоко и вполнѣ понимать вообще искусство" [1]).

Переводъ Иліады вышелъ въ 1829 году. Современные писатели, академія россійская, власти—встрѣтили его чрезвычайно благосклонно. Въ этомъ отношеніи Гнѣдичъ не могъ пожаловаться на равнодушіе къ нему. Вотъ что̀ писалъ между прочимъ Пушкинъ въ издаваемой пріятелемъ его Дельвигомъ „Литературной газетѣ" о трудѣ Гнѣдича: „Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами" [2]). Посреди романтическихъ стремленій тогдашней литературы и неестественныхъ, вычурныхъ характеровъ, которые тогда нравились всѣмъ, какъ выраженіе тогдашняго идеала—свободы геніальной личности, простой міръ Гомера, его скульптурные боги и герои—казались какимъ-то откровеніемъ. Передъ ними становилось неловко. Тотъ же Пушкинъ писалъ: „Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи, старца великаго тѣнь чую *смущенной* душой" [3]).

Что Гнѣдичъ съ искреннею любовью и по призванію посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни Гомеру", доказываютъ его собственныя слова, что „чистѣйшими удовольствіями въ жизни онъ обязанъ былъ Гомеру", что онъ „забывалъ труды, которые налагала на него любовь къ нему" [4]). То же доказывается и его апоѳеозою Гомера въ большомъ стихотвореніи „Рожденіе Гомера", которое было бы лучше,

[1]) Бѣлинскій. Сочиненія Александра Пушкина. Гл. III.
[2]) О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича.
[3]) На переводъ Иліады.
[4]) Иліада. Изд. 1839 г., стр. XVIII.

еслибъ не было такъ растянуто. Гнѣдичъ зналъ хорошо греческую поэзію: онъ былъ отличнымъ переводчикомъ и могъ бы много внести въ нашу литературу произведеній классическаго міра, еслибъ не умеръ сравнительно рано. У него есть прекрасный переводъ одной изъ идиллій Теокрита „Сиракузянки или Праздникъ Адониса“ съ чрезвычайно любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ вѣрно изложена сущность этого рода поэзіи въ древней Греціи; онъ такъ сильно подчинялся вліянію древнихъ формъ и образовъ, что въ своей собственной идилліи „Рыбаки“, дѣйствіе которой происходитъ на островахъ рѣки Невы, онъ повторилъ ихъ, и тѣмъ лишилъ свое произведеніе правды и дѣйствительности. Идиллія эта впрочемъ весьма нравилась современникамъ и Пушкинъ ставилъ ее высоко за поэтическую прелесть стиха и чувства, присутствующаго въ ней. Отрывки изъ Одиссеи Гомера и нѣсколько мелкихъ стихотвореній, воспроизводящихъ жизнь и образы древняго міра, показываютъ какъ увлеченъ былъ имъ Гнѣдичъ. Въ двадцатыхъ годахъ, когда онъ оканчивалъ свой переводъ Иліады, посреди глубокой реакціи, господствовавшей въ европейской и нашей жизни, неожиданно раздался изъ той же Греціи, столь любимой Гнѣдичемъ, тогда опустошенной и порабощенной, громкій голосъ свободы. Когда-то прекрасная страна подымалась теперь на этотъ голосъ изъ униженія и цѣпей и все, что только было въ европейскомъ обществѣ молодого и свѣжаго, что цѣнило народную свободу, съ участіемъ обратило на нее свои взоры. Имя Греціи было на устахъ у всѣхъ. Романтическая поэзія того времени повторяла ея народныя пѣсни— выраженія печальной, порабощенной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и никогда не умиравшихъ на скалахъ и островахъ Греціи чувствъ свободы и независимости. Гнѣдичъ перевелъ въ 1821 году знаменитый „Военный гимнъ грековъ“, сочиненный Риги, гдѣ порывы къ освобожденію сливались въ одно цѣлое съ славными воспоминаніями древности, а въ 1825 году издалъ отдѣльною книжкою „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ“, гдѣ въ введеніи онъ сравнивалъ греческія пѣсни съ русскими, но не со стороны содержанія, а со стороны поэтическаго размѣра.

При такомъ исключительномъ направленіи поэтическаго таланта Гнѣдича мы не имѣемъ права требовать отъ него живого участія къ россійской современности. Онъ былъ удаленъ отъ нея своимъ воспитаніемъ, вкусами и исключительнымъ родомъ занятія. Доказательства тому мы найдемъ въ нѣкоторыхъ прозаическяхъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ по необходимости долженъ былъ коснуться современныхъ вопросовъ. Такъ въ 1814 г., при открытіи въ Петербургѣ Императорской Публичной Библіотеки, на торжествѣ, устроенномъ по этому поводу, Гнѣдичъ, по порученію Оленина, долженъ былъ читать рѣчь. Рѣчь эту онъ оза-

главилъ такъ: „О причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности". Тема, какъ видно, весьма широкая и позволявшая оратору коснуться самыхъ живыхъ сторонъ современности. Вступленіе въ эту рѣчь посвящено, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдамъ русскаго оружія въ Европѣ и современной славѣ Россіи и ея императора. Безъ такого введенія, заключающаго въ себѣ, разумѣется, общія мѣста, рѣчь не могла обойтись въ то время. Послѣ обыкновенныхъ въ такомъ случаѣ, напыщенныхъ фразъ, ораторъ переходитъ къ своей темѣ. Фактъ бѣдности или малоуспѣшности нашей литературы выставляется имъ не подверженнымъ сомнѣнію. „Сколько истинныхъ дарованій обнаруживается въ первыхъ опытахъ молодыхъ нашихъ писателей, говоритъ Гнѣдичъ, и они или исчезаютъ, или остаются весьма далекими отъ того, чѣмъ бы быть могли"... [1]). Причину этого Гнѣдичъ видитъ довольно справедливо, хотя и въ высшей степени односторонне въ недостаткѣ у писателей образованія или *ученія*, какъ онъ выражается, потому что ученіе, по его понятіямъ, заключается все въ знакомствѣ съ древними литературами. О томъ, въ какомъ отношеніи литература народа находится къ обществу и силамъ въ немъ дѣйствующимъ, ко всей странѣ и къ ея историческимъ и соціальнымъ условіямъ, въ то время никто у насъ не имѣлъ понятія, да и говорить объ этомъ предметѣ было не совсѣмъ удобно. Гнѣдичъ раздѣлялъ представленія тогдашнихъ романтиковъ о независимости поэта и писателя отъ всего его окружающаго. „Писатель, говоритъ, есть выраженіе времени, печать духа и нравовъ вѣка своего, разсуждаетъ онъ въ другой своей рѣчи, произнесенной въ собраніи петербургскаго вольнаго общества любителей россійской словесности [2]). Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быть только эхомъ людей? Онъ, свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ питать ихъ, осыпать цвѣтами и музъ превращать въ сиренъ, соблазнительницъ человѣка? Удались, мысль, недостойная разума!" Вотъ почему и въ прежней рѣчи своей, и согласно любимымъ своимъ занятіямъ, Гнѣдичъ могъ утверждать только, что успѣхъ литературы зависитъ отъ классическаго ученія и отъ знакомства съ древними языками [3]) Онъ жалуется на недостатокъ въ русскомъ воспитаніи классическаго фундамента, на раннее окончаніе курса въ училищахъ, именно около 15-ти лѣтъ, что̀ не даетъ возможности хорошо познакомиться съ языкомъ Гомера и Виргилія, и на то, что молодые люди по окон-

---

[1]) *Описаніе торжественнаго открытія Имп. Публ. Библіотеки, бывшаго генваря 2 дня 1814 года.* Спб. 1814, стр. 61.

[2]) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1821 г., ч. XV, стр. 144—145.

[3]) *Описаніе торжественнаго открытія Имп. Публ. Библ.* стр. 71.

чаніи курса, тотчасъ принимаются за службу и начинаютъ „забавляться литературою“ и сами писать „стишки“. „Начиная искать чиновъ, они ищутъ и имени писателя“ [1]). Въ этой выходкѣ Гнѣдича противъ молодыхъ писателей его времени было много справедливаго. Если у нихъ не могло быть, по условіямъ литературы того времени, чувства дѣйствительности для содержанія ихъ произведеній, то образованія и знаній для чести самой литературы требовать отъ нихъ было необходимо. „Кто развилъ одно воображеніе, нимало еще не образовавши ума, кто въ 15 лѣтъ, напечатавъ стихи въ журналѣ, раздражилъ свое самолюбіе, прежде чѣмъ укрѣпилъ разсудокъ, тотъ не будетъ уже думать о нуждѣ такихъ познаній; ему уже некогда: онъ спѣшитъ къ безсмертію! Миѳологическій словарь—вотъ его свѣдѣнія поэтическія, словарь историческій—вотъ его ученыя познанія; французская словесность—вотъ его образецъ и подражаніе“ [2]). Все это было въ извѣстной степени справедливо, но средство, предлагаемое Гнѣдичемъ, т.-е. классическое ученіе, было односторонне. А между тѣмъ оно одно, по его мнѣнію, можетъ избавить литературу отъ язвъ нашего вѣка: „развращенной философіи“ и „метафизической поэзіи“ и болѣзней новыхъ стихотворцевъ: „притворной чувствительности“ и „меланхоліи“. Гнѣдичъ искренно жалѣетъ, что поэзія и краснорѣчіе древнихъ не сдѣлались образцами нашей словесности съ прошлаго вѣка и чрезвычайно наивно утверждаетъ, что еслибъ это было такъ, то „наши Гомеры и Пиндары, Софоклы и Ѳукидиды, силою превосходнаго нашего слова и изящностью ихъ твореній, уже восхитили-бъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, и слава языка россійскаго уже носилась бы по вселенной, какъ громъ россійскаго оружія“ [3]). Въ этой же рѣчи Гнѣдичъ сильно возставалъ противъ господства въ нашемъ обществѣ языка французскаго, почему и самая словесность на родномъ языкѣ не пользуется въ немъ уваженіемъ. Слова его въ этомъ смыслѣ мы имѣли уже случай приводить.

Другая рѣчь Гнѣдича, уже упомянутая, кромѣ фразъ, обычныхъ въ рѣчахъ, не представляетъ почти никакого содержанія. Она любопытна развѣ въ томъ отношеніи, что Гнѣдичъ возстаетъ противъ меценатства, тогда еще существовавшаго по отношенію къ писателямъ и совѣтуетъ поэту не измѣнять себѣ ни въ какихъ случаяхъ жизни и не рабствовать предъ фортуною. „Фортуна и меценаты, которыхъ онъ будетъ искать, говоритъ Гнѣдичъ, продаютъ благосклонности свои за такія жертвы, которыхъ почти нельзя принесть не на счетъ своей чести“ [4]).

---

[1]) Ibidem, стр. 73.

[2]) Ibidem, стр 74.

[3]) Ibidem, стр. 82—83.

[4]) Соревн. просвѣщенія и благотворенія 1821 г., ч. XV, стр 140.

Кромѣ этихъ двухъ рѣчей, Гнѣдичъ помѣстилъ еще нѣсколько статей прозаическихъ въ тогдашнихъ журналахъ; изъ нихъ заслуживаетъ вниманія статья о художественной выставкѣ 1820 года [1]), гдѣ можно познакомиться съ его взглядами на искусство. Собраніе его сочиненій, изданное въ 1832 году, и потомъ Смирдинымъ въ 1854 году, не заключаетъ въ себѣ ни одной прозаической статьи, а онѣ стоятъ перепечатки.

Въ послѣдніе годы своей жизни Гнѣдичъ сблизился съ молодымъ поколѣніемъ начинающихъ писателей и всею душою былъ на ихъ сторонѣ. Онъ былъ друженъ съ Пушкинымъ, его товарищемъ Дельвигомъ и др. Когда Пушкинъ уѣхалъ въ ссылку въ южную Россію, Гнѣдичъ издалъ его поэмы „Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій Плѣнникъ“, какъ издавалъ онъ сочиненія друга своего Батюшкова. Вообще, по словамъ его біографа, Гнѣдичъ умѣлъ служить своимъ друзьямъ. Здоровье Гнѣдича, и безъ того плохое, стало безпокоить его и друзей вскорѣ послѣ изданія имъ Иліады. Съ 1825 года онъ сталъ ѣздить на югъ Россіи, ища излѣченія, прожилъ въ Одессѣ года два, но все напрасно. Онъ страдалъ неизлѣчимою болѣзнью горла, отъ которой и умеръ въ началѣ 1833 года. Вотъ простой очеркъ дѣятельности и литературныхъ трудовъ человѣка, имя котораго связано съ почтеннымъ трудомъ перевода Иліады. Какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ онъ стоялъ одиноко, что̀ зависѣло какъ отъ свойствъ его личности, такъ и отъ характера и отъ содержанія его литературной дѣятельности. Немногіе, кромѣ людей высоко образованныхъ или литераторовъ по призванію могли интересоваться его переводомъ Иліады. Кажется это чувствовалъ съ огорченіемъ и самъ переводчикъ. Но если мы должны цѣнить рядомъ съ развитіемъ внутренняго содержанія литературы и художественную ея сторону, которая увеличиваетъ значеніе перваго, то мы обязаны указать на художественную заслугу Гнѣдича въ русской литературѣ. Внеся въ нее и Иліаду и другіе формы и образы древне-греческой поэзіи въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ, Гнѣдичъ обогатилъ ея содержаніе; онъ имѣлъ вліяніе и на художественную форму стихотвореній Батюшкова, незнакомаго вовсе непосредственно съ древностью; ему подражали Пушкинъ и Дельвигъ въ своихъ антологическихъ стихотвореніяхъ, тогда какъ самъ онъ болѣе совершеннымъ видомъ избраннаго имъ гекзаметра былъ обязанъ Жуковскому, также писавшему этимъ размѣромъ.

Напрасно стали бы мы искать въ ту пору въ нашей литературѣ какого-нибудь хотя бы даже слабаго отношенія къ дѣйствительности,

---

[1]) „Сынъ Отеч.“ 1820 г., №№ 38, 39 и 40.

сколько-нибудь пониманія ея и изображенія. Романъ, тотъ родъ литературы, который соприкасается ближе всего съ дѣйствительностью, почти вовсе не существовалъ у насъ въ оригинальномъ видѣ въ ту пору, о которой говоримъ мы, т.-е. въ десятые и двадцатые годы нашего столѣтія или существовалъ въ самомъ ограниченномъ видѣ. Повѣсти, носящія часто названія *русскихъ* и изрѣдка попадающіяся въ тогдашнихъ журналахъ, по большей части были подражаніемъ Карамзину и имѣли весьма мало общаго съ жизнью. А между тѣмъ потребность чтенія произведеній въ романическомъ родѣ существовала значительная; огромное большинство читающей публики пробавлялось исключительно чтеніемъ переводныхъ романовъ, которые во множествѣ являлись у насъ съ конца XVIII вѣка. Читатели не искали въ нихъ ничего другого, кромѣ приключеній и похожденій, чтенія, которое бы наполняло пустоту жизни и занимало воображеніе. У публики были любимые тогда иностранные писатели, какъ были они и прежде, какъ есть они и теперь, по плечу мало образованнаго большинства. Такимъ любимымъ писателемъ у насъ былъ Коцебу, извѣстный, чрезвычайно плодовитый нѣмецкій драматургъ и романистъ, за свои ретроградныя убѣжденія и за свои дѣйствія въ пользу реакціи зарѣзанный въ 1819 году студентомъ Зандомъ. „Русская публика до того къ нему привыкла, говоритъ г. Галаховъ, что почитала его какъ бы своимъ, хотя онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ“ [1]). Различныхъ изданій его театральныхъ пьесъ, какъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно, и его романовъ, въ русскомъ переводѣ, начиная съ конца прошлаго вѣка, въ первую четверть нынѣшняго можно насчитать до 150. Когда имя этого писателя порядочно надоѣло, то всѣ эти переводы у писателей стали носить названіе „Коцебятины“. Рядомъ съ нимъ можетъ быть поставленъ другой, столь же плодовитый нѣмецкій писатель Августъ *Лафонтенъ*, писавшій семейные романы, въ которыхъ отражалась жизнь средняго круга нѣмецкаго общества. Всѣ они проникнуты были чрезвычайно вялой моралью, ложною, приторною чувствительностью, которая очень нравилась современникамъ и составляла весьма нездоровую пищу, которая не находила противодѣйствія. Сентиментальность Карамзина не могла имѣть такого сильнаго вліянія на читающую русскую публику, какъ эти романы Лафонтена, жадно читаемые и любимые, число которыхъ въ русскихъ переводахъ простирается до пятидесяти. Лафонтенъ принадлежалъ еще къ той школѣ нѣмецкихъ писателей, для которой какъ бы не существовало преобразованій, сдѣланныхъ Лессингомъ.

Совершенно въ другомъ родѣ и съ другимъ содержаніемъ пред-

---

[1]) Ист. русск. слов. т. II, изд. 1868 г., стр. 171.

ставляются многочисленные романы англійской писательницы Радклифъ, умершей въ 1823 году, переведенные, впрочемъ, у насъ съ французскаго. Романы эти были написаны въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка; ихъ произвела страсть къ чудесному, таинственному и сверхъестественному, которая наполняла европейскую фантазію, потрясенную событіями французской революціи. Потому они такъ сильно и дѣйствовали на возбужденную фантазію, приводя въ трепетъ сердца читателей и въ особенности читательницъ, хотя въ концѣ романа или въ развязкѣ его все чудесное и таинственное, державшее въ напряженномъ возбужденіи читателя въ теченіе четырехъ частей, объяснялось причинами простыми и естественными. Но напряженное состояніе фантазіи нравилось полуобразованному большинству публики и романы Радклифъ читались съ жадностью. Вотъ эти-то переводные романы, появлявшіеся во множествѣ, находившіе страстныхъ читателей, потому что общество не привыкло ни къ какому другому роду чтенія, и задерживали развитіе русской литературы. Могла ли русская жизнь того времени представить читателю что-нибудь хоть отдаленно похожее на эти пестрыя сцены чужой, богатой исторіей жизни, да и могло ли быть достаточно сознанія и у русскаго писателя того времени, чтобъ дать въ романѣ вѣрную картину родной дѣйствительности и заинтересовать ею читателя? Онъ не могъ замѣнить собою европейскихъ романистовъ.

Славу и извѣстность Коцебу, Лафонтена, г-жи Радклифъ раздѣляли у насъ и другіе европейскіе романисты: г-жа Коттень, разсказавшая въ одномъ изъ романовъ своихъ трогательную исторію извѣстной Лупаловой или Параши Сибирячки, а въ другомъ „Матильда или Записки, взятыя изъ исторіи Крестовыхъ походовъ“, выставившая идеалъ для современныхъ героевъ въ образѣ МалекъАделя. За госпожею Коттень слѣдовала г-жа *Жанлисъ*, повѣсти которой началъ переводить еще Карамзинъ, потомъ французскій романистъ *Дюкре-Дюменилъ*, въ романахъ котораго обыкновенно выставляется торжествующая невинность и гдѣ дѣйствующими лицами являются герои въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Мы назвали здѣсь только главныхъ представителей современнаго европейскаго романа; но каждый изъ нихъ имѣлъ множество подражателей и многіе изъ произведеній этихъ послѣднихъ являлись и въ русскомъ переводѣ.

При такомъ множествѣ переводныхъ романовъ въ нашей литературѣ, совершенно наводнившихъ ее, въ которыхъ русская публика знакомилась или съ чужою дѣйствительностью, или съ образами, порожденными чужой фантазіей, очень трудно ожидать чего-нибудь своего, самостоятельнаго. Мы уже говорили о причинахъ, почему это было такъ. Тѣмъ не менѣе мы можемъ однако назвать одно имя, теперь

полузабытое, которому однако принадлежитъ честь первыхъ картинъ, взятыхъ изъ русской дѣйствительности и воспроизведенныхъ съ замѣчательнымъ для того темнаго времени искусствомъ. Обыкновенно привыкли называть первымъ романомъ изъ русской жизни извѣстный романъ, весьма нравившійся въ двадцатые годы „Иванъ Выжигинъ“, принадлежащій Ѳ. Булгарину. Но еще Бѣлинскій доказывалъ, что честь перваго воспроизведенія въ русскомъ романѣ нашей дѣйствительности принадлежитъ не ему, а малороссіянину *Нарѣжному* [1]). Замѣчательно, что ему, какъ и другому знаменитому южноруссу Гоголю, основателю у насъ реальной школы въ поэзіи, удалось первому обратить мысль на воспроизведеніе родной дѣйствительности. Это можно объяснить, какъ вѣчно присущею душѣ каждаго южнорусса струею юмора, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что южно-руссу гораздо легче и естественнѣе было обращаться съ сатирической наблюдательностью къ чужой общественности, которую онъ вообще весьма мало уважалъ.

О самомъ Нарѣжномъ, о его личности, о его жизненныхъ отношеніяхъ мы имѣемъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. Василій Трофимовичъ Нарѣжный родился въ 1780 году, тамъ же, гдѣ и Гоголь, въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Въ воспитаніи его принялъ участіе родной его дядя. Онъ отвезъ его въ дворянскую гимназію въ Москву въ 1792 году, откуда Нарѣжный перешелъ въ университетъ. Курсъ окончилъ онъ въ немъ въ 1801 году и тогда же отправился въ гражданскую службу въ Грузію, что̀ дало ему возможность потомъ въ одномъ изъ своихъ романовъ воспроизвести нравы и обычаи кавказскіе. Въ 1804 году онъ является на службѣ уже въ Петербургѣ. Въ 1813 году онъ выходитъ въ отставку и женится.

Нарѣжный сталъ писать очень рано, увлекаясь общимъ примѣромъ и полученнымъ воспитаніемъ. Онъ писалъ и стихи и прозу, которые помѣщались въ московскихъ журналахъ: „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“ (1798 и 1799). Въ 1804 году онъ напечаталъ написанную еще раньше трагедію „Димитрій самозванецъ“, представляющую слабое подражаніе „Разбойникамъ“ Шиллера. Нѣсколько повѣстей, совершенно подражательныхъ, вялыхъ и слабыхъ, въ духѣ Карамзина и г-жи Жанлисъ были имъ написаны въ первое десятилѣтіе нашего вѣка и писались имъ и позднѣе. Но имя его сдѣлалось извѣстнымъ только тогда, когда онъ съ большимъ тактомъ и умѣньемъ рѣшился обратиться въ романѣ къ русской дѣйствительности, хотя его роману, по цензурнымъ отношеніямъ, и не суждено было увидѣть свѣтъ въ полномъ своемъ видѣ. Примѣръ Нарѣжнаго наглядно доказываетъ вредъ, причиняемый литературѣ цензурою.

[1]) Русская литература въ 1841 году.

Романъ Нарѣжнаго, задуманный имъ въ шести частяхъ, изъ которыхъ послѣднія три навсегда остались въ рукописи вслѣдствіе запрещенія, носилъ названіе „Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова“ (Спб. 1814 г.). Самое названіе показываетъ, какого автора взялъ Нарѣжный за образецъ, кому желалъ онъ подражать. Это былъ извѣстный французскій романистъ конца прошлаго вѣка Лесажъ. Онъ въ своемъ знаменитомъ романѣ „Жилблазъ де Сантильяна“, дѣйствіе котораго происходитъ въ Испаніи, всталъ совершенно на реальную почву и съ замѣчательнымъ сатирическимъ тактомъ и юморомъ представилъ вѣрную картину общественныхъ нравовъ современной ему Франціи. Все дѣйствіе этого романа и оригинальнѣйшіе типы современнаго французскаго общества группируются вокругъ одной фигуры героя романа Жилблаза, ловкаго пройдохи, стоящаго головой выше окружающихъ его лицъ и событій, прототипа для послѣдующей знаменитой фигуры во французской литературѣ—Фигаро у Бомарше. Безнравственное и разъѣденное пороками тогдашняго дореволюціоннаго устройства Франціи общество изображено очень вѣрно въ романѣ Лесажа, которому въ формѣ и замыслѣ, какъ и въ типѣ своего героя подражалъ нашъ первый реальный романистъ, хотя у него, само собою разумѣется, не могло быть такого глубокаго отношенія къ современному русскому обществу, какое было у француза. Нарѣжный говоритъ въ предисловіи, что онъ „вывелъ напоказъ русскимъ людямъ русскаго же человѣка, имѣя цѣлью, по примѣру Лесажа, соединить полезное съ пріятнымъ, и что вѣроятность, приличіе, сходство описаній съ природою, изображеніе нравовъ въ различныхъ состояніяхъ и отношеніяхъ были тѣми правилами, которыя онъ постоянно старался не выпускать изъ виду [1]). Нарѣжный желаетъ совершенно безпристрастно относиться къ дѣйствительности и говоритъ, что „за нѣсколько десятковъ лѣтъ и у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы“ [2]), а теперь можно. Радость эта была однако преждевременна. Задача Нарѣжнаго была, по его словамъ, та же, что и у Лесажа, изображеніе человѣческой жизни въ различныхъ отношеніяхъ, т.-е. русскаго человѣка въ различныхъ состояніяхъ. Могъ ли онъ однако, при существующихъ тогда литературныхъ условіяхъ, представить русскую дѣйствительность, какъ онъ намѣревался? Онъ не могъ относиться къ ней просто и естественно, понять ее такъ, какъ она есть, безъ всякихъ претензій. Для него это было слишкомъ просто. Чужая дѣйствительность, выставленная Лесажемъ, была гораздо пестрѣе, занимательнѣе.

---

[1]) Галаховъ. Ист. Хрест., ч. II, стр. 295—296.
[2]) Россійскій Жилблазъ. Спб. 1814, стр. V.

нѣе, разнообразнѣе своей и ее-то Нарѣжный старался перевести въ Россію, придумывая русскія имена и русскую сцену дѣйствія. Ему, какъ и Лесажу, хотѣлось замысловатыхъ приключеній, которыя бы заняли вниманіе читателя, и вотъ эти-то приключенія нисколько не похожи на Россію. Авторъ, очевидно, уже слишкомъ подражалъ Лесажу: лица, характеры, дѣйствіе, интрига, однимъ словомъ, все въ романѣ далеко не похоже на русскую дѣйствительность. Я не стану останавливаться на содержаніи этого романа, такъ какъ оно подробно изложено у Галахова [1]). Все въ этомъ первомъ произведеніи Нарѣжнаго неправдоподобно и неестественно: отъ лицъ и характеровъ до интриги и событій. Во всемъ видна удивительная неопытность и наивность автора. Галаховъ находитъ хорошую сторону „Россійскаго Жилбаза“ въ сатирическомъ описаніи нѣкоторыхъ современныхъ нравовъ, что̀ выдѣляетъ выгоднымъ образомъ Нарѣжнаго изъ той густой атмосферы сентиментализма, которая со всѣхъ сторонъ окружала его. Сатира эта доходитъ до крупной и тоже неестественной каррикатуры, смыслъ которой неясенъ для простодушнаго читателя. Такъ, судя по предисловію, Нарѣжнымъ затрогиваются и осмѣиваются въ его романѣ „изступленные любители метафизики, славянскаго языка и всего, что есть нѣмецкаго“ [2]). Что за странное соединеніе и что̀ подъ нимъ разумѣлъ авторъ—неясно. Любителемъ метафизики выставленъ какой-то неестественный трисмегаллосъ въ чрезвычайно неправдоподобныхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Галаховъ видитъ въ немъ и въ его манерѣ диспутировать „подлинныя черты бывшаго схоластическаго преподаванія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и высшихъ“ [3]). Можетъ быть это и такъ, но чрезвычайно неясно, потому ли, что самъ Нарѣжный не сознавалъ вполнѣ цѣли своей сатиры, или въ самомъ предметѣ были такія свойства, которыя не дозволяли ясно относиться къ нему въ печатной сатирѣ. Зато изображеніе общества масоновъ, со всею его внѣшнею обстановкою (авторъ вводитъ читателя въ засѣданіе масонской ложи, гдѣ посвящаютъ его героя) очень вѣрно. Нарѣжный изображаетъ масоновъ впрочемъ вовсе несочувственно. Трисмегаллосъ является и славянофиломъ въ каррикатурѣ. Въ немъ съ этой стороны авторъ хотѣлъ, можетъ быть, осмѣять Шишкова и его школу. Что касается до „изступленной любви къ нѣмецкому, то, выставляя въ своемъ сочиненіи преувеличенную каррикатуру нѣмца, равно какъ нападая на иностранное воспитаніе русскихъ дѣтей, Нарѣжный платилъ дань общему патріотическому направленію общества нашего въ тѣ годы, когда былъ написанъ имъ

[1]) Ист. русск. слов., т. II, изд 1868 г., стр. 178—182.
[2]) Росс. Жилблазъ. Спб. 1814, III.
[3]) Ист. русск. слов., т. II, изд. 1868 г., стр. 180.

романъ. Замѣтно у автора несочувствіе къ высшему кругу общества, сочувствіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ и ихъ жалкой участи въ рукахъ помѣщиковъ, негодованіе на судъ несправедливый и грабительство въ немъ и пр. Всѣ эти сатирическія выходки дѣлаютъ честь уму и наблюдательности Нарѣжнаго, и намъ неизвѣстно, какъ развернулись бы они во второй половинѣ его обширнаго романа, еслибъ продолженіе его не было прекращено насильственно цензурнымъ запрещеніемъ. Въ 3-й части романа тогдашняя цензура (это было при министрѣ народнаго просвѣщенія — графѣ Разумовскомъ) нашла много предосудительныхъ мѣстъ. Самъ глава министерства высказывалъ слѣдующее мнѣніе о современныхъ романахъ: „Между издаваемыми вновь романами выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ, могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя повидимому и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно-нравственную цѣль“ [1]).

Запрещеніе романа поохладило сатирическій пылъ Нарѣжнаго и повидимому имѣло вообще сильное и непріятное на него вліяніе. По разсказу сына, онъ думалъ-было совсѣмъ отказаться отъ авторства и снова приняться за службу [2]). Вообще прошло нѣсколько лѣтъ, пока непріятности, вызванныя цензурнымъ запрещеніемъ, поулеглись, и Нарѣжный снова могъ приняться за литературные труды. Говорятъ, что ему много помогъ своимъ заступничествомъ и покровительствомъ землякъ его И. И. Мартыновъ [3]). Только черезъ восемь лѣтъ Нарѣжный издалъ свой второй романъ „Аристіонъ или перевоспитаніе“ (1822 г.), гдѣ нравственная цѣль разсказа совершенно покрываетъ сатирическую, отчего онъ и не имѣлъ успѣха.

---

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра I. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію Т. I. Спб. 1889. Стр. 427.

[2]) Гал. Ист. Хр., стр. 535.

[3]) Колбасинъ, Е. Литерат. дѣятельность прежняго времени. Стр. 66.

ЛЕКЦІЯ XIX и XX.

Нарѣжный —Его романы —А. Е. Измайловъ.

Гораздо замѣчательнѣе тѣ романы Нарѣжнаго, въ которыхъ онъ по природному инстинкту обратился къ изображенію нравовъ своей родной страны, ему хорошо знакомой. Большою извѣстностью въ широкомъ кругу читающей русской публики стало пользоваться имя Нарѣжнаго послѣ появленія его романа „Бурсакъ“ (1824), который былъ издаваемъ нѣсколько разъ. Въ немъ мы видимъ нервую и весьма удачную попытку историческаго романа на Руси, хотя Нарѣжный не задавался историческою цѣлью, желаніемъ изобразить событія и нравы какой-либо страны въ извѣстную эпоху, какъ дѣлали это романисты наши, воспитанные въ школѣ Вальтеръ-Скотта: Загоскинъ и Лажечниковъ. У Нарѣжнаго не было такой цѣли; по тогдашнимъ понятіямъ о романѣ, онъ не могъ и думать о ней. Его желаніе заключалось только въ томъ, чтобы заинтересовать читателя заманчивою интригою романа, болѣе или менѣе интересными приключеніями и непремѣнно любовными похожденіями главныхъ лицъ романа, на которыхъ сосредоточивается главное вниманіе. Какъ во всякой эпической поэмѣ, требованія которой, конечно за исключеніемъ общаго характера лицъ и событій, сохранялись и въ романѣ, мы встрѣчаемъ въ немъ нѣсколько эпизодовъ, вставочныхъ, отдѣльныхъ разсказовъ, которые на время прерываютъ нить главнаго. Изображая характеры, авторъ не думалъ о томъ, чтобы они были вѣрны исторической дѣйствительности. Это были общіе, по большей части нравственные типы, и сообразно тому они носили и имена. Несмотря, однакожъ, на такія невыгодныя стороны тогдашняго романа, которыми онъ удовлетворялъ требованіямъ современной теоріи, въ романѣ Нарѣжнаго, независимо отъ воли автора, является передъ нами историческая дѣйствительность Малороссіи въ концѣ XVII вѣка. Лучшую сторону „Бурсака“, болѣе подробно развитую и болѣе любопытную, составляетъ изображеніе Кіевской бурсы съ ея оригинальнымъ устройствомъ, заимствованнымъ изъ западныхъ схоластическихъ школъ и съ дисциплинарными мѣрами, которыя держались очень долго и въ великорусскихъ семинаріяхъ. „Почтенное сословіе бурсаковъ, говоритъ Нарѣжный, образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целерами или бѣ-

ѣунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ или чернь—простой народъ. Еслибъ консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ, и, наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора"... [1]) Характеръ сего воспитанія и образъ нравовъ въ бурсѣ, которая, несмотря на свои недостатки, пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны южно-русскаго народа, изображены чрезвычайно вѣрно Нарѣжнымъ и, что̀ главное, безъ всякой предвзятой мысли, безъ желчи и злобы, которыми проникнуты печальные очерки Помяловскаго, вынесшаго на себѣ всю уродливую тягость прежняго бурсацкаго воспитанія. Нарѣжный относится къ бурсѣ съ какою-то наивною любовью и много-много развѣ съ добродушною насмѣшливостью. Правда, и цѣль у него была другая, не обличительная. Кромѣ бурсаковъ и бурсы, въ которой получилъ воспитаніе главный герой романа, дѣлающійся при развязкѣ изъ сына простого дьячка—внукомъ малороссійскаго гетмана, читателя вообще окружаютъ живыя лица малороссійской дѣйствительности XVII вѣка: и казаки, и польскіе паны, и жиды, и шинкари. Только позднѣйшій, напр., намъ современный читатель не можетъ удовлетвориться запутанностью похожденій героя и его приключеніями.

Другой романъ Нарѣжнаго, вышедшій въ годъ его смерти. „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ" [2]), заимствованъ авторомъ также изъ хорошо знакомаго ему быта Малороссіи и рисуетъ весьма извѣстную оригинальную черту нравовъ этой страны, состоящую въ страсти къ тяжбамъ и сутяжничеству вообще, которую такъ геніально осмѣялъ потомъ Гоголь въ своей ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Весьма вѣроятно, что эта страсть къ тяжбамъ и процессу развилась въ Малороссіи съ того времени, какъ она потеряла свою независимость и слилась въ одно цѣлое съ политическою жизнью Москвы, въ этомъ сутяжничествѣ надо видѣть какъ бы замѣну прежняго болѣе полнаго политическаго существованія, гдѣ каждый стоялъ за свои права и сознавалъ ихъ. Не изъ Москвы, однакожъ, перешла въ Малороссію эта страсть къ сутяжничеству, а изъ Польши, съ которой она долго была соединена и государственными, и духовными интересами. Польша страдала тою же язвою. Это явленіе было вполнѣ естественно. Развитыя формы юридическаго процесса были заимствованы Польшею изъ болѣе сложной и развитой жизни Запада; посредствомъ Литовскаго Статута

[1]) Бурсакъ. М. 1824, стр. 23—24.
[2]) 3 ч. М. 1825 г.

перешли они потомъ и въ Малороссію. Чѣмъ неразвитѣе, проще и патріархальнѣе бытъ страны, тѣмъ менѣе годятся для нея формы сложнаго процесса, который представляетъ легкую возможность людямъ ловкимъ и беззастѣнчивымъ, хорошо познакомившимся съ формами процесса, жить на счетъ обманываемыхъ ими темныхъ бѣдняковъ, какъ это зачастую случалось и во времена позднѣйшія и въ болѣе развитомъ состояніи общества. Вотъ въ чемъ заключалась историческая причина той страсти къ тяжбамъ, которую Нарѣжный старался изобразить въ своемъ романѣ „Два Ивана“. Юморъ, съ которымъ выставилъ онъ различныя перипетіи тяжбы, добродушная насмѣшливость, съ которою онъ относится къ забавно грустнымъ увлеченіямъ своихъ героевъ, весьма замѣчательны. Гораздо слабѣе собственно романическая сторона разсказа, безъ которой нельзя было обойтись, и нравственные выводы, дѣлаемые авторомъ. Эти стороны были не въ характерѣ литературнаго таланта автора. Кромѣ этихъ двухъ романовъ, которые не допускаютъ до забвенія въ исторіи русской литературы имени Нарѣжнаго, онъ написалъ нѣсколько повѣстей, которыя были собраны вмѣстѣ. Всѣ онѣ гораздо слабѣе романовъ. Уже послѣ смерти его былъ напечатанъ большой романъ его „Черный годъ или горскіе князья“ [1]), матеріалъ для котораго по всей вѣроятности доставила Нарѣжному служба его въ Грузіи въ молодости. Романъ этотъ однако не выдержитъ сравненія въ достоинствѣ съ первыми двумя. Обстановка Кавказа не была такъ хорошо знакома Нарѣжному, какъ родная. Притомъ романъ этотъ изобилуетъ слишкомъ грубыми картинами дѣйствительности, которыя довольно часто доходятъ до цинизма. Нарѣжный какъ бы съ любовью останавливается на нѣкоторыхъ довольно двусмысленныхъ изображеніяхъ.

Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о личности романиста. Послѣ неудачи своего „Россійскаго Жилблаза“ и послѣ непріятностей, полученныхъ имъ по поводу цензурнаго запрещенія, Нарѣжный снова вступилъ въ 1815 году на службу и служилъ очень усердно лѣтъ десять. Онъ не принадлежалъ ни къ какимъ литературнымъ кружкамъ, велъ уединенную, семейную, сидячую жизнь и проводилъ все утро на службѣ. Нарѣжный умеръ сорока пяти лѣтъ.

Рядомъ съ Нарѣжнымъ по непосредственному отношенію къ дѣйствительности, отношенію нѣсколько грубому, которое онъ самъ понималъ, говоря о себѣ, что онъ „писатель не для дамъ“, даже по сатирѣ на современность, его окружавшую, насколько сатиру эту допускала цензура, можетъ быть поставленъ писатель уже чисто русскаго происхожденія, довольно плодовитый, дѣйствовавшій въ лите-

[1]) 4 ч. М. 1829 г.

ратурѣ долго, пережившій въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ нѣсколько направленій русской словесности и писавшій въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Мы говоримъ объ А. Е. Измайловѣ. Онъ былъ баснописецъ, писалъ сказки, сатиры и множество мелкихъ произведеній въ стихахъ; онъ писалъ въ прозѣ романы, критическія статьи и т. п. Больше, впрочемъ, Измайловъ писалъ стихи, потому что его литературная дѣятельность происходила въ то время, когда всѣ писали стихи. Главное направленіе его литературной дѣятельности было сатирическое, и оказывая имъ противодѣйствіе сентиментальности карамзинистовъ, Измайловъ оказалъ дѣйствительную услугу русской литературѣ. Какъ человѣкъ долго жившій, подвижной по натурѣ своей и впечатлительный, онъ отзывался на многія явленія жизни.

Біографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Ефимовичѣ Измайловѣ чрезвычайно скудны, особенно за первое время его жизни, когда онъ только-что началъ писать. Потомъ, въ ту пору, когда онъ является дѣятельнымъ лицомъ въ петербургской литературѣ и издаетъ одинъ за другимъ нѣсколько журналовъ, мы встрѣчаемъ его постоянно въ кругу писателей, въ тѣхъ разнообразныхъ и дѣятельныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ долженъ находиться всякій журналистъ. Этою стороною въ литературныхъ преданіяхъ того времени и по мелкимъ замѣткамъ, довольно обильно разбросаннымъ въ его сочиненіяхъ, онъ достаточно знакомъ; но интимная, внутренняя сторона Измайлова намъ совершенно неизвѣстна. Измайловъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика Владимірской губерніи. Родился онъ въ 1779 году въ деревнѣ отца, учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ съ помощью добрыхъ людей и хотя долженъ былъ, происходя изъ дворянскаго сословія, поступить въ гвардію, куда былъ записанъ съ дѣтства, но по слабости здоровья отказался отъ военной службы и поступилъ въ министерство финансовъ. Тогда же, слѣдовательно въ очень молодыхъ лѣтахъ, онъ сталъ писать: видно, что и горный корпусъ не далъ ему никакого спеціальнаго направленія. Измайловъ самъ вспоминаетъ о своемъ ученіи въ горномъ корпусѣ слѣдующимъ образомъ: „Въ мое время учили въ горномъ корпусѣ очень хорошо, только не горнымъ наукамъ. Химія преподавалась тогда безъ опытовъ; минеральный кабинетъ былъ почти безъ штуфовъ и немного приносилъ пользы учащимъ“ [1]). Съ учрежденія горнаго училища (1774 г.) до переименованія его въ горный кадетскій корпусъ (1804 г.), въ горную службу вышелъ только одинъ офицеръ. Зато Измайловъ сдѣлался писателемъ. Первое произведеніе Измайлова, написанное имъ въ то время, по его словамъ, когда онъ былъ всего восемнад-

[1]) Благонамѣренный 1821 г.

цати лѣтъ отъ роду, замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ немъ уже видно направленіе, которое отличало литературную дѣятельность Измайлова во все время ея. Въ романѣ или какъ онъ озаглавилъ „повѣсти“: „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества“ [1]), Измайловъ обратился къ дѣйствительности, его окружавшей. Конечно съ его стороны сдѣлано это невольно, безсознательно, цѣль у него была другая, не желаніе воспроизвести жизнь, дѣйствительную, а написать нравоученіе, сатиру. Но и то уже дѣлаетъ честь его уму и наблюдательности, что во время господства ложной чувствительности, которая извращала, а не изображала жизнь онъ не подчинился ей, и пошелъ своей собственной дорогой. Повѣсть Измайлова изображаетъ время въ концѣ царствованія Екатерины. Онъ самъ назначаетъ для нея 1791 г., но она была напечатана при Павлѣ, въ то время, когда особенно строго дѣйствовала цензура, когда всѣ жаловались на нее. Какъ извѣстно, царствованіе Павла составляло нѣкотораго рода реакцію противъ той нравственной распущенности, которая господствовала при Екатеринѣ, волновавшейся подъ конецъ жизни изъ-за французской революціи и рѣчей якобинцевъ и совершенно равнодушно смотрѣвшей на придворный развратъ, на всеобщее грабительство, считавшееся въ порядкѣ вещей и никого не возмущавшее. Павелъ своими строгостями разогналъ толпу придворныхъ тунеядцевъ, подтянулъ распущенную лѣнивую гвардію, измѣнилъ даже самый образъ петербургской жизни, который на нѣсколько лѣтъ принялъ пуританскій оттѣнокъ. Вотъ, можетъ быть, причина, почему цензура не дѣлала затрудненій къ выходу въ свѣтъ повѣсти Измайлова. Ея сатирическое отношеніе къ недавно пережитой дѣйствительности соотвѣтствовало тогдашнему настроенію власти. „Евгеній“—повѣсть Измайлова рисуетъ въ высшей степени неутѣшительную картину нашего дворянскаго общества или бытъ среднихъ помѣщиковъ въ концѣ XVIII вѣка, но не на мѣстѣ ихъ дѣятельности, не въ деревнѣ, а въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ они проживаютъ свои достатки, пріобрѣтенные всячески, самымъ нелѣпымъ и безпутнымъ образомъ. Повѣсть Измайлова чрезвычайно наглядно, хотя и грубыми, толстыми штрихами изображаетъ передъ читателемъ ту лживую, безсодержательную, но наведенную лоскомъ цивилизацію, которую заимствовали тогда изъ Европы наши высшіе классы общества. Передъ нами всѣ пороки внѣшней цивилизаціи и ни одной человѣческой добродѣтели, какъ нѣтъ во всей повѣсти ни одного честнаго лица. Изъ нея выносишь самое тяжелое впечатлѣніе, и чтеніе ея мы рекомендуемъ тѣмъ нашимъ консерваторамъ, которые

[1]) Спб. 1799—1801 г.

еще отстаиваютъ доброе старое время и мечтаютъ о прадѣдовскихъ парикахъ. Передъ нами люди, одѣтые по-европейски, съ приличною обстановкою жизни, которая позволяетъ имъ представить изъ себя то, что обыкновенно называютъ „свѣтскимъ обществомъ“, они ѣдятъ французскія блюда, пьютъ французское вино, одѣваются въ шелкъ и бархатъ, ѣздятъ въ театры и на балы, пудрятся и завиваются, играютъ въ карты, особенно въ азартныя игры, танцуютъ и развратничаютъ самымъ безстыднымъ образомъ, жена измѣняетъ мужу, мужъ женѣ, и все это публично, на глазахъ у всѣхъ. Молодые гвардейскіе офицеры, герой повѣсти—пьютъ, играютъ въ карты, развратничаютъ, мотаютъ отцовскія деньги; да и сами отцы и матери, порастрясши на безпутныя удовольствія столицы деревенскую кису, принимаются мошенничать и обманывать другъ друга самымъ наглымъ образомъ. Мошенничество, обманъ и безстыдное вымогательство чужихъ денегъ возведено чуть не въ систему и составляетъ какъ бы круговую поруку этого общества. Ни одного духовнаго интереса, ни одной честной мысли или честнаго убѣжденія авторъ не нашелъ въ этомъ отвратительномъ, отталкивающемъ обществѣ. Какъ статисты, какъ фигуры безъ словъ посреди главныхъ дѣйствующихъ лицъ, являются толпы забитыхъ и запуганныхъ дворовыхъ и крестьянъ, какъ простыя орудія, какъ домашній скотъ. Ихъ бьютъ, сѣкутъ безпрерывно, обращаются съ ними, какъ съ собаками, но это не вызываетъ со стороны ихъ ни жалобы, ни ропота; зато ихъ безсловесныя фигуры прекрасно оттѣняютъ общую картину, придавая ей еще болѣе мрачный колоритъ. Намъ, можетъ быть, возразятъ, что такое изображеніе общества Измайловымъ есть каррикатура, предумышленная сатира на современные нравы. Не отрицая нѣкотораго преувеличенія, весьма возможнаго при тогдашнемъ отношеніи писателя къ обществу, мы однако можемъ положительно утверждать, что Измайловъ, изображая свои лица, не имѣлъ въ виду сатиры; ни въ одномъ мѣстѣ его повѣсти незамѣтно резонированія; онъ говоритъ совершенно свободно, почти, кажется, не возмущаясь изображаемыми имъ жизненными явленіями. Измайловъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ имѣть вполнѣ сознательное отношеніе къ дѣйствительности, выставленной имъ въ романѣ:

„Осьмнадцати, не больше лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ“.

говорилъ онъ впослѣдствіи о своемъ первомъ романѣ. Онъ написалъ его очень „скоро, въ небольшое остающееся отъ должности время“ [1]).

[1]) Предисловіе.

Содержаніе романа этого очень просто. Это исторія молодого человѣка, какихъ въ то время было, вѣроятно, не мало. Онъ сынъ зажиточнаго помѣщика, нажившаго, впрочемъ, состояніе сутяжничествомъ и ростовщичествомъ; при рожденіи онъ уже записанъ сержантомъ въ гвардію. Первый воспитатель его—французъ гувернеръ, бѣглый, клейменый каторжникъ; затѣмъ Евгеній поступаетъ въ пансіонъ къ нѣмцу, который болѣе пятнадцати лѣтъ содержалъ шинокъ въ своей родной деревнѣ. Главные предметы ученія французскій языкъ и танцованіе, но при этомъ Евгеній выучивается пить и играть въ банкъ. По-французски въ пансіонѣ онъ читалъ только тысячу и одну ночь, а по-русски „письменныя сочиненія того поэта, который въ храмахъ Бахуса составлялъ стихи въ честь Пріапа“ [1]). Не лучше дѣло ученія шло и въ Московскомъ университетѣ. „Товарищи его, которымъ онъ доставлялъ увеселеніе въ домахъ, гдѣ торгуютъ напитками и женскими прелестями, дѣлали по дружбѣ вмѣсто него задачи, ему данныя. Вопрошенный же въ классѣ наставникомъ, испытующимъ его память, повторялъ онъ громко слова, произносимыя ему тихо услужливыми его пріятелями, или хранилъ молчаніе, всегдашній признакъ знанія [2]). Герой романа только глупъ и хвастливъ; но у него скоро нашелся товарищъ, который забралъ его въ руки. Это былъ „человѣкъ посредственныхъ дарованій, посредственныхъ знаній, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца; хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на бильярдѣ какъ маркеръ, злословилъ какъ богомолка и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ“ [3]). Съ нимъ вмѣстѣ Евгеній отправляется въ Петербургъ, чтобъ поступить въ гвардію въ дѣйствительную службу и приключенія ихъ дорогою и потомъ въ Петербургѣ, различныя встрѣчи и знакомства въ этомъ городѣ и пустая жизнь, которую ведутъ они въ обществѣ, гдѣ все основано на взаимномъ обманѣ, составляетъ вторую и главную часть разсказа Измайлова. Деньги, данныя родителями, проживаются очень скоро и вся изобрѣтательность друзей состоитъ въ томъ, чтобъ выманить ихъ побольше подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами. Наконецъ, къ величайшему удовольствію сынка, и отецъ и мать его умираютъ и онъ дѣлается полновластнымъ распорядителемъ родительскаго наслѣдства, которое, разумѣется, очень скоро проживаетъ, и герой романа умираетъ 24 лѣтъ отъ роду въ тюрьмѣ—куда онъ былъ посаженъ за долги—отъ горячки.

---

[1]) Евгеній. Спб. 1799, стр. 25.
[2]) Ibidem, стр. 40.
[3]) Ibidem, стр. 42.

Фабула разсказа, какъ видите, не замысловата; приключенія героевъ вовсе не занимательны, и просты и однообразны, но они, очевидно, принадлежатъ къ такимъ, какихъ въ самомъ дѣлѣ было не мало. Авторъ какъ бы торопился поскорѣе кончить со всѣми лицами, выведенными въ его разсказѣ и каждое изъ нихъ оканчиваетъ свою дѣятельность весьма неблагопріятнымъ образомъ: въ этомъ сказывается та поучительная цѣль, которую необходимо долженъ былъ преслѣдовать старинный романистъ, т.-е. воздать каждому по дѣламъ его, наказать порокъ и наградить добродѣтель. Впрочемъ, въ разсказѣ Измайлова нѣтъ ни одного лица, которое слѣдовало бы наградить за добродѣтель. Это собраніе печальныхъ, отталкивающихъ личностей, изъ которыхъ состояло общество наше въ концѣ XVIII вѣка и авторъ хорошо сдѣлалъ, что, изображая кость отъ кости и плоть отъ плоти этого общества, не вывелъ, подобно Фонвизину, резонирующихъ и скучныхъ по своему идеализму личностей. Можетъ быть Измайловъ, котораго обыкновенно въ нашей критикѣ называли „поэтомъ грубой дѣйствительности“ и не могъ этого сдѣлать по самому свойству своего таланта, никогда не бравшагося за такъ называемые возвышенные предметы. Впечатлѣніе, производимое чтеніемъ его разсказа—очень грустно. Мы не наталкиваемся въ немъ ни на одно человѣческое чувство, не отдыхаемъ ни на одной личности. Все пошло и грубо до крайней степени. Измайлова обыкновенно называютъ Теньеромъ русской словесности, т.-е. именемъ того великаго живописца фламандской школы, который любилъ изображать на полотнѣ пирушки, сцены кабаковъ и разгулъ родныхъ праздниковъ своихъ. Самъ Измайловъ соглашался съ этимъ названіемъ и въ дружескихъ письмахъ, говоря о своемъ авторствѣ и его содержаніи, онъ выражается, что „теньеритъ“. Что касается до особеннаго цинизма въ выраженіи, въ которомъ обвиняютъ Измайлова, то мы обязаны снять съ него упрекъ въ этомъ. Надобно быть слишкомъ чопорнымъ, чтобы найти въ Измайловѣ этотъ недостатокъ.

„Евгеній“ имѣлъ значительный литературный успѣхъ, такъ что Измайловъ въ 1801 году издалъ другой подобный же разсказъ изъ русской дѣйствительности, но слабѣе перваго—„Бѣдная Маша“ [1]).

Все это писалось между дѣломъ, на службѣ, а служба Измайлова въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, въ которой онъ служилъ постоянно, шла довольно счастливо въ началѣ царствованія императора Александра, когда стали особенно цѣнить молодыхъ, образованныхъ чиновниковъ, имѣющихъ „хорошій слогъ“ въ дѣловыхъ бума-

[1]) Сочиненія Изд. 1849 г., ч. II, стр 391—406.

гахъ. Въ это время различныхъ преобразованій и проектовъ Измайловъ, увлеченный общимъ настроеніемъ, сталъ касаться въ литературныхъ трудахъ своихъ разныхъ общественныхъ вопросовъ. Изъ нихъ вопросъ о нищенствѣ обратилъ на себя вниманіе самого государя. Въ Высочайшемъ рескриптѣ дѣйствительному камергеру Витовтову 1802 г. говорилось объ увеличеніи нищихъ въ Россіи и высказывалось замѣчательное убѣжденіе Александра, что „обыкновенное подаяніе нищимъ умножаетъ только число оныхъ“. Слова эти взялъ Измайловъ эпиграфомъ для изданнаго имъ въ 1804 году сочиненія: „Разсужденіе о нищихъ; какимъ способомъ можно уменьшить у насъ въ Россіи великое число оныхъ и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе, безъ всякаго на то иждивенія отъ казны“ [1]). Средства, предлагаемыя Измайловымъ, были довольно практическія, повидимому они были заимствованы изъ англійскихъ учрежденій въ этомъ родѣ. Измайловъ предлагалъ приписать всѣхъ нищихъ къ различнымъ церковнымъ приходамъ, гдѣ при церквахъ должны быть общія для прихода книги и кружки. Изъ послѣднихъ церковный староста, въ присутствіи священника, долженъ былъ раздавать каждому нищему въ воскресенье на недѣльное содержаніе; при большомъ количествѣ сбора въ пользу нищихъ раздавать имъ ежемѣсячное содержаніе, или нанять вблизи церкви особенную квартиру для нищихъ прихода, гдѣ бы они могли жить подъ надзоромъ благонадежнаго церковнослужителя. Измайловъ предлагалъ для увеличенія сбора въ пользу приходскихъ нищихъ дозволить выставлять кружки въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ: въ маскарадахъ, театрахъ, трактирахъ и т. п. Надобно замѣтить, что, касаясь такимъ образомъ вопроса о благотворительности и о нищенствѣ, Измайловъ разсуждалъ о немъ не только потому, что государь указалъ на него, что онъ сдѣлался какъ бы модным вопросомъ времени, нѣтъ — Измайловъ по глубокому сердечному убѣжденію былъ истинно-благотворительный человѣкъ, насколько позволяли ему служебныя средства, жалованье и скудный доходъ отъ литературы. Послѣ отца на долю его и сестры осталось только 7 душъ крестьянъ. Современники единогласно свидѣтельствуютъ о его добромъ, честномъ характерѣ и о его благотворительности [2]). То же свидѣтельствуетъ и довольно обширная помощь *бѣднымъ*, которыхъ онъ различалъ отъ нищихъ собственно, организованная Измайловымъ при издаваемомъ имъ журналѣ „Благонамѣренный“ (1818—1826). Почти въ каждомъ нумерѣ своего журнала Измайловъ рекомендовалъ читателямъ бѣдныя семейства, о бѣдности

---

[1]) Ibidem, стр. 407—422.

[2]) Иллюстрація 1846 г., №№ 17 и 18.

которыхъ онъ узнавалъ лично, посѣщая ихъ. Такимъ образомъ ему удалось въ теченіе всего существованія своего журнала содержать на счетъ благотворительности общества нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Въ концѣ каждаго журнальнаго года Измайловъ печаталъ для публики отчетъ объ употребленіи пожертвованныхъ суммъ.

Въ 1807 году Измайловъ издалъ еще брошюру по текущимъ вопросамъ: „Вчерашній день или нѣкоторыя размышленія о жалованьѣ и о пенсіяхъ“ [1]). Изъ всего этого видно, что въ характерѣ Измайлова, живомъ, впечатлительномъ, лежало чувство дѣйствительности и живого отношенія къ жизни. Это доказывается и его любовью къ журнальному дѣлу, которое онъ могъ вести настолько, насколько позволяли это литературныя условія того времени и въ особенности цензура. Въ началѣ царствованія Александра, когда Измайловъ по своимъ напечатаннымъ литературнымъ трудамъ, по бойкому уму и значительному образованію сталъ пользоваться успѣхомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго общества, онъ главнымъ образомъ хлопоталъ объ устройствѣ „Общества любителей словесности, наукъ и художествъ“ и вербовалъ въ него членовъ. Объ этомъ обществѣ мы уже имѣли случай говорить.

Въ 1803 году онъ женился; его семейная жизнь была счастлива и спокойна; Измайловъ былъ доволенъ ею, кромѣ развѣ того обстоятельства, что увеличеніе семьи вело къ грустному сознанію о недостаточности средствъ для воспитанія дѣтей. Но и тутъ счастье выручило Измайлова: всѣ дѣти его были воспитаны на казенный счетъ и ему удалось еще при жизни устроить ихъ судьбу: и сыновей и дочерей...

Измайловъ былъ рожденъ публицистомъ и не существуй, конечно, столько препятствій къ тому въ нашей литературѣ, онъ могъ бы приносить извѣстную долю пользы обществу. Все же его живое и дѣятельное отношеніе къ жизни не могло быть совершенно подавлено и невольно высказывалось даже въ искусственныхъ и ложныхъ родахъ поэзіи, которыми онъ занимался, въ угодность господствовавшей теоріи. Ему доставили извѣстность и даже нѣкотораго рода славу басни, особенно когда приходилось сравнивать эти произведенія его съ другими, съ баснями Хемницера, Дмитріева, Крылова: тогда критика обыкновенно старалась найти въ немъ черты оригинальныя, отличающія его отъ другихъ представителей этого рода. Вотъ что говоритъ объ Измайловѣ по этому случаю Бѣлинскій: „Онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеичъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрю-

[1]) Соч., II, стр. 423—440.

жина; мѣсто дѣйствія—изба, кабакъ и харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривіальностью, зато нѣкоторыя отличаются истиннымъ талантомъ и плѣняютъ какою-то мужиковатою оригинальностью“ [1]). Намъ кажется, что Измайловъ выбралъ басню и окружилъ ея фабулою оригинальный міръ дѣйствующихъ въ ней личностей именно вслѣдствіе присущаго ему чувства дѣйствительности.

Любимымъ родомъ поэзія для Измайлова были *басни* и *сказки*, между которыми трудно сдѣлать какое-либо различіе, если судить по содержанію ихъ у него. Кажется, что различіе это Измайловъ заимствовалъ отъ Лафонтена, котораго разсказы дѣлятся на fables и contes: въ первыхъ непремѣнно дѣйствуютъ животныя, иногда и съ людьми; во-вторыхъ—только люди; Лафонтенъ заимствовалъ содержаніе своихъ сказокъ изъ разсказовъ труверовъ или изъ новеллъ Боккачіо; множество „странствующихъ“ разсказовъ, издавна знакомыхъ европейскому обществу, начиная съ среднихъ вѣковъ, передано было сказками Лафонтена; это небольшіе анекдоты о человѣческой глупости или слабости, иногда пикантнаго содержанія, переданные въ стихахъ. Въ сказкахъ Измайлова мы встрѣчаемъ такого же рода анекдоты, но безъ всякихъ европейскихъ воспоминаній, какъ это было у Лафонтена.

Сказки Измайлова—это русскіе житейскіе случаи, иногда весьма пустые, иногда довольно замысловатые. Измайловъ считалъ басню своимъ призваніемъ, онъ называлъ себя обыкновенно, и въ стихахъ и въ прозѣ, „фабулистомъ“, хотя былъ очень мало оригиналенъ въ этомъ родѣ. Сознавая это, онъ указалъ тѣ источники, которыми пользовался при написаніи басенъ, и авторовъ, изъ которыхъ онъ переводилъ или заимствовалъ [2]). Всѣхъ басенъ, заимствованныхъ имъ у французскихъ преимущественно писателей — до шестидесяти. Но Измайловъ не указалъ на тѣхъ русскихъ баснописцевъ, которымъ онъ видимо подражалъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ басенъ, гдѣ очень часто слышатся отголоски и Хемницера и Дмитріева и Крылова. Измайловъ написалъ даже теоретическое разсужденіе „О разсказѣ басни съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ русскихъ басенъ“ [3]). Разсужденіе это также не самостоятельно; оно основано на сочиненіяхъ разныхъ французскихъ теоретиковъ прошлаго вѣка и изъ него явствуетъ, что цѣлъ басни у Измайлова, согласно господствовавшей теоріи, была дидактическая, т.-е. нравo-

[1]) Басни Ивана Крылова.

[2]) Предисл. ко 2-му изд. „Басенъ“, 1816 г.

[3]) Соч. II, стр. 730.

ученіе. На него онъ и обращалъ главное вниманіе и выводилъ изъ разсказа свою мораль часто вдвойнѣ и вовсе не у мѣста, иногда даже тамъ, гдѣ она совершенно ясна для самаго недалекаго читателя. Форма басни, слѣдовательно, у него была преднамѣренная; Измайлову казалась она удобною для того, чтобъ высказать извѣстныя истины обществу. Какъ въ странѣ деспотизма и молчанія — на Востокѣ, такъ и у насъ баснѣ, какъ извѣстно, посчастливилось въ литературѣ. Ея безобидная, многовѣковая форма не такъ возбуждала подозрѣнія. Еще въ 1802 году Измайловъ передѣлалъ изъ Лафонтена „Происхожденіе и польза басни", которая въ первомъ изданіи называлась смѣлѣе „Истина во дворцѣ". Въ ней разсказывается, что истина нагая однажды взошла въ чертогъ къ царю и смѣло заговорила правду; царь въ гнѣвѣ закричалъ, упрекая ее въ безстыдствѣ и дерзости и требовалъ отвести ее въ сумасшедшій или въ смирительный домъ. Бѣдную съ позоромъ вывели изъ дворца. Тогда истина явилась къ царю въ другой разъ, но уже не нагая, какъ прежде, а въ блестящей и дорогой одеждѣ, взятой ею у вымысла. Ее приняли, ея послушались и она стала дѣлать свое благое дѣло. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать заключенія о глубокомъ содержаніи басенъ и сказокъ Измайлова. Мораль развиваемая въ нихъ вовсе не глубока; это простая, обыденная, житейская мысль, выраженная въ болѣе или менѣе замысловатой формѣ.

Намъ должно только сказать, насколько въ басняхъ Измайлова заключается національныхъ или оригинальныхъ, ему принадлежащихъ собственно элементовъ и сколько въ нихъ чертъ современности. Оригинальною чертою въ басняхъ Измайлова, сравнительно съ другими нашими произведеніями этого рода, можетъ быть выставлено частое отношеніе ихъ къ литературѣ, хотя намеки баснописца вообще довольно общи и неопредѣленны, когда онъ смѣется надъ тѣмъ или другимъ поэтомъ-риѳмачемъ, критикомъ или журналистомъ; читатель узнаетъ развѣ только одного несчастнаго графа Хвостова, надъ которымъ смѣялись тогда всѣ, или замѣтитъ темные намеки на какихъ-то „баловней-піитовъ", подъ которыми, по всей вѣроятности, надобно разумѣть молодого Пушкина и его школу. Первому досталось больше всѣхъ [1]). Къ Шишкову Измайловъ относился тоже съ неуваженіемъ. Если по содержанію и характеру своихъ произведеній онъ шелъ по дорогѣ, противоположной Карамзину, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе всѣхъ послѣдователей ѣго насчетъ реформы въ слогѣ и былъ противъ притязаній Шишкова и его такъ называемой славянофильской

[1]) Сказки Стихотворецъ и чортъ, Страсть къ стихотворству и Смерть и стихотворецъ.

школы. Въ журналѣ „Цвѣтникъ“, издаваемомъ имъ въ 1809 и 1810 годахъ, вмѣстѣ съ Беницкимъ и Никольскимъ, помѣщены самыя главныя критическія статьи противъ Шишкова, хотя и не ему принадлежащія. Но зато его собственная басня „Шутъ въ парикѣ“, написанная въ 1811 году, направлена уже прямо на главу славянофиловъ „Бесѣды“. Подъ „шутомъ въ парикѣ“ всякій узнаетъ Шишкова и его товарища, извѣстнаго поэта въ „Бесѣдѣ“—князя Ширинскаго-Шихматова. Шутъ нападаетъ на современную одежду и видитъ въ ней развращенье нравовъ, а когда ему указываютъ, что онъ самъ носитъ французскій парикъ, онъ кричикъ:

„Безбожникъ! измѣнникъ! фармасонъ!
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ“...

Міросозерцаніе Измайлова, раскрывающееся въ его басняхъ и сказкахъ—не велико. Онъ касался только доступныхъ, близкихъ или хорошо знакомыхъ ему предметовъ. Говоря о немъ, не слѣдуетъ нисколько забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ могучимъ талантомъ и съ негодованіемъ не очень глубокимъ, которое и по самой силѣ вещей могло скользить только по наружности предметовъ, вызывающихъ сатиру. Измайловъ ограничивался только легкою насмѣшкою; да это такъ и должно было быть, потому что она вызывалась собственно не сознаніемъ порока во всей его обширности, какъ болѣзнь разъѣдающаго общественный организмъ, а частнымъ случаемъ, имъ же самимъ разсказаннымъ болѣе или менѣе остроумно въ анекдотической формѣ. Возьмемъ, напр., *взяточничество*, которое процвѣтало въ его время. Измайловъ иронизируетъ надъ нимъ:

„Ахъ! если бы хотя подъ старость далъ мнѣ Богъ
Мѣстечко гдѣ-нибудь такое,
Гдѣ-бъ могъ остатокъ дней я провести въ покоѣ,
Гдѣ-бъ взятки брать иль красть я могъ.—
Клянуся честію и совѣстью моею,
Ужъ далъ бы знать себя! Что? скажутъ: не умѣю?
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многихъ, можетъ быть, еще и поучу.
Взгляните: грамотѣ иные не умѣютъ,
А какъ живутъ, какъ богатѣютъ!
Вотъ главное: *имѣть не надобно стыда.*
Отставятъ?—отставляй, и это не бѣда:
Коль наживу полмилліона,
Въ отставку самъ тогда пойду безъ пенсіона“ [1]).

[1]) Карета и лошади.

Въ баснѣ „Приказные синонимы“ разсказывается о чиновникѣ, который тянетъ правое дѣло просителя, потому что онъ не понимаетъ значенія слова „доложить“; или о другомъ, объясняющемъ, что дѣло *такъ* не можно рѣшить [1]). Откуда-жъ самое зло? Злу этому Измайлову кажется такъ легко пособить:

„Поставили на улицѣ фонарь
И уняли ночного вора“ [2]).

Отсюда онъ выводитъ:

„Плутъ секретарь
Остерегается прямого прокурора“ [3]).

Зло взятокъ происходитъ, по словамъ Измайлова, „отъ темноты, невѣжества и глупой доброты“. Такъ у него не разъ приводятся въ басняхъ и казнокрадство и знаменитыя интендантскія продѣлки; но онъ только добродушно смѣется.

Берется ли Измайловъ за пьянство—онъ выставляетъ по обычаю ироническую мораль:

Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ.
„Хоть людямъ вредъ,—зато откупщикамъ доходъ“ [4]).

или рисуетъ веселыя, вполнѣ простонародныя фигуры пьяницъ. Напр.

„Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался“ [5]).

Это вполнѣ народная фигура: онъ пьетъ и съ горя и радости. Но она возбуждаетъ только добродушный смѣхъ по той юмористической обстановкѣ, которую далъ ей авторъ. Да и нельзя не смѣяться:

„Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ“ [6]).

И эти воины давно уже не существуютъ въ своемъ прежнемъ видѣ:

---

[1]) Такъ да не такъ.
[2]) Фонарь.
[3]) Ibidem.
[4]) Пьяница.
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem

Берется ли Измайловъ за сюжеты изъ отношеній помѣщиковъ къ крѣпостнымъ,—которые, по его же собственнымъ словамъ, часто мучатъ своихъ людей не хуже, чѣмъ крестьяне лошадей [1]), онъ не касается этихъ отношеній, а только рисуетъ болѣе или менѣе смѣшныхъ представителей барской воли: то калужскаго дворянина, любителя пѣнія съ хоромъ изъ крѣпостныхъ, гдѣ лакей Потапъ поетъ баса, теноромъ является псарь Гаврюшка, альтистомъ — форейторъ Андрюшка и пр. [2]); то пятитысячнаго помѣщика-затѣйника, у котораго былъ свой оркестръ, крѣпостные актеры, актрисы, пѣвцы, танцовщицы и который

„Къ своимъ собакамъ звалъ сосѣдскихъ по билетамъ,
Рожденье праздновалъ любимыхъ лошадей“

или выстроилъ въ деревнѣ въ греческомъ вкусѣ изящный храмъ, съ куполомъ, съ колоннами — для помѣщенія свиней [3]); то гордую барыню-дворянку, съ большимъ лакеемъ впереди, которая, входя къ обѣдни въ наполненную народомъ церковь, заставляетъ своего гайдука толкать народъ направо и налѣво и сама, въ гордости дворянской, исправно работаетъ локтями и каблуками [4]). Всѣ подобныя явленія со стороны Измайлова—бранчивыя выходки въ довольно грубомъ тонѣ. Мы видимъ въ немъ честнаго, благороднаго человѣка, но не далекаго писателя.

Измайлову удавались въ особенности фигуры купцовъ и небольшія сценки изъ купеческаго быта, который онъ повидимому хорошо зналъ. Укажемъ, напр., на калужскаго купца *Мошнина*, который

„Не зналъ, что есть накладъ, а только богатѣлъ.
Чего онъ не имѣлъ?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
Съ которыхъ получалъ великіе доходы;
Деревни сыновьямъ съ чинами покупалъ,
И всякій передъ нимъ поклоны въ поясъ клалъ“ [5]).

Сродни ему является московскій купецъ *Брюхановъ*.

„Представьте, онъ въ сажёнь почти былъ въ вышину
И два аршина въ ширину.
Однажды изъ его кафтана,
Безъ спора, безъ хлопотъ,
Обилъ обойщикъ два дивана
И для жены еще укралъ тутъ на капотъ“ [6]).

---

[1]) Крестьянинъ и кляча.
[2]) Пѣвчіе.
[3]) Обманчивая наружность.
[4]) Дворянка-буянка
[5]) Купецъ Мошнинъ.
[6]) Купецъ Брюхановъ.

Измайловъ разсказываетъ исторію ихъ оригинальнаго разоренья, вслѣдствіе самодурства. Еще оригинальнѣе купецъ Заржавинѣ, Пафнутій Сидорычъ:

„Обманщикъ, ростовщикъ, скупецъ!
Ну, настоящій жидъ, а впрочемъ христіанинъ
Посты онъ свято наблюдалъ,
Заутрени не пропускалъ
И по полушкѣ въ день на рубль процентовъ бралъ“ [1]).

Вотъ такимъ-то личностямъ и нравились герои, въ родѣ московскаго фабричнаго Семена:

„Силачъ, боецъ
Заразъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятернею,
Когда же на бою являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою“ [2])

Изъ народной жизни мы можемъ указать развѣ на басню „Священникъ и крестьянинъ“, въ которой передается разсказъ о томъ, какъ неудачно умный священникъ старался разсѣять въ своемъ прихожанинѣ-крестьянинѣ вѣру въ домовыхъ, вслѣдствіе чего самъ прослылъ въ себѣ за безбожника:

„Вотъ хорошо! Не вѣрь своимъ очамъ,
А вѣрь твоимъ рѣчамъ!
Какой ты попъ! Да ты совсѣмъ не христіанинъ.
Къ тебѣ я на духъ не пойду“.

Не знаю, будетъ ли согласно съ русскою дѣйствительностью окончаніе этого разсказа у Измайлова, что крестьяне перестали ходить въ церковь и священникъ долженъ былъ перейти въ другой приходъ.

Мы указали на самое замѣчательное по нашему мнѣнію въ баснях и сказкахъ Измайлова. Болѣе подробнаго разбора онѣ не стоятъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ вовсе нѣтъ того живого отношенія къ дѣйствительности, современности, которое отличаетъ басни Крылова, какъ нѣтъ и его оригинальнаго таланта. Изъ намековъ на современность мы можемъ указать развѣ на исторію превращенія въ мистика характера совершенно противоположнаго, исторію,—какихъ бывало въ то время много:

„Бездушинъ прежде пилъ, игралъ,
И женщинъ, и мужчинъ, какъ дьяволъ соблазнялъ;
Ни чести, ни родства, ни Бога онъ не зналъ.

---

[1]) Собака и воръ
[2]) Кулачные бойцы

Но вдругъ потомъ перемѣнился
Ходить прилежно въ церковь сталъ,
И въ землю все молился,
А дома Библію да Штиллинга читалъ“

Измайловъ не разсказываетъ о причинѣ такой крупной нравственной перемѣны, но изъ словъ нашего мистика въ отвѣтъ на упреки сатаны, который началъ считать его за сумасшедшаго, эта причина является довольно ясно:

„Пусть думаетъ его, что я ума рехнулся.
Поддѣлъ я славно сатану
А ужъ людей теперь конечно обману!“ [1]).

Этотъ анекдотъ очень напоминаетъ Магницкаго.

Горизонтъ зрѣнія Измайлова былъ очень не широкъ; анекдоты имъ разсказанные въ басняхъ и сказкахъ были незамысловаты и изъ нихъ нельзя даже вывести той широкой общечеловѣческой морали, которою такъ богаты басни Крылова. Художественныхъ достоинствъ не имѣетъ ни одна изъ его басенъ, потому что и самъ онъ не былъ художникомъ, хотя и писалъ стихи чрезвычайно легко. Измайловъ является передъ нами въ своей баснѣ и сказкѣ довольно забавнымъ говоруномъ. Онъ не заботится о выраженіи, объ отдѣлкѣ его, почему высказываетъ иногда вещи смѣшныя и даже просто глупыя: это тогда, когда обмолвится. Образованія, которое бы указало ему, гдѣ сдержаться, было у Измайлова очень мало. Нельзя отрицать только того, что онъ былъ добрый и честный человѣкъ и имѣлъ достаточно благоразумія браться только за то, что не выходило за кругъ его средствъ.

Измайловъ въ другихъ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ, которыхъ онъ писалъ очень много и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, требуемыхъ тогдашнею теоріею, отъ оды до шарады, представляется намъ личностью чрезвычайно болтливою и откровенною на свой счетъ. Читатель можетъ узнать изъ его стихотвореній не только его литературныя отношенія, но и служебныя, всю обстановку его семейной жизни, то, какъ звали его жену, его дѣтей, чему послѣднія учились, какіе таланты были у нихъ, какъ звали кучера и прочихъ слугъ Измайлова, какова у него была фигура, въ какомъ платьѣ онъ ходилъ, что̀ любилъ онъ покушать и когда и сколько выпивалъ водки, кто у него были кумовья и какіе подарки получалъ онъ на именины и въ праздники и пр. Измайловъ былъ большой поклонникъ прекрас-

[1]) Исправленіе

наго пола. Онъ имѣлъ притязаніе нравиться. Кромѣ свидѣтельствъ о томъ его современниковъ, эту слабость Измайлова можно видѣть изъ множества альбомныхъ его стихотвореній и другихъ, написанныхъ на разные, иногда самые мелкіе случаи дамской жизни. Особенно много стихотвореній его написанно для С. Д. Пономаревой, которой онъ больше всѣхъ поклонялся, до того, что по нѣскольку разъ описалъ въ стихахъ ея любимыхъ собакъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву онъ называетъ ее „предсѣдательницею или попечительницею небольшого нашего дружескаго литературнаго общества". „Она дѣйствительно имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозою лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма недурно стихи; рисуетъ, танцуетъ, поетъ и играетъ на фортепьяно превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь" [1]).

Литераторы того времени, собираясь къ ней на вечера, покланялись ей и ссорились изъ-за ея благосклонности. Она умерла неожиданно, въ очень молодыхъ лѣтахъ, и Измайловъ излилъ свою печаль въ разныхъ стихотвореніяхъ. Вообще, все, что̀ было у него на умѣ— было и на языкѣ, т.-е. въ стихахъ. Въ нихъ онъ дѣлился съ публикою самою интимною стороной своей жизни. Разъ книжка журнала его „Благонамѣренный" запоздала выходомъ въ свѣтъ на масленицѣ и Измайловъ счелъ долгомъ извиниться въ томъ предъ публикой въ слѣдующемъ двустишіи, въ которомъ онъ обвинялъ себя:

„Какъ русскій человѣкъ на праздникъ загулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ".

Мы уже говорили, что Измайловъ нападалъ на страсть къ стихамъ, которая была распространена въ современной русской литературѣ, а между тѣмъ самъ платилъ ей значительную дань. Онъ писалъ, какъ мы видѣли, на всевозможные случаи, писалъ даже въ честь тѣхъ рекрутовъ, которыхъ онъ принималъ по должности вице-губернатора въ рекрутскомъ присутствіи, сочиняя для нихъ quasi-патріотическія пѣсенки и прославляя царя-молодца, который ничего не жалѣетъ для своихъ солдатушекъ. Мадригалы дамамъ доходятъ у него до удивительно-смѣшного и наивнаго. Приведемъ одинъ, основанный на существовавшемъ тогда въ обществѣ обычаѣ цѣловать у дамъ при свиданіи руку:

---

[1]) Русск Арх 1871 г., стр 969.

„Когда, здороваясь или прощаясь съ вами,
Цѣлую ручку я у васъ,
И вы, какъ ангелъ, разсмѣясь,
Своими алыми устами
Касаетесь щеки моей—
Не помню я себя отъ радости—ей, ей!
Что чувствую, того сказать вамъ не умѣю:
Но только всякій разъ жалѣю
Зачѣмъ я не уродъ?
Зачѣмъ не на щекѣ моей ротъ?“ [1]).

Всего оригинальнѣе является Измайловъ въ качествѣ журналиста, когда онъ издавалъ свой журналъ „Благонамѣренный“ (1818—1826), тоже имѣвшій свои, конечно, не политическія, а литературныя убѣжденія. Измайловъ былъ противникомъ карамзинскаго сентиментализма, не столько впрочемъ сознательно, сколько по свойствамъ своей отчасти эпикурейской натуры. Естественно, что онъ возсталъ и противъ вошедшаго въ моду въ то время романтизма Жуковскаго, который не могъ ему нравиться своею неопредѣленостью и неясностью. Но Измайловъ относился недоброжелательно и къ такимъ тогдашнимъ явленіямъ русской литературы, которыя составляли ея дѣйствительный успѣхъ, напр. къ Пушкинской школѣ и къ занятію нѣмецкой философіей, увлекавшему многихъ лучшихъ и образованныхъ людей изъ нашихъ писателей. Настоящихъ слабыхъ сторонъ этихъ двухъ новыхъ явленій Измайловъ не могъ понять и всѣ его нападки имѣли своимъ источникомъ незнаніе. Это видно изъ того, что вся критика „Благонамѣреннаго“ держалась на самомъ пустомъ основаніи: она вовсе не касалась новыхъ понятій, входившихъ въ нашу литературу, а только новыхъ словъ, которыя не нравились нашему критику. Онъ еще не могъ выйти изъ прежнихъ французскихъ условій критики. Но о „Благонамѣренномъ“ мы будемъ еще имѣть случай говорить при обозрѣніи русской журналистики въ это время. Тогда мы познакомимся и съ борьбой Измайлова съ цензурою и съ его нападеніями на Булгарина, дѣлавшагося извѣстнымъ у насъ въ двадцатые годы. Время изданія „Благонамѣреннаго“ было самое дѣятельное въ жизни Измайлова: къ этому времени относятся главныя связи его съ современными литераторами.

Изданіе журнала Измайловъ прекратилъ почти противъ своей воли на 12 книжкѣ 1826 года. Служа съ самаго начала службы своей въ департаментѣ государственнаго казначейства, онъ, какъ видно изъ его собственныхъ стиховъ, въ послѣднее время меч-

[1]) Собраніе сочиненій. Спб. 1849, мадригалъ № 7.

талъ о должности вице-губернатора, можетъ быть и хлопоталъ о ней по начальству, такъ какъ эта должность тогда была по министерству финансовъ, но все-таки назначеніе его въ 1826 году вице-губернаторомъ въ Тверь было неожиданно для него. Издатель журнала по начальственному распоряженію переводился по службѣ изъ одного города въ другой и имѣлъ основаніе сослаться передъ своими подписчиками на высшую волю власти въ томъ, что онъ не додалъ обѣщанныхъ книжекъ. Жалѣлъ ли Измайловъ о прерванной такъ неожиданно редакторской дѣятельности? Едва ли для него, при тогдашнихъ литературныхъ условіяхъ, изданіе журнала было дорогимъ дѣломъ убѣжденія; оно давало только извѣстныя денежныя выгоды, а мѣсто вице-губернатора давало ихъ больше. Впрочемъ все же онъ жалѣлъ нѣсколько, что у него теперь будетъ меньше времени для бесѣды съ музами. „И прежде имѣлъ мало времени на служеніе музамъ, пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву; теперь велятъ совсѣмъ ихъ оставить и посвятить все время на дѣла Вакха (т.-е. откупныя). Утѣшаюсь единственно тѣмъ, что скоро возстановятся откупа и что недолго буду исправлять должность главнаго цѣловальника въ губерніи“ [1]). Дѣла служебнаго было у него очень много и онъ жаловался, что заваленъ работой, но она не мѣшала ему однако и въ Твери писать разныя веселыя стихотворенія, застольныя и другія имъ подобныя, даже воспѣвать рекрутовъ. Нѣкоторыя басни, напр. „Дворянка-буянка“, были написаны имъ въ Твери и надѣлали тамъ, по его словамъ, много шуму. „Сколько подражателей мнѣ нашлось! Семинаристы, подъячіе, купцы, мѣщане начали писать стихами. Точно какъ бы я привезъ сюда какую заразу, которая отъ меня распространилась“ [2]). По отъѣздѣ изъ Петербурга, уже безъ него, издана была вторая книжка его альманаха „Календарь Музъ“ (1-я вышла въ 1826 году). Въ Твери Измайловъ пробылъ однако недолго и въ началѣ 1828 года переведенъ на ту же должность въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ ровно годъ. Въ это время, по службѣ, онъ успѣлъ объѣхать нѣсколько отдаленныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, что видно изъ писемъ его къ среднему сыну, адресованныхъ изъ Мезени и Пинеги — о Самоѣдахъ и ѣздѣ на оленяхъ [3]). Стиховъ изъ архангельской жизни у Измайлова тоже довольно. Служба въ Архангельскѣ кончилась для Измайлова очень несчастливо, хотя мы и не знаемъ подробностей. Архангельскій генералъ-губернаторъ донесъ

---

[1]) Русск. Арх. 1871 г стр 994—995.
[2]) Ibidem, стр. 997.
[3]) Соч. т. II, стр. 521—533

на него о чемъ-то въ Петербургъ и его отставили и назначили чиновникомъ министра финансовъ, безъ жалованья, что̀ для него, при неимѣніи постороннихъ средствъ, было крайне тяжело. Онъ просилъ какъ милости, чтобъ его предали суду: по крайней мѣрѣ тогда онъ получалъ бы по закону половинное жалованье, но этого не хотѣли сдѣлать. Ему нужно было жить и содержать семейство и онъ принялся давать уроки по русской словесности, что̀ приносило ему до 150 руб. ассигн. въ мѣсяцъ. Тутъ начались болѣзни. Горячка и ея лѣченіе унесли его послѣднія финансовыя средства. „Одному Богу извѣстно, что̀ перенесъ я въ это время, пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву. Зрѣніе мое, вмѣсто того, чтобъ укрѣпляться, слабѣло только болѣе и болѣе, и я едва вовсе не лишился онаго и не потерялъ ума, отъ стеченія въ одно почти время не только многихъ непріятностей, но, можно сказать, несчастій“ [1]). Наконецъ ему дали пенсіонъ по 2 т. р. въ годъ. Измайловъ радуется, что, несмотря на происки враговъ его, онъ имѣетъ теперь вѣрный кусокъ хлѣба, и высказываетъ надежду, что Богъ, чудесно сохранившій его, возвратитъ ему со временемъ зрѣніе и прежнія умственныя способности, которыя примѣтно ослабѣли [2]). Онъ мечтаетъ еще о литературныхъ трудахъ, приготовляется къ новому изданію своихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, но смерть прекратила всѣ эти начинанія. Только два мѣсяца съ небольшимъ удалось ему получать пенсіонъ. Онъ умеръ въ январѣ 1831 года отъ апоплексическаго удара.

Такова была служебная и литературная карьера Измайлова, человѣка добраго, простодушнаго, честнаго, иногда забавнаго, но писателя и ума и образованія довольно ограниченныхъ, недалекаго, какъ называли сами друзья его и притомъ лишеннаго всякаго художественнаго таланта. Чтобъ познакомиться съ ограниченностью его ума, достаточно перечитать его проекты по общественнымъ вопросамъ, написанные имъ въ началѣ царствованія Александра. Они прошли незамѣченными, да это было и естественно, потому что они не рѣшали дѣла. Практическій смыслъ ихъ былъ невеликъ, хотя нельзя не признать въ Измайловѣ добраго сердца. Бѣдныхъ, по его способу нельзя было устроить, потому что все устройство ихъ жизни и прекращеніе нищенства онъ основывалъ на добровольномъ подаяніи, доброхотной жертвѣ, а не на правильной и постоянной организаціи опредѣленнаго сбора [3]). Въ своихъ размышленіяхъ о жалованьи и о пенсіяхъ Измайловъ хлопоталъ о бѣд-

[1]) Русск. Арх. 1871 г. стр 1002.
[2]) Ibidem.
[3]) Разсужденіе о нищихъ Соч. т. II, стр. 407—422.

ныхъ чиновникахъ, получающихъ весьма скудное содержаніе. Чѣмъ же думалъ онъ помочь имъ? онъ и тутъ разсчитывалъ на добровольную жертву и на идеальное благородство человѣческой натуры. Измайловъ предлагалъ или, скорѣе, просилъ тѣхъ отставныхъ чиновниковъ, у которыхъ есть благопріобрѣтенное на службѣ состояніе, отказаться отъ пенсій въ пользу бѣдныхъ сослуживцевъ своихъ, а богатыхъ молодыхъ людей на службѣ—не брать жалованья и пожертвовать на ту же благородную цѣль—бѣднымъ собратамъ [1]). Всякому очевидно, какъ добръ и вмѣстѣ съ тѣмъ наивенъ былъ Измайловъ.

Это былъ литераторъ добраго стараго времени, для котораго писательство, если и существовало къ нему призваніе съ молодости, было только забавою между другими болѣе цѣнимыми обязанностями, напр. служебными. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на забаву, какъ на отдохновенье послѣ другихъ, болѣе тяжкихъ трудовъ и забавлялся словами и фразами стиховъ. Оттого между его стихотворными произведеніями встрѣчаются пьесы, забавныя до нелѣпости, смѣшныя до глупости. Кажется, онъ вводилъ въ стихи свои всю житейскую свою грязь, всѣ мелочи, которыя попадались ему подъ руку въ жизни, не очень богатой содержаніемъ и впечатлѣніями, какъ жизнь всякаго чиновника, который 30 лѣтъ сидитъ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ департамента. Сфера Измайлова была анекдотъ и въ стихотворной и въ прозаической формѣ, но анекдотъ не широкаго свойства, а разсказанный у чайнаго стола какимъ-нибудь добродушнымъ и недалекимъ другомъ дома, или подслушанный въ лакейской или дѣвичьей. Содержанія на что-либо болѣе широкое у Измайлова не хватало. Потому изъ всей его довольно шумливой дѣятельности въ нашей литературѣ, нѣсколько прочную память оставилъ онъ своимъ „Евгеніемъ“, въ которомъ помимо воли автора сохранилась историческая дѣйствительность нашего отечества въ послѣдніе годы прошлаго вѣка. Замѣтимъ кстати, что „Евгеній“ не могъ быть перепечатанъ въ изданіи Смирдина „по независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ“, какъ онъ объявляетъ. Рядомъ съ „Евгеніемъ“ могутъ быть поставлены еще „Басни и Сказки“; все же остальное въ сочиненіяхъ Измайлова имѣетъ только мелкій, личный интересъ и можетъ служить развѣ характеристикою самого сочинителя и жалкой литературы, пробавлявшейся такими пустяками. Между тѣмъ приблизилось время, съ явленіями другого, болѣе мрачнаго свойства, совершенно не похожими на тотъ добродушный, веселый и наивный

---

[1]) Вчерашній день или нѣкоторыя размышленія о жалованьи и пенсіяхъ. Ibidem, стр 423—440.

міръ литературныхъ призраковъ, которыми тѣшился Измайловъ и литераторы его закала. Это время должно было разогнать радужныя мечты добродушныхъ представителей старой литературной школы, но зато своими гнетущими, печальными явленіями, оно приготовило болѣе строгій порядокъ вещей. и подъ его вліяніемъ образовалось новое поколѣніе писателей съ другимъ, не столь простодушнымъ взглядомъ на литературную дѣятельность. Наступило мрачное время реакціи; но къ чему эта реакція относилась? гдѣ у насъ были элементы для подавленія?..

ЛЕКЦІЯ XXI.

Общественное настроеніе послѣ 1812 г.—Россійское библейское общество.

Событія войны 1812 года и слѣдовавшихъ за нею европейскихъ походовъ, пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нашихъ войскъ за границею, по своему характеру и содержанію должны были необходимо имѣть вліяніе на жизнь русскаго общества и вызвать въ ней явленія, не похожія на прежнія. Въ эти годы, какъ мы уже не разъ замѣчали, послѣдовало сближеніе лучшихъ представителей нашего молодого поколѣнія съ Европой на ея собственной почвѣ, и съ Европой новою, на которой лежали глубокіе жизненные слѣды только что пережитой французской революціи. Самая основа событій нашего европейскаго похода казалась заманчивою людямъ тогдашняго молодого поколѣнія: дѣло шло о свободѣ народовъ, объ освобожденіи отъ чужеземнаго деспотическаго ига. Лучшимъ политическимъ дѣятелямъ того времени, особенно въ Германіи, которая послѣ раздробленія своего въ эпоху Вестфальскаго мира страдала подъ деспотическою властью своихъ безчисленныхъ мелкихъ владѣтелей, жившихъ какъ паразиты на счетъ крови своихъ народовъ, за паденіемъ великаго чужеземнаго тирана, казалось возможнымъ и близкимъ паденіе своихъ домашнихъ, мелкихъ тирановъ. Мечты эти казались осуществимыми, потому что сами народы пробуждались отъ тяжелаго вѣкового сна. Нѣмецкій „Тугендбундъ“, въ родѣ тайнаго общества въ эпоху освободительныхъ войнъ, раздѣлялъ эти мечты и поддерживалъ ихъ въ нѣмецкомъ обществѣ. Онѣ перешли, конечно не въ своей опредѣленной формѣ, въ это время духовнаго сближенія народовъ и къ намъ. Въ

началѣ 12-го года въ Россію приглашенъ былъ Александромъ, тогда еще не утратившимъ либеральныхъ мечтаній своей молодости, или снова ставшимъ играть ими, какъ удобнымъ орудіемъ для другихъ цѣлей,—великій прусскій патріотъ Штейнъ, который поднялъ свое отечество изъ порабощенія либеральными основами государственнаго переустройства. Для него были дороги интересы нѣмецкаго народа, а не его мелкихъ деспотовъ, хлопотавшихъ только о своихъ личныхъ выгодахъ. Искренно или притворно, Александръ, въ пригласительномъ письмѣ къ Штейну, говорилъ, что теперь (т.-е. въ виду грозящей его странѣ страшной опасности) необходимо соединиться всѣмъ друзьямъ человѣчества и либеральныхъ идей, для того, чтобъ бороться противъ варварства и рабства, грозящаго поглотить все. Искренность этихъ словъ Александра является нѣсколько сомнительною, потому что они высказывались подъ гнетомъ близящейся грозы и потому что союзъ съ либерализмомъ тогда былъ выгоденъ ему. Штейнъ, пріѣхавшій въ Петербургъ передъ самою войною 12 года и жившій тамъ около года, нашелъ русское общество въ сильномъ патріотическомъ возбужденіи. Изъ Россіи онъ хотѣлъ дѣйствовать литературнымъ путемъ, единственно возможнымъ въ то время, на пробужденіе германскихъ народовъ, при полномъ одобреніи этой дѣятельности Александромъ. Съ этою цѣлью онъ вызвалъ къ себѣ патріотическаго писателя Арндта и др., которые и стали печатать въ Петербургѣ свои воззванія къ нѣмцамъ. Подъ ихъ вліяніемъ, вѣроятно, и наша власть поняла, какое значеніе для возбужденія общества можетъ имѣть литература. На нее взглянули, какъ на орудіе, и тогда для патріотическихъ цѣлей былъ основанъ журналъ „Сынъ Отечества“ подъ редакціею ловкаго Греча. Въ немъ въ самомъ началѣ помѣщено было одно изъ воззваній Арндта [1]). Въ русскомъ обществѣ, нѣмомъ и безгласномъ, это было новое явленіе, и оно, какъ кажется, въ первый разъ дало возможность образоваться въ немъ какому-либо политическому мнѣнію. Кромѣ этого литературнаго нововведенія, которымъ мы обязаны, повидимому, прибывшимъ къ намъ въ эту замѣчательную эпоху сближенія народовъ нѣмцамъ, такой вліятельный и сильный умъ, какой былъ у Штейна, не могъ не оставить глубокихъ слѣдовъ въ впечатлѣніяхъ тѣхъ людей русскаго общества, съ которыми онъ сближался. Намъ стоитъ упомянуть только о двухъ: И. Тургеневѣ и Уваровѣ. Замѣтимъ, что Штейнъ былъ горячимъ защитникомъ необходимости освобожденія крестьянъ. Эту реформу онъ довелъ до конца въ качествѣ министра Пруссіи. Такимъ образомъ въ это время общаго возбужденія народовъ и соединенія ихъ для одной

[1]) Сынъ Отеч. 1812 г. I, стр. 1—17

цѣли, вліяніе лучшихъ умственныхъ представителей сказывалось и на нашемъ обществѣ, сначала на немногихъ лицахъ. Послѣдующія событія расширили его болѣе.

Въ русскомъ обществѣ, конечно, все зависѣло отъ власти. Во главѣ всякаго движенія, всякаго новаго фазиса государственной жизни неизбѣжно стояла воля императора. Въ эпоху европейскихъ войнъ, когда Александръ, въ сознаніи поэтовъ своихъ и чужихъ, являлся какъ „народовъ другъ, защитникъ ихъ свободы", онъ былъ расположенъ, будемъ полагать, къ чести человѣческаго сердца, искренно къ дѣлу народной свободы. Онъ стоялъ на высотѣ, на которую рѣдко попадаетъ человѣкъ, будь онъ даже императоръ. Не могъ же не найти отголоска въ душѣ его тотъ народный энтузіазмъ, которымъ онъ былъ вездѣ окруженъ: и въ Европѣ, и дома. Его дѣйствія на Вѣнскомъ конгрессѣ доказываютъ это: онъ проводитъ конституціонныя начала для возстановленной монархіи французскихъ Бурбоновъ; онъ даетъ такое же конституціонное устройство Польшѣ, забывая для нея свою страну; онъ думаетъ непремѣнно, еще при своей жизни, освободить крѣпостныхъ и пр. Надобно полагать, что вся эта масса либерализма была навѣяна на него впечатлѣніями Европы, какъ и на другихъ представителей русскаго общества.

Когда прошли эти сильно возбужденные годы и успокоилось волненіе, жизнь русскаго общества мало-по-малу стала входить въ свою прежнюю, привычную колею и стала проходить въ немъ ненависть къ французамъ и вообще къ иностранцамъ, возбужденная войною: слѣдовательно, не закрывались пути для европейскаго вліянія. Но великія событія, пережитыя недавно, должны были оставить надолго слѣдъ въ лучшихъ умахъ: они уже не могли удовлетвориться прежнею рутиною; жизнь искала выхода; мысль желала чего-то новаго, еще не ясно сознаннаго, и бросалась въ разныя стороны, чтобъ удовлетворить этому желанію и пробудившейся жаждѣ дѣятельности. Надобно было пройти годамъ, чтобъ эти новыя стремленія получили болѣе опредѣленное содержаніе. Сначала все это было неясно и смутно. Люди не понимали своихъ цѣлей и стремленій; они хватались за первое попадавшееся дѣло для того только, чтобъ удовлетворить стремленію къ дѣятельности. Нѣчто подобное русское общество пережило въ другой разъ, гораздо позднѣе, въ годы, слѣдовавшіе за восточною войною. При всей неясности цѣлей, мы видимъ, что люди добивались лучшаго. Были между ними и люди глубоко-увлеченные дѣломъ; были и другіе, которые шли подъ вліяніемъ общаго настроенія моды. Въ разныхъ начинаніяхъ, которыя сначала носили широкій, гуманный характеръ, сталкивались представители самыхъ противоположныхъ убѣжденій: и консерваторы, и либералы, и приверженцы старины

русской и поклонники европейскихъ формъ, и мистики и невѣрующіе. Они думали дѣлать общее дѣло, пока не разглядѣли другъ друга и пока благое начинаніе не было извращено въ самыхъ основаніяхъ своихъ тою партіею, которая взяла перевѣсъ при измѣнившемся направленіи правительства. Тогда они разошлись въ разныя стороны.

Намъ нужно указать сначала на нѣкоторыя общественныя явленія, которыя не могли остаться безъ вліянія на объемъ литературныхъ идей, на характеръ и направленіе литературы, вполнѣ зависящей отъ общественнаго сознанія. Мы будемъ говорить объ общественныхъ явленіяхъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько это нужно для нашей главной цѣли. Всѣ эти явленія почти одновременно выдѣляются изъ общаго патріотическаго энтузіазма, который не могъ же остаться на одномъ уровнѣ; всѣ они выражаютъ жажду дѣятельности въ возбужденномъ обществѣ, хотя въ немъ и въ самомъ началѣ можно было предвидѣть, на чьей сторонѣ останется побѣда, какое направленіе возьметъ верхъ. Въ смѣшеніи людей и понятій, послѣдовавшемъ за европейскими войнами, скоро оказался господствующимъ старинный обскурантизмъ и прежнее невѣжество. Въ войнѣ народной побѣдила патріотическая партія; она была убѣждена, что восторжествовали ея консервативныя начала, что побѣждена французская революція, глубоко ненавидимая ею за новыя основы государственной жизни и за новыя отношенія власти къ странѣ. Тогда вошли въ моду слова: якобинецъ, волтерьянецъ, фармазонъ, которыми крестили людей противоположныхъ, либеральныхъ убѣжденій. Обскурантизмъ и тупой консерватизмъ стали проявляться во всѣхъ сферахъ, вслѣдствіе соединенія въ одно цѣлое государственныхъ патріотовъ въ родѣ Шишкова и Трощинскаго, масоновъ, піэтистовъ, іезуитовъ и военныхъ генераловъ въ родѣ Аракчеева. Невѣжество и ненависть ко всякимъ реформамъ, наукѣ и мысли скоро достигли до крайнихъ предѣловъ.

На первомъ мѣстѣ по хронологическому порядку, въ числѣ новыхъ явленій русскаго общества, идущихъ вслѣдъ за его возбужденіемъ, мы должны упомянуть о Россійскомъ библейскомъ обществѣ, въ которомъ отразилось много любопытныхъ сторонъ того времени. Подробная исторія этого общества, главнымъ образомъ основанная на его собственныхъ отчетахъ, изложена весьма обстоятельно г. Пыпинымъ [1]). Въ нашемъ изложеніи мы ограничимся только общимъ обзоромъ этого явленія, такъ какъ нельзя пройти его молчаніемъ въ

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1868 г. VIII, IX, XI и XII

исторіи духовной жизни нашего отечества. Въ русскую жизнь оно все-таки вносило извѣстныя начала и тенденціи и наполняло ее непривычнымъ движеніемъ.

Библейское общество у насъ не было, однако, порожденіемъ собственнаго развитія, собственнаго дѣятельнаго отношенія мысли къ вопросу, но многія стороны русской жизни волею и неволею должны были отразиться на его исторіи у насъ. Родина настоящаго библейскаго общества, откуда и наше беретъ начало, была Англія. Эта страна свободной общественной иниціативы, съ своими богатыми средствами, съ своими нравственно-религіозными привычками, проявляющимися и въ государственной и семейной сферѣ, основала у себя общество съ цѣлью распространенія книгъ Св. Писанія на разныхъ языкахъ земного шара еще въ 1804 году. Дѣятельность его не прерывалась до настоящаго времени и въ настоящее время представляетъ громадные, изумительные результаты, конечно внѣшняго свойства. Тенденціи англійскаго библейскаго общества вытекали изъ противодѣйствія революціоннымъ идеямъ; въ нихъ отражались историческія условія страны и сильное развитіе религіозности, доказываемое существованіемъ многочисленныхъ сектъ. Мысль о распространеніи Св. Писанія между различными народами земного шара укрѣплялась въ Англіи ея торговымъ могуществомъ, ея далекими сношеніями съ разными странами свѣта и множествомъ разнообразнѣйшихъ народностей, которыя пользовались англійскими учрежденіями. Много и обще-человѣческихъ, филантропическихъ стремленій, порождаемыхъ жизнью страны съ свободными государственными учрежденіями, соединялись съ главною цѣлью англійскаго общества—съ заботою о распространеніи книгъ Св. Писанія: освобожденіе негровъ, воспитаніе простого народа, исправленіе преступниковъ и т. п., однимъ словомъ, нравственная сторона христіанства. Необходимость книгъ для народнаго воспитанія и то положеніе Библіи, по которому она является какъ бы религіозно-духовнымъ очагомъ въ семействѣ въ земляхъ протестантскихъ, главною семейною книгою — дали первый толчокъ англійскому библейскому обществу. Но оно не осталось только на англійской почвѣ. Въ немъ было много такихъ основаній для дальнѣйшаго распространенія, которыя соотвѣтствовали общему духу, общему настроенію того періода европейской исторіи и вскорѣ подобныя же общества, одно за другимъ, основываются на континентѣ. Стремленіе къ библейскимъ обществамъ совпало съ тѣмъ общимъ настроеніемъ европейскаго духа, которое обыкновенно называютъ романтизмомъ. Мы уже говорили о его неуловимомъ содержаніи; о томъ, какъ много должно было заключаться въ немъ противоположностей. Такъ и библейскія общества, вездѣ, гдѣ появлялись

они, носятъ какой-то двойственный характеръ: въ нихъ мы видимъ и піэтизмъ, часто слѣпой, и глубокую любовь къ темнымъ массамъ народа, желаніе поднять ихъ и просвѣтить. Библейское общество въ Англіи имѣло общечеловѣческій, космополитическій характеръ. Въ глазахъ первыхъ основателей этого общества и первыхъ ревностныхъ миссіонеровъ его, всѣ вѣроисповѣданія христіанскія, всѣ языки и народы земного шара имѣли равныя права на уваженіе. Эти люди отличались и широтою взгляда и терпимостью. Они мечтали, что общая проповѣдь Евангелія и распространеніе его на всевозможныхъ языкахъ соединитъ когда-нибудь всѣ народы земного шара въ одну христіанскую семью. Для такой цѣли въ Англіи существовало предпріимчивое общество, богатыя матеріальныя средства, какихъ не въ состояніи представить никакая другая страна въ мірѣ, и величайшая энергія отдѣльныхъ личностей, которая могла образоваться только подъ оригинальными историческими условіями этой страны. Ничего этого не могло быть у насъ.

При всѣхъ хорошихъ задачахъ своихъ, библейскія общества того времени, какъ всякое человѣческое дѣло, имѣли и слабыя, открытыя для нападенія, стороны. На распространеніе библіи, безъ всякихъ объясненій и примѣчаній и отличій по вѣроисповѣданіямъ, какъ того требовалъ уставъ общества, нападали съ той, довольно справедливой точки зрѣнія, что этого слишкомъ мало, что книга сама по себѣ, если она не будетъ понята настоящимъ образомъ, мало принесетъ пользы для нравственнаго воспитанія народа. Все это было, конечно, справедливо, но библейское общество и не задавалось слишкомъ много цѣлями нравственнаго воспитанія народовъ; оно хлопотало о главномъ, по его мнѣнію, орудіи этого воспитанія — Библіи. Болѣе печальную сторону библейскаго общества, особенно въ той формѣ, какъ оно привилось у насъ, составляла связь его съ реакціонными элементами, какихъ много было въ исторіи того времени. Піэтизмомъ организаторовъ библейскаго общества воспользовались ловкіе люди, преслѣдовавшіе грязныя, личныя цѣли и испортили благое въ существѣ дѣло.

Внѣшняя исторія нашего русскаго библейскаго общества представляется въ слѣдующемъ общемъ видѣ. Начало его, какъ мы сказали, надобно вести изъ Англіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей общества, пасторъ Патерсонъ явился въ Петербургѣ въ концѣ 1812 года; онъ завелъ связи въ столицѣ, и докладъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, съ проектомъ учрежденія въ Россіи библейскаго общества былъ Высочайше утвержденъ 6 декабря того же года. Въ противоположность широтѣ

дѣйствій англійскаго общества, русское могло издавать книги Ветхаго и Новаго Завѣта только на языкахъ *иностранныхъ*. Это была уступка русскимъ отношеніямъ, которая не могла не показаться странною и учредителямъ общества и самому императору. Изданіе книгъ на языкѣ славянскомъ оставалось въ вѣдѣніи Синода; о русской библіи и не упоминалось. Но вновь основанное общество смотрѣло на свою задачу съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. „Опытъ научаетъ насъ, говорилось въ проектѣ, что повсюду, гдѣ Священное Писаніе всѣми читается, оное сильно способствуетъ къ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, направляетъ человѣческія страсти къ лучшей цѣли, и болѣе, нежели что другое, споспѣшествуетъ къ исправленію сердца“ [1]). Общество хотѣло не только распространять библію, но и желало объяснять всю важность ея людямъ простымъ и стараться объ употребленіи ея при воспитаніи. Проектъ обращалъ вниманіе и на народъ, понесшій страшныя бѣдствія въ 1812 году. Общество думало дать ему въ библіи „утѣшеніе въ горестяхъ“, забывая, что онъ и не пойметъ библію. „Лишившіеся временныхъ благъ при нынѣшнихъ безпокойствіяхъ, говорилось здѣсь, тѣ, коихъ временныя утѣхи погребены въ могилѣ, не должны нуждаться въ лучшихъ утѣшеніяхъ религіи для того токмо, что у нихъ не осталось способовъ къ покупкѣ себѣ и семейству своему библіи“ [2]). Все это по смыслу проекта могло относиться только къ инородцамъ.

Въ члены общества записались первыя лица въ управленіи Имперіей. На первыхъ порахъ большую роль играли мода и увлеченіе. Деньги собирались въ значительномъ количествѣ. Комитетъ сталъ хлопотать объ открытіи отдѣленій въ другихъ городахъ Имперіи, о распространеніи круга своихъ дѣйствій. Черезъ два года послѣ открытія общества, въ немъ получили важное значеніе духовныя лица, наравнѣ съ первыми государственными людьми. Это указываетъ на то значеніе, которое придавало правительство обществу. Вотъ почему оно могло открывать съ каждымъ годомъ все новыя и новыя отдѣленія въ губернскихъ и даже мелкихъ уѣздныхъ городахъ, что дѣлалось главнымъ образомъ изъ угожденія властямъ: люди хотѣли заслужить благосклонность начальства. Только въ 1815 году возникаетъ мысль о русскомъ переводѣ Библіи, т.-е. о ея осуществленіи, потому что отказаться отъ этой мысли нельзя было и при самомъ основаніи общества. Эта мысль принадлежала самому императору. По словамъ отчета это было „внушеніе его собственнаго сердца“; онъ „захотѣлъ снять печать невразумительнаго нарѣчія“

[1]) Ibidem, VIII, стр. 658.
[2]) Ibidem, стр. 659.

съ Библіи и въ этомъ же году президентъ общества князь Голицынъ, по волѣ императора, предложилъ членамъ Синода „доставить и Россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ россійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшемъ для нихъ славянскаго нарѣчія“ [1]). При нашихъ русскихъ отношеніяхъ, при той темнотѣ и рутинности, которыя окружаютъ религіозную сторону русскаго общества, это желаніе императора было весьма смѣлымъ актомъ либерализма. Замѣчательно, что въ томъ же 1815 году, когда заговорили въ первый разъ о русской Библіи, президентъ въ отчетѣ своемъ счелъ нужнымъ упомянуть о какихъ-то тайныхъ врагахъ библейскаго общества, которые видятъ въ немъ какія-то злоупотребленія и ищутъ тайныя цѣли [2]). Русскій переводъ библіи порученъ былъ Петербургской духовной академіи, подъ главнымъ надзоромъ ея ректора—знаменитаго впослѣдствіи московскаго митрополита Филарета. Переводъ этотъ, однако, не былъ доведенъ во время существованія Россійскаго библейскаго общества до конца. Оно успѣло издать черезъ нѣсколько времени только русскій переводъ Новаго Завѣта, Псалтыри и первыхъ восьми историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Для насъ особенно важенъ тотъ фактъ, что первый починъ въ немъ положенъ былъ самимъ государемъ. Это вызвало къ нему особенный энтузіазмъ Лондонскаго библейскаго общества, весьма конечно пріятный для него. Когда онъ былъ въ Лондонѣ, то долго бесѣдовалъ въ 1814 г. съ депутаціей этого общества, въ которой были и знаменитые филантропы, какъ Вильберфорсъ. Эти англичане смотрѣли на него, какъ на „орудіе десницы Божіей къ освобожденію удрученнаго человѣчества“ [3]). Это обстоятельство еще болѣе возвысило въ глазахъ русскихъ библейскихъ членовъ значеніе дѣятельности Лондонскаго общества, на которую смотрѣли какъ на образецъ. Жившіе въ Петербургѣ агенты Лондонскаго общества, чрезвычайно дѣятельные члены въ нашемъ комитетѣ, Патерсонъ и Пиккертонъ, объѣздившіе Россію съ цѣлью посѣщенія различныхъ нашихъ провинціальныхъ комитетовъ и оставившіе въ печати подробные отчеты о своей дѣятельности въ этомъ родѣ — были посредниками между нашимъ комитетомъ и Лондонскимъ обществомъ и безъ сомнѣнія они же были указателями нѣкоторыхъ практическихъ способовъ, отличавшихъ англійскую дѣятельность и неизвѣстныхъ намъ. Въ особенности любопытно первое знакомство русскихъ членовъ со школами для бѣдныхъ, со школами воскресными и переходящими, о которыхъ, при печальныхъ

---

[1]) Ibidem, стр. 673.
[2]) Ibidem, стр. 672.
[3]) Ibidem, стр. 677.

условіяхъ нашей жизни мы никогда не слыхали, тогда какъ въ Англіи эта дѣятельность давно вытекала изъ нравственно-религіозныхъ привычекъ общества. Положимъ, что въ ту пору завести у насъ что-либо подобное, съ полною преданностью дѣлу и съ возможностью повести его на прочныхъ основаніяхъ, не изъ одного только мимолетнаго моднаго увлеченія, едва ли мечталось и самымъ передовымъ и развитымъ личностямъ нашего общества. Вспомнимъ какой печальный конецъ имѣли черезъ сорокъ лѣтъ наши воскресныя школы, обязанныя своимъ возникновеніемъ подобному же возбужденію общества послѣ великихъ историческихъ событій [1]). Но англійскіе обычные пріемы имѣли значеніе идеаловъ въ странѣ грубаго произвола и барства, въ странѣ, исполненной глубокаго презрѣнія къ человѣчеству. Это уже одно заставляетъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ. Конечно, не одному хорошему человѣку западала мечта о возможности осуществить что-нибудь подобное въ родной землѣ, хотя онъ и долженъ былъ отказаться отъ нея.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изложеніе исторіи Россійскаго библейскаго общества въ теченіе его существованія; для этого мы отсылаемъ желающихъ къ указанному сочиненію г. Пыпина. Дѣятельность общества, конечно, главнымъ образомъ заключалась въ распространеніи въ народной массѣ книгъ Священнаго Писанія, какъ на языкахъ славянскомъ и русскомъ, такъ и на языкахъ русскихъ инородцевъ, на которые тогда были предприняты, а отчасти и сдѣланы переводы. Дѣятельность общества заключалась въ увеличеніи круга своихъ дѣйствій, въ умноженіи провинціальныхъ комитетовъ и числа членовъ въ нихъ, что было не затруднительно при существованіи извѣстныхъ русскихъ порядковъ. Но не эта внѣшняя сторона дѣятельности общества должна занимать насъ, а внутренняя; какія духовныя и нравственныя силы участвовали въ немъ, что приносило оно въ русскую жизнь?

Мы замѣтили, что почти въ первые годы существованія Россійскаго библейскаго общества, въ отчетѣ его, уже встрѣчаются намеки на какихъ-то тайныхъ враговъ общества. Въ 1821 году намеки эти усиливаются. Члены общества въ отчетѣ этого года называются исполнителями божественнаго дѣла, а противники—слугами врага человѣческаго рода. На кого были направлены эти намеки—мы не знаемъ. Въ ту пору положеніе враговъ общества, находящихся въ немъ самомъ, еще не опредѣлилось; враговъ общества, со стороны либерализма,

---

[1]) По Высочайшему повелѣнію 10 іюня 1862 года воскресныя школы, возникшія у насъ въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, были повсемѣстно закрыты.

также не было тогда; обскурантизмъ и мрачный піэтизмъ общества еще не проявлялся; его дѣйствія были тогда еще таковы, что не одобрить ихъ со стороны свободной мысли было невозможно. Вотъ почему въ первоначальныхъ и послѣднихъ противникахъ общества, тѣхъ именно, которые погубили его, надобно видѣть невѣжественное духовенство и его вождей.

Знакомство народа съ прямыми источниками религіи, при вѣковомъ мракѣ, окружающемъ его религіозно-нравственную сторону жизни, казалось имъ нарушеніемъ древнихъ преданій и пугало ихъ возможностью протестантизма.

Это должно было быть такъ. Переводъ Св. Писанія справедливо назывался въ московскомъ отчетѣ общества 1822 года „величайшимъ благодѣяніемъ для народа россійскаго". Его пріобрѣтали чрезвычайно охотно и въ большомъ количествѣ; пріобрѣтали даже раскольники. И чѣмъ больше дѣло принимало такой благопріятный ходъ, тѣмъ болѣе общество наживало себѣ враговъ: „Чѣмъ ощутительнѣе дѣлаются послѣдствія распространенія спасительнаго слова Божія обращеніемъ многихъ отъ путей заблужденія, тѣмъ болѣе усматриваемъ, какъ *силы тьмы*, страхомъ возмущаемыя, стараются воспользоваться всѣми орудіями, дабы побороть сіе благое дѣло... Есть еще люди, которые, не примѣчая дивныхъ дѣлъ Божіихъ, совершающихся на лицѣ всея земли во дни наши, недоумѣваютъ и о дѣлѣ повсемѣстнаго распространенія священныхъ книгъ, — опасаются, чтобы Библія, сіе небесное сокровище, переходя въ народныя руки, не потеряла существенной цѣны своей; чтобы содержащееся въ ней, а особенно въ Ветхомъ Завѣтѣ, многое для многихъ не вразумительное, и съ нынѣшними нравами несогласное, не послужило соблазномъ для неопытныхъ"... [1]).

Вотъ гдѣ источникъ вражды къ обществу. Отъ него требовали нравственнаго отчета въ его дѣйствіяхъ и нападающимъ энергически отвѣтилъ Филаретъ, тогда увлеченный библейскимъ дѣломъ и вполнѣ ему преданный. Но скоро библейское общество не могло уже отвѣчать врагамъ своимъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, въ немъ самомъ, чрезвычайно усилившимся, и существованіе его было прекращено насильственно, какъ и весьма многихъ другихъ благихъ начинаній на нашей почвѣ, не успѣвшихъ принести и малой пользы обществу, посреди котораго они дѣйствовали, и въ самомъ первомъ періодѣ своего существованія уже извращенныхъ печальными общественными условіями нашей страны. Тѣмъ не менѣе, однако, недоконченныя дѣйствія нашего библейскаго общества, его странная

[1]) Ibidem, стр. 705.

исторія, посреди броженія неустановившихся общественныхъ элементовъ и самыхъ разнообразныхъ вліяній времени, представляетъ намъ нѣсколько любопытныхъ страницъ духовной исторіи нашей, на которыхъ являются и оригинальныя личности, и оригинальныя тенденціи, но болѣе всего—преданность личному интересу и личной выгодѣ, которымъ безстыдно и безнравственно приносится въ жертву общественное дѣло и благо своего народа. Въ нихъ познакомимся мы съ различными сторонами того времени, явленіями, которыя неизбѣжно слѣдовали за великими историческими событіями, пережитыми страной. Духовные интересы здѣсь сталкивались и перекрещивались; одни исключали другіе, но жизнь все-таки дѣлала свое; она неудержимо шла впередъ и приготовляла.

ЛЕКЦІЯ XXII.

Библейское общество. — Возстановленіе масонскихъ ложъ. — Ланкастерскія школы

Наше библейское общество просуществовало до 1824 года [1]), когда президентъ его, любимецъ императора Александра, кн. А. Н. Голицынъ, бывшій также и министромъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе личныхъ интригъ, о которыхъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ, долженъ былъ выйти въ отставку.

Мрачный взглядъ на дѣло библейскаго общества восторжествовалъ. Въ невинномъ по существу своему обществѣ стали находить антирелигіозныя и революціонныя начала. Такой взглядъ шелъ отъ невѣжественнаго и фанатическаго духовенства. Общество погибло такимъ образомъ, какъ мы увидимъ, вслѣдствіе дѣйствій внѣшнихъ враговъ. Но и въ немъ самомъ заключались такія условія, которыя дѣлали существованіе его непрочнымъ у насъ.

Библейское дѣло, если сравнить его положеніе у насъ съ тѣмъ, какое имѣло оно въ Англіи, является совершенно несогласнымъ ни съ нашими нравами, ни съ нашими историческими привычками. Въ Англіи, на своей родинѣ, оно было проявленіемъ свободной дѣятельности лицъ частныхъ, привычекъ цѣлаго англійскаго общества; у насъ оно съ самаго начала стало носить оффиціальный характеръ. Главную роль въ распространеніи дѣятельности нашего библейскаго общества играли административныя власти, безъ которыхъ въ ту пору, да

[1]) Оно просуществовало собственно до 1826 г., а въ 1824 г. палъ Голицынъ. Прим. ред.

и долго потомъ, была немыслима у насъ никакая общественная дѣятельность. Но не будь личнаго участія самого императора къ дѣлу библейскаго общества — и власти не тронулись бы. Вниманіе Александра придавало опору и жизнь нашему обществу. Только оно одно и позволило обществу быть дѣятельнымъ въ распространеніи круга своихъ дѣйствій. Свободная личная иниціатива, настоящее влеченіе къ дѣлу — могли существовать только у весьма немногихъ членовъ. Большинство ихъ влеклось къ этому дѣлу посторонними поводами, часто вовсе не безкорыстными, а именно: желаніемъ угодить власти и своему начальству. Вотъ почему этимъ людямъ такъ легко было измѣнить образъ своихъ дѣйствій, когда власть измѣнила взгляды.

При такой неблагопріятной обстановкѣ едва ли многими сознавалась та прекрасная первоначальная цѣль, которая вносила такъ много новыхъ, цивилизующихъ, неизвѣстныхъ до того элементовъ въ русское общество: желаніе прогнать религіозное невѣжество простого нашего народа, настоящее религіозное образованіе его, когда источники религіи дѣлаются доступными и понятными всѣмъ и каждому и вѣротерпимость, о которой не слыхали у насъ до того, не только между духовными лицами, но и мірянами. Все это шло изъ Англіи посредствомъ письменныхъ сношеній нашего общества съ лондонскимъ и посредствомъ личныхъ связей, такъ какъ нѣсколько весьма почтенныхъ эмиссаровъ являлось къ намъ изъ Англіи. Они-то сообщали благотворныя и образовательныя начала обществу.

Разсматривая составъ нашего библейскаго общества, членами котораго были лица изъ высшаго духовенства, какъ православнаго, такъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій и лица самаго высокаго положенія на государственной службѣ, а во главѣ ихъ—князь Голицынъ, любимецъ Александра и довѣренное лицо, человѣкъ съ истинно-религіозными наклонностями, который вездѣ, даже въ самомъ темномъ мистицизмѣ искалъ удовлетворенія своей сердечной вѣрѣ, мы приходимъ къ убѣжденію, что въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ общества не было ничего такого, что сколько-нибудь могло подтверждать яростныя и безсмысленныя обвиненія его враговъ.

Люди были преданы дѣлу и искренно желали общей пользы. Но между ними, къ несчастію общества, нашлись однако люди, которые всегда были готовы изъ личныхъ выгодъ измѣнить свои дѣйствія и убѣжденія, какъ пресловутый Магницкій. Они-то и сдѣлались главными врагами общества, распространяя на его счетъ, изъ нитриги, нелѣпыя представленія.

Если судить по тѣмъ препятствіямъ, которыя наше общество встрѣчало для своей дѣятельности вокругъ себя и внутри себя, то

мы должны отдать ему полную справедливость: оно сдѣлало относительно очень много для главнаго своего дѣла—распространенія книгъ Св. Писанія на языкѣ русскомъ и другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, хотя ему сильно вредило слишкомъ усердное мистическое направленіе, лежавшее, впрочемъ, въ основахъ духа времени и въ личныхъ наклонностяхъ самого императора и президента общества. Это не мѣшало, однако, тому обстоятельству, что въ кругъ убѣжденій членовъ нашего библейскаго общества вошла вѣротерпимость, которая облегчила положеніе раскольниковъ.

Изъ Англіи заимствовало также наше общество и человѣколюбивое направленіе, ту филантропію, которая соотвѣтствовала общему духу времени. Въ Петербургѣ основано было *Императорское человѣколюбивое общество*, президентомъ котораго былъ тотъ же Голицынъ. Въ 1816 году образовалось новое литературное общество, у котораго была также и филантропическая цѣль: это *Вольное общество любителей россійской словесности*, о которомъ мы уже не разъ упоминали. Попечителемъ его былъ тотъ же Голицынъ; въ немъ участвовало преимущественно молодое поколѣніе, которое издавало свой журналъ „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“ или „Труды Вольнаго Общества“. СПБ. 1818—1825. Благотворительная цѣль этого общества заключалась въ томъ, что деньги, выручаемыя отъ изданія, оно опредѣляло въ пособія неимущимъ ученымъ и литераторамъ. И въ этомъ, и въ другихъ обществахъ столицы принимали участіе, кромѣ князя Голицына, и другіе члены библейскаго общества. Изъ этого видно, что широкая дѣятельность англійскаго библейскаго общества получала отчасти и у насъ развитіе въ томъ же филантропическомъ направленіи. Къ числу нововведеній въ этомъ родѣ для русскаго общества вообще принадлежатъ *Ланкастерскія школы* или школы взаимнаго обученія, начало которыхъ надобно искать въ Англіи. Эти школы оказывали существенную помощь въ дѣлѣ образованія бѣдныхъ. Мы должны упомянуть также, что плодомъ дѣятельности нашего библейскаго общества явилась и особая назидательная литература, состоявшая изъ нравственно-религіозныхъ поученій въ небольшихъ книжечкахъ, распространяемыхъ за дешевую цѣну между грамотными изъ простого народа. Особою литературною дѣятельностью въ этомъ духѣ и направленіи сдѣлалась извѣстною у насъ кн. Мещерская, которую уважалъ императоръ Александръ. Она отдалась съ искреннею преданностью и увлеченіемъ этому новому у насъ дѣлу. Въ первый разъ русское общество услыхало въ этихъ трактатахъ рѣчь о вопросахъ христіанской морали не на схоластическомъ языкѣ духовенства, перемѣшанномъ славянскими словами, а на языкѣ обыденной жизни. Стали переводить у насъ тогда чѣмъ-либо замѣчательныя

сочиненія духовныхъ и другихъ вѣроисповѣданій. Таковы были проповѣди католическаго пастора Линдля (1820 г.) и книга другого католическаго пастора Госнера, книга, сдѣлавшаяся въ 1824 году обвинительнымъ пунктомъ противъ библейскаго общества. Но самымъ любопытнымъ примѣромъ того, что стремленія англійскаго библейскаго общества прививались у насъ и распространялись въ такой сферѣ, гдѣ появленіе ихъ должно было показаться чрезвычайно страннымъ многимъ не привыкшимъ людямъ, было изданіе (первое) извѣстнаго катихизиса Филарета (1823 г.), въ которомъ десять заповѣдей, символъ вѣры и всѣ тексты священнаго писанія были изложены на языкѣ русскомъ, чего уже не встрѣчалось въ позднѣйшихъ многочисленныхъ изданіяхъ „Катихизиса“. Знаменитый впослѣдствіи московскій архипастырь получилъ извѣстность своими проповѣдями въ 1812 году. При образованіи у насъ библейскаго общества Филаретъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ его и со всею энергіею поддерживалъ и приводилъ въ исполненіе собственными трудами мысль о переводѣ книгъ Св. Писанія на языкъ русскій и не по его винѣ мысль эта въ исполненіи не была доведена до конца. Мы увидимъ потомъ, что „Катихизисъ“ Филарета въ этомъ видѣ возбудилъ противъ себя жестокія нападенія враговъ общества. Съ дѣйствіями послѣдняго соединялось отчасти и мистическое направленіе, то множество переводовъ мистическихъ книгъ и сочиненій Юнга Штиллинга и Эккарсгаузена, гдѣ главнымъ дѣятелемъ являлся, какъ мы видѣли, издатель „Сіонскаго Вѣстника“ Лабзинъ. Мистицизмъ этотъ, однако, не соотвѣтствовалъ первоначальной и прямой цѣли библейскаго общества, которое возбуждало религіозно-нравственные вопросы съ совершенно другимъ содержаніемъ; напротивъ, онъ повредилъ дѣлу, испортилъ его.

Такимъ образомъ русское библейское общество, возникшее изъ подражанія англійскому, вносило въ жизнь нашего общества много вопросовъ религіозно-нравственнаго содержанія, о которыхъ никогда не было до того времени помину и которые возбуждали его къ извѣстнаго рода дѣятельности, полезной въ нѣкоторомъ смыслѣ. Человѣколюбивое и просвѣтительное отношеніе къ низшимъ, удрученнымъ общественнымъ классамъ одно уже даетъ ему право на уваженіе съ нашей стороны. Св. Писаніе на языкѣ русскомъ, т.-е. понятномъ для большинства населенія имперіи и переводы его на нарѣчія заброшенныхъ инородцевъ могли бы много сдѣлать и для распространенія христіанства въ темныхъ массахъ. Дѣло, начатое библейскимъ обществомъ такъ широко, пріостановилось и только черезъ многіе годы берутся за него, но неумѣло и робко. Но биб-

лейское общество виновато однако и съ своей стороны тѣмъ, что оно не ограничилось дѣятельностью, такъ прекрасно указанною ему его англійскимъ образцомъ, а пошло нѣсколько дальше, туда, гдѣ оно должно получить осужденіе уже не отъ своихъ собственныхъ, явныхъ и тайныхъ враговъ, а отъ суда исторіи, безпристрастнаго и свободнаго.

Темныя стороны библейскаго общества нашего происходили не отъ него самого, не отъ личностей, въ немъ участвовавшихъ, а отъ характера и жизненныхъ условій той среды, посреди которой оно дѣйствовало. Мы уже говорили, что у насъ оно не было свободнымъ соединеніемъ людей, которые внутри себя находили бы побужденіе къ дѣятельности. Чтобъ возбудить ихъ къ ней—необходимо было прямое и непосредственное участіе власти. Едва только власть измѣнила свои отношенія къ обществу и эти люди перестали заботиться о дѣлѣ, которое вовсе было чуждо имъ; они отвернулись отъ него и стали относиться къ нему враждебнымъ образомъ. Во всемъ этомъ сказались наши русскіе порядки и характеръ общества, всѣмъ намъ хорошо извѣстный. Стоитъ только вспомнить метаморфозы реалистовъ въ классики и наоборотъ. Свободное служеніе дѣлу и увлеченіе имъ въ нашихъ библейскихъ комитетахъ были большою рѣдкостью. Спѣшили угодить начальству, которое желало содѣйствовать успѣхамъ библейскаго дѣла и только. У многихъ исполнителей воли высшаго начальства ревность часто доходила до границъ нелѣпости, какъ у извѣстнаго казанскаго попечителя Магницкаго, о дѣйствіяхъ котораго мы будемъ еще говорить.

Время съ своими элементами и увлеченія частныхъ лицъ, которыя по своему значенію должны были имѣть большое вліяніе на наше библейское общество, извратили его первоначальный религіозно-нравственный характеръ и очень скоро. Увлеченіе мистицизмомъ и піэтизмъ, воцарившійся въ угоду личному настроенію Александра, были совершенно противоположны настоящимъ цѣлямъ общества. Сильное значеніе получило здѣсь именно это личное настроеніе императора. Его піэтизмъ, его чрезвычайная религіозная настроенность развились, какъ мы видѣли, вслѣдствіе глубокихъ пережитыхъ имъ впечатлѣній, отъ народныхъ бѣдствій и великихъ историческихъ событій. Весь прежній знакомый намъ либерализмъ его, его воспитаніе въ духѣ гуманныхъ идей XVIII-го вѣка и впечатлѣній отъ событій и людей, окружавшихъ его молодость, улетучивается въ неопредѣленный піэтизмъ и туманную мистику, которые весьма близко граничатъ съ реакціонными тенденціями и эти послѣднія дѣлаются теперь цѣлью Александра: ими думалъ онъ установить

на землѣ лучшій порядокъ, болѣе сообразный съ волей божественною; возстановитель падшихъ династій, унесенныхъ волнами историческихъ событій, онъ смотрѣлъ на себя какъ на избранника провидѣнія для общаго великаго возстановленія упавшихъ и подорванныхъ началъ. Это новое мистическое настроеніе всего нагляднѣе выражается въ актѣ Священнаго Союза, о реакціонномъ значеніи котораго въ политическомъ развитіи общества мы будемъ еще говорить. Александръ ищетъ религіозныхъ впечатлѣній со всѣхъ сторонъ и съ удивительною покорностью подчиняется всѣмъ впечатлѣніямъ, гдѣ онъ видитъ религіозный піэтизмъ или религіозную экзальтацію; онъ не разбираетъ даже побужденій, руководствующихъ людьми. Таковы его бесѣды въ Парижѣ съ извѣстною экзальтированною піэтисткою и пророчицею г-жею Крюденеръ, которой онъ вѣрилъ и вліянію которой подвергался. Таковы подарки его извѣстному мистическому писателю Юнгу Штиллингу, о сочиненіяхъ котораго мы уже говорили, или усердныя молитвы съ колѣнопреклоненіемъ вмѣстѣ съ квакеромъ и піэтистомъ Грелье. Если даже многому въ этихъ новыхъ увлеченіяхъ императора Александра, слывшаго въ глазахъ нѣкоторыхъ хорошо его знавшихъ людей за человѣка съ двойнымъ характеромъ, и приписывать чисто политическое значеніе, напр., желаніе сдѣлать изъ піэтизма и мистицизма орудіе политической реакціи, все же они, т.-е. эти мистическія увлеченія Александра, немыслимы безъ его личнаго настроенія. Тогда, подъ вліяніемъ новыхъ вкусовъ своихъ, онъ сталъ оказывать большое вниманіе библейскому обществу, которое естественно должно было подчиниться настроенію императора. Въ угоду ему и наперекоръ всѣмъ господствовавшимъ привычкамъ, стала распространяться и въ обществѣ русскомъ мода на мистицизмъ. Чтеніе религіозныхъ сочиненій, разсужденія о вопросахъ религіозно-нравственныхъ, молитвы съ квакерами и даже хлыстовскія *радѣнія* сдѣлались очень распространеннымъ дѣломъ. Религіи и мистицизма искали вездѣ, даже въ проповѣдяхъ католическихъ и протестантскихъ священниковъ, не брезгали и расколомъ. Многіе изъ членовъ нашего библейскаго общества были давно подготовлены къ этому мистицизму прежнею масонскою школою Новикова. И самъ онъ и главные сотрудники его въ дѣлѣ масонства были еще живы и имѣли сильное вліяніе по личному характеру своему на убѣжденія многихъ. Ихъ образъ мыслей намъ извѣстенъ: онъ состоялъ въ осужденіи всего новаго, въ недовѣріи къ новымъ стремленіямъ въ обществѣ, къ наукѣ, къ литературѣ, въ аскетическомъ взглядѣ на жизнь и въ увлеченіяхъ тѣмъ, что для увлеченныхъ казалось высшимъ проявленіемъ божественной премудрости, а для людей съ здравымъ

смысломъ—ребяческимъ легковѣріемъ. Представителемъ такихъ, впрочемъ честныхъ и искреннихъ личностей и ихъ убѣжденій въ литературѣ является уже извѣстный намъ Лабзинъ, который въ 1817 году возобновилъ свой журналъ „Сіонскій Вѣстникъ", потому что его направленіе стало пользоваться теперь одобреніемъ власти и находить читателей и почитателей. Лабзинъ получилъ даже отъ императора награду орденомъ за свой мистицизмъ и переводы Ю. Штиллинга и Эккартсгаузена. Лабзинъ былъ недоволенъ церковною стороною нашего православія, онъ искалъ въ религіи внутренняго содержанія и совершенно естественно склонялся къ мистикѣ и къ вѣрѣ въ чудеса. Его журналъ былъ выраженіемъ тѣхъ стремленій нѣкоторыхъ членовъ библейскаго общества, которыя граничили съ піэтизмомъ и мистицизмомъ. Въ числѣ усердныхъ почитателей Лабзина былъ и такой положительный умъ, какъ Филаретъ, который въ то время былъ склоненъ къ мистикѣ.

Къ великому несчастію русскаго общества, всѣ эти мистическія стремленія, при усиливающихъ значеніе ихъ обстоятельствахъ, при покровительствѣ самого императора, скоро получили перевѣсъ и значеніе правительственной системы, тѣснящей всякую мысль и всякое даже самое слабое проявленіе свободы. Настало время душной реакціи и самаго злого, невѣжественнаго обскурантизма, который господствовалъ въ послѣдніе годы царствованія Александра. Его проявленія, его дѣйствія соединяются съ министерствомъ князя Голицына, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Онъ былъ предсѣдателемъ библейскаго общества и вокругъ него сгруппировались люди, ему потакавшіе и доводившіе свое усердіе до крайнихъ предѣловъ, въ родѣ Магницкаго, который потомъ сдѣлался орудіемъ и усерднымъ исполнителемъ замысловъ тайныхъ враговъ своего бывшаго начальника и покровителя. Это придало библейскому обществу въ понятіяхъ и представленіяхъ современниковъ и въ воспоминаніяхъ послѣдующаго поколѣнія весьма непривлекательную славу разсадника самыхъ ретроградныхъ и обскурантныхъ идей. Паденіе общества, поэтому, было привѣтствуемо большою радостью со стороны либеральныхъ людей, но съ паденіемъ его обскурантизмъ не палъ однако,—напротивъ, онъ проявился съ особенною силою, хотя и въ другихъ формахъ. Обскурантизмъ этотъ былъ порожденіемъ не библейскаго общества, а духа времени и личнаго настроенія императора. О немъ, въ связи съ дѣйствіями и отношеніями къ наукѣ и литературѣ министерства князя Голицына, мы будемъ говорить особо. Теперь упомянемъ еще о нѣкоторыхъ явленіяхъ, которыя занимали русское общество послѣ великихъ европейскихъ событій и удовлетво-

ряли болѣе или менѣе возбужденному состоянію умовъ лучшихъ людей того времени.

Послѣ войны 1812 года и европейскихъ походовъ у насъ возстановлены были *масонскія ложи*. На нихъ сказались теперь и новыя вліянія главнымъ образомъ нѣмецкихъ масонскихъ ложъ и преданія стараго московскаго масонства, такъ какъ представители его были еще живы. Нѣмецкое вліяніе стало однако преобладающимъ и подобно тому, какъ въ XVIII вѣкѣ въ обществѣ московскихъ масоновъ главнымъ двигателемъ былъ профессоръ Шварцъ, такъ въ началѣ XIX вѣка вліятельнымъ лицомъ въ масонствѣ собственно Петербурга былъ извѣстный профессоръ еврейскаго языка, а потомъ философіи въ С.-Петербургской духовной академіи Фесслеръ, на котораго пало очень много разнообразныхъ обвиненій, какъ за дѣйствія, такъ и за связи его. Фесслеръ, увлеченный масонствомъ еще въ концѣ XVIII вѣка въ Германіи, очень много пользы ждалъ отъ него для общества; онъ смотрѣлъ на него, какъ на орудіе нравственнаго воспитанія. Въ Петербургѣ, куда Фесслеръ явился профессоромъ, онъ старался распространять свои масонскія убѣжденія, систему масонства, которая носитъ его имя. Но успѣхъ его преподаванія и любовь къ нему учениковъ духовной академіи, что было тогда большою рѣдкостью, возбудили зависть между профессорами, а за нею пошли и преслѣдованія. Религіозныя убѣжденія Фесслера были заподозрѣны и онъ принужденъ былъ оставить свою профессуру. Онъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ былъ предсѣдателемъ лютеранской консисторіи нѣмецкихъ колоній волжскаго края. Съ другой стороны Фесслеръ возбудилъ къ себѣ непріязнь въ масонскихъ ложахъ старыхъ представителей масонства своими нововведеніями. Но вліяніе его, вѣроятно, было значительно, если Фотій нашелъ нужнымъ проклинать его въ своихъ діатрибахъ на увлеченія тогдашняго петербургскаго общества. Разсказываютъ, что Фесслеръ посвятилъ въ масоны Сперанскаго въ 1810 году. Это было сдѣлано съ вѣдома Александра, желавшаго познакомиться съ масонскими тайнами и это было причиною вызова Фесслера въ Россію. Было время, когда Сперанскій, этотъ знаменитый практическій государственный человѣкъ, платилъ дань современному мистицизму. Это видно изъ писемъ его къ Цейеру, гдѣ онъ выражается языкомъ, напоминающимъ Лопухина, Невзорова, Лабзина и друг. Къ чести характера Сперанскаго надобно замѣтить, что онъ платилъ дань мистицизму въ то время, когда мистицизмъ не былъ еще государственной религіей у насъ, и онъ не могъ выиграть имъ ни особенныхъ почестей, ни особенныхъ наградъ. Въ мистическихъ тенденціяхъ Сперанскаго надобно видѣть вліяніе его воспитанія, его любознатель-

ность и духъ того времени. Замѣтимъ, что мистицизмъ его могъ соединяться съ широкимъ либерализмомъ.

Намъ нѣтъ необходимости входить въ разсмотрѣніе такъ называемыхъ „работъ“ масонскихъ ложъ и содержанія ихъ. Для насъ важно, что, подобно Москвѣ, Петербургъ сдѣлался теперь центромъ масонскаго движенія; въ немъ быстро увеличивалось число ложъ. Это былъ признакъ возбужденнаго состоянія общества, которое искало удовлетворенія для своей дѣятельности, за неимѣніемъ болѣе практической почвы, даже и въ мистическихъ ложахъ. Масонство сдѣлалось общимъ увлеченіемъ, модою. Въ ложахъ встрѣчаются всѣ общественные слои отъ высшаго аристократическаго класса до купцовъ и ремесленниковъ, всевозможныя профессіи и люди разнообразныхъ оттѣнковъ, мнѣній и убѣжденій политическихъ: и обскурантные члены библейскаго общества и крайніе либералы, которые потомъ составляли союзы благоденствія и другія тайныя общества.

Что же искали эти люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній и убѣжденій въ масонскихъ ложахъ? Что они находили въ нихъ и имѣло ли какой-нибудь историческій смыслъ масонство? Безспорно, что русское общество, мало развитое и теперь, тогда еще менѣе занималось интересами духовными и политическими; большинство членовъ ходило въ масонскія ложи съ тѣми же цѣлями, какъ теперь ходятъ въ клубъ, за исключеніемъ игры въ карты, но все же масонство имѣло историческое значеніе по старому преданію; прежнее преслѣдованіе придало ему значеніе, котораго оно въ сущности не имѣло, и тайна невольно влекла къ нему. Чего-то искали въ ложахъ по старой привычкѣ и разумѣется не находили. Едва ли люди выносили изъ ложъ что-нибудь другое, кромѣ туманнаго и неопредѣленнаго мистицизма, что доказывается сильнымъ распространеніемъ въ это время мистической литературы и тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ масонскихъ ложъ стояли все еще люди Новиковскихъ убѣжденій и взглядовъ, уже извѣстные намъ своими странными увлеченіями, въ которыхъ сливалось въ одно неопредѣленное и туманное цѣлое и алхимія, и магія, и каббала, и всякій подобный вздоръ. При малой умственной развитости общества, для многихъ и это нелѣпое содержаніе могло казаться чѣмъ-то значительнымъ. Съ другой стороны принадлежность къ масонству развивала въ человѣкѣ нѣкотораго рода сознаніе, что у него есть какое-то убѣжденіе, подымало его нравственное достоинство, возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Самое соединеніе въ ложѣ различныхъ возрастовъ и положеній общественныхъ, соединеніе во имя какой-то идеи, хотя и плохо сознаваемой, импонировало самымъ фактомъ своимъ. Вотъ почему и люди молодого поколѣнія, либеральныхъ убѣжденій, привыкшіе обсуждать уже политическіе и

общественные вопросы, тоже искали чего-то въ масонскихъ ложахъ. Они думали получить возможность поднимать эти вопросы и подвергать ихъ обсужденію въ такомъ значительномъ собраніи людей, какое представляли масонскія ложи. Такимъ образомъ въ нихъ проникъ политическій либерализмъ — слѣдствіе новыхъ вліяній европейскихъ. Даже военные либералы того времени, главные представители политическаго движенія 1825 года, образовали особую ложу; но масонство не могло ихъ удовлетворить и скоро наскучило, какъ своими формальностями, такъ и безсодержательностью. Оно естественно замѣнилось тайными обществами.

Рядомъ съ библейскими обществами и масонскими ложами должны быть поставлены школы взаимнаго обученія или *ланкастерскія*—тоже новое явленіе духа времени, заимствованное изъ Европы. Они находятся въ близкомъ отношеніи къ первымъ и члены библейскаго общества были ихъ покровителями у насъ сначала. Вопросы о воспитаніи народа стали на очередь, и Александръ въ 1816 году обратилъ на нихъ вниманіе и одобрилъ ланкастерскія школы за ихъ простоту и дешевизну устройства, что дѣлало ихъ особенно примѣнимыми въ нашемъ отечествѣ. Были посылаемы за границу молодые люди для изученія этихъ новыхъ способовъ обученія; въ Петербургѣ былъ образованъ особый комитетъ для введенія ихъ у насъ; образовалось, съ утвержденія правительства, цѣлое общество для учрежденія ланкастерскихъ школъ; открывалось много ихъ и для бѣдныхъ и въ полкахъ для солдатъ. Правительство заботилось о ихъ распространеніи и думало воспитать ими весь народъ въ религіозно-нравственномъ направленіи, но скоро измѣнило свой взглядъ на нихъ и стало видѣть въ нихъ, подъ вліяніемъ убѣжденій реакціи, источникъ волненій и мятежей. Такъ все скоро извращалось и гибло на нашей почвѣ.

Если эти благотворныя западныя вліянія, прививавшіяся къ нашему обществу вслѣдствіе сильнаго возбужденія его мысли историческими событіями, не удержались у насъ по разнымъ внутреннимъ причинамъ и не могли принести той пользы, которую можно было бы ожитать отъ нихъ, то съ другой стороны изъ Европы же шла къ намъ *политическая реакція*, которая нашла у насъ самую благодарную почву и вѣрныхъ исполнителей, не задумывавшихся ни надъ чѣмъ.

ЛЕКЦІЯ XXIII.

Реакціонное движеніе въ Западной Европѣ.

Мы сказали, что изъ Западной Европы, съ которою мы гораздо тѣснѣе сблизились послѣ нашихъ европейскихъ походовъ, вмѣстѣ съ развивающими общество вліяніями шла къ намъ и *реакція*, произведеніе сложной и продолжительной исторической жизни европейскихъ обществъ, но у насъ, при незначительности нашего развитія и при условіяхъ молодой еще общественности не имѣвшая достаточныхъ правъ на существованіе. Однако-жъ эта реакція надѣлала намъ много вреда и погубила много ростковъ жизни, которые не принесли никакого плода. Волею неволею, вслѣдствіе нашихъ политическихъ связей съ Европою, мы увлеклись въ эту душную и губительную атмосферу реакціи, которая составляетъ условіе всей второй половины царствованія Александра и которая, само собою разумѣется, тѣсно связана съ его личнымъ настроеніемъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ событій. Невозможно пройти безъ вниманія и не говорить въ исторіи русской мысли и умственной дѣятельности о явленіяхъ этой политической реакціи: въ XIX вѣкѣ мысль и слово такъ непосредственно соединены съ условіями политическаго устройства страны, что мы и не поймемъ ихъ безъ этого необходимаго историческаго фона. И намъ придется привести на память тѣ явленія европейской реакціи, которыя оказали свое вліяніе на нашу жизнь и на нашу умственную дѣятельность.

Время европейской реакціи, такъ сильно дѣйствовавшей на жизнь потому что власть находилась въ рукахъ могущественныхъ правительствъ, захватываетъ продолжительный срокъ, отъ окончанія революціонныхъ войнъ и паденія Наполеона до тридцатыхъ годовъ. Но слѣдствія и вліянія реакціи продолжались и долѣе этого срока. Это была полная пріостановка жизни и движенія, начавшагося французской революціей, и только случайно, порывами, вспышками неудачныхъ революцій прорывалась задавленная политическая жизнь народовъ. Явленіе реакціи въ европейскомъ обществѣ того времени, взволнованномъ сильными потрясеніями, весьма понятно. Тамъ было такъ много старыхъ преданій и учрежденій, нравы и привычки имѣли такую продолжительную исторію, было такъ много сложныхъ привиллегій и притязаній, что упорное отстаиваніе старины казалось вполнѣ естественнымъ. Источники европейской реакціи заключались въ самомъ обществѣ, въ которомъ было мало элементовъ движенія

впередъ, въ которомъ аристократія естественно стояла за свои привиллегіи, а прочіе классы имѣли очень мало политическаго и гражданскаго развитія и легко возвратились къ старому покою, изъ котораго пробуждены были на время. Слѣдовательно, реакція въ Европѣ вызывалась не одною только властью, ей помогало общество. Правительства, для своихъ выгодъ, воспользовались только реакціонными элементами въ обществѣ и повели реакцію далѣе. Тогда она превратилась въ печальную полицейскую мѣру, въ преслѣдованіе всякой живой и свободной мысли, всякаго движенія впередъ и доходила до величайшихъ нелѣпостей. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное развитіе того дѣйствія, которое имѣла на общество правительственная реакція въ Европѣ. Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ духовной исторіей этого времени, съ литературой его, съ записками современниковъ, понятно это дѣйствіе. Стоитъ только вспомнить, какое сильное, подавляющее средство находится въ цензурѣ, а она процвѣтала во всемъ своемъ безобразномъ величіи именно въ это печальное время. Реакція дѣйствовала на общество отупляющимъ образомъ. Въ немъ, при ея господствѣ, не могло быть никакихъ общественныхъ, т.-е. политическихъ интересовъ, соединяющихъ людей въ одно, наполняющихъ разумнымъ образомъ жизнь и дающихъ ей смыслъ и содержаніе. Вмѣсто интересовъ общественныхъ, людей занимали интересы эстетическіе или личные, иногда чрезвычайно мелкіе. Правда, въ это время европейской жизни мы замѣчаемъ значительное развитіе литературы, броженіе неустановившейся мысли, но въ это броженіе и уходила вся жизнь; оно не могло замѣнить собою интересовъ политическихъ, т.-е. реальныхъ, и недостатокъ жизни сказывается въ обществѣ тою неопредѣленною, романтическою тоскою, которая наполняетъ литературу.

Для европейской реакціи существовало такимъ образомъ много сложныхъ историческихъ общественныхъ причинъ, которыхъ вовсе не было у насъ для продолженія и примѣненія ея системы къ русской жизни, а между тѣмъ она сдѣлалась образчикомъ для русской реакціи и нашла печальное примѣненіе въ нашемъ обществѣ.

Ничего не было общаго между Россіей того времени и Европою, что оправдывало бы у насъ продолженіе европейской реакціи. Государственныя формы существовали и стояли у насъ также крѣпко, какъ и прежде. Революціонный переворотъ прошумѣлъ вдали, нисколько не коснувшись нашей жизни; ничто не измѣнилось у насъ и никакихъ революціонныхъ элементовъ не было въ нашемъ послушномъ и вѣрноподданомъ обществѣ.

Напротивъ, условія исторической жизни нашего отечества требовали скорѣе дѣятельнаго движенія впередъ, реформъ и реформъ,

которыя вдохнули бы жизнь въ неподвижныи организмъ государства, разъѣдаемый старыми пороками, наслѣдіемъ чуть ли не московской Руси. Потому реакція или возвращеніе къ старому и усиленная поддержка того, что̀ надобно бы было, напротивъ того, разрушить, является въ русской жизни крайнимъ безсмысліемъ и полнымъ невѣдѣніемъ настоящихъ потребностей нашей страны, безсмысліемъ, потому что власти пришлось преслѣдовать и уничтожать то, что̀ недавно она вызывала и поощряла. Поэтому, при слабости нашего общественнаго и умственнаго развитія, русская реакція оказала гораздо болѣе пагубное вліяніе на насъ и на нашу умственную жизнь, чѣмъ европейская реакція у себя, на Западѣ. Къ счастію человѣчества, при условіяхъ существовавшаго богатаго духовнаго развитія Европы, реакція тамъ не была въ состояніи остановить духъ времени и развитіе общественнаго мнѣнія. Въ Германіи, напр., существовала такая богатая умственная жизнь, такая широкая и полная содержаніемъ литература, созданная великими талантами XVIII вѣка, что дѣло реакціи оказалось скоро безсильнымъ въ этой странѣ, несмотря на то, что его поддерживали науки. Богатую умственную и литературную жизнь народа заглушить невозможно. Русской реакціи представлялся полный просторъ и никакихъ преградъ. Чтобъ имѣть право на существованіе, она должна была преслѣдовать мелочи, иногда изобрѣтать и придумывать то, съ чѣмъ бы вести ей борьбу. Нѣтъ явленія поэтому печальнѣе, безплоднѣе и нелѣпѣе русской реакціи во вторую половину царствованія Александра. Она превратилась въ печальный обскурантизмъ и преслѣдованіе мысли, слова и науки. Едва начинающееся, слабое развитіе общественное было пріостановлено надолго; нѣжные ростки заморожены.

Историческихъ, общественныхъ причинъ для русской реакціи, слѣдовательно, не было, но причины ея, при господствѣ самодержавія, заключались въ личномъ, измѣненномъ настроеніи императора Александра и въ тѣхъ эгоистическихъ, жалкихъ цѣляхъ окружавшихъ его въ это время людей, которые безстыдно, ко вреду страны, умѣли воспользоваться для себя слабостью воли и характера государя. Объ измѣненномъ настроеніи его, объ овладѣвшемъ имъ піэтизмѣ и религіозной мечтательности, какъ слѣдствіи великихъ душевныхъ потрясеній и испытаній, пережитыхъ имъ вмѣстѣ съ народомъ въ войну отечественную, — мы уже говорили. Несмотря на всю слабость своего характера и подчиненность чужимъ вліяніямъ, Александръ не вдругъ однако изъ области мистическихъ мечтаній перешелъ къ политической реакціи; не вдругъ разстался онъ съ пылкими мечтами своей молодости о благѣ человѣчества. Даже Священный Союзъ, которымъ собственно начинается дѣло европейской реакціи, союзъ на-

пуганныхъ правительствъ противъ жаждущихъ свободы народовъ, имѣлъ на первыхъ порахъ для Александра либеральную программу и на Вѣнскомъ конгрессѣ онъ одинъ защищалъ конституціонное устройство Польши и долго послѣ того поддерживалъ эту идею къ великому прискорбію и раздраженію русскихъ патріотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые эгоистически негодовали и видѣли въ этомъ предпочтеніи чужого племени презрѣніе къ своему собственному народу. Повидимому, личныя мнѣнія Александра колебались довольно продолжительное время и онъ не вдругъ пошелъ по прямой дорогѣ реакціи. Съ 1818 г. реакціонное направленіе высказывается въ немъ болѣе опредѣленно, а съ 1820 года, подъ вліяніемъ событій и европейскихъ вліяній, наступаетъ пора самой мрачной реакціи и преслѣдованій [1]). И это происходило въ ту самую пору, когда лучшіе и болѣе развитые люди русскаго общества мечтали о реформахъ въ нашей жизни, считая ихъ необходимыми въ окружающей ихъ печальной дѣйствительности. Это была грустная аномалія, тяжело отозвавшаяся на нашемъ развитіи. Причина такого настроенія императора Александра заключалась въ слабости его воли, въ незнаніи имъ Россіи, на которую онъ смотрѣлъ съ европейской точки зрѣнія; въ невинныхъ и ничтожныхъ проявленіяхъ нашего либерализма онъ хотѣлъ видѣть признаки революціи. Это было пагубное для Россіи преувеличеніе. Со времени европейскихъ войнъ и той великой исторической роли, которую Россія играла въ судьбахъ Европы, императоръ ея, занятый интересами европейской дипломатіи, какъ бы отвернулся отъ своей страны и относился къ ней только съ враждебными, реакціонными мѣрами. Онъ и жилъ мало въ Россіи, большею частью странствуя по Европѣ и принимая самое дѣятельное участіе въ тѣхъ конгрессахъ европейскихъ государей, на которыхъ ковались цѣпи рабства для народовъ и придумывались разныя мѣры, чтобъ подавить всякое проявленіе свободы. Боязнь революціи постоянно овладѣвала имъ. Въ его воображеніи носился призракъ какого-то всеобщаго заговора, захватившаго и Европу и Россію. Печальныя обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, навсегда остались въ душѣ его и увеличивали присущую ему подозрительность. Ко всему этому надобно присоединить вліяніе на умъ Александра извѣстнаго австрійскаго министра Меттерниха, который очень долгое время, во весь реакціонный періодъ и до 1848 года правилъ Австріей и пугалъ государей Европы призраками революціи, безпрестанно воюя съ духомъ времени полицейскими мѣрами и преслѣдованіями. Подчинясь

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1869 г., XII, стр 742.

его вліянію, Александръ перенесъ и въ свою страну мѣры преслѣдованія. Онъ не зналъ русской литературы, ничего не читалъ по-русски и ему были совершенно чужды пробуждающіеся въ ней умственные интересы. Два предмета исключительно занимали его вниманіе: интриги европейской дипломатіи и войско. Любимыя занятія его были смотры въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, ученія и парады. Съ глубокимъ презрѣніемъ къ народу онъ предоставилъ править Россіей такой мрачной личности, какою былъ Аракчеевъ. Душевнымъ состояніемъ Александра, его тревогами, сомнѣніями, подозрительностью и недовѣріемъ къ окружающимъ можно и должно объяснять то вліяніе на него, которое имѣли *такія презрѣнныя личности*, какъ европейскій Меттернихъ и русскій Аракчеевъ, дѣйствовавшія изъ эгоистическихъ разсчетовъ. Не безъ борьбы и колебаній рѣшался онъ идти наперекоръ прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, какъ это было въ дѣлѣ возстанія Греціи и этими колебаніями умѣлъ пользоваться Меттернихъ, который получалъ весьма значительный денежный пенсіонъ изъ Петербурга на борьбу съ разными революціонерами и карбонарами того времени. Онъ развивалъ и усиливалъ подозрительность характера Александра, такъ что къ концу царствованія эта когда-то свѣтлая личность сдѣлалась неузнаваема. Недовольство имъ и его мѣрами распространялось въ обществѣ людей образованныхъ, которые желали реформъ и даже въ войскѣ, которому не нравились крутыя мѣры Аракчеева. Въ кружкѣ такъ называемыхъ декабристовъ его личность и дѣйствія возбуждали чуть не ненависть. Въ концѣ царствованія сложилось уже о немъ самое невыгодное представленіе, какъ о деспотѣ, чрезвычайно подозрительномъ, не любящемъ ни ума, ни талантовъ, хитромъ и лишенномъ всякой искренности. Такъ измѣнилось время и обстоятельства; такъ было обмануто столько свѣтлыхъ надеждъ на лучшее устройство нашей страны.

Припомнимъ здѣсь ходъ событій и тѣ историческія черты, которыя совпали съ періодомъ нашей реакціи и изъ Европы оказывали вліяніе на нашу жизнь. Европейская реакція, какъ извѣстно, началась актомъ *Священнаго Союза*, подписаннымъ императорами русскимъ и австрійскимъ и королемъ прусскимъ, т.-е. представителями и вождями монархическаго начала. Это было въ 1815 году, но мысль о союзѣ родилась въ нихъ нѣсколько ранѣе. Источникомъ акта Священнаго Союза было то мистическое чувство, которое невольно вкрадывалось въ душу современниковъ при мысли о громадности и величіи только-что пережитыхъ событій. Вся слава побѣды надъ Наполеономъ, а слѣдовательно и надъ революціей приписывалась торжественно единому Богу. Потому для экзальтирован-

ныхъ современниковъ [1]) союзъ этотъ казался актомъ благодати христіанской, дѣйствующей во времени. Въ немъ говорилось о шаткости и непрочности прежнихъ основаній для государствъ, о новомъ правѣ политическомъ, твердость котораго не одолѣютъ и врата адовы, потому что Самъ Христосъ въ актѣ этого союза ставится главою христіанскихъ обществъ. Едва ли кому, даже и самому Александру, приходило тогда въ голову, что этотъ актъ христіанскаго смиренія, подписанный съ искреннимъ чувствомъ тремя могущественными монархами, сдѣлается скоро краеугольнымъ камнемъ и получитъ въ сознаніи народовъ самый ненавистный характеръ, такъ какъ будетъ служить орудіемъ для подавленія ихъ свободнаго развитія. Скоро печальный смыслъ этого Союза былъ разгаданъ, несмотря на либеральныя фразы, которыя заключались въ его актѣ. Священный Союзъ явился союзомъ монарховъ противъ народовъ, союзомъ монарховъ съ отжившими, но еще упорно отстаивающими свое существованіе элементами общества противъ новыхъ и живыхъ началъ его. Универсальный характеръ Св. Союза придавалъ ему еще больше значенія и распространялъ его дѣйствіе на всю Европу. Народы ея являлись какъ бы одною семьею, которая должна быть управляема однимъ отеческимъ патріархальнымъ способомъ. Онъ долженъ былъ залѣчить раны, нанесенныя французской революціей и успокоить болѣзненное волненіе умовъ. Священный Союзъ сдѣлался скоро какой-то инквизиціей, преслѣдующей свободныя стремленія народовъ. При малѣйшемъ проблескѣ гдѣ-либо свободнаго движенія били общую тревогу; монархи собирались на конгрессы и придумывали на нихъ новыя мѣры преслѣдованія или рѣшались послать военную экзекуцію къ непокорнымъ народамъ. Много рѣчей на этихъ конгрессахъ говорилось тогда о необходимости усилить полицію и цензуру. Министры видѣли вездѣ государственныя опасности, признаки революціи и пугали ими своихъ робкихъ монарховъ. Тайная связь революціонеровъ и близкая погибель государствъ и правительствъ сдѣлались общею мыслью. Особенно ненавистнымъ для монарховъ и реакціонныхъ министровъ стало слово конституція. Въ то время, когда нужно было возбудить германскіе народы противъ общаго врага—Наполеона, прусскій король самъ завелъ рѣчь о свободныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, другіе нѣмецкіе государи также обѣщали своимъ подданнымъ конституціи въ награду за тяжелыя жертвы, понесенныя ими во время освободительныхъ войнъ. Народы напрасно ждали этой благодати; обѣщанія, вызванныя силою обстоятельствъ и грозящею опасностью, слѣдовательно обѣщанія вынужденныя, не исполнялись.

---

[1]) Сперанскій. Русск Арх. 1867 г., стр. 448.

Политика Священнаго Союза смотрѣла другими глазами. Упоминаніе о конституціи въ печати считалось чуть не бунтомъ; государямъ не нравилось даже это самое слово, какъ воспоминаніе о ихъ прежней слабости. Въ такомъ смыслѣ говорилъ теперь прусскій король; всякая конституція была для него зломъ [1]).

Вел. Кн. Екатерина Павловна, покровительница Карамзина, въ письмѣ своемъ къ исторіографу, совѣтуя ему не читать германскихъ конституцій, называетъ ихъ совершеннымъ вздоромъ и съ презрѣніемъ говоритъ о національныхъ репрезентаціяхъ [2]). Съ каждымъ годомъ горизонтъ, покрывавшій политическую и умственную жизнь Европы дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе; началась глухая, продолжительная борьба реакціи съ свободными мнѣніями; свобода, пробивавшаяся только революціонными вспышками, быстро подавлялась и гибла. Разныя обстоятельства усиливали борьбу и реакціонныя мѣры. Изъ нихъ мы должны упомянуть о тѣхъ въ особенности, которыя имѣли отношеніе къ умственной жизни Европы и пагубнымъ образомъ отразились на нашемъ отечествѣ, такъ какъ на нихъ указывали и на нихъ ссылались наши реакціоперы, преслѣдуя науку и мысль и слово.

Молодое поколѣніе Германіи, особенно тѣ люди, которые принимали непосредственное участіе въ войнѣ за освобожденіе и думали, увлеченные энтузіазмомъ, что настала пора освобожденія не только отъ иноземнаго ига, но и отъ отеческаго гнета домашнихъ тирановъ, должны были сильно разочароваться, когда водворилась система реакціи и преслѣдованія. Недовольство молодого поколѣнія, обманутаго въ своихъ надеждахъ, было общее. Оно должно было проявиться такъ или иначе. Организація тайныхъ обществъ становилась естественною. Главную роль въ нихъ играли, конечно, многочисленные студенты нѣмецкихъ университетовъ. Въ 1817 году въ древнемъ замкѣ Вартбургѣ, близъ Эйзенаха, съ которымъ соединяется столько поэтическихъ воспоминаній изъ среднихъ вѣковъ и гдѣ жилъ потомъ Лютеръ, нѣмецкіе студенты устроили праздникъ въ годовщину реформаціи и въ честь освобожденія Германіи. Разумѣется, онъ носилъ либеральный характеръ и былъ полонъ заявленій, свойственныхъ молодости. На немъ было положено начало буршеншафту и между пѣснями и возгласами было сожжено нѣсколько сочиненій, проповѣдывавшихъ обскурантизмъ и реакцію и въ томъ числѣ „Исторія Германіи“ Коцебу, весьма плодовитаго писателя романовъ и комедій, а въ то время представителя реакціонной журналистики, которая

[1]) „Вѣстн Евр.“ 1869 г., XI, стр. 266.

[2]) Неизд соч. и переписка Н М. Карамзина Спб 1862, стр. 123.

нападала на либеральныя стремленія нѣмецкихъ студентовъ и просто писала доносы. Имя Коцебу было ненавистно всему либеральному молодому поколѣнію Германіи; на него смотрѣли, какъ на лицо, пишущее за деньги Россіи, которая и въ то время не пользовалась славою идти впереди общественныхъ стремленій. Экзальтированный и фанатическій іенскій студентъ Зандъ, котораго имя получило тогда громкую извѣстность, рѣшился убить Коцебу, какъ врага свободы и привелъ свое намѣреніе въ исполненіе въ 1819 году въ Мангеймѣ, гдѣ жилъ Коцебу. Вскорѣ послѣ убійства Коцебу много надѣлало въ Германіи шуму подобное же покушеніе аптекаря Ленинга умертвить президента фонъ-Ибелля изъ такихъ же мотивовъ. Эти безразсудные поступки привели въ озлобленіе реакцію.

Первымъ слѣдствіемъ ихъ были конференціи министровъ, представителей разныхъ державъ въ Карлсбадѣ, которые въ 1819 году издали свои *рѣшенія*, цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ науки, литературы, университетовъ и учащейся молодежи. Когда они были утверждены германскимъ сеймомъ и стали приводиться въ исполненіе,—все, что было лучшаго и образованнаго въ обществѣ, было оскорблено ими. Душею этихъ конференцій былъ Меттернихъ, тогда еще не имѣвшій большого вліянія на образъ мыслей императора Александра. Его министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда графъ Каподистрія, мечтавшій, какъ греческій патріотъ, объ освобожденіи своей родины, и потому стоявшій на сторонѣ либерализма. Онъ былъ противъ карлсбадскихъ рѣшеній и смотрѣлъ на нихъ, какъ на безумную мѣру, принятую необдуманно подъ вліяніемъ страха. Александръ, повидимому, раздѣлялъ его убѣжденія и не одобрялъ карлсбадскихъ рѣшеній, но ничего не сдѣлалъ противъ приведенія ихъ въ исполненіе. Другого, совершенно противоположнаго мнѣнія держался другой выходецъ съ юга Европы въ Россію, уроженецъ Молдавіи—А. С. Стурдза, занимавшій тоже видное мѣсто по министерству иностранныхъ дѣлъ, и членъ главнаго Правленія Училищъ при князѣ Голицынѣ. Онъ имѣлъ силу при дворѣ по тѣсной дружбѣ сестры своей фрейлины съ императрицею Елисаветою Алексѣевною и по уваженію, которое питалъ къ ней Александръ. Стурдза былъ близокъ къ Карамзину и Жуковскому; онъ писалъ и по-русски разныя разсужденія объ общихъ предметахъ, помѣщаемыя въ журналѣ „Соревнователь Просвѣщенія“. Во всю свою долгую жизнь (онъ умеръ въ 1854 году) Стурдза отличался крайнимъ піэтизмомъ и писалъ по-французски о православіи [1]).

[1]) „Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ“ *Чтенія* въ Импер. О-вѣ Исторіи и древностей россійскихъ 1864 г., II, 193—205.

Стурдза, несмотря на свое уваженіе къ графу Каподистріи, что̀ доказывается и біографіей знаменитаго министра, имъ написанною [1]), не раздѣлялъ, однако, его либеральныхъ убѣжденій и смотрѣлъ на событія другими глазами. Въ исторіи европейской реакціи Стурдза занимаетъ весьма видное мѣсто. Еще до убійства Коцебу и карлсбадскихъ рѣшеній онъ издалъ въ Германіи свой памфлетъ съ крайнимъ обскурантнымъ направленіемъ, возбудившій полное негодованіе всѣхъ здравомыслящихъ людей: Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne. Запискѣ этой приписывали особенное значеніе по близости ея автора къ императору Александру: извѣстно, что даже рукою его былъ переписанъ знаменитый актъ Священнаго Союза, и памфлетъ Стурдзы является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ и примѣненіемъ въ реакціонномъ смыслѣ его идей. Въ немъ современное положеніе Германіи рисуется самыми мрачными красками. Онъ смотритъ на нее, какъ на страну, обреченную гибели, именно потому, что вездѣ въ ней видитъ революціонное броженіе. Но особенно рѣзки и дики были нападенія Стурдзы на нѣмецкую литературу, на германскіе университеты, которые такъ недавно прославились своимъ патріотизмомъ, и на духъ студентовъ. На университеты смотрѣлъ онъ какъ на ненужныя развалины среднихъ вѣковъ и осыпалъ ихъ свободу и привилегіи самыми непріязненными обвиненіями, обвиняя даже науку въ безнравственности, безбожіи и революціонномъ направленіи. Студенты являлись скопищемъ крамольниковъ и заговорщиковъ, и Стурдза выставлялъ предъ нѣмецкими правительствами необходимость радикальной реформы нѣмецкихъ университетовъ, которая должна совершенно измѣнить ихъ. Реформа эта заключалась въ уничтоженіи всѣхъ привилегій университетовъ, образовавшихся ихъ долгою историческою жизнью, совершенное изъятіе студентовъ изъ-подъ юрисдикціи университета и подчиненіе ихъ общей городской полиціи, программы предметовъ, преподаваемыхъ въ университетѣ и ограниченіе въ этомъ случаѣ свободнаго выбора со стороны студентовъ, отнятіе права у корпораціи профессоровъ выбирать своихъ со членовъ и пр. Понятно, что такое нападеніе со стороны чужеземца, въ которомъ видѣли агента сильнаго русскаго правительства, на то, что̀ для всякаго нѣмецкаго патріота было всего дороже—на его университеты и корпорацію профессоровъ и студентовъ—должно было возбудить сильное негодованіе почти всего нѣмецкаго общества, за исключеніемъ обскурантныхъ министровъ. Александръ, повидимому, въ то время смотрѣлъ не совсѣмъ благосклонно на карлсбадскія конференціи, это доказываетъ его извѣстная рѣчь въ Варшавѣ, въ

[1]) Ibidem, стр. 1—192.

которой, говоря о конституціи, онъ обѣщалъ ея блага распространить и на Россію, что приводило русскую либеральную партію тогда въ восторгъ. Но скоро и онъ пошелъ уже прямо по дорогѣ реакціи; вліяніе Меттерниха усилилось, чему много способствовали разныя обстоятельства и попытки революціонныхъ движеній въ Европѣ, въ которыхъ видѣли общій заговоръ демагоговъ противъ государей, соединяя въ одно цѣлое и одинокія преступленія политическихъ фанатиковъ и справедливыя требованія цѣлыхъ народовъ. Въ началѣ 1820 года въ Испаніи вспыхнула революція, во главѣ которой стоялъ Pierro; черезъ нѣсколько недѣль фанатикъ Лувель умертвилъ наслѣдника французскаго престола, герцога Беррійскаго. Общій крикъ злобы послышался въ лагерѣ реакціонеровъ, которыхъ зловѣщія предсказанія, казалось, совершенно теперь оправдывались. Стали раздаваться голоса о необходимости подавить революцію, грозящую монархамъ со всѣхъ сторонъ, и на конгрессахъ въ Ахенѣ, Лайбахѣ, въ Троппау придумывались различныя мѣры противъ нея. Реакціонная политика торжествовала. Самое сильное впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ на душу Александра имѣлъ такъ называемый бунтъ его любимаго гвардейскаго Семеновскаго полка, вызванный жестокостью его командира въ 1820 году. Въ этомъ событіи императоръ, какъ это ясно изъ его писемъ къ Аракчееву, видѣлъ начало русской революціи и причину приписывалъ тайнымъ обществамъ. Люди воспользовались настроеніемъ Александра; доносы посыпались и передъ нами является въ нашемъ отечествѣ жалкая борьба безсмысленной власти съ ничтожною наукою и мыслью народа.

ЛЕКЦІЯ XXIV.

Отраженіе европейской реакціи въ Россіи.

Мы изложили общій ходъ европейской реакціи, которая захватила собою и нашу, ни въ чемъ неповинную страну и представила въ послѣдніе годы царствованія императора Александра печальное зрѣлище безмолвнаго, неразвитого общества, преслѣдуемаго за мнимый, несуществующій либерализмъ. Нами было упомянуто, какая существенная разница была тогда между умственною и общественною жизнью Европы и нашею, и какъ особенно вредно должна была сказаться у насъ реакція, губившая слабыя начала жизни. Дѣйствительно, у насъ не могло быть сознательной политической реакціи, какъ въ Европѣ; у насъ была просто грубая ненависть ко всякой мысли, и при нашемъ характерѣ власти, при недостаткѣ публичности, при невозможности обсуждать въ печати

возбуждаемые вопросы, понятія до того перепутались, что самое преслѣдованіе потеряло сознательный характеръ и источникомъ вражды являлась личная интрига. Это время лучше всего можетъ быть названо эпохою обскурантизма, темнаго и безсмысленнаго преслѣдованія всего живого, подъ вліяніемъ фантастическихъ страховъ революціи, тайныхъ обществъ и разнообразныхъ доносовъ, бывшихъ тогда въ большомъ ходу. Какъ спутались тогда вообще понятія, видно изъ того, что въ интригахъ того времени глава и начальникъ обскурантизма — князь А. Н. Голицынъ является вождемъ какой-то революціонной партіи въ Россіи, а на представителя самаго невѣжественнаго фанатизма—Шишкова возлагаются надежды молодыхъ либераловъ. Эта путаница понятій происходила отъ того, что мнѣнія и сужденія зависѣли не отъ внутреннихъ убѣжденій, а отъ направленія власти, отъ личныхъ интригъ и желанія подслужиться. Таково положеніе всякой страны, не имѣющей твердаго общественнаго мнѣнія.

Русскій обскурантизмъ въ тѣ годы, о которыхъ намъ приходится говорить, зависѣлъ и происходилъ и отъ самаго характера времени, въ которомъ господствовали реакціонныя стремленія, и отъ личнаго настроенія императора, испытывавшаго давленіе извнѣ, изъ Европы, и отъ того значенія, которое тогда получила въ нашемъ обществѣ мистика, пріютившаяся въ библейскомъ обществѣ, но въ особенности отъ слабости нашего образованія и умственнаго развитія вообще. Преслѣдующая мысль не находила себѣ вовсе отпора ни въ литературѣ, ни въ общественномъ мнѣніи. Литература, вполнѣ завися отъ произвола цензоровъ, была ничтожна и не могла касаться вовсе общественныхъ вопросовъ. Самые преслѣдователи не отличались умственнымъ развитіемъ и образованіемъ и, какъ мистики, ненавидѣли вообще свѣтскую науку. Для нихъ, пропитанныхъ піэтизмомъ, конечно, она представлялась дѣломъ дьявола.

Русскій обскурантизмъ свилъ первоначально гнѣздо свое въ библейскомъ обществѣ, о началѣ котораго, распространеніи и значеніи для нашего развитія мы уже говорили. Такое направленіе общества или по крайней мѣрѣ тенденціи его руководителей были причиною, что и само оно, призванное служить благой цѣли—распространенію нравственныхъ истинъ христіанства, потеряло скоро кредитъ въ глазахъ лучшихъ людей. Съ именемъ библейскаго общества стала распространяться идея невѣжественнаго фанатизма и преслѣдованія всего живого въ мысли и жизни. Мистика и піэтизмъ главныхъ руководителей общества обратились въ обскурантизмъ. Эти два направленія человѣческой мысли или человѣческаго чувства близко граничатъ съ невѣжествомъ. Мечты мистиковъ о новой фантастической церкви,

царство которой они призывали на землю, ихъ фантастическія бредни находили, конечно, больше всего препятствій въ наукѣ, образованіи и свободѣ мысли. А въ ихъ рукахъ была власть и цензура и они воспользовались этими сильными орудіями для борьбы со своими врагами. Съ своей мистической точки зрѣнія, мечтая о перерожденіи міра посредствомъ новой религіи, о возстановленіи первобытной христіанской церкви, эти люди воевали противъ того, что̀ они называли лжеименнымъ разумомъ, и противъ всего, что̀ было построено на его началахъ; такимъ образомъ, они являлись въ нѣкоторомъ смыслѣ врагами общественнаго порядка и со стороны консерваторовъ также должны были получить отпоръ. Такъ спутаны были тогда понятія.

Мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ событій въ умственной жизни этого времени и общею характеристикою лицъ, руководившихъ событіями. Самою выдающеюся личностью, вокругъ которой группируются и лица, и событія и интриги, былъ князь А. Н. Голицынъ, близкій другъ императора Александра. Личность этого человѣка, который самъ, повидимому, мало дѣйствовалъ, а заставлялъ дѣйствовать другихъ или былъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясна для изслѣдователя тогдашней эпохи, несмотря на значительное количество опубликованныхъ документовъ и множество отзывовъ о немъ. Князь Голицынъ какъ-будто стоитъ за сценою; другіе дѣйствуютъ впереди, но всякій понимаетъ, что онъ все-таки главное лицо. Князь Голицынъ, одинъ изъ бѣднѣйшихъ представителей этого размножившагося рода, былъ взятъ Екатериною ко двору еще мальчикомъ и воспитанъ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ, конечно, онъ не получилъ никакого другого воспитанія, кромѣ свѣтскаго. Мальчикомъ онъ уже показывалъ большія придворныя способности; казалось, онъ былъ созданъ для придворной жизни. Екатерина любила его за веселость, ловкость и въ особенности за искусство передразнивать людей, подражать чужому голосу, походкѣ, манерамъ, искусство, которое сдѣлало ему карьеру и котораго онъ не забывалъ и впослѣдствіи. Какъ, будучи уже Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, онъ любилъ въ знакомыхъ аристократическихъ домахъ Петербурга представлять архіереевъ и митрополитовъ въ Синодѣ [1]). При дворѣ Екатерины завязалась у Голицына самая нѣжная дружба съ Александромъ, никогда не остывавшая и прекратившаяся только со смертью Александра. Но ихъ соединяло не то, что̀ образовало дружбу между Александромъ и лицами извѣстнаго тріумвирата: не мечты о реформахъ и успѣхѣ страны, а другія причины, болѣе мелкія. Александръ любилъ Голи-

[1]) Русск. Стар 1873 г. I, стр. 40

цына за веселость, за забавныя, шутовскія выходки, и только. Тѣмъ не менѣе, дружба ихъ была крѣпка. Въ царствованіе Павла Голицынъ былъ высланъ въ Москву, по какому-то капризу, но при вступленіи на престолъ Александра онъ былъ первый призванъ ко двору и хотя не принималъ никакого участія въ задумываемыхъ и приводимыхъ тогда въ исполненіе государственныхъ преобразованіяхъ, но тѣмъ не менѣе былъ ближе всѣхъ къ государю, забавляя и развлекая его. Но Голицынъ, повидимому, не лишенъ былъ честолюбія, любилъ служебную дѣятельность и быстро подвигался вверхъ по лѣстницѣ служебной іерархіи. Въ 1805 году онъ уже былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Синода, съ такими правами и преимуществами, какими не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ 1810 году онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а въ 1817 году назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія,— первое и знаменательное соединеніе вопросовъ церкви и религіи съ вопросами науки и просвѣщенія.

Говорятъ, князь Голицынъ въ теченіе всей своей жизни отличался искреннею набожностью, которая была дѣломъ его сердечнаго убѣжденія. Эта набожность привела его къ сознанію важности вопросовъ религіозныхъ, сдѣлала его совершенно снисходительнымъ къ формѣ религіознаго вѣрованія, только бы подъ нимъ онъ видѣлъ дѣйствительное, непритворное чувство и, наконецъ, мистикомъ и поклонникомъ мистической литературы. Будучи оберъ-прокуроромъ Синода, онъ едва ли былъ доволенъ господствующею церковью, что̀ и понимали очень хорошо представители нашего духовенства. Ему было дорого только религіозное чувство, въ какой бы формѣ оно ни представлялось. Такъ, онъ съ полною вѣрою присутствовалъ на радѣніяхъ Татариновой и принималъ самъ въ нихъ участіе [1]). Такъ, снисходительно смотрѣлъ онъ на всякія раскольничьи секты. Мы думаемъ, что всѣ подобныя увлеченія князя Голицына истекали изъ его недостаточнаго образованія, изъ неразвитости его мысли. Нѣтъ никакого основанія подозрѣвать его въ неискренности и притворствѣ; при дворѣ онъ былъ извѣстенъ своимъ незлобіемъ, кротостью, желаніемъ быть подальше отъ интригъ и многочисленными благодѣяніями. Оставаясь всю жизнь холостякомъ, онъ находилъ самое полное удовлетвореніе въ вопросахъ религіозныхъ и мистическихъ. Это былъ вполнѣ, до фанатизма увлеченный человѣкъ, но при недостаточно свѣтломъ умѣ и при маломъ образованіи князь Голицынъ едва ли хорошо понималъ и свое положеніе и свои обязанности. За него и вокругъ него

[1]) XIX Вѣкъ, I, стр. 223.

дѣйствовали лица болѣе ловкія, болѣе хитрыя и самъ онъ сдѣлался скоро жертвою интриги своихъ приближенныхъ, которыхъ не умѣлъ разглядѣть во-время. И вотъ, такому-то человѣку ввѣряется управленіе умственной жизнью цѣлой страны и Голицинъ дѣлается тормазомъ просвѣщенія,—сознательно или безсознательно—трудно сказать. Дѣло ума онъ принесъ въ жертву мистицизму.

Въ области народнаго образованія, во главѣ котораго былъ поставленъ теперь князь Голицынъ, обнаружилась полная реакція противъ всего того, что было сдѣлано для просвѣщенія въ началѣ царствованія. Правда и теперь вопросъ о просвѣщеніи занималъ первое мѣсто, и теперь говорили о чрезвычайной важности и значеніи его для народной жизни, старались снова организовать его, но какая разница между тогдашними и настоящими взглядами! Теперь пришлось разрушать то, что тогда было созидаемо. Дѣйствія реакціи въ этомъ смыслѣ происходили, хотя и быстро, но очень обдуманно, потому что люди, заправлявшіе этимъ дѣломъ, думали понять смыслъ тогдашней исторіи и дѣйствовать сознательно, соображаясь съ духомъ времени и требованіями власти. Главное правленіе училищъ, бывшее и теперь, какъ и въ первую, лучшую, организаторскую пору своей дѣятельности, первымъ органомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, старалось распространить новую систему взглядовъ и мѣръ по всему государству, на всѣхъ ступеняхъ образованія, начиная главнымъ образомъ съ университетовъ. Если начала, вводимыя при учрежденіи нашихъ университетовъ, носили на себѣ слѣды времени предшествовавшаго, отзывались еще свободными тенденціями прошедшаго вѣка, то теперь, послѣ громадныхъ потрясеній, пережитыхъ европейскимъ міромъ, новыя начала просвѣщенія, долженствовавшія замѣнить собою прежнія, проникнуты были также духомъ времени, но духомъ реакціоннымъ. Прежнее, свободное развитіе ума было теперь заподозрѣно; ему не довѣряли. Мистическая основа Священнаго Союза была у всѣхъ на языкѣ; возстановленіе стараго сдѣлалось цѣлью новыхъ стремленій. Отсюда требовалось, чтобъ воспитаніе стояло твердо на почвѣ вѣры и началъ монархическихъ, чтобъ разумъ подчинялся откровенію, чтобъ единичная воля безмолвствовала передъ авторитетомъ власти. Вѣра стояла выше знанія. У научнаго изслѣдованія отнимали всякую свободу; наука должна была вовсе потерять свою самостоятельность. Весьма немногіе, твердые и сильные умы, избѣжали этого общаго настроенія и остались вѣрны свободнымъ началамъ. Большинство общества увлеклось этимъ настроеніемъ съ чрезвычайною пылкостью и на все смотрѣло съ точки зрѣнія вѣры, которая, казалось, была призвана обновить міръ. Вотъ гдѣ заключался источникъ того мистицизма, которому подчинялся безусловно импера-

торъ, который господствовалъ въ нашемъ библейскомъ обществѣ и который стали теперь вводить въ университеты, желая, чтобъ его проповѣдывали вмѣсто науки съ каѳедръ. Основы Священнаго Союза, въ которомъ говорилось о соединеніи свободы и христіанства, о всеобщемъ братствѣ народовъ, о единеніи ихъ въ истинѣ и любви, основы чисто мистическаго свойства, очень часто повторялись дѣятелями нашими по народному просвѣщенію, но въ сущности для многихъ изъ нихъ, особенно для людей хитрыхъ и ловкихъ, хлопотавшихъ только о личныхъ выгодахъ, въ родѣ Магницкаго, источникомъ дѣйствій .была политическая цѣль, та, которая развивалась въ карлсбадскихъ рѣшеніяхъ, диктованныхъ Меттернихомъ. Еще опаснѣе несогласія съ вѣрою считалось неповиновеніе властямъ. Подъ мистицизмомъ скрывалась ненависть къ либеральнымъ стремленіямъ въ обществѣ. Это, какъ мы увидимъ, совершенно открыто высказывалъ одинъ только Магницкій; другіе, напротивъ, какъ бы скрывали свои цѣли, а можетъ быть, и сами хорошо не сознавали ихъ. Лицемѣріе являлось, необходимымъ слѣдствіемъ новой системы. „Соединеніе двухъ министерствъ (т.-е. духовнаго и просвѣщенія) послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ, пишетъ къ И. И. Дмитріеву Карамзинъ, который отнюдь не былъ піэтистомъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія... Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ“ [1]). Карамзинъ вообще не сочувствовалъ этому направленію, которое надѣлало столько вреда. Несмотря на свою близость къ государю, онъ не добивался возможности имѣть вліяніе на дѣла и всегда оставался въ сторонѣ. „Я текстами не промышляю, писалъ онъ, иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ“ [2]). Зато Голицына окружали какъ въ библейскомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ постоянно президентомъ, такъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія нѣсколько личностей полу-фанатиковъ, но больше лицемѣровъ, которыя очень ловко, для своихъ личныхъ выгодъ, умѣли воспользоваться настроеніемъ времени. Таковы были Магницкій и Руничъ. Ихъ борьба съ нашими, едва возникшими университетами, которые еще не успѣли и показать своей дѣятельности, была также слѣдствіемъ европейской реакціи и тѣхъ нападеній, которыя дѣлала политика Священнаго Союза на германскіе университеты. Подъ знаменемъ религіи, при безпрестанномъ упоминаніи о ней, какъ объ основѣ всего воспитанія, окруженныя библейскими и евангельскими текстами, торжествовали идеи Меттерниха.

---

[1]) Письма. Спб 1866, стр. 204.

[2]) Ibidem, стр. 218.

Іезуитски высказывая слова христіанской любви, люди въ дѣйствительности являлись изувѣрами, фанатиками и требовали недовѣрчиваго отношенія, преслѣдованія, чуть не казни. Вмѣсто любви и справедливости, въ жизнь проводилась ненависть и лицемѣріе. Мы не говоримъ уже о наукѣ; министерство народнаго просвѣщенія въ то время не чувствовало къ ней никакого уваженія. Да это и было понятно съ мистической точки зрѣнія людей, ее преслѣдовавшихъ: она была дочь лжеименнаго разума, если была свободна и независима; въ ихъ рукахъ она должна была сдѣлаться только средствомъ, только орудіемъ. Такимъ же орудіемъ въ рукахъ этихъ людей была и религія: она превращалась въ ханжество и лицемѣріе; настоящая нравственность и религіозное чувство упали чрезвычайно. Все это было слѣдствіемъ системы, которая вела къ паденію университетовъ и къ пониженію уровня умственнаго образованія. Мысль и сколько-нибудь живое слово науки преслѣдовались самымъ наглымъ образомъ. Профессора и студенты превращались въ іезуитовъ и ханжей, желавшихъ только заслужить благосклонность начальства, но вовсе не думавшихъ объ успѣхахъ въ наукѣ. Система шпіонства и доносовъ господствовала въ полной мѣрѣ. Стоитъ прочитать хотя нѣсколько рѣчей, которыя произносились тогда на университетскихъ актахъ, чтобъ уразумѣть отталкивающій, раболѣпный характеръ, которымъ проникнулось подъ вліяніемъ системы наше ученое сословіе. Возьмемъ отрывокъ изъ казанской рѣчи, гдѣ ораторъ-профессоръ разсуждаетъ о способѣ заниматься науками: „Да будетъ началомъ моего слова всеблагій Богъ и да будетъ началомъ моего слова могущественный Александръ, исполненный толикими доблестями, сколько оныхъ цѣлая вселенная вмѣщать въ себѣ когда-либо можетъ; да приметъ начало слово мое отъ соизволенія знаменитѣйшаго нашего попечителя, который съ чрезвычайнымъ нѣкіимъ тщаніемъ трудится для возвышенія наукъ, и, соображая всѣ свои даянія съ божественными заповѣдями, подаетъ намъ примѣры достойнѣйшіе подражанія“ [1]).

Актъ Священнаго Союза легъ въ основаніе тѣхъ преобразованій, которыя задуманы были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. слѣдствія этого акта сказались и въ распространеніи библейскихъ обществъ, доставлявшихъ народу книгу, на которой, по мысли Александра, единственно можетъ основываться народное образованіе. Этимъ объясняется и назначеніе президента библейскаго общества князя Голицына — министромъ народнаго просвѣщенія и то обстоятельство, что главные дѣятели этого общества явились таковыми же и въ министерствѣ.

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 164.

Въ провинціяхъ библейское дѣло распространяли обыкновенно попечители и директоры гимназій. Мистицизмъ, который испортилъ дѣло библейскаго общества, въ угодность власти перешелъ совершенно въ вѣдомство народнаго просвѣщенія и повелъ здѣсь борьбу съ наукою. Въ актѣ Священнаго Союза встрѣчалась одна туманная, мистическая фраза, что въ Христѣ заключены и всякая наука и всякая мудрость. Изъ этой фразы вытекли самыя пагубныя слѣдствія для нашихъ университетовъ и изгнаніе изъ нихъ дѣйствительной свободной науки. Петербургскій профессоръ де-Гуровъ, изъ французовъ, который, говорятъ, былъ на своей родинѣ крайнимъ радикаломъ во время революціи, въ своей рѣчи 1823 года слѣдующими словами характеризуетъ новое направленіе университетовъ: „Развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи и общественному порядку, остановлены *священнымъ союзомъ*, открывшимъ истинный свѣтъ, и правительства поспѣшили удалить изъ преподаванія всѣ вредныя доктрины. Университеты имѣли полное право не только отвергнуть всѣ ложныя и пагубныя начала новѣйшей философіи, но и преслѣдовать ихъ и дать почувствовать всѣ ихъ вредныя слѣдствія. По всей справедливости осуждено ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными, вопреки свидѣтельству св. писанія о сотвореніи міра. Всеобщая исторія должна быть излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывалось превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми другими. Она должна изобразить постепенное разложеніе республики вслѣдствіе цивилизаціи, необходимой спутницы монархизма, и указать путь, по которому избирательныя монархіи, волнуемыя внутренними междоусобіями, въ виду неминуемой гибели, нашли свое спасеніе, силу и благосостояніе—въ монархіи наслѣдственной“... [1]). Эти слова совершенно ясно указываютъ намъ, какой характеръ приняла наука въ университетахъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ требованій. Печальное положеніе науки въ нашихъ университетахъ объясняется убѣжденіемъ, что въ университетахъ около каѳедръ замышляются революціонные планы, убѣжденіемъ, которое старался по отношенію къ нѣмецкимъ университетамъ раздуть Меттернихъ, а нѣмецкіе университеты до сихъ поръ служили намъ образцами. Теперь смотрѣли на нихъ у насъ другими глазами. Величайшимъ фанатизмомъ въ этомъ отношеніи отличался изувѣръ Магницкій. Какъ членъ главнаго правленія училищъ, онъ имѣлъ случай въ его засѣданіяхъ произносить противъ университетовъ рѣчи, исполненныя дикаго обскурантизма и примѣнять эти рѣчи на практикѣ, управляя Казанскимъ уни-

[1]) Ibidem, стр 173—174

верситетомъ. Глубокою ненавистью къ разуму, къ человѣческой мысли, ко всякому движенію впередъ дышатъ его фанатическія рѣчи:

„Тотъ самый духъ, говоритъ онъ, который у Іосифа II подъ личиною филантропіи, у Фридерика, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ подъ скромнымъ плащемъ философизма; въ царствованіе Робеспьера подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской, искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣпи всѣ страсти падшаго человѣка и преобразить землю во адъ; тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукѣ, поставилъ престолъ свой на Западѣ и хочетъ быть равенъ Богу“...

Магницкій говоритъ, что, наконецъ, водворился миръ, но этотъ миръ снова нарушенъ: „взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада!“ Вездѣ, по словамъ его, раздается кликъ: „прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны“... „Какъ не узнать, чей этотъ голосъ—отвѣчаетъ онъ самъ, съ дикимъ изувѣрствомъ и фанатизмомъ.—Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и вѣроятно скоро уже расторгнется. Послѣднее сіе, можетъ быть, нападеніе на насъ есть ужаснѣйшее, ибо оно духовное. Отъ одного конца міра до другого сообщается оно видимо и быстро, какъ ударъ электрическій, и неожиданно все приводитъ въ потрясеніе. Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“... Вся Европа въ величайшей опасности отъ развращеннаго образа мыслей и Магницкій желалъ совершенно отгородить отъ нея Россію, чтобы не проникалъ въ нее духъ злобы, т.-е. духъ дьявола. Тутъ не помогутъ арміи, а нужна оборона духовная: „благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ“ [1]). Таковы были убѣжденія, торжествовавшія въ ту пору въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Оно смотрѣло глазами карлсбадскихъ постановленій, преувеличивая еще смыслъ ихъ доморощеннымъ изувѣрствомъ. Естественно было уже не посылать въ европейскіе университеты русскихъ студентовъ для окончанія научнаго образованія и для того наше министерство увѣряло лицемѣрно, что и наши университеты достигли высокой степени въ наукѣ. Если такимъ образомъ въ глазахъ нашего министерства нѣмецкіе уни-

[1]) Ibidem, стр. 184—186

верситеты, которые до тѣхъ поръ служили намъ образцами, потеряли прежній кредитъ свой, то съ другой стороны принимались за образцы высшія французскія учебныя заведенія, сохранявшія средневѣковой католическій характеръ, еще усиленный въ то время реакціей, и наши администраторы въ университетахъ желали водворенія почти монастырскаго порядка, съ строгою дисциплиною монастыря. Чтобы имѣть самый мелкій надзоръ надъ университетами, наше министерство усилило значеніе и власть попечителей округовъ. Они являлись полновластными комиссарами правительства и деспотически распоряжались какъ судьбою профессоровъ и студентовъ, такъ и судьбою самой науки, которую очень часто не понимали. Попечители деспотически вмѣшивались во внутреннюю и внѣшнюю жизнь университетовъ; они „составляли инструкціи для преподаванія каждаго предмета, указывали руководства и способъ пользоваться ими и, наконецъ, довели свои требованія до того, что предписывали систематически доказывать несостоятельность науки, излагаемой съ университетской каѳедры, или, другими словами, преподавать науку въ обличительномъ смыслѣ“ [1]).

Соединеніе министерствъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1817 году въ лицѣ князя Голицына послѣдовало, какъ говорилось о томъ въ Высочайшемъ манифестѣ, изъ желанія „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“ [2]). Задачею дѣятельности этого новаго министерства было, повидимому, уничтоженіе всего сдѣланнаго прежде, что̀ не соотвѣтствовало теперь духу новаго времени. Особенностью новаго министерства, сравнительно съ прежнимъ, было учрежденіе при главномъ правленіи училищъ „Ученаго Комитета“, которому въ главную обязанность вмѣнено было разсмотрѣніе всѣхъ книгъ и руководствъ, предназначаемыхъ для преподаванія, и въ наставленіи, данномъ этому комитету, говорилось, чтобы онъ въ своей дѣятельности стремился къ соединенію вѣры съ вѣдѣніемъ, чего требовалъ актъ Священнаго Союза. Главнымъ лицомъ въ этомъ комитетѣ былъ піэтистъ и обскурантъ Стурдза.

Ученый комитетъ долженъ былъ, по словамъ инструкціи, „народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, *посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ* направить къ истинной, высокой цѣли, къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между *вѣрою, вѣдѣніемъ и властію*, или другими выраженіями — благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и

---

[1]) Ibidem, стр. 192.
[2]) Ibidem, стр. 193.

существованіемъ гражданскимъ“ [1]). Это соединеніе или гармонія вѣры, вѣдѣнія и власти сдѣлалось лозунгомъ тогда министерства народнаго просвѣщенія, какъ въ позднѣйшіе годы: православіе, самодержавіе и народность. У комитета была цѣлая система дѣйствій. Въ учебныхъ книгахъ о вѣрѣ онъ преслѣдовалъ всѣ умствованія, противныя повиновенію верховной и духовной власти или семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ; въ книгахъ по морали или философіи права запрещалось отдѣлять нравственность отъ вѣры, требовалось отверженіе ложнаго ученія о происхожденіи верховной власти *не отъ Бога*, а отъ условія между людьми, въ исторіи требовалось частое указаніе на дивный и постепенный ходъ Богопознанія и вѣрное соотношеніе съ исторіею священною и эпохами церкви; въ преподаваніи естественныхъ наукъ запрещались всѣ суетныя догадки о происхожденіи и переворотахъ земного шара; въ физикѣ—многія теоріи и т. п. Очевидно, этою инструкціею отнималась всякая свобода у науки и всякое ея достоинство.

ЛЕКЦІЯ XXV.

Реакція.—Магницкій.

Для лучшаго знакомства съ тою системою, которая была примѣнена у насъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ къ наукѣ и высшему преподаванію въ университетахъ, достаточно познакомиться съ дѣйствіями пресловутаго Магницкаго, оставившаго глубокій слѣдъ въ исторіи Казанскаго университета. Управленіе этимъ университетомъ и реформы и измѣненія, задуманныя въ немъ Магницкимъ въ это печальное время составляютъ чрезвычайно любопытный эпизодъ въ исторіи нашего просвѣщенія и яркимъ образомъ обрисовываютъ и систему и время, когда могли получать значеніе такія личности, какъ Магницкій, приносившія все въ жертву своимъ личнымъ интересамъ и не останавливавшіяся ни передъ какими соображеніями, чтобы добиться своей цѣли, притомъ умѣвшія удивительнымъ образомъ пользоваться и лицами и обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи Магницкій вполнѣ типичное лицо.

Магницкій, какъ кажется, происходилъ изъ рода того Магницкаго, который при Петрѣ Великомъ написалъ весьма извѣстную Ариѳметику, чѣмъ и прославился. Фамилія его была дворянская, но не пользовав-

[1]) Ibidem, стр. 195—196.

шаяся достаткомъ. Михайло Леонтьевичъ Магницкій родился въ 1778 году и тогда же записанъ былъ въ Преображенскій полкъ, куда поступилъ на дѣйствительную службу, будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1792 году. Магницкій получилъ порядочное литературное образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, которое послужило ему потомъ въ пользу. Въ пансіонѣ Магницкій былъ въ числѣ отличныхъ учениковъ, тамъ же онъ выучился писать стихи. Нѣсколько стихотвореній его, видимо ученическаго характера, съ явнымъ подражаніемъ Державину, помѣщались въ эти годы въ альманахѣ Карамзина: „Аониды“ и печатались отдѣльно [1]). Но Магницкій былъ слишкомъ честолюбивою натурою, чтобы отдаться вполнѣ литературѣ. Гораздо болѣе прельщали его успѣхи по службѣ.

Военная служба Магницкаго, по большей части въ Польшѣ, продолжалась до 1798 года. Въ пансіонѣ онъ, безъ сомнѣнія, хорошо познакомился съ иностранными языками и это облегчило ему службу по новой, избранной имъ карьерѣ—дипломатической, на которой онъ оказалъ скоро значительные успѣхи. Въ 1798 году Магницкій является чиновникомъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ и прикомандировывается къ фельдмаршалу Суворову для веденія его переписки [2]). По окончаніи войны и заключенія мира, Магницкій воротился въ Петербургъ, но вскорѣ, въ качествѣ довольно важнаго чиновника при нашемъ послѣ графѣ Марковѣ, онъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ оставался два года. Это парижское пребываніе Магницкаго было лучшимъ временемъ его жизни. По разсказамъ и по запискамъ современниковъ, Магницкій и въ Парижѣ и по возвращеніи въ Петербургъ былъ самымъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ современнаго льва, о которомъ говорили въ свѣтскомъ обществѣ. Магницкій самъ любилъ передавать, что на него обратилъ даже вниманіе первый консулъ Бонапарте и пророчилъ ему въ будущемъ блестящую карьеру [3]). Обширное поле для честолюбія Магницкаго открылось по вступленіи на престолъ Александра, когда начались преобразованія во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности и когда реформы администраціи, произведенныя Сперанскимъ, выдвигали быстро впередъ сколько-нибудь дѣятельныхъ и образованныхъ людей; въ послѣднихъ крайне тогда нуждались.

Какимъ образомъ сошелся Магницкій съ Сперанскимъ — неизвѣстно, но онъ потомъ раздѣлилъ его печальную участь. Безъ сомнѣнія, Сперанскій имѣлъ случай рекомендовать государю своего тогдашняго

---

[1]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 1702—1704.

[2]) „Показанія Магницкаго“. XIX вѣкъ, I, стр. 235.

[3]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 1704.

друга. Магницкій началъ новую служебную дѣятельность свою въ 1803 году во вновь образованномъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ— начальникомъ отдѣленія. Вскорѣ, однако, способности выдвинули его впередъ. По словамъ самого Магницкаго, еще въ 1804 и 1805 годахъ онъ исполнялъ уже важныя, лично сдѣланныя ему порученія государя. Онъ ѣздилъ въ Псковъ для разслѣдованія дѣйствій тамошняго губернатора, обвинявшагося въ лихоимствѣ, и, по его выраженію, „для открытія заговора“ въ Вильну. Если вѣрить словамъ его, то онъ тогда еще представилъ государю донесеніе о сильномъ развитіи въ Виленскомъ университетѣ чисто польскихъ тенденцій, при чемъ не убоялся гнѣва сильнаго тогда князя Чарторыжскаго, попечителя Виленскаго университета и личнаго друга императора. Доносъ Магницкаго, несмотря на то, что ему дали орденъ за исполненіе порученія, былъ неудаченъ. Дѣйствовало ли вліяніе князя Чарторыжскаго или Магницкій самъ уже слишкомъ пересолилъ, только доносъ обратился во вредъ ему. Магницкій, по его словамъ, осужденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на черную канцелярскую работу. Но онъ ловко успѣлъ подняться, вѣроятно, по тому политическому чутью, которымъ онъ былъ одаренъ, хотя оно иногда и обманывало его. Какъ бы предчувствуя близкое измѣненіе политическаго направленія, Магницкій, въ противность мнѣніямъ и убѣжденіямъ друга и покровителя своего Сперанскаго, написалъ, говорятъ [1]), очень смѣлое, полное огня и одушевленія письмо къ Александру по поводу Тильзитскаго мира, въ которомъ онъ нападалъ на политику Наполеона, выставляя всю ея враждебность къ Россіи и предсказывая близкое вторженіе французовъ. Вѣроятно, мысли этого письма были сходны съ мыслями „Записки“ Карамзина. Письмо это, повидимому, произвело впечатлѣніе на Александра; Магницкій былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и сдѣланъ статсъ-секретаремъ; въ новомъ званіи и по важности порученнаго ему дѣла, онъ лично докладывалъ государю. Магницкій мечталъ о еще высшемъ служебномъ положеніи, его честолюбіе было безгранично, какъ вдругъ катастрофа, постигшая Сперанскаго, увлекла и его. До сихъ поръ, кажется, Магницкій своимъ возвышеніемъ по службѣ былъ обязанъ вообще Сперанскому, который оцѣнилъ его умъ и способности, но не понялъ хорошо его душевныхъ качествъ. Магницкій былъ близкимъ человѣкомъ къ Сперанскому и принадлежалъ къ числу его домашнихъ собесѣдниковъ. По воспоминаніямъ дочери Сперанскаго, Магницкій былъ блестящимъ остроумцемъ въ ихъ интимномъ кружкѣ, отличался умомъ тонкимъ и колкимъ въ соединеніи съ чрезвычайною

---

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 216.

веселостью и насмѣшливостью [1]), но все это постепенно исчезало по мѣрѣ возвышенія его по лѣстницѣ служебной іерархіи. Теперь исключительною думою его было личное честолюбіе и едва ли не оно было причиною, что Магницкій, какъ бы предчувствуя близкое паденіе Сперанскаго, сторонился отъ прежняго своего покровителя. Неблагодарность есть обычное свойство натуръ честолюбивыхъ. Есть свидѣтельство, что Магницкій даже отчасти способствовалъ паденію Сперанскаго [2]), но это не спасло его однако отъ одновременной ссылки въ мартѣ 1812 года. Магницкій былъ привезенъ въ Вологду съ фельдъегеремъ и прожилъ тамъ до 1816 года, т.-е. до того времени, когда и Сперанскому облегчено было изгнаніе. Дружба ихъ однако не прерывалась и Сперанскій переписывался съ Магницкимъ во все время жизни послѣдняго въ Вологдѣ и даже пересылалъ ему деньги, такъ какъ у Магницкаго не было никакихъ своихъ средствъ, а было семейство. Эта дружба продолжалась нѣсколько времени и послѣ, но съ 1818 года, именно съ того времени, когда Магницкій сблизился съ княземъ Голицынымъ, прекратилась [3]). Что̀ соединяло Сперанскаго и Магницкаго? Какіе общіе планы преслѣдовали они и какимъ образомъ оба они подверглись въ одно время ссылкѣ въ 1812 году, повидимому, по одному и тому же дѣлу? Объ этомъ существуетъ множество предположеній, но ничего вѣрнаго. По всей вѣроятности, Магницкій пострадалъ въ качествѣ ближайшаго человѣка къ Сперанскому. Знаменитый реформаторъ искренно и долго любилъ Магницкаго, до тѣхъ поръ, когда или Магницкій совершенно измѣнился, или Сперанскій составилъ о немъ опредѣленное понятіе, которое уже мѣшало продолженію дружбѣ между ними. Во время ссылки Сперанскій заботился о своемъ другѣ. Онъ писалъ къ Аракчееву, что онъ не знаетъ, въ какой степени и въ чемъ судьба его связана съ Магницкимъ, но если дѣйствительно связь эта существуетъ, то, говорилъ онъ, „не могу и не долженъ я ничего желать для себя, не желая и не прося равнаго и для него“ [4]). Магницкаго мы знаемъ по его обскурантнымъ рѣчамъ, по его дѣйствіямъ въ Казанскомъ университетѣ и по позднѣйшимъ его сочиненіямъ, но нравственный обликъ этого страннаго человѣка мы можемъ лучше всего узнать изъ обширной переписки Сперанскаго [5]). Сперанскій, конечно,

---

[1]) Бар. Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго, I, стр. 278—279.

[2]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 216.

[3]) Русск. Арх. 1867 г., стр. 1664—1666.

[4]) Русск. Арх. 1871 г., стр. 1202.

[5]) Русскій Архивъ 1868—1871 гг. Текстъ Сборника „Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго“. Спб. 1872 г.

хорошо зналъ своего прежняго друга, онъ очень интересовался его судьбою, а потому часто упоминалъ о немъ въ письмахъ.

Въ 1816 году Магницкій былъ возвращенъ изъ ссылки также съ фельдъегеремъ и привезенъ въ Грузино, имѣніе тогдашняго временщика Аракчеева—для оправданія. Въ Вологдѣ умерли у него жена и дочь. Магницкому дали значительное количество денегъ, возвратили ему пенсіонъ за все время ссылки и назначили вице-губернаторомъ въ Воронежъ. На этомъ мѣстѣ онъ оставался очень недолго. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ написалъ доносъ на губернатора, доносъ, по отзыву Сперанскаго, совершенно справедливый. Губернаторъ былъ грабителемъ и имѣлъ сильное покровительство, разумѣется, за деньги, въ Петербургѣ. Магницкій ведетъ себя, пишетъ Сперанскій, какъ рыцарь настоящій, безъ страха и упрека, но онъ сравниваетъ его съ Донъ-Кихотомъ, которому не можетъ пособить все благородство его поведенія, говоритъ, что несчастіе сдѣлало его прямѣе, но и несговорчивѣе, что онъ мечтатель, хоть мечты его совершенно нравственныя. Сперанскій видѣлся съ нимъ въ Москвѣ и передаетъ, что свиданіе это удвоило его уваженіе къ нему, но вмѣстѣ съ тѣмъ утвердило его въ мысли—нигдѣ не имѣть съ нимъ никакой связи, потому что онъ созданъ для другого міра и не годится для нашего. Сперанскій, повидимому, хочетъ сказать, что онъ человѣкъ не практическій и что воронежскіе поступки его составятъ ему репутацію человѣка сварливаго и неугомоннаго, но считаетъ его совершенно правымъ [1]). Въ половинѣ 1817 г. Магницкій былъ назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ, губернію по сосѣдству съ Пензою, которою управлялъ тогда же Сперанскій. Проѣздомъ въ Симбирскъ, онъ навѣстилъ своего друга [2]). Магницкій былъ доволенъ своимъ назначеніемъ, но неуживчивость и сварливость его характера испортили его симбирскія отношенія очень скоро. Сперанскій, разсказывая о его подвигахъ въ качествѣ симбирскаго губернатора, о томъ, что онъ переловилъ шайку разбойниковъ, обнаружилъ расхищеніе казны и предалъ суду много чиновниковъ, продолжаетъ отзываться о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, даже извиняетъ его запальчивость, но боится, что дѣйствія его увеличатъ число враговъ его, потому что у него на роду написано бороться съ злоупотребленіями [3]). Слова Сперанскаго скоро оправдались. Магницкій нажилъ себѣ новыхъ враговъ, и много непріятностей, такъ что принужденъ былъ проситься въ отставку, но ему дали отпускъ въ Петербургъ [4]). Сперанскій все еще принимаетъ въ немъ участіе, совѣтуя

[1]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 1134—1135.
[2]) Ibidem, стр. 1143.
[3]) Ibidem, стр. 1145—1146.
[4]) Ibidem, стр. 1154.

ему сдерживаться, быть скромнымъ и молчаливымъ. Онъ увѣренъ, что сердце его исполнено добра и страха Божія, но что у него злой языкъ [1]). Онъ думаетъ, что ему вовсе не слѣдуетъ возвращаться изъ Петербурга въ Симбирскъ, гдѣ всѣ предубѣждены противъ него и что управленіе губерніей невозможно, при общей къ нему ненависти [2]). Магницкій и не вернулся въ Симбирскъ, а остался въ Петербургѣ, гдѣ ему тогда въ 1819 году открылась новая служебная дѣятельность по министерству народнаго просвѣщенія, сдѣлавшая потомъ столь извѣстнымъ его имя. Къ этому времени относится и новый, измѣнившійся взглядъ Сперанскаго на своего прежняго друга, въ которомъ онъ принималъ такое дѣятельное сердечное участіе. Сперанскій говоритъ, что гораздо лучше каждому изъ нихъ идти своею тропинкою и не вмѣшиваться въ дѣла другого [3]). Онъ начинаетъ жаловаться на Магницкаго, говоритъ, что лихая жена его (вторая, француженка) лишила его довѣренности Магницкаго, и вполнѣ недоволенъ образомъ и характеромъ его управленія губерніей, гдѣ возстало противъ него мнѣніе общества, выражавшее мысль, что Магницкій присланъ въ Симбирскъ для своего оправданія, а онъ дѣйствуетъ единственно какъ бы съ цѣлью выслужиться [4]). Предсказаніе Сперанскаго, что Магницкій путается и запутается—сбылось. „Строптивость удивительная“—говоритъ о немъ Сперанскій и прибавляетъ, что единственный выходъ для него изъ губернаторства есть отставка [5]).

Около того времени, какъ Магницкій оставилъ свое симбирское губернаторство и открыто перешелъ въ лагерь мистиковъ и обскурантовъ—Сперанскій прерываетъ съ нимъ всякія сношенія и старается быть отъ него подальше. Разрывъ этотъ произошелъ, безъ всякаго сомнѣнія, не изъ за того, что Магницкій сдѣлался вдругъ мистикомъ и обскурантомъ, а изъ чувства самосохраненія со стороны Сперанскаго, который давно уже жаловался на неугомонный языкъ своего друга и боялся, что его рѣчи могутъ повредить и ему въ его неопредѣленномъ служебномъ положеніи. „Я съ нимъ совершенно кончилъ и навсегда, пишетъ онъ къ своему другу Столыпину, мои сношенія, кои впрочемъ во все сіе время чуть-чуть тянулись. Онъ отжилъ и самъ сіе чувствуетъ. Онъ не можетъ желать, да, по счастью, и не желаетъ ничего, кромѣ насущнаго хлѣба и уединенія или самой простой инвалидной службы“ [6]). Сперанскій былъ

---

[1]) Ibidem, 1871 г., стр. 434.
[2]) Ibidem, стр. 444—445.
[3]) Ibidem, стр. 447.
[4]) Ibidem, 1869 г., стр. 1694.
[5]) Ibidem, стр. 1696.
[6]) Ibidem, стр. 1701.

прежде всего человѣкъ практическій, но въ этомъ случаѣ онъ совершенно ошибался. Повидимому, онъ не подозрѣвалъ честолюбивой натуры Магницкаго. Что не различіе убѣжденій разъединило обоихъ, видно изъ словъ самого Сперанскаго: „Я не знаю, почему угодно ему меня приплетать къ своимъ разсказамъ и симбирскіе свои подвиги называть общимъ нашимъ дѣломъ“—пишетъ онъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ смѣтку и намѣреніе и считалъ это неблагодарнымъ и несправедливымъ. Сперанскому кажется, что для него будетъ гораздо выгоднѣе брань Магницкаго, нежели похвала. „Что онъ мнѣ вредитъ и растравляетъ своею запальчивостью раны почти уже закрытыя (т.-е. негодованіе на него государя) и съ толикимъ трудомъ залѣченныя, въ этомъ не имѣю я сомнѣнія. У меня сердце вѣщее. Я предчувствовалъ всѣ послѣдствія появленія его въ Петербургѣ. И сколько тутъ глупостей! Сколько шаговъ совершенно необдуманныхъ“ [1]). Вотъ почему и въ интимныхъ письмахъ къ своей дочери онъ совѣтуетъ ей быть какъ можно осторожнѣе съ Магницкимъ и держаться отъ него и жены его какъ можно дальше [2]), избѣгать даже съ нимъ разговоровъ [3]). Сперанскій очень доволенъ новымъ служебнымъ успѣхомъ Магницкаго по другой съ нимъ дорогѣ и радуется, что это развяжетъ ихъ наконецъ совершенно [4]). Съ точки зрѣнія практическаго администратора и человѣка Сперанскій совершенно осуждаетъ характеръ управленія Магницкимъ Симбирской губерніей: „Что это за религія, которая дозволяетъ жить во враждѣ и злословіи со всѣмъ родомъ человѣческимъ!—пишетъ онъ. Воевать на цѣлыя провинціи! Порицать цѣлыя сословія, тогда какъ въ сихъ сословіяхъ есть люди весьма почтенные, весьма добрые, но ихъ не могъ онъ ни знать, ни предполагать потому только, что ихъ не искалъ. Я бы не кончилъ, если бы обратился на симбирское его управленіе“ [5]). Какъ объясняетъ самъ Магницкій, сильную ненависть возбудилъ онъ къ себѣ въ Симбирскѣ со стороны помѣщиковъ, преслѣдуя злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ: это-то и возмущало Сперанскаго, въ ту пору желавшаго со всѣми и со всѣмъ на свѣтѣ ладить. Магницкій въ своей запискѣ говоритъ, что онъ предалъ суду за тиранство восемь помѣщиковъ и въ томъ числѣ одного богача Наумова, который употреблялъ для истязанія желѣзную шапку въ 16 фунтовъ. Разумѣется дворянство всей губерніи закричало противъ губернатора. Оно видѣло въ Магницкомъ предателя собственнаго своего сословія изъ преданности къ правительству.

---

[1]) Ibidem, стр. 1974—1975.
[2]) Ibidem, 1868 г, стр. 1161 и 1167.
[3]) Ibidem, стр. 1163.
[4]) Ibidem, стр. 1194—1195.
[5]) Ibidem, 1869 г., стр. 1975.

Главныя обвиненія шли на Магницкаго со стороны дворянства, но и сословіе чиновниковъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за взяточничество, прославило его вообще какъ человѣка жестокаго и злонамѣреннаго. Трудно сказать, насколько искренности и желанія общей пользы было въ дѣйствіяхъ Магницкаго, возстановившаго противъ себя всю губернію. Судя по отзывамъ Сперанскаго, можно положительно сказать, что онъ дѣйствовалъ искренно, что такъ дѣйствовать побуждала Магницкаго, по его собственному выраженію, его „неугомонная совѣсть“. Дѣло только въ томъ, что при своемъ строптивомъ, властолюбивомъ характерѣ, при презрѣніи къ людямъ, особенно въ провинціи, гдѣ онъ не встрѣчалъ никого себѣ равнаго, Магницкій пересаливалъ въ своей дѣятельности и шелъ далѣе даже того, чего требовала власть. Сперанскій, болѣе ловкій, сравнивалъ его борьбу съ дѣйствіями Донъ-Кихота. Да и самъ Магницкій смотрѣлъ на себя такими же глазами, называя губернаторское служеніе свое „нестерпимымъ званіемъ“ [1]). Онъ и перешелъ скоро въ другое вѣдомство, гдѣ дѣятельность его продолжала носить тотъ же прежній характеръ преслѣдованія, только уже не исключительно лицъ, а также и идей. И здѣсь ревность его, сколько по личному увлеченію, столько и изъ раболѣпнаго угожденія власти, переходила всякіе предѣлы благоразумія и носила отталкивающій характеръ, доводя систему, которой онъ служилъ, до нелѣпости. Мы говоримъ о его дѣятельности въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которая прославила его имя, какъ обскуранта и гонителя разума и идей.

Большая часть біографовъ Магницкаго и людей, писавшихъ о немъ, выставляютъ его величайшимъ честолюбцемъ, приносившимъ все въ жертву своему честолюбію и никогда не разбиравшимъ средствъ для того, чтобъ достигнуть своей цѣли. Характеристика эта, конечно, въ главныхъ чертахъ своихъ основательна, особенно, если рѣчь идетъ о позднѣйшемъ его поступкѣ по отношенію къ князю Голицыну, который едва ли можетъ быть извиненъ чѣмъ-нибудь. Но обвиненія распространяются на всю его жизнь. Съ самаго начала его служебной дѣятельности при Сперанскомъ, имъ овладѣло, по словамъ барона Корфа, „лихорадочное стремленіе къ власти, почестямъ и богатству“. „Изображать дѣятельность Магницкаго въ это время, говоритъ біографъ его [2]), значило бы рисовать картину темныхъ интригъ, клеветъ, доносовъ, неблаговидныхъ отношеній его къ различнымъ лицамъ, отъ которыхъ ожидалъ онъ покровительства и милостей“. Но біографъ самъ сознается, что онъ не имѣетъ для этого необходимыхъ

---

[1]) XIX Вѣкъ, I, стр. 244.

[2]) Ѳеоктистовъ, Магницкій. Спб. 1865 г., стр. 4.

матеріаловъ. Точно такъ и мы можемъ сказать, что ничего не знаемъ, какимъ образомъ Магницкій вошелъ въ милость къ князю Голицыну и сдѣлался однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его министерствѣ. Мы думаемъ, что многое можно отнести и на долю увлеченія, страстнаго характера, желанія поймать знаменія и духъ времени, а Голицынъ, вмѣстѣ съ властью, увлекался тогда библейскимъ дѣломъ.

Еще будучи губернаторомъ въ Симбирскѣ, Магницкій заявилъ себя ревностнымъ дѣятелемъ по библейскому обществу и сталъ увлекаться религіозными вопросами, которые, какъ кажется, до того времени были совершенно чужды ему. Сперанскій и въ этомъ случаѣ считалъ его совершенно искреннимъ. Посылая къ Столыпину рѣчь его въ библейскомъ комитетѣ Симбирска, которую онъ называетъ *проповѣдью*, Сперанскій говоритъ о его набожности:

„Кто бы сему повѣрилъ тому лѣтъ десять? Это однакоже вѣрно, и все, что онъ говоритъ, онъ точно живо чувствуетъ. Набожность его искренна, и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго соображенія свѣтскаго“ [1]). Магницкій открылъ въ Симбирскѣ отдѣленіе библейскаго общества и обратилъ дѣятельное вниманіе на филантропическую сторону его. Безъ всякаго сомнѣнія, при его главномъ участіи, учреждено было въ Симбирскѣ „Женское общество христіанскаго милосердія“, названное въ честь покровительницы его императрицы Елисаветы Алексѣевны— Елисаветинскимъ и существующее до настоящаго времени. Общество должно было заботиться не о тѣхъ бѣдныхъ, которые называются нищими, а о тѣхъ, которые скрываютъ свою бѣдность, стыдятся ея. Предметы попеченія общества были разнообразны: это были тюрьмы, госпитали, больницы, воспитательные дома. Общество брало на себя обязанность воспитывать и учить сиротъ. Магницкій былъ первымъ секретаремъ его. Но не столько дѣятельность этого общества обратила на Магницкаго вниманіе власти, сколько рѣчь его, произнесенная при открытіи симбирскаго отдѣленія общества въ началѣ 1818 г. Карамзинъ тогда же писалъ къ своему брату въ Симбирскъ, называя Магницкаго молодцомъ, что эта рѣчь полюбилась императору и князю Голицыну и что это главное [2]). Эта рѣчь напечатана была въ отчетахъ библейскаго общества и обратила на себя общее вниманіе власти и людей, слѣдившихъ за направленіемъ времени. Она и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытна, потому что яркими опредѣленными чертами обрисовываетъ главную мысль всей послѣдующей дѣятельности Магницкаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и

---

[1]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 1150.

[2]) Атеней, 1858 г., III, стр. 658.

тогдашнее его направленіе, то, что могло понравиться князю Голицыну и обратить его вниманіе на Симбирскаго губернатора. Если мы признаемъ, въ противность словамъ Сперанскаго, что Магницкій думалъ въ этой рѣчи не о небѣ, а о землѣ и служилъ не библейскому дѣлу, а только личному своему честолюбію, то надобно отдать полную справедливость его уму и удивительной ловкости, съ которою онъ умѣлъ усвоить себѣ и выразить господствовавшія тогда тенденціи и направленіе правительства, сформировавшееся подъ вліяніемъ политики Священнаго Союза. Это цѣлая обдуманная программа мнѣній и дѣйствій и чрезвычайно ловкая проповѣдь обскурантизма.

Рѣчь Магницкаго есть своего рода философія исторіи, написанная по всѣмъ правиламъ реторики, тѣмъ напыщеннымъ слогомъ, который онъ любилъ употреблять въ своихъ рѣчахъ, какъ человѣкъ, власть имѣющій, ослѣпляя своими фразами людей мало образованныхъ или раболѣпныхъ подчиненныхъ своихъ. Вся исторія земли, по словамъ его, движется двумя противоположными силами: „политикой міра сего“ и „видами Провидѣнія“. Глава политики міра сего есть князь тьмы; глава Провидѣнія небеснаго—есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Политику князя тьмы Магницкій указываетъ въ идолопоклонствѣ древняго міра, въ борьбѣ съ христіанствомъ, въ ересяхъ и раздѣленіяхъ самой церкви, но вмѣстѣ съ духовнымъ развитіемъ времени, т.-е. съ просвѣщеніемъ, эта политика князя тьмы видоизмѣняется и сообразуется съ новыми требованіями. Идолы теперь уже никого не обманутъ. „Выдуманъ новый идолъ, говоритъ Магницкій—*разумъ* человѣческій; богословія сего идола—*философія*. Жрецы его—*славнѣйшіе писатели разныхъ вѣковъ и странъ*. Началось поклоненіе идолу разума“, и Магницкій останавливается на времени этого поклоненія—французской революціи и царствованія Наполеона, когда торжествовала политика міра сего или князя тьмы. По разсчетамъ *земной политики* и Россія должна покориться, но не такъ вышло по *планамъ Провидѣнія* Царя небеснаго. Здѣсь Магницкій съ ловкою лестью рисуетъ ту смиренную роль, которую принялъ на себя императоръ Александръ, называемый имъ крестнымъ рыцаремъ, заключившимъ свои подвиги вѣчнымъ союзомъ царей. „Но не одна война составляетъ борьбу царства тьмы съ царствомъ свѣта. Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и *философіею* на распространеніе своего владычества дѣйствуетъ... Князь тьмы не дремлетъ и нынѣ“... Но „великій ратоборецъ царства свѣта, вложивъ обвитый лаврами мечъ въ ножны, воюетъ мечемъ слова Божія, т.-е. примѣромъ благочестія и распространеніемъ благовѣстія книгъ священныхъ“ [1]). Таковъ былъ взглядъ Магницкаго на дѣятельность

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г. IX, стр. 288—293.

библейскаго общества. Это была борьба съ разумомъ, т.-е. съ княземъ тьмы, на которую онъ призывалъ членовъ, и, конечно, взглядъ этотъ долженъ былъ прійтись по вкусу мистиковъ, заправлявшихъ дѣломъ библейскаго общества и также ненавидѣвшихъ разумъ. Очевидно, Магницкій вполнѣ вникалъ въ ихъ планы и намѣренія; онъ даже умѣлъ усвоить себѣ ихъ темный вычурный языкъ и долженъ былъ быть принятъ ими съ открытыми объятіями. Борьба съ *просвѣщеніемъ* сдѣлалась великимъ словомъ того времени, и тѣ же самыя рѣчи говорилъ митрополитъ московскій Серафимъ въ засѣданіи московскаго отдѣла библейскаго общества.

Замѣчательно обстоятельство, выставленное г. Поповымъ въ статьѣ его о Казанскомъ обществѣ любителей отечественной словесности, гдѣ говорится и о Магницкомъ [1]), что только въ одномъ симбирскомъ отдѣлѣ библейскаго общества нашелся *неизвѣстный* членъ, который желалъ дѣйствія общества, состоящія въ сѣяніи слова Божія, распространить и на очищеніе нивы Господней отъ камней и волчцовъ. Подъ послѣдними разумѣлись безбожныя книги, обращающіяся въ продажѣ. Онъ собралъ нѣсколько подобныхъ книгъ, главнымъ образомъ переводовъ произведеній французской литературы, и представилъ ихъ въ общество для истребленія, высказывая мысль, что весьма будетъ полезно подобную истребляющую дѣятельность возложить на каждаго члена библейскаго общества. Эта мысль была одобрена симбирскимъ отдѣломъ и названа благонамѣренною; онъ просилъ привести въ дѣйствіе эту инквизиціонную мѣру, но князь Голицынъ, какъ президентъ библейскаго общества, справедливо отвѣтилъ чрезъ газеты, какъ просилъ о томъ неизвѣстный, что подобное истребленіе книгъ не входитъ въ кругъ дѣйствія библейскаго общества и что всякій можетъ самъ распоряжаться своей собственностью и истреблять книги, если захочетъ. Очень можетъ быть, что этотъ неизвѣстный членъ былъ самъ Магницкій, который впослѣдствіи не разъ приводилъ въ исполненіе подобныя инквизиціонныя мѣры противъ книгъ.

Какъ бы то ни было, рѣчь его произвела большое впечатлѣніе. Такихъ людей искали во время реакціи и Магницкій, если вѣрить словамъ его, былъ сдѣланъ членомъ главнаго правленія училищъ по собственному вызову императора [2]).

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1859 г. IX, стр. 79 и слѣд.

[2]) XIX вѣкъ I, стр. 241.

ЛЕКЦІЯ XXVI.

Магницкій.—Преобразованіе Казанскаго университета.

Ревизія Казанскаго университета, представляющая историку нашего просвѣщенія превосходную характеристику взглядовъ высшаго правительства на просвѣщеніе и вообще умственную жизнь страны, была первымъ шагомъ Магницкаго въ новой его службѣ. Это было въ началѣ 1819 года и князь Голицынъ поручилъ эту ревизію произвести Магницкому уже какъ члену главнаго правленія училищъ. Министръ, говорилось въ инструкціи, получилъ самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о Казанскомъ университетѣ и потому поручалъ Магницкому подробно разсмотрѣть его въ отношеніи учебномъ и хозяйственномъ. Магницкому поручалось ни болѣе ни менѣе, какъ рѣшить вопросъ: можетъ ли Казанскій университетъ существовать съ пользою на будущее время или слѣдуетъ его совершенно упразднить, и въ такомъ случаѣ Магницкому предписывалось представить соображенія о томъ, какимъ способомъ должны управляться учебныя заведенія Казанскаго округа, такъ какъ управленіе ихъ зависѣло отъ университета. Ревизору давались обширныя права и полномочія; видно, что князь Голицынъ уже совершенно ввѣрился новому своему подчиненному, да по всей вѣроятности и самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о Казанскомъ университетѣ были доставлены министру самимъ Магницкимъ, къ которому, за время его губернаторства въ Симбирскѣ, доходили и разсказы и сплетни о Казанскомъ университетѣ. Онъ до ревизіи составилъ уже свое опредѣленное мнѣніе объ университетѣ. Эта ревизія произведена была очень быстро. Предписаніе министра дано было 10 февраля 1819 года, а уже 9 апрѣля того же года Магницкій представилъ въ Петербургѣ подробное донесеніе о состояніи осмотрѣннаго имъ заведенія. Едва ли въ такой короткій промежутокъ времени можно было сдѣлать не только подробное, но и поверхностное обозрѣніе университета и потому становится яснымъ, что Магницкій дѣйствовалъ по готовому плану и пріѣхалъ съ готовою идеею.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности того, что̀ представилъ Магницкій министру о Казанскомъ университетѣ послѣ его ревизіи. Насъ должны интересовать общіе взгляды ревизора на университетъ и общій характеръ этой ревизіи. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ то время Казань представляла изъ себя глухое захолустье. Университетъ же былъ такое учрежденіе, которымъ весьма мало интересовалось общество, едва ли нуждавшееся въ немъ серьезно; о

характерѣ науки того времени мы уже говорили; литературная дѣятельность была самая ничтожная; большинство профессоровъ походило скорѣе на чиновниковъ, исполняющихъ возложенную на нихъ обязанность, а не на людей, искренно преданныхъ дѣлу науки; ихъ интересы были больше мелкіе, личные и заключались въ заботахъ о матеріальныхъ благахъ; пылъ молодыхъ слушателей университета уходилъ больше въ свойственныя молодости увлеченія, а не въ занятія наукой или въ вопросы общественные; всѣ ихъ стремленія направлены были къ полученію диплома—все равно, какими бы средствами ни получить его: на службѣ того времени его было совершенно достаточно, потому что преподаваемая въ университетѣ наука находила ничтожное примѣненіе къ дѣйствительности. Въ этомъ мірѣ патріархальныхъ, чисто чиновничьихъ отношеній съ чиновничьимъ раболѣпствомъ характеровъ ревизія Магницкаго грянула какъ громъ. Надобно вообразить себѣ провинцію того времени, чтобъ понять общее впечатлѣніе, произведенное этою ревизіею; впечатлѣніе осталось въ умахъ надолго; еще до сихъ поръ не умерли нѣкоторые свидѣтели.

Положеніе университета изображено было въ отчетѣ Магницкаго самыми мрачными красками. Преподаваніе было въ самомъ жалкомъ положеніи; въ дѣлахъ хозяйственныхъ—безпорядокъ и произволъ; въ отношеніи къ студентамъ господствовала система протекцій и взятокъ; каѳедра богословія не замѣщена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Сдѣлавъ самыя невыгодныя характеристики почти всѣхъ профессоровъ университета, Магницкій особенно долго останавливался на нравственномъ исправленіи студентовъ, и здѣсь вдавался въ столь любимыя имъ общія разсужденія, соотвѣтствовавшія взгляду министра. Онъ увѣрялъ, что студенты не знаютъ сколько заповѣдей, что значитъ слово евангеліе, и при этомъ присовокуплялъ, что онъ выбросилъ изъ студенческой библіотеки, составленной инспекторомъ, сочиненіе Вольтера. Недостаткомъ религіознаго образованія студентовъ Магницкій въ особенности упрекалъ совѣтъ университета.

„Какимъ образомъ, спрашивалъ онъ съ своею обычною напыщенностью рѣчи, могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ? Какимъ образомъ гг. экзаменаторы пропустили въ святилище наукъ людей, не знающихъ краткаго катехизиса? Развѣ забыли они, что почти вчера, недалеко (?) отъ сего самаго университета, пылали домы и храмы столицы нашей (т.-е. Москвы), зажженные пламенникомъ такъ называемаго просвѣщенія? Развѣ забыли, что сей самый городъ (т.-е. Казань) недавно еще затѣсненъ былъ несчастными жертвами безбожія образованнѣйшаго народа? Время уже вникнуть въ цѣль правительства, которое хочетъ,

и хочетъ непреоборимо, положить *единымъ* основаніемъ народнаго просвѣщенія—*благочестіе*. Время стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами, кои не стыдятся уже свѣта откровенія... Начальство требуетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ; ученость же, безъ вѣры въ Бога откровеннаго, не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною“ [1]). Достоинство Магницкаго заключалось въ томъ по крайней мѣрѣ, что онъ выражался ясно; въ этомъ случаѣ профессора легко могли понять, чего отъ нихъ требовали. Преподаваніе, по словамъ отчета, пропитано было опаснымъ духомъ, въ примѣръ котораго Магницкій представлялъ разборъ рѣчи (1817 г.) Срезневскаго „О разныхъ системахъ нравоученія“.

Представивъ самые неблагопріятные отзывы о Казанскомъ университетѣ, послѣ подробнаго указанія злоупотребленій во всѣхъ частяхъ его, Магницкій доказываетъ, что онъ „причинилъ очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ“, и приходитъ къ заключенію, что этотъ университетъ, „по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженію“ [2]). Магницкій предлагаетъ два рода этого уничтоженія: или пріостановленіе университета или публичное его разрушеніе. По своей деспотической натурѣ, Магницкій былъ на сторонѣ второго способа и доказывалъ, что первый способъ возбудитъ только клеветы европейскихъ ученыхъ и что можно статьями устава доказать, что университетъ злоупотребилъ права ему дарованныя, и потому актъ разрушенія не встрѣтитъ ни въ комъ противорѣчія. „Все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства, говоритъ онъ, будетъ на сторонѣ правительства. Актъ объ уничтоженіи университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что безъ всякаго сомнѣнія всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ“! [3]) Эти запугивающія рѣчи были слѣдствіемъ европейской реакціи и шли къ намъ по прямому пути отъ перваго австрійскаго министра. Въ запискѣ о своей жизни Магницкій говоритъ, что мнѣніе его о совершенномъ уничтоженіи Казанскаго университета раздѣлялъ и министръ, что́ весьма возможно, ибо въ противномъ случаѣ Магницкій самъ не высказывался бы такъ открыто и торжественно. Но, тѣмъ не менѣе, докладъ его разсматривался въ главномъ правленіи училищъ. Сильный и благородный отпоръ докладъ этотъ встрѣтилъ въ

---

[1]) Ѳеоктистовъ. Магницкій, стр. 41.
[2]) Ibidem, стр. 48.
[3]) Ibidem, стр. 49.

мнѣніи тогдашняго попечителя петербургскаго округа Уварова, съ личностью и направленіемъ образованія котораго мы отчасти знакомы. Этотъ другъ Штейна и лучшихъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей нашего малочисленнаго общества смотрѣлъ на вопросъ, предложенный на разрѣшеніе Магницкимъ, съ высшей, государственной точки зрѣнія и съ тою любовью къ наукѣ и образованію, которая всегда отличала его. Ему дорого было просвѣщеніе при началѣ его введенія въ Россію, просвѣщеніе, не успѣвшее еще пустить корни въ почву. Съ энергіею возстаетъ онъ противъ мысли Магницкаго—видѣть въ университетѣ школу деизма и безнравственности. „Обвиненія, объемлющія цѣлыя страны, говоритъ онъ, равно ничтожны по своему пространству, коль скоро нельзя доказать существованіе умышленнаго заговора, въ коемъ участвовали цѣлыя сословія или цѣлые народы [1]). Уваровъ весьма умно указалъ и на поверхностность приговоровъ Магницкаго при слишкомъ короткомъ срокѣ ревизіи, и на противорѣчія, заключающіяся въ самомъ докладѣ, и на крикъ раздраженной страсти противъ европейскаго просвѣщенія, которое Магницкій изображалъ съ кинжаломъ въ рукѣ, въ образѣ студента Занда. Уваровъ говорилъ, что онъ даже не имѣетъ въ виду убѣдить другихъ, но что „въ дѣлахъ столь сложныхъ и необыкновенныхъ довольно того, чтобы спасти *свою* совѣсть и *свой собственный* разсудокъ“ [2]). Рѣшительный приговоръ объ уничтоженіи или преобразованіи Казанскаго университета могла сдѣлать только Высочайшая власть. Императоръ Александръ остановился на преобразованіи, и главному правленію училищъ поручено было войти въ соображеніе мѣръ этого преобразованія, причемъ утверждались всѣ послѣдствія ревизіи Магницкаго, какъ относительно увольненія профессоровъ въ отставку и замѣненія ихъ другими, такъ и относительно другихъ его представленій, напр. относительно назначенія, рядомъ съ ректоромъ, новаго главнаго университетскаго чиновника съ значительнымъ кругомъ власти, подъ именемъ директора университета. Самъ ревизоръ сдѣланъ былъ въ томъ же году попечителемъ Казанскаго учебнаго округа по личному желанію государя. Справедливо или нѣтъ, но Магницкій разсказываетъ, что при личномъ докладѣ его Александру о состояніи Казанскаго университета „онъ имѣлъ счастіе рыдать въ объятіяхъ сего ангела Божія“ и что императоръ потребовалъ отъ него принять должность попечителя съ неограниченнымъ полномочіемъ [3]). Такимъ образомъ, если крутая и радикальная мѣра Магницкаго по отношенію къ Казанскому университету и не была

[1]) Ibidem, стр. 58.
[2]) Ibid., стр. 60—61.
[3]) XIX вѣкъ, I, стр. 238.

приведена въ исполненіе, то это случилось, вѣроятно, въ той надеждѣ, что преобразованный руками новаго попечителя, онъ сдѣлается скоро достойнымъ своей цѣли и назначенія.

Управленіе Казанскаго университета Магницкимъ представляетъ намъ вполнѣ образчикъ той системы, которая господствовала тогда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Магницкій ревностно принялся за порученное ему дѣло. „Желая оправдать довѣренность Его Величества, я принялся за основательное изученіе новой моей службы, говоритъ онъ въ ретроспективномъ взглядѣ на свою жизнь, написанномъ имъ въ позднѣйшіе годы: купилъ для себя, дорогую по состоянію моему, библіотеку и заперся на три года въ моемъ кабинетѣ, а въ засѣданіяхъ Правленія, оградивъ себя совершеннымъ молчаніемъ, изучался ходу дѣлъ и направленію мнѣній моихъ сочленовъ“ [1]). Такимъ образомъ, по словамъ его, онъ выработалъ себѣ „полную систему истинъ о просвѣщеніи“. Просвѣщеніе, говоритъ онъ, понимается весьма различно, но для него существуетъ только просвѣщеніе *въ государственномъ смыслѣ*. Онъ не отрицаетъ ни одной науки съ новѣйшими ихъ открытіями и лучшими методами преподаванія, но требуетъ, чтобъ просвѣщеніе было ввѣрено *надежному по его нравственности* сословію ученыхъ, чтобъ оно распредѣляемо было подъ *дѣйствительнымъ надзоромъ* согласно съ религіей, съ образомъ правительства, разнымъ классамъ гражданъ, въ *нужной* для каждаго изъ нихъ мѣрѣ. Науки дѣлитъ онъ на положительныя и мечтательныя. *Ложеименнымъ* просвѣщеніемъ называетъ онъ то, когда мечтательныя науки, т.-е. философскія (съ подраздѣленіемъ ихъ на нравственныя и политическія) портятъ положительныя, напр., теоріи геологіи или теоріи о происхожденіи властей отъ договора. Кромѣ того, Магницкій доказываетъ, что Россія есть совершенно отличная отъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ страна,—слѣдовательно, и просвѣщеніе въ ней должно отличаться особыми свойствами. Мы приняли чужое просвѣщеніе, не *обсудивъ* его, и приняли его въ началѣ XVIII вѣка, т.-е. во время его опасной заразы. Къ счастію, это чужое ядовитое растеніе вредитъ у насъ медленно, ибо растетъ худо: равнодушіе къ нему управляющихъ и національная лѣнь нашихъ ученыхъ остановили его на одной точкѣ [2]). Такова была *государственная* теорія Магницкаго относительно просвѣщенія, которое онъ забиралъ тогда въ свои руки. Онъ располагалъ эти планы свои распространить и на всѣ прочіе университеты: вѣроятно, онъ мечталъ со временемъ стать во главѣ просвѣщенія всей страны. Существуетъ даже извѣстіе, что

[1]) Ibid., стр. 242.
[2]) Ibid., стр. 242—243.

въ архивахъ находится проектъ Магницкаго, касающійся всей системы государственнаго управленія, строго основанный на выработанныхъ имъ началахъ; къ цѣлому государству примѣнялась система управленія Казанскимъ университетомъ [1]). Къ счастію для нашего отечества, у Магницкаго хотя и нашлось много помощниковъ, но большая часть ихъ были люди неумѣлые, раболѣпные до тупости, только исполнители его предначертаній. Ихъ ревность не по разуму довела систему Магницкаго до того, что̀ въ логикѣ называется absurdum, до крайнихъ и нелѣпыхъ выводовъ, а примѣненіе ея къ дѣйствительности выказало всю фальшь основаній.

Реформа Казанскаго университета, задуманная и приведенная въ исполненіе Магницкимъ, не имѣла подъ собою никакихъ дѣйствительныхъ основаній; она была плодомъ европейской реакціи, отраженіемъ общихъ мыслей, господствовавшихъ въ умахъ государей и министровъ того времени относительно нѣмецкихъ университетовъ, представлявшихъ собою, какъ говорила реакція, посреди новой жизни средневѣковыя развалины и заподозрѣнныхъ въ анти-религіозномъ и революціонномъ движеніи. Если повѣрить Сперанскому и считать Магницкаго человѣкомъ искреннимъ, то и въ этомъ дѣлѣ онъ является Донъ-Кихотомъ, сражающимся съ призраками воображенія; но есть множество основаній думать, что онъ хотѣлъ поддѣлаться подъ тогдашнее настроеніе власти и выиграть лично для себя. Преобразованіе Казанскаго университета представляетъ намъ, говоря словами преобразователей, борьбу съ „пагубнымъ духомъ вольнодумства и своеволія“, который будто бы проникъ въ стѣны этого университета, похожаго на корабль безъ кормила. Ректоръ университета Никольскій, которому особенно благоволилъ Магницкій, въ своемъ отчетѣ о состояніи Казанскаго университета за 1821 г., какъ очевидецъ прежняго, сознавался, что „дымъ кладезя бездны и надменныя волны лжемудрія, отъ которыхъ всѣ вещи двинулись съ мѣстъ своихъ, коснулись и нашего университета“ [2]). Онъ былъ близокъ къ паденію, но къ счастію, по волѣ Божіей, его ожидало преобразованіе, новая жизнь подъ управленіемъ „истиннаго сына церкви и отечества“ [3]). Дѣйствія Магницкаго спасли университетъ, „вызвали его изъ небытія къ бытію, изъ неустройства къ новому порядку; возсіялъ надъ нимъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, возсіялъ надъ нимъ свѣтъ Христовъ, и тьма удалилась съ обманчивыми своими огнями“ [4]). Такъ говорили льстецы и клевреты Магницкаго на мисти-

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г. IX, стр. 292.
[2]) Ѳеоктистовъ. Магницкій, стр. 65.
[3]) Ibid, стр. 66.
[4]) Казанскій Вѣстникъ 1821 г. I, стр. 6.

ческомъ языкѣ того времени. Посмотримъ, въ чемъ дѣйствительно состояло это преобразованіе университета.

Магницкій большую часть времени своего попечительства не жилъ въ Казани, а управлялъ университетомъ изъ Петербурга. Это объяснялъ онъ, какъ мы видѣли, необходимостью уединенной работы въ кабинетѣ, чтобъ достойно нести свое званіе. Другіе, напротивъ, жизнь его въ Петербургѣ справедливо объясняли нежеланіемъ удалиться отъ источника власти. Черезъ полгода по его назначеніи попечителемъ, присланы имъ были для исполненія въ университетъ утвержденныя министромъ, а имъ составленныя „Инструкціи директору и ректору Казанскаго университета". Эти знаменитыя инструкціи, о которыхъ было такъ много писано, заключаютъ въ себѣ всю систему преобразованія и развитіе общихъ началъ Магницкаго.

Управленіе всего университета было раздѣлено между двумя чиновниками: директоромъ и ректоромъ, и для каждаго изъ нихъ составлена была особая инструкція. На обязанности перваго лежало хозяйственное и полицейское управленіе университета и нравственное образованіе студентовъ; ректоръ же долженъ былъ слѣдить за духомъ преподаванія, за христіанскимъ благочестіемъ и поведеніемъ профессоровъ въ университетѣ и внѣ его стѣнъ. Самая важная часть инструкцій относилась къ нравственности студентовъ и къ духу преподаванія. Университетъ обращался въ воспитательное заведеніе и долженъ былъ не только сообщать научныя свѣдѣнія студентамъ, но воздѣлывать ихъ волю, ихъ совѣсть, ихъ нравы и наружное обращеніе. Главная добродѣтель ихъ должна состоять въ *покорности* и послушаніи. Директоръ долженъ былъ „непремѣнно наблюдать, чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ, чтобы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры *строжайшаго чинопочитанія* со стороны учителей и надзирателей, и чтобы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказываемо, не взирая на званіе лицъ". Директоръ въ особенности долженъ былъ наблюдать, чтобъ студентамъ внушено было „почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію", чтобы „духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ историческихъ, философскихъ или литературы" [1]). Поэтому и директору вмѣнялось въ обязанность слѣдить за направленіемъ преподаванія, разсматривать тетради студентовъ, не пропускать ничего противнаго цензурѣ и наблюдать, чтобы чиновники университета исполняли свои христіанскія обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ. Но больше всего требовалось

[1]) Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв., т. I, стр. 1203.

исполненіе этихъ христіанскихъ обязанностей отъ студентовъ. Университетъ принималъ монастырскій порядокъ. Всѣ студенты ежедневно, съ инспекторомъ во главѣ, въ положенное время отправляли должныя молитвы; наблюдалось, чтобъ въ праздники они непремѣнно посѣщали церковныя службы; ихъ пріучали къ дѣламъ милосердія и, что̀ главное, студентовъ, отличавшихся христіанскими добродѣтелями, начальство принимало въ особое покровительство по службѣ и доставляло имъ всевозможныя въ ней преимущества. Широкій, мелочной и бдительный надзоръ былъ поставленъ надъ поведеніемъ студентовъ. Вся жизнь ихъ, начиная съ предметовъ разговора съ товарищами, должна быть вполнѣ извѣстна власти.

Ректоръ долженъ былъ наблюдать за учебною частью, т.-е. за преподаваніемъ наукъ, и въ инструкціи подробно говорилось, какой характеръ должно носить послѣднее. Тутъ мы видимъ главныя духовныя стремленія того времени и любимыя тенденціи Магницкаго. Объ успѣхахъ преподаванія согласно научному уровню Европы говорится вскользь; но „всего важнѣе для правительства, чтобы воспитаніе его народа стояло на твердомъ основаніи христіанской религіи, чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства не проникнулъ въ тѣ священныя убѣжища, гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастіе будущихъ поколѣній“ [1]). Инструкціи именно и представляютъ собою борьбу съ этимъ духомъ. Отъ преподавателей требовались преимущественно добрая нравственность и христіанское благочестіе. Въ преподаваніи всѣхъ наукъ долженъ быть одинъ духъ Св. Евангелія. Онъ одинъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей. Крайне опасно было бы для университета, если бы студенты, изученные закону Божію въ классѣ онаго, услышали въ другихъ преступныя внушенія вольнодумства.

Съ этой общей точки зрѣнія излагалась въ инструкціи программа всѣхъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ, т.-е. тотъ духъ и то направленіе, въ которыхъ онѣ, по волѣ начальства, должны быть излагаемы. Всякому ясно, въ какомъ духѣ должно быть это преподаваніе и намъ нѣтъ надобности входить въ подробности инструкціи по этому предмету. Болѣе всего вниманіе обращено было на преподаваніе наукъ богословскихъ. Но и всѣ прочія науки университетскаго преподаванія дѣлались, какъ это было въ пору средневѣковой схоластики, только служанками богословія—ancillae theologiae. Въ основаніе преподаванія философіи ставились слова посланій апостола Павла къ Колоссянамъ и къ Тимоѳею, гдѣ говорится о ничтожествѣ

[1]) Ibidem., стр. 1207.

злоименнаго разума передъ вѣрою [1]). Слова эти, написанныя золотыми буквами на большихъ черныхъ доскахъ, висѣли надъ каждою каѳедрою. Преподаватели политическихъ наукъ должны брать основаніе для своей науки изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля (какъ язычникамъ, инструкціи мало довѣряли имъ); но они обязаны были съ отвращеніемъ указывать на правила Макіавеля и Гоббса. Профессоръ физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ; профессоръ естественной исторіи покажетъ, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, которому, послѣ кратковременной жизни, мы предопредѣлены; профессоръ астрономіи укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленнѣйшей древности. Та же общая мысль проводилась и въ факультетѣ медицинскомъ; инструкціи старались изгнать изъ преподаванія въ немъ гибельный матеріализмъ. Студентамъ должно быть внушено, что Святое Писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ. Факультетъ словесныхъ наукъ еще болѣе другихъ подчинялся гнету общей системы Магницкаго. Главнымъ занятіемъ, напримѣръ, профессора *русской словесности* должны быть красоты языка словянскаго и критическій разборъ священныхъ писателей. Темы для сочиненій должны быть задаваемы изъ отечественной или священной исторіи. Образцовыми авторами въ инструкціи признаются: Ломоносовъ, Державинъ, Богдановичъ и Хемницеръ. Профессоръ долженъ предостерегать своихъ слушателей отъ новизны моднаго слога. Профессоръ древнихъ языковъ, показывая красоты языческихъ писателей, обязанъ въ то же время показать и превосходства тѣхъ святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не взирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образцовыхъ потому только, что они христіане и святые: Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзина, святыхъ Василья и Аѳанасія. Въ преподаваніи языковъ восточныхъ обращалось также вниманіе на то, чтобъ профессоръ не останавливался долго на ученіи Магомета и излагалъ его больше въ обличительномъ смыслѣ. Инструкція занялась особенно преподаваніемъ *исторіи*. Профессоръ не долженъ вдаваться въ излишнія подробности баснословія. Священная исторія должна занять какъ бы центръ. Кромѣ нея, древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего положительнаго.

---

[1]) Посл. къ Колоссянамъ. II, 8. Посл. къ Тимоѳею, первое, IV, 1 и VI, 3, 4, 20, 21. Посл. къ Тимоѳею, второе, IV, 3, 4.

Послѣ Рождества Христова профессоръ долженъ занять своихъ слушателей преимущественно христіанскими древностями, дабы показать, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя. Профессоръ изъяснитъ мудрость и твердость мучениковъ, терпѣніе и ангельскую чистоту отшельниковъ, покажетъ, что первые вѣка христіанства наиболѣе обиловали великими и святыми мужами, изъяснитъ подробно нравы христіанъ первыхъ вѣковъ и образъ ихъ жизни, докажетъ, что величіе и добродѣтель язычника есть только высшая ступень человѣческой гордости и ничто передъ величіемъ христіанскимъ. Въ паденіи римской имперіи профессоръ покажетъ, какъ тщетны и ничтожны предъ Богомъ величіе имперій и ихъ могущество и что дикіе народы, разрушившіе ее, были орудіемъ руки Божіей. Новѣйшая исторія должна быть преподана кратко. Въ русской исторіи профессоръ докажетъ, что Россія предупредила европейскія государства своимъ развитіемъ и докажетъ это распоряженіями по части учебной и духовной Владиміра Мономаха. Затѣмъ, долѣе всего онъ долженъ остановиться на исторіи дома Романовыхъ [1]).

Таково было содержаніе знаменитыхъ инструкцій Магницкаго. Это было его собственное, вѣроятно долго обдумываемое созданіе, но къ несчастію оно получило одобреніе правительства и тяжелую пробу примѣненія этихъ инструкцій пришлось выдержать Казанскому университету. Надобно вспомнить общественныя условія того времени, характеръ тогдашней провинціи, деспотическую власть попечителя и раболѣпство профессоровъ, чтобъ представить себѣ ту печальную, ту глупую картину, какую представлялъ изъ себя университетъ, подвергшійся преобразованію. Несмотря на громкія фразы инструкцій, науки, о которой въ нихъ такъ много говорилось, не существовало; отъ нея отнималась всякая тѣнь свободы, и ученый не могъ думать объ ея истинахъ, ему приходилось думать о томъ, какъ примѣнить ее къ настоящему, какъ поддѣлаться подъ начальство. Весьма естественно предполагать, что значительное меньшинство нашего образованнаго общества встрѣтило неблагопріятными отзывами инструкціи; но общественному мнѣнію высказаться было невозможно и инструкціи безусловно примѣнялись; Магницкій самовластно измѣнялъ ихъ и усиливалъ ихъ значеніе. Мало того: дѣйствіе ихъ было распространяемо на другіе университеты. Главное правленіе училищъ не оспаривало ихъ общаго основанія, а одинъ изъ членовъ его Руничъ, впослѣдствіи попечитель Петербургскаго, университета, читалъ имъ въ засѣданіи восторженные панегирики, называя ихъ спасительными, и требовалъ распространить

[1]) Сборн. постановленій по Мин. Нар. Пр., т. I, стр. 1199—1220.

ихъ на другіе университеты, отнявъ у послѣднихъ всѣ ихъ права и преимущества. Впослѣдствіи инструкціи введены были въ Петербургскій университетъ и ректоръ Казанскаго — Никольскій торжественно поздравлялъ петербургскаго съ этимъ счастіемъ [1]). Съ чрезвычайною торжественностью и напыщенностью говорилось въ рѣчахъ и отчетахъ, писанныхъ Магницкимъ и его клевретами, о дѣйствіи инструкцій и о новомъ видѣ, какой принялъ университетъ подъ ихъ вліяніемъ. Но это и было именно то лицемѣріе, которое невольно возбуждалось самою системою. Эти господа вовсе не то чувствовали, что̀ говорили въ своихъ кудрявыхъ, пересыпанныхъ библейскими выраженіями фразахъ. Стоитъ только прочитать небольшой разсказъ Лажечникова: „Какъ я зналъ Магницкаго“ [2]), чтобы понять, до какой степени доходило это лицемѣріе и въ чемъ состояло блистательное обновленіе Казанскаго университета, изъ котораго хотѣли сдѣлать образецъ для подражанія, представивъ полную систему высшаго образованія согласно политикѣ Священнаго Союза, гдѣ главное значеніе получили не науки въ ихъ свободномъ развитіи, а смиренномудріе, терпѣніе и любовь, по словамъ тѣхъ же ораторовъ.

ЛЕКЦІЯ XXVII.

Положеніе университетовъ во время реакціи.

Какъ ни ничтожно было значеніе Казанскаго университета до времени управленія его Магницкимъ, все же существованіе его приносило извѣстнаго рода пользу; обвиненія, взведенныя на него Магницкимъ, были, конечно, преувеличены; университетъ приносился въ жертву тогдашнему обскурантизму и реакціонному направленію власти. Черезъ шесть лѣтъ управленія Магницкимъ, университетъ нельзя было узнать. Дѣйствительно произведено было преобразованіе—радикальный переворотъ, но самаго печальнаго свойства. Борьба съ вольномысліемъ, большею частью не дѣйствительнымъ, а воображаемымъ, происходила здѣсь на каждомъ шагу, принимая мелкій и часто смѣшной характеръ. Преслѣдованію Магницкаго подверглась библіотека Казанскаго университета; хотя онъ и не *истребилъ* въ ней книгъ съ вреднымъ направленіемъ, какъ это утверждаетъ Ѳеоктистовъ [3]), но для чтенія они никому не выдавались. Все сколько-нибудь самостоятельное въ университетѣ, что̀ не вполнѣ преклонялось предъ

---

[1]) Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 0260.
[2]) Русск. Вѣстн. 1866 г., стр. 121—146.
[3]) Ѳеоктистовъ. Магницкій, стр. 85.

его самовластіемъ, онъ гналъ безпощадно; къ сожалѣнію, самостоятельность эта была самая ничтожная; все остальное раболѣпно преклонялось предъ гнетомъ. Чтобъ показать передъ властью благотворное дѣйствіе своихъ реформъ въ Казанскомъ университетѣ, Магницкій старался представить въ самомъ черномъ видѣ все его прошлое; но когда приходилось говорить о настоящемъ, онъ не скупился на похвалы себѣ и изображалъ университетъ въ образѣ какого-то счастливаго аркадскаго семейства. Между тѣмъ, стоитъ только познакомиться съ монастырскою дисциплиною, придуманною имъ и директоромъ для студентовъ, съ инквизиціонными мѣрами исправленія ихъ и преслѣдованія за проступки, гдѣ, напр., принимали за устрашающую мѣру увѣщанія духовника и изображенія Страшнаго Суда, чтобъ понять, что университетъ вовсе не былъ счастливой общиной, какъ изображалъ его Магницкій, а скорѣе чѣмъ-то въ родѣ монастыря со всѣми его пороками и недостатками.

Инквизиціонная система развивала между студентами духъ притворнаго ханжества, лицемѣрія и обмана; дѣятельнымъ благочестіемъ и земными поклонами хотѣли выиграть благорасположеніе начальства, а съ нимъ и успѣхи по службѣ, а между тѣмъ никогда, говорятъ, нравы студенческіе не были распущеннѣе, какъ въ это печальное время.

Соотвѣтственно паденію общества студентовъ, грустную въ нравственномъ отношеніи картину представляли и преподаватели. Достоинство профессора цѣнилось не его научными заслугами, а образомъ его мыслей и благочестивымъ направленіемъ. Лицемѣріе и желаніе поддѣлаться подъ начальство являлись сами собою. Выше всего въ университетѣ стоялъ, разумѣется, профессоръ богословія, потому что только за успѣхи въ богословіи давались золотыя и серебряныя медали, хотя бы не было вовсе успѣховъ въ другихъ предметахъ.

Только во время Магницкаго и подъ гнетомъ его „инструкцій“ мы видимъ странное и нигдѣ не повторявшееся зрѣлище: профессора, читающаго собственную свою науку въ обличительномъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ казанскій профессоръ Городчаниновъ въ своемъ руководствѣ: „Изложеніе христіанской системы естественнаго права“. Въ противность устава, по волѣ Магницкаго въ 1823 году основана была въ Казанскомъ университетѣ новая каѳедра конституцій—англійской, французской и польской „съ обличительною цѣлью“; когда впослѣдствіи уже при паденіи Магницкаго, новый ревизоръ университета генералъ Желтухинъ писалъ объ этомъ обличителѣ конституцій, что онъ не имѣетъ никакихъ понятій о государственномъ правѣ и вообще обнаруживаетъ глубокое невѣжество въ своемъ предметѣ, Магницкій съ своей стороны замѣтилъ, что лучше бы г. ревизору убѣдиться, „въ ка-

комъ духѣ предметы сіи преподаются, ибо въ томъ только и важность“ [1]).

Естественно, что при такомъ взглядѣ на науку необходимо было заимствовать благосклонность начальства. Плохому преподавателю изъ лютеранъ, котораго Магницкій самъ аттестовалъ сначала какъ круглаго невѣжду, стоило только перейти въ православную вѣру и онъ вдругъ, на глазахъ у начальства, дѣлался чуть не геніемъ, особенно, если воспріемникомъ его былъ самъ попечитель. Общество профессоровъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ отношенія къ власти попечителя представляли множество грустныхъ безнравственныхъ явленій. Какое уваженіе къ наукѣ можно было требовать отъ нихъ, если, напр., профессоръ математики, объясняя свой предметъ, такъ говорилъ о треугольникѣ: „Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ“ [2]) или, если профессоръ анатоміи говорилъ о своей наукѣ, что цѣль ея „находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію Своему и пр. [3]). Геологія перестала совсѣмъ преподаваться, „какъ наука въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ, противная Св. писанію“ [4]). Все заискивало и добивалось всѣми возможными средствами милости начальства и никогда въ Казанскомъ университетѣ не было столько грязныхъ исторій между профессорами, столько доносовъ, жалобъ, интригъ, личныхъ ссоръ, которыя поступали на разбирательство начальства, какъ въ это печальное время, при Магницкомъ. Самовластный произволъ его тяготѣлъ надъ всѣми, и Магницкій гналъ всякую сколько нибудь самостоятельную личность. Собраніе совѣта проходило во взаимныхъ обвиненіяхъ другъ друга въ темныхъ интригахъ, въ составленіи фальшивыхъ протоколовъ, во взяточничествѣ и пр.; обо всемъ этомъ доносилось въ Петербургъ Магницкому, который каждую почту получалъ грязныя письма.

Если и существовала въ Казани какая-нибудь дѣятельность въ литературѣ и наукѣ до Магницкаго, то при господствѣ такой системы она не могла болѣе продолжать это существованіе или должна была принять непривлекательный видъ. Если что и писалось или приготовлялось къ печатанію, то это дѣлалось только съ тенденціями, угодными попечителю. Правда, Магницкій говорилъ въ своихъ отчетахъ о разныхъ ученыхъ предпріятіяхъ, замышляемыхъ въ Казани, пови-

[1]) Ibidem, стр. 105.
[2]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 225.
[3]) Ibidem, стр. 227—228.
[4]) Ibidem, стр. 229.

димому, по его иниціативѣ, но всѣ эти предпріятія, въ родѣ учрежденія въ Астрахани института восточныхъ языковъ, или желанія поставить университетъ въ сношенія съ учеными сословіями Индіи и собирать свѣдѣнія объ ученіи браминовъ, источники котораго онъ видѣлъ въ преданіяхъ патріарховъ и апостоловъ, или мечты о сношеніяхъ съ учеными Самарканда, или ученая экспедиція въ армянскіе монастыри Грузіи и Персіи,—все это принадлежало къ пустымъ затѣямъ и никогда не выходило изъ области фантазіи. Этими широкими проектами Магницкій просто пускалъ пыль въ глаза и хотѣлъ ими закрыть бѣдную научную дѣйствительность университета. „Казанскій Вѣстникъ“, единственное періодическое изданіе того времени, въ изданіи котораго принимали участіе профессора, сдѣлался журналомъ совершенно духовнаго содержанія и выражалъ господствовавшее направленіе. Магницкій, въ угодность князю Голицыну, дѣятельно распространялъ библейское общество, какъ въ Казани, такъ и въ округѣ. Для одного университета онъ купилъ на 10.000 руб. библій и новыхъ завѣтовъ; ихъ раздавали каждому студенту, каждому ученику какого-либо училища. Въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ помѣщались рѣчи, произнесенныя въ собраніяхъ библейскаго комитета, отчеты его и т. п.

Но чѣмъ бѣднѣе въ умственномъ отношеніи становился Казанскій университетъ, чѣмъ онъ глубже падалъ, чѣмъ печальнѣе становились отношенія студентовъ и профессоровъ, тѣмъ громче, тѣмъ безстыдно-напыщеннѣе становились рѣчи Магницкаго, которыми онъ прославлялъ свое созданіе. Приведемъ отрывки изъ его рѣчи къ профессорамъ, которую считали тогда за образцовую. Онъ говорилъ ее въ 1825 году, слѣдовательно уже шесть лѣтъ управляя университетомъ. Разсказавъ о томъ, что онъ присутствовалъ на экзаменахъ студентовъ и остался ими вполнѣ доволенъ, Магницкій продолжаетъ: „Могу сказать, что видѣлъ университетъ единственный по своему достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; единственный по доброму духу преподателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благонравію, скромности, образованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ... Университетъ Казанскій, за златою оградою высочайше данныхъ ему инструкцій, чуждъ повсемѣстной заразы, вѣренъ общей матери нашей церкви православной, питаетъ юность, пылающую живой вѣрой, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія...

Въ то самое время, какъ лжеименная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ

самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ. Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ Германцевъ, кои возникли со своевольствомъ Лютеровой реформы и такъ лживо называются нынѣ философіей, — мечтаній, въ углу сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ; вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здоровая, истинная, *беззатѣйная* философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви“ [1])... Едва ли когда-либо фраза такъ могла туманить глаза и затемнять самую печальную, самую жалкую дѣйствительность. Магницкій входитъ вообще въ подробности того, какъ исполнена инструкція по отношенію къ преподаванію. Исторію читалъ тогда бездарный Баженовъ. Что же говоритъ о немъ Магницкій: „Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что̀ въ высочайше утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано, онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, передъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ“ [2])... Вездѣ Магницкій видитъ необычайные успѣхи въ наукахъ и свидѣтельствуетъ о нихъ самымъ напыщеннымъ образомъ; въ тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ дѣйствительностью, невольно возбуждаютъ смѣхъ, напр., слѣдующія слова: „Въ наукахъ математическихъ, въ физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія силы наукъ, открытія и усовершенія, такъ что тѣ изъ студентовъ сихъ каѳедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ парижскомъ не могли бы услышать“ [3]). А студентовъ-то всего во всѣхъ факультетахъ было только 91.

Непомѣрныя похвалы, которыя въ этой рѣчи расточалъ Магницкій преобразованному имъ университету, конечно, должны были многихъ

---

[1]) Ѳеоктистовъ. Магницкій, стр. 131—134.
[2]) Ibid., стр. 134—135.
[3]) Ibid., стр. 136.

привести въ удивленіе, но обсужденіе этихъ фразъ и сравненіе ихъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ университета было тогда немыслимо. Фраза Магницкаго не встрѣчала противодѣйствія нигдѣ. Все это самовосхваленіе, которымъ онъ туманилъ глаза всѣмъ, было разсчитано на то, чтобъ составить себѣ блестящую карьеру. Магницкій, безъ сомнѣнія, мечталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія, а потому назойливо выставлялъ за образецъ Казанскій университетъ и свою систему преобразованія въ немъ, добиваясь, чтобъ эта система была распространена и на другіе университеты. Что такое былъ Казанскій университетъ до преобразованія? „Въ отдаленномъ краю отъ столицы поставленный, какъ фаросъ освѣщенія цѣлыхъ царствъ, говоритъ Магницкій въ своемъ отчетѣ за 1824 годъ, въ округѣ его вмѣщенныхъ, полузасвѣченный дрожащею рукою слабыхъ исполнителей, онъ погасалъ и курящимся чадомъ наполнялъ тѣ страны, кои осіять былъ долженъ; отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принеся съ собою развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва по имени извѣстныхъ, составляли большую часть профессоровъ; неблаговидность и нечистота зданій отвѣтствовала внутреннему его настроенію, какъ несчастная физіономія порочному состоянію духа; интриги, происки расхищали ученыя званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство, воздыхало о судьбѣ дорогого имъ мѣста воспитанія, въ которомъ лѣта ихъ юности и страстей сохранены были отъ невѣрія и разврата какимъ-то особеннымъ промысломъ Божіимъ“... А теперь, послѣ преобразованія „всѣ науки преподаются въ Казанскомъ университетѣ, въ большей всеобщности, нежели въ прочихъ университетахъ, но преподаваніе это отличается отъ прочихъ тѣмъ, что не заражено оно ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, а устремлено къ одной цѣли — образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ государей... А если такъ, если въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ вышеупомянутыя распоряженія имѣли успѣхъ, то какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразованіе, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, и на всѣ прочіе университеты? Признаюсь, что сія послѣдняя причина, по усердію моему къ церкви и государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ, была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ“ [1]). Ясно, что всѣ напыщенныя фразы его прикрывали честолюбіе.

Изъ прочихъ русскихъ университетовъ, въ Харьковскомъ, гдѣ попечителемъ былъ Карнѣевъ, переводчикъ извѣстной мистической книги „Божественная Философія“ [2]), также сказалась реакція, господство-

[1]) Ibid., стр. 140—142.

[2]) 6 ч. М. 1818—1819 гг.

вавшая въ министерство князя Голицына, хотя гораздо слабѣе, чѣмъ въ Казани. Было удалено нѣсколько лучшихъ профессоровъ по подозрѣнію ихъ въ вольномысліи, сталъ господствовать на каѳедрахъ и по отношенію къ студентамъ піэтизмъ, но въ Харьковѣ не было такой гнетущей личности, какъ Магницкій, и реакція была слабѣе. Зато на судьбѣ Петербургскаго университета, только что основаннаго отразилась самымъ печальнымъ образомъ система Магницкаго. Въ началѣ 1819 года по Высочайшему повелѣнію главный педагогическій институтъ, давно уже существовавшій въ Петербургѣ, былъ переименованъ въ университетъ. Его попечителемъ, какъ и округа, былъ тогда Уваровъ. Тотчасъ по открытіи Петербургскаго университета въ главное правленіе училищъ былъ представленъ Уваровымъ проектъ устава новаго университета, проектъ замѣчательный тѣмъ, что онъ стоялъ въ уровень съ научными требованіями времени и обращалъ вниманіе на мѣстныя условія. Проектъ этотъ былъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію въ главномъ правленіи училищъ и встрѣтилъ самое сильное противодѣйствіе въ новомъ членѣ его, получившемъ въ исторіи нашего обскурантизма столь же печальную извѣстность, какъ и Магницкій,— въ Руничѣ. Руничъ, какъ кажется, былъ воспитанникомъ Лопухина и московскихъ масоновъ; по связямъ съ мистиками и по рекомендаціи ихъ онъ сдѣлался извѣстнымъ князю Голицыну, который и доставилъ ему мѣсто члена главнаго правленія училищъ. Это былъ поклонникъ и подражатель Магницкаго, которому служилъ орудіемъ, но далекъ былъ отъ него по уму, хитрости и разсчетливости, былъ гораздо наивнѣе и проще его. Время и вліяніе Магницкаго сдѣлали изъ него тоже піэтиста-фанатика, человѣка, не разбиравшаго средствъ для осуществленія своей идеи. Его такъ же, какъ и Магницкаго, мучила жажда почестей; онъ возлагалъ всѣ надежды на послѣдняго и служилъ ему вѣрою и правдою. Вскорѣ Руничъ зарекомендовалъ свой образъ мыслей и характеръ своихъ дѣйствій преслѣдованіемъ сочиненій профессора Царскосельскаго лицея Куницына „Право естественное“, которое должно было разсматриваться членами главнаго правленія училищъ, такъ какъ авторъ желалъ поднести его государю. Руничъ считалъ это сочиненіе опаснымъ и разрушительнымъ для вѣры и достовѣрности Св. Писанія. Основателемъ науки естественнаго права, какъ оно издагается у Куницына, Руничъ называетъ Руссо; по его словамъ, Маратъ былъ искреннимъ и практическимъ послѣдователемъ той же науки. Указавъ на нѣсколько мѣстъ этой книги, по его выраженію, „отвратительныхъ и ядовитыхъ“, Руничъ спрашиваетъ— можно ли допустить преподаваніе такого опаснаго ученія въ одномъ изъ первыхъ учебныхъ заведеній Имперіи и въ университетахъ вообще. Руничъ требовалъ запрещенія этой книги и ея преслѣдованія. „Злой

духъ носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ—говоритъ онъ въ заключеніе своего мнѣнія, на языкѣ Магницкаго и мистиковъ того времени. Счастливымъ почту себя, если по слову одного почтеннаго соотечественника моего, вырву хотя одно перо [изъ чернаго крыла противника Христова" [1]). Всѣ согласились съ Руничемъ, книга была запрещена, и съ этого времени стали считать преподаваніе естественнаго права въ университетахъ опаснымъ и строго слѣдить за нимъ; Магницкій и Руничъ предлагали вовсе запретить его.

Руничъ возсталъ и противъ проекта устройства Петербургскаго университета, составленнаго Уваровымъ. Подъ вліяніемъ европейской реакціи и любимыхъ взглядовъ Магницкаго, онъ доказывалъ, что уставъ этотъ совершенно несвойственъ нашимъ университетамъ, что онъ только копія съ либеральныхъ университетовъ Германіи. Проектъ Устава былъ отвергнутъ главнымъ правленіемъ училищъ, и Уваровъ вышелъ въ отставку. На его мѣсто тотчасъ же былъ назначенъ, по желанію князя Голицына — Руничъ, „противъ воли и желанія его" какъ онъ самъ увѣряетъ [2]). Едва только Руничъ вступилъ въ управленіе университетомъ и округомъ, какъ тотчасъ же въ университетъ введено было дѣйствіе „инструкцій" ректору и директору, составленныхъ Магницкимъ. Только-что основанный университетъ, въ которомъ еще не было заглушено стремленіе къ свободѣ изслѣдованія и либеральныя начала—они должны были обратить въ благочестивое заведеніе. Руничъ, стараясь оправдать себя, всю вину преслѣдованія сваливаетъ на князя Голицына, который будто бы побуждалъ его дѣйствовать въ этомъ направленіи: едва ли это справедливо и весь ходъ дѣла, подробно напечатанный, показываетъ, напротивъ, во всемъ самое живое, непосредственное участіе Рунича и, по всей вѣроятности, за кулисами—Магницкаго. Ближайшимъ сотрудникомъ его въ дѣлѣ преслѣдованія оказался вновь назначенный имъ директоръ университета Кавелинъ. Согласно „инструкціямъ", онъ долженъ былъ также слѣдить за духомъ и направленіемъ преподаванія и съ его помощью были отобраны у студентовъ лекціи четырехъ профессоровъ, болѣе другихъ заподозрѣнныхъ въ распространеніи вольнодумства и либеральныхъ ученій: Германа и адъюнкта его Арсеньева—по статистикѣ, Раупаха—по всеобщей исторіи и Гилича—по философіи. Первые двое, согласно взгляду учителя своего Шлецера, смотрѣли на статистику, какъ на науку политическую, имѣющую непосредственную связь съ

---

[1]) Ѳеоктистовъ. Магницкій, стр. 17.

[2]) Сборникъ Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, стр. 62.

множествомъ условій государственной жизни: Галичъ былъ послѣдователемъ философіи Шеллинга, а Раупахъ, впослѣдствіи извѣстный и чрезвычайно плодовитый нѣмецкій драматическій писатель, читалъ всеобщую исторію съ современными взглядами и не обличалъ язычества съ точки зрѣнія христіанства, какъ требовали того „инструкціи". Руничъ, разсмотрѣвъ тетрадки профессоровъ, немедленно донесъ министру о распространеніи въ умахъ студентовъ идей, разрушительныхъ для порядка и общественнаго благосостоянія. По распоряженію главнаго правленія училищъ лекціи обвиняемыхъ профессоровъ были пріостановлены; опредѣлено было отъ нихъ потребовать отвѣтовъ на вопросные пункты, составленные членами правленія, гдѣ разбирались вредныя и ложныя начала преподаваемыхъ ученій. Наряженъ почти формальный университетскій судъ, на которомъ предсѣдателемъ, обвинителемъ и судьею являлся Руничъ.

Этотъ судъ надъ профессорами Петербургскаго университета— въ высшей степени характерное явленіе того времени, обрисовывающее вполнѣ и образъ преслѣдованія и самыя личности преслѣдователей и мѣры, къ которымъ они прибѣгали. Онъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что имъ въ первый разъ и въ сильной степени возбуждено было общественное мнѣніе въ столицѣ, не дошедшее, однакожъ, до гласнаго выраженія. Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ этого суда, доходившихъ иногда до возмутительной нелѣпости. Всю обстановку его, со всѣми документами, къ нему относящимися, съ вопросными пунктами, составленными въ главномъ правленіи училищъ, съ выписками тѣхъ мѣстъ изъ тетрадей лекцій, которыя считались разрушительными, съ историческими воспоминаніями объ этомъ дѣлѣ одного изъ профессоровъ, Плисова, съ мнѣніями разныхъ государственныхъ людей того времени, такъ какъ дѣло доходило до Государственнаго Совѣта, — все это можно найти у Сухомлинова [1]). Главныя личности, на которыхъ обрушилось общественное мнѣніе, были Руничъ и Кавелинъ. Первый подражалъ Магницкому, но представлялъ изъ себя смѣшную, раздраженную фигуру, каррикатуру Магницкаго, по выраженію Греча [2]). Засѣданія происходили нѣсколько дней, длились очень долго и сопровождались самымъ нелѣпымъ нарушеніемъ всякихъ формъ суда. Трое изъ обвиненныхъ представили оправдательные и смѣлые отвѣты, изъ которыхъ видна была ясно вся нелѣпость преслѣдованія, но главное правленіе училищъ не

---

[1]) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра I. Печатались сначала въ журн. М. Н. Пр. за 1865—66 гг., а затѣмъ изданы отдѣльно въ 1889 г.

[2]) Гречъ, Записки о моей жизни. СПБ. 1886 г., стр 294.

обратило на нихъ вниманія и признало преподаваніе Германа, Арсеньева и Раупаха вреднымъ, возмутительнымъ противъ христіанства и опасныхъ для государственнаго благосостоянія. За одного только Галича, какъ за раскаявшагося грѣшника, просившаго въ допросныхъ пунктахъ ему „не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія“ [1])— взялся ходатайствовать Руничъ, Члены главнаго правленія училищъ постановили Германа, Раупаха и Арсеньева удалить изъ университета и запретить имъ преподаваніе по министерству народнаго просвѣщенія, книги ихъ запретить и извлечь изъ употребленія, но такъ какъ обвиненные требуютъ, чтобъ имъ даны были средства для оправданія, то предоставить разсмотрѣніе ихъ вины обыкновенному уголовному суду. Противъ этого послѣдняго рѣшенія возсталъ Магницкій; онъ требовалъ, чтобы иностранцевъ выслали за границу и напечатали въ газетахъ о ихъ ученіи, чтобъ согласно требованіямъ священнаго союза, союзные державы были предубѣждены о немъ. Въ главномъ правленіи училищъ — говоритъ одинъ изъ обвиненныхъ, Арсеньевъ въ своихъ запискахъ — громогласнѣе всѣхъ вопіялъ противъ насъ Магницкій и силою словъ своихъ увлекъ большую часть своихъ сочленовъ на свою сторону; онъ напугалъ ихъ воображеніе картинами неустройствъ въ Западной Европѣ, гдѣ дѣйствительно замѣтно было сильное волненіе въ умахъ, особенно въ Германіи“ [2]). Вліяніе Магницкаго очевидно отразилось на томъ заключеніи, которое сдѣлалъ всему этому дѣлу министръ народнаго просвѣщенія, перенося его изъ правленія училищъ въ комитетъ министровъ и придавая дѣлу чрезвычайную политическую важность.

„Системы открытаго отверженія истинъ Св. Писанія и христіанства, соединяемыя всегда съ покушеніемъ ниспровергать и законныя, власти, писалъ князь Голицынъ, сіи ужасныя системы, заразившія головы новѣйшихъ ученыхъ, были послѣдствіемъ отпаденія отъ вѣры Христовой и причиною всѣхъ народныхъ мятежей и революціонныхъ бѣдствій, которыя потрясли многія государства, пролили потоки крови и нынѣ еще не перестаютъ нарушать спокойствіе Европы“ [3]). Достаточно привести это введеніе для того, чтобъ каждому былъ ясенъ взглядъ главы просвѣщенія; глубокою ненавистью къ современной наукѣ и мысли, къ свободному разуму дышатъ слова его, которыми онъ хотѣлъ возбудить членовъ комитета министровъ противъ петербургскихъ профессоровъ. Комитетъ долго разсматривалъ дѣло и единогласно призналъ ученіе всѣхъ профессоровъ вреднымъ, но въ

---

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы, изд 1889 г., стр. 353.

[2]) Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. IX, стр. 37.

[3]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 262.

отношеніи къ нимъ самимъ мнѣнія членовъ раздѣлились; это затянуло дѣло; былъ составленъ особый комитетъ для разсмотрѣнія его, но новаго суда не было. Обвиненные только перестали быть профессорами и уже въ 1827 году, въ новое царствованіе, Высочайше повелѣно дѣло это считать оконченнымъ.

Мы сказали, что дѣло петербургскихъ профессоровъ обратило на себя общее вниманіе. „Къ счастью для насъ подсудимыхъ и для нашихъ защитниковъ, общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Рунича и Магницкаго—разсказываетъ Арсеньевъ.—Послѣдній былъ главнымъ виновникомъ всего зла; ихъ обоихъ и съ ихъ сателлитами огласили вездѣ обскурантами, гасильщиками просвѣщенія, а насъ величали мучениками за науку и за правду. Дотолѣ въ городѣ мало знали объ университетѣ, весьма мало интересовались его судьбами; теперь многіе сторонніе къ дѣлу люди хотѣли знать всѣ подробности *суда нечестивыхъ*, какъ называли они судъ надъ нами. Вообще вся просвѣщенная публика принимала живое участіе въ судьбѣ нашей“ [1]).

ЛЕКЦІЯ XXVIII.

Цензура во время реакціи. — Министерство князя Голицына.

Общественное мнѣніе въ Петербургѣ по поводу нелѣпаго преслѣдованія профессоровъ было сильно возбуждено, хотя оно нигдѣ не проявлялось въ печати, какъ это происходитъ въ странахъ съ болѣе свободнымъ развитіемъ. Конечно, за преслѣдуемыхъ была та часть общества—и часть, разумѣется, весьма незначительная,—которая принадлежала къ такъ называемымъ „либералистамъ“, т.-е. къ молодому поколѣнію съ либеральными идеями о реформахъ, но попрежнему были сильны крики и противъ вольнодумства, крики, поддерживавшіе князя Голицына и его мѣры. Кромѣ словъ самого Арсеньева о возбужденіи общественнаго мнѣнія, мы можемъ привести и свидѣтельство Карамзина, который тоже, повидимому, былъ на сторонѣ преслѣдуемыхъ: „Ты слышалъ о судѣ профессоровъ, пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву: говорятъ, что дѣло кончилось въ комитетѣ министровъ отрѣшеніемъ Германа, Раупаха и Арсеньева, но безъ дальнѣйшей казни. Ожидаютъ конфирмаціи. Еще неизвѣстно, получитъ ли Руничъ награжденіе блестящее, котораго требуетъ для него министръ про-

[1]) Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. IX, стр. 35.

свѣщенія, какъ сказываютъ (онъ долженъ былъ получить орденъ Св. Владиміра 2 ст.). Это дѣло здѣсь многихъ интересовало, и безъ сомнѣнія важно для будущаго. Нашъ почтенный Шишковъ говоритъ: „Поздно хватились: я давно обнаруживалъ нечестіе!“ Другіе думали, что надлежитъ закрыть классы, гдѣ преподавалось якобинство и атеизмъ, т.-е. классъ исторіи и статистики, но люди благоразумные не согласились съ ними. *Оставимъ все рѣшить Провидѣнію* и Государю“ [1]). Руничъ дѣйствительно получилъ награду, о которой писалъ Карамзинъ, а когда князь Голицынъ докладывалъ государю объ университетскомъ судѣ, то Александръ сказалъ темныя слова: „жаль, что я въ такомъ святомъ дѣлѣ погорячился“. „Какъ эту высочайшую мысль понимать должно — не смѣю испытывать“ — прибавляетъ отъ себя Руничъ [2]). Но даже при самомъ дворѣ обвиняемые нашли защитниковъ. Къ Арсеньеву лично благоволилъ Николай Павловичъ, будущій императоръ. Онъ удержалъ его въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ, которыхъ былъ главнымъ начальникомъ, доставилъ ему и другія мѣста для преподаванія, а когда Руничъ, по принятому обыкновенію, пріѣхалъ благодарить за вновь пожалованный орденъ и великаго князя, тотъ со своей стороны насмѣшливо благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который можетъ теперь посвятить все свое время инженерному училищу, и просилъ еще выгнать изъ университета нѣсколько подобныхъ человѣкъ, чтобъ употребить ихъ у себя съ пользою на службу [3]). Магницкій впослѣдствіи употребилъ это обстоятельство для доноса.

Такъ министерство князя Голицына и его ревностныхъ помощниковъ преслѣдовало всякую попытку высшаго преподаванія встать на современную точку зрѣнія, противную началамъ священнаго союза, и быть сколько-нибудь свободною. Но со стороны того же министерства происходила неустанная, мелкая, придирчивая борьба съ живымъ словомъ, искавшимъ выхода въ литературѣ; мысль, проявляющаяся въ печати, была окружена со всѣхъ сторонъ и загнана, запугана. Цензура находилась въ полномъ распоряженіи обскурантнаго министерства народнаго просвѣщенія и, если преслѣдованія мысли начались еще ранѣе князя Голицына, то въ это время они достигли крайней точки развитія. Нѣсколько либеральный уставъ цензуры 1804 года, которому мы обязаны были значительнымъ оживленіемъ печатнаго слова въ началѣ царствованія Александра, можно

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 323.

[2]) Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. IX, стр. 64

[3]) Русск. Арх. 1871 г., стр. 0264.

сказать, вообще не стѣснялъ литературной дѣятельности; явилось нѣсколько произведеній, невозможныхъ въ другихъ обстоятельствахъ, но уставъ этотъ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ, главнымъ образомъ, политическихъ обстоятельствъ, подвергался разнообразнымъ измѣненіямъ, ограниченіямъ, произвольнымъ толкованіямъ, такъ что въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы, онъ уже совсѣмъ пересталъ существовать въ первоначальномъ своемъ видѣ: „Уставъ о цензурѣ, прекрасный памятникъ перваго пятилѣтія государствованія Александра, давно разрушенъ,—говоритъ одинъ изъ приближенныхъ людей самого князя Голицына, всегда, однако, уважавшій литературу (А. И. Тургеневъ),—если не закономъ, то силою и духомъ времени, къ которому сила обыкновенно прибѣгаетъ для извиненія дѣйствій своихъ“ [1]). Какъ ни пытались тѣснить со всѣхъ сторонъ свободное слово, время все-таки брало свое и постепенно созрѣвшая мысль, мужая и укрѣпляясь, бросалась по всѣмъ направленіямъ, особенно въ журнальной литературѣ, стараясь коснуться той или другой стороны современности, начиная отъ различныхъ формъ государственнаго управленія и кончая игрою актеровъ, но цензура отталкивала его повсюду и даже объ игрѣ актеровъ въ столицахъ запрещено было писать, потому что они находятся въ службѣ Его Величества [2]). Цензура при князѣ Голицынѣ, хотя тогда не появлялось новаго устава ея, представляетъ намъ гораздо больше системы и упорства въ преслѣдованіи, чѣмъ было то прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ историческихъ событій съ появленіемъ у насъ либеральныхъ идей, является и больше смѣлости въ мысли, а потому время это даетъ намъ печальное зрѣлище продолжительной и часто мелкой борьбы печати съ цензурою. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на стѣсненія и произволъ цензоровъ, иногда до крайности нелѣпый; возникаетъ нѣсколько дѣлъ, часто очень забавныхъ, но вполнѣ характеризующихъ дѣйствія цензуры; имена нѣкоторыхъ цензоровъ того времени: Красовскаго, Тимковскаго, Бирунова и др., получаютъ печальную извѣстность.

Дѣйствія цензуры только раздражали писателей и естественно приводили ихъ къ изысканію средствъ, чтобъ такъ или иначе обмануть цензора и какъ-нибудь провести свою мысль въ печать. Слово, при такомъ гнетѣ, естественно теряло простоту выраженій, дѣлалось изворотливымъ, хитрымъ и не гнушалось никакими уловками. Мысль подцензурная становилась неясною; о настоящемъ смыслѣ ея нужно было догадываться. Это искусство мысли и развитіе догадливости въ

---

[1]) Ibidem, 1867 г., стр. 642.

[2]) Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. СПБ. 1862 г., стр. 29.

читателяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подозрительность особаго рода достигли высшей степени развитія въ сороковые годы, когда стали появляться и цензоры виртуозы. Это разумѣется возникло не вдругъ. Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, господствовалъ полный произволъ, несмотря на то, что существующее цензурное законоположеніе не было отмѣнено. Все зависѣло отъ воли цензора, отъ взгляда того или другаго власть имѣющаго лица. Приведемъ въ примѣръ періодическое изданіе „Духъ журналовъ", котораго редакторомъ съ 1815 года былъ цензоръ Яценковъ. Изъ программы этого журнала тогдашній министръ полиціи Вязьмитиновъ вычеркнулъ то, что теперь называется „внутреннимъ обозрѣніемъ". Онъ находилъ статью эту „неприличною" на томъ основаніи, что „упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично" [1]). За статью, помѣщенную въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ этого изданія „О стараніи императрицы Екатерины II о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей" — петербургскому цензурному комитету сдѣланъ былъ выговоръ, при чемъ тотъ же министръ полиціи спрашивалъ: „Какъ дерзнуть человѣку, не имѣющему ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ и пріемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена по части государственнаго хозяйства?" [2]). Журналъ получалъ частые выговоры за малѣйшіе намеки о вольности и рабствѣ крестьянъ, за слова, въ которыхъ выражается сколько-нибудь сочувствія къ низшимъ классамъ общества; журналъ съ трудомъ просуществовалъ до 1820 года и наконецъ былъ запрещенъ. Журналы вообще съ трудомъ получали разрѣшеніе на изданіе, начиная съ этого года, причемъ цензурный комитетъ дѣйствовалъ крайне произвольно; ходатайства на изданіе того или другого журнала часто не давалось потому, что цензура замѣчала въ авторѣ или дурной слогъ или недостатокъ свѣдѣній [3]). Въ министерствѣ князя Голицына въ первый разъ возникаетъ мысль о предварительномъ просмотрѣ статей, касающихся различныхъ частей управленія тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались, что получило потомъ очень широкое развитіе. На притѣсненія цензуры жаловались даже такіе писатели, какъ Карамзинъ, что можно видѣть изъ многихъ мѣстъ его переписки съ И. И. Дмитріевымъ. Даже этотъ писатель, пользовавшійся въ то время славою, лично уважаемый государемъ, принужденъ былъ жаловаться на цензурныя притѣсненія.

---

[1]) Ibidem, стр 25.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, стр. 31.

Ему было даровано Высочайшею волею печатать свою исторію безъ цензуры и, несмотря на то, отъ него требовали цензурнаго разрѣшенія, такъ что онъ принужденъ былъ жаловаться князю Голицыну: „Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный историографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать, надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но, быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ что будетъ исторія?“ [1]) И такой невинный во всѣхъ отношеніяхъ писатель, какъ Жуковскій, имя котораго пользовалось также общею славою и уваженіемъ, какъ поэта и учителя великой княгини, долженъ былъ бороться съ притязаніями тогдашнихъ цензоровъ. Извѣстна забавная цензурная исторія по поводу баллады, переведенной имъ изъ Вальтеръ-Скотта „Смальгольмскій баронъ“ или „Канунъ Иванова дня“, какъ называлась эта баллада въ подлинникѣ. Цензурный комитетъ, не пропускавшій ее въ печать, въ своемъ длинномъ объясненіи, поданномъ имъ министру народнаго просвѣщенія, простеръ свою служебную ревность до того, что находилъ балладу несоотвѣтственною тому почтенію, которое грекороссійская церковь оказываетъ празднику св. Іоанна Предтечи, считалъ, что такая, основанная на суевѣрныхъ преданіяхъ повѣсть, можетъ скорѣе „разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ или мало просвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ“, находилъ, что самая баллада по своему содержанію для русскаго читателя темна и не имѣетъ занимательности, возмущался тѣмъ, что посреди разсказа о соблазнительномъ приключеніи часто и не кстати встрѣчаются обращенія къ Творцу, кресту и Великому Иванову дню; и вообще „въ переводѣ баллады мало видно заботливости о соблюденіи приличій и различія въ священныхъ предметахъ“; далѣе цензурный комитетъ позволялъ себѣ пускаться въ литературную критику, находилъ, что въ переводѣ есть отступленія отъ подлинника, затемняющія смыслъ, что развязка не имѣетъ силы и пр. Самъ министръ народнаго просвѣщенія поддерживалъ требованія комитета, предсѣдателемъ котораго былъ Руничъ, и совѣтовалъ Жуковскому „перемѣнить нѣсколько идей и выраженій“. Жуковскій долженъ былъ подчиниться [2]). Цензоры обращали вниманіе на слогъ и даже правописаніе рукописи. Въ 1823 году кн. Вяземскій, писавшій тогда критическія статьи, принужденъ былъ жаловаться главному

[1]) Ibidem., стр. 32.

[2]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 436—447.

правленію училищъ на цензора Красовскаго, что онъ не пропускаетъ его критической статьи на томъ будто бы основаніи, что находитъ въ ней личности противъ нѣкоторыхъ писателей; онъ жаловался на произволъ его, на учительскую заботливость о его слогѣ, что Красовскій, напр., слово *задѣваетъ* измѣняетъ въ *упрекаетъ*, не позволяетъ сказать, что Карамзинъ *слѣдовалъ благоразумію*, вмѣсто *полемической* тактики ставитъ *спорной* и пр. Если цензоры позволяли себѣ такія произвольныя дѣйствія относительно писателей сколько-нибудь извѣстныхъ, то по отношенію къ начинающимъ, неизвѣстнымъ авторамъ они уже безъ всякой церемоніи обращались самовластно. Такъ, напр., цензоръ Красовскій въ 1823 году не пропустилъ въ печать для № 11 „Сына Отечества“ и совѣтовалъ помѣстить въ № 18 или № 19 романсъ, переведенный съ французскаго какимъ-то Константиновымъ, гдѣ говорится о бродячемъ пѣвцѣ трубадурѣ, уносившемъ изъ замка „вздохъ хозяйки молодой“ и что онъ былъ „жертвою страсти“ и т. п. на томъ основаніи, что № 11 долженъ выйти великимъ постомъ. „Теперь,—пишетъ на стихотвореніи замѣчаніе свое цензоръ,—сыны и дщери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова побѣдившая француза-рыцаря). Надѣюсь, что и почтенный сочинитель прекрасныхъ стиховъ не осудитъ цензора за совѣтъ, который дается отъ простоты и чистаго усердія къ нему“ [1]). Ѳ. Глинка написалъ стихотвореніе „Земная грусть“, гдѣ между прочимъ въ стихахъ:

„Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью:
„Земная жизнь—не жизнь!
„О дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима!
„Мнѣ грустно на земли!“

цензоръ вымаралъ *серафима*, а въ другомъ мѣстѣ:

„Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ?
„Гдѣ смерть и зло—цари!“

цензоръ не пропустилъ слово *зло* и тогда второй стихъ скандализировалъ многихъ [2]). Карамзинъ сообщаетъ Дмитріеву, что цензура не пропускаетъ стихотвореній такого невиннаго поэта, какъ В. Л. Пушкинъ [3]), что ему пришлось хлопотать о нихъ у самого министра [4]).

---

[1]) Русск. Стар. 1871 г., стр. 443.
[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 320 и 0145.
[3]) Ibidem., стр. 332
[4]) Ibidem., стр. 336.

Но мы долго не кончили бы, передавая разныя цензурныя исторіи, происходившія во время обскурантнаго министерства князя Голицына, несмотря на то, что намъ извѣстна только весьма незначительная часть этихъ исторій. Мы видимъ только одно, что цензура была строга и произвольна, но и этого казалось мало въ ту пору борьбы съ разумомъ и свободною мыслью. Все еще дѣйствовалъ либеральный цензурный уставъ 1804 года, хотя дѣйствіе его было совершенно ограничено. Начала священнаго союза, проводимыя въ воспитаніе главою министерства и его рьяными помощниками, требовали соотвѣтственнаго себѣ измѣненія цензурныхъ постановленій. Начертаніе новаго устава цензуры возложено было на особый комитетъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ, и душою этого комитета былъ Магницкій. Онъ составилъ и проектъ устава и особую секретную инструкцію цензурному комитету; другой обскурантъ Стурдза представилъ также свой проектъ, но предпочтеніе было отдано проекту Магницкаго, болѣе строгому.

Уставъ былъ вполнѣ готовъ въ 1823 году. Цѣль его, по словамъ самого комитета, состояла въ „противодѣйствіи пагубному духу времени, выразившемуся въ политическихъ потрясеніяхъ Европы, обнаружившихъ сильное вліяніе и на общественное мнѣніе и на литературу“. Цензура, подобно воспитанію, уже измѣненному согласно новымъ требованіямъ, должна была остановить близкую опасность [1]). Цѣлый обширный историческій и нравственный трактатъ о цензурѣ, вмѣстѣ съ уставомъ ея, былъ написанъ тогда Магницкимъ. Комитетъ, руководимый Магницкимъ, сообразовался въ этомъ дѣлѣ „съ опаснымъ движеніемъ умовъ въ Европѣ“ и хотѣлъ сдѣлать для цензуры такія „установленія, которыя лучше бы прежнихъ сообразовались съ обстоятельствами и временемъ“ [2]). Предполагалось всю цензуру сосредоточить въ одномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Предполагалось даже медицинскія книги разсматривать въ отношеніи нравственномъ, ибо, говорилось въ проектѣ, „въ настоящее время, когда науки математическія и даже *географія* несутъ часто на себѣ отпечатокъ невѣрія, могутъ ли не подлежать строжайшему надзору творенія медицинскія, въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесные и о возбужденіи въ тѣлѣ различныхъ страстей подаютъ обильные способы къ утвержденію матеріализма самымъ косвеннымъ и тонкимъ образомъ“. Поэтому и требовалось въ проектѣ „составить такой уставъ для цензуры, который бы обнималъ всѣ *извороты и уловки* настоящаго духа времени“ [3]). И дѣйствительно, въ

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 462—463.
[2]) Ibidem., стр. 466.
[3]) Ibidem., стр. 468.

проектахъ устава Магницкій старался уловить эти „изворотьі и уловки настоящаго духа времени“, особенно въ составленной имъ „секретной инструкціи“. „Духъ времени, говоритъ онъ, очевидно и во многихъ государствахъ Европы открыто уже стремится на разрушеніе всякаго гражданскаго порядка... Въ совершеннѣйшихъ противъ прежняго системахъ наукъ философскихъ, естественныхъ, историческихъ и въ произведеніяхъ изящнѣйшей словесности разливается нынѣ ядъ опаснѣйшаго всѣхъ прежнихъ временъ невѣрія. Подобно новому Пилату, разумъ человѣческій, со всею правильностью умозрительныхъ формъ своихъ, осуждаетъ и предаетъ на пропятіе Богочеловѣка“.

Эта одна уже фраза выдаетъ имя составителя. „Ни одно христіанское правительство, говоритъ далѣе Магницкій, не можетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, не токмо для собственной безопасности, но и для настоящаго и будущаго блага своихъ подданныхъ, оставаться бездѣйственнымъ“. Вотъ почему является необходимымъ усиленіе цензуры. Цензоровъ новый уставъ „облекаетъ высокимъ званіемъ стражей, охраняющихъ вѣру Христову, нравы отечественные и самый языкъ нашъ, не оскверненный еще ни богохуленіями, ни разрушительными воплями противъ власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастія отъ язвы, повсемѣстно уже и особенно въ Германіи свирѣпствующей“ [1]). Усиленная цензура, на основаніи такого мрачнаго взгляда на умственное направленіе той эпохи, взгляда, выраженнаго и подробно развитого Магницкимъ, нашла противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, напр., Фуса, И. М. Муравьева-Апостола, но Магницкаго всецѣло поддерживалъ Руничъ. Большинство членовъ главнаго правленія училищъ осталось на сторонѣ Магницкаго и поддержало его проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ, и оканчивая свои сужденія о цензурѣ, оно выразило надежду, что трудъ этотъ „предохранитъ надолго вѣру, правительство и народные нравы отъ повсемѣстнаго на нихъ посягательства“ [2]).

Проектъ, однако, не былъ утвержденъ тогда, т.-е. въ 1823 году законодательнымъ порядкомъ, но не потому, что высшая власть нашла его слишкомъ строгимъ и убивающимъ всякую литературную дѣятельность, а потому что нужно было разграничить болѣе точнымъ и опредѣленнымъ образомъ цензуру свѣтскую отъ духовной, уставъ которой разсматривался одновременно. Это задержало представленіе новаго цензурнаго устава на утвержденіе; между тѣмъ министерство князя Голицына пало, и новый министръ народнаго просвѣщенія, уже въ новое царствованіе, долженъ былъ представить

---

[1]) Ibidem., стр. 471—472.

[2]) Ibidem., стр. 480.

свой цензурный уставъ, который и замѣнилъ собою уставъ 1804 года, признанный устарѣвшимъ. Это произошло въ 1826 году; но новое цензурное законоположеніе, какъ мы увидимъ, не принесло никакихъ льготъ ни уму русскому, ни слову.

Такова была русская реакція во второй половинѣ царствованія Александра, выразившаяся въ самой нелѣпой и ожесточенной борьбѣ противъ науки и высшаго преподаванія въ университетахъ, противъ всего того, что носило хотя слабый отпечатокъ свободной мысли, и противъ живого печатнаго слова въ литературѣ. Мы видѣли, что и наука наша и печатное слово наше въ ту пору были слишкомъ ничтожны и безсодержательны, чтобъ вызывать подобныя крутыя мѣры и преслѣдованія; вліяніе европейское только что начинало тогда усиливаться, но только въ умахъ и разговорахъ: оно не имѣло возможности и силы проявляться въ литературѣ, остававшейся жалкою и ничтожною при тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыя она была поставлена въ то время. Борьба походила на ту, которая опредѣляется русской пословицей: „за мухой съ обухомъ“ и заключала бы въ себѣ много забавнаго, если бъ дѣло шло не о самомъ драгоцѣнномъ человѣческомъ достояніи: о свободной мысли и свободномъ ея выраженіи. Министерство князя Голицына представляетъ собою нѣсколько самыхъ печальныхъ, мрачныхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Преслѣдованія не вызывались никакими реальными потребностями, а безсмысленнымъ образомъ убивали въ зародышѣ ростки нашей умственной жизни. Преслѣдованія, казалось, были дѣломъ личнаго вкуса и личныхъ наклонностей тѣхъ, которые стояли во главѣ просвѣщенія. Какъ смотрѣлъ на такое систематическое преслѣдованіе умственной жизни въ странѣ своей, на ея отупленіе императоръ Александръ, что онъ называлъ „святымъ дѣломъ“ въ загадочной фразѣ, сказанной имъ князю Голицыну о дѣлѣ петербургскихъ профессоровъ — мы не знаемъ. Насколько извѣстенъ, однако, намъ его странный характеръ въ эти послѣдніе годы его жизни, можно думать, что онъ, утомленный жизнью послѣ пережитыхъ имъ тяжелыхъ бѣдствій и неожиданнаго величія, смотрѣлъ одинаково равнодушно, съ одинаковымъ презрѣніемъ и на преслѣдуемыхъ и на преслѣдователей; но страхъ революціи и постоянно звучащія кругомъ его фразы о духѣ тьмы и о князѣ міра сего, ополчившагося на Христа и на царство благодати, ставили его болѣе на сторону преслѣдователей, которые, какъ казалось тогда, охраняли тронъ. Можетъ быть, въ душѣ онъ одобрялъ ихъ мѣры, хотя и не вызывалъ особенно ихъ усердія и равнодушно подписывалъ приговоры.

Чему же покровительствовало это пресловутое министерство

князя Голицына и чему давало ходъ въ умственной жизни страны? Вѣдь трудно, конечно, представить безъ духовнаго направленія министерство народнаго просвѣщенія, которое тогда занималось не одними вопросами воспитанія, а имѣло самое близкое соприкосновеніе со всей умственной и литературной дѣятельностью страны? Глава министерства былъ и главою библейскаго общества, дѣлу котораго онъ отдался съ полнымъ убѣжденіемъ. Набожный и мягкій по природѣ, онъ отъ набожности постепенно переходилъ къ религіознымъ увлеченіямъ и къ мистицизму, который былъ въ духѣ времени и которымъ увлекался и Александръ. Видя торжество своихъ идей, подняли голову и русскіе мистики, воспитанные въ школѣ Новикова и молчавшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, со времени запрещенія въ 1806 году журнала Лабзина „Сіонскій Вѣстникъ“. Сочувствіе къ дѣлу распространенія въ народѣ Св. Писанія влекло ихъ къ библейскому обществу, и оно мало-по-малу сдѣлалось гнѣздомъ мистицизма, не смотря на то, что послѣдній вовсе не соотвѣтствовалъ его программѣ. Князь Голицынъ сдѣлался вдругъ главою мистиковъ, до тѣхъ поръ разсѣянныхъ; они собирались вокругъ него, и онъ поощрялъ ихъ литературную дѣятельность, рекомендовалъ ее для подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній, награждалъ мистиковъ. Что мистическая литература процвѣтала у насъ и находила обширный кругъ читателей, которыхъ не нашлось бы для произведеній науки, доказывается длиннымъ рядомъ мистическихъ изданій и книгъ, преимущественно переводныхъ съ нѣмецкаго языка, издателемъ которыхъ былъ Лабзинъ. О его предшествовавшей дѣятельности и о множествѣ издаваемыхъ имъ книгъ, именно сочиненій Юнга Штиллинга и Эккартсгаузена, мы уже говорили. Эта мистическая литература представляла самую нездоровую пищу; въ ней высказывалось совершенное недовѣріе къ наукѣ, ко всякимъ реальнымъ, дѣйствительнымъ стремленіямъ, къ человѣческому разуму вообще, и допускалась только слѣпая вѣра, дѣйствіе мечты въ областяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Главнымъ изданіемъ этого мистическаго направленія былъ „Сіонскій Вѣстникъ“ Лабзина, въ которомъ участвовали воспитанники старыхъ московскихъ мистиковъ и самъ издатель. Журналъ этотъ, за свое мистическое направленіе запрещенный въ 1806 году, теперь съ 1817 года сталъ издаваться по Высочайшему повелѣнію; онъ былъ посвященъ Господу Іисусу Христу; число его подписчиковъ, начиная съ членовъ императорской фамиліи, было очень значительно; его распространяли особенно по учебнымъ заведеніямъ. Князь Голицынъ сильно покровительствовалъ Лабзину; по его представленію, въ концѣ 1816 года ему былъ пожалованъ орденъ Владиміра 2 ст. „за изданіе

на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ“ [1]), какъ говорилось въ рескриптѣ. Дѣятельность его въ изданіи мистическихъ книгъ еще усилилась. Правда, съ нимъ въ 1822 году случилось несчастіе. Онъ служилъ вице-президентомъ Академіи Художествъ и разъ на собраніи конференціи, когда шла рѣчь о выборѣ почетныхъ членовъ въ Академію, Лабзинъ позволилъ себѣ неосторожное выраженіе. Предлагали въ почетные члены тогдашнихъ вельможъ: Румянцева, Аракчеева и Гурьева; въ доказательство правъ на это званіе послѣдняго приводили только то, что онъ близокъ къ государю; тогда Лабзинъ по своей пылкости сказалъ, что если ужъ выбирать въ почетные члены людей на основаніи ихъ близости къ государю, то онъ предлагаетъ царскаго кучера Илью. Это рѣзкое слово сдѣлалось извѣстно всему Петербургу и дошло до Государя; предлагали Лабзину извиниться, но онъ не согласился и за то былъ высланъ изъ столицы въ г. Сенгилѣй Симбирской губерніи. Черезъ два года ему позволили поселиться въ Симбирскѣ, но Лабзинъ былъ старъ, боленъ и, не выдержавъ несчастія, вскорѣ умеръ. Скоро и самый мистицизмъ, которому еще недавно покровительствовало правительство, явился плодомъ запрещеннымъ, преслѣдуемымъ, и исчезъ изъ литературы.

ЛЕКЦІИ XXIX и XXX.

Парротъ — Паденіе Голицына. — Фотій.

Обскурантное направленіе министерства народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ, преслѣдующее науку, слово, мысль, тѣмъ сильнѣе тяготѣло надъ нашею духовною жизнью, потому что не встрѣчало себѣ ни въ комъ и ни въ чемъ открытаго противодѣйствія. Это было какъ бы мѣропріятіе самого правительства въ извѣстномъ направленіи, а оно не могло подвергаться разбору и осужденію. Постепенно духовная атмосфера у насъ становилась все душнѣе и душнѣе и въ ней накоплялись ложь и лицемѣріе. Главные дѣятели, окружавшіе князя Голицына въ библейскомъ обществѣ, пользуясь видимымъ покровительствомъ своимъ идеямъ со стороны верховной власти, дѣлались все смѣлѣе и беззастѣнчивѣе, преслѣдованія происходили открыто, ничѣмъ не стѣсняемыя. При невозможности печатной оппозиціи, противъ нелѣпости господствующей системы

[1]) Русск. Арх. 1866 г., стр. 833.

могли возставать только люди, имѣвшіе почему либо личное значеніе у государя, и возставать личнымъ обращеніемъ къ нему и личными представленіями. Такъ и дѣйствовали люди, уважавшіе науку и понимавшіе ея современное значеніе. Мы находимъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько попытокъ нападенія въ это время на господствовавшую систему обскурантизма: попытки эти были неудачны, что и свидѣтельствуетъ о силѣ мистическаго направленія и о томъ, что власть одобряла его вполнѣ съ своей стороны.

На печальныя слѣдствія тогдашняго обращенія съ высшимъ образованіемъ у насъ и въ особенности на дѣятельность Магницкаго, пагубную для будущаго, указывалъ въ это время откровенно и прямо императору Александру энергическій голосъ дерптскаго профессора Паррота. Человѣкъ этотъ, заслужившій благодарное воспоминаніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ людей того времени и пользовался давно ужъ близкою, сердечною дружбой Александра. Послѣдній встрѣтился съ Парротомъ на второй годъ своего государствованія, въ лучшую пору мечтаній о необходимыхъ для Россіи преобразованіяхъ. Въ 1802 году, когда Александръ былъ въ Дерптѣ, Парротъ, тогда проректоръ университета, пользовавшійся въ Европѣ большою извѣстностью, какъ физикъ и естествоиспытатель, говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Она до такой степени понравилась государю, что онъ приблизилъ къ себѣ Паррота. Завязалась дружба, самая интимная, между этими людьми, такъ далеко отстоявшими другъ отъ друга по своему общественному положенію. Парротъ, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, имѣлъ свободный доступъ къ Александру и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ нимъ въ его кабинетѣ, а въ Дерптѣ часто получалъ отъ него простыя дружескія письма. Александръ повѣрялъ ему, по свидѣтельству барона Корфа, и частныя свои и государственныя тайны. „Этотъ ученый, говоритъ онъ о Парротѣ, былъ честный, умный, добросовѣстный нѣмецъ, конечно, болѣе мечтатель, нежели практикъ, но всегда правдивый и прямодушный; съ безкорыстіемъ и смѣлостью человѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее изъявленіе милости, онъ предался Александру всею душою, и далекій отъ всякой лести, строгій въ своихъ приговорахъ какъ совѣсть, постепенно присвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора“ [1]). Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ жизни Александра, именно наканунѣ высылки изъ Петербурга Сперанскаго, Парротъ, бывшій тогда въ столицѣ, имѣлъ случай и лично и письмомъ дѣйствовать въ пользу опальнаго, и если его участіе и не защитило Сперанскаго, то, по всей

[1]) Бар Корфъ. Жизнь граф. Сперанскаго. т. II, стр. 12—13.

вѣроятности, оно удержало Александра отъ тѣхъ крайностей, на которыя онъ готовъ былъ рѣшиться въ первомъ пылу раздраженія. Точно такъ и теперь, въ самое печальное время царствованія Александра, во время господства крайняго обскурантизма, Парротъ рѣшился раскрыть глаза своему царственному другу на весь вредъ преобладающей тогда системы по отношенію къ университетамъ и представилъ Александру записку на французскомъ языкѣ: „Coup d'oeuil moral sur les principes actuels de l'instruction publique", въ которой справедливо и откровенно нападалъ преимущественно на дѣйствія Магницкаго. Парротъ осуждаетъ вообще систему нашего просвѣщенія за то, что въ ней нѣтъ твердыхъ и ясныхъ началъ, и что она безпрестанно измѣнялась, согласно съ духомъ и направленіемъ времени, — упрекъ, который и теперь не утратилъ своего значенія. Главное нападеніе Паррота направлено, однако, на тѣ вредныя слѣдствія, которыя необходимо должны истекать для духовной жизни страны изъ знаменитыхъ „Инструкцій" Магницкаго. Чрезвычайно вѣрно онъ доказываетъ всю безнравственность началъ, въ нихъ заключающихся, и то сплошное лицемѣріе, которое должны онѣ были произвести, какъ въ характерѣ профессорскаго преподаванія, такъ и въ нравственномъ образованіи слушателей. Парротъ разгадалъ фразы Магницкаго и доказываетъ ясно, что всѣ тѣ разглагольствованія о Богѣ, его мудрости и пр. и такъ называемый обличительный характеръ нѣкоторыхъ наукъ, требуемый отъ профессора „Инструкціями", не только не достигаетъ предположенной цѣли, но именно вредитъ ей. „Частымъ и заказнымъ повтореніемъ мысли, навѣянной со стороны, говоритъ онъ, выраженіе этого удивленія (къ Творцу) дѣлается пустымъ обрядомъ"... Въ инструкціи о преподаваніи Парротъ не видитъ ничего „кромѣ безконечной фразеологіи, гдѣ невѣжество облекается мантіей эрудиціи и знаній". Парротъ убѣдительно доказываетъ, что система разовьетъ въ слушателяхъ холодность къ религіи, насмѣшки надъ нею и набожность лицемѣрную, наружную. Точно также справедливо Парротъ возстаетъ противъ мелкаго и постояннаго надзора за поведеніемъ студентовъ. По его словамъ, это держаніе молодого человѣка въ пеленкахъ дѣлаетъ изъ него или „негодяя или автомата, существо безъ воли, безъ характера, не способное ни къ какой самостоятельной дѣятельности". Молодому человѣку необходима свобода развитія. Принудительная система должна выработать тѣхъ „негодяевъ, которые скрываютъ настоящія свои чувства подъ покровомъ скромности, а потомъ вознаграждаютъ себя за это рабство неуваженіемъ къ обществу и открыто ненавидятъ власть, которой приходится клеймить ихъ". Онъ угадалъ результаты, которые должны были произойти для университета отъ системы та-

кого „опаснаго“ преобразователя, какимъ былъ Магницкій. „По внѣшности, говоритъ онъ, университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе“, Парротъ спрашиваетъ: какія причины политическія могли заставить правительство принять такую стѣснительную систему народнаго образованія, и указываетъ на тѣ либеральныя стремленія, которыя всегда отличали царствованіе Александра, даже на конституцію Польши, бывшую его дѣломъ; онъ приводитъ собственныя слова государя, когда-то имъ сказанныя: „Я не хочу, чтобы общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, точно также, какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ“. Парротъ клеймитъ позоромъ людей, которые, прикрываясь религіей, поставили себѣ задачей сдѣлать русскихъ рабами въ правленіе государя, добивавшагося совершенно противоположнаго. Министерство князя Голицына, по словамъ его, дѣйствовало, само того не сознавая, въ пользу іезуитовъ, которые непремѣнно воспользуются этимъ по возвращеніи въ Россію [1]). Этотъ благородный, смѣлый голосъ честнаго нѣмецкаго профессора не былъ услышанъ Александромъ. Система попрежнему продолжала существовать, потому что соотвѣтствовала тогдашнему настроенію его, и „Записка“ Паррота только въ 1826 году, уже въ новое царствованіе, была передана новому министру Шишкову, но не произвела вообще никакого вліянія на взгляды власти.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ русскомъ обществѣ того времени были люди, дѣйствительно образованные, которые приходили въ негодованіе отъ всѣхъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ. Мы увѣрены, что и вся литература наша возстала бы противъ нихъ, если бы имѣла возможность. Къ лучшему литературному обществу столицы принадлежалъ извѣстный намъ Уваровъ, который самъ, въ качествѣ попечителя петербургскаго учебнаго округа, долженъ былъ потерпѣть отъ дѣйствій министерства князя Голицына. Уваровъ, какъ мы сказали, подалъ въ отставку, какъ только что составленный имъ проектъ устава Петербургскаго университета былъ неодобренъ главнымъ правленіемъ училищъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало гоненіе четырехъ петербургскихъ профессоровъ и судъ надъ ними, надѣлавшій столько скандала. Обвиняя ихъ, Магницкій и Руничъ касались и Уварова. Университетъ и его обвиняли въ распространеніи обдуманной системы невѣрія, понятій, противныхъ христіанству и разрушительныхъ для общественнаго порядка и благосостоянія. Уварову приходилось, такимъ образомъ, самому защищаться и, опираясь на свое высокое общественное

[1]) Ѳеоктистовъ. Магницкій, стр. 143—152.

положеніе и связи, онъ рѣшился написать письмо къ императору Александру и высказать въ немъ свой взглядъ на положеніе вещей въ тогдашнемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія [1]). Сила обстоятельствъ заставила его написать это письмо, въ которомъ онъ старается оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій и объясняетъ характеръ дѣйствій министерства. Любопытна въ особенности сдѣланная имъ характеристика его преслѣдователей, людей, которые выставляли себя защитниками религіи и трона, этой „горсти людей, по его словамъ sans aveu, которые со злобой въ душѣ и съ человѣколюбіемъ на словахъ, исконные враги всякаго положительнаго порядка и слѣдовательно *друзья мрака* присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать существующій порядокъ въ самомъ основаніи; эти хладнокровные фанатики, поочередно, то заклинатели злыхъ духовъ, то иллюминаты, квакеры, масоны, ланкастерьянцы, методисты, наконецъ все, что угодно, только не люди и не граждане, — которые утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ то же время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона,— искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти, встревожить всѣ умы и которые теперь создаютъ вокругъ себя воображаемыя опасности, чтобы продолжить нѣсколькими минутами свое эфемерное существованіе“ [2]). Большая часть этой характеристики относилась къ главному герою министерства Магницкому, которому, дѣйствительно, ничего не стоило мѣнять изъ-за личныхъ выгодъ массу убѣжденій, какъ это всѣмъ извѣстно. Воейковъ въ своей сатирѣ жестоко заклеймилъ этого хамелеона [3]). Но распространяя эту характеристику на все библейское общество, Уваровъ оскорблялъ нѣкоторымъ образомъ всѣ сердечныя привязанности Александра и его мистически-набожное настроеніе, а потому письмо его не имѣло успѣха. Даже Карамзинъ, какъ мы видѣли, былъ на сторонѣ всего образованнаго общества и отзывался съ крайнимъ неуваженіемъ о цензурѣ, преслѣдованіяхъ университетскаго преподаванія, мистицизмѣ и другихъ обскурантныхъ мѣрахъ того времени, но его личное негодованіе не выросло до той степени гражданскаго мужества, чтобы стараться убѣдить императора Александра въ ненужности принимаемыхъ крутыхъ мѣръ и во вредѣ направленія, господствовавшаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ направленіе росло, система преслѣдованій цензурныхъ и всякихъ другихъ

---

[1]) Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 378—384.

[2]) Ibidem, стр. 383.

[3]) Домъ сумасшедшихъ.

процвѣтала, и общественное мнѣніе позволяло себѣ только нападеніе въ рукописныхъ эпиграммахъ Пушкина и другихъ либеральныхъ поэтовъ того времени. Направленіе, составлявшее душу министерства народнаго просвѣщенія, было такъ сильно, такъ подходило къ условіямъ нашей государственной и общественной жизни, что даже и тогда, когда пало министерство князя Голицына, оно устояло и еще набралось силъ, еще болѣе окрѣпло, хотя прежній мистическій оттѣнокъ его исчезъ навсегда. Министерство князя Голицына, пало не въ угоду торжества либеральныхъ идей, съ которыми оно такъ усиленно и ожесточенно воевало; не онѣ восторжествовали, а восторжествовали такія же и еще можетъ быть болѣе страшныя, темныя силы: измѣнились лица, фанатизмъ преслѣдованія остался тотъ же. Библейское общество, а съ нимъ и министерство князя Голицына пали отъ интриги, которая только ловко воспользовалась давно накопившимся въ сердцахъ необразованныхъ представителей нашего духовенства и приверженцевъ старины негодованіемъ на господствующую мистику и на библейское дѣло, въ которомъ видѣли начала невѣрія и революціи. Библейское дѣло, какъ оно понималось нашимъ обществомъ, было у насъ заноснымъ англійскимъ явленіемъ, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ протестантизма, и потому все наше духовенство, мало образованное, привыкшее только къ обрядовой сторонѣ религіи было весьма мало расположено къ нему, относилось къ нему подозрительно. Все духовенство наше было образовано въ рутинной схоластической школѣ, не могло понимать новыхъ явленій въ умственной жизни и не было въ состояніи по своему низкому духовному развитію бороться съ тѣми направленіями мысли, которыя противоположны религіозному чувству, путемъ слова и убѣжденія или путемъ науки. Оно могло только голословно порицать и отвергать и употреблять какъ орудіе борьбы такія средства, какія немыслимы въ правильной и честной борьбѣ понятій. Библейское дѣло, вопросъ о распространеніи въ народѣ книгъ св. писанія и вообще о религіозномъ воспитаніи народа, было для духовенства такою новизною, о которой оно никогда прежде не думало; но когда власть и представители высшаго духовенства взялись за эту новизну, все остальное духовенство молча и безпрекословно подчинилось желанію власти, именно потому, что само духовенство, не имѣя твердаго общественнаго положенія, не имѣло и голоса. Тѣмъ не менѣе, глухая непріязнь къ библейскому дѣлу нашла распространеніе въ массѣ этого мало образованнаго, но твердо стоявшаго за старину и преданія духовенства; библейское нововведеніе казалось ей опаснымъ явленіемъ протестантизма у насъ. Духовенство роптало и говорило о

нарушеніи православія. Этотъ ропотъ еще болѣе увеличился отъ мистическихъ увлеченій князя Голицына и главныхъ дѣятелей библейскаго общества. Эти люди, не довольствуясь внѣшнею церковью, искали церкви внутренней, не довольствуясь церковною догматикою, искали вездѣ, часто не разбирая источниковъ, живой дѣятельной вѣры, покровительствовали раскольникамъ, слушали проповѣди католиковъ и квакеровъ, не брезгали даже религіозными плясками у Татариновой. Мистическія сочиненія, съ ихъ неопредѣленнымъ туманнымъ языкомъ, въ которыхъ говорилось, однако, безпрерывно объ основаніи какого-то новаго царства Христова, наводняли литературу. Мистики, какъ напр., Лабзинъ, покровительствуемые Голицынымъ, держали себя гордо, высокомѣрно по отношенію къ прочему духовенству и выставляли себя единственно истинными истолкователями религіозныхъ вопросовъ. Все это увеличивало ропотъ и неудовольствіе необразованнаго духовенства по отношенію къ князю Голицыну. Самое министерство его: „духовныхъ дѣлъ“ и народнаго просвѣщенія казалось чѣмъ-то въ высшей степени страннымъ и оскорбительнымъ для православнаго вѣроисповѣданія: дѣла послѣдняго вѣдались наравнѣ съ дѣлами исповѣданій еврейскаго, католическаго, протестантскаго, даже магометанскаго. Многихъ оскорбляло это безразличіе и сословный духъ духовенства сильно былъ возмущенъ имъ. Притомъ Голицынъ, опираясь на дружескую привязанность къ нему государя, дѣйствовалъ самовластно, не стѣсняясь ничѣмъ. Бороться съ такимъ сильнымъ человѣкомъ даже высшимъ представителямъ духовенства было затруднительно. Разсказываютъ, что петербургскій митрополитъ Михаилъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, умеръ отъ огорченій, нанесенныхъ ему княземъ Голицынымъ, вслѣдствіе личныхъ столкновеній [1]), и что, умирая, онъ писалъ къ Александру письмо, въ которомъ указывалъ на опасности для православія отъ дѣйствій и общаго направленія министерства Голицына по отношенію къ духовнымъ дѣламъ. По смерти его, при вліяніи Аракчеева, который давно завидовалъ дружбѣ Александра къ Голицыну, петербургскимъ митрополитомъ назначенъ былъ Серафимъ; въ рукахъ Аракчеева онъ сдѣлался главнымъ орудіемъ въ паденіи Голицына. Вообще причиною этого паденія, которому рукоплескало тогда и либеральное меньшинство нашего общества, не знавшее тайныхъ пружинъ, надобно считать ловкую интригу Аракчеева, который нашелъ себѣ, кромѣ Серафима, еще двухъ смѣлыхъ и ревностныхъ помощниковъ въ лицѣ столь извѣстнаго Юрьевскаго архимандрита Фотія и Магницкаго.

[1]) Вѣстн Евр. 1868 г, XI, стр. 239.

Этими лицами было обдумано и разсчетливо подготовлено паденіе князя Голицына.

Изъ всѣхъ лицъ этого союза, заговора или интриги, которую хорошо знали современники, самымъ любопытнымъ является оригинальный архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій. О немъ очень долго и много говорили, передавая разсказы современниковъ; въ послѣдніе годы стали печататься эти разсказы, выясняющія намъ отчасти эту довольно темную личность, ея значеніе въ дѣлѣ паденія князя Голицына, ея вліяніе даже на самого Александра. Это вліяніе Фотія было уже послѣднее въ жизни императора, и оно характеризуетъ нравственное состояніе его, показывая, какая глубокая разница существуетъ между вліяніями его первыхъ лучшихъ лѣтъ и настоящими, когда онъ приближалъ къ себѣ уже не лучшія личности общества, а грубаго изступленнаго фанатика, который еще нарочно надѣвалъ на себя маску дикости, чтобъ казаться болѣе строгимъ и святымъ.

Для исторіи общества того времени такая личность, какою является передъ нами Фотій въ послѣдніе годы царствованія Александра, весьма замѣчательна: она въ высшей степени характеризуетъ время. Но мы мало еще знакомы съ нимъ, чтобъ можно было поручиться за вѣрность его изображенія. Записки его, писанныя имъ по убѣжденію графини Орловой, напечатаны только въ весьма незначительныхъ отрывкахъ [1]), судить по которымъ о немъ затруднительно. Вообще надобно сказать, что о Фотіи существуютъ разные, довольно противоположные отзывы: одни считаютъ его полу-изступленнымъ фанатикомъ, другіе видятъ въ немъ хитраго лицемѣра, хлопотавшаго только о личныхъ выгодахъ своихъ; третьи только орудіе въ ловкихъ рукахъ Аракчеева. Особенно скандализировали современниковъ и потомковъ его отношенія къ графинѣ А. Орловой, къ этой богатѣйшей женщинѣ въ цѣлой Россіи, которая безгранично, какъ раба, была предана ему, какъ раба снимала съ него сапоги и была готова отъ него на всяческія униженія. Она предоставила въ его полное распоряженіе и свое вліяніе въ свѣтѣ, и свои связи, и свое громадное состояніе. Отношенія Фотія къ Орловой—въ насмѣшливыхъ эпиграммахъ Пушкина—весьма извѣстны [2]). Но во всемъ этомъ много преувеличеній. Дѣвица Орлова, единственная наслѣдница богатствъ знаменитаго сподвижника Екатерины, графа Орлова-Чесменскаго, получившая блестящее образованіе и воспитанная при дворѣ въ величайшей ро-

---

[1]) Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр 262--273

[2]) Графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. Разговоръ Фотія съ Орловой.

скоши, вслѣдствіе разныхъ душевныхъ потрясеній и, говорятъ, несчастной любви, сдѣлалась набожною святошею и сблизилась съ Фотіемъ, фанатической волѣ котораго она вполнѣ подчинилась. Но монахъ этотъ, на котораго она смотрѣла, какъ на святого, не воспользовался своимъ вліяніемъ для себя лично или для родныхъ своихъ. Все, что только передавала ему Орлова, все это шло на украшеніе Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, гдѣ онъ былъ архимандритомъ. Богатства Орловой всѣ пошли на монастыри, на церкви, на разныя богоугодныя заведенія, и во всей раздачѣ этой Фотій принималъ непосредственное участіе. Фанатизмъ доводилъ его до ослѣпленія. Еслибъ у него была такая власть, какъ у католическихъ духовныхъ лицъ среднихъ вѣковъ, изъ него вышелъ бы типъ инквизитора, но въ нашемъ русскомъ духовномъ развитіи онъ повторилъ собою фигуру протопопа Аввакума, столь же смѣлую, рѣзкую и фанатическую. Въ нихъ есть много сходства; даже слогъ Фотія напоминаетъ Аввакума.

Несмотря на фанатизмъ и дикія выходки Фотія, его нельзя, однако, назвать ни невѣждою, ни недоучившимся семинаристомъ, хотя то, что извѣстно въ отрывкахъ изъ его сочиненій, не можетъ дать намъ обращиковъ особеннаго образованія, но за то дышитъ самымъ глубокимъ фанатизмомъ и дерзостью. Фотій кончилъ курсъ въ Александро-Невской Лаврѣ, поступилъ въ монахи и вскорѣ назначенъ былъ законоучителемъ въ одинъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ. Въ этомъ званіи очень смѣло сталъ онъ обличать господствовавшее мистическое направленіе и въ особенности библейское общество; каковы были взгляды Фотія, видно, напр., изъ того, что въ распространеніи св. Писанія посредствомъ библейскаго общества онъ находилъ успѣхъ протестантства, а по поводу простой нравственнаго содержанія замѣтки, напечатанной Лабзинымъ въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“: „Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножемъ, да молится: „Господи! даруй сердцу моему терпѣніе!“ Будемъ, братья, ждать, пока Господь на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на избіеніе Вааловыхъ жрецовъ!“—Фотій положительно утверждалъ, что въ 1817 году мистиками, а слѣдовательно и княземъ Голицынымъ, было составлено покушеніе на жизнь императора Александра, но отложено [1]). Вскорѣ, однако, Фотій принужденъ былъ оставить и столицу и должность законоучителя и уѣхать архимандритомъ въ свой Новгородскій Юрьевъ монастырь. Тогда онъ сталъ печатать, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ духовной литературѣ сочиненіями: „Огласительное богословіе“ (уроки, которые

[1]) Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 года, I, стр. 263.

преподавалъ онъ въ кадетскомъ корпусѣ); „Житіе блаженнаго Иннокентія, еп. Пензенскаго“ (учителя Фотія, котораго онъ выставлялъ жертвою преслѣдованій князя Голицына и страдальцемъ за православіе). Рѣзкія убѣжденія, фанатизмъ и смѣлость Фотія были хорошо извѣстны въ Петербургѣ. Такой человѣкъ былъ нуженъ Аракчееву для того, чтобъ бороться съ ненавидимымъ имъ княземъ Голицынымъ на томъ поприщѣ, на которомъ онъ былъ силенъ и гдѣ убѣжденія его раздѣлялъ и поддерживалъ самъ государь. Безъ сомнѣнія при сильномъ вліяніи Аракчеева, въ 1822 году, когда уже нанесенъ былъ мистицизму значительный ударъ ссылкою Лабзина, Фотій, какъ вѣрное и слѣпое орудіе борьбы, вызывается въ Петербургъ. Объ этомъ годѣ и о дѣйствіяхъ своихъ въ то время въ столицѣ, Фотій оставилъ „Записки“ [1]). Этотъ годъ надобно считать началомъ борьбы съ княземъ Голицынымъ враговъ его. Тогда, по словамъ Фотія, Господь „явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражіи шатаются, невѣріе трепещетъ“. Изъ словъ Фотія видно, что онъ вызывался въ Петербургъ, „изъ коего былъ прежде изгнанъ безславно“ для опредѣленной цѣли—борьбы. Митрополитъ Серафимъ приготовилъ ему помѣщеніе въ Лаврѣ, подлѣ себя. Съ помощію Орловой Фотія принимали и угощали во многихъ знатныхъ петербургскихъ домахъ, „но все слово и дѣло, прибавляетъ Фотій, направляемо было къ настоящей цѣли: како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособіе“ [2]). Но въ этотъ пріѣздъ свой въ Петербургъ Фотій хотѣлъ, повидимому, все дѣло кончить миромъ. Онъ сблизился съ княземъ Голицынымъ и сблизилъ его съ митрополитомъ и Орловою. Тогда же въ первый разъ говорилъ съ нимъ и Александръ, обращавшійся съ Фотіемъ съ глубокимъ уваженіемъ, даже съ какимъ-то подобострастіемъ: цѣловалъ его руки, кланялся ему въ ноги. По всей вѣроятности, эта первая поѣздка Фотія въ Петербургъ была предпринята съ цѣлью изучить людей и положеніе дѣлъ, ознакомить Юрьевскаго архимандрита съ людьми и ихъ отношеніями. Фотія выставили передъ Александромъ—святымъ; кажется, и самъ Голицынъ, набожный и искренно вѣрующій, смотрѣлъ на него такими же глазами, вовсе не подозрѣвая въ немъ орудія враговъ своихъ. Да и вообще трудно сказать: дѣйствовалъ ли Фотій отъ себя или былъ только орудіемъ другихъ; скорѣе всего онъ былъ слѣпое орудіе. Но уже и въ этотъ пріѣздъ онъ постарался, повидимому, заронить въ сердцѣ Александра подозрѣніе и напугать его опасностями. „Едино есть тебѣ нужно по-

---

[1]) Русск. Арх. 1869 г., стр. 929—944.

[2]) Ibidem, стр. 929—931

вѣдать для тебя паче всего нужное, — говорилъ ему Фотій, согласно его собственному разсказу: — враги церкви святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святои вѣры Христовой и царству всему,—но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего; надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самыя столицы въ успѣхахъ немедленно остановить“ [1])...

Мы сказали, что нравственная личность Фотія, главнаго дѣйствователя въ борьбѣ съ Голицынымъ и главнаго виновника его паденія, личность, характеризующая время, представляется, въ разнообразныхъ, часто противоположныхъ отзывахъ современниковъ и людей, изучавшихъ то время, очень неясною, хотя всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ религіозный фанатикъ. Фанатизмъ этотъ, выражающійся въ дикихъ, грубыхъ формахъ, съ полною непримиримостью, заставляетъ подозрительно смотрѣть и на искренность его убѣжденій, въ которой увѣрены его защитники [2]). Фанатизмъ этотъ какъ-то мало соединимъ и съ его раболѣпнымъ поклоненіемъ Аракчееву, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на архангела, какъ на истиннаго защитника православной церкви, и при всякомъ удобномъ случаѣ старался льстить ему. Современники указываютъ на его аскетизмъ, доведенный до высшей степени, говорятъ о физическихъ лишеніяхъ, которымъ онъ подвергалъ себя, о тяжелыхъ желѣзныхъ веригахъ, никогда не покидавшихъ его, что, разумѣется, пріобрѣтало ему, какъ святому-юродивому, многихъ поклонниковъ и поклонницъ въ особенности въ высшемъ обществѣ Петербурга: людямъ, пресыщеннымъ жизнью, нравятся такія крайности. Къ этому надобно присоединить его самолюбіе, которое еще болѣе увеличилось отъ сознанія недостатка ума и образованія, отъ зависти, питаемой имъ постоянно къ такому человѣку, какимъ былъ въ то время Филаретъ, сочувствовавшій лучшимъ стремленіямъ библейскаго общества, уважаемый всѣми и близкій другъ Голицына. Всѣ эти черты характера Фотія дѣлаютъ изъ него весьма непривлекательную личность, и такому-то человѣку обстоятельства предоставили возможность дѣйствовать въ важномъ дѣлѣ и имѣть духовное вліяніе на Александра и на страну.

Мы видѣли, что Фотій былъ вызванъ въ первый разъ въ Петербургъ въ 1822 году, но тогда онъ только познакомился съ людьми и обстоятельствами. Дѣйствіе открытое и прямое началось позднѣе. Въ апрѣлѣ 1824 года Фотій подалъ Александру „Записку“, въ которой сильно нападалъ на мистическую литературу за ея проповѣдь какой-то

---

[1]) Ibidem, стр. 940.

[2]) Русск. Инв. 1863 г. № 192, Вѣсти Евр., 1868 г., XI, стр. 258.

„новой религіи“, установленной для послѣднихъ временъ, и перечисляя изданныя нашими мистиками книги и авторовъ ихъ, доказывалъ, что въ нихъ заключается отступленіе отъ вѣры христіанской православной [1]). Это, разумѣется, сдѣлалось извѣстнымъ князю Голицыну и тотъ упрекнулъ Фотія, что онъ противъ него дѣйствуетъ. Фотій старался увѣрить Голицына, что онъ выдѣляетъ его личность изъ своихъ нападеній. „Кто тебѣ возгласилъ, что я противу тебя?— пишетъ онъ къ нему.—Ты знаешь, что я по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ, вѣрою и правдою Богу, Царю, церкви и отечеству служилъ, служу и буду служить, и что или кто мя разлучитъ отъ любви Божіей въ семъ разумѣ? тьма злодѣйскихъ книгъ можетъ ли и святую душу не смущать? Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога, — что я противу тебя? Ужели слово и дѣло всякое противу злодѣйствъ книжныхъ—есть и можетъ быть противу тебя?“... Въ заключеніе Фотій требуетъ отъ Голицына искренняго покаянія [2]). Фотій разсказываетъ, что на другой день послѣ письма этого Голицынъ пришелъ къ нему для объясненій (23 Апр.). „Умоляю тебя, сказалъ ему Фотій, Господа ради останови ты книги, кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской и всякой святыни, и въ коихъ ясно возвѣщается *революція*, или доложи ты Помазаннику Божію!“ Но Голицынъ будто бы отвѣчалъ, что теперь уже поздно, что Государь самъ виноватъ въ распространеніи столь вредныхъ книгъ. Фотій прибавляетъ, что онъ увидѣлъ тогда дерзость и ложь князя Голицына и рѣшился болѣе не видѣться съ нимъ, какъ съ врагомъ церкви и государства. Далѣе, однако, Фотій разсказываетъ, что онъ еще разъ видѣлся съ Голицынымъ, по желанію послѣдняго, черезъ день, при особенно торжественной обстановкѣ (въ домѣ графини Орловой, гдѣ жилъ Фотій [3]). Обстановку эту подтверждаетъ и Шишковъ [4]). Фотій стоялъ у налоя съ крестомъ и евангеліемъ, когда вошелъ Голицынъ. Когда онъ попросилъ благословенія у Фотія, тотъ не далъ его, а требовалъ покаянія, требовалъ, чтобъ онъ шелъ къ царю, палъ предъ нимъ на колѣни, и каялся въ своихъ революціонныхъ замыслахъ. Когда Голицынъ разсердился и сталъ гордо отвѣчать на такія дерзкія притязанія монаха, Фотій сказалъ ему, что онъ по праву служителя алтаря можетъ предать его проклятію, и кричалъ вслѣдъ удалявшемуся и смущенному Голицыну: „Анаѳема, да будешь

---

[1]) Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ, 1868 г., I, стр. 269.

[2]) Русск. Арх. 1870 г., стр. 1159—1162.

[3]) Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 267—268.

[4]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 246.

ты проклятъ!“ 29 апрѣля Фотій вручилъ императору Александру новую записку о дѣйствіяхъ министерства князя Голицына. Въ ней доказывалъ онъ, что вся цѣль дѣйствій князя Голицына есть ниспроверженіе самодержавія и вѣры. „Чтобы духовенство сему не мѣшало, говоритъ онъ, введено министерство духовныхъ дѣлъ. Все противное церкви вводилось и духовенство не смѣло ничего сказать. Для смѣшенія всѣхъ религій, министерству подчинены всѣ религіи, даже жидовская и магометанская. Чтобы смѣшать религію съ ложнымъ просвѣщеніемъ и просвѣщеніе съ ложною религіею, и чрезъ то исказить и религію и просвѣщеніе, и чего нельзя достигнуть чрезъ религію, того достигнуть чрезъ просвѣщеніе, министерство духовныхъ дѣлъ соединяется съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ одномъ лицѣ“... Съ тою же вредною цѣлью учреждается и библейское общество „чтобы, подъ видомъ набожности, удобнѣе имѣть сообщеніе“; далѣе говорится о вредныхъ книгахъ, изданныхъ при Голицынѣ, о широкой разсылкѣ ихъ въ подвѣдомственные министру округа и учебныя заведенія, для чего министръ беретъ на себя и управленіе почтовою частью, о выборѣ единомышленниковъ въ попечители учебныхъ округовъ, о выпискѣ изъ-за границы представителей протестантизма, напр., Госнера, Фесслера, „который хуже Пугачева“, о покровительствѣ мистицизму, разнымъ сектамъ и раскольникамъ. Въ вѣдѣніи министерства и типографіи и цензура. „Есть часть единомышленниковъ и въ нихъ, говоритъ Фотій:—Гречь—первый злодѣй съ сей стороны и Тимковскій“!! „Всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро расплываются, что въ ужасъ многихъ приводятъ. Дабы унизить слово Божіе, которое въ церквахъ съ благоговѣніемъ читается, предписано продавать его даже въ аптекахъ съ микстурами и стклянками“ [1]).

Такъ началась извѣстная всѣмъ кампанія противъ князя Голицына и тѣ же самыя обвиненія, которыя министерство его такъ щедро расточало наукѣ и высшему образованію въ Россіи, теперь обрушились на него. Мы знаемъ, какъ мало правды было въ этихъ взаимныхъ обвиненіяхъ, знаемъ, что источникъ ихъ прежде всего надобно искать въ личномъ настроеніи императора Александра, въ томъ страхѣ революціонныхъ замысловъ, который обуялъ все общество подъ вліяніемъ инсинуацій реакціонеровъ, и наконецъ въ малообразованности дѣйствовавшихъ лицъ. Но главная пружина всетаки заключалась въ ихъ личномъ честолюбіи и въ раболѣпномъ желаніи угодить власти. Можно полагать, что Фотій, этотъ религіозный, фанатическій дикарь, дѣйствовалъ искренно, согласно своимъ нелѣпымъ убѣжденіямъ;

---

[1]) Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 272—273.

но за нимъ стояли другіе, которые желали и умѣли воспользоваться его фанатическою ревностью. Шишковъ, фанатизмъ котораго и ревность не по разуму, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не уступали Фотіевымъ, разсказавъ дикую и возмутительную сцену съ Голицынымъ въ домѣ графини Орловой, прибавляетъ, что Александръ вскорѣ позвалъ къ себѣ Фотія „и хотя сначала выговаривалъ ему съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо неприличнымъ, но даже и несообразнымъ съ христіанскою кротостію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва“ [1]). Въ этой личной бесѣдѣ Александра съ Фотіемъ, если вѣрить послѣднему и его запискамъ, Александръ, убѣжденный его доводами, будто бы задалъ ему вопросъ: „какъ пособить, дабы остановить революцію?“ и Фотій написалъ по этому поводу письмо къ нему, гдѣ беретъ на себя роль вдохновеннаго пророка и, увѣряя, что послѣ долгои и усердной молитвы его посѣтило свыше откровеніе, предлагаетъ слѣдующій „способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо: 1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы. 2) Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій, и онѣ теперь не нужны. 3) Синоду быть попрежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ—не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фесслера выгнать и методистовъ выгнать хоть главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло“ [2]).

Нападенія Фотія на князя Голицына, какъ на главнаго распространителя у насъ мистической литературы, потому имѣли силу, что онъ опирался на мнѣніе всего консервативнаго духовенства, которому очень не нравилась мистика за ея протестантское происхожденіе. Лабзинъ, главный переводчикъ у насъ протестантскихъ мистиковъ, давно уже былъ прославленъ врагомъ церкви. Невозможность дѣйствовать противъ враждебныхъ литературныхъ явленій путемъ печатной критики и недостатокъ для этого образованія приводилъ давно уже къ средству, часто употребляемому въ нашемъ обществѣ,—къ доносу о вредѣ того или другого направленія. Такой доносъ „Письмо къ Государю о богохульныхъ книгахъ“ былъ поданъ въ 1816 еще году какимъ-то Смирновымъ, переводчикомъ Московской Медико-Хирургической Академіи [3]). Этотъ доносчикъ, выставляя на видъ свою глубокую преданность православію, былъ безъ сомнѣнія вы-

[1]) Записки, т. II, стр. 246—247

[2]) Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 271.

[3]) Чтенія въ Имп. Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1858 г., IV, Смѣсь, стр. 139—142.

разителемъ мнѣнія духовенства, и, вѣроятно, былъ искренно убѣжденъ въ справедливости и необходимости своего доноса. „Появленіе богоотступныхъ и возмутительныхъ книгъ, говоритъ онъ, пронзаетъ горестью сердца благомыслящихъ подданныхъ“. Онъ убѣжденъ, что это книги истребляютъ въ сердцахъ вѣру въ Бога, съ которою исчезнетъ и вѣрность къ гражданскимъ уставамъ, и умоляетъ Александра принять мѣры для пресѣченія зла. Книги, которыя казались столь вредными доносчику, были большею частью сочиненія Ю. Штиллинга и Эккартсгаузена. Больше всего досталось книгѣ перваго „Побѣдная повѣсть“ (изданной въ 1815 году) — мистически-популярному объясненію Апокалипсиса. Въ ней Смирновъ видитъ „оскорбительныя хуленія христіанства, наипаче греческаго исповѣданія“. Другая, столь же жестоко преслѣдуемая имъ книга было извѣстное сочиненіе Шатобріана „Мученики“, которое служило во Франціи къ реставраціи христіанства послѣ революціонныхъ бурь и было поэтическою апоѳеозою первыхъ вѣковъ христіанства. Доносчикъ не понялъ значенія этой книги и оказалъ усердіе не по разуму. „Побѣдная повѣсть“ Ю. Штиллинга впослѣдствіи сильно преслѣдовалась и изъ нея брали главныя обвиненія противъ мистической литературы, такъ что это сочиненіе сдѣлалось чрезвычайною рѣдкостью. Оно послужило и главною причиною борьбы между Филаретомъ, впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ, и Иннокентіемъ, потомъ епископомъ Пензенскимъ († 1819 г.), извѣстнымъ богословомъ, и историкомъ церкви, любимымъ учителемъ Фотія. Иннокентій называлъ „Побѣдную Повѣсть“ — книгою, противною православію; Филаретъ защищалъ ее. Разойдясь съ Филаретомъ, Иннокентій долженъ былъ разойтись и съ княземъ Голицынымъ. Борьба эта происходила втайнѣ; никто не зналъ ея, и въ то время, какъ опроверженіе сочиненія Ю. Штиллинга, написанное тѣмъ же Смирновымъ, подъ апокалиптическимъ названіемъ „Вопль жены, облеченной въ солнце“—не пропускала духовная цензура, — Лабзину дозволялось („Жизнь Генриха Штиллинга“, 1816 г. предисл.) защищать своего любимаго мистическаго писателя и опровергать взводимыя на него обвиненія [1]). Все это происходило отъ того, что мистики были еще въ силѣ, что имъ покровительствовала власть, а потому они считали себя въ правѣ тѣснить противоположныя убѣжденія. Зато и они сами, потерявъ значеніе, не могли уже защищаться, когда на нихъ посыпались однородныя обвиненія. Доносъ Смирнова, поданный императору, не имѣлъ дѣйствія, но какъ доносъ политическаго содержанія, онъ заключалъ въ себѣ обычныя у насъ обвиненія противниковъ въ невѣріи, въ

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г. XI, стр. 243—247.

стремленіи подорвать значеніе алтаря и престола, — обвиненія, на которыя было очень щедро и министерство князя Голицына. Такимъ образомъ, оно само приготовило противъ себя оружіе.

Духовная исторія этого времени представляется намъ по большей части исторіей разныхъ книгъ, то запрещаемыхъ, то дозволяемыхъ, смотря по тому, какого направленія придерживалась тогда власть. Въ печати, имѣя въ рукахъ своихъ цензуру, она не могла допустить появленія мнѣнія, которое было бы противоположно ея собственному. Весьма характеристична исторія книги нѣкоего Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души", напечатанной въ 1818 году и надѣлавшей въ то время очень много шуму. Сочиненіе это не заключало въ себѣ ни богословскихъ, ни литературныхъ достоинствъ; но оно было написано съ точки зрѣнія Смирнова и обличало господствовавшую тогда мистическую литературу и брало на себя защиту греко-россійской церкви отъ нападеній мистиковъ. Цензоромъ этой книги былъ Иннокентій, тогда ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, о которомъ мы только-что говорили, человѣкъ, смотрѣвшій неблагопріятными глазами на мистиковъ. Изъ современныхъ разсказовъ, напр., Филларета [1]), трудно уяснить, поступалъ ли Иннокентій сознательно, пропуская въ печать эту книгу, въ которой онъ находилъ подтвержденіе и своихъ собственныхъ мыслей. Намъ кажется, что именно это было такъ. Въ тотъ самый день, какъ книга Станевича была выпущена изъ типографіи, кто-то уже представилъ экземпляръ его Голицыну, съ указаніемъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ заключались нападенія на господствовавшую мистику. Голицынъ пришелъ въ большое негодованіе, которое, какъ кажется, усилилъ еще Филаретъ своимъ объясненіемъ. Онъ самъ писалъ объ этой книгѣ между прочимъ слѣдующее: „Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо, гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную" [2]). Ясно отсюда, что книга эта была написана съ точки зрѣнія нашего консервативнаго духовенства и что она нападала на понятія, распространяемыя мистиками, несогласныя съ рутинными убѣжденіями оффиціальныхъ представителей нашей церкви. Князь Голицынъ сдѣлалъ по поводу ея особое предложеніе Коммиссіи духовныхъ училищъ [3]).

---

[1]) Записки Сушкова, стр. 110.

[2]) Вѣстн. Евр. 1868 г. XI, стр. 249.

[3]) Чтенія въ Моск. Об-вѣ исторіи и древностей россійскихъ 1861, I, Смѣсь, стр. 201—202.

Кромѣ того онъ доложилъ о ней особенно государю, какъ о дѣлѣ весьма важномъ и о книгѣ, крайне вредной; Александръ, по словамъ его, остался очень недоволенъ, книга была запрещена и истреблена, а цензору сдѣланъ былъ по Высочайшему повелѣнію строжайшій выговоръ. Такимъ образомъ, мистика не располагала къ терпимости убѣжденій; власть благопріятствовала только своимъ, и потому, когда Голицынъ палъ, а съ нимъ потеряла значеніе мистическая литература, книга Станевича была напечатана вновь и не только съ одобренія власти, а даже по Высочайшему повелѣнію и на казенный счетъ, именно потому, что въ ней заключалось нападеніе на мистику. Разсмотрѣвъ эту книгу, по Высочайшему повелѣнію, преемникъ Голицына, Шишковъ, писалъ теперь государю, что „прежнее донесеніе о ней было несправедливо; что напротивъ того, онъ, (авторъ), защищая церковь и вѣру, опровергаетъ тѣ ложныя понятія, которыя ко вреду благочестія и правительства во многихъ книгахъ разсѣяны“ [1]). Эта исторія съ пустой книгой весьма многозначительна, она доказываетъ, на какихъ шаткихъ основахъ лежало все духовное просвѣщеніе страны нашей.

Почва, на которой теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ преслѣдованій, дѣйствовалъ юрьевскій архимандритъ, была такимъ образомъ уже приготовлена; за нимъ стояли представители нашей церкви и компактная масса духовенства. Самое время уже измѣнилось и измѣнило императора Александра и его убѣжденія. Если разбирать психологически внутреннюю исторію души его, то переходъ отъ мистическихъ мечтаній, которыя наполняли его подъ вліяніемъ времени и событій, къ простой вѣрѣ въ догматы, неразсуждающей и искренней, былъ еще естественнѣе, чѣмъ переходъ отъ либеральныхъ фантазій молодости къ мистикѣ зрѣлаго возраста. Этимъ объясняется и вліяніе на него такой личности, какъ Фотій, который былъ искреннимъ фанатикомъ, импонировавшимъ своимъ аскетизмомъ. У Фотія кромѣ того была сильная поддержка въ Аракчеевѣ, завидовавшемъ князю Голицыну и желавшемъ его свергнуть. Съ каждымъ годомъ Александръ болѣе и болѣе подчинялся вліянію этой темной личности, щеголявшей передъ нимъ своею преданностью и ставившей эту преданность выше всего на свѣтѣ. Аракчеевъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ Фотіи и воспользовался для своей цѣли его фанатизмомъ. Мы не имѣемъ фактовъ которые свидѣтельствовали бы о взаимномъ соглашеніи, можетъ быть предварительномъ, между Аракчеевымъ и Фотіемъ, но оно очень вѣроятно. Другимъ и очень ловкимъ

---

[1]) Записки, т. II, стр. 209.

союзникомъ Фотія является человѣкъ, близкій къ Голицыну, въ преданность котораго онъ вѣрилъ до тѣхъ поръ,—Магницкій. Измѣна Магницкаго объясняется его честолюбіемъ, желаніемъ власти, желаніемъ попасть на мѣсто Голицына, сдѣлаться самому министромъ народнаго просвѣщенія. Мѣнять убѣжденія, если это выгодно, мѣнять ихъ во время, было въ натурѣ этого человѣка. Съ чутьемъ, ему свойственнымъ, онъ понялъ близость паденія Голицына, понялъ силу Аракчеева, разсчитывалъ, что всего добьется отъ него, и съ смѣлою ловкостью честолюбца рѣшился разомъ и открыто выступить противъ Голицына. Было это въ засѣданіи библейскаго общества, въ которомъ представили персидскій переводъ св. писанія, уже напечатанный и готовый для отправленія. Магницкій поднялся съ своего мѣста и вдругъ сталъ доказывать безполезность и неблагонадежность такого распространенія слова Божія и объявилъ наконецъ, что онъ не желаетъ болѣе участвовать въ засѣданіяхъ общества. Это произвело всеобщее волненіе, но такая выходка Магницкаго объясняется тѣмъ, что онъ предварительно совѣщался съ Фотіемъ объ образѣ дѣйствій. Разсказываютъ, будто Фотій увлекъ Магницкаго,—едва ли это такъ. Вѣроятно, самъ Магницкій понялъ хорошо, какія послѣдствія будутъ имѣть дѣйствія Фотія. Передаютъ, что союзъ между ними былъ заключенъ при особенно торжественной обстановкѣ, что Фотій, къ которому пріѣхалъ Магницкій по приглашенію, встрѣтилъ его въ дверяхъ съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ и проводилъ его до приготовленныхъ почетныхъ креселъ. Послѣ этой сцены послѣдовало и отреченіе Магницкаго отъ библейскаго дѣла, а когда пало потомъ министерство князя Голицына, онъ, въ званіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, приказалъ вынести изъ залы портретъ бывшаго министра, прежняго своего благодѣтеля. Союзникомъ же Фотія и четвертымъ лицомъ въ интригѣ, устроенной Аракчеевымъ противъ Голицына, былъ петербургскій митрополитъ Серафимъ, переведенный въ 1821 году изъ Москвы на мѣсто митрополита Михаила, который, говорятъ, умеръ отъ огорченій вслѣдствіе вражды съ Голицынымъ. Онъ не задолго до смерти своей писалъ къ Александру письмо, въ которомъ говорилъ объ опасностяхъ, угрожающихъ православной церкви, и письмо это имѣло, говорятъ, вліяніе. Серафимъ былъ избранъ въ митрополиты по совѣту Аракчеева, какъ человѣкъ враждебно расположенный къ Голицыну, паденіе котораго ускорилось этимъ назначеніемъ. Съ самаго начала являясь въ засѣданія библейскаго общества мрачнымъ и недовольнымъ, онъ, видимо, старался выказать свое неодобреніе этому дѣлу и въ то время, когда секретарь общества краснорѣчиво говорилъ о широкомъ распространеніи его дѣйствій, Серафимъ всталъ и вышелъ изъ залы. Съ этого времени было очевидно для всѣхъ, что борьба между

нимъ и княземъ Голицынымъ становилась неизбѣжною, рѣшительною [1]).

Опять исторія одной, неважной, по нашему мнѣнію, книги была причиною паденія Голицына и перемѣны въ духовномъ направленіи цѣлой страны. Книга эта — сочиненіе католическаго патера Іоанна Госнера, изданное сначала (1823—1824 г.) въ Петербургѣ по-нѣмецки, а потомъ и въ русскомъ переводѣ „Духъ жизни и ученія Іисуса Христа", заключающее въ себѣ толкованіе на Новый Завѣтъ. Госнеръ какъ и предшественникъ его Линдль, появились въ Петербургѣ въ самое цвѣтущее время мистическихъ увлеченій князя Голицына и подъ его покровительствомъ. Оба они были католическими священниками, но мистицизмъ времени тронулъ ихъ убѣжденія и, представляя изъ себя нѣчто похожее на увлеченныхъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ, восторженные и грубо-дикіе, они развивали въ рѣчахъ своихъ какой-то мистическій протестантизмъ, въ которомъ замѣтно было вліяніе Ю. Штиллинга. Имъ позволили проповѣдывать въ двухъ католическихъ церквахъ Петербурга и, несмотря на такой, вполнѣ чуждый нашей церкви характеръ ихъ проповѣди, они находили многихъ увлеченныхъ слушателей, особенно между главными дѣятелями библейскаго общества. Магницкій и Руничъ, конечно, изъ угожденія Голицыну, стояли на первыхъ мѣстахъ [2]). Если эти лица слушали патеровъ изъ видовъ личныхъ, то было однако много лицъ и дѣйствительно увлеченныхъ ими, что̀ объяснялось религіозно-мистическимъ настроеніемъ времени и недостаткомъ проповѣди въ православной церкви.

Нѣкоторые изъ увлеченныхъ поклонниковъ Госнера рѣшили перевести его книгу на русскій языкъ. Въ переводѣ участвовало нѣсколько лицъ; въ томъ числѣ лицо близкое къ Голицыну—директоръ департамента народнаго просвѣщенія—набожный и увлекающійся В. М. Поповъ (впослѣдствіи умершій въ Зилантовомъ монастырѣ, куда онъ былъ сосланъ за участіе въ радѣніяхъ Татариновой) и отставной Казанскій профессоръ Яковкинъ. Этою книгою, въ которой подозрѣвали анти-православныя мнѣнія, рѣшились воспользоваться для того, чтобъ нанести окончательный ударъ князю Голицыну, и главнымъ дѣятелемъ явился Магницкій, открыто вставшій тогда, т.-е. въ началѣ 1824 года, на сторону враговъ своего министра. Гречъ, въ типографіи котораго печаталась эта книга, подробно разсказалъ въ своихъ запискахъ ловкую, но неблаговидную исторію, какимъ образомъ экземпляръ ея, еще не конченный печатаніемъ, былъ добытъ изъ типографіи. Другой раз-

---

[1]) Русск. Арх. 1868 г. стр. 1389—1390.

[2]) Гречъ „О пасторѣ Госнерѣ"—Русск. Арх. 1868 г., стр. 1403 и сл.

сказъ о томъ можно найти въ „Воспоминаніяхъ“ В. Панаева [1]). Въ дѣло употреблены были подкупы, обманъ, шпіонство, и одинъ экземпляръ книги Госнера попалъ къ оберъ-полицейместеру, а отъ него къ Магницкому, который и поспѣшилъ съ нимъ, въ качествѣ защитника православія, съ указаніемъ въ книгѣ богохульства и безбожія, къ Аракчееву. Рѣшено было, чтобъ спасти православіе и нанести окончательный ударъ Голицыну, заставить дѣйствовать митрополита Серафима. Тотъ, повидимому, колебался сначала и трусилъ, но сильныя убѣжденія заставили его рѣшиться. Почти насильно посадили его въ карету и заставили ѣхать во дворецъ къ императору жаловаться на князя Голицына, какъ на врага церкви и отечества; разсказываютъ, что Магницкій ѣхалъ сзади, наблюдая, чтобъ митрополитъ не вздумалъ перемѣнить своего намѣренія [2]), и потомъ дожидался его у дворцоваго подъѣзда, чтобъ прежде другихъ узнать результаты его свиданія съ Александромъ. Митрополитъ, говорятъ, поѣхалъ во дворецъ въ необычное время, чтобъ придать еще болѣе значенія своему посѣщенію. Онъ упалъ въ ноги государя и требовалъ удаленія Голицына, какъ врага церкви. Александръ обѣщалъ приказать разслѣдовать дѣло [3]). Въ доказательство вредныхъ и предумышленныхъ ко вреду православной церкви дѣйствій Голицына, митрополитъ представилъ государю книгу Госнера „О Евангеліи Матѳея“ и указалъ на мѣста, которыя по мнѣнію его были возмутительны. Книга Госнера, такъ сильно возмутившая все наше консервативное духовенство, дѣйствительно составляла крайнюю и рѣзкую противоположность съ общераспространенными въ обществѣ и въ народѣ нашемъ понятіями о церкви, о содержаніи христіанства, о духовенствѣ, но она была вполнѣ согласна съ убѣжденіями нашихъ мистиковъ, постоянно хлопотавшихъ о живой, дѣятельной вѣрѣ, о сердечномъ пониманіи христіанства. „Записка о крамолахъ враговъ Россіи“, сочиненіе, которое не могло появиться въ свѣтъ при существованіи цензуры князя Голицына, содержаніе котораго заключается въ подробномъ разборѣ дѣйствій библейскаго общества и въ критикѣ книгъ, изданныхъ нашими мистиками въ это время [4]), дѣлаетъ самыя рѣзкія нападенія на книгу Госнера. Если вѣрить „Запискѣ“, то вся проповѣдь этого увлеченнаго католическаго патера, есть ничто иное, какъ „хула на вѣру христіанскую, поношеніе учителей церкви, поношеніе христіанъ за усердное исполненіе постановленій

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1867 г., т. IV, стр. 83—84.

[2]) Русск Арх 1868 г., стр. 1390.

[3]) Панаевъ. Воспом. Вѣстн. Евр. 1867 г., т. IV, стр. 84; Русск. Арх. 1868 г., стр. 1387.

[4]) Русск. Арх 1868 г., стр. 1329—1391.

св. церкви и слѣдованіе православному ученію, увлеченіе ихъ въ единомысліи съ собою, униженіе христіанскаго богослуженія, униженіе власти и особенно царской, превратное толкованіе св. писанія и даже кощунство надъ его изреченіями“ [1]). Но въ дѣйствительности книга Госнера, насколько можно судить по выпискамъ изъ нея, сдѣланнымъ въ „Запискѣ“, выпискамъ, нарочно приведеннымъ для того, чтобъ доказать ужасное ея содержаніе, для человѣка не предубѣжденнаго была обычнымъ произведеніемъ протестантской мистики, написана увлекательно, съ живою, пламенною, сердечною вѣрою, языкомъ, который долженъ былъ быть совершенно понятнымъ и вразумительнымъ для каждаго читателя и возбуждалъ его чувство. Это было популярное христіанство, давно существующее въ протестантской общинѣ, христіанство, въ которомъ былъ своего рода республиканскій оттѣнокъ, почему Госнеръ и говорилъ неуважительно о царяхъ, вельможахъ, представителяхъ духовной власти и іерархахъ. Обвиненія, сыпавшіяся на него, происходили отъ непривычки такъ говорить о христіанствѣ, какъ онъ говорилъ, отъ непривычки сердечнаго пониманія вѣры, заключающейся не въ однихъ обрядахъ. Отсюда естественно то обвиненіе, что Госнеръ былъ орудіемъ тайныхъ обществъ, „умыслившихъ истребить на землѣ религію и правительство, уничтожить іерархію и монархію и ниспровергнуть престолы храмовъ и троны дворцовъ“ [2]).

ЛЕКЦІЯ XXXI.

Исторія книги Госнера.—Паденіе Голицына.—Министерство Шишкова.—Закрытіе библейскаго общества.

Фанатическіе возгласы Фотія и его личныя бесѣды съ императоромъ Александромъ, выступленіе на сцену митрополита Серафима, закулисныя интриги Магницкаго и наконецъ тайное, но тѣмъ не менѣе сильное вліяніе Аракчеева, все это вмѣстѣ должно было подѣйствовать на Александра и пошатнуть его довѣріе къ князю Голицыну. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи книги Госнера въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ адмирала и президента Россійской Академіи А. С. Шишкова и министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. Послѣдній вполнѣ положился на литературную опытность своего товарища и только подписалъ составленное имъ мнѣніе о книгѣ Госнера или разборъ ея. Разборъ этотъ своимъ со-

[1]) Ibidem, стр 1369.
[2]) Ibidem, стр 1377.

держаніемъ вполнѣ подтверждалъ мнѣніе объ этой книгѣ Серафима, Фотія, Магницкаго и автора „Записки о крамолахъ враговъ Россіи", въ которой все министерство Голицына, дѣйствія библейскаго общества и покровительствуемая имъ мистическая литература были представлены крайне вредными, революціонными замыслами. Авторомъ этой „Записки" по справедливому предположенію Морошкина, былъ большой почитатель Шишкова, его довѣренное лицо въ министерствѣ, впослѣдствіи самъ министръ народнаго просвѣщенія, князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ, а потому и такая солидарность между „Запискою" и разборомъ Шишкова. „Входя чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, говоритъ филологъ-адмиралъ о сочиненіи Госнера въ своей докладной запискѣ государю, невозможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ томъ, чтобы, подъ видомъ толкованія евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой христіанской вѣры, отвращеніе отъ священныхъ писаній, и позывъ на возстаніе противу всѣхъ первосвященниковъ, всѣхъ вельможъ и царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже въ свѣтъ, и со всѣми прочими предпріятыми по сему различными способами и дѣйствіями" [1]). Шишковъ, подобно врагамъ князя Голицына, обвинялъ все его министерство такимъ образомъ въ революціонномъ направленіи, но онъ не былъ врагомъ его, не участвовалъ въ интригѣ, его свергнувшей, и желалъ только показать свое слѣпое усердіе къ новому направленію власти. Онъ убѣжденъ въ „явномъ намѣреніи" со стороны Госнера—проповѣдывать революцію и въ томъ, что „здѣсь идетъ дѣло о первѣйшемъ преступленіи, т.-е. о заговорѣ и возстаніи противъ алтаря и престола, о возстаніи, весьма ожесточенномъ и твердомъ" [2]). Такъ точно Шишковъ смотрѣлъ и на всю мистическую литературу, видя даже въ ней связь съ возмущеніемъ 14 декабря, которое онъ приписываетъ ея дѣйствію. „Два бывшія возмущенія (въ Петербургѣ и на югѣ Россіи), говоритъ онъ уже гораздо позднѣе, въ новое царствованіе, и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени распространеніемъ подобныхъ сочиненій потрясена была вѣра? ибо всѣ лжеумствованія о такъ называемой *внутренней церкви* (т.-е. никакой), о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи царей, о пролитіи рѣками крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага, всѣ сіи адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, порождаемыя без-

[1]) Записки, т. III, стр. 169.
[2]) Ibidem, стр. 173.

вѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога“ [1]). Разборъ книги Госнера, сдѣланный Шишковымъ и представленный имъ въ комитетъ министровъ, гдѣ разсматривалось это дѣло [2]), доказываетъ то же самое. „Въ толкованіи евангельскихъ текстовъ, вездѣ, подъ видомъ наставленія въ вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ однако же съ истинными и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростью омрачить умъ читателя или слушателя и понемногу отводить его отъ вѣры своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному царю“ [3]). По наставленіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя проповѣдуетъ Госнеръ, говоритъ Шишковъ, „Равальякъ убилъ Генриха IV и тожъ самое въ недавныя времена Зандъ сдѣлалъ съ Коцебу“ [4]). Проповѣдникъ учитъ, по его словамъ, чтобъ мы оставили храмы Божіи, почитая ихъ вертепами разбойниковъ. Онъ старается разоблачить въ Госнерѣ особую хитрость, особое желаніе говорить двусмысленности и выражаться темно для того, чтобъ „вдавшемуся въ революціонныя мысли толкованія его были ясны, а христіанину, твердому еще въ вѣрѣ своей, казались христіанскими и только понемногу смущали его и отвлекали отъ оной“ [5]). Шишковъ увѣренъ, что Госнеръ, подъ именемъ Младенца-Христа разумѣетъ революцію, т.-е. разрушеніе православныхъ церквей и престоловъ“ [6]), что онъ говоритъ о другой, тайной вѣрѣ, ему только съ обращенными въ нее извѣстной, но въ которой всякое начальство и богослуженіе опровергается, что всякая книга есть „только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли“ [7]). Шишковъ полагаетъ, что книга Госнера не одинокое явленіе, и потому считаетъ своею обязанностью, „по долгу вѣрноподданнаго къ государю и по любви къ отечеству, обратить вниманіе правительства и на другія подобныя и столь же вредныя книги, въ разныя времена изданныя, и къ одной и той же цѣли стремящіяся, т.-е. къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ, подъ видомъ таинственныхъ ученій и темныхъ толкованій библіи“ [8]).

Религіозно-восторженной и мистической стороны къ книгѣ Госнера, за которую ее перевели у насъ мистики,—Шишковъ, разумѣется,

---

[1]) Ibidem, стр. 279.
[2]) Ibidem, стр. 188—205.
[3]) Ibidem, стр. 189.
[4]) Ibidem, стр. 192.
[5]) Ibidem, стр. 196.
[6]) Ibidem, стр. 200.
[7]) Ibidem, стр. 201.
[8]) Ibidem, стр. 203.

не видалъ; онъ искалъ въ ней того, чего боялась испуганная власть того времени—бунтовъ и революціи, и потому намъ становится яснымъ, почему изданіе невинной мистической книги надѣлало такого шума и сочтено было за самое тяжкое государственное преступленіе. Дѣло о Госнерѣ, его переводчикахъ, цензорахъ и содержателяхъ типографіи, гдѣ книга печаталась, производилось, по принадлежности, въ разныхъ инстанціяхъ: въ комитетѣ министровъ, сенатѣ, въ уголовной палатѣ и надворномъ судѣ. Процессъ этотъ тянулся довольно долго. Прежде всего и единогласно рѣшено было дѣло въ комитетѣ министровъ, гдѣ читался разборъ книги, написанный Шишковымъ и подписанный Ланскимъ. Комитетъ въ угоду измѣнившемуся настроенію духа императора, одобрилъ вполнѣ разборъ, и по распоряженію верховной власти Госнеръ былъ высланъ за границу, какъ крайне вредный человѣкъ, а книга его сожжена [1]). Госнеръ уѣхалъ сначала въ Берлинъ, а потомъ въ Лейпцигъ, оттуда онъ переписывался со своею „осиротѣлою паствою“ въ Петербургѣ и присылалъ ей небольшія назидательныя книжки „Goldkörner“, содержаніе которыхъ было вполнѣ невинно, хотя Шиковъ возводилъ значеніе ихъ до измѣны отечеству [2]). Разногласіе по этому дѣлу оказалось въ сенатѣ, гдѣ разсматривалась вина переводчиковъ и въ особенности Попова; человѣка, близкаго къ князю Голицыну. Шишковъ сильно настаивалъ на его виновности, доказывая солидарность его мнѣній съ авторомъ, но въ защиту Попова поднялся въ сенатѣ смѣлый и благородный голосъ И. М. Муравьева-Апостола и, не смотря на то, что по словамъ Шишкова, въ его мнѣніи попирались ногами не только законы, но и здравый смыслъ, оно восторжествовало и въ сенатѣ и потомъ въ государственномъ совѣтѣ [3]). Въ обществѣ заговорили о крайнемъ фанатизмѣ Шишкова и о страсти его къ преслѣдованіямъ. Повидимому, и Александръ понялъ этотъ фанатизмъ, но не высказывался, не дѣйствовалъ... Шишкова сильно возмущало то, что Муравьевъ, въ своемъ мнѣніи, назвалъ его дѣйствія инквизиціей и онъ старается оправдать ее и опредѣлить ея настоящее значеніе. Онъ твердитъ одно и то же: что въ оправданіи Попова „оправдывается самое злѣйшее покушеніе на церковь, престолъ и отечество“ [4]). До какой нелѣпости доходитъ фанатизмъ Шишкова, могутъ служить доказательствомъ слова его, сказанныя имъ въ отвѣтъ на оправданія Попова. Послѣдній, оправдывая себя въ участіи въ переводѣ книги Госнера, ссылался на господствовавшій тогда (т.-е.

---

[1]) Ibidem, стр. 250.

[2]) Ibidem, стр. 186—187.

[3]) Чтенія въ Моск. Об-вѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859 г., V Смѣсь, стр. 37– 42.

[4]) Записки, т. II, стр. 243.

назадъ тому мѣсяцъ или два) духъ въ нашей литературѣ, когда мистическія сочиненія вызывались и получали покровительство власти,— слѣдовательно, Поповъ дѣлалъ угодное правительству. „При сихъ словахъ я долженъ остановиться и сказать, говоритъ Шишковъ, что выраженіе *господствующій духъ въ нашей литературѣ* не долженствовало бы употребляться въ государственныхъ бумагахъ; ибо когда въ нихъ признаваться будетъ *господство духа*, тогда власть и законы потеряютъ свое господство; ибо два господина вмѣстѣ быть не могутъ“ [1]). Поповъ, однако, былъ оправданъ; впослѣдствіи князь Голицынъ, оставшійся главноуправляющимъ почтовою частью, взялъ его къ себѣ на службу, да и другіе обвиненные не пострадали: они были освобождены изъ-подъ суда, правда, довольно поздно, въ 1828 году, но освобождены вполнѣ.

Самое главное слѣдствіе всего этого шума, поднятаго изъ-за мистической книги, всѣхъ этихъ интригъ и грязныхъ подходовъ, было то, что Голицынъ 15 мая 1824 года пересталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія; назначенъ былъ и другой оберъ-прокуроръ синода; предсѣдателемъ библейскаго общества сталъ митрополитъ Серафимъ, а министромъ народнаго просвѣщенія не Магницкій, вѣроятно, на то разсчитывавшій, а тотъ же Шишковъ. Въ лагерѣ враговъ князя Голицына было полное торжество. „Порадуйся, старче преподобный! — писалъ Фотій къ пріятелю своему, Симоновскому архимандриту Герасиму. — Нечестіе пресѣклось, армія богохульная дьявола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца, амины!“ Это было писано тотчасъ по паденіи Голицына. „Молися объ А. А. Аракчеевѣ,— заключаетъ письмо свое Фотій, — онъ явился рабъ божій за святую церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи“ [2]). Серафимъ митрополитъ, съ своей стороны, хлопоталъ у Аракчеева о награжденіи Юрьевскаго архимандрита панагіей за его труды и подвиги въ пользу православной церкви, „воюемой злоухищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями исчадій ада“ [3]). Представленіе Серафима, разумѣется, было уважено, и Фотій тотчасъ же получилъ просимую ему награду. Фотій сдѣлался близкимъ лицомъ къ Аракчееву; до окончательнаго отъѣзда своего въ Таганрогъ, императоръ Александръ нѣсколько разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ, подчиняясь его мрачному вліянію; по дорогѣ онъ

---

[1]) Ibidem, стр. 263.

[2]) Русск. Арх. 1868 г., стр. 946—947.

[3]) Ibidem, стр. 948.

останавливался даже у него, въ Юрьевскомъ монастырѣ. Идеи преслѣдованія, имъ проповѣданныя, теперь вполнѣ торжествовали; правительство какъ будто приняло ихъ въ руководство своихъ дѣйствій и мѣръ. Раздѣлялъ ли Александръ вполнѣ мысли Фотія и Серафима и нелѣпые страхи и опасенія Шишкова—отвѣчать трудно. Онъ молчалъ и не высказывался; онъ холодно встрѣчалъ пылкаго не по лѣтамъ Шишкова; онъ равнодушно прочитывалъ записки его, въ которыхъ тотъ пугалъ его всѣми ужасами революціи, не перемѣнялъ своего личнаго дружескаго отношенія къ князю Голицыну и между тѣмъ допускалъ свободно, съ холоднымъ безмолвіемъ, самыя нелѣпыя мѣры преслѣдованія, какъ бы одобряя ихъ... Сколько презрѣнія къ своей странѣ нужно было для такого образа дѣйствій со стороны Александра...

Что же выиграла эта бѣдная страна отъ того, что пало министерство князя Голицына, и вся ея умственная жизнь, наука, литература, цензура, находились теперь въ рукахъ новаго министра, хорошо намъ извѣстнаго своею ненавистью ко всему французскому, славянофила и адмирала Шишкова? Мистическій гнетъ надъ литературою былъ слишкомъ тяжелъ; мы уже говорили о дикости цензурныхъ преслѣдованій при Голицынѣ. Понятно, что представители либерализма того времени, Пушкинъ, напр., преслѣдовавшій ѣдкими непечатными эпиграммами Голицына и всѣхъ его приверженцевъ, были въ восторгѣ отъ этой перемѣны министерства. Они возлагали съ своей стороны на Шишкова несбыточныя надежды. Пушкинъ, сосланный при Голицынѣ за свои либеральные стихи, такъ привѣтствуетъ Шишкова въ своемъ „Второмъ посланіи къ Аристарху“:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ.
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Оспротѣлаго вѣнца Екатерины;
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ (Голицынъ)
Омара да Али принялъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, душою превосходный...
И даже бѣдный мой, Кавелинъ дурачекъ,
Крститель Галича, Магницкаго дьячекъ...
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!

Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья"...

Не протекла, однако, мрачная година для нашей страны и ея просвѣщенія; старецъ, на котораго, вмѣстѣ съ либералами того времени, возлагалъ свои надежды Пушкинъ, обманулъ ихъ, да и вообще ошибочно было ожидать отъ него чего-либо другаго, кромѣ преслѣдованій, тѣмъ болѣе, что онъ въ первый разъ въ своей жизни получилъ власть надъ наукою и литературою, на которыя онъ давно смотрѣлъ со своей, всѣмъ извѣстной точки зрѣнія, и потому „мрачная година" не прошла, а сдѣлалась еще мрачнѣе. Шишкову, когда онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, шелъ уже 71 годъ; это былъ слабый старикъ, но попрежнему назойливый въ проведеніи своихъ мнѣній и убѣжденій, достигшихъ крайней степени своего развитія; онъ и другіе реакціонеры называли это *борьбою съ духомъ времени*.

Едва только онъ сдѣлался министромъ, какъ подалъ Государю записку, въ которой просилъ, чтобъ ему поручено было „сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени *карбонарства*, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось, такъ что, если въ нынѣшнее время не обратить на него бдительнаго вниманія, не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попустить ему еще нѣсколько возрастать, то уже силы его ничто не остановитъ". Для этой цѣли необходимо, по мнѣнію Шишкова, усилить цензуру, которая, по словамъ его, до этого времени, почти не существовала [1]). Слабость цензуры онъ доказываетъ распространеніемъ множества вредныхъ книгъ въ предшествовавшее министерство, на которое теперь посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія. Изъ первыхъ дѣйствій его, по отношенію къ книгѣ Госнера, было уже видно, какого направленія будетъ держаться новый министръ; духъ инквизиціи и преслѣдованія остался тотъ же, измѣнились только цѣль и предметы преслѣдованія. Всѣ дѣйствія, всѣ слова и записки новаго министра были направлены къ тому, чтобъ доказать весь вредъ для государства предшествовавшихъ дѣйствій министерства при Голицынѣ. Въ концѣ своего разбора книги Госнера онъ доказываетъ необходимость усилить дѣйствія цензуры, требуетъ учрежденія высшаго цензурнаго комитета, который завѣдывалъ бы всѣми книгами, какъ печатаемыми въ Россіи, такъ и привозимыми изъ-за границы. Этотъ комитетъ долженъ былъ обратить свое вниманіе и на „образъ ученія,

[1]) Записки, т. II, стр. 163—164.

преподаваемый во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ, за которыми надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ профессора и учителя преподавали науки по извѣстнымъ книгамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ правиламъ и мыслямъ“ [1]). Поэтому всѣ усилія Шишкова и представленія его прямо Государю или посредствомъ писемъ къ Аракчееву, съ которымъ онъ велъ дѣятельную переписку о „духѣ времени“, всѣ клонились къ тому, чтобъ усилить дѣйствія цензуры. „Годъ 1817, т.-е. годъ вступленія въ министерство народнаго просвѣщенія Голицына, говоритъ Шишковъ, есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства“ [2]). Это предполагаемое усиленіе цензуры скоро разъяснило современникамъ, какъ необдуманно было возлагать либеральныя надежды на „старца двѣнадцатаго года“. Даже Карамзинъ насмѣшливо отзывался о его цензурной магіи. „Новый министръ просвѣщенія думаетъ учредить новую цензуру, пишетъ онъ къ Дмитріеву, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье!.. Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ“ [3]). Карамзинъ вообще здраво понималъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ нашемъ просвѣщеніи, т.-е. понималъ, что оно ничего не выиграло отъ замѣны Голицына Шишковымъ: „Читалъ ли ты рѣчи министра просвѣщенія? — спрашиваетъ онъ Дмитріева. Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ: то-есть увѣренъ въ милости Божіей“ [4]).

Шишковъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, является передъ нами въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ крайнимъ ретроградомъ, пожалуй, худшимъ и свирѣпѣйшимъ, чѣмъ былъ самъ Голицынъ. О наукѣ при немъ не было и помину; всѣ рѣчи и поступки сводились къ преслѣдованію прежняго направленія, въ которомъ старались видѣть возмущеніе противъ вѣры и престола. Самое лучшее представленіе о системѣ, о взглядахъ и убѣжденіяхъ той консервативной партіи, которая теперь, при Шишковѣ, получила перевѣсъ и значеніе, можетъ дать уже упомянутая нами „Записка о крамолахъ враговъ Россіи“, написанная, какъ кажется, въ родѣ доноса княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, именно

[1]) Ibidem, стр. 204.
[2]) Ibidem, стр. 266.
[3]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 378.
[4]) Ibidem, стр. 388.

въ то время, и оконченная уже въ началѣ царствованія Николая. Все мрачное старовѣріе, которое отличаетъ русскіе умы, не тронутые наукою и развитіемъ, все то мракобѣсіе, которое характеризуетъ иныя печальныя эпохи нашей жизни, съ примѣсью славянофильскаго фанатизма, все это можно найти въ „Запискѣ“. Шишковъ былъ постоянно вѣренъ ея программѣ. Передъ нами опять обскурантизмъ, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, не похожій на обскурантизмъ Голицына и библейскаго общества. Идеи любимаго дѣтища Шишкова, „Бесѣды“, теперь восторжествовали и, конечно, та только литература находила сочувствіе и одобреніе со стороны Шишкова, которая подходила подъ условія его литературнаго и нравственнаго кодекса. Самое печальное зрѣлище представляетъ намъ духовная жизнь Россіи въ это время, съ Шишковымъ во главѣ. Одно только смущало престарѣлаго министра, что императоръ Александръ какъ-то холодно и безучастно относился ко всѣмъ его представленіямъ на счетъ войны съ „духомъ времени“ и его представителями, по мнѣнію Шишкова— иллюминатами, Госнерами и т. п. Александръ, повидимому, предоставилъ ему полную волю дѣйствовать, какъ онъ предоставилъ ее и Аракчееву, но Шишковъ съ горестью долженъ былъ признаться, что государь нѣкоторыя его мѣры разрушалъ тайнымъ образомъ [1]). Наивный Шишковъ убѣждалъ даже Александра, чтобъ онъ въ манифестѣ объявилъ всенародно о своемъ прежнемъ заблужденіи и приготовилъ даже такой манифестъ.

Кошмаромъ, мучившимъ Шишкова во все время управленія имъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, было главное и любимое дѣло князя Голицына—библейское общество. Въ немъ видѣлъ онъ только обширный, хитро придуманный заговоръ противъ государства и никакъ не могъ понять его дѣйствительной цѣли, какъ она была сознана первоначально въ Англіи. „Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій библейскихъ обществъ (входя въ одни гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ) говоритъ Шишковъ, ясно и несомнѣнно открывается, что настоящая цѣль ихъ, прикрываемая ложнымъ усердіемъ къ распространенію чтенія священныхъ книгъ, состоитъ въ томъ, чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвесть въ немъ междоусобія и бунты“...

Въ библейскомъ обществѣ онъ видитъ „хитрый и злодѣйскій планъ“; онъ видитъ въ немъ опасность „ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа“... [2]). Какое печальное духовное положеніе должно быть въ той странѣ, гдѣ министръ народнаго просвѣщенія съ полною увѣрен-

---

[1]) Записки, т. II, стр. 270.

[2]) Ibidem, стр. 222.

ностью и передъ верховною властью высказываетъ подобныя нелѣпыя убѣжденія, передъ властью, которая сама недавно такъ сильно покровительствовала тому же библейскому обществу. Невѣжество и ненужная злоба составляютъ характеристику обвиненій Шишкова. Онъ никакъ не могъ понять возможности перевода Св. Писанія на современный, всѣмъ понятный языкъ русскій. Онъ думалъ и говорилъ, что такой переводъ предпринятъ нарочно, для уменьшенія важности церковныхъ книгъ и для поколебанія вѣры, считалъ его преступнымъ намѣреніемъ и при этомъ снова возвращался къ своему утвержденію, которое повторялъ давно, что славянскій и русскій языкъ одинъ и тотъ же, что они различаются между собою только какъ высокій и простой слогъ. „Высокимъ написаны священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы и проч. [1]). Намѣреніе библейскаго общества— „исказить и привесть въ неуваженіе священныя книги, измѣня въ нихъ языкъ церкви въ *языкъ театра*“ [2]). Въ библейскомъ обществѣ онъ видѣлъ уголовное, государственное преступленіе, причемъ не знаешь: чему болѣе удивляться—такому невѣжеству министра или той печальной средѣ, гдѣ могли возникать и находить слушателей такія нелѣпыя обвиненія... Всѣ библейскія общества, по словамъ Шишкова, „имѣли намѣреніе составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику и одну религію“... Намѣреніе это „сперва скрывалось подъ именемъ тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ, обнаруженное, укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики и тому подобныя; заразило многихъ; порабощаетъ царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали“... [3]). Обвиненія эти заподозрѣвали широкимъ объемомъ своимъ всю умственную жизнь. Шишковъ увѣряетъ, что библейское общество, вмѣстѣ съ библіями разсылаетъ воззванія къ бунту... Послѣдствіемъ библейскихъ обществъ является „умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ“ (тогда появилась секта нѣкоего донского есаула Котельникова, на нелѣпыхъ сочиненіяхъ котораго, дѣйствительно, отразилось нѣкоторое вліяніе слога мистическихъ сочиненій того времени. Главу этой секты *духоносцевъ*, есаула Котельникова, посаженнаго въ петербургскую крѣпость, увѣщевали Фотій и Шишковъ, смотрѣвшій на секту глазами Юрьевскаго архимандрита; Котельниковъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ жилъ лѣтъ

---

[1]) Ibidem, стр. 215.
[2]) Ibidem, стр. 217.
[3]) Ibidem, стр. 228—229.

тридцать). Мало того: „сему нечестію (т.-е. библейскому обществу), по словамъ Шишкова, начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же и дѣянія, таковыя, какъ частыя *воровства* и *грабежи*, даже нерѣдкія *смертоубійства*, также слухи, распускаемые къ уничиженію священства, о попахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ того поводъ народу по ночамъ скопляться"... Все это министръ ставитъ въ связь съ библейскими обществами. „Судъ надъ профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ университетахъ и училищахъ часто свидѣтельствовали тѣ жъ самые замыслы" [1]). То же самое Шишковъ повторялъ и въ своей запискѣ, представленной имъ новому императору [2]).

Такія обвиненія, въ сущности нелѣпыя, но хорошо рисующія намъ и время и тогдашнихъ дѣятелей, поддерживаемыя Фотіемъ, съ которымъ Шишковъ сходился не только въ мнѣніяхъ, но и въ выраженіяхъ, поддерживаемыя и митрополитомъ и Аракчеевымъ, казалось, должны были, наконецъ, заставить Александра закрыть библейское общество, но Александръ какъ-то устоялъ, чему можетъ быть способствовала и преждевременная кончина его. Общество со всѣми его отдѣленіями и комитетами было закрыто уже въ 1826 году по указу императора Николая, когда оно потеряло уже всякое значеніе въ глазахъ общества, когда самая дѣятельность его и вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ членовъ и вслѣдствіе со всѣхъ сторонъ сыпавшихся на него нелѣпыхъ обвиненій, была уже заторможена. Мало успѣло оно принести пользы дѣлу религіознаго образованія русскаго народа, какъ потому, что дѣйствовало посреди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ и потому. что первоначальныя, ясныя и простыя цѣли его были извращены и затемнены мистическими тенденціями главныхъ его дѣятелей. Немногіе, искренно преданные дѣлу люди сожалѣли о закрытіи общества. Большинство и вмѣстѣ съ ними либералы радовались, что сходятъ со сцены главные библейскіе дѣятели, извѣстные своимъ обскурантизмомъ и преслѣдованіями, забывая, что само библейское общество сдѣлалось жертвою обскурантизма и преслѣдованія. Въ безмолвной литературѣ нашей того времени не могло появиться никакого сужденія по поводу этого крупнаго факта въ духовной жизни нашей. О библейскомъ обществѣ нельзя было говорить, потому что оно обвинялось въ государственномъ преступленіи и только чрезъ много лѣтъ мы узнали его запрещенную исторію [3]). Какъ ни много было въ немъ неуклюжихъ, темныхъ сторонъ, зави-

---

[1]) Ibidem, стр. 265—266.

[2]) Ibidem, стр. 276 и слѣд.

[3]) Пыпинъ. Россійское библейское общество. „Вѣстн. Евр." 1868 г.

сѣвшихъ по большей части отъ печальныхъ условій нашего русскаго общества, все-таки въ началѣ его существованія оно невольно возбуждаетъ къ себѣ симпатію изслѣдователя своимъ широкимъ филантропическимъ направленіемъ, которымъ оно обязано было и господствующему духу времени и въ особенности англійскому вліянію. Все же въ двадцатые годы нашей исторіи библейское общество представляетъ намъ отрадное явленіе людей, соединившихся въ одно цѣлое изъ широкихъ, исполненныхъ любви къ человѣчеству цѣлей. По паденіи общества, въ этомъ отношеніи, намъ на долгіе годы представляется безотрадная пустыня.

ЛЕКЦІЯ XXXII.

Филаретъ.—Судьба Магницкаго.—Заключеніе.

Смѣна князя Голицына новымъ министромъ народнаго просвѣщенія—хорошо знакомымъ намъ Шишковымъ, не принесла, какъ мы говорили уже, никакого облегченія ни русской мысли, ни русской наукѣ, и вызвала лишь паденіе господствовавшаго до того времени мистицизма. Новое министерство, обрушившись на него всевозможными пелѣпыми обвиненіями, употребляло всѣ усилія съ своей стороны для того, чтобъ представить въ глазахъ правительства политическую неблагонадежность этого направленія; оно преслѣдовало мистицизмъ, преслѣдовало людей, которые занимались его пропагандою, преслѣдовало книги, имъ изданныя, какъ это мы видѣли съ книгою Госнера. Шишковъ является защитникомъ православія, подорваннаго, по его убѣжденію, зловредными дѣйствіями мистиковъ. Вся задача его, какъ министра народнаго просвѣщенія, думалъ онъ, есть возстановленіе религіи. Умственная исторія страны нашей представляется исторіей то воспрещаемыхъ, то снова дозволяемыхъ книгъ. При Голицынѣ въ 1818 году была напечатана книга Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, въ которой находились сильныя нападенія на мистицизмъ. Разумѣется, она должна была возбудить преслѣдованія со стороны державшихъ тогда власть мистиковъ. Духовный цензоръ ея, ректоръ Петербургской семинаріи Иннокентій, получилъ строжайшій выговоръ, былъ удаленъ изъ столицы съ назначеніемъ епископомъ въ Пензу, гдѣ вскорѣ и умеръ. Сочинитель былъ высланъ изъ города; книга запрещена и отбиралась у всѣхъ. Теперь Шишковъ всѣ эти прежнія преслѣдованія книги Станевича выставлялъ величайшею несправедливостью. Онъ сдѣлалъ о ней особый докладъ государю, доказывая, что въ ней находится „возраженіе противу

тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію вѣры, церкви и престола разсѣевались тогда во многихъ сочиняемыхъ и переводимыхъ книгахъ“ [1]). По высочайшему повелѣнію, книга была разсмотрѣна вновь въ особомъ духовномъ комитетѣ и разумѣется вполнѣ одобрена. Указомъ 17 ноября 1824 года ее велѣно бы во вновь напечатать и даже на казенный счетъ, какъ было искупленіе прежняго несправедливаго преслѣдованія. Этимъ же указомъ повелѣвалось министру народнаго просвѣщенія строго наблюдать, чтобъ „ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось“ какъ въ сочиненіяхъ уже изданныхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя должны будутъ впредь „издаваться, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ“ [2]). Такимъ образомъ, какъ бы узаконялась система преслѣдованія.

Въ числѣ ревностныхъ и глубоко преданныхъ дѣлу членовъ Библейскаго Общества былъ знаменитый впослѣдствіи московскій митрополитъ Филаретъ. Когда на министерство князя Голицына и на библейское общество обрушилась буря преслѣдованія, Филаретъ, извѣстный своимъ умомъ, проповѣдническимъ талантомъ и высокимъ образованіемъ, остался камъ бы побѣдителемъ, несмотря на свою близость къ Голицыну и на дружбу съ главою мистиковъ—Лабзинымъ. И онъ былъ также членомъ главнаго правленія училищъ, но вовсе не раздѣлялъ тѣхъ крайнихъ мнѣній и духа преслѣдованія, которыми отличались въ немъ Магницкій и Руничъ. Напротивъ: онъ сдерживалъ, умѣрялъ ихъ клерикальныя стремленія, даже открыто возставалъ противъ нихъ. Когда теперь его бывшіе товарищи по этому правленію и по библейскому обществу потеряли всякую силу и значеніе, на Филарета, какъ на лицо самостоятельное и твердое, какъ на человѣка съ независимыми убѣжденіями, направилась ненависть людей, которые преувеличивали опасность, грозившую обществу отъ мистицизма. Представителемъ библейскаго общества оставался одинъ Филаретъ, на него посыпались теперь нападенія фанатика Фотія, а вслѣдъ за нимъ и Шишкова. Филаретъ, несмотря на измѣнившіеся взгляды правительства, не падалъ духомъ и не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1824 г. [3]) печатались статьи, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о дѣйствіяхъ московскаго комитета, съ полнымъ ихъ одобреніемъ, упоминалось о томъ, что книги Св. Писанія на языкѣ русскомъ раскупаются даже старообряд-

---

[1]) Записки, т. II, стр. 178.

[2]) Вѣстн. Евр. 1868 г., т. XII, стр. 710—711; Записки Шишкова, т. II; стр. 209—214; Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей росс. 1861 г., т. II Смѣсь, стр. 201—202.

[3]) № 69.

цами и пр. Извѣстно, что первыя книги Ветхаго Завѣта были переведены съ еврейскаго самимъ же Филаретомъ и напечатаны библейскимъ обществомъ; книга эта впослѣдствіи отбиралась и потому сдѣлалась рѣдкою. Статья „Московскихъ Вѣдомостей“ возмутила сильно Шишкова, для котораго, съ его точки зрѣнія, переводъ книгъ Св. Писанія на русскій языкъ казался непростительною дерзостью, преступленіемъ противъ вѣры. Онъ написалъ о ней письмо къ всесильному Аракчееву [1]), въ которомъ говорилъ, что цѣль этой статьи— „возвысить расколы и уничтожить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе“. Шишковъ удивляется, какимъ образомъ московскій архіепископъ не знаетъ о томъ, что Петербургъ измѣнилъ свои взгляды на библейское общество и допускаетъ печатать статьи, обнаруживающія „прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія“ [3]). Онъ настаиваетъ на „обуздываніи“. Библейское общество представлялось Шишкову нравственнымъ игомъ, какъ политическимъ игомъ было нашествіе французовъ. Засѣданія его онъ сравнивалъ съ Содомомъ и Гоморрою.

Еще больше ожесточенія выказалъ Шишковъ въ своихъ нападеніяхъ на „Краткій Катехизисъ“ Филарета, изданный имъ въ первый разъ въ 1823 году. Его возмутило здѣсь также употребленіе русскаго языка: Филаретъ въ немъ общеупотребительныя молитвы, какъ „Отче Нашъ“, „Вѣрую“ и „Заповѣди“, перевелъ на русскій языкъ, хотя и напечаталъ славянскими буквами. Шишковъ доказывалъ, что въ этихъ молитвахъ каждая буква должна быть „неприкосновенною“, что переводъ есть дерзкое нарушеніе правъ священнаго языка, что это измѣна отечеству. Въ такомъ смыслѣ онъ написалъ новое письмо къ Аракчееву [4]), требуя изъятія Катехизиса изъ школьнаго употребленія и ставя вопросъ круто: или согласиться на эту мѣру или уволить его отъ званія, въ которомъ онъ не можетъ быть полезенъ, содѣйствуя невольно тому, что, по его словамъ, приноситъ крайній вредъ благочестію, нравамъ и, слѣдовательно, государству и человѣчеству. По представленію Шишкова печатаніе и разсылка Катехизиса Филарета были пріостановлены [5]). Такимъ образомъ, получивъ въ руки власть, Шишковъ хотѣлъ доставить торжество своей любимой идеѣ о преимуществахъ славянскаго языка надъ русскимъ и на переводы Священнаго Писанія смотрѣлъ, какъ на дѣло „незнающихъ своего языка журналистовъ“.

---

[1]) Записки Шишкова, т II, стр 182—185.
[2]) Ibidem, стр. 183.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem, стр. 205 - 206
[5]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г., стр. 15

Министръ народнаго просвѣщенія, по избытку усердія, принималъ на себя обязанности Свѣтѣйшаго Синода. Въ своихъ нападеніяхъ на людей и на книги онъ нисколько не отличается отъ Фотія и является передъ нами въ образѣ самаго мрачнаго и вдобавокъ озлобленнаго обскуранта. Вездѣ грезились ему революціи и заговоры; вездѣ подозрѣвалъ онъ „злодѣйскіе планы“ для низверженія алтарей и престоловъ.

Торжествующая партія духовенства въ лицѣ Фотія и ультраконсерваторовъ въ лицѣ Шишкова, пріостановивъ враждебными мѣрами дѣйствіе библейскаго общества, начала теперь преслѣдованіе той мистической литературы, которой покровительствовалъ Александръ и князь Голицынъ. Понять исторически появленіе всѣхъ этихъ странныхъ мистическихъ книгъ преслѣдователи были не въ состояніи. Они смотрѣли на нихъ, какъ на средство, употребленное библейскимъ обществомъ для подорванія вѣры и престола. Эти вредныя книги,— знакомыя намъ сочиненія Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга, переводы и изданія Лабзина, — распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія и синодскими указами преслѣдовались теперь, какъ крайне вредныя; образованъ былъ даже особый комитетъ для разсмотрѣнія ихъ [1]), которому дана была подробная инструкція для его дѣйствій. Какъ смотрѣли теперь на эти книги, видно изъ краткихъ характеристикъ ихъ, которыя дѣлалъ Фотій: бѣсовская, антихристіанская, революціонная и пр., а взглядъ Фотія господствовалъ и раздѣлялся многими.

Какое впечатлѣніе произвели эти преслѣдованія на русское общество—мы не знаемъ. Безмолвное попрежнему, оно не выразилось ничѣмъ, да и не могло выразиться. Мистическія книги были дороги развѣ небольшому числу адептовъ, которые по убѣжденію смотрѣли съ уваженіемъ на дѣятельность библейскаго общества, будучи воспитаны въ старой масонской школѣ Новикова, какъ Невзоровъ. Эти преслѣдованія показывали, что и то европейское вліяніе, которому подчинился Александръ въ послѣдніе годы своего царствованія, вліяніе, столь не похожее на то, которому онъ подчинялся въ молодости и въ началѣ своего царствованія, теперь окончательно прекратилось. Реакція, при господствѣ крайней консервативной партіи и невѣжественныхъ представителей духовенства, торжествовала теперь вполнѣ. Событія въ концѣ 1825 года и новое царствованіе, начавшееся побѣдою надъ вспышкою либерализма, придали этой реакціи положительный характеръ.

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г., XII, стр. 735—738.

Мы разсказали такимъ образомъ ходъ русской реакціи, источникъ которой надобно искать въ реакціи европейской, вызванной къ существованію великими событіями въ началѣ XIX вѣка и переворотами, произведенными наполеоновскими войнами. Къ чужому явленію, случайнымъ образомъ привитому къ нашей общественной жизни, присоединилось такъ много своихъ русскихъ сторонъ и такъ много интересовъ чисто личныхъ, своекорыстныхъ и грязныхъ, что реакція наша въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, представляетъ въ нашей жизни самое печальное и самое безобразное явленіе, которое притомъ не имѣло никакихъ историческихъ правъ на существованіе. Эта реакція давила всякое духовное развитіе общества, всякую мысль, науку и литературу. Глубокое и ожесточенное недовольство овладѣло лучшими умами русскаго общества; подавленнымъ силамъ былъ необходимъ исходъ. Къ сожалѣнію, онъ вышелъ слишкомъ рѣзокъ, и это еще болѣе повредило правильному духу нашего духовнаго развитія. Система реакціи укоренилась на долгіе годы.

Всякому понятно, что при господствѣ подобнаго мрачнаго обскурантизма, системы преслѣдованій и цензурныхъ стѣсненій, положеніе литературы нашей было въ высшей степени печально и, конечно, не въ лагерѣ консерваторовъ и преслѣдователей мы найдемъ такія явленія, которыя имѣютъ право быть занесенными на страницы нашей исторіи и литературы. Сколько-нибудь заслуживающіе уваженія факты литературы, новое направленіе ея, обязанное содержаніемъ своимъ времени, мнѣнія, формы и образы ея, идущіе дальше Карамзина и Жуковскаго, мы найдемъ въ рядахъ тѣхъ людей, которые образовали изъ себя въ печальные годы второй половины царствованія Александра такъ называемую либеральную партію. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи нашего либерализма, появившагося у насъ вслѣдъ за окончаніемъ европейскихъ войнъ и къ новымъ литературнымъ явленіямъ, имѣвшимъ къ нему отношеніе, мы считаемъ нужнымъ разсказать здѣсь въ немногихъ словахъ судьбу того человѣка, который въ печальные годы реакціи двадцатыхъ годовъ явился передъ нами такимъ ревностнымъ проповѣдникомъ обскурантизма и съ реторическимъ увлеченіемъ придумывалъ и приводилъ въ исполненіе самыя фанатическія и крайнія мѣры, изъ личныхъ разсчетовъ и изъ необузданнаго честолюбія. Мы говоримъ о героѣ реакціи — Магницкомъ.

Магницкій, какъ мы видѣли, игралъ главную роль въ интригѣ, способствовавшей паденію князя Голицына; онъ не разбиралъ средствъ и надѣялся самъ, при общемъ измѣненіи вещей, сдѣлаться министромъ народнаго просвѣщенія. Это не удалось ему, но онъ не терялъ бодрости духа, оставаясь въ Петербургѣ у самаго источника власти и

быстро измѣнивъ свой прежній образъ дѣйствій. Портретъ князя Голицына, заказанный при немъ и висѣвшій въ залѣ университетскихъ собраній, былъ теперь вынесенъ оттуда, по распоряженію Магницкаго. Библейскія общества во всемъ округѣ были закрыты, мистическія книги собраны изъ всѣхъ училищныхъ библіотекъ и запечатаны; ланкастерскія школы, о распространеніи которыхъ онъ такъ усердно хлопоталъ прежде, выставлялись теперь ненужными и вредными; со студентовъ и профессоровъ снятъ былъ нравственный и библейскій гнетъ, на распущенность ихъ стали смотрѣть сквозь пальцы и пр.

Магницкій, полагаясь на свой гибкій умъ и хитрость, разсчитывалъ забрать въ свои руки и старика Шишкова, какъ онъ прежде управлялъ Голицынымъ, но это не удалось ему, и не потому, чтобъ онъ не могъ овладѣть слабою волею старика, а потому, что у послѣдняго были, если вѣрить воспоминаніямъ Панаева, совѣтники, ненавидѣвшіе Магницкаго и прежній образъ его дѣйствій. Магницкій, конечно, нисколько не уважалъ престарѣлаго министра; онъ обращался съ нимъ нагло и оскорбительно, разсчитывая на высокое покровительство Аракчеева, которому грубо льстилъ. Когда Шишковъ, выведенный изъ терпѣнія его нахальствомъ, потребовалъ, чтобъ Магницкій уѣхалъ къ мѣсту своего служенія, въ Казань, онъ уѣхалъ въ Грузино, къ всесильному Аракчееву, надѣясь, что тотъ удержитъ его; но Аракчеевъ, посовѣтовалъ ему ѣхать. Памятникомъ пребыванія его въ Грузинѣ осталась аллегорическая статья, подъ названіемъ „Сонъ въ Грузинѣ“ [1]), посвященная Аракчееву и исполненная неумѣренной лести. Магницкій распространялъ ее въ рукописи. Въ ней напыщеннымъ слогомъ онъ описываетъ архитектурныя и скульптурныя затѣи Аракчеева, выставляетъ на видъ его благочестіе, его преданность престолу, добродѣтели, государственный умъ, называетъ его Сюлліемъ, и расхваливаетъ его военныя поселенія, этотъ печальный памятникъ дѣятельности Аракчеева въ нашей исторіи.

„Первая мысль сего учрежденія, говоритъ Магницкій, была вдохновеніе, совершенно согласное съ великою судьбою христіанскаго міра“ [2]). Воротившись въ Казань, Магницкій снова явился тамъ диктаторомъ въ университетѣ. Тогда то онъ, послѣ публичныхъ экзаменовъ, обратился къ слушателямъ съ тою самохвальною рѣчью, о высокомъ совершенствѣ преобразованнаго имъ университета, отрывки которой мы приводили прежде. Эту рѣчь онъ напечаталъ тогда же, безъ вѣдома и разрѣшенія Шишкова. Въ Казани Магницкій пробылъ, однако,

---

[1]) Русск. Арх. 1863 г. стр. 842—849.

[2]) Ibidem, стр. 849.

недолго и по вызову Аракчеева въ концѣ ноября воротился въ Петербургъ. Но здѣсь ожидала его бѣда, которую онъ не могъ предвидѣть. Панаевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ [1]), что причиною окончательнаго паденія Магницкаго былъ доносъ, написанный имъ государю, доносъ, съ которымъ онъ нѣсколько разъ являлся къ Шишкову, о томъ, что великій князь Николай Павловичъ покровительствуетъ вреднымъ профессорамъ, выгнаннымъ Руничемъ изъ Петербургскаго университета и беретъ ихъ на службу въ подвѣдомственныя ему учебныя заведенія. Между тѣмъ, императоръ Александръ умеръ въ Таганрогѣ 19 ноября и доносъ Магницкаго, имъ подписанный, попалъ въ руки Николая Павловича. Слѣдствіемъ этого, по волѣ великаго князя, который вскорѣ сдѣлался императоромъ, была высылка Магницкаго въ Казань, высылка унизительная, въ сопровожденіи квартальнаго. Магницкій понялъ невозможность противодѣйствія; онъ не могъ разсчитывать на помощь Аракчеева, котораго не любилъ Николай, и покорился своей участи. Вскорѣ послѣдовала ревизія Казанскаго университета, ревизія дѣйствій Магницкаго.

Эта ревизія назначена была по Высочайшему повелѣнію; ея цѣлью было, какъ кажется, желаніе осудить Магницкаго, а ревизоромъ былъ назначенъ лично извѣстный новому государю генералъ Желтухинъ, изъ казанскихъ помѣщиковъ, проживавшій тогда въ отпуску въ Казани. Желтухинъ едва ли понималъ значеніе и содержаніе университетскаго образованія, едва ли и любилъ науку, но онъ отличался строгостью и исполнительностью, а потому Магницкій не могъ надѣяться на благопріятный исходъ ревизіи, тѣмъ болѣе, что большинство его подчиненныхъ въ университетѣ, отличавшееся раболѣпствомъ, тотчасъ же перекинулось въ другую сторону и измѣнило ему. Ревизія длилась мѣсяцъ. Въ отчетѣ о ней Желтухинъ рѣзко нападалъ на всю систему Магницкаго, которую тотъ такъ расхваливалъ. Въ университетѣ онъ нашелъ лицемѣріе и подъ маскою благочестія самые вредные пороки. Изъ числа 115 студентовъ въ 1826 году почти половина считалась порочными, а проступки, въ которыхъ они обвинялись, были: холодность въ дѣлахъ вѣры, нетрезвость, писаніе предосудительныхъ стиховъ на начальство и буйный характеръ. Число студентовъ уменьшалось, и Желтухинъ выставилъ общее недовольство казанскаго общества университетомъ. О наукѣ и преподаваніи онъ говорилъ мало въ отчетѣ, но зато много о безцеремонномъ обращеніи съ суммами, принадлежащими Казанскому университету. Это послужило къ самому сильному обвиненію Магницкаго. Напрасно прибѣгалъ онъ, по обычаю, для своего оправданія къ краснорѣчивымъ фра-

[1]) Вѣстн. Европы. 1867 г., т. IV, стр. 112.

замъ и реторикѣ; напрасно старался онъ выставить въ своихъ объясненіяхъ передъ министромъ невѣжество, пристрастіе, злобу ревизора, твердилъ, что онъ дѣлается жертвою противной партіи, враждебной существующему порядку, объяснялъ ненависть къ нему за его принципы благочестія и щедро разсыпалъ инсинуаціи, намеки и т. п. въ своихъ объясненіяхъ; напрасно обращался онъ къ самому государю въ письмахъ, полныхъ выраженія самой глубокой преданности и лести: ничего не помогло, и въ маѣ 1826 года Магницкій былъ уволенъ отъ должностей попечителя, члена главнаго правленія училищъ [1]), уволенъ безъ прошенія, вслѣдствіе неблагопріятныхъ результатовъ ревизіи. Магницкій оставленъ былъ въ Казани, подъ строгимъ наблюденіемъ губернатора; но онъ не успокоился. Разсказываютъ, что онъ посылалъ въ Петербургъ доносы за доносами, слѣдствіемъ которыхъ была высылка его изъ Казани съ фельдъегеремъ на житье въ Ревель подъ надзоръ полиціи [2]). Съ этого времени Магницкій, кажется, совсѣмъ долженъ былъ проститься съ своими честолюбивыми планами и надеждами, хотя жилъ долго; но за то, за неимѣніемъ практической служебной дѣятельности, онъ сталъ заниматься литературой. Въ Ревелѣ учитель русскаго языка Бюргеръ, перешедшій потомъ, кажется, подъ вліяніемъ Магницкаго, изъ лютеранства въ православіе, сталъ издавать журналъ, подъ названіемъ „Радуга“, посвященный вопросамъ исключительно нравственно-религіознымъ. Въ немъ принималъ дѣятельное участіе Магницкій подъ псевдонимомъ Простодумова. Содержаніе статей его, писанныхъ вообще знакомымъ намъ его слогомъ, витіеватымъ и восторженнымъ, заключалось въ нападеніяхъ съ религіозной точки зрѣнія на современное просвѣщеніе, науку и литературу, въ которыхъ онъ видитъ духъ невѣрія. Такимъ образомъ, Магницкій остался вѣренъ самому себѣ. Попрежнему рѣзко осуждалъ онъ нѣмецкую философію и науку, что было, какъ говорятъ, причиною цензурныхъ придирокъ къ журналу въ министерство Уварова, который давно имѣлъ свои счеты съ Магницкимъ. Въ 1834 году по ходатайству князя Голицына, передъ которымъ онъ былъ такъ много виноватъ въ прежніе годы и съ которымъ онъ теперь снова вступилъ въ переписку, Магницкій, жаловавшійся на ревельскій климатъ, вредный для его здоровья, былъ перемѣщенъ въ Одессу. Здѣсь встрѣтился онъ съ извѣстнымъ піэтистомъ Стурдзою, съ взглядами котораго на германскіе университеты послѣ войнъ за освобожденіе, мы знакомы. Съ Стурдзою Магницкій и прежде былъ друженъ, служа съ нимъ въ главномъ правленіи училищъ и раздѣляя его убѣжденія. Въ этомъ

[1]) Ѳеоктистовъ, Магницкій стр. 202—227.

[2]) Восп. Панаева Вѣстн. Евр. 1867 г., т. IV, стр. 120.

піэтистическомъ кружкѣ Магницкій жилъ до самой смерти, и Стурдза, питавшій къ нему глубокое уваженіе, оставилъ о своемъ другѣ самое восторженное воспоминаніе [1]). Разсказываютъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Магницкій отказался отъ всякаго мистицизма и обратился къ простой, не разсуждающей вѣрѣ, Köhlerglauben, по выраженію нѣмцевъ, или къ „мужицкой вѣрѣ", какъ онъ самъ ее называлъ [2]). Но мистическая закваска была, однако, сильна въ немъ, что видно изъ его „Взгляда на мірозданіе", гдѣ онъ излагаетъ свои мысли объ астрономіи [3]). Въ Одессѣ же въ 1838 году Магницкій встрѣтился съ своимъ старымъ товарищемъ и другомъ Сперанскимъ, который пріѣхалъ туда съ Наслѣдникомъ. Это было за годъ до смерти Сперанскаго и было послѣднимъ ихъ свиданіемъ. Магницкій, узнавъ о пріѣздѣ Сперанскаго, самъ просилъ позволенія явиться къ нему. По смерти Сперанскаго онъ написалъ „Думу на гробѣ его" (небольшая біографическая статья), въ которой вспоминаетъ о сорокалѣтней дружбѣ своей съ покойнымъ [4]). Вообще, въ послѣдніе годы своей жизни Магницкій, безъ сомнѣнія, только отъ бездѣятельности, брался за разные мелкіе литературные труды, переводы, критическія статьи, часть которыхъ оставалась въ рукописи, но во всемъ этомъ не было литературнаго достоинства, и только Стурдза могъ восторженно отзываться о достоинствѣ сочиненій своего друга. Но и здѣсь, въ Одессѣ, незадолго до смерти, когда, казалось бы, жизненные опыты могли научить Магницкаго, когда онъ думалъ только о молитвѣ и говорилъ о смерти и загробной жизни, съ нимъ снова произошла непріятность, которою онъ обязанъ былъ своему неугомонному характеру. Новороссійскимъ краемъ управлялъ извѣстный Воронцовъ. Магницкій былъ сначала близокъ къ нему, даже посвятилъ ему свое сочиненіе „Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности" для чиновниковъ, поступающихъ на службу [5]), но потомъ, по старой привычкѣ, вздумалъ написать на Воронцова доносъ, за что и былъ высланъ на нѣкоторое время въ Херсонъ. Біографъ его Стурдза [6]) говоритъ, что эта высылка была причиною развитія болѣзни, которая свела его въ могилу. Онъ умеръ 21 ноября 1844 г. въ Одессѣ и этими немногими свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ человѣка, надѣлавшаго когда-то столько шума въ исторіи нашего образованія, знаменитаго проповѣдника обскурантизма in

---

[1]) Русск. Арх. 1868 г., стр. 926—938.
[2]) Ibidem 1867, стр. 1697.
[3]) Москвитянинъ, 1848 г., XI, стр. 133—141.
[4]) Ibidem, VI, стр. 480—489.
[5]) М. 1835 г.
[6]) Русск. Арх. 1867 г. стр. 926—938.

majorem Dei gloriam—по техническому выраженію іезуитовъ, мы оканчиваемъ изложеніе той мрачной реакціи, которая наполнила собою вторую половину царствованія Александра, столь непохожую на первую. Реакція эта, какъ мы уже не разъ говорили, не имѣла никакихъ правъ существованія на исторической почвѣ нашего развитія; она—явленіе заносное у насъ, заимствованное изъ Европы; она сражалась у насъ съ призраками, существовавшими въ воображеніи нашихъ консерваторовъ, а не въ дѣйствительности, и тѣмъ грустнѣе еще и печальнѣе это явленіе. Все, чему радовалось общество въ началѣ вѣка, въ началѣ царствованія, всѣ эти стремленія къ реформамъ, къ пробужденію умственной жизни, все это было задавлено теперь и передъ нами разстилалась бы пустыня, потому что сама реакція была безплодна, если бъ рядомъ съ нею, въ глухой и, къ сожалѣнію, неравной борьбѣ, не зрѣли сѣмена лучшаго, болѣе свободнаго развитія; этимъ мы обязаны были также Западной Европѣ и нашему участію въ судьбахъ ея, въ войнахъ, за которыми слѣдовало паденіе Наполеона и освобожденіе Европы. Начиная съ 1815 года, когда лучшіе представители нашего общества въ самой Европѣ болѣе или менѣе непосредственно познакомились съ ея умственнымъ развитіемъ, начинается у насъ движеніе такъ называемаго либерализма, которое постепенно усиливается въ нашемъ образованномъ обществѣ. Реакція наша была не въ силахъ пріостановить это движеніе, она, можетъ только извратила его, придавъ впослѣдствіи русскому либерализму рѣзкій практическій характеръ. Кругомъ этихъ людей, которые выросли подъ вліяніемъ умственной и политической жизни Европы, лежала такая безотрадная, гнетущая дѣйствительность, что они должны были относиться къ ней съ глубокимъ негодованіемъ. Понятно, что при невозможности существованія законной практической дѣятельности, ихъ патріотическое чувство искало выхода въ слишкомъ идеальныхъ, чуждыхъ дѣйствительности, стремленіяхъ, за что большинство изъ нихъ и поплатилось тяжело. Планы преобразованій и новаго общественнаго устройства, которое казалось такъ необходимо имъ, развитымъ людямъ, исполненнымъ мечтательною любовью къ отечеству, они за невозможностью гласнаго обсужденія дѣла, пытались выработать въ тайныхъ обществахъ, составляющихъ также характерную черту начала двадцатыхъ годовъ нашей исторіи. Положительно можно утверждать, что реакція привела у насъ къ образованію тайныхъ обществъ, что она виновата въ нихъ. Но если политическая сторона нашего тогдашняго либерализма невольно увлекала людей въ тайныя общества, то съ другой стороны на почвѣ того же либерализма, съ которымъ соединилось теперь движеніе европейскаго романтизма, мы увидимъ возникновеніе болѣе свѣтлыхъ литературныхъ явленій, изъ которыхъ многія составляютъ

гордость народную. Поэтическій талантъ Пушкина первоначально выросъ подъ вліяніями этого же либерализма. Рядомъ съ нимъ мы видимъ и другіе таланты, которые ведутъ нашу литературу все дальше и дальше, завоевывая ей болѣе глубокое содержаніе. Правда литературѣ этой приходилось тяжело въ борьбѣ съ реакціонною цензурою и преслѣдованіями разнаго рода, но она дѣлала свое дѣло и становилась годъ отъ году и богаче содержаніемъ и независимѣе.

Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Очеркахъ по исторіи русской литературы.

Аксаковъ 138, 162.
Анастасевичъ 538.
Ангальтъ 202.
Аракчеевъ 155, 174, 213, 528, 611, 673, 683, 691, 703.
Арсеньевъ 654, 656, 657
Аѳанасьевъ 196.

Багратіонъ 170.
Баккаревичъ 64, 65.
Бантышъ-Каменскій 119, 197
Бардовскій 231.
Бартеневъ 353.
Батюшковъ 91, 151, 216, 266, 462—507, 510, 517, 529.
Беницкій 477.
Бецкій 42.
Блудовъ 151, 514, 516, 521.
Бобринскій, гр., 41.
Богдановичъ 18, 27, 36, 168, 169, 173, 197, 387.
Борнъ, 85.
Брусиловъ 101.
Бѣлинскій 463, 554, 574.

Варенцовъ 102.
Вигель 8, 163, 173, 174, 235, 264, 363, 390, 513, 517, 521, 546.
Воейковъ 119, 217, 344, 444, 453, 553.
Воронцовъ, гр. 26, 706.
Востоковъ 84.
Вяземскій, кн. 151, 241, 251, 258, 513, 661.
Вязьмитиновъ 660.

Галаховъ 77, 147, 247, 559, 562, 564, 655
Гамалѣя 312.
Гервинусъ 51, 368, 410.
Германъ 654, 656.
Глинка 193, 199—218, 236, 242, 260, 261, 382, 662
Гнѣдичъ 234, 474, 475, 543—58.
Гоголь 152.
Голенищевъ-Кутузовъ 119.
Голицынъ, кн. 617—620, 625, 637, 656, 658, 666, 672, 673, 675, 676, 677, 678, 679, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 705.
Городчаниновъ 138, 648.
Госнеръ 685, 686, 687, 688, 689, 690, 693.
Гречъ 176, 241, 384, 655, 685.
Гротъ 159, 245, 253, 274.
де-Гуровъ 623.

Дашкова, кн. 186, 209.
Дашковъ 216, 221—225, 228, 229, 266, 514, 515.
Делакроа 176.
Державинъ 8, 9, 60, 118, 124, 131, 139, 153 — 162, 233, 234, 236, 245, 258, 402, 467, 550.
Дмитріевъ, И. И. 117, 131, 139—153, 161, 289, 460, 467, 531.
Дмитріевъ, М. А. 112.
Дюмонъ 94.

Евгеній, митроп. 34, 44, 375.
Ермоловъ 8.
Ешевскій 330.

Желтухинъ 648, 704.
Жихаревъ 162, 167, 168, 169, 184, 232, 236, 239, 250, 253, 254, 546, 549.
Жуковскій 151, 152, 157, 166, 411—462, 510, 511, 512, 513, 515, 517, 518, 519, 531, 660.

Завадовскій 33, 34, 38, 41, 65.
Зейдлицъ 414, 420, 440, 444, 454

Измайловъ 101, 110—117, 504, 505, 532, 568—587.
Ильинъ 116, 117.
Иннокентій, еп. 681, 682, 698.

Кавелинъ 520, 554, 555.
Калбасинъ 564.
Каменевъ 84.
Карабановъ 241, 242, 269.
Карамзинъ 60, 66—80, 109, 126, 127, 129, 130, 133, 137, 138, 142, 148, 184, 195, 271—300, 312, 417, 435, 457, 503, 504, 505, 510, 621, 634, 657, 658, 660, 662, 671, 694.
Каринъ 204.
Качеповскій 133, 135, 231, 426.
Кашпиревъ 187.
Клингеръ, 37, 40.
Княжнинъ 203.
Ковалевскій 266.
Ковальковъ 338, 339, 340, 341.
Козлятевъ 142.
Колокольниковъ 345, 347.
Комаровскій 8.
Константинъ, Вел. Кн. 23, 273.
Корфъ, бар., 10, 198, 199, 287, 295, 299, 629, 633, 668.
Котельниковъ 691.
Кочубей, кн., 10, 28, 29, 64, 65, 150.
Красовскій 662.
Крыловъ 235, 237—240, 403—7.
Крюковскій 269.
Кутузовъ 119, 203, 386.

Лабзинъ 354—61, 375, 666, 667, 673, 675, 680.
Лагарпъ 12—19, 32, 37.
Лажечниковъ 647.
Левицкій 130.
Лонгиновъ 312, 343, 354, 517.
Ломоносовъ 42, 134.
Лопухинъ 301, 310, 313—338, 339, 341, 344, 345, 347, 349, 353.
Лубяновскій 370.

Магницкій 305, 621, 623, 626—657, 663, 664, 668, 669, 670, 671, 673, 684, 685, 686, 699, 702—6.
Макаровъ 102—8, 131, 132, 133, 135, 137.
Македонецъ 46.
Мартенъ-Сенъ 305, 314.
Мартыновъ 19, 39, 95—100, 466, 467, 546, 564.
Мацѣевичъ 342, 343.
Мейнерсъ 41, 45.
Мерзляковъ 197, 247, 253, 255.
де-Местръ, Жозефъ 14, 19, 28, 95, 169, 179, 273.
Меттернихъ, 610, 611, 623.
Мещевскій 518, 519
Милоновъ 223, 527—533.
Мойеръ 453.
Муравьевъ-Апостолъ, И. М. 506, 664, 690
Муравьевъ, М. И, 12, 13, 36—37, 46, 124, 465, 466.
Муравьевъ, Н., 506.
Мусинъ-Пушкинъ 124.

Наполеонъ 25, 29, 30, 32, 165, 166, 168, 172.
Нарышкинъ, Л. А., 203, 263.
Нарѣжный 561—67.
Невзоровъ 327, 336, 339, 343, 357, 701.
Николаи 367.
Никольскій 642, 647.
Новиковъ 300, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 312.
Новосильцевъ 28, 36, 37, 61, 173

Оленинъ 252, 551.
Озеровъ 240—269.
Озерецковскій 39, 62, 92.
Орлова, гр, 674, 675, 676.
Орловъ М. 516, 521, 523.
Осиповскій 46, 49.

Паленъ 67.
Панаевъ 162, 533, 686, 705.
Парни 466, 467
Парротъ 668, 669, 670.
Патерсонъ 592, 594.
Перевощиковъ 538.
Перхуровъ 168.
Песталоцци 113.
Петинъ 469, 489.
Плетневъ 532—543.
Плещеевъ 440.
Пнинъ 82—83, 85, 86—93
Погодинъ 119.
Подшиваловъ 414
Полевой 145, 152, 153.
Полторацкій 185.
Поповъ, Н, 539, 636.
Поповъ, В. М., 685, 690, 691.
Потемкинъ 42.
Потоцкій-Северинъ 37, 45, 48, 157, 159.
Протасовъ 11, 14.
Пушкинъ 56, 151, 175, 267, 411, 504, 516, 554, 692, 693.
Пыпинъ 287, 300, 590, 697.
Пятковскій 176

Радищевъ 58, 59, 84.
Разумовскій, гр., 401.
Растопчинъ 177—199, 208, 382, 383, 384, 385—392.
Раупахъ 655, 656.
Рижскій 46.
Розенкампфъ 294.
Румовскій 38, 47.
Румянцевъ, Н. П., 159.
Руничъ 621, 646, 653, 654, 655, 657, 658, 661, 664, 670, 685, 699.
Рылѣевъ, 159, 462.

Саблуковъ, 8, 23.
Салтыковъ, гр. С., 110.
Салтыковъ, кн. Н. И., 11.
Свербеевъ 389.
Серафимъ, митр, 73, 676, 684, 686, 691.
Смирновъ 680, 681, 682.
Сохацкій 414.
Сперанскій 31, 34, 158, 197, 198, 276, 289, 290, 294, 296, 337, 355, 383, 604, 612, 627, 629, 630, 631, 632, 634.
Станевичъ 682, 683, 698.
Строгановъ, гр. А. С., 551
Строгановъ, гр. П. А, 28—29, 31, 37
Стройновскій 195.
Стурдза 235, 256, 263, 614, 615, 705, 706
Суворовъ, 183, 192.
Сухомлиновъ 13, 38, 61, 63, 83, 176, 564, 566, 622, 628, 629, 655, 656, 661, 663, 671.
Сушковъ 196, 682.

Тихонравовъ 176, 184, 187, 191, 192, 195.
Тургеневъ, А., 151, 448, 449, 456, 524, 531, 659.
Тургеневъ, Н И., 299, 319, 516, 520, 521.

Уваровъ 449, 497, 498—500, 507, 552, 640, 654, 670, 671
Успенскій, Гавр., 47.

Форнгагенъ-фонъ-Энзе 389, 390, 391
Фесслеръ 604.
Филаретъ, митр., 681, 699, 700.
Фотій, арх., 355, 673, 674—684, 687, 691, 696, 701.
Фусъ 32, 42, 62, 664.

Хвостовъ, А. С., 124.
Хвостовъ, гр. Д. И., 108, 139.
Хомяковъ 318.

Чарторыйскій, Адамъ, 20, 21, 22, 28, 29, 30, 36, 37, 172, 173.

Шаликовъ, кн., 107, 108, 109, 110, 238.
Шаховской, А. А, 264—67, 508—10, 512, 514, 515.
Шварцъ 301, 356, 587, 604.
Шешковскій, 347.
Ширинскій-Шихматовъ, кн. А. П., 688.
Шишковъ 118 — 139, 188, 218 - 237, 245, 265, 382, 392—400, 510, 518, 658, 678, 680, 683, 688, 689, 690, 691, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 703.

Штейнъ 588.
Штиллингъ 336, 361—375.
Шторхъ 58.

Эккартсгаузенъ 327, 328, 361.

Якоби, братья, 367.
Яковкинъ, Илья, 47, 686.
Якубовичъ 212
Янковичъ-де-Мирьево 38, 42.

Ѳеоктистовъ 633, 639, 642, 651, 654, 670, 705.